

М. Н. ГУБОГЛО

ЯЗЫКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ

STUDIA HISTORICA

Михаил Губогло

ЯЗЫКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1998

ББК 63.52(2Рос)

Г 93

М. Н. Губогло

Г 93 Языки этнической мобилизации. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 816 с., 1 ил.

ISBN 5-7859-0065-3

Тематика произведений, включенных в предлагаемое издание, предопределена замыслом автора познакомить читателя с двумя направлениями исследований, осуществляемых в рамках этнографии-этнологии.

С одной стороны, в них анализируются объективные факторы, истоки, предпосылки и механизмы этнической мобилизации, показана неоднозначная, а порой и противоречивая роль элитной и творческой интеллигенции в использовании интегрирующей силы языка и других культурно-психологических явлений, символов, маркеров и мифов как в подъеме национального самосознания и в цементировании внутринациональной консолидации, так и в коррозии межнациональной солидарности.

С другой стороны, рассматриваются некоторые принципы и подходы в изучении двуязычия, этничности, идентичности и элементов этнической идентификации, благодаря которым становится возможным осмысление сущности и значимости этнической мобилизации, а также ее влияние на формирование этнополитической ситуации.

На контртитутле — картина Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» (Венский Художественно-исторический музей), ее описание см. на страницах 8-9.

ББК 63.52(2Рос)

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: irc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© М. Н. Губогло, 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения

Истоки и горизонты этнической мобилизации	11
---	----

Часть I. Язык, двуязычие, этничность

1. Интегрирующая функция языка	29
2. Языковые контакты и элементы этнической идентификации	45
3. К изучению двуязычия в истории народов мира	51
4. К изучению двуязычия в культурно-историческом аспекте	69
5. Современные этноязыковые процессы. (Опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения)	89
6. Двуязычие у национальных меньшинств Вьетнама: факторы распространения	113
7. Факторы и тенденции развития двуязычия русского населения, проживающего в союзных республиках	128
8. Как два крыла в полете	154

Часть II. Мобилизованный лингвизм

Введение	163
----------------	-----

Раздел 1. Языковая реформа

1.1. Соотношение структурной и функциональной сторон языка в документах языковой реформы	177
1.2. Триумфальное шествие языковой реформы, или из истории огосударствления языковой политики	191
1.3. Государственный язык. Сущность. Компетенция. Внедрение	200
1.4. Цели языкового законодательства	211
1.5. Языковые права и языковые обязанности	224
1.6. Идеология огосударствления языков	246
1.7. Русский язык. Проблемы понижающегося статуса	257
1.8. Призрачные перспективы языков национальных меньшинств	279
1.9. О соотношении внутриреспубликанских и межреспубликанских аспектов языковой реформы	298
1.10. Противоречивое наследие Союза. Свет и тени двуязычия	312

1.11. Правовые аспекты двуязычия в законах о языке (и языках)	324
1.12. Функции языковой реформы-89 г.	334
Заключение	352
<i>Раздел 2. Условия, механизмы, способы реализации языковых законов</i>	
Введение	355
2.1. Законодательные и исполнительные механизмы по реализации языковой реформы	359
2.2. Кто и как готовил законы языковой реформы	369
2.3. Порядок и этапы реализации законов языковой реформы (хронологический аспект)	392
2.4. Государственные программы по реализации языковой реформы (планово-организационный аспект)	406
2.5. Государственный язык и регулирование межнациональных отношений (этнополитический аспект языковой реформы)	414
2.6. Экономические аспекты языковой реформы	420
2.7. Вопросы обучения государственному языку (этнопедагогический аспект)	426
2.8. Вопросы научно-методического обеспечения языковой реформы	437
2.9. Оппозиция мобилизованного лингвизма	449
2.10. Запоздалое сопротивление Центра	454
2.11. Языковой режим и равноправие языков. Сферы взаимодействия и критерии баланса	458
2.12. Этнопсихологический аспект	463
Послесловие	468
Приложение. Этностатистическая панорама языков народов Советского Союза накануне его распада. Национальности, родные языки и свободное владение вторым (русским) языком. (По материалам переписи населения 1989 г.)	478

Часть III. Логика и психология мобилизованной этничности

1. Расскази, караван, рассказы... (О роли творческой интеллигенции в формировании национального самосознания)	485
2. Энергия памяти. (О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти)	497
2.1. Непрерывная связь поколений	497
2.2. Прости им, ибо не знают, что делают, или наступление на память	499
2.3. Контрнаступление... или борьба за память	505
2.4. Воскрешение памяти... или национальная проблематика в системе ассоциаций романа «И дольше века длится день»	515
2.5. Освобождение памяти или о судьбе исторической личности.....	517

2.6. Память и беспамятство родной земли	524
2.7. Вулканы памяти... или социальные и экологические беды нашего времени	529
2.8. В начале было Слово... или о роли языка в национальном возрождении	533
2.9. Обретение памяти... или о месте религии в воспроизводстве этничности	541
2.10. Трагический колодец памяти... или о беспамятстве личности	550
2.11. Противостояние этноциду... или неисчерпаемые ресурсы исторической памяти	552
2.12. Промахи в раскрепощении памяти	563
2.13. От художественного творчества к политической деятельности	577
2.14. Мобилизация памяти... или о положении русского и русскоязычного населения в ближайшем зарубежье	595
3. Сопротивление. К изучению национально-освободительного движения депортированных народов на примере крымских татар. (От истоков движения до середины 1980-х годов)	604

Часть IV. Принципы и факторы этнической мобилизации

1. Типология этнических сред при этносоциологическом изучении языковых процессов.	665
2. К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики	681
3. Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР	691
4. О задачах этнополитической антологии	711

Часть V. Формирование российской государственно-гражданской общности (РГГО)

1. Этногенетические портреты. Кто мы? Откуда? Какие мы?	729
2. Этностатистические портреты. Народы в таблицах или таблицы о народах?	734
3. Симбиоз этнической и гражданской идентичности	738

Примечания	767
-------------------------	-----

Авторский комментарий	807
------------------------------------	-----

Питер Брейгель. «Вавилонская башня»

Один из шедевров коллекции Венского Художественно-исторического музея — картина Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» — не случайно стал изобразительным эпиграфом предлагаемой книги. Башня, возведенная до небес гигантскими усилиями того муравейника, которому уподоблен на картине род людской (микроскопические фигурки строителей едва различимы на строительных лесах, лестницах, площадках, у подножия недостроенного гиганта, в его многоступенчатых ярусах и галереях), оказывается бессмысленным сооружением, практически непригодным для человеческого существования. Архитектурная идея амфитеатра, заимствованная из античной классики (интерес к которой был высоко развит у мастеров Возрождения), доведена здесь до абсурда. Римский Колизей, на который похожа башня Брейгеля своей общей центрической и ярусной композицией, был в высшей степени функционален. Его назначение было понятно, его трибуны окружали широким амфитеатром залитую светом арену... Здесь же бесконечные аркады, пронизывающие здание радиальными анфиладами, ведут к центру — в мрачную глубину, где нет ни света, ни воздуха. Одинаковые ячейки, вид которых открывается через недостроенные своды, подобны отсекам пчелиного улья или кельям гигантского монастыря, но во всех случаях, изолированные друг от друга толстыми глиняными стенами, заложенные глухими арками, почти лишённые света, они не могут служить ни для общения, ни для единения людей.

В этом умопомрачительном доме невозможно жить, в этом храме невозможно молиться, в этой крепости не найти защиты ни от Божьей кары, ни от врага, ни от иноязычного соседа, ни от суда собственной совести.

Библейские и добиблейские легенды о Вавилонской башне, вавилонском столпотворении и наказании Божьем за второе грехопадение волновали не одно поколение мыслителей и художников. Обольщенные хитрым змеем, Адам и Ева вкусили запретный плод, за что все человечество понесло суровое наказание. Мужчинам досталось добывать хлеб насущный «трудом в поте лица» («со скорбию будешь питаться... во все дни жизни твоей»), а женщинам — в муках рожать детей («умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей»).

В отличие от первого, второе грехопадение было связано с непомерной гордыней людей, вознамерившихся бросить вызов Богу и с помощью Вавилонской башни, строительного чуда той эпохи добраться до самого неба. Ответом на это кощунственное самопревознесение человека стало смешение языков — вавилонское столпотворение. Лишившись общего языка, люди перестали понимать друг друга, и громада Вавилонской башни осталась недостроенной. Однако за этим первоначальным смыслом в контексте Священного Писания кроется еще один, внутренний, философский, смысл.

Человечество было наказано не многоязычием, так как сколько бы оно ни стремилось нивелировать различия между народами и языками и культурами, эти различия навсегда останутся фактором этнической

истории и этнической картины мира. Наказание последовало, как осознал в свое время Н. С. Трубецкой, за попытки построения Вавилонской башни, олицетворяющей не только самоуверенное восхождение к Богу, но и к единой, общечеловеческой культуре, лишенной индивидуальных национальных признаков и вследствие этого чрезвычайно односторонней, бесплодной и бездуховной. Смешение языков человечества стало предпосылкой и прообразом национального раздробления и существования такого этнокультурного плюрализма, когда на одной и той же территории, в одной и той же стране, городе, поселке стали жить люди разных национальностей, порой не понимая друг друга.

Смысловая нагрузка библейской легенды содержала признание того, что чрезмерная до безбожности технологизация общества может легко довести до высокой степени сумасшествия, подобной замыслу воздвижения Вавилонской башни. В какой корреляции находилось это коллективное помешательство с библейской версией генетической однородности человечества («На всей земле был один язык и одно наречие»), с ее новой, предпринятой в научном коммунизме, парадигмой («слияние наций») или, наконец, национальной политикой, ориентированной на конструктивизм и инструментализм и ведущей к такой общечеловеческой культуре, в которой не останется места для развития национальных культур отдельных народов, — это особая тема для размышлений.

Справедливости же ради надо признать, что этнокультурный плюрализм, демонстрируя духовное и творческое богатство человечества, вместе с тем действительно вносит некоторые ограничения в межэтнические и межгосударственные контакты. Тем более высокой становится цена таким механизмам, как, например, двуязычие, позволяющим преодолевать барьеры, воздвигнутые многообразием национальных культур. Поэтому позволительно выделить еще одну смысловую парадигму Вавилонской башни в альтернативной форме: или человечество остается этнически разделенным, а башня — недостроенной, или же люди находят общий язык, например, *lingua franca*, и тогда строительство башни продолжается. Многослойность и многозначность ассоциаций, вызванных гениальным произведением искусства, позволяет нам языковую, а вместе с нею и этническую проблематику, с которой теснейшим образом связана философская символика притчи о строительстве Вавилонской башни, соотнести с более широким социальным контекстом, задаться вопросом, достижимы ли были высокие цели давних и поздних социальных экспериментов, в том числе на почве этнического предпринимательства? Насколько помогало взаимопонимание и согласие — племенам, народам, человеческим индивидуумам? Какие бездны отчуждения открывались перед теми, для кого «другой язык» становился синонимом «другого» мышления, «других» целей, «другой» системы ценностей, девиантным знаком общественной несовместимости? Как сильно значимо это и в наши дни, когда с политической сцены сходят великие державы, не совладавшие со своим этническим фактором!

Светлой памяти моих родителей
Димитры Степановны
и Николая Петровича
посвящается

Вместо введения

ИСТОКИ И ГОРИЗОНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Сегодня, на исходе уходящего века, когда до начала третьего тысячелетия остается немногим более одного года, мало кто сомневается в том, что этнический фактор сыграл выдающуюся роль в XX столетии, в том числе в деле распада таких многонациональных государств, как досоветская Россия, СССР, Чехословакия, Югославия, или, напротив, в деле воссоединения этнически разорванных Вьетнама и Германии. В итоге произошли серьезные, поистине тектонические сдвиги, изменившие как политическую карту мира, так и предметную область ряда гуманитарных дисциплин, и прежде всего этнологии, как науки, изучающей народы мира. И как бы профессионалы — этнографы и этнологи — ни стремились сдерживать и ограничивать интервенцию политической проблематики в ее предметную область, этнология сегодня воспринимается наукой крайне необходимой обществу и государству. При этом подпитка органов управления этнической информацией является далеко не единственной, хотя и, увы, одной из более или менее оплачиваемых функций в условиях перехода к рыночной экономике. Надо лишь отдавать себе отчет и хорошо понимать, что, во-первых, расходы на ее развитие берет на себя не бюрократия и чиновничество, а налогоплательщики, а во-вторых, в новейших этнополитических стратегиях должен иметь место последовательный переход от навыков «потребления этнической информации» к навыкам «ставить и решать задачи», уважая при этом право каждой этнической общности самой определять, какие именно задачи являются для нее приоритетными.

Одной из ключевых тем для этнологии на рубеже тысячелетий становится проблематика, связанная с этнической мобилизацией и мобилизованной этничностью. Сколько-нибудь удовлетворительной концепции мобилизованной этничности пока не существует. Очень медленно и

противоречиво складываются представления о сущности этнической мобилизации, о ее движущих силах и формах проявления, о ее роли в процессах демократизации и модернизации.

Взятый на вооружение отдельными исследователями (В. А. Тишков, С. М. Червонная, Л. М. Дробижева) концепт «этнические предприниматели» встречает сопротивление со стороны ученых, близких к кругам этнической и политической элиты в республиках. Разброс мнений весьма широк: от понимания этнической мобилизации как стратегии самовыживания и самосохранения этнической общности и ее этнокультурной и этноязыковой самобытности до радикализованной борьбы этнических лидеров и элит за создание моноэтнической государственности согласно бесхитростной парадигме: одна этническая общность — одно государство, под лозунгами: «Грузия для грузин!», «Латвия — для латышей!», «Молдова — для молдаван!»

И хотя именно этническая мобилизация актуализировалась до уровня фактора, меняющего политическую карту мира, до сих пор нет сколько-нибудь убедительной теории или концепции этого феномена. В лучшем случае можно опираться на отдельные высказывания, фрагментарные комментарии или отрывочные результаты этносоциологических исследований.

Предлагаемая книга, ее вызывающим названием, призвана сыграть катализирующую роль, так как предполагает скорее постановку новых вопросов, связанных с природой этнической мобилизации, нежели попытку найти ответы на них.

Главная цель книги заключается в том, чтобы показать, что еще задолго до распада Союза в лоне этнографии появились интересные, хотя и невероятно трудные вопросы, актуальность которых уже в первые постсоветские годы стала особенно очевидной и востребованной. Иными словами, взглянемся в результаты этносоциологических исследований и увидим, что истоки изучения этнической мобилизации легко обнаруживаются там, в 60—70-х годах XX столетия, где зарождалась этносоциология, этнопсихология, социальная этнолингвистика, в то время как горизонты подобных исследований простираются уже в следующее тысячелетие.

Это было время, когда у специалистов по социальной и этнической истории народов обострилось чувство неудовлетворенности концептуально-попятным оснащением и инструментально-методическим аппаратом тогдашней этнографии, модернизацию которой блокировали как ее собственные сильные и глубокие традиции, так и проникающие всюду идеологические скрепы.

Уже со времен хрущевской «оттепели» этнический фактор начал давать о себе знать настолько сильно, что в обществе возникло некое беспокойство и стал формироваться социальный заказ на более глубокое понимание сущности и содержания современных этнических процессов.

Даже в глухие времена брежневского развитого социализма, когда по велению сверху считалось, что национальный вопрос в Советском Союзе решен окончательно, с юбилейной трибуны Всесоюзной конференции, посвященной 50-летию СССР, наперекор официозу прозвучал трезвый голос академика М. П. Кима: «национальный вопрос... будет стоять вечно!» И этнографам, находящимся в те времена на обочине политической ситуации, в силу специфики их предметной области, несколько легче, чем их коллегам по смежным нишам исторической и философской науки, перейти к выполнению социальных заказов вместо социальных приказов.

Речь идет прежде всего о круге проблем, связанных с этничностью, элементами этнической идентификации и двойственной ролью языка и двуязычия во внутриэтнической консолидации и в межэтнической солидарности. Предложенные в этнографических и этносоциологических трудах 70—80-х годов идеи о смещении этнической специфики с материальной в духовную сферу (Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева), об информационной модели этноса, этничности и интерэтничности культуры (С. А. Арутюнов), об этнической стратификации и принципиальной роли социальных структур этнических общностей и этнической вариативности социальной структуры советского общества (Ю. В. Арутюнян), об этнофоре и компонентном строении этноса (В. В. Пименов), об этничности, двуязычии, элементах этнической идентификации и интегрирующей роли языка (М. Н. Губогло) и ряд других засвидетельствовали неудовлетворенность сложившейся концептуально-терминологической традицией и необходимость поисков новых подходов в изучении сущности этнических явлений и межэтнических взаимодействий. В конечном счете это были тогдашние ответы этнографов и этносоциологов на сегодняшние и завтрашние этнополитические вызовы. Всем им был присущ дух поиска и надежд.

Именно в эти и в последующие постсоветские годы были написаны большинство работ, включенных в данную книгу, сквозная тематика которой — языки этнической мобилизации — и стала ее названием. Они охватывают четвертьвековой период с 1971 г., когда были подготовлены и прочитаны доклады об элементах этнической идентификации, об интегрирующей функции языка, до апреля 1998 г.,

когда в г. Оренбурге состоялся доклад об этнической и гражданской идентичности на выездном заседании Президиума Ассоциации этнологов и антропологов России.

Все остальные работы, написанные или исполненные между этими двумя докладами, в том числе одна книга в виде монографии и другая в виде учебного пособия, в той или иной мере связаны с идеями идентификации идентичности, роли исторической памяти, языка и двуязычия, мобилизованного лингвизма в этнокультурной истории и в этнополитических процессах. При этом выдающаяся роль языка в процессах этнической мобилизации отражена в композиционной структуре книги. Ее первые две части посвящены языку, языковым контактам, двуязычию, в том числе в истории народов мира и в перетягивании каната между Москвой и бывшими союзными республиками на закате существования Советского Союза. При этом особое внимание уделяется теории и истории мобилизованного лингвизма, представляющего собой идеологию, практику и этнополитическую деятельность, направленные на создание национальной государственности с помощью предварительного утверждения статуса государственного языка как основы национального возрождения, а также проведения кадровой политики, ведущей к установлению этно-монополии во власти.

Развал Советского Союза начался с мобилизованного лингвизма, благодаря которому языки титульных национальностей были возведены в статус государственных языков, практически заблокировали доступ представителей нетитульного населения в кабинеты власти и содействовали достижению трех результатов: форсированной неокоренизации аппаратов управления, становлению этнократических режимов в бывших союзных республиках и, наконец, распаду Союза. Принимая во внимание эту логику коллективных действий, можно было бы предположить, что противодействие дезинтеграционным процессам и нейтрализация угроз внутригосударственному единству каждой из многонациональных постсоветских стран должны начаться с демобилизации (в смысле — размобилизации) мобилизованного лингвизма, т. е. с либерализации языковых режимов путем перехода от официального одноязычия к официальному двуязычию. В этом случае можно было бы, например, надеяться, что введение официального двуязычия в Республике Молдова путем придания русскому языку статуса государственного языка наряду с молдавским, оказалось более продуктивным, чем утомительные и бесполезные переговоры между элитами Кишинева и Тирасполя, когда каждая сторона прекрасно видит свет в конце тоннеля, но не спешит идти ему навстречу. Бог

смешал языки народов, чтобы люди перестали понимать друг друга. Но люди придумали двуязычие и преодолели наказание Божье. При вдумчивом анализе ситуаций, подобным Приднестровским, создается впечатление, что эту истину понимают далеко не все политики. Иначе чем можно объяснить то упорное стремление, с которым в некоторых республиках Российской Федерации принимаются законы, дающие языковые преимущества лицам одной национальности, как правило, титульной, для «хождения во власть», для занятия кабинетов на Олимпе государственной власти.

В более откровенной форме, часто доходящей до радикализма, требуют приоритеты для «своей» нации лидеры национальных и проэтнических движений, общественных объединений и организаций, партий и обществ. При этом программные документы некоторых из них не отличаются логикой, не блещут мастерством или глубокой аргументацией. Так, например, в «Программе» Исламской демократической партии Татарстана (ИДПТ) в одном случае решительно отвергаются «любые привилегии в распределении материальных благ в сфере социальных услуг», а в другом, тут же рядом, буквально в соседнем абзаце того же самого документа говорится о необходимости «осуществить неотложные меры по обеспечению коренного (т. е. татарского. — М. Г.) населения республики жильем, работой, детскими садами и другими услугами инфраструктуры» (Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника / Автор-составитель Д. М. Исхаков; Под ред. М. Н. Губогло. Т. III. С. 259).

Неадекватное понимание угроз мобилизованного лингвизма уже сегодня «развело» республики Российской Федерации по разные стороны этнополитической линии. В одних республиках, как, например, в Башкортостане, избирательное законодательство и закон о Президенте утверждают норму, согласно которой Президент страны должен свободно владеть языком титульной национальности. В то же время, как показали представительные этносоциологические опросы, именно этой «нормы» во время парламентских выборов в 1993 г. придерживались лишь 49,5% татар и 46,3% русских в городах Башкортостана, в 1995 г. — соответственно — 45,4% и 48,2%. Если же принять во внимание, что русскоязычное население этой республики не владеет башкирским языком, то требование закона владеть башкирским языком на практике означает требование от кандидата в президенты этой республики быть башкиром по своей национальной принадлежности. Между тем те же самые этносоциологические опросы выявили, что с подобной точкой зрения («чтобы Президент был башкиром по

национальности») в 1995 г. не были согласны 22,0% башкир, 69,3% татар, 74,6% русских и 74,1% представителей всех остальных национальностей, проживающих в городах Башкортостана. В других республиках, как, например, в Республике Марий Эл, Чувашии и Адыгее, языковые ограничения для претендентов на высший государственный пост снимаются в одном случае в законодательном, в другом — в судебном порядке: с помощью Верховного Суда Республики в Чувашии и решением Верховного Суда России — в Адыгее.

Две другие части книги (III и IV) составлены из произведений, в которых отражена роль творческой интеллигенции и художественной литературы в воспитании и в подъеме национального самосознания, без которого этническая мобилизация вряд ли может рассчитывать на какие-либо стратегические достижения.

Особенно характерен в этом отношении пример этнической мобилизации гагаузов, закончившийся принятием в декабре 1994 г. Закона «Об особом правовом статусе Гагаузии («Гагауз-Ери»), согласно которому гагаузы обрели территориальную автономию в рамках Республики Молдова. Путь к этнонациональному самоопределению оказался весьма трудным, едва не закончившимся трагедией осенью 1990 г., когда бывший премьер Мирча Друк повел своих волонтеров покорять Гагаузию. Подобно роману Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» роман Диониса Танасогло «Узун Керван» сыграл большую роль в подъеме национального самосознания. Закон, ставший ответом на вызовы этнической мобилизации гагаузов, сыграл позитивную роль не только в самосознании этого народа, в стабилизации этнополитической обстановки, но и открыл Республике Молдова двери в Совет Европы и в Сообщество цивилизованных европейских государств. Наряду с языком, в этнической мобилизации, в складывании той или иной (миролюбивой или конфликтной) атмосферы в межнациональных и межъязыковых отношениях немалую роль играет демографический фактор.

Это стало ясным еще на заре развертывания первых этносоциологических исследований, когда потребовался строгий учет численного соотношения контактирующих народов, что и привело к созданию серии работ, раскрывающих роль расселения в этноязыковых и этнопсихологических процессах. Одна из таких работ написана еще в 1978 г. и посвящена типологии этнических сред, без учета которой сегодня трудно себе представить грамотные выборки опросов, адекватно репрезентирующие в общественном мнении национальные интересы и межнациональные отношения. В двух других статьях рассматриваются место и роль национальных меньшинств (на примере СССР и Юго-Вос-

точной Европы) в системе межнациональных отношений в парадигме «меньшинство — большинство».

И, наконец, в последней части данной книги, наряду с краткими статьями об этногенезе народов и о роли численности в создании этностатистических портретов народов, помещена работа, в которой рассматриваются коллизии, возникающие при обретении и функционировании (идентификации) этнической и гражданской идентичностей.

Переход от советского общества к демократии и построение гражданского общества предполагает преодоление ряда новых противоречий во взаимоотношениях между государством и народами. Одной из ключевых является задача освобождения государства и его структур от чрезмерной перегрузки этническим фактором и передача некоторых его функций и полномочий регионам, новым общественным и гражданским движениям и структурам, самоопределяющимся народам.

Законы некоторых постсоветских стран, в том числе Закон Российской Федерации от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии», Закон Украины от 25 июня 1992 г. «О национальных меньшинствах в Украине», Закон Республики Молдова от 24 декабря 1996 г. «О правовом статусе Гагауз-Ери — Гагаузии» и некоторые другие, являются лишь первыми шагами на этом пути. Вместе с тем в условиях переходного времени эти законы отдают дань и государственному патернализму, без которого трудно становиться на ноги слабым в экономическом и политическом плане народам. По своему содержанию большинство работ, включенных в предлагаемую книгу, не выходит за рамки общего состояния современной этнологии, делающей первые шаги в деле объяснения уже состоявшихся социально-этнических конфликтов. Никто не станет оспаривать тот факт, что этнологи, как и другие специалисты, появились в зоне конфликтных событий, на месте происшествий в Узене и Ошской долине, в Сумгаите и Карабахе, в Абхазии и Приднестровье, не до того, а после того, как там произошли трагедии на межэтнической основе. И их работы носили скорее описательно-объяснительный, чем прогностически-конструктивный характер. А задача, как показывает опыт, состоит в том, чтобы перейти от описания и понимания к раскрытию сущности этнических ситуаций и вызванных ими этнополитических явлений, от научной любознательности к рыночной полезности. Не спасаться от вызовов мобилизованной этничности, а идти навстречу им — в этом видится долг этнологов.

Выявление и типологизация факторов и важнейших тенденций и процессов этнической мобилизации в республиках России и некоторых

странах ближнего зарубежья на двух уровнях — институциональном и личном — в нынешней ситуации представляется чрезвычайно важной задачей, так как в ходе противостояния реформационных и консервативных сил последовательно сокращается выбор вариантов общественного развития и возникает новая угроза перехода от более или менее выраженного курса демократического развития к авторитарному, лишаящему каких-либо надежд на утверждение прав и свобод граждан и народов. В первом случае (институциональном) речь идет о перераспределении полномочий и предметов ведения, о новых формах взаимоотношений между центром и периферией, в том числе между Федеральным Центром и суверенными республиками Российской Федерации, т. е. отношений, которые возникли и возникают в результате перераспределения полномочий в ходе реформационных процессов. В втором случае речь идет о переходе от многовековых тенденций коллективизма к индивидуализму, сопровождающемуся глубокими переменами в сознании, стереотипах, менталитете и в поведении людей. Анализ общего и особенного в процессах наполнения суверенизации республик России реальным содержанием, сил и факторов, способствующих демократизации, и сил, противодействующих ей, анализ расщепления советской идентичности на ряд новых идентичностей, по-новому определяющих положение и статус свободного человека, в том числе по линии его полиидентификации — национальной, языковой, конфессиональной, гражданской и культурной, — позволяет предложить гипотезу о предопределенности болезненного, поверхностного и вялотекущего характера реформирования и деинфантилизации нерешительными и некомпетентными действиями руководства, отсутствием доброкачественных идей, программ и лозунгов, усилением авторитарных тенденций, углубляющейся социально-имущественной дифференциацией на бедных и богатых, высокой концентрацией капитала, особенно в Москве, и вытеснением мелкого и среднего бизнеса, криминализацией и сращиванием криминальных и коррумпированных сфер. Сами реформаторы вину за провал реформ чаще всего пытаются свалить на консерваторов, на оппозицию и даже на отсталость народа. Этнополитические опросы позволяют предположить, что полнокровная суверенизация, не ущемляющая прав и свобод любой национальности, имеет больше шансов на успех, чем реформирование, осуществляемое в интересах одной, например, титульной, нации и не учитывающее интересов других национальностей, особенно национальных меньшинств. Важной составной частью этнической мобилизации является конституционное и законодательное утверждение правовых форм

оптимизации и регулирования отношений между народами и государством в различных сферах общественной жизни. Одновременно возникает задача систематического соотнесения нового правотворчества с реальными этнополитическими ситуациями, так как предлагаемые из Центра законопроекты не всегда отвечают этническим интересам различных групп населения, а новейшие конституции, принятые в 1993—1995 гг. в республиках России, не во всем и не всегда соответствуют действующей Конституции Российской Федерации.

Более того, порой обнаруживаются логические неувязки и внутренние противоречия в правовой основе, создаваемой в ходе суверенизации той или иной республики РФ. Так, например, согласно статье 11 Закона «О языках народов Республики Татарстан», принятого 8 июля 1992 г., в высших органах государственной власти и управления, в том числе на сессиях Верховного Совета Республики Татарстан, на заседаниях Президиума и постоянных комиссий, депутатам Республики Татарстан «предоставляется право выступать по их усмотрению на одном из государственных языков Республики Татарстан» (Суверенный Татарстан. Т. I. М., 1998. С. 52). Еще одна статья, 5 этого же закона, во-первых, «гарантирует гражданам Республики Татарстан осуществление основных политических, экономических, социальных и культурных прав вне зависимости от знания ими какого-либо языка», во-вторых, гарантирует, что «знание или незнание языка не может служить основанием для ограничения прав граждан Республики Татарстан» (с. 49). В то же время в Конституции Республики Татарстан, так же как и в некоторых других конституциях и уставах субъектов Российской Федерации, имеют место нормы, в той или иной мере ограничивающие активное или пассивное избирательное право граждан. Так, например, согласно статье 108, «Президентом Республики Татарстан может быть избран гражданин республики не моложе тридцати пяти и не старше шестидесяти пяти лет, обладающий избирательным правом, постоянно проживающий на территории Республики Татарстан не менее десяти лет и владеющий государственными языками Республики Татарстан» (Там же. С. 82). Налицо явное несоответствие норм, включенных в Закон о языке и в Конституцию. В первом случае использование языков мыслится альтернативно и излагается с помощью разделительного союза «или» (или татарский, или русский). Во втором случае (в Конституции) нет ни разделительного «или», ни соединительного «и», хотя, вне сомнения, речь идет о необходимости владения и тем и другим. Следовательно, по данной норме, татарин, не владеющий русским языком, и русский, не владеющий татарским языком, не

имеют права баллотироваться и быть избранными на пост Президента Республики Татарстан. Своим происхождением указанная норма восходит к программным документам Татарской партии национальной независимости «Иттифак». В ее «программе», принятой на съезде партии 13 апреля 1991 г., была четко изложена ее позиция: «Признание в Татарстане государственными двух языков — татарского и русского», — согласно этой позиции, — «означает возможность выбора между двумя языками для граждан, но не для должностных лиц. Должностное лицо обязано знать оба государственных языка» (Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. М., 1998. Т. III. С. 229).

Если же не будут приняты решительные меры по восстановлению татарского языка и по реализации «действительного двуязычия, означающего знание обоих языков, а не одного из них по выбору», то партия, согласно ее Резолюции «О государственных языках», заявляет, «что татарский народ имеет право в этих условиях поставить на повестку дня вопрос о возврате к лозунгу о татарском языке на территории Татарстана» (Там же. Т. III. С. 255).

Аналогичная ситуация, т. е. наличие нормы с требованием в обязательном порядке знать (владеть или свободно владеть) два языка, встречаются и в правовом поле некоторых других республик. Не случайно, в частности, в Конституционный Суд Российской Федерации поступили обращения Государственной Думы и заявления от лидеров общественных организаций и политических партий Бурятии, в которых выражено требование признать неконституционными нормы законодательства Башкортостана и Бурятии об обязательном знании кандидатами, претендующими на пост Президента этих Республик, двух языков: башкирского и русского в первом, бурятского и русского во втором случае.

Ответ на эти запросы не так прост, как может показаться с первого взгляда, так как затрагивает чрезвычайно тонкую этнополитическую материю и чрезвычайно острую языковую и кадровую политику. Ответственность членов Конституционного Суда очень велика, так как им приходится иметь дело как с мобилизованной этничностью, так и с чрезмерной ее политизацией. Во всяком случае, с юридической точки зрения, представитель Президента РФ в Конституционном Суде С. М. Шахрай не видит иных решений, кроме приведения конституционных норм субъектов Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации.

В переводе на общедоступный язык это означает, что все неконституционные ограничения избирательных прав граждан в республиканских законодательствах должны быть отменены. Реформа «в умах», т. е.

преодоление комплекса зависимости человека от тоталитарного государства, представляет собой более трудный процесс, чем модернизация экономики или политического устройства. Переход от принципов коллективизма к принципам индивидуализма блокируется укоренившимся в советский период приматом государства, общества и группы над личностью. Поэтому освобождение личности от страха и беспокойства, выдавливание из себя комплекса ничтожности обречены на поражение, если обретение свободы, т. е. установление свободы мысли и поступков, не будет происходить одновременно на разных уровнях от государства до этноса.

Изучение этничности, в том числе в ее мобилизованных формах, на Западе продвинуто больше, чем в России. Если согласиться с тем, что этничность в переводе с американской стандартной системы обозначения на русскую означает приблизительно то же самое, что и национальность, то можно выделить два уровня ее определения: личностное и групповое. В первом случае «под этничностью — количественно измеренными элементами (параметрами) этнической тождественности индивида со своим этносом — или интенсивностью этнической идентификации понимается реализация существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и объективно себя в ней реализует». Во втором случае, при рассмотрении этничности на групповом уровне, она может рассматриваться как особый, культурно-генетически самовоспроизводимый и самосохраняемый вид социальных отношений, воспринимаемый альтернативно или дополнительно к другим видам социальной организации, таким как, например, класс, государство, корпорация, каста и любые другие, не имеющие этнического свойства. Формирование и функционирование этничности (как этнической общности) не обязательно предполагает наличие каких-либо сформулированных целей и задач. Вместе с тем история национальных движений свидетельствует о том, что некие совокупности людей могут объединяться на основе одной и той же этничности (на личностном уровне), разрабатывать программы, уставы, провозглашать общие цели, интересы и задачи, принимать участие в политической деятельности, вступать в контакты (как в кооперацию, так и в конфронтацию) с правительственными структурами, а также с другими общественными объединениями (групповая этничность). Этничность, организованную в поисках общих целей, уместно назвать мобилизованной этничностью. Этническими индикаторами или маркерами, используемыми в качестве символов групповой идентификации, могут

выступать язык, религия, наследие предков, самобытные песни, легенды, элементы материальной культуры, мифологизированные представления о генетически общем происхождении или наличии исконной (исторической) земли обитания или этнического формирования. Наряду с перечисленными реалиями или символами, мобилизация этничности может подпитываться оппозиционностью «мы—они» и конкуренцией в рамках одного и того же государства. Мобилизованная этничность может проявлять себя как политическая организация со специально разработанной политической стратегией, с вполне прагматической целью расширить доступ для носителей своей «этничности» к естественным ресурсам, источникам материальных, социальных и духовных благ, контролируемых неэтническими, например, государственными, структурами. Предельные цели мобилизованной этничности или, говоря другими словами, ее горизонты простираются до создания моноэтнического государства, или же государства, где руководителям и участникам мобилизации и консолидации по этническому принципу будет обеспечен приоритет над представителями остальных этнических общностей, не играющих в одни ворота с этническими мобилизаторами данной этнической общности.

Наглядным примером может служить Программа Татарской партии национальной независимости (ТПНН) «Иттифак», в которой ее лидеры исходят из того, что все этнические общности должны становиться нацией, а затем государством, поэтому выдвигают следующие задачи: «восстановление государственной независимости татарского народа», «реализация неотъемлемых прав татарского народа как субъекта международного права», введение института гражданства, утверждение татарского языка единственным государственным языком, «моральное осуждение заключения межнациональных браков, являющихся «средством маргинализации и односторонней ассимиляции и, следовательно, обкрадывания генофонда нации».

Среди трех течений современной этнологической мысли — примордиализма, конструктивизма и инструментализма мобилизованная этничность как научная и практическая проблема занимает центральное место в двух последних. И в каждом случае остается открытым вопрос о том, что ближе гуманистической демократии и гражданскому обществу: «принцип межэтнической солидарности» или принцип внутриэтнической консолидации».

Последовательное смещение акцента с межнациональной солидарности на внутринациональную консолидацию само по себе могло бы иметь некоторый позитивный смысл в том случае, если бы политики опирались

на стратегии строгой сбалансированности процессов консолидации и солидарности. В случае же отказа от наработок, идущих от всестороннего анализа этноязыковых и этнополитических ситуаций и глубокого понимания взаимосвязи языка и культуры, политики и психологии, Россию ждет очередной виток нестабильности в межэтнических отношениях. Ничего хорошего это не сулит. Разве только еще одно столпотворение. Возвращаясь снова к найденному для этой книги изобразительному эпиграфу, можно лишь удивляться тому, какие глубокие смысловые параллели и символическое созвучие обнаруживаются у недостроенной башни с нашим временем, как, впрочем и с другими важнейшими эпохами этногенетической и этноязыковой истории человечества.

Гениальная интуиция художника позволила ему выявить алгоритм вечного несоответствия между блистательным общественным идеалом и реальными границами человеческих возможностей.

Трагедия общества, увлеченного изначально неосуществимой, напрасной, обреченной идеей, тем больше, чем крупнее массив уже вложенных в строительство усилий, чем солиднее основание, чем выше уже возведенная до облаков конструкция, которая опасно не считается с естественными силами природы.

«Вавилонская башня» Брейгеля покоится на мощном, как нерушимая скала, фундаменте. Массивная ширина подиума, казалось бы, должна гарантировать нерушимую прочность сооружения. Собрана какая-то гигантская система лебедок, трансмиссий, почти фантастическая для своего времени техника. Левая сторона башни, освещенная солнцем, доведена до глянцевого отделки фасада, и может создаться впечатление, что все уже почти готово, замысел почти воплощен в действительность и уже «нынешнее поколение этих людей будет жить...» Где, при каком моноэтническом государстве? При каком таком коммунизме?..

По библейской легенде остановленное (из-за того, что люди, наказанные многоязычием, перестали понимать друг друга), на картине Брейгеля, однако, слабо пульсирующее, вяло продолжающееся строительство производит впечатление тотального разрушения, неотвратимой катастрофы. Кто возьмется отрицать, что этнические конфликты XX в. вполне подтвердили это ожидание?

Чрезвычайно любопытная особенность восприятия мифа о вавилонском столпотворении (и не только Брейгелем, но многими поколениями людей, читавших эту историю и представлявших себе эту картину) заключается в том, что само «остановленное» строительство ассоциируется с разрушением. В библейском тексте нет ни слова о разрушении построен-

ной башни. Ни новый потоп (а именно в страхе перед потопом начали люди возводить это сооружение), ни гром небесный, ни смерч, ни гроза, ни нашествие вражьей силы (в современной терминологии: ни бомбардировки, ни диверсии) не обрушились на это строение, и разбросанные на первом плане в картине Брейгеля каменные плиты — это не обломки рухнувшей башни, а строительный материал для продолжающихся работ. Но именно крушение надежд на доведение до конца дерзкого замысла и вся обнаружившаяся (у Брейгеля почти с чертежной точностью выявленная) невозможность воплощения идеи в реальность, искажение самой идеи прекрасного высотного сооружения, превращающегося на глазах в асимметричную развалину, сближаются с понятием и ощущением краха, уничтожения, «дезинтеграции», в том числе межгосударственной и межэтнической.

Впервые ли мы это пережили, начав в 1917 г. дерзостное восхождение к вершинам коммунистической утопии, а в 1991 г. — к ослепительной роскоши рыночной экономики? Или, может быть, поколение рода человеческого в каждом веке по-своему должно пережить это безумие и это разочарование, эту бесполезность «социально-этнического прорыва», нисколько не облегчающего жизни простых людей, которыми правят все те же (или похожие друг на друга, только сменившие коммунистические мантии и платья на этнические) короли (у Брейгеля — это сцена поклонения на первом плане) и над которыми все то же равнодушное небо, далекое и прекрасное?..

Вместо утверждения межнациональной солидарности, укрепления межкультурной, межъязыковой и межконфессиональной лояльности России предлагается так называемый новый курс, в ходе реализации которого упор делается на тиражирование этнических программ «возрождения» тех или иных народов или их групп, выделенных по лингвистическому принципу принадлежности к единой языковой семье. Разговоры о придании языкам статусных национальностей статуса государственного языка заряжали атмосферу межнациональных отношений грозowymi разрядами. Пониманием опасности языкового дисбаланса была продиктована моя статья в газете «Правда», в которой предлагалась рискованная по тем временам (лето 1988 г.) мера: не противостоять элитам союзных республик в законодательном придании языкам титульных наций статуса госязыка, а идти навстречу, но с условием, что такой же статус в каждой союзной республике должен быть придан и русскому языку. Это означало подведение надежной правовой базы под официально утвержденное двуязычие. В журнале «Знамя» была опубликована статья Г. Х. Попова и Н. А. Аджубея с призывом

вернуться к наглухо затабуированной во время И. Сталина идее национально-культурной автономии. Два эти предложения неоднократно рассматривались на регулярно проводимых заседаниях Научного Совета по национальным проблемам (председателем был Ю. В. Бромлей, Ученым секретарем — М. Н. Губогло). Однако ни предложение о двух госязыках, поддержанное в то время заведующим отделом национальных отношений ЦК КПСС В. А. Михайловым и секретарем ЦК КПСС Е. К. Лигачевым, ни идея национально-культурной автономии как механизмы оптимизации межъязыковых и межнациональных отношений не оказались востребованными. Идея двух государственных языков и сегодня витает в воздухе. Однако снова, как десять лет тому назад, законодатели, политики и этнические лидеры не прислушиваются к наработанным научной общественностью стратегиям.

В каждой части книги отдельные очерки помещены по хронологическому принципу. Это в известной мере нарушает логику раскрытия темы, но зато сохраняет «глас времени». Более того, в ранее опубликованные работы не вносятся никакая коррекция (в духе обновления), что позволяет показать пройденный путь без его приукрашивания и без выпрямления. Времена меняются, как сказал бы Цицерон, мы меняемся вместе с ними. Коротко говоря, книга, посвященная идентичности и этнической мобилизации, была бы неискренней, если бы ранее написанные работы были в ней пересмотрены с учетом пройденного пути, а следовательно, и с искажением общественной и собственной идентичности.

В книге встречаются повторы. Их, конечно, можно было бы устранить. Но в таком случае каждое включенное в книгу произведение потеряло бы свою идентичность, в то время как именно ее, т. е. цельность завершенность, хотелось бы сохранить.

Книга подготовлена к публикации при поддержке РГНФ (проект — «Принципы, идеология, логика и психология мобилизованной этничности»). Руководитель — М. Н. Губогло).

Мне доставляет особое удовольствие выразить благодарность за огромную помощь в издании этой книги депутату Государственной Думы Российской Федерации, Председателю подкомитета по организации системы государственной власти в РФ комитета Государственной Думы по делам Федерации и региональной политике, Президенту Института региональных проблем Александру Николаевичу Арину. Без его активной поддержки эта книга, пожалуй, не увидела бы свет.

ЧАСТЬ I

ЯЗЫК, ДВУЯЗЫЧИЕ, ЭТНИЧНОСТЬ

*«И сказали они: построим себе город и башню, высоко до небес...
И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили
сыны человеческие.*

*И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что
начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали
делать.*

*Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал
речи другого.*

*И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали
строить город.*

Посему дано ему имя: Вавилон...»

Библия. Книги Ветхого Завета.
Бытие. Глава XI.

*«Весьма нужно всех иноземных подданных российских народов раз-
ность и согласие языков знать и древность русскую изъяснить, а
также школы такие устроить, чтобы русские младенцы их языка,
а их младенцы русской грамоте, языка и закона Божия учиться воз-
можность имели»*

В. Н. Татищев.
Лексикон. 1739 г.

1. ИНТЕГРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА

В изучении современных этнических, национальных и языковых процессов особую актуальность приобретает структурно-функциональный подход. В основе этого подхода лежит представление о языке как самостоятельной структуре, входящей в систему этноса в качестве подструктуры. В одном ряду с языком («по горизонтали») в системе этноса находятся и другие этнические определители: этническое самосознание, материальная и духовная культура, семейный быт, эндогамия в широком смысле слова (понимаемая как преимущественное заключение браков внутри своей этнической общности), традиционные установки, ценностные ориентации и т. д. На правах отдельных подструктур указанные этноопределители вместе с языком являются составными элементами этноса как социальной системы.

Непременным условием, по которому тот или иной элемент этноса может служить объективным компонентом этнической интеграции, является совпадение двух видов общностей: этнической общности и той общности, которая создается с помощью одного отдельного элемента этноса. В этом смысле чаще всего совпадают этнические и языковые общности. Однако можно назвать немало различных этнических общностей, входящих в одну языковую общность. Так, на одном и том же языке говорят разные народы: английским пользуются англичане, шотландцы, канадцы, американцы США; испанским — сами испанцы, мексиканцы, почти все народы Центральной Америки (гватемальцы, гондурасцы, никарагуанцы, сальвадорцы, костариканцы, панамцы), Южной Америки (колумбийцы, венесуэльцы, эквадорцы, перуанцы, боливийцы, чилийцы, аргентинцы, уругвайцы), многие народы Вест-Индии (кубинцы, пуэрториканцы, доминиканцы); португальским — бразильцы и сами португальцы. Наблюдается и противоположное явление: один и тот же народ пользуется двумя языками. Так, в этническую общность мордвы входят две языковые общности: эрзя-мордовская и мокша-мордовская. Аналогично складывается этническая общность ирландцев, шотландцев, коми, марийцев. Следовательно, языковая и этническая общности по разному соотносятся друг с другом.

Татары Литвы и Польши полностью утратили свой родной (совпадающий с их национальной принадлежностью) язык, но сохранили себя как ограниченную этническую общность благодаря устойчивости других элементов — культурно-бытовых особенностей и собственно этнического самосознания. Перепись 1970 г. выявила лишь частичное совпадение языковой и этнической общности у некоторых малых народов СССР. Только 35,7% ительменов, 46,8% юкагиров, 48,6% орочей, 49,5% нивхов, 51,1% селькупов, 51,3% эвенков, 52,4% манси и 55,2% удэгейцев назвали родным языком язык своей национальности¹.

Сопоставление этнической общности и общности по другому важному элементу — культуре — показывает также различные формы соотношения. Возьмем один из аспектов культуры, понимаемой в широком смысле слова как совокупность традиционных особенностей материальной и духовной жизни народа, сложившихся в условиях определенной географической среды, на определенном уровне исторического развития и имеющей определенную направленность развития производительных сил народа. В комплексном виде этот аспект в этнографической науке именуется как хозяйственно-культурный тип. Накануне Октябрьской революции среди народов Советского Союза были распространены почти все известные в мире хозяйственно-культурные типы, за исключением самых примитивных и тех, которые были распространены только в тропическом поясе.

Однако в одном и том же хозяйственно-культурном типе нетрудно было обнаружить несколько отличающихся друг от друга этносов. Так, оседлое плужно-земледельческое хозяйство было почти в одинаковой мере характерно для славяноязычных украинцев, романоязычных молдаван, прибалтийских народов и для некоторых народов Кавказа. Среди кочевых скотоводов степей были монголоязычные буряты, калмыки, тюркоязычные казахи, киргизы. Первые были похожи на вторых по типу хозяйства и образу жизни, но отличались по языку и элементам культуры. И наоборот, отдельные группы одной и той же этнической общности отличались друг от друга своеобразием хозяйственно-культурного облика. Например, традиционное хозяйство эвенков, кочевавших от Енисея до Тихого океана, состояло в своеобразном сочетании трех отраслей хозяйства: охоты, оленеводства и рыболовства. Тем не менее как этническая общность эвенки были едины. В такой же мере этнически самостоятельными были чукчи и коряки, обладающие единством территории, языка и этнического самосознания, хотя каждый из этих двух народов делился на две части, отличающиеся друг от друга по хозяйственно-культурному типу: кочевые (олен-

ные) и «сидячие» (береговые, оседлые) чукчи и коряки. Оседлые коряки стояли ближе по культуре к оседлым чукчам, чем к кочевым корякам, а кочевые коряки — к кочевым чукчам, чем к оседлым корякам. Образ жизни южных селькупов был оседлым, а северных — полукочевым. Независимо от деления на наречия, цыгане СССР, так же, как и цыгане других стран, делились на оседлых и кочевых. Все эти примеры показывают несовпадение этнической общности с хозяйственно-культурной общностью «по вертикали». Иными словами, хозяйственно-культурный облик служит критерием дополнительного выделения в этнической общности подразделений второго (более дробного) порядка².

Однако нередко зоны этнической и хозяйственно-культурной общностей, не совпадая, пересекаются еще по одной линии. Так, селькупы родственны ненцам по языку, но отличаются от них по типу хозяйства и культуры, сближаясь с хозяйством и культурой хантов. Долганы говорят на якутском языке, но их культура близка к эвенкийской (с отдельными элементами ненецкого происхождения). Абхазцы и адыгейцы говорят на близкородственных языках и в то же время имеют ряд сходных антропологических и культурных черт с грузинами. Все это показывает, что такой немаловажный элемент этноса, как хозяйственно-культурный тип, взятый в отдельности, не может играть роль обязательного признака этнической общности. В дискуссии, состоявшейся в 1966—1970 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» и посвященной определению одного из типов этнической общности — нации, широко обсуждался и такой признак этноса, как общность территории. По мнению большинства авторов, определенная территория является важным условием формирования любой этнической общности. Однако, как видно из многочисленных этнографических примеров, территориальная общность совмещается с этнической еще реже, чем языковая и хозяйственно-культурная. С одной стороны, немало примеров того, как в процессе развития многих этнических общностей их исторически сложившееся территориальное единство разрушается, а сами этнические общности продолжают существовать без общей территории. Об этом свидетельствует расселение армян, цыган, испанцев, евреев, тамиллов, курдов и многих других народов, не живущих компактно. С другой стороны, различные народы сливаются в одну этническую общность (особенно в процессе образования наций) благодаря тому, что волей исторических судеб оказываются совместно живущими на одной территории, которая, постепенно превращаясь в родную, становится для всех совместно живущих как бы еди-

ным этноопределителем (североамериканцы, англо- и франко-канадцы, англоавстралийцы, англо-новозеландцы, многочисленные народы Латинской Америки и др.). Отрыв от этой территории иногда переводит людей данной этнической общности в категорию этнических (национальных) меньшинств, которые, попав в иноэтническую (инонациональную) среду, как правило, начинают подвергаться процессу ассимиляции. В то же время известны случаи, когда та или иная этническая общность, изменив место своего первоначального обитания, не теряет своего самобытного этнического облика, отраженного в других элементах этноса: в языке, культуре, обычаях и т. д. (например, мадьяры, калмыки и др.). Наконец, следует указать, что территория этнической общности может расширяться или сокращаться. Следовательно, территория сама, по себе так же как и другие элементы этноса, не может являться достаточным критерием (этноопределителем) для отличия одного этноса от другого.

Дополнительным ориентиром при различении этнических общностей может служить эндогамия как одна из специфических, характерных только для этносов общность, особенно если учесть, что в современных условиях этносы по крайней мере на 90% эндогамны, а нарушение эндогамии в пределах 10% не ведет к нарушению целостности этноса³.

В некоторых случаях важную роль в формировании этнической общности начинают играть отдельные аспекты культуры, в частности религия и религиозная принадлежность. Сербь, отличающиеся от хорватов религией, но говорящие на общем, сербохорватском, языке, считают себя самостоятельным народом. Таким образом, религиозное отличие сербов от хорватов приобрело характер отличия этнического. Этнические различия между китайцами и народностью хуэй, между яванцами и теггерами также во многом объясняются принадлежностью к различным религиям. Пытаясь насильственно ассимилировать балканские народы, турецкие феодалы во времена Османской империи стремились обратить их в ислам, так как вслед за религиозной ассимиляцией легче было бы осуществить ассимиляцию языковую и, далее, ассимиляцию этническую.

Ни один признак этноса, взятый в отдельности, ни механический набор признаков еще не могут представить этническую общность в целом как систему, тем более, что в разных исторических условиях для этноса ведущим может выступать то один из его признаков, то другой. Только своеобразное сочетание элементов каждого конкретного этноса и придает ему неповторимое лицо.

В обобщенном виде модель этноса может быть представлена некоей схемой, состоящей из элементов «горизонтального» ряда, и функций,

выполняемых каждым из этих элементов этноса. При таком подходе перед нами предстанет и внутренняя структура этноса, состоящая из серии подструктур (элементов, расположенных «горизонтально»), и система отношений между элементами (расположенные «по вертикали» функции элементов).

Степень изученности этноса в указанных здесь аспектах (назовем их условно структурным и функциональным) является неодинаковой. Рассмотрению «горизонтального ряда» и обсуждению вопроса, из каких именно этноопределителей состоят этнос и этнические общности, посвящено достаточно много работ, тогда как проблема функциональности этноопределителей остается неосвещенной⁴.

Еще менее изучены функциональные нагрузки отдельных элементов этноса⁵. С. А. Токарев предложил историко-этнографический способ изучения изменения роли признаков этнической общности двумя путями: во-первых, исследовать на разных исторических стадиях относительную роль тех отдельных признаков, из которых складывается понятие этнической общности; во-вторых, выяснить, какие вообще известны типы этнических общностей и в каком соотношении они находятся со стадиями общего исторического процесса⁶. Однако уже сам С. А. Токарев считает, что от предложенного им пути едва ли можно ждать значительных результатов. Действительно, трудно себе представить, каким образом можно изучить функции языка, одежды, жилища и других этнических элементов у различных древних народов, не находясь в непосредственном контакте с этими народами (хотя определенные шаги в этом направлении, вероятно, можно было бы предпринять, используя ретроспективные методы исторических исследований). Иное дело — изучение функциональной роли различных элементов этноса в наше время. Здесь на помощь могут быть призваны методы конкретной социологии.

Чтобы сформулировать задачу, вернемся к воображаемой схеме этноса, выделим в ее горизонтальном ряду один элемент — язык и рассмотрим одну из его функций — служить внутринациональным средством общения и формой культуры для данной этнической общности. Сместим акцент с языка как системы на язык как процесс, т. е. на речевое поведение, выделим интегрирующую функцию языка и попытаемся далее выяснить, как проявляется эта функция, под влиянием каких факторов она развивается и как она коррелирует с интегрирующими функциями других элементов этноса.

Язык как элемент этноса может иметь несколько характеристик. С одной стороны, может быть количественно определена его социолингвистическая

нагрузка: определено число школ с преподаванием на данном языке, численность обучающихся в этих школах, подсчитан объем всей изданной печатной продукции, суммировано время, в течение которого работают средства массовой коммуникации, определено количество информации, получаемой населением в устной и письменной формах.

Методом анкетного опроса можно выявить роль языка как средства общения в самых разнообразных ситуациях (языковых сферах): в домашнем быту, на работе, в общественной жизни, на досуге и т. д.

С другой стороны, каждый язык имеет свою собственную материальную структуру, состоящую из лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса. Все эти составные части языка диалектически связаны между собой, и ими один язык отличается от другого. В языке выражается национальная специфичность культуры, а также самобытное отношение языка к действительности, с которой соприкасаются носители данного языка. Именно по этой причине нередко с помощью языка воссоздается история народа и его контактов с другими народами.

Указанная особенность языка как определенная этнолингвистическая характеристика наиболее часто использовалась в исследованиях этногенетических процессов (этнических процессов прошлого).

В отечественной литературе известна традиция рассматривать этнические процессы через призму всего этноса в целом или через содержание отдельных элементов: языка, культуры и т. п. Такой широкий подход является вполне закономерным, так как отражает сложность этнических общностей как исторических образований. Однако, кроме взаимоотношений между этносами, существуют отношения личностные, т. е. отношения, проявляющиеся между людьми, принадлежащими к разным этносам. Исчезновение человека — носителя конкретных этнических черт — из поля зрения исследователей создавало серьезные препятствия в попытках всесторонне охарактеризовать сущность языковых и этнических процессов в их динамике.

Описывая этнос по его отдельным элементам, но применяя при этом личностный подход, т. е. выявляя прочность связей человека со своей этнической общностью, можно, как нам представляется, определить функциональную нагрузку каждого элемента этноса. При таком подходе все психологические акты отождествления субъекта со своим этносом (например, по языку, происхождению, общности исторической судьбы и т. д.) будут представлять собой не что иное, как элементы этнической идентификации.

Этническое сознание — в отличие от этнического самосознания (понятия структурно более простого и означающего почти автоматическое, «стихийное» отнесение себя к определенной этнической общности) — представляет собой не однослойное, а как бы многослойное («многократное») отнесение себя к конкретной этнической общности. Иными словами, под этническим сознанием можно понимать систему взглядов на этническую общность и на самого себя. Эти взгляды формируются у каждого субъекта на основе реального понимания того, что, во-первых, определенные элементы этноса являются присущими именно для данной, а не для какой-либо иной этнической общности, а, во-вторых, осознание субъектом себя носителем элементов данного, а не какого-либо иного этноса.

Формы этнического сознания могут быть простыми и сложными. Если человек относит себя только к одной этнической общности (по большинству элементов), то такое этническое сознание может быть определено как простое (однородное, чистое). Если же человек по ряду элементов относит себя к одному этносу, а по одному или нескольким другим элементам — к другому, то такое этническое сознание является сложным (неоднородным, смешанным).

Дифференциация элементов по интенсивности проявления в них интегрирующей функции каждого может служить основой для сопоставления качественно различных типов этнического сознания, при условии, что само качественное своеобразие будет выражаться через определенное количество. Так появляется возможность сравнительной характеристики интегрирующей функции языка с аналогичной функцией других элементов этноса по крайней мере в двух типах этнического сознания: в простом типе и сложном. В первом случае язык и его интегрирующая функция будут сопоставляться с элементами, характерными для данного этноса, например, будет сравниваться, что больше всего сближает человека со своей этнической общностью: родной язык, национальная одежда и т. д. Во втором случае интегрирующие функции элементов этноса будут сравниваться с аналогичными функциями элементов другого этноса. Примером этому может служить случай, когда человек, считая себя представителем одной национальности, называет своим родным язык другой нации и т. д. Такое понимание этнического сознания дает возможность с помощью количественных методов выяснить прочность уз, скрепляющих этнос изнутри, а следовательно, и то состояние, к которому движется этническая общность при развитии этнического сознания от одной ее формы к другой.

Интенсивность, с которой проявляется интегрирующая функция элементов этноса, зависит от различных условий и факторов. Среди факторов, способствующих формированию простого или сложного типа этнического сознания, а также той или иной формы конкретного проявления в нем интегрирующей функции языка, доминирующую роль играет социальная, а вслед за ней — и этническая среда.

Интервьюирование сельских и городских удмуртов в Удмуртской АССР⁷ выявило неодинаковую функциональную нагрузку одних и тех же элементов этнической идентификации в структуре этнического сознания. В представлениях сельских удмуртов (как это видно из табл. 1) связь со своим этносом наиболее очевидно проявляется в том, что они прежде всего носители удмуртского языка. Затем в иерархии их этнического сознания следуют народные обряды и обычаи, далее — материальная культура (жилище, одежда, пища и т. д.), и, наконец, только на четвертом месте оказывается этническое самосознание.

Таблица 1

**Различия в структуре этнического сознания
у городских и сельских удмуртов**

Вопрос: Что Вас сближает, роднит со своим народом?	Село		Город	
	в % к числу опрошенных	ранги	в % к числу опрошенных	ранги
Язык	45,1	1	35,2	1
Обряды, обычаи	17,2	2	9,0	5
Материальная культура	14,5	3	8,8	6
Чувство этнического самосознания	11,8	4	18,3	2
Фольклор	4,6	5	10,3	4
Профессиональное искусство	3,8	6	11,2	3
Ничто не связывает	2,8	7	7,2	7

У городских удмуртов язык — по сравнению со всеми остальными элементами идентификации — достаточно яркий и очевидный интегрирующий показатель. Так же, как и у сельских жителей, в сознании горожан в этом смысле он занимает первое место. Однако на этом сходство структур этнического сознания городских и сельских удмуртов кончается. На втором месте по прочности уз, связывающих городских удмуртов с удмуртской этнической общностью, — чувство их этнического самосознания, на третьем — профессиональный слой духовной культуры и, наконец, на четвертом месте — фольклорный слой традиционной духовной культуры.

Из этой же таблицы видно, что у одного и того же элемента этнической идентификации сила интегрирующей функции в городской и сельской среде неодинакова.

В структуре этнического сознания сельских удмуртов на полярных местах по значимости, т. е. прочности связей респондентов (опрашиваемых) со своим родным народом, находятся язык и профессиональный слой духовной культуры. Широта вариации между количественными выражениями этих полюсов достаточно высока (41,3%) и свидетельствует о доминирующем значении языка, который является важнейшим внутриэтническим интегратором в среде сельского населения. Вместе с тем, язык — важнейшая составная часть в традиционной системе этнических ценностей. Однако под влиянием современного процесса урбанизации в структуре этнического сознания происходят определенные сдвиги и перемещения, вызванные ослаблением или, наоборот, усилением интегрирующих функций элементов этнической идентификации.

Неудивительно, что в структуре этнического сознания городских удмуртов третьим по значимости фактором внутриэтнической интеграции является уже не материальная культура, как у сельских жителей, а профессиональный слой духовной культуры. Следует учесть и то, что в этническом сознании горожан разница между полярными по значимости элементами этнической идентификации (языком и материальной культурой) невелика — 26%. Из этого можно сделать два предположения: 1) урбанизация городского населения создает предпосылки для перемещения центра этнических ориентаций от традиционных форм культуры к современным, выраженным профессиональной культурой (т. е. создаваемым творческой интеллигенцией); 2) углубляются тенденции переключения от факторов объективных к факторам субъективным, от факторов материального порядка к факторам психологическим.

В этническом сознании опрошенных молдаван⁸, проживающих в Молдавской ССР, элементы этнической идентификации распределились следующим образом: 1) язык; 2) этническое самосознание; 3) духовная культура (музыка, танцы, фольклор) и 4) народные праздники. В контрольной группе экспертов — молдаван, сотрудников гуманитарного профиля АН МССР, жителей г. Кишинева, — выявилось иное распределение в структуре этнического сознания. На первое место здесь выдвинулось осознание своей этнической принадлежности (интегрирующая функция этнического самосознания), на второе — духовная культура. Сила интегрирующей функции языка у горожан — по сравнению с сельскими жителями — сместилась с первого на третье место. Следовательно, добавление такого важного фактора, как социально-профессиональный

статус, внесло заметные коррективы в структуру этнического сознания. Намечавшаяся у удмуртов тенденция к ослаблению интегрирующей функции языка в городе по сравнению с деревней у молдаван привела к «переоценке ценностей», в результате которой в этническом сознании горожан (творческих работников) первое по значимости место занял не объективный, а субъективный фактор.

Рассматривая данные табл. 1, нельзя оставить без внимания группы опрошенных удмуртов (особенно среди горожан) со сложным этническим сознанием. Последнее видно из того, что 3% сельских жителей и 7% горожан, назвав себя удмуртами, тем не менее не выбрали ни одного из предложенных им элементов этнической идентификации, на основании которого они действительно осознают свою принадлежность к удмуртской этнической общности. Возможно, во-первых, что в самом социологическом инструментарии («Вопроснике») оказались не включенными именно те элементы этноса, по общности с которыми опрошенные осознавали себя удмуртами; во-вторых, в силу ассимиляционных процессов некоторые удмурты, сравнительно недавно перешедшие в другую этническую общность (например обрусевшие), по традиции еще продолжают считать себя удмуртами, хотя фактически уже не являются носителями элементов данного этноса.

Таким образом, есть некоторые основания полагать, что одни и те же элементы этноса могут иметь неодинаковую функциональную нагрузку в городской и сельской среде. Если жителю молдавского села наиболее очевидным признаком отождествления со своей молдавской общностью представляется язык, то для горожанина более существенным является осознание своей этнической принадлежности. По-видимому, в сельской местности объективные признаки (элементы этноса) чаще и более широко совпадают с их субъективным осознанием. В городе, наоборот, четко выраженная сила абстракции создает между первым и вторым значительный разрыв.

Интегрирующая функция языка, а также других элементов этноса по-разному проявляется в различных этнических средах. Этнолингвистическое обследование молдаван и украинцев в двух типах этнических сред (в «своей» и «не своей») позволило предположить, что иерархия элементов этнической идентификации у двух народов, живущих в своих однонациональных средах, может быть более близкой друг к другу, чем иерархия элементов двух групп одного и того же народа, находящихся в различных типах этнических сред. Очевидно, можно предположить существование у каждого народа определенной модели этнического сознания, подвергающейся деформации в инонациональной среде⁹.

В ходе сравнения действия различных факторов на этническое сознание выясняется разница не только в мере, но и в направленности их воздействия. Если, например, под влиянием социальных факторов претерпевает изменение функциональная нагрузка элементов этноса, то под влиянием этнической среды меняются сами элементы этнической идентификации. Так, ослабление интегрирующей функции языка у горожан безусловно ведет к изменениям в структуре этнического сознания. Однако от перемены мест элементов этнической идентификации общее этническое сознание остается как бы неизменным. Относительное ослабление функции языка как средства внутриэтнического интегратора компенсируется возрастанием роли других элементов. Иначе обстоит дело, когда объективными факторами этнического сознания вместо элементов одного этноса становятся элементы другого.

Рассмотрим некоторые национальные ориентации, когда в структуре этнического сознания объективными факторами становятся элементы, относящиеся к генетически неоднородным этносам. В качестве рабочей гипотезы допустим, что несовпадение двух важнейших этноопределителей — родного языка и этнического самосознания — должно просигнализировать о тенденции к определенной индифферентности субъекта к элементам национальной культуры. Изучение культурно-национальных ориентаций сельских карелов¹⁰ методом анкетного опроса подтвердило правомерность данного тезиса (см. табл. 2).

Как видно из табл. 2, самый большой интерес к национальным карельским песням, танцам, музыке и свадебным обрядам обнаружили именно те сельские карелы, которые признавали родным карельский язык.

Присутствие в этническом сознании сельских карелов «чужеродного элемента» (языка другой национальности) показывает, что ослабление влияния других элементов карельской этнической общности находится в прямой зависимости от этого факта. Однако характер и темпы этого процесса в разных элементах национальной культуры неодинаковы. Среди сельских карелов, для которых родной — карельский язык, предпочтительный интерес в той или иной мере к карельским народным песням проявили 9,9%, к национальной музыке — 14,8%, к танцам — 16,4%, а к национальному свадебному обряду — 27,1%. Сравнение национальных ориентаций этих карелов с национальными ориентациями тех, для кого родным уже стал язык другой национальности, показывает, что утрата национального языка особенно резко понижает интерес к народному свадебному обряду.

Данные, о взаимосвязи языка с элементами духовной культуры было бы трудно подвергнуть анализу без учета того, какое место каждый из них занимает в общей структуре этнического сознания.

Таблица 2

**Родной язык и культурно-национальная ориентация сельских карелов
(в % по данным анкетного опроса)**

Вопрос и ответы	Признают своим родным языком	
	карельский 887 чел.	русский 93 чел.
1. Какие танцы Вам больше всего нравятся?		
1) предпочитают «западные»	3,8	10,4
2) нравятся в одинаковой мере всякие танцы свои (национальные), народов СССР, классические (вальс и т. д.), современные западные танцы	65,5	66,3
3) нравятся танцы разных народов, но предпочитают все-таки свои, национальные	1,8	7,2
4) нравятся только свои народные национальные танцы	4,6	0,0
2. Какие Вам больше нравятся песни?		
1) предпочитают «западные»	2,3	10,5
2) нравятся русские и национальные	59,2	54,8
3) нравятся в одинаковой мере всякие песни	25,6	27,1
4) нравятся песни разных народов, но предпочитают свои национальные песни	8,8	2,1
5) нравятся только свои, народные, песни	1,1	1,5
3. Какой из концертов предпочли бы?		
1) только «западная» музыка	1,1	5,6
2) музыка других народов, а также национальная музыка	63,8	75,0
3) главным образом национальная музыка, а также музыка других народов	10,8	4,6
4) музыка только композиторов Карелии	4,0	1,5
4. Какую свадьбу хотели бы устроить?		
1) простую вечеринку	61,7	64,6
2) вечеринку с элементами национального обряда	11,5	1,2
3) по национальному обряду, но не старинному, а новому, сокращенному	8,9	4,6
4) по старинному национальному обряду	4,7	0,0

Как показал анкетный опрос, внутренняя монолитность карельского этноса и его внешняя устойчивость поддерживаются благодаря существованию серии таких элементов, по которым каждый карел осознает себя карелом. Все эти элементы этнической индентификации, как видно из данных табл. 3, легко могут быть сведены в две группы. В числе сильно действующих факторов — национальность родителей, национальный язык, наличие родных и близких — карелов по национальности, «родная земля». В числе слабо действующих

— национальные обычаи, карельская материальная культура, карельские песни, танцы и (наименее всего) национальная литература и искусство.

Оба слоя духовной культуры карелов — и профессиональный, и непрофессиональный — оказались в числе слабых объективных факторов, по которым карелы осознают себя карелами; особенно это относится к профессиональному слою. Профессиональный слой духовной культуры карелов еще не достиг высокого уровня развития и не получил столь широкого распространения, как непрофессиональная народная культура. И потому утрата родного языка влечет за собой наиболее глубокие последствия в том слое культуры, который залегает глубже. В частности, для сельских карелов это проявляется в изменении отношения к свадебному обряду.

Таблица 3

Структура этнического сознания сельских карелов
(по данным анкетного опроса)

Вопрос: Что сближает, роднит Вас с людьми своей национальности?	В % к числу опрошенных
Мать карелка	55,4
Отец карел	54,0
Родственники и близкие карелы	41,2
Национальный язык	56,1
Живу в Карелии	59,4
Национальные обычаи, привычки, обряды	11,3
Национальные песни, танцы	2,1
Национальная пища, жилище	1,2
Национальная литература, искусство	0,4
Затрудняюсь ответить	8,0
Ничего не сближает	1,8

33% городских и 46,3% сельских удмуртов с родным языком, совпадающим с их национальной принадлежностью, высказало свое положительное отношение к традиционному удмуртскому родильному ритуалу, в то время как среди удмуртов с родным неудармуртским языком подобное отношение к указанному ритуалу продемонстрировали всего только 13,4% городских и 21,2% сельских жителей. Как характер отношения к элементам традиционной культуры, так и уровень знания этих элементов оказались зависимыми от того, какой язык играет для респондентов роль внутриэтнического интегратора: удмуртский или неудармуртский. Приверженность или, наоборот, отсутствие интереса к элементам национальной культуры — это только одна из сторон нацио-

нальной ориентации человека, в которой находит отражение мера внутриэтнической интеграции того или иного элемента культуры.

В современной Карелии среди факторов, вызывающих «отлив» сельских карелов от традиционных форм культуры, особую роль играют языковые процессы. Широкое распространение двуязычия, дальнейшее расширение сфер действия русского языка, успешно выполняющего у некоторых групп карелов функцию не только межнационального, но и внутринационального общения, ускоряет процесс интернационализации культуры.

Другими немаловажными показателями действия языкового фактора на национально-психологическое сознание человека являются степень знакомства с национальной культурой, межнациональные отношения, т. е. отношение к лицам той или иной национальной принадлежности.

Исследование этнокультурных процессов у удмуртов показало, что положительное отношение к национальным обрядам у них ниже уровня знания этих обрядов. 28,5% городских и 48,5% сельских жителей на вопрос, как следует отмечать рождение ребенка, ответили, что старинные ритуалы или по крайней мере их сокращенные варианты (хотя бы отдельные элементы) должны сохраняться и в наши дни. Когда же стали выяснять, каков уровень знания этих обрядов, то оказалось, что в той или иной мере их знают 58,6% городских и 82,2% сельских удмуртов. Знание традиционного удмуртского свадебного ритуала оказалось шире, чем степень его бытования. Удмуртов, знакомых с традиционным свадебным обрядом гораздо больше, чем тех, кто свою свадьбу справил по нормам старинного обряда.

Разница между уровнем знания и степенью бытования национальных обрядов у сельских жителей обычно больше и проявляется ярче, чем у горожан.

Смена родного языка, или, другими словами, прекращение функционирования карельского языка как элемента этнической идентификации, находится в прямой связи с ослаблением знания карелами элементов как духовной, так и материальной культуры. Поэтому здесь особенно уместно рассмотреть зависимость от родного языка.

При контактах генетически неоднородных этносов элементы материальной культуры, как известно, заимствуются быстрее и легче, чем произведения духовной культуры. Отсюда, казалось бы, можно было ожидать, что, во-первых, смене языка должны предшествовать широкие и глубокие изменения в элементах материальной культуры (пище, жилище, одежде и т. д.), а, во-вторых, в результате языковой смены прекращение действия языка как средства внутриэтнического интегратора

должно быть синхронно более тесно связанным с соответствующими изменениями в элементах материальной культуры. Однако, как видно из данных табл. 4, это ожидание не подтверждается.

Таблица 4

**Родной язык и знание элементов национальной культуры
(в % по данным анкетного опроса)**

Вопрос и ответы	Признают своим родным	
	карельский 887 чел.	русский 93 чел.
1. Какие песни Вы считаете своими национальными песнями?		
1) не знает	60,6	76,9
2) знает и может воспроизвести менее 7 песен	32,7	18,5
3) знает и может воспроизвести от 7 до 15 песен	3,6	0,0
2. Какие кушанья Вы считаете своими национальными?		
1) не знает	7,9	22,5
2) знает менее 5 блюд	55,0	55,9
3) знает 5–12 блюд	30,4	17,1

Карельские национальные песни знают 36,3% карелов с родным карельским языком и 18,5% карелов с родным русским языком, а национальные блюда соответственно — 85,4% и 73,0%. Отсюда видно, что смена национального карельского языка повлекла за собой утрату знания национальных песен в большей мере, чем утрату национальных блюд.

Таким образом, ослабление интегрирующей функции языка или полная смена его языком другого этноса оказывают влияние прежде всего на элементы духовной культуры. Иными словами, языковая ассимиляция теснее всего коррелируется с ассимиляционными процессами, протекающими в сферах духовной культуры, наиболее тесно связанных с языком (см. табл. 5). Интегрирующая функция каждого элемента этноса зависит от действия различных факторов, элиминировать которые без сложного аппарата системного анализа не всегда представляется возможным. Предварительно можно, основываясь на данных табл. 5, сделать некоторые предположения. Смена любого элемента этноса находится в определенной связи с ослаблением интегрирующей функции какого-либо другого элемента. Например, знание родильных обрядов как у городских, так и у сельских удмуртов имеет общую тенденцию к сокращению в связи со сменой родного языка, сменой национального свадебного костюма, нарушением принципа

эндогамии, связанным, в частности, с национально-смешанным составом супружеских пар, и даже обнаруживается связь, казалось бы, с таким несущественным фактором, как национальность друга. Данное правило распространяется и на городское, и на сельское население. По всей видимости, смена одного и того же этноопределителя оказывает неодинаковое влияние на ослабление интегрирующей функции других элементов в городской и в сельской среде. Это частично видно из того, что у городских удмуртов знание родильных обрядов наиболее тесно связано со справлением свадьбы в традиционном свадебном костюме, у сельских удмуртов — с родным языком.

Таблица 5

**Знание удмуртских родильных обрядов в связи
со сменой одного из элементов этнической идентификации
(в % по данным опроса удмуртов в Удмуртии)**

	Родной язык		Национальность супруга		Национальность друга		Свадебный костюм	
	удмуртский	неудмуртский	удмурт (ка)	не удмурт	удмурт	не удмурт	удмурт	не удмуртск
1. Город								
1) знают	67,7	38,2	61,0	56,0	63,5	53,8	87,7	52,9
2) не знают	35,3	61,6	38,8	44,8	38,4	46,0	12,1	46,0
2. Село								
1) знают	82,1	47,2	82,8	71,9	82,2	64,1	93,0	71,6
2) не знают	17,6	52,6	17,0	28,0	17,6	35,7	6,8	28,3

Ослабление внутриэтнических связей как среди городских, так и среди сельских жителей находится в зависимости от многих факторов. Особенно тесная связь обнаруживается со степенью устойчивости интегрирующей функции языка. Иными словами, состояние языка как элемента этнической идентификации и выполнение им интегрирующей функции играют значительную роль как внутри этноса между его отдельными элементами, так и в общей устойчивости самого этноса как системы. Связь между языком и остальными элементами этноса не является однозначной. В одном случае ослабление интегрирующей функции языка компенсируется усилением подобной функции других элементов этноса и общая система этнического сознания остается в целом неизменной; в другом случае затухание интегрирующей функции языка ведет к усилению индифферентности личности

к остальным элементам этнической идентификации и через этот промежуточный этап кладет начало процессу этнической ассимиляции.

Между совершенством структуры элемента этноса (в том числе и языка) и масштабами проявления его функции существуют определенные корреляции, обусловленные, как правило, общим социально-экономическим развитием этноса и некоторыми другими показателями этнической общности, компактным или дисперсным характером расселения, степенью урбанизированности городского и сельского населения, глубиной социально-профессиональной дифференциации и другими характеристиками.

Изучение этнических процессов, протекающих, с одной стороны, на уровне объективных компонентов этноса, а с другой стороны, на уровне этнического сознания (совокупности элементов этнической идентификации), подготавливает возможность для типологии этничности. Под этничностью — количественно измеренными элементами (параметрами) этнической тождественности индивида со своим этносом — или интенсивностью этнической идентификации понимается реализация существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и объективно себя в ней реализует.

2. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Процесс дальнейшей дифференциации научного знания ставит перед исследователями этноса сложные теоретические и методологические вопросы. Особенно важной является разработка различных межотраслевых проблем. От их решения зависит ликвидация «белых пятен», уцелевших благодаря тому, что они находятся одновременно в поле зрения нескольких научных дисциплин, но не поддаются освоению традиционными методами ни одной из них. Механическая кооперация методов сама по себе не оказывается достаточной для того, чтобы установить обозримые границы вновь развивающейся отрасли знания на стыке ставших уже общеизвестными наук. Точное определение границ этнолингвистики, центральной задачей которой является изучение широкого круга вопросов, входящих в труднообозримую тему «язык и этнос», зависит от целого ряда условий. Решающая роль принадлежит исследованиям объектов, входящих в рамки самой научной дисциплины. А установление границ, как вообще любая классификация, в свою очередь подталкивает дальнейшую работу.

У исследователей разных стран отсутствует единое четкое понимание предмета этнолингвистики. Особенно показательной в этом смысле была работа секции этнолингвистики на VII МКАЭН. В ее на редкость пестрой тематике отразилась еще не сложившаяся структура самой этнолингвистики. Наличие фундаментальных традиций по изучению этноса — этнографами, а языка — лингвистами, затрудняет выделение работ непосредственно этнолингвистического характера. Даже элементарная группировка не представляет сложности одну часть докладов отнести к этнографии, другую — к лингвистике.

Сходство между советскими и американскими направлениями в этнолингвистике по определению ее предмета заключается в том, что языковой материал анализируется в основном в тех случаях, когда решаются этногенетические проблемы, т. е. этнические проблемы, имевшие место в прошлом. В основной объект исследования чаще входит лексика, реже — другие структурные единицы языка и совсем не включаются речь и речевая деятельность. Различие в том, что американские этнолингвисты ограничиваются исследованием лишь бесписьменных языков. Советские же исследователи изучают все языки мира исходя из идеи тесной зависимости развития языка от экстралингвистических факторов. Анализируя развитие не только бесписьменных, но и младописьменных и старописьменных языков, советские ученые настолько расширили тематику своих исследований, что появилась настоятельная потребность в выделении наряду с этнолингвистикой социолингвистики, психолингвистики и некоторых других близких («гибридных») дисциплин. А это привело к очередному, как бы вторичному, уточнению предмета их исследований. Интенсивная разработка проблем языковой политики, языкового строительства, функционального развития языков народов СССР создала такое положение, что, сосредоточив внимание на языке и его общественных функциях, ученые исключили из объекта изучения речевое поведение человека.

Между тем для многонационального советского общества с постоянным расширением процессов двуязычия особое значение имеет изучение вариаций речевого поведения отдельного человека, социальных групп и целых этносов в условиях интенсивных этнических контактов. Актуальность этой темы особенно очевидна, если иметь в виду, что межнациональное общение происходит на различных уровнях: от этнической ситуации в союзных и автономных республиках до общения национальностей в такой микросоциальной ячейке общества, как семья. Изучение зависимости речевого поведения от внешних по отношению к языку и к говорящему человеку факторов, типология

и механизм речевого поведения, взаимосвязь между речевым поведением и приверженностью человека к элементам национальной или инонациональной культуры, связь между речевым поведением и национальными установками и ценностными ориентациями человека — вот круг основных вопросов, входящих в современную этнолингвистику. Они изучаются прежде всего в связи с развернувшимися в последние годы исследованиями социально-этнических и этнолингвистических процессов.

В данном случае делается попытка подвести некоторые итоги уже проведенным в СССР этносоциологическим исследованиям, в программу которых включались и проблемы этнолингвистического характера.

В качестве отдельной подсистемы язык, как важнейший этнический определитель, входит в систему этноса. В одном ряду с языком (по горизонтали) в системе этноса находятся и другие этнические определители: этническое самосознание, материальная и духовная культура, традиции, обычаи и др. Оригинальное сочетание этнических определителей (элементов этноса) и создает неповторимое лицо каждой этнической общности. Каждый элемент этноса обладает разнообразными функциями, в числе которых интегрирующая — одна из наиболее важных. Человек осознает свою принадлежность к этносу по линии его характерных элементов, в том числе и по языку, поэтому структуру этнического сознания можно представить в виде иерархии элементов этнической идентификации. Выявляя прочность связей человека со своей этнической общностью по линии отдельных элементов этноса, можно, как нам кажется, определить функциональную нагрузку каждого элемента этноса. При таком подходе сознательное отождествление субъекта со своим этносом, например, по линии языка, происхождения, общности исторической судьбы и т. д. будет представлено элементами этнической идентификации.

Этническое сознание в отличие от этнического самосознания, структурно более простого понятия, означающего автоматическое («стихийное») отнесение человеком себя к своей этнической общности, представляет собой как бы многослойное («многократное») отнесение к тому же этносу. Эти взгляды формируются у каждого человека, во-первых, на основе реального понимания того факта, что рассматриваемые элементы этноса являются присущими именно данной, а не какой-либо иной этнической общности, и, во-вторых, осознания того, что сам субъект является носителем элементов данного этноса. Формы этнического сознания могут быть простыми и сложными. Если человек относит себя только к одной этнической общности по линии большинства его характерных элементов, то такое этническое сознание может быть

определено как простое (или однородное). Если же человек по ряду элементов относит себя к одному этносу, а по одному или нескольким другим — к другому, то такое этническое сознание является сложным (или неоднородным, смешанным).

Интервьюирование различных групп населения в Удмуртской АССР (исследования В. В. Пименова, Л. С. Христюбовой) выявило неодинаковую функциональную нагрузку одних и тех же элементов этнической идентификации в структуре этнического сознания сельских и городских удмуртов. У селян связь со своим удмуртским этносом наиболее очевидно проявляется в том, что они прежде всего говорят на удмуртском языке. Затем в иерархии их этнического сознания следуют народные обряды и обычаи, далее — материальная культура (пища, одежда, жилище и т. д.) и, наконец, только на четвертом месте оказывается этническое самосознание. У горожан удмуртов язык по сравнению со всеми остальными элементами идентификации тоже достаточно яркий и очевидный интегрирующий показатель. Как и у сельских удмуртов, в сознании горожан язык занимает первое место среди факторов, по которым они относят себя к удмуртской нации. Однако на этом сходство структур этнического сознания горожан и сельских удмуртов кончается. На втором месте по прочности уз, связывающих городских удмуртов с удмуртской этнической общностью, стоит их этническое самосознание, на третьем — профессиональный слой духовной культуры (он, как известно, создан только в советскую эпоху и в настоящее время бурно развивается) и, наконец, на четвертом месте — фольклорный слой традиционной духовной культуры.

В удмуртском этносе один и тот же элемент этнической идентификации играет неодинаковую роль в городской и в сельской среде. Разница между занимающими первое и второе места в структуре этнического сознания языком и национальными обрядами селян — 28%, у горожан между занимающими эти же самые места (первое и второе) языком и этническим самосознанием разница несколько меньше — она составляет 17%.

Доминирующая роль языка, играющего роль важнейшего внутриэтнического интегратора, у сельской части удмуртского этноса обусловлена в частности тем, что здесь, на селе, язык — неотъемлемая составная часть национальной удмуртской культуры. В то время как в городе в систему национальной культуры входят духовные ценности, созданные с помощью не только своего языка, но и других языков, например, того, который выполняет функции языка межнационального общения. Урбанизация создает определенные предпосылки для пе-

ремещения центра этнических ориентаций от традиционных форм культуры к современным, выраженным профессиональной культурой, а также увеличивает значение факторов субъективного порядка. В этническом сознании опрошенных молдаван, проживающих в селах Молдавской ССР, элементы этнической идентификации распределились следующим образом: 1) язык, 2) осознание этнической принадлежности (этническое самосознание, 3) духовная культура (музыка, танцы, фольклор) и 4) народные праздники. На первое место у горожан — работников умственного труда выдвинулось осознание своей этнической принадлежности (интегрирующая функция этнического самосознания), на второе — духовная культура. Значимость интегрирующей функции языка у горожан, по сравнению с селянами, сместилась с первого на третье место. Следовательно, социально-профессиональный статус вносит заметные коррективы в структуру этнического сознания. Таким образом одни и те же элементы этноса могут иметь неодинаковую функциональную нагрузку в городской и в сельской среде. Если жителю молдавского села наиболее очевидным признаком отождествления со своей молдавской общностью представляется язык, то для горожанина более существенным признаком является осознание своей этнической принадлежности. По-видимому, в сельской местности объективные признаки (элементы) этноса чаще и более широко совмещаются с их субъективным осознанием.

Интегрирующая функция элементов этноса по-разному проявляется в различных этнических средах. Иерархии элементов этнической идентификации у двух народов, живущих в своих однонациональных средах, по всей вероятности, более близки друг к другу, чем иерархия элементов двух групп одного и того же народа, находящихся в различных типах этнических сред.

Под влиянием факторов претерпевает изменение функциональная нагрузка элементов этноса, а под влиянием этнической среды меняются сами элементы этнической идентификации. В одном случае этническое сознание остается достаточно устойчивым. Относительное ослабление значения языка как фактора, объединяющего членов этнической общности, компенсируется возрастанием роли других элементов. Совсем иначе обстоит дело, когда на формирование этнического сознания в качестве объективных факторов оказывают влияние элементы, относящиеся к генетически неоднородным этносам. Рассмотрим некоторые примеры. Максимальный интерес к национальным карельским песням, танцам, музыке и свадебному обряду обнаружили преимущественно те сельские карелы (исследование Е. И. Клементьева), которые

сохранили родной карельский язык. Наличие в этническом сознании сельских карел инонационального элемента (языка другой национальности) показало, что состояние других элементов карельской этнической общности находится в зависимости от этого факта. Среди сельских карел с родным карельским языком предпочтительный интерес к карельским народным песням проявили 9,9%, к национальной музыке — 14,8%, к танцам — 16,4%, а к национальному свадебному обряду — 27,1%. Сравнение национальных ориентаций этих карел с национальными ориентациями тех, у кого родным уже стал язык другой национальности, показывает, что утрата национального языка особенно резко понижает интерес к народному свадебному обряду. Как показал анкетный опрос, внутренняя монолитность карельского этноса и его устойчивость поддерживаются благодаря существованию серии таких элементов, по линии которых каждый карел осознает себя карелом. Все эти элементы этнической идентификации легко могут быть сведены в 2 группы. В числе наиболее важных факторов — национальность родителей, карельский язык, наличие родных и близких, карел по национальности и, наконец, представление «родной земле». В числе слабо действующих — национальные обычаи, карельская материальная культура, карельские песни, танцы и наименее всего — национальная литература и искусство. Профессиональный слой духовной культуры карел еще не достиг того высокого уровня развития и не получил столь широкого распространения, как непрофессиональная народная культура. И поэтому утрата родного карельского языка влечет за собой наиболее глубокие этнические последствия в том слое культуры, который залегает глубже: в частности, для сельских карел это проявляется в ослаблении или утрате интереса к национальному свадебному обряду. 33% городских и 46,3% сельских удмуртов с родным языком, совпадающим с их национальной принадлежностью, высказало свое положительное отношение к традиционному удмуртскому родильному обряду (ритуалу), в то время как среди удмуртов с родным неудмуртским языком подобное отношение к указанному ритуалу продемонстрировало всего только 13,4% горожан, 21,2% сельчан. Как характер отношения к элементам традиционной культуры, так и уровень знания этих элементов оказались зависимыми от того, чей язык играет для респондентов роль внутриэтнического интегратора: удмуртский или неудмуртский. Приверженность, или, наоборот, отсутствие интереса к элементам национальной культуры — это только одна из сторон национальной ориентации человека, в которой находит отражение значение того или иного элемента культуры как фактора внутриэтнической интеграции.

В современной Карелии на утрату интереса сельских карел к традиционным формам культуры влияют языковые процессы. Широкое распространение двуязычия, дальнейшее расширение сфер действия русского языка, успешно выполняющего у некоторых групп карел функцию не только межнационального, но и внутринационального общения, ускоряют процесс интернационализации культуры. Ослабление интегрирующей функции родного языка, или полная замена его языком другого этноса оказывают влияние прежде всего на те элементы этноса, которые связаны с духовной культурой. Иными словами, языковая ассимиляция теснее всего коррелируется с ассимиляционными процессами, протекающими в сфере духовной культуры.

Ослабление внутриэтнических связей в среде как городского, так и сельского населения находится в зависимости от ряда факторов. И в первую очередь оно связано с устойчивостью интегрирующей функции языка. То есть язык как элемент этнической идентификации с его интегрирующей функцией играет значительную роль как внутри этноса, между его отдельными системами, так и в общей устойчивости этноса как самостоятельной системы. Связь между языком и остальными элементами этноса не является однозначной. В одном случае ослабление интегрирующей функции языка компенсируется усилением подобной функции других элементов этноса, и общая система этнического сознания остается в целом неизменной. В другом случае, затухание интегрирующей функции языка ведет к усилению индифферентности личности к остальным элементам этнической идентификации и через этот промежуточный этап — деэтнизацию — кладет начало процессу этнической ассимиляции.

3. К ИЗУЧЕНИЮ ДВУЯЗЫЧИЯ В ИСТОРИИ НАРОДОВ МИРА ¹

Среди важнейших вопросов разработки теории наций и национальных отношений в эпоху социализма и коммунистического строительства особую актуальность приобретает изучение взаимосвязи социального и национального, в том числе исследование языковых аспектов общественных процессов. Немаловажную роль призвана сыграть и этнография, в предметной области которой всесторонний анализ языка занимает видное место². При этом раскрытие взаимосвязи языка с остальными компонентами этноса актуально не только применительно к современности, но и для понимания прошлого и предвидения будущего всех народов. «Стирание классовых различий внутри новой

исторической общности, — отмечал П. Н. Федосеев, — произойдет раньше, чем преодоление национальных различий, которые останутся еще долго, вплоть до победы коммунизма в мировом масштабе»³. Следовательно, пока сохраняются национальные различия и полнокровная жизнь национальных языков, в многонациональном обществе, естественно, будет существовать необходимость в едином языке межнациональных общений и потому закономерно будут развиваться процессы двуязычия. Таким образом, массовое приобщение народов к инонациональному языку, если подходить к этому с учетом дальнейшего развития советского народа, представляет длительный исторический процесс. Отсюда вытекает необходимость всестороннего изучения двуязычия не только в синхронном, но и в диахронном (ретроспективном) плане. Как показывает опыт, языковые аспекты общественных процессов современности приобретают исключительно важное значение и остроту⁴ и разобраться в них, адекватно оценить их социальное и политическое значение нельзя, не имея общего представления о том, где, когда, как и при каких условиях и ситуациях, под влиянием каких конкретных факторов (объективных и субъективных) возникло и развивалось двуязычие как важнейшая составная часть и закономерный итог этнических контактов и языковых процессов. При этом встает задача всестороннего сопоставления условий формирования и развития двуязычия в советском обществе и в странах социалистического содружества с многообразными фактами приобщения населения ко второму языку или любому другому языковому образованию (диалекту, говору) и т. п. во все прошлые времена: от первобытности до наших дней. Лишь рассматривая в диахронии одни и те же аспекты двуязычия, например факторы распространения, формы и способы его существования, функции и роль в сближении народов на пути к культурному единству человечества, можно по достоинству оценить всемирно-историческое значение советского опыта решения языковой проблемы, выявить коренные преимущества социализма перед классово-антагонистическими общественно-политическими системами.

В двуязычии можно выделить два аспекта: исторический (генетический) и структурно-функциональный. Оно всегда может рассматриваться, с одной стороны, как процесс, с другой — как результат общественных изменений. В первом случае двуязычие охватывает не только явления, события, факты развития каждого из контактирующих языков и их носителей, но и такие процессы формирования двуязычия, которые связаны с внутриспоколенной и межпоколенной передачей языка. Во втором случае на передний план выдвигаются

задачи изучения механизма существования самого двуязычия, понимаемого в обобщенном виде как приобретение лицами или группой лиц, пользующихся языком А, языка В. При этом развитие двуязычия может привести к следующим результатам: 1) если язык А уступает место языку В, то перед нами языковой сдвиг, или языковая ассимиляция; 2) если языки А и В употребляются попеременно в зависимости от различных внеязыковых условий, можно говорить о переключении с языка А на язык В и обратно, т. е. об адекватном способе существования двуязычия; 3) если языки А и В сливаются в одну языковую систему, это свидетельствует о скрещивании языков.

Анализ основных закономерностей языковых процессов и двуязычия в историческом развитии человечества требует принять в качестве методологических принципов такие важнейшие предпосылки:

1) общесоциологическую⁵, в которой языковые процессы, происходящие во всеобщей истории языков народов мира и в развитии межъязыковых контактов, рассматриваются в контексте и в понятиях более широких общественных процессов, сквозь надежную призму марксистского подхода, учитывающего при характеристике языковых ситуаций детерминирующую роль общественно-экономических отношений, а также роль хозяйственно-культурных типов;

2) историческую (хронологическую), в которой на переднем плане стоят задачи сопоставления языковых процессов современности с языковой жизнью народов прошлых эпох;

3) географическую (пространственную), в которой внимание акцентируется на синхронной стороне дела, т. е. на языковых процессах, протекающих среди различных народов, разделенных не временем, а пространством;

4) социально-психологическую, рассматривающую двуязычие через призму субъективных категорий добровольного или насильственного, целенаправленного или стихийного приобщения ко второму языку;

5) графическую, в которой степень развитости контактирующих языков определяется наличием письменной традиции. В целом этот критерий служит важнейшей границей, определяющей историю и доисторию процессов двуязычия;

6) лингвистическую, в которой встают вопросы описания и сопоставления структурных единиц (фонем, морфем, лексем) контактирующих языков.

При этом лингвистическое (внутриструктурное) изучение языковых процессов принципиально является единым, независимо от того, имеется ли в виду протекание их в настоящем (интерференция) или в прошлом (конвергенция).

К сожалению, наука не располагает какими-либо конкретными данными о процессах развития двуязычия в условиях первобытного общества. Однако в соответствии с установившейся в этнографии традицией ссылаться на опыт народов, живущих в условиях первобытно-общинного строя, когда речь идет об изучении тех или иных закономерностей, относящихся к первобытности, обратимся к народам, сохраняющим многие элементы первобытного уклада: это австралийцы, отдельные народности и племена Индонезии и Юго-Восточной Азии (кубу на Суматре, пунаны на Борнео, аэта на Филиппинах, семанги на Малаккском п-ове, ведды на Шри Ланка), Южной Америки (ботокуды, сирiono, шаванты, гуайяки), пигмеи центральноафриканских лесов и другие. Понятно, что языковые аспекты первобытной жизни также исследованы весьма слабо и изучение двуязычия на австралийском примере чрезвычайно интересно само по себе, так как перед нами предстает образец наиболее ранних стадий истории человеческой речи и языковых контактов. Кроме того, имеет смысл еще раз напомнить, что до сих пор нельзя считать завершенным спор о начальных этапах развития языка и о взаимодействии языков между собой. Согласно традиционной точке зрения представителей классической индоевропеистики, динамика этноязыковой ситуации выражается в постоянном ответвлении языков от одного праязыка (пирамида, стоящая на вершине). Против этой концепции, как известно, активно выступал Н. Я. Марр, заявивший в 1923 г., что «единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция» и что «вначале был не единый, а множество племенных языков»⁶. Согласно теории «первобытной лингвистической непрерывности», разработанной С. П. Толстовым⁷, все начинается с бесчисленного множества языков, которые укрупняются и в перспективе движутся к единству (пирамида, стоящая на основании).

Основой для такой гипотезы послужила идея о сохранении единства языка только в тех границах, в рамках которых имеется общность экономической жизни определенного этнического коллектива.

В условиях замкнутой жизни каждое племя имело свой язык. Общаясь с другими племенами, люди нуждались в известном минимуме взаимопонимания. Это достигалось благодаря отсутствию резко очерченных языковых барьеров между соседними родовыми и племенными коллективами. Вот как писал об этом Н. Н. Миклухо-Маклай: «Почти в каждой деревне Берега Маклая — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна

от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга.

Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы»⁸.

Своеобразный характер диалектного дробления в языке сельского населения на территории Литвы отмечали Ф. Ф. Фортунатов и В. Миллер в конце XIX в. Здесь было такое множество диалектов, что, переезжая из одной деревни в другую на расстояние лишь нескольких километров, исследователь обычно попадал уже в зону другого диалекта. При удалении на определенное расстояние взаимная понимаемость между максимально отдаленными диалектами последовательно исчезала. Собственно литовские (аукшайтские) диалекты незаметно переходили в жемайтские, имеющие много общих черт с диалектами латышского языка. Литовцы-аукшайты с трудом понимали жемайтов, говорящих на своем диалекте, и совсем плохо — латышей⁹.

Согласно С. П. Толстову, на стадии первобытнообщинного строя «языки ближайших локально-родовых групп близки между собой. По мере передвижения к более удаленным локально-родовым группам эта близость уменьшается, однако долго не исчезает и, что самое главное, на каждом отрезке территории эта близость неизменно сохраняется, так что каждая пара произвольно взятых соседских локально-родовых языков оказывается допускающей взаимное понимание». И далее: «Все первобытные языки оказываются по степени близости друг к другу на положении позднейших диалектов или даже говоров, однако при удалении на определенное расстояние взаимная понимаемость постепенно исчезает»¹⁰.

Первобытной языковой ситуации, характеризуемой «непрерывностью», по-видимому, соответствовал свой «первобытный» тип двуязычия. Действительно, «перерыв непрерывности» мог осуществляться с помощью двуязычия, которое можно определить как «скользящее» двуязычие, наиболее эффективно «работающее» лишь в узкой зоне, ограниченной контактами главным образом двух соседних родовых и племенных коллективов. Состав такого двуязычия заключается в том, что люди понимали не только сходную, но и часть несхожей лексики соседнего племени.

«...Новообразование племен и диалектов путем разделения, — читаем у Ф. Энгельса, — происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось теперь. Там, где два численно ослабевших племени сливаются в одно, бывает, что в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух весьма родственных диалектах»¹¹.

История первобытности наполнена индивидуальными и коллективными отселениями, расселениями и переселениями народов. В ходе этих движений, а также под влиянием иных факторов имело место как дробление, так и соединение и сплочение племен в союзы. Понятно, что при столкновении и контактах движущихся коллективов не обходилось без промежуточного этапа двуязычия. Напомним несколько общеизвестных фактов. Среди австралийцев существовал обычай отдавать детей на воспитание в соседнее племя, чтобы, овладев вторым языком, они могли стать посредниками-переводчиками. И хотя в каждом племени обычно находились люди, знающие диалект соседнего племени¹², в целом двуязычная прослойка была чрезвычайно узкой. У североамериканских индейцев род мог усыновлять посторонних¹³ и таким путем принимать их в члены своего племени. «Военнопленные, которых не убивали, становились, таким образом, в силу усыновления в одном из родов, членами племени сенека и приобретали тем самым все права рода и племени»¹⁴. Уникальная разновидность двуязычия известна среди южноамериканских индейцев карибу, обитавших накануне испанского завоевания на о. Доминика и на других Малых Антильских островах¹⁵. Согласно преданиям, эти острова были завоеваны континентальными карибоязычными галиби, которые пощадили лишь местных араваканских женщин. Так возникло карибско-араваканское двуязычие, при котором мужчины говорили в основном по-карибски, а женщины — по аравакански¹⁶.

Таким путем, вероятнее всего, возникали случаи двуязычия в первобытности, хотя в целом для этой эпохи они не были характерным явлением. Что касается тех случаев, когда отдельные «численно ослабевшие» роды «вновь количественно укреплялись путем массового усыновления членов другого рода»¹⁷, то подобные явления не всегда вели к образованию двуязычия, так как в пределах одного племени, как правило, был распространен общий диалект, или, если иметь в виду североамериканских ирокезов, то у них «во всех пяти племенах было несколько общих родов; они говорили на весьма родственных диалектах одного и того же языка»¹⁸. В целом же случаи усыновления встречались довольно редко. Отдельные факты двуязычия появлялись в ходе возникновения союзов племен, которое осуществлялось или путем покорения одного племени другим, например в ходе покорения части араваков воинственными карибскими племенами непосредственно перед испанским завоеванием¹⁹, что свойственно эпохе позднего первобытнообщинного строя, или путем заключения добровольных союзов. В каждом случае возникали контакты и языковые взаимодействия

ствия не только между родственными, но иногда и между неродственными языками. Однако возникавшее в их ходе двуязычие имело кратковременный, узколокальный, бесписьменный и функционально чрезвычайно ограниченный характер.

Поскольку в конце первобытности одно из племен всегда получало преобладание над другими, процессы развития двуязычия вели к тому, что либо побеждал один язык и отмирал другой, либо формировался третий язык, который сохранял в качестве основы морфологический строй одного из контактирующих языков. В итоге, как отмечал С. П. Толстов, языков становилось меньше, но различия между ними становились больше, чем в предыдущий (доконтактный) период²⁰. Кроме того, при отсутствии государственности и письменных традиций скрещивание языков и образование такого языка, который не являлся ни первым, ни вторым, можно считать существенной особенностью языковых контактов и следствием двуязычия при первобытнообщинном строе. Согласно словам Страбона, римляне, которые подчинили своему владычеству множество племен, «не только заставили народы, до сих пор разобщенные, вступить в общение друг с другом, но и научили даже более диких цивилизованной жизни»²¹.

В рабовладельческой эпохе берет свое начало тенденция увеличения мозаичности и этнической пестроты поселений, в том числе городов. Стоит ли удивляться, что один из наиболее смешанных в этническом отношении городов — Вавилон — стал символом языкового хаоса в мире. Рабский труд, как известно, подразумевал совместную работу больших групп разноязычных лиц, что делало необходимым усвоение ими второго языка.

Сейчас трудно сказать что-либо определенное о количественной стороне дела, а также о степени владения вторым языком. Известно, например, что при строительстве монументальной пирамиды в связи с погребением египетского фараона в Древнем царстве долгие годы трудились десятки тысяч рабов. Чаще всего ко второму языку приобщались военнопленные, составляющие в рабовладельческих государствах основной контингент двуязычного населения. Несколько реже двуязычие распространялось среди греческих и прочих наемников, которые, поселившись в различных районах Малой Азии, в Иране и в Египте, находили себе жен среди местного населения или оказывались в плотном иноэтническом окружении.

В рабовладельческом мире известны две категории коренного населения, которых насильственно склоняли к овладению вторым языком, соответственно и два способа становления группового двуязычия, под которым

понимается приобщение более или менее значительных групп населения к другому языку и употребление его в устном общении. В одном случае двуязычными становились военнопленные, оторванные от своих соплеменников и насильственно переведенные в иноязычную среду. Приобщение к языку победителей в этом случае неизбежно сопровождалось утратой своего родного языка. Достаточно было жизни одного поколения, чтобы языковая ассимиляция завершилась переходом на язык победителей. Следовательно, процесс двуязычия был чрезвычайно кратковременным и в передаче культурного опыта особой роли не играл. В другом случае второй язык как язык победителей внедрялся среди населения завоеванных районов. Здесь, наоборот, социальные функции второго языка оставались крайне ограниченными, что вело к его неполноценному развитию. Живой греческий язык папирусов III в. до н. э. был постепенно вытеснен варварским греческим языком местного египетского населения. «По всем странам бассейна Средиземного моря, — писал Ф. Энгельс, — в течение столетий проходит нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами»²². Здесь, как видно, двуязычие сменилось одноязычием, на основе второго языка. Хотя в дальнейшем, по мере национального возрождения народов, потерявших свой первоначальный язык, «латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой»²³. И хотя оба способа существования группового двуязычия, вероятно, имели место гораздо чаще, чем в первобытности, не существовало объективных основ для сколько-нибудь продолжительного (во времени) его бытования, так как не было факторов, которые в органическом единстве стимулировали бы развитие общественных функций как одного, так и второго языка, «закрепляя» тем самым двуязычие.

Не будет преувеличением сказать, что рабовладельческому миру мы обязаны плодотворной идеей необходимости общего языка межэтнических отношений. Две объективные тенденции в развитии языковых и культурных контактов натолкнули людей на эту мысль. В связи с общим расширением и изменением эллинского мира зарождается стремление к преодолению диалектных различий. Постепенно потребность в общем языке начинает удовлетворяться новой формой греческого языка, так называемой «койнэ», общей речью, которая вырастает из аттического диалекта путем постепенного перехода к нему сначала образованных

людей, а затем и более широких масс населения. Местные диалекты исчезают по мере того, как «общая речь» становится средством связи между людьми, говорящими на разных диалектах, а позднее — средством межэтнических связей. Александр Македонский не только открыл греческому языку доступ в земли, простиравшиеся от Эгейского моря до Гиндукуша, от Каспийского моря до порогов Нила, но, насильственно сплотив разноязычное население, создал тем самым определенные предпосылки для развития такой формы двуязычия, когда многие народы вынуждены были для общения избрать один язык.

Важное значение в развитии и углублении процессов двуязычия в рабовладельческую эпоху сыграло возникновение письменности, что, во-первых, послужило рубежом между доисторией и подлинной историей двуязычия, а во-вторых, положило начало существованию новых и чрезвычайно прогрессивных форм и способов существования письменного двуязычия, например в виде хотя и немногочисленных, сначала двух- или даже трехязычных надписей и текстов. Источники изобилуют свидетельствами о тяжелом и напряженном психологическом климате, в котором проходили языковые контакты. В частности, имеется много сведений о презрительном отношении господствующих классов рабовладельческих империй ко всем варварским языкам.

В то же время очень мало сведений о лингвистических аспектах двуязычия древних эпох, в том числе о степени владения вторым языком, о масштабах и способах его употребления. Но даже имеющийся скудный материал говорит о том, что случаи интерференции были нередкими.

В процессе контактов древнегреческого населения с соседними племенами, как об этом пишет Страбон, слова родного греческого языка часто произносились неправильно: «...как варвары, которые только начинают учиться по-гречески и еще не умеют правильно на нем изъясняться, что бывает и с нами, когда мы говорим на их языках»²⁴.

Расширение путей и каналов распространения второго языка в феодальную эпоху, а также появление новых форм и способов существования двуязычия, в том числе проникновения двуязычия в сравнительно новые сферы жизни, объясняются, во-первых, тем, что переход от рабовладельческого способа производства к феодальному явился прогрессивным шагом не только в экономическом, но и в социальном развитии человеческого общества, во-вторых, тем, что феодализму, вероятно, больше, чем любой другой общественно-экономической формации, свойственны многообразие конкретных проявлений, определенная подвижность и текучесть самих характеризующих его категорий²⁵. По хронологической протяженности, конкретным явлениям и частично

по функциональной развернутости процессы двуязычия при феодализме стали более многовариантными и разнообразными, чем в античную эпоху. В развитии языковых контактов и двуязычия в эпоху феодализма можно выделить три момента.

1. Сосуществование двух языков (победителей и побежденных) в течение различного времени; классическим примером могут служить народностно-турецкие виды двуязычия на Балканах в Османской империи (болгарско-турецкое, греко-турецкое, румыно-турецкое и т. д.).

2. Победа завоевателей сопровождалась победой их языка над языком побежденных.

3. Победа завоевателей приводила к поражению их языка в борьбе с местным языком. Из бесчисленного множества примеров достаточно вспомнить исчезновение тюркского языка аспаруховых протоболгар, переселившихся в середине VII в. сначала в южную Бессарабию, а затем создавших на Балканах объединенное государство на основе семи покоренных славяноязычных племен Добруджи и прилегающих к ней районов. В феодальных государствах средневековья получило развитие так называемое элитарное двуязычие, связанное с дипломатическими, административными и прочими нуждами двора и господствующего класса феодалов. Профессиональные переводчики начинают переводить не только устную речь, но и письменные тексты. Этому способствует развитие культуры, в том числе рост количества письменных текстов. Однако произведений светского характера еще мало, гораздо меньше, чем религиозной литературы.

Важно отметить в средневековом населении целые сословия, охваченные двуязычием: духовенство, купцы и др. Последние, как правило, были не только грамотны, но и умели объясняться на языках стран, лежащих на их пути. Устные разновидности средневекового двуязычия, складывавшиеся главным образом в тех случаях, когда отдельные люди попадали в иноэтническую среду, были недолговечными, в том числе из-за того, что человек начинал забывать свой родной язык. В необыкновенно красочном по языку произведении XV в. «Хождение за три моря Афанасия Никитина» отчетливо видно, как русские слова перемешивались с иноземными.

Вместе с тем феодальная эпоха явила миру совершенно новые сферы распространения двуязычия, которые не были известны раньше. Одна из таких разновидностей двуязычия, в частности, выросла на религиозной почве в связи с распространением культовых языков. Это двуязычие имело уже две основные формы своего существования. В целом это было связано с распространением трех так называемых «мировых» рели-

гий: буддизма среди народов Азии, христианства в Европе и ислама на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Перешагнув политические, этнические и языковые границы, эти религии способствовали расширению двуязычия на основе родных языков и какого-нибудь основного языка каждой из указанных религий: латыни и старославянского — среди христиан Западной и Восточной Европы, арабского — среди мусульман, санскрита, китайского, тибетского и кхмерского — среди отдельных групп населения, исповадовавших буддизм. Кхмерский язык, в частности, не играл особой роли среди буддистов за пределами Камбоджи. Языком же буддизма в Юго-Восточной Азии был скорее пали, чем санскрит.

Особое место в языковых процессах феодального периода занимает славяно-греческое двуязычие Киевской Руси. Согласно летописным данным, среди феодальной верхушки, духовенства, купцов, а также некоторых других слоев населения было сравнительно широко распространено знание иностранных языков и прежде всего греческого.

В успешном развитии славяно-греческого двуязычия на Руси известную роль сыграло то, что славянская письменность развивалась на основе кириллицы, имеющей близкое сходство с греческой азбукой. Во-первых, это облегчало усвоение русского письма тем греческим выходцам, которые в XI—XII вв. составляли значительную часть высшего русского духовенства, а во-вторых, для самого населения Древней Руси эта близость алфавитов облегчала возможность овладения греческим языком²⁶. Относительно широкие масштабы славяно-греческого двуязычия в Древней Руси, а также продолжительность его бытования подтверждаются тем заметным влиянием, которое оказал греческий язык на лексику древнерусского языка. Об этом, в частности, свидетельствуют многие греческие по своему происхождению слова современного русского языка: огурец, свекла (или севкла), кирка, известь, плинт (т. е. кирпич) и др.²⁷ В соответствии с двумя основными способами существования двуязычия — устным и письменным, — греческая лексика проникала и через книжные переводы. В славянском переводе «Александрии», например, остались непереуведенными греческие слова, вошедшие в современный русский язык: палаты, стихия, икона, кадило и др.²⁸

Однако в целом сферы бытования этого вида двуязычия были, во-первых, очень узкими с функциональной точки зрения, во-вторых, масштабы его распространения были ограничены узким привилегирован-

ным слоем духовенства, господствующих классов и незначительного числа лиц творческих профессий и, в-третьих, были непонятны широкому слою населения.

Еще одну разновидность двуязычия в феодальную эпоху представляло двуязычие, при котором знание живого народного языка сочеталось со знанием книжного архаичного. Эта форма представляла разновидность сосуществования культовых языков с общенародными языками, поэтому ее сферы также были чрезвычайно ограниченными. И наконец, следует выделить в общей картине средневекового двуязычия преобладание таких его форм, которые возникли не добровольно, а скорее на почве насилия.

Большую роль в расширении межкультурных и межъязыковых контактов и диффузий во всемирно-историческом масштабе сыграли социальные революции²⁹, обратившие феодальный мир в капиталистический, а по времени совпавшие с глобальным «землетрясением» человечества, как иногда называют серию великих географических открытий (с конца XV до конца XVIII в.). Проблемы двуязычия при капитализме, в особенности в современную эпоху, имеют не только научное, но и важное практическое значение, так как до сих пор, как видно, не найдено и вряд ли когда-нибудь будет найдено удовлетворительное решение многих проблем языкового сосуществования в различных многонациональных регионах мира, в реальной повседневной жизни многих современных народов. Более того, события последних лет в Канаде, в Бельгии, Индии и многих других странах показывают, какую остроту и накал получают языковые проблемы, в том числе проблемы двуязычия, в современном мире. Следует подчеркнуть, что зарождение капитализма принесло с собой значительные прогрессивные сдвиги в развитии языковой жизни человечества. Несмотря на некоторое сокращение двуязычия по сравнению с феодализмом, связанное прежде всего с резким падением его народностно-культовых разновидностей и уменьшением масштабов и сфер функционирования со вторым (религиозным по основной сфере употребления) языком, капитализм значительно продвинул вширь развитие языковых процессов. Это произошло прежде всего за счет национального возрождения многих народов и за счет формирования национальных языков. При этом в зависимости от контактов разноязычного населения, находящегося к тому же на разных уровнях социально-экономического и культурного развития, можно по масштабам распространения выделить три основных типа двуязычия в эпоху капитализма. Они имеют «национально-межнациональный» характер: основной сферой их

формирования и бытования служат непосредственные межнациональные контакты и рост потребностей в средстве общения. К первому типу относятся все те случаи, когда в контакт оказывались вовлеченными таксономически сходные (по уровню функционального развития) языки. Именно здесь, среди носителей этих языков, начались поиски «нейтральных» языков-посредников, пригодных для разнообразных чрезвычайно разветвившихся контактов (экономических, дипломатических, торговых, научных, культурных, спортивных и т. п.) между группами людей, народами, государствами, континентами. Особенное значение в роли живых языков, обслуживающих в капиталистическом мире сферы межнациональных и международных общений, приобрели, как известно, сначала французский, затем немецкий, а в последнее время английский языки. Однако социальная база распространения указанных языков в качестве второго языка была узкой, и развитие «национально-межнационального» типа двуязычия не получило широкого размаха, ограничившись незначительной частью господствующих классов и сравнительно малочисленной в количественном отношении прослойкой интеллигенции. Однако, рассматривая генезис и сферы существования указанного типа двуязычия, следует подчеркнуть такие его прогрессивные черты, как добровольное приобщение ко второму языку и возникновение его в ряде случаев неконтактным путем (например, приобщение к французскому языку определенной части русского дворянства).

Ко второму случаю двуязычия при капитализме относятся различные его разновидности, при которых сочетались родные языки покоренных народов в Азии, Африке и регионах Центральной и Южной Америки с языком той или иной колониальной державы, расширяющей свою колониальную экспансию. В целом представляется возможность все подобные разновидности двуязычия объединить в две существенно отличающиеся по масштабам распространения среди местного населения подгруппы:

1) широкое двуязычие, при котором местное население через промежуточный этап массового двуязычия переходило на язык колонизаторов;

2) узкое двуязычие, когда поработанные народы сохраняли свои родные языки, а двуязычием охватывалась лишь незначительная по количеству административная верхушка. В первом случае языки местного населения обрекались на медленное исчезновение, во втором усвоение языка колонизаторов происходило в чрезвычайно примитивных формах.

Между этими полярно отстоящими друг от друга тенденциями встречаются разнообразные промежуточные варианты. Необходимость попеременного

использования то одного, то другого языка, актуальная для многих двуязычных людей, иногда действует в направлении сокращения расстояния между лексикой и другими системами контактирующих языков. В итоге язык двуязычных групп населения иногда оказывается в таком состоянии, когда целые словосочетания или предложения бывает трудно с грамматической точки зрения соотнести с одним из контактирующих языков. Более того, при благоприятных социокультурных условиях эти языковые разновидности могут превратиться в самостоятельные языки. Именно так возникает пиджин, представляющий собой результат языкового компромисса, употребляемый двумя или несколькими языковыми коллективами, когда они находятся в общении. Трансформация английского языка в тихоокеанский пиджин (из которого сформировались новомеланезийский, новосоломоновский и ряд других пиджинов Океании) произошла меньше чем за полстолетия — с конца XIX в.; трансформация английского языка в китайский пиджин происходила с 60-х годов XVII в. до первой половины XVIII в. Пиджины французского, голландского сформировались за столь же короткое время. В ряде случаев происходит развитие креольских языков, превратившихся в родной язык какой-либо группы населения. Такова, в частности, история французского языка, который под значительным влиянием местных африканских языков превратился в современный карибский (креольский) язык в некоторых его разновидностях³⁰. Новейшие социолингвистические исследования показывают, что пиджины и креольские языки оказываются более жизнеспособными, чем это казалось многим специалистам-языковедам.

Совсем в иных условиях и в иной таксономической плоскости возникало «национально-межнациональное» двуязычие в государствах с национально-смешанным составом. В России, Османской империи, Австро-Венгрии и в некоторых подобных образованиях среди малочисленных народов возникало двуязычие с языком господствующей нации в качестве второго языка. И хотя масштабы такого типа двуязычия значительно варьируют в разных государствах и среди разных народов, можно сказать, что для него в целом свойственно более или менее длительное (во времени) функционирование, которое сочетается с далеко не равным и глубоко неравноправным партнерством языков в различных сферах жизнедеятельности. Следует указать, что основной способ возникновения этого типа двуязычия — насилие одного народа над другим. Лишь в отдельных случаях оно возникает естественным, добровольным путем. Сфера действия «своих» языков замыкается в основном домашним бытом, в то время как второй язык получает монопольные

права на все остальное. В недрах рассматриваемого типа двуязычия не возникает проблема выбора (естественного или искусственного) языка как средства межнациональных общений. Язык для такой роли подсказывается самой жизнью, однако из-за трудностей гармонического сочетания общественных функций языка господствующей нации с развитием национальных языков угнетенных народов решение проблемы языка межнациональных общений неизменно осложняется.

В эпоху капитализма в ряде районов мира имеют место случаи массового двуязычия. По хронологической продолжительности бытования их можно сгруппировать в две основные формы:

1) стабильное двуязычие, охватывающее относительно продолжительные периоды сосуществования двух или более контактирующих языков (франко-немецко-итальянское в Швейцарии, финско-шведское в Финляндии и т. д.), и

2) слабоустойчивые формы двуязычия, имеющие временный (преходящий) характер и тенденцию к обращению в свою противоположность, т. е. в одноязычие на основе второго языка. Классическим примером в этом отношении могут служить США. Там судьба родных языков иммигрантов обречена на постепенное (в течение жизни двух-трех поколений) исчезновение.

Эпоха социалистических революций, расширившая всевозможные контакты человечества, в том числе и языковые, и поднявшая их на качественно новую, более высокую по сравнению с капитализмом и прочими классово-антагонистическими обществами ступень развития, гигантски ускорила процессы интернационализации, сближения народов, стран, континентов, культур.

Опыт всемирной истории свидетельствует, что у разных народов в различные времена существовали неодинаковые условия и факторы приобщения к инонациональному языку, разные уровни знания и частота употребления второго языка, а также разные реальные потребности в нем. Более того, по степени распространения двуязычия, по формам и способам его существования, по сферам жизнедеятельности, в которых оно практически реализовывалось, по хронологической продолжительности его функционирования, а также по социально-этническим и культурным последствиям этого явления обнаруживаются серьезные различия не только между разными народами, но и внутри одного и того же народа — между сельским и городским населением, между людьми разного пола и возраста, между различными социально-профессиональными, территориальными, кастовыми, религиозными и прочими группами. Для того чтобы двуязычие развивалось

как непрерывный исторический процесс, необходимо, чтобы оно постоянно воспроизводилось. Иными словами, необходимо, чтобы постоянно и гармонично «работали» обе группы факторов: и те, что благоприятствуют развитию общественных функций родных языков, и те, которые детерминируют широкое распространение второго (инонационального) языка.

Согласованное действие указанных двух групп факторов в диалектическом единстве характерно только для социалистического общества и не имеет аналогов в мировой истории. Развитие этой тенденции, в ходе которой двуязычие приобретает устойчивые черты длительного исторического процесса, стало возможным лишь в условиях неукоснительного соблюдения интернациональных принципов ленинской национально-языковой политики, обеспечивающей равноправие народов, оптимальное развитие и сближение всех наций и народностей СССР, в том числе свободное развитие национальных языков при одновременном приобщении населения к инонациональному языку. С этим связана другая особенность советского опыта развития двуязычия. Она заключается в стабильности в устойчивости таких языковых процессов, в ходе которых оба языка (и родной и инонациональный) служат населению важными средствами общения в разнообразных сферах жизнедеятельности. Эта стабильность, в частности, достигается благодаря осознанному и целенаправленному приобщению многих нерусских народов к русскому языку через широко разветвленную систему школ, в которых преподавание ведется на русском языке или же русский язык преподается как предмет. О том, какое влияние оказывает советская школа (средняя и частично высшая) на развитие процессов двуязычия, можно судить по возрастной группе 11—19 лет. Как показала перепись 1970 г., доля двуязычных здесь в среднем увеличивается (по сравнению с предыдущей — до 10 лет — возрастной группой) более чем в 5 раз и охватывает почти половину юношей и девушек среди нерусских народов союзных республик. Среди группы нерусских народов, образующих автономные республики и автономные области, удельный вес двуязычных между теми же возрастными группами повышается от 30,7 до 75,3%. Эти данные свидетельствуют о все расширяющемся двуязычии и о том, что в эпоху социализма одна лишь школа дает возможность глубоко и устойчиво приобщиться ко второму языку такому же числу людей, которые два-три десятилетия тому назад приобщались под воздействием всех факторов, вместе взятых³¹. Вместе с тем нельзя не отметить, что в 1974 г. советская школа начала учебный год по букварям, изданным для первоклассников на 90 языках народов СССР. Это свидетельствует не только об интернациональ-

ном характере процессов двуязычия, но и об оптимальном развитии языковых процессов. Иными словами, интернационализм языковой политики и языковой практики в эпоху социализма проявляется в виде взаимосвязанного процесса развития родных языков в сочетании с распространением языка межнациональных общений. Интернационализм советского двуязычия³², сохраняя свою прямую связь с национальным развитием народов и всячески благоприятствуя этому развитию, одновременно ослабляет национальные перегородки между народами, никоим образом не ущемляя при этом их национальных интересов, а наоборот, усиливая дружбу советских народов, которая, по словам Л. И. Брежнева, является бесценным достоянием, одним из самых значительных и самых дорогих сердцу каждого советского человека завоеваний социализма³³. В связи с этим нельзя не указать на принципиальное отличие путей становления двуязычия в советском обществе от аналогичных процессов в капиталистическом мире. Обучение второму языку при капитализме ставит задачу подготовить человека к выполнению какой-либо социальной функции, в то время как при социализме оно служит всестороннему развитию личности.

За полноценное двуязычие мы принимаем такие его проявления, когда оно возникает в условиях фактического равноправия языков, на добровольной основе, по доброму согласию носителей каждого языка, контактным и даже неконтактным путем (в том числе, включая массовое приобщение ко второму языку через систему школьного образования), когда оно достигает всенародного характера, охватывая все половозрастные, социальные и иные слои населения, и существует как в устной, так и в письменной форме. При таком подходе, учитывающем не один, а одновременно несколько показателей двуязычия, можно сказать, что ни одна досоциалистическая разновидность двуязычия не «набирает» перечисленного комплекса признаков.

Опыт всемирной истории помогает преодолеть широко распространенное заблуждение относительно того, что для народов мира одноязычие является правилом, а многоязычие, в частности в такой его разновидности, как двуязычие, — исключением. Справедливо полагают, что в основе подобной ошибки лежит экстраполяция опыта нескольких европейских и американских стран, в течение сравнительно непродолжительного исторического периода стремившихся к полной стандартизации языка как символу и орудию своего национального бытия³⁴.

При всем разнообразии конкретных форм и способов существования двуязычия как явления со значимым общественным резонансом оно развивалось (с точки зрения хода всемирной истории) от отдель-

ных индивидуальных проявлений и ограниченных форм бытования в первобытности к полному двуязычию и его всенародному бытованию в зрелом социалистическом обществе. При этом по мере прохождения народов мира через одни и те же ступени общественного и социально-экономического развития последовательно расширялись и масштабы двуязычия. Если для феодализма, например, не было характерно массовое двуязычие, а для капитализма оно в отдельных случаях характерно, то с победой социализма в нашей многонациональной стране были созданы благоприятные условия для становления и развития всенародного двуязычия.

Суть еще одной всемирно-исторической закономерности в развитии процессов двуязычия заключается в последовательном — от формации к формации — ускорении и углублении процессов приобщения людей ко второму языку посредством использования современных методов обучения, углубления его знания, расширения сфер употребления при одновременном свободном владении языком своего народа и устойчивого психологического сохранения его как своего родного языка. С этой тенденцией в свою очередь связана еще одна важная закономерность в развитии двуязычия, сущность которой состоит в последовательном выравнивании вплоть до слияния при социализме двух разделенных в прошлом и разных — элитарных и массовых — форм существования двуязычия. Процессы выравнивания между этими двумя формами происходят двояким путем: с одной стороны, углубляется знание второго языка у широких масс населения; с другой — расширяется сфера проявления и бытования двуязычия, охватывая, например, в культуре не только процессы потребления, передачи культурных ценностей, но и производство их, в том числе творчество на каждом языке при двуязычии. Все разновидности устного двуязычия в досоциалистические времена от первобытности до капитализма возникали преимущественно контактным путем и служили главным образом целям устных межнациональных общений. И только при социализме широкое распространение получила тенденция развития массового (всенародного) двуязычия неконтактным путем, в частности через систему школьного образования. Таким образом, по мере смены одной общественно-экономической формации другой имело место последовательное расширение неконтактных способов приобщения ко второму языку, а также постепенный синтез двух основных — контактного и неконтактного — путей возникновения двуязычия. В целом факторы, способствующие развитию процессов двуязычия в классово-антагонистических обществах, имеют принципиальное отличие от факторов, детерминирующих социалистические типы двуязычия.

В антагонистических формациях факторы двуязычия, как правило, обладают внутренней противоречивостью, которая ведет в конечном счете к неприимости контактирующих языков. В каждом случае факторы развития общественных функций одного языка (например, языка своей национальности) обнаруживают перевес или уступают факторам распространения второго языка. Конечная судьба двуязычия сводится к одноязычию, что достигается альтернативным путем: или за счет сохранения устойчивости языка своего народа, при крайне незначительном распространении второго языка, или, наоборот, победу одерживает (через два-три поколения) второй язык. Если согласиться с этой точкой зрения, то историю двуязычия в каждой из трех антагонистических формаций можно представить в виде противоборства факторов развития первого и второго языков. Иными словами, все группы факторов выступают по отношению друг к другу как силы динамики и силы торможения. Лишь социализм, обеспечивая полное равноправие народов и языков во всех областях жизни, уравнивает силу каждой группы факторов и делает их оптимальными средствами активизации каждого языка и языковых контактов в целом, стимулируя тем самым длительное бытование и широкое распространение процессов двуязычия.

4. К ИЗУЧЕНИЮ ДВУЯЗЫЧИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ¹

История прогрессивного развития народов мира представляет собой последовательный рост производительных сил и совершенствование производственных отношений. Наряду с этим она наполнена яркими страницами культурно-языкового взаимодействия. В ходе межэтнических и межнациональных контактов — прямых или косвенных, слабых или интенсивных, кратковременных или долгосрочных, двусторонних или многосторонних — заимствовались важнейшие достижения человеческого труда и разума — от первобытного рублика до современных ЭВМ. Закономерно поэтому, что процессы культурного сосуществования, взаимодействия, взаимообмена и взаимообогащения играли, играют теперь и, вероятно, будут играть исключительно важную роль на пути к коммунистическому единству человечества. Важнейшим средством всевозможных контактов, в ходе которых от народов к народам передавался богатейший материально-хозяйственный, культурно-бытовой и нравственный опыт, служил язык, получивший точное и емкое определение в известной ленинской формуле:

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения»². Эта формула несет в себе глубокий методологический смысл, потому что указывает область, в которой следует искать характеристику социальной значимости языка как общественного феномена. «Только от распространенности сношений зависит, теряются — или нет — для дальнейшего развития созданные в той или другой местности производительные силы, особенно изобретения»³. Закономерно, что развивающиеся на протяжении столетий почти без контактов с другими народами коренные народы Австралии и Океании сохранили низкий уровень социально-экономического развития и архаичный культурно-бытовой уклад, соответствующие по европейским масштабам мезолиту и раннему неолиту. Однако если бы этнические контакты ограничивались рамками одной языковой общности, то культура человечества представляла бы не менее пеструю и многообразную картину, чем современная языковая панорама народов. В то же время действительность выглядит иначе. Даже в районах с исключительно ярко выраженным языковым многообразием (Кавказ, Новая Гвинея, район Оахака в Мексике и т. д.) наблюдается известное единообразие в культуре. Именно это, как подчеркивалось в литературе, служит надежным доказательством того, что общение преодолевает этнические и языковые границы. Нетрудно догадаться, что главным средством подобного преодоления является владение каким-либо вторым языком помимо родного, т. е. двуязычие и многоязычие. Возникающие таким образом двуязычие и сочетание элементов двух культур, в какой бы зависимости они не находились по отношению друг к другу, имеют место, если они реализуются в речевой и культурной деятельности индивидов.

Поэтому понимание двуязычия и сосуществования двух культур как динамического исторического процесса подразумевает более или менее стабильное приобщение ко второму языку и элементам инонациональной культуры новых поколений, у которых в зависимости от личных потребностей и в результате воздействия внешней среды предопределяются знание и употребление иноэтнического языка, переключение с одного языка на другой, а также организация деятельности согласно моделям и предписаниям не одной, а по крайней мере двух отличающихся друг от друга культурных моделей. Более того, изучение динамической стороны дела осложняется отсутствием параллелизма между языковыми и культурными процессами, так как фонд национальной культуры, особенно в материальной его части, обновляется гораздо чаще, чем «фонд» языка. Кроме того, отдельные исследо-

ватели нередко пренебрегают даже такой относительно тривиальной истиной, что одни поколения неизбежно сменяются другими. В итоге имеет место нечеткое и неточное понимание сущности, содержания и соотношений между проявлениями двуязычия и двойной культуры. Кроме того, проблема усложняется также и тем, что в дихотомии «два языка — две культуры» не всегда расчленяются два принципиально различных аспекта. В одном случае, в соответствии с пониманием языка как важнейшего средства общения, речь идет о двуязычии как о средстве и одном из механизмов приобщения к иноэтнической культуре. Двуязычие здесь выступает как механизм культурных трансмиссий. В другом случае внимание акцентируется преимущественно на синхронной стороне дела и выявляются всевозможные разновидности структурно-функциональных связей в ходе сосуществования двух языков и элементов двух культурных систем. При таком подходе выделяются по крайней мере три линии теоретического соотнесения:

1) во-первых, двуязычие воспринимается как один из факторов развития этнокультурных процессов, т. е. процесса становления или процесса функционирования двойной культуры;

2) во-вторых, двуязычие служит важным условием генезиса и проявления двойной культуры;

3) в-третьих, двуязычие, в свою очередь, представляется как своеобразный итог, как результат исторического развития генетически неоднородных культурных систем. Все три линии соотнесения, понятно, тесно связаны между собой и взаимно дополняют друг друга.

Если подходить к двуязычию и к элементам двух генетически неоднородных культур как к динамическим процессам, то в поле зрения исследования неизбежно вовлекается еще один объект — сам человек, без которого немислимы какие-либо языковые или культурные процессы. При таком подходе к традиционной культурологической проблематике, ограниченной ответами на вопросы, что передается, когда и при каких условиях, добавляются вопросы о том, кто, кому, каким способом передает те или иные элементы культуры и на каком языке эта трансмиссия совершается. Разумеется, при этом важное значение приобретают и психологические аспекты: каково отношение индивидов к инациональным культурным системам, а также к заимствованию отдельных элементов иной культуры, кем, как и в чьих интересах проводится соответствующая культурная политика? Отдельные аспек-

ты двуязычия и двойной культуры дифференцируются в зависимости от уровня их проявления. Последние могут быть ранжированы от отдельной личности до всего человечества, включая такие промежуточные звенья, как семья, группа, класс, общность, нация.

В данной статье делается попытка сформулировать некоторые задачи изучения структурно-функционального и генетического аспекта в соотношениях между двуязычием и двойной культурой.

Думается, что подобная задача непосредственно вытекает из потребностей современной этнографии, в поле зрения которой находится проблема соотношений в системе «язык—культура—этнос». Это изучение особенно важно применительно к современности, так как в отличие от прошлых эпох, когда «соотношение языка и этноса было обычно стабильным», в наше время «существенные изменения в языковых параметрах этносов» становятся явлением широко распространенным⁴. Однако на пути к изучению всевозможных сопряжений и соответствий между языком и культурой, двуязычием и двойной культурой встает много трудностей. И главные трудности — в чрезвычайно обильном многообразии форм и оттенков этого сопряжения, за которым не всегда удается уловить общие исторические закономерности развития языков и культур в их диалектическом единстве. Хотя вопрос о соотношении между двуязычием и двойной культурой уже ставился в литературе (С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, Ю. Д. Дешериев, В. Ю. Розенцвейг, Ф. П. Филин и др.), он еще ждет своего разрешения. Более того, чтобы всесторонне и полно рассмотреть и проанализировать настоящее, всегда необходимо достаточно четко представлять себе и понимать прошлое.

Разумеется, при диахронном подходе нельзя миновать описания ситуаций двуязычия и контактов между элементами двух культур. Однако для того чтобы оно могло послужить надежной основой для выявления социологических закономерностей, необходимо, чтобы в нем были учтены реальные факты. Но поскольку им несть числа, задача приобретает хотя и более узкий, но значительно более сложный характер. Встает вопрос, как выбрать типичные случаи двуязычия. Идеально было бы, чтобы в таком описании был приведен полный перечень факторов, вызывающих к жизни возникновение, развитие и функционирование двуязычия и двойной культуры, механизмы их проявления и становления, а также отображение связей между ними. Как двуязычие, так и двойная культура реально проявляется в конкретной деятельности отдельных индивидов. Отсюда классификация соотношений — на виды, типы, классы т. п. — есть не что иное, как уровни обобщений.

Иными словами, видовые и индивидуальные характеристики отличаются друг от друга только по масштабам и степени, а не принципиально.

Основной темой двуязычия при исследовании культурных процессов, и в частности проблем двойной культуры, выступает изучение языковых процессов в широком контексте общественных процессов. Такой подход ведет к закономерному отказу от изучения структурных и функциональных аспектов языка без учета их связи с внеязыковой действительностью — социально-экономическими, политическими, идеологическими, демографическими, государственно-правовыми и иными условиями. Особую важность при этом, естественно, приобретает детальный анализ двуязычия и элементов двух культур через призму классовой и социально-классовой структуры общества. Эффективность такого подхода с особой наглядностью проявилась, в частности, в серии социолого-лингвистических исследований, посвященных современному функциональному взаимодействию языков-партнеров. Однако синхронный подход к характеристике основных тенденций и закономерностей языкового развития народов не всегда сочетается с изучением их фундаментальной зависимости от более общих, глобальных закономерностей исторического процесса. Вероятно, по этой причине изучение современного функционального развития языков и культур в их взаимодействии оказалось в известной мере в некоторой изоляции от близких по тематике проблем, разрабатываемых историками, литературоведами и представителями других общественных наук. Сейчас настала пора перейти от этой искусственной изолированности к более углубленному проникновению как в суть развития самого языка, так и в суть его связей с развитием культур и любых других бурных, насыщенных событиями и сложными явлениями общественных процессов современности.

«Чем больше любая область изучения человеческого общества, этнических, национальных, классовых общностей, экономических отношений, идеологии, — отмечал А. А. Губер, — становится исследованием процесса их изменения и развития, тем сильнее и заметнее вступает в свои права принцип историзма. В то же время историки, изучающие даже самые отдаленные периоды прошлого человечества, не могут игнорировать в своей работе методы и приемы, выводы и обобщения, достигнутые другими общественными науками»⁵.

Основными источниками для освещения поставленных задач служат данные об этноязыковых и культурных контактах и связях, а также памятники и продукты человеческой деятельности, переданные от одних народов к другим или созданные на языке другой национальности. Что

касается языка и речевого поведения, то они заслуживают самостоятельного изучения, несмотря на отводимую им второстепенную роль в процессах трансмиссии культуры. При большом количестве фактов двуязычия и проявления двойной культуры сведения о взаимосвязи между ними, например о роли второго языка в приобщении к иноэтническим достижениям, чрезвычайно скудны. Тем более необходимым поэтому представляется отделить историю двуязычия от ее предьстории. Действительно, мы, например, не располагаем сколько-нибудь удовлетворительными данными о двуязычии в первобытную эпоху. И все попытки исторического осмысления двуязычия в доисторические периоды его развития опираются на опосредствованные выводы, за исключением разве лишь тех сведений, которые содержатся в наблюдениях древних авторов, а также на информацию относительно жизни племен, сохранивших до недавнего времени состояние, близкое к первобытному.

Начало подлинной истории двуязычия как важнейшего средства и механизма культурной трансмиссии относится к рабовладельческому периоду. Поскольку в эпоху эллинизма греческим языком можно было пользоваться от Марсея до Индии, от склонов Кавказа до пустынь Египта, этнокультурная замкнутость как бы начала отступать на второй план, уступив место общему языку, общему воспитанию, которые благоприятствовали распространению элементов общей культуры в каждом полисе «обитаемого мира». В науке и литературе начинают взаимодействовать и циркулировать идеи, связанные с более обширным миром, чем Греция, а элитарные прослойки в Риме и в некоторых областях Азии начинают проникаться сознанием, что греческую культуру, по крайней мере с ее внешней стороны, должен усвоить каждый. По образному выражению известного специалиста по истории эллинизма английского историка В. Тарна, эпоха эллинизма — «это век специалистов, от человека науки до плотника, который делает дверь, но нуждается в другом человеке, чтобы подвесить ее». В условиях формирования могущественных эллинистических государств греческая мысль и греческая культура сохранили свое руководящее значение. При этом немаловажным орудием распространения эллинистической культуры выступали общий язык и формирующееся на его основе двуязычие. Тем не менее нельзя сказать, что каждая плодотворная идея была обязательно греческой по своему «этническому» происхождению. Так, например, одно из серьезных достижений III в. до н. э., стоическая философия Зенона (около 336—264 г. до н. э.), — творение человека, который, независимо от того, была ли в его жилах ка-

кая-либо примесь греческой крови, несомненно, оставался для своих современников финикийцем⁶. Особенно ценной для того времени в этом учении являлась, например, мысль о том, что благо всех выше блага отдельного лица.

В завоеванных греками областях Малой Азии местное греческое двуязычие в некоторых, преимущественно привилегированных, слоях населения начинает сопровождаться усвоением элементов двух культур. Симбиоз двух встретившихся культур выражен пока еще лишь отдельными, далеко не самыми глубинными элементами. Цари поверхностно эллинизированных царств Малой Азии (Каппадокии, Понта, Армении) приняли греческие культовые имена, пользовались при своих дворах греческой речью или чередовали ее с речью на родном языке, принимали греческие титулы и справляли праздники, приглашали греческих деятелей культуры, строили города, давая им названия на языке своей этнической принадлежности. Подобного рода смешанный (неполноценный) эллинизм прекрасно иллюстрируется греческой надписью на могиле одного из таких царей: она составлена на цветистом греческом языке, но видно, что ее двуязычный составитель не усвоил правильного употребления греческого артикля. По этой же надписи удастся проследить, как царь пытается подвести идеологическую основу под свою причастность к двум культурам. Он считает себя потомком Дария I и Александра Македонского, а происхождение своей царской власти связывает с Персией и Македонией; он пользуется македонским календарем, но приписывает свои успехи благочестию и святости. И хотя он поклоняется персидским божествам Агурамазде и Митре, последние носят также и греческие имена. По существующим греческим стандартам царь учреждает специальный фонд для увековечения их культа на своей могиле. Тем не менее в целом не повторяется греческая модель, поскольку для обеспечения всех этих служб отводится несколько деревьев и группа храмовых рабов, потомки которых должны навеки посвятить себя этому культу. Иными словами, перед нами воспроизведение древних негреческих форм жреческого государства⁷.

Важную роль играло двуязычие в контактах отдельных групп еврейского населения с греческим миром. Даже в тех случаях, когда евреи селились в греческих городах и оказывались достаточно многочисленными, чтобы основать собственную синагогу, а также организовать ассоциации на этнической основе, со временем богослужение во многих синагогах стало вестись на греческом языке. Наряду с указанным обстоятельством следствием заимствований в других сферах культуры явля-

лись длинные списки евреизированных греческих слов — от политических терминов до предметов домашнего быта. Вместе с греческим языком внедрялись и греческие обычаи: сначала в виде подражания, а затем и полного переключения на новые церемониалы. Двуязычное еврейское население образовывало союзы по профессиям, издавало постановления по греческим образцам и помещало их на стенах перед синагогами, копировало греческие надгробные надписи, формы отпущения на волю, подобно грекам, награждало титулами и почестями женщин, в отдельных случаях терпимо относилось к этнически смешанным бракам и отказывалось от обрезания⁸.

Проявляется и обратная тенденция, когда попавшие в иноэтническую среду греки частично адаптируются к ней. Вслед за усвоением языка и местной египетской материальной культуры отдельные группы греческого населения стали усваивать наиболее консервативную часть иноэтнической духовной культуры — египетскую религию и обычаи вплоть до бальзамирования покойников. Более того, в I в. до н. э. среди греков Египта инокультурное влияние проникло в сферу семейных отношений, о чем свидетельствует практика распространения браков между братьями и сестрами, которая стала впоследствии настолько широкой, что Риму пришлось наложить специальный запрет.

В целом история рабовладельческого мира дает нам не только примеры таких контактных зон, где происходит приобщение завоевателей к культуре покоренных народов и наоборот, но и примеры того, как на почве встречного симбиоза формируются смешанные в этнокультурном отношении группы населения. Так, например, несколько веков взаимной культурной и языковой интерференции создали в Египте такую ситуацию, когда отдельные египтяне поднимались по социальной лестнице до положения греков и принимали греческие имена, а статус некоторых греков настолько снизился, что в одной и той же семье стали встречаться и греческие и египетские имена. В. Тарн, видимо, не без оснований полагал, что в результате такого симбиоза образовалась новая, смешанная, народность, занимающая среднее положение между греками и египетскими феллахами, а словом «эллин» стали именовать человека — носителя элементов греческой культуры⁹.

Подлинной революцией и торжеством человеческого гения было изобретение буквенной письменности, завершившей развитие цепи: наскальные изображения — словесное письмо — слоговое письмо. Разработка первых графических знаковых систем для фиксации и передачи речи относится к универсалиям человеческой культуры. Полагают, что, зародившись у одного народа, идея словесно-слоговой письменности

могла стать известной его соседям и стимулировать собственное аналогичное изобретение. Например, древние греки считали, что их алфавит заимствован у финикийцев, хотя вполне вероятно, что процессы заимствования были гораздо сложнее и, в частности, не обошлось без фригийского влияния. Не исключено также, что каждая письменность (алфавитная система письма) изобреталась разными группами человечества неоднократно в более или менее однотипных условиях. Согласно И. М. Дьяконову, эламская иероглифика могла быть изобретена под влиянием шумерской, а силлабические системы письма Средиземноморья, а возможно и Малой Азии, относящиеся ко II тысячелетию до н. э., видимо, в основе своей восходят к древнейшему письму Крита. С другой стороны, письменности египтян, шумеров, народов протоиндийской цивилизации, критян, китайцев, майя, а также некоторых других народов мира (древней Америки, полинезийцев, отдельных народов Африки, Азии и Америки) даже в XIX—XX вв., по всей вероятности, были изобретены независимо друг от друга¹⁰.

Развитие письменности и появление билингов (людей, владевших двумя языками), способных переводить тексты с одного языка на другой, открыло новую страницу в истории культурных трансмиссий. Едва ли не одним из самых ярких примеров положительной роли двуязычия в этнокультурных контактах эллинизма может служить перевод Ветхого Завета («Семидесяти толковников», или «Книги семидесяти») на греческий язык, осуществленный в основном во II в. до н. э. Именно с этого перевода в дальнейшем были осуществлены последующие на новогреческий, латинский, старославянский и ряд современных европейских языков. Иными словами, письменное двуязычие, материализовавшееся в эпоху эллинизма в виде итогов переводческой деятельности, явилось тем широким мостом, по которому культура Востока, в том числе богатейшее вавилонское наследие, двинулась на Запад и на Север.

Рабовладельческий мир характеризуется усилением культурных контактов между народами. Заслуга Александра Македонского перед историей культуры состояла в том, что он вовлек в сферу европейской жизни культурное наследие Вавилона. Действительно, в течение нескольких поколений после его смерти наблюдался такой рост европейской культуры, какого мир более не видел в течение многих столетий. Идеологическая оценка деятельности Александра нашла, в частности, свое выражение в восхищении им за то, что он «...землю своим непрестанным движением... терзает»¹¹, за его непреодолимое влечение к недостижимому, за то, что «слишком тесными он назвал пределы зем-

ные». Едва ли не самым важным было то, что люди стали не только открывать черты сходства и различия между народами, но и приобщаться к иноэтнической культуре.

Два фактора — межэтнические браки и двуязычие — уже в I в. до н. э. были, по-видимому, настолько эффективными в деле развития этнокультурных контактов, что термин «грек» в отдельных случаях означал культуру, а не происхождение. Так, об одной женщине-«гречанке», родом сиропфиникиянке, говорится, что она стала гречанкой по культуре¹². Участие в завоевательных походах, длительное пребывание в иноэтнической среде создавали условия не только для овладения незнакомым языком, но и выявляли культурное различие и единство человечества. Действительно, у иноземных народов могли быть иного цвета кожа и иной разрез глаз, они говорили на непонятном — сначала — языке, поклонялись неведомым божествам и идолам, одевались в необычные одежды, питались диковинными плодами, но вместе с тем, как и все люди на земле, веселились на праздниках и горевали на похоронах, зарабатывали подчас сложную, но в чем-то главную единую систему жизнеобеспечения.

Роль двуязычия в процессах культурной трансмиссии значительно возросла в эпоху эллинизма в связи с развитием международной торговли. Кроме греков «торговыми» народами считались южные арабы, евреи, финикийцы, причем энергичность и коммуникабельность последних неоднократно подчеркиваются в источниках. Иноземные торговцы обычно объединялись в ассоциации на основе единой этнической принадлежности. Однако, попадая в чужой город, они «приносили с собой своих богов»¹³, а наряду с подсобными помещениями для товаров воздвигали храмы.

На Делосе, например, на протяжении нескольких веков сталкивалась культура египтян, финикийцев, сирийцев; лигней из Южной Аравии принесли своего бога Вадда, евреи построили синагогу, италики — рынок; в широких масштабах развернулось строительство гавани, жилищ, складов, тянувшихся вдоль набережных, выложенных египетским гранитом. Важнейший центр транзитной торговли, Делос одновременно был крупным центром двуязычия и культурных взаимодействий.

Приобщение к иноземному языку открывало необыкновенный мир иной культуры, рождало и укрепляло интерес к культуре иноязычного народа, мысль о полезности культурного обмена. В этом исключительно важное значение двуязычия. Наряду с этим знание второго языка помогало преодолевать подозрительность и враждебность к «варварам», «иноверцам», которых по традиции было принято считать

своими потенциальными врагами. Однако до конца эти стереотипы еще долго не были изжиты, и, разумеется, не двуязычию принадлежала здесь ведущая роль.

Долгое время средневековый мир считался прочно замкнутым в стенах городов, замков, башен, в оградах монастырей и храмов, в малодоступных селах и деревнях. Однако новейшие исследования показывают, что и ему была присуща динамика культурной и языковой жизни. В этот период значительно активизировались усилия народов по установлению контактов и связей между странами, народами и цивилизациями.

Обе разновидности двуязычия — и устная и письменная — «работали» в эту пору на процессы взаимообмена, имевшие место в различных сферах материальной и духовной культуры. Для средневековья типичной становилась подвижность отдельных групп двуязычного населения. Сооружая церкви, рыцарские замки и городские здания, люди строительных профессий — каменотесы, плотники, столяры, скульпторы, художники — создатели фресок и мозаики — переезжали за сотни километров, передавая культурный опыт одних народов другим. Для строительства акведука византийский император Константин V (741—775) собрал «из Азии и Понта 1000 строителей, каменщиков 200; из самой Франции 5000 и 200, изготавливающих кирпичи»¹⁴. Архитекторы, строившие собор Киево-Печерского монастыря, согласно легенде, привезли греческие книги в фонд монастырской библиотеки¹⁵.

Нельзя не отметить наряду с христианством положительное влияние на культурную жизнь Древней Руси славяно-греческого двуязычия. Развитие техники в земледелии выразилось в значительном повышении общей культуры огородничества, так как сорта многих овощей были завезены из Византии. Не менее очевидными явились заимствования в области строительных материалов, технических приемов строительства, в сфере архитектуры, в том числе церковного зодчества, а также в сфере живописи и просвещения¹⁶. Не менее интенсивно в эпоху средневековья воспринимались и элементы духовной инациональной культуры благодаря деятельности миссионеров, пилигримов, духовенства, книжных людей, странствующих актеров, бродячих студентов, переводчиков, купцов. При этом особой подвижностью отличались формы театрально-зрелищного искусства, а также произведения музыкально-поэтического жанра, связанные, в частности, с дворцовыми увеселениями. Из одной культуры в другую переносились важные этнографические сведения о быте, нравах, обычаях народов. О передаче таких сведений упомянул древнерусский летописец, указав, что «слава великая» Владимира Мономаха «по

странам дальним рекуще и греком, и к уграм, и ляхом, и чехом, дондеже и до Рима проиде»¹⁷. Следует, однако, подчеркнуть, что подобная культурная информация, циркулируя в самых различных направлениях, тяготела тем не менее к основным караванным дорогам, соединяющим Запад с Востоком, или к крупным центрам, расположенным при слиянии водных и караванных путей. Одним из них был Константинополь, по определению К. Маркса, «золотой мост между Востоком и Западом»¹⁸.

Значительная роль в трансмиссии культуры принадлежала двуязычным лицам различного духовного звания. Монахи-эмигранты нередко основывали свои обители в иноэтнической среде. Не менее важное значение имели принимаемые ими переводы догматов своей веры на местные языки. На каменной стеле, найденной в начале XVII в. недалеко от Чаньяня, на сирийском и китайском языках была вырезана красноречивая надпись: «В 9-ый год Чжэнгуань (636 г. н. э.) Олопен прибыл в Чаньянь... Его рукописи были переведены в библиотеке. После того как в (императорских) частных покоях учения эти были проверены, император признал их справедливыми и истинными и приказал проповедовать их и распространять»¹⁹.

Таким образом, расшифровка текста Несторианской стелы позволила Европе узнать о широком распространении своего вероучения в Китае VII—VIII вв.²⁰.

Роль двуязычия стала заметно возрастать в XII—XIII вв. в связи с интенсивным развитием в Европе средневековой культуры. Именно применительно к этому периоду можно говорить о том, что индивидуальные факты добровольного приобщения к иноэтническому языку стали перерастать в групповые.

Едва ли не самое видное место в истории культурных взаимодействий средневековья занимают процессы славяно-греческого двуязычия в Киевской Руси и тесно связанная с ними широкая трансмиссия через Византию высоко-развитой греко-латинской культуры. По масштабам своего приобщения и культурному наследию античного мира и византийской цивилизации Киевская Русь не уступала Латинскому Западу. В то же время между ними была одна чрезвычайно существенная разница. Благодаря древней латинской письменности многие страны Западной Европы, по крайней мере романоязычные народы Италии, Франции и Пиринейского полуострова, относительно легко воспринимали богатое культурное наследие греческой и римской цивилизации. Действительно, итальянцу не надо было специально учиться незнакомому языку, чтобы читать в оригинале древнеримскую литературу и греческие

произведения, еще в древности переведенные на латынь. Точно так же Византийская империя легко усваивала культурное наследие эллинистической цивилизации, потому что византийцу не нужно было обучаться второму языку, чтобы читать древнегреческую литературу. Совсем иначе обстояло дело в Древней Руси. Ее путь к вершинам античной цивилизации лежал через двуязычие. Иными словами, она должна была переводить произведения древних мыслителей на свой родной славянский язык. При этом перед переводчиками стояла трудная задача — передать многие понятия науки и культуры, сложившиеся еще в античном мире, на только еще формирующийся славянский письменный язык. В XI в., в период интенсивной переводческой деятельности на Руси, история славянской письменности насчитывала не более двух столетий²¹.

Таким образом, благодаря двуязычию одновременно решались две исторически важные задачи. С одной стороны, на Руси закладывался надежный фундамент для усвоения и развития достижений античной культуры, а с другой — в бескнижной тогда еще славяноязычной среде мощные импульсы для своего функционального развития в сфере литературы получал письменный славянский язык. Переводческая деятельность древнерусских книжников не сводилась к элементарной передаче понятий с одного языка на другой, но представляла собой творческое освоение новых слов. Именно в этом, как отмечал М. Н. Тихомиров²², состояла великая мировая заслуга славянских народов.

Передача культурных ценностей была связана с активной ролью миссионеров, духовенства, путешественников, передававших «свою» культуру в «неведомые» земли. В то же время иноземный культурный опыт осваивался и самими инициаторами путешествий, странствий, завоеваний. Иногда это происходило организовано в довольно широких масштабах. После покорения арабами в середине VII в. н. э. государства Сасанидов культура последнего еще длительное время питала поколения арабских завоевателей. При халифском дворе в Багдаде культивировались нравы, обычаи, праздники Сасанидов, с пехлеви (среднеперсидского языка) на арабский переводились сасанидские хроники и научные трактаты²³.

Анализ сюжетов средневекового эпоса «Книга моего деда Коркута» показывает, что по мере продвижения тюркоязычных гузов с востока на запад элементы их устного поэтического творчества распространялись сначала среди населения Средней Азии, а затем, в период сельджукских завоеваний, в Закавказье и в Малой Азии²⁴.

Произведения, переведенные в Киевской Руси с греческого языка, становились достоянием славянской культуры, а также источником ее дальнейшего

самостоятельного развития. Именно этим путем из греческих хронографов в древнерусский культурный фонд вливались сведения о древнейшей истории мира и о прошлом соседних с Русью стран Балканского полуострова, о географии Восточной Европы, заимствовались сюжеты исторических повестей, мемуаров²⁵.

Особое значение имели «комбинированные» трансмиссии, в ходе которых передавались элементы культуры, органически сочетавшие и материальное и духовное начало. Благодаря им сегодня мы, в частности, знаем, что ансамбли различных музыкальных инструментов выступали перед шахиншахами сасанидского Ирана (наскальные рельефы Так-и-Бостана), на пирах согдийских дихкан (живопись Пенджикента), развлекали омейядских халифов (фрески замка Каср ал-Хайр в Сибири) и владетелей Турфанского княжества (росписи в Синьцзяне)²⁶.

Важным фактором культурного двуязычия выступала универсальная средневековая латынь. Церковь, не зная этнических, политических и географических границ, поддерживала связи со своими далеко разбросанными владениями, стремясь при этом укрепить свое идеологическое и организационное единство и вместе с тем расширить сферу своего влияния за счет обращения «нехристей» в «истинную веру». Все это в конечном итоге способствовало расширению каналов, по которым шло переливание культурных ценностей от одних этносов к другим. Заметнее всего взаимообмен происходил в средневековых монастырях Афона, Константинополя, Иерусалима, Синая, Болгарии²⁷. В Древней Руси особенно велико в этом отношении было значение Киево-Печерского монастыря, а также литературная и переводческая деятельность в Выдубицком, Хутынском, Зарубском и других монастырях. Более того, в ряде центров с этнически разнородным составом обмен охватывал и сами религиозные системы. В Каракоруме, например, имели место контакты между несторианским духовенством и буддийскими монахами, правоверными католиками и приверженцами Аллаха, ламаистскими и христианскими монахами²⁸. Фанатичная преданность Берке-хана мусульманской религии не явилась помехой для создания в 1261 г. в столице Золотой Орды Сарае особой христианской епископии²⁹. Будучи в далекой Индии, русский путешественник Афанасий Никитин не только подробно описал все увиденное, но и уловил сходство и различие между разными религиозными системами, начав похвалу Русской земле со слов: «Аллах, хода, бог, тенгри...»³⁰

Согласно летописным данным, там, где широко было распространено двуязычие, наблюдалось относительно более глубокое знакомство с догмами иной религии, чем среди одноязычного населения. В кратком

сказании о вере «Бохмита» (Магомета) сообщается, что князь Владимир Святославович «с удовольствием принимал мусульманский тезис о блудной жизни в раю», а по поводу запрещения пить вино говорил: «Руси есть веселье пить, не можем без того быти»³¹.

Разумеется, говоря о роли любых разновидностей двуязычия, возникающих на религиозной почве, не следует преувеличивать их значения. Доступ к книгам в то время был еще привилегией немногих избранных. Нельзя не сослаться и на сообщение Рубрука о том, что в Китае в средние века священнослужители-несториане «произносят свою службу и имеют священные книги на сирийском языке, которого не знают, отсюда они поют, как у нас монахи, совершенно не знающие грамоты»³². Кроме того, появление письменной литературы на языках многих народов средневековой Европы не приобрело значения устных межкультурных трансмиссий, обусловивших возникновение сходства в литературах разноязычных народов.

И хотя в средние века до конца не были преодолены недоверие и предрешенность против иноземных культур, вероисповеданий, языков и народов в целом, в то же время был сделан существенный шаг вперед в деле ознакомления с иноэтнической культурой. Осознав полезность межэтнических контактов во всех сферах жизни, в том числе и в области культуры, человек пришел к мысли о необходимости более широкого освоения культурного опыта других народов. Уже одно это имело по тем временам чрезвычайно прогрессивный характер.

В эпоху капитализма «мир сразу сделался почти в десять раз больше: вместо четверти одного полушария перед взором западноевропейцев теперь предстал весь земной шар, и они спешили завладеть остальными семью четвертями... Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт». Молодую буржуазию «манили... богатства Индии, золотые и серебряные рудники Мексики и Потоси...»³³

Процессы двуязычия и взаимодействия элементов двух культур в этот период настолько расширились и углубились, что, пожалуй, нет смысла останавливаться на отдельных примерах. Действительно, влияние двуязычия на процессы культурных трансмиссий, ограниченные прежде различными объективными факторами, расширяется в некоторых случаях до масштабов этнических групп, общностей и сообществ. С другой стороны, благодаря продолжительности и интенсификации межэтнических контактов, это влияние перешагивает за рамки одного поколения и распространяется на последующие. Однако подлинная история двуязычия и взаимодействия культур до сих пор

не получила сколько-нибудь полного освещения, не считая фрагментарных описаний.

Это обусловлено тем, что распространение двуязычия и двойной культуры при капитализме приняло чрезвычайно многообразные формы по сравнению с предыдущими эпохами. Однако лишь совсем недавно, исходя из того факта, что различные языки могут употребляться в рамках одной национальной культуры и, наоборот, один и то же язык — в сфере разных культур, был сделан вывод, что явления двуязычия и сосуществования элементов двух культур не обязательно совпадают. Действительно, как отмечалось в литературе, человек, овладевший иностранным языком, оставаясь при этом в рамках традиций своей национальной культуры, совсем не обязательно овладевает новой системой культуры. Основываясь на знании обширного материала, а также на полевых наблюдениях, американский ученый Э. Хауген предложил различать следующие четыре типа ситуаций:

- 1) единая культура (однокультурие) при едином языке (единоязычие);
- 2) единая культура при двуязычии;
- 3) двойная культура при одноязычии;
- 4) двойная культура при двуязычии³⁴.

Разумеется, эта схема условна и не может охватить всего бесконечного разнообразия сочетаний двуязычия и двукультурия. Особенно трудной при этом представляется задача этнической (или национальной) идентификации тех или иных элементов культуры. Многие исследователи, как известно, вообще отрицают связь элементов культуры с определенной этнической общностью. Крайнюю позицию в этом отношении занимает, например, географ Г. Винклер, не обнаруживший в Швейцарии ни одного признака, бесспорно характерного только для швейцарских немцев, франкошвейцарцев, италошвейцарцев или иных языковых групп³⁵.

В интенсивных межэтнических контактах связи между двуязычием и двойной культурой, понятно, обнаруживались чаще, чем в этнически однородных массивах. Можно выделить два основных направления указанных связей: генетическое и структурно-функциональное. В первом случае речь идет о наличии связей между производством и потреблением культуры. В этнически однородных общностях с гомогенной культурой оба процесса совпадают, т. е., на каком языке создаются, например, произведения художественной литературы, на том же и потребляются.

Однако примеры подобных изоляций в целом не характерны для истории. Нередко имеет место приобщение к инациональной культуре с

помощью второго языка. Проблема состоит в том, каковы пропорции между производством и потреблением культурных ценностей на втором (инонациональном) языке.

Опыт свидетельствует, что творчество (созидание ценностей культуры) на втором языке имело место по ряду причин: 1) когда творческая личность оказывалась в иноязычной среде; 2) когда художник был родом из народа, литературный язык которого не располагал необходимым багажом письменной традиции или уступал в этом отношении какому-либо более развитому языку; 3) когда творить на языке своего народа не считалось престижным и т. п. Приведем некоторые примеры. В XVIII в. провансальский язык функционировал как разговорный язык широких слоев населения, на нем создавалась литература (хотя и не имевшая первостепенного значения), а также осуществлялись переводы древних писателей. Однако к концу XVIII в. группа писателей лангедокского происхождения (Фабр Эглантин, Ривароль, Андре Шенье и некоторые другие) стала писать на втором для них, французском, языке, а новое поколение, творившее в 70—90-х годах XIX в., свободно выбирало тот или иной язык, с равной легкостью создавая романы, пьесы и стихи как на провансальском, так и на французском языке³⁶. Новейшее поколение индонезийских писателей, открывшее для себя новые ценности в региональных культурах, на которое оба предыдущих поколения писателей посматривали по меньшей мере искоса, сейчас пишет, разрабатывая в своих произведениях местные сюжеты не только на индонезийском (малайском), но и на местных языках³⁷.

Структурно-функциональные параллели между контактами двух языков и двух культур также еще ждут своего исследователя. Несмотря на то что существует уже немало эмпирических описаний, достаточной ясности в этом вопросе все еще нет. Проблема осложняется тем, что между языковедами, описывающими языковые особенности и «последствия» языковых контактов, и специалистами в области других наук, изучающими внеязыковые условия и факторы языковых и культурных контактов, никак не могут быть преодолены междисциплинарные барьеры, хотя в принципе никто не возражает против необходимости более широкого изучения соотношений между двуязычием и двойной культурой.

По мере развития человечества наряду с прямыми этнокультурными контактами возрастали и расширялись опосредованные контакты. В итоге выстраивалась как бы цепь двуязычий. Судя по лексике современного немецкого языка, таковой, в частности, была цепь: греко-латинское — латино-французское — франко-немецкое. Это подтверждает

ется наличием в современном немецком языке греческих слов (музыка, протестант, агент и др.), влившихся в него «окольным» путем³⁸. Еще более сложными были процессы прямых и косвенных культурных контактов.

Развитие и взаимодействие культур при социализме, исключаяющее отношения господства и подчинения народов, коренным образом отличается от этнокультурных процессов, имеющих место в классово-антагонистических обществах. Условия, которые создает социалистическая система для становления и развития процессов взаимодействия двух языков и двух культур, в том числе для знания, употребления, распространения второго языка и элементов второй культуры, включая формирование положительного отношения к инонациональной культуре, сознательное, целенаправленное руководство культурным развитием и обменом, планирование и свободный выбор культурных ценностей, принципиально отличаются от условий возникновения двуязычия и двойной культуры в современном капиталистическом мире. Более того, различны не только условия культурных контактов между народами, но и зона их действия, которое не ограничивается лишь сферой потребления, но обнаруживает тенденцию распространяться и на сферу создания художественных ценностей.

Будучи в неравном положении, две контактирующие культурные системы при капитализме развиваются по схеме $A \uparrow B \downarrow$ или $A \downarrow B \uparrow$. Социалистический мир делает все возможное для того, чтобы благоприятствовать тенденции, когда две или более контактирующие культуры развиваются по схеме $A \uparrow B \uparrow$, одновременно насыщая и обогащая друг друга. Причем эта тенденция обнаруживает стремление охватить не только сферу потребления, но и сферу создания фондов национальных культур.

«Я пишу и на русском и на киргизском»³⁹, — отмечает Ч. Айтматов. Мы действительно являемся свидетелями роста числа писателей, вышедших из гущи возрожденных Октябрем народов. Они пишут на двух языках, внося свой вклад в развитие не одной, а двух культурных систем.

В наиболее общем виде закономерности становления и взаимодействия двуязычия и двойной культуры заключались в переходе (или перерастании) от индивидуальных к коллективным формам существования, от контактных к неконтактным или же к сочетанию тех и других, от крайне ограниченных к разнообразным сферам проявления, от слабых к интенсивным способам усвоения, от односторонних к многосторонним формам партнерства и т. д.

Следовательно, можно говорить об общем возрастании роли двуязычия в процессах взаимного влияния культур в рамках развития исторического

единства человечества, хотя, разумеется, эти закономерности нельзя представлять себе как прямолинейные, непрерывные и последовательные процессы. На протяжении более чем шести тысяч лет, если началом подлинной истории двуязычия считать момент возникновения письменности, его развитие шло двояким путем: во-первых, происходило последовательное расширение крупных контактных зон в географическом отношении, а также подключение к этнокультурным и этноязыковым процессам новых и новых этнических массивов; во-вторых, процессы двуязычия развивались скорее скачкообразным, чем эволюционным путем, т. е. наиболее мощные импульсы для своего поступательного движения и воздействия на процессы культурных взаимодействий двуязычие получало не во времена эволюционного развития той или иной цивилизации, а в эпохи революционных переходов от одной общественно-экономической формации к другой. Так, первая из крупнейших социальных революций, сменившая рабовладельческий «древний мир» феодальным, была одновременно эпохой гигантского ускорения (и расширения) языковых и культурных процессов в связи с массовым вторжением варваров в пределы Римской империи на Западе и Китайской — на Востоке. Итогом второго крупнейшего революционного поворота всемирной истории явилось падение «средневекового» общества и смена феодализма капитализмом. По времени эта революция совпала с глобальным «землетрясением», связанным с полосой географических открытий и колониальных экспансий.

Третьим, наиболее мощным, импульсом, гигантски ускорившим процессы культурных и языковых взаимодействий, явился Октябрь, поднявший на новую качественную ступень динамическое взаимодействие языков и культур. В максимально обобщенном виде и с учетом исторической перспективы эти процессы (соблюдая принятую в литературе символику)⁴⁰, могут быть изображены как различное по своим масштабам приобщение населения группы А к языку и культурным ценностям группы В. Исход этих процессов был трояким: 1) в одних случаях имело место частичное обновление состава доминирующей культуры за счет притока в нее элементов другой культуры по схеме $A \Rightarrow A \uparrow B \downarrow \Rightarrow A \uparrow$; 2) в других — процесс постепенного замещения содержания культуры, что схематически выглядит как $A \Rightarrow A \downarrow B \uparrow \Rightarrow B \uparrow$, иными словами, культурный контакт завершался победой второй культуры; 3) наконец, между контактирующими культурными системами устанавливалось динамическое равновесие по схеме $A \Rightarrow A \uparrow B \uparrow \Rightarrow A \uparrow B \uparrow$. Следует, однако, иметь в виду, что в этой схеме между ее

полярными точками бывали всевозможны переходные состояния, так как абсолютное (полное) сосуществование двух языков и двух культур встречается крайне редко.

Принято, в частности, считать, что переход на второй язык при последующей утрате языка своей национальности, как правило, тесно сопряжен и с культурной ассимиляцией. Однако истории известны примеры, когда переход от одного языка через промежуточный этап двуязычия на другой язык (новое одноязычие на базе инонационального языка) не сопровождается переходом ко второй культуре. Таковы отчасти провансальцы, которые, несмотря на постепенную утрату провансальского языка, продолжают сохранять свое прежнее культурное наследие Старого Прованса — народные традиции, обычаи, танцы, музыку, архитектуру и некоторые другие элементы своей культуры, прямо не связанные с провансальским языком.

Иногда полагают, что существует прямо пропорциональная зависимость между двуязычием и двойной культурой. Однако несмотря на кажущуюся очевидность этой гипотезы, с ней трудно согласиться из-за отсутствия веской аргументации. Опыт показывает, что чаще всего двуязычному индивиду или двуязычной группе присуще неполное владение двумя языками и двумя культурами. Иными словами, в реальной жизни двуязычного населения имеет место владение более чем одной языковой и культурной системами и менее чем двумя. Динамика процессов дополнения, сосуществования и замещения генетически разнородных культурных систем в ходе их взаимодействия зависит от многих факторов, а также от того, в какой сфере — материальной или духовной — имеют место партнерство и контакты. Однако в каждом случае в той или иной мере проявляется роль языка.

Во все времена языковые и культурные контакты не только испытывали взаимное влияние и воздействие внешней среды (условия, ситуативность контактов и т. д.), а также приобретали определенную психологическую окраску. Относительно того, как трудно человеку в иноязычной и в инокультурной среде без знания второго языка, существует множество ярких и вдохновенных признаний. Вот слова средневекового поэта Камала Худжанди: «Если ты над собой не видал зарубежного неба, никогда не понять тебе, друг, и моей кручины. Незнакомы язык... Непонятное пение птицы... Здесь чужие дожди и чужая на обуви глина... Я чужой»⁴¹.

Впрочем, еще в средние века люди отдавали себе отчет во второстепенном значении языка по сравнению с другими, внеязыковыми факторами. Лаконично эту мысль выразил поэт XIII в. Джалаледдин Ру-

ми: «Как часто бывает, что турок и индеец находят общий язык, как часто бывает, что два турка словно чужие. Значит, язык единоплеменника — совсем иное дело: единоплеменники дорожат единоплеменничьем»⁴².

Тем не менее в заключение можно сделать вывод о положительной роли двуязычия и двойной культуры в создании благоприятного психологического климата для межэтнических контактов. Особенно наглядно эта тенденция стала проявляться в условиях социализма, когда взамен насильственных методов приобщения ко второму языку пришло добровольное стремление миллионов людей овладеть наряду с языком и культурой своей национальности прогрессивными достижениями других народов.

Приведенная здесь историко-социологическая схема развития процессов двуязычия, разумеется, заслуживает интереса не столько сама по себе, сколько в связи с тем положительным влиянием, которое оказывало двуязычие на различные стороны жизнедеятельности и жизнеобеспечения людей, в том числе и на процессы культурного взаимодействия. Понятно, не следует преувеличивать роль культурных диффузий в жизни человечества и вместе с ними и роль двуязычия как важнейшего средства общения и трансмиссии элементов культуры. Влияние это, бесспорно, было, но оно всегда носило второстепенный, «вторичный» характер по сравнению с более существенными «первичными» материальными и социально-экономическими факторами и условиями. Как бы то ни было, инонациональные воздействия и влияния оказывали в большинстве случаев благотворное влияние на развитие национальных культур. Многие произведения материальной и духовной культуры «начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности: изменялись, приспособлялись, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы»⁴³. В то же время воздействие контактов на развитие двуязычия и двойной культуры было двояким: с одной стороны, они благоприятствовали выработке средств адаптации и усвоения всего прогрессивного опыта, накопленного человечеством, с другой — увеличивали резервы и возможности собственного внутринационального развития культуры.

5. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ (ОПЫТ, УРОКИ И ЗАДАЧИ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)

Этносоциологическое изучение современных языковых процессов характеризуется последовательным возрастанием интереса к кардинальным

проблемам «язык и жизнедеятельность», «язык и советский образ жизни». Этот интерес закономерно вытекает из тех важнейших научно-практических задач, на необходимость изучения которых особо указывалось на XXIV и XXV съездах КПСС, а также в ряде последующих партийных и советских документов.

Среди теоретических вопросов ленинской национальной политики в период развитого социализма особую актуальность приобретает проблема взаимосвязи социального и национального. В этой теме, разумеется, много аспектов, среди которых языковые находятся едва ли не в числе наиболее важных. Формирование, развитие и современное функционирование развитого социалистического общества, новой исторической общности — советского народа¹ связано с процессами постепенного стирания классовых различий и становления полного социального равенства. Пока будут сохраняться национальные различия и будут жить национальные языки, в любом многонациональном обществе будет сохраняться объективная необходимость в существовании единого языка межнациональных общений и поэтому будет иметь место двуязычие, т. е. широкое приобщение народов к инациональному языку. Следовательно, двуязычие, если подходить к нему перспективно, представляет собой длительный исторический процесс. Таким образом, как сегодня, так и в будущем будет сохранять свою актуальность задача всестороннего изучения языковых взаимоотношений народов СССР, и прежде всего процессов двуязычия, в рамках более широких социальных и национальных процессов. И поскольку социалистическое общество последовательно осуществляет планомерное управление указанными процессами, постольку задача общественных наук будет состоять не только в том, чтобы изучать, но и в том, чтобы разрабатывать аргументированные, научно обоснованные рекомендации с целью оптимизации и тех и других процессов.

Интерес к теме «язык и жизнедеятельность» не является новым для советской науки. Он проявлялся и раньше в рамках таких важных проблем, как «язык и общество», «язык и культура», «языковое строительство», а также в ряде других. Но лишь в самые последние годы изучение всех перечисленных проблем, имеющее глубокие традиции в советской науке и в свое время в значительной мере свернутое, теперь опять обнаруживает стремление к возрождению. Можно сказать, что две новые гибридные по характеру дисциплины — этносоциология и социолингвистика, двигаясь навстречу друг другу, взаимодействуя и взаимообогащаясь, создают некоторую общую исследовательскую зону. В ней центральное место занимает изучение языковых процес-

сов, ведущееся как с позиций структурного, так и функционального подхода к языку. При этом главный акцент все-таки делается на функциональную сторону дела. Поскольку функциональная сторона языка разрабатывалась интенсивнее всего в социальной лингвистике и в этнографии, имеет смысл наметить основные вехи ее изучения. По-видимому, можно выделить три этапа, на каждом из которых ставились и частично решались различные по своему характеру задачи: 1) общеметодологические — 1960-е годы; 2) описательные — конец 60-х — начало 70-х; 3) аналитические — середина 70-х годов.

На первом этапе, опираясь на плодотворные идеи советской социальной лингвистики 20-х годов (в том числе на известные работы Е. Д. Поливанова, Г. О. Винокура, В. М. Жирмунского и некоторых других), В. А. Аврорин² и Ю. Д. Дешериев³ сформулировали центральные задачи изучения общественных функций языков народов СССР. Заново были, в частности, разграничены две важнейшие стороны языкового развития — структурное и функциональное, известные раньше как «внутренняя» и «внешняя» история языка, выявлено, как они соотносятся между собой, а также подготовлены условия для создания первых социологических классификаций общественных функций языков народов СССР. По уровню функционального развития языков В. А. Аврорин выделил старописьменные, младописьменные и бесписьменные языки⁴, а с учетом объема общественных функций, имеющих у языков, Ю. Д. Дешериев систематизировал их в пять групп: 1) русский язык как язык межнационального общения; 2) национальные литературные языки народов союзных республик; 3) литературные языки народов, имеющих свои автономные республики и области; 4) письменные языки с ограниченными общественными функциями (например, языки гагаузов, коряков, ненцев и др.); 5) бесписьменные языки⁵.

При этом Ю. Д. Дешериев — автор, наиболее успешно изучавший социолингвистические аспекты взаимодействия языков народов СССР, — выделил следующие основные закономерности их развития: 1) расширение общественных функций; 2) развитие лексики всех литературных языков; 3) отражение темпов социального развития народов в их литературных языках; 4) развитие процессов взаимодействия языков советских народов; 5) отражение развития советского общества в процессах нивелировки диалектов; 6) социально обусловленные процессы расширения общественных функций языка межнационального общения и усиление его влияния на другие языки; 7) своеобразие и специфика разветвления процессов языковой смены, развитие массового

двуязычия; 8) усиление значимости сознательного вмешательства общества в функциональное и структурное развитие языков⁶.

На первом этапе были заложены теоретические основы современной социолингвистики. В то же время по мере расширения общетеоретических исследований, в которых на повестку дня выдвигались преимущественно методологические проблемы, становилась совершенно очевидной необходимость в организации широких эмпирических исследований с целью изучения реальной языковой жизни, а также факторов социального развития языков народов СССР. При этом особую актуальность имели задачи изучения реального распределения их общественных функций в разнообразных сферах жизнедеятельности общества. В многонациональном обществе потребность в двуязычии совершенно естественна. Но надо было с достаточной определенностью знать, как и когда эта потребность проявляется и удовлетворяется у разных народов, в различных социально-профессиональных, половозрастных, территориальных и иных группах населения. Многие народы нашей страны добровольно стремятся овладеть вторым, русским, языком. Однако пути овладения им не у всех народов одинаковы, они подвержены воздействию многих внеязыковых факторов. В условиях полного равноправия народов СССР и их языков, неукоснительно соблюдаемого в ленинской национальной политике, перед многими народами нашей страны возникает проблема выбора языка школьного обучения. Коренное население союзных республик на своем пути к национально-русскому двуязычию имеет возможность обучать детей русскому языку в школах с национальным или в школах с русским языком преподавания. Перед остальными нерусскими народами союзных республик (к числу их, например, относятся припамирские народы в Таджикской ССР, гагаузы в Молдавской ССР, корейцы в Узбекской ССР, абхазцы в Грузинской ССР и т. д.) возникает иная дилемма: какой язык — русский или язык коренной национальности данной республики — избрать в качестве языка образовательной, деловой и профессиональной карьеры. И чем более полифункциональным является язык коренной национальности данной союзной республики, тем труднее проблема выбора. Иногда встречались попытки, не изучив в достаточной мере интересы и запросы самих народов, механически определить этот выбор извне, без учета мнений самих народов.

Иными словами, потребовался серьезный качественный сдвиг, чтобы можно было перейти от более или менее абстрактного изучения социальных функций языков к конкретно-социологическому изучению условий, механизма и последствий их социального функционирования. Для этого

необходимо было коренным образом расширить и совершенствовать информационно-источниковую базу. И здесь на помощь теоретической социолингвистике пришла конкретная социология с ее широко разработанными методами и процедурами сбора и обработки (включая обработку с помощью вычислительной техники) массового анкетного и иного, в том числе ведомственного, статистического материала.

Три обширных потока социолингвистической информации (данные переписей населения, проведенных в нашей стране в 1926, 1939, 1959 и в 1970 гг.; статистические данные различных государственных учреждений, министерств и ведомств, а также обширные сведения, полученные методом социологического опроса) ввели в научный оборот по существу новый, не анализировавшийся ранее материал, создали первооснову для новой источниковой базы.

Для изучения этноязыковых процессов, в ходе которых возникает и развивается массовое двуязычие, важное значение имеют материалы переписей⁷.

Кроме того, всестороннему и полному описанию общественных функций языков народов СССР во многом способствовали введенные в научный оборот этностатистические материалы, извлеченные исследователями из текущих архивов министерств и ведомств, характеризующие распределение школ и численности учащихся в республиках, областях и краях с национальным или русским языком обучения, образовательный уровень педагогического персонала школ, в том числе преподавателей русского языка, работающих в школах как с русским, так и нерусским языком обучения⁸. Наряду со школьной статистикой в научный анализ языковых проблем стали шире вовлекаться показатели количественного роста книжной продукции на языках народов СССР⁹.

Описание общественных функций языков народов СССР в сфере книгоиздательства велось как в диахронном¹⁰, так и в синхронном плане. Были определены основные этапы в формировании книжной продукции на национальных языках, соотношение удельного веса оригинальных и переводных изданий, разработана классификация языков по объему общественных функций в сфере книгоиздательства, подчеркнута ведущая тенденция в период развитого социализма, состоящая в ускоренном росте выпуска книг на русском языке, в котором одинаково заинтересованы все народы СССР, как в языке, служащем средством межнациональных общений¹¹. Описание и анализ основных тенденций в функциональном развитии языков народов СССР, в том числе характеристика возрастания их общественных функций, шли неравномерно применительно к отдельным сферам жизнедеятельно-

сти общества. В отличие от сферы книгоиздательства и сферы школьного обучения описание функций национальных языков в других сферах оставляло желать лучшего. Действительно, мы и сегодня еще плохо себе представляем количественную сторону дела, в частности то, как функционируют родные языки народов СССР и как они взаимодействуют с русским языком как языком межнационального общения в сфере управления, судопроизводства, в некоторых каналах массовой информации, на работе и в быту и во многих других важных сферах жизнедеятельности общества.

Отсутствие ведомственной статистики толкнуло ученых на путь проведения обследований путем массовых опросов. В сравнительно короткий срок в стране было проведено несколько конкретно-социологических обследований языковой жизни различных народов, в ходе которых был собран исключительно богатый и ценный материал, в том числе социологическое изучение языков народов Сибири под руководством В. А. Аврорина¹²; социологические исследования национальных отношений в Прибалтике, в ходе которых параллельно изучались и языковые аспекты¹³; исследование в Татарии¹⁴; исследование в Молдавии¹⁵; Удмуртии¹⁶; Карелии¹⁷; Кабардино-Балкарии¹⁸ и др. Однако самым крупномасштабным и углубленным исследованием общественных функций языков и их реализации в речевом поведении населения, бесспорно, стало исследование, осуществляемое Институтом этнографии АН СССР в рамках проекта «Оптимизация социальных и культурных условий развития и сближения наций в СССР»¹⁹. Главным итогом социологических исследований этноязыковых процессов явилось накопление и первоначальная систематизация эмпирического материала, характеризующего различные стороны речевого поведения и языковой деятельности представителей различных народов, в том числе различных половозрастных и социально-профессиональных его групп, городского и сельского населения и т. п. Можно с уверенностью говорить, что в советской науке об этноязыковых процессах и о двуязычии по существу создана новая источниковая база. Собран значительный материал, дающий возможность проследить связь речевого поведения человека с другими аспектами его жизнедеятельности (производственной, общественно-политической, культурной и др.). Главное достоинство собранного материала в том, что он представителен по количеству и достаточно надежен по качеству. Следует подчеркнуть его согласованность, во-первых, с данными других источников и с другими параметрами жизнедеятельности, во-вторых, привязанность (прописку) в определенной этноязыковой и, что особен-

но важно, в социально-классовой среде; в-третьих, дифференцированность, по континууму макро- и микросреды.

Вместе с тем следует отметить некоторую неадекватность и несовместимость данных ввиду того, что в различных районах страны материал нередко собирался на основе различной методики и с помощью различных процедурных средств; известную неупорядоченность концептуальных и методологических предпосылок; некоторую разорванность собранных сведений в пространстве и во времени. Не все социологические исследования этноязыковых процессов проведены на должном профессиональном уровне. Об этом косвенно можно судить хотя бы по тому, что в отдельных случаях авторы публикуют сведения о выборке, о представительности полученных результатов, в других случаях читателю не остается ничего иного, как поверить авторам проведенных исследований на слово. Понятно, что когда в социологическом исследовании отсутствует выборка, то надежность его выводов повисает в воздухе, а над сделанными обобщениями нависает тень сомнений.

Подводя итоги рассматриваемого периода, следует подчеркнуть, что предстоит большая работа по доработке методики и по досбору данных как по отдельным народам, так и по различным регионам страны. В целом, думается, что настало время для дальнейшего совершенствования всей описательной стороны дела по следующим двум важнейшим направлениям: во-первых, пора ставить вопросы картографирования сходств и различий в языковой жизни народов, подобно тому как картографируются в советской этнографии различные элементы материальной и духовной культуры; во-вторых, следует продолжить работу по усовершенствованию методического арсенала этносоциологических и социолингвистических обследований в сторону более адекватной характеристики речевого поведения людей в различных сферах жизнедеятельности.

Современный этап этносоциологического изучения языковых процессов характеризуется повышенным вниманием к вопросам теории, методологии, понятийному аппарату, определению предметной области, разработке узловых концептуальных положений. Сходная ситуация наблюдается и в советской социолингвистике, где широкий интерес к методологической стороне дела уже нашел конкретное воплощение в четырех обстоятельных теоретических монографиях, опубликованных за сравнительно короткий срок и посвященных в основном одной и той же центральной теме: определению предметной области социолингвистики²⁰.

Предмет этносоциологического изучения языка не выбирается произвольно и не устанавливается в директивном порядке. Он обусловлен теми сторонами и свойствами языка, которые наиболее тесно связаны и сопряжены с социальной действительностью, с современными социальными и этническими процессами. Другими словами, предмет изучения объективен, как объективен сам язык, как объективен этнос и происходящие в его недрах этноязыковые процессы.

Едва ли не самой важной в числе исходных методологических предпосылок этносоциологического изучения языковых процессов является смещение акцента со структурной на функциональную сторону языка, или, если воспользоваться терминологией Бодуэна де Куртенэ, с «внутренней» на «внешнюю» историю языка. Напоминание о понятиях, введенных Бодуэном, не случайно. Дело в том, что в самой дефиниции «внешняя история» языка кроется важное указание на связи языковых (а точнее, речевых) факторов и явлений с внешним внеязыковым явлением. Речь идет о предварительном определении экологии языка, в которую на правах подсистемы входят следующие компоненты: 1) этнодемографическая база, т. е. население, характеризующееся по полу, возрасту, семейному положению и другим демографическим показателям; 2) этносоциальная база, определяемая социальной структурой этноса и распределением речевого поведения в зависимости от социально-профессиональной принадлежности говорящих, слушающих, читающих, пишущих; 3) этнокультурная база, отражающая в себе уровень развития культуры, представленной всеми материальными и духовными ценностями—опредмеченными результатами человеческой деятельности, включая активные—пассивные, профессиональные—непрофессиональные слои, традиции—инновации и т. д.; 4) сеть учреждений языкового «обслуживания», деятельность которых в той или иной мере связана с обучением населения языку, сознательным регулированием языка в таких важных сферах, как школы, издательства, средства массовой коммуникации, творческие союзы, институты и ведомства, занятые разработкой теоретических и практических проблем языка; 5) кадры, профессиональной деятельностью которых является работа «над языком», «с языком», «при помощи языка» или «для языка»; 6) языковая политика, являющаяся частью национальной, а через нее и частью социальной политики, осуществляемой партией и государством в интересах определенных классов, в тех или иных условиях; 7) фонд языка, включающий в себя языковой субстрат (структурные элементы, коммуникативные функции и функциональные стили), а также весь «языковой» или созданный с помощью языка

«культурный продукт»; 8) речевое поведение (или языковая коммуникация), включающее языковую компетенцию (знание языка), речевую деятельность (употребление языка) и психологическую предрасположенность (отношение) к языку.

Хотя перечисленные компоненты не охватывают всю систему экологии языка, они несут важную методологическую нагрузку. Благодаря предложенной схеме предмет этносоциологического изучения языковых процессов определяется не как изучение собственно языковых явлений (фонетики, морфологии, синтаксиса и т. п.), а как изучение складывания и варьирования речевого поведения населения в зависимости от свойств каждого из перечисленных в экологии языка компонентов и импульсов, идущих от них к собственно этноязыковым процессам. Экологический подход в сочетании с личностным позволяет поставить ряд фундаментальных проблем этносоциологического изучения языковых процессов: сущность языка и речевого поведения и их место в системе этноса (язык как компонент этноса), а также место языка и речевого поведения в системе культуры; соотношение между структурой и функциональной стороной языковых процессов; основные тенденции и закономерности развития и взаимодействия языков народов СССР в эпоху социализма; вопросы теории социальной и национальной специфики речевого поведения; сходства и различия в речевом поведении социально-профессиональных, половозрастных и иных групп населения; фактор, механизм и последствия двуязычия как попеременного использования различных языков в этнически однородных и неоднородных ситуациях; роль языка и двуязычия в процессах социализации и этнизации; типология соответствий и несоответствий между развитием речевого поведения и развитием компонентов языковой экологии²¹.

Этносоциологические исследования языковых процессов значительно расширили круг проблем, связанных с развитием двуязычия: его возникновением, механизмом функционирования и его социально-культурными последствиями. Стало очевидным, что у различных народов существуют далеко не одинаковые потребности и условия приобщения к инонациональному языку, бытуют различные масштабы употребления второго языка в различных сферах жизнедеятельности, наблюдается неодинаковый уровень владения вторым языком. Более того, по степени распространения двуязычия, по формам его существования, по коммуникативным сферам, где оно реализуется, а также по социально-этническим последствиям обнаруживаются серьезные различия у одного и того же народа — у сельских и городских жителей,

у людей разного пола и возраста, различных социально-профессиональных групп.

Среди общеметодологических проблем двуязычия едва ли не самое важное по значению место принадлежит вопросу связи двуязычия с этническими аспектами современных национальных процессов. Действительно, как соотносится массовое распространение второго языка с социально-культурным развитием народа? Можно выделить по крайней мере три линии соотнесения: в одном случае двуязычие является одним из факторов развития этнических процессов; во втором оно служит важным условием их протекания; и, наконец, в третьем само двуязычие представляется как итог, как результат исторического развития этносов (этнических общностей). Все три линии соотнесения, конечно, тесно связаны между собой, сосуществуют и взаимно дополняют друг друга.

Для того чтобы определить значение двуязычия как фактора этнического развития, необходимо прежде всего найти место языка среди компонентов этноса и далее соотнести языковые процессы с этнодемографическими, этносоциальными, этнокультурными и этнопсихологическими процессами, играющими важную роль в развитии этноса.

При изучении места и роли двуязычия в коммуникациях современного социально- и этнодифференцированного общества немалую методологическую нагрузку несет выделение наряду с общественными функциями языка и других относительно самостоятельных социальных явлений: способов и форм существования языка, мотивов, сфер и ситуаций его употребления, объективных и субъективных условий, определяющих судьбу исторического развития и взаимодействия языков. Последовательное расширение исследовательских границ этносоциологии способствовало внедрению в научный оборот этих и многих других дефиниций, что оказалось существенным стимулом совершенствования общей теории языковых процессов.

Общение вообще и речевое общение в частности представляют необходимый фактор производственной, общественной и культурно-бытовой жизни общества. Вместе с тем оно, понятно, определяется не только внешней по отношению к человеку этнолингвистической средой и ситуацией общения, не только личностными характеристиками человека (полом, возрастом, социально-профессиональным статусом и др.), но и некоторыми его языковыми данными: степенью владения вторым языком, отношением к каждому из языков при двуязычии и т. п.

Особого внимания требует изучение связей между языковыми и культурными процессами современности, в том числе между языковой

и культурной деятельностью людей различной национальности. В целом эта проблема является комплексной и входит в более широкую тему «язык и культура». При этом подчеркивается главным образом динамическая сторона дела. Именно здесь, в речевой и в культурной деятельности, как нигде более, проявляются прямые и обратные связи между социальным функционированием языка и социальным функционированием культуры.

Этносоциологическое изучение языковых процессов современности ведется в тесном сотрудничестве с другими научными дисциплинами. Применяя комплексный и системный подход и в силу этого аккумулируя совокупный опыт целой серии научных дисциплин (общего языкознания, этнографии, социологии, истории и др.) и, наконец, широко опираясь на этнические параметры ведомственной статистики, отражающей картину языковой жизни народов СССР как в диахронном, так и синхронном аспекте, этносоциологическое изучение языковых процессов представляет собой новое и, видимо, чрезвычайно перспективное направление. При этом в известной мере устраняется упущение, свойственное большинству социолингвистических исследований, в которых, как правило, история функционального развития и взаимодействия языков народов СССР смещается на задний план, уступая место описаниям и анализу главным образом современных ситуаций. Этносоциологические наблюдения выявляют, что в системе язык—жизнедеятельность выделяются две основные линии исследовательских поисков. В одном случае ставится задача определения и всестороннего анализа того, что в языке, т. е. в речевой деятельности, так или иначе оказывает влияние на остальные виды деятельности человека, начиная от производственной и кончая психической. В другом случае на передний план выдвигается изучение того, что язык определяет в деятельности (точнее, в «деятельностях») человека.

Разумеется, это самая общая формулировка задачи. Она достаточно условна и схематична. Более того, речь в конечном итоге идет не об установлении зависимости, а только лишь о наличии связи между двумя выделенными таким образом переменными.

Овладение русским языком и формирование двуязычия, как уже неоднократно отмечалось, действительно дает значительный социальный эффект. В связи с этим возникает задача определить, варьирует ли социальная значимость двуязычия в сфере культурной деятельности в зависимости от того, совпадают или не совпадают два способа существования двуязычия.

Итоги этносоциологических исследований показали, что на процессы приобщения к культурным ценностям и шире — на процессы культурной

интеграции реальное двуязычие оказывает несколько более заметное влияние, чем потенциальное двуязычие. Суть дела в том, что практическое использование второго языка при двуязычии имеет более «весомое» значение, чем просто знание второго языка. Те, кто чаще употребляет второй язык дома и на работе, как правило, больше, чем те, кто знает (но не употребляет) второй язык, читают художественную литературу, газеты, журналы, чаще посещают театр, выставки, интенсивнее приобщаются к тем видам искусства, восприятие которых требует больших в интеллектуальном отношении усилий. Хотя гипотеза носит предварительный характер, она имеет большое теоретическое и практическое значение. Действительно, многие разрабатываемые в стране мероприятия (как лингвометодические, так и внелингвистические) призваны способствовать более широкому распространению двуязычия и особенно той его разновидности, в которой язык своей национальности у многих нерусских народов сочетается с русским языком как общим в советском обществе языком межнациональных общений. Все понимают и знают, что многие представители нерусских народов серьезно нуждаются в хорошем знании русского языка, но не все могут сказать, каким путем можно этого добиться. Чаще всего обращаются к школе, ждут, что она наряду со своими прямыми задачами попутно решит и проблему двуязычия. Хвалят ее, если уровень знания второго языка возрастает, ругают, если масштабы двуязычия сокращаются. В последние несколько лет особенно много говорится и делается для того, чтобы улучшить преподавание русского языка в национальной школе²². Это крайне важно и нужно. Однако не исключено, что часть мероприятий бьет мимо цели, так как они направлены главным образом на улучшение языковой компетенции, в то время как социально более значимой и более ценной для общества и для человека является активная форма двуязычия — языковая деятельность. Следовательно, если подтвердится вывод о неодинаковой социальной роли различных форм двуязычия, то, видимо, необходимо будет думать не только о школе как о единственном решающем факторе улучшения языковой компетенции, но и о прочих мерах повышения уровня владения вторым языком, в том числе о языковой ситуации, стимулирующей употребление второго языка, активизирующей речевую деятельность на втором языке и делающей более прочной и устойчивой ориентацию на двуязычие.

Вторая сторона взаимодействия «язык и культура» связана с определением того, какое влияние оказывают знание и употребление второго языка на важнейшие характеристики культурной деятельности

(потребление культуры). Здесь выделяется несколько аспектов, среди которых наиболее очевидным выступает увеличение возможности приобщения к инонациональной культуре. Некоторые из этих аспектов можно предварительно назвать: на каком языке при двуязычии чаще всего происходит приобщение к культуре; как часто имеют место контакты с каналами культурной информации (учащаются или становятся более редкими) в ситуациях двуязычия и одноязычия; обнаруживается ли положительная связь между двуязычием и «качеством» культурной деятельности, в том числе с глубиной «культурности» личности, и др.

Разумеется, можно знать несколько языков и гораздо меньше читать, например, чем зная только один язык. Тем не менее опросы показали, что среди одноязычных сельских татар лишь немногим более половины постоянно читают газеты и журналы, в то время как среди двуязычных земляков эта доля лиц несколько превышает три четверти. Среди первой категории лишь каждый пятый постоянно читает художественную литературу, среди второй — почти каждый второй²³.

Однако в своем влиянии на культурную деятельность языковой фактор является вторичным. Наряду с ним «работают» и другие социально более существенные факторы, такие как образовательный уровень, социально-профессиональная подготовка и др.

Чтобы элиминировать воздействие социального фактора, в том числе социально-профессионального статуса, было проанализировано воздействие двуязычия на культурную деятельность сельских татар в идентичных социально-профессиональных группах: начиная от работников физического труда без какой-либо квалификации, до лиц, занятых умственным трудом высшей квалификации. Оказалось, что в каждой группе второй (русский) язык был связан с более высокими показателями культурной деятельности человека. Аналогичная тенденция, хотя и в несколько более «вялой» форме, действовала в сельской местности Молдавии среди таких же, как в ТАССР, социально-профессиональных групп сельских молдаван.

Наличие разницы между показателями культурной деятельности одноязычного и двуязычного населения дает известное основание говорить об определенной автономности второго языка, а также об известной универсальности его как фактора, воздействующего на культуру, в том числе на культурное потребление. Вместе с тем не следует абсолютизировать влияние языкового фактора на культурные процессы. Дело в том, что разница между показателями культурной деятельности одноязычного и двуязычного населения, имеющего высокую квалификацию, и прежде всего среди работников умственного труда,

меньше и менее заметна, чем в группах с низким уровнем образования и слабой профессиональной подготовкой. Следовательно, можно полагать, что и социальная значимость второго языка выше среди малоквалифицированных групп, чем среди мобильных в социальном отношении групп. Эта закономерность понятна. В малоквалифицированных слоях населения второй язык как бы компенсирует недостаток общей культурной информированности и как бы сглаживает изъяны низкого образовательного уровня.

Наблюдения над ролью второго языка в различных социальных и этнических слоях двуязычного населения, как нам кажется, позволяют сделать вывод о двух основных направлениях, в которых колеблется «ценность» второго языка в современных этнокультурных процессах. По одной линии — социальной — различия складываются между разными социально-профессиональными группами внутри одного и того же народа, по другой — этнической — они варьируют от народа к народу. Действительно, как свидетельствуют данные этносоциологии, у сельских татар роль второго (русского) языка в целом выше, чем у сельских молдаван. Таким образом, каждая линия различий имеет неодинаковую основу и связана с различными по происхождению вещами. Социальный аспект связан с личностными характеристиками отдельных индивидов, в то время как вариации по этнической линии (от народа к народу) связаны с функционированием национальной культуры каждого народа. Очевидно, можно вывести правило, суть которого в том, что, чем функционально шире развернута культура, чем большее число ее профессиональных сфер обслуживается национальным языком, тем относительно меньше потребность представителей данного народа во втором языке как языке культурной деятельности.

Приходится констатировать, что сегодня между исследователями все еще нет единого мнения о связи между двуязычием и «двукультурием». Более того, создается впечатление, что многие авторы, взяв на вооружение термин «двуязычие», проявляют неоправданную осторожность, опасаясь столь же решительно согласиться с другим близким понятием, которое можно определить как двукультурие. Теперь уже вряд ли кто-нибудь решится отрицать факты широкого приобщения представителей многих советских народов к ценностям не только своей национальной, но инонациональной культуры. В отличие от проблемы «потребления» гораздо более сложной представляется проблема «создания» произведений национальной культуры с помощью инонационального языка. В теоретическом осмыслении указанного явления

сделаны лишь первые шаги. Едва ли не единственным положительным ответом на этот вопрос является статья Ю. Рытхэу²⁴, опубликованная в журнале «Коммунист», а также интересная статья Ч. Гусейнова²⁵. Ссылаясь на собственный опыт художественного творчества, Ю. Рытхэу подчеркивает принципиальную возможность создания произведений национальной духовной культуры с помощью инонационального языка. Этот вывод представляется чрезвычайно перспективным, хотя, конечно, нуждается в дальнейшей разработке.

Органической частью современных этнических процессов наряду с языковыми являются этнодемографические, этносоциальные, этнокультурные и этнопсихологические процессы. Между двуязычием и каждым видом из числа указанных процессов существует еще слабо изученная связь. Например, между этнолингвистическими и этнодемографическими она состоит в том, что возрастание или сокращение численности народа оказывает определенное воздействие на функциональную сторону развития языка. В свою очередь этноязыковые процессы, в частности усвоение определенными группами населения языка другого народа, употребление его в разных жизненных сферах, а также глубокая к тому языку приверженность вплоть до психологического признания его своим родным языком, являются одним из факторов, способствующих переходу индивида в другую этническую общность, что в конечном итоге (особенно в массовых случаях) приводит к изменению численности каждого из взаимодействующих народов.

Этносоциологические исследования языковых процессов и двуязычия создали исходные предпосылки для их многомерного анализа и для последующего перехода к моделированию. Пока еще рано говорить о каких-либо конкретных достижениях в этой области, так как моделирование в сфере гуманитарного знания пока еще делает первые шаги. Более того, в литературе до сих пор еще нет сколько-нибудь устоявшегося толкования понятий «модель» и «моделирование»²⁶. Однако возрастание сложности — этой характерной черты эпохи научно-технической революции — во всех сферах жизнедеятельности актуализирует постановку проблем управления социальными процессами на научные основы. Реализации этой задачи и призвано служить моделирование, опирающееся на обширную фактологическую основу и мощную вычислительную технику. Важнейшая функция моделирования этноязыковых процессов заключается в комплексном понимании самого явления, отличающегося множеством разнородных — от экономики до психологии — по своему характеру параметров и системобразующих связей, а также в применении комплексных подходов к их вы-

явлению, измерению и изучению. Особую актуальность на данном этапе моделирования двуязычия приобретает применение принципов системного анализа. Существенной предпосылкой и условием его применения служит разработка теоретических основ комплексного исследования двуязычия, в том числе проблем его компонентного состава.

На путь покомпонентного анализа двуязычия сегодня толкают следующие общеизвестные факты: интегративные тенденции, делающие более прочными связи между научными дисциплинами (социолингвистикой, этносоциологией, социальной психологией и др.), изучающими различные грани, свойства и характеристики двуязычия; расширенное проникновение в гуманитарные дисциплины методов количественного анализа обширных эмпирических данных; использование мощных средств быстродействующей вычислительной техники; усовершенствование инструментального аппарата в связи с внедрением новых методических, технических и процедурных средств сбора и анализа первичной информации (фронтальный просчет ведомственной статистики, использование вопросников, анкет, тестов, магнитофонных записей и т. п.); использование идей и гипотез комплексного, системного анализа.

Следует, однако, заметить, что в разработке проблем покомпонентного анализа двуязычия сделаны лишь первые шаги. Поэтому задача заключается в том, чтобы выработать такое теоретическое понимание объекта двуязычия, при котором были бы более четко, чем до сих пор, определены его составные части и соответствующие приемы изучения. Сложная, таксономически многоуровневая природа билингвизма требует выделения по крайней мере трех совокупностей компонентов: 1) языковых, включающих все формы и способы существования контактирующих языков; 2) личностных, представленных социогенными, биогенными, психогенными и культурогенными свойствами билингвов, т. е. самих носителей двуязычия, и 3) речевых, включающих знание и попеременное употребление двух языков в различных сферах жизнедеятельности.

На необходимость уточнения понятия «язык» как составной части двуязычия недавно обратил внимание Ю. Д. Дешериев, справедливо усомнившийся в правомерности утверждения, что двуязычный индивид или коллектив одновременно владеет всеми формами существования каждого из двух языков, в том числе их диалектами, разговорной речью, литературным языком, его функциональными стилями²⁷. Как конкретно варьируют компоненты двух языков в двуязычных ситуациях, убедительно продемонстрировал Г. В. Степанов на примере населения стран

романской речи²⁸. Опыт показывает, что действительно трудно найти человека, который в совершенстве знал бы весь словарный запас каждого из языков при двуязычии и одновременно владел бы всеми функциональными стилями — официально-деловым, научным, производственным, публицистическим, разговорным²⁹.

В то время как в социолингвистике уточнялось понятие «язык» и «языковые факты» двуязычия, в этносоциологических исследованиях были выделены билингвы, двуязычное население, и частично рассмотрены: языковая компетенция, под которой понимается степень владения первым и вторым языком; речевая деятельность, понимаемая как попеременное употребление индивидом двух языков в разнообразных жизненных ситуациях; языковая ориентация, отражающая психологическое отношение к каждому из двух языков³⁰. Выделение компонентов двуязычия — не игра в дефиниции, а важный инструмент в познавательном арсенале современного двуязычия. Пренебрежение этими дефинициями ведет порой к досадным недоразумениям. «Среди населения, проживающего в городах, — говорится в одном коллективном труде, — *свободно пользуются русским языком* (курсив наш. — М. Г.) почти две трети молдаван, три пятых казахов, около половины белорусов, латышей, киргизов, одна треть узбеков, грузин, литовцев, азербайджанцев»³¹. Здесь, как видит читатель, автор цитируемой статьи, пользуясь данными переписи населения 1970 г. о «свободном владении», перенес их в сферу реального речевого поведения, или (если пользоваться терминологией, предложенной А. К. Рейцак)³² интенсивность двуязычия (т. е. качественную сторону явления, определенную ступень в освоении второго языка) приравнял к экстенсивности, представленной количественной стороной дела, масштабами использования языков в различных коммуникативных сферах. Распространение двуязычия, особенно в его национально-русской разновидности, имеет у нас в стране массовый характер. Поэтому изучение языковой компетенции при этом типе двуязычия представляется исключительно важным. Опыт показывает, что компетенция бывает далеко не одинаковой в разных видах речевой деятельности: говорении, слушании, чтении и в письме. В ряде союзных и автономных республик часть сельского населения выявляет более высокую компетенцию в сфере устных, чем в сфере письменных коммуникаций. Эта тенденция особенно характерна для лиц пожилого возраста или с невысоким уровнем образования. В то же время сравнительно свободное чтение литературы на иностранном языке у определенной части интеллигенции может вполне совмещаться с неспособностью свободно использовать его в устном

общении. Неравномерность языковой компетенции в различных видах речевой деятельности может проявляться при двуязычии в каждом языке. Даже в языке своей национальности, усвоенном с детства, человек воспринимает на слух все то, что он может сам сказать, но сказать он может далеко не все то, что слышит. Каждый может прочесть и понять все написанное, но написать он может лишь ничтожную долю того, что может прочесть. Учет всех этих предпосылок дает основание вслед за Э. П. Шубиным³³ изобразить языковую компетенцию среднего индивида в виде условной схемы, показывающей, что способность слушания превышает способность говорения, а компетенция в сфере чтения выше, чем в сфере письма.

Определение степени языковой компетенции в различных видах языковой деятельности занимает немаловажное место в числе задач этносоциологического изучения двуязычия и языковых процессов.

В условиях многонационального советского общества знание второго языка значительно расширяет возможности двуязычного населения приобщаться к культурным достижениям других народов. Вряд ли эта аксиома требует специальных доказательств. Более необходимым представляется другое, а именно проследить, как разворачиваются основные тенденции и закономерности, в ходе которых указанная возможность практически реализуется у различных народов СССР. Наряду с языковой компетенцией (знание второго языка в двуязычии) можно выделить и языковую активность (или речевое поведение), включающую четыре основные формы: говорение, слушание, чтение и изложение своих мыслей в письменной форме. Этносоциологические исследования показали, что при массовом двуязычии языковая компетенция и языковая активность не всегда и не обязательно совпадают.

В сельской местности Молдавской ССР, например, значительная часть потенциально двуязычных молдаван у себя дома разговаривают только по-молдавски или попеременно на двух языках, как бы выявляя тем самым наличие некоторой «избыточности» потенциального двуязычия. Действительно, масштабы распространения потенциального двуязычия (около 19% всех сельских молдаван хорошо знают русский язык) почти в 4 раза превосходят масштабы реального домашнего двуязычия (около 5%). Однако преобладание потенциального двуязычия отнюдь не составляет некоторый ненужный языковой балласт, так как значительная часть «избыточного» двуязычия «расходуется» для производственных общений, а также в некоторых других сферах общественной жизни. На работе резервы потенциального двуязычия исчерпываются более полно, так как около 14% сельских мол-

даван разговаривают там только по-русски или же чередуют русскую речь с молдавской. Из числа тех молдаван, которые преимущественно владеют языком своей национальности, почти все дома используют молдавский язык. Следовательно, в сфере домашних коммуникаций масштабы потенциального и реального двуязычия очень близки друг другу.

В то же время на производстве, даже среди тех, кто вторым (русским) языком владеет слабо, обнаруживается тем не менее группа сельских молдаван (почти каждый десятый), которые, несмотря на то, что молдавским языком владеют лучше, чем русским, разговаривают все-таки по-русски. Следовательно, перед нами обратная тенденция — наличие определенной «недостаточности» хорошего знания второго языка. Иными словами, между знанием второго языка и между его употреблением нет полного совпадения. Именно это обстоятельство обязывает проверить, которая из двух форм существования двуязычия (компетенция или активность) имеет более значимый социальный эффект. При этом имелся в виду не совокупный эффект, а лишь воздействие одной из разновидностей двуязычия на приобщение к культурным ценностям.

Речевое поведение является составной частью деятельности, которая согласно советской психологической школе опосредуется и регулируется психическим отражением реальности. Если исходить из теоретической предпосылки, согласно которой человеком должно быть так или иначе воспринято, представлено, понято, удержано и воспроизведено памятью все то, что в окружающем предметном мире выступает в качестве мотивов, целей и условий деятельности, то нетрудно представить себе, что изучение деятельности, в том числе и речевой, может увести к традиционным темам классической психологии³⁴. Однако подобное отклонение этносоциология двуязычия избегает в силу того, что в изучении речевой деятельности на центральное место выдвигается не психическая, а социальная обусловленность языковой коммуникации, в том числе влияние основных компонентов языковой экологии на речевое поведение. В то же время интерпретация языковых явлений в терминах концепции деятельности обязывает не упускать из поля зрения мотивационную, целевую и исполнительную сторону дела. Например, задачи языкового общения могут состоять в том, чтобы: передать информацию тем, кому она нужна; получить необходимую информацию; спровоцировать некоторую деятельность тех, к кому эта информация обращена; вызвать у получателя информации определенное эмоциональное или эстетическое состояние; исполнять и следить за исполнением принятых в данном коллективе социальных норм и т. д.

Таким образом наряду с компетенцией и деятельностью в совокупной характеристике речевого поведения важное место занимает психологическая установка на язык, а при многоязычии — на каждый язык. Языковая предрасположенность формируется под воздействием внешней среды, но, сформировавшись, в свою очередь оказывает обратное воздействие как на динамику языковой компетенции, так и на характер и масштабы речевой деятельности. При этом содержание того, к чему именно направлена предрасположенность, охватывает различные параметры и особенности языка, и в том числе его информативные, эстетические, «логические» достоинства, а также мнение населения относительно употребления того или иного языка в разнообразных сферах жизни: в литературе, науке, в работе средств массовой коммуникации.

Методологической предпосылкой выделения «языковых» и «речевых» компонентов двуязычия служит разграничение языка и речи³⁵. В свою очередь это приближает нас к пониманию двух типов взаимосвязей: «внутри» двуязычия, между его собственными компонентами, и «вне» двуязычия, с факторами внеязыковой среды. Речь идет в последнем случае о более полном выявлении зависимости двуязычия от уровня социально-экономического развития его носителей. При этом важно подчеркнуть, что доминирующую роль в функционировании двуязычия играют прежде всего сами билингвы и «речевые» компоненты. Это не требует особого объяснения, так как функциональное развитие языка обуславливает его структурное развитие, а не наоборот³⁶. Предложенные дефиниции пока еще не отличаются достаточной четкостью и требуют дальнейшей аргументированной и детальной разработки. Вместе с тем они позволяют приблизиться к пониманию функционирования двуязычия как целостного образования.

Таким образом, делается значительный шаг в дальнейшем уточнении не только самих компонентов двуязычия, но и его функциональной развернутости. Наблюдавшаяся в некоторых работах тенденция истолкования двуязычия главным образом как «формы общения народов»³⁷ практически не содействует выработке адекватного понимания его содержания и социальной значимости, так как сужает сферы его реального функционирования.

Еще в 1928 г., формулируя задачи лингвистической характеристики города, Б. А. Ларин подчеркивал, что «нельзя понять эволюции и судеб литературного языка, пока к этому материалу не применены социологические принципы исследования». И чуть ниже: «Нельзя приступить к социологическому истолкованию литературного языка, пока не изучается его непосредственная лингвистическая среда»³⁸. Оба высказывания не

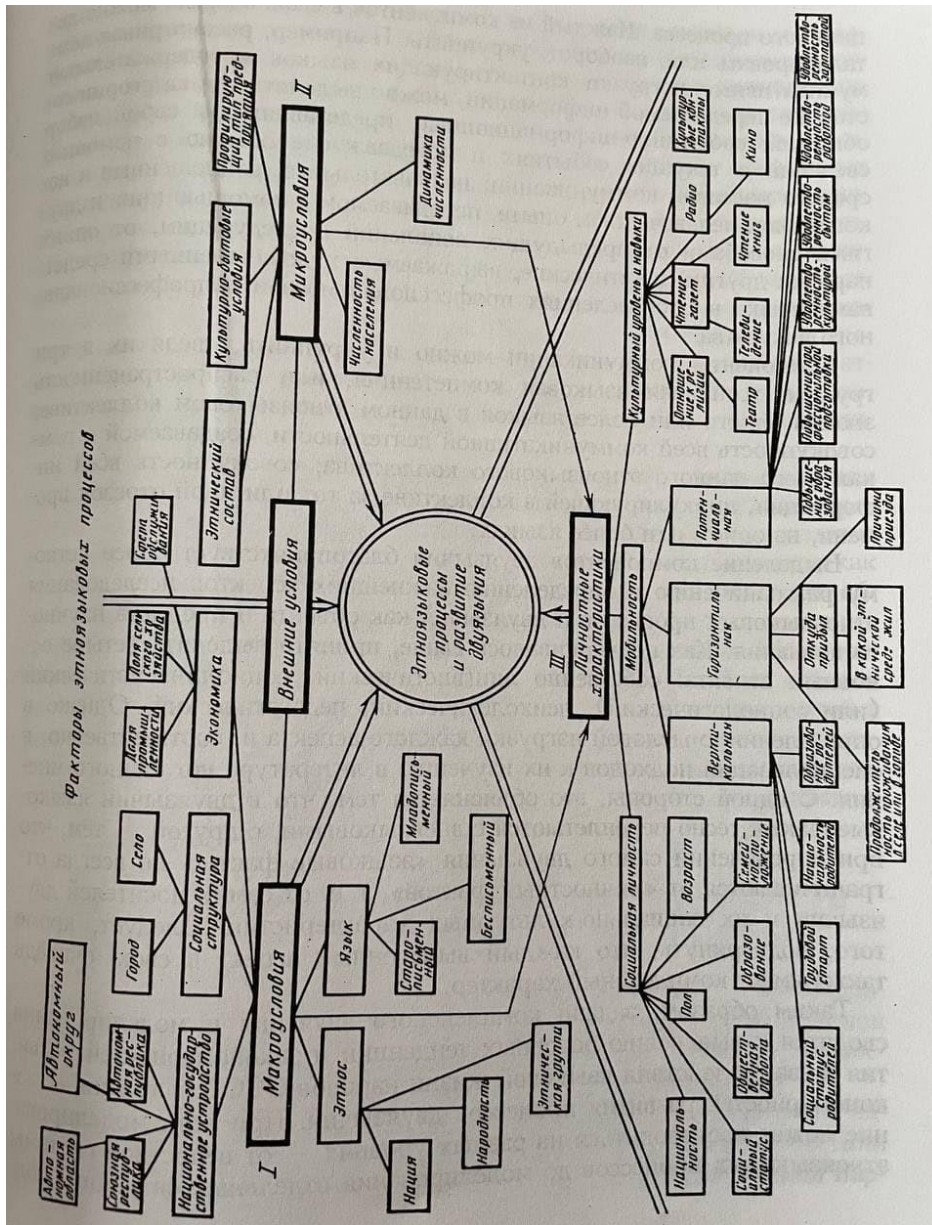
потеряли своей актуальности и сегодня. В то же время ограниченность вос-произведенной точки зрения состояла в том, что внешняя по отношению к изучаемому языку среда бралась в узком, непосредственно лингвистическом аспекте, без учета демографических, социально-культурных и личностных характеристик. Это упущение частично «передалось» некоторым социолингвистическим исследованиям, проведенным в 60—70-х годах. Вместе с тем на новом этапе постепенно укоренялось осознание необходимости комплексного изучения двуязычия. Эта идея углублялась параллельно с пониманием билингвизма как сложнейшего многокомпонентного социального и этнолингвистического феномена. Комплексный подход к билингвизму диктуется самим объектом исследования и его свойствами. Всестороннее изучение последних возможно лишь путем последовательного применения совокупности ряда методов и приемов: анкетирования, записей речи билингва, наблюдений над речевой деятельностью в различных сферах жизни и др. Свойства билингвизма проявляются в производственной, общественно-политической, культурной, педагогической, семейно-бытовой, психологической и других сферах жизни. На первых порах развертывания билингвистических исследований (начало 60-х годов) речь не шла дальше общих призывов объединить усилия специалистов различных отраслей знания. Меньше всего обращалось внимание на тот факт, что понятие комплексности обладает собственной структурой. Прежде всего необходимо уточнить объект приложения комплексности. В одном случае речь идет о комплексном понимании самого двуязычия как объекта и предмета изучения, в другом — о разработке и применении комплексного подхода в изучении объекта. Следовательно, если понимать под двуязычием лингвистическую категорию, то основным объектом изучения выступает собственно язык и его общественные функции. Понятие комплексности приобретает новый смысл, когда двуязычие воспринимается как этносоциологическая категория. Здесь на передний план как объект изучения выдвигаются билингвы — носители двуязычия — конкретные люди, употребляющие языки разными способами (говорение, слушание, чтение, письмо), в разнообразных сферах жизни (труд, отдых, самообразование, спорт и т. д.), в разном соотношении (по степени владения, по масштабам употребления, по психологической предрасположенности и т. д.). Сущность комплексности в каждом из направлений одна и та же. Она выражается в необходимости выявить и учесть по возможности все структурные элементы и структурообразующие связи, в том числе между компонентами двуязычия и между двуязычием и внеязыко-

вой действительностью. Содержание комплексности в каждом из направлений не вполне совпадает из-за неадекватного понимания самих объектов.

В социолингвистическом понимании и изучении двуязычия важнейшим объектом исследования выступает собственно язык и его общественные функции, в том числе материализованные в опредмеченных результатах человеческой деятельности, главным образом в издательской деятельности, в работе средств массовой коммуникации, в соотношении школ и других учебных заведений с различными языками обучения, в программах обучения, в делопроизводственной, технической и прочей документации и т. д.

Комплексный характер двуязычия в социолингвистическом аспекте учитывает и тот факт, что структурные изменения, происходящие в языке, обусловлены его функционированием. В свою очередь уровень функционального развития языков зависит от уровня социально-экономического и культурного развития их носителей. Несколько упрощая суть дела, можно сказать, что в социолингвистике основным объектом изучения выступает язык, в то время как в этносоциологии языка — человек. Более того, в этносоциологии понятие двуязычия является также многоаспектным, многоуровневым и синкретическим. Конкретный анализ процессов двуязычия в этносоциологическом аспекте предполагает изучение воздействия, которое оказывает макросреда, включающая экономические, государственно-правовые, политические, идеологические, социальные, культурные и другие факторы. При этом принимается в расчет, что макросреда воздействует на этноязыковые контакты не только прямо, но и опосредствованно, через элементы микросреды. Не упускаются из вида и индивидуальные, личностные характеристики носителей двуязычия. Таким образом, в этносоциологических исследованиях процессы двуязычия рассматриваются не только как языковые, но и как личностные отношения, как отношения между людьми, принадлежащими к разным национальностям (см. схему № 1).

С учетом основных положений теории коммуникации и теории деятельности предмет этносоциологического изучения языка можно представить как систему отношений, возникающих между основными компонентами коммуникационного процесса. Вслед за Р. Якобсоном³⁹ американские социолингвисты включают в эту систему семь основных компонентов (или факторов речи): отправитель информации; получатель; форма сообщения; канал связи; код или язык информации (что особенно важно при двуязычии); тема; обстановка или ситуация речевой деятельности⁴⁰. Этносоциологический подход предусматривает изучение взаимодействий между основными компонентами ком-

муникационного процесса. Каждый из компонентов в свою очередь можно детализировать или, наоборот, укрупнить. Например, рассматривая коммуникативные нагрузки контактирующих языков в содержательной стороне передаваемой информации, можно выделить три категории сообщений: событийно-информационные, представляющие собой набор сведений о текущих событиях и передаваемые обычно с помощью средств массовой коммуникации; познавательные, воплощенные в накопленном человечеством опыте, передаваемом с помощью книг и другими способами от предыдущих поколений последующим, от одних народов другим; эстетические, выражаемые художественными средствами языка в произведениях профессионального и непрофессионального искусства.

Компоненты коммуникации можно и укрупнить, сведя их в три группы: тотальная языковая компетенция, или распространенность знания одного или более языков в данном этноязыковом коллективе; совокупность всей коммуникативной деятельности, создаваемой в рамках всего данного этноязыкового коллектива; совокупность всей информации, циркулирующей в коллективе за тот или иной отрезок времени, на одном или более языках.

Выделение компонентов двуязычия благоприятствует более четкому разграничению и определению важнейших аспектов исследования этноязыковых процессов и двуязычия как объекта и предмета научного познания. Как подчеркивалось выше, принято выделять четыре основных аспекта: собственно лингвистический, социолингвистический (или социологический), психологический, педагогический. Однако в определении смысловой нагрузки каждого аспекта и, соответственно, в специализации подходов к их изучению в литературе нет единого мнения. С одной стороны, это объясняется тем, что в двуязычии языковые факты тесно переплетаются с внеязыковыми, с другой — тем, что при определении самого двуязычия «языковые факты» не всегда отграничиваются от «личностных фактов», т. е. от самих носителей двуязычия и их социально-культурных характеристик. Следует, кроме того, подчеркнуть, что каждый выделенный аспект в свою очередь также имеет комплексный характер.

Таким образом, задачи комплексного изучения и моделирования сводятся к выяснению основных тенденций и закономерностей развития и взаимодействия языковой жизни народов СССР, в том числе закономерностей развития процессов двуязычия. При этом моделирование может производиться на разных уровнях — от целостной системы этноязыковых процессов до моделирования отдельных ситуаций, подсистем,

элементов. Например, первые предпринятые попытки моделирования факторов развития двуязычия обещают перспективные результаты. На очереди — моделирование механизмов проявления двуязычия в различных сферах жизни, языковой компетенции, социально-культурных и социально-этнических последствий двуязычия и т. д. Но все это лишь отдельные подходы к моделированию этноязыковых процессов «в целом». Сегодня предпринимаются отдельные предварительные шаги (речь идет о моделировании некоторых подсистем этноязыкового процесса): разграничиваются и конкретизируются основные параметры, разрабатывается методика и процедуры их количественного измерения, взвешивается социальный эффект, выявляется национальная специфика, делаются предварительные прогнозы. Без экспериментального решения этих задач, стоящих в центре внимания этносоциологических исследований современных языковых процессов, моделирование их как сложной динамической системы не представляется возможным.

Для того чтобы этносоциология могла успешно выполнять свои важнейшие задачи в деле адекватной характеристики языковых процессов современности, думается, что она в первую очередь должна четко представлять себе итоги и перспективы изучения двуязычия как важного исторического процесса и как важной стороны советского образа жизни. И здесь, как показывает опыт, мы значительно расширили свои знания о двуязычии, углубили свои представления о его возникновении, становлении и развитии. Несколько меньше пока удалось продвинуться в понимании его сущности и в выявлении его связей с другими общественными процессами. Еще нет единого мнения в оценке его социальной значимости. И, наконец, многое предстоит сделать, чтобы научиться достаточно точно предвидеть процессы двуязычия и рационально управлять ими.

6. ДВУЯЗЫЧИЕ У НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ВЬЕТНАМА: ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Четыре десятилетия тому назад — 2 сентября 1945 г. — на площади Бадинь в Ханое на митинге, в котором участвовал почти миллион человек, Хо Ши Мин огласил «Декларацию независимости», возвестившую об образовании Демократической Республики Вьетнам.

1985 г. вообще богат юбилеями в жизни братского вьетнамского народа. 3 февраля 1985 г. трудящиеся СРВ и СССР широко отметили 55-летие со дня принятия решения о создании Коммунистической партии Вьетнама.

В марте исполнилось 50 лет со времени работы I-го съезда Коммунистической партии Индокитая. 30 апреля минуло десятилетие с того момента, когда в Сайгоне над резиденцией бывшего президента марионеточного режима взвился флаг революции, символизирующий завершение 30-летней освободительной войны. Победа в этой войне положила конец колониальному господству и открыла путь народам объединенного Вьетнама к социализму.

Состоявшиеся в декабре 1976 г. IV и в марте 1982 г. V съезды КПВ разработали важнейшие задачи строительства материально-технической базы социализма и укрепления обороны СРВ.

Сейчас, накануне VI съезда КПВ, который намечено провести в середине 1986 г., в СРВ уделяется большое внимание конкретизации генерального курса экономической и социальной политики партии в условиях перехода к социализму. Естественно, немалое внимание уделяется и национальной политике. В конечном счете цель компартии и правительства СРВ заключается в обеспечении условий для ускоренного перехода национальных меньшинств страны от вековой отсталости к социализму.

Отношения между национальностями оказывают немаловажное влияние на характер и темпы экономического, политического и духовного развития многонационального вьетнамского общества. В связи с этим партия считает необходимым строго учитывать национальные, в том числе национально-языковые, аспекты при разработке планов прогрессивного развития как страны в целом, так и отдельных ее районов в соответствии с многообразными конкретно-историческими и географическими условиями.

В осуществлении коренных задач национальной политики, в достижении «полного равноправия всех национальностей, в создании необходимых условий для устранения причин различий в уровне развития экономики, культуры малых и больших народов и народностей, чтобы горные районы в своем развитии догоняли равнинные, чтобы все национальности жили в достатке и счастье, всесторонне развивались, сплочивались, помогали друг другу идти по пути прогресса, совместно выступая в качестве хозяина социалистической Родины»¹, видное место, как отмечалось на IV съезде КПВ, принадлежит решению национально-языковых проблем. Необходимо прежде всего создать условия для развития родных языков национальных меньшинств и распространения среди них вьетнамского языка как языка межнационального общения и формирования на этой двуединой основе национально-вьетнамского двуязычия. Проведение национально-языковой политики требует от КПВ и правительства страны компетентного и умелого учета и

использования всей совокупности объективных и субъективных факторов этноязыкового развития народов. Анализу этих факторов и их роли в жизни многоязычного вьетнамского общества, в развитии современных общественных процессов, в ходе которых решаются конкретные вопросы перехода страны к социализму, и посвящена данная статья.

Предпринятый анализ необходим для того, чтобы более полно выявить экономические, политические, идеологические и все остальные внеязыковые и собственно языковые рычаги управления процессами распространения и функционирования национально-вьетнамского двуязычия. Надо сказать, что в СРВ уже накоплен значительный опыт в осуществлении конкретных мер, связанных с разработкой, совершенствованием и распространением письменностей и расширением общественных функций языков мяо, тхай, тай и нунг². В последние годы наметились серьезные позитивные сдвиги (особенно в северных районах Вьетнама, населенных национальными меньшинствами) в приобщении невьетских народов к вьетскому языку. Предпринимаются исследования с целью создания оптимальных условий взаимодействия родных языков и языка межнационального общения. В законодательных актах специально подчеркивалось, что язык национального меньшинства и государственный язык (вьетский) в равной степени могут применяться в административной и пропагандистской работе³.

Этносоциологические исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом этнографии Комитета общественных наук СРВ в северных провинциях Вьетнама в 1980—1983 гг., показали, что на складывание и развитие различных типов двуязычия одни и те же факторы действуют с неодинаковой силой. Более того, обнаружилось существенные различия в степени воздействия объективных и субъективных факторов на развитие этноязыковой жизни национальных меньшинств.

Так, например, представители невьетских народов, отвечая на вопрос: «Если Вы знаете вьетский язык, то укажите, где Вы им овладели?» — назвали в основном семью, работу, межличностное общение, службу в армии, учебу в школе и в других учебных заведениях.

При этом для всех опрошиваемых влияние школы было сильнее, чем какого-либо другого фактора, а для тхай и мяонг — даже сильнее воздействия всех остальных факторов вместе взятых (см. табл. 1).

В целом факторы распространения вьетского языка среди национальных меньшинств СРВ можно объединить в две группы. Под влиянием факторов первой группы — межличностное общение в семье, на работе, в районе проживания — знание второго языка приобреталось совершенно

естественно, стихийно. Будем называть условно эти факторы коммуникативными, а способ усвоения вьетского языка под их воздействием — традиционным или коммуникативным. Этот способ обеспечивает знание главным образом народно-разговорной формы инонационального языка. Вторая группа факторов, связанная с системой народного образования (школа, средние и высшие учебные заведения), обеспечивает овладение вторым языком, причем литературной его формой, как правило, в организованном порядке. Этот второй способ можно, также не без доли условности, именовать современным (или школьным, учебным, школьно-учебным), так как до Августовской революции приобщение невьетских национальностей к вьетскому языку через систему школьного образования не имело места по той простой причине, что в горных районах, населенных национальными меньшинствами, не было самих школ.

Таблица 1

**Основные факторы распространения вьетского языка
среди национальных меньшинств северных провинций СРВ
(по данным этносоциологического опроса, в %)**

Народ	Способ освоения вьетского языка					
	традиционный				современный	
	в семье	на работе	в процессе общения в районе проживания	в армии	в школе	в техникуме, в вузе
Тай	40,0	24,2	9,1	2,2	50,5	1,8
Нунг	21,0	26,9	15,1	1,9	52,4	3,1
Тхай	12,4	5,1	31,2	1,4	59,5	—
Мьонг	3,9	5,7	24,5	1,3	73,3	—

Соответственно этими двумя способами — традиционным (коммуникативным) и современным (школьным) — происходило освоение инонационального языка в двух разных формах его существования: народно-разговорной и литературной. Конечно, такое разделение тоже не лишено условности. Действительно, даже в общеобразовательной школе параллельно с освоением литературного языка приобретаются навыки устной речи и, напротив, предварительное овладение народно-разговорной формой инонационального языка существенно облегчает освоение его письменности, навыков чтения и письма. Нередко даже в самом

процессе семейного общения вместе с приобретением второго языка осваивается и письменность.

Словом, выделенные здесь два канала распространения второго языка и соответствующие им две формы существования языка не следует абсолютизировать, разделять непреодолимой преградой. В жизни они чаще всего взаимосвязаны и дополняют друг друга. Важно подчеркнуть другое. Соотношение между традиционным и современным способами овладения вторым языком было неодинаковым в разные периоды истории.

Народно-разговорная форма инонационального языка приобретается, как уже отмечалось, преимущественно естественно, или вероятностно-стохастическим способом, в том смысле, что никто не планирует ни сам процесс, ни программу, ни средства изучения второго языка. Речевые навыки в межнациональных контактах складываются сами по себе. Разумеется, для удовлетворения потребностей в знании литературного языка традиционного способа явно недостаточно.

В конце 1970-х — первой половине 1980-х годов, как уже подчеркивалось, обе группы факторов — традиционных и современных — действовали комплексно, хотя проявление характера самой комплексности также варьировало в зависимости от разных обстоятельств, в том числе от особенностей этноязыковой ситуации.

Так, у тай и нунг традиционные факторы в какой-то степени преобладали над современными или были приблизительно равноязычными, а у тхай и мыонг, напротив, школьный фактор доминировал. Выяснилось, что вьетским языком в процессе семейных и производственных общений овладели 64,3% тай, 47,9 нунг и всего лишь 17,5 тхай и 9,6% мыонг (см. табл. 1).

Как показали этносоциологические исследования, тай-вьетское и нунг-вьетское двуязычие в отличие от тхай-вьетского формировалось не только под воздействием обычных для современных условий внешних (внеязыковых и внеэтнических) факторов, но и в немалой мере вследствие внутренней регенерации, т. е. воспроизводства двуязычия уже на своей собственной основе. Можно полагать, что в 60—70-е годы национально-вьетское двуязычие родителей в семьях у тай и нунг передавалось детям почти так же естественно, как передается язык своей национальности. Чтобы убедиться в справедливости этого предположения, а заодно и полнее раскрыть роль семьи в межпоколенной трансмиссии национально-вьетского двуязычия, достаточно сравнить распространенность такого двуязычия в различных возрастных группах национальных меньшинств. Предварительно отметим, что в

начале 80-х годов в распространении вьетского языка у тай значительной разницы между «молодежью» и «стариками» уже не было, в то время как у тхай лиц со знанием вьетского языка среди молодежи было в 1,5 раза больше, чем среди лиц 50-летних и старше.

Таблица 2

Национальный состав семей у невьетских народов в северных провинциях Вьетнама (по данным этносоциологического опроса, в %)

Народ	Состав семьи	
	однонациональный	национально-смешанный
Тай	86,7	13,2
Нунг	93,6	6,3
Тхай	95,3	4,6
Мьонг	92,0	7,9
Кинь	90,7	9,2

Таким образом, широкое развитие современных этноязыковых процессов охватило у тай и нунг даже такую относительно устойчивую для проникновения инонационального языка сферу жизни, как семейно-бытовое общение. И семья, выступающая обычно у малых народов цитаделью использования языка своей национальности, сама начала играть определенную роль в межпоколенной трансмиссии национально-вьетского двуязычия. Предположение, что национально-вьетское двуязычие воспроизводится в семейно-бытовой сфере из-за большого удельного веса национально-смешанных семей или из-за межпоколенного несовпадения национальностей детей и отцов, не подкрепляется данными этносоциологических исследований. У тхай и мьонг, как выяснилось, вообще не существует межпоколенной разницы в национальной принадлежности членов одной и той же семьи. Что касается остальных невьетских народов, то у 98% нунг и 95% тай национальность «родителей» и «детей» одна и та же. Если к сказанному добавить, что удельный вес национально-смешанных браков весьма невелик среди национальных меньшинств (см. табл. 2) и что, следовательно, гетерогенность семейного состава не служит причиной межпоколенной передачи национально-вьетского двуязычия, остается допустить, что у тай и нунг оно регенерируется в семье. К тому же на рубеже 70—80-х годов масштабы реального двуязычия, т. е. употребление двух языков в речевой деятельности, у тай и нунг были гораздо шире, чем, например, у тхай. Вьетская речь, в частности, звучала в

домашнем общении многих семей у тай, в то время как у тхай дома практически не говорили по-вьетски. Не менее разителен был контраст между этими народами и в сфере их производственных коммуникаций. Только по-вьетски, или же чередуя вьетскую речь с речью на языке своего народа, на работе разговаривали более половины всех тай (53,4%), в то время как у тхай аналогичная модель речевого поведения была распространена в 4,6 раза меньше и охватывала всего 11,6% лиц, занятых в производстве.

Приведенные данные свидетельствуют и о том, что существование реального двухязычия как в семейной, так и в производственной сферах создавало дополнительные благоприятные условия для дальнейшего расширения современных этноязыковых процессов. Активизация этих процессов с особой силой проявлялась среди тех национальных меньшинств, у которых, во-первых, согласованно, в одном и том же направлении, позитивно «работали» и традиционные и современные факторы распространения вьетского языка и, во-вторых, когда повышение языковой компетенции стимулировалось повседневной речевой практикой, а расширение рамок речевого поведения в свою очередь повышало уровень языковой компетенции.

Важную роль в становлении национально-вьетского двухязычия играет та конкретная этноязыковая ситуация, в которой формируется потребность в знании и употреблении двух языков. И вполне естественно, что роль коммуникативных факторов в иноэтничной среде возрастает. Закономерно, в частности, что на распространение вьетского языка среди нунг, проживающих в моноэтничной среде, воздействие всех коммуникативных факторов вместе взятых было слабее воздействия школьно-учебных факторов, а у тай в аналогичной ситуации первые были весомее вторых лишь в 1,5 раза.

Соотношение между коммуникативными и школьно-учебными факторами в их воздействии на ход этноязыковых процессов в Северном Вьетнаме после Августовской революции и особенно после первой Войны Соппротивления (1945—1954 гг.) изменилось весьма существенно.

Для характеристики этого явления необходимо предварительно отметить, что школа в качестве фактора распространения вьетского языка играла далеко не одинаковую роль в жизни разных поколений невьетских народов. Об этом красноречиво говорят данные о числе грамотных и неграмотных среди национальных меньшинств Северного Вьетнама. К концу 70-х годов удельный вес неграмотных среди лиц пожилого возраста (50 лет и старше) был выше, чем среди молодежи (18—29 лет) у тай в 21 раз, у нунг — в 9, у тхай — в 2,7 раза, у мьонг — в 47 раз.

Значительные межпоколенные различия наблюдались у невьетских народов и по масштабам распространения образования. Так, среди молодежи в возрасте 18—29 лет преобладали в основном лица, окончившие 3—7 классов (от 60,3% у тхай до 84% у мыонг и тай), у представителей среднего поколения в возрасте 30—49 лет значительным был удельный вес окончивших 1—6 классов (от 53% у тхай до 76% у мыонг) и, наконец, среди 50-летних и старше примерно половина была неграмотных (у нунг и тхай даже больше) и 20—31% имели образование 1—4 класса (см. табл. 3).

Таблица 3

**Уровень образования в различных возрастных группах
национальных меньшинств в северных провинциях СРВ
(по данным этносоциологического опроса, в %)**

Народ, возраст (лет)	Негра- мотные	Умеют читать и писать	Имеют образование (классов)					Сред. спе- циа- льное
			1—2	3—4	5—6	7	8—10	
<i>Тай</i>								
18—29	2,0	0,6	4,2	12,6	24,5	46,7	7,2	3,0
30—49	3,4	8,1	20,3	36,5	10,8	15,5	4,7	0,7
50 и старше	41,3	19,2	15,6	15,6	3,0	3,6	1,8	—
<i>Нунг</i>								
18—29	7,1	2,2	6,0	34,8	17,9	22,3	9,2	0,5
30—49	31,0	7,0	23,4	19,6	12,0	5,0	1,3	0,6
50 и старше	65,1	11,9	6,3	13,5	1,6	1,6	—	—
<i>Тхай</i>								
18—29	25,4	2,1	11,6	36,0	11,6	12,7	0,5	—
30—49	33,1	6,5	18,7	28,8	5,8	5,8	—	1,4
50 и старше	68,4	7,6	13,4	7,6	2,3	0,6	—	—
<i>Мыонг</i>								
18—29	1,1	0,6	8,0	33,9	23,0	27,0	5,7	0,6
30—49	7,9	7,9	27,5	32,6	16,3	7,9	—	—
50 и старше	51,7	13,2	21,2	8,6	4,0	1,3	—	—

Приведенные данные позволяют с относительно высокой степенью вероятности определить роль школьно-учебного фактора в сочетании с ролью остальных факторов в распространении вьетского языка среди

малых народов Северного Вьетнама на различных этапах как накануне, так и после Августовской революции.

У старших поколений всех без исключения невьетских народов, судя по данным начала 1980-х годов, приобщение к вьетскому языку происходило в свое время преимущественно традиционным (коммуникативным) путем. Число лиц, овладевших вьетским языком традиционным способом, значительно превышало число лиц, усвоивших этот язык современным способом: у нунг, например, в 9 раз, у тай — в 7,3, у тхай — в 4,6, у мыонг — в 1,3 раза.

У невьетских народов среди лиц 30—49-летнего возраста, во-первых, резко уменьшилось характерное для старшего поколения (50 лет и более) преобладание традиционных факторов над современными, а во-вторых, усилилась дифференциация между самими народами по соотношению каждой группы факторов, детерминирующих распространение вьетского языка и экстенсивное развитие этноязыковых процессов. В результате в одних случаях традиционные факторы преобладали над современными (например, у тай в 1,3, а у нунг в 1,7 раза), а в других, наоборот, воздействие школьно-учебных факторов стало гораздо весомее, чем совокупное влияние всех остальных (коммуникативных) факторов (у тхай в 1,3, у мыонг почти в 2 раза).

И, наконец, у молодежи невьетских народов преобладание школьного фактора над остальными стало бесспорным и всеобщим (см. табл. 4).

Можно полагать, что зародившаяся у среднего поколения (30—49 лет), а также у молодежи (18—29 лет) в годы ее социализации тенденция качественной перестройки факторов, предопределяющих судьбу национально-вьетского двуязычия, последовательно усиливалась. И именно в жизни среднего поколения, т. е. в 40—50-е годы, четко обозначился переход к организованному, целенаправленному управляемому воздействию школьного фактора на распространение вьетского языка среди невьетских народов.

Естественно, возникают вопросы: сколько времени потребовалось для такой перестройки? Какое десятилетие стало решающим в переходе от стихийности и неорганизованности к осознанному руководству современными этноязыковыми процессами в СРВ? Для ответа на эти принципиальные вопросы снова обратимся к «школьной биографии» каждого поколения, с тем чтобы определить место и значение школьного фактора в развитии двуязычия у невьетских народов.

Даже самые «молодые» из старшего поколения, т. е. те, кому в 1981 г. уже исполнилось 50 лет, теоретически могли начать заниматься в первом классе не раньше 1937 г. и закончить первые три класса к 1940 г. В

целом же школьный возраст пожилого поколения наших современников относится к 20—30-м годам. В то время редко кому из них довелось сесть за школьную парту. Самих школ, как известно, в горных районах почти не было. Представителям национальных меньшинств еще в большей мере, чем вьетам, был затруднен доступ в школы.

Таблица 4

Факторы овладения вьетским языком в различных возрастных группах национальных меньшинств в северных провинциях СРВ (по данным этносоциологического опроса, в %)

Народ, возраст (лет)	Овладение вьетским языком					
	в школе	в процессе общения, в том числе				
		в семье	на работе	в местах проживания	в армии	всего
<i>Тай</i>						
18—29	80,7	28,3	19,9	1,8	1,8	51,8
30—49	56,6	39,2	26,6	5,6	1,4	72,8
50 и старше	14,6	53,5	28,7	20,4	3,8	106,4
<i>Нунг</i>						
18—29	81,9	15,2	16,4	2,8	1,7	36,1
30—49	45,4	25,5	33,3	15,6	2,1	76,5
50 и старше	11,4	24,8	36,2	34,3	7,6	102,9
<i>Тхай</i>						
18—29	80,1	8,6	1,3	15,9	—	25,8
30—49	63,4	12,5	6,2	28,6	2,7	50,0
50 и старше	20,0	18,9	10,0	60,0	2,2	91,1
<i>Мьюнг</i>						
18—29	91,8	2,3	1,7	9,4	1,2	14,6
30—49	71,9	3,5	8,2	25,1	1,2	38,0
50 и старше	47,4	7,0	7,9	46,5	1,7	63,1

Незначительная группа лиц пожилого возраста, которым школа 20—30-х годов не дала знания вьетского языка, научилась читать и писать по-вьетски позднее, уже после Августовской революции, в ходе успешного претворения в жизнь предпринятой под руководством Коммунистической партии кампании по ликвидации неграмотности. Так, например, за период между 1945 г., когда правительство ДРВ обнародовало декреты об организации движения по борьбе с неграмотностью, и до начала Первой войны Сопrotивления грамотой овладело около 2,5 млн. человек. Важную роль в этом сыграла деятельность Управления всенародно-

го обучения, в частности создание в большинстве деревень одногодичных классов для неграмотных, активное обучение широких народных масс грамоте и письменно-литературной форме вьетского языка. Претворялись в жизнь сформулированные Хо Ши Мином вдохновляющие лозунги: «Каждый грамотный обучает неграмотного», «Надо учиться всеми способами в любое время, в любой обстановке»⁴.

Итак, в 20—30-е годы основным был коммуникативный способ «изучения» вьетского языка (см. табл. 4).

В складывании современной этноязыковой ситуации в горных районах Северного Вьетнама, в формировании тенденций этноязыковых процессов среди национальных меньшинств чрезвычайно важную роль сыграли 40—50-е годы.

Несколько округляя, можно полагать, что эти годы были «школьными» годами того среднего поколения, которому в начале 80-х годов было 30—49 лет. Преобладание школьного фактора над всеми остальными факторами, способствующими приобщению невьетов к вьетскому языку, проявилось уже как устойчивая тенденция (см. табл. 4).

Возрастание роли школы в распространении вьетского языка среди национальных меньшинств Северного Вьетнама явилось закономерным следствием коренных преобразований системы школьного обучения, проведенных в 50-е годы. Важно подчеркнуть, что, несмотря на крайне тяжелое положение, в котором находилась страна, параллельно с вопросом о совершенствовании преподавания вьетского языка решались вопросы развития общественных функций родных языков национальных меньшинств, что создавало благоприятный психологический климат межнациональных отношений, который в свою очередь играл позитивную роль в приобщении невьетов к вьетскому языку.

Заметно активизировалась роль школы как фактора распространения вьетского языка среди национальных меньшинств в конце 50-х годов, в частности после завершения в 1958 г. кампании по ликвидации неграмотности основной массы населения страны, и в начале 60-х годов в связи с введением всеобщего подготовительного обучения для детей дошкольного возраста⁵. Но это уже другой этап — этап 60—70-х годов, когда наиболее активно формировались этноязыковые характеристики молодежи, тех, кому в начале 80-х годов было 18—29 лет. Это — новое поколение, в составе которого резко сократилась доля неграмотных, умеющих только читать и писать, и доля лиц с начальным образованием. Школьный период для большей части молодежи, имеющей сейчас образование в основном в объеме от 3 до 7 классов, падает на 60-е и первую половину 70-х годов. Как раз в эти годы, можно

сказать, завершилась перестройка в соотношении факторов, формирующих экстенсивное развитие этноязыковых процессов. Это произошло благодаря дальнейшему повсеместному распространению вьетского языка среди невьетских народов через систему школьного образования. Школьный фактор стал «весомее» остальных факторов (см. табл. 4). Таким образом, обобщенная картина этноязыковых процессов среди молодежи 80-х годов со всей очевидностью свидетельствует о том, что в 60—70-е годы преобладание школьного фактора в формировании национально-вьетского двуязычия стало практически необратимым.

В целом за 15 лет между 1960—1975 гг. общее число школ в Северном Вьетнаме возросло в 1,7 раза, в том числе в горных районах — в 1,6 раза; численность учителей увеличилась соответственно в 3,8 и 4,4 раза, учащихся — в 2,7 и 3,8 раза (см. табл. 5).

Осуществление курса партии на последовательное сближение уровней образования малых народов и вьетов привело к важным изменениям в распределении школ и учителей между равнинными и горными провинциями (см. табл. 5).

Таблица 5

**Динамика численности школ, учителей и учащихся
в северных провинциях Вьетнама в 1960—1975 гг.***

Год	Школ (тыс.)			Учителей (тыс.)			Учащихся (тыс.)		
	всего	из них в горных районах		всего	из них в горных районах		всего	из них в горных районах	
		число	%		число	%		число	%
1960	7,0	2,1	30,0	44,4	7,1	16,0	1899,6	206,6	10,9
1965	10,2	3,0	29,4	80,4	14,6	18,2	2934,9	352,7	12,0
1975	11,6	3,3	28,4	168,6	31,3	18,6	5151,5	794,4	15,4

* Таблица составлена по материалам книги «Новейшая история Вьетнама» / Отв. ред. С. А. Мхитарян. М.: Наука, 1984. С. 113. Расчеты произведены автором.

Забота о повышении эффективности школьного обучения в горных районах Северного Вьетнама особенно наглядно проявляется в комплектовании там школ преподавательскими кадрами. Так, например,

если на одного учителя в 1960 г. в целом по стране приходилось около 43 учеников, то в горных районах — всего 29, в 1965 г. соответственно 36 и 24, в 1975 г. — 30 и 25 учеников (см. табл. 5).

Общие успехи, достигнутые в результате создания основы социалистической системы образования в стране, в конечном счете обусловили возрастание роли самой школы в распространении вьетского литературного языка среди невьетских народов.

В настоящее время благодаря целенаправленной деятельности КПВ созданы условия для удовлетворения потребностей невьетских народов в овладении вьетским языком — языком межнационального общения. Тенденцию перехода от широко бытовавших в прошлом факторов коммуникативного плана к преобладанию учебно-педагогических факторов не следует переоценивать. В сочетании со всей совокупностью объективных условий школа, конечно, в значительной мере ускоряет прогрессивное развитие современных этноязыковых процессов. Однако по мере того, как растет «нагрузка» школы, увеличивается и ее «ответственность» за судьбу национально-вьетского двуязычия, а вместе с тем и за судьбу социально-культурного развития национальных меньшинств и новой межнациональной общности — вьетского народа. Но поскольку школьный и коммуникативный факторы действуют не изолированно друг от друга, возникает практическая необходимость целенаправленного стимулирования не только повышения языковой компетенции, но и собственно речевой деятельности. Следовательно, забота должна проявляться как о постоянном совершенствовании школьного фактора, играющего решающую роль в повышении языковой компетенции, так и о коммуникативных факторах, стимулирующих речевую деятельность национальных меньшинств, прежде всего в сфере производственной, общественно-политической и культурной. Для того чтобы национально-вьетское двуязычие стало в СРВ действительно массовым, общенародным явлением, надо, разумеется, чтобы действовали не только внешние по отношению к самому человеку факторы. Очень важно, чтобы проявлялись и встречные, внутренние мотивы, идущие от самого человека, от его осознания потребности знать и использовать наряду с языком своей национальности и инациональный язык. Словом, надо, чтобы овладение языком межнационального общения стало внутренней, глубоко осознанной потребностью каждого представителя невьетской национальности.

Формирование осознания такой потребности достигается в том случае, когда второй язык действительно служит полезным и незаменимым средством удовлетворения не только таких жизненно важных запросов

человека, как, например, поиск интересной работы, повышение материального благосостояния, но и многих других, в том числе культурных, коммуникационных, эмоционально-психологических.

Одной из ярких черт межнациональных отношений и современных этноязыковых процессов, в том числе добровольного приобщения национальных меньшинств к вьетскому языку, стало убеждение в необходимости знания этого языка. В самом деле, почти каждым двум из трех представителей народа тхай, более чем половине всех мыонг, по их собственному мнению, вьетский язык нужен для осуществления коммуникаций (см. табл. 6).

Таблица 6

**Осознание потребности в знании второго (вьетского) языка
национальными меньшинствами северных провинций СРВ
(по данным этносоциологического опроса, в %)**

Народ, возрастные группы(лет)	Для удовлетворения каких потребностей особенно важно знание второго (вьетского) языка								
	комму- ника- цион- ных	в повышении уровня культуры			читать, слушать радио, смот- реть TV	трудовой деятельности и по- вышения благосостояния			эмоцио- нально- психо- логи- ческих:п риобре- тения новых друзей
		всего	попол- нение знаний	получе- ние об- разова- ния		всего	найти хоро- шую ра- боту	повы- сить ма- териаль- ное бла- госос- тояние	
<i>Тхай</i>	62,2	80,8	40,1	40,7	26,6	29,5	13,3	16,2	12,1
в том числе:									
18—29	59,7	84,9	38,7	46,2	28,0	31,7	14,5	17,2	14,5
30—49	60,7	87,6	44,5	43,1	28,5	30,6	10,9	19,7	9,5
50 и старше	66,2	70,7	37,9	32,5	23,5	25,9	13,9	12,0	11,4
<i>Мыонг</i>	61,6	74,6	35,8	38,8	28,7	33,3	14,8	18,5	6,9
в том числе:									
18—29	57,5	82,2	38,5	43,7	31,6	37,9	16,4	21,2	6,3
30—49	62,1	70,1	33,3	36,8	29,3	35,0	17,2	17,8	7,5
50 и старше	65,7	71,4	35,7	35,7	24,5	25,2	9,8	15,4	7,0

Особая ценность владения вьетским языком осознается национальными меньшинствами в связи с тем, что он позволяет им удовлетворять культурные запросы. Не удивительно, что каждые четверо из пятерых тхай указали, что вьетский язык помогает им повысить образование и

продолжать систематическое пополнение своих знаний. Аналогичные ответы были получены и от мыонг (см. табл. 6).

В процессе коренной культурно-идеологической перестройки, являющейся неразрывной частью культурной революции, происходящей во Вьетнаме в переходный к социализму период, широкие народные массы все активнее приобщаются к ценностям художественной культуры вьетского и всех остальных народов СРВ. Этому в значительной мере помогает неуклонное расширение и глубокое укоренение навыков чтения, слушания радио и просмотра телепередач. Чрезвычайно важное значение приобретает установка и деятельность самой личности, формирование ее мировоззрения, ее готовность и способность плодотворно, сознательно и творчески участвовать во всех сферах жизнедеятельности, включая экономику, политику, социальные и межнациональные отношения, культуру. Неотъемлемой составной частью этой «готовности» в свою очередь выступает владение и широкое использование вьетского языка. Закономерно, что 26,6% тхай и 31,6% мыонг ответили, что считают для себя полезным знать вьетский язык для того, чтобы читать разнообразную литературу, воспринимать необходимую информацию из радио- и телепередач; еще 29,5% тхай и 37,6% мыонг заявили, что, зная вьетский язык, можно скорее подыскать хорошую работу, а также иметь дополнительную возможность повышать свое материальное благосостояние (см. табл. 6).

Выявление установок на знание вьетского языка у национальных меньшинств СРВ, разумеется, не сводилось к тому, чтобы количественно «взвесить» роль вьетского языка в удовлетворении тех или иных конкретных потребностей. Цель заключалась в том, чтобы определить межнациональные, а еще в большей мере межпоколенные различия в отношении национальных меньшинств к вьетскому языку как языку межнационального общения.

Результаты исследования показали, что потребность знать вьетский язык является глубоко и всесторонне осознанным долгом граждан невьетской национальности СРВ. С точки зрения решения управленческих задач, знание указанной установки, степени ее распространения среди различных групп населения, вне всякого сомнения, представляется фактором первостепенной важности.

Приведенные в табл. 6 данные свидетельствуют о том, что осознание социальной эффективности вьетского языка сходным образом проявляется и у тхай и у мыонг (см. табл. 6). Владение вторым языком осознается национальными меньшинствами СРВ одновременно и как право, и как долг. В этом заключены, во-первых, неразрывная связь и

диалектическое единство национального и интернационального (языка своей национальности и вьетского языка), выступающие основой формирования и функционирования национально-вьетского двуязычия, во-вторых, связь и единство между правом всех невьетских народов изучать и пользоваться вьетским языком и долгом овладеть им и хорошо знать его. Напомним, право и одновременно долг всех граждан СРВ изучать и использовать вьетский язык и вьетскую письменность зафиксированы в документе № 53 от 22 февраля 1980 г. Правительственного Совета СРВ⁶. Это постановление, как известно, готовилось и было обнародовано в то время, когда в СРВ завершилось всенародное обсуждение опубликованного 15 августа 1979 г. проекта новой Конституции, принятой Национальным Собранием СРВ в 1980 г. Названное положение о вьетском языке (по духу, если не по букве), находится в одном ряду с подобными статьями Конституции. В некоторых из них, как уже подчеркивалось в советской литературе⁷, право граждан выступает одновременно и как их обязанность, например, в статьях 58 («Труд является первоочередным правом и обязанностью, делом чести каждого гражданина»)⁸, в 60 («Учеба является правом и обязанностью граждан»)⁹ и 77 («Защита Социалистического Отечества есть священный долг и высшее право граждан»)¹⁰.

Итак, знание вьетского языка — языка межнационального общения — сегодня не только социальная потребность, но и глубоко укоренившаяся и всесторонне осознанная внутренняя потребность невьетских народов СРВ. Такое совпадение общественного и личного составляет основу эффективного проявления факторов современных этноязыковых процессов, служит залогом успешного развития и функционирования национально-вьетского двуязычия в массовых масштабах.

7. ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

Изучение процессов двуязычия, особенно национально-русского, т. е. такого, когда языки нерусских народов СССР сочетаются с русским языком, стало в 70-е годы одним из важных направлений советской науки. В этом красноречиво убеждают итоги развернутых Институтом языкознания АН СССР социалингвистических¹ и Институтом этнографии АН СССР этносоциологических исследований².

В ряде работ советских этнографов, социалингвистов, историков, философов совершенно справедливо констатируется, а иногда лишь декларируется

взаимный характер языковых контактов в СССР³. Однако до сих пор нет ни одной специальной работы, в которой указанная «взаимность» рассматривалась бы на конкретном, достаточно представительном и надежном фактическом материале.

Одним из возможных путей преодоления названного пробела может стать изучение общего и особенного в языковой жизни групп русского населения, проживающего в союзных республиках. Актуальность этой проблемы связана не только с необходимостью узкосоциолингвистических исследований. Она вытекает из самой языковой жизни многонационального советского общества, совершенствующего на современном этапе социализма все стороны общественных процессов, в том числе национальные и языковые.

Владение двумя языками, характерное для некоторых групп русского населения, вызвано к жизни естественной потребностью знать язык той национальности, среди которой эти группы живут и работают. Двуязычие русских своим происхождением и функционированием самым непосредственным образом связано с общей языковой ситуацией, характерной для нашего многоязычного государства.

Ведущей линией этноязыковых процессов в нашей стране является, как уже неоднократно отмечалось в литературе, формирование и функционирование такого типа двуязычия, когда нерусское население приобщается к русскому языку. Но это не снимает автоматически и обратную необходимость — знания русскими языка той национальности, в составе которой они проживают. Добровольное усвоение русскими этого языка, использование его в определенных ситуациях, естественно, продиктовано рациональными и эмоциональными потребностями. Вместе с тем, зная язык нации, среди которой живут, русские не могут не испытывать встречное позитивное психологическое отношение к своему двуязычию со стороны нерусского населения.

Приобщение русского населения к языкам коренных национальностей союзных республик является составной частью современных национальных процессов, в том числе важным аспектом адаптации русских в инонациональной среде. В ходе межнациональных контактов с местным населением образ жизни и культура русских обогащается элементами материальной и духовной культуры, манерами поведения, некоторыми обычаями и привычками коренных национальностей.

«Важный аспект языковой проблемы, — отмечалось в журнале «Коммунист», — связан с приобщением русских и лиц других некоренных национальностей к языкам коренных жителей республик. Это улучшает межличностные отношения, способствует адаптации к иноэтнической среде»⁴.

Люди в двуязычной ситуации союзных республик, положительно реагируя на двуязычие русских, сами получают при этом дополнительное убедительное доказательство равноправия языков, равноправия всех типов двуязычия. Тем самым русско-национальное двуязычие своим примером косвенным образом стимулирует дальнейшее развитие всех остальных типов двуязычия.

Проживание русских в иноязычной среде открывает уникальную возможность рассмотреть языковую жизнь русского населения в «своей» — на территории РСФСР — и в «не своей» — на территории других республик — этнической среде. В РСФСР русские составляют большинство населения: 88,3% — в 1959 г., 82,8% — в 1970 г. и 82,6% — в 1979 г.⁵

Все русское население, проживающее в союзных республиках (23,9 млн. человек, по переписи 1979 г.), так же, как и русские РСФСР, входят в состав русского этнического. Вместе с тем той части русских, которая проживает в той или иной союзной республике, присущи какие-то дополнительные черты и особенности, вызванные к жизни совместным проживанием и частыми контактами с представителями коренных национальностей республики.

Истоки русско-национального двуязычия уходят в глубь истории. Они связаны с первоначальным расселением русских среди многочисленных нерусских народов в различных районах и регионах страны: от ее западных и южных границ до берегов Тихого и Ледовитого океанов.

Так, например, в литературе отмечается, что по источникам середины XIX в. русские, проживающие среди коренных народов Поволжья, и особенно среди татар, чувашей и мордвы, могли хорошо говорить наряду с языком своей национальности и на местных языках. В языке русского населения Поволжья и других районов страны вплоть до настоящего времени сохраняется много слов и словосочетаний местных народов⁶.

Русско-национальное двуязычие в дореволюционный период имело три основные модели развития. В первом случае этноязыковая жизнь русских в иноэтнической среде развивалась путем освоения иноэтнического языка до стабильного (в течение некоторого времени) использования двух языков (русского и нерусского) в некоторых сферах жизни. Во втором — приобретение другого языка через промежуточный этап русско-национального двуязычия вело к утрате языка своей национальности и установлению нового одноязычия. И, наконец, в третьем случае промежуточный этап двуязычия вел к утрате благоприобретенного языка и восстановлению первоначального одноязычия.

В первые годы после Октябрьской революции по мере приобщения нерусского населения к русскому языку складывались два типа двуязычия

(национально-русское и русско-национальное). Это было важной составной частью прогрессивного по своей сути процесса взаимной адаптации национальностей. В дальнейшем, в годы социалистического строительства, чем шире распространялся русский язык как язык межнационального общения среди нерусского населения, тем объективно меньше ощущалась потребность для русских знать и употреблять языки коренных национальностей союзных республик. В 60—70-е годы надежным инструментом массовых коммуникаций в стране стало широко распространенное национально-русское двуязычие.

К сожалению, при проведении переписей населения Советского Союза (1929, 1926, 1939 и 1959 гг.) не фиксировались данные о свободном владении вторыми языками. Отсутствие этой информации не позволяет представить полную картину этноязыковых процессов во временном разрезе.

Однако для восстановления хода и содержания этноязыковых процессов русского населения СССР можно прибегнуть к ретроспективному методу, анализируя динамику численности двуязычных лиц в составе различных возрастных групп населения.

Используя перепись 1970 г., обратимся к этноязыковому портрету тех русских, которые вступили в 70-е годы в возрасте 50 лет и старше. Даже те, кому в 1970 г. исполнилось ровно 50 лет, родились в 1920 г., а остальные представители этого поколения и того раньше. Период их детства — наиболее интенсивной социализации и этнизации — пришелся на 10-е— начало 30-х годов.

Приобщение к языку другой национальности происходило среди народов в первые два десятилетия XX в. крайне неравномерно: без затруднений — в плотном иноэтническом окружении и более медленно и узко — в районах со смешанным национальным составом. Основанием для такого вывода служат данные о различных рамках двуязычия среди лиц старших возрастных групп многих национальностей в наши дни. Так, например, размах вариаций по масштабам национально-русского двуязычия составил в начале 70-х годов между пожилыми молдаванами и пожилыми туркменами, проживающими за пределами своих республик, весьма внушительную величину — 42,9% (см. табл. 1). В целом национально-русское двуязычие было распространено все же шире, чем двуязычие русских.

Двуязычие русских представляли в основном те контингенты лиц, которые, родившись до Великой Октябрьской революции, первых два десятилетия своей жизни прожили в 10—20-е годы. Иными словами, их детство, юность, служба в армии, участие в гражданской войне, начало

производственной и общественно-политической деятельности проходили в переходный от капитализма к социализму период. Это были годы, когда под руководством Коммунистической партии в национальное строительство были вовлечены широкие круги рабочих, интеллигенции, в том числе и представители нерусского населения. Юность и первые годы гражданской зрелости этого поколения совпали с активной борьбой широких народных масс за построение основ социализма. В развернувшейся в эти годы индустриализации, коллективизации и культурной революции активизировались все слои русского и нерусского населения. Эти факторы в значительной мере «раскачали», сделали активным поколение, вывели его на более широкую и более просторную арену межнациональных коммуникаций. Все это привело к более широкому, чем раньше, межнациональным контактам.

Построение в основном социализма в СССР стало важным рубежом и в этноязыковых процессах. Это, в частности, наглядно проявилось в распространении национально-русского двуязычия среди тех, кому в 1970 г. исполнилось 30—49 лет. Удельный вес двуязычных украинцев в возрасте 30—49 лет в 1970 г. превосходил долю двуязычных лиц пожилого возраста на 25,1% на Украине и на 2,8% — за пределами Украинской ССР, у белорусов — соответственно на 29,9% и 6,0%, у узбеков — на 16,7% и 10,1%, у грузин — на 11,4 и 36,1%, у армян — на 18,5 и 12,2% (см. табл. 1).

Следовательно, в годы социалистического строительства в языковой жизни нерусских национальностей происходили серьезные сдвиги. Контингенты лиц, знающих русский язык или считающих его родным, у некоторых народов составляют более половины общей их численности. Благодаря этому и был сделан существенный поворот от личностного к массовому уровню национально-русского двуязычия. У белорусов, казахов эта тенденция проявила себя в более энергичной форме, а у других, как например, у узбеков, туркмен, таджиков — в более вялой.

Одновременно расширялось двуязычие русских (см. табл. 1). О глубине и масштабности этих процессов во временном аспекте можно судить на основе данных о свободном владении вторым языком среди молодежи (11—29 лет), лиц среднего (30—49 лет) и пожилого (50 лет и старше) возраста. Самый высокий удельный вес двуязычных русских (в иноэтнической среде) был зафиксирован переписью 1970 г. в союзных республиках среди молодежи. Этот показатель был почти в 2 раза выше, чем среди тех, кому в начале 70-х годов исполнилось 50 и больше лет, и в 1,3 раза больше, чем у тех, кому в это же время было от 30 до 49 лет (см. табл. 1).

Таблица 1

Данные переписи 1970 г. о русско-национальном и национально-русском двуязычии в различных возрастных группах населения союзных республик

Национальность	Свободно владеют вторым языком (в %)					
	в своих республиках			за пределами своих республик		
	11—29 лет	30—39 лет	50 и старше	11—29 лет	30—39 лет	50 и старше
Русские	0,6	0,7	0,6	22,2	16,9	12,5
Украинцы	57,7	45,5	20,4	43,4	43,3	40,5
Белорусы	74,7	66,5	37,5	39,6	39,6	33,6
Узбеки	23,4	23,3	6,6	32,3	29,7	19,6
Казахи	38,5	62,6	24,1	56,9	56,8	40,9
Грузины	23,8	30,4	19,0	80,6	84,4	48,3
Азербайджанцы	22,2	27,1	12,4	32,9	34,5	39,6
Литовцы	54,5	49,4	22,2	53,7	62,3	52,4
Молдаване	49,4	47,1	25,9	57,5	50,6	52,4
Латыши	61,5	59,5	39,0	48,4	48,0	41,2
Киргизы	37,1	31,9	6,7	14,6	11,8	29,7
Таджики	31,5	28,5	8,1	16,5	14,3	21,0
Армяне	30,3	38,9	20,4	44,8	54,2	42,0
Туркмены	25,3	26,9	8,4	10,3	11,5	9,2
Эстонцы	42,5	37,0	19,9	38,7	29,3	45,8

Эта возрастная группа представляет собой поколение, родившееся в 1941—1959 гг. Школьные годы, т. е. период относительно легкого овладения вторым языком, у большинства лиц приходится на 1948—1966 гг.

Обращают на себя внимание, во-первых, одинаковые, во-вторых, относительно узкие масштабы распространения двуязычия во всех возрастных группах русских, проживающих «у себя дома», т. е. в РСФСР. В отличие от нарастающих темпов расширения двуязычия в союзных республиках, в самой России двуязычие русских складывалось в относительно одинаковых «дозах» на всех этапах истории советского общества.

Казалось бы, на первый взгляд, что массовое приобщение коренных национальностей союзных республик к русскому языку и значительное расширение рамок национально-русского двуязычия должно предотвращать в известной мере прямо противоположную тенденцию развития двуязычия среди самих русских, у которых, естественно, при этом

должна была снижаться потребность знать языки нерусских национальностей. Однако данные переписи населения не подтверждают этого. Более того, они свидетельствуют о том, что в союзных республиках параллельно с экстенсивным развитием национально-русского двуязычия в годы социалистического строительства и позднее, вплоть до наших дней, шло синхронное расширение русско-национального двуязычия. Эту тенденцию подтвердила перепись 1979 г., зафиксировавшая более широкие рамки двуязычия среди русской молодежи в возрасте 11—29 лет по сравнению с двуязычием лиц пожилого возраста, т. е. тех, кому в 1979 г. исполнилось 50 и более лет. Предварительно эту ситуацию, по-видимому, можно объяснить тем, что по мере смены поколений расширяются возможности овладения вторым языком в условиях русских семей, давно живущих на данной территории; кроме того, чем активнее развивались общественные функции языков коренных национальностей, чем значительнее становился их вклад в общесоюзную сокровищницу материальных и духовных ценностей, чем богаче выглядел фонд национальных культур, тем сильнее ощущался магнетизм национальных языков для проживающих в союзных республиках русских.

Синхронное по этапам и поколениям развитие двуязычия русских в союзных республиках с двуязычием коренных национальностей может служить еще одним доказательством взаимного характера процессов двуязычия. В основе его лежит в первую очередь неукоснительное соблюдение в национальной политике КПСС ленинского принципа равноправия наций.

Русско-национальное двуязычие в СССР не декретируется «сверху». В его складывании и функционировании с особой силой проявляется естественная потребность всех народов СССР, сплотившихся в одну дружную, братскую семью, иметь надежные инструменты коммуникаций. И уже сегодня, на наших глазах, практика языковой жизни дает немало примеров того, что наряду с русским и нерусские языки выступают в ряде случаев рациональными и естественно сложившимися инструментами межнациональных общений. Ценность нерусских языков возрастает в силу целого ряда причин объективного характера, в том числе продолжающегося развития общественных функций их литературных языков.

Вне всякого сомнения, дальнейшее углубление политической, социально-культурной, прагматической и эмоциональной ценности нерусских языков находит в конечном счете свое наглядное выражение в динамических тенденциях современных этноязыковых процессов, в ходе

которых расширяются рамки двуязычия русских. Вследствие этого становится актуальным изучение тенденций и факторов приобщения русских ко второму языку, т. е. становления и функционирования русско-национального двуязычия.

По переписи 1970 г., 3876668 русских указали, что свободно владеют вторым языком, еще 203769 указали родным язык не своей национальности⁷. Иными словами, двуязычие было распространено среди 4 млн. человек или среди 3,2% всего русского населения СССР. За 9 межпереписных лет численность двуязычных русских увеличилась до 4809 тыс. лиц, свободно владеющих другими языками, и 215 тыс. человек⁸ с родным нерусским языком, что соответственно составило 5 млн. или 3,7% всего русского населения страны.

Разумеется, данные переписи населения не следует абсолютизировать. В зафиксированных общими статистическими данными рамках этноязыковых процессов среди русского населения кроется большое разнообразие типов, видов, форм русско-национального двуязычия, глубокая меж- и внутриреспубликанская, меж- и внутрипоколенная дифференциация по уровню владения вторым языком, масштабам и частоте его употребления, психологическим оттенкам его восприятия и отношения к нему. Все это требует специального изучения.

И все же в целом можно предположить, что в действительности реальные рамки двуязычия русского населения, особенно в союзных республиках, явно занижены. Приведем простые примеры. По данным переписи населения 1970 г., в городах Молдавии 11,1% русских свободно владели молдавским языком. Этносоциологический опрос 1971 г. выявил, что реальные масштабы двуязычия русских были в несколько раз шире. Оказалось, что если учитывать не только «свободное владение» языком, но и такие степени его знания, как: «знают, но с большим трудом говорят», «говорят с некоторыми затруднениями», «довольно свободно говорят», — молдавским языком владеют 52,1% городских русских, т. е. почти в 4,7 раза больше, чем по данным переписи. В середине 70-х годов в городах Белорусской ССР 78,2% русских в той или иной мере владели белорусским языком, в том числе — 16,7% — свободно⁹. Между тем переписью 1970 г., как известно, было зафиксировано свободное владение белорусским языком только 19,0% русских, проживающих в пределах Белоруссии¹⁰. Иными словами, можно полагать, что перепись «занизила» реальные масштабы русско-белорусского двуязычия в пределах БССР не менее чем в 4 раза.

Сходные, видимо, тенденции имели место в других союзных республиках. Следовательно, данные переписи населения о 5 млн. двуязычных

русских вполне объективны лишь с точки зрения их минимальной представительности.

Конечно, по сравнению с национально-русским двуязычием, рамки которого расширились с 48,7% в 1970 г. до 62,6% в 1979 г., масштабы двуязычия русских выглядят значительно скромнее как в статике, так и в динамике.

Каких-либо точных критериев для оценки подлинной социальной значимости и фактических масштабов русско-национального двуязычия пока не существует, хотя можно предположить, что нынешние масштабы русско-национального двуязычия все же не соответствуют реальным потребностям русских и нуждаются в дальнейшем расширении.

Основанием для выдвижения такой гипотезы служат динамические тенденции развития двуязычия русских в 70-е годы, по которым можно судить и о непосредственной потребности русских знать второй язык. Так, при общем приросте всей численности русских за 1970—1979 гг. на 6,5%¹¹, контингент лиц русской национальности, свободно владеющих каким-либо вторым языком народов СССР, возрос за этот же период на 24,1%. Иными словами, темпы прироста двуязычных русских были в 3,7 раза выше, чем темпы прироста общей численности русского населения.

Особенно наглядно указанная тенденция проявила себя на примере языковой жизни русских в иноязычной среде, и прежде всего за пределами РСФСР. Так, например, при общем приросте численности русского населения в союзных республиках (без РСФСР) на 12,2%, прирост двуязычных составил 32,7%. Следовательно, потребность знать второй язык с особой силой давала себя знать в союзных республиках. Этим, видимо, объясняется тот факт, что расширение двуязычия в инациональной среде шло у русских в 1,4 раза более быстрыми темпами, чем в стране в целом.

Характерные для 70-х годов опережающие темпы прироста двуязычных русских по сравнению с приростом их общей численности служат объективным показателем наличия потребности русских в знании второго языка и в реализации этих потребностей. Однако одного общего взгляда явно недостаточно для оценки всего многообразия формирования и функционирования двуязычия русских. Рассмотрим географическое распределение основных контингентов двуязычного русского населения. Это позволяют сделать данные переписи населения.

К началу 70-х годов 84,7% всех двуязычных русских были сосредоточены в союзных республиках. К 1979 г. концентрация там двуязычного русского населения достигла 88,8%. При этом общая численность двуязычных

русских, в том числе свободно владеющих вторым (нерусским) языком и признающих вторым язык нерусской национальности, в РСФСР сократилась с 625,8 тыс. до 563,8 тыс. человек (на 9,9%), а в союзных республиках, напротив, увеличилась с 3454,7 до 4460,7 тыс. человек, т. е. на 29,1%.

Согласно данным переписи 1970 г., у преобладающей части двуязычных русских вторым языком выступал украинский язык, которым наряду с белорусским владели почти 83,0% этого населения, проживающего за пределами РСФСР (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение двуязычного русского населения по союзным республикам
(по данным переписи населения 1970 г.)

Союзные	Свободно владеют языком коренной национальности		Считают родным язык не своей национальности		Итого		В % к общей численности двуязычных русских в союзных республиках
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
Украинская	2368527	25,9	136790	1,5	2505317	27,4	76,5
Белорусская	193262	20,6	14762	1,6	208024	22,2	6,3
Итого	2561789	25,4	151552	1,5	2713341	26,9	82,8
Узбекская	55498	3,7	1228	0,1	56726	3,8	1,7
Казахская	55118	0,9	2912	0,1	58030	1,0	1,8
Грузинская	41679	10,5	2419	0,7	44098	11,2	1,3
Азербайджанская	38581	7,5	583	0,2	39164	7,7	1,2
Литовская	82447	30,7	5940	2,3	88387	33,0	2,7
Молдавская	55277	13,3	3669	0,9	58946	14,2	1,8
Латвийская	120338	17,0	8950	1,3	129288	18,3	3,9
Киргизская	12832	1,4	381	0,1	13213	1,5	0,4
Таджикская	8124	2,3	269	0,1	8393	2,4	0,3
Армянская	11354	17,1	356	0,6	11710	17,7	0,4
Туркменская	6517	2,0	233	0,1	6750	2,1	0,2
Эстонская	42063	12,5	5268	1,6	47331	14,1	1,4
Итого	529828	4,7	32208	0,3	562036	5,0	17,2
В целом по союзным республикам	3091617	14,5	183760	0,9	3275377	15,4	100,0

По масштабам распространения на втором месте после русско-славянского двуязычия находилось двуязычие с балтийскими языками — латышским и литовским. В 1970 г. удельный вес русско-балтийского двуязычия достигал 6,6% всего двуязычного русского населения союзных республик.

На третьем месте было русско-тюркское двуязычие, формирующееся за счет приобщения русских к узбекскому, казахскому, азербайджанскому, киргизскому и туркменскому языкам. Оно составляло 5,3%. Удельный вес русских, свободно владеющих языками остальных коренных национальностей союзных республик, варьировал от 0,3% русских, свободно владеющих таджикским, до 1,8% русских, свободно владеющих молдавским языком (см. табл. 2).

Поскольку потребности русских знать тот или иной язык в зависимости от общего характера этноязыковой ситуации в каждой конкретной республике были не одинаковы, различались и масштабы распространения русско-национального двуязычия.

Экстенсивные тенденции развития двуязычия особенно далеко продвинулись у русских в Литовской ССР. Более 88 тыс., или каждый третий проживающий в этой республике человек русской национальности, уже в начале 70-х годов свободно владели литовским языком или же считали его своим родным языком.

Близкими к этой были тенденции развития на Украине и в Белоруссии соответственно русско-украинского и русско-белорусского двуязычия, характерного более чем для четверти всех русских на Украине и без малого для четверти русских в Белоруссии (см. табл. 2).

Конечно, масштабы русско-украинского и русско-белорусского двуязычия впечатляют. Однако предстоит еще разобраться, что за этими данными кроется. В ходе этносоциологических исследований выявилось, в частности, что 10,0% городских русских в Белоруссии на работе и в семье разговаривают «на смешанном русско-белорусском языке»¹². Под этим языком понимается речь на одном из двух языков с большой примесью элементов другого языка. Явления смешанной речи, когда происходит нарушение норм, элементов каждого из двух языков, находящихся в контакте, исследователи отмечают и на Украине, где, например, смесь русского и украинского языков именуется «суржиком»¹³. Ясно, что это не двуязычие — а двойное полуязычие. В итоге нарушается чистота речи, на каком бы языке ни говорили носители такого «смешанного языка». К сожалению, указанная разновидность речи (двойное полуязычие) нередко встречается и среди отдельных групп нерусского населения. Эту тенденцию необходимо преодолевать.

Заметные позитивные итоги в распространении русско-национального двуязычия вширь были достигнуты к началу 70-х годов в Латвии, где удельный вес русских, свободно владеющих языком коренной национальности, составил 18,3%, в Армении — 17,7%, в Молдавии — 14,2%, в Эстонии — 14,1%, в Грузии — 11,2%. В остальных республиках

удельный вес двуязычных русских не превышал 10% всего русского населения (см. табл. 2).

Существенную роль в раскрытии динамики языковой жизни русских в союзных республиках играет освещение тех изменений, которые произошли за 1970—1979 гг.

Сопоставление динамики общей численности русских с развитием количественных параметров двуязычия дает возможность вынести некоторые суждения относительно общей направленности и характера этноязыковых процессов среди русских союзных республик. Так, например, увеличение общей численности русских и численности русских с родным языком своей национальности в 1979 г. по отношению к 1970 г. характеризовалось в среднем одинаковыми показателями. При этом оба показателя были близкими по величине во всех республиках (см. табл. 3).

Таблица 3

**Динамика численности и развитие двуязычия русских
в союзных республиках в 70-е годы**

Союзные республики	В 1979 г. в % к 1970 г., взятому за 100 %			
	лиц русской на- циональности	русских		
		считающих родным язык национальности		свободно вла- деющих языком ко- ренной национальности
		своей	не своей	
Украинская	114,7	114,9	103,8	131,8
Белорусская	120,8	120,9	119,5	172,4
Узбекская	113,0	113,0	85,0	175,9
Казахская	108,4	108,5	68,5	72,2
Грузинская	93,6	93,4	123,8	137,7
Азербайджанская	93,2	93,1	87,8	113,4
Литовская	113,2	113,1	119,4	129,7
Молдавская	120,0	122,0	115,0	97,4
Латвийская	116,5	116,8	94,2	130,2
Киргизская	106,5	106,5	98,4	78,9
Таджикская	114,8	114,8	69,5	130,8
Армянская	106,3	106,2	139,3	165,7
Туркменская	111,5	111,5	91,8	112,0
Эстонская	81,8	122,0	126,0	110,3
Всего	112,2	112,3	105,5	132,7

Исключение составила лишь Эстония, в которой общая численность русского населения сократилась (на 18,2%), а численность русских с родным русским языком, наоборот, возросла (на 22,0%).

Опережающие темпы прироста общей численности русских с родным русским языком по сравнению с приростом русских с родным языком не своей национальности (см. табл. 3) отражают в целом благоприятную психологическую ситуацию, при которой в союзных республиках у русских нет сколько-нибудь заметных тенденций к утрате родного языка и к переходу на язык другой национальности.

При этом в отдельных республиках указанное опережение было весьма ощутимым: в Таджикистане — на 45,3%, Казахстане — на 40,0%, Узбекистане — на 28,0%, Латвии — на 22,6%, в Туркмении — на 19,7%.

Особый интерес представляет этноязыковая ситуация тех союзных республик, в которых переход русских на язык коренной национальности несколько опережал по темпам прирост общей численности и прирост лиц с родным языком, например, в Армении — на 33,1%, в Грузии — на 30,4%, в Литве — на 6,3 и в Эстонии — на 4,0 (см. табл. 3).

Как уже говорилось выше, в 70-е годы возрос интерес русских к знанию языков коренных национальностей союзных республик. Закономерно, в частности, что прирост численности русского населения, свободно владеющего этими языками, в среднем по союзным республикам был в 2,7 раза больше, чем прирост общей численности и численности русских с родным языком своей национальности, и в 5,9 раза больше, чем прирост численности русских с родным языком не своей национальности (см. табл. 3).

За исключением Казахстана, в котором общая численность русских возросла быстрее, чем численность русских, свободно владеющих языком коренной национальности, а также Киргизии и Молдавии, для всех остальных республик была характерной тенденция преобладающих темпов «одвужычия» русских, по сравнению с темпами роста их общей численности.

С точки зрения изучения факторов, позитивно воздействующих на развитие экстенсивных тенденций русско-национального двуязычия, бесспорно ценным является опыт каждой республики. Однако при этом обращает на себя внимание группа республик (Узбекистан, Армения, Белоруссия, Грузия, Эстония), в которых проявились особо благоприятные условия для приобщения русских к языкам коренных национальностей этих республик, и наоборот, группа таких республик (Казахстан, Киргизия, Молдавия), где с меньшей силой, чем в первой, давали о себе знать стимулы и факторы, формирующие та-

кую тенденцию. Неравномерные темпы развития двуязычия у русских различных республик привели к некоторым сдвигам в размещении контингентов двуязычных лиц русской национальности.

К концу 70-х годов распределение групп русского населения со свободным владением языком коренных национальностей союзных республик осталось в целом без существенных изменений. Возросла (с 82,8% до 84,1%) доля русско-славянского и сократилась (с 6,6% до 6,5%) доля русско-балтийского и (с 5,3% до 4,9%) русско-тюркского двуязычия. Некоторые сдвиги произошли в соотношении численности русских, свободно владеющих тем или иным конкретным языком.

В Литовской ССР продолжали расширяться масштабы русско-литовского двуязычия, охватившего, в частности, в 1979 г. 37,6% всех русских, проживающих в этой республике. В результате группы двуязычного русского населения Литвы продолжали лидировать по сравнению с группами двуязычных русских в других республиках. В связи с этим исторический опыт русско-литовского двуязычия, несомненно, заслуживает более глубокого специального изучения. Приходится лишь сожалеть, что пока нет возможности сравнить исходные и конечные параметры становления и функционирования русско-литовского двуязычия с остальными типами русско-национального двуязычия, так как в 70-е годы в Литве не были проведены такие этносоциологические исследования, в программе которых значительное место занимали бы этноязыковые проблемы, в том числе проблемы двуязычия русского населения.

Наряду с Литвой в 70-е годы заметно увеличились доли двуязычных русских в Армении (на 9,8%), в Белоруссии (на 8,7%), на Украине (на 3,8%) и в некоторых других республиках (см. табл. 2, 4).

В итоге, если в 1970 г. размах вариации между занимающими полярные позиции группами русских с соответственно русско-литовским и русско-казахским двуязычием составлял 32,0%, то к 1979 г. он возрос до 36,9%. Словом, расхождения между русскими группами по республикам не сокращались, а напротив, возрастали. Эта тенденция имеет принципиальное значение, так как, во-первых, указывает, что межъязыковые процессы и отношения не всегда и не во всем адекватны языковым явлениям (экономическим, социально-культурным, общественно-политическим и т. п.), а во-вторых, позволяет видеть коренное различие между развитием национально-русских и русско-национальных форм двуязычия в СССР.

В отличие от национально-русских форм двуязычия, расширение которых в конечном счете вело все же к выравниванию нерусских национально-

стей по масштабам приобщения их представителей к русскому языку, русско-национальные формы расширялись, попутно дифференцируясь. Да и вряд ли можно было ожидать иных тенденций. Наверное, нет смысла доказывать, что вполне уместной представляется неодинаковая степень охваченности двуязычием групп русского населения в Казахстане, где оно составляло 42,7% в 1959 г. и 40,8% в 1979 г., и в Армении, где его доля в 60—70-е годы не поднималась выше 3,2%, или Литвы, где русские составляли также небольшую часть в составе населения республики: 8,5% — в 1959 г., 8,6% — в 1970 г. и 8,9% — в 1979 г.

Таблица 4

**Распределение двуязычного русского населения
по союзным республикам
(по данным переписи населения 1979 г.)**

Союзные республики	Свободно владеют языком коренной национальности		Считают родным язык не своей национальности		Итого		В % к общей численности двуязычных русских в союзных республиках
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
Украинская	3122155	29,8	142019	1,4	3264174	31,2	75,9
Белорусская	333234	29,3	17648	1,6	350882	30,9	8,2
Итого по славяноязычным респуб.	3455389	29,7	159667	1,4	3615056	31,1	84,1
Узбекская	97652	5,8	1044	0,1	98696	5,9	2,3
Казахская	39837	0,6	1995	0,1	41832	0,7	1,0
Грузинская	57420	15,4	2995	0,9	60415	16,3	1,4
Азербайджанская	43766	9,2	512	0,2	44278	9,4	1,0
Литовская	106954	35,2	7093	2,4	114047	37,6	2,7
Молдавская	53851	10,6	4221	0,9	58072	11,5	1,4
Латвийская	156743	19,0	8439	1,1	165182	20,1	3,8
Киргизская	10137	1,1	375	0,1	10512	1,2	0,2
Таджикская	10634	2,6	187	0,1	10821	2,7	0,3
Армянская	18821	26,7	496	0,8	19317	27,5	0,4
Туркменская	7303	2,0	214	0,1	7517	2,1	0,2
Эстонская	46415	11,3	6641	1,7	53056	13,0	1,2
Итого по остальным	649533	5,3	34212	0,3	683745	5,6	15,9
В целом по всем союзным респ-кам	4104922	17,2	193879	0,9	4298801	18,0	100,0

В итоге, если национально-русские формы двуязычия, формируясь в целом от индивидуальных и групповых форм до общенародных, ведут к становлению однотипных форм, то русско-национальные формы, наоборот, проявляют в своем развитии тенденцию к дифференциации. Речь идет, понятно, пока лишь об экстенсивной стороне дела, т. е. о развитии двуязычия русских вширь.

Указанная тенденция далеко не случайна, так как дает о себе знать принципиальное отличие между национально-русским и русско-национальным двуязычием. Суть его состоит в том, что в едином языке межнационального общения заинтересованы все нации и народности СССР. «Овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, — говорится в новой редакции Программы КПСС, — расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры»¹⁴.

Потребность в знании единого языка межнационального общения, несмотря на всевозможные количественные и качественные вариации, все же выступает в качестве всеобщей категории для всех народов многонациональной страны. Совсем иначе складывается потребность русских в знании того или иного второго языка. Как правило, эта потребность носит локальный, ситуативно выраженный характер и предопределяется в каждом конкретном случае характером этноязыковой ситуации той союзной республики, в которой проживает данная группа русских.

Можно в связи с этим еще раз напомнить о том, что путь каждой нерусской национальности к общенародному двуязычию с единым языком межнационального общения более или менее универсален. Путь же к двуязычию русских, особенно к тем или иным масштабам его становления, дифференцирован. И в этом кроется одна из самых серьезных трудностей по оперативному управлению если не всем ходом, то по крайней мере тенденциями этноязыковых процессов среди 14 групп русского населения в союзных и несколько в меньшей мере в 20 группах русских в автономных республиках.

Распространение второго языка среди русского населения союзных республик и формирование на этой основе русско-национального двуязычия происходит под влиянием разнообразных факторов. Межэтнические контакты, и прежде всего межличностное общение лиц разных национальностей, в разнообразных сферах жизни — от производственной до семейно-бытовой, учеба в общеобразовательной школе, — и многие другие факторы порознь или комбинированно «помогают» рус-

скому населению приобретать второй язык. Отвечая на вопрос (анкеты): «Если вы знаете второй язык, то укажите, где вы им овладели?» — русские чаще всего называют разнообразные формы межэтнических контактов, а также школу с нерусским языком обучения.

В целом факторы распространения второго языка среди рассматриваемой части русских можно объединить в две группы.

Под воздействием факторов первой группы — к ним можно отнести все формы межнациональных общений на личностном уровне — знание второго языка приобреталось естественным, можно сказать, стихийным путем. Условно эти факторы можно именовать коммуникативными, а способ усвоения второго языка под их воздействием — традиционным в том смысле, что в истории и в практике межэтнических контактов были бесчисленные случаи усвоения второго языка еще задолго до того, как второй язык стал целенаправленно изучаться в различного рода учебных заведениях — с помощью специальной методики, учебников и пособий. Указанному способу присущи значительные достоинства, и в первую очередь то, что он не требует от общества дополнительных людских, материальных и финансовых затрат и ресурсов в решении языковых проблем, или же в решении тех социально-культурных проблем, которые тесно сопряжены с языковыми. Недостаток этого способа состоит в том, что в ходе его реализации происходит усвоение главным образом просторечной формы инонационального языка. Разумеется, это ограничивает использование второго языка преимущественно бытовым общением. Соответственно падает и социально-культурное значение такого двуязычия.

Вторая группа факторов, связанная, как правило, с системой народного образования (школа, средние и высшие учебные заведения и др.), обеспечивает овладение вторым языком, причем в литературной его форме, в организованном порядке. Этот второй способ можно, также не без доли условности, именовать современным, или организованным (или школьным, учебным, школьно-учебным). В ряде случаев между этими двумя способами нет непреодолимых барьеров. Действительно, даже в общеобразовательной школе параллельно с усвоением литературного языка приобретаются навыки устной речи и, напротив, предварительное овладение просторечной формой инонационального языка существенно облегчает усвоение его в письменной форме. К тому же наряду со школьной сферой некоторую помощь в овладении литературным языком могут оказывать организуемые республиканскими средствами массовой коммуникации (печать, радио, телевидение) уроки национального языка, передачи на языке коренной националь-

ности, особенно в том случае, если такие передачи ведутся целенаправленно на аудиторию некоренной национальности.

Для того чтобы нагляднее представить себе роль каждой группы факторов в становлении двуязычия русских, лучше всего сравнить становление двуязычия у представителей разных национальностей. Возьмем, к примеру, русских и молдаван в городах Молдавии. «Вклад» стихийно-коммуникативных факторов в приобщение городских русских к молдавскому языку почти в два раза превышал роль обучения в школе и в вузах. В приобщении же городских молдаван к русскому языку, наоборот, значение школьного фактора почти в полтора раза было сильнее, чем роль сопоставимой части стихийно-коммуникативных факторов (общения в семье).

Таблица 5

Факторы распространения второго языка среди русского и молдавского населения в городах Молдавской ССР
(в % по данным этносоциологического опроса 1971 г.)

Национальность	Стихийно-коммуникативные				Организованные		
	всего	в том числе			всего	в том числе	
		общение	семья	служба в армии		школа	вуз
<i>Русские</i>	36,2	26,2	10,0	—	20,0	18,1	1,9
в том числе:							
18—19 лет	38,4	24,7	13,7	—	43,8	41,1	2,7
20—24 лет	29,8	20,5	9,3	—	37,2	33,0	4,2
25—29 лет	32,5	24,2	8,3	—	24,9	21,7	3,2
30—39 лет	37,7	25,9	11,8	—	19,4	18,1	1,3
40—49 лет	37,0	28,8	8,2	—	17,3	15,6	1,7
50—59 лет	41,6	33,1	8,5	—	12,7	11,3	1,4
60 и старше	36,2	24,6	11,6	—	10,4	9,7	0,7
<i>Молдаване</i>	58,1	32,7	11,0	14,4	62,0	53,9	9,0
в том числе:							
18—19 лет	33,3	21,4	11,9	—	95,2	84,5	10,7
20—24 лет	42,2	24,3	8,0	9,9	91,1	75,2	15,9
25—29 лет	54,2	24,4	11,3	18,5	80,7	68,9	11,8
30—39 лет	63,1	34,2	11,1	17,8	64,9	56,0	8,9
40—49 лет	71,7	39,9	10,7	21,1	38,3	33,0	5,3
50—59 лет	73,4	42,3	16,3	14,8	26,0	21,9	4,1
60 и старше	64,8	42,4	12,2	10,2	18,1	17,1	1,0

На формирование двуязычия молдаван заметное влияние оказывала служба в армии. В этом, кстати, еще одно из принципиальных отличий системы факторов, действующих на становление национально-русского и русско-национального двуязычия. Но поскольку случаи изучения русскими второго языка таким путем чрезвычайно редки, из сравнения его придется исключить.

Роль стихийно-коммуникативных и организованных факторов в приобщении русских к молдавскому языку была неодинаковой в жизни различных поколений. Так, например, среди русской молодежи в возрасте 18—24 лет воздействие организованных факторов было сильнее, чем влияние стихийных. Среди лиц среднего и особенно старшего поколения, наоборот, роль стихийных факторов была преобладающей (см. табл. 5).

Становление молдавско-русского двуязычия предопределялось преимущественно воздействием организованных факторов. Эту тенденцию выразительно подтверждают данные таблицы 5. Роль обучения в школе и в вузах была более сильной, чем роль стихийно-коммуникативных факторов у городских молдаван в следующих возрастных группах: 18—19, 20—24, 25—29, 30—39.

Роль организованных факторов в становлении двуязычия заметно колебалась по возрастным группам как русского, так и молдавского населения. Это особенно красноречиво проявляется на фоне приблизительно одинаковой роли стихийных факторов в приобщении русских всех возрастных групп к молдавскому языку. Разница между полярными в этом отношении возрастными группами колебалась в интервале от 29,8% — среди 20—24-летней молодежи и до 41,2% — среди тех, кому исполнилось 50—59 лет. Отсюда следует вывод о том, что стихийно-коммуникативные факторы «действовали» более или менее стабильно относительно долго, по крайней мере в жизни 2—3 поколений русских Молдавской ССР.

Совсем иначе влиял на языковую жизнь городского русского населения организованный фактор. Его воздействием на становление русско-молдавского двуязычия лиц пожилого возраста, т. е. тех, кому в начале 70-х годов было больше 60-ти, было в четыре раза слабее, чем воздействие на становление двуязычия русской молодежи 18—19-летнего возраста (см. табл. 5).

Последовательно от старших к младшим поколениям усиливалась роль организованных факторов в приобщении молдаван к русскому языку. Так, например, воздействие обучения в школе и в высших учебных заведениях на приобщение к русскому языку среди самых молодых

(18—29 лет) городских молдаван было заметнее (почти в 5 раз), чем среди тех, кому было 60 лет и старше (см. табл. 5).

Значение приведенных данных трудно переоценить. Они позволяют с относительно высокой степенью вероятности ретроспективно определить роль организованного (школьно-учебного) фактора в распространении второго языка среди городских русских и молдаван на различных исторических этапах.

У старших поколений русских, проживающих в Молдавии, судя по данным опроса на начало 70-х годов приобщение к молдавскому языку происходило преимущественно стихийно-коммуникационным путем. По крайней мере в возрастной группе 50—59 лет влияние этого неогранизованного фактора было сильнее, чем влияние школьно-учебного почти в 3,3 раза, а среди 60-летних и более пожилых — в 3,5 раза (см. табл. 5). Аналогичным путем складывалось русско-молдавское двуязычие и у лиц среднего возраста, хотя здесь рассматриваемая разница составляла среди 30—39-летних — в 1,9 раза, а среди 40—49-летних — в 2,1 раза (см. табл. 5). И, наконец, у русской молодежи (18—19 и 20—24-летнего возраста) преобладание коммуникативного фактора над школьно-учебным перешло в свою противоположность (см. табл. 5). Следовательно, накануне и в первые годы после Великой Отечественной войны, т. е. во времена школьного возраста тех русских, кому в начале 70-х годов было 30—49 лет или 50 лет и больше, влияние стихийных факторов было сильнее, чем влияние организованных.

Одновременно в этноязыковой судьбе среднего поколения (30—49 лет) в годы его интенсивной социализации наметилось сокращение роли стихийно-коммуникативных факторов и возрастание школьно-учебных факторов.

Естественно возникают вопросы: сколько времени потребовалось для перестройки? Какое десятилетие стало решающим в переходе от полной стихийности и неорганизованности к осознанному оказанию содействия и к созданию определенных условий для развития русско-молдавского двуязычия? И насколько устойчивой оказалась сама эта тенденция?

Перелом в этноязыковой ситуации приходится на 60-е годы — период школьного обучения тех, кому в 1971 г., т. е. в момент этносоциологического опроса, исполнилось от 18 до 24 лет. Вывод о важном, переломном значении 60-х годов в становлении русско-национального двуязычия посредством активизации школьного фактора в этноязыковых процессах русского населения союзных республик убедительно подтверждается данными переписи населения 1970 г. Согласованность двух

различных типов источников (ведомственной статистики и итогов этносоциологических исследований) трудно переоценить.

Действительно, «потолком» русско-национального двуязычия является двуязычие русской молодежи в возрасте 16—19 лет. В более старших возрастных группах масштабы знания второго языка гораздо меньше. В то же время распространенность среди 11—15-летних подростков русской национальности знания второго языка в 4,7 раза, а среди 16—19-летних — в 5,6 раза больше, чем среди детей до 10-летнего возраста, что также не оставляет никаких сомнений в существенной роли школы как одного из организованных факторов в формировании двуязычия у молодых поколений русских СССР (см. табл. 6).

Таблица 6

Распространение второго языка среди молодежи союзных республик

(в % по данным переписи населения 1970 г.)

Национальность	Свободное владение вторым языком в пределах своих союзных республик в возрастных группах			
	0—10 лет	11—15 лет	16—19 лет	20—29 лет
Русские (кроме РСФСР)	4,4	20,8	24,8	21,8
Украинцы	14,8	24,7	43,5	49,5
Белорусы	11,6	19,1	41,1	45,0
Узбеки	4,8	21,8	38,0	41,8
Казахи	23,2	51,8	59,6	61,1
Грузины	49,0	77,6	81,9	81,8
Азербайджанцы	8,2	24,7	36,3	42,3
Литовцы	25,0	39,2	50,3	62,4
Молдаване	12,3	45,3	65,0	62,8
Латыши	22,1	36,8	44,6	55,4
Киргизы	1,0	7,1	17,4	22,2
Таджики	2,2	9,7	19,1	23,8
Армяне	18,4	34,9	46,5	54,6
Туркмены	1,0	40,6	12,7	16,5
Эстонцы	18,1	33,2	37,0	40,8

Совсем иначе проявляет себя «школьный» фактор в становлении национально-русского двуязычия, т. е. в приобщении ко второму языку представителей коренных национальностей союзных республик. Расширение масштабов национально-русского двуязычия происходило последовательно по мере взросления детей коренной национальности. Уровень знания русского языка продолжал повышаться и после завершения

средней школы. Наглядным примером тому служит, в частности, более широкое распространение двуязычия среди 20—29-летней молодежи по сравнению с более молодыми возрастными группами (см. табл. 6). Эта тенденция характерна для представителей коренной национальности всех союзных республик за исключением молдаван, что исторически обусловлено тем, что в Молдавии несколько позже, чем в других союзных республиках, вступил в полную силу «школьный фактор».

Возрастание роли школы в распространении молдавского языка среди учащихся русской национальности явилось закономерным следствием всестороннего укрепления общественных функций молдавского литературного языка во многих сферах жизни, в том числе в системе школьного и вузовского образования.

В то же время нельзя не отметить, что «экватором» перехода от стихийно-коммуникативного к организованному способу приобщения молдаван к русскому языку явились первые послевоенные годы, т. е. время школьного обучения тех городских молдаван, кому в начале 70-х годов было 30—39 лет. Кстати, именно этот рубеж был одним из самых значительных в истории перехода к целенаправленному воздействию на становление и формирование молдавско-русского двуязычия. Это достаточно наглядно иллюстрируется сопоставлением данных о роли двух групп факторов распространения русского языка среди молдаван в возрастных группах 30—39 и 40—49 лет (см. табл. 5).

Обе группы факторов — и коммуникативные и организованные — по-разному проявили себя в становлении двуязычия русских и молдаван в зависимости от их социально-профессионального статуса.

Во всех без исключения социально-профессиональных группах городского русского населения стихийно-коммуникативные факторы сыграли более заметную роль, чем организованные.

У городских молдаван-служащих, а также работников физического труда без квалификации, со средней и высшей квалификацией роль коммуникативных факторов в приобщении к русскому языку была сильнее, чем роль организованных. Здесь обращает на себя внимание тенденция ослабления роли коммуникативных и усиление роли организованных факторов по мере повышения квалификационного статуса городских молдаван. Так, например, с учетом роли службы в армии воздействие коммуникативных факторов было почти в два раза сильнее среди неквалифицированных работников физического труда и приблизительно равным — в группе служащих (см. табл. 7). С ростом образования, понятно, роль учебных заведений в становлении двуязычия молдаван усиливалась.

Закономерно, в частности, что воздействие школьного и вузовского образования как фактора приобщения молдаван к русскому языку было сильнее, чем всех коммуникативных факторов вместе взятых, в том числе среди специалистов со средним образованием и руководителей среднего звена — в 1,3 раза, а среди специалистов с высшим образованием и руководителей высшего звена — в 2,1 раза (см. табл. 7).

Таблица 7

Факторы распространения второго языка в социально-профессиональных группах русского и молдавского населения в городах Молдавской ССР
(в % по данным этносоциологического опроса 1971 г.)

Национальность, социально-профессиональные группы	Факторы						
	стихийно-коммуникативные				организованные		
	всего	в том числе			всего	в том числе	
		общение	семья	служба в армии		школа	вуз
<i>Русские</i>							
Работники физического труда:							
без квалификации	37,4	27,4	10,0	—	12,1	11,2	0,9
средней квалификации	38,7	26,7	12,0	—	17,3	16,8	0,5
высшей квалификации	36,1	26,0	9,1	—	22,4	21,2	1,2
служащие	32,0	23,0	9,0	—	24,7	24,7	—
Специалисты, руководители:							
среднего звена	37,1	29,5	7,6	—	16,4	14,9	1,5
высшего звена	33,7	24,7	9,0	—	22,3	17,6	4,7
<i>Молдаване</i>							
Работники физического труда:							
без квалификации	64,5	43,0	12,3	9,2	34,9	32,7	2,2
средней квалификации	69,4	40,5	10,0	18,9	52,5	51,7	0,8
высшей квалификации	72,3	27,2	10,4	34,7	57,5	55,6	1,9
служащие	62,9	37,1	15,7	10,1	57,3	56,2	1,1
Специалисты, руководители:							
среднего звена	55,1	27,6	17,9	9,6	71,2	66,7	4,5
высшего звена	45,0	23,2	10,0	11,8	93,4	62,6	30,8

Поскольку воздействие коммуникативных факторов на приобщение русских горожан к молдавскому языку было сходным во всех социально-профессиональных группах, постольку очевидно, что между социально-профессио-

нальным статусом человека русской национальности и приобретением им второго (молдавского) языка стихийно, в ходе межэтнических контактов, связи нет. В самом деле, разница между полярными в этом отношении группами — работниками физического труда средней квалификации и служащими — составляла 6,7% (см. табл. 7). Среди молдаван указанная разница между работниками умственного и физического труда высшей квалификации составляла 27,3% (см. табл. 7).

Нельзя сказать, что роль школьно-вузовского фактора была совершенно одинаковой в приобщении к молдавскому языку всех социально-профессиональных групп русских.

Среди двуязычных служащих русской национальности почти каждый четвертый указал, что он овладел молдавским языком в школе, в то время как среди двуязычных лиц, занятых физическим трудом без квалификации, школа «помогла» приобщиться к молдавскому языку каждому десятому (см. табл. 7). Тем не менее, пожалуй, нет особых оснований думать о сколько-нибудь закономерной связи между организованным фактором и социально-профессиональным статусом городского русского населения в процессе приобщения к молдавскому языку. Напротив, в приобщении молдаван к русскому языку эта связь налицо. Это достаточно убедительно видно, во-первых, из того, что воздействие школьного и вузовского образования на приобщение молдаван к русскому языку в группе специалистов с высшим образованием и руководителей высшего звена было почти в 3 раза заметнее, чем среди неквалифицированных работников физического труда, а во-вторых, из того, что значение организованного фактора усиливалось последовательно от групп работников физического труда, не требующего квалификации, к группам работников умственного труда высоких квалификаций — от 34,9% среди первых до 93,4% среди последних (см. табл. 7).

Воздействие каждой группы факторов (стихийно-коммуникативных и организованных) на становление русско-национального двуязычия является комплексным. Чаще всего обе группы факторов взаимосвязаны и успешно дополняют друг друга.

Из трех основных процессов, образующих развитие национально-русского двуязычия — его возникновение, распространение и функционирование, — наука и практика вплотную подошли к проблемам управления его становлением и распространением. Гораздо скромнее успехи в стимулировании функционирования.

Что касается управления процессами русско-национального двуязычия, то здесь пока приходится констатировать еще более скромные успехи во всех трех основных компонентах.

В союзных республиках постоянно ведется большая научная, организационная и координационная работа по пропаганде русского языка. Особый размах, можно надеяться, этой работе придаст понимание возрастающей роли русского языка в ускорении социально-экономического развития страны, в усилении взаимодействия, взаимообмена опытом между союзными республиками. Не случайно на Пленуме ЦК Компартии Узбекистана, обсудившем в октябре 1986 г. задачи партийных организаций республики по дальнейшему повышению эффективности идеологической работы в свете требований XXVII съезда КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана И. Б. Усманходжаев, директор средней школы № 2 Кувинского района Ферганской области Х. Усманова и другие выступающие отмечали невозможность развития приоритетных отраслей, определяющих научно-технический прогресс. Участники Пленума призвали Министерство просвещения и высших учебных заведений, Академию наук республики разработать комплексную программу «Русский язык», обобщить накопленный в других республиках опыт, лучше использовать его в практике преподавания в школах республики¹⁵.

Вместе с тем требуют дальнейшего систематического изучения вопросы преподавания национальных языков в школах, подготовки учителей национального языка для школ с русским обучением. Нуждаются в усиленном внимании вопросы количества и качества исследований по методике преподавания в союзных республиках национальных языков как вторых (для учащихся некоренных национальностей).

Недостаточно исследован опыт пропаганды языков других национальностей (болгарский, гагаузский, украинский — в Молдавской ССР; абхазский — в Грузинской; армянский — в Азербайджанской; азербайджанский — в Армянской ССР; таджикский — в Узбекской ССР и т. д.), а также языков коренной национальности для русских и представителей других национальностей.

Слабо изучена в республиках издательская деятельность: сколько подготовлено и издано наглядных пособий, в том числе русско-национальных разговорников, толковых, терминологических, тематических и энциклопедических словарей, адаптированных текстов для чтения лиц некоренной национальности и т. д. и т. п.

Между тем даже предварительное знакомство со степенью обеспеченности представителей русской и иных национальностей пособиями по самостоятельному изучению языка коренной национальности союзной республики показывает, что она пока недостаточна. На полках книжных магазинов не залеживаются издаваемые десятками тысяч экземпляров русско-национальные разговорники¹⁶.

Цель большинства русско-национальных разговорников — помочь усвоению живой, разговорной иноязычной речи, а лицам коренной национальности полнее приобщиться к русскому языку.

Смысл и содержание целенаправленной языковой политики КПСС состоят в том, чтобы создать условия для удовлетворения потребностей всех народов СССР в языке своей национальности и в едином языке межнационального общения. Успехи в этой области очевидны и поучительны — как в сфере реальной этноязыковой жизни, так и в сфере научного осмысления советского опыта и итогов этноязыковых процессов.

Вместе с тем одной из важных задач в изучении современных национальных процессов и проблем совершенствования социализма становится в соответствии с новейшими документами КПСС исследование особенностей развития и запросов в области языка, культуры и быта некоренного населения республик, в том числе русских, проживающих в иноэтническом окружении. В этом плане особую значимость приобретает и изучение комплекса проблем русско-национального двуязычия.

Тенденцию углубления потребности русского населения республик в знании и в использовании языков коренных национальностей, разумеется, не следует абсолютизировать и переоценивать. Но упускать ее из поля зрения ни в коем случае нельзя.

Верно подчеркивается в литературе, что «знание языка коренной национальности имеет больше значение, выступает как проявление уважения к данному народу, его культуре, языку, традициям и обычаям»¹⁷. При этом дело, разумеется, не сводится только к эмоциональной и нравственной стороне русско-национального двуязычия. Чрезвычайно важна и рациональная сторона дела, т. е. употребление языка коренной национальности в речевой деятельности русских, в расширении их культурно-образовательного кругозора, в повышении социально-профессионального статуса, в преодолении неблагоприятных оттенков в практике межнациональных отношений.

Особого внимания заслуживает тенденция перехода от широко бытовавших в прошлом факторов стихийно-коммуникативного плана к преобладанию учебно-педагогических факторов.

В сочетании со всей совокупностью объективных условий школа и другие учебные заведения существенно ускоряют прогрессивное развитие современных этноязыковых процессов. В формировании всех национально-русских форм двуязычия доминирующая роль школы, пожалуй, редко у кого из специалистов вызывает сомнения. Гораздо слабее, но с некоторым ускорением в последние годы в отдельных республиках начинает проявляться роль школы и в распространении второго языка

среди различных групп русского населения, т. е. в формировании русско-национального двуязычия. Обе выявленные тенденции заслуживают пристального внимания в связи с решительным поворотом к изучению современности, к усилению связи обществоведческих наук с практикой современных этноязыковых процессов. По мере того, как возрастает «нагрузка» школы как объективного фактора формирования национально-русского двуязычия, последовательно увеличивается и ее оперативная «ответственность» за судьбу языковой жизни наций, народностей, национальных групп, в том числе за судьбу двуязычия групп русских в союзных республиках, и шире — за судьбу социально-культурного развития каждой национальности (от нации до национальной группы) и всего советского народа. Но поскольку стихийные и организованные факторы действуют далеко не изолированно друг от друга, возникает практическая необходимость целенаправленного стимулирования развития каждого из компонентов двуязычия русских: компетенции, речевой деятельности и психологического осознания потребности во втором языке.

Между тем приходится констатировать, что именно в этой сфере — в пропаганде языков коренных национальностей для лиц некоренной национальности мы продвинулись менее всего. Более того, в научных публикациях некоторых республик редко можно встретить даже упоминание о необходимости целенаправленной, убедительной и аргументированной пропаганды изучения языка коренной национальности. Коль скоро ведется работа по созданию благоприятных условий приобщения к русскому языку, в той же степени правомерно ставить вопрос о создании соответствующих условий представителям некоренных национальностей, в том числе русским, овладевать языком нации, давшей название союзной республике (уроки по радио и телевидению, платные и бесплатные курсы, специальные разговорники, учебные пособия и т. д.).

Самое главное в этой работе — найти разумные, в соответствии с реальными потребностями людей различных национальностей, рамки для сбалансированного взаимодействия общественных функций языков народов СССР и языка межнационального общения в разнообразных сферах жизни.

8. КАК ДВА КРЫЛА В ПОЛЕТЕ

[От редакции]

Ведя перестройку общества, глубокие революционные преобразования, нам предстоит в полной мере раскрыть гуманистическую природу социализма, раскрепостить созидательный потенциал всех народов СССР. Достижение этой

цели в государстве, объединяющем граждан более ста национальностей, требует реализации комплекса намеченных партией мер: радикальной экономической реформы, перестройки политической системы, углубления демократии, борьбы с бюрократизмом, расширения гласности, утверждения самоуправления. В этом же ряду, как свидетельствуют резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции, материалы июльского Пленума ЦК партии, — совершенствование межнациональных отношений во имя последовательного увеличения вклада наций, народностей и национальных групп в ускорение социально-экономического развития страны. Отсюда требование пристально взглянуть на состояние языкового общения между ними. Сегодня на эту тему высказывает свое мнение ученый.

Процессы развития и взаимодействия языков далеко не одинаковы в различных союзных и автономных республиках. Но есть общие закономерности, которые позволяют не только определить единые подходы к их изучению, но и более дифференцированно воздействовать на национально-языковые процессы. Тесные межнациональные связи народов нашей страны привели к тому, что множество людей в той или иной степени владеют двумя языками. Можно выделить, во-первых, национально-русское двуязычие, при котором знание языка своей национальности у значительной части нерусского населения сочетается со знанием русского языка. Во-вторых, развивается русско-национальное двуязычие, то есть знание русскими людьми языков коренных национальностей тех или иных республик. И, наконец, можно указать на примеры многоязычия, когда человек наряду с родным и русским владеет языками других народов СССР.

Надо признать, темпы развития этих процессов далеко не одинаковы. К примеру, доля нерусского населения, свободно владеющего русским языком, возросла в 70-е годы с половины до двух третей. За тот же период, по данным переписи, доля двуязычных среди русского населения в союзных республиках (кроме РСФСР) выросла с 15 до 18%. Однако итоги специальных исследований показывают, что достигнутые масштабы русско-национального двуязычия несколько шире. При общем приросте русского населения в СССР за период 1970—1979 гг. на 6,5% численность русских, свободно владеющих каким-либо другим языком народов СССР, возросла на 24, а по союзным республикам (без РСФСР) — соответственно на 12 и 33%. Если знание второго языка расширялось быстрее темпов естественного прироста — значит, была в нем нужда.

Анализируя факторы и тенденции развития двуязычия, особенно национально-русского, многие специалисты ограничивались комментариями достижений. В застойные годы было не принято освещать негативные

стороны национально-языковых явлений, назревшие проблемы и противоречия. Правда, отдельные исследовательские проекты и программы были ориентированы на изучение реальных тенденций. Если по итогам этих исследований выходило, например, что две трети нерусского населения страны владела русским языком, то было совершенно очевидно, что остальная треть не владела им или владела очень слабо. Если в таблицах этносоциологических трудов приводились многочисленные данные о том, что, например, от 80 до 90% городской или сельской части населения положительно относились к национально-смешанным трудовым коллективам, к инонациональному руководителю или соседу, национально-смешанным бракам и т. д., то нетрудно было сообразить, что остальная часть занимала в этих вопросах отрицательную или по крайней мере прохладную позицию. Десятки и сотни подобных таблиц опубликованы в открытой печати, но тысячи остались в архивах.

На рубеже 70—80-х годов соотношение общественных функций языков народов СССР во многих важных сферах складывалось не на научной основе, а стихийно. В ряде союзных республик проводилась политика замалчивания языковых и культурных потребностей тех групп населения, которые не относятся к коренной национальности.

Распространение русского языка среди коренных национальностей союзных республик шло крайне неравномерно. Это, а также узкая прослойка двуязычия среди русских, нелегкий путь к трех- или четырехязычию для некоторых из национальных групп, конечно, затрудняли межнациональные контакты. Попытки же решать эти проблемы без учета реальных потребностей приводили к бесплодным дискуссиям о соотношении языков в различных сферах общественной жизни — в системе среднего и высшего образования, работе средств массовой коммуникации, книгоиздательской практике, переводческой деятельности. Между тем обществоведы неоднократно высказывали озабоченность, что расширяющаяся подготовка кадров на национальных языках ограничивает возможности республик в обмене производственным и социальным опытом. В условиях НТР специалисты, получившие образование на национальных языках, из-за объективной невозможности переводить всю специальную литературу нередко отставали по уровню компетентности.

Словом, вопреки заздравным выводам в стране были явные языковые барьеры, затруднявшие межнациональные контакты и сотрудничество.

Разумеется, гармония двуязычного состояния может быть достигнута лишь при том, что интересы развития культуры всех народов соблюдаются

в равной мере. Но когда писатели и публицисты, справедливо обеспокоенные судьбами национальных языков, стали бить в колокола, в общественном мнении возникло неправильное представление о неких силах, якобы заинтересованных в русификации, в исчезновении языков малочисленных наций и народностей, в унижении национального чувства и т. д. Если трезво и ответственно взглянуть на вещи, не было у нас ни злостных ассимиляторов, ни космополитов-провокаторов, ни насилия над национальными интересами и потребностями. Но было равнодушие, было безответственное отношение со стороны некоторых центральных и, как ни странно, республиканских органов, в непосредственной зоне действия которых находились задачи языковой политики.

Не всегда можно выявить конкретных виновников, но нетрудно указать некоторые из ведомств, которые вольно или невольно причастны к перекосам. Достаточно сравнить, к примеру, изданные в типографиях учебники на молдавском языке и наспех сшитые из унылой бумаги ротاپринтные издания учебников гагаузского языка и литературы. А ведь те и другие в равной степени предназначены детям, открывающим первые страницы культуры своего народа! Так безразличие создает почву для социального неравенства и может рано или поздно дать горькие плоды. А виноваты в этом конкретном случае молдавское издательство «Лумина» и Министерство просвещения Молдавской ССР, под грифом которого увидели свет в 1986 г. названные издания. Тем не менее валить все на бюрократов из министерств и ведомств, как делают сейчас отдельные представители национальной творческой интеллигенции, было бы неверно. В не меньшей, если не в большей степени в сложившемся перекосе повинна сама интеллигенция, по крайней мере та ее часть, от которой зависело и зависит воспитание здорового национального самосознания народа.

Признавая на словах практическую необходимость, объективность и неизбежность двуязычия в государстве с многонациональным составом населения, некоторые специалисты ищут аргументы для дискредитации этого явления, пугают читателей якобы грозящими из-за него неисчислимыми бедами. К сожалению, подобную позицию занимают и некоторые республиканские периодические издания, которые охотно предоставляют страницы критикам двуязычия и отказывают тем, кто придерживается иной точки зрения.

По инерции вместе с двуязычием его критики порой подвергают сомнению интернационализм и сам факт уникального содружества более чем ста наций, народностей и национальных групп нашей страны.

В попытке обосновать негативное отношение к национально-русскому двуязычию они доказывают, что чем скромнее его масштабы, тем лучше для национальной культуры, и наоборот — чем лучше местные жители владеют инонациональным (в том числе русским) языком, тем больший урон наносится процветанию национальной культуры. При этом внушается мысль, будто нерусскому населению страны русский язык так же трудно учить, «как любой другой иностранный».

Не назвав ни одного конкретного факта, не сославшись ни на один сколько-нибудь представительный эксперимент, ни чужой, ни собственный, авторы подобных публикаций договариваются даже до того, будто «двуязычие дошкольников может быть одной из причин появления у них заикания». Вопреки практике живой жизни, реальным процессам распространения русского языка среди многих миллионов лиц нерусской национальности отрицается давно уже начавшийся процесс превращения русского языка в язык межнационального общения. Чего в большей степени пытаются добиться такими «выводами»? Усилить любовь к своему языку или только отбить охоту и стремление к русскому?

Между тем, как подчеркивают отечественные и зарубежные исследователи, двуязычный ребенок оказывается более подготовленным, чем одноязычный, обладает преимуществом в решении задач, требующих навыков абстрактного мышления. Именно двуязычные дети проявляют большую гибкость в познавательных операциях. Более того, неоднократно отмечалось и позитивное влияние второго языка на овладение первым, родным языком. Конечно, нет нужды эти выводы абсолютизировать, но и не учитывать их тоже нельзя. Ученые, исследовавшие взаимосвязь двуязычия и эмоционального состояния личности, пришли к выводу о том, что если и происходит разрегулировка эмоционального состояния, то не на основе знания второго языка, а, напротив, на основе его незнания и таких факторов, как внутренне противоречивые социально-экономические условия, обучение в школах со слабым методическим и материальным оснащением, у преподавателей относительно низкой квалификации и т. д. И наоборот, движение вверх по социальной лестнице сопровождалось у высококвалифицированных представителей коренных национальностей ряда республик повышением интереса к языку своей национальности, возрождением прогрессивных традиционных обрядов. Другими словами, национально-русское двуязычие вело не к ослаблению, а к усилению самобытных основ национальной культуры.

Перестройка двуязычия не может и не должна означать ни переход на новое, ни возвращение на прежнее одноязычие. Речь идет о создании сбалансированных основ гармоничного развития каждого из языков.

В конституциях трех союзных республик — Азербайджанской, Грузинской и Армянской — государственными объявлены языки коренных национальностей. Если нация имеет свою государственность, то она вправе на конституционном уровне, законодательно осуществлять заботу о всемерном развитии национального языка как своей неотъемлемой социально-культурной ценности. Эту непреложную истину долгое время старательно замалчивали наши теоретики и практики. Но если провозглашение того или иного языка государственным языком не связано с элементами его принудительного внедрения и не означает искусственного создания приоритетов одному языку за счет ущемления интересов других, в этом ничего плохого нет. Более того, это может стать показателем зрелости социалистического правового государства.

Однако ни статус такого языка, ни конкретные сферы его употребления не определены у нас с достаточной четкостью, что может служить источником возникновения противоречий в межнациональных отношениях. Понимая это, в Азербайджане, Грузии, Армении попытались избежать подводных камней, гарантировать в одной и той же конституционной статье и осуществление заботы о развитии национального языка, и свободы в употреблении языков всех других проживающих в республике национальностей. Но и это не сняло противоречий. Если нация, имеющая союзную республику, объявляет свой язык государственным, то есть делает его официальным языком управления, это влечет за собой обязательное его использование в государственном аппарате (например, в делопроизводстве). А как тогда быть остальным народам СССР, имеющим иные формы национально-государственного устройства или вовсе не имеющим таковых? По всему видно, назрело обсуждение и решение этих вопросов.

Отсутствие в отдельных звеньях государственного аппарата научно взвешенного правового регулирования использования языков, стихийное решение в каждой республике соотношения языка коренной национальности, русского и других в зависимости от субъективных факторов, в том числе от взглядов отдельных работников государственного управления и общественных организаций, может вести к дестабилизации обмена информацией и даже к ущемлению языковых и национальных прав граждан. Нужны такие юридические, идеологические, политические гарантии, которые предохраняли бы от бесконтрольного администрирования в области национально-языковых процессов, обеспечивали бы их свободное развитие в соответствии с естественными потребностями народов.

В условиях каждой республики соотношение между различными языками может быть свое. Задача состоит в том, чтобы нормативные акты не

допускали никаких привилегий одним и никаких ограничений другим языкам. Возможно, например, конституционное закрепление во всех национально-государственных образованиях одновременно двух государственных языков: языка коренной национальности и русского — как языка межнационального общения. Можно при этом терминологически «развести» эти языки, определив один из них как республиканско-государственный, другой — общегосударственный, или проще: республиканский и общесоюзный, национальный и межнациональный и т. д. Дело не в термине, а в сути. Гармоничному развитию языков на естественной для многонационального государства двуединой основе должно способствовать всестороннее удовлетворение естественной потребности каждого народа как в национальном, так и в инациональном языке.

Задачи нормализации, гуманизации языковых аспектов современных национальных процессов, оптимизации двуязычия в СССР требуют восстановления подлинно ленинских принципов национально-языковой политики на основе глубокого демократизма, широкого интернационализма и высокого гуманизма. Для этого необходимо разработать и принять комплексную систему мер. Сегодня нежелательны ситуации, когда среднее, а порой даже и высшее образование отдельной части нерусского населения сочетается с незнанием или плохим знанием русского языка. Нужны также условия, чтобы и русское население союзных республик имело больше шансов улучшить свое знание языков коренных национальностей.

Естественное развитие национально-русского и всех остальных типов двуязычия будет достигнуто только при полной свободе выбора языка обучения. К началу XXI столетия, как утверждают исследователи многих стран, каждый второй живущий на земле человек будет двуязычным. Если так случится, можно быть уверенным, что борьба за национальное и языковое равноправие, активная деятельность по сохранению и развитию языка своей национальности, бережное отношение к национальному и культурному наследию, возрастающее и возвышающее чувство гордости за свою национальность примут осознанный, более широкий и целенаправленный характер. И если смотреть реалистически на этноязыковые процессы в мире, в том числе и в Советском Союзе, надо укреплять, а не ослаблять двуединую основу языковой жизни советских народов.

25 августа 1988 г.

ЧАСТЬ II

МОБИЛИЗОВАННЫЙ ЛИНГВИЦИЗМ

*«Обычаи нации отражаются на ее языке, а с другой стороны,
в значительной мере именно язык формирует нацию»*

Фердинанд де Соссюр
Курс общей лингвистики
Женева, 1915 г.

ВВЕДЕНИЕ

Был на исходе 1989 год. 25 декабря, в день Рождества, «Правда» опубликовала заключительное слово М. С. Горбачева¹ на втором съезде народных депутатов СССР. В тот же день на внеочередном Пленуме ЦК КПСС, посвященном рассмотрению этнополитической ситуации в Литве в связи с экстраординарными решениями XX съезда компартии Литвы о выходе ее из состава КПСС, с пространным докладом «В единстве партии — судьба перестройки»² выступил М. С. Горбачев. Ни в одной из этих речей, встреченных дружными аплодисментами депутатов и участников Пленума ЦК КПСС, не было сказано ни слова об одном из важнейших итогов уходящего года — о бескровной языковой революции, триумфально прокатившейся по союзным республикам в связи с принятием законов о государственных языках.

До сих пор остается неразгаданной тайной, почему партийный и государственный лидер столь высокого уровня не вспомнил о том, что к трем языкам (азербайджанскому, армянскому, грузинскому), огосударствленным ранее конституциями трех закавказских республик в 1978 г., в истекающем году добавилось еще 9 языков со статусом государственного языка. Означает ли это, что инициатор перестройки, любимец Запада, озабоченный состоянием дел в партии, и аплодирующие ему депутаты, не на шутку встревоженные литовскими проблемами, «прозевали» год языковой реформы? Или, это был умышленный тактический ход по развалу империи с помощью умаления значения этой реформы, с тайной целью приглушить общественный резонанс опасной дезинтеграции, не замечать разгорающийся пожар или это было элементарным непониманием сути межнациональных проблем и процессов, безнадежным отставанием некомпетентного Союзного Центра с его смертельной усталостью и обреченностью?

Указанное упущение крупного политика³ тем более трудно понять и осознать, если иметь в виду, что в каждом из упомянутых его выступлений — и с государственной, и с партийной трибуны — были обозначены многие из острейших проблем межнациональных отношений, самым непосредственным образом связанных с прокатившейся по стране языковой реформой.

В самом деле, многое из того, о чем говорил государственный и партийный руководитель вслед уходящему 1989 г., напрямую затрагивало языковые вопросы, являлось одновременно их первопричиной или же их следствием. Обретение языками ряда «титulyных» (формирующих титул союзных республик) наций статуса государственного языка было связано с зарождением структур новой власти в союзных республиках, с формированием институтов правового государства, в частности, с возможным обострением межнациональных отношений в Литве, с ростом автономистских настроений среди польского населения этой республики, с появлением и расширением переселенческих тенденций в русской и русскоязычной среде, с угрозой гражданских конфликтов, с обретением самостоятельности компартией Литвы и движением республики к суверенитету, в целом, с необходимостью перехода страны от сверхцентрализованного унитаризма к реальному федерализму, с необходимостью заново «завоевывать федерацию» путем восстановления взаимного доверия народов и воплощения в жизнь идеи национальной независимости. Однако создается впечатление, что обе группы слушателей М. С. Горбачева, и пребывающие в эйфории депутаты и впавшие в уныние участники Пленума, в самом конце 1989 г. все еще по-настоящему не осознали всей притягательной и вместе с тем разрушительной силы национальной идеи, начавшей свою победную поступь с включения в тексты конституций союзных республик 1978 г. статей о государственном языке и с законов о языке и о языках. Между тем, многие перечисленные М. С. Горбачевым признаки обостряющейся этнополитической ситуации были рождены раскрепощением сознания и взрывом затабуированного коммунистической идеологией понятия «государственный язык».

Удивительно, как мог М. С. Горбачев так тонко и проникновенно уловить то, что на «национальное самосознание литовского народа во многом давит трудная история его взаимоотношений с союзным государством»⁴ и не заметить при этом того, что острие языковой реформы, начавшейся в конце 1988 г. в Эстонии, Литве и Латвии, как раз и было направлено на пересмотр этих взаимоотношений.

Пытаясь объяснить самому себе и слушателям центробежные устремления Литвы и некоторых других союзных республик, М. С. Горбачев говорил: «По-своему закономерны в этих условиях попытки народов республик воспользоваться теми возможностями, которые открывает перестройка, их желание проверить реальность ее принципов, гарантий самостоятельности, уважительности и свободы, которые она вносит в сферу межнациональных отношений»⁵. При этом именно язы-

ковая реформа, странным образом не замеченная главным лидером и идеологом страны, как раз и явилась той самой проверкой перестройки на искренность, на уступки республикам в начатой ими борьбе с унитаризмом и тоталитаризмом.

Языковая реформа стала первым пробным камнем подлинного освобождения периферии от засилия Центра.

Застойное время, прерванное начавшейся в 1985 г. перестройкой, а затем окончательно взорванное августовско-сентябрьским провалом, ушло в прошлое. Вместе с демагогической дымовой завесой «агитации и пропаганды» эпохи застоя потеряли свою магическую силу прежние лозунги, громко декларируемые штампы, стереотипы и представления о единой и неделимой державе, о нерушимой дружбе и братстве народов, о бесконфликтности межнациональных отношений, о бесконечном расцвете и немислимом сближении народов, культур, языков.

Едва ли не самой адекватной характеристикой Нового времени стал не предвиденный никем динамизм событий, непредсказуемые перемены, неожиданно легкий провал Центра, крах КПСС и стремительное преобразование бывших союзных республик сначала в суверенные республики, затем в независимые национальные государства. Общественные науки оказались неподготовленными к такому повороту дела. И на первых порах они были бесцеремонно оттеснены на второй план отчаянной публицистикой, взявшей на себя несвойственные ей функции этнополитического анализа, но не способной справиться с этой задачей.

Начавшийся выход общественных наук из кризиса и растерянности неожиданно обернулся некоторыми обретениями. Так, например, та информационная база этносоциологических исследований, которая всего несколько лет тому назад рассматривалась скорее всего лишь в качестве строительных лесов при воздвижении здания той или иной научной парадигмы, из чисто вспомогательного приобрела приоритетное значение.

Господствующая номенклатура, в том числе партаппарат, министерства и ведомства не нуждались в полной информации, объективно и точно отражающей суть тех или иных процессов. Им сверху было яснее и виднее, какими должны быть эти процессы.

У демократов, пришедших к власти после августа 1991 г., иное отношение к реальности. Они должны были знать, что происходит с обществом, с народами, с людьми. Поэтому бывшие информационные «строительные леса» науки нынче подскочили в цене, стали самоцелью. Пожалуй, мало кому раньше в голову приходило платить за информацию. Сейчас она, как товар, продается и покупается, обменивается и

разменивается⁶. Создание информационных систем стало важной самостоятельной частью многих фундаментальных и прикладных исследований.

Переход от унитаризма и единообразия к демократии и плюрализму, динамично меняющееся соотношение между этническими и политическими структурами, продолжающиеся процессы урбанизации, интеллектуализации и компьютеризации общества выдвигают перед управленческими структурами ряд совершенно новых оперативно-информационных задач.

Для понимания и осмысления всего того, что происходит на этнополитической арене, необходима надежная по качеству, достаточная по количеству информация. Она должна, во-первых, содержать исчерпывающие сведения о месте и роли национальностей в современных этнополитических процессах, во-вторых, с максимальной полнотой характеризовать этнические и гражданские общности в личностном, групповом и институциональном аспектах.

Динамично меняющаяся этнополитическая ситуация, ускоряющийся переход из одного состояния в другое (под воздействием роста национального самосознания, расширяющейся и углубляющейся политизации масс) диктует организацию постоянного наблюдения за современными этнополитическими процессами, что, в свою очередь, превращает деятельность по созданию информационной базы в особую инфраструктурную область ряда смежных научных дисциплин — этнологии, этносоциологии и этнополитологии⁷.

Ускоряющиеся перемены и информационная революция отнюдь не снимают с повестки дня развитие фундаментальных исследований, широких обобщений и глубоких выводов. Потребность в прикладных исследованиях не перекрывает путь теории. Наоборот, союз теории и эмпирики становится, пожалуй, более тесным и нужным. Более того, теперь, когда между Западом и Востоком рухнул железный занавес и появились новые, непривычные для нас формы кооперации и разделения труда, союз теории и практики «изнутри» дополняется союзом «извне». И если, например, отечественным специалистам сподручнее наблюдать событийную канву изменений изнутри, то у наших западных коллег больше возможностей сравнивать наши процессы со своими пройденными дорогами, оценивать ситуацию в нашей стране на фоне собственных концептуальных поисков и обретений.

Наряду с информацией важным фактором этнополитических процессов становится время. Бесконечное отставание элиты КПСС и Кремля от тех реальных этнополитических тенденций, которые происходи-

ли в стране, бывших республиках, и стало причиной победы периферийных республик над Союзным Центром.

Такой принцип соединения в одном названии аналитической и документальной частей неоднократно был опробован и оправдал себя в целой серии работ первой четверти XX в., посвященных истории национальных и языковых движений в пред- и постреволюционной России. Вместе с тем вряд ли было бы целесообразно «механически возвращаться к этому жанру». Речь идет о необходимости придать ему новое наполнение, максимально насытив информативную часть, предоставляя тем самым читателям самим разобраться как в документально выраженной сущности того, что мы именуем лингвицизмом, так и в корректности предложенных автором выводов и обобщений.

События, факты и документы позволили относительно логично обозначить суть 3-х переломных лет, в том числе 1989 г. — как года языковой реформы, 1990 г. — как года суверенизации бывших союзных республик и, наконец, 1991 г. — как года формального распада бывшего СССР (вероятно, точнее было бы именовать этот год временем полураспада СССР). И теперь, в конце 1993 г. в это зеркало развития явлений, связанных с перерастанием борьбы национальных элит за государственный язык в борьбу за политический суверенитет и использование государственного языка в качестве средства, дающего его носителям легитимизированные преимущества перед другими, должны очень внимательно вглядываться борцы за один-единственный государственный язык в многоязычных республиках Российской Федерации.

Логика анализа мобилизованного лингвицизма, представленного стремительно развернувшимся движением за огосударствление языка позволила выявить изначальную несовместимость «особых» прав носителей государственного языка и «равных» прав носителей всех остальных «негосударственных» языков. Эта самая логика побудила еще раз вернуться к истории и богатейшему опыту языкового строительства середины 20-х — середины 30-х годов и представить его в отдельном томе как прерванный Сталиным лингвицизм.

Разумеется, история всех трех выбранных для этнополитического освещения лет взаимосвязана. Языковая реформа продолжалась и в 1991 г., т. е. после появления на месте бывших союзных республик новых независимых государств, а движение к национальной независимости в свою очередь вызревало и до 1991 г., в том числе и в ходе языковой реформы, особенно ярко проявившейся в 1989 г.

Итак, что же произошло в 1989 г. и почему именно этому году можно дать название года языковой реформы, или даже сильнее — года

тихой языковой революции? Этому посвящены первые две книги — монография и сборник документов и материалов из задуманной серии «Переломные годы»⁸.

То, что не видно было вчера, сегодня стало ясным для многих. Тщательно замаскированный, слава Богу, бескровный, первый штурм твердыни Союзного Центра начался с пересмотра языковой политики и незыблемых в прошлом основ коммунистической идеологии. Высшее руководство Центра «прозевало» тот очевидный теперь факт, что принятие законов о государственном языке означало в том, 1989, году не столько ревизию концепции «ленинской языковой политики», сколько подрыв основополагающих постулатов союзной государственности. Разработка и принятие законов о языке (и языках) определяли новые взаимоотношения не между языками и их носителями, а между союзными республиками и Москвой. Придание языкам титульных наций конституционного статуса государственных языков стало не столько ударом по Ленину, отрицательное отношение которого к государственному языку («полицейщина») было так удачно заимствовано Сталиным и заложено в основу ленинско-сталинской языковой политики, а ударом по идеологии псевдонационального государственного устройства бывшего СССР.

Полифункциональный характер языковых законов и связанных с ними законодательных актов, ассоциированных с ними же государственных программ по реализации законов о языке (и языках), многогранное содержание предпринятых акций в этой области, отказ от единой, унифицированной языковой политики, переход от «одной» к «многим» языковым политикам, попутное решение ряда важных проблем — эти и многие другие черты придали 1989 г. — году языковых реформ — переломный характер.

В ходе языковых реформ осуществился переход от существовавших с конца 1930-х годов приоритетов русского языка к приоритетам языков титульных национальностей. Этот переход затронул кроме всего прочего и интересы русского народа, и в первую очередь интересы 25 млн. русских, расселенных в бывших союзных республиках. Трудно переоценить значение этого факта, если иметь в виду, что 145 млн. русских, составляющих более половины населения бывшего Советского Союза, значительную часть населения Европейского континента, играют немаловажную роль не только на этнополитической арене экс-Союза, но и в гораздо более широком геополитическом масштабе. В любом многонациональном обществе национальные меньшинства заинтересованы в знании и употреблении языка большинства, в ис-

пользовании его для социально-профессиональной карьеры и для расширения интеллектуально-культурного кругозора. Но и само национальное большинство не в меньшей мере заинтересовано в том, чтобы меньшинства приобщились к языку большинства. Поэтому кардинальное изменение курса языковой политики, задев интересы русского языка, вольно или невольно задело и интересы русского народа, интересы многих других народов постсоветского пространства, завязав крепким узлом национальные интересы России с интересами стран ближнего зарубежья.

Языковая реформа не прекратила бесконечные споры как в отечественной, так и в зарубежной социологии языка о том, должна ли в многонациональном государстве языковая политика быть единой во всех пределах государства, во всех ее союзных и автономных республиках, или в каждом конкретном случае путь и направления языковой политики должны определяться спецификой конкретной этноязыковой, этнополитической и этнокультурной среды. И хотя сторонников каждой из точек зрения было предостаточно, тем не менее эффекта от такого многообразия практически не было. Судьбы языковой политики решались «наверху», без оглядки на позицию специалистов, без учета их рекомендаций.

Следующий — 1990 г. — также можно определить как переломный, хотя бы в силу того, что в течение этого года 11 союзных республик приняли декларации о суверенитете, оставаясь под крышей Союза, и еще 4 союзные республики (Литва, Латвия, Армения и Грузия), опережая перестройку и время, соседей и самих себя, приняли законодательные акты о независимости с объявлением переходного периода в процессе окончательного выхода из состава СССР.

Вслед за союзными обрели суверенитет и целый ряд автономных республик, в том числе 14 из 16 автономных республик РСФСР, часть которых, приняв декларации о суверенитете, одновременно заложила камень за пазуху, нацелившись на последующую ступень — на независимость и на подрыв уже собственно Российской Федерации.

И, наконец, август 1991 г. открыл многим глаза на то, что два предыдущих года республики не теряли даром. Начавшийся самораспад Союза определил еще один перелом.

Все попытки Центра, включая широко распропагандированный и разрекламированный мартовский референдум 1991 г., глубоко продуманный и тщательно проведенный летний Ново-Огаревский процесс, потребовавшие от теоретиков центральных ведомств, от политиков, чиновников и практиков невероятного напряжения духовных сил, тон-

ких дипломатических маневров — окончились провалом. Выдвижение фигуры Б. Н. Ельцина на передний план в результате обороны Белого Дома в тревожные августовские дни, сняло перед республиками последние преграды на центробежном пути.

И вряд ли кому приходило в голову, что всего через 2 года, дождливыми октябрьскими днями 1993 г., колесо истории повернет вспять, и что Белый Дом станет черным после того, как войска президента Ельцина с помощью танкового удара отобьют его у своих же бывших союзников, у бывших демократов — Р. И. Хасбулатова и А. В. Руцкого, с которыми сторонники Ельцина вместе разваливали Союз.

Законодательные акты о независимости, замена долго и утомительно подготавливаемого нового Союзного договора наспех составленным и чуть ли не тайно подписанным Договором об экономическом содружестве сначала 18 октября 8 республиками (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, РСФСР, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан), а затем Украиной и Молдавией дают основание отнести 1991 г. — также к числу переломных лет в судьбе бывшего СССР. Глубокое впечатление на мировую общественность произвела октябрьская (1991 г.) встреча руководителей 12 суверенных государств в Алма-Ате, когда сами республики впервые договорились о продолжении устоявшихся за десятилетия многообразных хозяйственных связей. Результатом, в частности, стало подписанное соглашение о едином экономическом пространстве. Однако процессам децентрализации в холодную осеннюю пору 1991 г. не суждено было на этом остановиться.

Подписанное 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще руководителями России, Белоруссии и Украины Соглашение о качественно новом Содружестве Независимых Государств означало окончательный провал попыток М. С. Горбачева реанимировать Ново-Огаревский Союзный Договор. Своим призывом собрать съезд народных депутатов СССР он сам себя загнал в ловушку, так как после событий на рубеже августа-сентября 1991 г. данный орган уже не имел силы.

Вслед за белорусской встречей глав славяноязычных независимых государств в Ашхабаде встретились руководители республик Средней Азии и Казахстана. Вопросов было мало, но ответ на них найти было нелегко. Как относиться к Беловежскому Соглашению и каким быть бывшему Союзу? Едва ли не самой первой реакцией Нурсултана Назарбаева была выраженная им в ашхабадском аэропорту уверенность в том, что никогда впредь Казахстан не будет ничьим «младшим братом» и ничьим сырьевым придатком⁹. Любой будущий обновленный Союз — порешили руководители среднеазиатских рес-

публик — возможен лишь на равных: с равными правами и с равными возможностями всех республик.

Осиновый кол в свежую могилу бывшего Союза забили руководители 11-ти суверенных государств (бывших союзных республик бывшего СССР), подписавшие 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате ряд документов, имеющих поистине историческое значение.

Третий переломный год завершился тем, что Советский Союз, созданный на основании Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик, принятого на I съезде Советов в Москве 30 декабря 1922 г. исчез с этнополитической карты мира. До 70-летнего юбилея Советскому Союзу как единому самостоятельному государству не хватило одного года и девяти дней¹⁰.

Публикацию итогов этого исследования мы начинаем с книги «Мобилизованный лингвизм», посвященной языковой форме политического сознания и политической деятельности, направленных на утверждение национальной государственности и установления контроля над государственным аппаратом. Зародившись в недрах тоталитарного строя и основываясь на праве наций на самоопределение, лингвизм из оборонительного очень быстро перерос в наступательный. Модернизация постсоветской колониальной периферии переродилась в такое подавление собственных национальных меньшинств, какое осуществлялось прежде кремлевскими наставниками в адрес титульных наций. Наша цель — вовлечь в научный оборот необычный материал: тексты законодательных актов, изменивших по сути традиционную языковую политику, тексты государственных программ, призванных реализовать заложенные в языковых законах новые принципы и идеи развития национальных языков, проанализировать терминологическую, содержательную, правовую, этнополитическую, социолингвистическую стороны дела, раскрыть сущность и конкретное проявление различий между курсом прежней и новейшей языковой политики, между манифестированными в законах целями истинными и мнимыми, вскрыть многообразие предпосылок и причин языковой реформы, сравнить новое «соотношение сил» языков на этнополитической карте после придания статуса государственного языка одним языкам и отнесения языков национальных меньшинств к разряду бесстатусных в правовом отношении, оценить перспективу развития процессов двуязычия, попытаться определить влияние языковой реформы на климат межнациональных отношений.

Некоторые из перечисленных задач в теоретическом плане отнюдь не являются новыми для отечественной этносоциологии и социальной лингвистики. Часть данных проблем рассматривалась в предыдущих

публикациях автора. В настоящем исследовании эти вопросы ставятся, однако, под новым углом зрения.

Для решения поставленных задач привлечены различные источники; тексты законов о языке (и языках), постановления Верховных Советов бывших союзных и автономных республик о порядке введения в действие языковых законов, дающие возможность судить о законодательном аспекте языковой реформы, тексты государственных программ, характеризующих задачи, мероприятия и деятельность структур исполнительной власти по внедрению в жизнь новых законов, а также документы и материалы, характеризующие деятельность «четвертой власти» — средств массовой информации. Относительно меньше внимания уделено отдельным нормам, регулирующим языки публикаций законодательных актов, языки функционирования в сферах правосудия и нотариального производства.

Наряду с законами о языке, составившими основную группу законодательных документов языковой реформы, большинство союзных республик приняли специальные постановления о порядке введения в действие и применении закона республики о языках. Проекты таких постановлений публиковались заранее, вместе с проектами законов, и подвергались экспертным оценкам и широкому обсуждению. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что указанные документы, имеющие отнюдь не меньшее этнополитическое значение, все же остались в тени. Их заслонили тексты самих законов. Между тем, именно этими постановлениями решались такие коренные вопросы, как сроки вступления законов о языках в действие, специальные задания органам государственного управления, учреждениям, ведомствам, институтам по введению государственного языка в действие или по переводу делопроизводства и иных сфер общественной жизни с русского языка на государственный язык, устанавливались сроки правительствам республик провести мероприятия по созданию материальной базы и других необходимых предпосылок для обучения населения государственному языку и употребления его в детских дошкольных учреждениях, в школах, в средних специальных и высших учебных заведениях, в учреждениях, предприятиях и организациях. И хотя на первом этапе, в конце подготовки языковой реформы, когда в ее реальность еще не очень и не все верили, эти документы не были на переднем плане общественного внимания, однако содержащийся в них взрывной материал — установленные сроки, поэтапность перехода управления и учреждений на государственный язык — немедленно дал о себе знать,

как только началось непосредственное внедрение законов о языке в языковую жизнь страны с недоразвитым правосознанием.

Третью, особую, группу источников составляют проекты и государственные программы, принятые в ряде республик, законодательно придавших статус государственного языка языку титульной нации. Таковы, в частности, «Программа обеспечения функционирования латышского языка в государственной, общественной, культурной и других сферах жизни (1989—1992)», принятая решением Президиума Совета Министров Латвии от 14 июня 1989 г.¹¹, Постановление Совета Министров Таджикской ССР «О мероприятиях по выполнению закона Таджикской ССР о языке»¹², «Государственная комплексная программа обеспечения функционирования языков на территории Молдавской ССР»¹³, «Государственная программа развития и расширения сферы функционирования туркменского языка, улучшения изучения русского и других языков»¹⁴, «Государственная программа развития казахского языка и других национальных языков в Казахской ССР на период до 2000 года»¹⁵, «Государственная программа развития белорусского языка и других национальных языков в Белорусской ССР»¹⁶, «Мероприятия по обеспечению функционирования государственного языка на территории Киргизской ССР»¹⁷.

По мере суверенизации бывших союзных республик и обретения ими независимости в Москве становилось дороже и труднее создавать информационную базу исследования. И дело не только в оперативности почтовой связи и во взлете ее дороговизны. Иные республики, обретая суверенитет, тут же устанавливали довольно жесткую политическую цензуру на входящую и исходящую информацию. Серьезно расширялась информация на государственном языке республики. Нередко она совсем не корреспондировала с местной русскоязычной и с центральной печатью. И перед исследователем, не знающим государственного языка республики, маячила угроза изучать не столько реальные процессы, имеющие место в той или иной республике, сколько различие в концепциях и политических пристрастиях редакционных коллегий тех или иных газет и журналов. Многие сведения, освещающие ход языковой реформы, безнадежно терялись в текущей периодике, в бурном водовороте политических изменений.

Мимо внимания читателя не должен ускользнуть и тот факт, что из различных официальных публикаций текстов (и проектов) законов о языке (и языках)¹⁸ мы отдали предпочтение самым первым, появившимся в периодике. Первые — не значит самые правильные, но именно они, не лишённые редакторских шероховатостей, призваны донести

аромат времени и откровенное проявление зарождающегося и набирающего силы лингвицизма. Три вывода вытекают из краткого обзора историографической и информационно-источниковедческой стороны языковой реформы. Во-первых, поражает непростительное отсутствие связи между теорией языковой реформы и реальной практикой ее осуществления. Реформа-89, как будет показано ниже, начиналась республиканскими структурами власти сверху без каких-либо теоретических и концептуальных обоснований снизу. Она вводилась от имени науки, хотя часто наука была на периферии ее подлинных интересов. Во-вторых, удивляет ничем не оправданное предание забвению накопленного в 20-х — начале 30-х годов опыта языковых реформ, осуществленных под общим флагом национально-государственного и языкового строительства.

В-третьих, в скороспелых газетно-журнальных публикациях, оперативно подготавливаемых журналистами или политологами, особенно из числа тех, кто до августа 1991 г. преподавал научный коммунизм, желание понравиться публике или прославиться преобладает над необходимостью думать и работать.

В генезисе и апробации новейших «языковых» документов, в порядке принятия их Верховными Советами и в ходе утверждения их в общественном сознании, открывается картина взаимодействия носителей различных языков, механизмы работы периферии и центра, раскрывается баланс сил между этнодемографическим большинством и меньшинством, а в конечном счете выступает эволюция этноязыковой жизни на фоне динамического изменения этнополитических ситуаций. Следовательно, актуальность изучения языковой реформы, как части общедемократических преобразований в пределах бывшего Союза, не вызывает сомнений.

Трудность такого изучения состоит в том, что сам объект изучения — взаимодействие людей через текстуированные продукты этого взаимодействия — входит в предметную область ряда наук, а потому лежит как бы на перекрестке разных дорог.

Книга, задуманная как часть в серии документов и материалов, характеризующих национальные движения накануне и после развала СССР, писалась долго и трудно. Первая из причин — последовательная нарастающая эскалация этнополитической напряженности, сменяющие друг друга или параллельно протекающие межнациональные конфликты, доведенное до крайности снижение уровня межэтнической толерантности, крах идеологии «дружбы народов».

Вторая причина — авторский отказ от оценочных суждений не только в связи с динамично меняющейся этнополитической ситуацией, но

и пониманием новых «правил игры» в условиях плюрализма, когда одно и то же суждение одним покажется чрезвычайно демократичным, другим, напротив, — консервативным, третьим — либеральным. Одни будут ждать от автора солидарности, другие — конфронтации, для одних анализ документов покажется «предостережением», для других — «провоцированием» и т. д. Все эти трудности, как понимает читатель, вызваны в конечном счете одним — переломным характером маргинального времени, что и вынесено в название книги.

Третья причина кроется в необычности самого феномена — мобилизованного лингвицизма, также вынесенного в название первого тома, отражающего языковой аспект растущего национального самосознания и ставшего движущей силой национально-освободительного движения на первом этапе его возникновения и развития, катализатором развала СССР.

И, наконец, четвертая причина состоит в отсутствии «высокого языка профессии», т. е. элементарного понятийного аппарата, способного вполне адекватно отразить явление, названное мобилизованным лингвицизмом. При этом «понятийная катастрофа», блокирующая возможность хоть как-то отразить прошлое в соотношении с настоящим и будущим, характерна не только для политизированного лингвицизма, но и для ряда других ситуаций. В широком смысле (а не только в «языковом»), мы, похоже, не понимаем, что происходило в СССР и что происходит в нынешнем постсоветском пространстве. Это является следствием как социального иждивенчества, превратившего значительную часть интеллигенции в прислужницу гос- или партаппарата, так и утраты ориентиров для сколько-нибудь осмысленной деятельности. Понятно: чтобы деятельность была осмысленной, нужны понятия, без которых не может быть ни понимания вещей, ни отражения явлений.

Сбор информации об осуществлении языковых политик и об изменениях в этноязыковых ситуациях в новых независимых государствах изо дня в день становится труднее. Ближнее зарубежье изучать стало труднее, чем дальше. Плохо или совсем не работает почта, появляются и исчезают новые газеты и журналы, в центральные библиотеки не поступают обязательные экземпляры публикаций, в аналитических институтах нет средств на оплату полевых исследований, многообразие оценок и освещение одних и тех же событий разными язычными газетами и журналами разных ориентаций затягивает аналитическую работу.

Отсюда некоторая неровность изложения хода и последствий языковой реформы-89 в постсоветском времени и пространстве.

От книги не надо ждать детальных комментариев текстов языковых законов. Во-первых, подобная работа проделана коллективом авторов под

руководством А. С. Пиголкина на примере закона о языках народов Российской Федерации. Во-вторых, правовые и нормативные аспекты языковых законов затрагиваются в ней лишь в той мере, в какой они позволяют раскрыть динамику этнополитической ситуации в бывших союзных республиках, а также вскрыть истинные цели и замыслы организаторов и творцов языковой реформы.

Я признателен моим коллегам В. Ф. Грызлову, В. И. Козлову, С. В. Соколовскому, С. М. Червонной, М. Ю. Чумалову, прочитавшим книгу «Мобилизованный лингвицизм» в рукописи и сделавшим ценные замечания, часть из которых мне удалось учесть при подготовке ее к публикации.

Раздел 1

ЯЗЫКОВАЯ РЕФОРМА

1.1. СООТНОШЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТОРОН ЯЗЫКА В ДОКУМЕНТАХ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

Выше уже отмечалась некомпетентность Центра, не сумевшего в конце 1989 г. увидеть далеко идущие последствия принятия в бывших союзных республиках законов о государственных языках. Впрочем, не исключено, что и сами реформаторы не подозревали, как далеко пойдут они в своем реформировании.

Совершенно очевидно, что немалую роль в этой близорукости сыграла хилая теоретическая мысль, не предсказавшая возможность резкой политизации языка и того, что реформы в сфере языковой политики станут предтечей реформ национальной политики, составной частью грядущей суверенизации республик и обретения ими независимости.

В историографии этноязыковых процессов накоплен немалый опыт по изучению разноплановых, неоднородных по характеру этноязыковых ситуаций. Особенно преуспели в этом зарубежные социолингвисты по профессии и региональщики по специализации. Немало сделано и отечественной социолингвистикой, обращенной вовне, т. е. имеющей полем своих исследований языковые ситуации зарубежных стран. Больше всего трудностей возникало перед той частью отечественных социолингвистов, которые без опоры на конкретные этносоциологические данные пытались путем нанизывания многочисленных дефиниций на остроумные схемы, объяснить суть реально происходящих процессов взаимодействия языков, включая возникновение и функционирование различных типов двуязычия и многоязычия.

Между тем общий недостаток каждой из ветвей социолингвистики, и внешней и внутренней, состоял в том, что за языковой предметной областью не просматривалось истинное неязыковое здание, возведенное правящей верхушкой на фундаменте политических целей, прикрытое лозунгами дружбы и братства народов — носителей многочисленных языков.

Сегодня становится все более очевидно, что даже самые сметливые зарубежные ученые, не отягощенные, как в Советском Союзе, идеологическим прессингом и путами патриотических установок, в конечном счете не разглядели и не вскрыли внеязыковые корни большинства языковых проблем в программах языковых реформ и в документах национальных и языковых движений. При этом едва ли не главное упущение травмированной социолингвистической историографии состоит в игнорировании, а порой и недооценке ведущей роли языков в формировании и функционировании этничности.

Между тем именно язык, как ядро этничности, стал пороховой бочкой новейших национальных движений, круто изменивших этнополитическую и геополитическую ситуацию.

В самом деле, можно назвать десятки вполне серьезных работ, в которых авторы предлагали вязкие схемы языковых процессов, раскрывали комплексы и неполноценность национальных отрядов интеллигенции, отказавшихся от защиты языков своей национальности, выступили против угрозы основам самобытности своей нации. Но дальше лозунгов дело не продвигалось. Времена шли, этносы-нации развивались.

Вопреки жалобам у многих титульных наций росли тиражи книг, газет и журналов, издаваемых на национальных языках, в том числе в пересчете на душу населения.

Там же, где тиражи сокращались, уровень национально-язычной книжной продукции падал, козлом отпущения, явно или тайно, объявлялся Союзный Центр и его шовинистическая политика. И мало кто указывал на возникший со времен 20-х годов труднопреодолимый психологический барьер в виде укоренившейся иждивенческой надежды национальной интеллигенции на Центр, его богатства, на его всемогущество. Многим партийным лидерам из управляющего аппарата бывших Союзных республик стало казаться, что надо лишь дождаться белого парохода, который приплывет к национальному берегу и возродит национальную культуру. И многим было невдомек, что поколения национальной интеллигенции, возвращенные на основе резолюции X съезда ВКП(б), открывшей полосу невиданных аффирмативных действий Центра и сыгравшей крайне противоречивую роль, меньше всего верили в свои силы, заменяя эту веру надеждами на решения Центра и на декларацию бесконечной помощи. Чудовищная сдвинутость ценностей стала едва ли не главной причиной того, что за деревьями не видели леса, за языком не видели истинной национальной политики. Реформы, вслепую начатые осторожной перестройкой, принесли избавление от дремучего иждивенчества и вывели часть национальной ин-

теллигенции из десятилетиями насаждаемого ожидания милости Центра. Произошел важный сдвиг от пассивного ожидания к активным действиям.

Сейчас, по истечении четырех лет, многое в романтическом языковом движении 1989 г. становится более ясным, чем тогда. Открываются истинные внеязыковые цели языковых законов, и исчезает, как пыль на ветру, закамуфлированный страх перед всемогуществом Кремля.

В соответствии с двумя важнейшими аспектами языка — его структурной и функциональной стороной, — языковая реформа может охватывать каждую из них и означать комплекс мер по сознательному управлению учреждениями и общественными организациями с целью воздействовать на ход этноязыковых процессов и на изменение языковой ситуации в необходимом направлении¹.

Реформирование функциональной стороны языка имеет своей целью поощрение или блокирование употребления и развития языка за счет расширения или сужения сфер его функционирования, как путем создания благоприятных условий для увеличения числа сфер его употребления, так и путем повышения общественной престижности языка и создания соответствующего климата для его реализации. Понятно, что многонациональный состав республик создавал многообразие типов этноязыковой среды, что, безусловно, затрагивало интересы многих граждан, особенно когда началась подготовка к смене приоритетов языков. Частично это нашло отражение даже в названиях языковых законов. В одной группе республик, как например, в Латвии, Молдавии, Казахстане и в Белоруссии, в названиях законов отражено, что речь идет не об одном, а о многих «языках», в законах же Таджикистана, Киргизии и Туркмении — об одном «языке», в Литве — о государственном языке. Однако, независимо от того, в каком числе — единственном или множественном — оказалось вынесенным слово «язык» в название того или иного закона, они (законы) затрагивают интересы всех без исключения национальностей, проживающих в данной республике.

Немаловажное значение принадлежит и географическому фактору в сочетании с фактором этнополитическим. Речь идет об оглушительном пространстве бывшего Советского Союза, очерченного границами 14 бывших союзных республик, пределами бывших автономных республик РСФСР, иными словами, — всеми национально-государственными и национально-территориальными образованиями. Вряд ли можно было надеяться на то, что хоть кто-нибудь из элиты, представляющей носителей более чем 150—160 языков, сознательно отказался бы от создания благоприятных условий для функционального развития своего языка.

Анализ сущности, содержания и основных характеристик языковой реформы-89 затрудняется тем, что наряду с непосредственно языковыми проблемами, имеющими к тому же двусторонний (функциональный и структурный) характер, в ней имплицитно содержалось многое из внеязыковых явлений. Иными словами, в ткань языковой реформы было вплетено немало из того, из чего складывалась этнополитическая ситуация. Динамичное соотношение между надвигающимся плюрализмом общественных движений и многообразием этнической панорамы, не могло не отразиться на общем рисунке языковой реформы.

Многообразие форм, открытых и скрытых целей, задач и итогов реформы выдвигает перед исследователем ряд новых методологических вопросов и, в первую очередь, необходимость классификации, типологизации процессов реформирования и интерпретации его главных и побочных результатов. В самом деле, как например, подходить к законам и иным законодательным актам? По хронологии или по тому, как республики были расположены в Конституции СССР 1977 г., по численности носителей, языкам которых посвящен тот или иной закон, по удельному весу национального большинства, по соотношению доли большинства и меньшинства или, наконец, по тому, на какие новые группы делит закон население республики? Это далеко не праздный вопрос, если напомнить одну из ключевых аксиом мировой социолингвистики. Она заключается в том, что если в многонациональной или многоязычной среде происходит переключение с одного кода общения на другой, или, проще говоря, имеет место последовательное или попеременное использование различных языков в той или иной сфере или в речевом поведении тех или иных групп населения, то в самом предпочтении к одному из языков или в навязывании одного из них кроется социальное значение. Одна из гипотез в данной работе состоит в том, что в предпочтительном выборе одного языка и последующего придания ему статуса государственного языка кроется глубокое этнополитическое значение. Наиболее радикальным может показаться положение о том, что язык каждого человека неповторим и весьма отличается от языка других людей той же национальности. Однако этот минимизированный, сверхузкий подход мало в чем продвигает нас в понимании этноязыкового плюрализма. Более плодотворной кажется мысль о том, что языки (как коды общений) похожи друг на друга по объемам функциональных нагрузок, т. е. по социальным функциям, исполняемым ими, и не похожи по статусам, приобретаемым в связи с приданием статуса государственного языка одному языку и установлением бесстатусного положения других.

В Указе Президиума Верховного Совета Литовской ССР «Об употреблении государственного языка» все население Литвы делится всего на две этноязыковые категории: на литовцев как носителей государственного языка и нелитовцев, обозначенных в Указе иноязычным населением².

Возьмем для примера 19 статью закона Эстонской ССР о языке, открывающую раздел о применении языков в сфере образования, науки и культуры, и немедленно убедимся в наличии неодинакового подхода в нем (в законе) к языковым потребностям различных групп населения республики: к эстонцам, русским и группам всего остального населения. Эстонцам «Эстонская ССР обеспечивает получение образования на эстонском языке на всей своей территории»³; русским — «получение общего образования на русском языке обеспечивается в соответствии с расселением русскоязычного населения»⁴; для всех остальных «Эстонская ССР признает равное право всех граждан на получение государственного общего образования на родном языке»⁵. Одним словом, эстонцам в Эстонии государство обеспечивает получение образования без каких-либо условий (безусловно), русскому населению — с учетом характера расселения русского и иного населения, желающего получать общее образование на русском языке (т. е. условно), и, наконец, всему остальному (неэстонскому и нерусскому) населению — украинцам, евреям, латышам, белорусам, армянам и т. д. — не дается никаких государственных гарантий, за исключением «признания равного права на образование».

Признание права на образование без фактического обеспечения этого права натурализованной государственной поддержкой — это если не фикция, то по крайней мере всего лишь заурядная красивая декларация, дымовая завеса «некрасивого» отношения к языкам меньшинства. Не случайно в Латвии, где удельный вес нелатышского населения выше, чем нелитовского в Литве, и в отличие от Литвы, законом о языках безоговорочно «гарантируется право получать общее среднее образование на латышском или русском языке»⁶ и одновременно проявляется дифференцированный подход к разнонациональным контингентам. Указывается, во-первых, что «право на образование на родном языке имеют и граждане других национальностей, проживающих в республике»⁷, во-вторых, «государство создает условия для реализации этого права»⁸. Во всех бывших советских конституциях, в том числе и в Конституции СССР 1977 г., не было недостатка в подобных декларациях. Но, увы, реальность оказалась далекой от этих деклараций. Об этом несоответствии принято было умалчивать в отечествен-

ной литературе. Но об этом очень часто по справедливости упоминалось в работах западных специалистов.

Приведем еще один пример дифференцированного подхода к языковым потребностям носителей государственного и негосударственных языков.

Согласно статье 24 «Эстонская ССР обеспечивает приоритет эстонской язычной культуры (выделено мной. — М. Г.), одновременно поддерживая культурную деятельность других национальных групп». Тут снова разные оттенки отношения к эстонской и неэстонской культуре не требуют дополнительных разъяснений.

Многонациональный характер населения Латвии учтен законодателями этой республики. В ее законе, в частности, проявлен неоднозначный подход к различным группам населения и учтены, наряду с интересами и сферами применения государственного языка, интересы русского языка, возможность употребления говоров латышского, применения письменной формы латгальского, сохранения и функционирования ливского языка и, наконец, сказано о языках всех остальных национальных групп.

В ряду языковых законов с дифференцированным учетом интересов различных групп населения достойное место занимает и молдавский языковой закон. Материалы переписи населения дают возможность обнаружить различные специфические особенности Молдовы, часть из которых учтена в ходе разработки законов о языках. Во-первых, в республике, особенно в городах, относительно высокой является доля лиц немолдавской национальности, что явно не ускользнуло из поля зрения молдавских законодателей. Обращено внимание и на многонациональный состав ряда трудовых коллективов. Не случайно, например, статья 12 закона предписывает: «делопроизводство на предприятиях, в учреждениях и организациях, перечень которых определяется Советом Министров Молдавской ССР, по предложениям районных и городских Советов народных депутатов может вестись «на русском или ином приемлемом языке с учетом демографической ситуации»⁹.

Во-вторых, Кишинев, как столица Молдовы, занимает далеко не первое место среди столиц союзных республик по доле титульного (молдавского) населения.

В-третьих, в Молдове, наряду с молдаванами, испокон веков, как на своей исконной территории, живут гагаузы, для которых Буджакские степи, т. е. юг Молдовы, является единственной в мире этнической территорией. Эта земля, временно и на относительно короткий

исторический срок покинутая кочевыми предками гагаузов, никогда юридически не принадлежала каким-либо другим народам. Именно поэтому одной из главных предпосылок бытия гагаузов, основой воспроизводства их этничности является их национальный язык и освоенная ими их национальная территория. Именно поэтому в молдавском законе о языке, хотя и в не вполне достаточной мере, но все же относительно полнее, чем в законах многих других республик, учтены языковые запросы гагаузского населения, предусмотрены некоторые полумеры по сохранению и развитию общественных функций этого языка в важнейших сферах общественной жизни. Пожалуй, ни в одном другом языковом законе бывших союзных республик не проявлен подобный учет интересов представителей нетитульного населения. В-четвертых, среди национальностей, создавших союзные республики, сами молдаване Молдовы, как титульная нация, занимали третье (после украинцев и белорусов) место по доле лиц, утративших молдавский язык в качестве родного языка и перешедших на русский язык. В-пятых, нельзя было упускать из поля зрения различия в этноязыковой ситуации среди левобережных и правобережных молдаван.

Если среди первых шире распространены молдавско-русское (частично молдавско-украинское) двуязычие, глубже ориентиры на славянский восток, среди вторых чаще имеют место установки на запад, на генетическую близость с романоязычным миром, ориентация на генетическое родство с румынским языком и румынской культурой.

В законе Таджикистана о языке, во-первых, таджикский язык объявлен государственным языком, во-вторых, гарантировано свободное функционирование русского языка на территории республики в качестве языка межнационального общения, в-третьих, создаются «условия для свободного развития и использования горно-бадахшанских (памирских) языков и сохранения ягнобского языка», в-четвертых, определяются правовой статус и сферы применения «таджикского, русского, узбекского, киргизского, туркменского и других языков»¹⁰.

По закону Казахской ССР «О языках в Казахской ССР» республика «осуществляет государственную защиту казахского языка и проявляет заботу о его активном употреблении в государственных органах и общественных учреждениях»¹¹. О русском языке говорится, что его знание отвечает коренным интересам представителей всех национальностей¹². Что касается языков национальных групп, то республика не только не препятствует их употреблению, но и в местах компактного проживания соответствующих этнических групп предусматривает придание их языкам статуса местного официального языка и

употребления наряду с государственным языком и языком межнационального общения¹³.

Наряду с «защитой и развитием киргизского языка», гарантией его всестороннего развития, наряду с признанием (констатацией) русского языка как языка межнационального общения народов СССР, законом Киргизской ССР «О государственном языке Киргизской ССР», во-первых, не допускается ущемление прав граждан других национальностей, во-вторых, гарантируется свободное пользование родным языком, в-третьих, «обеспечивается свободное развитие языков других национальностей, проживающих в республике»¹⁴. В законе не упоминаются специальные языковые интересы русской национальной группы, но зато упомянуты интересы (в статьях 16 и 25) интересы узбеков, таджиков, немцев, дунган, уйгуров и «других».

В законе о языках, принятом в Узбекской республике дифференцированно расставлены акценты на отношении республики к функционирующим на ее территории языкам. Придание узбекскому языку статуса государственного «не ущемляет конституционных прав наций и народностей, проживающих на территории республики в употреблении родного языка»¹⁵. Однако, в отличие от узбекского языка, которому обеспечивается «всемерное развитие и функционирование», «развитие, использование и защита», «необходимость владения» им в достаточной мере для исполнения служебных обязанностей и укрепление в разнообразных сферах жизни, русскому языку как «языку межнационального общения народов СССР» обеспечивается развитие и свободное пользование, и, наконец, языкам всех азиатских наций и народностей обеспечивается уважительное отношение и создание условий для их развития. В ряде статей закон упоминает специфические интересы каракалпакского, таджикского, казахского, киргизского, туркменского, а также языков «других» национальностей, компактно проживающих в республике.

В своеобразной иерархии языков, воздвигнутой законом Украинской ССР «О языках в Украинской ССР», языкам «других национальностей в Украинской ССР» — отведено второе место после государственного языка. Тем самым они поставлены перед языками межнационального общения, в числе которых обозначен и русский язык. В отличие от них, государственному, то есть украинскому языку, обеспечивается «всестороннее развитие во всех сферах общественной жизни», воспитывается у граждан «понимание социального назначения украинского языка как государственного в Украинской ССР», создаются условия для его приобретения желающими, применения и употребления во всех сферах общественной жизни.

Итак, практика отечественного и мирового законодательства показывает, что в ходе языковых реформ, разработки и воплощения в жизнь тех или иных законодательных актов, последние могут охватывать три фундаментальные стороны языка и языкового развития: **функциональную**, связанную с применением языка и с осуществлением им своих социальных функций, **структурную**, дающую представление о возможности и пределах разумного, запланированного вмешательства человека в структуру языка, в том числе в изменение его словарного фонда, фонетики, грамматики, и **политическую**, раскрывающую роль языка в управлении государством.

Иногда языковую реформу понимают в более узком смысле, как реформу письменности или реформу алфавита. Такой позиции чаще всего придерживаются специалисты широкого профиля, в круг интересов которых входит национальная проблематика в целом.

Нет ясности среди специалистов и в том, из чего, из каких составных частей, состоит реформирование языков, какие последовательные этапы она (реформа) проходит.

Так, например, в такой существенной части языковой реформы, каковой является планирование языка, югославский социолингвист Милорад Радованович выделяет 10 этапов, в том числе: 1) селекцию (выбор); 2) дескрипцию (описание); 3) кодификацию (нормирование); 4) элаборацию (разработку); 5) акцептуацию (принятие); 6) имплементацию (применение); 7) экспансию (распространение); 8) культивацию (развитие); 9) эвалуацию (оценку); 10) реконструкцию (исправление) нормы¹⁶. Предложенная схема, хотя и охватывает все этапы стандартизации и нормирования языка и раскрывает суть планирования языка, не вполне подходит для охвата языковой реформы-89, так как последняя во многом отличается от ряда классических языковых реформ, направленных исключительно на собственно языковые проблемы. Реформа-89, как будет показано ниже, преследовала внеязыковые цели в большей мере, чем собственно языковые. Поэтому вопросам функциональной стороны языка в ней было уделено значительно больше внимания, чем структурам языков.

В самом деле, законы о языках и связанные с ними документы, принятые в ходе языковой реформы-89, охватывают преимущественно функциональный аспект, связанный с употреблением и знанием государственного языка или языков с иным статусом в официальной сфере, и прежде всего в таких важнейших сферах общественной жизни, как государственное управление, делопроизводство, общественные организации, экономика, производство, наука, культура, здравоохранение, об-

служивание, информация, вербально выраженная знаковая символика. И поскольку именно этому аспекту посвящена данная работа, имеет смысл предварительно указать на отдельные элементы структурного плана, попавшие все же в поле зрения общественности и включенные создателями законов в ткань самих законов.

Едва ли не самое пристальное внимание было приковано (в ходе языковой реформы) к Молдове, где вопросы функционального и структурного развития молдавского языка очень тесно переплетались с общим потоком и общим направлением молдавского национального движения, движения республики за суверенитет. По крайней мере два из трех китов тихой молдавской языковой революции (борьба за придание молдавскому языку статуса государственного, переход с кириллицы на латиницу и признание идентичности его с румынским языком) имели прямое отношение к структурной стороне языкового развития.

Подход реформаторов был однозначным. В «Законе Молдавской ССР О статусе государственного языка Молдавской ССР» за молдавским литературным языком закреплена латинская графика. В «Законе Молдавской ССР О функционировании языков на территории Молдавской ССР» подчеркнута «молдавско-румынская языковая идентичность»¹⁷.

Прибалтийские республики акцентировали внимание на структурной стороне языкового применения в сферах топонимики и антропонимики. «Каждая местность в Эстонской ССР, — согласно ее закону, — имеет единственное официальное название. Оно фиксируется буквами эстонио-латинского алфавита и может быть переведено в системы других алфавитов в соответствии с утвержденными в Эстонской ССР правилами» (статья 17)¹⁸.

Тот же закон предписывает: «Тексты публично выставляемых вывесок, объявлений, извещений и рекламы должны быть на эстонском языке. На втором месте могут следовать перевод или транскрипция, шрифт которых не должен быть крупнее шрифта эстонского текста» (статья 33)¹⁹.

В ходе подготовки языковой реформы в республиках Средней Азии значительное внимание уделялось структурным проблемам развития тюркских и иранских языков, обладающих богатым, многовековым опытом, широко развернутым литературным и культурным наследием, основанным на арабской графике. В печати неоднократно раздавались голоса, особенно из рядов радикально настроенной интеллигенции, с призывами вернуть этим языкам арабскую письменность. В смягченной форме следы этих дискуссий все же нашли отражение в нескольких языковых законах.

«Таджикская ССР, — например, — создает необходимые условия для изучения таджикской письменности, основанной на арабской графике, и издания литературы на этой графике» (статья 27)²⁰.

В Узбекистане «В школах с узбекским языком обучения и в группах средних специальных и высших учебных заведений с узбекским языком обучения обеспечивается изучение узбекской письменности на основе арабской графики как учебного предмета. В Узбекской ССР создаются условия для желающих изучать эту графику. В республике осуществляется подготовка научно-педагогических кадров, издание учебников и методических пособий, литературно-исторических памятников, книг и журналов на этой графике» (статья 16)²¹.

Казахская ССР «содействует изучению традиционной казахской письменности на основе арабской графики в научных целях, для чего осуществляется подготовка соответствующих научно-исследовательских кадров и создается для этого необходимая материально-техническая база» (статья 25)²².

В Киргизской ССР, согласно ее языковому закону, «создаются условия для изучения киргизского языка, основанного на арабской и латинской графике в общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях гуманитарного профиля с киргизским языком обучения» (статья 22)²³.

Восстановление арабской и латинской графики, хотя бы в неофициальной форме имеет не только этнополитическое, но и важное историческое и этнопсихологическое значение, т. к. является ответом на призыв к борьбе против манкуртизации²⁴.

Несколько в иной плоскости — в социокультурной — решаются вопросы регулирования литературных языков.

Некоторые республики сочли необходимым конституционное закрепление норм литературного языка и также разработали соответствующие механизмы контроля, возложив эту функцию на республиканские Академии наук. Так, например, в соответствии с Законом Узбекской ССР «О государственном языке Узбекской ССР», в сферах «официального функционирования государственного языка соблюдаются действующие научные правила и нормы узбекского литературного языка» (статья 29)²⁵.

В Казахстане, в сферах «функционирования государственного языка, на которые распространяется действие настоящего закона, соблюдаются нормы современного казахского литературного языка» (статья 31)²⁶.

В Киргизской ССР в сферах «официального применения государственного языка соблюдаются действующие нормы киргизского литературного языка.

Нормы киргизского литературного языка разрабатываются и уточняются Академией наук Киргизской ССР и вводятся в действие после утверждения Верховным Советом Киргизской ССР (статья 35)²⁷. Анализ языковых законов и государственных программ по их реализации свидетельствует о том, что структурная сторона языка находилась не на переднем плане интересов инициаторов реформы и несла преимущественно вспомогательную нагрузку.

Анализируя первые меры по реализации закона о языке в Туркмении специальный корреспондент «Союза» отмечал наряду с взвешенностью и уважительным отношением ко всем представителям нетуркменской национальности большие трудности, связанные с нехваткой переводчиков, квалифицированных машинисток, с переводом делопроизводства на туркменский шрифт. Проблему же перевода туркменской письменности на арабскую графику он назвал бикфордовым шнуром²⁸.

Обращение к структурной стороне языка, как правило, имело место тогда, когда необходимо было оттенить роль исторической памяти в восстановительных процессах в сфере культуры индигенной национальности, а также в процессах укрепления национального самосознания. Символическое значение реформ или призывов к реформам структурной стороны языка, превалировало над фактическим, политическое над социолингвистическим. Исключение, вероятно, составляла лишь Молдова, республика, в которой структурный аспект языка — переход на латиницу — с самого начала был задуман как важный шаг на пути воссоединения молдаван с генетически родственными румынами. Но даже и здесь, в ходе реализации языковой реформы, структурный аспект языка в конечном итоге оказался отодвинутым на периферийный план.

Структурной стороне языка всегда воздавалось должное при оценке социолингвистического наследия 20-х годов, в том числе в деле национально-государственного и языкового строительства. Трудно назвать работы советских социолингвистов, посвященные языковой политике, особенно ее ретроспективным аспектам, в которых бы не нашлось места упоминаниям о том, что именно тогда была создана письменность для 50 ранее бесписьменных языков, было организовано обучение на национальном языке, или введено изучение языка своей национальности, стала выпускаться литература, появилась периодика, национальный язык внедрялся в делопроизводство, становился языком некоторых средств массовой коммуникации. Между прочим, как уже указывалось, так все оно и было.

Выделение структурной и функциональной стороны языка и языкового развития облегчает понимание того, что каждая из них в неодинаковой

форме поддается вмешательству, да и между ними отношения скорее односторонние, чем двухсторонние. Функциональная сторона, безусловно, оказывает решающее воздействие на складывание структурных особенностей языка, в то время как количество падежей, формы склонения существительных или спряжение глаголов отнюдь не определяют употребление языка в делопроизводстве или в атомной энергетике.

За редким исключением в отечественной лингвистике не ставился вопрос о том, кто, когда, зачем, в каких условиях и в каких пределах должен проявлять заботу о языке. Между тем этот вопрос далеко не праздный, так как различные сущностные грани языка отражаются с помощью различных терминов и понятий. Проиллюстрируем это на трех понятиях, на обсуждение которых натолкнуло выступление В. К. Журавлева, опубликованное в материалах совместного советско-югославского коллоквиума «Функционирование языков в многонациональных странах»²⁹.

Понятия «родной язык» и «государственный язык» не совпадают ни с понятием «язык данного народа» или названного этноса, ни между собой.

Каждое из приведенных понятий имеет своего адресата, заботой которого и является существование и развитие языка.

Родной язык представляет личностный аспект. Называя тот или иной язык своим родным языком человек манифестирует прежде всего свое национальное (этническое) самосознание. Как этнопсихологическая категория³⁰, родной язык входит в компетенцию только того конкретного лица, которое определяет его своим родным. Никто не в праве указать другому, какой язык ему следует назвать своим родным. Выбор языка — исключительная компетенция и право индивида. Каждый человек сам заботится об уровне своей языковой компетенции, сам решает — какой язык (родной или неродной) употреблять в той или иной ситуации, сам определяет свое отношение к одному или к нескольким языкам³¹.

Допуская определение родного языка исключительно на личностном уровне, видимо, трудно согласиться с правомерностью экстраполяции понятия «родной язык» на уровень группы. Между тем подобные попытки иногда имеют место. «Закон Казахской ССР О языках, — говорилось в одном из докладов, — прежде всего защищает и утверждает в правах родной язык казахского народа»³².

Здесь, как видно, произошло смешение двух понятий: «родного» и «национального» языка. И если «трудно ответить на вопрос, какой язык «родной» — тот, который считает родным языком сам опрашиваемый,

или тот, которым опрашиваемый лучше владеет или чаще употребляет»³³, то еще труднее назвать, какой язык является родным языком целого народа.

Национальный язык, как этнокультурная категория, в отличие от родного языка, имеет как личностное, так и групповое выражение. В качестве литературного языка национальный язык обслуживает духовно-материальный потенциал данной нации. На нем публикуются, хранятся и передаются из поколения в поколение тексты художественной, научной, учебной, пропагандистской и иной литературы. Важную роль в сохранении, функционировании и развитии такого литературного языка играет национальная интеллигенция. Забота о национальном языке входит в компетенцию самой нации, и прежде всего в компетенцию той части интеллигенции, которая работает с языком, над языком, во имя языка и своей нации.

И, наконец, государственный язык, как этнополитическая категория, в отличие от родного языка, являющегося предметом заботы только одного человека, и в отличие от национального языка, составляющего объект заботы только одной нации, является предметом заботы данного государства. Выбор государственного языка не может быть сведен к индивидуальному выбору одного человека или к групповому выбору только одной нации. Государственный язык входит в компетенцию государства и составляет предмет заботы специальных государственных учреждений. Именно перед государством стоит задача по обеспечению всех граждан в должной мере надежными коммуникационными средствами. Государство заинтересовано, чтобы все граждане могли понимать друг друга, общаться в устной или письменной форме, издавать, распространять и покупать книги, газеты и журналы, обеспечивать стабильность государственной системы и стабильность межличностных и межгрупповых деловых отношений.

Подмена одного понятия другим или выведение одной дефиниции с помощью другой в данном случае ведет к курьезам. Если, например, определять этнополитический термин «государственный язык» через этнопсихологическую категорию «родной язык», то может оказаться, что государственный язык — это родной язык, наиболее распространенный в разных сферах организованного общения. Нелепость такого подхода очевидна, поскольку родной язык, во-первых, «употребляется» только в одной единственной сфере — в национальном самосознании, во-вторых, — в голове только одного индивида. Никто другой, со стороны, не может определить мой родной язык или родной язык любого другого человека.

Произведенное терминологическое разделение позволяет раскрыть те конфликтные ситуации, прежде всего в многонациональных обществах, когда статус государственного языка придается одному национальному языку. Немедленно затрагиваются интересы других национальных языков. И вопрос из терминологической смещается в дипломатическую, межнациональную, межэтническую сферу.

И поскольку выбор государственного языка входит в компетенцию граждан государства, постольку «назначение» языка государственным не от имени граждан, а от имени лиц одной национальности, подрывает аргументацию самого выбора, подтачивает устои самой государственности.

1.2. ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ ИЛИ ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

11 июля 1989 г. кузбасские шахтеры вышли на прокаленный жарким солнцем асфальт городских площадей. Усмирять бунт сибирских горняков тут же ринулись высокопоставленные эмиссары Союзного Центра. И хотя к тому времени номенклатурные чиновники головных министерств уже осыпались как переспелые плоды с перестоявших яблонь, Центр внешне выглядел пока respectable, еще прочным и мог засылать своих полномочных комиссаров на переговоры с забастовщиками.

От обилия сенсационного материала в те горячие летние дни потерял покой отечественный и закордонный корреспондентский корпус. В Кемерово немедленно решили двинуться советские социологи и английские культурные антропологи. Грандиозные события зарождающегося в индустриальном сердце Сибири рабочего движения накалили до предела атмосферу тех дней. Так оно и осталось у всех на памяти: «Жаркое лето 89-го года»¹.

Однако, если для горняков выдалось особенно жарким только лето, то для реформаторов национально-языковой политики чрезвычайно горячим стал весь этот год, даже несмотря на то, что непосредственно в летние месяцы были приняты только 3 из 9 языковых законов. В тоже время страсти по не принятым еще законам кипели не меньше.

Первыми статус государственных обрели, как известно, азербайджанский, армянский и грузинский языки. Это случилось еще во времена застоя и было связано с принятием Конституций союзных республик в 1978 г. Эта история знаменательна, но она получила более широкую известность на Западе, нежели у нас. И поскольку советская историография молчала, имеет смысл коротко напомнить основную канву

событий, особенно в Грузии, где обретение статуса государственного языка проходило наиболее ярко и драматично.

Еще в 70-е годы в Грузии стали нарастать тенденции сопротивления идущим из союзного Центра импульсам по дальнейшему расширению в республике общественных функций русского языка. Протест патриотически настроенной грузинской гуманитарной интеллигенции был направлен против увеличения часов по изучению русского языка в школьных программах за счет одновременного сокращения количества часов на преподавание грузинского языка и грузинской литературы. Весной 1978 г. официальные власти предприняли попытку отменить прежнюю статью Грузинской Конституции, согласно которой грузинский язык являлся государственным языком Грузии. В опубликованном в конце марта проекте новая редакция статьи 75 выглядела следующим образом: «Грузинская ССР обеспечивает употребление в государственных и общественных органах, культурных и других учреждениях грузинского языка и осуществляет всемерную заботу о его развитии. В Грузинской ССР на основе равноправия обеспечивается свободное употребление во всех органах и учреждениях русского, а также других языков, которыми пользуется население. Какие-либо привилегии или ограничения в употреблении тех или иных языков не допускаются»². 14 апреля 1978 г. Сессия Верховного Совета Грузинской ССР должна была принять новую Конституцию, из текста которой была изъята статья о сохранении грузинского языка в качестве государственного языка республики. Накануне в Тбилиси было организовано небывалое смелое по тем временам студенческое движение в поддержку государственного языка — в университете и других вузах. Был начат сбор подписей в поддержку грузинского академика лингвиста Шамидзе, выступившего за то, чтобы оставить за грузинским языком статус государственного языка. Подготовка демонстрации помогли листовки. Несмотря на отчаянное сопротивление властей, демонстрация все же состоялась. Наиболее решительная часть демонстрантов численностью до 10 тыс. человек прорвала цепь безоружных милиционеров и подошла к Дому правительства, где заседали депутаты Верховного Совета Грузинской ССР. Колонны демонстрантов шли под лозунгами «Родной язык». На белых халатах студентов мединститута губной помадой были написаны слова в поддержку грузинского языка в качестве государственного. Компромиссное предложение грузинского правительства, «посоветовавшегося с Москвой», и решившего заменить понятие «государственный» язык выражением «язык республиканский», было отклонено демонстрантами. В конце концов противостоя-

ние «горячей» улицы и «холодного» зала заседаний депутатов Верховного Совета закончилось победой демонстрантов. Э. Шеварднадзе, тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Грузии, уверенный в себе руководитель республики, вышел к демонстрантам и зачитал принятый текст Конституции. Статья 75 этой Конституции начиналась словами: «Государственным языком Грузинской ССР является грузинский язык». Грузинское население отстояло свои требования. В инициативную группу, подготовившую демонстрацию за объявление грузинского языка государственным, входили литературовед Звиад Гамсахурдиа, музыковед Мераб Костава, регент церковного хора Валентина Пайлодзе. Идейным вдохновителем демонстрации и фактическим руководителем инициативной группы был Звиад Гамсахурдиа, сын признанного классика грузинской литературы Константина Гамсахурдиа, высланного в 20-е годы на Соловки, но позднее реабилитированного и обласканного официальными властями. Этнополитическое значение демонстрации 14 апреля в поддержку грузинского языка выходит далеко за пределы чисто языкового движения. По существу победа демонстрации стала важным трамплином для развертывания более широкого национального движения. Началась мобилизация сил оппозиции против режима.

Вместе с тем до сих пор остается не до конца ясным вопрос о том, победил ли тогда, весной 1978 г. в жестком политико-языковом противостоянии темпераментный Звиад Гамсахурдиа, или же захотел «быть побежденным» расчетливый и дальновидный Эдуард Шеварднадзе.

Важно подчеркнуть другое. Всего лишь через три года, весной 1981 г., по инициативе тбилисских активистов демонстрации в защиту грузинского языка из центра Тбилиси были перенесены в древнюю Мцхету. Несмотря на противодействие властей (было прервано, в частности, движение общественного транспорта из Тбилиси в Мцхету) демонстранты разными путями, кто в обход, кто на плоту через Куру, прорвались в Храм и приняли участие в молениях за Грузию. В память «языковой» демонстрации 1978 г., когда было вырвано согласие республиканского руководства придать грузинскому языку статус государственного языка, в день Вербного Воскресенья было решено ежегодно собираться для молений за Грузию³.

В отличие от Грузии, в Азербайджане и Армении включение в текст конституций этих республик статьи о государственном языке произошло без особых эксцессов. И хотя в указанных республиках не возникла необходимость в многотысячных митингах и демонстрациях, подобных тем, что имели место в столице Грузии, все же были бурные обсуждения

проблем национального языка, были письма в немалом количестве в выше-стоящие инстанции, были листовки в некоторых учреждениях и институтах.

Таблица 1

Хронология принятия законов о языках

Союзные республики	Наименования законов	Дата принятия
1. Армения	Статья в Конституции АрССР	14 апреля 1978
2. Грузия	Статья в Конституции ГрССР	15 апреля 1978
3. Азербайджан	Статья в Конституции АзССР	21 апреля 1978
4. Литва	Постановление Президиума Верховного Совета ЛитССР «О статусе литовского языка»	25 января 1989
5. Эстония	Закон ЭстССР О языке	18 января 1989
6. Латвия	Закон Латвийской Советской Социалистической Республики О языках	5 мая 1989
7. Таджикистан	Закон Таджикской Советской Социалистической Республики О языке	22 июля 1989
8. Молдова	1. Закон Молдавской Советской Социалистической Республики О статусе государственного языка Молдавской ССР 2. Закон Молдавской Советской Социалистической Республики О функционировании языков на территории Молдавской ССР	31 августа 1989 1 сентября 1989
9. Казахстан	Закон Казахской Советской Социалистической Республики О языках в Казахской ССР	22 сентября 1989
10. Киргизия	Закон Киргизской Советской Социалистической Республики О государственном языке Киргизской ССР	23 сентября 1989
11. Узбекистан	Закон Узбекской Советской Социалистической Республики О государственном языке Узбекской ССР	21 октября 1989
12. Украина	Закон Украинской Советской Социалистической Республики О языках в Украинской ССР	28 октября 1989
13. Белоруссия	Закон Белорусской Советской Социалистической Республики О языках в Белорусской ССР	26 января 1990
14. Туркмения	Закон Туркменской Советской Социалистической Республики О языке	24 мая 1990
15. Россия	Закон РСФСР О языках народов РСФСР	25 октября 1991
16. СССР	Закон СССР О языках народов СССР	24 апреля 1990

За относительно короткий срок, практически всего лишь за один год, состоялось огосударствление языковой политики в союзных республиках путем придания элитами титульных наций своим национальным языкам статуса государственного языка. Первый из законов о языке был принят в Эстонии — 18 января 1989 г., последним — уже в 1990 г. приняли законы Белоруссия (в январе 1990 г.) и Туркмения (в мае 1990 г.). Запоздала Россия, Верховный Совет которой проголосовал за закон «О языках народов РСФСР» лишь 25 октября 1991 г.⁴. В отличие от прошлых лет все законы о языках, были приняты не по указке Москвы, не по спущенной сверху директивной установке, а скорее вопреки воле Союзного Центра, вопреки сопротивлению центральных командно-бюрократических партийных и государственных структур.

Голосование не проходило гладко и единодушно. Так, например, за придание статуса государственного языка эстонскому языку проголосовало 204 депутата Верховного Совета Эстонии, 50 человек проголосовали против и 6 воздержались. По словам депутата Энна Пыльдрооса на результатах голосования сказались опасения, что вслед за законом начнется немедленное отрешение лиц, не владеющих эстонским языком, от занимаемой должности, несмотря на то, что законом предусматривалось 4 года на изучение языка⁵.

Лидирующая роль прибалтийских республик в огосударствлении своих языков частично объясняется исторически. Достаточно напомнить о том, что до вхождения в состав СССР литовский, эстонский и латышский языки накопили серьезный опыт официального функционирования в качестве государственных языков. Этот статус они приобрели в 1919 г., вскоре после создания независимых прибалтийских государств. Прерванный Советской властью путь функционального развития указанных трех языков в качестве официальных языков государственного управления стал восстанавливаться национальной интеллигенцией, затем был подхвачен активистами Народных фронтов и, наконец, получил мощную поддержку в лице новой национально-бюрократической элиты, одержавшей в конечном счете бескровную победу над одряхлевшей партийной номенклатурой. Но об этом ниже.

Разработка и принятие каждого из языковых законов имели свои предпосылки, свою логику зарождения, политического вызревания, свои характерные черты. Новые законы никого не оставили равнодушными. Их социализирующее и тонизирующее воздействие на значительные группы населения было хотя и неодинаковым по накалу в разных республиках, но повсеместным. Одно совершенно очевидно: они вызвали эйфорию национального большинства и подготовили глухое со-

противление обиженных национальных меньшинств. Более того, в некоторых республиках, принятие законов о государственном языке послужило мощным катализатором резкого повышения градуса межнационального напряжения, толчком для эскалации межнациональных конфликтов.

Классическим примером стала Молдова, в которой языковой закон по сути буквально «породил» две новые республики — Гагаузскую и Приднестровскую, — ставшие в оппозицию и к закону и к руководству республики. Иными словами, придание молдавскому языку статуса государственного языка послужило началом этнополитического раскола республики, началом длительного и утомительного противостояния национального большинства и национальных меньшинств.

Периодическая печать достаточно полно, хотя и сумбурно освещала ход подготовки языковых законов, стремительное создание предварительных комитетов, комиссий по подготовке языковой реформы, бурные, нередко бестолковые дискуссии между сторонниками и противниками огосударствления функциональной нагрузки одного языка. Волна языковых дискуссий, прокатившаяся по учреждениям, институтам, кабинетам и площадям, подлила масла в огонь, обострила взаимные выпады, обиды, выступления. Можно лишь удивляться тому, как всесильная когда-то номенклатура Москвы, загипнотизированная, как кролик перед удавом мощным размахом национальных движений, озабоченная эрозией коммунистической власти, не смогла придумать ничего лучшего, как поручить группе проимперски настроенных специалистов, преимущественно из неакадемических институтов начать подготовку «ответного» удара — закона «О языках народов СССР». В то время мало кто понимал, что остановить языковую революцию и идущую вслед за ней суверенизацию основательно прогнившему партаппарату уже не удастся.

Большинство республиканских законов по своей композиции и структуре схожи друг с другом. В каждом законе выделено в среднем 6—8 разделов (или глав) и от 30 до 40 статей. Исключение составляют законодательные акты Литвы — Постановление Президиума Верховного Совета Литовской ССР «О статусе литовского языка» и Указ Президиума ВС Литвы «Об употреблении государственного языка Литовской ССР» (см. табл. 2).

Нет принципиальных различий и в выделении тех общественных сфер жизни, в которых этими законами вводится обязательное употребление государственного языка, а также законодательное регулирование межъязыковых отношений. Как правило, каждой выделенной крупным

планом сфере соответствует группа статей, объединенных в специальный раздел или в главу. Кроме общих положений, в композиции законов выделяются: 1) право на свободный выбор гражданами языка или языков общения с представителями официальных структур, 2) язык работы органов государственной власти, предприятий, учреждений и общественных организаций, 3) язык делопроизводства, 4) язык образования, науки и культуры, 5) язык судопроизводства, прокуратуры и арбитража, 6) язык информации и, наконец, 7) блок статей, посвященных государственной защите государственного языка. Ни в одном из законов нет каких-либо положений о языке межличностных отношений. Эта сфера оставлена за пределами законодательного регулирования.

Таблица № 2

**Структура законов о языке (языках)
(количество разделов и статей)**

Законы в бывших союзных республиках	Количество основных разделов (глав) в Законе	Количество статей в Законе
Эстония	10	39
Литва	—	10
Латвия	6	23
Таджикистан	8	37
Молдова *	7	32*
Казахстан	6	35
Киргизия	8	40
Узбекистан	—	30
Украина	6	40
Белоруссия	6	36
Туркменистан	7	36
Россия	7	28
СССР	4	25

* Имеется ввиду закон Молдавской ССР «О функционировании языков на территории Молдавской ССР».

Резюмируя предварительные замечания, можно сказать, что языковые законы, во-первых, были приняты в момент углубления социально-политического кризиса в обществе, что придавало им особое значение, которое, вероятно, не вызвало бы к себе широкого интереса в более спокойное время; во-вторых, принятие языковых законов сопровождалось надеждой и оптимизмом одних слоев населения и нарастающим

пессимизмом других; в-третьих, принятые законы для многих оптимистов представляли собой попытку преодоления социально-политического кризиса мирным путем с помощью языкового закона; в-четвертых, способствовали ускорению роста национального самосознания и внутринациональной консолидации. В конечном итоге парад законов о языках стал важной частью изменения этнополитической ситуации, существенным катализатором национальной консолидации, межнациональной дезинтеграции, политической и социальной активности. Не будет преувеличением сказать, что не будь приняты законы о государственных языках в Молдавии и в Литве, не исключено, что национальные меньшинства — гагаузы в первом случае и поляки во втором — не вышли бы ускоренными, не запланированными ни в Москве, ни в Кишиневе, ни в Вильнюсе темпами из социально-политической спячки застойного времени.

Все это видно более или менее хорошо даже невооруженным глазом. И, вероятно, не стоило бы специально писать о законах обзор, если бы не одна существенная деталь: эти законы мало связаны с реальностью и с реальной этноязыковой ситуацией. Но об этом подробнее ниже.

Естественное желание экспертов, политиков и практиков разобраться в социальных последствиях парада законов нынче упирается в тупик. Все хотят знать и понять, почему эти законы всколыхнули значительные людские массы, почему они вывели на митинги и демонстрации как в поддержку, так и против? С одной стороны, чем был обусловлен победный марш парада законов, а с другой — чем было обусловлено нарастающее сопротивление им со стороны тех, кому законы пришлось не по душе?

Отсутствие сколько-нибудь обстоятельного изложения истории и сути языковой реформы и анализа языковых законов объясняется тем, что исследователей вводит в заблуждение название «языковой закон». А когда в предмете анализа исчезает сам язык, теряется соотношение языковых прав и обязанностей с реальной этноязыковой ситуацией. Словом, этнополитический или даже чисто политический момент заслоняет момент социолингвистический — это неизбежно ставит в тупик. В действительности языковые законы нередко обходят язык и глубоко вторгаются в политику.

Итак, в 1989 г. законы были приняты почти во всех бывших союзных республиках. Триумфальное шествие состоялось. На все про все потребовался один год. Были выработаны первые государственные программы по реализации языковых законов. Уже накоплен первый опыт

реализации законов и программ. Подведены итоги за время, истекшее с момента рождения почти каждого из языковых законов. Социолингвистический горизонт между тем отодвигается все дальше и дальше. Сколь бы оптимистичной и победной ни была розовая окраска основных результатов языковой реформы, она все же выдвигает ряд новых вопросов как по реализации, так и по оценке ее задач, целей и способов внедрения.

Словом, законы были приняты, запущены механизмы введения их в действие. Однако ни сами законы, ни последствия их введения еще не стали предметом пристального внимания специалистов.

Поступают новые и новые данные о том, что реформа не лишена ряда изъянов, о том, что она не устраивает значительные группы населения, о том, что за проблемами национального языка одной нации остались в тени проблемы языка меньшинств и языка межнациональных общностей.

Более того, критическая масса недовольства накапливается по обе стороны языковой баррикады. Сторонники принятых законов торопятся скорее ввести в действие основные положения законов: перевод на государственный язык работы органов государственного управления, делопроизводства, всех звеньев образовательной печати, работы средств массовой информации и т. д. Те же, кто не знает государственного языка, напротив, требуют отсрочить ввод в действие некоторых положений закона, особенно тех, что связаны с аттестацией, со сдачей госэкзамена, введения языка в состав профессиональной квалификации.

Так, например, республиканский съезд медицинских работников им. Пирогова потребовал от Правительства Республики Молдова, от президента Мирча Снегура отменить его Указ от 21 сентября 1992 г., исполнение которого приводит к языковой дискриминации специалистов немолдавской национальности. Как известно, Указ был вызван неэффективным исполнением законов о функционировании языков в Молдове. За три года, истекших после принятия закона, в республике практически не удалось обучить основную массу медицинских работников молдавскому языку. Не было ни программ, ни специальных учебников и учебных пособий, ни курсов, ни ресурсов. Единственным механизмом молдаванизации (точнее — румынизации по официальной терминологии) было административное давление, что логически приводило к откровенному «выталкиванию нерумыноязычных» специалистов. Выступая в защиту больных и значительных групп уволенных с работы русскоязычных администраторов больниц и поликлиник, как правило,

опытных организаторов и специалистов, ассоциация медицинских работников Молдовы обратилась за помощью к международным организациям врачей. В принятом участниками съезда обращении говорится о том, чтобы национально-языковая дискриминация не распространяла свои метастазы в сферу медицины. От имени отряда медицинских работников Молдовы съезд обратился к Парламенту республики с просьбой ускорить принятие закона о национальных меньшинствах. Одновременно съезд потребовал от Правительства Молдовы передать по крайней мере треть всех медицинских учреждений в специальное управление Министерства здравоохранения Молдовы, где было бы разрешено говорить с больными и вести делопроизводство по-русски⁶.

В ряде бывших союзных республик вслед за поспешно принятыми законами лихорадочно принимаются поправки, дополнения, отсрочки введения в действие тех или иных статей закона. Этноязыковая жизнь диктует свои правила игры. И чем дальше законы отошли от реальности, тем длиннее их путь к ней, тем больше разрыв между законотворчеством и этноязыковой ситуацией.

1.3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК. СУЩНОСТЬ. КОМПЕТЕНЦИЯ. ВНЕДРЕНИЕ

Осенью 1988 г. во время обсуждения назревших проблем развития азербайджанского языка, один из участников круглого стола прямо с телеэкрана призвал своих сограждан добиваться того, чтобы азербайджанскому языку был придан статус государственного языка¹. Человек не знал, что подобным статусом язык азербайджанской нации обладал согласно Конституции Азербайджана, принятой еще в 1978 г. Однако приведенный пример блистательно характеризует атмосферу горячих обсуждений сложнейших вопросов языка, права и национального самосознания непосредственно перед началом языковой реформы. Даешь госязык! Дело не столько в некомпетентности участника бакинской телепередачи, а в обвале пылкой озабоченности широкого круга лиц проблемами языка своей национальности. Кроме того, дело в том, что в конце 1988 г. еще не был снят запрет на критическое отношение к высказываниям В. И. Ленина, который, как известно был против «государственного языка». Сама идея государственного языка длительное время воспринималась как тень страшного монстра, едва ли не главного виновника дискриминации и насильственной ассимиляции.

Не смея затрагивать проблему государственного языка или по инерции соглашаясь с ленинской критикой этого понятия (и явления), специалисты

разного профиля (социолингвисты, правоведаы, социологи, историки и др.) невольно упускали из поля зрения его чрезвычайно важную функциональную нагрузку, и прежде всего сам факт вхождения государственного языка в структуру органов управления. Мало кто решался открыто произнести, что государственный язык по сути своей есть язык власти.

В 1990 г. на прилавки магазинов поступил «Лингвистический энциклопедический словарь», подготовленный крупным коллективом ученых (свыше 300 человек). В кратком предисловии к этому фундаментальному изданию, призванному осветить достижения отечественной и зарубежной лингвистики, говорилось, что перед специалистами ставится задача дать «систематизированный свод знаний о человеческом языке, языках мира, языкознании как науке»². Надо ли специально подчеркивать, насколько велик интерес общественности к языковой стороне жизнедеятельности новых независимых государств особенно теперь, в пору коренных перемен в ряде сфер, в том числе в сфере межнациональных отношений и в беспокойной гуще этнополитических процессов. Однако читателей, жадно бросившихся к этому словарю в поисках ответа на многие новейшие этнополитические проблемы языка и языковой жизни, ждало разочарование.

Надо полагать, в ту пору, когда текст словаря готовился к сдаче в издательство (рукопись сдана в набор в 1987 г.), перед авторами не стояла задача дать дефиниции таких понятий, как языковая реформа, языковое равноправие, государственный язык, языковое право, языковые обязанности, лингвизм, региональный (местный) официальный язык и многое другое из всего того, что рождено жизнью и прежде всего 1989 г., когда в республиках развернулось движение за огосударствление одного из языков и были приняты законы о языке и языках. Из-за отсутствия дефиниций в словаре отнюдь не следует скоропалительный вывод о том, что в современной концепции языка, сложившейся в отечественном языкознании, нет места проблемам, прямо или косвенно связанным с языковой реформой вообще и с языковыми реформами, имевшими место в стране в 20—30-е годы, в ходе национально-государственного строительства и коренизации аппарата. Более того, некоторые частные вопросы языковой реформы затрагиваются в таких общих дефинициях словаря, как «язык», «язык и общество», «языки народов СССР», «языковая политика», «языковая ситуация». Если все-таки принимать лингвистическую энциклопедию за последнее слово советского языкознания, то беднее всего в ней (энциклопедии) и соответственно в науке (языкознании) представлены термины и понятия,

отражающие, во-первых, правовые аспекты языка (языковое право, право человека, групп людей, народов на свободный выбор языка), во-вторых — политические аспекты. В мировой социолингвистике лишь в последние 5—6 лет активизировались усилия по созданию теоретических основ языковых прав человека, включая языковые права ребенка. Особенно заметны в этом отношении усилия и успехи исследовательницы из Дании, финки по происхождению, Товы Скутнаб-Кангасс, организовавшей ряд очных и заочных международных встреч специалистов высокого класса по обсуждению проблем языкового права, написавшей ряд монографий, статей, а также подготовившей несколько записок в различные международные организации.

Взятые отдельно слова: «государственный» и «язык» — вполне понятны. Но как только они соединяются вместе, смысл, похоже, улетучивается. Безнадежное дело — искать в отечественных словарях дефиницию «государственного языка». Таковой попросту нет.

Большинство советских ученых еще совсем недавно избегало его (понятие «государственный язык») употреблять. Те же, кто решался его растабуировать, экстраполировали его исключительно на зарубежные страны, «пораженные» метастазами эксплуатации человека человеком, господства одной нации над другой.

«Категория «государственный язык», — по формуле К. Х. Ханазарова — «порождение эксплуататорского общества, для которого характерно господство одного человека над другим, язык которого, во-первых, считается обязательным к употреблению во всем государственном и административном аппарате, во взаимоотношениях учреждений с общественными организациями, классами, нациями. Во-вторых, язык господствующего народа насильственно навязывается всем другим народам, живущим в пределах данного государства. Политика обязательного государственного языка отвечает интересам господствующих классов, служит укреплению их власти»³. Иными словами, государственный язык — это синоним доминирования официального языка, декретированного властями для обязательного употребления в инстанциях общественной жизни.

Для того, чтобы обосновать логику заданного сверху отказа от употребления этого понятия по отношению к советской действительности, не требовалось больших усилий. Достаточно было, например, сослаться на тот простой факт, что благодаря равноправию и свободному развитию языки всех национальностей возвышены до уровня государственных языков. И далее... «так как государственными являются все языки народов СССР без исключения, а негосударственных языков нет,

то само понятие «государственный язык» в наших условиях теряет смысл, и потому оно в нашей стране в научной литературе и общественно-политической жизни, как правило, не применяется»⁴.

После лекций перед различными аудиториями мне приходилось проводить блиц-опросы на тему, как понимают слушатели понятие «государственный язык». Свои затруднения дать четкое определение этому понятию они объяснили тем, что даже в наиболее полной «Энциклопедии социальных наук» нет такого понятия. Видимо, совсем не случайно, объявляя язык государственным языком, не в каждой республике вынесли это словосочетание в название закона. Понятно, что в самом названии закона нередко содержится квинтэссенция, ориентация и установка законодателей.

Как уже упоминалось, названия принятых в республиках законов распадаются в две группы. В одной из них (Эстония, Литва, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан) название закона ориентирует на один язык, на тот, которому придается статус государственного языка. Во второй группе — те республики, в которых принятые законы в самом названии отражают сложную в языковом отношении ситуацию и адресуются соответственно носителям разных языков (Латвия, Казахстан, Украина, Белоруссия).

Особое место в ряду законов занимают два молдавских закона, один из которых посвящен определению и утверждению статуса одного молдавского языка в качестве государственного, в то время как с помощью другого закона регулируется функционирование и взаимодействие всех остальных языков в Молдове (русского, гагаузского, болгарского и других).

Неравноправное положение, в котором оказались языки народов СССР в связи с иерархической структурой национально-государственного устройства страны, подтолкнуло ряд народов к принятию радикальных мер по созданию благоприятных условий функционирования их языков в различных сферах общественной жизни. Путь к радикализации охраны интересов своих национальных языков они увидели в повышении правового статуса языка, в придании ему статуса государственного. В этом народы нашли единственную в то переходное время возможность преодолеть грань сложившейся социальной несправедливости и преобразовать декларированное многими советскими законодательными актами, в том числе большинством союзных и республиканских конституций (основных законов), юридическое равноправие в равноправие фактическое. Инструментом этого преобразования, механизмом перехода от декларативности к реальности, стали законы о

придании языкам союзно-республиканских титульных наций статуса государственного языка. Как уже упоминалось, этот самостоятельный шаг не вызвал восторга ни у союзного центра, ни среди того населения союзных республик, языки которого не удостоились огосударствления. Более того, возникло двойное противостояние — вертикальное: союзная республика — союзный центр и горизонтальное: союзно-республиканская нация — бесстатусные национальные меньшинства. Многие средства массовой коммуникации сделали все возможное для того, чтобы указанное противостояние максимально обострить и раздуть. Результаты, увы, хорошо известны, трагичны. Беда заключается в том, что ни в союзном центре, ни на местах темпераментные политики не прислушались к трезвым голосам специалистов, предупреждавших о непредсказуемых последствиях огосударствления одних языков и автоматического переключения других (бесстатусных) в разряд униженного неполноправного положения.

Масло в огонь подлила и беспросветная понятийно-категориальная неразбериха в этнополитической сфере, из-за отсутствия сколько-нибудь сложившегося научного терминологического аппарата и инструментария в области этнополитологии, той области, в рамках которой начались едва ли не в первую очередь мучительные поиски дефиниций государственного языка и многих ассоциированных с ним понятий. В самом деле, для того, чтобы понимать, о чем идет речь, политикам, практикам и теоретикам надо как минимум иметь общий научный язык, такой язык, в котором все участники коммуникации могли бы быть уверены, что в одно и то же понятие вкладывается идентичный смысл.

Историографии сущности, содержания, смысловой нагрузки понятия государственного языка пока не существует. Даже такие ведущие специалисты в этой области, как В. И. Михальченко и А. С. Пиголкин, авторы многих монографий, в качестве экспертов неоднократно принимавшие участие в подготовке ряда законодательных актов, в том числе закона «О языках народов СССР», принятого 24 апреля 1990 г., не идут в определении данной дефиниции дальше арифметического, перечислительного принципа. Государственный язык, согласно этому определению, это тот язык, на котором «публикуются законы и иные нормированные акты, ведется делопроизводство, пишутся официальные документы, осуществляется работа государственных органов, ведутся протоколы и стенограммы заседаний органов государственной власти. Это языки вывесок и официальных объявлений, штампов, бланков, маркировки товаров, именовании улиц и площадей. Это язык, на котором осуществляется обучение в школах, техникумах, вузах, язык, который должны активно изучать все граждане государства»⁵.

Определение одной дефиниции с помощью другой — обычный прием в науке. Но когда государственный язык пытаются представить через понятие родного языка большинства или значительной части населения соответствующего государства⁶, возникает невероятная путаница. И дело не только в том, что неправомерно и бесперспективно государственный язык как этнополитическую категорию выводить из этнопсихологической категории, каковой является понятие родного языка, а в том, что такое определение оказывается и неверным, а порой и неприменимым к реальности. Так, например, на рубеже 70—80-х годов, согласно данным переписи населения 1979 г., родным языком большинства населения Казахстана являлся русский язык, в том числе для 99,9% русских, для 1,4% казахов. Среди 8,7 млн. лиц нерусской национальности 15,3% считали русский язык своим родным языком, а каждый второй свободно владел им в качестве второго языка. Однако государственным языком республики тем не менее объявлен не русский, а казахский язык, язык относительного меньшинства населения Казахстана. Особенно ощутимо это было в городской среде, где казахи составляли немногим более одной пятой (20,8%) всех горожан. При этом 3,0% казахов указали русский язык родным, а еще 67,0% — вторым языком, которым они свободно владели.

В связи с этим было бы целесообразно проанализировать понятия государственного языка, содержащиеся в разных источниках: в текстах принятых законов, в официальных комментариях текстов законов, сделанных экспертами в ходе работы специальных комитетов, групп, комиссий и т. д., а также в выступлениях, речах, публикациях, посвященных лингвополитическим или этнополитическим проблемам. Словом, имеет смысл анализу содержания законов, предпослать краткий анализ языка законов о языках.

В большинстве принятых законов не содержится определение понятия государственного языка. По крайней мере трудно обнаружить искомую дефиницию в законах Прибалтийских республик, Таджикистана, Казахстана, Украины, Белоруссии, хотя в каждом из них можно найти глухие упоминания об общем смысле понятия путем перечня некоторых сфер его действия.

Некое подобие определения государственного языка имеется в одном из двух молдавских законов⁷, в частности, дополняющем статью 70 Конституции (Основного Закона) Молдавской ССР. Вслед за объявлением молдавского языка государственным языком Молдавской ССР чуть ниже приводится следующая описательная дефиниция: «Государственный язык (Молдавской ССР. — *М. Г.*) действует в политической, экономической,

социальной и культурной жизни и функционирует на основе латинской графики»⁸. В Законе «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» вышеприведенная дефиниция дополняется еще одной функцией. Статья, в частности, гласит о том, что молдавский язык, как государственный язык Молдавской ССР, «выполняет в связи с этим на территории республики функции языка межнационального общения»⁹.

В статье Узбекского закона об объявлении узбекского языка государственным языком Узбекской ССР очерчиваются крупным планом задачи республики в области существования и развития государственного языка. «Узбекская ССР, — гласит соответствующая статья, — обеспечивает всемерное развитие и функционирование узбекского языка в политической, социальной, экономической и культурной жизни республики»¹⁰.

В первой статье Указа Президиума Верховного Совета Литовской ССР «Об употреблении государственного языка Литовской ССР» указано, что «литовский язык в качестве государственного языка является основным средством официального общения населения республики»¹¹.

Едва ли не самую оригинальную дефиницию дает Киргизский закон. В нем, в частности, имеется такое утверждение: «В качестве государственного языка киргизский язык является одним из символов государственного суверенитета Киргизской ССР и функционирует во всех сферах государственной и общественной деятельности, в области экономики, науки и техники, народного образования и культуры, общения граждан республики»¹². Нельзя попутно не отметить, что именно в этом же законе содержатся четкие и недвусмысленные изложения целей и задач введения государственного языка, а также обоснование необходимости придания ему государственного статуса.

Не добавил особой ясности в дефиницию государственного языка и принятый Верховным Советом СССР в апреле 1990 г. Закон «О языках народов СССР». Скорее наоборот, он внес излишнюю путаницу, добавив к термину «государственный язык» еще одно понятие — официальный язык, который в отличие от государственного языка, «очерчивает определенную сферу его применения как средство официальных отношений, процесса государственной деятельности и межнационального общения»¹³.

Итак, приходится констатировать, что в текстах законов нельзя обнаружить ни одного сколько-нибудь удовлетворительного определения того, что же, в конце концов, есть государственный язык.

Приведенные выше примеры из законов Узбекской, Молдавской и Киргизской ССР свидетельствуют о большом разбросе мнений в понимании сущности и функциональной нагрузки государственного языка.

В отличие от многих других законов, молдавский вариант акцентирует внимание на сочетании функциональной и структурной стороны языка. Такой подход понятен и вполне объясним, если принимать в расчет, что перед молдавскими законодателями, стоящими у истоков языковой реформы, была триединая задача: придать молдавскому языку статус государственного одновременно с решением двух других проблем, затрагивающих структурную сторону молдавского языка, а именно признание его идентичности (тождественности) с румынским языком и перевод алфавита с кириллицы на латиницу. Именно эта трехкомпонентная задача нашла отражение и в выработанном определении понятия государственный язык, охватившем две стороны молдавского языка: и функциональную (краткий перечень сфер его применения) и структурную (указание на латинскую графику как основу его письменности).

Вместе с тем молдавские законодатели явно перегрузили понятие «государственный язык», придав ему сверх всего и дополнительную функцию языка межнационального общения, как правило, законодательно не декретируемую и не свойственную разряду государственных языков (об этом см. ниже).

Как указывалось в литературе, нельзя вводить язык межнационального общения путем огосударствления одного из языков среди населения, состоящего из носителей разных языков, поскольку язык межнационального общения выбирается гражданами различных национальностей добровольно и складывается естественным путем без государственного принуждения (а государственный язык носит в себе элемент принуждения: его обязаны знать, обязаны по долгу службы употреблять в определенных законом сферах, обязаны уважать и т. д.).

Против попыток огосударствления языка межнационального общения много, интересно и полезно написано в эстонской периодической печати и в некоторых эстонских популярных изданиях¹⁴, хотя и здесь допущена другая крайность — проявлено излишне резко негативное отношение к одному из языков межнационального общения естественно сложившемуся среди народов, проживавших под крышей единого государства.

В отличие от текстов законов, не содержащих развернутых определений того, что есть государственный язык, нет недостатка в определении этого понятия в ассоциированных с законами материалах, и прежде всего в официальных комментариях и интерпретациях этих законов в докладах официальных лиц, выступлениях руководителей республик, в текстах заявлений от имени различного рода официальных

комиссий, групп по подготовке государственного языка, комитетов по реализации и т. п.

Отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных дефиниций или хотя бы толкований понятия «государственный язык» объясняется не только нашей полной неподготовленностью решать проблемы языкового права, языкового регулирования и языкового взаимодействия, но и тем, что каждой республике, в соответствии со сложившейся этноязыковой ситуацией в принципе нужен «разный» государственный язык, «разное» отношение к общегосударственному (общесоюзному) языку и «разный» баланс отношений с языками национальных меньшинств.

Отсутствие единого понятия — это признак ухода от унитаризма, критерий плюрализма в языковой реформе.

Принятие законов о государственных языках представляет собой важный шаг законодательной деятельности, направленной скорее на децентрализацию многонационального федеративного государства, нежели к регулированию межнациональных отношений.

В конечном счете огосударствление языка путем придания языку титульной нации статуса государственного языка представляло собой важный элемент, существенную характеристику переходного периода на пути от тоталитаризма к правовому демократическому государству. Однако этот шаг, похоже, был в большей мере манифестированным, нежели наполненным реальным комплексом мер и действий.

И хотя отдельные специалисты допускают, что этницизм и лингвизм вполне могут сочетаться с демократическими реформами, на самом деле они ведут скорее к установлению новых, пусть и миниатюрных, тоталитарных режимов.

Специалисты в области социальной лингвистики не раз обращались к библейской легенде о Вавилонской башне. Образ Вавилонской башни, бесспорно, передает общее состояние языковой картины мира. Вместе с тем, этот образ вполне уместен и в микромасштабе, в тех случаях, когда языковая проблема в многонациональном ареале (будь то многонациональное государство, республика, область, район или поселение) предстает в виде очень интересной, но не очень легко поддающейся решению проблемы.

Одной из задач нашего исследования является научное определение «государственного языка», ставшего широко распространенным, но для многих, видимо, все же неясным понятием. Определим его предварительно как язык власти. Государство — это институты и механизмы управления. Следовательно, государственный язык — это институционализированный язык управления, язык осуществления вла-

сти. Власть и язык соединяются воедино, чтобы отстоять интересы тех, кто одновременно владеет и тем и другим. Первое помогает второму. С помощью второго обретает дополнительную силу первое.

Отсюда вполне понятно, что вместе с обретением статуса государственного языка происходит частичное перекалывание власти из одних рук в другие. Идеологи языковой реформы отнюдь не считали нужным умалчивать об этой связи и не испытывали от этого какой-либо дискомфорт. По крайней мере в эстонской печати об этом говорилось неоднократно¹⁵.

В первые же дни после публикации проекта нового Договора депутаты Парламента республики Молдова сочли неприемлемой для республики ту статью Договора, в которой русский язык предлагается ввести в качестве государственного языка на всей территории СССР. Депутаты расценили это предложение как «удар» по суверенитету республики, как сведение «на нет» закона о государственности молдавского языка¹⁶.

Принятый Верховным Советом Молдавии в июле 1991 г. закон о гражданстве установил ценз «для лиц, прибывающих в Молдову после принятия ее Декларации о суверенитете». Для того, чтобы получить гражданство Республики Молдова, эти люди должны прожить в Республике Молдова не менее 10 лет и изучить государственный язык настолько, чтобы иметь возможность принимать участие в ее общественной жизни¹⁷.

Когда законодательное требование обязательного знания государственного языка не имеет обратной силы, он не дает оснований для вывода о нарушениях прав человека. Когда же закон о гражданстве обязывает знать государственный язык всем гражданам, независимо от времени их вселения в республику, такой закон несет в себе элементы дискриминации. Это наглядно проявилось, в частности, в Латвии. После принятия Закона о гражданстве (в первом чтении) в Верховном Совете Латвии, исполнительный директор Хельсинкского комитета по надзору Джерри Лейбер обратился к Председателю Верховного Совета Латвийской Республики с официальным посланием¹⁸, в котором содержалось решительное требование Хельсинкского комитета не принимать проект закона о гражданстве, предусмотренный в Постановлении «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации». В этом послании содержится квалифицированная экспертная оценка дискриминирующих аспектов, в том числе знания государственного языка как дискриминирующего фактора натурализации тех, кто поселился в Латвии до принятия закона.

«Овладение языком (имеется в виду латышский. — М. Г.), упомянутое в пункте 3.4, порождает дополнительные трудности для постоянных жителей, претендующих на гражданство. Это относится к людям, которым трудно выучить новый язык, и вносит в представление о гражданстве элемент произвола. Данные условия в отношении людей, обретших себе дом в Латвии до обретения независимости (в противоположность тем, кто прибыл в Латвию после обретения независимости), являются дискриминирующими. Мы призываем Верховный Совет Латвии выполнить обязательство, принятое Латвией как страной — участницей СБСЕ, и принять такой закон о гражданстве, который был бы справедливым, не дискриминирующим и предусматривающим отдельное рассмотрение заявления любого лица о натурализации»¹⁹.

Для того, чтобы понять истинное, подлинно революционное, значение придания в республиках языкам статуса государственного языка, надо знать историю этого термина в советском обществе. Еще раз напомним, что после бурных двадцатых годов в течение нескольких десятилетий в общественных науках не принято было даже упоминать о государственном языке. Жесткое идеологическое табу на этом понятии лежало с тех пор, как В. И. Ленин в письме к С. Шаумяну окрестил его «полицейщиной». «За государственный язык стоять позорно. Это полицейщина»²⁰. Ниспровержение этого незыблемого постулата «ленинской национально-языковой политики» стало важным шагом на пути деидеологизации, важным признаком надвигающегося кризиса номенклатуры КПСС. Резко отрицательное отношение к понятию «государственный язык» облегчало для Ленина критику принудительного насаждения русского языка в качестве государственного языка в многонациональной России. Одновременно этим же этнополитическим маневром он способствовал сохранению империи. Ратуя за «полную свободу родных языков» и отвергая «всякие привилегии одного из языков»²¹, В. И. Ленин создал надежный камуфляж, оградив русский язык от обвинений в осуществлении им имперских функций.

Многосторонняя связь языка и власти вероятно осознавалась, но не всегда выплескивалась на поверхность дискуссий и не сразу выливалась чеканной строкой программных документов национальных движений. Однако есть основания думать, что имплицитно эта связь всегда имела место в размышлениях многих представителей национальной интеллигенции. Не зря, например, Давид Кугультинов, поэт, пишущий на двух языках — калмыцком и русском, — человек, которого трудно заподозрить в национализме, свои суждения о пренебрежительном отношении к языкам титульных наций бывших ав-

тономных республик России увязывал с неадекватным представительством калмыков, бурят, кабардинцев, балкарцев в верховных органах Советской власти и в структурах ЦК КПСС. Наличие же в этих органах русских, не знающих языков народов, от имени которых они заседают на пленумах ЦК «больно ударяет по национальным чувствам»²².

Уже в одном этом высказывании в максимально сжатой форме выражена неявная суть языковой реформы: возрождение функциональной нагрузки национальных языков должно идти параллельно с увеличением доли носителей этих языков в высших эшелонах власти.

В ходе языковой реформы придание статуса государственного языка языкам титульных наций стало началом постепенного развала СССР, показателем падения диктата Центра в языковом и шире — в национальном вопросе.

Огосударствление языков титульных наций наглядно продемонстрировало огромную дистанцию фактического неравноправия языков, неравноправия, простирающегося в широком интервале²³ от неприкрытой языковой дискриминации, выраженной в попытках убить язык беспомощного и бесправного национального меньшинства, до широкой государственной поддержки языков, объявленных государственными. Парад языковых законов и меры, последовавшие за ним, развеяли миф о грядущем демократическом благоденствии, при котором, якобы, будут обеспечены мир народам и расцвет языкам.

1.4. ЦЕЛИ ЯЗЫКОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Большинство законов о языке (и языках) государственному языку придают некое значение единства и неделимости национальной государственности титульной нации. При этом законодатели и комментаторы чаще всего ссылаются на соответствующий опыт западных стран. Между тем в европейских государствах можно обнаружить немало примеров прямо противоположного свойства. В самом деле, многоязычие Швейцарии, закрепленное в ее Конституции, не давало серьезных оснований ждать какую-либо угрозу социальному миру этой страны, не мешало нормальным взаимоотношениям между людьми, живущими в 26 ее кантонах и полукантонах. Более того, законодательно закрепленное многоязычие (немецкий, французский и итальянский языки имеют статус государственных официальных языков, а вместе с ретороманским все четыре имеют одинаковый статус национальных языков), судя по истории этноязыковых процессов, не мешало формированию и укреплению федерализма в союзе суверенных и автономных кан-

тонов. Преодоление различий в экономическом положении носителей каждого из государственных (и национальных) языков, укрепляло чувство принадлежности к швейцарской нации, понимаемой скорее как согражданство, чем соотничность.

Для того, чтобы одержать победу над коммунистической идеологией и советским режимом, лингвистам и лингвицизму надо было аргументированно обосновать и теоретически подкрепить свою идеологию, в том числе представить перед общественным мнением некую совокупность объективных и субъективных предпосылок и строгое доказательство необходимости в проведении языковой реформы. Словом, надо было показать, кто виноват и в чем виноват. Решающей кампанией в борьбе за придание языкам титульных наций статуса государственного языка стала шумная публицистическая война против русификации и за возрождение национальных языков. И было бы нелегко приступать к анализу документально манифестированных целей и задач языковой реформы и не задаться при этом вопросом, соответствует ли истине главный аргумент критиков сложившейся к концу 80-х годов ситуации в городах и селах союзных республик об угасании языков титульных наций. Иными словами, имел ли место такой лингвцид, когда в результате якобы целенаправленно осуществляемой Москвой политики языковой ассимиляции происходило истребление языков титульных наций, а представители этих наций отказывались от языков своей национальности в пользу русского языка?

Допустим, что такое угасание действительно имело место. Следовательно, можно было бы ожидать, что в течение определенного промежутка времени, скажем за три десятка лет, представители титульных наций должны были потерять свой и обрести инонациональный (русский) язык в качестве родного языка и тем самым засвидетельствовать важные сдвиги в структуре этнического самосознания. Однако, как единодушно зафиксировали самооценками в ходе каждой из 4-х проведенных переписей населения сами представители этих наций, ничего подобного не произошло. Доля лиц, относящихся к славянской языковой семье (русские, украинцы и белорусы) и считающие родным язык своей национальности, составила по СССР и по этим национальностям в целом в 1989 г. 94,2%, сократившись по сравнению с 1959 г. всего лишь на 2,0% (см. табл. 3).

Среди пяти тюркоязычных титульных народов, т. е. имеющих свою союзную республику, 97,9% также сохранили родным язык своей национальности. Лишь менее одного процента (0,4%) этих народов за тридцать лет перешло на русский язык. Таким образом утверждения

Таблица 3

**Устойчивость языков своей национальности в качестве родных
у народов, имеющих свою республику
(в СССР в целом, в % по данным переписи населения)**

Народы	Численность в 1989 г.	В % от общей численности			
		1959	1970	1979	1989
1. Славянская языковая группа					
1. Русские	144 835 711	99,8	99,8	99,8	99,8
2. Украинцы	35 820 999	87,7	85,7	82,8	81,1
3. Белорусы	7 116 753	84,2	80,6	74,2	70,9
ИТОГО	187 773 463	96,2	95,6	94,7	94,2
2. Тюркская языковая группа					
4. Узбеки	16 417 363	98,4	98,6	98,5	98,3
5. Казахи	7 890 773	98,4	98,0	97,5	97,0
6. Азербайджанцы	6 614 262	97,6	98,2	97,8	97,7
7. Туркмены	2 688 683	98,9	98,9	98,7	98,5
8. Киргизы	2 473 981	98,7	98,8	97,9	97,8
ИТОГО	36 085 062	98,3	98,4	98,1	97,9
3. Иранская языковая группа					
9. Таджики	4 119 277	98,1	98,5	97,8	97,7
4. Романская языковая группа					
10. Молдаване	3 070 389	95,2	95,0	93,2	91,6
5. Финно-угорская языковая группа					
11. Эстонцы	980 033	95,2	95,5	95,3	95,5
6. Балтийская языковая группа					
12. Литовцы	2 996 858	97,8	97,9	97,9	97,7
13. Латыши	1 382 674	95,1	95,2	95,0	94,8
ИТОГО	4 379 532	96,8	96,9	96,9	96,8
7. Картвельская языковая группа					
14. Грузины	3 909 947	98,6	98,4	98,3	98,2
8. Армянский язык					
15. Армяне	4 623 232	89,9	91,4	91,7	91,7

* Исчислено по источникам: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. V. М., 1973; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. IV, Национальный состав населения СССР. Часть I. Книга 1. Часть I. Книга 2; Книги хранятся в текущем архиве Института этнологии и антропологии РАН; Союз. 1990. № 51. С. 15—16.

лидеров национальных движений и теоретиков лингвицизма об угасании языков титульных наций путем их насильственной русификации не соответствует действительности. Более того, анализ состояния устойчивости родных языков титульных наций в границах собственных республик показывает, что за тридцать лет проявила себя не только тенденция устойчивости и незначительного сокращения доли лиц с родным языком своей национальности, но и прямо противоположная тенденция — реанимация и укрепление языка своей национальности в качестве родного языка. При этом в первом случае лишь славяноязычные украинцы и белорусы понесли ощутимый урон, потеряв за эти годы соответственно 5,8% и 13,0% лиц, считающих родным соответственно украинский или белорусский язык. Среди тюркских народов сокращение удельного веса этой категории граждан было минимальным и составило среди казахов — 0,6%, туркмен 0,3%, киргизов — 0,2%. Среди народов неславянской и нетюркской языковой принадлежности потери лиц с родным языком своей национальности были незначительными: среди ираноязычных таджиков — 0,1%, финноугорских эстонцев — 0,4%, балтоязычных латышей — 1,0% и среди романоязычных молдаван — 2,8%. Во втором случае, напротив, доля лиц с родным языком своей национальности возросла, а национальное самосознание, соответственно, окрепло. За то же рассматриваемое тридцатилетие удельный вес азербайджанцев с родным языком своей национальности увеличился на 1,0%, армян и литовцев — на 0,4%, грузин — на 0,2% (см. табл. 4).

Таким образом, лингвицизм, проявивший себя наиболее открыто, ярко и наступательно в форме заботы за сохранность родных языков титульных наций, не имел под собой сколько-нибудь реальных и объективных этноязыковых оснований. Национальное движение за законодательное огосударствление языков титульных наций вытекало не из объективной потребности пробуждения и возрождения национальных языков, как это неустанно декларировалось накануне и в ходе языковой реформы, а служило новому самоутверждению титульных наций и утверждению их монопольного права на создание национальной государственности.

В свете сказанного особенно актуальным становится рассмотрение задач и идеологии языковых реформ, вынесенных в митинговые лозунги языковых движений или включенных в программные документы, в проекты и в тексты языковых законодательных актов.

Цели языковой реформы нуждаются в описании и осмыслении независимо от того, идут ли официальные власти на дальнейшее расширение

Таблица 4

**Устойчивость языков своей национальности в качестве родных
у народов, имеющих свою республику**
(в одноименных республиках, в % по данным переписи населения)

Народы	Численность в 1989 г.	В % от общей численности			
		1959	1970	1979	1989
1. Славянская языковая группа					
1. Русские	119 865 946	100,0	100,0	99,9	100,0
2. Украинцы	37 419 053	93,5	91,4	89,0	87,7
3. Белорусы	7 904 623	93,2	90,2	83,5	80,2
2. Тюркская языковая группа					
4. Узбеки	14 142 475	98,6	98,9	98,8	98,7
5. Казахи	6 534 616	99,2	98,9	98,6	98,6
6. Азербайджанцы	2 919 061	98,1	98,9	98,7	99,1
7. Туркмены	2 536 606	99,5	99,3	99,2	99,2
8. Киргизы	2 229 663	99,7	99,7	99,6	99,5
3. Иранская языковая группа					
9. Таджики	3 172 240	99,3	99,4	99,3	99,2
4. Романская языковая группа					
10. Молдаване	2 794 749	98,2	97,7	96,5	95,4
5. Финно-угорская языковая группа					
11. Эстонцы	963 281	99,3	99,2	99,0	98,9
6. Балтийская языковая группа					
12. Литовцы	2 924 251	99,2	99,5	99,7	99,6
13. Латыши	1 387 757	98,4	98,1	97,8	97,4
7. Картвельская языковая группа					
14. Грузины	3 787 393	99,5	99,4	99,5	99,7
8. Армянский язык					
15. Армяне	3 083 616	99,2	99,8	99,4	99,6

* Исчислено по источникам, указанным в сноске к табл. 3.

участия народных масс в самоуправлении или же новые власти, напротив, стремятся ограничить демократизацию. Понятно, что для новых государственных структур жизненно важно обеспечить себе достаточно эффективные языковые рычаги для реализации своей политики и для проведения своей линии. При этом новые структуры власти,

порожденные национальными движениями, естественно, заинтересованы «оплатить» и «оправдать» свое пребывание в кабинетах власти тем, кто помог им осуществить успешное хождение во власть. Отсюда вытекает понимание глобальной цели языковой реформы: во-первых, создать условия для эффективного управления, в том числе за счет увеличения конкурентоспособности новых лиц, во-вторых, внушить управляемым согражданам ощущение единой направленности стоящих перед всем населением республики задач, в том числе по достижению национального единства и межнационального согласия.

Даже приняв в качестве исходной каждую из указанных предпосылок, приходится все же признать, что раскрытие подлинных целей законов о языке и адекватный анализ — это не такая простая задача, как это видится с первого взгляда. В самом деле, казалось бы, есть законы, опубликованы тексты, обнародованы споры и дискуссии. Чего еще? Бери, сравнивай, раскладывай по полочкам и делай выводы. Но, к сожалению, несколько обстоятельств не позволяют идти по указанному легкому пути. Во-первых, переходное время, в которое были приняты законы, во-вторых, динамизм, неустойчивость и неопределенность, зыбкость и маргинальность социальных движущих сил, принявших активное участие в составлении законов и в утверждении их конституционным путем, через юные парламенты обновляющихся республик. В-третьих, потрясающий недостаток информации о реальной языковой ситуации в руках тех, кому выпала доля составлять новые законы или же голосовать за них. В-четвертых, наличие двух подходов — явного и подразумеваемого — в определении целей законов. Поэтому анализ требует не только буквального прочтения каждого текста, но вхождения в контекст закона и ощущения его духа.

В большинстве союзных республик, особенно в Европейской части страны, языковая реформа во многом была инспирирована деятельностью народных фронтов. «Цель проекта закона, как и многих мероприятий, проводимых Народным фронтом, — откровенно пояснял Ю. Лотман, начиная обсуждение опубликованного в печати Закона Эстонии «О языке», — оздоровить атмосферу, создать подлинное единство народа Эстонии»¹.

На текстах многих языковых законов лежит плотная тень программных установок, выработанных лидерами народнофронтовых движений. Таким образом, при рассмотрении и анализе целей языковых законов ни в коей мере нельзя упускать из поля зрения национально-языковые пункты (статьи) в программах и уставах народных фронтов и аналогичных движений.

В другой группе республик, напротив, цели языковой реформы состояли в том, чтобы с ее помощью сохранить власть в руках господствующей номенклатуры. Но об этом ниже.

Хотя и здесь немало подводных камней. В самое последнее время выявилось, что объявленные в документах цели национальных движений, не совсем, мягко говоря, совпадали с истинными замыслами идеологов и активистов народных фронтов. По истечении известного срока и после достижения некоторых выдвинутых ранее целей народнофронтовские лидеры объяснили это тактической хитростью, дипломатическими маневрами, приоритетом стратегических задач над тактическими. В связи с этим нельзя упускать из поля зрения двойной камуфляж: маскировку в одном случае внешних по отношению к языку этнополитических целей целями языковыми и маскировку стратегических задач децентрализации империи задачами тактическими на пути к национальному самоопределению.

Распределение законов по изложенным в статьях целям позволяет выделить несколько типов целей новой языковой политики. В соответствии с масштабностью самих целей выстраивается ряд, в котором открыто выделяются следующие заметные цели (от более узких к более крупным): 1) расширение сфер применения государственного языка; 2) обеспечение приоритетов для развития национальной культуры с помощью государственного языка; 3) введение государственного языка как одного из механизмов культивирования и реализации национального самосознания; 4) спасение народа от угрозы ассимиляции при помощи государственного языка; 5) доминирование государственного языка как символа и как необходимого условия суверенитета национальной республики. Приведенная схема, понятно, является условной, так как в одном и том же языковом законе порой перекрещиваются, взаимно дополняют друг друга, сочетаются разные по масштабу цели. Обратимся непосредственно к текстам и примерам.

К первой группе законов относятся те, в которых цели сведены к расширению сфер применения государственного языка или законодательного разграничения сфер его употребления вместе с употреблением каких-либо других языков. Так, например, «Закон Таджикской Советской Социалистической Республики о языке» «устанавливает правовое положение и регламентирует применение таджикского языка (фарси) в качестве государственного по всей территории Таджикской ССР»², а также «определяет правовой статус и сферы применения таджикского, русского, узбекского, киргизского, туркменского и других языков в республике»³. Сходной выглядит цель и киргизско-

го языкового закона, согласно которому введение статуса киргизского языка как государственного «обеспечит всестороннее и полноценное применение киргизского языка во всех сферах государственной и общественной жизни республики»⁴.

Литовский язык объявлен государственным языком республики «в целях обеспечения развития и функционирования литовского языка в государственной и общественной жизни»⁵. Типологически сходной выглядит и цель латвийского языкового закона. «Государство, — читаем в этом законе, — обеспечивает всестороннее и полноценное использование латышского языка во всех сферах государственной и общественной жизни»⁶.

Ко второму типу языковой политики относятся законы, цель которых состоит в обеспечении благоприятных условий во всех сферах государственной жизни для монопольного развития национального языка, объявленного государственным, и для содействия развитию национальной культуры. Так, например, одна из статей Киргизского языкового закона гласит: «Законодательное установление статуса киргизского языка как государственного обеспечит всестороннее и полноценное применение киргизского языка во всех сферах государственной и общественной жизни республики»⁷.

К третьему типу языковой политики относятся законы, цель которых заключается в воспитании, в укреплении национального самосознания нации, утвердившей свой национальный язык в качестве государственного языка. Трудно было бы понять законодателей, если бы цель закона сводилась только к данной этнопсихологической категории, к созданию дополнительных рычагов по подъему национального самосознания. Поэтому данная цель балансируется дополнительным указанием на необходимость урегулирования межнациональных отношений.

При изложении целей Казахского, Украинского и Белорусского законов содержится важное указание на то, что установление законодательного статуса государственного языка должно обеспечить охрану конституционных прав граждан, укрепление национального достоинства, совершенствование межнациональных отношений и укрепление дружбы народов.

«Закон Казахской ССР о языках в Казахской ССР» устанавливает правовые основы функционирования и развития языков в республике «в целях совершенствования межнациональных отношений, укрепления дружбы и сотрудничества между народами, народностями и национальными группами, проживающими в Казахской ССР»⁸.

«Задачей законодательства Украинской ССР о языках является регулирование общественных отношений в сфере всестороннего развития и

употребления украинского и других языков, которыми пользуется население республики в государственной, экономической и общественной жизни, охрана конституционных прав граждан в этой сфере, воспитание уважительного отношения к национальному достоинству человека, его культуре и языку, дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества народов Союза ССР»⁹.

Закон «О языках в Белорусской ССР» едва ли не единственный среди остальных законов о языке, в котором имеется выделенная статья, специально рассматривающая «цели законодательства о языках в Белорусской ССР». Имеет смысл эту статью воспроизвести целиком, т. к. она, во-первых, полнее и более отчетливо, чем другие языковые законы, целенаправленно выделяет цели, во-вторых, позволяет обнаружить почти текстуальное совпадение с аналогичными целями украинского языкового закона, принятого на Украине тремя месяцами ранее, чем в Белоруссии.

В законе Белорусской ССР «О языках в Белорусской ССР» в разделе «Общие положения», предусмотрена специальная статья о целях законодательства о языках в Белорусской ССР. Статья гласит:

«Законодательство Белорусской ССР о языках преследует цель урегулирования отношений в области развития и употребления белорусского, русского и других языков, которыми пользуется население республики в государственной, социально-экономической и культурной жизни, защиты конституционных прав граждан в этой сфере, воспитания уважительных отношений (так в тексте. — М. Г.) к национальному достоинству человека, его культуре и языку, дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества народов»¹⁰.

Высоким пафосом защиты интересов народа, сохранения самостоятельного этноса объясняется необходимость языковой реформы и придания статуса государственного эстонскому, киргизскому, украинскому языкам. Защита интересов народа, предотвращение грозящей ассимиляции, медленного этнического угасания как продуманные цели языковой реформы вполне укладываются в основной тип такой языковой политики, когда доминирование одного языка обеспечивает наглядное фактическое и символическое достижение суверенитета.

«Законодательное установление статуса эстонского языка как государственного, — говорится в «Законе Эстонской ССР о языке», — создает прочную основу для сохранения и развития эстонского народа и его культуры»¹¹. В соответствии с киргизским законом «законодательное установление статуса киргизского языка как государственного соз-

дает основу для защиты и развития киргизского языка и национальной культуры киргизского народа»¹². К этой же группе примыкает задача украинского закона, согласно которой обеспечение украинскому языку статуса государственного предпринимается с целью «содействия всестороннему развитию духовных творческих сил украинского народа»¹³.

В особую группу законов можно выделить те из них, в которых в качестве важной цели выдвигается задача по нормализации разрегулированных межнациональных отношений, охране конституционных прав граждан. Таковы, в частности, цели законов, принятых в Казахстане, на Украине, в Белоруссии.

Как уже подчеркивалось, в большинстве языковых законов истинные цели скрыты, замаскированы. Трудно вывести какую-либо объективную равнодействующую и в том случае, когда цели изложены неясно, и в том, когда перечень целей чрезвычайно расширен, так что трудно отделить главные от второстепенных.

Пожалуй только две законодательные команды — Молдавская и Украинская, — объявив конечной целью суверенитет республики, вольно или невольно избежали путаницы или откровенного камуфляжа своих подлинных целей. Вполне разумное определение (и выявление) целей придания молдавскому языку статуса государственного языка содержится в каждом из двух законов Молдовы. Так, например, в Законе «О статусе государственного языка Молдавской ССР» речь идет об «устранении деформаций в языковом строительстве в Молдавской ССР», а в Законе «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» — о том, что конституционное закрепление статуса молдавского языка в качестве государственного «призвано способствовать достижению полного суверенитета республики и созданию необходимых гарантий для его полноценной и всесторонней реализации во всех сферах политической, экономической и культурной жизни»¹⁴.

При подготовке украинского языкового закона был учтен молдавский опыт. И хотя, как указывалось в периодической печати, многое из молдавского закона было отвергнуто, в частности, признание языка союзно-республиканской нации языком межнационального общения, все же на определение целей украинского закона молдавский закон, по-видимому, оказал влияние. Целью Закона «О языках в Украинской ССР» является обеспечение наряду со всесторонним развитием украинского народа «гарантирования его суверенной национально-государственной будущности»¹⁵.

Надо сказать, что идея использования государственного языка в качестве «защиты национальной суверенности», или «гаранта единого и

неделимого государства» и т. п. далеко не нова. В политических документах российских монархистов начала XX в., в частности, в программном «Обращении» к избирателям в Государственную Думу «Русского собрания» (дворянской организации, ставшей идейной предшественницей всех монархических партий России)¹⁶ положение о русском языке как государственном языке занимало одно из ключевых позиций, наряду с признанием господствующего положения Православной церкви, Государственной школы как Русской школы и самодержавия как залога «внешнего государственного могущества и внутреннего государственного единства России»¹⁷. Ни много ни мало. И таких партий и движений, с пониманием имперской заданности государственного языка, было не мало.

Выступая за сохранение единства и целостности великой Российской империи Монархическая партия России включала «единый Русский Государственный язык» в перечень из пяти основных столпов достижения этой цели¹⁸.

Именно в противовес монархическим установкам введения единого, обязательного для всех национальностей, государственного языка, Российская социал-демократическая партия (большевики) в резолюцию своего совещания (1913 г.) включила положение об отмене государственного языка и демократическое, республиканское устройство государства, обеспечивающее полное равноправие всех наций и языков при отсутствии обязательного государственного языка¹⁹.

В то же время многие партии немарксистского толка не скрывали прямой связи государственного языка со своими политическими целями и задачами. В программных документах Украинской партии социал-революционеров требование национальных прав национальным меньшинствам из числа неукраинского населения подкреплялось указанием на необходимость установления для их языков статуса «государственного характера» там, где эти национальные меньшинства составляли значительное большинство²⁰.

Итак, извлеченные из текстов языковых законов «самопризнания» свидетельствуют о многообразии в понимании и изложении явных и скрытых целей языковой реформы в бывших союзных республиках. При этом из широкого диапазона формулировок четко выделяется одна общая цель. Реформирование функционального аспекта языка закладывает основу для последующего более широкого процесса децентрализации системы советского федерализма. Языковая реформа практически означала шаг к суверенизации, движение республики к независимости, к воплощению принципа самоопределения нации. Одна-

ко, отвергая более емкую формулировку «национального самоопределения», языковая реформа одновременно закладывала противоречивую основу для достижения национального успеха одними контингентами населения за счет психологически труднопереносимого поражения других.

Сколь многообразными ни были бы манифестированные цели огосударствления языковой политики, между строчками законов всегда или почти всегда торчат «внеязыковые уши»: обеспечить гарантии конкурентноспособности группам титульного населения, владеющим государственным языком.

Одним словом, языковая реформа-89, преследующая отнюдь не языковые цели, состоялась. В одном случае, захватив власть на волне борьбы за установление статуса государственного языка, национальная номенклатура постаралась оградить свои интересы с помощью этого нового социально-языкового института. В другом — перехватив инициативу, — старая номенклатура сохранила свою власть, ринувшись навстречу идеям национального суверенитета через предварительный этап суверенизации национального языка, путем придания ему статуса государственного языка. В третьем случае, бывшие номенклатурные кадры, быстренько сменив идеологические одеяния и пересев с коммунистической колесницы на коня национальной независимости, ухватились за государственный язык как одну из важнейших целей в процессах суверенизации и консолидации.

Усвоение государственного языка в качестве гражданского долга, первоначально задумывалось для должностных лиц, находящихся на государственной службе или работающих на предприятиях и в учреждениях и обязанных отвечать на обращения граждан.

По мере суверенизации и продвижения к независимой национальной государственности смысловые нагрузки «языкового долга» постепенно расширялись. Введение законов о гражданстве уже обозначило следующий рубеж: знать государственный язык стало необходимым не только для исполнения служебных обязанностей, но и для того, чтобы стать гражданином нового государства, а также для адаптации в новой этнополитической среде. Законодатели прекрасно понимали, что придание статуса государственности языку титульной нации создаст определенные языковые факторы, препятствующие полному взаимопониманию и межнациональному согласию. Однако «разнообразие языковой подготовки всех граждан при обязательном укреплении позиции основного или официального языка, — как дипломатично отмечалось в Литовской печати, — это условие постоянного и все-

объемлющего диалога, открытости, психологической совместимости в мультиэтническом обществе»²¹.

Иными словами, в мягкой форме жестко отражалась новая ситуация: национальным меньшинствам нелитовой национальнойности, и прежде всего русским, предлагалось отказаться «смотреть в лес», на территории расселения своих этнических сородичей, освободиться от представлений о едином советском народе, единой советской Родине от Балтики до Тихого Океана и повернуться лицом к конструктивному сотрудничеству с целью укрепления государственной самостоятельности литовского народа.

Говорят: «власть — жизнь всласть». Не зря говорят. Преобразования, проведенные под флагом языковой реформы и направленные на захват власти, еще раз подтвердили эту старую истину. Целевое огосударствление языков титульных наций стало для части новой этнократии и для мобилизованного лингвизма двуликим знаменем. На лицевой стороне знамени, там где вместо красного яркими красками и громкими лозунгами восстанавливались триколоры, желтоблагитные и другие, радующие лингвистов, национальные цвета, были написаны непререкаемые слова об этноциде, устроенном большевиками, и о необходимости национального возрождения и языкового развития. Все беды и трагедии, потери, реальные и мнимые, включая безнадежно отсталую экономику, косность и узость профессионального слоя культуры, катастрофическое обмеление менталитета были списаны на антинациональную русификаторскую политику, идущую от большевистско-коммунистического Центра и иссушающую родники и почву национального бытия.

В отличие от этой стороны, имеющей не только человеческое лицо, но и исторически сложившиеся предпосылки застоя в развитии национальной культуры, на обратной стороне национально-языкового знамени, как на невидимой стороне луны, угнездилась совсем иная — деструктивная идея, идея развала империи, подрыва основ веками складывающегося многонационального государства, идея освобождения от коммунистической монополии Центра. Именно такое двуликое знамя помогло выжить прослойке старой партюкратии и вывело новую прослойку этнократии на политическую авансцену, обеспечило им поддержку части собственного народа, спровоцировало солидарность Запада, открыто заинтересованного в развале могущественной державы, обмануло заспанную в застое номенклатуру Кремля.

Однако реальность, т. е. собственно языковая ситуация, в исторически сложившихся условиях многонациональности и многоязычия не смогла быть разрушенной в одночасье привычными для российского

опыта радикальными методами и решениями. Издержки отрыва творцов и исполнителей языковых законов от реальной языковой ситуации сказались немедленно.

Более того, обнаружилась концептуальная и эмпирическая несостоятельность обеих сторон — и лицевой, и обратной — национально-языкового знамени. Языковой приоритет, устанавливаемый для одной только титульной нации, насаждаемый к тому же большевистскими методами, обернулся против самих реформаторов. Восстали дискриминируемые меньшинства. Никаких иных, кроме большевистских методов, в арсенале реформаторов, состоявших из бывших партаппаратчиков, из бывших диссидентов и из малоискушенных в политике представителей национальной интеллигенции, не оказалось. При этом особенно губительным оказался радикализм реформаторов в сочетании с их былой слабой профессиональной подготовленностью. И беда и трагедия переходного периода сказались в склонности части реформаторов к утопическому максимализму («Даешь государственный язык в два года!»).

Уроки Российской истории не пошли впрок ни самим русским, ни тем, кто формировался в социокультурном пространстве бывшего Советского Союза. И вслед за А. С. Ципко трудно не напомнить об уроках 1905 г., когда именно те, кто оказался несостоятельным как специалисты, кто не обладал ни фундаментальными знаниями, ни вкусом и способностью к конструктивно-созидательной деятельности, оказались в рядах наиболее радикальных, левофланговых сил²². Что же касается идеи разрушения империи как движущего мотива этнополитической деятельности национальных элит, то она тоже не могла стать долговременной конструктивной идеологией, как из-за внезапно быстрой реализации, так и за невозможностью ее эксплуатации для построения своей собственной национальной государственности.

Конечная цель панлингвицистов достаточно очевидна: полная реализация древнего националистического принципа «*cuius regio, ejus lingua*» (кому принадлежит государство, тому и язык). От перемены мест слагаемых — языка и государственности — сумма не меняется. Весь вопрос, согласятся ли те, кому насаждается новый государственный язык, с участью обреченных?

1.5. ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА И ЯЗЫКОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

Летом 1989 г. Париж широко отмечал 200-летие Великой французской революции. Накануне, в весеннюю пору, 25 апреля, в рамках этого праздника, был проведен международный colloquium, организован-

ный международной федерацией преподавателей новых живых языков при поддержке и спонсорстве ЮНЕСКО. Коллоквиум был посвящен обсуждению проблем языка и прав человека. обстоятельно обсудив ряд документов, имеющих отношение к заданной теме, участники симпозиума разработали и согласовали тексты трех новых документов: Преамбулы, Резолюций и Всеобщей Декларации языковых прав и разослали эти тексты всем национальным ассоциациям, входящим в ЮНЕСКО и в ФИПЛВ, а также договорились представить их на очередную Генеральную ассамблею ФИПЛВ.

Условно говоря, два типа новейших языковых движений — движение ряда общественных организаций европейских стран за принятие ЮНЕСКО и ООН Всеобщей Декларации языковых прав и национально-освободительное движение в бывшем СССР за придание статуса государственного языка языкам титульных наций — совпали по времени.

Придание статуса государственного одному из языков, носители которых находятся в контактах под единой крышей многонациональной республики (или суверенного государства), неумолимо выдвигало на передний план проблему консенсуса относительно основополагающих принципов межъязыковых (и межэтнических) контактов. Именно поэтому имеет смысл ознакомиться с некоторыми принципами языковых прав и языковых обязанностей, разработанными авторитетными специалистами в области прикладной лингвистики и правовых аспектов межличностных и межэтнических контактов. В качестве примера можно сослаться на «Фундаментальные принципы Универсальной Декларации языковых прав», разработанные международной группой специалистов, рассмотренные (август 1991 г., Венгрия), одобренные и предложенные ООН для дальнейшего апробирования и принятия.

По мнению экспертов, принявших участие в разработке «Декларации языковых прав» человека, имеет смысл исходить из десяти фундаментальных принципов:

«1. Каждый человек имеет право изучать любой один или более языков.

2. Каждый человек имеет право отождествлять себя с любым языком и на то, чтобы этот выбор уважался всеми общественными, частными и государственными учреждениями.

3. Каждый человек имеет право слушать, говорить, читать и писать на любом языке.

4. Каждый человек имеет право выражать себя на любом языке.

5. Каждый человек имеет право на обеспечение специальным образованием в случае недостаточного владения языком.

6. Не может быть запрещено преподавание любого языка.

7. Каждый человек имеет право на то, чтобы ей/ему преподавался, где это осуществимо, в рамках государственного образования или же в общине и семье тот язык, с которым она/он и ее/его семья наиболее просто отождествляют себя.

8. Каждый человек имеет право на то, чтобы ей/ему преподавался в рамках государственного образования тот официальный язык или языки того государства, нации или региона, в которых она/он постоянно проживают.

9. Каждый человек имеет право на то, чтобы ей/ему преподавался в рамках государственного образования по меньшей мере еще один язык для того, чтобы расширить свой социальный, культурный, образовательный и умственный горизонт и увеличить международное понимание.

10. Эти права касаются всех лиц. Их обеспечение для тех лиц, которым они до этого не были предоставлены, должно осуществляться через общинное обучение, образование взрослых и высшее образование»¹.

Осуществление языковой реформы-89 и, в частности, введение статуса государственного языка, немедленно породило горячую заинтересованность общественного мнения, в том числе и за рубежом, в том, как соотносятся в СССР государственный язык и права человека, и в первую очередь право человека на выбор языка. Гарантируют ли законы о языках защиту прав нетитульного населения республик и их нестатусных языков.

Надо подчеркнуть, что горячая полемика, вспыхнувшая по этому поводу в периодической печати, осуществлялась на довольно низком профессиональном уровне, т. к. смещались разные плоскости: индивидуальные языковые права человека (частного лица) и коллективное право государства на законодательное регулирование официальных контактов в официальных сферах общения, языковое равноправие смешивалось с более частным правом языка.

Большинство принятых законов в большей своей части почти безупречны в отношении юридической защиты индивидуальных языковых интересов граждан республик, независимо от их национальной и языковой принадлежности.

Предоставляя право всем жителям республики употреблять во всех сферах частной жизни, в обращении частных лиц в любые органы государственного управления, административные инстанции, в учреждения и предприятия, к работникам сферы обслуживания, медицины, а также гарантируя частному лицу право на получение им информации на избранном им же языке, законы о языке устанавливают неукоснительное

право каждого человека, как частного лица, на свободный выбор языка. И набившие оскомину упреки в адрес нового языкового законодательства в том, что оно нарушает права частного лица, должны быть признаны несостоятельными. Разумеется, предоставление столь широких демократических гарантий требовало от законодателей и законодательства чрезвычайной чуткости, осторожности и ответственности. По-видимому, в сложившейся за долгие годы этноязыковой ситуации многих республик, можно было бы относительно легко и спокойно выдавать авансы носителям русского и государственного языка. А как быть с носителями остальных языков?

Опытные специалисты, конечно, «держали в уме» эту каверзную, очень дискомфортную для них деталь. Вторая часть статьи 3 Эстонского языкового закона по этому поводу гласит: «Ведение дел с частными лицами на иных языках осуществляется в соответствии с их возможностями и целью деятельности»². Ответа, однако, на поставленный в тексте закона вопрос, как видит читатель, в законе нет. Закон от ответа попросту ушел.

Гарантируя свободный выбор государственного или русского языка в общении граждан Молдовы с государством, администрацией, учреждениями, фирмами, организациями, Молдавский закон одновременно предоставляет такое же право гражданам пользоваться гагаузским языком в местностях с преобладающим населением гагаузской национальности. Иными словами, языковое равноправие граждан — носителей гагаузского языка, хотя и ограничено территориально, но все же имеет место, т. к. статус гагаузского языка в местностях компактного расселения гагаузов приравнен к статусу государственного языка. К сожалению, в законе не раскрыты в достаточной мере языковые права национальных групп из числа русского, украинского, болгарского населения. Закон, во-первых, не раскрывает, о каком «общении» идет речь, и остается совершенно неясным, могут ли, например, украинцы и болгары «общаться» с органами государственного управления на украинском или, соответственно, на болгарском языке. По тексту закона скорее выходит, что нет (см. табл. 5).

На первый взгляд формулировка языковых прав человека в Эстонии выглядит шире и предпочтительнее нежели, скажем, на Украине. В первом случае гарантируется «право на ведение дел и общение» с государством, во втором — лишь право «обращаться» к государству на приемлемом для гражданина языке. Однако здесь не должны вводить в заблуждение редакционные шероховатости украинского закона, тем более, что он (украинский закон) устанавливает, что «отказ должностного

лица принять и рассмотреть обращение гражданина со ссылкой на незнание языка его обращения влечет за собой ответственность по действующему законодательству»³.

Таблица 5

**Языковые права гражданина (частного лица)
в новых языковых законах ***

Законы	Государственный язык	Не государственные языки	
		русский	другие
1	2	3	4

I. Прибалтика

Закон ЭССР от 18.01.89 г. «О языке». Раздел: частное лицо.	«...имеет право на ведение дел и общение во всех учреждениях государственной власти и государственного управления, а также в учреждениях, на предприятиях и в организациях Эстонской ССР», ст. 2.	«...гарантируется возможность вести дела и общаться в учреждениях государственной власти и государственного управления, в учреждениях, на предприятиях и в организациях Эстонской ССР», ст. 3.	«Ведение дел с частными лицами на иных языках осуществляется в соответствии с возможностями и целью деятельности», ст. 3.
Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР «Об употреблении государственного языка Литовской ССР».	Раздела о частном лице нет.		
Закон Латвийской ССР «О языках». Раздел 2. Права гражданина в выборе языка.	«В отношениях с органами государственной власти и государственного управления, а также с учреждениями, предприятиями и организациями язык общения, информации и документов — латышский или русский — выбирает гражданин», ст. 4. «На проводимых в Латвийской ССР съез-		«Статус латышского языка как государственного языка не затрагивает конституционных прав граждан других национальностей

1	2	3	4
	дах, конференциях, заседаниях, собраниях выбор языка выступающего свободен», ст. 5.		пользоваться своим родным языком или другими языками», Преамбула.
II. Молдова, Украина, Белоруссия			
Закон МССР от 1.09.89 г. «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». Глава II. Права и гарантии гражданина в выборе языка.	«В отношениях с органами государственной власти, государственного управления и общественных организаций, а также с предприятиями, учреждениями и организациями, расположенными на территории Молдавской ССР, язык письменного и устного общения — молдавский или русский — выбирает гражданин», ст. 6.		«В местностях с населением гагаузской национальности гарантируется право гражданина в названных отношениях (в начале ст. 6. — М. Г.) пользоваться и гагаузским языком», ст. 6. «В местностях, где большинство составляет население украинской, русской, болгарской или другой национальности, для общения (с кем? — М. Г.) родной или иной приемлемый язык»
	«На проводимых в Молдавской ССР съездах, сессиях, пленумах, конференциях, собраниях, митингах и других мероприятиях выбор языка их участниками не ограничивается», ст. 8.		
Закон УССР «О языках в Украинской ССР». 28.10.89. Ст. 5. Право граждан пользоваться любым языком	«Гражданам Украинской ССР гарантируется право пользоваться своим национальным языком или любым другим языком. Гражданин вправе обращаться в государственные, партийные, общественные органы, на предприятия, в учреждения и организации на украинском или другом языке их работы, на русском языке или языке, приемлемом для сторон», ст. 5.		
Закон от 26.01.90 г. «О	«Гражданам Белорусской ССР гарантируется право пользоваться их национальным языком. Им гарантируется также право обра-		

1	2	3	4
языках в Белорусской ССР». Ст. 3.	<p>щаться в государственные, партийные органы, предприятия, учреждения и общественные организации на белорусском, русском или другом приемлемом для сторон языке», ст. 3.</p> <p>«Решение по существу обращения оформляется на белорусском языке. Ответ гражданину дается на белорусском языке или, по его желанию, в переводе на русский язык.», ст. 3.</p>		
III. Средняя Азия и Казахстан			
<p>Закон Таджикской ССР «О языке». 22.07.89. Глава П. Права и гарантии гражданина</p>	<p>...гарантирует каждому гражданину право самостоятельного выбора языка общения с органами государственной власти и управления, а также с предприятиями, учреждениями и организациями (включая общественные) и получение гражданином от них информации и документов на государственном, русском или другом приемлемом языке», ст. 5.</p>		
<p>Закон от 23.09.89 г. «О государственном языке Киргизской ССР» Глава П. Права граждан в выборе языка и гарантии реализации этих прав.</p>	<p>«...каждый гражданин имеет право свободного выбора языка общения», ст. 6.</p> <p>«Граждане Киргизской ССР вправе обращаться в государственные органы, организации, учреждения и предприятия республики как на государственном, так и на других языках, функционирующих в республике», ст. 7.</p>		
<p>Закон от 21.10.89 г. «О государственном языке Узбекской ССР» Статья 3 (без названия)</p>	<p>«...обеспечивается право обращения в государственные, общественные организации и учреждения на государственном языке республики с заявлениями и предложениями, жалобами, а также получать на них ответ на государственном языке», ст. 3.</p> <p>«Обеспечивается право граждан обращаться и на других языках, получать ответы на го-</p>		

1	2	3	4
<p>Закон Туркменской ССР от 24.05.90 г. «О языке».</p> <p>Глава П.</p> <p>Права и гарантии граждан в выборе языка.</p> <p>Закон от 22.09.89 г. «О языках в Казахской ССР».</p> <p>Разделы и главы не обозначены</p>	<p>сударственном языке и на языке межнационального общения», ст. 3.</p> <p>«...каждый гражданин вправе обращаться по всем вопросам с заявлениями и жалобами в органы государственной власти и управления, государственные и общественные учреждения и организации, суды, прокуратуру и получать от них ответ на государственном или другом приемлемом для обеих сторон языке», ст. 4.</p> <p>«...определяя статус и порядок применения языков в республике, обеспечивает всем гражданам равную свободу выбора языка общественной деятельности и равную защиту национального достоинства каждого независимо от выбора языка жизнедеятельности», ст. 7.</p>		

* Здесь, в предыдущих и в последующих таблицах и страницах текста отсутствуют развернутые материалы о правовом статусе государственных языков титульных наций республик Закавказья, т. к. конституционное признание азербайджанского, армянского и грузинского языков в качестве государственных не делало актуальной разработку законов о языке (языках) в 1989 г.

В тексте узбекского закона не выделены ни особым разделом, ни особой главой права человека на выбор языка его общений с государственными учреждениями. Не исключено, что именно в связи с этим в отличие от других языковых законов, узбекский закон ограничивает применение языков национальных групп. Например, ни корейцы, ни немцы, ни крымские татары, проживающие в Узбекистане и поименно не названные, не обеспечиваются законом в получении ответа на свои сформулированные на их языках запросы в государственные структуры. В итоге страдает общая концептуальная сторона закона в деле защиты языковых прав национальных меньшинств. Если, например, белуджи Туркмении могут обращаться в органы государственной власти республики на своем языке балучи и получать ответ («на приемлемом для обеих сторон») языке⁴, то дунгане Узбекистана по закону такой возможностью не обладают⁵.

В языковых законах двух среднеазиатских республик — Узбекистана и Туркмении — ограничена содержательная сторона «общений» граждан с государственными структурами.

В Туркменском законе, хотели того или не хотели законодатели, получилось так, что все контакты граждан республики с государством очерчены в основном рамками «заявлений и жалоб», с которыми граждане, реализуя свои языковые права, могут обращаться в инстанции⁶. Как будто у граждан нет других поводов и других форм контактов со своим государством. В Узбекском законе разрешение обращаться с жалобами и заявлениями дополнено еще одним пунктом — предложениями⁷.

Следует подчеркнуть, что Эстонский закон, принятый одним из первых в стране, оказался самым удачным в части определения языковых прав гражданина. И хотя эстонские эксперты вместе с активистами эстонского Народного фронта накануне и в ходе языковой реформы немало поездили по стране, по республикам, пропагандируя принципы своей языковой реформы, все же определения, данные ими в их законе языковым правам человека, как «право на ведение дел и общение» с государственными структурами, осталось «невостребованным» в других республиках. Впервые человек с осознанием своего достоинства закрепил за собой право на партнерство с государством и на общение с государственными лицами. Можно лишь сказать, что республики, имевшие возможность внимательно изучить эстонский законодательский опыт, не воспользовались этой возможностью и свели в отдельных случаях языковые права человека к праву писать жалобы, доносы и просьбы. О каком достоинстве тут можно говорить и как оценивать содержание и качество таких законов?

Принципиальное значение нового языкового законодательства состоит в том, что в республиках граждане получают законные гарантии своему праву на выбор языка. Как носители государственного языка, не владеющие русским языком, так и русскоязычное население, не знающее государственного языка, перестают быть зависимыми от произвола чиновников управленческого аппарата, от руководителей любого ранга, от работников сферы обслуживания. Закон обязывает продавщицу магазина, министра любого министерства, врача поликлиники, работника милицейского участка отвечать человеку на удобном для него (человека) языке. Ответ должен быть дан на том же языке, на каком прозвучал вопрос. При охране языковых прав начальника и подчиненного закон также оказывался на стороне подчиненного, отдавая предпочтение в общении между данными субъектами языку, избранному подчиненным. Это и есть гарантированное право языка, но еще не языковое равноправие.

Итак, действительно, как отмечалось в печати, «простой человек, на каком бы он языке ни говорил, от закона о языке только выигра-

ет»⁸. В самом деле, воспроизведенная здесь оценка качества проектов Эстонского закона о языке, вынесенная Ю. Лотманом, совершенно справедлива. Эту оценку с той или иной мерой осторожности можно было бы отнести и ко многим другим законам о языках, принятым в иных республиках.

Вопрос же заключается не только в том, гарантирован ли простой человек от произвола властей и защищены ли его языковые права, а в том, помогает ли закон любому гражданину республики перестать быть «простым человеком» и стать «начальником»? Думается, именно эта сторона дела нового языкового законодательства взволновала значительные контингенты населения союзных республик, когда языком официальных институтов власти, экономики, обслуживания, науки и других сфер жизнедеятельности стал утверждаться государственный язык. Корни межэтнических конфликтов на «языковой почве» надо искать не в гарантиях прав граждан на выбор языка, а в гарантиях прав и реальных шансов на социально-профессиональную мобильность, на государственное обеспечение развития национальной культуры любой национальности, любой национальной группы. Глубоко и, похоже, искренне на вопрос: «Задевает ли проект закона (эстонского. — М. Г.) чьи-либо интересы?» — ответил тот же Ю. Лотман. «Да, задевает, — сказал он. — Об этом надо говорить прямо. Он задевает интересы бюрократии, особенно верхних эшелонов. Положению, при котором директор крупного предприятия чувствовал себя в экстерриториальном положении и спокойно мог разрушать среду обитания, не считаясь ни с мнением местных Советов, ни, тем более, просто с населением, с которым он не общался и не видел в этом никакой необходимости, поддерживая связь только со своим центральным ведомством, проект закона наносит сильный удар»⁹.

Нельзя жить в обществе и быть абсолютно свободным от него. Нельзя иметь языковые права и не иметь никаких языковых обязанностей. Любая конституция любой страны мира — это не что иное, как перечень прав и обязанностей, лежащих в основе консенсуса между человеком и государством.

Устанавливая широкие права граждан в выборе языка в их отношениях с государственными структурами, закон о государственном языке, естественно, должен был предусмотреть и введение языковых обязанностей для лиц, находящихся на государственной службе, и далее обеспечить на высоком и надежном государственном уровне возможность овладеть государственным языком для всех тех должностных лиц, кто еще недостаточно им владеет.

Законодательное утверждение (оформление) языковых обязанностей имеет место во всех языковых законах. Конечно, бессмысленно было бы ждать от законов, а также от ассоциированных с ними документов детальных списков всех профессий и всех должностей, число которых в современном обществе, вероятно, составляет не одну тысячу названий.

Поэтому, не увлекаясь составлением списков, законодатели пошли по определению принципиальных вещей, и в первую очередь по уточнению тех сфер народного хозяйства, работая в которых и имея в них контакты с широкой публикой, должностные лица обязаны знать и употреблять как минимум два языка.

ПРИБАЛТИКА

Законодательное установление обязательного двуязычия является уникальным в мировой языковой политике, и при его реализации, конечно, выявляются многие подводные камни. Так, например, в требованиях эстонского закона перечислены даже не два, а больше языков («эстонский», «русский» и «другие» — см. табл. 6). Однако, какие требования установлены к каждому из них, из текста не ясно. Статья 4 отсылает к статье 37, а та в свою очередь тоже уходит от ответа и прикрывается полномочиями, предоставленными Совету Министров по согласованию с Комиссией по защите языка Президиума Верховного Совета Эстонии.

Позднее, в апреле 1990 г., сходные требования по знанию и употреблению двух языков были установлены для служащих частных фирм (кооперативов, индивидуальных фирм и т. п.).

В отличие от Эстонского, Литовский закон не вменяет в обязанность работникам сфер, где имеются контакты с населением, быть двуязычными. Закон требует лишь одного: «обеспечить обслуживание населения» «на приемлемом для обеих сторон языке». Требуя от всех руководителей и иных работников обязательного знания литовского языка, закон практически освобождает титульное население республики, т. е. литовцев, от обязанности быть двуязычными, но имплицитно включает иноязычие, а, следовательно, и двуязычие в состав профессиональной подготовки и в должностной долг всем тем, для кого литовский язык не является языком своей национальности. В этом радикальное отличие литовского «способа» решения языковых проблем от эстонского и многих других.

Для обеспечения активного участия иноязычного населения в государственной, общественной и культурной жизни республики, а также обучения в высших учебных заведениях Литвы литовский языковой указ

требует от соответствующих государственных инстанций создания условий для серьезного овладения литовским языком в учебных заведениях с преподаванием не на литовском языке, а также на специальных курсах.

Таблица 6

**Языковые обязанности государственных служащих,
утвержденные языковыми законодательствами**

Законы	Обязанности по отношению к языкам		
	Государственному	Русскому	Другим
1	2	3	4

I. ПРИБАЛТИКА

Закон Эстонской ССР О языке. 18.01.89.	«Для всех руководящих работников, работников органов государственной власти и государственного управления, общественных организаций, правоохранительной системы, органов охраны общественного порядка и органов надзора, медицинского персонала, журналистов, работников сферы обслуживания, торговли, связи, аварийно-спасательных служб и других, по долгу службы общающихся с частными лицами, устанавливаются требования в части владения языками. Владение и пользование эстонским языком, русским и другими языками являются обязательными в пределах требований, устанавливаемых в соответствии со статьей 37 данного Закона», ст. 4 .
Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР «Об употреблении государственного языка Литовской ССР»	«Руководители и другие руководящие работники высших органов государственной власти и управления Литовской ССР, министерств, ведомств, Советов народных депутатов и их исполкомов, общественных организаций, предприятий, учреждений и других организаций республики обязаны владеть литовским языком», ст. 6.

1	2	3	4
<p>Закон Латвийской ССР от 5.05.89 г. О языках.</p>	<p>«Руководители народных судов, государственных нотариальных контор, органов прокуратуры и внутренних дел, учреждений здравоохранения, социального обеспечения, торговли, бытового обслуживания населения, транспорта, связи, финансов, жилищного хозяйства, а также других учреждений, постоянно вступающих в контакты с населением, должны обеспечить обслуживание населения в руководимых ими учреждениях на литовском языке, а в случае необходимости — и на другом приемлемом для обеих сторон языке», ст. 6.</p> <p>«...все работники органов государственной власти и государственного управления, а также учреждений, предприятий и организаций, в обязанности которых входит сношение с гражданами, должны знать и употреблять как латышский, так и русский язык в таком объеме, какой необходим для выполнения их профессиональных обязанностей. Объем знания языка, который необходим этим работникам, определяется в порядке, утвержденном Советом Министров Латвийской ССР», ст. 4.</p>	<p>П. МОЛДОВА, УКРАИНА, БЕЛОРУССИЯ</p>	
<p>Закон О функционировании языков на территории Молдавской ССР. 01.09.89.</p>	<p>«Для руководящих работников, работников органов государственной власти, государственного управления и общественных организаций, а также для работников предприятий, учреждений и организаций, по долгу службы общающихся с гражданами (здравоохранение, народное образование, культура, средства массовой информации, транспорт, связь, торговля, сфера обслуживания, жилищно-коммунальное хозяйство, правоохранительные органы, аварийно-спасательная служба и др.), независимо от национальной принадлежности, в целях обеспечения права гражданина на выбор языка устанавливаются требования в части владения молдавским, русским,</p>		<p>а в местностях с населением гагаузской национальности — и гагаузским языками на уровне общения,</p>

1	2	3	4
Закон от 28.10.89 г. «О языках в Украинской ССР»	«Должностные лица государственных, партийных, общественных органов, учреждений и организаций должны владеть украинским и русским языками,		достаточном для выполнения профессиональных обязанностей. Объем и уровень знания языков определяются в порядке, устанавливаемом Советом Министров Молдавской ССР в соответствии с действующим законодательством.», ст. 7.
Закон О языках в Белорусской ССР. 26.01.90.	«Руководители и другие работники государственных учреждений, партийных, советских, профсоюзных органов, общественных организаций и предприятий должны владеть белорусским и русским языками в объеме, необходимом для исполнения служебных обязанностей.», ст.4. Ст. 4. Обязанность должностных лиц, других работников государственных, партийных органов, предприятий, учреждений и общественных организаций владеть белорусским и русским языками.		а в случае необходимости — и другим национальным языком в объеме, необходимом для выполнения служебных обязанностей», ст. 6.
III. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН			
Закон Таджикской ССР «О	«К работникам органов государственной власти и управления, общественных организаций, а также правоохранительных органов,		

1	2	3	4
<p>языке» 22.07.89.</p> <p>Закон О государственном языке Киргизской ССР 23.09.89.</p>	<p>учреждений здравоохранения, культуры, торговли и сферы услуг, транспорта, социального обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства, которым по долгу службы приходится систематически общаться с гражданами различных национальностей, устанавливаются требования в области знания государственного и русского языков в объеме, необходимом для выполнения их профессиональных обязанностей», ст. 6.</p> <p>«Руководители и другие работники органов государственной власти и управления, общественных и кооперативных организаций, правоохранительных органов, народного образования, здравоохранения, культуры, связи, транспорта, торговли, бытового обслуживания, коммунального хозяйства, в функции которых входит общение с гражданами, обязаны применять государственный язык в объеме, обеспечивающем выполнение своих служебных обязанностей», ст. 8. «Органы государственной власти и управления Киргизской ССР и их должностные лица обращаются к гражданам и отвечают на их письма, заявления и</p>		

1	2	3	4
Закон О государственном языке Узбекской ССР. 21.10.89.	жалобы на государственном или русском языках», ст. 14. «Руководители и работники органов государственной власти и управления, работающие в Узбекской ССР, должны знать государственный язык республики в достаточной мере для выполнения своих служебных обязанностей. Лица, по роду своей деятельности связанные с обслуживанием населения, должны знать государственный язык в объеме, необходимом для выполнения своих служебных обязанностей», ст. 4.		
Закон Туркменской ССР О языке. 24.05.90.	«Работники органов государственной власти и управления, общественных организаций, а также правоохранительных органов, учреждений здравоохранения и народного образования, культуры, торговли и сферы услуг, транспорта, социального обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства, которым по долгу службы приходится систематически общаться с гражданами различных национальностей, должны владеть государственным и русским языками в объеме, необходимом для выполнения своих профессиональных обязанностей», ст. 5.		В районах компактного проживания национальных групп эти работники должны владеть в таком же объеме и родным языком местного населения», ст. 5.
Закон О языках Казахской ССР.	«Работники органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, органов социального обеспечения, учреждений народного образования, культуры и здра-		

1	2	3	4
22.09.89.	воохранения, предприятий торговли, бытового обслуживания, связи, транспорта, коммунального хозяйства, средств массовой коммуникации и информации обеспечивают прием граждан и беседу с ними на языке обращения, а по мере создания соответствующих условий овладевают казахским и русским языками,		а в местах компактного проживания других национальных групп — и их языками в объеме, необходимом для выполнения служебных функций», ст. 16.

МОЛДОВА, УКРАИНА, БЕЛОРУССИЯ

Воздвижение храма правового регулирования межъязыковых и межнациональных отношений стало особенно трудным делом в бывших союзных республиках с пестрой мозаикой национального состава. Даже несмотря на то, что над составлением текстов языковых законов билась мысль ученых, политиков, государственных руководителей, бескорыстная помощь энтузиастов и энергичные протесты тех, кто находился в оппозиции к языковой реформе, многие вопросы языкового законодательства и внедрение законов в жизнь остались спорными. При этом, как это нередко бывает, слабость ряда языковых законов стала продолжением их сильных сторон. Так, например, в Молдавском и Украинском законах для обеспечения языковых прав граждан этих республик в обязанности должностных лиц внесена необходимость быть двуязычными — т. е. владеть двумя языками и употреблять в официальных сношениях два языка — государственный и русский. Наряду с этим для тех районов Молдавии, где имеется компактно проживающее гагаузское население, закон требует от должностных лиц, работающих в государственных структурах этих районов, знать и употреблять гагаузский язык. Сила закона, таким образом состоит в специальном учете языковых интересов гагаузского населения. Все три языка — молдавский, русский и гагаузский — перечислены в законе через запятую и соединительный союз «и». Это означает ни много ни мало законодательное установление официального трехъязычия. Следовательно,

от руководителя органов государственного управления украинской или болгарской национальности в гагаузском ареале требуется быть четырехязычным. Предположим, что из одного украинского села — Ферापонтъевка, расположенного в окружении гагаузских сел, не все жители изберут себе карьеру должностных лиц в органах власти гагаузского региона, но как быть с социальной карьерой болгар, проживающих в ряде крупных сел Комратского, Чадыр-Лунгского, Тараклийского районов?

Аналогичные вопросы возникают по поводу Украинского закона, предписывающего должностным лицам «в случае необходимости» наряду с украинским и русским языками владеть и «другим» национальным языком. Не исключено возникновение такой же нелегкой ситуации, что и в Молдавии: обязательное трех- или четырехязычие. Закон должен быть не только четким, но и гибким. Понимание этой истины, видимо, подтолкнуло украинских законодателей к поискам решения для реализации языковой политики в особо многонациональных районах республики.

«Незнание гражданином украинского или русского языка, — гласит заключительная часть статьи 6-й, — не является основанием для отказа ему в приеме на работу. После принятия на работу должностное лицо должно овладеть языком работы органа или организации в объеме, необходимом для выполнения служебных обязанностей»¹⁰.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ, КАЗАХСТАН

Со многими языковыми законами диссонируют законы Кыргызстана и Узбекистана, в которых не устанавливается личностная обязанность должностного лица владеть двумя языками. И в том и другом законе речь идет о том, что руководители и должностные лица государственных структур обязаны владеть государственным языком республики¹¹. Это дает основание для сомнений в том, в какой мере будет выплачен аванс, выданный этими же законами гражданам республик в деле их свободного выбора языка общения с государством. Если закон не требует от должностного лица владеть двумя языками и употреблять два языка — государственный и русский, — значит ли это, что выданный аванс на языковые права граждан может оказаться неоплаченным? Приходится отвечать: и да и нет! Да — так как закон как бы снимает персональную ответственность с конкретных лиц. Нет — поскольку во многих статьях, посвященных непосредственно регулированию функционирования языков в различных сферах и областях жизни, гарантируется обеспечение приема граждан и ответы на языке обращения.

Что это? Недоработка закона, несовершенство текста или особенности концептуальной основы? Во всяком случае наличие в Киргизском законе необычной для всего остального законодательства специальной статьи, в которой говорится о том, что «овладение детьми государственным языком является долгом родителей»¹², дает основание задать вопрос: «В какой мере правомерна республика перекладывать заботу о государственном языке с государственных плеч на родительские? Раз уж государство взяло на себя ответственность вводить государственный язык, то почему оно часть ответственности по его реализации и функционированию переадресует в состав «родительского долга»? Не родители же вводили закон о государственном языке для своих детей.

Если в законе не устанавливается личностная (персональная) языковая обязанность знать и применять два языка, например, как это сделано в таджикском и туркменском законах, а говорится только о необходимости знать и употреблять государственный язык, то такой подход, конечно, ставит под сомнение возможность осуществления политики двуязычия. Причины для этого могут быть самые разные: и объективные и субъективные.

Длинные дискуссии на эту тему (быть законодательно установленному двуязычию или не быть) заканчивались найденным компромиссным решением: работникам вменялось в служебную обязанность не «знать и применять», а всего лишь «обеспечить прием» граждан и «беседу с ними» на языке обращения. Особенно четко это было сделано в законе Казахстана.

В то же время во всех законах Средней Азии и Казахстана, в том числе и в законах Киргизии и Узбекистана, было предусмотрено относительно полное институциональное обеспечение гарантий гражданина и свободный выбор языка его сношений с институтами государства.

Языковой бум 1989 г. и сопутствующее ему языковое законодательство позволили бывшим союзным республикам значительно продвинуться в обеспечении прав языка. Законы о языке (и языках), открыв широкие перспективы для развития и функционирования вновь утвержденных государственных языков, одновременно сделали значительный шаг вперед в обеспечении прав языковых меньшинств. Вместе с тем, законодательное утверждение права языка не сняло потенциальную возможность для языковой дискриминации. Из надводной эта возможность прессинга титульного языка над нетитульным перешла в подводную часть айсберга.

Более того, либеральный характер языковых законов 1989 г., вытекающий из признания права на родной язык, хотя и не создающий адекватных

условий для развития и сохранения этих языков, оказался «цветочками», по сравнению с «ягодками», которые вызрели позднее, в пору грянувшей суверенизации, и еще позднее, когда бывшие союзные республики стали независимыми государствами. Набирающий крутые обороты маховик суверенизации логично привел к усилению прессинга государственного языка, что наиболее ярко выразилось в принятии новых законов о гражданстве, дополнительно усиливших приоритеты языков, объявленных перед этим государственными.

Рубежом серьезного последовательно наращиваемого прессинга на языковые права носителей нетитульного национального меньшинства стал принятый 18 октября 1991 г. Закон «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики». Закон предписывал знать латышский язык как государственный язык Латвии не только государственным чиновникам, не только должностным лицам (как это было в законе о языке), а всем тем, кто изъявил желание стать гражданином независимого Латвийского государства.

Освоение латышского языка и сдача экзаменов по этому закону ставились в один ряд с необходимостью ценза оседлости сроком не менее 16 лет, отказа от прежнего гражданства, знания Конституции и клятвы на верность Латвии.

Но и это не все. Соискатели гражданства не должны были ранее бороться против независимости Латвии, нести службу в Вооруженных силах СССР, распространять идеи нацизма и коммунизма, не должны быть лицами без занятий, бывшими преступниками, не должны быть наркоманами, приверженцами тоталитаризма¹³. Круг замкнулся. Языковые права кончились. Остались лишь языковые обязанности.

Соотношение языковых прав и языковых обязанностей дало резкий крен в сторону сокращения прав и расширения долга. Лозунг «Латвия для латышей» стал не только декларацией, но и воплощаемой реальностью. Миф языкового равноправия окончательно развеялся, и даже над правом на родной язык нависла серьезная угроза.

Вместо того, чтобы преодолевать противоречия между языковым равноправием и правом на язык за счет целенаправленного улучшения условий функционирования негосударственных языков, тенденция стала развиваться обратно — в сторону сокращения прав неграждан, в том числе через прямую языковую дискриминацию.

Введение государственного языка приводило к новой перегруппировке людей. Так появляется сообщество людей, обделенное в языковых, а вследствие этого и в неязыковых правах. Естественно рождается межэтническая солидарность на почве невхождения в круг привилегиро-

ванных носителей государственного языка. При этом в эту категорию попадают не только русские, но и представители большинства тех нерусских национальностей, которые языковые законы вывели за скобки «языка управления».

Давно известно: если в обществе начнутся деления на рыжих и нерыжих, первые немедленно создадут свою организацию, которая начнет движение за права рыжих. Стоит ли удивляться тому, что в ходе языковой реформы появился новый, неизвестный дотоле, корявый термин — «русская-язычное население», обозначающий сообщество этнически разнородных лиц, оказавшихся в бывших союзных республиках «одинаково» обделенными новым языковым законодательством, утвердившим в статусе государственного язык титульной нации? Более того, правовое регулирование стало сильным орудием воздействия не только на языковую, но и на внеязыковую сторону жизни. Сосредоточение власти и государственности языка в одних руках открыло новый этап опасного соприкосновения естественной языковой стихии с государственным вмешательством в сферу языковой жизни. Надо отдать должное лидерам, теоретикам и активистам национальных движений стран Прибалтики и Молдавии. Найденный ими инструмент статуса государственного языка блестяще сработал при формировании верхних эшелонов власти в бывших союзных республиках. Анализ национального состава депутатского корпуса не оставляет никаких сомнений в том, что к власти пришли представители титульной нации¹⁴, а следовательно, носители государственного языка. А коль скоро появилось неравенство, неизбежно и соответствующее следствие, о котором вполне правомерно сказать словами Питирима Сорокина: «Эксплуатация и угнетение правящими подвластных, использование власти первыми для своих целей и нужд, обьегоривание управляемых, правление от имени народной воли вопреки воле и желанию управляемых... Такова величайшая трагедия человеческой истории»¹⁵.

В Декларации Прав человека и гражданина, принятой французским Национальным Собранием, среди неотъемлемых прав, признанных составной частью свободной личности, не нашлось места для упоминания особого права индивида на национальное (этническое) самоопределение. Едва ли не впервые на европейском континенте мощный голос в защиту своего единства зазвучал в самом начале XIX в. в раздробленной и растерзанной Наполеоном Германии. Провозвестниками пробуждающегося немецкого национального самосознания стали немецкие писатели, поэты, философы, общественные и государственные деятели. Именно на этапе величайшего унижения Германии

прорезался «национальный голос» и стала актуальна идеологема об особой немецкой нации, отличающейся от других европейских наций, о нации, обладающей особыми культурными и политическими ценностями, нации, стремящейся к собственным национальным культурным ценностям.

Став одним из идеологов немецкого национально-освободительного движения в мрачный период наполеоновской оккупации Берлина, Иоганн Готлиб Фихте развернул борьбу за идею национального единства немцев с университетской кафедры, в печати, речами, изданной отдельной программной книгой. Интеллектуалы сделали немало для будущего соединения разрозненных частей Германии. Важнейшая роль отводилась языку.

С этой поры идея национального единства пустила глубокие корни в недра немецкого народа, с годами набирало силу и стремление конституционно оформить культурное и языковое единство в правовых формах. Политически единая Германия — едва ли не самый мобилизующий лозунг, под которым свершилась революция 1848 г. И то, что не удалось сделать революционерам в романтических попытках Франкфуртского парламента, потерпевшего фиаско в создании Великой Германии, — успешно осуществил в 1871 г. Бисмарк. Но сделал это он жесткой рукой, за что и получил титул Железного Канцлера.

Имеет смысл напомнить, что стремление объединить разрозненные части своего национального тела, создав единое национальное государство, в XIX в. получило распространение не только среди немцев.

Через национальное движение и т. н. национальное возрождение к политическому единству и национальному государству в XIX в. пришли итальянцы, греки, ряд многочисленных славянских народов Балканского полуострова. Национальный вопрос на основе принципа государственного объединения не оказался решенным, и вряд ли можно было на это надеяться, но все же национальный фактор, конечно, нашел для себя «благодатное» поле в исторических судьбах многонациональных государств, особенно в судьбах Австрии и России. История второй половины XIX в. прошла под знаменем национального развития, когда в войнах и революциях, во-первых, сложились национальные государства, во-вторых, пробудились от векового сна «неисторические нации», втягиваясь в борьбу за свои права и культуру.

Примером о подъеме национального самосознания немцев начинал свои лекции в 1922 г. скромный профессор провинциального Ярославского университета Б. Д. Плетнев¹⁶. Примеряя немецкий опыт и возможности разрешения вопросов национальных движений для послеоктябрьской России, он вряд ли подозревал, насколько актуальными ока-

жуются обнаруженные им истоки и причины национальных движений, рождающихся в ответ на национальное движение и национальную дискриминацию. Языковая реформа с ее борьбой против национального унижения, борьбой против диктатуры Кремля, стала яркой демонстрацией живучести национально-языкового фактора, или мобилизованного лингвизма, которым нельзя пренебречь в ходе проведения любых демократических реформ.

1.6. ИДЕОЛОГИЯ ОГОСУДАРСТВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Открывая I Всесоюзный тюркологический съезд в феврале 1926 г., Председатель ЦИК Азербайджанской ССР С. А. Агамалы-Оглы сказал буквально следующее: «Великая идея о национальном самодержавии, рожденная пролетарской революцией, находит свое осуществление»¹. Теперь трудно сказать, что это — попадание в точную смысловую цель, невольная оговорка, неточность стенограммы, дипломатический прием или, наконец, обычная литературная небрежность. Но одно совершенно ясно: подмена понятий (вместо «национального самоопределения» «национальное самодержавие») имеет крайне важное, поистине стратегически-разоблачительское значение. Альтернатива 20-х годов состояла в том, что последовательная коренизация рано или поздно вела к языковой монополии одной национальности и далее — к межнациональной конфронтации. И. Сталин этого не допустил, заменив диктатуру национальную диктатурой советской, а точнее, диктатурой партийной верхушки. Эту историю нельзя не помнить и в наши дни, переходя от революционного ликования к трезвому анализу языковой реформы, включая механизмы ее идеологического обеспечения.

Идеологическая борьба в сфере проблем равноправия или неравноправия языков уходит своими корнями в седую древность. Или занимался античный мир, особенно римские юристы, ломали голову в средневековых европейских государствах, живучей она оказалась в новое и новейшее время. XIX в. дал много примеров того, как борьба между большими и малыми государствами, крупными и малочисленными народами за господствующее положение на рынках сбыта актуализировала «языковой вопрос». И поскольку борьба за сырье и энергетические ресурсы всегда будет иметь место, а ей будет сопутствовать конкуренция, всегда остается возможность для выяснения отношений между нациями, в том числе за расширение сфер употребления своего языка и сокращение сфер распространения языка национальных меньшинств, т. е. конкурентов.

В обоих случаях — и в 20-е и на рубеже 80—90-х годов — политика огосударствления языка титульной нации становилась важным ориентиром, инструментом и рубежом перехода угнетенных и дискриминируемых национальностей в разряд доминирующих. Вопреки ожиданиям романтиков от марксизма, надеявшихся, что социализм устранил конкуренцию наций, а вместе с конкуренцией и стремление к установлению равноправия, советский опыт языкового движения подтвердил универсальность вышеназванного принципа. Социализм, даже в его недостроенном (или искаженном) виде, не устранил межнациональную конкуренцию.

Во время первой языковой революции в 20-е годы важнейшим аргументом для обоснования различных форм коренизации была дооктябрьская русификаторская политика. В описании ее ужасов особенно преуспел С. Диманштейн. Без изображения России устрашающей тюрьмой народов нельзя было внедрять новые правила игры в национальный вопрос, выгодный для большевистской верхушки. Для выяснения сути и более полного раскрытия основных задач языковой реформы и ее центрального инструмента — языкового законодательства немаловажное значение приобретает анализ его манифестированных причин, системы аргументации и обоснования деятельности по приданию языкам титульных наций статуса государственного языка. Цель такого подхода состоит не только в том, чтобы сопоставлять аргументы, попавшие в тексты (преимущественно в преамбулы) законов, с экспертными оценками и взглядами специалистов, но и в том, чтобы увидеть движущие силы, совершившие переворот, означающий отход от постулированного Лениным запрета на принятие государственного языка к утверждению его законодательным путем.

Небезынтересно напомнить о том, что в 20-е годы, во время разгара языкового строительства, при определении его целей и соответственно акций в идеологическом обосновании языковых аспектов коренизации упор делался, во-первых, на необходимость полной ликвидации негативных последствий дореволюционного прошлого, и прежде всего на отказе от политики русификации и запрета на использование национальных языков в качестве официальных; во-вторых, на оснащении представителей местной власти знанием языков местных национальностей, особенно путем введения нерусских языков в делопроизводство; в-третьих, на легитимизации местной власти путем объявления ее языка не языком перевода, а языком закона. Рано или поздно «внеязыковая» перегрузка не вполне подготовленных к тому национальных языков должна была сказаться. И. Сталин устранил эту неудобную для

себя ситуацию как диктатор: он попросту «отменил» национализацию, коренизацию и прекратил мирно идущую языковую революцию.

Объективной предпосылкой появления законодательных актов в деле регулирования языковой жизни народов и в попытках внесения порядка в правовой хаос этноязыковых процессов является сама языковая ситуация, насыщенная межнациональными и межъязыковыми контактами, конфликтами, сотрудничеством и сосуществованием, наличие неравенства и неравноправия в рамках более широкой этнополитической обстановки, складывающейся в бывших союзных республиках на рубеже 80—90-х годов. Даже собственно этнодемографическая ситуация — совместное расселение далеко не одинаковых по количеству населения национальностей — создает объективные условия для возникновения проблемных ситуаций. Чересполосное, гнездовое, смешанное и другие формы сорасселения народов уже сами по себе являются первоначальной основой для возникновения отношений между носителями языка большинства и меньшинства, доминирующих и подчиненных языков.

Как правило, мотивировка принятия новых законов содержится не только в вводных статьях и преамбулах, но и в документах и материалах, сопровождающих принятие законов о языке.

Основные причины, мотивы, «доказательства» обоснованности выбора одного языка в качестве государственного сводятся в несколько блоков: 1) чаще всего происходит отождествление языкового и территориального факторов. Законодатель исходит из аксиоматичного утверждения о том, что носители огосударственного языка живут на своей земле (на своей исконной территории, на своей этнической родине и т. д.). Такова, в частности, идеология обоснования государственного языка в законах Эстонии, Белоруссии, Латвии.

Соединение воедино двух далеких друг от друга понятий — «земля» и «язык» — является важным дополнительным ориентиром, доказательством внеязыковой направленности языкового закона и новой языковой политики. Логике этой связи можно было бы понять, если бы носители данного языка жили компактно, только на данной земле и нигде более. Но такого «распределения» по национально-языковым территориям в СССР в чистом виде не существовало. Национальности перемешаны. Поэтому по поводу предлагаемой модели сразу же возникают сомнения: насколько она правомерна? И главный вопрос состоит в том, насколько она состоятельна и жизнеспособна?

В законах о языке, принятых в Казахстане, Молдове, Украине, Белоруссии, представленная мотивировка придания государственного статуса языку нации, давшей наименование республике, сводится к тому, что

государственный язык должен обеспечить ни много ни мало жизнеспособность данной нации, поскольку язык является неременной предпосылкой ее существования и относится к числу фундаментальных достояний нации.

Преодоление сложившихся в годы застоя несправедливостей, затормозивших, замедливших или заблокировавших естественное развитие национальных языков, приводится как аргумент в законах Кыргызстана, Узбекистана, Белоруссии.

Для того, чтобы убедиться в справедливости приведенной группировки «обоснований», необходимо вкратце рассмотреть некоторые примеры.

«В Эстонии, на исконной территории обитания эстонцев, — говорится в законе Эстонской ССР о языке, — эстонский язык является объектом особого внимания государства и находится под его защитой»³.

«Латвия — единственная этническая территория в мире, — провозглашает закон Латвии, — которую населяет латышский народ. Одной из главных предпосылок бытия латышского народа, существования и развития его культуры, является латышский язык. В последние десятилетия употребление латышского языка в государственной и общественной жизни заметно сужено. Это требует правовым образом определить особые меры по защите латышского языка. Такую защиту может гарантировать только статус государственного языка»⁴.

В некоторые законы заложена ставшая особенно популярной, всячески поддержанная народными фронтами Прибалтийских, Закавказских республик, республики Молдова идеология о фундаментальных интересах народа-нации. Исходя из принципа национального самоопределения, но модифицируя и приспособляя его к интересам только своей (одной единственной) этнической группы, лидеры народных фронтов, а вслед за ними и законодательские команды обосновывают необходимость провозглашения государственного языка исключительно высшими интересами своей нации.

«С развитием языка, расширением его общественных функций, — гласит закон Казахской ССР, — непременно связан расцвет национальной культуры и будущее самой нации», так как язык, согласно преамбуле закона, является «величайшим достоянием и неотъемлемым признаком нации»⁵. В основе законодательного утверждения украинского языка государственным языком также лежит постулат о том, что «украинский язык является одним из решающих факторов национальной самобытности украинского народа»⁶. В законе «О языках в Белорусской ССР» несколько полнее и яснее, чем в законах других республик, раскрывается обоснование необходимости придания

статуса государственного белорусскому языку. При этом законодатели исходят из того, что язык является не только средством общения, но и душой народа, основой и важнейшей частью его культуры»⁷.

Государственная защита молдавского языка, согласно языковым законам Молдовы, представляет «одну из основных предпосылок существования молдавской нации в ее суверенном национально-государственном образовании»⁸. Стоп! Вглядимся более пристально в приведенную формулировку. В ней что ни слово, то обнаженная до предела позиция. Суть ее проста. Государственная защита молдавского языка есть (теперь уже установленная законом) предпосылка существования суверенной национальной государственности молдавской нации. Только ее одной! Видимо, комментарии здесь излишни. И эту связь, которую проглядели (или не захотели, или не могли заметить), теоретики, задавленные идеологическим прессингом, быстрее заметил народ, точнее, та часть населения многонациональной Молдовы, которая не относилась к молдавской нации. И пока теоретики отмалчивались, народ стал собирать силы против дискриминационных пунктов закона. О том, что народ оказался более чувствительным, чем многие теоретики от общественных наук, свидетельствует и вторая часть оборванной выше цитаты. Вернемся снова к ней. Оказывается, языковой закон Молдовы с помощью государственного языка не только преследует утверждение национальной государственности молдавской нации, но и заботится об обеспечении всестороннего функционирования молдавского языка на территории молдавской ССР, а также «упорядочения национально-языковых отношений в республике»⁹.

Поскольку основная задача языкового законодательства состоит в решении определенным образом новых проблем, возникающих в результате межэтнических и межъязыковых контактов, конфликтов, а также установившегося в сталинские и застойные годы социального неравенства, постольку в ряде новых законов уделяется значительное внимание необходимости преодоления этих несправедливостей. В обоснование принятия нового закона в таких случаях закладывается идея о том, что планирование языкового развития, придание языку или языкам официального статуса, установления правил, сфер, масштабов временных рамок применения тех или иных языков, установление сроков и критериев для реализации законов о языке в соответствии и принятыми правилами — эти и другие меры должны восстановить справедливость и привести функционирование языков в соответствии с общепринятыми мировыми нормами, в том числе с языковыми и национальными правами.

Принятие особых мер по защите и развитию киргизского языка при помощи правовых норм на законодательном уровне стало необходимым, по словам закона «О государственном языке Киргизской ССР», в связи с искажением принципов ленинской языковой политики, что привело к негативным результатам, и прежде всего к ограниченному употреблению киргизского языка во всех сферах общественной и государственной жизни»¹⁰.

«Совершенствование социализма, межнациональных отношений, рост национального и интернационального (как это? — М. Г.), — говорится в Узбекском законе, — обуславливает необходимость всемерного развития национальных языков»¹¹.

В Белорусском законе уделено серьезное внимание раскрытию бедственного положения, в которое попал белорусский язык. Принимая во внимание тот факт, говорится в нем, что «в последние годы сфера употребления языка коренного населения Белоруссии, давшего ей имя и исторически составляющего основную часть жителей республики», настолько сузилась, что появилась реальная угроза существованию самого белорусского языка, общественность республики, и в первую очередь идеологи национального движения белорусского народа, пришли к выводу, что «возникла необходимость защиты белорусского языка на государственно-этнической территории». Такую задачу, согласно закону, позволяет решить только придание белорусскому языку статуса государственного языка Белорусской ССР¹².

Таким образом даже самый беглый обзор аргументации, содержащейся в текстах самих законов о языке о необходимости придания статуса государственного языка языкам титульных наций, позволяет сделать однозначный вывод. Центральная задача языковой реформы лежит не столько в периферийной плоскости реформирования собственно функциональной и структурной сторон языка, сколько в области более широкой политики. Огосударствление языка есть часть политической борьбы, часть нового механизма освобождения республики от административно-аппаратного диктата Центра, обретения ею своей самостоятельности.

Для идеологического обеспечения этой борьбы нужен был «враг». Таким врагом был «назначен» русский язык и русификаторская политика Кремля. В самой идеологии «борьба против» превалировала над «движением за». Разрушать легче, чем возводить новое здание.

В 1989 г., когда еще не сломлена была машина идеологического принуждения, конечно, трудно было раскрывать истинные замыслы языкового реформирования. Поэтому, естественно, на передний план борьбы в

качестве надежного прикрытия всплывали непосредственные языковые заботы. Их трудно было скрыть. В широком историческом контексте функционирование ряда языков было неоднократно прервано вмешательством неязыкового плана. Можно выделить по крайней мере три трагических по сути разрыва преемственности в развитии языков, базировавшихся до революции на арабской графике. Не с чем иным, как с губительным катализатором, можно сравнить перевод в середине и конце 20-х годов целого ряда языков мусульманских народов с арабской графики на латиницу, затем в конце 30-х годов неожиданным переходом на кириллицу и, наконец, созданием в послевоенном периоде искусственного разрыва между двумя звеньями народного образования за счет функционирования средней школы на республиканских языках, а высшей — на русском языке.

Каждый из трех названных «разрывов» внес свою негативную лепту в естественный ход этноязыковых процессов, способствуя сокращению масштабов употребляемости языков нерусского населения.

Этноязыковые проблемы обострились общим ухудшением обстановки. Под влиянием урбанизационных и демографических процессов давала себя знать тенденция языкового раскола нации за счет ускоренной русификации ее городской части и сохранения языковой самобытности в сельской местности. Когда же в республиках Средней Азии не сократился, а даже несколько усилился «демографический взрыв», в последние два-три десятилетия, город перестал «справляться» с потоком одноязычных сельских мигрантов. Эту тенденцию зафиксировали эксперты во многих республиках. «Русскоязычные города, успешно справлявшиеся с приобщением туркмен к русскому, — отмечал Шохрай Кадыров, — в последние годы просто не в состоянии сделать это — слишком высок демографический приток туркмен»¹³.

Начавшееся давление сельского одноязычного индигенного населения на города бывших союзных республик послужило предупредительным симптомом грядущих изменений в этноязыковой ситуации. Не случайно массовый выезд одноязычного русского населения из некоторых среднеазиатских республик, в том числе из Туркмении, наметился еще до того, как стали обретать статус государственного языка языки титульных наций.

Всего лишь через год с небольшим после утверждения закона Туркменской ССР о языке (закон был принят 24 мая 1990 г.) можно было смело говорить не о языковой, а о социально-политической стороне дела. «Закон о языке, — по свидетельству одного из его комментаторов, — предполагает в течение оставшихся до 1996 г. нескольких лет

почти полное обновление верхних и средних этажей социальной структуры по этноязыковому принципу. Все лица, занимающие руководящие должности, занятые в сфере обслуживания, медицины, правопорядка, коммунальных учреждений, и вообще специалисты, деятельность которых связана с повседневными контактами с местным населением, должны владеть не только русским, но и туркменским языком»¹⁴. Приведенное суждение знаменательно не тем, что осознанно и достаточно откровенно раскрывает неязыковые, тайные, неманифестированные цели языкового закона, а вырвавшимся невольно признанием обычно тщательно скрываемой цели кадровых перестановок не по языковому, а по этноязыковому признаку. Выходит, что цель закона не в том, чтобы установить государственный язык в жизненно важных сферах, а в том, чтобы произвести перестановку в верхних эшелонах социальной структуры по национальной (этноязыковой) принадлежности. Но поскольку само реформирование велось под демократическими флагами, можно было осуществлять эти социальные перестановки во имя восстановления попорченной в годы тоталитаризма справедливости.

Статусный язык стал важным инструментом в политическом противостоянии, в ходе которого происходили переходы власти из одних рук в другие. Власть отбиралась у коммунистов, независимо от того, владели или не владели коммунисты статусным языком, и передавалась некоммунистам, владеющим статусным языком. Лицам, лишенным знания статусного языка, перекрывались каналы в кабинеты власти, а также в аудитории университетов, через которые по необходимости пролегает дорога в кабинеты власти. Под флагом антикоммунизма, под знаменами борьбы с некогда всемогущей номенклатурой КПСС происходила и продолжается новая коренизация аппарата и создание новой номенклатуры. Критерием вхождения в нее становится знание статусного языка. К сожалению, за ширмой этого критерия порой проявляется и более опасная тенденция: критерием включения в новые структуры власти становится не только знание статусного языка, но и обязательная этническая идентичность с носителями этого языка.

Такова неизбежная логика неокоренизации номенклатуры, начинающейся с языковой реформы и завершающейся переходом власти от партократии к национальной бюрократии. Такова логика смещения к национализму, к которому всего лишь один шаг от национально-освободительного движения.

Видимо, совсем не зря румынские эксперты, консультирующие некоторые институты Кишинева, профессионально подготовленные к проведению представительных массовых опросов, опасаются допус-

каль таковые, чтобы не выявить истинное отношение молдавского народа к той травме, которая наносится молдавскому национальному самосознанию призывами отдельных идеологов языковой реформы отказаться от молдавского происхождения и признать свою идентичность с румынами, перестать быть молдаванами и в одночасье стать румынами.

Научно-концептуальный потенциал, понимание истинных целей и движущих сил языковой реформы в бывших союзных республиках, понятно, не были одинаковыми. Они и не могли быть таковыми. В этом лишний раз убеждаешься, сравнивая аргументацию идеологов реформирования национально-языковой жизни.

Так, например, в качестве оснований для того, чтобы закон взял под свою защиту язык титульной национальности в Латвии приводились следующие доводы:

1) Латышский язык в городах почти вытеснен и не функционирует в государственной, партийной и общественной сферах. Особенно ничтожным стало его употребление в научно-технических отраслях народного хозяйства.

2) Нормальному функционированию латышского языка препятствуют неестественные, превышающие всякие разумные нормы иммиграционные процессы — за последние 15 лет примерно 70% прироста населения республики составляют приезжие из других регионов.

3) Индифферентное отношение к проблемам латышского языка государственных и партийных структур. Неоднократно принимаемые постановления об улучшении преподавания латышского языка, повышения уровня владения им и о применении его должностными лицами блокировались равнодушием парт- и госаппарата.

Угроза превращения титульной национальности в национальное меньшинство воспринимается как объективная основа для последующего сокращения сфер официального функционирования национального языка с последующей угрозой вытеснения его из официальных структур в узкую зону семейно-бытовых отношений. Понятно, что такая перспектива отнюдь не устраивала никого, и в первую очередь идеологов реформирования. Именно поэтому, максимально используя доступные им средства массовой информации, они в борьбе за вход в новые номенклатурные эшелоны власти организовали активную обработку общественного мнения. Делалось это искусно, хотя и тривиальными средствами. Борьба за огосударствление языка увязывалась с борьбой за ущемленные национальные права, за восстановление справедливости, попорченной безжалостным репрессивным аппаратом тоталитаризма. Общественное мнение легко «клянуло» на такие доступные

для понимания призывы, как введение «национальных» квот в управленческих, распределенческих и иных небездоходных сферах. Инакомыслие не допускалось, а виновные в нем дискредитировались как «враги нации».

В республиках Средней Азии указанный демографический фактор с прямо противоположной тенденцией — последовательным возрастанием абсолютной и относительной доли титульных национальностей также вовлекался в орбиту идеологического обоснования огосударствления языков.

В литературе, порожденной подготовкой и ходом языковой реформы, было высказано немало и противоположных точек зрения, демонстрирующих различные подходы авторов к необходимости знать и употреблять государственный язык.

Не иначе как языковым экстремизмом, не приносящим никакой пользы интересам национального языка, можно определить позиции тех, кто до и после языковой реформы выступал с требованиями законодательного установления обязанности знать язык своей национальности.

Один из таких авторов, озабоченный тем, что 600 тыс. армян не владеет армянским языком, понимающий, что его статья читателям «покажется даже чуть ли не фашистской», тем не менее призывал, чтобы в законе о языке были отражены следующие принципы:

«— ни один ребенок-армянин на территории Армении не имеет права посещать неармянскую школу;

— ни одно лицо на территории Армении не может быть принято на постоянную работу, тем более правительственную, без знания армянского языка»¹⁵.

Спрашивается, что побудило автора войти в подобный экстаз? Оказывается, тот факт, что в Армении некоторые газеты до сих пор публикуются на русском языке. По его мнению, уже само существование этих газет «ведет к постепенному отчуждению от родных слов, букв, звучаний, понятий и привыканию к чужой звучности, мировоззрению». Как же нужно не доверять родному языку, чтобы отважиться на вывод, сделанный архитектором, ратующим за запрет русского и принудительное внедрение армянского языка. Армянский язык, насчитывающий многовековую литературную традицию, разумеется, не нуждается ни в каких адвокатах, но нельзя не возразить автору-экстремисту, что этот язык стоит сам за себя лучше, чем под охраной подобных защитников. Теперь, когда состоялась суверенизация всех союзных республик, превращение их в независимые государства, когда, судя по некоторым фактам, распад грозит и самой России, можно не

удивляться художественной гиперболизации значения языка в жизни нации, гиперболизации, далекой от каких-либо правовых норм и от юридического обоснования. Вместе с тем потребность в понимании того, кому, зачем, в какой срок потребовалось придавать языку большее значение, чем он, язык, имеет, остается. Очень много красивых и пустых слов с точки зрения целесообразности их места в текстах законов требуют раскрытия, осмысления, объяснения. Постепенно проясняется, что ярлыки, приданные языку — кандидату на «пост» государственного языка («величайшее достижение нации», «неотъемлемый признак», «душа нации», «душа народа», «предпосылка существования», «сокровищница опыта» и т. д. и т. п.), всего лишь словесный, в духе брежневизма, камуфляж, надобный для оправдания целей ожесточающейся политической борьбы.

Грузии, как известно, не надо было в 1989 г. принимать закон о языке. По Конституции 1978 г. грузинский язык обладал таким статусом. Однако, мобилизация и резкий подъем лингвицизма не миновали и эту республику. Более того, лингвицизм проявил себя здесь едва ли не самым радикальным способом. Напомним, в частности, выдержку из программного кредо «грузинизации», заимствованную Р. Г. Абдулатиповым из журнала «Литературная Грузия». «В Грузии негрузинского ничего не должно быть. Неградин — тоже грузин в Грузии, он должен говорить, писать и читать по-грузински, должен воспитываться на грузинской литературе, должен быть сочувствующим грузинскому духу и, наконец, не должен считаться гражданином Грузии, если всего этого нет у него»¹⁶.

Только теперь, по истечении более чем четырех лет, можно представить себе, как трудно было решиться на растабуирование понятия «государственный язык». Однако решившись, реформаторы знали, на что они шли. Подкоп под одну из основных опор национально-государственной идеологии означал начало штурма позиций партаппарата и бастионов тоталитаризма. Вот почему языковую реформу-89 точнее именовать «так называемой языковой реформой», памятуя, что она нанесла первый решительный удар по казавшейся несокрушимой твердыне административно-командной системы.

Удачная комбинация четырех факторов подтолкнула языковую реформу и принесла ей в конечном счете почти непредсказуемый успех: соединение в одну цепь языка, территории, этноса и государственности.

Взаимодействие этих сил и предопределило логику развала империи. Сначала на первом этапе, в ходе языковой реформы, реформаторы сплели в единый венок государственный язык — государственный этнос

— этническое государство, затем на втором этапе на передний план выдвинулись этническая территория — государственную язык — этническое государство и, наконец, на третьем этапе все четыре компонента сомкнулись, взорвав имперский котел «дружбы народов», «многонационального народа», «новой интернациональной общности». А начиналось, как помнит читатель, с горячих дискуссий о судьбах национальных языков и национальных культур, дискуссий, по словам Ивана Дзюбы, по страстности и динамичности не уступающих теме черныбыльской трагедии. И окрепшая национальная интеллигенция во весь голос заговорила о застое в области языка, равном по масштабам «духовному Чернобылю»¹⁷. Чем сильнее закручивалась пружина языковой трагедии, тем больше накапливалось сил для «хождения» во власть.

Введение государственного языка создавало предпосылки для новой группировки людей по объему прав и обязанностей. По языковому признаку население раскалывается на тех, кто владеет государственным языком и соответственно входит в привилегированную группировку, группировку, которой открыты двери в управленческие кабинеты, и на тех, кто не владеет государственным языком и соответственно попадает во второе сообщество, управляемое представителями первого.

1.7. РУССКИЙ ЯЗЫК.

ПРОБЛЕМЫ ПОНИЖАЮЩЕГОСЯ СТАТУСА

Определение политического статуса, рамок функциональных и правовых полномочий русского языка, безусловно, представляло едва ли не одну из самых болезненных, сложных и ответственных задач языкового реформирования в большинстве бывших союзных республик. В этом деле сплелся сложный клубок объективных обстоятельств, субъективных причин, интересов, потребностей, настроений различных групп населения. И дело, разумеется, не только в прямых, непосредственных языковых интересах 25 млн. человек русской национальности, проживающих в 14 (кроме РСФСР) бывших союзных республиках, но и в закрепленных номенклатурой Центра приоритетах за русским языком. Национальным идеологам было ясно, что, не сломав идеологию «языка межнационального общения», которая в скрытой форме имела про-русскую направленность, трудно было бы рассчитывать на успех всей реформы, на успешное внедрение новых «правил игры» в языковой и — шире — в национальной политике. Существенными были дополнительные два обстоятельства, через которые не могли легко переступить законодатели: во-первых,

учет общегосударственных интересов по вертикали, т. е. необходимость поддержки контактов и наличие единого коммуникационного средства для официальных общений, во-вторых, потребность в официальном языке для осуществления горизонтальных связей без посреднической роли Центра, прямых связей между республиками, в-третьих, наложение уже отживших идеологем, согласно которым русскому языку, как «первому» среди равных, следовало бы по прежним меркам отвести приоритетную роль.

Концептуальные, правовые и политические проблемы русского языка с особой силой всплыли на поверхность этнополитической жизни через год после языковой реформы, в 1990 г., когда грянул залп деклараций о суверенизации не только союзных, но и автономных республик. Суверенизация последних, особенно входящих в состав РСФСР, затронула интересы еще 9057 тыс. человек русской национальности, расселенных в 16 бывших автономных республиках, причем в некоторых из них русские представляли большинство. Как показала перепись 1989 г., русское население суммарно составило в указанных республиках 42,1%, т. е. точно такую же долю, что и удельный вес титулованных наций (42,4%)¹.

При подготовке и обсуждении языковых законов в большинстве бывших союзных республик особые страсти кипели вокруг политического и правового статуса русского языка. Реформаторам позарез нужен был образ врага. Козлом отпущения стал русский народ. При этом мало кто сомневался, что речь идет не столько о самом русском языке, сколько о носителях этого языка, и прежде всего о русских национальных группах в каждой из республик. Судьба русского населения в известной мере ставилась в зависимость от статуса русского языка. И дело не только в том, что коренизация сферы управления, распределения, культуры, обслуживания и ряда других жизненно важных областей человеческой жизни потребовала от русских необычных до этого времени языковых механизмов, а в том, что внедряя национальный язык, открывая с его помощью двери в высшее образование, титульная нация гарантировала себе приоритетные условия для вертикальной социальной мобильности. Этносоциологические исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР в 70—80-е годы, показали прямую связь между знанием русского языка и успешной социально-профессиональной карьерой многих представителей из среды нерусских национальностей. Указанная парадигма, как бы она ни раздражала многих лидеров и активистов народных фронтов, имела место и неоднократно подтверждалась эмпирическими данными. Вместе с тем обратной зависимости — положительной связи между карьерой русских

и знанием ими языков титульных национальностей — в упомянутых исследованиях уделялось гораздо меньше внимания. Едва ли кто-нибудь еще, кроме этносоциологов, обращал на эту связь внимание и должным образом оценивал ее социальный эффект. Тем не менее в ходе изучения языковой компетенции и речевого поведения русских в ряде союзных республик было выявлено, что знание языка титульной нации все же облегчало как профессиональную, так и бытовую жизнь русских в инациональной среде².

В отличие от нерусского населения, вынужденного усваивать русский язык для продвижения своей карьеры, русское население, проживающее вне России, если и приобщалось к какому-либо нерусскому языку, то исключительно на естественной, добровольной основе³. Особенно заметную роль при этом играли непосредственные межнациональные контакты, на личностном уровне. Напомним, что в приобщении представителей почти всех нерусских народов к русскому языку решающую роль играла школа, а для мужской части населения — служба в армии.

Соответственно, адаптационный эффект второго языка среди русских проявлялся не в сфере производства, науки, культуры, а преимущественно в бытовой сфере и в системе межнациональных контактов. Это подтверждается, в частности, тем, что в Ташкенте каждые три из четырех русских (76%), в той или иной мере владеющих узбекским языком, имели друзей среди узбеков, в то время как среди русских без знания узбекского языка в дружеских контактах с узбеками находились 54%, или только каждый второй.

В европейских республиках бывшего СССР, и прежде всего в Прибалтике, указанная корреляция проявлялась более заметно, чем на Востоке. В столице Эстонии более чем четверо из пятерых русских (83%), владеющих эстонским языком, имели друзей среди лиц эстонской национальности. Среди одноязычного русского населения (не владеющего эстонским языком) в том же Таллине друзья эстонской национальности встречались в два раза реже, чем среди двуязычного. Лишь 42% русских, не знающих эстонский язык, имели друзей-эстонцев.

Одно дело иметь друга среди лиц другой национальности, другое — обрести супруга (или супругу). Понятно, что во втором случае требуется большая ответственность и более сильные стимулы, чем знание языка друг друга. Тем не менее среди 41% русских таллинцев, знающих эстонский язык, имели место национально-смешанные браки, в то время как среди русских, не знающих эстонского языка, подобные браки были заключены лишь среди четверти опрошенных (27%).

В крутом развороте нового языкового законодательства, когда бывшие союзные республики приступили демократическим путем к восстановлению (или же созданию заново) приоритетных режимов для языков союзно-республиканских наций, не могли быть не затронутыми позиции русского языка, как естественно (и не только естественно) сложившегося и принятого всеми народами страны в качестве языка межнационального общения.

Осуществление языковых реформ затруднялось тем, что для функционального развития русского языка действительно в предыдущие десятилетия неуклонно и последовательно, начиная с середины 30-х годов, создавались максимально благоприятные условия. Достаточно в этой связи напомнить о прорусскоязычных законодательных актах 1938, 1978, 1979, 1983 гг. и других⁴. Покоящаяся в подводной части айсберга противоположность интересов языков нерусских народов с русским языком в ходе языковой реформы незамедлительно перешла в надводную (видимую) часть и обрела характер массовых острых дискуссий, взаимно оскорбительных выпадов, манифестаций, митингов, конфронтации. Дремлющий вулкан проснулся.

Немаловажную роль при этом сыграли малообоснованные, порой элементарно подстрекательские суждения по русскому вопросу и, в частности, по проблемам приобщения русских к языкам нерусских национальностей. Так, например, на одной из научно-практических конференций по проблемам национального возрождения народов России, организованной Советом национальностей Верховного Совета РСФСР и рядом научных учреждений в декабре 1991 г., было определено как «полное нежелание (русских, проживающих в иноэтнической среде. — М. Г.) включаться в этнокультурную среду, овладевать языком данного народа», скрытый русский шовинизм⁵. Подобное умозаключение, конечно, построено на песке. Как можно говорить о «полном нежелании...», если даже в столицах ряда бывших союзных республик значительная часть русских все же владела языками титульной нации, в том числе 47,3% русского населения Киева и далее, соответственно, — 43,3% — Еревана, 34,5% — Тбилиси, 31,6% — Вильнюса, 24,8% — Минска, 19,6% — Риги⁶.

Не исключено, что в некоторых частных ситуациях среди незначительных групп русского населения имели место случаи откровенного, осознанного нежелания выучить язык местного населения, глубже познакомиться с его историей, культурой, традициями. И не исключено, что это было продиктовано именно шовинистическими установками. Но кто и когда на каком конкретном эмпирическом материале изучил имен-

но эти случаи и сделал выводы на представительных данных? Вероятно, что имели место и другие факторы, например, тенденции национального нигилизма среди собственной «правлящей» интеллигенции титульных наций.

Питательной почвой и показателем подобного национального нигилизма нередко служило стремление части маргинальной республиканской этнократии услужливо продемонстрировать свое интернационалистское рвение перед Кремлем и форсированно закрывать школы с национальными языками обучения, минимизировать выпуск книг, газет и журналов на языках титульных наций, сужать сферу функционирования национальных языков в работе средств массовой коммуникации. Вероятнее же всего имело место не сознательное неприятие национальных языков, а отсутствие реальной потребности в них. И вряд ли эту неосознанную, не сформулированную, не культивируемую тенденцию, связанную с отсутствием потребности в двуязычии русских, можно определять как шовинизм и как преступление. Между тем именно таким образом квалифицировалось одноязычие русских на «национальных территориях», т. е. в бывших союзных и автономных республиках. «Если мы не приобщаемся к культуре народа, среди которого живем, не изучаем его язык, — с выстраданной обидой звучали выступления русских на упомянутой выше научно-практической конференции, — то мы являемся социальными нарушителями»⁷.

При этом конфликтность перехода от приоритета одного к приоритету другого языка одновременно затронула интересы каждой из трех сторон: самой нации, стремящейся обеспечить льготные условия развития своему языку, Союзного Центра, естественно стремящегося сохранить широкие и удобные коммуникационные каналы для контактов с периферией, и, наконец, интересы национальных меньшинств в союзных республиках, опасавшихся новоявленного национально-языкового диктата и поэтому, как правило, сориентированных на равноправное положение со всеми другими народами в широких рамках Союза, а не в узконациональных республиканских масштабах. Хотя нельзя не признать, что не все меньшинства были так сориентированы. Часть литовских евреев, караимов, татар были «за» суверенную Литву. Крымские татары как от огня бегут от «Советского Союза» в суверенную Украину. Однако приведенные примеры скорее исключения, чем правило.

Тем, кому пришлось наблюдать за ходом обжигающих дискуссий в республиках, когда республики вышли на старт языковой реформы, неоднократно приходилось убеждаться в том, насколько острыми стали

вопросы взаимодействия языков, насколько глубоко в ткань языковой ситуации проникли межнациональные и межъязыковые взаимовлияния, насколько трудным оказалось раскатать сложившееся языковое сознание, расшатать достигнутую языковую компетенцию, переориентировать благоприобретенные языковые установки.

Коротко говоря, языковая реформа 1989 г. проходила в борьбе идей, стратегий. Ей сопутствовала поляризация этнических и новых политических образований.

Разговор об этой борьбе особый. Сейчас, при анализе языковых законов, стоит общая задача: установить какие-то общие ее итоги, очертить ее общие контуры, понять, почему русские оказались притесняемой частью населения ближнего зарубежья.

Общие параметры языковой реформы, по крайней мере те индикаторы, что лежат на поверхности, т. е. вмонтированы в тексты принятых законов, видны невооруженным глазом. Первый и самый важный урок и опыт, и вывод состоит в переходе от унифицированной в прошлом, помещенной в прокрустово ложе идеологических схем и рамок партийных решений, единой для всех народов и для всех республик национально-языковой политики к новой плюралистической политике, более или менее приспособленной к каждой конкретной этноязыковой ситуации, с относительным учетом интересов разнонациональных и разноязыковых групп. Конечно, не во всех республиках в равной мере был достигнут компромисс, не в равной мере установлено гражданское согласие по поводу установления объективного статуса той или иной новой модели языкового сосуществования. Но начало было положено.

Плюрализм новой языковой политики наглядно проявляется при сравнении статуса русского языка, приданного ему в разных союзных республиках.

Разброс определений этого статуса достаточно широк: от почти полного умолчания о наличии русского языка в Указе Президиума Верховного Совета Литовской ССР, в законах Эстонии и Латвии до законодательного признания его официальным языком межнационального общения народов СССР в языковых законах Таджикистана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Белоруссии.

Вопрос о статусе русского языка имеет принципиальное значение, т. к. за этим фактом, признанием или непризнанием кроется отношение республики, ее правящей элиты к политике двуязычия. И тут снова мы имеем возможность убедиться в плюрализме этого отношения.

Прибалтийские законодатели и слышать не хотят что-либо о политике национально-русского двуязычия. Для большинства из них законодатель-

но устанавливаемое двуязычие — это однозначное проявление политики имперского управления и насильственного насаждения русского языка. Достаточно в связи с этим напомнить об острополюемических, хотя и бездоказательных, выступлениях М. Хинта, Я. Позняка, М. Раннута и некоторых других. Особенно показательна в этом отношении одна из передовых статей, опубликованная Мати Хинтом в малотиражном журнале «Радуга» накануне языковой реформы в Эстонии. Эта статья стала по сути знаменем и идеологической платформой пробуждения, актуализации и мобилизации эстонского лингвизма. Недвусмысленно направленная против эстонско-русского двуязычия, она, с одной стороны, играла на руку подъему национального самосознания эстонцев, укреплению их внутринациональной консолидации, нарастанию этнополитической активности, а с другой — способствовала усилению межнационального напряжения в Эстонии. (см.: *Хинт М.* Проблема двуязычия: взгляд без розовых очков. Таллин: Радуга, 1987. № 6. С. 72—81; № 7. С. 46—51). Надо отдать должное мужеству и тонкому конъюнктурному чутью Мати Хинта, точно уловившего две вещи: подходящий политический момент и едва ли не единственную в то время (середина 1987 г.) безопасную для себя форму открытого выступления против доминирования эстонско-русского двуязычия над русско-эстонским. Разумеется, немалую роль в публикации статьи именно с подобной антирусской ориентацией сыграла и жесткая позиция главного редактора «Радуги» — Рейна Вейдеманна, не принимавшего к печати публикаций по двуязычию инакомыслящих авторов. Впрочем, в своем негативном отношении к самому феномену двуязычия многие прибалтийские авторы были далеко не оригинальны. И не они первые выступили против политики двуязычия. Такие голоса раздавались и двумя десятилетиями раньше, скажем, на закате хрущевской оттепели. Напомним один пример. 11—15 февраля 1963 г. в Киеве состоялась научная конференция по культуре украинского языка, подготовленная совместно Киевским госуниверситетом и Институтом языкознания АН Украины.

Уже тогда, зимой 1963 г., участниками «мирной» научной конференции «единодушно» была осуждена концепция, допускающая, что нация имеет «два языка». Смысл этой акции состоял не в отрицании преимуществ, которые несет второй благоприобретенный язык, а в открытой конфронтации к официально провозглашенной и усиленно пропагандируемой официозом политике двуязычия. Не помышляя о далеко идущих последствиях отвержения двуязычия, участники приняли резолюцию о публикации научных произведений на Украине преимущественно на украинском языке⁸.

Резко отрицательное отношение к явлению двуязычия (в 1989 г.) представляло собой опасную, поэтому скрытую форму протеста против пребывания бывшей республики в составе Союза, а также дозволенную скрытую форму социального протеста.

И тут, возвращаясь к текстам законов, мы снова видим широкий диапазон установлений: от полного отрицания двуязычия (например, путем простого замалчивания) в прибалтийских законах до активной поддержки политики двуязычия в качестве обновленной официальной доктрины, как это сделано в языковых законах Казахстана и Молдовы.

Действительно, в указе Президиума Верховного Совета Литовской ССР «Об употреблении государственного языка Литовской ССР» о статусе русского языка ничего не говорится, за исключением отдельных случаев, когда официально разрешается его употребление. Более того, на передний план законодательного акта в соответствии со стратегическими задачами языковой (а точнее, этнополитической) реформы выдвинута идея свертывания функциональной нагрузки русского языка. Согласно указанному документу, «предприятия, учреждения и организации, внутреннее делопроизводство в которых до настоящего времени велось на русском языке, переходят к ведению делопроизводства и переписки на литовском языке в течение двух лет со дня вступления в силу настоящего Указа»⁹.

В языковых законах двух других прибалтийских республик — Эстонии и Латвии — русский язык упоминается лишь как второй, наиболее часто употребляемый в этих республиках язык после эстонского и латышского языков.

В Эстонском законе русский язык «рассматривается исходя из потребностей общесоюзного общения, а также как язык, которым в Эстонской ССР после эстонского наиболее часто пользуются как родным»¹⁰. В «Законе Латвийской Советской Социалистической Республики о языках» также «принимается во внимание, что русский язык после латышского языка является наиболее широко употребляемым языком в Латвийской ССР и одним из языков межнационального общения»¹¹. Трудно сказать, почему в серьезный, глубоко продуманный Эстонский языковой закон введен и многократно педалируется неюридический термин «родной язык». При этом эффект употребления этого термина в тексте закона усиливается в связи с тем, что он применяется главным образом к языкам лиц неэстонской национальности. Между тем сама постановка вопроса о «пользовании» русским языком «как родным» является нелепой. Феномен родного языка лежит не в сфере его применения. Родной язык выделяется не уровнем его

знания, не частотой его употребления, не сферами и случаями его применения, а национальным самосознанием каждого человека, и соответственно понятие родной язык выражает не реализацию того или иного языка в речевом поведении, а лишь выраженное отношение к языку. В силу этого этнопсихологическое по природе понятие родного языка не имеет правовой силы и не может быть юридически закреплено. Родной язык не может быть навязан человеку, так как каждый человек волен сам определять, какой язык является для него родным. Человек не обязан ни с кем согласовывать, какой язык считать ему своим родным.

Из текста латвийского закона не совсем понятен статус русского языка, который определен как один из языков межнационального общения. Во-первых, не уточнены территориальные рамки проявления указанной функции, во-вторых, не сказано, какие еще языки, кроме латышского и русского, признаются законом языками межнационального общения в Латвии.

Указанная неясность латвийского закона получила новый смысл и значение в июне 1991 г., когда Верховный Совет Латвии принял закон об образовании, согласно которому государство отказалось брать на себя гарантии по финансированию высшего образования на русском языке. Отвечая на вопросы оппозиции, заместитель Председателя Верховного Совета Латвии Андрей Крастыньш дал следующее разъяснение: «Высшее образование на русском языке следует получать в частных или финансируемых иным образом высших учебных заведениях», а Председатель Верховного Совета Латвии Анатолий Горбунов признался, что «заложенные в законе препятствия к получению полноценного образования на русском языке могут обострить ситуацию в республике, подорвать доверие нелатышей к новым властям»¹².

В языковых законах Таджикистана, Киргизии, Узбекистана и Белоруссии русский язык определен как язык межнационального общения народов СССР. «Русский язык как язык межнационального общения народов СССР, — согласно Таджикскому закону, — свободно функционирует на территории Таджикской ССР»¹³. Во всяком случае «Закон Таджикской ССР о языке» «обеспечивает правовые гарантии свободного функционирования русского языка как языка межнационального общения народов СССР»¹⁴. Аналогичный пункт включен в преамбулу Киргизского закона, согласно которому «Киргизская ССР обеспечивает свободное функционирование русского языка как языка межнационального общения народов СССР»¹⁵.

Во вводной части статьи 4 этого же закона сказано: «В Киргизской ССР русский язык является языком межнационального общения народов

СССР»¹⁶. И, наконец, статья 21 утверждает: «В детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах, средних специальных и высших учебных заведениях с государственным языком обучения обеспечивается преподавание и изучение русского языка как языка межнационального общения народов СССР»¹⁷. Упоминает Киргизский закон еще об одной функции русского языка. «В отношениях с зарубежными странами — согласно статье 13 — применяется государственный язык и русский, как один из языков межнационального общения»¹⁸. Особой статьей Узбекского языкового закона «на территории Узбекской ССР обеспечивается развитие и свободное пользование русским языком как языком межнационального общения народов СССР»¹⁹.

Русский язык, как язык межнационального общения, фигурирует в целом ряде статей Узбекского языкового закона, в том числе в связи с обеспечением права граждан обращаться в государственные, общественные организации и учреждения «на государственном языке и на языке межнационального общения» (статья 3), в связи с ведением статистической и финансово-отчетной документации (статья 8), в отношениях с общественными организациями (статья 9), в связи с решением хозяйственных споров как внутри республики (по согласию сторон), так и между предприятиями Узбекской ССР и других республик (статья 10), оформлением актов гражданского состояния (статья 12), повышением квалификации и переподготовкой специалистов (статья 14), подготовкой учебников и учебно-методической литературы (статья 17), оформлением текстов официальных печатей (статья 22), и, наконец, в Узбекской ССР «должностные лица не имеют права отказывать гражданам в принятии и рассмотрении жалоб и предложений, ссылаясь на незнание государственного языка республики или языка межнационального общения»²⁰.

«Белорусская ССР, — в соответствии со статьей 2, — обеспечивает право свободного пользования русским языком, как языком межнационального общения народов СССР»²¹. Более того, согласно статье 3 указанного закона, «отказ должностного лица принять и рассмотреть обращение гражданина на государственном языке, языке межнационального общения или рабочем языке данного учреждения со ссылкой на незнание языка обращения влечет за собой ответственность согласно действующему законодательству»²².

В качестве «языка межнационального общения» (без разъяснения: «народов СССР». — М. Г.), русский язык упоминается в нескольких статьях «Закона Казахской ССР о языках в Казахской ССР».

Согласно статье 2 этого закона, «русский язык в Казахской ССР является языком межнационального общения. Казахская ССР обеспечивает свободное функционирование русского языка наравне с государственным»²³. Согласно статье 3, «статус казахского языка как государственного и статус русского языка как языка межнационального общения не препятствует употреблению и развитию языков национальных групп, проживающих на территории Казахской ССР»²⁴, и согласно статье 15, «при общении органов государственной власти и управления, предприятий, учреждений и организаций Казахской ССР с органами государственной власти и управления, предприятиями, учреждениями и организациями Союза ССР и других союзных республик используется язык межнационального общения»²⁵. На разноголосицу республиканских языковых законов в трактовке русского языка и в определении сфер его «влияния» уже обратили внимание специалисты и объяснили этот разницей, во-первых, «отсутствием единой концепции языкового законодательства» и, во-вторых, «несовершенством понятийного аппарата социолингвистики»²⁶.

Суть языковой реформы-89 как раз в том и заключалась, чтобы отказаться от единой (единообразной для всех республик и всех народов) концепции языковой политики и каждой республике, на пути к суверенизации и далее к независимости, выбрать свою дорогу, свою индивидуальную, не обязательно продублированную еще кем-то и где-то языковую политику.

И выявленные расхождения в республиканских языковых законах в определении статуса русского языка отнюдь не означали, что население этих республик по-разному относилось (употребляло — не употребляло, любило — не любило, ценило — не ценило) к русскому языку, а выявляло направление этнополитической ориентированности самих законодателей: оставаться в Союзе или выходить из его состава. Отношение к русскому языку в текстах законов европейских и азиатских союзных республик бывшего СССР служило индикатором их отношения к предполагаемому новому Союзному договору, зеркалом, в котором они видели себя внутри или вне Союза.

Итак, в рассматриваемых законах проявляется значительное различие в подходе законодателей прибалтийских и среднеазиатских республик к понятию и самому феномену русского языка. В первом случае — полное неприятие (кроме Латвийского закона, в котором вскользь упоминается о функции межнационального общения русского языка), во втором — осознанное, возведенное в ранг конституционного акта понимание русского языка как «языка межнационального общения», как «языка межнациональ-

ного общения народов СССР», как «языка международного общения».

Указанная полярность точек зрения между, условно говоря, Западом и Востоком, отраженная в законах о языке, разумеется, не является случайной. Она происходит из глубокого понимания цементирующей роли языка-посредника в многонациональном государстве и вытекающего из этого понимания — желания или нежелания — быть в составе этого многонационального государства: желания и согласия среднеазиатских республик подписать Новый Союзный договор и остаться в составе Советского Союза, сохраняя его единство и решительного нежелания, несогласия Прибалтийских республик пребывать в составе СССР.

Сделанный вывод напрашивается сам собой, при первом же знакомстве с концептуальными подходами авторов прибалтийских законов к русскому языку и к его посреднической функции, обозначенной понятием «язык межнационального общения».

По мнению Марта Раннута — одного из составителей текста «Закона Эстонской Советской Социалистической Республики о языке», — «понятие язык межнационального общения... является термином ненаучным, относящимся к идеологическому инвентарю Советского Союза времен сталинизма и стагнации. Во всем мире не существует соответствующего понятия. Начало этому понятию положили в конце 20-х — в начале 30-х годов в Советском Союзе в связи с началом внедрения концепции классового врага и политики целенаправленного истребления национальных меньшинств. Если до этого предполагалось торжество коммунизма во всем мире должно было осуществляться на английском языке, то при неудаче экспортом коммунизма (так в тексте. — М. Г.) эта роль стала приписываться русскому языку. Размахивая подобной теорией примитивного коммунизма, согласно которому исчезнут все нации и государства и под самый конец исчезнет и милиция, отброшенным в сторону оказался принцип равенства языков, исходивший из юридического равенства всех языков. До сих пор ни за одним языком мира юридически не закреплен статус межнационального общения, так как подобный акт дискриминировал бы все остальные языки и противоречил бы вышеизложенному принципу»²⁷.

Как видит читатель, эту цитату нельзя было приводить в каком-либо усеченном виде, чтобы бережно сохранить весь заложенный в ней полемический запал. Не дать ему в пересказе погаснуть.

Оставим в стороне редакционные шероховатости этой длинной, но необходимой цитаты и эмоциональный заряд неприятия русского языка в

качестве языка межнационального общения. Каждый волен в конце концов выбирать себе в качестве *lingua franca* именно тот язык, который ему больше нужен или больше нравится. Не будем ставить в вину автору неточное определение времени появления термина «русский язык» как «язык межнационального общения», появившегося, конечно, задолго до сталинизма и до времен стагнации. Его, как известно, многие авторы широко употребляли еще в дореволюционное время. Без особого труда можно было бы убедиться, что им неоднократно пользовался В. И. Ленин еще в ходе работы над партийными программами накануне Октябрьской революции. Оставим в стороне и наивную веру в опасность того, что с помощью русского языка, как языка межнационального общения, можно было бы экспортировать коммунизм. Понятно, что это сказано в полемическом пылу. Точно так же, как и то, что ни за одним языком мира юридически не закреплен статус языка межнационального общения.

Отвергнув термин «язык межнационального общения», а вместе с ним выплеснув и ребенка, т. е. само явление широко распространившегося национально-русского двуязычия, попутно лишив и часть своего народа, овладевшего русским языком, права на это двуязычие, прибалтийские законодатели сами того не замечая, оказались в плену той самой большевистской идеологии, против которой направляли каленые стрелы своей критики.

Категорично отвергая русский язык, а вместе с ним и национально-русское двуязычие, думая тем самым об очищении пути возврата к национальному одноязычию, законодатели «проглядели» собственную веру в интегрирующую функцию русского языка в качестве языка межнационального общения. Отвергая русский язык, они совершенно справедливо полагали, что это послужит консолидирующим фактором для эстонского национально-освободительного движения. В какой-то мере именно так все и случилось. Действительно, борьба против насильственного внедрения русского языка в среду нерусского населения смогла поднять планку национального самосознания того или иного нерусского народа на более высокую ступень. Но у этой медали есть обратная сторона, которую как раз и проглядели творцы нового языкового законодательства. Эта сторона заключается в том, что они поверили в мнимую опасность, которую несет язык межнационального общения. И стали бороться с ветряными мельницами, т. е. с ни в чем не повинным русским языком.

Важно подчеркнуть другое. Критика понятия и самого феномена русского языка как языка межнационального общения позволила снять

шоры с глаз и четко понять, ради чего затеян спор. Борьба с русским языком необходима была для того, чтобы дозволенными в то время средствами взвинтить национальное самосознание, выше поднять знамя движения за национальную независимость, шире раскрыть дорогу к обретению государственной самостоятельности. И в этом обнажении целей, бесспорно, видится позитивный итог газетно-журнальных и митинговых дискуссий того, 1989, года.

Законодатели, видимо, отчетливо понимали и довольно точно рассчитали, что перекрывая кислород русскому языку, они облегчают тем самым задачу Народному фронту Эстонии и силам, избравшим курс на национальную независимость, в быстром и оперативном подъеме уровня национального самосознания. Однако при этом не учли законодатели эффекта бумеранга. Действительно, отказав русскому языку в каком-либо официальном статусе, прибалтийские законодатели в относительно сжатые сроки пробудили не только национальный дух собственного народа, но одновременно вывели из состояния анабиоза и национальное самосознание национальных меньшинств. Возникла конфронтация. Она до сих пор не преодолена. Ольстер, увы, все еще не исключен.

Похоже, законодатели среднеазиатских республик учли этот печальный опыт. В законах этих республик, если судить по реальному распределению реальных функций языков союзно-республиканских наций и русского языка, принципиальных различий нет. Тем не менее одному языку придан статус государственного языка, другому — статус языка межнационального общения. Тем самым убиты два зайца: учтен психологический момент — компенсировано самосознание и коренной нации и тех национальных меньшинств, которые ориентированы на русский язык.

Однако, выиграв психологический раунд, среднеазиатские законодатели, конечно, проиграли в теории. В итоге получилась мешанина из разнокалиберных понятий. В отличие от государственного языка, применение которого можно декретировать, язык межнационального общения не устанавливается каким-либо законодательным актом, а складывается сам по себе, естественным, стихийным путем, на основе добровольного волеизъявления, привычки, потребностей и языковых возможностей граждан разной национальности.

Нельзя язык межнационального общения внедрить принудительно, законодательным путем. Это — нонсенс. Вряд ли можно заставить человека говорить с другим человеком на каком-либо не ими избранном языке. «Спонтанное, межличностное общение законами не регулируется, поэтому внесение в текст законов термина «язык межнационального общения»

В. Ю. Михальченко и А. С. Пиголкин считают «неправомерным»²⁸. С этим выводом нельзя не согласиться.

Учитывая все перипетии предшествующей борьбы за языковую реформу, на Украине постарались найти своеобразный выход, для того чтобы «примирить» интересы украинского и русского языков.

В обязанность государственных, партийных, общественных организаций средств массовой информации республики «Закон Украинской ССР о языках в Украинской ССР» вменяет «воспитывать у граждан, независимо от их национальной принадлежности, понимание социального назначения украинского языка как государственного в Украинской ССР, а русского языка как языка межнационального общения народов СССР»²⁹. Всем сестрам по серьгам — такова позиция в преамбуле Украинского закона.

Однако статья 4 этого же закона, посвященная языкам межнационального общения, гласит: «Языками межнационального общения в Украинской ССР являются украинский, русский и другие языки».

Словом, Украинская ССР обеспечивает свободное пользование русским языком как языком межнационального общения народов СССР³⁰.

Но если все языки объявлены языками межнационального общения, значит ни один из них не является таковым на законодательной основе.

Теоретически статья 4 украинского закона, ассоциированная с позицией эстонских экспертов, безупречна. Но нельзя перехитрить самого себя, в одном случае — в преамбуле — объявляя только русский язык языком межнационального общения, а вслед за этим объявляя, что все языки являются таковыми, и тем самым «смазать» эффект вышесказанного.

Выиграв теоретически, украинские законодатели проиграли психологически, отняв у русскоязычного населения веру в справедливое языковое равноправие.

По сравнению с украинскими, несколько более осмотрительно поступили молдавские законодатели, объявив в Молдавской ССР два языка межнациональных общений: русский — как межнационального общения народов СССР и молдавский — как язык межнационального общения в Молдове.

Преамбула «Закона о функционировании языков на территории Молдавской ССР» гласит: «Молдавская ССР обеспечивает на своей территории условия для использования и развития русского языка как языка межнационального общения в СССР»³¹.

Статья 1 этого же закона утверждает: «Молдавский язык как государственный применяется во всех сферах политической, экономической,

социальной и культурной жизни и выполняет в связи с этим на территории республики функцию языка межнационального общения»³².

А статья 3 дополняет и разъясняет: «Русский язык как язык межнационального общения в СССР используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения»³³.

Антипозиция, занятая в отношении русского языка авторами полемических статей, конечно, несла в себе положительный заряд неприятия тех оголтелых мер, с помощью которых с откровенно имперских позиций под флагом «языка межнационального общения» насаждался русский язык в нерусскоязычной среде. Однако в пылу дискуссий полемисты, сами того не замечая, подменили понятие и вместо критики мер и способов распространения русского языка среди нерусского населения обратили критику против самого русского языка. Первыми на это обратили внимание прибалтийские теоретики, эксперты — участники разработанных там языковых законов. Не случайно именно в Прибалтийских республиках вслед за жесткими статьями законов появились не столь жесткие дополнения, циркулярные разъяснения, послабления носителям русского языка, процессам двуязычия.

И спустя несколько лет после языковой реформы, пожалуй, трудно понять ерничанье газетных статей («Я русский бы выучил <...>. Только за что?»), в которых уже в России по аналогии с прибалтийскими республиками начинается атака на русский язык и, в частности, на его функции в качестве языка межнационального общения, нападки на школы, в которых ведется обучение на русском языке и которые объявляются «пятой колонной», «рукой Москвы» в республиках³⁴. Никто не отрицает задач национальной школы в более полной межпоколенной и внутривозрастной передаче ценностей традиционной и профессиональной национальной культуры. Нет смысла умалять значение и роль языка своей национальности в качестве языка обучения на тех или иных ступенях образовательной лестницы, понятна и цементирующая роль национального языка в процессах внутринациональной консолидации, вполне естественно желание людей любой национальности видеть в своем языке повседневное подтверждение своего национального самосознания и национального бытия. Но, видимо, надо очень и очень плохо знать и даже совсем не представлять себе этноязыковую панораму многонациональной России, чтобы вести массивную атаку на позиции русского языка, без знания которого очень и очень трудно будет в обновленной России делать свою карьеру, расширять культурный кругозор, повышать образовательный уровень, углублять профессиональную подготовку, совершенствовать общественно-полити-

ческую деятельность, реализовывать новые широкомасштабные инициативы. Кардинально меняя руль языковой политики, особенно в России, в сторону более полного удовлетворения всех потребностей в сфере национального языка всех населяющих страну народов, надо все же не отодвинуть ненароком в дальний угол периферию и интересы языка межнационального общения.

Во многих бывших союзных республиках Европейской части бывшего СССР, особенно в Прибалтике, Молдове, противники русского языка часто ссылаются на опыт такой национально-языковой ситуации, когда население якобы обходилось без русского языка. Иные идут и далее того, отрицая исторические корни добровольного приобщения к русскому языку и сознательного выбора в его пользу с целью обеспечения как своей карьеры, так и межнациональных общений.

Поддавшись эмоциям и изгоняя русский язык «в дверь» из сферы разума и трезвой языковой политики, активисты языковой реформы рано или поздно столкнутся с тем, что он вернется через «окно» и через реальные потребности межнациональных контактов, подобно тому как после развала СССР новым независимым государствам, входившим и не входившим в СНГ, вернулся экономический союз, договор о котором подписали 9 бывших союзных республик 24 сентября в Москве. Имеет смысл напомнить и о том, что в истории бывших империй есть немало случаев возврата языка межнациональных общений уже после того, как сама империя формально и фактически перестала существовать.

В самом деле, социально-культурное значение русского языка быстро обнаружилось после Октябрьской революции и отделения от России ее бывших западных окраин. «К сожалению немногие знают, — напоминал один из выдающихся мыслителей XX в. И. А. Ильин, — что все железнодорожное сообщение между Эстонией, Латвией, Польшей и Бессарабией могло наладиться и происходило до самой второй мировой войны — на русском языке, ибо малые народы взаимно не знали, не признавали и не хотели признавать соседних языков, а по-русски говорили и думали все...»³⁵.

Ну как тут не согласиться со старинной вьетнамской пословицей о том, что достоинства первой жены познаются тогда, когда в дом приходит вторая. Не исключено, что бывшим республикам, так рьяно и скоротечно вознамерившимся отказаться от русского языка как языка межнационального общения, предстоит заново его открывать для себя и для своих детей.

Не лишне напомнить и о неправомочности экстраполяции всех «национальных» бед на голову одного единственного народа — на русских.

Об этом не раз говорили сами представители из числа титульных наций. «И сейчас, когда стало чуть ли не признаком хорошего тона обвинять во всей нашей политической, идеологической, экономической и культурной разрухе русский народ, я, как киргиз, воспитанный на добрых началах межнационального общения, по чести и совести не могу не выразить решительно отрицательного отношения к этим умствованиям доморощенных и иной категории псевдопатриотов»³⁶.

Принятие законов о языке союзных республик кардинальным образом изменило положение носителей русского языка. Социальный эффект приобретения и употребления государственного языка (инонационального для русского населения) усиливается. Если раньше, при прежней этноязыковой ситуации, знание русскими языков титульных наций проявлялось преимущественно в семейно-бытовой сфере и в сфере межнациональных контактов, то теперь, после языковой реформы-89 года, ощутимо, если не сказать довольно жестко, появляется необходимость знать язык для адаптации в экономической, политической, социально-культурной сферах. Для подобной адаптации, понятно, знание государственного языка в его разговорной форме является недостаточным. Необходим минимум профессионального владения им. Более того, знание языка становится, согласно принятым языковым законам, составной частью уровня профессиональной подготовки.

Разумеется, подобный опыт у части русского населения был и раньше, до того, как грянула языковая реформа. При этом, как уже отмечалось выше, положительный эффект русско-национального двуязычия в общественной сфере, в отличие от сферы семейно-бытовых отношений, блокировался двумя серьезными обстоятельствами: самодостаточностью русского языка для вертикальной мобильности русских в иноэтнической среде и крайне идеологизированной пропагандой русского языка среди нерусского населения. Пропандой, подкрепляемой всевозможными организационными выводами.

Еще задолго до перестройки этносоциологи знали, что свободное владение русскими языком титульной национальности косвенным путем сказывалось не только в семейно-бытовой, но и в общественной сфере. Сдержанные комментарии подобных явлений блокировались цензурой как дань республиканскому национализму. Поэтому подобные данные хотя и включались в разработочные таблицы по итогам этносоциологических исследований, но оставались все же в тени, уводились как можно дальше от читательского внимания и еще дальше от недремлющего ока внимательного цензора.

Перестройка позволила сдернуть покрывало с тайны этого положительно по сути феномена — благоприятного влияния двуязычия на расширение

участия русских в общественной жизни тех республик, где они оказались по воле истории.

Этносоциологические опросы, проведенные Институтом этнографии АН СССР в Таллине, показали, что в 1989 г. почти каждые двое из пяти русских (39%), знающих эстонский язык, повысили свой социально-профессиональный статус за 5 лет проживания в этой республике. Среди одноязычного русского населения (без знания эстонского языка) свой статус повысили лишь 16%. Психологический настрой человека создается не только из того, какие у него семейные отношения, но и из того, как складывается его профессиональная или служебная карьера, из того, каково его социальное самочувствие. И принимаемое им решение жить в «своей» или в инонациональной среде нередко зависит от его языкового потенциала.

Оказывается, что знание или незнание языка порой лежит в основе такого фундаментального (для СССР) решения, как уехать за пределы республики. Этносоциологический опрос 1988 г. в Ташкенте позволил обнаружить, что среди русских, знающих узбекский язык, лишь каждый десятый (11%) намеревался уехать из Узбекистана, в то время как среди одноязычных русских, не знающих узбекский язык, удельный вес ориентированных на миграцию составлял 37%. Разница между двуязычными и одноязычными, как видим, весьма существенная, и с ней нельзя не считаться, если иметь в виду возможность и потребность создания более благоприятных условий для адаптации русских в ту иноэтническую среду, где доминирующим в социальной сфере стал узаконенный законодательным актом государственный язык.

В европейских республиках СССР несколько раньше, чем в азиатских, начались процессы политизации языка. Особую роль в этом отношении сыграли интеллектуалы Эстонии, одними из первых приступившие к широкой дискредитации политики насильственного насаждения русского языка, проводимой в бывших союзных и автономных республиках Центром.

Начавшаяся политизация языка и языковой жизни не могла не затронуть интересы населения, разговаривающего на русском языке. Приобрел большую актуальность вопрос о языковой судьбе русского населения, в том числе приобщение русских к эстонскому языку. По данным этносоциологического опроса, проведенного в Таллине накануне принятия закона о языке, в разгар ожесточенных языковых дискуссий, выяснилось, что почти половина (48%) двуязычных русских отдавали свои симпатии ценностям, взятым на вооружение Народным фронтом Эстонии, в то время как симпатии среди одноязычных

русских проявили к тому же Народному фронту лишь в 18 из 100 случаев. Линия конфронтации между Народным фронтом Эстонии и возникшим в противовес ему Интердвижением прошла и через языковую жизнь русских людей: 58% русских, не знающих эстонского языка, показали, что их потребностям Интердвижение импонирует в большей мере, нежели Народный фронт. Однако, несмотря на то, что накануне языковой реформы в Эстонской столице была обнаружена положительная корреляция между двуязычием русских и их поддержкой целей и задач Народного фронта, преувеличивать все же языковой фактор не следует. Разумеется, знание эстонского языка помогает русским адаптироваться в новой политической жизни республики, облегчает деловые контакты, подпитывает повышенную активность в трудовой и общественной сферах, но никак не является единственным рычагом приобщения, адаптации к новой этнополитической ситуации.

Итак, подведем некоторые итоги, чтобы сформулировать некоторые предложения относительно выбора Россией оптимальных принципов политики к той части населения бывшего СССР, которая, являясь носителем русского языка, оказалась в ближнем зарубежье и в соответствии с языковыми законами начала в той или иной мере ощущать ущемление своих языковых прав.

Всплывающие время от времени вопросы перед внешней политикой России по защите прав русскоязычного населения пока еще не получили должного разрешения ни концептуального, ни прикладного.

Для недвусмысленных концептуальных решений и действий России недостает четкого понимания того, какие именно группы населения ей надлежит защищать, от какой формы дискриминации, как и от кого эта дискриминация исходит. В свою очередь решение этого вопроса затрудняется из-за того, что в нашей практике права человека не отделяются от индивидуальных прав граждан, а последние не отделены от групповых прав нации. Русский язык достался обитателям новейших государств как язык бывшего СССР. Однако с утратой своего прежнего статуса — гражданства СССР, многие не могли в одночасье потерять русский язык. Для того же, чтобы обрести новое гражданство, от них требуется (тайно или явно, жестко или мягко — это другой вопрос) обрести новый язык.

Таким образом, политико-правовая проблема (вопрос о гражданстве) обретает национальную языковую форму (знание государственного языка). Смешивание этих двух разных вопросов — «правового» и «языкового» — ведет в тупик всех трех участников, с надрывом выясняющих отношения между собой: собственно русских и русскоязычное население,

оказавшееся в зарубежье, руководителей новых государств и Россию.

В бывшем СССР русский язык «вышел из берегов» языка межнационального общения, стал функционально шире, чем просто *lingua franca*, перерос старые одежды элементарного языка-посредника. Он стал важным информатором «советскости» — такой жизнедеятельности граждан бывшего СССР, в которой с помощью русского языка можно было получить высокий уровень образования, обеспечить высокие темпы социально-профессиональной мобильности, расширить свой информационный кругозор и интеллектуальный багаж. Хорошо это было или плохо — другой вопрос.

Введение в действие законов о государственном языке породило проблемы как правового, так и материального плана. Для того, чтобы приобщить русских и русскоязычных к государственному (нерусскому) языку, от государств нужны очень серьезные материальные вложения, от самих русских — встречные очень серьезные моральные усилия.

Объявление и гарантия прав русского языка, право использования его частным лицом, не требуют от государства особых материальных расходов. Если в языковой политике не допускаются перегибы, это право четко соблюдается.

Как для государств ближнего зарубежья, так и для России труднее обстоит дело с созданием условий для использования государственного языка должностными лицами в системе органов государственного управления и в сферах общественной жизни.

Предложенная в печати формула «бывшие граждане СССР»³⁷ вполне подходит и для совместного решения языковых проблем русских и русскоязычного населения в ином государстве. Ее позитивные стороны заключаются в том, что она, во-первых, логически обоснована. Коль скоро новые государства «вышли» из состава СССР с населением, имевшим советское гражданство, они должны обеспечить этому населению четкие политические и языковые права. Иначе мировая общественность не поймет, ради чего происходила демократизация и обретались суверенитет и независимость. Во-вторых, указанная формула позволит понятно, логически и содержательно определить контингент людей, именуемых расплывчатым термином «русскоязычное население». В-третьих, подобный подход, вероятно, окажется наиболее адекватным реальной этнополитической и этноязыковой ситуации.

Указанные преимущества приведенной формулы позволят России разработать ясную, логическую и сильную позицию, а странам ближнего зарубежья — легко понять ее. Вместе с тем, реализация ее (формулы)

потребуется взаимных (двухсторонних, межгосударственных усилий), договоров, соглашений и других документов и мер.

И система обеспечения прав (человека и языковых) перейдет из вертикальной (Центр — периферия) в горизонтальную (периферия — периферия). Первоначальный импульс для применения такого подхода был убедительно заложен в языковых законах Белоруссии и Украины, в частности, в особых разделах об оказании культурно-языковой помощи белорусам и украинцам, проживающим за пределами границ действия белорусского и украинского языков в качестве государственных языков.

Вместе с тем эти «новшества» потенциально стали прообразом для псевдоправовых притязаний на защиту своих «этнокровных» национальных меньшинств в чужих государствах. В дальнейшем, после суверенизации-90 и дезинтеграции Союза-91, необходимость защиты своих меньшинств стала в свою очередь сильнейшим детонатором межгосударственного договорного процесса.

Получив свободу и независимость из рук объявившей себя демократическим государством России, бывшие союзные республики, сами того не подозревая, «отблагодарили» Россию, подсказав ей сильнейший, хотя и юридически недееспособный, аргумент об этнических россиянах, заложив тем самым угрозу для разыгрывания самой Россией «этноязыковой карты», представленной русскими и шире — русскоязычными группами населения в странах ближнего зарубежья.

Защита прав русского языка и его носителей, без всякого сомнения, сильнейший козырь России, но только в том случае, если внимание акцентируется не на групповом языковом праве, а на праве языка как неотъемлемой составной части более широких и универсальных прав человека.

Начавшийся переговорный процесс между государствами ближнего зарубежья с Россией и другими странами, а также двухсторонние соглашения между республиками в составе самой России открывают обнадеживающие перспективы по выработке некоторых взаимоприемлемых обязательств бывших союзных и автономных республик друг перед другом как в деле соблюдения прав бывших граждан СССР, так и в деле создания условий для гарантированного функционирования русского языка в соответствии с потребностями его носителей и возможностями государств по созданию необходимых условий для его функционирования.

Вместе с понижением статуса русского языка сгорела надежда одноязыковой части русского и русскоязычного населения сохранить конку-

рентоспособность в борьбе «за места». Установление государственных языков, несмотря на декларированное в законах равноправие языков, привело в конечном счете к неравноправию. И подобно тому как партаппарат потерял свою власть, проиграв ее в бильярдных залах закрытых загородных пансионатов, точно так же одноязыковая элита нетитульных национальностей, проиграв языковую борьбу, оказалась над бездной.

1.8. ПРИЗРАЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Прошло почти четыре года после принятия закона Эстонской ССР о языке. В одном из паспортных столов Таллина выстроилась очередь в три десятка русскоязычных людей за получением статуса гражданина независимой Эстонии. «Как только получите справку о сдаче экзамена по государственному языку, принесете документы нам», — терпеливо предупреждает каждого соискателя дежурная паспортистка. И хотя правительство Эстонии официально объявило об упрощенной процедуре обретения гражданства лицами, за которых будут ходатайствовать Академия наук, органы самоуправления, творческие Союзы, и хотя справку о сданном экзамене по государственному языку можно купить на «черном» рынке всего за 50 руб., мало кто понимает, что требование знания государственного языка не входило в языковой закон. Время стало вносить коррективы, но, увы, далеко не в лучшую сторону.

Впереди маячили серьезные обострения межнациональных отношений летом 1993 г. Однако вернемся в 1989 г., когда в январе Эстония, а вслед за ней и другие бывшие союзные республики приняли законы о языке, в которых нашли отражение разные подходы к языковому равноправию и правам на язык.

Задачи по построению гражданского общества, последовательного движения к правовому государству выдвинули ряд новых вопросов, относительно мало известных в отечественной социолингвистике и этносоциологии. Прежде всего речь идет о языковых правах и о соотношении этих прав с правами человека, с правами народов и правами национальных меньшинств, а также с языковыми обязанностями должностных лиц.

Эти вопросы являются новыми не только для отечественной науки, но и для мировой социолингвистики, накопившей лишь совсем недавно — в 70-е и 80-е годы — некоторый опыт по разработке социологии языка, но одновременно серьезно запоздавшей в постановке правовых

проблем политологии языка. Несмотря на огромное число работ, посвященных в разных странах языковой политике и блоку вопросов, связанных с языковым планированием¹, следует все же признать, что проблема языковых прав меньшинств осталась на периферии многих теоретических и прикладных проблем.

Языковая реформа-89 стремительно выдвинула эти проблемы на передний план, сразу же высветив ужасающую неподготовленность законодателей к пониманию существенной разницы между юридическими гарантиями равноправия языков и созданием на государственном уровне необходимых условий и шансов для реализации декларируемых гарантий.

Несколько важных обстоятельств предопределили нашу неподготовленность и указанное недопонимание. Во-первых, огромное многообразие языковых ситуаций, долгое время скрываемое под искусственным идеологическим трафаретом всеобщего единства и единой национально-языковой политики. К сожалению, разработанные в этносоциологии многоплановые критерии для описания и характеристик языковых ситуаций, включающие дифференцированные данные об уровне языковой компетенции, о масштабах речевого поведения, о глубине залегания языковых установок, а также по проблемам соотношения употребления языка в различных сферах жизни (на работе, в культуре, в работе средств массовой информации, дома и т. д.) не получили должного распространения, как вследствие трудоемкости соответствующих исследований, основанных на создании новой информационной базы, так и вследствие общего подозрительного отношения властей в годы застоя к эмпирической базе этносоциологических исследований.

Во-вторых, в традиционном терминологическом арсенале не оказалось сколько-нибудь устоявшихся понятий для обозначения языковых прав и обязанностей человека и национальных меньшинств.

В-третьих, на периферии внимания оказались попытки, предпринятые во всем мире для разработки и утверждения прав национальных меньшинств, включая их языковые права, а также объективные внеязыковые трудности (законодательные, политические, материальные и иные, в том числе психологические), с которыми встретились в западных странах в ходе обеспечения прав различного рода индигенных (автохтонных) и иммигрантских (неиндигенных) национальных меньшинств.

В конце 80-х — начале 90-х годов в разработку языковых прав человека и языковых прав меньшинств включился ряд международных организаций. Так, например, исследовательница Туова Скутнаб-Кангас (Дания) в соавторстве с Робертом Филлипом подготовила крупномасштабный международный проект «Языковые права человека и мень-

шинств: уточнение понятий и разработка противостояния гегемониям», одной из задач которого было создание Международной Декларации Языковых прав человека².

В октябре 1987 г. на международном семинаре по правам человека и культурным правам, состоявшемся в школе права Федерального университета Пернамбукто в Бразилии, под председательством Франциско Гомеса де Матоса был обсужден и принят предложенный им проект «Всеобщей Декларации языковых прав». Одновременно семинар рекомендовал этот проект ООН для принятия к действию и обеспечению реализации. Разумеется, этот проект потребовал от ООН дополнительных рекомендаций в деле переформулирования государственных, региональных и международных языковых политик.

«Резолюция о языковых правах» Франциско Гомеса де Матоса состояла всего из 4 пунктов: «1. Каждая социальная группа имеет право позитивно идентифицироваться с одним или более языками, а также имеет право на то, чтобы такая идентификация признавалась и уважалась другими. 2. Каждый ребенок имеет право в полном объеме изучать язык своей группы. 3. Каждый человек имеет право употреблять язык его группы в любой официальной ситуации. 4. Каждый человек имеет право изучать в полном объеме по крайней мере один из официальных языков страны, в которой он (она) проживает, в соответствии с его (ее) собственным выбором»³.

В концептуальную основу необходимого обеспечения четких юридических гарантий для языковых прав человека и языковых прав национальных меньшинств были заложены ряд общепризнанных принципов, в том числе изложенных в известных международных документах, относящихся к правам человека, международных договорах, предусматривающих обеспечение и гарантию культурных прав.

Действительно, для эффективного обеспечения юридических гарантий языковых прав человека и языковых прав национальных меньшинств необходимо, во-первых, в идеалы и принципы равенства, солидарности, свободы, справедливости, мира и взаимопонимания, вдохновившие государственные и международные законодательства о правах человека, включить в качестве фундаментального аспекта прав человека и языковой параметр; во-вторых, изучение, использование, поддержание и развитие национальных языков должно внести значительный вклад в интеллектуальное, образовательное, социокультурное, экономическое и политическое развитие индивидов, групп и государств; в-третьих, языковые права должны признаваться, развиваться, соблюдаться на государственном, региональном и международном уровнях

для того, чтобы гарантировать соблюдение достоинства, равенства и развития всех языков; в-четвертых, для ликвидации языковых предрассудков и языковой дискриминации, любых форм языкового доминирования, несправедливости и угнетения в таких сферах, как общественная жизнь и служба, работа, образование, суд и средства массовой информации, необходимо установить соответствующее четкое и крепкое законодательство; в-пятых, индивиды, группы и государства нуждаются в повышении внимания и чувствительности к языковым правам, поэтому существуют проблемы в развитии позитивных общественных процессов в направлении к многоязычию и достижению максимального равноправия носителей языков и самих языков.

Осознание глубокой и всесторонней связи языковых прав с общими правами человека и правами национальных меньшинств в известной мере проявилось и при разработке языковых законов в ходе языковой реформы-89. Об этом, в частности, свидетельствуют гарантии равноправия граждан вне зависимости от их пола, национальности, политических и религиозных убеждений, языка.

Вместе с тем за общими положительными декларациями скрывается серьезная недоработанность ряда законов, в том числе внутренняя противоречивость, наличие взаимоисключающих статей, рассогласованность положений законов, регулирующих естественные и искусственные аспекты развития языка и его употребления в разнообразных контекстах.

Особого внимания требует «спровоцированное» законами и «достроенное» общим ростом межнациональной напряженности законодательное разделение населения бывших союзных республик на различные группы с неодинаковым соотношением языковых прав граждан и языковых обязанностей должностных лиц. Нуждается в критическом анализе нечеткость критериев в определении реальных интересов и потребностей отгороженных языковыми законами групп населения в языке своей национальности, в государственном языке, в местном языке официальных общений и т. д. Малообоснованным представляется и выбор рамок применения языков, а также механизмов реализации основных положений законодательства.

В условиях, когда статус государственного языка придается одному-единственному языку, принципиальное значение приобретает наличие особой чуткости, реальной заботы и конкретного внимания законодателей ко всем остальным (нестатусным) языкам. Наличие или отсутствие указанного особого внимания выявить можно совершенно элементарно. Достаточно поставить вопрос: упоминается в тексте закона или не называется конкретный лингвоним (название языка). Чут-

кие к обидам национальные меньшинства мгновенно реагируют, когда речь об их языках идет анонимно, по принятому со времен сталинской эпохи арсеналу шаблонных унижающих национальное достоинство терминов — «другие языки», «остальные языки», «некоренные языки», «языки иноязычного населения» и т. п.

Из слагаемых неодинакового отношения к различным языкам складывается равнодействующая качества самого языкового закона.

Немаловажным фактором определения «качества» закона о языке служит и учет в нем этнодемографической и этноязыковой ситуации в республике, развития этнодемографических и этноязыковых процессов, в том числе сохранения в качестве родного языка своей национальности (см. табл. 7).

Таблица 7

Родные языки национальностей, имеющих союзные республики, в столицах союзных республик (в % по данным переписи 1989 г.)

Национальности	Считают родным языком			
	Язык своей национальности		Русский язык	
	В своей столице	В других столицах	В своей столице	В других столицах
1. Русские	100,0	99,5	—	—
2. Украинцы	78,7	40,0	21,3	59,3
3. Белорусы	61,6	34,1	38,3	64,1
4. Узбеки	98,0	89,4	1,9	10,0
5. Казахи	95,6	82,4	4,3	13,9
6. Грузины	99,5	59,4	0,4	39,4
7. Азербайджанцы	98,1	76,1	1,9	21,7
8. Литовцы	98,7	60,4	1,0	30,9
9. Молдаване	87,9	61,0	11,9	36,6
10. Латыши	95,9	40,6	4,0	56,8
11. Киргизы	97,9	86,3	2,0	8,6
12. Таджики	96,8	75,1	2,9	13,7
13. Армяне	99,6	64,0	0,3	31,9
14. Туркмены	96,2	77,4	3,8	18,7
15. Эстонцы	98,2	41,1	1,8	52,0

Источник: Текущий архив Института этнологии и антропологии РАН; Губогло М. Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959—1989 гг. М., 1992.

Национальные языки, получившие статус государственного языка, приобретают мощную поддержку в лице «своего» национального государственного аппарата. Министерствам и ведомствам вменяется в обязанность в законодательном порядке создавать реальные эффективные условия для применения языковых законов во всех сферах общественной жизни. Советы министров разрабатывают официальные (государственные) программы реализации языковых законов. Республиканские академии наук получают полномочия, деньги и государственный заказ на разработку и совершенствование структурной стороны литературных языков. Словом, государственная забота, подведенная в виде программы под языковой закон, является надежной гарантией реализации самого закона. Одновременно на таком же высоком (государственном) уровне получают поддержку (или хотя бы обещание таковой) и национальные группы, расселенные вне зоны действия нового закона.

Так рождается нелепый парадокс: полмиллиона украинцев в Молдове оказываются скорее в сфере «заботы» украинского закона о языках и могут ждать реальную материальную и духовную помощь скорее из Киева, нежели из Кишинева, а 144,5 тыс. молдаван, составляющих 5,5% населения Одесской области, и 84,5 тыс. молдаван, составляющих 9,0% населения Черновицкой области Украины, должны надеяться больше на милость Кишинева, нежели на четкий, строгий и недвусмысленный закон, изданный в Киеве, и на материальную поддержку правительства Украины.

В Минске в текст белорусского языкового закона включается особым разделом пункт о содействии национально-культурному развитию белорусов, проживающих за пределами БССР⁴, и одновременно ускользают из поля зрения, исчезают в тумане языковые потребности поляков, проживающих в пределах самой Белоруссии.

Русскому языку, как бывшему общесоюзному официальному языку, собирается оказывать поддержку Россия, озабоченная проблемами налаживания эффективных каналов и рычагов управления, установлением взаимопонимания и обмена необходимой информацией. И только одна категория национальных групп оказывается в ходе языковой реформы в беспризорном состоянии. К ней относятся те контингенты населения, что попадают в сферу действия языкового закона, ориентированного на создание приоритетных условий данного союзно-республиканского языка.

К числу позитивных достижений языковой реформы следует отнести и тот факт, что во всех языковых законах гарантировано равноправие языкам, независимо от каких-либо внешних, внеязыковых параметров

носителей этих языков, в том числе от их численности, этногенетической принадлежности, вероисповедания и т. п. Так, например, Молдавская ССР «обеспечивает на своей территории условия для использования и развития... языков населения других национальностей, проживающего в республике»⁵. Узбекская ССР «обеспечивает уважительное отношение к языкам всех наций и народностей, проживающих на ее территории, создает условия для развития этих языков»⁶. Аналогичные правовые гарантии общего характера имеются и в остальных языковых законах⁷.

Все законы делятся на две группы, в одну из которых попадают республики, гарантирующие языковые права национальным меньшинствам анонимно, т. е. без конкретного упоминания этнонимов и лигвонимов меньшинств, в другую — те, в законах которых наряду с изложением общих принципов равноправия языков и народов указывается одна или несколько национальных групп. К числу первых относятся языковые законы Эстонии, Литвы, Казахстана, Украины, Белоруссии, учислу вторых — законы Латвии, Таджикистана, Молдовы, Киргизии, Узбекистана.

Так, например, преамбула Эстонского языкового закона гласит: «Защищая эстонский язык на государственном уровне, Эстонская ССР признает неотъемлемое право граждан любой национальности на развитие их родного языка и культуры, равенство всех граждан перед законом, независимо от их родного языка»⁸. В Указе Президиума Верховного Совета Литовской ССР, устанавливающим распределение функций государственного и негосударственных языков, сказано: «В целях обеспечения развития и функционирования литовского языка в государственной и общественной жизни без ущемления при этом конституционного права иноязычного населения употреблять свой родной язык»⁹.

Особое отношение к языкам национальных групп выражено в Законе Казахской ССР «О языках в Казахской ССР». Согласно статье 3 этого закона, «статус казахского языка как государственного и статус русского языка как языка межнационального общения не препятствует употреблению и развитию языков национальных групп, проживающих на территории Казахской ССР»¹⁰. Республика, как видно из закона, не упоминает конкретно ту или иную национальную группу, но «давление» этих групп дает себя знать в живой ткани закона.

Казахская ССР и Молдавская ССР едва ли не единственные республики, где языкам национальных меньшинств (национальных групп) в необходимых случаях придается официальный статус.

«Языкам национальных групп Казахской ССР в местах их компактного проживания решением соответствующего Совета народных депутатов

может быть придан в установленном порядке статус местного официального языка.

Местный официальный язык употребляется наряду с государственным языком и языком межнационального общения»¹¹.

Принятие Казахского языкового закона без упоминания в нем конкретных национальных групп вызывает серьезные вопросы к законодателям и тем, кто проголосовал за такой закон.

В первую очередь возникает вопрос о языковых правах немецкого населения, численность которого достигает в Казахстане одного миллиона человек. Не простыми для республики являются вопросы развития национальных языков: корейского, уйгурского и некоторых других групп населения. У многих на памяти острая полемика, сопровождавшая ход разработки и обсуждение закона о языке. Под названием «Нужна ли спешка», в частности, была обнаружена статья народного депутата СССР С. Васильевой, в которой она, защищая права русской части своих избирателей, выступила против преждевременного принятия закона. Она предупредила, что по мнению части населения национальных групп, изучившего проект языкового закона, принятие его создает «дестабилизацию обстановки в Казахстане за счет подавления и унижения национального большинства»¹².

В ответной статье М. Козыбаева и В. Познанского «Неудачный экскурс в историю» было выражено несогласие с позицией тех авторов, которые предлагают считать русское население (русское национальное большинство) коренным населением западных областей Казахстана¹³.

Согласно статье 3 Украинского закона, «в работе государственных, партийных, общественных органов, предприятий, учреждений и организаций, расположенных в местах проживания большинства граждан других национальностей (города, районы, сельские и поселковые Советы, сельские населенные пункты, их совокупность), могут использоваться наряду с украинским языком и их национальные языки.

В случае, когда граждане другой национальности, составляющие большинство населения указанных административно-территориальных единиц, населенных пунктов не владеют в надлежащем объеме национальным языком или когда в пределах этих административно-территориальных единиц, населенных пунктов компактно проживает несколько национальностей, ни одна из которых не составляет большинства населения данной местности, в работе названных органов и организаций может использоваться украинский язык или язык, приемлемый для всего населения»¹⁴.

Как и гагаузы в Молдове, крымские татары на Украине не являются национальной группой, оторванной от какого-либо более крупного и

многочисленного народа, и выступают в качестве самостоятельного народа. Крым, так же как Буджак для гагаузов, является этногенетической родиной крымских татар. И следовало, конечно, ожидать от украинского закона, что в нем будет проявлено особое отношение к проблемам крымско-татарского языка и к его носителям. Однако на особое внимание ни пороку, ни духу не хватило. Между тем к особому отношению призывает и трагическая история крымских татар, безвинно пострадавших от тоталитарного режима.

«Белорусская ССР, — как зафиксировано в статье 2 ее языкового закона, — проявляет государственную заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики»¹⁵.

Как уже упоминалось, в языковых законах Украины и Белоруссии выделены специальные разделы о содействии национально-культурному развитию носителей украинского и белорусского языка, проживающих за пределами своих национальных республик.

Отсутствие аналогичной заботы, направленной на создание условий по удовлетворению культурно-языковых потребностей национальных меньшинств в своих республиках, естественно создает внутреннюю дисбалансировку самого закона, подчеркивает и закрепляет дополнительные барьеры между носителями статусных и нестатусных языков. В итоге от подобного противостояния оба закона, и Украинский и Белорусский, заметно проигрывают по сравнению с остальными законами. Дополнительное акцентирование внимания на интересах государственного языка, даже в тех случаях, когда его носители оказываются в другой республике (а после 1991 г. — и в другом государстве) оборачивается эффектом бумеранга.

Легче всего ловить и подсчитывать ошибки и промахи законодателей, но, разумеется, надо понять естественную озабоченность украинской и белорусской интеллигенции судьбами языков своих соотечественников, расселенных за пределами сферы действия нового языкового закона. Так, например, по переписи 1989 г. в столицах 14 инонациональных союзных республик лишь 40,0% украинцев и 34,1% белорусов сохранили в качестве родного соответственно украинский и белорусский языки. Ниже этого не опускалась ни одна планка среди всех остальных «титულных» национальностей, имеющих свою государственность и свой государственный язык.

Отношение к национальным меньшинствам во второй группе республик, там, где перечислены конкретные этнические наименования, выглядит гораздо предпочтительнее. И дело не только в этнической

заземленности законов, а в том, что указание конкретной национальной группы или национального меньшинства создает дополнительное доверие к закону тем, что обеспечивается целенаправленная защита языковых прав, в том числе языковых прав отдельных диалектов литературного языка. Таков, в частности, путь, избранный законодателями Латвии, многонациональный состав населения которой потребовал и мудрости и выдержки и хладнокровного расчета от ее законодателей.

Согласно языковому закону Латвийской ССР, «...государство заботится об уважительном отношении ко всем употребляемым в Латвийской ССР языкам и диалектам»¹⁶. А «статус латышского языка как государственного языка не затрагивает конституционных прав граждан других национальностей пользоваться своим родным языком»¹⁷.

В целом закон Латвийской ССР выделяет интересы государственного, латышского, языка, в том числе его говоры, русского языка, языков других национальностей, а также, в отличие от законодательных актов Эстонии и Литвы — интересы латгальского и литовского языков, и языков других национальностей. В нем гарантируется употребление латышского языка, включая говоры и латгальский письменный язык, во всех областях культуры.

В Латвийской ССР обеспечивается развитие и других национальных культур на родном языке»¹⁸.

Уже сам факт упоминания вымирающих ливов, численность которых по переписи 1989 г. составляла всего лишь 226 человек в СССР, в том числе 135 — в Латвии, создает уважительное отношение к закону, пробуждает надежду на то, что действительно закон возьмет их национально-культурные и национально-языковые интересы под свое покровительство. Немало проблем у латвийского языкового закона в связи с интересами носителей латгальского письменного языка, в связи с низким уровнем латгальского национального самосознания. Так, например, по данным переписи 1989 г. большинство «убежденных» латгальцев — 1645 человек — проживали не в Латвии, а в России. Всего же в бывшем СССР их насчитывалось 1737 человек.

Как уже подчеркивалось выше, в Таджикиском законе о языке не обошли вниманием интересы по существу всех действующих в пределах республики языков.

Такой подход закреплен в преамбуле закона. «Провозглашение таджикского языка государственным, — говорится в ней, — не умаляет и не ущемляет конституционных прав граждан, родным языком которых является любой другой язык. Таджикская ССР признает равноправие языков, обеспечивает правовые гарантии и уважительное отношение ко всем

употребляемым в республике языкам и защищает неотъемлемое право граждан любой национальности на развитие их языка и культуры, равенство всех граждан перед законом независимо от их родного языка»¹⁹.

«Статус эстонского языка как государственного, — провозглашает преамбула закона, — не ущемляет гражданских прав лиц, родным языком которых является какой-либо другой язык». Не ущемляет, но и не поддерживает, не стимулирует развития, оставляет в беспризорном состоянии. В конечном счете такая норма, — норма индифферентности оборачивается дискриминацией. Дотации на развитие эстонского языка идут из общереспубликанской копилки, а финансирование языкового развития меньшинств выводится на самокупаемость. В отличие от латвийского, эстонский закон проигрывает, «забывая» о специфических интересах ижорцев, заметная доля которых — 360 (44,0%) человек из 820 — проживает в Эстонии.

Одновременно с перечислением некоторых конкретных языков национальных меньшинств в языковых законах второй группы не забыты и общие принципы языкового равноправия.

Так, например, «придавая молдавскому языку статус государственного, Молдавская ССР, — согласно ее закону, — обеспечивает защиту конституционных прав и свобод граждан любой национальности, проживающих на территории Молдавской ССР, независимо от используемого языка, в условиях равенства всех граждан перед законом»²⁰.

Опыт показывает, что чем более мозаичным и сложным является национальный состав той или иной республики, тем труднее установить баланс языковых интересов титульного и нетитульного населения, тем более тернист путь к утверждению справедливого, устраивающего все стороны, закона о языке. Особенно ярко это проявилось, в частности, на примере истории языковой реформы в Молдове, бывшей союзной республики, ныне — суверенного государства, с двумя коренными народами — титульными молдаванами и нетитульными гагаузами и группой национальных меньшинств.

Специфика этнической ситуации гагаузов, подобно молдаванам около тысячелетия, с небольшими перерывами, обитающими на своей этнической территории, нашла относительно адекватное отражение в молдавском языковом законе.

«В целях государственной охраны и обеспечения развития гагаузского языка Молдавская ССР создает необходимые гарантии для последовательного расширения его социальных функций»²¹.

Молдова не только декларирует на высоком законодательном уровне готовность содействовать развитию языка гагаузского народа, но и намечает

конкретные меры, признавая в ряде случаев официальными функциями гагаузского языка наряду с государственными функциями государственного (молдавского) языка.

«В местностях проживания большинства населения гагаузской национальности языком официальных сфер жизни, — согласно закону, — является государственный, гагаузский или русский язык»²².

Кроме того, «Молдавская ССР гарантирует использование украинского, русского, болгарского, иврит, идиш, цыганского языков, языков других этнических групп, проживающих на территории республики, для удовлетворения национально-культурных потребностей»²³.

По переписи 1989 г. в Молдове проживали представители 121 национальности. Легче перечислить тех, кого не было, чем тех, кто был представлен на этнической карте республики. В самом деле из 22,8 тыс. алеутов, ительменов, кетов, ливов, халха-монголов, чукчей и энцев, проживающих в СССР, в Молдову не попал ни один из них.

Вместе с русскими, языку которых был придан статус языка межнационального общения, и гагаузами, язык которых был приравнен к статусу государственного языка в районах компактного проживания гагаузов, молдаване как обладатели государственного языка составляли немногим более четырех пятых (81,0%) всего населения Молдовы.

В целом же, вместе с носителями украинского, болгарского, еврейского и цыганского языков, население, охваченное законом и упомянутое законом, составляло 98,6%. Иными словами, преимущество молдавского языка перед многими другими состояло в том, что он (закон) охватывал вниманием практически все население республики, при этом поименно называя представителей наиболее многочисленных народов и национальных групп. Поименно не названным в законе осталось всего лишь около 60 тыс. человек, составляющих немногим более 1,4% населения республики.

Впрочем, вряд ли, например, была необходимость перечислять в законе названия нганасанского, негидальского, ненецкого, нивхского, орокского, орочского, саамского, селькупского, талышского, цахурского, чуванского и эскимосского языков, каждый из которых был представлен на языковой карте всего лишь одним представителем.

Разница, как видно, весьма существенная. Гагаузам, как самостоятельному народу, не имеющему своей территории нигде, кроме как в Молдавии, в ряде случаев, и прежде всего в районах компактного проживания, языковыми законами Молдовы предоставляется официальный статус, приравненный по необходимости к статусу государственного языка (статья 2), в том числе в сфере

делопроизводства (статья 9). Руководящим работникам по долгу службы, имеющим контакты с гагаузским населением в определенном законом перечне сфер, устанавливаются требования владения гагаузским языком на уровне, достаточном для выполнения профессиональных обязанностей (статья 7). Акты органов государственной власти, государственного управления и общественных организаций в местах с населением гагаузской национальности принимаются на государственном, гагаузском, или русском языке (статья 10). По сравнению с гагаузским языком несколько более ограниченные функции поддерживаются для носителей украинского, болгарского, иврит, идиш, цыганского языков. Их носителям гарантируется свободное использование родных языков для удовлетворения национально-культурных потребностей (статья 4), для межличностного общения (статья 6), принятие актов местных органов государственной власти, государственного управления и общественных организаций на национальном (в законе написано — на родном. — *М. Г.*) языке, с последующим переводом на государственный язык.

Авансированную позицию Молдавского закона в развитии и функционировании гагаузского языка трудно переоценить. Так, например, выдвинутое законом требование к должностным лицам владеть гагаузским языком в местностях с гагаузским населением послужит не только собственно развитию социальных функций гагаузского языка, но одновременно явится немаловажным фактором, позволяющим совершенствовать перекошенную прежде социальную структуру гагаузского сельского и городского населения.

Имеет смысл в связи с этим еще раз напомнить, что анализ социальной структуры гагаузского сельского населения, предпринятый в середине 70-х годов по первоисточникам (по данным похозяйственных книг), позволил выявить несоответствие, диссонанс между социальной и национальной структурой гагаузских сел в южных районах Молдовы. Оказалось, в частности, что если изобразить эту структуру в виде треугольника, в основании которого располагаются работники неквалифицированного и квалифицированного физического труда, в середине — работники умственного труда с низкой и средней квалификацией, а на острие вершины треугольника — руководители высшего звена (директора, председатели, секретари партийных организаций и т. п.), то окажется, что нижняя и средняя часть треугольника состоит из лиц гагаузской национальности, в то время как «руководящая» вершина представлена в основном молдаванами, русскими, украинцами и другими лицами негагаузской национальности²⁴.

Этот аномальный перекося глубоко и болезненно осознавался гагаузским населением. Катализирующую роль при этом играло повышение

общеобразовательного уровня при ограниченном росте численности специалистов с высшим образованием. Естественно, новый языковой закон, обязывающий знать два языка, — и молдавский как государственный, и русский как язык межнационального общения, стал причиной протеста гагаузов, у которых и без того были трудности при преодолении порога высшей школы. Иными словами, корни грозного конфликта, назревшего осенью 1990 г. на рубежах Гагаузии и, к счастью, завершившегося без жертв, надо искать в том числе в перекосах их социально-профессиональной структуры.

Иное дело новый языковой закон Молдовы, предписывающий должностным лицам Гагаузии знать язык гагаузов в местах их компактного расселения. Вольно или невольно блокируя каналы вертикальной мобильности негагаузам, не владеющим гагаузским языком, по пути к вершине социальной структуры в районах с компактным гагаузским населением, закон стимулирует ускоренную подготовку специалистов высшей квалификации из числа местного гагаузского населения и тем самым способствует решению важнейшей социальной задачи по совершенствованию социальной структуры гагаузского населения. Понятно, что если закон будет способствовать решению этой задачи, он, вероятно, будет служить преодолению социальной несправедливости.

Особую лояльность, проявленную молдавским языковым законом к функционированию гагаузского языка и, соответственно, к языковым правам гагаузов, частично можно объяснить процентным соотношением молдаван и гагаузов на этнической карте Республики Молдова: молдаване как титульная нация по переписи 1989 г. составляли 64,5%, гагаузы — 3,5%.

Эта пропорция, понятно, не давала молдавскому правительству каких-либо реальных оснований думать о том, что гагаузы смогут соперничать с титульной нацией в стремлении занять ключевые места в кабинетах власти государственной структуры. На понимании отсутствия этого соперничества, по-видимому, была построена щадящая концепция языкового закона.

Многочисленные упоминания о языковых правах национальных меньшинств имеются в документах некоторых среднеазиатских республик. В законе «О государственном языке Киргизской ССР» статья 16 устанавливает, что: «местные органы государственной власти и управления на территории компактного проживания национальных групп (узбеки, таджики, немцы, дунгане, уйгуры и другие) наряду с государственным языком вправе применять их родной язык. Лицам, не владеющим этими языками, обеспечивается соответствующий перевод»²⁵.

Согласно закону «О государственном языке Узбекской ССР», «в официальной печати публикуются переводы этих документов (законы, постановления и другие документы органов государственной власти и управления. — М. Г.) на русском, каракалпакском, таджикском, казахском, киргизском, туркменском и других языках»²⁶.

В отличие от киргизского языкового закона, в котором в перечне национальных групп наряду с группами, отколовшимися от своих союзно-республиканских национальностей (узбеки, таджики), указаны и группы, не имеющие своей национальной государственности (немцы, дунгане, уйгуры), в Узбекском законе перечень этнических наименований групп ограничен указанием лишь тех, за спиной которых маячит титульный народ, имеющий свою союзную (таджики, казахи, киргизы, туркмены) или автономную республику (каракалпаки). Из текста закона, а также из официальных сопутствующих закону материалов не совсем ясно, почему в Узбекистане отказано в упоминании и в конкретизации языковых прав туркам из Месхетии, крымским татарам, корейцам и дунганам, относительно компактными вкраплениями расселенным на территории Узбекистана.

Возникает вопрос о справедливости выделения в текстах законов этнонимов одних и замалчивания этнонимов других национальных групп. Какими критериями руководствовались законодатели? Исключение из списка представителей национальных групп, не имеющих (или потерявших в прошлом) свою национальную государственность, даст основание усмотреть в таком подходе проявленную по отношению к ним несправедливость, что бросает тень на качество всего закона.

Вместе с тем, узбекский и таджикский законы имеют некую внутреннюю согласованность между собой. Предоставляя своим гражданам право свободного выбора языка общения, Узбекская ССР обеспечивает в пределах своей территории получение общего среднего образования, наряду с государственным, и на таджикском языке²⁷. Аналогичную миссию по отношению к узбекам, проживающим в Таджикистане, берет на себя таджикский языковой закон, согласно которому в Таджикистане гарантируется, во-первых, свобода выбора языка обучения, во-вторых, обеспечивается получение общего среднего образования на узбекском языке²⁸. Указанные двухсторонние обязанности по подготовке выпускников средних школ на языке соседней республики имеют свой внутренний смысл. Как уже указывалось, министерство образования Узбекистана приступило к реализации программы, согласно которой соседние среднеазиатские республики могут обмениваться студентами²⁹. Кроме того, ученики таджикской национальности, получив-

шие образование в Узбекистане, могут поступать в вузы Таджикистана и там продолжать свое образование на языке своей национальности. В свою очередь Узбекистан получает контингенты студентов из-за пределов республики. Все это в конечном счете расширяет возможности обретения профессии на национальных языках. Не исключено, что если этот опыт окажется удачным и получит широкое распространение, то повлечет за собой немаловажные последствия, в частности, падения престижа и снижения потребности русского языка у подрастающих поколений индигенного населения республик Средней Азии³⁰. Если эта смелая гипотеза, выдвинутая Михаилом Ленкером, подтвердится, то можно будет говорить еще об одной дальновидной цели, имплицитно заложенной в Узбекский и Таджикский языковые законы по расширению функциональной нагрузки этих языков за счет скрытого вытеснения русского языка, как языка сферы среднего образования.

В известной мере на мельницу этой идеи, идеи внутритюркской консолидации за счет сужения и сокращения функций русского языка, льет воду и другое предложение, появившееся в печати Киргизской ССР. В ходе подготовки закона о языке в этой республике некоторые эксперты предлагали сократить различия между киргизами и другими тюркскими языками, сблизив орфографии этих языков³¹. В этом случае киргизы могли бы свободно читать и киргизскую и казахскую литературу. Однако эта точка зрения многим показалась не бесспорной. «Идею подлаживания киргизского языка к одному из близкородственных тюркских языков считаю несостоятельной ни с точки зрения науки, ни с политической стороны»³², отметил А. Орусбаев.

Законы весьма охотно, заметно, уверенно и определенно проявляют плюрализм по отношению к русскому языку, к проблемам функционирования, применения и разделения им своей функциональной нагрузки с функциями государственного языка.

Не все законы столь же внимательно, расчетливо, всесторонне и заботливо проявляли плюралистическое отношение к языкам меньшинств в своих республиках.

Создание приоритетных условий для одного языка (языка союзно-республиканской нации) автоматически оборачивается дискриминацией остальных языков и тем самым порождает состояние несправедливости в регулировании функционального взаимодействия языков. Даже в тех случаях, когда защите прав национальных меньшинств уделяется серьезное внимание и осуществляется на высоком законодательном уровне, остаются имплицитные возможности для скрытой дискриминации. Представителям национальных меньшинств в довоенной Эстонской

республике предоставлялось весьма широкое самоуправление. Национальная община на свои средства содержала учебные заведения на родном языке. Гарантом тому был принцип культурной автономии, особенно масштабно гарантированной в те времена состоятельными немецкой и еврейской общинами.

Проблема же заключалась в том, что закон о культурной автономии нес в себе принцип двойного налогообложения. В самом деле, от подоходного налога не освобождался никто. Часть собранных денег шла на развитие образования. Однако община, создавшая национально-культурную автономию и не освобожденная от общегосударственного налога, должна была сверх того собирать дополнительный налог для оплаты образования на родном языке. Иными словами, представители национальных меньшинств платили дважды: в одном случае — за систему образования титульной нации и за себя, в другом — за учебу своих детей, но из своего кармана. Дискриминация, как отмечалось в печати, явная³³.

Истинное дискриминационное положение и ущербное место, отводимое меньшинствам на этнической карте некоторых бывших союзных республик, не скрывали даже некоторые демократически избранные президенты. На просьбу корреспондента итальянской газеты «Стампа» изложить свою позицию в отношении национальных меньшинств в Грузии «демократ» Звиад Гамсахурдиа ответил без колебаний: «Она проста. Коренное население должно преобладать над другими народностями»³⁴. Надо ли повторять, что подобная идеология стала одной из основных причин тяжелейшего осетино-грузинского кризиса и причиной кровавой абхазско-грузинской войны. В особо трудное, поистине трагическое положение попадают национальные меньшинства, оказавшиеся в ходе языковой реформы между молотом государственного и наковальной русской языка.

Устанавливаемое законами равноправие языков сводится к формальному декларированию прав языковых меньшинств, особенно в части права обращения в органы государственного управления, судопроизводства, нотариальные и прочие конторы на родном языке. Кажется, недостатка в таких «провозглашениях» нет. Все законы принимались по быстро накатанной дороге движения к демократизму. Однако, стремительно двигаясь по дороге, ни реформаторы, ни депутаты, проголосовавшие за новые законы, не увидели того, что во-первых, равноправие языков было признано не во всех сферах общественной жизни, особенно в управлении, и, во-вторых, равноправие не было подкреплено созданием равных условий функционирования нетитульных языков с титульным.

Общеизвестно, что языки меньшинств больше, чем языки большинства, нуждаются в материальной поддержке. Об этом многократно говорилось еще в самом начале XX в. Признавая правильное и справедливое разрешение языковой проблемы «делом великого законодательного акта», С. А. Котляревский³⁵ настаивал на том, чтобы живые и жизнеспособные языки имели равное право на существование в государстве и что языки говорящих на них наций должны быть допущены к употреблению в таких важных сферах общественной жизни, как школа, администрация и суд, на равных основаниях. Но этим дело нельзя было ограничивать. В меру своих жизненных ресурсов и возможностей государство должно создавать равные материальные условия для использования таких языков. И только в тех случаях, когда у государства не было достаточно сил и средств, а также по причине слабой распространенности языка национального меньшинства, языковое равноправие можно было бы заменить на «право и применение в пределах, обеспечивающих чисто культурные нужды данной национальной группы»³⁶.

Отсутствие демократического опыта и слабое знание сути и историографии вопроса привело к тому, что в принятых законах, по крайней мере в большинстве из них, языковое равноправие было (сознательно или неосознанно — это другой вопрос) подменено частным правом языка на использование. В итоге отношения между государственным языком титульной нации и языками нетитульного населения оказались в перевернутом состоянии. Вместо того чтобы в первую очередь оказать реальную поддержку негосударственным языкам многочисленных наций в деле их фактического употребления в жизненно важных сферах общественной жизни, такая помощь была направлена на создание приоритетных условий государственному языку, чаще всего представленному языком большинства. Подобное скрытое подавление слабого языка хорошо видели как накануне Октябрьской революции, так и в первые годы большевистской языковой реформы, осуществляемой в 20-е годы³⁷.

Тем не менее и сегодня некоторые радикально настроенные авторы, неистово защищающие независимость новых государств, впадают в шок от того, что в Латвии, например, в первую очередь надо поддерживать еврейский, в Литве — польский, в Молдове — гагаузский языки, а уж потом государственный язык каждой из республик. Между тем подлинный демократизм титульного большинства как раз тем и определяется, способно ли оно оказать реальную поддержку нетитульному меньшинству. В цивилизованном обществе, понятно, меньшинство

должно само нести расходы по самоутверждению своей этничности. Однако там, где государство нанесло урон меньшинству, потери должны быть возмещены. Этим и диктуется необходимость компенсационных приоритетов в дополнительной поддержке меньшинства.

За более 70 лет чем до нынешней языковой реформы Питирим Сорокин писал: «Пока национальный принцип... не противоречит лозунгу социального равенства — мы от души приветствуем национальные движения. Так как в России до сих пор движения украинцев, евреев, поляков, латышей и т. д. имели этот уравнительный характер, то ясно, что мы можем только поддерживать его. Но как только национальный принцип становится средством угнетения одной группой других групп, мы поворачиваемся к нему спиной, памятуя, что высшая ценность — «равноправная человеческая личность». Вся полнота прав должна быть предоставлена каждой личности, без различия «эллина и иудея, раба и свободного»³⁸. Союзный Центр, занятый в 1989 г. уже собственными судьбами, отнюдь, не спешил прийти на помощь национальным меньшинствам. 25 декабря 1989 г., когда М. С. Горбачев с трибуны внеочередного Пленума ЦК КПСС «отчитывал» непокорную компартию Литвы, решившуюся порвать с Союзным Центром, в Совете Министров проходило заседание правительственной комиссии, образованной в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР для решения практических вопросов, связанных с восстановлением прав крымско-татарского народа и немцев Поволжья, насильственно переселенных с мест их традиционного проживания. В короткой заметке в глухом углу газетной полосы ни слова не было сказано ни о языковых правах этих безвинно наказанных народов, ни о том, как языковая реформа отразилась на судьбе, принесла ли им какое-то облегчение или оставила их трагическое положение без изменений.

Как часто приходится слышать: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

Сегодня, в пору поисков межнационального консенсуса, мира и согласия между народами, оказавшимися разделенными новыми государственными границами и новыми, в том числе языковыми, законами, можно продолжить вышеприведенную сентенцию: народ, притязаящий на привилегии перед другими народами, не может быть ни свободным, ни уверенным в стабильности своего будущего.

Только взаимные уступчивость и терпимость в сочетании с пониманием неизбежности мирного межнационального сосуществования могут преодолеть отчуждение и привести к подлинному взаимопониманию.

1.9. О СООТНОШЕНИИ ВНУТРИРЕСПУБЛИКАНСКИХ И МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

«Ахашамыниз хејир олсун!» — этими приветственными словами преподаватель Ариф Мехарлиев открыл 12 сентября 1990 г. курсы по изучению азербайджанского языка в роскошном старинном здании гимназии, что как раз напротив азербайджанского представительства в Москве. Занятия на курсах решено проводить два раза в неделю по группам, в каждую из которых записалось по 25—30 человек¹.

Так началась реализация одного из новых явлений в национально-языковой политике бывших союзных республик — по оказанию помощи и содействия национально-культурному развитию группам лиц, проживающим во внутренней диаспоре, за пределами своей национальной государственности. Два объективных обстоятельства подготовили условия для нового явления в современных этноязыковых процессах — для экспорта этнокультурной помощи: создание в крупных городах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, в столицах бывших союзных республик национально-культурных центров, землячеств, ассоциаций, клубов и других объединений и организаций, объединяющих лиц одной национальности. Так, например, в Эстонской республике для 60 национальных культурных обществ от правительства Эстонской республики было выделено (через Эстонский фонд культуры) около 90 тыс. рублей, а от исполнительных органов местного самоуправления еще около 150 тыс. руб. В 1991 г. для удовлетворения нужд национально-культурных центров было выделено 250 тыс. руб. для Объединения народов Эстонии и еще 1 млн. руб. — министерству культуры Эстонии для расширения радиопередач на языках национальных меньшинств (украинском, белорусском, идиш, других языках).

Вместе с тем возможности бывших союзных республик были весьма ограниченными. Это хорошо известно в правительственных кругах и в общественном мнении. Мало надежды, чтобы «девятый вал» формирования национальных культурных центров можно было бы без ограничений финансировать из оскудевших республиканских бюджетов. Даже если выделить скольконибудь удовлетворительные помещения для каждого культурного центра, то только в одной Москве потребуется более 60 домов или соответствующих помещений.

Тем не менее другим объективным обстоятельством, позволившим расширить поддержку национальным группам, оказавшимся в иноэтнической среде, стала позиция, выработанная в ходе языковой реформы, когда в отдельные законы о языках были включены статьи об оказании

помощи своим соотечественникам, оказавшимся в ближайшем новом зарубежье.

Как явствует из многих законов о языках, придание статуса государственного языка означает, как правило, регламентацию его употребления во всех учреждениях государственной власти, правительственных органов, в суде и, наконец, единоличное, или разделенное с какими-либо иными (не государственными) языками употребление во многих других сферах общественной жизни: в экономике, в культуре, в сфере обслуживания. Вместе с тем большинство языковых законов наряду с внутренним (внутриреспубликанским) аспектом, затрагивают языковые интересы инациональных групп, оторвавшихся от своей нации и оказавшихся в иноэтнической или в инореспубликанской среде.

Для того, чтобы судить о важности, весомости и масштабности новой «внешней языковой политики», надо как минимум иметь представление о двух принципиальных вещах: во-первых, о размере и характере расселения отколовшейся части нации и, во-вторых, о характере, размерах той гуманитарной помощи, в которой действительно нуждается диаспора.

В первом случае удовлетворительным источником служат материалы переписей населения, позволяющие определить параметры сохранения языка своей национальности и степень его «размытости». Во втором случае эмпирическим путем предстоит определить, нужна ли украинцам Кыргызстана помощь Киева в изучении украинского языка. Иными словами, реализация внереспубликанских аспектов действия новой языковой политики требует решения уравнения с двумя неизвестными: во-первых, в какой мере диаспора нуждается в этнокультурной помощи; во-вторых, какими возможностями располагает бывшая союзная республика.

Сама по себе постановка вопроса об оказании помощи в поддержании этничности оторванных от основного народа групп не является чем-то совершенно неожиданным. В литературе уже освещалась, например, помощь, оказываемая со стороны бывшей Молдавской ССР молдавскому населению, проживающему в некоторых областях Украины². Однако проблема состоит, конечно, в определении конкретных масштабов спроса и возможностей предложения. В связи с этим явно необходимо знание о некоторых внешних по отношению к собственно языку факторах: о пространственном (географическом) расселении национальных групп, о времени, (хронологии) проживания национальных групп в отрыве от своего народа, об этнопсихологической прочности и о глубине самосознания, нуждающегося в подпитке дополни-

тельной этнически окрашенной информацией. И самое главное состоит в определении того, насколько глубоко укрепилась ассимиляция, и того, насколько осознанным является стремление к реанимации или поддержке этничности. Немаловажное значение имеет и общественное мнение республики, в зависимости от того, как распределяется выделяемая помощь между не своими национальными группами и своими в республике и своими «осколками» за пределами республики.

Обязательства, взваливаемые на себя бывшими республиками по оказанию помощи представителям своей статусной нации, и составляет основу внешней языковой политики.

Диапазон различий между законами в содержании «экспортируемой» помощи и в сферах распределения ее весьма значителен. Различия колеблются от полного отсутствия упоминания о запредельных национальных группах, как, например, о потребностях казахов, расселенных за пределами Казахстана в языковом законе Казахской ССР, до выделения особого раздела «VI. Содействие национально-культурному развитию украинцев, проживающих за пределами Украинской ССР» в законе «О языках Украинской ССР». Аналогичный раздел включен также и в закон Белорусской ССР. При этом в каждом из двух указанных законов речь идет о помощи со стороны Киева и Минска не только языку украинцев и белорусов, живущих за пределами сферы огосударственного языка, но и о помощи в развитии их культуры, образа жизни.

Как уже говорилось, важнейшей причиной различий между законами являются, с одной стороны, объективные этнодемографические и этносоциальные характеристики оторванной национальной группы, с другой — возможности республики и статусной нации в оказании благотворительной помощи.

Рассмотрим несколько конкретных примеров того, что именно «обещают» законы своим «подопечным» национальным группам.

В «Законе Эстонской Республики о языке» в относительно спокойных и выдержанных тонах сказано о том, что Эстония, наряду с обеспечением обучения эстонскому языку и его научного исследования в пределах самой республики поддерживает также «обучение эстонскому языку и его исследование за пределами Эстонии»³. Латышский языковой закон «поддерживает изучение и исследование латышского языка также за пределами республики»⁴. «Литовская ССР, — так подчеркнуто в Указе Президиума Верховного Совета Литовской республики, — содействует обучению литовскому языку и его изучению за пределами республики»⁵.

В отличие от двух языковых законов Прибалтики (Эстонского и Латвийского) и Литовского Указа о языке, принятых в первой половине 1989 г. и определивших относительно узкую сферу своей языковой «благотворительности», заключающуюся, во-первых, только в поддержке, во-вторых, только обучения и изучения (исследования) языков за пределами Прибалтийских республик, в таджикском языковом законе, появившемся на свет во второй половине 1989 г., законодательно закреплённая помощь своим соотечественникам приобрела более широкие масштабы. Во-первых, в законе пошла речь о «проявлении заботы и оказании содействия», во-вторых, — в развитии, не только таджикского языка, но и «просвещения и культуры таджиков, проживающих за пределами республики», в-третьих, весь комплекс за пределами помощи был оформлен специальной статьёй 24⁶. Напомним, что в принятых ранее прибалтийских законодательных актах, указанная помощь декларировалась лишь как принцип, и поэтому о ней было сказано в преамбулах.

Иными словами, Таджикистан сделал шаг вперёд по сравнению с Прибалтикой в деле возможного косвенного вмешательства в дела иной республики (читай: иного государства, после принятых Деклараций о суверенитете и независимости), беря под свое покровительство таджиков, проживающих за пределами Таджикистана.

Глубокую озабоченность Таджикского языкового закона нетрудно понять, если вспомнить трудную этносоциальную и этнокультурную судьбу значительной части таджиков — немногим более 1 млн. человек (или четверть всего таджикского населения СССР), проживающих за пределами Таджикистана, и прежде всего в Узбекистане, где они составляют (933 тыс.) — около 5% всего населения республики и испытывают серьёзные затруднения в воспроизводстве своего национального языка, в сохранении своей этничности⁷. И если в Душанбе почти все таджики (96,8%) сохраняют язык своей национальности, то в столицах остальных 14 союзных республик таджикский язык считают своим родным языком всего лишь 75,1% таджиков.

Привлекательный тезис о государственной заботе и оказании помощи таджикам, проживающим за пределами Таджикистана, включённый в таджикский языковой закон, не мог не вызвать цепной реакции в среднеазиатском регионе. Дело в том, что в исторической памяти народов Среднеазиатских республик до сих пор отчетливо хранится воспоминание о нелегком национально-государственном размежевании 20-х годов, в результате которого возникли национальные группы, искусственно оторванные от своих этносов республиканскими границами.

ми и растерявшие веками налаживаемые межэтнические, экономические, культурные и психологические связи.

Киргизский языковой закон, принятый ровно через два месяца, в специальной статье 39 взял на себя обязательство от имени Киргизской ССР «заботиться о сохранении, развитии и изучении киргизского языка за пределами республики на основании Конституции СССР и за рубежом по нормам международного сотрудничества»⁸.

Как видит читатель, киргизский языковой закон избежал юридической оплошности, допущенной в некоторых ранее принятых законах, в которых были взяты обязательства по оказанию помощи национальным группам, оказавшимся за пределами республик без каких-либо оговорок относительно «правил игры», т. е. без учета действующей еще тогда Конституции СССР, если речь шла о национальных группах в других республиках, и без учета международных законов.

Необходимость проявления внимания и заботы о киргизах, проживающих за пределами Киргизии, была подтверждена и в принятой Верховным Советом республики Кыргызстан (от 15 декабря 1990 г.) Декларации «О государственном суверенитете Республики Кыргызстан». В ней, в частности, говорится: «Республика Кыргызстан проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных, духовных и языковых потребностей киргизов, проживающих за пределами республики»⁹.

Существенно продвинутым с юридической точки зрения и с учетом взаимной заинтересованности сторон оказался языковой закон Узбекистана, также уделивший важное внимание узбекскому населению, оказавшемуся за пределами Узбекистана.

Возложив на узбекское государство ответственность и право обеспечивать необходимой вспомогательной литературой по содействию развитию и функционированию в Узбекистане неузбекских языков, употребляемых проживающими в республике национальными меньшинствами, языковой закон Узбекистана обеспечил тем самым себе по крайней мере моральное (и, по-видимому, юридическое тоже) право «проникать» в проблематику этнической жизни других республик, чтобы оказывать помощь развитию национального языка и культуры живущего там узбекского населения. Считая указанную особенность Узбекского закона принципиальной и важной, имеет смысл привести соответствующую часть статьи 17 целиком. «В Узбекской ССР, — говорится в этой статье, — на основе договоров и договоренностей с другими республиками обеспечивается снабжение учебниками, учебно-методическими пособиями, художественной и научно-технической литературой школ на русском, таджикском, казахском, киргизском,

туркменском и других языках. Наряду с этим узбекское население, живущее в других республиках, обеспечивается учебно-методической, художественной и научно-технической литературой на родном языке, изданной в Узбекской ССР. Республика оказывает помощь в сохранении и развитии узбекского языка, образованию и культуре узбеков, расселенных за пределами Узбекистана»¹⁰.

Несмотря на относительно широкий диапазон действия «внешней» языковой политики Узбекистана, надо признать ее сбалансированность с «внешним» аспектом. Учет языковых интересов инациональных групп в республике, конечно, укрепляет моральное и нравственное начало, на основе которого республика «экспортирует» часть средств на поддержку узбеков за пределами Узбекистана.

Похожесть внешней языковой политики Таджикистана и Узбекистана объясняется объективными этнодемографическими обстоятельствами, взаимным чересполосным расселением значительных групп титульной части населения этих двух народов. Так, например, свыше 1 млн. узбеков, проживающих в Таджикистане, составляют там 23,5% всего населения республики.

Накопленный в прошлые десятилетия опыт по оказанию помощи молдаванам, проживающим за пределами Молдовы, нашел свое отражение и в молдавском законе о языках.

«Молдавская ССР, — говорится в законе, — поддерживает получение образования и удовлетворение своих культурных потребностей на родном языке молдаванами, проживающими за пределами республики, а с учетом реальной молдавско-румынской языковой идентичности — и румынами, проживающими на территории СССР»¹¹.

В этом Молдавском законе, как видит читатель, пока еще нет упоминания о необходимости предварительного согласования с Украиной, в пределах которой расселено значительное количество молдаван, об экспортируемой в ее пределы «молдавской» помощи молдаванам. Аналогичным образом предписывает поступать и языковой закон Белорусской ССР.

Не вмешиваясь в чужие дела, а действуя на основе «соглашений с другими союзными республиками, Украинская ССР содействует национально-культурному развитию украинцев, проживающих в этих республиках»¹².

Украинский и белорусский законы — единственные в своем роде в том отношении, что в них наряду с такими основополагающими крупными разделами, как преамбула, общие положения, язык государственных, партийных, общественных организаций, предприятий и учреждений и

т. д. включен и особый раздел VI о содействии национально-культурному развитию украинцев и белорусов за пределами Украины и Белоруссии. Характерно, что указанный раздел, состоящий из обстоятельной статьи 40, не значился в проекте украинского закона, опубликованного 5 сентября 1989 г. вместе с комментариями «К проекту закона УССР «О языках в Украинской ССР» от имени 3-х комиссий Верховного Совета Украинской ССР¹³.

Он возник в ходе обсуждения опубликованного проекта и в результате учета озабоченности широких слоев населения республики состоянием, в котором оказался украинский язык украинского населения, проживающего за пределами Украины. Видимо, он явился в результате эволюции национальной идеи под лозунгами украинизации Украины, под идейным воздействием группировок и движений, борющихся под знаменем национальной идеи.

Согласно закону, «Украинская ССР оказывает в соответствии с нормами международного права всестороннюю помощь, по их желанию, образовательным школам, научным учреждениям, национально-культурным обществам украинцев, гражданам украинского происхождения, проживающим в зарубежных странах, в изучении украинского языка и проведении научных исследований по украиноведению, содействует обучению граждан украинского происхождения в учебных заведениях Украинской ССР¹⁴.

Сходным образом построена и статья 36 белорусского закона, названная «Содействие национально-культурному развитию белорусов, проживающих за пределами Белорусской ССР». В ней так же, как и в украинском законе, говорится о том, что «на основании соглашений с другими союзными республиками, — Белорусская ССР, — содействует национально-культурному развитию белорусов, проживающих в этих республиках», а также «в соответствии с нормами международного права содействует удовлетворению национально-культурных интересов лиц белорусского происхождения, проживающих в зарубежных странах»¹⁵.

Четыре обстоятельства выгодно отличают внешний аспект языковой политики Украинской и Белорусской ССР от типологически сходного аспекта языковых законов других союзных республик. Во-первых, украинский закон содержит чрезвычайно важные упоминания о том, что Украина берется оказывать содействие только тем национальным группам украинцев, которые сами нуждаются в этой помощи и официально изъявили желание получить ее.

Во-вторых, в украинском и белорусском законах, так же как и в киргизском, содержится существенное дополнение о том, что любая помощь

предоставляется только в соответствии с нормами международного права. В третьих, думая об оказании помощи украинцам, расселенным в других союзных республиках и даже в других странах, Украина наряду с «экспортом» своей помощи, берет на себя важные обязательства на своей территории украинцам, приезжающим на Украину из других республик или из других стран. И, наконец, в-четвертых, украинский и белорусский законы о языке толкуют гуманитарно-языковую помощь шире, чем проявление заботы и оказание содействия в обучении украинскому и белорусскому языку и изучении его. Помощь охватывает более широкий спектр деятельности, окружая заботой образовательные школы, научные учреждения, национально-культурные общества украинцев, т. е. национально-культурное развитие украинцев.

Итак, появление нового аспекта — «внешней языковой политики» — и включение в тексты законов о языке вопросов о развитии национальных языков за пределами одноименных республик стало неотъемлемой частью процесса огосударствления языков статусных национальностей союзных республик.

Гипотеза об эффекте домино вряд ли может быть принята в качестве предварительного объяснения, т. е. идея защиты прав «своих» национальных групп родилась синхронно в ряде республик, хотя не исключено, что какие-то республики и заимствовали некоторые идеи и статьи друг у друга.

Что касается казахского языкового закона, в котором не нашлось места внереспубликанскому аспекту, то это свое упущение республика компенсировала несколько позднее, приняв через год с небольшим Декларацию «О государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической республики» (от 25 октября 1990 г.), в которой, в частности, сказано о том, что республика «проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных, духовных и языковых потребностей казахов, проживающих за пределами республики»¹⁶.

Если бы языковые законы принимались только в расчете на вечное существование Союза, то, вероятно, не имело бы смысла обращать особое внимание на законодательное закрепление обязательств со стороны статусной нации в отношении к отколовшимся от нее национальным группам. В рамках бывшего единого Союза эта помощь в случае ее реализации не выглядела бы вмешательством во внутренние дела другой республики. И принимая языковые законы без оглядки на перспективу суверенизации, без учета возможного обретения независимости, республики, понятное дело, не имели в виду никаких ин-

тервенционистских намерений. Однако наиболее дальновидные законодатели, как, например, авторы узбекского языкового закона, учли этот факт. Для понимания сути Узбекского языкового закона и оценки уровня его качества исключительно важное значение имеет сделанная в законе оговорка, что помощь узбекам, живущим за пределами Узбекистана, будет оказана только на основе договоров и договоренностей с другими республиками. Если вспомнить, что Узбекский языковой закон принимался 24 октября 1989 г., т. е. без малого за два года до принятия Заявления Верховного Совета от 31 августа 1991 г. «О государственной независимости республики Узбекистан», то нельзя отказать закону и его авторам в дальновидности и прозорливости. В самом деле, в условиях, когда августовские события ускорили обретение союзными республиками независимости, вопрос об оказании какой-либо помощи своим соплеменникам, проживающим в соседней независимой республике, приобретает международный характер. Если экспортировать эту помощь без согласования с руководством независимого государства, это чревато взрывоопасной ситуацией. Если же идти по цивилизованному пути — нужны новые двухсторонние договоренности. Иными словами, в недрах осуществляемой языковой реформы, за два года до развала Союза, зарождались тенденции перехода от федеративных связей к связям конфедеративного характера. Так можно оценить оговорки языковых законов об оказании помощи диаспоре на договорных началах.

В целом же следует признать, что появление этого нового внешнего аспекта языковой политики было вызвано общей эксплуатацией национальной парадигмы, максимальным взвинчиванием цены «самоопределения нации», выдвинутым на передний план «национального фактора», как нового весьма эффективного средства в борьбе с Союзным Центром. Во внешнем проявлении новой языковой политики пока еще в скрытой форме переплелись национальные и политические факторы, мобилизованные лидерами национальных движений для выхода из Союза.

Обязательства, возложенные на республики в ходе осуществления внешней линии новой языковой политики, в деле оказания помощи своим отколовшимся соплеменникам, имеют противоречивый характер. Время покажет, насколько эти шаги гуманны, или, напротив, начинены взрывоопасной гремучей смесью. Вероятно, все будет зависеть от того, в каких конкретных условиях обещанная помощь будет пересекать конкретную государственную границу и доходить до адресата. Слабо изучены и корни, уходящие в языковое строительство 20-х годов¹⁷.

Гуманистический пафос внешней языковой политики подкупает, кажется общечеловеческим, соответствующим новейшим тенденциям интеграции народов через государственные и этнические границы. Однако внешняя политика имеет еще одну сторону — вмешательство республики донора в дела другой суверенной республики. В ходе прошедшей через год после языковой реформы суверенизации все бывшие союзные республики провозгласили неприкосновенность своей территории, полную самостоятельность в решении своих внутренних дел. И, пожалуй, ни в одной из деклараций о суверенитете ничего не говорится об ожидаемой извне помощи в деле подъема статуса языка и культуры национальных групп. Следовательно, языковые законы с закрепленными в них установками на внешний аспект языковой политики несут в себе два прямо противоположных заряда, один из которых вызван реальным обновлением языковой жизни и переходом от единой, унифицированной политики к разным политикам, а другой представляет собой имплицитно повторяемую мифологему такой навязанной помощи, которая напоминает отношения между народами, печально известные как отношения старшего и младшего братьев.

Какая тенденция — позитивная или негативная — перевесит на чаше весов, обнаружится очень скоро. Она будет во многом зависеть от общего политического климата во взаимоотношениях между бывшими союзными республиками, получившими статус суверенных государств, и от количества и качества межреспубликанских связей.

О потенциальных масштабах «вмешательства» в дела других республик говорят хотя бы такие этностатистические сведения. За пределами России, в 14 бывших союзных республиках проживает более 25 млн. человек русской национальности. И Россия, понятно, не сможет не оказывать помощь русским вне России. Очевидно, Россия, независимо от того, есть или нет у нее законодательные акты об оказании помощи русским, оказавшимся в иноэтнической среде, будет такую помощь оказывать. Весь вопрос в том, где, когда, какую и на каком законном основании?

Выступая в Вильнюсе на дискуссии по теме «Литовцы в России, русские в Литве» председатель Комиссии по вопросам Российской Федерации Михаил Толстой возложил большие надежды на разрабатываемую концепцию Закона о соотечественниках, который позволил бы выходцам из России пользоваться определенными дополнительными этнополитическими правами, упрощенной процедурой приобретения гражданства, если они того пожелают¹⁸.

В свою очередь Украина будет косвенно вмешиваться в дела Молдовы, Прибалтики, Белоруссии, Казахстана, России, т. е. тех стран, где

расселены значительные, порой компактно и издавна укоренившиеся, как, например, на севере и востоке Молдовы, украинские анклав (украинские национальные группы за пределами Украины).

Забота о национально-культурных и национально-языковых потребностях национальных групп, отколовшихся от прежних союзно-республиканских наций, конституированная в ходе языковой реформы 1989 г. и вмонтированная в тексты законодательных актов (законов о языке и некоторых деклараций о суверенитете республик), оказалась заразительной. Ее подхватили и в той или иной форме (в виде заботы о «своих» национальных группах, или о гражданах своих республик) развили законодатели автономных республик в процессе суверенизации.

В декларациях «О государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики» (принята 25 августа 1990 г.), «О государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики» (принята 11 октября 1990 г.), «О государственном суверенитете Бурятской Советской Социалистической Республики» (принята 8 октября 1990), «О государственном суверенитете Марийской Советской Социалистической Республики» (принята 22 октября 1990 г.), «О государственном суверенитете Удмуртской республики» (принята 20 сентября 1990 г.), «О государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики» (принята 27 ноября 1990 г.), «О государственном суверенитете Чувашской Советской Социалистической Республики» (принята 24 октября 1990 г.) появились статьи о том, что каждая из перечисленных республик берет на себя обязательства об удовлетворении языковых, культурных и духовных потребностей представителей своей коренной национальности, проживающих за пределами республики или в зарубежных странах.

Абхазская ССР, например, «проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных, духовных и языковых потребностей абхазцев»¹⁹, Башкирия — «содействует удовлетворению национально-культурных потребностей лиц башкирской национальности»²⁰, Бурятская ССР — «проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных, языковых потребностей бурят»²¹, Марийская ССР — «проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных, духовных и языковых потребностей мари»²², Удмуртская ССР — «оказывает гуманитарную помощь удмуртам, проживающим за пределами республики, в удовлетворении национально-культурных и языковых потребностей»²³, Чечено-Ингушская республика — «принимает меры по охране и защите законных интересов граждан Чечено-Ингушской республики, представителей чеченского и ингушского народов,

находящихся за пределами республики»²⁴, Чувашская ССР (Чавашьень) — «обеспечивает свободное культурное развитие чувашской нации, других национальностей, содействует национально-культурному развитию лиц чувашской национальности, проживающих за границей»²⁵. В декларациях Бурятской²⁶, Калмыцкой²⁷, Северо-Осетинской²⁸, Чечено-Ингушской²⁹, Якутской-Саха³⁰ в той или иной форме идет речь о заботе данных республик о своих людях, оказавшихся за пределами этих республик. Между двумя сериями законодательных актов, в том числе между законами о государственных языках, принятыми в основном в 1989 г. и декларациями о независимости, принятыми в 1990 г. (за исключением Декларации Верховного Совета Эстонской ССР о суверенитете Эстонской ССР, принятой 16 ноября 1988 г.³¹, и Конституционным Законом Азербайджанской ССР «О суверенитете Азербайджанской Советской Социалистической Республики», принятым 23 сентября 1989 г.³²), произошли существенные сдвиги в дальнейшей политизации национального самосознания.

Прошло совсем немного времени, и из ростков внешнеполитических аспектов новой языковой политики, заложенных в новых языковых законах, потянулись здоровые побеги юридически грамотных акций в виде двухсторонних межгосударственных деклараций, договоров, совещаний, регулирующих взаимоотношения между государствами, в том числе и сотрудничество в обеспечении прав и в оказании реальной помощи национальным меньшинствам. Так, например, согласно Декларации «О дружественных отношениях и добрососедском сотрудничестве между Литовской Республикой и Республикой Польша», заключенной в Вильнюсе 13 января 1993 г., обе стороны «будут стремиться к обеспечению национальным меньшинствам — литовцам в Польше и полякам в Литве — возможности полного удовлетворения языковых, культурных, религиозных и образовательных потребностей, включая обучение на родном языке, в том числе для лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на всех уровнях просвещения, кроме того, будут стремиться предоставлять им гарантии против дискриминации в политической, общественной и экономической жизни, а также к предоставлению им возможности свободных связей с другой стороной»³³.

Рациональным зерном цитируемого документа является не только предоставление «права национальным меньшинствам», включая «право на язык», но и стремление идти дальше — к языковому равноправию. Об этом, пожалуй, можно судить по взаимным обязательствам по обеспечению организаций и институтов национальных меньшинств правом

на добровольные дотации и общественную поддержку»³⁴. Сказано несколько туманно, но суть ясна. Оба государства согласны в том, что языкам национальных меньшинств нужна не только правовая гарантия, но и государственная поддержка.

Вместе с тем тропинка к «языковому равноправию», как видно из содержания документа, пока еще чрезвычайно узка. Из всех сфер, где отношения между языками большинства и меньшинства должны, по возможности, строиться на паритетной основе по части использования каждого из двух языков (и титульной нации и национальных меньшинств) почему-то акцент сделан только на одну сферу. «Литовская Республика и Республика Польша — надеясь, что принципы согласованной Декларации будут развиты и подтверждены в будущем совместным межгосударственным литовско-польским договором, — гарантируют лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право на использование своих имен и фамилий в том виде, в каком они звучат и пишутся на их родном языке, руководствуясь документами, принятыми Советским Союзом по безопасности и сотрудничеству в Европе»³⁵. Почему только имена? А как в остальных сферах общественной жизни? Аналогичные процессы по заключению двухсторонних соглашений, по обеспечению прав и созданию условий для развития языков национальных меньшинств «пошли» и внутри Российской Федерации между ее суверенными республиками.

В Договоре «О сотрудничестве в социальной, экономической, культурной и духовной сфере», заключенном в апреле 1991 г. между Башкирской ССР и Чувашской ССР, правительства взяли на себя обязательства по всемерному содействию «более полному удовлетворению национально-культурных потребностей, развитию национальных традиций и быта чувашского населения, проживающего на территории Башкортостана, свободному использованию им родного языка, получению на нем необходимой информации»³⁶. В известной мере судьба чувашского национального меньшинства в Башкирской ССР была едва ли не центральной темой указанного Башкирско-Чувашского межреспубликанского соглашения. Наряду, усилиями, предпринимаемыми Башкирской ССР по оказанию реальной помощи 120-тысячному чувашскому населению, существенный вклад в удовлетворение законных национально-культурных запросов чувашского населения обязывалась вносить и Чувашская ССР. Чувашскому государственному университету им. И. Н. Ульянова и Чувашскому филиалу национальных школ РСФСР поручается взять шефство над чувашским отделением Белебеевского педучилища и чувашскими школами в Башкирской ССР³⁷.

Еще более многообещающим стало двухстороннее Соглашение «О сотрудничестве между правительствами Республики Башкортостан и Республики Татарстан», подписанное 17 июля 1992 г. и предусматривающее широкий спектр совместных взаимных обязательств по удовлетворению духовных потребностей «татарского населения, проживающего в Республике Башкортостан, и башкирского населения, проживающего в Республике Татарстан»³⁸.

При составлении указанного документа правительства двух соседних суверенных республик сделали шаг вперед, создав «межреспубликанский координационный Совет по проблемам развития татарского языка в учреждениях народного образования Республики Башкортостан, башкирского — в Республике Татарстан»³⁹. При этом одна из функций, возложенных Соглашением на названный координационный Совет, состояла в том, чтобы содействовать «педвузам Башкортостана, башкирскому филиалу НИИ проблем национальных школ в организации шефства над башкирскими школами в Татарстане, а педвузами Татарстана, татарскому филиалу НИИ национальных школ — над татарскими отделениями Башгосуниверситета, Кушнаренковского педучилища и татарскими школами Башкортостана»⁴⁰.

26 апреля 1990 г. был принят Закон «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР»⁴¹.

Он мог бы стать важным ориентиром в повороте государственной национальной политики лицом к нуждам, потребностям, правам и обязанностям граждан СССР, относящихся к национальным группам. Но, увы, ему не суждено было быть реализованным.

И хотя он оказался совершенно неэффективным, так как за истекшее время с момента его принятия на карте страны не возникло ни одного нового этнополитического образования на основе нового закона, тем не менее он утвердил всех экспертов, политиков и практиков во мнении, что проблемой национальных групп и национальных меньшинств надо заниматься всерьез, глубоко и основательно.

Общественность убедилась в том, что в кругу национальных проблем, наряду с такой фундаментальной проблемой как разграничение полномочий между республиками и Союзным Центром, должна иметь свое место и проблема удовлетворения специфических интересов каждой национальной группы.

Окончательную точку в утверждении этой концепции поставила резолюция IV съезда народных депутатов СССР, в которой едва ли не впервые

специально была выделена проблема гарантии прав национальных меньшинств.

Дискуссия, развернувшаяся до и во время работы IV съезда по поводу заключения Нового Союзного Договора, совершенно отчетливо продемонстрировала всем важность проблемы национальных меньшинств.

Пожалуй, это и составляет один из главных уроков парада законов, парада деклараций, и войны между союзными и республиканскими законами.

Борьба национальных групп и бесстатусных национальных меньшинств (объявление Гагаузской Автономной и Приднестровской Автономной республики, Польского автономного края и другие) хотя и не увенчалась этнополитическим успехом, все же привела к очень важному сдвигу в общественном мнении страны, что и получило «высокое» признание в Резолюции IV съезда Народных депутатов СССР.

Итак, языковая реформа, в том числе законодательное установление приоритетов для языка титульных наций, и ассоциированная с ней идея патронажа над «своими» осколками, оказавшимися в иноэтнической среде и в иногосударственной системе, породила новую проблему. И новые независимые государства, в том числе и Россия, начали делать лишь первые шаги для создания механизмов разрешения национальных вопросов, глядя в «зеркало другой нации».

Тенденция Российского руководства искать глобальные подходы к защите прав русскоязычного населения, оказавшегося за пределами России, порождает у новых независимых государств ответное ожидание и от самой России четких и убедительных программ развития национальных меньшинств из числа титульных наций, создавших на месте бывших союзных республик свои новые независимые государства. И этим ожиданием нельзя отказать в логике. Язык, как обобщающий показатель для людей, оказавшихся по воле истории за пределами этнической родины, требует государственной поддержки. И игнорирование этой потребности, допущение или даже искусственное создание отрыва от культуры своей национальности, усеченные возможности получения образования на национальном языке — все это выступает предтечей конфликта, который подстерегает постсоветское пространство и население, проживающее в новых государствах.

1.10. ПРОТИВОРЕЧИВОЕ НАСЛЕДИЕ СОЮЗА. СВЕТ И ТЕНИ ДВУЯЗЫЧИЯ

Более четверти тысячелетия тому назад, в 1739 г., В. Н. Татищев представил в Российскую Академию наук и Сенат «Лексикон, сочиненный для

приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов, для которого выбраны только такие слова, которые в простом народе употребляемы» и предложил, «напечатав на писчей бумаге, во все разные языки разослать, и те языки к тем печатным приписывать... через что можно в краткое время всех Российских названных языков полный лексикон сочинить»¹. «Весьма нужно, — писал он в сопроводительной записке к своему “Лексикону”, — всех иноземных подданных российских народов разность и согласие языков знать и древность русскую изъяснить, а также школы такие устроить, чтобы русские младенцы их языка (нерусских народов страны. — М. Г.), а их младенцы русской грамоте, языка и закона Божия учиться возможность имели»². Нет никаких сомнений в том, — что знаменитый автор общеизвестной «Истории Российской» был глубоко убежден в необходимости взаимного двуязычия в многонациональном государстве, в том, чтобы языки нерусских народов изучались не только из академических соображений, но и чтобы сами русские, особенно те, кому это надо по долгу службы, усваивали и знали языки местного нерусского населения. Чтобы такое изучение было успешным, В. Н. Татищев предлагал обучать детей в смешанных, говоря сегодняшним языком, школах. Словом, двуязычие и нерусского населения, и русских в инонациональной среде было в числе животрепещущих вопросов межэтнических отношений России первой половины XVIII в. Вопросы двуязычия не утратили свою актуальность и в наши посткоммунистические дни. Кроме того, к началу XXI столетия, как утверждают исследователи многих стран, каждый второй живущий на земле человек будет двуязычным. Если так случится, можно быть уверенным, что борьба за национальное и языковое равноправие, активная деятельность по сохранению и развитию языка своей национальности, бережное отношение к национальному и культурному наследию, возрастающее и возвышающее чувство гордости за свою национальность, за свою национальную группу (а не чувство стыда и позора за принадлежность к национальному меньшинству) примут осознанный, более широкий и целенаправленный характер. И если подходить исторически и смотреть реалистически на этноязыковые процессы в мире, в том числе в постсоветском пространстве, надо быть готовым к восприятию диалектической единой и противоречивой сути двуязычия и, соответственно, видеть свет и тени двуязычной основы языковой жизни современного мира.

В исследованиях специалистов по языковым и национальным проблемам, особенно в трудах, посвященных национально-русскому двуязычию, до начатой М. С. Горбачевым перестройки как-то особенно настойчиво

упор делался на изучение всего того, что связано с приобретением, функционированием и последствиями второго языка. Понятно, что чаще всего у народов бывшего Советского Союза таким языком выступал русский язык, самой историей выдвинутый на роль языка межнационального общения. Было совершенно очевидно, что приобретение инонационального языка достигается значительно труднее, чем освоение языка своей национальности. В известной мере специалисты находились в плену здравого смысла, в плену само собой разумеющегося факта, что вобретении языка своего народа нет или по крайней мере не должно быть никаких проблем.

Нынешняя языковая жизнь показывает, что в систематическом анализе двуязычия нуждается не только второй (благоприобретенный), но и первый (исконно данный) язык. Более того, если в национально-русском двуязычии титульных национальностей бывших союзных республик на переднем плане находятся вопросы приобретения второго языка нетитульным населением, то в республиках, областях и округах Российской Федерации, а также среди национальностей, не имеющих своих национально-территориальных образований, острыми и актуальными выступают проблемы как первого, т. е. языка своей национальности, так и второго языка, а подчас и третьего.

Отношение к двуязычию, как лакмусовая бумажка, отражает уровень демократизма и культуры межнационального общения, понимания консенсусной сущности и комплексного содержания современных этнополитических процессов. Судя по обильным газетно-журнальным публикациям перестроечного времени, среди определенной части публицистов, писателей и исследователей появилась растерянность. Признавая на словах практическую необходимость и объективность, неизбежность двуязычия в государстве с многонациональным составом населения, они подвергали сомнению совершенно очевидные истины, начали поиски аргументов для дискредитации двуязычия, иногда истерично пугали читателей неисчислимыми бедами, якобы грозящими тем, кто естественным ходом вещей принял или готовится принять жизнь с двумя языками.

Политизированная критика двуязычия бросалась тень на возможность принципиального решения проблем в области межнациональных отношений, в сфере языковой жизни. Таковы, в частности, взгляды Мати Хинта³.

Эти публикации, если судить по духу, а не по букве, были направлены против двуязычия, против использования второго языка в разнообразных сферах жизни, кроме как в непосредственных контактах между людьми

разной национальности. В них выражалось негативное отношение к национально-русскому двуязычию, делалась попытка показать отрицательные последствия стремления и практики со стороны нерусского населения овладеть русским языком. Последовательность этой позиции автора, несмотря на некоторые оговорки, в целом проглядывается достаточно убедительно как в открытой, так и в имплицитной форме. Для обоснования этой точки зрения смещался акцент в понятийно-терминологическом аппарате двуязычия и соответствующим образом конституировались дефиниции, искаженно цитировались или не цитировались вовсе труды признанных специалистов в области теории этноязыковых процессов, игнорировалось значение или произвольно трактовалось значение и искажался смысл официальных документов 70—80-х годов, направленных на создание благоприятных условий для решения национально-языковых проблем. В этой связи имеет смысл обратиться к некоторым узловым проблемам двуязычия не через призму уличных митингов и политической борьбы и не через кривое зеркало легковесных сомнений, а через итоги специальных исследований, получивших признание в мировой социо- и психолингвистике. Судя по новейшим зарубежным исследованиям, камнем преткновения в изучении двуязычия, особенно в стремлении определить его социально-культурные и психологические последствия, является отсутствие уверенности в том, что сравниваемые двуязычные и одноязычные группы населения (референтные группы) отличаются друг от друга только степенью языковой подготовки.

Опыт показывает, что при оценке социокультурных последствий двуязычия самую большую опасность представляет не фиксация качественных и количественных параметров каждого языка, а приписывание тому или другому языку того, что на самом деле не связано собственно с языком. Это легко подтвердить простым примером. Двуязычные контингенты населения чаще всего сосредоточены среди национальных меньшинств. И нет ничего удивительного в том, что некоторые отрицательные показатели двуязычия обусловлены не языковыми, а экономическими, политическими и социальными факторами, дискриминационным политическим статусом меньшинств.

Анализируя двуязычие в республиках бывшего Советского Союза, видя в нем свет и тени, надо все же отдать себе отчет в том, что именно в двуязычии было обусловлено собственно языковыми, а что в нем предопределялось внеязыковыми факторами.

Стороннему читателю первоначально довольно трудно было понять, каким образом некоторые активисты народных фронтов и специалисты

усмотрели в трудах о двуязычии «склонность к ассимиляторству нерусского населения», «высокомерие», «пренебрежительное отношение к языкам и культурам малых народов». Оказывается, все предельно просто — вполне достаточно было кому-то выступить с позитивной оценкой двуязычия, чтобы оказаться причисленным к сторонникам ассимиляторов.

В некоторых критических статьях запугивали читателей тем, что «двуязычие школьников может быть одной из причин появления у них заикания»⁴. Выходило по этой логике, что дети швейцарцев, франкоканадцев, фламандцев, валлонов, дети десятков миллионов других двуязычных людей обречены на заикание и скудоумие.

Но что реально мы наблюдаем в современном мире? Все чаще возникают движения за узаконивание в качестве официального языка той или иной страны еще одного дополнительного языка. Среди 4 млн. норвежцев активизировалось этнокультурное движение ландсмяль, требующее официального, наряду с основным норвежским языком, узаконивания второго языка — ландсмяль, на нескольких диалектах которого говорят крестьяне и рыбаки.

Фламандский язык был сначала только диалектом голландского, на котором говорили в Бельгии, но ныне вопрос о фламандском языке и культуре вышел на передний план, и в результате фламандский или южноголландский язык стал одним из двух официальных языков страны. В 1938 г. четвертым официальным языком Швейцарии стал ретороманский, на нескольких диалектах которого говорили потомки римских легионеров. В результате подобных процессов жители многих европейских стран становятся не только двух-, но и трех- четырехязычными. Однако, умственные способности у них, отнюдь, не ослабевают и культурной деградации не наблюдается. И не приходилось ни в одной из названных стран слышать жалобы на то, что двуязычие или даже трехязычие называлось в числе причин повышенной доли заикающихся или слабоумных. Как раз наоборот, незнание второго языка приводит к изоляции, дискомфортным ощущениям и профессиональной ограниченности.

Пытаясь непременно убедить читателей в том, что в психолингвистическом развитии двуязычный эстонский ребенок отстает от одноязычного ребенка, порой ссылались на недоразвитую способность двуязычных лиц формулировать понятия. Никаких доказательств, кроме ничем не подкрепленной собственной уверенности в том, что «два языка одновременно могут вызвать путаницу, и в результате абстрактные понятия утратят четкость, ребенок будет оперировать ими неуверенно»⁵ при этом не приводилось.

Одним из первых взаимоотношение двуязычия и познания рассмотрел В. Ф. Леопольд, обнаруживший позитивное влияние двуязычия на интеллектуальное развитие своей дочери⁶. Обоснованность этого вывода была подтверждена позднее многими исследователями. Так, например, Е. Пиил и В. Ламберт в работе, посвященной взаимоотношению двуязычия и интеллектуальной деятельности, разработали серию тестов для десятилетних двуязычных и моноязычных детей, относящихся к средним слоям в Монреале. В ходе исследования с помощью факторного анализа тридцати одной переменной они обнаружили, что двуязычные дети обладают большим набором разнообразных умственных свойств по сравнению с группой моноязычных. Двуязычные дети действительно проявили себя значительно лучше моноязычных детей в тестах на мыслительную гибкость, на формирование понятий, завершение рисунков, на манипулирование цифрами. Все предложенные авторами тесты специалисты рассматривают как тесты, в которых необходимо было произвести некоторые символические преобразования. Гипотеза Е. Пиил и В. Ламберт состояла в том, что, поскольку двуязычные дети имеют два символа для каждого объекта, то они должны понимать явления окружающей среды на языке их общих свойств, а не полагаясь на их непосредственные лингвистические символы. Иными словами, было доказано наличие у двуязычных детей более глубоких, чем у моноязычных, способностей к формулированию абстрактных понятий и отношений⁷. Подобные доказательства позитивной связи между двуязычием и интеллектуальностью были приведены и в работах других исследователей⁸.

В работе, посвященной гибкости восприятия двуязычных детей, Р. Г. Лэндри обнаружил, что двуязычные шестиклассники лучше, чем их моноязычные сверстники, справились с тестами на способность к нестандартному мышлению в ходе измерений таких аспектов познавательной деятельности, как быстрота мышления, гибкость и оригинальность⁹. Выводы этого исследования и многих подобных ему состояли в том, что в результате одвуязычивания приобретает ряд таких механизмов (приемов), с помощью которых облегчается решение задач, требующих нестандартного мышления, проявления изобретательности и оригинальности. Качество приспособляемости, приобретаемое ребенком в процессе становления двуязычия, в дальнейшем может быть с пользой применено в решении познавательных задач¹⁰.

Итак, для многих зарубежных психолингвистов, специально изучавших взаимосвязи двуязычия и познавательной деятельности, нет сомнений в наличии позитивной связи между ними. Двуязычный ребенок, как

подчеркивает, в частности, Б. Мак-Лоулин, оказывается более подготовленным, чем одноязычный, к осознанию условной и случайной природы лингвистических символов и обладает в итоге известным преимуществом в решении задач, требующих навыков абстрактного мышления и абстрактной аргументации. По результатам многих психолингвистических исследований выявилось, что двуязычные дети проявили большую гибкость по сравнению с моноязычными детьми в познавательных процессах. Обладая опытом изучения второго языка, первые скорее, чем вторые, приходят к пониманию того, что лингвистические правила, освоенные при изучении первого языка, отнюдь не являются непреложными. Более того, отмечалось и обратное позитивное влияние благоприобретенного второго языка на первый язык. Если до двуязычных детей оказывается донесенным смысл грамматических правил изучаемого языка и если они были приучены применять эти правила к новым ситуациям, то они, как правило, становились более искусными и в овладении более сложных форм первого языка, т. е. языка своей национальности¹¹.

Никто не собирается все эти выводы абсолютизировать и считать их истиной в последней инстанции. Но не учитывать их, выступая в печати с суждениями, не подкрепленными фактами, о вреде двуязычия, о негативном эффекте второго языка, тоже нельзя. И, смеем думать, — очень вредно.

В работах некоторых зарубежных исследователей действительно встречается высказывание о том, что двуязычие оказывает негативное влияние на эмоциональное состояние и приспособляемость, а также на формирование характера. Сводку этих взглядов приводил У. Вейнрайх еще в начале 50-х годов¹².

В то же время в трудах другой группы зарубежных исследователей высказывается иная точка зрения, согласно которой эмоциональная напряженность, испытываемая некоторыми двуязычными индивидами, имеет под собой не лингвистические, а политические или социально-культурные основы, в частности, неблагоприятное отношение представителей национального большинства к национальным меньшинствам. Дело в том, что именно среди последних чаще всего встречается повышенная доля двуязычных, по крайней мере чаще, чем среди представителей многочисленной (доминирующей) нации.

Естественно рождается гипотеза о том, что в дискриминационных условиях двуязычные лица из национальных меньшинств в качестве некоей защитной реакции от давления численно преобладающей инонациональной среды вырабатывают защитные механизмы, принципы и приемы

поведения, не привлекающие широкого внимания, известную национальную замкнутость и сосредоточенность на самом себе и на своей национальной группе как средства защиты от давления внешней среды и от социальных конфликтов. Тем не менее серьезные исследования с хорошим методическим оснащением не подтвердили наличия положительной связи между двуязычием и эмоциональным состоянием. Так, например, Р. Пинтер и С. Арсенян не обнаружили вредного влияния двуязычия на эмоциональное состояние группы еврейских детей в Нью-Йорке¹³. У. Вейнрайх привел доказательства, опровергающие вредное влияние второго языка на эмоциональное состояние двуязычных лиц.

Наиболее согласованный вывод, к которому приходят серьезные исследователи, специально изучавшие взаимосвязь двуязычия и эмоционального настроения двуязычных лиц, — это то, что разрегулировка эмоционального состояния происходит не на основе знания второго языка, а на основе таких вневингвистических факторов, как внутренне противоречивые социально-экономические условия, принадлежность ребенка к низкой социально-профессиональной группе, обучение в школе со слабым методическим и материальным оснащением, у преподавателей с относительно низким квалификационным уровнем и т. д. Если к тому же двуязычный ребенок принадлежит к дискриминируемому национальному меньшинству, то в процессе социализации перед ним возникают новые трудности, связанные с конфликтом двух культур. Эмоциональное напряжение, естественно, возрастет в связи с необходимостью адаптации к двум образам жизни, к двойкой системе ценностей, к разным, порой противоположным, традициям и т. п.¹⁴ Возникающий в состоянии эмоционального напряжения внутриличностный конфликт порождает конфликт во внешнем поведении, а также чувство неполноценности и нежелательные аномальные проявления, обстоятельно описанные¹⁵. Состояние социокультурного и психологического отчуждения, разумеется, может привести к умственным перенапряжениям и стрессовым проявлениям. Но и такое состояние вызвано вневингвистическими факторами, оно предопределено средой, а не трудностями овладения и владения двумя языками. Сам по себе язык здесь ни при чем. Все дело в том, как чувствуют себя те, кто овладевает вторым языком.

Между тем, похоже, спорить было бы не о чем, если бы общеизвестные беды двойного полуязычия не приписывались бы механически реальному нормальному двуязычию, как это сделано в трудах некоторых критиков двуязычия.

Негативные последствия двойного полуязычия неисчислимы и общеизвестны. Но это совсем другой вопрос, вопрос о факторах повышения языковой компетенции в каждом из языков, о факторах успешного овладения и свободного употребления как первого, так и второго языков. Что же касается двойного полуязычия, которое в обыденном сознании ошибочно считают полуязычием, то это явление достаточно хорошо известно. Им озабочены родители, встревожены учителя, оно не вполне четко диагностировано специалистами, но никто ничего хорошего от него не ждет. Интерес к явлению и соответственно термину двойного полуязычия заметно возрос. Вводя в широкий научный оборот термин «двойное полуязычие», Кристина Поулстон еще в начале 70-х годов напомнила, что соответствующее явление было замечено Блумфильдом в конце 20-х годов. О характере бедствия, называемого двойным полуязычием, писал, например, социолингвист Д. Хаймс, ссылаясь на печальный пример индейцев кечуа, которые начали отказываться от своего языка до того, как в совершенстве овладели испанским языком¹⁶.

Историографический анализ многочисленных исследований на эту тему, выполненных профессионально грамотно и безупречно при адекватном контроле полученных результатов, привел Б. Мак-Лоулина к выводу о том, что влияние двуязычия на эмоциональное приспособление и отношение к иноэтническим группам оказывается в прямой зависимости не от языковой компетенции и не от частоты речевого поведения (т. е. не от лингвистических факторов), а от условий окружающей среды¹⁷.

Отрицательное отношение к билингвизму на Западе складывается в тех случаях, когда это явление ассоциируется с подчиненным, бесправным, бедственным положением национальных групп или иммигрантов и из карманов налогоплательщиков приходится извлекать дополнительные деньги на оплату преподавания второго языка для детей национальных меньшинств. Но обычно это те случаи, когда билингвизм воспринимается как зло или как средство, с помощью которого «не наш» человек рвется к «нашей» власти, славе, культуре и привилегиям большинства, жертвуя языком и культурой исконной национальности. Модель в таких случаях достаточно тривиальна. Двуязычие — это мост для перехода от одноязычия с языком своей национальности при низком социально-профессиональном статусе через промежуточный этап билингвизма (язык своей национальности и язык большинства) к новому одноязычию с языком большинства и с высоким социальным статусом и надежным материальным достатком и с повышенной конкурентоспособностью.

В обществе, открытом для социальных перемещений и основанном на равноправии рас, наций, языков, культур, религий, такой подход к двуязычию попросту неприемлем. Социальное продвижение русского человека в бывшей союзной республике не вело к утрате им русского языка, а социальная карьера представителей нерусской национальности не сопровождалась повсеместно утратой ими языка своей национальности, хотя нередко требовала хорошего знания русского языка. Этносоциологические исследования, проведенные в 70-е годы в ряде регионов страны, свидетельствовали о противоположной тенденции, когда приобретение второго языка помогало социально-профессиональной карьере. Исследования в бывших автономных республиках Поволжья показали, что движение вверх по социальной лестнице, в том числе при переселении из села в город, сопровождалось у высококвалифицированных представителей титульных национальностей повышением интереса к языку своей национальности, ревитализацией отдельных традиционных обрядов. Словом, национально-русское двуязычие вело не к ослаблению, а к усилению позиций национальной культуры и национального самосознания.

В целом на рубеже 70—80-х годов в языковой жизни бывшего Советского Союза сложилась ситуация, когда соотношение общественных функций языков народов СССР во многих важных сферах складывалось не на научной основе, а было пущено на самотек. В ряде бывших союзных республик были искусственно созданы, во-первых, приоритетные льготные условия для развития одних и ущербные — для других языков, проводилась политика замалчивания языковых потребностей и интересов национальных групп населения, не относящихся к титульным национальностям союзной республики. Рассмотрение этих вопросов в отдельных республиках и принятые по ним специальные решения пока еще не принесли сколько-нибудь заметных результатов. Так, например, предложенные еще в 1986 г. меры по расширению общественных функций болгарского и гагаузского языков в Молдавской ССР медленно претворялись в жизнь: не во всех районах проживания этих национальностей выходила газета на болгарском и гагаузском языках, явно недостаточно велись радио- и телепередачи, не принимались эффективные меры по введению преподавания родного языка в школах с контингентами учащихся болгарской и гагаузской национальности, не оказывалась помощь в расширении выпуска учебной и художественной литературы на этих языках, не создавались условия для систематической научной разработки проблем развития гагаузской национальной культуры, не предпринимались дополни-

тельные меры для оказания помощи в подготовке кадров из среды болгар и гагаузов.

Проблема не в том, что люди берутся за обсуждение вопросов без их специального изучения. То, что сегодня каждый человек высказывает свои мнения по любому вопросу — это хорошо. Это одно из очевидных достижений курса на гласность, на демократизацию, на открытость обществ. Свежесть взгляда, не отягощенного знанием специальной литературы, случайно может оказаться и полезной. Это не исключено. Но ставку на счастливые случайности делать нельзя. Беда совсем в другом. Необоснованные суждения о негативных последствиях двуязычия сеют панику среди населения, подрывают внутреннюю мотивировку и настрой на свободное владение вторым языком, наносят в конечном счете вред демократизации. В самом деле, зачем нужен второй язык, если он чреват негативными последствиями, рассуждает массовый читатель, читая иных критиков двуязычия. Подрыв внутренней психологической настроенности ведет к снижению активности учащихся, что сказывается на эффективности преподавания в различных звеньях народного образования. Охота ли учить второй язык, если он вреден? Выходит, государство тратит значительные усилия по созданию благоприятных условий приобщения ко второму языку, а подстрекательские суждения подрывают эту линию.

Среди трезвомыслящих ученых из представителей титульных национальностей растет понимание и прогноз негативных последствий чрезмерной политизации языка, пуризма и отрицательного отношения к билингвизму. «Ставить санитарный кордон от естественных языковых контактов под предлогом того, что портится чистота киргизского языка и его произносительная сторона, — писал А. Орусбаев, — это значит политизировать языковые проблемы и создавать вольно или невольно еще один очаг этноязыковых трений в республике... Надо ли сейчас призывать назад к патриархальному родоплеменному языку, будто не существует нынешней системы народного образования, сфер художественной культуры, массовой коммуникации, отраслей народного хозяйства, существенной стороной которых является дальнейшее развитие билингвизма и полилингвизма?»¹⁸

Безусловно, на все вопросы двуязычия не могут быть даны однозначные ответы. Всесторонний анализ каждого явления, каждой ситуации, каждой сферы жизни — таков путь выхода из кризисного положения сути двуязычия. Уже сделаны первые шаги по освещению социальной обусловленности двуязычия. Ученые и практики не оспаривают двуединой основы языковой жизни многонационального общества.

Но нужна ли нам при этом перевернутая система ценностей? Стоит ли рассматривать языковую жизнь в кривом зеркале? Не лучше ли снять черные очки, чтобы увидеть реальные достижения и реальные проблемы, разобраться, где свет и где тени двуязычия?

Различное отношение к двуязычию, меняющееся во времени, в пространстве и в разных группах населения, — одно из ярких свидетельств противоречивого наследия империи и тоталитаризма.

Когда все нерусские национальности в бывшем СССР были на положении национальных меньшинств, языковая борьба за выживание местных элит сводилась к защите двуязычия в органах государственного управления. Знание русского языка делало двуязычную часть местной этнократии конкурентноспособной в процессах внутринациональной социализации. И подобно тому, как фламандские крестьяне до первой мировой войны стремились к овладению французским языком, чтобы потеснить засевшую в бельгийском госаппарате валлонскую аристократию, точно так же партийная верхушка из числа титульных национальностей в бывших союзных республиках усиленно приобщалась к русскому языку, пропагандировала его, настаивала на его употреблении в управленческих структурах, чтобы таким образом сократить претензии и притязания своих соплеменников¹⁹.

По мере роста образовательного уровня и расширения контингента лиц, свободно владеющих русским языком, сам фактор национально-русского двуязычия перестал «работать» на местную элитную интеллигенцию.

И она открыла новый фронт, перейдя от конкуренции с двуязычными соплеменниками к соперничеству с оказавшейся к тому времени одноязычной русской интеллигенцией.

Такую переориентацию следовало ожидать, так как одноязычная часть населения себя «подставила». В самом деле, имеет смысл напомнить, что русские в бывших союзных республиках, подобно валлонам в Бельгии и англичанам в Ирландии не затрудняли себя изучением языков титульных национальностей. Языковая реформа стала началом расплаты русских за былую языковую беспечность. Колесо фортуны повернулось от национально-русского к русско-национальному двуязычию.

Еще один вектор переориентации противников национально-русского двуязычия состоял в переключении от борьбы с русификацией и советизацией к борьбе за ускоренное внедрение «эстонизации», «румынизации», «грузинизации». Таковой оказалась практика и неумолимая логика мобилизованного лингвицизма.

1.11. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДВУЯЗЫЧИЯ В ЗАКОНАХ О ЯЗЫКЕ (И ЯЗЫКАХ)

История формирования и функционирования двуязычия в общественной и социокультурной жизни народов мира¹ знает немало примеров и случаев, когда разделение труда между контактирующими языками происходило по сферам контактов. Особенно часто упоминается параллельное и повседневное употребление немецкого и итальянского языков в итальянских кантонах Швейцарии в качестве соответственно «языка заработка» и «языка сердца» (*Lingua del pant e lingua del cuore*).

Однако трудно назвать специальные работы, посвященные изучению и анализу правовых аспектов разделения труда между функционально взаимодействующими языками. Между тем в ходе новейшей языковой реформы законодательное регулирование употребления государственного и негосударственного языков в разнообразных сферах общественной жизни неизбежно разделило население бывших союзных республик на три категории: во-первых, на представителей титульной национальности, являющихся носителями государственного языка, во-вторых, на иноязычное население данной республики, представленное носителями бесстатусных языков, включая русских, и, наконец, в-третьих, на национальные группы титульной нации, оказавшиеся за пределами своей республики, а следовательно, и за пределами зоны действия «своего» государственного языка. Из отношения законов к каждому из 3-х выделенных таким образом контингентов населения — титульной нации, осколкам ее диаспоры, и к беститульным национальным меньшинствам — возникает некая равнодействующая, которую можно определить как конституированный вектор двуязычия. В зависимости от меры заботы, которую берет на себя закон в обеспечении гарантированного развития негосударственных языков, зависит судьба двуязычия как национального большинства, так и национального меньшинства. Оказывается, что дисбалансировка интересов носителей статусного и бесстатусного языков чревата вызревaniem конфликтногенных зон.

Наличие или отсутствие дефиниции двуязычия (или хотя бы упоминания о нем) непосредственно в тексте языкового закона не должно вводить в заблуждение относительно позиции законодателя, как и самого закона, к феномену двуязычия, т. е. к знанию теми или иными лицами или группами лиц двух языков и употреблению этих языков в официальных сношениях.

Несмотря на общность некоторых фундаментальных принципов, заложенных в основу языковых реформ и в основу законодательных актов

каждой из республик (равноправие языков, утверждение языковых прав человека, учет культурных и языковых потребностей нетитульного населения, представленного носителями бесстатусных языков, создание приоритетов функциональному развитию государственного языка и т. д.), все же между законами наблюдается значительная дифференциация в отношении к двуязычию. Это находит свое отражение в многообразии форм соотношения декларированного (манифестированного) в текстах и реального (фактического) двуязычия.

Несколько схематизируя общую картину, можно все же выделить несколько подходов к указанному соотношению, а через него и к правовому аспекту двуязычия в целом.

Как видно из законодательных актов и решений государственных учреждений и партийных органов, в одной группе бывших республик (Казахстан, Узбекистан, Молдова, Азербайджан, Туркмения) двуязычие недвусмысленно объявлялось в качестве официального курса языковой политики и одновременно закреплялось в качестве важнейшего ориентира. Во второй группе бывших республик (Украина, Белоруссия, Таджикистан, Армения) двуязычие не упоминалось в качестве особой доктрины, не называлось как явление этноязыковой ситуации и жизни, но практически внедрялось в жизнь путем мягкого или жесткого конституирования в качестве составной части языковой политики.

В третьем случае, например, в Узбекистане, двуязычие, напротив, официально признавалось и манифестировалась приверженность к нему, но на практике дело, оказывается, сводилось только к сфере межнациональных общений. Что же касается сферы государственной власти и управления, закон однозначно требовал двуязычия только от носителей негосударственного языка и оставлял «без внимания» вопрос о двуязычии узбеков как носителей государственного языка. Красноречива в этом отношении статья 4, согласно которой «руководители и работники органов государственной власти и управления, работающие в Узбекской ССР, должны знать государственный язык республики в достаточной мере для выполнения своих служебных обязанностей. И далее в этой же статье: «Лица, по роду своей деятельности связанные с обслуживанием населения, должны знать государственный язык в объеме, необходимом для выполнения своих служебных обязанностей»².

Из текста закона совсем не ясно, должны ли в этой наиважнейшей сфере (органах управления) узбеки знать русский язык в качестве «языка межнационального общения народов СССР». Как видно, в сфере государственного управления вопрос о двуязычии закон трактует однозначно и односторонне: каждый неузбек, претендующий работать в

управлении, должен знать государственный язык. Одновременно ни слова не говорится о том, должны ли сами носители государственного языка, работающие в управлении, владеть русским языком. Косвенное упоминание о двуязычии узбеков, что легко «вычисляется» при внимательном чтении закона, имеется в ряде «глухих» статей. Гражданам, обращающимся в государственные и общественные учреждения, гарантируется право «получать ответы на государственном языке и языке межнационального общения» (статья 3). Учетно-статистическая и финансовая документация на предприятиях, в учреждениях и организациях «ведется на государственном языке республики, а также на языке межнационального общения» (статья 8). Аналогичные «допуски» двуязычия содержатся в ряде других статей закона (9, 10, 12, 14, 17, 22, 27).

В четвертом случае (Эстония, Грузия) двуязычие не упоминается и не воспринимается как сколько-нибудь значительная концептуальная платформа языкового сосуществования. И именно в этих двух республиках наиболее жесткой, нелицеприятной критике была подвергнута концепция двуязычия. И, наконец, в-пятых, двуязычие как доктрина не упоминается, не манифестируется (или упоминается глухим намеком), но вводится в добровольно-обязательном порядке только для носителей бесстатусных языков. В языковых документах Литвы эти группы людей именуется иноязычным населением.

Едва ли не самые широкие горизонты для внедрения, развития и функционирования двуязычия раздвигает казахский языковой закон. В целом ряде его статей (2, 5, 8—12) по существу утверждается двухстороннее (казахско-русское и русско-казахское) двуязычие на основе двух официальных языков: казахского, объявленного государственным языком Казахстана, и русского, признанного языком межнационального общения. Закон особо формулирует задачу республики по государственному «обеспечению свободного функционирования русского языка наравне с государственным»³. На фоне всех принятых законов о языке особое внимание обращает на себя пятая статья Казахского закона. «Казахская ССР, — провозглашает она, — проявляет государственную заботу о всестороннем развитии национально-русского и русско-национального двуязычия и многоязычия»⁴. Другой столь терпимой к бесстатусному языку установки, как в Казахском законе, пожалуй, нет ни в одном из других законов. Дело в том, что Казахский закон не только провозглашает двуязычие в качестве официального курса языковой политики, но и подкрепляет эту доктрину созданием реальных условий для паритетного развития двуязычия

среди носителей казахского и русского языков. И именно в этом сила и привлекательность этого закона. В самом деле, в определении взаимоотношения языков, в распределении их функциональных обязанностей в большинстве сфер общественной жизни доминирует не альтернативный союз «или», а соединительный союз «и», дающий равные права и равные шансы функционированию двух (а в отдельных, специально оговариваемых, случаях и трех) языков. «Языками работы органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, общественных организаций и предприятий» (статья 8), языками «актов республиканских органов государственной власти и управления» (статья 9), «языком учебной, статистической, финансовой и технической документации» (статья 11), языком различных звеньев сферы народного образования, науки, культуры, средств массовой информации (статьи 18—24) является «казахский, язык, русский язык», а в отдельных случаях и языки национальных групп республики»⁵.

Вместе с тем запятая или соединительный союз «и» не довлеют над языковой жизнью республики, вводя повсеместную диктатуру (обязаловку) двух языков. В некоторых случаях с помощью альтернативного союза «или» закон углубляет демократические отношения между государственным казахским, русским как языком межнациональных общений и языками национальных групп республики. Так, например, судопроизводство в Казахской ССР ведется на казахском или русском языке или на языке большинства населения данной местности» (статья 13), «акты местных органов власти и управления могут приниматься на казахском, русском или на местном официальном языке» (статья 9)⁶. Обеспечивая на своей территории условия для использования и развития русского языка как языка межнационального общения в СССР, молдавский языковой закон «обеспечивает осуществление реального национально-русского и русско-национального двуязычия»⁷. Весь дух молдавского закона пронизан заботой о паритетном характере использования языков. Пожалуй, ни в одном другом языковом законе нет такой разветвленной «инвентаризации» прав языков, как в молдавском. По сути дела молдавскому закону не хватило всего лишь одного формального шага до объявления государственными двух языков — наряду с молдавским и русского. Фактически закон утверждает русский язык в этом статусе, хотя и не конституирует.

Что означает паритетное двуязычие? В специальной литературе оно раньше именовалось двухсторонним двуязычием, когда носители двух разных языков естественным путем приблизительно в равной мере и в сопоставимых масштабах приобщались к языкам друг друга, т. е. становились

взаимно двуязычными. История знает немало случаев взаимного двуязычия — хотя масштабы приобщения представителей одних к языкам других далеко не равны. В этноязыковой ситуации бывших союзных республик взаимным можно назвать двуязычие русского и литовского населения в Литве: по переписи 1989 г. 33,5% русских и 37,4% литовцев указало, что свободно владеет вторым языком (соответственно русские — литовским и литовцы — русским).

Еще вчера можно было бы понять русских, расселенных в союзных республиках, как психологически трудно добиваться правового обеспечения паритетного двуязычия. Они привыкли обходиться без знания языка титульной национальности, пока на улицах и в учреждениях едва ли не повсеместно звучала русская речь. Сегодня перед ними нелегкая задача: выучить второй язык в ускоренном регламентированном законом режиме.

Как видно из материалов переписей населения бывшего СССР, одна треть всего нерусского населения страны за более чем 70 лет так и не выучила русский язык, несмотря и на потребность в нем, и на широкие возможности овладения, и на массивную пропагандистскую обработку. Между тем языковые законы требуют от русских, чтобы они выучили язык за 2—3 года. Практически и психологически это нелегко сделать.

Однако в правовом отношении требование закона паритетного двуязычия, бесспорно, справедливо.

Как уже приходилось обращать внимание, у паритетного национально-русского и русско-национального двуязычия, при всей его привлекательности и правовой приемлемости для титульных наций и русских, есть еще одна сторона, не столь блистательная. Вряд ли впору обижаться русскому человеку, которому приходится в новых условиях овладевать языком титульной нации, если этот русский имеет возможность наблюдать и повседневно убеждаться, что и носители государственного языка «в ответ» овладевают русским языком. Но как быть национальным меньшинствам нерусской национальности, тем самым, чья численность в 14 союзных республиках (кроме РСФСР) достигает 15 млн. человек? Двуязычие, даже если оно в правовом отношении и в реальной жизни паритетно для русских и для носителей государственного языка, оборачивается принудительным трехязычием для национальных меньшинств.

Принятый позднее других союзно-республиканских законов о языке (лишь в конце мая 1990 г.) туркменский языковой закон испытал на себе многостороннее влияние положений закона ССР «О языках народов

СССР» (24 апреля 1990 г.). В нем подтверждается признание русского языка, во-первых, «официальным языком СССР», во-вторых, «средством межнационального общения». С учетом этого постулата, закон и строит политику двуязычия. «Туркменская ССР, — говорится в статье 3 закона, — ...обеспечивает своим гражданам изучение государственного языка, проявляет заботу в развитии национально-русского и русско-национального двуязычия и многоязычия»⁸.

В текстах украинского и белорусского языковых законов не включено понятие двуязычия. Тем не менее оба этих закона устанавливают (декретируют) в официальном порядке (по закону) необходимость быть двуязычным должностным лицам в ряде сфер народного хозяйства, и прежде всего в сфере управления. «Должностные лица государственных, партийных, общественных органов, учреждений и организаций, — согласно статье 6 украинского закона, — должны владеть украинским и русским языками, а в случае необходимости — и другим национальным языком в объеме, необходимом для выполнения служебных обязанностей»⁹. Сходным образом обязательное белорусско-русское (или русско-белорусское) двуязычие устанавливается языковым законом в Белоруссии и в Таджикистане. Белорусский закон обязывает руководителей, других работников государственных учреждений, партийных, советских, профсоюзных органов, общественных организаций и предприятий «владеть белорусским и русским языком в объеме, необходимом для исполнения служебных обязанностей»¹⁰.

Закон Белорусской ССР «О языках в Белорусской ССР», пожалуй, наиболее выпукло и рельефно по сравнению с законами других республик устанавливает принципы и сферы реализации паритетного двуязычия.

В этом отношении имеет смысл воспроизвести дословно статью 4 этого закона. В ней говорится: «Обязанность должностных лиц, других работников государственных, партийных органов, предприятий, учреждений и общественных организаций владеть белорусским и русским языками». Далее следует расшифровка. Руководители, другие работники государственных учреждений, партийных, советских, профсоюзных органов, общественных организаций и предприятий должны владеть белорусским и русским языками в объеме, необходимом для исполнения служебных обязанностей.

Органы государственной власти и государственного управления, а также учреждения и организации должны принимать и рассматривать документы, которые подаются гражданами на белорусском или русском языке¹¹.

Статья 6 закона ТадССР «О языке» гласит: «К работникам органов государственной власти и управления, общественных организаций, а также правоохранительных органов, учреждений здравоохранения, культуры, торговли и сферы услуг, транспорта, социального обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства, которым по долгу службы приходится систематически общаться с гражданами различных национальностей, устанавливаются требования в области знания государственного и русского языка в объеме, необходимом для выполнения их профессиональных обязанностей»¹².

Признавая «необходимость применения русского языка как языка межнационального общения, а также как средства осуществления деловых связей с учреждениями, предприятиями и официальными органами, находящимися за пределами Армянской ССР, проект постановления ЦК Компартии Армении от 16 августа 1989 г. предусматривал создание условий для развития двуязычия среди носителей статусного (армянского) языка. Более того, исполкомам городских, районных, сельских и поселковых советов народных депутатов поручалось следить за соблюдением паритетного двуязычия в ряде важных сфер, например, в сфере информатики и знаковой символики»¹³.

В отличие от Украины, Белоруссии, Таджикистана, частично Армении, допускающих реальное двуязычие в сфере власти, совсем иную позицию занимает закон «О государственном языке Узбекской ССР», в котором языком власти объявляется одноязычие с государственным языком. «Руководители и работники органов государственной власти и управления, работающие в Узбекской ССР, должны знать государственный язык республики в достаточной мере для выполнения своих служебных обязанностей»¹⁴. Более того, одноязычие на базе государственного языка устанавливается узбекским языковым законом и в такой функционально важной сфере, как обслуживание.

Так складывается парадокс, состоящий в том, что в одной группе республик в текстах законов не встречается слово «двуязычие», но оно устанавливается при этом как фактическая форма речевого поведения в структурах власти, а в другой группе республик, напротив, на словах манифестируется приверженность двуязычию (например, согласно узбекскому закону в республике хотя и в туманной форме, но все же «создаются благоприятные условия для развития национально-русского и русско-национального языкового общения»), а фактически устанавливается монополия единого языка власти. Таковым объявляется государственный язык, статусный язык титульной нации.

Закон Литовской ССР «О дополнении Конституции (Основного Закона) Литовской ССР статьей 77», положивший начало языковой реформе

и вместе с тем открывший дорогу к независимости этой республики, теоретически не отрицал возможность двуязычия. По крайней мере на высоком конституционном уровне речь шла о том, что в Литве «создаются условия для развития и других употребляемых в Литовской ССР языков, для овладения русским языком и использование его в качестве средства межнационального общения народов СССР»¹⁵. Хотя и не в явной форме, но закон все же устанавливал единый принцип для всего населения республики, в том числе и для литовского, являющегося носителем статусного, государственного языка. Принятый через два месяца, 25 января 1989 г., Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР «Об употреблении государственного языка Литовской ССР» внес в определение содержания языковой политики существенные коррективы. Согласно этому указу, литовский язык «в качестве государственного языка» устанавливался основным средством официального общения населения республики и в законодательном порядке подлежал «употреблению в деятельности государственных и общественных органов, в сфере народного образования, культуры, науки, производства, обслуживания, связи и в других областях общественной жизни»¹⁶. Делопроизводство и переписка переводились на литовский язык.

От имени Верховного Совета республики руководителям и другим руководящим работникам органов государственной власти и управления Литовской ССР, министерств, ведомств, советов народных депутатов и их исполкомов, общественных организаций, предприятий, учреждений и других организаций республики вменялось в обязанность «владеть литовским языком»¹⁷. Языком власти становился статусный язык статусного литовского населения. Все остальное население было отнесено к разряду иноязычного. Доступ к органам власти открывался только через огосударственный язык. Миссию по оказанию помощи иноязычному населению в деле приобщения к государственному языку и включение в структуры власти республика брала на себя.

«В целях обеспечения активного участия иноязычного населения в государственной, общественной и культурной жизни республики, а также обучения в высших учебных заведениях Литовской ССР, — говорилось в указе, — ему должны быть созданы условия для хорошего овладения литовским языком в учебных заведениях с преподаванием не на литовском языке, а также на специальных курсах»¹⁸. Речь, как видно, идет о внедрении одностороннего двуязычия, такого, когда предусматривается приобщение нелитовского населения к литовскому языку. Для реализации упомянутого Указа Президиума

Верховного Совета Литовской ССР «и в целях создания условий для употребления государственного литовского языка в государственной и общественной жизни и для обучения иноязычного населения республики литовскому языку» Совет Министров Литовской ССР 20 февраля 1989 г. принял специальное Постановление «О мерах по обеспечению употребления государственного языка Литовской ССР». В этом постановлении была развернута обширная программа внедрения литовско-национального двуязычия среди нелитовского населения республики.

Стала ясна одна из конечных задач языковой реформы: раздвуязычивание носителей государственного языка и одвуязычивание иноязычного населения.

Придание статуса государственного языка статусным нациям 3-х закавказских республик в соответствующих конституциях 1978 г. не исключало конституционной поддержки политики двуязычия. Одновременно с провозглашением армянского, грузинского и азербайджанского языков государственными языками Армении, Грузии и Азербайджана и осуществлением государственной заботы о всемерном развитии государственного языка и его употреблении в государственных и общественных органах, в учреждениях культуры, просвещения и других, каждая из республик гарантировала «свободное употребление в этих органах и учреждениях русского языка и других языков, которыми пользуется население»¹⁹. Из этой гарантии следовало признание политики двуязычия в качестве конституционно закрепленного курса. В ходе языковой реформы перед закавказскими республиками не было необходимости придавать статус государственного своим языкам. Тем не менее в каждой из республик были разработаны и запущены в действие специальные государственные программы по реальному обеспечению конституционного статуса языку, носителями которого являются представители титульной нации. В обширной «Государственной программе грузинского языка», состоящей из 10 разделов и из 107 статей, подробно «расписаны» конкретные задачи по созданию приоритетных условий для закрепления функций грузинского языка в качестве государственного в разнообразных сферах жизни, в науке, во всех сферах образования, включая дошкольные, средние и высшие учебные заведения, в радиовещании, телевидении и кинематографии, в прессе, в связи, в техническом оснащении и в наглядных пособиях, в издательском и библиотечном деле, в сфере бытового и информационного обслуживания²⁰. В «Программе...» ни слова не говорится ни о двуязычии вообще, ни о двуязычии грузин или представителей других национальностей.

Проект Постановления ЦК Компартии Армении «О мерах по дальнейшему улучшению и всестороннему применению употребления армянского языка», хотя и не манифестировал прямолинейного осуществления курса на двуязычие, но все же допускал развитие армяно-русского двуязычия, а также призывал «заботиться о развитии национальных языков проживающих на территории Армянской ССР народов»²¹.

И, наконец, в Постановлении ЦК Компартии Азербайджана «О мерах по обеспечению более активного функционирования азербайджанского языка как государственного в Азербайджанской ССР» содержался прямой призыв «обеспечивать благоприятные условия для развития национально-русского и русско-национального языкового общения». В целом Постановление «О мерах...» содержало в себе как упоминание паритетного двуязычия, так и перечень конкретных задач перед различными инстанциями, ведомствами и учреждениями по реальному воплощению в практику языковой жизни принципов двуязычия.

Оценивая результаты и перспективы законодательного регулирования процессов двуязычия, можно выделить несколько его типов: 1) официально предписываемое двуязычие, возводимое в ранг государственной политики; 2) официально допускаемое двуязычие, но без оказания достаточной поддержки его внедрения и развития; 3) неофициально допускаемое (пусть себе развивается на личностной основе, например в сфере межличностных общений); 4) запрещенное, т. е. отвергнутое законом, как ненужное в языковой зоне функционального действия языка, возведенного в статус государственного языка.

Нет необходимости доказывать, что декретируемое или отвергаемое двуязычие является в свою очередь функционально производным от национальной политики, от позиции законодателей в вопросе национально-государственного устройства страны. По положительному или отрицательному отношению, выраженному в языковых законах 1989 г. к двуязычию, можно было, наверное, без особого риска предсказать, какая республика через некоторое время подпишет Союзный договор, чтобы сохранить себя в СССР, а какая через объявленный суверенитет и независимость изберет путь выхода из состава Союза. И если среднеазиатские республики единодушно поддержали идею русского языка как языка межнационального общения и формирующееся на его основе национально-русское двуязычие, то это означало, что они тогда, в 1989 г. готовили себе поле и средство коммуникации в рамках будущего федеративного государства. И, напротив, негативное отношение к двуязычию в законах прибалтийских республик не столько выражало отрицательное отношение к вопросам языкового едине-

ния страны, сколько било совсем в другую цель: освободиться от Союза, стать независимыми самостоятельными государствами. Августовский опереточный путч 1991 г. нежданно-негаданно позволил довести языковую реформу-89 до ее почти полного стратегического завершения гораздо раньше, чем тайно предполагали прибалтийские творцы языковых законов с отрицательно выраженным отношением к двуязычию.

1.12. ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ-89 г.

В начале 1992 г. Верховный Совет Эстонской Республики принял постановление «О введении в действие закона о гражданстве» 1938 г. По словам генерального директора паспортного департамента МВД Эстонии Линнарта Лийвамяги к 31 марта 1992 г. от неэстонского населения не было подано ни одного ходатайства о получении гражданства Эстонской республики. В то же время в Постпредство Российской Федерации поступило 6 тыс. заявлений с просьбой получить российское гражданство.

Трудности натурализации (обретения эстонского гражданства негражданами Эстонии) во многом были обусловлены не столько трудоемким бюрократическим процессом добывания всевозможных справок, сколько получением справки о сданном экзамене на знание государственного языка. Даже те представители русскоязычного населения, которые относительно свободно владели эстонским языком, в свое время не сочли нужным заблаговременно запастись какими-то дополнительными справками. Если же учесть, что, во-первых, требования к владению государственным языком в связи с обретением гражданства до весны 1992 г. не были четко определены, во-вторых, все еще не была налажена государственная система обучения взрослых жителей республики эстонскому языку, в-третьих, пропускная способность экзаменационных комиссий была ничтожно малой, то нетрудно сделать вывод о том, что на пути процессов массовой натурализации, т. е. обретения гражданства Эстонской Республики, возникли серьезные препятствия. Более того, по оценке отдельных экспертов, не исключено и фактическое саботирование этого процесса, равно как и умышленное растягивание его на долгие годы¹.

Таким образом, ровно через 3 года после принятия Закона ЭССР от 18 января 1989 г. «О языке» стала отчетливо проявляться одна из его функций, предусмотрительно вмонтированная дальновидными реформаторами в контекст языкового закона. Речь идет о функции индигенизации, т. е. о создании в республике с помощью механизмов языкового закона таких условий, которые будут благоприятствовать после-

довательному сокращению русскоязычного и возрастанию доли индигенного (местного, коренного, автохтонного) населения. Тайное стало явным. Обнажились и скрытые пружины новой языковой (языковой ли?) политики. Во всяком случае состыковка и объединение «усилий» (целей) двух законов — о языке и о гражданстве — позволили с помощью явного ожесточения условий принятия эстонского гражданства приступить к целенаправленному воздвижению каркаса мононациональной государственности. Четырехлетний период существования законов о языке и языках, конечно, с точки зрения исторической перспективы, крайне короткий срок для сколько-нибудь глубокого выявления всех функций языковой реформы 1989 г. Функции социальных институтов (или социальных процессов), как правило, проявляют себя явно, прежде всего в тех случаях, когда они открыто совпадают с декларированными или манифестированными целями и задачами различных социальных и этнополитических сил, и латентно (скрыто), особенно в тех случаях, когда обнаруживаются в реальной практической деятельности в форме, более или менее отличительной от провозглашаемых норм, намерений, лозунгов участников этнополитического процесса. Именно поэтому чрезвычайно важно задаться вопросом, что же конкретно находится за призрачным фасадом законодательных актов, за тонким слоем идеологического прикрытия языковой реформы, прикрытия, подкрепленного не научной аргументацией, а шумливыми митинговыми манифестациями и малообдуманно публицистическими декларациями. Чтобы глубже заглянуть в суть мобилизованного лингвизма, придется обратиться к важнейшим функциям языковой реформы 1989 г.

Исходя из относительно общепринятого в мировой социологии выделения четырехчленного комплекса функций — адаптивной, целедостигающей, интегративной и функции регулирования скрытых напряжений², — нам представляется возможным выделить в языковой реформе 12 функций, каждая из которых в той или иной мере раскрывает ее конечные (открытые или скрытые) цели и задачи. Новая этнополитическая система, к созданию которой приступили сначала республики Прибалтики, а вслед за ними и некоторые другие, как и любая другая социальная система, была направлена на создание механизмов по регулированию процессов социализации, этнизации, политизации и отладки механизмов и рычагов социального и политического контроля.

2.12.1. Индигенная функция

Важным стимулом для выработки курса и содержания новой языковой политики и претворения в жизнь языковой реформы стало законодательное

культивирование (если не сказать — возбуждение) чувства «земли родной», «земли исконной». О чем идет речь? Опыт национальных движений из многосложной истории народов мира изобилует примерами, когда в перечне объективных факторов национального самосознания на передний план целенаправленно выдвигается территориальный принцип. В западной историографии он более известен как географический принцип, и ассоциированный с ним принцип географического национализма. Для обоснования национальных притязаний выдвигается малообоснованный с юридической точки зрения тезис о своей «исторической территории». Чувство национальной гордости американцев в немалой мере основывается на осознании ими своей исторической территории. Но как быть в таком случае североамериканским индейцам, которые на протяжении веков безжалостно, последовательно, жестко и жестоко лишались своей традиционной среды обитания. В территориальном (географическом) национализме использование языка своей национальности начинает выступать важным маркером в формировании внутриэтнической принадлежности. Так, например, в пору обострения каталонского самосознания многие иммигранты, прибывающие в Каталонию, должны были учить каталонский язык в дополнение к кастильскому языку. На рубеже 80—90-х годов в Каталонии стали нарастать тенденции политического и социального давления по использованию каталонского языка. По крайней мере это нашло отражение в статье 3 Конституции Испании 1978 г., согласно которой региональным языкам дается право быть официальным языком внутри этнических общин в местах их компактного расселения.

Нет ничего удивительного в том, что в ряде законов 1989 г. по приданию языку индигенной нации статуса государственного языка имела место состыковка языкового и географического факторов, как объективных основ национального самосознания.

В преамбулах ряда законов необходимость создания приоритетных условий для развития языка титульной нации выводилась именно из географического принципа. Обретение статуса государственного языка эстонским, латышским, литовским и другими языками без каких-либо оговорок обосновывалась тем, что для каждой из титульных наций территория ее проживания является «исконной», «единственной», «исторической», этнической территорией и т. д.

Функция индигенизации в ходе осуществления языковой реформы была вызвана тем, что экономические стимулы не являются самодостаточными для того, чтобы титульная нация могла рассчитывать на то, что представители нетитульных национальностей будут переходить на титульные языки. Отсюда возникает потребность в правовом и политиче-

ском прессинге или в особом законодательном механизме. Иными словами, симбиоз всех трех факторов — языкового (родной язык, язык своей национальности), индигенного (исконная территория) и политического (национальная государственность и государственный язык) — нацелен в одну и ту же точку: создание приоритетов для некоторых слоев титульной нации. Зародившаяся национальная буржуазия нуждается в земле, которая в ходе реставрации капитализма становится предметом частной собственности. Отсюда и пылкая любовь к «родной земле», гордость за «родную природу» и т. д. По этой же модели «работает» тезис «родного языка» для представителей той части национальной интеллигенции, деятельность и творчество которой непосредственно связаны с «родным языком».

2.12.2. Социальная функция

Одна из официально, публично недекларируемых, но обязательно «работающих» функций языковой реформы 1989 г. состояла в содействии процессам совершенствования социальной структуры национальностей республики, прежде всего за счет дополнительной «коренизации» аппарата государственной власти, управления производством, за счет увеличения доли лиц, свободно владеющих государственным языком в системе науки, культуры, образования, обслуживания.

Заметным достижением советской аффирмативной политики, начало которой заложил X съезд ВКП(б), принявший в 1921 г. знаменитую резолюцию по национальному вопросу, стала ускоренная подготовка национальной интеллигенции и, как следствие, предоставление заметных льгот представителям наций, имеющих союзную республику. В меньшей степени льготами Союзного Центра сумели воспользоваться нации, создавшие национальную государственность рангом ниже или не поднявшиеся выше национально-территориальной автономии (автономная область и автономный округ).

В отличие от многих других глобальных задач, в том числе таких фундаментальных, как догнать ушедшие вперед нации по уровню экономического и культурного развития, указанная задача, задача по подготовке в республиках национальной интеллигенции, была выполнена³. Этносоциологические исследования, проведенные в 70—80-е годы, позволили выявить реальные контуры, масштабы и механизмы мобильности среди представителей различных национальностей.

Выравнивание уровней социальной структуры отитулованных наций с нетитулованным русским населением уже в середине 80-х годов стало осознаваться и ощущаться как бремя психологического сосуществования

сообществ разнонациональных людей. Этому способствовала углубляющаяся конкуренция сначала за ключевые позиции в системе управления, в недрах номенклатуры, затем за престижные места в лоне культуры и науки, а в дальнейшем замаячила перспектива конкуренции и в средних клетках социальной лестницы, в том числе среди интеллигенции массовых профессий.

Национальные отряды интеллигенции в союзных республиках, окрепшие, укоренившиеся, занявшие непропорционально длинный ряд элитарных кабинетов в структурах власти, распределения ресурсов и продуктов, других «доходных» сферах хозяйства, стала искать новые дополнительные рычаги для устранения конкурентов с этнополитической и этносоциальной арены. Конкурсный марафон стал ожесточаться.

В литературе неоднократно отмечалась, во-первых, взаимосвязь между развитием новой национальной интеллигенции и ростом национального самосознания; во-вторых, малообоснованные домогательства молодой интеллигенции, получившей наименование «неинтеллигентной интеллигенции», на значительные роли, основанные не на высоком уровне профессиональной квалификации, а на национальном происхождении; в-третьих, причастность представителей новой «народной» интеллигенции к созданию очагов социальной и межнациональной напряженности.

Так, например, анализ материалов республиканского партийного архива в Кыргызстане выявил, что в формировании и утверждении тоталитарного режима в 30-е годы немалую роль сыграли в первую очередь представители новой интеллигенции⁴. Искусственно созданная интеллигенция, ставшая плодом социально-политического заказа общества, идущего в социалистический рай, становилась катализатором межнациональных конфликтов.

Начавшееся переустройство, развал СССР, образование вокруг России зоны новейшего зарубежья — эти и другие геополитические факторы выпустили джина из бутылки, открыв новые клапаны для социальной мобильности и форсированной социальной карьеры. Под знаменем гуманистических идей перестройки развернулся новый виток национальной консолидации с не всегда предсказуемым исходом. Задвинутые на периферийный план межклассовые различия перестали «работать» в своем прежнем амплуа. Более того, этнический фактор, имеющий относительно более четкие маркеры, нежели крикливо манифестированные, но трудно измеримые, зыбкие показатели социальной и политической идентификации, позволил набравшей силу и вес национальной интеллигенции прочно овладеть штурвалом корабля националь-

ной государственности и повести дело к тому, чтобы команда на корабле прочно «коренизировалась». Этнополитическая обстановка в Эстонии незамедлительно обострилась, как только начали действовать (с 1 января 1992 г.) некоторые ограничения в социальной сфере, в том числе в сфере обслуживания и торговли, где с этого времени стало обязательным знание государственного языка. Более того, согласно Кодексу торгового мореплавания с 1 января на должностях капитана и лоцмана могут состоять только граждане Эстонской Республики, число которых составляло по данным «Независимой газеты» лишь около 30% капитанов Эстонского морского пароходства⁵.

Этого нельзя было не ожидать. Об этом шла речь в кругах русскоязычного населения еще до принятия эстонского закона о языке, это выявлялось в острых дискуссиях, сопровождающих все три предварительные проекта самого закона. Еще в январе 1989 г. Владимир Мальковский, представляющий интересы русскоязычного населения г. Нарвы, города, состоящего преимущественно из неэстонского населения, говорил: «Некоторые основы принятого закона не столько защищают язык, сколько ограждают органы государственной власти и управления от иноязычных способных руководителей»⁶.

И вполне естественно, что в таких условиях у русскоязычного населения возникает опасение за свое будущее и за будущее своих детей.

Именно здесь, в «кругах проблем» социальной структуры надо искать живительные корни национальных движений. Здесь начинаются истоки законов, утверждающих (вполне демократическим!) путем недемократические порядки, в том числе утверждаются приоритетные условия для одной нации.

Разумеется, указанные корни — отнюдь не единственные причины генезиса идеи о введении государственного языка, языка, который надо обязательно знать, чтобы стать директором завода, начальником милиции, или министром республики. Именно здесь надо искать истоки таких законов о выборах, с помощью которых можно протолкнуть в республиканские органы власти только тех, кому дороги интересы одной нации, а не всего населения.

В этом же типологическом ряду законы о референдумах, отсекающие возможность влияния национальных меньшинств на судьбу стратегических проблем. Понятно, что конструктивные замыслы по воплощению в жизнь приоритетов для титульной нации и ее титульного языка нуждаются в демократических подпорках. Эти подпорки надо продемонстрировать не только изнутри, на фоне общественного мнения своей республики с ее многонациональным составом населения, но и из-

вне, перед лицом широкой мировой общественности. Хотя контент-анализ документов подтверждает, что до ситуации «чтобы комар нос не подточил» — порой бывает очень далеко.

Научная аргументация незамедлительно явилась в виде концепции национального развития, разработанной первоначально в республиках Прибалтики, в трудах авторитетных социологов и экономистов, в статьях и монографиях специалистов по проблемам межнациональных отношений, а затем подхваченной либерально-демократически настроенными экспертами в Москве, Санкт-Петербурге, в Армении, Грузии, несколько позднее — в Молдове. В рамках этой концепции проблемы огосударствления языка титульной нации, бесспорно, заняли видное место, сыграв немаловажную роль в складывании социальной структуры в нужном направлении.

Глубинный смысл и неоднозначный характер концепции национального развития на первых порах прозевали многие: ортодоксальные эксперты Союзного Центра, не сумевшие разглядеть в ней огромный позитивный, мобилизующий заряд, и либеральные ученые, принявшие эту концепцию в состоянии эйфории вместе с радикалами, но проглядевшие в ней жало национализма и экстремизма. В самом деле, надо ли было разваливать Союз, чтобы убедиться в «задумке» языковых законов, социальная функция которых была вполне видна и невооруженным глазом. Впрочем, через четыре года об этом судить гораздо легче, чем тогда, в ходе самой реформы. Однако есть признаки того, что уроки 1989 г. сегодня в постсоветском пространстве или забыты, или умышленно искажаются.

1—2 февраля 1992 г. в Казани состоялся Курултай — съезд представителей татарского народа, организованный по инициативе и при поддержке партий и национальных движений — «Иттифак», «Суверенитет» и других.

В перечне 20 законов и постановлений, принятых Курултаем, неоднозначную реакцию общественности, и не только нетатарской, но и татарской, вызвал закон о провозглашении татарского языка единственным государственным языком Татарстана.

Вдумаемся в комментарий этого закона, сделанный по просьбе корреспондента всероссийской еженедельной общественно-политической газеты «Федерация», председателем Правления Татарского отделения Демократической партии России, депутатом Казанского горсовета, Рашитом Ахметовым.

Парадокс единого государственного языка состоит в том, считает Рашит Ахметов, что «председатель Милли Меджлиса Талгат Абдуллин сам

плохо владеет литературным татарским. И тезис о едином языке — чистая демагогия. Цель здесь прозрачна: поскольку татарский язык для изучения труден, большое количество граждан республики (в том числе и татар, плохо говорящих на родном языке) будет отсечена от активной политической жизни, а это облегчит управление республикой. Например, легче будет ставить своих людей на руководящие посты»⁷. Цитата как цитата! В ней ничего не убавлено, не прибавлено. Однако вряд ли кто из политиков реформаторов «далекого» 1989 г. смог бы так откровенно, грамотно и мужественно сказать это о целях языкового закона летом 1989 г., как это сделал Рашит Ахметов зимой 1992 г. Еще одно доказательство того, как быстро изменяется этнополитическая ситуация и как быстро меняемся мы.

2.12.3. Политическая функция

Функции законов о языке вытекают из основных стратегических и тактических задач и целей, поставленных перед собой идеологами реформы в борьбе с Союзным Центром за независимость. В соответствии с этим политическая функция языковой реформы, вытекающая из придания языку статусной нации «дополнительных полномочий» — статуса государственного языка, — означала, что многие официальные сферы общественной жизни (государственное управление, делопроизводство, общественные организации, производство, наука, культура, образование, медицина, обслуживание) обретали установленный законом официальный язык. Внутренняя противоречивость и разбалансировка этнополитической ситуации выражалась в том, что официальным языком политики становился язык только одной нации, монополюно оседлавшей право на реализацию принципа «самоопределение нации». Пример Молдавии и ее языковой реформы, особенно тесно связанной с общими целями молдавского национального движения, красноречиво иллюстрирует указанную противоречивость. Действительно, с одной стороны, молдавский языковой закон проявляет взвешенный подход к национальным потребностям гагаузского народа, к проблемам развития и употребления гагаузского языка. С другой же стороны молдавский закон исходит из такого толкования принципа самоопределения нации, согласно которому только молдавский язык может быть языком управления в республике. Политическая функция языковой реформы связана с общей борьбой республики за суверенитет и независимость, а также с борьбой заинтересованных группировок людей за власть.

Отношение к государственному языку как инструменту власти и как к каналу продвижения к власти особенно активно выражали лидеры и активисты народных фронтов Прибалтийских республик, Молдовы. Выступая на международной конференции «Демократия и права человека», состоявшейся в ноябре 1990 г. в г. Тимишоаре (Румыния) народный депутат ССР Молдовы В. Солонарь охарактеризовал режим власти, установленный Народным фронтом Молдовы, как этнократический. Принятые в Молдове законы о языке (языках) позволили руководителям НФМ официально декларировать идеологию приоритета прав коренной нации, что в свою очередь воспринималось немолдованами как предлог для дискриминации по национальному признаку.

Крутая волна коренизации (молдаванизации) началась с самого Верховного Совета, который сделал критерий национальной принадлежности важнейшим фактором официального распределения кабинетов власти. Так, например, как отмечалось в печати, из 25 членов Президиума Верховного Совета Молдовы лишь четверо оказались немолдованами, а из 18 министров — только один русский⁸. И такой «расклад» власти при 64,5% молдаван в составе многонациональной Молдовы, конечно, вызывает у многих многочисленные вопросы.

Политические последствия государственного статуса, с запозданием, прозревая, увидели некоторые бывшие лидеры народных фронтов, люди, которые вместе со своими единомышленниками в пору весны национальных движений обеспечили успех языковой реформе как предтече обретения республиками государственной независимости. Красноречивы в этом отношении откровенные признания одного из самых ярких деятелей Народного фронта Латвии Владлена Дозорцева, человека, за которым в 1988 г. пошли русские в надежде, что независимость Латвии станет для всего ее населения, в том числе и для русских, синей птицей счастья.

Однако обретенная независимость и политизация языка и этничности обернулись для самого В. Дозорцева неожиданной стороной.

Не оставляет равнодушным его горькая оценка последствий языковой реформы, суверенизации и обретения независимости к осени 1992 г., через три с половиной года после принятия закона Латвии о языке: «К сожалению, в кадровой политике нарастает вал шовинизма. Республику покинули многие ценнейшие специалисты-нелатыши. Их убирают и под предлогом незнания языка, и под предлогом неблагонадежности. Кресла освобождают для людей, которые часто откровенно некомпетентны. Зато свои. Интеллигенция страдает больше всего. Еще нет закона о гражданстве, а чиновники уже распределяют

квартиры среди граждан, то есть лиц с восстановленным гражданством... Право собственности на недвижимость, на землю — только гражданам. Дальше — больше. И теперь вообще не поймешь — что же осталось негражданам, кто они вообще, чем и как им жить»⁹. «Я стал чуть ли не врагом нации, — жаловался Дайнис Иванс, поэт от бога, романтик от политики, избранный Первым председателем Народного фронта Латвии в октябре 1988 г. — И только за то, что против отказа в праве и другим жить на этой земле»¹⁰.

Реализация политической функции языковой реформы далась относительно легко, так как сама реформа была воспринята, во-первых, как часть перестройки в период романтического отношения к ней широких масс интеллигенции, во-вторых, была воспринята и поддержана как часть универсальной идеи обновления, демократизации, движения к цивилизованности.

Вместе с тем под знаменем защиты национального языка творились политические спекуляции. «Торопливость, с какой принимаются решения о миграции, закон о языках, закон о гражданстве, внедряется национальная символика, — говорилось в Риге накануне принятия закона Латвии «О языках», — ...позволяет судить о стремлении заполучить политический капитал в интересах групповых, а то и личных, любой ценой; эксплуатируя рост национального самосознания»¹¹.

О том какую роль сыграло придание латышскому языку статуса государственного языка рассказал Отто Лацис в своем очерке «Как живут сегодня в Латвии», написанном под впечатлением поездки в Ригу весной 1993 г. По его словам, «в независимой Латвии политическая окраска защиты латышского языка прямо противоположна тому, что было в Латвии, подчиненной Москве: теперь это оружие не оппозиционных, а правящих сил. Экзамены по языку со всеми их драматическими эпизодами — и преувеличенными молвой, и подлинными — вышли далеко за пределы культурного и профессионального события. Они широко используются для кадровых чисток, для смены правящей элиты на всех уровнях». Вспоминая аналогичную ситуацию в сороковых—пятидесятых годах, когда латышей в структурах власти сменяли приезжие, Отто Лацис констатирует: «сейчас — наоборот» и делает трезвый, но малоутешительный вывод: «Латвия в очередной раз (который уже в этом столетии не счесть) несет потери в кадровом потенциале»¹².

2.12.4. Функция плюрализации

С политической функцией связана функция плюрализации. У титульной нации каждой республики были свои ожидания от начавшейся пере-

стройки и от демократизации. И ринувшись навстречу процессам обновления, эти нации, похоже, не предполагали, что их целеустановки столь резко не совпадут с чаяниями многонационального населения. Рожденные в недрах последнего элементы собственного национального движения носили скорее характер не «броуновского движения», а контрдвижения, направленного, во-первых, на самозащиту, а во-вторых, на копирование пути и опыта титульного большинства.

Совокупность перечисленных движений и контрдвижений и стала той ареной, на которой накапливалась критическая масса, угрожающе приближающаяся к точке взрыва. Широкий веер полномочий, выданных языковыми законами каждому государственному языку как языку титульной нации, позволяет сделать чрезвычайно важный вывод о том, что на месте бывлой «единой» языковой политики были заложены основы для проявления нескольких языковых политик. Так, в сфере языковой жизни возник плюрализм — как первый предвестник будущего развала империи.

Введение статуса государственного языка в бывших союзных республиках дифференцировало не только собственно языковую политику, но и результаты ее внедрения, а также, образно говоря, реакцию на нее со стороны тех, среди которых она претворялась в жизнь.

Иными словами, ответом на плюрализм языковой политики, стал плюрализм реакции на нее даже со стороны тех, против кого она обернулась своей дискриминационной стороной. Во всяком случае имеется много примеров того, что русскоязычное население повело себя неоднозначно. В отношении к государственному языку в Литве среди русских, как и следовало ожидать, наметилось серьезное социально-языковое расслоение.

Не прошло и трех лет после начала языковой реформы, как среди русского населения Литвы выделилась социально-языковая группа лиц, свободно владеющих государственным языком. В состав этой группы входили достаточно самостоятельные в материальном отношении люди. Они относительно быстро осознали необходимость организационных объединений для дальнейшего углубления своей самостоятельности и расширения предпринимательской деятельности. Раньше других проявили интерес к получению финансовых кредитов, гарантов, надежных инвеститоров для открытия собственного бизнеса.

Ассоциированными с этой быстро адаптирующейся группой русских деловых людей были и те, кто сумел устроить себе надежный способ своего жизнеобеспечения, способ, делающий их существование в литовскоязычной среде относительно автономным от национально-языкового вопроса.

Незнание или плохое знание литовского языка наряду с нелитовской фамилией и антилитовской установкой сформулировало полярную группу русских, не сумевших вписаться ни в ход преобразований, ни в стихию рыночных отношений, ни в сгущающуюся литовскоязычную языковую среду. Они больше всего испытали на себе эйфорию литовского возрождения, меньше всего получили от декларированных демократических свобод, хуже всего обустроили свою жизненную нишу и в итоге оказались лицом к лицу с неумолимым вопросом как выжить, как выстоять материально и духовно?

Между этими двумя крайностями расположились различные переходные группы русских, для которых на повестке дня стали главными «вопросы озабоченности своей русскостью», состоянием православия, национальной культуры, сохранением русского языка, получением образования и профессии, выбором гражданства и отношением к собственности.

Для решения проблем социально незащищенных людей, людей с нарастающим чувством этнической и языковой отверженности необходимы как дополнительные правительственные меры, так и собственная экономическая деятельность и осмысленная организованность. По предложению активистов русского движения¹³ лучше всего для таких целей подошел бы финансовый фонд, базирующийся на акционерном капитале и дающий первоначальный импульс для активизации хозяйственно-экономической деятельности людей.

2.12.5. Мобилизующая функция

Слабые возможности для социально-экономического развития, позорная зависимость от большинства или от Центра, этнокультурная или социокультурная дискриминация, угроза этнической ассимиляции, безработица, — эти и другие факторы нередко выступают причиной для этноязыковой мобилизации. Сохранение и поддержание языка своей национальности становится сильным орудием мобилизации. Вместе с тем имеется немало исследований, в ходе которых на представительном и убедительном материале было доказано, что этнические группы используют язык как социальное средство тогда, когда это им выгодно, а не наоборот.

Этническая мобилизация неизбежно ведет к признанию групповой исключительности одних, из чего, в свою очередь, вытекает индифферентное, а иногда и недружелюбное отношение к другим. В итоге оппозиция «мы—они» из пассивного состояния переходит в активное. Про-

цессы урбанизации, интеллектуализации и технологизации, охватившие Запад и косвенно коснувшиеся части пространства бывшего СССР, нередко вели к эрозии группового (этнического) сознания. Однако в условиях резкой смены политической ситуации в противовес эрозии и связанной с ней манкуртизации возникали процессы усиления группового альянса. В каждом случае языку принадлежала одна из главных ролей¹⁴.

12.6. Функция этнизации

Одна из важнейших целей языковой реформации (законов и ассоциированных с ними государственных программ) состоит в ориентации подрастающих поколений на первоочередное овладение и хорошее знание языка своей национальности. «Ребенок, родившийся в армянской семье, — по мысли К. Юзбашяна, — должен в первую очередь владеть родным языком, владеть им во всех отношениях, на максимально выгодном уровне»⁸. Поэтому, продолжает этот же автор, «обучение в детском саду и в школе должно вестись на армянском языке. Альтернативы здесь быть не может»¹⁵.

Преимущества воплощения в жизнь указанной функции проистекают из дискредитировавшей себя идеи интернационализации, концепции, имплицитно несущей в себе идею денационализации и космополитизации. Ставка языковых законов (Украина, Белоруссия, ряд законов Средней Азии) на повышение контроля государственного языка в институционализированных формах этнизации оказалась удачной, так как попала на благодатную почву растущего национального самосознания.

12.7. Функция антиманкуртизации

В тексте многих языковых законов содержится беспокойство по поводу процессов манкуртизации, охвативших определенные слои населения, в том числе национальной интеллигенции. При этом два фактора позволили в союзных республиках заложить основы для выведения национальной культуры из зоны грозящего ей кризиса. Первым катализирующим фактором стали научные исследования и художественные поиски творческой интеллигенции, ударившей в набат в связи с процессами денационализации. Роману Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» выпала в этом смысле особая роль¹⁶. Вторым фактором стало понимание того, что эффективную роль в противо-

стоянии манкуртизации может сыграть придание статуса государственного языка языку титульной нации. Между этими двумя полюсами — деятельностью творческой интеллигенции и новым положением политиков — располагается немалый вклад, внесенный некоторыми новыми научными направлениями, зародившимися в 70—80-е годы и взявшими на себя миссию объективного изложения состояния национальных культур и проблем их развития и взаимодействия. В числе новых научных дисциплин, была, в частности, и этносоциология, подтвердившая возможность комплексного подхода к культуре как к многокомпонентной сложной структуре. Этносоциологические исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР зафиксировали тревожные явления застойного характера во всех составных частях национальной культуры: в ее фонде, в бедственном состоянии средств ее тиражирования, в ослаблении, а порой и в разрушении механизмов межпоколенной и внутривоколенной передачи ее традиционных ценностей, в неоправданном падении рейтинга традиционных форм культуры и в наступлении эрзац-культуры под флагом псевдопрофессиональных форм.

Важным ускорителем в реализации этнокультурной функции послужила идея борьбы с наступлением тех форм культуры, которые получили развитие и распространение на русском языке и с помощью русского языка. Более того, анализ основных документов и хода языковой реформы позволяет эту тенденцию выделить в виде самостоятельной функции.

2.12.8. Функция внутринациональной консолидации и межнациональной дезинтеграции

Правящей элите, устанавливающей контроль над политическими механизмами, необходим официальный язык для поддержания или для создания социальной дистанции или укоренения солидарности. Выбор одного языка в качестве государственного языка в многонациональной и многоязычной среде ставит носителей данного языка в привилегированное положение, так как именно их язык становится языком управленческих структур, языком правительства, языком средств массовой коммуникации. Когда для представителей титульной национальности происходит слияние трех «языков» — родного языка (языка свободной личности), национального языка (народного и литературного), совершенствованием которого профессионально занимается национальная интеллигенция, и официального языка (языка правительственно-

го и управленческого аппарата) в одном языке, — то носители этого языка выигрывают по сравнению с носителями других языков. Отсутствие подобного набора (совпадения родного, национального и официального языков) у представителей нетитульных национальных меньшинств создает у них чувство социальной ущемленности. И нетрудно предположить, что обретение языковой независимости у них станет первым побудительным мотивом на пути к достижению этнополитического самоопределения и независимости.

Так случилось в Молдавии, когда в ответ на объявление молдавского языка государственным языком гагаузы решили вслед за самоопределявшимися молдаванами создать свое собственное независимое государство, в котором родной гагаузский язык совпадал бы с национальным языком гагаузов как самостоятельного этноса и с официальным языком как языком самоуправления в местах их компактного расселения.

Иными словами, выбор языка большинства и «назначение» его единственным государственным языком в многонациональном государстве несет в себе противоречивую функцию. С одной стороны он служит делу внутринациональной консолидации, с другой — провоцирует межнациональную дезинтеграцию. В последнем случае, естественно, возникает угроза политическому единству, территориальной целостности, государственной неделимости. При этом никто не знает, как быть в каждом конкретном случае: с гагаузами в Молдове, с поляками в Литве, с немцами в Казахстане и т. д. Имеющийся опыт в мировой социолингвистической и этнополитической практике не всегда оказывается пригодным в конкретных этнополитических ситуациях разваливающейся советской сверхдержавы.

Тем не менее имеет смысл напомнить об опыте Ирландской Республики, где ирландский (гаэльский) язык был избран в качестве официального (национального в европейском смысле) языка вопреки тому, что носители этого языка не превышали 3% всего населения. Предпочтение языку меньшинства было отдано ради того, чтобы он служил делу политического (государственного) единства. Несмотря на то, что урду был национальным языком для 7% населения Пакистана, он все же был объявлен государственным языком, так как традиционно выступал в роли *lingua franca*.

Особого внимания заслуживает и опыт Индонезии, выбравшей бахаса индонеси, основанный на пиджинизированной разновидности малайского языка и имеющий меньшее количество носителей, например, по сравнению с яванским языком — родным (и национальным) языком 40% населения Индонезии¹⁷.

2.12.9. Функция дерусификации

Стратегию и тактику языковой реформы-89 нельзя полностью осознать, если не принять в расчет, что она была направлена против одной из самых чувствительных сторон в жизнедеятельности народа — против угрозы существованию национальному языку, реальному или мнимому исчезновению его из бытовой сферы, из работы средств массовой коммуникации. Обида титульного населения ряда союзных республик на Союзный Центр накапливалась по мере того, как русский язык все глубже и глубже внедрялся сверху в толщу национальной культуры и особенно в кабинеты власти, вытесняя национальные языки из книг, газет, театров, киностудий.

Языковая реформа-89 и ее ядро — придание языкам титульных наций статуса государственного языка оказались едва ли не самой эффективной мерой против угроз культурной идентичности нерусских народов.

По замыслам идеологов языковой реформы, функция дерусификации заняла важное место в системе обновления механизмов этнического самовоспроизводства. В известной мере она несет в себе печать компенсаторства и сопротивления внешним, внеэтническим и внеязыковым факторам. Едва ли не лучшим примером сохранения языка своей национальности вопреки дискриминирующему давлению окружающей среды являются цыгане. Они покинули свою «историческую родину» в IV в. до н. э., во времена Александра Македонского, и с тех пор стали изгнанниками. Тем не менее, на протяжении более 2 тыс. лет, несмотря на дискриминацию, от которой они страдали во многих странах мира за нормы и элементы антисоциального поведения, они сохранили свой язык. Сопротивление давлению среды стало средством выживания, средством сохранения своей этничности, включая свой язык.

Однако осуществление этой функции заключало в себе и немало противоречий. Достаточно указать на одно из них. Жалобы на безысходную манкуртизацию нередко сопровождались в республиках поисками «респектабельной» родословной, созданием и культивированием мифов по поводу существования древних и великих традиций, как в бесписьменной, так и в письменной формах.

2.12.10. Психологическая функция

Советских людей долго унижала сложившаяся командно-бюрократическая система, кремлевская и местная номенклатура. Сегодня после двух (августовского 1991 г. и октябрьского 1993 г.) черных переделов

власти, чудовищного спада производства — люди опять унижены пустыми прилавками магазинов, длинными очередями за колбасой и хлебом, разбитыми покрытиями дорог, бесконечным запаздыванием выдачи худосочной зарплаты и разлаженной системой быта. Ряд этих унижений нередко дополняется новыми унижениями, перенесенными на национальную почву. Кому неизвестно, что немаловажную роль в Алма-Атинских событиях в декабре 1986 г. сыграло решение Центра заменить Кунаева Колбиным. Униженное национальное самосознание мгновенно взрывается межнациональной нетерпимостью, выплескивается на улицы митингами и беспорядками, ведет к кровавым конфликтам.

Придание государственного статуса или допущение законом сосуществования общереспубликанского или локального (в местах компактного расселения инонационального населения в лице национальных групп или национальных меньшинств, по терминологии ряда законов о языке) официального языка не только является частью политического процесса, но и создает совершенно не изученную у нас ситуацию психологического воздействия на носителей как государственного языка, так и языков, оставленных без официального статуса.

Двойное психологическое воздействие языковых законов на носителей своих и не своих языков, надо постоянно держать в поле зрения. Им нельзя пренебрегать.

Едва ли не самым наглядным примером серьезной значимости психологического фактора может служить опыт осуществления языковой реформы в Молдове. Если внимательно и непредубежденно присмотреться к ее закону «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», то без особого труда можно сделать заключение о введении в пределах этой республики трех государственных языков: молдавского, русского и гагаузского. Основанием для такого вывода служит законодательное распределение фактических функций (реального употребления) каждого из названных языков в разнообразных сферах жизни. Почти нет такой сферы, для которой не делалась бы оговорка об использовании наряду с одним двух других языков. Двумя специальными статьями устанавливается, во-первых, принципиальный курс на двухстороннее молдавско-русское и русско-молдавское двуязычие («Русский язык как язык межнационального общения в СССР используется на территории республики наряду с молдавским языком как языком межнационального общения, что обеспечивает осуществление реального национально-русского и русско-национального двуязычия»), во-вторых, приданием гагаузскому языку некоторых функций государственного языка. «В местностях проживания большинства на-

селения гагаузской национальности языком официальных сфер жизни является государственный, гагаузский или русский языки»¹⁸.

Но если это действительно так, если Молдова не декларировала на словах, но фактически на деле придала функции государственного языка не только огосударвленному молдавскому языку, но и двум другим языкам — гагаузскому и русскому, возникает вопрос, почему ровно через год после принятия языкового закона, вследствие его принятия, и по причине неудовлетворенности немолдавского населения этим законом, республика раскололась на три части? Ответ, разумеется, надо искать в том, что же реально произошло в республике в течение года после принятия закона о языке. Но, видимо, не только в этом. Думается, что если бы молдавские законодатели учли психологический фактор и не отказали гагаузскому и русскому языкам в статусе государственного языка, Молдавия не покатила бы навстречу жесткой межнациональной конфронтации. Разрыв между реальным признанием официальных функций двух немолдавских языков, разрешением их использования в соответствующих сферах, оказанием реальной заботы и помощи в их функциональном развитии и отказом признать их официальный статус — стал тем психологическим барьером, через который не смогли, пересилив себя, перешагнуть представители молдавского большинства и не смогли «вытерпеть» представители национального (гагаузского и русского) меньшинства.

2.12.11. Функция символическая

В зарубежной социолингвистике имеется немало трудов, посвященных языку как средству, к которому прибегают в многонациональных и многоязычных ареалах в борьбе за доступ к товарам, ресурсам¹⁹.

Вместе с тем не всегда представители той или иной этнической группы или лидеры этнического движения пользуются языком как символом в своей борьбе за независимость или экономические интересы. Для того, чтобы языковой символ стал действенным и эффективным, надо, чтобы те, кто прибегает к его помощи, знали его и пользовались им.

Логику развития и реализации символической функции языка (языка как символа национального движения) можно понять, сравнив ее с любым другим символом, взятым на вооружение идеологами национального движения.

«Водружение на башне Длинный Герман национального флага, — говорил лидер Эстонского народного фронта Эдгар Сависаар 24 февраля 1988 г., объявленного Днем независимости, на церемонии подъема зна-

мени над башней в Вышгороде, что на холме Тоомпеа, — тоже шаг на пути к суверенности; он показывает, что мы хозяева своей земли и делаем здесь то, что хотим сами; что мы хозяева своей истории, единое целое с историей, знаем, откуда идем и куда пришли. В минувшие десятилетия нас пытались заставить забыть самих себя, превратить эстонцев в народ без истории. Водружение флага для нас — это как обретение самих себя. Мы одержали моральную победу! И если прошлой осенью мы сказали, что Эстония в наших руках, если теперь мы постепенно начинаем верить, что и правительство может быть в наших руках, то сегодня мы водрузили этот флаг как флаг борьбы и говорим, что под этим флагом предстоящей осенью передадим и парламент Эстонии в руки избранных и уполномоченных народом мужей»²⁰.

Стоит только в приведенном пассаже слово «флаг» заменить «языком» и, ничуть не меняя логику движения к конечной цели (захват власти и обретение Эстонии), осознать сущность символической функции языка в зрелом, глубоко продуманном и хорошо организованном национальном движении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более 80 лет тому назад в открытый океан вышел «Титаник», не оснащенный новейшими средствами обнаружения препятствий по курсу. И уже в море, несмотря на предостережение, впередсмотрящий капитан не смог предотвратить трагедию. «Титаник» утонул. Как показали последующие исследования, не столкновение с айсбергом стало роковым для блистательного «Титаника», а то, что он был уже обречен с момента своего рождения. Не так ли и межнациональные отношения в бывшем Советском Союзе, долгое время казавшиеся безоблачными, все же напоминают будто бы непотопляемый «Титаник».

Трудно перечислить, сколько раз руководство ЦК КПСС и советского государства игнорировало дискомфортные для себя предупреждения специалистов о наличии серьезных проблем в межнациональных отношениях, в том числе в сфере языковой жизни.

Капитанская рубка не отвечала на поступающие предостережения. Руководители державы оставляли без внимания очаги межнациональной напряженности. В 1988 г. сигналы о неблагополучии в ряде союзных республик приобрели массовый характер. После XIX партконференции М. С. Горбачев адресовал политбюро записку с предложением провести специальный пленум, посвятив его напряженному вопросу. Политбюро не среагировало. Неудивительно, что даже война за конов 1989 г. и парад суверенитетов в 1990 г. остались невостребованным предостережением.

Выделенные функции языковой реформы не являются игрой в дефиниции. Нельзя понять ее сути, если не видеть реформу в широком контексте глубоких демократических преобразований, как составную часть эволюции Союза от унитаризма к плюрализму, путь от единства страны к ее распаду. Между тем в литературе уже были предприняты, вольно или скорее невольно, попытки сужения сущности языковых реформ, снижения их социальной значимости, выведения их содержания из сферы политики в сферу культуры и языка.

Во-первых, вряд ли оправданно выводить предпосылки языковой реформы исключительно из недостатков языкового развития тех или иных национальностей, объяснять ее в качестве ответной реакции на ущемленные Кремлем условия для более широкого функционирования.

Во-вторых, главная задача законотворчества в ходе языковой реформы отнюдь не сводилась к «охране национальных языков», к «расширению их функций», к внедрению национальных языков в разные сферы общения, включая «делопроизводство», «книгоиздательство», «образование» и т. д.

В-третьих, подведение функционирования государственных языков под официальные законодательные нормы выводило республики из бесправного хаоса и было шагом к установлению демократических норм жизнеобеспечения разноязычного населения. То, что не все удалось на этом пути, — уже совсем другой вопрос, скорее не из сферы научной и политической, а из сферы организационной и практической. Поэтому принципиальное значение приобретает рассмотрение наряду с законами о языке и языках государственные программы по их реализации. Но это уже другой сюжет.

Если попытаться из всех перечисленных функций вывести равнодействующую, некий общий вектор, то таковым скорее всего окажется тенденция к распаду единого многонационального государства на мелкие самостоятельные государства.

Выступая в защиту провозглашения Украинской Республики (26 ноября 1917 г.) и национальной независимости Финляндии (31 декабря 1917—1 января 1918 г.), В. И. Ленин пытался отвести от большевиков приписываемый им грех разрушения сложившихся на протяжении веков экономических и культурных связей. «Нам говорят, — оправдывался В. И. Ленин в декабре 1917 г., — что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»¹.

Потребовалась железная воля И. Сталина и кровавая драма истории, чтобы сохранить СССР.

В сентябре 1990 г., выступая на Второй сессии Верховного Совета РСФСР, Б. Н. Ельцин афористично заявил: «...сколько возьмут республики на себя, сколько смогут они, может быть, это грубовато, властных функций проглотить, скорее всего реализовать, взять на себя, пусть берут»².

Выступая 11 июня 1993 г. на пресс-конференции перед журналистами в связи с 3-х летним юбилеем принятия Декларации о независимости России, он вернулся к этому своему высказыванию и в свое оправдание пояснил, что тогда он имел в виду не факт «пусть берут», а берут «сколько могут»³.

Итак, языковая реформа почти незаметно открыла новый виток в истории народов, населяющих одну шестую часть суши, и, как всякая реформа, оказалась переплетенной тугими противоречиями, тлеющими и разгорающимися конфликтами.

Мобилизованный этницизм безжалостно высветил страшный дефицит нравственности и солидарности. Обе названные ценности играют фундаментальную роль при установлении новых правил игры в межнациональных и межъязыковых отношениях. Важнейшая задача этих новых правил игры состоит в том, чтобы не только понимать и осознавать национально-языковые интересы, но и умело направлять их, координируя их в посткоммунистическом времени и в постсоветском пространстве.

Справедливая борьба бывших союзных наций за свои национальные интересы, в том числе путем утверждения легитимизированного лингвицизма, может легко переродиться в абсолютизацию этноязыкового фактора и открыть путь экстремизму, фанатизму, фашизму. Заблокировать этот теоретически возможный, но все же тупиковый путь развития можно только через «общее сопереживание», общее «сочувствие» — признание того, что и у национальных меньшинств, как и у других, в том числе бесстатусных, наций имеются свои национальные права, свои собственные национальные, языковые, культурные и иные ценности, традиции, интересы.

Взаимный учет национальных и инонациональных интересов, закрепление их внутри — и в межгосударственных правовых документах, является непременной основой установления мира между народами на основе права, нравственности и солидарности⁴.

Пьянящая радость избавления от иссушающего пролетарского интернационализма на глазах сменяется новым циклом — горьким похмельем кровавых неонациональных самоутверждений. И лишь в конце тоннеля едва проглядывается заря новой межнациональной солидарности, утверждению которой, по сути, и посвящается эта книга.

Раздел 2

УСЛОВИЯ, МЕХАНИЗМЫ, СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЗАКОНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Признание де-факто законов о языке (и языках) имело огромное значение, увы, как уже говорилось, не понятое и не осознанное Союзным Центром ни в конце 1989 г., ни через год после грянувшей вслед за языковой реформой национальной суверенизацией. И хотя каждый из языковых законов в Кремле воспринимали $\text{\textcircled{R}}$ стиснув зубы, все же не было явных признаков того, что московское руководство сумело доподлинно разглядеть содержащееся в них центробежное начало. Немаловажную роль при этом сыграл, по-видимому, тот факт, что на самых верхних этажах власти и растерянного партаппарата уже не было достаточно энергии и характера противодействовать обвальной законодательной ереси и остановить надвигающийся распад. Историкам предстоит еще основательно выяснять, хотел ли М. С. Горбачев распада или не хотел, несмотря на его неоднократные выступления уже после поражения, которое нанес ему Б. Н. Ельцин. Открыв эту слабость Центра не без удивления и скрытого опасения, а также вкусив сладость первых побед, местная этнократия, родом главным образом из недр управленческих структур и рядов творческой интеллигенции титульных наций, перешла в более решительное наступление, уже дезавуируя свое стремление к захвату и упрочению власти.

В сфере языковой жизни это выразалось в том, что надо было оплачивать авансы, т. е. передавать языковые дела из рук законодательной в руки исполнительной власти. Иными словами, необходим был мост от языкового законодательства к реализации новой языковой политики. На пороге будущей независимости лидеры национальных движений и часть переметнувшейся к ним партократии должны были сделать первые шаги по пути нового языкового строительства. Понятно, что для такого кардинального перехода нужны были подходящие условия, надежные люди, компетентные эксперты и адекватная объяс-

няющая идеология. Люди и идеи нашлись. От коммунистической к национальной идеологии переход оказался быстрым и относительно бескровным. А вот с деньгами дело оказалось хуже. Выявилось, например, что в некоторых союзных республиках налогоплательщики из числа нетитульной национальности, составляющие иногда до 40% населения, не захотели оплачивать языковое реформирование, повышающее приоритеты и престижность языка титульной нации. Для решения практических задач в забурлившем этнополитическом котле разбуженных республик вместе с языковыми законами, а в отдельных случаях до или после их принятия, стали разрабатываться государственные программы по их реализации.

Первый опыт по их внедрению представляет крайне важный интерес как с научно-методической, так и с организационно-практической точек зрения. Коротко говоря, языковое законодательство и меры по его воплощению стали нервным узлом, жизненно важной точкой пересечения интересов различных национальных, социальных и политических сил.

Эйфория первых дней после принятия закона о языке (или языках) начинала испаряться, и на смену ей приходило более углубленное понимание роли языкового ключа в межнациональных отношениях. Представители национальной интеллигенции, искренне заинтересованные в возрождении национальных языков, понимали, что правовое решение вопроса обязательно, но недостаточно, так как наряду с языковым законодательством большое значение должны иметь мероприятия государства, деятельность общественности, добрая воля тех, кто напрямую заинтересован в возрождении родного языка¹. Выданные векселя надо было оплачивать.

Обобщая предварительные итоги законодательного регулирования языковой жизни в СССР, В. Ю. Михальченко и А. С. Пиголкин выразили надежду в том, что принятые языковые законы, возможно, приведут к более цивилизованным и рациональным формам организации языковой действительности по сравнению с предыдущими десятилетиями. Вместе с тем они сочли необходимым, во-первых, указать на внутреннюю противоречивость и на тернистый путь этого процесса, сопровождаемого усилением локальных межнациональных напряженностей и затрагивающего личные судьбы многих некоренных жителей союзных республик; во-вторых, подчеркнуть зависимость гармонизации национально-языковых отношений в стране от умелого проведения в жизнь законов о языках².

В самом деле, повсеместно обнаружилось, что принять законы о языке (или языках) мало. Надо было создать надежные механизмы, рычаги, способы их претворения в жизнь.

К сожалению, сколько-нибудь серьезного опыта в этом отношении в ближайшем по времени большевистском наследии не оказалось, а тот, что был накоплен в 20-е годы, законодателям оказался неведомым, не востребуемым, да и вообще, похоже, не очень нужным. В самом деле, нельзя же было для целей демократизации извлекать из истории тот засекреченный опыт, что был наработан проводниками большевистской национализации — в начале и середине 20-х годов. Вряд ли в конце XX в. можно было рассчитывать на применение силовых (большевистских) методов при декларированном движении к демократии. Как будет показано в специальной книге, посвященной истории языковых реформ 20—30-х годов, по внедрению национальных языков в сферы общественной жизни — в делопроизводство, школьное образование, издательство, печать и в другие — в самом деле было немало сделано. Но было и другое.

В 1923 г. (9—12 июня) в Москве по инициативе И. Сталина было проведено четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей. На нем обсуждались меры по реализации курса национальной политики, выработанной состоявшимся ранее XII съездом РКП(б)³.

Когда выступающего с трибуны этого совещания представителя Туркестана спросили, почему в Туркестане до сих пор господствует русский язык, он назвал два фактора: во-первых, наличие во всех уездах, волостях и сельских органах переводчиков, умеющих говорить по-русски, и, во-вторых, то, что на русском языке легче писать, чем на местных языках. Тем не менее оратор, без особых колебаний, заверил высокое партийное совещание, что во всем Туркестанском крае в ближайшие два года будет осуществлен переход на местные языки. С теми же местными, кто не сможет расстаться со своей второй натурой писать по-русски, обойдутся без волокиты, по-большевистски, по-сталински ясно и быстро: не будешь писать — мы тебя арестуем⁴.

В конце 80-х—начале 90-х годов в бывших союзных республиках, взявших курс на демократизацию и установление правового государства, приобщать к местным языкам с помощью наработанных в 20-е годы мер (общественное порицание, аресты, изоляция и т. д.), понятное дело, было невозможно. Нужны были другие хотя бы по форме, цивилизованные, способы. Всем же, кто вырос из большевистского наследия, было нелегко находить оптимальные рычаги и меры: совмещать наработанную за истекшие почти семь десятилетий идеологию этнического национализма, основанную на доставшейся от XIX в. идее самоопределения наций путем создания на многонациональных тер-

риториях национального государства только для одной нации с манифестированным с обеспечением равных прав всем гражданам, независимо от их национальной принадлежности.

Параллельно с языковой реформой и суверенизацией на авансцену этнополитической жизни, как уже отмечалось, начала выдвигаться этнократия, вытесняя прежнюю партократию или в отдельных случаях, особенно на Востоке, уживаясь и сливаясь с ней, или перестраиваясь. Демократически проведенные выборы в Верховные Советы союзных республик открыли преимущественный доступ к власти идеологам и активистам национальных движений, лидерам, выросшим на волне деятельности народных фронтов⁵, а также бывшим партийным работникам.

Несмотря на всеобщие демократические выборы, новое вино попало в старые меха. И не успев как следует пригубить мед старых привилегий, новая власть, чтобы укорениться, принялась создавать для себя и своих сторонников новые льготы. И если накануне, в пору конфронтации с коммунистами, лозунги национальных и общественных движений были ориентированы на приоритет демократии перед государственным и партийным аппаратом, то попав в бюрократические кабинеты, новые демократы, едва переведя дух, заговорили сначала о сильной исполнительной власти, а иные затем обратили свои взоры и на опыт монархии. Сработали старые меха. Вместо интересов истинной демократии на передний план снова выдвинулись бюрократические интересы госаппарата. Все вернулось на круги своя, на круги чеканной ленинской формулы: «Государство — дубина. Когда же эту дубину стали перехватывать из одних рук в другие, например, в Москве, передел власти обернулся для России общенациональной трагедией.

На фоне и в контексте общей панорамы этнополитических тенденций имеет смысл обратиться к рассмотрению того, кто, как, зачем и для кого готовил государственные программы по реализации языкового законодательства, каковы источники их финансирования, способы внедрения, кого, когда, в каких сферах и как надо обучать государственному языку, откуда взять деньги, новые методики, новые кадры и как при этом балансировать новые приоритеты государственному языку с уже сложившимися историческими приоритетами русского языка как языка межнационального общения. Иными словами, необходимо проанализировать ход реализации языковой реформы в соответствии с новейшими законами и законодательными актами и наработанными в параллель с ними государственными программами. Научное освоение этого опыта позволит ввести в обращение невостребованные идеи и материалы, полезные как для каждой бывшей республики, так и для обновляю-

щейся Российской Федерации с ее грозно нарастающими проблемами межнациональных отношений.

Имеет смысл выделить несколько аспектов, и прежде всего правовой, организационный, политический, экономический, научный, педагогический, психологический, не упуская из поля зрения выявление движущих сил демократических преобразований и сил, блокирующих проведение реформ.

2.1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

В один из теплых июльских дней 1993 г. Генеральный директор департамента языка Эстонии Март Раннут, известный в прошлом социолог, один из соавторов эстонского закона о языке, а затем и первое лицо Эстонии, ответственное за соблюдение правил речевого поведения, установленных для населения республики этим самым законом, был оштрафован в Таллине на тридцать эстонских крон за неправильную парковку своего автомобиля. Как истинный европеец и тонкий блюститель закона, М. Раннут не стал спорить с сотрудниками дорожной службы, признал свою вину и выложил необходимую сумму. Однако на следующий день, выполняя долг и обязанности языкового министра, он отправил инспектора из вверенного ему департамента (министерства) в столичную дорожную инспекцию. Стражи порядка на автостоянках столицы, ставшие «обидчиками» господина генерального директора, были оштрафованы «языковым» инспектором на более крупную сумму за нарушение закона Эстонии о языке. Более того, дорожной службе было указано немедленно привести надписи на своих печатных и других документах в полное соответствие с предписаниями языкового закона¹.

Закон есть закон, и несоблюдение его господин Раннут объяснил халатностью и недостаточным уважением эстонцев к самим себе. Понятно, для того, чтобы закон «работал», надо, чтобы были надежные механизмы по его реализации и соблюдению, и надо, чтобы как минимум было создано министерство или, как его называли в Эстонии, — департамент языка, и, разумеется, назначен министр. Соучастие в создании языкового закона по справедливости открыло путь Марту Ранниту в кресло министра. Аналогичные случаи имели место и в других республиках бывшего Советского Союза.

Накануне принятия законов можно было бы разработать сколь угодно хорошую и справедливую в правовом отношении концепцию языковой

реформы и даже принять на ее основе вполне демократический закон. Однако и то и другое оказалось бы малоэффективным, если закон не будет подкреплён надёжными средствами реализации при структурах законодательной и исполнительной власти. Похоже, об этой стороне дела в течение 1989 г. и после заботились во всех бывших союзных республиках, но не везде осознали необходимость разработки дееспособных мер и выделения нужных финансово-материальных средств. Во всяком случае даже сами тексты законов дают некоторые основания для вывода об отсутствии ответственности за резкую смену курса языковой политики. Между тем языковой закон силен именно тем, в какой мере государство и общество его соблюдают.

Политические документы о языках народов СССР, о двуязычии и межъязыковых отношениях в немалом количестве принимались и до перестройки и, конечно, до языковой реформы-89. Но, как правило, дело дальше деклараций не продвигалось. Увеличение перечня постановлений не оказывало заметного влияния на развитие национальных языков. Без малого за два года до объявления латышского языка государственным языком в Латвии в августе 1987 г. были разработаны и приняты детализированные рекомендации по улучшению преподавания латышского языка, по укреплению принципов и позиций двуязычия. Первые шаги по реализации этого документа привели к некоторым успехам. На улицах Риги чаще стала звучать латышская речь, серьёзно были поставлены вопросы о необходимости резкого повышения уровня преподавания латышского языка в школах с русским языком обучения, о расширенной подготовке преподавателей латышского языка, о научно-методическом оснащении обучения этому языку. Тем не менее едва наметившиеся сдвиги в латышском этноязыковом движении прекратились, а само это хилое движение заглохло. Причиной этому послужила страусовая политика и уклончивая позиция, занятая ответственными партийными и советскими работниками. Неокоренизация не состоялась и даже не началась. Она получила лишь какой-то внутренний, скорее психологический, импульс. Встретившись с первыми трудностями, должностные лица бывшей Союзной республики легко отступились от необходимости оказания реальной помощи латышскому языку и тем, кто захотел бы им овладеть.

Политическое решение, принятое 6 октября 1988 г., о придании латышскому языку статуса государственного, разумеется, сыграло большую роль в осознании необходимости поддержки и укрепления его законодательным актом, а затем и созданием соответствующих структур как при законодательной, так и при исполнительной власти.

ПРИБАЛТИКА

В двух республиках Прибалтики — в Эстонии и Латвии — законами о языке были созданы специальные комиссии при Президиумах Верховных Советов: соответственно, «Комиссия по защите языка Президиума Верховного Совета Эстонской ССР» (статьи 37, 39) и «Языковая Комиссия Президиума Верховного Совета Латвийской ССР» (статья 21).

Наряду с контролем за исполнением закона Эстонии о языке на Комиссию по защите языка этим же самым законом была возложена чрезвычайно важная совещательная функция по согласованию с Советом Министров Эстонии перечня специальностей и должностей, для которых устанавливались (статья 4) требования по владению государственным языком, условия аттестации, определения уровня языковой компетенции при заключении трудовых договоров между лицами и предприятиями, порядки обучения языкам и сроки введения в действие тех или иных статей закона.

Аналогичной по правовому статусу Комиссии, созданной Латвийской ССР, были приданы более скромные, скорее — информативные функции: ей предписывалась роль наблюдательницы за соблюдением закона о языке.

Выше уже упоминалось, что при Совете Министров Эстонской Республики был учрежден языковой департамент Эстонской Республики. В перечень его функций и полномочий были включены следующие обязанности:

- 1) скоординированная разработка языковой политики совместно с комиссией языковой защиты Президиума Верховного Совета Эстонской Республики и компетентными в языковой политике учеными;
- 2) изучение социолингвистических процессов и выработка рекомендаций по их регулированию в нужном направлении;
- 3) контроль и анализ хода выполнения языкового закона и разработка соответствующих предписаний;
- 4) подготовка предложений для дальнейшего развития законодательства по воплощению языковой политики и для наблюдения за языковым законом;
- 5) координация комиссий по языку, управлению и терминологии, по созданию и регистрированию терминов, утверждению языкового оформления геральдики и символов;
- 6) упорядочение языкового обучения и развитие методов обучения;
- 7) контроль над переизданием словарей.

Для успешного решения вышеперечисленных задач сотрудники языкового департамента должны были быть готовыми развивать сотрудничество

с иностранными государствами и международными организациями, принимать участие в организации сбора и разработке соответствующей базы данных, организовывать и участвовать в научных исследованиях и в выработке прогнозов, отчитываясь при этом о своей работе перед Комитетом по Языковой защите Верховного Совета Эстонской Республики.

Ясно, что без широких прав эти задачи были бы департаменту не под силу.

В связи с этим языковой департамент в рамках своей компетенции был наделен следующими правами:

1) получать необходимые для своей работы данные в Эстонских республиканских министерствах, госдепартаментах и инспекционных службах, местных органах управления и их департаментах, предприятиях и организациях и, наконец, от ответственных и частных лиц;

2) вести переговоры, заключать контракты и соглашения с должностными и частными лицами Эстонской республики и других государств;

3) создавать, принимать участие в реорганизации и ликвидации в установленном порядке своих учреждений, организаций, фондов и специальных фондов и предписывать порядок работы специальных фондов;

4) осуществлять контроль за исполнением эстонских республиканских языковых актов, предписаний, директив и декретов и контролировать их соблюдение;

5) участвовать в создании постоянных и временных комиссий; советов и комитетов, прибегая при этом к помощи и услугам специалистов на основе заключенных контрактов².

В Литовской ССР контроль за ходом выполнения Указа Президиума Верховного Совета Литовской ССР осуществляет Совет Министров республики, при котором был сформирован Департамент по делам национальностей. В нем, как упоминала генеральный директор департамента Галина Кобецкайте, разрабатывалась программа «Быть вместе», нацеленная на тесную интеграцию в литовское общество людей разных национальностей. Важная составная часть этой программы — приобщение к литовскому языку и повышение роли национально-культурных обществ в процессах возрождения национального самосознания народов, пробуждение чувств национального достоинства³.

Ответственность за непосредственное воплощение в жизнь предписаний языковых законов была в ходе реформы возложена в Эстонской ССР на «руководителей учреждений государственной власти и государственного управления, а также учреждений, предприятий и организаций Эстонской ССР», в Латвии предусматривалось, что «учреждения или

организации сферы обслуживания, в обязанности должностных лиц или работников которых входит общение с гражданами, должны возместить гражданину вред, причиненный соответствующим должностным лицом или работником сферы обслуживания вследствие незнания латышского или русского языка». В Литовской ССР ответственность за выполнение предписаний «Указа Президиума Верховного Совета Литовской ССР об употреблении литовского языка Литовской ССР» была возложена на руководителей министерств, ведомств, Советов народных депутатов и их исполкомов, предприятий, учреждений и организаций.

МОЛДОВА

Молдавский закон возложил контроль за соблюдением законодательства о функционировании языков на территории Молдавской ССР на ее Верховный Совет и на специальную созданную комиссию. В тексте закона не определены ни полномочия, ни функции, ни ранг Комиссии, ни даже ее официальное название.

Вместе с тем молдавский закон предусмотрел организацию всесторонней государственной защиты языков. Во-первых, в одной из его статей устанавливается персональная ответственность руководителей органов государственной власти, государственного управления и общественных организаций, а также предприятий и учреждений, расположенных на территории Молдавской ССР, за несоблюдение требований языкового закона (статья 30), во-вторых, граждане республики привлекаются к ответственности за «пропаганду вражды, пренебрежения к языку любой национальности», за создание препятствий для функционирования государственного языка и других языков на территории республики, а также за ущемление прав граждан по языковым мотивам (статья 31).

В первой половине 1992 г., немногим более чем через 3 года после принятия законов о языках, решением Парламента был создан государственный департамент по языкам Республики Молдова с целью следить за претворением в жизнь закона о функционировании языков. Генеральным директором (министром) «языкового» департамента был назначен Ион Чокану, который сосредоточил внимание на систематических проверках того, как руководители учреждений соблюдают предписания языковых законов. Повторные инспекции, проведенные этим ведомством в штабе гражданской обороны, Министерстве торговли и материальных ресурсов, дорожно-строительном участке, обществе охотников и рыболовов дали возможности Иону Чокану докладывать в особом меморандуме Президенту Республики и Председателю

Парламента об устранении обнаруженных нарушений закона. Действительно, ко времени второй проверки инспеклируемые ведомства частично перевели канцелярскую документацию с русского на государственный язык, дверные таблички и различные лозунги перевесили, снабдив их надписями на государственном языке, печатные машинки со старым (на кириллице) шрифтом заменили машинками с латинским шрифтом, составили планы перевода документации и полного перехода на государственный язык.

Ревностное служение языкового департамента букве языкового закона вызвало неоднозначную оценку общественности республики: одобрение одних и протест других. Депутат Парламента Молдовы Владимир Солонарь, в частности, объявил действия департамента противоречащими здравому смыслу. Последствия, по его мнению, очевидны: «нарастание межнациональной напряженности при некоторой установившейся стабильности, провоцирование эмиграции русских кадров (утечка мозгов из Молдовы наблюдается и на запад и на восток), ухудшение отношений с Россией, на которую на 90% ориентирована молдавская экономика»⁴. От чрезмерности усердия в инспекционной деятельности языкового департамента директор хлебокомбината оправдывался по республиканскому радио, что он, как директор, дескать, не в состоянии определить речевое поведение вверенного ему коллектива, а по жалобе подчиненной заведующий отделом получил выговор за то, что позволил себе разговаривать на негосударственном языке в рабочее время. Эти и подобные факты породили у наблюдателей мрачный прогноз реального превращения гуманитарного языкового департамента в охранное ведомство и далее по логике вещей — в департамент языкового сыска⁵.

БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА

Специальный контроль за исполнением белорусского закона «О языках в Белорусской ССР» не учреждался. Но в отличие от некоторых других языковых законов, в нем была выделена особая статья 6 об «Организации исполнения закона о языках в Белорусской ССР». Согласно этой статье, «организация исполнения закона о языках в Белорусской ССР возлагалась на Совет Министров Белорусской ССР и исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов»⁶.

Организация внедрения и соблюдения закона о языке в Белорусской ССР (что отражено в особой статье 6 закона) было возложено на Совет Министров республики и на исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов. Как и в соседней Украине, специальным

Постановлением Верховного Совета Белорусской ССР «О языках в Белорусской ССР» (от 26 января 1990 г.) перед Советом Министров БССР была поставлена задача «разработать и к 1 сентября 1990 г. принять «Государственную программу развития белорусского языка и других национальных языков в Белорусской ССР»⁷. Одновременно была создана представительная комиссия из 44 человек, возглавляемая Заместителем Председателя Совета Министров БССР Н. Н. Мазаем. Над стратегией развития белорусского языка работали видные ученые и общественные деятели республики, юристы, специалисты различных отраслей народного хозяйства, представители разных национальностей, проживающих в пределах республики. Ряд предложений в разработку «Программы» внесли писатель Борис Саченко, поэт Нил Гилевич, ученые Николай Бирилло, Александр Подлужный, Николай Евневич.

После двухлетнего согласования проекта государственной программы с министерствами и ведомствами БССР, общественными организациями и творческими Союзами она была утверждена постановлением Совета Министров БССР от 20 сентября 1990 г. и опубликована в печати⁸. Одновременно перед министерствами и ведомствами, сопричастными «языковым делам», была поставлена задача по реализации закона о языках и программы.

Украинские законодатели также не предусмотрели создание какой-либо особой комиссии по организации контроля за ходом выполнения закона о языках и защиты языков. Соответствующей статьей закона функция контроля была передана в ведение Совета Министров Украинской ССР. Вместе с тем специальным Постановлением Верховного Совета Украинской ССР от 28 октября 1989 г. «О порядке введения в действие закона Украинской ССР «О языках в Украинской ССР» Совету Министров Украинской ССР было поручено «разработать и до 1 июля 1990 г. принять «Государственную Программу развития украинского языка и других национальных языков в Украинской ССР на период до 2000 года»⁹. Накануне принятия указанного постановления, 5 сентября 1989 г., в газете «Правда Украины» был опубликован проект закона «О языках в Украинской ССР». Одновременно от имени одной из Комиссий Верховного Совета УССР было сказано о том, что должны быть разработаны конкретные меры, направленные на кадровое, материальное и организационное обеспечение реализации всех положений закона¹⁰.

КАВКАЗ

Как уже отмечалось, в трех закавказских республиках — Армении, Азербайджане и Грузии — еще в 1978 г. конституционным путем были

приданы статусы государственных языков каждому языку титульной нации — армянскому, азербайджанскому, грузинскому. Тем не менее эти республики не остались в стороне от начавшегося в других союзных республиках языкового движения. Всего за полмесяца во второй половине августа 1989 г. были подготовлены и опубликованы: проект постановления ЦК компартии Армении «О мерах по дальнейшему улучшению употребления и всестороннему применению армянского языка»¹¹, Постановление ЦК компартии Азербайджана «О мерах по обеспечению более активного функционирования азербайджанского языка как государственного в Азербайджанской ССР»¹², а также совместное постановление ЦК компартии и Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, Совета Министров Грузинской ССР «О государственной программе грузинского языка»¹³. Контроль за выполнением государственной программы грузинского языка был возложен на секретариат ЦК КП Грузии, Президиум Верховного Совета и Президиум Совета Министров Грузинской ССР. Перед всеми организациями и ведомствами, которых касались предусмотренные программой мероприятия, была поставлена задача до конца 1989 г. «представить в Совет Министров Грузинской ССР конкретные планы выполнения мероприятий с указанием сроков»¹⁴.

В соответствии с «Государственной Программой грузинского языка» при Верховном Совете Грузинской ССР создавалась специальная комиссия для осуществления контроля над функционированием грузинского языка в качестве государственного. При Совете Министров создавалась еще одна «Постоянная государственная комиссия по грузинскому литературному языку». Она наделялась полномочиями осуществлять контроль над функционированием грузинского литературного языка.

При исполкомах Советов народных депутатов во всех городах и районных центрах создавались Комиссии «по консультации и надзору за функционированием и защите чистоты грузинского литературного языка»¹⁵.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН

Законы о языках, принятые в республиках Средней Азии и Казахстане, вызвали к жизни новые бюрократические учреждения. Законом «О государственном языке Узбекской ССР» контроль по соблюдению за статусом узбекского языка был возложен на Верховный Совет и на постоянную Комиссию Верховного Совета по языку. И хотя в самом законе не расшифрованы функции этой Комиссии, ее полномочия были обозначены в достаточно широких пределах. Ответственность за со-

блюдене требований языкового закона по этому же закону возлагалась на руководителей учреждений государственной власти и государственного управления, а также на руководителей остальных учреждений, предприятий и организаций Узбекской ССР (статья 28).

Для защиты и охраны киргизского языка, других языков населения в структуре управления делами Совета Министров Киргизской ССР было создано специальное подразделение для организации работы и контроля за выполнение закона Киргизской ССР «О государственном языке Киргизской ССР».

Контроль за выполнением языковых законов Таджикистана, Туркмении и Казахстана возлагается соответственно на Верховный Совет Таджикистана (статья 37)¹⁶, на Верховный Совет Туркменской ССР и на его комитеты (статья 36)¹⁷, на Верховный Совет Казахской ССР и на Совет Министров Казахской ССР (статья 35)¹⁸.

Предусмотренное законами Казахстана и Таджикистана кадровое, материально-техническое, финансовое и учебно-методическое обеспечение реализации положений законов возлагалось на Советы Министров этих республик.

В марте 1987 г. в Казахстане были приняты Постановления ЦК компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР «Об улучшении изучения казахского языка» и «об улучшении изучения русского языка». Однако реализация подписания этих документов продвигалась с трудом, поэтому в середине 1989 г. правительству республики пришлось рассмотреть и утвердить дополнительные мероприятия по выполнению упомянутых постановлений. Но и этого оказалось мало. Никакие директивы «не работали», пока не было законодательной основы! После принятия закона «О языках в Казахской ССР», часть упомянутых мероприятий, в том числе по уточнению сроков ввода делопроизводства на казахском языке по районам в зависимости от численности проживающего в них казахского населения, были приведены в соответствие с требованиями закона¹⁹.

На трудности, поджидающие воплощение языковой реформы, указывали многие специалисты. И чем меньше реформаторы в республиках считались с реальной этноязыковой ситуацией и профессиональным мнением ученых, степенью готовности национального языка немедленно или в укороченные сроки взять на себя новые функции государственного языка, тем больше неожиданностей их подстерегало в ходе реализации законов и государственных программ.

Годовщина принятия закона о государственном языке в Киргизии дала основание, например, задуматься над тем, правильно ли расходуют-

ся выделенные на внедрение государственного языка средства? Было высказано, в частности, опасение, что выпущенные за это время двуязычные словари, разговорники и пособия не удовлетворяют ни количеством, ни качеством, сложны для использования на начальном этапе изучения киргизского языка²⁰.

По логике вещей, казалось бы, в комиссиях и комитетах, департаментах и министерствах, созданных при парламентах, верховных советах и правительствах бывших союзных республик, ставших независимыми государствами, должны оказаться лица, отвечающие за «взаимоотношения» языков национальных меньшинств, или нетитульного населения с государственным языком, эксперты, знакомые с «правилами игры», т. е. с законодательными актами и правительственными указами и инструкциями. Однако поименные списки сотрудников вновь образованных структур не всегда позволяют выявить представителей нетитульной национальности в составе тех или иных структурных подразделений.

Так, например, в списках комитетов Сейма Литовской Республики, опубликованных газетой «Эхо Литвы» в декабре 1992 г., трудно обнаружить хотя бы одну русскую фамилию. Даже в специальных комитетах, имеющих прямое отношение к языку и этничности, в том числе в Комитете по правам человека и гражданина и по делам национальностей²¹ и в Комитете по образованию, науке и культуре, таких фамилий не сыскать²².

Наряду с новыми бюрократическими структурами, созданными при органах законодательной и исполнительной власти для слежения за ходом реализации языковых законов и их соблюдением, в новых независимых государствах на высоком правительственном уровне создавались государственные инспекции и специальные квалификационные комиссии по определению уровня владения государственным языком. Так, например, в Литве, в соответствии с ее законом о государственном языке, было принято специальное постановление правительства, в котором перечислялись должности, для занятия которых претендент должен был сдавать экзамен по литовскому языку. Были выделены три категории. Самые минимальные требования предъявлялись лицам, работающим на почте, в банке, в магазинах, в ресторанах, а также в качестве низшего медицинского персонала. Ко второй категории были отнесены лица, составляющие средний медицинский персонал. В наибольшей степени литовским языком обязаны владеть руководители высшего звена, претендующие на кабинеты в высших органах государственной власти и управления, желающие попасть в новую номенклатуру министерств, департаментов, городских самоуправлений.

Инспекция по государственному языку, как сообщалось в печати ее начальником Донатасом Смалинскасом, сформировала десять региональных подкомиссий, а также подготовила тесты. Все лица, желающие «управлять» государством, или занять другие престижные должности, должны сдать экзамен и предъявить удостоверение²³.

Иными словами, к осени 1992 г. языковой фильтр, предназначенный сортировать людей по одну и другую стороны государственного языка, был готов к действию. Вместо сломленного и отброшенного старого коммунистического аппарата возникла новая власть, сформировался новый аппарат на этнографической основе. Частью этого аппарата стали «языковые ведомства».

Усилия языковых реформаторов не пропали даром. Возвращенное на ниве языковой реформы и последовавшей суверенизации новое дерево «языковых» бюрократических учреждений²⁴, т. е. власти канцелярий — комиссий, инспекций, комитетов, департаментов, министерств быстро набрало свою плодоносную силу. Государственный язык открыл новые рабочие места. В новые бюрократические кабинеты двинулись носители государственного языка.

Наблюдения за деятельностью новых административно-бюрократических структур, призванных инспектировать и жестко контролировать языковое поведение людей (переход на обязательный государственный язык), порождают тревогу по поводу реальной угрозы нового проявления известного «эффекта Паркинсона»²⁵, суть которого в монополии власти, чиновничества в политической, экономической и социально-культурной сферах общества. На этой основе вырастает механизм властей, стоящих над волей народа, над самим народом.

Более того, за спиной «эффекта Паркинсона» замаячила еще она зловещая тень, вырастающая уже из нашей советской истории. Мстительная акция эстонского департамента языка по отношению к службам автомобильного движения в Таллине, «Особые комиссии», создаваемые в Латвии на предмет выявления «способности» русскоязычного населения, признаки превращения молдавского языкового департамента в «охранное ведомство» — эти и подобные примеры эволюции новых механизмов языковой коренизации вызывают отнюдь не оптимистические ассоциации.

2.2. КТО И КАК ГОТОВИЛ ЗАКОНЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

Заведующий идеологическим отделом ЦК компартии Украины, будущий Президент Украины Леонид Кравчук в 1988 г. по партийному заданию

прибыл во Львов для выяснения отношений с местной украинской интеллигенцией, взявшей на себя неслыханную смелость рассуждать о необходимости национального возрождения, национального суверенитета и выхода Украины из состава СССР. Собрав в Львовском обкоме КПУ известных писателей, журналистов, видных представителей управленческой и творческой элиты, высокий гость из Киева обратился к ним на привычном русском языке. Но когда зал протестуя загудел, Кравчук извинился и легко перешел на добротную украинскую мову. Рассказывают, что после этого случая он не допускал больше подобных проколов и даже стал одним из создателей закона Украинской ССР «О языках в Украинской ССР»¹.

Если бы языковое реформирование состояло из одного только лингвистического аспекта, охватывающего преимущественно структурные стороны языка (лексика, морфология, грамматика, письменность), то по логике вещей следовало бы ожидать, что в ее подготовке и проведении должны принимать участие специалисты, и прежде всего языковеды.

Если бы главная цель сводилась к пересмотру функциональной стороны дела, то и в этом случае надо было ожидать присутствия в рядах реформаторов прежде всего социолингвистов, этнологов, этносоциологов.

Однако даже беглое знакомство с историей и ходом подготовки законов о языке (языках), с ролью тех, кто инициировал реформу, готовил ее теоретические и идеологические постулаты, показывает, что языковая реформа задумывалась и реализовывалась гораздо шире структурных и функциональных аспектов языка. Для реформы в более широком смысле нужны были в одних рядах с языковедами и правоведами. Между тем в стране не было специалистов по правовым аспектам урегулирования межъязыковых отношений. Более того, в мировой практике только во второй половине 80-х годов возникло движение (включая научные, организационные и координационные аспекты) за разработку и установление языкового права.

Межъязыковые отношения нуждались в защите закона, однако именно такого закона не было. Надо было начинать практически с нуля.

Отсутствовал хорошо отлаженный научный и организационный механизм изучения взаимосвязи между языковой и политической ситуациями. В странах с развитой индустрией изучения общественного мнения по конкретным вопросам требуется едва ли не одна-две недели для составления вопросника, разработки и размещения выборки и получения конечного продукта — обобщений и рекомендаций. Нашим языковым реформаторам мог только сниться такой уровень социологической службы.

ПРИБАЛТИКА

Колыбелью первого языкового закона и всей языковой реформы стала Эстония, первая среди других союзных республик тогда, тревожной осенью 1988 г., приступившая к штурму бастионов власти Центра, избрав полем боя этноязыковую ситуацию, а знаменем сражения — отстаивание и сохранение этничности, т. е. самосохранение своей самобытности, сбережение национальной культуры и национального языка.

Эстонские лидеры и теоретики, пожалуй, первыми пошли на риск, поверив в либерализм М. С. Горбачева, положившись на серьезность его намерений реформировать существующую систему, поверив в долговременность взятого им курса, курса на детоталитаризацию. Если же допустить, что в то время сам М. С. Горбачев не рассчитал или не подозревал, куда приведет его курс, то тем более ценна инициатива прибалтийских лидеров, выбравших удачный момент и удачный инструмент для движения к независимости.

Существенными этапами в подготовке эстонского закона о государственном языке стали два важных события: во-первых, конституционная поправка (16 ноября 1988 г.), согласно которой Эстонская ССР была объявлена суверенным государством, во-вторых, объявление 7 декабря того же года эстонского языка государственным языком республики.

Для подготовки проекта законодательного акта Эстонским Парламентом была создана официальная комиссия. Однако, как сказал однажды Ю. Лотман, подготовка проекта закона о языке стала одним из мероприятий Эстонского Народного Фронта². В самом деле, не доверяя правительственной комиссии, параллельно с ней, неофициальным путем стала готовить альтернативный проект языкового закона неофициальная (неформальная, по терминологии того времени) группа лингвистов и юристов, состоящая из 7 человек. Используя зарубежный юридический опыт языкового законодательства, в том числе опыт языковой политики соседней Финляндии и Швеции, а также заокеанского Квебека, неформальная группа представила свой вариант закона раньше, чем официальная.

Проект закона Эстонии «О языке» был опубликован сначала 30 октября 1988 г., затем 10 декабря и, наконец, принят эстонским парламентом 18 января 1989 г. Окончательный вариант закона оказался, мягко говоря, компромиссным между рекомендациями, предложенными официальной комиссией, и разработками неформальной группы. Между публикациями двух вариантов проектов Эстонского закона о языке в Президиум Верховного Совета республики и в другие республиканские ведомства поступило свыше 10 тыс. писем, под которыми

поставили свои подписи более 300 тыс. человек, в том числе 290 тыс. «за» и около 19 тыс. — «против».

Для разработки законодательного акта об употреблении латышского и других языков в Латвии, как и в соседней Эстонии, была создана специальная комиссия из 24 членов, работой которой руководила филолог Айна Блинкена. В состав комиссии были включены специалисты различных профессий, в первую очередь языковеды и юристы. Вошли в нее и представители различных национальностей. ЦК Компартии Латвии делегировал своих представителей в состав подготовительной рабочей группы, в том числе Л. М. Калинина, В. П. Варнаса, В. В. Жаркова.

Разработанные Комиссией по подготовке законопроекта Латвийской ССР об употреблении языков проекты двух законов: «О дополнении Конституции (Основного Закона) Латвийской ССР» и «О языках», а также проект постановления Верховного Совета республики «О порядке введения в действие закона Латвийской ССР о языках» были рассмотрены и одобрены Президиумом Верховного Совета Латвийской ССР и опубликованы для народного обсуждения 1 февраля 1989 г.³

Население республики проявило большой интерес к обнародованным законопроектам. В Президиум Верховного Совета Латвии и в общественные организации поступило около 7 тыс. индивидуальных и коллективных писем, подписанных более чем 331 тыс. граждан. Среди 27 606 предложений был выдвинут ряд конструктивных, конкретных и оригинальных идей⁴.

10 апреля 1989 г. Президиум Верховного Совета Латвии еще раз рассмотрел и одобрил усовершенствованные проекты документов и снова опубликовал их в печати⁵, сопроводив повторную публикацию объяснительным аналитическим обзором — комментарием «К проекту закона Латвийской ССР о языках»⁶.

Новая редакция законопроекта вобрала в себя ряд существенных поправок. Более простой и ясной стала структура закона. Вместо 37 статей, содержащихся в первом проекте, во втором число статей было доведено до 22. заново была написана преамбула, определяющая концепцию языковой реформы и содержащая обоснование необходимости языкового реформирования в республике.

Центральное место в новом законопроекте занял раздел, определяющий языковые права и языковые обязанности граждан Латвии. Был намечен круг должностных лиц, «в обязанности которых входит сношение с гражданами» и к которым предъявлялось требование быть двуязычными, т. е. знать и употреблять как латышский, так и русский

язык в том объеме, какой необходим для выполнения их профессиональных обязанностей. До того, как через установленных законом 3 года вступит в силу действие закона о языковых обязанностях должностных лиц, органам государственного управления следовало решить две фундаментальные задачи: 1) определить категории тех работников, в обязанности которых входит сношение с гражданами и 2) установить объем знаний государственного языка, необходимый для исполнения их профессиональных обязанностей.

Накануне сессии Верховного Совета Латвии был проведен пленум ЦК компартии Латвии. Наряду с первыми секретарями горкомов, райкомов партии, председателями гор- и райисполкомов, руководителями министерств, госкомитетов, представителями комсомольских и профсоюзных органов на Пленум были приглашены руководители Народного и Интернационального фронтов, не являющиеся членами ни ЦК, ни Ревизионной комиссии. Широкие возможности для участия в работе Пленума и освещения хода дискуссии получили работники средств массовой информации. Центральное место в повестке дня Пленума заняло рассмотрение двух вопросов: 1) о мерах по радикальному улучшению изучения латышского языка населением республики и 2) о проекте закона Латвийской ССР о языках.

С обстоятельными докладами на Пленуме выступили Председатель Совета Министров Латвии В. Г. Бресис («К закону о языках — на основе сотрудничества и консолидации») и Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР А. В. Горбунов⁷. Как и следовало ожидать, на Пленуме было продолжено обсуждение наиболее чувствительных для различных групп населения Латвии положений из проекта закона «О языке». Пожалуй, наибольшие возражения вызвала устанавливаемая проектом закона норма относительно языковых обязанностей должностных лиц, от которых в законодательном порядке требовалось знание и применение двух языков, т. е. потенциальное и реальное двуязычие. Согласно одной точке зрения, декретированное обязательное двуязычие вступало в противоречие с конституционными правами граждан, включая право на труд и право на свободный выбор профессии. Сторонники другой точки зрения, напротив, настаивали на том, что обе Конституции — и СССР и Латвийской ССР — гарантировали право на труд, при этом в соответствии с призванием каждого, в зависимости от индивидуальных способностей, уровня профессиональной подготовки и уровня образования. Логика подобных рассуждений сводилась к тому, что законодательное требование двуязычия от должностных лиц не противозаконно в той мере, в какой знание

второго языка входит в квалификационный состав тех профессий, обладателям которых приходится иметь контакты с людьми.

О влиянии на латышский закон народного фронта Латвии свидетельствует близкое, почти текстуальное совпадение ключевых требований программы НФ и текстов двух проектов и самого закона Латвии «О языках». Приведенные в табл. 8 сравнительные выписки относительно обоснования необходимости принятия закона о языке, регламентации языковых прав граждан и языковых обязанностей должностных лиц, статусов латышского и русского языков, а также отношении к проблем национальных меньшинств не требуют особого комментария.

Таблица 8

Ключевые положения о языках в программе народного фронта Латвии, в проектах и в законе Латвии «О языках»

Программа Народного фронта Латвии. Октябрь 1988 г.	Проекты закона о языке		Закон Латвийской ССР «О языках». Май 1989 г.
	I — февраль 1989 г.	II—апрель 1989 г.	

I. Преамбула

I. Преамбула «...латышский народ имеет в республике статус коренной нации, ибо Латвия является исторической территорией латышей, единственным местом в мире, где могут сохраняться и развиваться латышская нация, латышский язык, латышская культура»

I. Преамбула идентична с преамбулой принятого закона

I. Преамбула «Латвия — единственная этническая территория в мире, которую населяет латышский народ. Одной из главных предпосылок бытия латышского народа, существования и развития его культуры является латышский язык».

II. Языковые права и языковые обязанности

«...Граждане, обращаясь в государственные органы, учреждения, организации, предприятия Латвийской ССР, могут пользоваться как латышским, так

«В отношениях граждан с государственными органами, а также с учреждениями, предприятиями и орга-

Текст идентичен тексту «закона» «...язык общения, информации

«В отношениях с органами государственной власти и государственного управления, а также с учреждениями, предприятиями и организациями язык общения, информа-

и русским языком и получать официальные документы на любом языке по своему выбору».	низациями языка общения, информации и документов выбирает гражданин». Ст. 6.	и документов выбирает гражданин» Ст. 4.	ции и документов — латышский или русский— выбирает гражданин». Ст. 4.
---	--	---	---

III. Отношение к языковым правам национальных меньшинств

«НФЛ призывает правительство Латвии обеспечить... национальные меньшинства на территории Латвии необходимыми условиями для их национального самосохранения».	«...поощряется также развитие других национальных культур на родном языке». Ст. 25. «На латышском письменном языке и говорах латышского языка могут публиковаться научные труды». Ст. 26.	Текст идентичен тексту «закона».	«...гарантируется употребление латышского языка, включая говоры и латгальский письменный язык, во всех областях культуры. Государство также гарантирует сохранение и развитие культуры ливов на ливском языке. В Латвийской ССР обеспечивается развитие и других национальных культур на родном языке». С. 15.
--	--	----------------------------------	--

IV. Статусы языков

1. «НФЛ требует закрепить за латышским языком в Конституции Латвийской ССР статус государственного языка.		Текст идентичен тексту «закона».	«...государственным языком Латвийской ССР является латышский язык». Ст. 1.
2. «В качестве средства межнационального общения граждане могут использовать латышский, русский и другие языки по взаимной договоренности».	«Русский язык в Латвийской ССР является наряду с латышским языком одним из средств межнационального общения». Ст. 4.	Текст идентичен с текстом «закона».	«В законе принимается во внимание, что русский язык после латышского языка является наиболее широко употребляемым языком в Латвийской ССР и одним из языков межнационального общения». Преамбула.

На утверждение литовского языка в качестве государственного языка сильное влияние оказала позиция Саюдиса, родившегося летом 1988 г. и самоопределившегося в качестве Народного фронта (гражданского движения литовского народа), ориентированного на обретение суверенитета и независимости. В одной из резолюций, принятой 13 ноября 1988 г. во время первой сессии Сейма Саюдиса, была выдвинута задача обеспечить употребление литовского языка как официального в государственных учреждениях и общественных организациях, в системе образования и культурной жизни Литвы, сделав его основным языком государственных законодательных и общественных мероприятий, обеспечить обучение литовскому языку всех граждан Литовской ССР⁸.

Позднее, в апреле 1992 г. Временная комиссия Верховного Совета Литовской Республики, подготовившая и представившая на усмотрение депутатов проект Новой Конституции Литвы, включает отдельной статьей положение о литовском языке как о государственном. В этой же статье устанавливается регламент употребления других языков в государственных и иных общественных учреждениях законом о государственном языке⁹.

УКРАИНА

Два обстоятельства оказывали сильнейшее влияние на рождение и вхождение в жизнь закона «О языках в Украинской ССР»; во-первых, это многонациональный состав населения крупной республики, с ее 52 млн. жителей, в том числе с 37,4 млн. украинцев, составляющих второе после русских славяноязычное большинство в Европе, во-вторых, напряженная борьба за власть между более сильным, чем в Прибалтике, партаппаратом Украины и более слабым размахом украинского национального движения.

Партаппарат вместе с комиссиями Верховного Совета Украины, хорошо изучив опыт языкового реформирования в Прибалтике, внимательно приглядевшись к языковым баталиям в Молдавии и осознав роль идеологии национального языка, как нового знамени взамен пошатнувшейся коммунистической идеологии, перехватил инициативу у маломощного еще в середине 1988 г. украинского национального движения.

Две комиссии Верховного Совета Украины — по вопросам патриотического и интернационального воспитания и межнациональных отношений и по образованию и культуре — 9 ноября 1988 г. выступили с инициативой о внесении дополнений в Конституцию Украинской ССР в части предоставления украинскому языку статуса государственного языка.

Изучив предложения комиссий, испытывая постоянное давление укрепляющего свои позиции украинского национального движения, Президиум Верховного Совета поручил комиссиям Верховного Совета подготовить предложения о внесении соответствующих дополнений в Конституцию Украинской ССР и разработать проект закона «О языках в Украинской ССР». Считаясь с глубокой озабоченностью части украинской национальной интеллигенции состоянием, в котором оказался десоциализированный украинский литературный язык, комиссии Верховного Совета пригласили к участию в разработке проекта закона депутатов Верховного Совета УССР, научных сотрудников учреждений АН и ученых вузов республики, работников партийных и советских органов, органов просвещения, культуры, юстиции, общественных организаций, представителей различных национальных групп населения. Одновременно были изучены законодательные акты о языках, разработанные или уже принятые в других союзных республиках, рассмотрены предложения, содержащиеся в письмах граждан и общественных организаций, поступивших в адрес ВС Украины, в адрес партийных органов, в редакции газет и журналов. Положительную роль сыграло наличие в столице республики специалистов, хорошо знающих этнополитическую и этноязыковую ситуацию в зарубежных странах; были учтены рекомендации, содержащиеся в научных публикациях по языковым проблемам, а также использован опыт решения языковых и национально-языковых проблем в других странах. Через 10 месяцев, 5 сентября 1989 г., проект закона был опубликован в печати, а 28 октября 1989 г. принят Верховным Советом Украины. Словом, от инициативы комиссий Верховного Совета до публикации принятого закона прошел ровно год¹⁰.

Несмотря на разрозненность усилий, нечеткость конституционных платформ, стихийность в организации антиправительственных акций, украинское национальное движение постоянно оказывало заметное давление на тех, кто под государственной или партийной крышей готовил закон о языках Украины. О горячем дыхании улицы в окна кабинетов Верховного Совета УССР, где ломали голову над статьями закона депутаты и дипломированные эксперты, свидетельствует хотя бы сжатая хронология обжигающих событий нескольких воскресных дней, добавивших жару и в без того «горячее лето 1989 г.» Обратимся к хронике нескольких таких выходных дней, хотя бы из числа тех «воскресников Яворивского», о которых так злобно и недипломатично писала партийная печать Украины накануне и в день публикации проекта закона «О языках в украинской ССР», называя их «необандеров-

ским шабашем». Материалы к этой хронике были добросовестно собраны в оперативные сводки МВД Украины. Оставим редакционные «находки» хроники на совести партийной печати, хорошо демонстрирующей кто есть кто. Итак:

2 июля. Едва ли не центральным событием митинга, организованного инициаторами НДУ (Народного Движения Украины) на площади возле республиканского стадиона, стала записка, зачитанная народным депутатом СССР В. Яворивским с предложением каждое воскресенье собираться у Верховного Совета республики для обсуждения статуса украинского языка. Эта записка и стала первоначальным толчком, вызвавшим двухмесячный (июльско-августовский) марафон, кульминацией которого было «стояние» и «движение» перед зданием Верховного Совета УССР.

9 июля. Идею В. Яворивского подхватили активисты УХС (Украинского Хельсинкского Союза) и попытались провести несанкционированный митинг у входа в помещение Президиума Верховного Совета УССР.

16 июля. Участники неразрешенной демонстрации уселись на ступенях у входа в Президиум Верховного Совета и лишь под давлением властей переместились к центру Советской площади. Руководили демонстрацией «заправилы» так называемой «украинской народно-демократической лиги» (УНДЛ), входящей в состав УХС — С. Набока, Е. Чернышов, Л. Милявский.

23 июля. Снова несанкционированная демонстрация, о которой «Правда Украины» рассказала так: «Участники сборища распространяли изготовленную с помощью множительной техники листовку УНДЛ, в которой подвергались злобным оскорблениям члены Комиссии Верховного Совета УССР по вопросам межнациональных отношений, патриотического, интернационального воспитания (тех самых комиссий, что работали над проектом закона «О языках в Украинской ССР». — М. Г.), высказавшиеся против национальной символики»¹¹.

29 июля. «Голодающие» из УХС-УНДЛ собрались возле Мариинского дворца и, подняв жовто-блакитный флаг, двинулись к зданию Президиума Верховного Совета». Часть митингующих была задержана милицией, но вскоре стороны пошли на компромисс: задержанных выпустили, а «голодающие» переместились в сквер у Советской площади»¹².

6 августа. К участникам митинга присоединились «близкие им по духу руховцы». Лозунг митингующих «двуязычие — двоедушие» «Правда Украины» определила как оскорбление миллионов наших сограждан, пользующихся и русским, и украинским языками. А заодно и оскорбление многих тысяч граждан США, Австралии и Канады, практикующих англоукраинское двуязычие».

13 августа. Для участия в «акции протеста» против действий милиции на предыдущих «воскресниках» в Киев прибыли из Львова около ста активистов УХС и членов молодежной организации «Пласт». Лидеры УХС Л. Лукьяненко и Б. Горынь сообщили митингующим, что на Западе одобряют намерение добиться отделения Украины от СССР.

23 августа и 1 сентября. Митинги по случаю 50-й годовщины со дня подписания советско-германского пакта и по случаю 50-й годовщины начала второй мировой войны.

Противоположность официальной позиции Комиссии Верховного Совета националистическому вызову митингующей улицы хорошо проглядывается при сопоставлении как общей, так и некоторых частных, хотя и немаловажных вопросов, например, двуязычия. В основу работы комиссий над проектом закона о языках были положены, по словам самих авторов этого проекта, «решения XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной конференции, проект платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», постановление ЦК компартии Украины «О мерах по реализации в республике установок XXVII съезда партии, январского (1987 г.) пленума ЦК КПСС в области национальных отношений, усилению национального и патриотического воспитания населения» и постановление I Съезда народных депутатов Союза ССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». В основе призывов несанкционированных митингов — программные документы украинского национального движения.

Одна из целей языкового закона, подготовленного Комиссией ВС Украины, состояла в «обеспечении гармоничного развития национально-русского (т. е. в том числе украинского-русского. — М. Г.) двуязычия», в то время как участники митингов, имевших место в течение нескольких июльско-августовских воскресных дней 1989 г., и активисты УХС и УНДЛ несли совсем иной, прямо противоположный транспарант: «двуязычие — двоедушие»¹³.

Враждующие стороны свои позиции к украинскому языку определяли, исходя из диаметрально противоположных ориентаций. Те, кто разрабатывал языковой закон в кабинетах, рассчитывали на его функционирование в федеративном союзном многонациональном государстве. Их оппоненты видели украинский язык как язык отделившейся от СССР свободной Украины.

По сравнению с проектом закон «О языках в Украинской ССР», во-первых, заметно пополнил (включена преамбула с изложением принципов взаимоотношений между языком и государством с одной стороны,

народом, государством, личностью, иными языками — с другой стороны; общие положения увеличились с 5 до 9 статей; число статей возросло с 36 до 40, появилась новая глава VI «Содействие национально-культурному развитию украинцев, проживающих за пределами Украинской ССР»); во-вторых, в нем существенно «укрепились» национальные и политические позиции украинского языка, (он объявлен «одним из решающих факторов национальной самобытности украинского народа», а также гарантом его «суверенной национально-государственной будущности»); в-третьих, оказались лучше состыкованными языковые права и языковые обязанности (вместо статьи 6, включенной в проект в состав главы «Язык государственных, партийных, общественных органов, предприятий, учреждений и организаций» и устанавливающей «обязанность должностных лиц, других работников владеть государственным языком», в законе эта статья «повысилась в чине», попала в разряд общих положений и вменила в обязанность должностных лиц государственных, партийных, общественных органов, учреждений и организаций «владеть украинским и русским языками, а в случае необходимости — и другим национальным языком в объеме, необходимом для выполнения служебных обязанностей»; в-четвертых, большего внимания удостоились «языки других национальностей», выделившиеся в законе в самостоятельную статью и получившие дополнительные гарантии в том, что республика впредь будет создавать условия «для развития и использования языков других национальностей». Анализ и сопоставление национального состава и базовых языковых характеристик населения по областям Украины свидетельствуют о том, что этноязыковая ситуация в республике далеко не однородна. В печати не единожды обращалось внимание на ее многовариантность и в связи с этим на проблематичность универсального внедрения украинского языка в качестве государственного на Востоке и Юге Украины, и в частности, на Харьковщине, впитавшей в себя население из многих регионов бывшего Союза. Неоднородна этноязыковая ситуация в Одессе и в прилегающих к ней районах и в некоторых других областях южной Украины, особенно в Крыму.

Сторонники языкового реформирования, активисты по возрождению в Харькове и области применения украинского языка начали свою деятельность практически еще до того, как пошли разговоры о нем как о возможном государственном языке Украинской ССР.

Благодаря усилиям украинской творческой интеллигенции, представленной членами Харьковского отделения Союза писателей, Украинского фонда культуры, Общества украинского языка им. Т. Г. Шевченко,

культурологического общества «Спадщина», ученых, преподавателей украинского языка и культуры, работников областного управления народного образования, во многих школах были открыты классы с обучением на украинском языке, а в детских садах организованы украинские группы ¹⁴.

О том, как партаппарат Украины «приложил руку» к ключевым точкам национально-языкового и национально-государственного реформирования через два года после языковой реформы, красноречиво признался народный депутат Верховного Совета Украины, Председатель Львовского областного Совета В. Чорновил. В интервью для «Известий», опубликованном в конце февраля 1992 г., он, в частности, сказал: «Напуганная демократическим движением партноменклатура, пользуясь дисциплиной своих структур, организованностью, умело перехватила лозунги и знамена демократов. И... оттеснила демократов на второй план» ¹⁵.

Языковое реформирование потребовалось партаппарату для того, чтобы удержаться на плаву, сохранив власть, а иным и возвыситься в ней. По мнению сторонников демократических взглядов, нельзя недооценивать опасность, исходящую от бывших коммунистов, быстренько переодевшихся в национально-охранительные одежды. «Ситуация усугубляется еще и тем, — как видится эта угроза В. Чорновилу на Украине, — что они (представители партноменклатуры. — М. Г.) стали политической опорой новоизбранного президента, получили возможность влиять на формирование государственной политики». И, пожалуй, как никто другой, В. Чорновил, посвятивший свою жизнь борьбе с диктатурой партаппарата, имел моральное право завершить свой анализ следующим выводом: «Как кто, а лично я не склонен подозревать своего президента в желании воевать со своими вчерашними соратниками» ¹⁶. И тем не менее В. Чорновил здесь ошибся, хотя и, быть может, его особой вины в этом не было. Все определило стечение обстоятельств. Быстро менялась ситуация, трещала по швам империя, лихорадило ее Центр, мгновенно преображались люди. Леониду Кравчуку потребовалось меньше одного года, чтобы из главного идеолога Компартии Украины стать решительным ее могильщиком. После путча 1991 г. подписав указ о запрещении деятельности КПСС, он окончательно перешел с русского языка на язык своих родителей, а коммунистическую идею социального равенства, которой он ревностно служил не менее трех десятилетий, будучи на идеологическом посту партии, сменил на вскипевшую в недрах «Руха» национальную идею. Став яростным приверженцем национальной идеи в центре Украины,

он в то же время не сжег мосты, оставив за собой в тылу русскоязычный восток и традиционно прорусский («Новороссийский») юг Украины. Так легче было балансировать не только между коммунизмом и национализмом, но и лавировать внутри каждой из этих систем, между приверженцами различных мастей и окрасок.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН

В отличие от республик Европейской части бывшего СССР, где языковая реформа продвигалась под сильным напором народных фронтов (Прибалтика, Молдова) или в неманифестированном союзе с ними (Украина, частично Белоруссия), в большинстве республик Средней Азии, в Казахстане роль реформатора «языковой сферы» почти целиком взяла на себя верхушка партийного и государственного аппаратов.

Накануне языковой реформы на одном из последних партийных пленумов руководителем Отдела национальных отношений ЦК Компартии Казахстана был утвержден известный казахский писатель, автор исторических романов Абиш Кекилбаев, по его словам, всю сознательную жизнь проработавший на идеологическом фронте, занимавший ответственные должности в Министерстве культуры, в Отделе культуры ЦК Компартии Казахстана¹⁷. Понятно, что он хорошо знал не только языковые проблемы, но то, что за ними кроется — проблемы межнациональных отношений, национальной государственности.

Через два месяца после вступления в силу Закона «О языках в Казахской ССР» (закон был принят 22 сентября 89 г., введен в действие с 1 июля 90 г.) корреспондент Казахского Телеграфного агентства обратился к зам. заведующего идеологическим отделом ЦК Компартии Казахстана А. А. Штопелю, ответственному за вопросы, связанные с национальной политикой в Казахстане, с просьбой рассказать о ходе реализации языкового закона.

В обстоятельных ответах хорошо информированного и компетентного партийного работника, опубликованных в «Казахстанской правде», отчетливо прослеживается хронологическая канва движения языковой реформы в Казахстане, виден почерк тех, кто приложил руку к выработке ее теоретической, идеологической и политической платформы, а также цели и задачи, которыми руководствовались инициаторы и творцы языкового законодательства.

Даже сверхсжатая хронология языковой реформы, на проведение которой казахстанскому республиканскому руководству потребовалось всего лишь полсотни дней, красноречивее любых объяснений говорит о том, насколько политизирована была уже сфера.

2 августа 1989 г. Идеологическая Комиссия ЦК Компартии Казахстана опубликовала проект разработанной ею же «Концепции языковой политики и языкового строительства в Казахской ССР»¹⁸, через 20 дней — 22 августа появился проект закона Казахской ССР «О языках»¹⁹ и еще ровно через месяц — 22 сентября 1989 г. депутаты Верховного Совета Казахской ССР проголосовали за закон²⁰ и одновременно специальным постановлением «О порядке введения в действие закона Казахской ССР «О языках в Казахской ССР» установили срок введения его в действие — с 1 июля 1990 г.²¹

Таблица 9

Ключевые положения о языках народов Казахстана в основополагающих документах языковой реформы республики

Концепция языковой политики и языкового строительства в Казахской ССР. 2.08.89.	Проект закона Казахской ССР «О языках». 22.08.89.	Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР». 22.09.89.
---	---	---

I. Теоретические предпосылки и идеологические источники

Концепция

«...руководствуется принципами национальной политики, сформулированными в записках В.И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации»».

Проект

«Руководствуясь ленинскими принципами политического самоопределения и равноправия наций, свободного развития языков и культуры». (Преамбула)

Закон

«Руководствуясь ленинскими принципами политического самоопределения и равноправия наций, свободного развития языков и культуры». (Преамбула)

II. Цели языковой реформы

«...повышение социальной значимости казахского и других языков...»

«...защита и развитие казахского языка...»

«...применение и всемерное развитие в государственных органах, общественных организациях, учреждениях науки, культуры, образования и здравоохранения, в сфере обслуживания...»

Казахская ССР осуществляет государственную защиту казахского языка и проявляет заботу о его активном употреблении в государственных органах и общественных организациях, учреждениях народного образования, культуры, науки, в сферах обслуживания, массовой информации и других». Ст. 1.

III. Языковые права

«...обеспечить каждому гражданину Казахской ССР равную свободу выбора языка своей жизнедеятельности и вне зависимости от этого — равную защиту национального достоинства». Ст. 7.

«...обеспечивает всем гражданам равную свободу выбора языка общественной деятельности и равную защиту национального достоинства каждого независимо от выбора языка жизнедеятельности». Ст. 7.

IV. Языковые обязанности

«...установить гарантии осуществления прав граждан в области языка и возложить на должностных лиц связанные с этим профессиональные обязанности».

«Руководители и работники органов государственной власти и управления ...должны знать государственный язык и язык межнационального общения, а в местах компактного проживания других народностей и национальных групп — и их языки в объеме, необходимом для выполнения служебных функций». Ст. 17.

«Работники органов государственной власти и управления ...обеспечивают прием граждан и беседу с ними на языке обращения, а по мере создания соответствующих условий овладения казахским и русским языками, а в местах компактного проживания других национальных групп — и их языками в объеме, необходимом для выполнения служебных функций». Ст. 16.

V. Статус языков народов Казахстана

казах	русский	другие	казах	русский	другие	казах	русский	другие
Государственный язык	«Язык межнационального общения в республике», «второй родной язык — значительной части населения республики»	Статус региональных (местных) языков	Государственный язык Ст. 2.	«Признает язык межнационального общения на родов	Местный — официальный язык Ст. 4	Государственный язык Ст. 1.	Язык межнационального общения Ст. 2	«...может быть придан в установленном порядке статус местного официального языка». Ст. 4.

VI. Отношение к двуязычию

«Казахская ССР должна взять на себя государственную заботу об их (двуязычия и многоязычия. — М. Г.) всестороннем развитии и утверждении».

«Казахская ССР проявляет государственную заботу о всестороннем развитии двуязычия и многоязычия». Ст. 5.

«Казахская ССР проявляет государственную заботу о всестороннем развитии национально русского и русско-национального двуязычия и многоязычия». Ст. 5.

Источник: Казахстанская правда. 1989. 2 августа; Казахстанская правда. 1989. 22 августа; Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.

Контент-анализ текстов трех вышеназванных документов, в том числе теоретических предпосылок и идеологических ориентиров языкового закона, целей языковой реформы, статуса языков, а также языковых прав носителей различных языков не оставляет сомнений в том, что решающий вклад в выработку формулировок закона о языках внесла именно «концепция», разработанная в кабинетах ЦК компартии Казахстана. По разработанной таблице 9 легко прослеживается эволюция взглядов и отношений к межнациональным и межъязыковым сюжетам. Сомнений нет: в качестве исходных предпосылок были названы ленинские принципы.

Несомненно, что отдельные положения закона требуют дополнительного разъяснения, комментариев, а может быть, и внесения поправок. На фоне законов, принятых к осени 1989 г. в других союзных республиках, особенно в Прибалтике, в Казахском законе менее четко выраженным оказалось соотношение языковых прав и обязанностей. Явно нелепая формула, предложенная первоначально «Концепцией языковой политики и языкового строительства в Казахской ССР» о «свободе выбора языка своей жизнедеятельности, хотя преобразилась и приобрела в проекте и в самом законе более конкретный смысл: «свободу выбора языка общественной деятельности», тем не менее, как представляется, далеко не исчерпала возможностей совершенствования.

Дело в том, что государство правомочно выбирать и «назначать» государственный язык и гарантировать своим гражданам «свободу выбора языков» для общения прежде всего с государством, а в некоторых случаях и с общественными организациями. Но насколько оно, государство, вправе вмешиваться в языковую сферу «жизнедеятельности» отдельного человека? Подобное вмешательство может быть расценено как дискриминация, как вмешательство в личную жизнь граждан.

Особенно крепким орешком, как видно из того же сравнения, для партийных законодателей оказался блок положений закона, утверждающих языковые обязанности должностных лиц. Похоже, что даже при всенародном блиц-обсуждении «Концепции» все же нашлись люди со здравым смыслом, заставившим убрать такую формулу языковых обязанностей, в которой, пожалуй, никто, кроме самих составителей, не сумел бы разглядеть в «возложенных на должностных лиц профессиональных обязанностях» необходимые для языковых прав языковые обязанности. Следы внесенных уточнений видны и дальше, в разнице между формулировками проекта и принятого закона. В первом документе должностным лицам безоговорочно и жестко вменялось «знать» (почему только знать? — М. Г.) два, а в иных случаях и три языка: казахский — в качестве государственного, русский — как язык межнационального общения, а в местах компактного проживания других национальностей и национальных групп — и их языки.

Требования, а вместе с ними и качество закона смягчились. Теперь, согласно закону, достаточно, чтобы должностные лица «обеспечили прием граждан и беседу с ними на языке обращения».

И, наконец, как и следовало ожидать от партийных кругов, хорошо осведомленных о состоянии межъязыковых дел в многонациональном Казахстане, в законе были выработаны взаимоприемлемые для различных групп населения принципы паритетного национально-русского и русско-национального двуязычия.

Короткий марафон, молниеносно пройденный казахстанскими реформаторами, иногда объясняется предуготованностью этой республики и предварительной работой ее общественности над улучшением изучения языков и их использования. «Три года назад, — писала в апреле 1990 г. Г. Рахметова, — мы стали свидетелями оживления идеи национально-русского двуязычия.

Постепенно стало расширяться обучение в школах на казахском, узбекском, уйгурском и таджикском языках: стали расти списки названий и тиражи национальной литературы; возвращались из небытия имена и произведения несправедливо забытых авторов; увеличивался набор студентов, получающих в вузах специальность преподавателей казахского языка и литературы; открывались языковые курсы и кружки, в том числе на радио и телевидении»²².

Еще одна точка зрения, объясняющая относительно бесконфликтное принятие закона о языке, ставит в заслугу своевременное обращение к этому «больному» вопросу представителей партаппарата. «Опыт нескольких республик показал, — вытекало из этнополитического анализа

ситуации в Туркмении, — сколь драматичным может стать исход эмоционального подхода к проблеме государственного языка. И не перехвати Верховный Совет Туркменистана инициативу, быть может, на карте страны появилась еще одна горячая точка»²³.

Обе противоборствующие стороны, участницы разработки законов о языках — и государственно-партийные структуры и лидеры народных фронтов или других национальных движений — не скрывали того, что заимствовали друг у друга опыт по составлению текстов законов. При этом в некоторых случаях были заимствованы не только тексты, статьи самих законов, но и «строительные леса» к этим законам. Достаточно сравнить два политических документа, появившихся в двух соседних республиках — Молдове и Украине, чтобы убедиться в том, как одни и те же комиссии Верховных Советов обеих республик, похожие друг на друга как близнецы-братья породили малоотличительные друг от друга документы (см. табл. 10).

Таблица 10

**Схожие формулировки в официальных концепциях законов
о языках в Молдавии и на Украине**

Комментарий к проектам законов Молдавской ССР «О статусе государственного языка Молдавской ССР» и «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». 31 марта 1989 г.	К проекту закона УССР «О языках в Украинской ССР». 5 сентября 1989 г.
--	---

I. Обоснование

«Необходимость выработки этих нормативных актов обуславливалась имевшими место в республике различного рода деформациями и отклонениями от ленинских принципов национальной политики, в результате чего были неоправданно снижены социальные функции молдавского языка, а также языков других народов, проживающих на территории республики».

«Необходимость законодательного регулирования статуса языков в республике обусловлена отклонениями в прошлом от ленинских принципов национальной политики, в результате чего были неоправданно сужены социальные функции и сфера использования украинского языка, а также языков других групп, проживающих на территории республики».

II. Концептуальная основа проектов

«Проекты обоих Законов разработаны на основе ленинской концепции функционирования языков в многонациональном социалистическом государстве...»

«Проект закона о языках был разработан на основании ленинской концепции функционирования языков в федеративном союзном многонациональном государстве...»

III. Идеологическая основа проектов

«В основу... были положены решения XXVII съезда КПСС и XIX партконференции.

В основу работы над проектом закона были положены решения XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции.

IV. Распределение статуса языков

«...предлагается придать молдавскому языку государственный статус. Это означает обеспечение ему со стороны государства гарантий функционирования во всех сферах деятельности на территории республики».

«Статус молдавского языка как государственного не умаляет конституционного права граждан других национальностей, проживающих на территории Молдавской ССР, пользоваться родным языком, не препятствует свободному употреблению и развитию языков других национальностей».

«...предусматривается закрепить статус украинского языка как государственного. Это означает, что украинский язык должен стать официальным языком работы, делопроизводства и документации государственных, партийных и общественных органов, предприятий и организаций республики.

«Предусматривая закрепление государственного статуса украинского языка, проект закона вместе с тем неукоснительно гарантирует гражданам республики право свободного пользования на территории республики каким-либо другим национальным языком».

«...Украинская ССР проявляет государственную заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики».

* Таблица составлена по источникам: Советская Молдавия. 1989. 31 марта; Правда Украины. 1989. 5 сентября.

Активное участие в подготовке текстов языковых законов приняла творческая интеллигенция. Так, например, в Молдавии широко обсуждался проект закона «О статусе государственного языка Молдавской ССР», подготовленный Союзом писателей Молдавской ССР²⁴, в Узбекистане наряду с проектом закона «О языках», подготовленным постоянными комиссиями Верховного Совета Узбекской ССР законодательных предложений по вопросам межнациональных отношений и интернациональному воспитанию, по народному образованию и культуре²⁵ был опубликован альтернативный вариант закона «О языке», написанный Сарваром Азимовым²⁶. Название доработанного варианта Узбекского закона «О государственном языке Узбекской

ССР» появилось в результате учета предложений и замечаний, поступивших в Комиссии Верховного Совета республики в период с июля по октябрь 1989 г.²⁷ Именно за это название и проголосовали депутаты Верховного Совета Узбекистана²⁸.

Проект языкового закона, подготовленный Союзом писателей Молдавии, более последовательно, чем проект постоянных комиссий Верховного Совета республики, отстаивал равноправие национальных языков. В нем, в частности, имелась особая статья 10 «Гарантии гагаузского языка», согласно которой, «в целях гарантирования реализации на территории республики права гагаузского языка на существование и развитие Молдавская ССР создает все необходимые условия для его использования как средства официального общения в зоне компактного проживания основной части гагаузской народности в сферах образования и культуры, в социальной сфере, в издательском деле и в средствах массовой коммуникации». Не попала в закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» и союзписательская статья, гласившая: «Обучение в профессионально-технических училищах, средних специальных и высших учебных заведениях Молдавской ССР ведется на государственном языке республики. Молдавская ССР обеспечивает также выпускникам гагаузско-язычных школ право на обучение на гагаузском языке в таких учебных заведениях по специальностям, необходимым предприятиям, учреждениям и организациям, действующим в зоне компактного проживания основной части гагаузского народа».

Исчезла из официально принятого закона еще одна очень важная для гагаузского народа статья из проекта закона Союза писателей. Согласно статье 36, названной писателями «Язык и культура молдавской нации и язык и культура гагаузской народности на территории Молдавской ССР», Молдавская ССР брала на себя обязательство обеспечить «приоритет развития культуры молдавской нации и культуры гагаузской народности на их родных языках». Даже самое беглое сравнение вариантов проектов закона постоянных комиссий Верховного Совета республики и Союза писателей выявляет серьезную разницу между политиками и писателями в подходе к судьбам национального языка гагаузского народа. Политики приложили все усилия для того, чтобы протянутая писателями Молдовы рука дружбы и помощи гагаузам, рука равноправных народов, зависла в воздухе.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Во времена тоталитаризма населению бывших союзных республик не хватало свободы языкового выбора. В передовых странах Европы,

как, например, в Бельгии и Швейцарии, эта свобода «работает» на прочной законодательной основе, выработанной за долгие годы учета как практики, так и теории. Свобода языкового выбора и обмена, т. е. взаимного приобщения к языкам разноязычного населения, нуждается в надежной защите. Элементарный рынок — когда грузинские мандарины обмениваются на белорусскую картошку, может иметь место и без закона. Если кому-нибудь надо срочно поменять автомобиль на компьютер, то без налаженной правовой системы практически это невозможно сделать. Нужны грамотные договорные обязательства (нотариусы, нотариальные конторы) не только между отдельными конкретными лицами, но и между целыми группами людей, одни из которых заинтересованы дорого продать, а другие — дешево купить.

Поколениями многих мыслителей разрабатывалась правовая система, регулирующая многообразные межличностные отношения, в том числе в сфере свободного обмена. Иными словами, наряду с уголовным, международным, гражданским правом, должно быть и языковое право как часть национально-го или как часть гражданского права.

К сожалению, традиция правового регулирования свободного обмена была прервана Октябрем. Даже в 20-е годы, накануне и в первые годы после образования СССР, в пору золотого века национально-языковых движений, правовым аспектам языкового строительства и языковой политики уделялось меньше всего внимания. Так, например, в специальной работе В. Н. Дурденевского²⁹ с обстоятельной библиографией, выпущенной в 1927 г., через 5 лет после образования СССР, упоминается всего 4 статьи на эту тему, при этом половина из них относится к дооктябрьскому периоду.

Анализ языковой реформы 1989 г. и особенно анализ текстов законов позволяет выделить два наиболее уязвимых места: во-первых, прикрытие внеязыковых (преимущественно политических) целей и задач языковыми, и, во-вторых, отсутствие квалифицированных специалистов, способных компетентно и на необходимом профессиональном уровне разработать грамотное языковое законодательство. Подготовить грамотных юристов в принципе не сложно. Труднее избавиться от такого тоталитарного наследия, когда принимались, но не выполнялись сравнительно хорошие законы.

Сегодня мы уже можем сказать, что после распада СССР языковые законы в новых независимых государствах идут со скрипом. И одна из важнейших проблем заключается в том, что нет беспристрастных слуг закона и нет наработанной практики беспрекословного выполнения самих этих законов. Улучшение качества этих законов и подготовка специалистов в сфере межъязыковых отношений представляет

ся крупной и серьезной задачей, на решение которой нужны значительные средства, особое внимание и немало времени.

На этом приходится акцентировать внимание прежде всего в связи с тем, что эта задача является вполне актуальной и для России, в республиках которой логика языкового реформирования в значительной мере развивается по той же схеме, которая «сработала» в бывшем СССР и привела в конечном счете к его развалу.

Участие в работе законодательных комиссий писателей и поэтов, конечно, дополняло всю работу образными аргументами в пользу языка титульной нации. Выдвигая с одной стороны справедливые лозунги о том, что «природные богатства республики, ее недра, земля, леса и воды должны принадлежать всем без исключения казахстанцам», видный казахский прозаик, главный редактор литературного журнала «Жулдыз» («Звезда»), секретарь Союза писателей Казахстана с другой стороны ратовал за то, чтобы «раскованно и комфортно чувствовали себя на нашей земле люди любой национальности», но при этом добавлял: «мы все же должны больше проявлять заботы о развитии казахского языка»³⁰.

Итак, языковая реформа осуществлялась неодинаково в разных республиках. В одном случае, захватив власть на волне борьбы за установление статуса государственного языка, новая национальная элита постаралась максимально использовать в своих интересах этот языково-правовой механизм. В другом — перехватив инициативу — прежняя партноменклатура сосредоточила власть в своих руках и, поддавшись национальной идее, ринулась навстречу суверенизации, не обращая внимания на возможную эскалацию межнационального напряжения. Однако и те и другие должны были по логике борьбы найти надежные точки опоры, серьезную социальную базу. Так, например, на Украине национал-демократы «помогали» Кравчуку³¹ выработать программу действий, а его бывшие соратники по коммунистической партии стали ее профессиональными исполнителями. Однако этот неожиданный и непредсказанный симбиоз законодательной и исполнительной властей был внутренне противоречивым и потому недолговечным и делал позицию правящей верхушки, в том числе и позицию самого Президента, маргинальной и зыбкой. И неизбежно вставал вопрос, каким будет завтра — демократическим или авторитарным. Этот вопрос продолжает оставаться актуальным. И не только на Украине, предпринявшей не без участия Кравчука четвертую в своей истории попытку стать независимым государством и начавшей путь к этой независимости через языковой закон.

Однако, перегородившись постсоветской таможенной стеной от соседней России, национально-номенклатурное руководство, особенно представители чиновничье-бюрократического аппарата, на 80% состояло из «старых кадров», не сумело построить общество национального благоденствия, не предотвратило приближение этнополитического кризиса. Размышляя о том, к какому берегу плыла Украина летом 1993 г., видный политический деятель, член Президиума Верховной Рады Лесь Танюк так определил сложившуюся ситуацию: «Период завоевания демократических свобод закончился. Начинается этап большевистского реванша. Бывшие стремятся возобновить свое престолонаследство, наследование имущества. В Украине сегодня около 30-ти партий коммунистического толка, хотя иные из них насчитывают всего по несколько человек. К сожалению, демократы не смогли за прошедшие годы создать перевес сил в правительстве, в парламенте, да и собственно фронта демократических партий тоже нет»³².

Через четыре года после принятия закона о языках власть оказалась без руля. Проблемы государственного языка отошли на задний план по сравнению с проблемами энергоносителей, Крыма, Черноморского флота, цен на рынках. Более того, сама идея создания независимого суверенного государства в обыденном сознании стала ассоциироваться с причинами нынешних бед и стала порождать у людей, оказавшихся за чертой бедности, глубокую ностальгию по недалекому прошлому, хотя небогатому, но все же сытному.

2.3. ПОРЯДОК И ЭТАПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОВ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ (ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

«Будучи в командировке во Вьетнаме, я часто бродил по оживленным, заполненным бесчисленными пешеходами и велосипедами улицам Хошимина (бывший Сайгон). Признаюсь, любил заходить и в лавочки на Американке — торговой улице в центре города, где очень вежливые, услужливые продавщицы, пытающиеся даже что-то лопотать по-русски, предлагают разного рода поделки»¹.

Удивительно, как Р. И. Хасбулатову, экономисту по образованию, из воспоминаний которого взят вышеприведенный отрывок, удалось увидеть в этноязыковой ситуации Сайгона чрезвычайно интересную деталь, до сих пор, кажется, не замеченную профессионалами социолингвистами. Между тем эволюция этноязыковой жизни торговых улиц американизированной столицы бывшего Южного Вьетнама действительно уникальна. Всего за пять-шесть лет, на стыке

70—80-х годов, эта улица, прекрасно обходившаяся английским языком и не знавшая ни слова по-русски, перешла на доступный и достаточный для переговоров по купле-продаже русский язык. Во всяком случае у многих мелких хозяйчиков рядом с американскими и японскими калькуляторами лежали бог весть откуда взявшиеся вьетнамско-русские и русско-вьетнамские разговорники. А цена прекрасно изданного карманного вебстеровского словаря так упала, что всего лишь за один доллар можно было купить 5 экземпляров.

В то же самое переходное время в языковой жизни еще одной улицы, улицы, начинавшейся от озера Возвращенного меча, что в самом центре Ханоя, не произошло никаких социолингвистических сдвигов, и многочисленные посетители этой улицы из бывшего Советского Союза не могли услышать ни одного французского, ни одного английского слова. Можно было лишь услышать «Ма-са-ква», «ха-ра-шо», да назойливую мелодию популярной в те времена в СССР и Вьетнаме песенки «Мой адрес не дом и не улица...»

Голод и опыт капитализма оказались более действенными учителями на юге, чем «братство народов» и социализм на севере. При американском образе жизни торговый люд быстро усвоил истину: чтобы выжить, надо продать, а чтобы легче продать, надо уметь говорить на языке покупателя.

После ухода американских войск из Южного Вьетнама национальная принадлежность покупателей сменилась. Численность советских нефтяников, начавших штурм континентального шельфа неподалеку от Вунгтау, наплыв многочисленных экспертов, советников, специалистов, наконец, туристов, зазываемых Интуристом со всех концов одной шестой части суши, расцвели языковую ситуацию на центральной улице Сайгона русской речью. И улица быстро среагировала. По социолингвистическим меркам языковой сдвиг на улицах бывшей столицы бывшего Южного Вьетнама произошел мгновенно...

К началу языковой реформы в союзных республиках бывшего СССР не было ни голода, ни предыдущего опыта капитализма. Значит, в качестве катализатора по ускоренному приобщению нетитульного населения к декретированному государственному языку надо было искать какие-то другие рычаги: идеологию, политику, убеждение, принуждение, обоснование и осознание новой объективной и субъективной необходимости. Однако мало кто знал, сколько времени, энергии, сил и средств потребуется на все это.

У нас нет сведений о том, чтобы при определении сроков введения в действие законов по языку кто-нибудь серьезно изучил проблемы

языковой неокоренизации: сколько человек, в каком возрасте, в каких сферах народного хозяйства, за какое время, ценою каких усилий, за чей счет могли бы овладеть государственным языком.

Таблица 11

**График вступления в силу положений законов о языках
в различных сферах общественной жизни**

Сферы употребления государственного языка	Сроки введения государственного языка		
	Эстония	Литва	Латвия
1. Права гражданина (частного лица) в выборе языков	1	+	
2. Органы государственной власти и управления	4 (*)	+	3
3. Делопроизводство	+ (**)	2 (***)	3
4. Судопроизводство	+	+	+
5. Предприятия и учреждения			
а) внутриреспубликанское общение	2	+	2
б) переход с русского на гос. язык	4	2	2
в) отчетность, финансовая документация	4	+	2
6. Бытовое обслуживание, торговля	2	+	3
7. Образование			
а) обучение на государственном языке	4	+	+
б) сдача экзаменов по гос. языку	4	+	3
8. Наука	+	+	3
9. Культура	+	+	
10. Имена и фамилии (антропонимика)	+	+	+
11. Названия местностей (топонимика)	+	+	+
12. Информация (формуляры, бланки, штампы)	2	+	+

Таблица составлена по источникам: Закон Эстонской Советской Социалистической республики о языке. Применение закона — ст. 35, 36, 37; Советская Эстония, 1989, 22 января. Указ Президиума Верховного Совета «Об употреблении государственного языка Литовской ССР», Советская Литва, 1989, 26 января; «О порядке введения в действие закона Латвийской ССР о языках», Советская Латвия, 1989, 7 мая. (*) — вводится поэтапно, (**) — за исключением территорий с преимущественно неэстонским населением, (***) — переход с русского. Впрочем, и эстонско-русский языковой паритет не является полным.

Тем не менее, в соответствии с поправками, внесенными в конституции республик и законами о языке (и языках) одновременно с законодательным приданием языкам титульных наций статуса государственного языка, республиканские парламенты установили порядок применения и сроки введения в действие языковых законов. При этом в Эсто-

нии применение закона регламентировалось 3 статьями (35, 36 и 37), включенными в текст самого закона², в Литве был принят Указ Президиума Верховного Совета республики «Об употреблении государственного языка Литовской ССР»³, в Латвии — постановление Верховного Совета республики «О порядке введения в действие закона Латвийской ССР о языках»⁴.

Согласно этим статьям, обязательное знание государственного языка устанавливалось для работников органов государственной власти, работников сферы обслуживания, торговли и общественного питания, бытового обслуживания, коммунального хозяйства, образования, соцобеспечения, охраны общественного порядка, для работников народного образования и культуры (см. табл. 11).

Итак, эстонский языковой закон гарантирует право языка, в том числе представителям неэстонской и нерусской национальности. Однако в последнем случае делается существенная оговорка о том, что работники органов государственного управления, учреждений и предприятий будут отвечать на языке обращения, только если у них есть такая возможность, и что такое общение оправдано целью деятельности.

Уникальной представляется статья 4, устанавливающая элементы «равной дискриминации» для эстонского и русского населения. Закон обязывает знать и употреблять всем руководителям оба языка — и государственный эстонский, и русский. Фактически этим устанавливается обязательное (хотя и паритетное только для эстонцев и русских) официальное двуязычие. Будучи справедливым для эстонско-русских языковых взаимоотношений, указанный паритет несет в себе явные элементы дискриминации для остальных национальных меньшинств (из представителей нерусской национальности).

Официальным языком органов власти, делопроизводства является по закону все же только один — эстонский язык.

Обеспечивая приоритет развитию эстонскоязычной культуры, закон одновременно поддерживает языки культурной деятельности неэстонского населения. При этом в текст закона была включена специальная статья 25, согласно которой национально-культурным объединениям дается право на ведение внутреннего делопроизводства на национальных языках, а также выступать с инициативами по созданию детских учреждений, школ, учреждений культуры, функционирующих на национальных языках.

МОЛДОВА

С особыми трудностями встретились реформаторы сложившейся языковой ситуации в Молдавии. Прежде всего это объяснялось реаль-

ным национально-языковым составом населения, значительная часть которого не владела молдавским языком, а также целым букетом принятых законов. Два языковых закона, устанавливающих, во-первых, конституционный статус молдавского языка в качестве государственного языка республики и, во-вторых, правовые принципы функционирования и взаимодействия языков, были дополнены законом, устанавливающим переход молдавского языка с кириллицы на латиницу.

Чтобы осуществить такой переход необходимо было проделать очень большую работу, в том числе по созданию и укреплению материально-технической базы полиграфии на основе нового шрифта, по переоборудованию вычислительных комплексов, по оснащению их печатающими устройствами. Предстояло мобилизовать средства и достать нужные материалы, чтобы переоборудовать и реконструировать печатные средства для публикации книг, выпуска газет и журналов, а также для издания других материалов на молдавском языке с реадaptированным латинским шрифтом. Для того, чтобы перевести все звенья системы народного образования на латинскую письменность, надо было подготовить и переподготовить кадры учителей и преподавателей, привыкнуть к основам новой письменности, обучить кадры полиграфических предприятий, организовать выпуск официальных документов, справочной и методической литературы по орфографии молдавского языка, новых учебников и наглядных пособий для общеобразовательных молдавских школ, профессионально-технических училищ, средних специальных и высших учебных заведений. Особого внимания требовало введение молдавского языка в систему предметов той части школ, в которых преподавание велось на русском языке.

В соответствии с Постановлением Верховного Совета Молдавской ССР «О порядке введения в действие закона Молдавской ССР «О возврате молдавскому языку латинской графики» устанавливались два этапа для перехода на латинскую графику. Каких-либо четких критериев, кроме указания факта «перехода» на новую графику и «завершение перехода» на втором этапе в документе не содержалось. Внимание скорее сконцентрировалось на подробном перечне сфер жизнедеятельности.

На первом этапе, охватывающем 3 года и 4 месяца (1989—1993 гг.), необходимо было начать осуществление перехода в политической, экономической, социальной и культурной сферах, обеспечив этот переход достаточными материально-техническими средствами, укомплектовать новыми или переподготовленными кадрами.

На втором этапе, названном «завершающим» и охватывающем всего 2 года (1994—1995 гг.), предусматривалось окончательно перейти на

латинскую графику не только в вышеназванных сферах (политической, экономической, социальной и культурной), но и в деятельности органов государственной власти и управления, в судопроизводстве, в учетно-отчетной и финансовой документации предприятий, учреждений и организаций, в почтово-телеграфной связи в пределах Молдавской ССР.

На всем переходном этапе допускалось издание на кириллице республиканских газет и журналов, городских, районных и многотиражных газет, подписных изданий, произведений художественной, научной и научно-популярной литературы.

Многообразие конкретных языковых ситуаций в разных регионах Молдавии, в городах и сельской местности, в неоднородных по национальному составу трудовых коллективах потребовало от молдавских реформаторов детально разработанного порядка и времени введения в действие закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». В принятом в связи с этим специальном постановлении Верховного Совета Молдавской ССР одна часть статей этого закона вступала в силу немедленно со дня принятия самого закона, другая — через год после принятия закона, третья — с 1 января 1993 г., четвертая — с 1 января 1995 г. и, наконец, пятая — с 1 января 1996 г.

Исключение было сделано для местностей компактного расселения гагаузов. Сроки введения государственного языка в них продлевались по сравнению с общереспубликанскими сроками от 2 до 3 лет. Аналогичные оговорки были сделаны и для районов с компактным расселением украинского и болгарского населения. Верховный Совет оставлял за собой право продления сроков по введению в действие закона о языке.

УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ

Сроки и порядок введения в действие законов о языках на Украине и в Белоруссии в отличие от Молдавии не предусматривали каких-либо исключений для проживающих в них представителей нетитульной национальности. Для всех национальностей сроки введения в действие были едины. Для постепенного введения во все сферы общественной жизни отдельных положений законов о языках установили два этапа на Украине (3—5 лет и 5—10 лет) и 4 этапа в Белоруссии (3 года, 3—5 лет, 5 лет, 5—10 лет).

На первом этапе, в течение 3—5 лет с момента вступления украинского закона в силу, вводились в действие статьи, обязывающие должностных лиц государственных, партийных и общественных органов, учреждений и организаций владеть украинским и русским языками, а в случае необходимости и другими национальными языками в объеме, необходимом для выполнения служебных обязанностей.

В эти же сроки необходимо было, во-первых, перестроить работу высших органов государственной власти и управления, а также республиканских ведомств и министерств, местных органов государственной власти и управления таким образом, чтобы создаваемые ими акты принимались и публиковались на украинском и русском языках; во-вторых, принять украинский язык в качестве рабочего языка съездов, сессий, конференций, пленумов, заседаний, собраний, совещаний, осуществляемых государственными, партийными органами, предприятиями и учреждениями; в-третьих, осуществлять судопроизводство и производство по делам об административных правонарушениях, нотариальное и арбитражное производство на украинском языке, предусмотрев, однако, право выступления в суде на родном языке, или другом языке, которым граждане владеют; в-четвертых, украинский язык определялся языком картографических изысканий, предназначенных для внутреннего использования.

На втором этапе, охватывающем период от 5 до 10 лет с момента вступления закона в силу, вводились в действие статьи, регламентирующие использование украинского и русского языка в отдельных сферах образования, науки и информатики, и в первую очередь в детских дошкольных учреждениях, в общеобразовательных школах, в технических училищах, средних специальных и высших учебных заведениях. Для абитуриентов, поступающих в высшие и средние специальные учебные заведения Украины, устанавливался конкурсный вступительный экзамен по украинскому языку, а для поступающих в группы с русским языком обучения — конкурсный вступительный экзамен по русскому языку.

О реалистической позиции, занятой белорусскими реформаторами, красноречиво свидетельствует схема, составленная на основе постановления Верховного Совета Белорусской ССР «О порядке введения в действие закона Белорусской ССР «О языках в Белорусской ССР» и представленная в виде табл. 12.

Реализм закона и сроков его введения состоит прежде всего в понимании истинного потенциала функциональной нагрузки белорусского языка и возможности оперативного перехода к его употреблению. В одних случаях, как, например, при оформлении официальных документов, удостоверяющих статус гражданина (паспорт, трудовая книжка, свидетельство о рождении и браке, документы об образовании и занимаемой должности), при оформлении результатов научно-исследовательских работ, в деле развития национальной культуры белорусского народа, при маркировке товаров, написании личных времен,

в работе средств массовой информации — законодатели предусмотрели 3-х летний период. В других случаях, для того, чтобы ввести белорусский язык в сферу судопроизводства, нотариального, арбитражного производства, в подготовку и ведение актов прокурорского надзора, оказание юридической помощи, работу общеобразовательных школ, профтехучилищ, средних специальных и высших учебных заведений, а также при приеме вступительных экзаменов у абитуриентов, потребовалось растянуть этап до 10 лет. Это едва ли не самый хронологически «длинный» этап, намеченный в языковых законах, принятых в ходе реформы.

Таблица 12

**Сроки введения в действие отдельных положений Закона
«О языках в Белорусской ССР» об употреблении белорусского языка,
как государственного**

Этапы введения белорусского языка в общественные сферы			
I до 3 лет	II от 3 до 5 лет	III до 5 лет	IV до 10 лет
1. Официальные документы о статусе граждан. 2. Итоги научно-исследовательских работ 3. Культура 4. Средства массовой информации 5. Официальные объявления, сообщения 6. Маркировка товаров 7. Личные имена	1. Должностные лица (руководители, работники государственных учреждений, партийных, советских, профсоюзных органов, общественных организаций) 2. Акты высших органов государственной власти 3. Съезды, конференции и другие форумы	1. Делопроизводство и документация 2. Техническая и проектная документация 3. Выборы народных депутатов 4. Обслуживание (торговля, транспорт, медицина, быт) 5. Детские дошкольные учреждения	1. Судопроизводство 2. Дела об административных нарушениях 3. Нотариальное делопроизводство 4. Арбитражное производство 5. Акты прокурорского надзора 6. Юридическая помощь 7. Общеобразовательные школы 8. Профтехучилища, средние специальные и высшие учебные заведения 9. Вступительные экзамены по белорусскому языку

Источник: Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.

Наряду с дифференцированным подходом к введению белорусского языка в различных сферах общественной жизни, законодатели предусмотрели и разнообразные формы сочетаний (сотрудничества, баланса)

белорусского языка с русским языком и языками других национальностей. Неоднозначный баланс межъязыкового сотрудничества имеет место в каждом из 4-х этапов реализации положений языкового закона. В одних случаях государственный язык утверждается безоговорочно, в других — допускает параллельное употребление русского языка, в третьих говорится о необходимости перевода с белорусского языка на русский или какой либо иной язык. Соединительный союз «и» в статье, утверждающей белорусский и русский языки в качестве языка официальных документов о статусе граждан, является не чем иным, как свидетельством, подтверждающим равноправие двух языков в данной сфере.

На противоположном полюсе монопольное право белорусского языка устанавливается законом в его использовании при маркировке товаров, этикеток, инструкций о пользовании товарами, изготовленными в Белоруссии, а также при употреблении и написании белорусских личных имен и фамилий. Между указанными крайними позициями имеют место несколько моделей вариативности взаимоотношений между государственным и негосударственным языками. Так, например, для употребления русского языка в сфере науки вводится ограничитель: закон безоговорочно вводит белорусский язык в качестве обязательного языка в работе средств массовой информации, при оформлении итогов научно-исследовательских работ и одновременно «допускает» использование русского языка с учетом «предназначения» научных работ.

В культуре белорусский язык объявляется языком этой сферы, а языкам — представителям других народов гарантируется лишь сохранение и развитие их культур с помощью языков их национальности.

Утверждение белорусского языка языком официальных объявлений и сообщений, плакатов, афиш, реклам допускает переводы с белорусского на другие языки и помещение переводов наряду с белорусским языком.

На втором этапе для введения белорусского языка в 3-х сферах отведено от 3 до 5 лет. При этом законодательно декретируется языковое равноправие для должностных лиц: «владеть белорусским и русским языками в объеме, необходимом для исполнения служебных обязанностей», в сфере государственного управления, а также для принятия и обнародования актов высших органов государственной власти и управления. Что касается языка съездов, конференций и других форумов, то здесь закон утверждает белорусский язык в качестве официального языка. Рабочий язык подобных форумов, имеющих более широкий, чем республиканский, характер, является язык, определенный самими участниками форума.

На третьем и четвертом этапах, определенных соответственно в 5 и 10 лет, белорусский язык внедряется в сферы делопроизводства, организации и проведения выборной кампании, образования и обслуживания, судопроизводства и ряда других (см. табл. 12).

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН

Закон Таджикской ССР «О языке» «вводится в действие поэтапно». При этом контроль за соблюдением очередности мер и содержанием языковой политики и «языковую деятельность» на каждом этапе возлагается на Верховный Совет Таджикской ССР»⁵.

Максимально ускоренная модель ввода в действие языкового закона была разработана в Казахстане. Закон «О языках в Казахской ССР», состоящий из 35 статей, специальным постановлением вводился в действие с 1 июля 1990 г., т. е. через год после того, как за этот закон проголосовали депутаты Верховного Совета Казахстана. Исключение было сделано только для трех статей. Исходя из реальной этноязыковой ситуации Казахстана, положение закона о языках должностных лиц (статья 16) вводилось через 5 лет с момента вступления закона в силу, а положения о казахском и русском языках как обязательных предметах учебной программы, а также как о языках воспитания и обучения в профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведениях (статья 19) вводились в действие через 10 лет после вступления закона в силу.

Те же самые 10 переходных лет были установлены и для ввода в действие положения закона об обеспечении приема вступительных экзаменов в средние специальные и высшие учебные заведения на языках обучения в школах Казахстана.

Наряду с часто цитируемым в периодической печати щадящим пунктом закона, не требующим от должностных лиц обязательного двуязычия (казахского и русского), а ограничивающимся только требованием «обеспечить прием граждан и беседу с ними на языке обращения», закон предусматривал «перспективу повышения уровня профессиональной подготовки и образования в области казахского, русского и других языков», а также «предельно объективный, поэтапный и строго дифференцированный порядок аттестации и подбора кадров» с учетом повышения уровня профессиональной подготовки и образования⁶.

Большинство из 40 статей закона Киргизской ССР «О государственном языке Киргизской ССР» вступали в силу с 1 октября 1989 г., т. е. через неделю после принятия закона Верховным Советом республики. Лишь для ввода в действие 6 статей закона (8, 9, 11, 17, 19, 30) было

сделано исключение, а переходный период был установлен сроком на 10 лет.

В соответствии со специальным постановлением Верховного Совета Киргизской ССР устанавливалось, что «в органах государственной власти и управления, на предприятиях, в учреждениях и организациях Киргизской ССР делопроизводство осуществляется в 1989—1998 гг. на государственном языке и на русском или другом приемлемом языках с переходом на государственный язык по мере создания необходимых условий, а с 1 января 1999 г. — на государственном языке (статьи 11, 17, 19)»⁷.

Для постепенного ввода в действие положений закона «О государственном языке Узбекской ССР» во всех сферах общественной жизни устанавливалось несколько этапов в 2, 3 и 8 лет.

Статья 22 (тексты официальных печатей, штампов, бланков государственных и общественных организаций, используемые на государственном и дублируемые на русском) вводилась в действие с 1991 г. В школах с узбекским языком обучения и в группах средних специальных и высших учебных заведений с узбекским языком обучения с 1991—92 гг. следовало обеспечить изучение узбекской письменности на основе арабской графики как учебного предмета.

Статья 5 закона (язык органов государственной власти, управления Узбекской ССР, съездов, пленумов, курултаев, сессий, конференций, заседаний и совещаний) и 24 (названия городов, кишлаков, площадей и других географических объектов) вступали в силу через 3 года.

И, наконец, статьи 4 (язык руководителей и работников органов государственной власти и управления, работающих в Узбекской ССР), 7 (делопроизводство), 8 (учетно-статистическая и финансовая документация) вводились в действие через 8 лет⁸.

27 статей закона Туркменской ССР «О языке» из 36 принятых и включенных в его текст вступали в силу немедленно со дня принятия самого закона депутатами Верховного Совета Туркмении 24 мая 1990 г.

Для остальных 9 статей в тексте самого закона устанавливались различные сроки введения их в действие, в том числе 3 года для статьи 12 (язык почтово-телеграфной корреспонденции в пределах Туркменской ССР), 5 лет для статей 10 (язык должностных лиц предприятий, учреждений и организаций) и 17 (делопроизводство в органах записи актов гражданского состояния); 5,5 лет — для статьи 15 (язык должностных лиц органов государственного управления и ряда других организаций и учреждений); 6 лет — для статей 20 (обучение туркменскому и русскому языку) и 23 (изучение туркменского языка и

сдача экзамена по нему в средних общеобразовательных школах с нетуркменским языком обучения, в группах профтехучилищ, средних специальных и высших учебных заведениях с русским языком обучения); 8 и 8,5 лет соответственно для статей 21 (язык обучения в профтехучилищах, средних специальных и высших учебных заведениях) и 7 (делопроизводство предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории Туркменской ССР); и, наконец, 9 лет для статьи 6 (язык органов государственной власти и управления, делопроизводства, язык съездов, сессий, конференций, пленумов, заседаний, собраний, совещаний)⁹.

Введение туркменского языка в качестве государственного, безусловно, входило в программу перехода общества из состояния с обезличенной государственной собственностью к новому состоянию с рыночными отношениями. Анализируя этнополитическую ситуацию Туркмении в этот сложный переходный период, ограниченный сроком в 10 лет, когда происходит ломка общественных стереотипов, Президент Туркменистана Сапармурат Ниязов обосновал это тем, что для осуществления программы экономических и социально-политических преобразований необходим именно переходный этап, позволяющий сохранять в республике стабильность и межнациональное согласие¹⁰.

Анализ хронологических аспектов введения государственных языков имеет действительно немаловажное значение, так как закон вступает во «взаимодействие» с реальной этноязыковой ситуацией и сложившимся в ней реальным балансом «этноязыковых векторов». Одно дело, когда каждые двое из пятерых русских, проживающих в Литве, свободно владели литовским языком непосредственно накануне введения в действие известного Указа Верховного Совета Литвы, и совсем другое дело в Казахстане, где на сто человек русской национальности лишь один мог говорить на казахском языке.

По прошествии весьма непродолжительного времени выяснилась несостоятельность некоторых декларированных в законах сроков введения государственного языка в целом ряде жизненно важных сфер.

Так, например, по первоначальному замыслу литовских реформаторов, закрепленному в соответствующих документах высокого ранга (указах Президиума Верховного Совета Литовской ССР), через два года все делопроизводство в Литве должно было вестись на литовском языке. Одновременно работники сферы обслуживания, государственных предприятий и учреждений на специальных языковых экзаменах должны были продемонстрировать превосходное знание государственного языка.

Бурные дискуссии и решительные протесты русскоязычного и польского населения, особенно в тех районах, где оно составляло большинство, были ответом на принятые документы. При этом выдвигались весьма веские основания: не было государственных программ обучения государственному языку, немедленно обнаружился острый недостаток преподавателей литовского языка и необходимой учебной и учебно-методической литературы. Через два года, в ноябре 1990 г., Верховный Совет Литовской Республики вынужден был вернуться к хронологическому аспекту языковых реформ. Было принято еще одно постановление «О сроках реализации статуса государственного языка», согласно которому срок перехода к ведению делопроизводства на государственном языке в городах и поселках, нелитовское население которых составляло большинство, продлевался до 1 января 1995 г. Одновременно была «занижена» до минимального уровня планка требований в приобщении к литовскому языку¹¹.

Реальная этноязыковая ситуация продиктовала свои «правила игры». И считаясь с ней, Верховный Совет Литвы проявил мудрый реализм в понимании фактора времени.

30 апреля 1992 г. правительство Литовской Республики приняло Постановление «О квалификационных категориях знания государственного языка»¹². Согласно этому документу в тех городах, поселках и апилинках, где нелитовское население составляет большинство, на должностных работников и лиц обслуживающего персонала были распространены лишь минимальные требования по части знания государственного языка: от них требовалось понимать разговорную речь и знать 800 литовских слов.

Послабление было сделано тем работникам, которым по служебным обязанностям не приходилось общаться с населением или вести делопроизводство. На эту категорию должностных лиц требование знать государственный язык не распространялось.

Закон Литовской Республики о трудовом договоре также не предусматривал требования обязательного знания государственного языка. Во всяком случае было сделано разъяснение, что к лету 1992 г. трудовые договоры не могли быть расторгнуты из-за невладения государственным языком¹³.

Наряду с постановлениями о порядке и сроках введения законов о языке (и языках) были разработаны документы, различные инструкции и положения о языковых требованиях, без которых нельзя занять ту или иную должность.

Так, например, Комиссия Верховного Совета Латвийской ССР рассмотрела и обсудила чрезвычайно важный документ «Положение об уровнях

и порядке оценки знания латышского языка как государственного». Проект этого документа, разработанного лингвистами Института языка и литературы Латвийской Академии Наук и вынесенного на всенародное обсуждение, вызвал, по словам корреспондента «Известий», легкий шок¹⁴. Мало кто тогда мог предполагать, что за внешними «языковыми» опасениями в языковом экзамене кроются глубинные неязыковые явления. Даже для занятия таких немудреных должностей, не требующих особого интеллектуального напряжения, как должность дворника, швейцара, банщика, лифтера, гардеробщика, требовалось предъявить уровень А, т. е. знать 900 латышских слов и выражений.

По требованиям, предъявляемым по «уровню В», для того, чтобы стать комendanтом общежития, кассиром и заведующим складом, необходимо было не только знать 2 тыс. латышских слов, но и поддерживать разговор о политике, культуре и истории, продемонстрировав при этом приличное знание государственного языка. И, наконец, необходимость свободного владения государственным языком предусматривалась этим положением для специалистов: врачей, медсестер, работников средств массовой коммуникации, информации, канцелярских работников.

Озабоченные русскоязычные люди думали о том, что торопливость введения закона о языке подрывает доверие к самому закону и законодательным актам, призванным создать реальные условия и увеличить шансы обретения государственного языка. А пытливые журналисты для своих репортажей из Латвии наивно искали подходящие примеры, типа «латышских четвергов», для успокоения лиц, которым предстояло приобщение к латышскому языку.

Мало кто обратил внимание на зловещее словосочетание, промелькнувшее в местной газете, и процитированное Ириной Литвиновой. Речь шла об «особых комиссиях» создаваемых для решения вопроса о том, «способен ли работник к должности или профессии в зависимости от знания языка»¹⁵. Между тем именно от этого словосочетания, напоминающего «чрезвычайные комиссии», тем, кому предстояло предстать перед этой комиссией, становилось, увы, не по себе.

Борьба за равноправие двух языков — шведского и финского — в особо обостренной форме растянулась в Финляндии на 40 лет: с 1824 до 1863 гг., когда русское правительство объявило финский язык вторым государственным языком Финляндии. Для того, чтобы этот язык утвердился во всех сферах, касающихся общественной жизнедеятельности финского населения, был установлен 20-летний срок для введения финского языка в государственный аппарат¹⁶.

Еще не успев конституировать национально-государственный суверенитет и не оформив ни формально, ни фактически свою независимость, бывшие союзные республики сочли возможным сократить сроки введения государственных языков до минимума. Время и реальная языковая ситуация и политическая практика не приняли эти скороспелые решения и, отвечая одновременно на вызов национально-языковых устремлений титульного и нетитульного населения правительства, были вынуждены вдогонку законам принимать различные административные распоряжения, постановления, указы, инструкции. В итоге за истекшие 3—4 года деревья языковых законов значительно разветвились и обросли густой кроной поправок и корректив как смягчающего, так и ожесточающего характера.

2.4. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ (ПЛАНОВО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

Спустя год после принятия закона «О языках в Украинской ССР» и за месяц до начала нового 1990—91 учебного года «Правда Украины» с непостижимой искренностью поведала о том, с каким трудом удалось открыть 3 украинских класса в одной из школ Харькова.

Встретив «определенное сопротивление» родителей, не желающих отдавать своих детей в классы с украинским языком обучения, руководство школы № 52 для начала создало при этой школе родительский хор украинской песни. И какой же русский не любит украинской песни, как уместно было бы тут перефразировать крылатые слова классика! Для пятидесяти мам и пап, изъявивших желание принять в нем участие, дирекция школы раздобыла украинские национальные костюмы, составила репертуар из национальных песен. Как только хор «заметили» на праздниках микрорайона и он обрел заслуженную популярность, многие родители — участники хора, сами предложили перевести своих детей в украинские классы. Вслед за хором в этой же школе были созданы школьные ансамбли украинского танца, народной песни. Школу стали чаще навещать харьковские писатели, поэты, художники, артисты — словом, все те, кто был активным приверженцем украинской национальной культуры. Позднее возникли украинские «вечорниці», «ярмарки», преобразовали один из классов в «Тарасову світлицю» — музей великого Кобзаря, стали популярными среди учащихся дальние поездки по республике для знакомства с памятниками истории и культуры Украины.

Поток желающих учиться на государственном языке расширился до 3 классов. Появилась и украинскоязычная группа в соседнем детском саду.

И хотя перевести всю школу на украинский язык обучения все еще, в 1990 г., т. е. через год после вступления языкового закона в силу, оказалось нереально, тем не менее этот опыт показал, какой огромной повседневной, кропотливой работы требует реализация закона о языке. В полуторамиллионном Харькове через год после придания украинскому языку статуса государственного на нем обучались всего лишь неполные три школы¹.

Одним из важнейших достижений языковой реформы 1989 г. является законодательное установление языковых прав человека и языковых обязанностей должностных лиц, находящихся на государственной службе. Постоянное возвращение к проблемам языкового законодательства даже в этнополитически стабильных странах Запада — свидетельство важности этой проблемы. Активное обсуждение юридических аспектов языковой политики в Канаде в связи с принятием в 1977 г. текста Квебекского Билля 101 (известного как «Хартия французского языка»), а затем усовершенствованного и принятого в 1989 г. в новой редакции (Билль-178), в Швейцарии в связи с пересмотром главы Федеральной Конституции о языках — эти и многие другие факты однозначно указывают, что пока будет сосуществовать разноязычное население, будет оставаться актуальной проблема государственного регулирования межнациональных отношений, в том числе с помощью определения юридического статуса взаимодействующих языков.

Понятно, что, огосударствляя свою языковую политику, привнося юридические законы в стихию языковой ситуации, государственный аппарат вместе с лидерами и активистами реформы должны были отдавать себе отчет в том, что законодательное установление языковых прав и языковых обязанностей требует создания надежной системы гарантий по обеспечению их реализации. Например, перед тем как объявить язык языком официального общения в органах государственной власти, в администрации и ведомствах, надо было первоначально подумать о гарантированном долге (государства) бесплатного обучения всех граждан, в том числе ускоренными темпами тех должностных лиц, кому новым законом вменялось в обязанность знать и употреблять государственный язык. Иначе говоря, языковому законодательству должна была предшествовать или на худой конец идти в направлении с ним глубоко продуманная, надежно просчитанная, всесторонне взвешенная разработка программ реализации языкового законодательства. В некоторых республиках так оно и было. Государственные программы или проекты государственных программ рассматривались и принимались накануне или вместе с законом о языке. Но были и другие

случаи, когда телегу запрягали впереди лошади: сначала депутаты дружно голосовали за принятие языкового закона, а затем ученые и чиновники получали задание обеспечить реализацию закона. Совсем как прежде, в накатанной за долгие годы партаппаратной модели управления.

Приходится констатировать, что когда в бывшей республике принимали сначала закон, а потом лихорадочно начинали искать способы идеологического обоснования и материально-технического обеспечения, то страдала не только логика реформирования, не только затруднились межнациональные отношения, но дискредитировался сам путь к правовому государству.

Разнообразие этноязыковых ситуаций и этнополитических условий в бывших союзных республиках predeterminedли дифференциацию подходов к реализации новой языковой политики. Эта дифференциация, понятно, отразилась даже в названиях официальных документов, посвященных созданию новых условий и новых правовых основ функционирования и взаимодействия языков титульных наций и нетитульных национальностей.

В преобладающем большинстве бывших союзных республик, в том числе в каждой из трех республик Прибалтики и Закавказья, а также в Киргизской и Таджикской ССР даже в названиях документов фигурировал один язык: государственный или язык, именем носителя которого была названа республика. В четырех союзных республиках — Молдавии, Туркмении, Казахстане и Белоруссии — в названиях документов были вынесены не «язык», а «языки» или наряду с государственным упоминались и другие языки.

В генетическом происхождении документов также было много различий, складывающихся в зависимости от того, кто их готовил, с какой целью и в какой форме.

Большинство документов исполнительной власти всех трех прибалтийских республик преследовали такие откровенно пронациональные цели, достижение которых должно было утвердить функции государственных языков (языков титульных наций) в новом статусе. Постановление Совета Министров Латвийской ССР, принятое под занавес 1988 г. (29 декабря), называлось: «О мероприятиях по выполнению постановления Верховного Совета Латвийской ССР от 6 октября 1988 г. «О статусе латышского языка»². В соответствии с решением Президиума Совета Министров Латвии от 14 июня 1989 г. была принята «Программа обеспечения функционирования латышского языка в государственной, общественной, культурной и других сферах жизни (1989—1992 гг.)»³. Следует напомнить и о документе зако-

нодательной власти — Постановлении Верховного Совета Латвийской ССР «О мерах по радикальному улучшению изучения латышского языка населением республики»⁴.

Красноречивы названия документов Эстонии: Постановление Совета Министров Эстонской ССР от 8 февраля 1989 г. «О первоочередных мерах в связи с введением Закона Эстонской ССР о языке», Постановление Государственного Комитета Эстонской ССР по труду и социальным вопросам от 14 июля 1989 г. «О применении требований к владению языком в Эстонской ССР», «Руководство по применению требований к владению языком в Эстонской ССР»⁵. Не нуждаются в комментариях названия документов Литвы, направленные на реализацию литовского языка как государственного языка в соответствии с известным постановлением Президиума Верховного Совета Литовской ССР «О статусе литовского языка».

ЗАКАВКАЗЬЕ

Большая часть мер и «заданий», разработанных в кабинетах ЦК компартий Армении и Азербайджана и обнародованных в середине августа 1988 г., была адресована исполнительной власти — Советам Министров каждой из республик и соответствующим министерствам и ведомствам. В каждом из документов четко формулировались две задачи: во-первых, расширение сферы применения языка каждой титульной нации, во-вторых, в армянском документе — поддержку «стремления проживающих в республике представителей других национальностей учиться армянскому языку»⁶, а в азербайджанском — «поощрение представителей других национальностей в изучении азербайджанского языка»⁷.

Одна и та же задача — поддержка стремления нетитульного населения в приобщении к языку титульной нации — представляла к тому времени новый акцент в расстановке сил взаимодействующих языков. Если накануне перестройки, буквально за несколько лет до ее начала центральное внимание уделялось русскому языку и созданию условий для приобщения к нему нерусских национальностей, то в середине 1989 г. даже партийные органы, уступив духу времени, почувствовав слабость Москвы и свою собственную, сделали смелый по тем временам шаг — шаг в сторону от русского языка.

В те же самые августовские дни Грузия далеко опередила своих соседей, приняв постановление «О государственной программе грузинского языка»⁸. Под этим документом были поставлены подписи всех трех структур власти: ЦК компартии Грузии, Президиума Верховного

Совета и Совета Министров Грузинской ССР. В постановлении упоминалось большое количество организаций и ведомств, которых касались предусмотренные программой мероприятия. Все они обязаны были до конца 1989 г. представить в Совет Министров Грузинской ССР конкретные планы выполнения мероприятий с указанием сроков.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН

Неожиданно быстро первым среди республик Средней Азии и Казахстана на вызов начавшейся в Европейской части бывшего СССР тихой языковой революции ответил Таджикистан. Разворот национально-языковой политики от приоритетов русскому к преимуществам таджикскому языку обнаружился буквально в первых же строках проекта Постановления Совета Министров Таджикской ССР «О мероприятиях по выполнению закона Таджикской ССР о языке»⁹, опубликованного одновременно со вторым по счету проектом самого закона о языке¹⁰.

Документ начинался с заявления, во-первых, о том, что «в связи с принятием закона Таджикской ССР о языке создаются условия для широкого употребления таджикского языка в качестве государственного во всех сферах экономической, политической и культурной жизни республики», и, во-вторых, о том, что правительство «примет все меры по обучению населения республики государственному языку»¹¹. Понятно, что таджиков не надо было заставлять изучать язык своей национальности.

Всестороннее функционирование киргизского языка как государственного призваны были обеспечить мероприятия по реализации закона «О государственном языке Киргизской ССР», рассчитанные на период до 2000 г., опубликованные отдельной брошюрой¹².

Как уже подчеркивалось, названия документов четырех бывших союзных республик — Молдовы, Туркменистана, Казахстана и Белоруссии, в том числе проект «Государственной комплексной программы обеспечения функционирования языков на территории Молдавской ССР»¹³, проект «Государственной программы развития и расширения сферы туркменского языка, улучшения изучения русского и других языков»¹⁴, «Государственная программа развития казахского и других национальных языков в Казахской ССР на период до 2000 года»¹⁵ и, наконец, «Государственная программа развития белорусского языка и других национальных языков в Белорусской ССР»,¹⁶ говорят сами за себя.

В разработанной группой ученых «Концепции Государственной программы по сохранению и развитию языков народов Российской Федера-

ции»¹⁷ забота о русском языке, получившем согласно Закону РСФСР от 25 октября 1991 г. «О языках народов РСФСР» статус «государственного языка на всей территории РСФСР»,¹⁸ дополнена заботой о развитии других языков.

Важнейшей гранью организационного аспекта языковой реформы-89 стали государственные программы, представляющие собой комплекс мер по реализации законов о языке.

Необходимо подчеркнуть при этом, что вопрос состоит в том, насколько демократически, последовательно и разумно законы внедрялись в жизнь. Вероятно, нет смысла напоминать о том, что накануне языковой реформы было принято множество официальных документов, в том числе программы по развитию национальных языков, распространению русского языка и формированию на этой двуединой основе различных видов национально-русского двуязычия. Увы, многие из таких «установлений» остались только на бумаге.

Так, например, бюро ЦК компартии Латвии неоднократно — в 1944 г, 1951, 1956 гг. — принимало хорошие постановления об изучении и применении двух языков, латышского и русского, партийными, советскими и хозяйственными работниками¹⁹. Одновременно разрабатывались и конкретные меры. Но каждая очередная «языковая» кампания, в том числе попытки создания курсов, кружков, быстро захлебывалась в плотном потоке каких-то более «первоочередных», нежели двуязычие, проблем.

В трех республиках Закавказья не было необходимости в мобилизации национальных сил для придания статуса государственного языка языкам титульных наций. Согласно Конституциям этих республик, такой статус «действовал» еще со времени принятия Конституции в 1978 г. Тем не менее «языковые» страсти закипели здесь с не меньшей силой, чем там, где Верховные Советы бывших союзных республик открыли войну законов с Москвой.

Армения не была исключением. Более того, как уже упоминалось, часть армянского населения (называют около 600 тыс. человек) слабо владела армянским языком или совсем его не знала. Национальная интеллигенция, озабоченная судьбами этнического самосохранения армянского народа, его национальной культуры и языка, понимала, что, несмотря на моноэтнический состав республики, потребуются значительные усилия для завершения арменизации Армении. Для того, чтобы создать необходимые условия, следовало, по предложению части творческой интеллигенции, создать специальный языковой комитет, наделить его широкими полномочиями и поручить ему разработать государственную программу развития и функционирования армянского языка²⁰.

Мы обратились к государственным программам по нескольким причинам. Прежде всего потому, что в них нашло воплощение все то, что предписывалось внедрять языковыми законами в ходе реформы. Существенные языковые проблемы, такие как определение статуса языков, соотношение языковых прав граждан и языковых обязанностей должностных лиц, перечень официальных сфер функционирования государственного языка, в некоторых из них выделены достаточно четко и переведены в разумные положения, требования, задачи и цели. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что государственные программы являют собой интересный объект для многостороннего сравнения между собой, с законами, с постановлениями Верховных Советов о введении в действие языковых законов и т. п. Разумеется, не бывает двух похожих государственных программ, как не бывает двух идентичных языковых ситуаций с разнорациональным составом населения. Тем не менее государственная программа одной республики является удобной основой для сравнения с его республиканским «двойником».

Не пытаясь детально анализировать каждую из государственных программ, мы можем представить некоторые общие характеристики или указать на те положения, которые могут оказаться или уже оказались проблематичными по сравнению с набившими оскомину постановлениями, подготовленными в недрах партаппарата. Новые документы хотя и не всегда обладают четкостью понятий и точностью и конкретностью плановых заданий, тем не менее представляют определенный шаг вперед в дальнейшей оптимизации разрегулированных функций взаимодействующих языков.

Таблица 13

Основные блоки вопросов в некоторых государственных программах развития и функционирования государственного и других языков в связи с введением в действие законов о языке

Государственная комплексная программа обеспечения функционирования языков на территории Молдавской ССР	1. Молдавский язык: функционирование; обучение молдавскому языку в учебных заведениях; телевидение, радио, пресса, культура; исследование молдавского языка.
Проект 18.08.89	2. Русский язык: функционирование; обучение в учебных заведениях; телевидение, радио, пресса; исследование русского языка.
	3. Украинский язык: функционирование; обучение в учебных заведениях; телевидение, радио, пресса; исследование украинского языка.
	4. Гагаузский язык: функционирование; обучение гагаузскому

	<p>языку в учебных заведениях; телевидение, радио, пресса, культура; исследование гагаузского языка.</p> <p>5. Болгарский язык: функционирование; обучение; телевидение, радио, пресса; исследование болгарского языка.</p> <p>6. Еврейский (идиш) язык: функционирование; обучение; телевидение, радио, пресса; исследование еврейского (идиш) языка.</p>
<p>Государственная программа грузинского языка 25.08.89</p>	<p>Конституционный статус грузинского языка. Научное изучение грузинского языка. Преподавание грузинского литературного языка в дошкольных, средних и высших учебных заведениях. Радиовещание, телевидение и кинематография. Пресса. Связь. Техническое оснащение и наглядные пособия. Издательское дело. Библиотечное дело. Сфера бытового и информационного обслуживания.</p>
<p>Государственная программа развития и расширения сферы функционирования туркменского языка, улучшения изучения русского и других языков</p> <p>Проект 02.11.89</p>	<p>Организационно-пропагандистская работа. Совершенствование изучения и преподавания языков. Улучшение теоретической и методической базы развития языков. Подготовка и повышение квалификации учителей, научных и педагогических кадров. Материально-техническое и финансовое обеспечение программы компактно проживающих в республике. Финансовое обеспечение.</p>
<p>Государственная программа развития казахского языка и других национальных языков в Казахской ССР на период до 2000 года 01.06.90</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Казахский язык: функционирование; казахский язык в сфере народного образования; казахский язык в сфере культуры и средствах массовой информации; казахский язык и наука. 2. Углубленное изучение русского языка — языка межнационального общения. 3. Развитие языков национальных групп, компактно проживающих в республике. Финансовое обеспечение программы. Приложение к государственной программе: районы, в которых ведется делопроизводство на государственном языке Казахской ССР; примерный график введения делопроизводства на казахском языке
<p>Государственная программа развития белорусского языка и других национальных языков в Белорусской ССР 25.09.90</p>	<p>Основная цель и направления реализации государственной программы. Обеспечение финансирования белорусского и других языков в государственных органах, на предприятиях и в учреждениях, в общественных организациях республики. Использование белорусского языка, других национальных языков в работе учреждений образования и культуры.</p>

Издательская деятельность. Организационное, кадровое, научное и материально-техническое обеспечение выполнения программы.

- Мероприятия по обеспечению функционирования государственного языка на территории Киргизской ССР
1. Обеспечение конституционного статуса киргизского языка как государственного. Обучение населения киргизскому языку. Научные исследования киргизского языка.
 2. Обеспечение функционирования русского языка в Киргизской ССР.
 3. Обеспечение функционирования других языков. Общие мероприятия.

Источник: Советская Молдавия. 1989. 18 августа; Заря Востока. 1989. 25 августа; Комсомолец Туркменистана. 1989. 2 ноября; Казахстанская правда. 1990. 1 июня; Советская Белоруссия. 1990. 25 сентября.

Первоочередной интерес в программах представляет соотнесение меры приоритетности, выделяемой ими государственному языку и языкам, оставшимся в бесстатусном положении. Контрастными в этом отношении выглядят два документа: программа Грузии — преследующая нескрываемую четкую цель тотальной грузинизации этноязыковой ситуации в стране и в связи с этим посвященная исключительно проблемам грузинского языка, и программа Молдавии — ориентированная на то, чтобы одновременно с созданием приоритетных условий развития и функционирования молдавского языка не мешать, а порой даже и помогать функционированию русского, украинского, гагаузского, болгарского и еврейского (идиш) языков в официальных сферах с компактно расселенными носителями этих языков, в обучении этим языкам в учебных заведениях, в использовании их на телевидении, радио, в периодике, в организации научных исследований этих языков. Обращает, в частности, внимание, что набор сфер, в которых рассматривается возможное использование молдавского и гагаузского языков, совпадает. Развитие и употребление этих двух языков, например, предполагается в сфере культуры. По остальным языкам, даже по русскому, сфера культуры не упоминается (см. табл. 13).

2.5. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК И РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ)

Накануне языковой реформы и в конце ее, в 1989 г., когда наступил пик дискуссий о том, сколько в многонациональной республике должно быть государственных языков, когда готовились, обсуждались и

принимались проекты и сами законы, когда появились первые государственные программы по реализации языкового законодательства, многие наблюдатели наивно полагали, что языковые проблемы находятся за далеким горизонтом острой этнополитической борьбы, на дальней периферии межнациональных отношений. Мало кем принимался всерьез нарастающий вулканный выброс национального самосознания и стратегические возможности огосударствления языка титульной нации. Мало кто верил в то, какими широкомасштабными по охвату и высокими по накалу станут межнациональные отношения, так глубоко вплетенные тоталитарным режимом в идеологическую ткань лозунга о «братстве и дружбе народов».

Неоднократные публикации в периодике и обращения сотрудников ряда институтов АН СССР в вышестоящие инстанции, в том числе путем подготовки аналитических обзоров по реальной этноязыковой ситуации и о корреляции между этноязыковыми и этнополитическими процессами, беспечно оставались без внимания. Предложения о научной разработке и проработке «обеспечения конституционного статуса» государственного языка и бесстатусных языков не шли дальше сотрясения воздуха. В лучшем случае они звучали с экрана телевизора или на круглых столах.

В соответствии со сложившимися марксистско-ленинскими представлениями о том, что любые языки, включая, естественно, и языки статусных национальностей, являлись всего лишь средством коммуникации, но никак не концентрированным выражением этничности, в директивных ведомствах Центра долгое время никак не могли взять в толк, почему неумные этнографы и этносоциологи без устали рекомендовали обратить самое серьезное внимание на «языковой фактор» и на «языковые модели» в системе межнациональных отношений.

Между тем серьезную мобилизирующую силу и мощь языка в республиках осознали и осмыслили раньше, чем в Центре. Начиная с середины 1988 г. редко какое обсуждение проектов законов о языке (языках) обходилось без упоминаний и ссылок на фундаментальную связь между языком и народом, между языком и территорией расселения его носителей, между национальной государственностью и государственным языком.

Роковая ошибка Центра в понимании сути «языкового движения» 1989 г. состояла в том, что надвигающаяся реформа представлялась ограниченной одним только языком, а в редких случаях сферами его употребления. Мысль управленцев дальше проблем и факторов усвоения и сохранения самого языка, первого или второго, не шла. Даже эксперты

не могли взять в толк, что введение государственного языка взрывает сложившуюся в данной этноязыковой ситуации модель взаимодействия языков: кто, где, когда, на каком языке и о чем разговаривает, и затрагивает, во-первых, более глубинные основы взаимодействия носителей разных языков, во-вторых, закладывает совершенно иное, чем при тоталитаризме, распределение полномочий и компетентности между Центром и республиками и, наконец, в-третьих, переводит собственно межъязыковые отношения на правовую основу, разделяя при этом все население на две категории — на просто граждан и на должностных лиц.

Более того, статус государственного языка становился важным элементом, признаком, шагом на пути продвижения республик к обретению суверенности и далее к созданию независимого от Центра государства. Вполне закономерно, что взволнованное и встревоженное население из числа национальных меньшинств первым углядело дискриминационную направленность языковой реформы и ее центрального звена — создания приоритетных условий для языков титульных наций путем придания им статуса государственного языка.

Часть исследователей, не распознавших дальновидных последствий законодательного закрепления государственного языка, была введена в заблуждение той идеологической упаковкой, в которой публике преподносился смысл, цели и задачи языкового реформирования. «Постановка вопроса о конституционном закреплении за латышским языком статуса государственного, — трафаретным заклинанием звучало в докладе Председателя Президиума Верховного Совета Латвийской ССР А. В. Горбунова, — была вполне логичной и отвечала принципам ленинской национальной политики»¹.

Этой же самой привычной идеологеме — «ленинской национальной политике» дружно клялись в верности законодатели Молдавии² и Украины³.

Когда обе команды законодателей — и молдавская и украинская — обнародовали плоды своих трудов в виде проектов законов, а также комментариев к ним, выявилось значительное количество совпадений как в «обосновывающих» частях документов, так и в самом их содержании. Выступления реформаторов под знаменами ленинизма усыпляли и обезоруживали Центр. Коммунисты Латвии хорошо понимали, что языковая реформа и, в частности, законопроект о введении государственного языка выходят далеко за рамки знания и употребления языков. На Пленуме ЦК Компартии Латвии, рассмотревшем проект языкового закона накануне сессии Верховного Совета Латвии, языковые проблемы были определены ни много ни мало в качестве цен-

трального вопроса в общественно-политической жизни Советской Латвии⁴. Впрочем, такой вывод напрашивался сам собой. Он становился очевидным при внимательном чтении четвертого раздела программы Народного фронта Латвии, посвященного национальному вопросу, расположенного в тексте программы раньше разделов о социальной справедливости, экономики, экологии, здравоохранения и т. д., но зато сразу же вслед за разделом о демократизации государства и общества и разделом о правах человека и гражданина. Заключительная часть раздела о национальном вопросе призывала «осознать, что от суверенитета Латвийской ССР зависит обеспечение самосохранения всех наций, проживающих на территории республики»⁵. До принятия Закона Латвии «О языках» оставалось всего 7 месяцев, до Декларации Верховного Совета Латвийской ССР 5 мая 1990 г. «О восстановлении независимости Латвийской республики»⁶ — ровно на один год больше.

Правовое решение вопроса о введении государственного языка является важным элементом языковой реформы, но она не охватывает всей системы языкового строительства и регулирования межнациональных и межъязыковых отношений. Решающее значение приобретает целенаправленная деятельность государства, органов его управления в обеспечении государственному языку конституционного статуса, а остальным языкам — той или иной меры гарантий для их свободного развития и функционирования.

Основная цель государственных программ, разработанных в республиках в соответствии с конституционным признанием в них государственного языка, состояла в том, чтобы, во-первых, создать благоприятные условия для превращения государственного языка в часть управленческой системы, а, во-вторых, обеспечить остальным языкам условия для их развития и употребления в соответствии с их сферами функционирования. Следовательно, в ходе реализации государственных программ государственный язык должен стать языком деятельности государственных органов, общественных организаций, производственной, социально-культурной, образовательной сфер, а также языком бытовой инфраструктуры. На это нацелены меры, предусматривающие знание и применение государственного языка должностными лицами государственных органов и иных систем жизнедеятельности, в круг профессиональных обязанностей которых входит общение с гражданами. При этом законодательное «вплетение» в «состав профессии» знания государственного языка подкрепляется установлением такого уровня языковой компетенции, который обеспечивает выполнение

должностными лицами своих профессионально-служебных обязанностей. Так, например, «Руководством по применению требований к владению языком в Эстонской ССР», утвержденным постановлением Государственного комитета ЭССР по труду и социальным вопросам от 14 июля 1989 г., выделены шесть уровней владения эстонским языком как государственным языком Эстонии⁷. Государственная программа по обеспечению функционирования киргизского языка на территории Киргизской ССР требовала от соответствующих органов «определить объем (лексический минимум) знания государственного языка»⁸. В Казахстане Государственной комиссии Совета Министров Казахской ССР по экономической реформе было поручено определить систему мер материального и морального стимулирования работников, владеющих казахским языком. Знание государственного языка должно учитываться при аттестации кадров. Государственному Комитету Казахской ССР по труду и социальным вопросам предписывалось «определить объем и уровень знания казахского и русского языков, необходимые при выполнении профессиональных обязанностей для руководящих работников органов государственной власти и государственного управления, общественных организаций, а также работников предприятий и учреждений сферы обслуживания»⁹.

Наряду с личностным аспектом применения государственного языка, госпрограммы нацеливают соответствующие органы, организации и учреждения на обеспечение условий для его институционального функционирования, например, на съездах, совещаниях, конференциях и иных мероприятиях, проводимых на государственном уровне, или общественными организациями, или трудовыми коллективами, с учетом их конкретной национально-языковой ситуации.

Важнейшей составной частью огосударствления языка является введение государственного языка в делопроизводство органов государственной власти, государственного управления, народного образования, общественных и иных организаций. Поэтому в программах по реализации законов о языке предусматривается разнообразная и решительная система мер: переход к ведению документации в производственной сфере, перевод на госязык нормативных актов и деловой документации, подготовка и издание необходимых справочных материалов по делопроизводству, инструктивные материалы, учебные пособия, специализированные терминологические словари; подготовка профессиональных кадров-делопроизводителей на государственном языке (машинистки, секретари, стенографистки, делопроизводители); подготовка переводчиков-синхронистов, способных переводить с государственного

языка на другие и наоборот; оформление топонимики, антропонимики, рекламы, средств наглядной агитации информации; увеличение, а в некоторых республиках введение заново государственного языка в систему средств массовой коммуникации, включая кинематограф.

Важным моментом в процессе детоталитаризации и движения к правовому государству является преодоление социальной несправедливости, сложившейся в связи с появившейся тенденцией угасания социальных функций целого ряда языков народов СССР. Вместе с параллельно складывающимся национальным нигилизмом, признаками отмирания естественной языковой среды возникла угроза правовым традициям народов, возникновению новых поколений, не знающих языка своих национальностей, отчужденных от духовных истоков и национально-исторической сокровищницы своего народа, появились трагические признаки комплекса неполноценности у части национальной молодежи. Неоднократно высказывалась тревога по поводу той части армянского населения, которая в Армении или за ее пределами, не сумела овладеть армянским языком. Как отмечалось в Казахстане, из 50 социальных функций, которые необходимы любому языку для нормального функционирования, казахский язык реализует на практике лишь около 10 функций.

Осуществление реформы политической системы выдвинуло перед народами целый ряд проблем, требующих своего разрешения в самые короткие сроки. Среди этих сложных проблем, затрагивающих сознание и чувства многих людей в Белорусской ССР, в одном ряду с вопросами обретения государственного суверенитета, сохранения и развития белорусской культуры, возрождения исторического и культурного наследия названы вопросы развития белорусского языка, реализации приданного ему статуса государственного языка¹⁰.

Отвечая на вопросы корреспондента «Известий», руководитель рабочей группы по разработке программы возрождения белорусского языка народный депутат Белорусской ССР Нил Гилевич не скрывал истинных целей и задач придания белорусскому языку статуса государственного языка. В соответствии с поставленной задачей, принятие закона о языке и гарантированные законом права на жизнь предусматривали «целую систему разумных, продуманных, узаконенных государством мер», с помощью которых белорусскому как государственному языку «обеспечивается приоритетное положение у себя на родине, на этнической территории белорусов»¹¹. Однако, будучи не только поэтом, но и ученым, профессор Н. Гилевич понимал, что «такое радикальное изменение языковой ситуации быстро произойти не

может, на это понадобятся годы упорного большого труда, осознанное при-
ложение усилий всех и каждого. Ведь ситуация, будем откровенны, довольно
сложная, дело зашло слишком далеко и по инерции идет или, точнее, катится
дальше, уже и законопроект опубликован и разрабатывается государственная
программа по родному языку, а общее число белорусских школ в республи-
ке... сокращается»¹².

2.6. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

Школу для ребят венгерской национальности в Закарпатском поселке
Вышково возводили всем миром. Правление колхоза «Прикордонник» («По-
граничник») выделило технику. Поселковый совет организовал субботник,
«выбивал» дефицитные материалы. Рост личной инициативы и опора на нее
позволили открыть в 1989 г. в Закарпатье школу с украинским, русским, мол-
давским и румынским языками обучения¹. И хотя в полномковном воплоще-
нии в жизнь закона «О языках» и ассоциированной с ним государственной
программы украинских реформаторов поджидали подводные камни, «про-
цесс» на Украине, как говорилось, уже тогда, в 1989 г., пошел. Несколько позд-
нее пояснительная записка к проекту закона Коми ССР «О языках» была закон-
чена безжалостным разъяснением, что «проект закона о языках не может
быть внедрен полностью в деятельности нынешнего поколения работни-
ков»². И в первом и во втором случае дело упиралось в финансы.

Конституция Швейцарии (Швейцарской конфедерации) признает равно-
правие четырех распространенных в стране языков — немецкого, француз-
ского, итальянского и ретороманского, выделяя при этом в качестве государ-
ственных (официальными) только первые три языка. В соответствии с этой
Конституцией, недавно отметившей свой 700-летний юбилей, каждый из жи-
телей 26 швейцарских кантонов и полукантонов имеет право обращаться в
местные и федеральные органы власти на языке своей национальности. Весь-
ма нелегко обеспечить реализацию языковых прав граждан этой страны с по-
добным языковым законодательством. Для этого во многих крупных государ-
ственных учреждениях Швейцарии приходится содержать немалый и весьма
дорогостоящий аппарат переводчиков и редакторов, в служебные обязанно-
сти которых входит перевод различных заявлений, письменных документов,
запросов и ответов на них³.

Итак, переход от теории и права к практике и финансам со всей
остротой актуализировал экономический аспект языковой реформы.

Экономические вопросы языкового планирования, языковой политики и языкового строительства в литературе освещены крайне скудно. За исключением нескольких случайных цифр, не появилось специальных публикаций и о «стоимости» языковой реформы 1989 г. Ни министерства финансов, ни министерства и учреждения, причастные к введению государственных языков в новейших независимых государствах, не обнародовали сколько-нибудь достоверных данных о том, какие расходы должны нести и несут бывшие союзные республики в связи с введением государственного языка и во что налогоплательщикам обходится языковое реформирование. Время от времени в печати встречаются отдельные сведения о финансовой стороне дела, но без привязки ко времени, а особенно к конкретному бюджету бывшей республики, они мало о чем говорят. Так, например, по предварительным подсчетам оказалось, что на реализацию закона о государственном языке в Узбекистане потребуется около 1,5 млрд. рублей⁴. Об этом с гордостью отмечалось в печати. Однако кто решится оценить эту цифру в условиях галопирующей инфляции, нестабильности рубля, отсутствия возможности для межгосударственных сравнений объемов тех или иных расходов.

Между тем хорошо известно, что вмешательство в стихийный языковой процесс и курс на правовое нормирование и социологическое урегулирование взаимодействующих языков обходится государству недешево. Поэтому, прежде чем решиться на «языковые расходы», государство стремится определить, что и во что ему обойдется.

Обилие статей и положений в языковых законах о правах нетитульных национальностей использовать свой язык в разнообразных сферах общественной жизни, откровенно говоря, правительству ничего не стоит. Труднее и болезненнее обстоит дело с реализацией тех положений, с помощью которых законы утверждают языковой паритет, т. е. создание реальных условий для использования в одной и той же сфере одновременно двух языков. Это относительно недорого стоит, например, в маркировке товаров, в рекламах, плакатах, при написании имен, и даже в официальных документах, удостоверяющих личность, но, увы, очень дорого — в сфере образования, культуры, управления и работы средств массовой информации.

Словом, языковая реформа имеет тесные связи не только с правом, политикой, идеологией, но и с экономикой, финансами.

Несмотря на серьезные успехи советской социолингвистики и этносоциологии в изучении многих внеязыковых аспектов функционирования языков в многонациональном обществе, надо признать, что до языковой

реформы мало кому приходило в голову ставить вопрос о том, сколько стоит языковая реформа? или во что обойдется республике введение государственного языка? Да пожалуй, в мировой науке не так уж много было энтузиастов, кто брался за разработку этой сухой, лишенной эмоциональной и эйфорической стороны дела, темы.

Едва ли не единственным специалистом в этом стал американский социолингвист Джонатан Пуул, за сравнительно короткий срок (2—3 года) сделавший многое, чтобы привлечь внимание ученых и общественности к вопросу о том, «сколько стоит языковой закон»⁵.

«Сколько стоит языковая реформа?» — далеко не праздный вопрос, так как в зависимости от ответа на него могут быть распределены силы, сроки, темпы, глубина и надежность внедрения государственного языка в важнейшие сферы общественной жизни. В самом деле, придавая языку статус государственного, суверенная республика или независимое государство должны, во-первых, гарантировать своим разноязычным гражданам оптимальное соотношение языковых прав и обязанностей, во-вторых, предложить рациональные, реальные эффективные меры по обеспечению их гарантий. Нельзя включить в состав профессиональной подготовки и в круг служебных обязанностей знание государственного языка без создания (бесплатно!) обучения граждан государственному языку. Если же экономить на финансовом и материально-техническом обеспечении языковой реформы, то это (языковое реформирование) может сыграть коварную шутку с законодателями. Кто сегодня, по истечении времени, когда известна острая, а порой и кровавая хроника событий, косвенно возникших под влиянием языкового реформирования и суверенизации, возьмется подсчитать убытки, нанесенные экономике Эстонии, Латвии и Молдавии забастовками носителей языков, оказавшихся в бесстатусном положении? Приходится констатировать, что в ходе подготовки проектов языковых законов, в ходе скорее эмоционального, чем рационального обсуждения их в печати, политической и идеологической стороне дела уделялось гораздо больше внимания, чем поискам безболезненных и удобных источников финансирования и материально-технического обеспечения их воплощения в жизнь.

После драки кулаками не машут! Однако трех-четырёхлетняя история языкового, а точнее национально-языкового реформирования показала, что внедрение языковых законов требовало огромной подготовительной работы, и прежде всего мощной пропагандистской кампании по разъяснению сути, смысла, истоков и перспектив реформаторской деятельности. Потребность в поддержке функционального статуса государственного

языка требовала кропотливой разъяснительной работы. Без такой работы путь к языковому равноправию мог легко сбиться в чреватый глобальными конфликтами — опасный для межнационального сотрудничества — огосударственный лингвизм. В условиях полувласти, безвластия, двоевластия или двойного полувластия, на фоне надвигающейся экономической катастрофы и признаков обнищания значительной части населения траты на «языковые» дела могли без труда вызвать глухое раздражение не только национальных меньшинств, но и части населения из среды носителей государственного языка.

Наконец, с экономической стороны дела был тесно связан и правовой. Коль скоро законодатели вносили обязательное знание государственного языка, они должны были предусмотреть и государственный подход к созданию соответствующих условий. На этот серьезный аспект обращалось, в частности, специальное внимание в официальном послании исполнительного директора Хельсинкского комитета по надзору Джерри Лейбера в Верховный совет Латвийской республики в связи с принятием закона о гражданстве. Признавая неоспоримое право Латвии устанавливать нормативы в области гражданства и натурализации, Хельсинкский комитет по надзору обратился с просьбой не позволить законодательным путем ограничивать права тех людей, которые поселились в Латвии еще до выхода ее из состава СССР, были законопослушными гражданами и не могли предвидеть тех обстоятельств (в частности, необходимости знать латышский как государственный язык), которые могли бы изменить их юридический статус.

«Мы предлагаем, — говорилось в Послании, — предусмотреть соответствующее бесплатное обучение языку»⁶.

Важнейшие направления языкового реформирования требовали выделения в бюджете государств дополнительных средств расходов как тактического (сиюминутного), так и стратегического (долговременного) плана. Поскольку, например, законом устанавливались короткие сроки овладения государственным языком работниками целого ряда органов государственного управления, учреждений, сферы обслуживания, постольку необходимо было срочно организовать целую сеть курсов по обучению русскоязычного населения государственному языку в министерствах, ведомствах, исполкомах, а также на предприятиях, в учреждениях и организациях. Создание такой системы, понятно, потребовало, во-первых, выделения помещений, аудиторий, часов в рабочее время, во-вторых, выявления контингентов учителей и преподавателей, способных и согласных обучать латышскому языку взрослое население,

в-третьих, обеспечения методическими учебными программами, учебными пособиями, самоучителями государственного языка, в-четвертых, изыскания дополнительных материально-технических ресурсов для ощутимого увеличения выпуска необходимой вспомогательной литературы, в-пятых, мобилизации средств массовой коммуникации для пропаганды государственного языка и для оказания посильного содействия в деле его усвоения.

Особую головную боль чиновников государственного аппарата вызывали расходы на систему образования, перевод которой с русского языка на государственный требовал значительных вложений, включающих оплату расходов на изучение государственного языка и его освоение в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах, в средних специальных и высших учебных заведениях, словом, — от детских садов до университетов; на разработку концепции по радикальному улучшению содержания и методов обучения государственному языку, подготовку новых программ учебников, адаптированных для различных национальных групп населения, в том числе новых учебных пособий для изучения государственного языка в классах и школах учащимися из числа проживающих в республике национальных меньшинств; выделения дополнительных средств для оплаты гонорара авторам учебников и пособий, для повышения зарплат учителям городских и сельских школ и преподавателям техникумов и вузов; расширения приема студентов в вузы для подготовки высококлассных работников по специальности государственный язык и литература на этом языке; организация трудоемкой и психологически напряженной работы по переводу делопроизводства на государственный язык, включая материально-техническое и кадровое обеспечение; выделение средств на организацию синхронного перевода заседаний совета министров, его президиума и других государственных учреждений; подготовку армии квалифицированных переводчиков.

Трудности в поисках источников финансирования вносили серьезные трудности в реформирование, по сути блокировали введение государственного языка в установленные законом сроки.

ПРИБАЛТИКА, МОЛДОВА

В европейских республиках, особенно в Прибалтике и Молдове, пожалуй, имело место более глубокое чем в республиках Средней Азии, понимание того, что для реализации законов о языках потребуются значительные дополнительные капиталовложения. В Латвии

фонд финансирования языковой реформы складывался из двух источников. Для бюджетных учреждений дополнительные ассигнования предусматривались госбюджетом.

Хозрасчетные предприятия и организации расходы по укреплению государственного языка должны были покрывать сами. По приблизительным расчетам Совета Министров Латвии, оглашенным, за день до того, как Латвийский парламент проголосовал за придание латышскому языку статуса государственного языка, было установлено, что на финансирование мероприятий, предусмотренных республиканской (государственной) программой, потребуется около 50 млн. рублей, в том числе около 23 млн. рублей из госбюджета⁷.

Уже в начале 1989 г. в Латвии было предусмотрено также, что при формировании бюджета на 1990 г. указанные средства будут выделены, тем более, что и в республиканском и в местных бюджетах имелись необходимые накопления.

Формирование финансового фонда языковой реформы оказалось гораздо более трудным делом, нежели митинговая поддержка и силовое давление на депутатов, которым предстояло голосовать за принятие закона. Об этом, в частности, в острой форме говорилось на Пленуме ЦК компартии Латвии за день до принятия закона «О языках». Отмечалось, также, что для реализации утвержденной горсоветом Даугавпилса программы по обучению латышскому языку 18 тыс. человек взрослого населения — руководителей, работников сферы обслуживания, торговли, медицины и некоторых других, потребуется только на первом этапе около 2 млн. рублей. Разработка специальной программы для реализации закона о языках в Даугавпилсе выявила, что городу потребуется более 150 квалифицированных переводчиков⁸.

Летом 1989 г., когда из Кишинева в районные центры юга Молдавии стали поступать разнарядки о выделении дополнительных ассигнований из средств местных бюджетов, у районных руководителей и общественности резонно возник вопрос: почему гагаузы и болгары должны оплачивать перевод молдавского языка с кириллицы на латиницу?

Во время дебатов в Парламенте Российской Федерации в ответ на крайне дискомфортный вопрос: «Каков финансовый критерий введения государственного языка?» остроумно ответили: «Нефинансирование будет стоить дороже!»

Итак, введение государственного языка должно было означать, что обучение ему будет организовано государством, нуждающимся в языке как одном из инструментов управления. Однако опыт первых 2—3 лет показал такую ужасающую пустоту государственной казны, а на население

обрушился такой вал бедности, что ни за счет госбюджета, ни за счет дополнительного влезания в карман налогоплательщиков нельзя было найти деньги для реализации языковой реформы. И хотя в бывших союзных республиках после обретения ими независимости «языковой пыл» несколько угас, тем не менее в отдельных республиках поиски денег на обучение государственному языку велись. В Туркмении, например, выявили возможность обучать работников за счет местного бюджета, внутренних накоплений предприятий. Однако подобные резервы оказались далеко не у всех⁹. Риторические вопросы о перекачивании части средств из кооперативного сектора или о вознаграждении туркмен, обучающих своих русских собратьев туркменскому языку, кроме сотрясения воздуха ничего другого не принесли. Вопрос для многих республик оказался открытым.

Экономический аспект языкового реформирования оказался более крепким орешком, чем сопротивление бывшего Союзного Центра, чем резкое недовольство русскоязычного населения на местах и чем низкая организационно-реформаторская компетентность новых бюрократических структур.

2.7. ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ (ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Летающая тарелка наконец приземлилась и в Узбекистане. Спустившийся с нее на землю инопланетянин неожиданно заговорил с оторопевшими жителями на чистейшем... узбекском языке. Однако внезапный шок тут же сменился сарказмом: надо же, обитатель другой планеты знает узбекский язык, а вот русские, прожившие здесь десятки лет, так и не научились говорить по-узбекски.

Воспроизведенная телевизионная миниатюра была показана одной из утренних программ узбекского телевидения через год после принятия в Узбекистане закона о государственном языке¹. Естественно, она вызвала неоднозначную реакцию телезрителей: у одних — смех, у других — глухую тревогу, у третьих — «обиду за державу». Для большинства же русскоязычного населения эта телеминиатюра стала предпоследней каплей, переполнившей чашу беспокойности за свое «безъязыкое» существование в новом независимом государстве с официально утвержденным государственным языком. Год, прошедший после принятия закона о государственном языке, показал, что было отчего взволноваться. Представители законодательной и исполнительной власти бывшей союзной республики продемонстрировали решительное желание выполнять принятый закон.

В течение всего лишь одного 1990 г. доминирующие в прошлом телепередачи на русском языке были сокращены и переведены на второстепенный телеканал с меньшим радиусом вещания. Первая телепрограмма, охватывающая всю республику, перешла с преимущественно русского в основном на узбекский язык. Лишь пятнадцатиминутные «Новости» были оставлены для тех, кто предпочитает смотреть передачи на русском языке. Без учета мнения телезрителей руководство узбекского гостелерадио прекратило ретрансляцию передач видеоканала «Советская Россия». Взамен запустили программы видеоканала «Дустлик» («Дружба») на казахском, корейском, уйгурском, татарском языках.

Вопреки предписаниям закона о государственном языке, в течение года после его принятия не обеспечивался синхронный перевод на конференциях, собраниях, не соблюдалось дублирование на русский язык текстов вывесок, объявлений и другой информации. Особую тревогу вызывали участившиеся случаи понижения работников в должности из-за незнания государственного языка.

Перечисленные и подобные им перемены в языковой политике, связанные с форсированным внедрением государственного языка, сопровождаемые попытками посягательства на права и безопасность неузбекского населения, увы, способствовали формированию чемоданного настроения как среди русских, так и среди остального русскоязычного населения. Вытекающее из-за закона ощущение себя второсортными людьми инспирировало миграцию части русскоязычного населения. Накануне учебного года на состоявшихся в Ташкенте августовских педсоветах обнаружилась нехватка свыше тысячи учителей. За восемь месяцев уволилось 80 специалистов, обслуживающих Сырдарьинскую ГРЭС, дающую 40% электроэнергии, производимой в Узбекистане, по 900 работников заводов «Ташсельмаш» и «Чирчиксельмаш», 513 рабочих ташкентского тракторного завода.

Чувствительнее всего отток русскоязычного населения ударил по сердцу экономики — топливно-энергетическому комплексу, часть подразделений которого оказалась поставленной под угрозу полной остановки².

Итак, потребовался всего лишь один год действия языкового закона, чтобы у некоренного населения укоренилась неуверенность в завтрашнем дне.

Важно определить, какое место занимает обретение второго языка в синдроме русскости. Сегодня, в пору, когда многие миллионы русских оказались в независимых государствах в чрезвычайно труд-

ном одноязычном состоянии, впору поставить вопрос о том, почему вышла такая история?

Разумеется, необходимо сразу же отказаться от идеи природной неспособности русского человека к иностранным языкам. Об этом приходится напоминать хотя бы для того, чтобы сразу же отвести неверные выводы из малоизвестных высказываний известных русских мыслителей. Напомним об одном из таких суждений, принадлежащем одному из самых серьезных аналитиков русской идеи, русскости и истории русской культуры — Г. П. Федотову. Он, как и многие другие звезды первой величины послеоктябрьского русского зарубежья (Н. Бердяев, И. Ильин, С. Франк, И. Бунин, С. Дягилев, С. Рахманинов и др.), сделал немало для сохранения русскости тогда, когда она находилась под угрозой здесь.

Между тем, именно он, Г. П. Федотов, писал: «Простой русский человек — москвич, как и интеллигент, — удивительно бездарен к иностранным языкам, как и вообще не способен входить в чужую среду, акклиматизироваться на чужбине»³.

Какими бы слабыми ни были общая и теоретическая подготовка реформаторов (как законодателей, так и исполнителей), какими бы острейшими ни были идеологические и политические споры вокруг государственного языка, нельзя было серьезно приниматься за реформирование языковой ситуации и языковой жизни, не поставив и не дав ответа на ряд простых и ясных, как солнечный день, вопросов. В самом деле, кто затеял реформу, в чьих интересах, кому она стала позарез нужной, интересы какой массы людей будут ею затронуты, удовлетворены или ущемлены, сколько человек захотят изучить второй язык, во что эта учеба обойдется молодому государству и найдутся ли у него для этого деньги, люди, время, условия, настойчивость и умение довести дело до конца. Более того, за частоколом этих бесхитростных вопросов могли быть и не столь однозначные, например, захотят ли вообще реформаторы из числа лидеров титульной нации обучать русскоязычное население государственно-му языку и не более ли выгодно с помощью проваленного госэкзамена подтолкнуть их выезд за пределы государства своей нации?

Перед тем, как закладывать основы языковой реформы, в том числе и по разработке текстов законов о языке (языках), законодатели, естественно, могли и обязаны были исходить из реальной этноязыковой и этнополитической ситуации. Чтобы реализовать ассоциированные с законом государственные программы, надо было, как минимум, установить контингенты лиц, которым по воле закона необходимо будет овладеть государственным языком.

Этнопедагогический аспект, следовательно, состоял в понимании того, что реформаторы должны были осознать свою задачу по обучению второму языку, а русскоязычное население должно было увидеть свою задачу по овладению государственным языком. Для того, чтобы гарантировать языковые права разноязычных граждан, в том числе право на ведение дел с государством на избираемом гражданами (а не чиновниками) языке, предстояло подвести солидную базу и прежде всего обеспечить исполнение предписанных законом обязанностей на государственном языке или языке обращения граждан.

Первые же попытки форсированного внедрения государственного языка в целом ряде независимых государств натолкнулись на многочисленные препятствия объективного характера. Едва ли не самыми главными стали две проблемы: финансирование и кадры. Потребовалось не так уж много времени, чтобы убедиться в том, что без помощи учителей не обойтись. Для того, чтобы развернуть среднюю школу лицом к обучению на государственном языке, потребовались учителя, учебники, учебные пособия, методическая литература. Выпущенные наспех разговорники в известной мере сыграли свою положительную роль, но не решили проблемы. На собственном горьком опыте гагаузы Молдавии, например, убедились, что без собственного университета подготовить кадры для средней школы и для профессионально-технических училищ невозможно. Созданный в Комрате университет стал едва ли не самым важным завоеванием молодой непризнанной Гагаузской республики.

Ясно, что следовало определить меры и размеры внедрения государственного языка, а в республиках с командами дальновидных законодателей еще и размеры расходов на государственную политику по изучению русского языка в качестве второго языка, в местах же компактного проживания национальных меньшинств — укрепления позиций их языков.

Итак, четыре взаимосвязанные задачи: во-первых, определение численности одноязычных лиц, которых предстояло обучить государственному языку, во-вторых, подготовка и повышение квалификации учителей, научных и педагогических кадров, в-третьих, совершенствование изучения и преподавания языков, и, наконец, в-четвертых, постоянная разъяснительная работа, пропаганда курса новой языковой политики — предопределили этнопедагогический аспект языковой реформы.

В зависимости от потенциала педагогических кадров каждой из бывших союзных республик мобилизация помощи потребовала разных усилий.

ПРИБАЛТИКА

В ходе подготовки языковой реформы в Латвии, было, в частности, выявлено, что только в системе здравоохранения латышский язык (как государственный) должны освоить 16 тыс. человек, в сфере торговли и общественного питания — еще 11 тыс., в сфере коммунального хозяйства и службы быта — 20 тыс. В соответствии с установленными языковыми обязанностями латышский язык потребуется освоить 50 тыс. должностных лиц из числа руководителей различного ранга и специалистов, работающих в органах государственного и хозяйственного управления, а также на производственных предприятиях. Иными словами, языковой долг, установленный законом, призывал сесть за учебные парты не менее 100 тыс. человек взрослого русскоязычного населения. Обращаясь к депутатам Верховного Совета Латвийской ССР во время заседания одиннадцатой сессии одиннадцатого созыва, сессии, которая через день проголосовала за новый Закон Латвии «О языках», В. Г. Бресис определил эту цифру значительной и «большой»⁴.

Разумеется, сама по себе она ровным счетом ни о чем не говорит. Однако имеет смысл напомнить о том, что всего в Латвии по переписи населения 1989 г. проживало 1 278 810 лиц нелатышской национальности (или 48,0%) всего состава населения республики), в том числе в Риге — 578 521 человек или 63,5% ее населения.

Значительная часть нелатышского населения была занята трудовой деятельностью.

Даже при беглом взгляде видно, что определение контингента лиц нелатышской национальности, которым предстояло садиться за учебники и самоучители латышского языка, было явно занижено перед лицом Латвийского парламента.

Для полного укомплектования курсов по изучению латышского языка республике необходимо было иметь дополнительно около 2 тыс. преподавателей. Всего же в республике накануне принятия закона о языке насчитывалось 2,3 тыс. учителей латышского языка.

Судя по печати, в одних только митингах против предполагаемого закона приняли участие рижане, в несколько раз превышающие число установленную цифру в 10 тыс. Следовательно, языковой закон затрагивал, во-первых, интересы гораздо более широкого круга лиц нелатышской национальности, во-вторых, гораздо глубже, чем только необходимость овладеть государственным языком. И у нас нет оснований думать, что народ это не понимал.

Независимо от того, занижена или не очень занижена была численность лиц, которым государственный язык становился необходимым для исполнения служебных обязанностей, в республике подошли серьезно к их обучению. Так, например, Управление делами Совета Министров Латвии совместно с межотраслевым институтом повышения квалификации руководящих работников и специалистов организовали курсы по изучению латышского языка, Исполкомы местных советов организовали обучение работников аппарата, отраслевые министерства, госкомитеты и ведомства, обеспечили обучение работников сферы обслуживания. С помощью вузов республики, кооперативов и Министерства бытового обслуживания были организованы курсы латышского языка для работников предприятий, учреждений и организаций.

Однако, несмотря на все усилия правительства республики, к весне 1989 г., к моменту принятия закона о государственном языке, удалось организовать курсы приблизительно для половины тех, кто нуждался в помощи по изучению латышского языка.

В Прибалтийских республиках параллельно с разработкой законопроектов были начаты поиски конструктивных мер для расширения преподавательского корпуса республик. Так, например, в Латвии уже с сентября 1988 г. была повышена зарплата учителям латышского языка, работающим в сельских и поселковых средних учебных заведениях на 15%, т. е. в таком же объеме, какой раньше был установлен для учителей русского языка в школах с латышским языком обучения.

С начала 1989—90 учебного года в Латвии был увеличен прием студентов на 75 человек по специальности «латышский язык и литература», возобновилась подготовка учителей по этой же специальности в Даугавпилском пединституте, было принято решение о возможности привлечения к педагогической деятельности пенсионеров, выплатой им при этом зарплаты и пенсии в полном размере, организованы курсы повышения квалификации.

Введение государственного языка в Литве, естественно, потребовало пересмотра языков школьного обучения. Началась кампания бойкота уроков русского языка, сопровождаемая решительным сокращением времени для обучения русскому языку и перераспределением времени в пользу часов, отводимых для изучения литовского языка⁵.

Не сразу удалось организовать массовое обучение нелитовского населения государственному языку. Частные акционерные общества с ограниченной ответственностью, взявшие было за организацию преподавания литовского языка, преследовали не столько просветительские, сколько коммерческие цели. Разрыв, сложившийся между требованием

соблюдать положения законодательных актов о введении государственного языка, и слабая организация обучения ему создавали нежелательный для правительства дискомфорт среди нелитовского населения. Предусмотренные законом штрафы за неупотребление государственного языка на печатях, коммерческих бланках, вывесках, рекламе сами по себе оказались неэффективными без широкомасштабных мер по повышению уровня преподавания литовского языка и без обеспечения материально-технической базы (организация лингафонных кабинетов, просмотры учебных фильмов, наличие небольшой библиотеки с книгами по истории и культуре Литвы, вечеров отдыха и т. д.)⁶.

Однако дело не сводилось только к объективным трудностям. Имели место и субъективные факторы, и прежде всего нежелание русских и других преподавателей нетитульной национальности изучать государственный язык. Генеральный директор департамента по языкам Республики Молдова регулярно наблюдающий за состоянием дел в претворении в жизнь молдавского языкового закона, принятого в 1989 г., неоднократно жаловался на то, что ссылка лиц немолдавской национальности на нехватку словарей, учебников, учебных пособий, лингафонного оборудования, преподавателей не состоятельны. У русскоязычного населения Молдовы, по его убеждению, не возникло желание и стремление овладеть молдавским языком.

Более того, по его же словам, численность учащихся на курсах молдавского языка скорее сокращается, чем увеличивается. Апатия людей к государственному языку подкрепляется общим правовым нигилизмом, несоблюдением положений языкового закона, отсутствием жесткого контроля по его выполнению⁷.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Принятие закона о государственном языке в Узбекистане не встретило сколько-нибудь решительного сопротивления узбекского населения республики. Русское и русскоязычное население отнеслось к нему с должным пониманием, и на первых порах, пока республиканские власти не форсировали его внедрение, люди стали записываться на курсы изучения государственного языка, посещать факультативы, запасаться необходимыми материалами. Быстро обнаружились и изъяны: отсутствие преподавателей, нехватка учебников, трудности овладения вторым языком в пожилом возрасте. Особую тревогу вызывало принудительное побуждение к изучению языка⁸.

В соответствии с общей концепцией Закона «О государственном языке Киргизской ССР», сочетающей законодательное установление статуса

киргизского языка как государственного языка и статуса русского языка, как языка межнационального общения народов СССР, предусматривается введение киргизского языка в качестве «основного языка обучения и воспитания в системе народного образования республики» и одновременно обеспечиваются гарантии свободного выбора языка обучения.

Реализация этого принципа означает, что «в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах, средних специальных и высших учебных заведениях с русским или другими языками обучения обеспечивается преподавание и изучение государственного языка». Чтобы закон был эффективным, в учебных заведениях вводится выпускной экзамен по государственному языку. Вместе с тем, во всех звеньях этой же образовательной системы, работающих на государственном языке, обеспечивается преподавание и изучение русского языка, по которому также вводится выпускной экзамен.

Для организованного обучения населения республики киргизскому языку решено было организовать при Министерстве народного образования координационный научно-методический центр, укомплектовав его ведущими учеными-языковедами. В числе функций Центра — координация деятельности учебных заведений республики по организации учебного процесса, включая обеспечение необходимой научной и вспомогательной учебно-методической литературой по киргизскому языку. Перед правительством была поставлена задача по обеспечению во всех средних специальных и высших учебных заведениях преподавания государственного языка в объеме, необходимом для выполнения выпускниками их профессиональных обязанностей, укрепление материально-технической базы проблемной лаборатории социолингвистики и интенсивных методов обучения киргизскому языку при Ташкентском педагогическом институте русского языка и литературы, введению в действие республиканских постоянно действующих курсов по подготовке преподавателей и методистов интенсивного обучения киргизского языка, открытию кафедр киргизского языка и литературы в вузах нефилологических специальностей.

Учитывая неравномерное обеспечение вузов республики кадрами преподавателей, неодинаковый уровень их профессиональной подготовки, разные условия обучения в столичных и других вузах республики, государственная программа нацеливала на разработку единого плана поэтапного перехода к изучению киргизского языка и обучению на нем, устанавливала разные сроки создания материально-технической базы

для внедрения интенсивных методов изучения киргизского языка: в Киргизском госуниверситете — к 1 сентября 1991 г., в Ошском пединституте и Пржевальском филиале госуниверситета — к 1 сентября 1992 г., в Киргизском женском пединституте и Бишкекском пединституте русского языка и литературы — к 1 сентября 1993 г.

В связи с обучением населения киргизскому языку была определена потребность в учебниках и учебно-методической литературе, начата подготовка к изданию детских книг, музыкальных сборников, выпуску видеозаписей курсов киргизского языка.

Не оставлена за пределами внимания и новая для республики проблема: изучение в соответствующих вузах с киргизским языком обучения киргизского алфавита на основе арабской и латинской графики. С этой целью в программу этих вузов включена учебная дисциплина «киргизский язык».

Для качественного улучшения изучения казахского языка в сфере народного образования «Государственная программа развития казахского языка и других национальных языков в Казахской ССР...» предусматривает комплекс мер, в том числе: введение новых учебных программ, рассчитанных на увеличение учебных часов по казахскому языку, переориентацию нравственно-эстетического воспитания с учетом национальных и культурных особенностей, расширение школ с углубленным изучением основ национальной музыкально-эстетической культуры, народных танцев, народно-прикладного искусства, создание фольклорно-этнографических детских ансамблей, укомплектование детских садов, школ и групп с казахским языком обучения квалифицированными педагогическими кадрами, включение казахского языка в перечни дисциплин, входящих в состав документа об окончании средних общеобразовательных школ, профтехучилищ, средних специальных и высших учебных заведений, создание оригинальных учебников на казахском языке для различных звеньев сферы народного образования, учреждение Государственной премии Казахской ССР за создание оригинальных учебников и учебных пособий на казахском языке, расширенную подготовку кадров преподавателей, также аспирантов по языковым специальностям⁹. Подготовка и повышению квалификации учителей, научных и педагогических кадров, совершенствованию изучения и преподавания языков, организационно-пропагандистским мероприятиям, призванным обеспечить идеологическую поддержку и поддержку общественного мнения, была посвящена значительная часть «Государственной программы развития и расширения сферы функционирования туркменского языка, улучшения изучения

русского и других языков». Согласно этой «Программе...», в республике предлагается поднять уровень научно-педагогической работы: создать проблемную лабораторию интенсивных методов и технических средств обучения туркменскому и русскому языкам в Ашхабадском пединституте русского языка и литературы; фольклорно-диалектологические кабинеты в Туркменском государственном университете им. А. М. Горького и в педагогических вузах республики; отдел методики преподавания туркменского и русского языков, туркменской и русской литературы в Научно-исследовательском институте педагогики; кафедры туркменского языка во всех вузах республики.

Министерству народного образования Туркмении поручено «реорганизовать Ашхабадский пединститут русского языка и литературы в Туркменский государственный институт языка и литературы с открытием в нем специальностей: туркменский язык и литература в школах с русским, узбекским, казахским языками обучения; персидский язык; белуджский язык», а также организовать подготовку переводчиков, межреспубликанский обмен студентами, курсы повышения квалификации учителей для школ с туркменским, узбекским, казахским языками обучения¹⁰.

Уже первые шаги по внедрению государственного языка показали, что республике потребуются неординарные меры, не включенные в вышеназванную госпрограмму. По предположению туркменских специалистов, принимающих в расчет «нулевое положение» в знании туркменского языка нетуркменами, потребуется не менее десятилетия для того, чтобы лишь 10% русскоязычных освоили государственный язык. Но это скорее будет итогом падения доли русских в составе населения, чем ускоренное приобщение к туркменскому языку¹¹.

Итак, о чем свидетельствуют ход и воплощение в жизнь языкового законодательства и государственных программ по созданию приоритетов одному из языков, объявленному государственным языком? Прежде всего обращает на себя внимание крайне слабая научная проработка реальной языковой ситуации, откровенное игнорирование этнодемографического баланса, нежелание реформаторов учесть общественное мнение, неумение обращаться к конкретным носителям языков, для того чтобы определить, кто, когда, на каком языке, по какому поводу и как долго разговаривает, обстановка нетерпимости, узость навязываемых этнократических подходов. Эти и ряд других факторов обусловили трудности в межнациональных общениях, подготовили почву для возникновения недопонимания, противоречий и конфликтных ситуаций.

Принятие языковых законов и их реализация прямо связано с практической реализацией программных требований идеологов и лидеров национальных движений, всех тех, кто рвался к власти или не хотел терять ее. Истории языковых и национальных движений хорошо знакома эта ситуация. Ничто не ново под луной. Поражает совпадение нынешней ситуации с той, что уже имела место на заре Советской власти, когда захватившие власть большевики декретировали право использования родных языков во всех сферах жизнедеятельности¹², в том числе в сфере образования, не приняв во внимание огромное языковое хозяйство, значительная часть которого не была подготовлена к организации просвещения на национальных языках.

Поскольку в постоктябрьской России насчитывалось более 150 языков, законодательное обязательство вести дело просвещения низшего, среднего и высшего звена дошкольного, внешкольного, театрального обучения, издательства книг, учебников и учебных пособий трезвым специалистам представлялось абсурдом. «Получается, — примем к сведению критическую оценку одного из таких аналитиков, — советская власть берется культивировать языки, насаждать их. И этот абсурд получается от того, что издавая декрет о национальных школах, Наркомпрос не проработал вопроса, не занялся конкретными фактами, а огулом сделал декларацию больше с целью показать инородцам, что советская власть относится к ним совсем иначе, чем царский режим. Царь, мол, признавал только русский язык, а мы признаем все языки. Царь только русским позволял на родном языке обучаться, а другим народам навязывал чужой, неродной язык, а мы провозглашаем обратное. Так путем простого отрицания, негативного отношения к старому режиму и его принципам пришли к вышеприведенной декларации¹³. И, конечно, декларация осталась мертвой фразой»¹⁴.

И далее следовал убийственный вывод заведующего отделом просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР П. М. Макинциана, из доклада которого заимствована вышеприведенная длинная цитата. Вот этот вывод: «При... фактическом несоответствии между процентным отношением языков и учреждений декларация права национальностей получать образование на своем родном языке — пустой звук»¹⁵.

Как и тогда, в 20-е годы, теперь, на рубеже 80—90-х годов, в бывшем СССР и в постсоветском пространстве не обошлось без крайностей. Резко повернув руль языковой реформы и сменив установленные ранее приоритеты русскому языку преимущественными условиями для функционирования новоявленных государственных языков, идеологи

языковой реформы накренили корабль с многонациональным составом пассажиров до критической отметки. Неучтенные потребности в кадровом обеспечении внедрения государственного языка серьезно подорвали заложенные в реформу позитивные цели.

2.8. ВОПРОСЫ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

«Никакое здание не может быть построено без учета “сопротивляемости материалов”. Из дерева нельзя выстроить десятиэтажный, а из кирпича — сорокаэтажный дом! Русская история имеет дело с совершенно определенным материалом и совершенно определенным планом стройки. Всякая переоценка или недооценка материала, всякий извне взятый план приводят к логически неизбежной катастрофе».

И еще: «Русская интеллигенция, традиционно “оторванная от народа”, предлагает этому народу программы, совершенно оторванные от всякой русской действительности — и прошедшей, и настоящей. Эта же интеллигенция дала нам картину и прошлого, и настоящего России, совершенно оторванную от всякой реальной русской жизни — и оптимистической и пессимистической реальности. Именно поэтому русская общественная мысль шаталась из стороны в сторону так, как не шатается никакая иная общественная мысль в мире: от утопических идей второго крепостнического права до столь же утопических пережитков первого. Коммунистическая революция в России является логическим результатом оторванности интеллигенции от народа, неумения интеллигенции найти с ним общий язык и общие интересы, нежелания интеллигенции рассматривать самое себя как слой, подчиненный основным линиям развития русской истории, а не как кооператив изобретателей, наперебой предлагающих русскому народу украденные у нерусской философии патенты полного переустройства и перевоспитания тысячелетней государственности»¹.

Оба приведенные пассажа принадлежат одному и тому же человеку — Ивану Лукьяновичу Солоневичу, русскому историку, имя которого надолго было вычеркнуто из истории отечественной социологической и философской мысли. И подобно именам многих других мыслителей — Ильина, Федотова, Хомякова, Тихомирова, Меньшикова, С. Ф. Платонова, Победоносцева, — россияне вновь его открывали для себя. И кажется неправдоподобным, что слова, написанные более полувека тому назад, в самые первые дни Великой Отечественной войны, могут быть актуальными сейчас, и не только для истории

русских, но и многих других, стремительно покидающих границы бывшего Советского Союза.

Важно выделить и не упустить из поля зрения четкую, методологически ценную мысль: нельзя приступать к реализации какой-либо программы без знания «сопротивляемости материала». Применительно к языковому законодательству, ставшему в ходе перестроечных процессов сильнодействующим механизмом языковой и, шире — национально-языковой политики, это означает неукоснительный учет реалий конкретной языковой среды. Увы, история реформирования в языковой сфере показывает, что ее проводники не всегда держали в уме приведенную выше заповедь. В складывании той этноязыковой ситуации, которую вознамерились преобразовать инициаторы языкового реформирования, в равной мере повинны и общественная система с ее идеологией примата интернационального над национальным, и вскормленный сталинизмом национальный нигилизм немалой части национальной интеллигенции, и, наконец, хилая теоретическая мысль и малоэффективные практические деяния по обеспечению условий нормального функционирования национальных языков и полновесного приобщения представителей одной национальности к языку другой.

Не секрет, что вместо глубокой проработки многих конкретных вопросов современной этноязыковой ситуации и назревших проблем этноязыковых процессов, заинтересованные научные дисциплины долгое время увлекались больше игрой в дефиниции, нежели анализом конкретных этноязыковых реалий. Казалось бы совершенно естественным, например, чтобы именно советская социолингвистика, овладевшая рядом высот в осмыслении и объяснении сути зарубежных языковых ситуаций, проявила беспокойство о накопившихся язвах в «домашних» межнациональных отношениях. Для этого нужна была заново созданная информационная база. Но именно этой базы у социолингвистики не оказалось. Между тем не так просто подготовить высококвалифицированные кадры, которые, презрев голую эмпирию, на должном социологическом уровне взялись бы получать ответы на вопросы, поставленные в мировой социолингвистике. Между прочим, речь идет о тех вопросах, в ответах на которые нуждались практики. К сожалению, сейчас можно назвать не так уж много исследований, перед которыми ставилась цель получить ответы на давно сформулированные передовой зарубежной социолингвистикой вопросы: кто, когда, на каких языках, о чем, как долго и в каких случаях разговаривает на том или ином языке, предпочитает один язык другому, выбирает язык мобильности, культуры, расширения своего кругозора язык своей или не своей национальности².

В законодательных актах и государственных программах по реализации языковых законов не было недостатка в констатации той катастрофической ситуации, в которой оказались общественные функции языков многих нерусских народов бывшего СССР. Подобно многим другим языкам, например, казахский язык «практически перестал быть полноправным языком на территории республики, являющейся исторической родиной казахского народа. Вместе с угрозой его полной деградации и исчезновения стала уменьшаться потребность в его использовании, проявилась тенденция пренебрежительного к нему отношения со стороны подрастающего поколения, части нигилистически настроенной казахской интеллигенции. Естественно это вызвало «законную тревогу и обеспокоенность в обществе, а здравые попытки более глубоко в них разобраться и найти рациональные решения нередко квалифицировались как национализм со всеми вытекающими отсюда последствиями»³.

Резкое сокращение сфер функционирования белорусского языка привело к потере у значительной части белорусов «чувства ценности национально-культурного наследия, к деформации национального самосознания»⁴. В Туркмении накопилось немало вопросов, вызванных административно-командной системой управления, представлениями о беспроblemности национально-языковых отношений. Наряду с тенденцией сокращения сферы употребления туркменского языка, стала расти численность лиц туркменской национальности, прежде всего в составе горожан, слабо владеющая языком своей национальности, крайне низким стал уровень изучения туркменского языка представителями нетуркменской национальности⁵.

ПРИБАЛТИКА

Неудивительно, что политики и практики, приступившие с конца 1988 г. к подготовке языковой реформы, столкнулись с крайней нищетой социолингвистической мысли в деле раскрытия сути происходящих в сфере межъязыковых контактов явлений.

Неподготовленной к переменам оказалась та часть педагогики, перед которой введение государственных языков воздвигло ряд задач по совершенствованию методики и условий преподавания государственного языка.

Закономерно и оправданно, что реформаторы «приступили к делу» с наиболее очевидных вещей, т. е. с реформирования системы образования в первую очередь с пересмотра соотношения преподавания латышского и русского языков в пользу первого.

Как только депутаты Верховного Совета Латвии проголосовали 6 октября 1988 г. за придание латышскому языку статуса государственного, в республике развернулась работа по научному и научно-методическому обеспечению «смещения акцента» с преподавания русского языка на оказание помощи тем, кому уже в ближайшее время необходимо было сесть за учебники.

Министерство народного образования выровняло количество уроков по изучению латышского и русского языков в школах с преподаванием и на том и на другом языке, приступило к разработке новых концепций по радикальному совершенствованию содержания и методов обучения латышскому языку и латышской литературе. В Даугавпилсе был сформирован авторский коллектив по созданию учебника и учебных пособий для изучения латышского языка в зоне проживания латгальского населения. Для активизации научной работы в деле подготовки новых учебников и пособий правительство, во-первых, разрешило предоставлять авторам творческий отпуск с сохранением средней заработной платы по месту их основной работы, во-вторых, были увеличены ставки авторского гонорара за издание учебной литературы.

В Латвийском госуниверситете в феврале 1989 г. перед вновь созданной кафедрой практического латышского языка были поставлены задачи координации разработки методической стороны дела в изучении латышского языка в вузах республики.

МОЛДОВА

Программа научных исследований во многом зависит от концептуальной основы самой государственной программы. Едва ли не полярными в этом отношении являются молдавская и грузинская госпрограммы. Первая из них исходила из необходимости осуществления важнейших принципов единого многонационального государства, что оказалось в конечном счете решающим в выборе направлений исследований. В программе нашли место задачи по организации исследований не только по государственному, но и по языкам других национальностей — русскому, украинскому, гагаузскому, болгарскому и еврейскому.

Государственная программа в Грузии, напротив, была ориентирована исключительно на исследование проблем государственного языка. Ни один другой язык в ней не упоминался.

В программе Молдавии обращает на себя внимание, что для изучения каждого языка, включая молдавский, не только ставились задачи, но и создавались условия для их решения. Так, например, для обеспечения всестороннего исследования молдавского языка, особенно в социолингвистиче-

ском аспекте (билингвизм и полилингвизм), определение места молдавского языка в системе романской семьи языков, разработки научно обоснованной концепции развития молдавского языка предлагалось создать на базе Института языка и литературы АН Молдавской ССР — двух новых самостоятельных институтов — языкознания и литературоведения. Для осуществления социолингвистических и сравнительно-типологических исследований русского языка, а также для более глубокого изучения культуры русской речи предлагалось создать отдел русского языка при Институте языка и литературы АН МССР. Задачи всестороннего исследования особенностей функционирования украинского языка на территории Молдовы обусловили необходимость создания при Отделении общественных наук АН МССР самостоятельного отдела украинского языка, литературы, фольклора, истории и этнографии.

Едва ли не самым обширным предстает из госпрограммы комплекс задач по исследованию гагаузского языка. Долгие годы дискриминации гагаузского национального меньшинства действительно создали угрожающую ситуацию в деле функционального развития языка малочисленного народа. По сути дела речь может идти о бескровном языковом геноциде. Чтобы возродить гагаузский язык, едва ли не все надо было начинать с нуля. Молдавская госпрограмма вполне отвечала на вызов времени и на крик народа о спасении его культуры и языка. Во всяком случае трудно найти еще одну столь всесторонне разработанную исследовательскую программу. Мы не касаемся здесь того, будет эта программа реализована на практике или останется на бумаге, подобно многим другим нереализованным языковым постановлениям прошлых лет. Во всяком случае все, что обозначено в госпрограмме, действительно отвечает чаяниям народа и потребностям возрождения его языка: и социолингвистические исследования, и подготовка терминологических словарей гагаузского языка, и подготовка грамматики, и проведение научных конференций, сессий, симпозиумов и других мероприятий, стимулирующих развитие отечественного гагаузоведения.

Очерченный круг проблем был настолько широким, что для реализации всех исследовательских задач потребовалось создание в системе АН Молдавской ССР самостоятельного института гагаузоведения и болгаристики, а также расширения лаборатории гагаузского языка в Научно-исследовательском институте педагогики Министерства образования Молдавской ССР.

Предусмотрены были исследования болгарского языка (совместно с учеными АН Украинской ССР) и еврейского (идиш), в том числе создание

сектора еврейского (идиш) языка, литературы и фольклора в Институте языка и литературы АН МССР⁶.

БЕЛОРУССИЯ

К организационным, кадровым и научным аспектам обеспечения конституционного статуса белорусского языка серьезно подошли инициаторы и активисты языковой реформы в этой республике. И хотя обилие созданных в Белоруссии комиссий настораживает (всем памятна рожденная застоём поговорка: чтобы похоронить какое-либо дело, надо создать комиссию), все же деятельность по их созданию свидетельствует о серьезности намерений белорусского парламента сдвинуть камень с мертвой точки. От ряда государственных и общественных организаций госпрограмма белорусского языка, в частности, требует создать «Республиканский межведомственный научно-методический совет по вопросам культурно-языковой политики», с приданными ему полномочиями координировать и контролировать работу по систематическому изучению и исследованию белорусского и других языков, включая изучение спроса на учебно-вспомогательную литературу, учебные пособия и т. д.

Для координации работы по отбору терминов из разных отраслей знания и подготовки соответствующих словарей госпрограмма рекомендует создать Терминологическую комиссию при Академии наук Белорусской ССР, отдел терминологии в Институте языкознания им. Я. Коласа, а в высших учебных заведениях республики организовать рабочие терминологические группы по подготовке терминологических словарей. Для упорядочения правописания белорусских топонимов Академии наук поручается создать республиканскую топонимическую комиссию, возложив на нее функции по разработке принципов передачи топонимов на белорусском языке, принципы научных основ транскрипции иноязычных географических названий⁷. Реализация белорусского языкового закона потребует проведения фундаментальных исследований белорусского народного языка, создания диалектных словарей и атласов, изучения языков небелорусского населения республики. Это также предусмотрено и запланировано госпрограммой.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН

Понятно стремление реформаторов с помощью законов о языке максимально расширить социальные функции государственных языков. Однако в ряде случаев, как отмечала В. Ю. Михальченко, при создании языковых законов игнорировался реальный уровень функционального

развития языка, его потенциальные способности и возможность обеспечить общение в той или иной сфере жизнедеятельности. Так, например, вряд ли, по ее мнению, целесообразно переводить учебно-статистическую, финансовую и собственно техническую документацию на казахский язык, вследствие недостаточного уровня развития в нем специальной терминологии и необходимых функциональных стилей весьма проблематична возможность использования ряда языков, объявленных государственными, в качестве языков науки, вызывает сомнения возможность использования киргизского языка в качестве основного языка обучения в высших учебных заведениях и т. д.⁸

Сходные мысли и беспокойство выразил и А. Н. Баскаков, рассмотревший перспективы внедрения государственных языков в республиках Средней Азии через призму национально-языкового развития статусных национальностей этого региона. По его мнению, «медленное развитие социальной базы литературных национальных языков», низкая языковая компетенция основной массы статусного населения Среднеазиатских республик, «недостаточное развитие терминологических и стилистических систем национальных языков для их применения наравне с русским языком во всех коммуникативных сферах осложняет реализацию их функций в качестве государственных языков»⁹. Более того, в таких сферах деятельности, как высшее и среднее естественно-техническое образование, естественные и технические отрасли науки, интегрированные отрасли промышленного производства, управление, информатика, связь и некоторые другие отрасли, требуется использование специальных языков науки и техники¹⁰.

Насколько эффективными окажутся государственные программы развития языков в республиках Средней Азии, покажет, конечно, время. Однако нельзя не обратить внимание на то, что озабоченность состоянием национальных языков статусных наций этих республик побудила отцов языковой реформы разработать серьезные предложения.

В Туркменской ССР была поставлена задача обеспечить приоритетные направления исследований теоретических и прикладных проблем двуязычия и многоязычия, туркменской филологии, намечено провести III лингвистический съезд или научно-практическую конференцию по актуальным проблемам развития туркменского языка. Специалистам было поручено подготовить предложения по совершенствованию литературных норм и терминологии туркменского языка, монографии по истории, культуре и литературе туркменского языка, изучить вопросы культуры туркменской речи, издать энциклопедию «Туркменский язык», различные типы словарей, подготовить научные издания классиков туркменской литературы, древнетуркменские памятники

письменности, многотомную серию «Коклер» («Корни»), создать учебники по арабскому, белуджскому, курдскому и другим языкам, подготовить интегрированный курс «Туркменоведение» со сведениями об истории, культуре туркменского народа. Рекомендовать реорганизовать Ашхабадский педагогический институт русского языка и литературы в Туркменский государственный институт языка и литературы, предусмотрев в нем возможность специализации по туркменскому языку и литературе в туркменской и в русскоязычной школах, а также персидскому, арабскому, белуджскому языкам¹¹.

Задолго до начала языковой реформы в Казахстане было выполнено ряд научных исследований, раскрывающих факторы и основные тенденции взаимодействия языков народов этой республики. Наличие теоретической базы сделало возможным запланировать прикладные исследования по реализации языкового закона.

«Государственная программа развития казахского языка и других национальных языков...» предусматривает, в частности, разработку специальной научной программы по всестороннему изучению статуса, норм, сферы общественного функционирования, стилистической дифференциации и закономерностей развития казахского языка, подготовку и издание серии монографических работ по отдельным проблемам государственного языка, создание многотомной академической грамматики казахского языка, научно-технической базы для лингвистического и социолингвистического изучения казахского языка. Предложено организовать центры научно-технической лексикографии, прикладной лингвистики, ряда отраслевых терминологических и предметных словарей, открыть кафедру казахского языка при аспирантуре АН Казахской ССР, провести серию научных и научно-практических конференций, издавать научно-практические журналы «Кзак тілі», «Халык опери», «Этнография».

Госплану республики совместно с алма-атинским горисполкомом поручено рассмотреть вопрос о строительстве в столице Казахстана научно-культурного комплекса «Тіл сарайы» («Дворец языка»), в котором должны функционировать: 1) народный университет «Искусство слова»; 2) учебно-методический центр; 3) Институт по стационарному обучению казахскому и другим языкам; 4) культурно-национальные центры (ассоциации) и общественные организации, имеющие в той или иной степени отношение к решению культурно-языковых проблем в республике. Министерству народного образования рекомендовано, во-первых, изучить вопрос об организации в Алма-Ате Института языков, сосредоточив в нем подготовку кадров, научно-исследовательскую и

методическую работу, повышение квалификации педагогических работников по филологическим дисциплинам, во-вторых, об открытии республиканской школы-интерната с немецким языком обучения для детей немецкой национальности.

В госпрограмме Казахстана специальным разделом развернута система мер по развитию языков национальных групп, компактно проживающих в республике. Намечено, в частности, открыть отдел методики обучения национальным языкам народностей, не имеющих своих государственно-территориальных образований, планируется организовать издание журнала «Родной язык», расширить внутрисоюзный обмен литературы, увеличить время трансляции республиканских радио- и телепередач на уйгурском, немецком, корейском языках, открыть уйгурскую редакцию в издательстве «Наука»¹².

В разработанном в Киргизской ССР комплексе мероприятий по обеспечению функционирования государственного языка в республике предусмотрено расширить научные исследования в области киргизской филологии и в области социолингвистики, подготовить труды по нормативной грамматике киргизского языка, по сопоставительной типологии киргизского и русского языков, словари, терминологические справочники, научно-обоснованную концепцию развития государственного языка, провести исследование по проблемам двуязычия и многоязычия, разработке машинного (компьютерного) фонда киргизского языка, издать энциклопедические справочники на киргизском языке, продолжить исследование закономерностей формирования киргизской речи детей дошкольного возраста¹³.

Подготовка и принятие языковых законов послужили новым стимулом для языковедов. В ряде бывших республик они развернули серьезные исследования, направленные на совершенствование структурных аспектов национального языка, объявленного государственным языком. Однако и здесь порой не обошлось без чрезмерной политизации, на что обращали внимание сами ученые из рядов титульных наций, указывая при этом, что многие вопросы языковедения решались не на профессиональном, а на политическом уровне. «Справедливо ли, благородно ли поворачивать дело таким образом, чтобы в конечном счете в огрехах киргизского правописания и произношения видеть пагубное влияние русского языка?» — спрашивал своих оппонентов Абдыкадыр Орусбаев¹⁴.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Между принятием закона о языке в Эстонии и закона о языках народов РСФСР прошло без малого 3 года. Огромное многообразие этноязыковых

ситуаций в России наряду с пестрой панорамой различных видов двуязычия и многоязычия, непредсказуемое развитие этнополитических ситуаций¹⁵, бесконечное выяснение отношений в Центре между реформаторами и консерваторами, между Центром и республиками — эти и другие факторы не позволили в Российской Федерации вслед за принятием закона о языках народов приступить к выработке и реализации государственной программы по реализации положений языкового закона. Работа группы экспертов под руководством В. П. Нерознака над «Концепцией государственной программы по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации» не обрела статуса государственной программы (текст включен во второй том), показала, что для реализации языкового закона наряду с научными, потребуются огромные координационно-организационные усилия: создание Института языков народов России с многоцелевой и полифункциональной ориентацией, ассоциированного с ним специализированного журнала «Родной язык», на страницах которого могли бы освещаться наиболее актуальные проблемы развития языков более чем 130 национальностей России, стимулирование государственной и республиканских языковых переводов, организация международных школ и летних курсов по обучению и совершенствованию знаний языков национальностей России, щедрое финансирование из средств государственного бюджета издательского дела на национальных языках, обеспечение работы «четвертой власти», работы средств массовой информации, подготовка кадров и ряд других, менее крупных по масштабам, задач. Решение любой из названных задач натолкнулось не только на «сопротивление материала», т. е. на незнание самими экспертами реальной этноязыковой ситуации, динамично изменяющейся под влиянием взрывного роста национального самосознания и лавинного обвала национальных движений, например, в бывших автономных республиках России, не только на сопротивление чиновничье-бюрократического аппарата, но и на недостаточно четкое понимание методологических и прикладных аспектов самих порожденных жизнью и новым языковым законом задач.

Взять, к примеру, кардинальную идею создания Института языков народов России. В самом деле, новейшие тенденции по плотному ангажированию языка в современную этнополитическую жизнь, безусловно, требуют совершенно новых подходов к проблемам разработки принципов языковой политики, соотнесения законодательного материала с исполнительскими службами и механизмами, выявления спроса и предложения на тот или иной язык среди различных групп и слоев населения,

определение адекватности требований лидеров национальных движений с требованием самих народов.

Языковое «реформирование» в бывших союзных республиках привело к развалу СССР и появлению новых независимых государств. Может ли Россия не учитывать этот опыт, если она хочет остаться самостоятельным государством? Следовательно, надо иметь в виду те огромные новые задачи, которые всплывут и в России, как только начнется введение в действие закона о языках народов России и состыковка этого закона с законами уже принятыми в одной и подготавливаемыми к принятию в другой группе республик. Более того, опыт новейших государств ближнего зарубежья дает обильную пищу для размышлений о причинах, размерах и трагических последствиях языковых конфликтов, вызванных новейшими языковыми законами. Значит, на повестке дня обретает актуальность сбор неизвестной до сих пор оперативной этнополитической информации, своевременный анализ, выдача прогнозов и рекомендаций по предугадыванию и упреждающему погашению межнациональных напряжений на языковой почве. Эффект бумеранга, опробованный на нелегком опыте некоторых бывших союзных республик, когда принятые законы не снизили, а спровоцировали или усилили межнациональную напряженность, нельзя оставить без внимания и без учета. Значит, для решения даже по этому, бегло очерченному кругу проблем, необходим специальный центр. Такой Центр уже создан в 1990 г.¹⁶ при Институте языкознания РАН, если судить о нем по сформулированным перед ним задачам. Однако решение этих задач в традиционном академическом институте, оставшемся теперь, в условиях всеобщего экономического кризиса, обнищания Академии, нехватки средств на полевую работу и на издательскую деятельность, поставлено в крайне тяжелые условия.

Вероятно, выходом из положения могло бы быть создание некоего специализированного фонда при законодательной или исполнительной власти с наделением этого фонда материальными ресурсами и координирующими полномочиями для мобилизации исследований новейших тенденций в развитии языков народов России и связи языковых факторов с внеязыковой этнополитической действительностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Незамедлительное введение национальных языков в качестве государственных языков или в качестве официальных языков науки, делопроизводства, управления и других сфер общественной жизни создает определенные проблемы, вызванные не только структурным несовершенством

новоявленных госязыков, но и недостаточным социокультурным наследием национальных языков. Об этой функции русского языка неоднократно говорилось как в передовой литературе в самой России, так и в трудах Российского зарубежья.

Еще в конце 40-х годов И. А. Ильин напоминал о том, как «судьи прибалтийских государств вплоть до сенаторов, изучившие русское право на русском языке, готовясь к «слушанию» сколько-нибудь сложного дела, обращались к русскому праву и к образцовым произведениям замечательных русских юристов (от Таганцева до Тютрюмова! — по ним искали права и правды для своих соплеменников и затем подбирали новые слова на своих языках, чтобы передать и закрепить рецепированное русское право»¹⁷.

И может, беды реформаторов шли от недостаточного знания реальной этноязыковой ситуации и от игнорирования опыта языкового строительства в пору его «золотого века». Между тем, не прошло и двух лет после Октябрьской революции, летом 1919 г. на заседании государственной комиссии по просвещению прозвучала тревога в связи с чрезмерным увлечением тотальным и незамедлительным переводом системы просвещения, и в первую очередь школьной системы, на язык нерусских народов. Такие призывы звучали в связи с тем, что провозглашенное право всех национальностей на обучение на языке своей национальности трактовалось однозначно как неременная обязанность государства создать для этого подходящие условия.

Возражая такому пониманию, заведующий отделом просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР П. М. Макинцян пытался перевести декларативную сторону дела в реальную. При такой постановке вопроса немедленно возникали сложнейшие научные и научно-прикладные проблемы.

При этом непременно давала о себе знать необходимость того, «чтобы какая-нибудь компетентная коллегия произвела смотр всем народам, учла их культурное состояние и достояние, на основании чего можно было бы поставить и решить вопрос, какой народ настолько оформился культурно, что дальнейшее его развитие в формах его национального языка неизбежно, как например, русский народ, и какой представляет из себя *tabula rasa*, как целый ряд неписьменных горских народов...»¹⁸.

Уже тогда, на заре мобилизованного лингвизма, на первом этапе новой языковой политики, в пору начала национальной эйфории, дальновидные люди понимали, что, во-первых, нелегким будет путь от деклараций до реального воплощения конкретных языковых программ в жизнь, и, во-вторых, то, что не может языковое строительство быть унифицированным во всех регионах бывшей Российской импе-

рии, среди ее многообразных народов. Между языками продвинутыми и малоразвитыми в функциональном отношении всегда были значительные вариации и переходные ступени. И только зная и учитывая их, можно было надеяться на успех внедрения всех или большинства национальных языков в школьную сферу. «И когда эти конкретные данные будут у нас на столе, — говорилось на упомянутом совещании летом 1919 г., — тогда перед нами будет целая шкала различных стадий культурного развития, от неписьменного кочевника до европейски цивилизованного народа, тогда и только тогда возможно будет от деклараций перейти к реальной политике в области просвещения. Тогда только можно выработать одну из нескольких линий поведения по отношению к различным культурным средам»¹⁹.

Изучение всего комплекса проблем, связанных с научным обеспечением языковой реформы, было ограничено теоретически слабым потенциалом, идеологически табуированной сферой этого изучения, а также заинтересованностью реформаторов политической стороной дела в большей мере, нежели собственно языковой и даже собственно национально-культурной.

Параллели провести очень легко, гораздо труднее представить себе, к чему приведет нынешняя реформа, кроме развала империи, которая формально уже состоялась.

Итак, даже самый краткий перечень проблем научного обеспечения языкового реформирования позволяет выделить фундаментальное противоречие, возникающее в смутное, перестроечное время: новые политики, взявшие власть в свои руки, похоже, понимают, что необходимо делать, чтобы нормализовать языковую жизнь народов, но не знают, как это сделать.

Ученые, специалисты, хорошо знающие языки, меньше — языковую ситуацию, но владеющие методами и навыками эмпирических исследований, напротив, не всегда берут на себя ответственность твердо и убежденно рекомендовать, что политикам надо делать. Отсюда — губительная для языкового функционирования нестыковка политических и научных интересов, приводящая к «броуновскому движению» интересов. Нарастающий крен лингвизма в сторону чрезмерной политизации грозит здоровому началу, заложенному в нем и выраженному в стремлении к самосохранению.

2.9. ОППОЗИЦИЯ МОБИЛИЗОВАННОГО ЛИНГВИЦИЗМА

После окончания Гражданской войны в США американский Конгресс и исполнительная власть неоднократно выступали в поддержку погранных

прав национальных меньшинств в горячих точках межнациональной напряженности, будь то еврейские погромы в России, резня армян в Турции, угнетение ирландцев на Севере Англии. Концептуальная основа такого подхода впервые прозвучала в первом ежегодном послании президента Гранта. Заметив, что хотя американцы сочувствуют «всем людям, борющимся за свободу», президент Грант считал нужным предостеречь нацию от навязывания своих ценностей другим народам. «...Нам в силу нашего достоинства, — сказал, в частности, он, — следует воздерживаться от того, чтобы навязывать наши взгляды нациям, которые этого не желают...»¹.

Языковые движения и процессы суверенизации на рубеже 80 — 90-х годов, накануне развала бывшего Советского Союза, создали весомые предпосылки для стремления титульных наций бывших союзных республик сформулировать свою национальную волю и, реализуя ее, вольно или невольно, стать на путь экстратерриториальности своих ценностей. На пути создания национального государства это была вполне закономерная логика. Но поскольку бывшие союзные республики к тому времени не были мононациональными по своему составу, среди нетитульного населения возникла оппозиция.

МОЛДОВА

Принятие закона о признании молдавского языка государственным, наряду с борьбой нового парламента Молдовы против какого-либо инакомыслия, с фактами закрытия русскоязычных школ, преследованием депутатов из группы «Советская Молдавия», принятие парламентом Молдовы заключения о пакте Молотова-Риббентропа, в котором говорилось о том, что образование Молдавской ССР в 1940 г. явилось незаконным актом, а также разговоры, ведущиеся в республике на официальном и неофициальном уровнях, — создали почву для возникновения трех национальных движений: гагаузского народа на юге республики, Интерфронта в столице Молдавии и движения населения в Приднестровье не столько против суверенности Молдовы, сколько за сохранение целостности СССР.

В программах и требованиях указанных движений важное место заняли следующие цели:

1. Создание многонационального коалиционного правительства национального согласия вместо сформированного парламентом Молдовы моноэтнического (молдавского) правительства.

2. Участие представителей Левобережья и Юга республики в составе комиссии по подготовке Союзного договора.

3. Возвращение депутатов Приднестровья и Юга республики в парламент республики и включение их в состав согласительной комиссии.

4. Создание Комитета по делам национальностей, возглавляемого представителем национальных меньшинств, вместо существующей Комиссии Верховного Совета республики Молдова.

5. Все законы, затрагивающие интересы национальных меньшинств, должны рассматриваться в Комитете по делам национальностей.

И хотя часть из выдвинутых требований со временем была удовлетворена, все же трещина в межнациональных отношениях не исчезла, а стала постепенно расширяться.

Через два дня после того как Президиум Верховного Совета Молдавской ССР принял Постановление «О проекте государственной комплексной программы обеспечения функционирования языков на территории Молдавской ССР», 20 августа 1989 года в Зеленом театре Центрального парка Кишинева состоялся санкционированный митинг Народного фронта Молдавии. Бурные дискуссии шли по вынесенным на рассмотрение предстоящей сессии Верховного Совета МССР законопроектам о языках. Оставалось 10 дней до того, как депутаты Молдавского парламента проголосуют за новый закон. Но страсти бушевали и, к сожалению, вылились в драку между возвращавшимися с митинга людьми и группой граждан, толпившихся неподалеку от памятника Стефану Великому. В ходе конфликта, возникшего, по свидетельству пресс-группы МВД МССР, на почве взаимных оскорблений, несколькими гражданам и работникам милиции были нанесены ножевые ранения².

Драка на улицах Кишинева на почве разного отношения к языковому закону стала первой волной нарастающих межнациональных конфликтов. В дальнейшем протесты русскоязычного населения приняли самые различные формы: от мирных забастовок до кровавых трагедий, от неповиновения принятым законам до бегства за пределы республики. Так появились первые жертвы мобилизованного лингвизма — беженцы из Молдавии.

Проведенное сотрудниками ВЦИОМ (г. Москва) исследование должно было дать ответ на вопрос о том, понимают ли государство и общество свою ответственность за судьбу тех мигрантов (беженцев, переселенцев), кто оказался под прессингом нового лингво-политического режима? Сегодня трудно сказать, сколько мигрантов в России и какую роль сыграли политический и языковой режимы начало которым было положено языковой реформой 1989 г. Наряду с официальными данными (на 15 января 1993 г. в Россию переселилось 368 тыс.

зарегистрированных беженцев и вынужденных переселенцев) опрошенные эксперты называли от 400 тыс. до 2 млн. человек³.

Дальновидные политики, конечно, хорошо представляли себе значительные трудности по неестественному внедрению одного государственного языка в естественную языковую стихию со сложившимся многоязычием и многонациональным составом населения.

Наряду с противодействием языковым движениям со стороны Центра и солидаризировавшейся с Центром местной оппозиции в лице русских и русифицированных национальных групп в ряде бывших союзных республик произошло расслоение и среди некоторых социально-профессиональных слоев титульной нации. Речь идет о нигилистическом отношении к идее государственного языка среди той части национальной интеллигенции, которая была ориентирована на Москву и привыкла исполнять свои социальные, культурные и политические роли на русском языке. А замаячившая языковая перестройка, хотя и импонировала национальной гордости и этническому самолюбию, была связана с дополнительными хлопотами и поэтому отнюдь не приводила в безоглядный восторг. Во всяком случае безразличное, а порой и пренебрежительное или нигилистическое отношение значительной части белорусов, в том числе и части управленческого корпуса, к языку своей национальности Нил Гилевич выводил не столько из исторических особенностей языковой ситуации Белоруссии, сколько из неблагоприятной этнополитической ситуации.

«Против» белорусского языка, по его словам, «работал» целый комплекс факторов, в том числе грубое разрушение естественной культурной среды, вытеснение белорусского языка из всех сфер общественной жизни, отсутствие уважительного отношения к нему со стороны партийных и советских руководителей, постоянная борьба с мнимым национализмом, недвусмысленное воспитание равнодушия к судьбе национальной культуры⁴.

В марте 1993 г. совет города Енакиеве Донецкой области решил установить в городе равноправие украинского и русского языков и обратился на официальном уровне к Донецкому областному Совету с предложением принять аналогичное решение на областном уровне. И хотя такое решение противоречило закону Украины «О языке», который признает в качестве государственного только украинский язык, первый заместитель председателя енакиевского горисполкома Александр Реутов объяснил просьбу уравнивать в правах русский и украинский языки на областном уровне тем, что в Донбассе значительная часть украинцев считает родным языком русский язык⁵.

ПРИБАЛТИКА

Анализируя «синдром неприятия» новоявленных государственных языков в республиках Прибалтики и прежде всего в Эстонии, Василь Быков обижался на проживающие здесь национальные меньшинства, создающие своим протестом деструктивную обстановку. При этом неприятие ими политической стороны дела — закона, создающего действительно реальные приоритетные условия для языка титульной нации, В. Быков не совсем удачно переносит в культурно-этническую сферу, совершенно необоснованно обвиняя их в «нетерпимости по отношению к коренной культуре республики»⁶.

Неужели талантливый писатель и мыслитель не мог заметить подмены понятий в своих собственных рассуждениях? Одно дело — попытки коренной (титульной) нации «укрепить свое языковое состояние доступными средствами»⁷, и совсем другое — создавать, пользуясь правом большинства, для себя, для своей национальной культуры приоритетные условия за счет ущемления интересов национальных меньшинств.

Кажется, нетрудно увидеть разницу в изучении государственного языка как языка своей национальности и как незнакомого, инонационального языка.

Впрочем, для обид были реальные основания. Для поступления в вузы России до языковой реформы в бывших союзных республиках абитуриенты имели возможность сдавать экзамены как на языке титульной национальности, так и на русском языке. Принятые законы о языке (языках) внесли в эту практику существенные коррективы и новые правила, согласно которым вступительные экзамены и преподавание были переведены на государственные языки. В итоге, по словам заместителя начальника Главного учебно-методического управления Госкомобразования СССР В. Ф. Носкова, к началу учебного года в 1990 г. сложилась парадоксальная ситуация: в вузах России могли учиться и получать образование все желающие, независимо от национальности, в то время как перед русскими, проживающими в бывших союзных республиках, двери почти закрылись. Одной из форм протеста стал отток абитуриентов русской национальности из этих республик. Основной причиной их отъезда стала необходимость «сдавать экзамен по национальной принадлежности»⁸. Введение государственного языка в сочетании с такими тенденциями этнодемографических процессов⁹, которые приводили к увеличению доли титульного и сокращению доли русскоязычного населения, создавали дополнительные стимулы для оттока нетитульного населения. В республиках Сред-

ней Азии понимали, что потеря русскоязычного социально-профессионального потенциала окажет негативное воздействие на экономику этих республик. Как отмечал Ш. Кадыров, в Туркмении, например, коллективы индустриальных гигантов нефтяной и газовой промышленности в подавляющем большинстве состояли из нетуркменского населения. Более того, в индустриальном секторе этой республики, во-первых, преобладали рабочие нетуркмены, во-вторых, доля высококвалифицированного персонала среди рабочих русской национальности была в 3—4 раза выше, чем соответственно среди туркмен¹⁰.

Реализовать хорошее языковое законодательство, в том случае если оно действительно преследует языковые цели, не менее, если не более трудно, чем его разработать. Эта задача неимоверно затрудняется в многонациональных государствах со сложной этноязыковой ситуацией и без опыта, проверенной практикой, правового регулирования не только межъязыковых, но и межличностных отношений в целом. Если закон существует только на бумаге в виде брошюры или в своде законов, то он никчем.

Для того, чтобы в обществе в сфере межъязыковых отношений работали свобода выбора и законы, надо, чтобы в этом обществе процветали взаимное доверие, толерантность и межнациональное согласие; доверие к закону, к его слугам и самих людей друг к другу. Таковы правила игры в цивилизованных странах.

Кампания за установление одного государственного языка оказалась трудной из-за заложенной в одном государственном языке логической непоследовательности. С готовностью и охотой эту правовую концепцию осудили не только за односторонность, но и за двойные стандарты, подрыв основ международной солидарности, непомерное раздувание монопольного лингвизма. Закономерно возникли новые противоречия.

2.10. ЗАПОЗДАЛОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ЦЕНТРА

Языковые законы, принятые в бывших союзных республиках вместе с декларациями о суверенитете, вылились в 1989—1990 гг. в шумную, тогда еще опереточную «войну законов». Но они открыли зеленый свет хорошо замаскированному национально-освободительному движению республик. «Война законов», рожденная тихой языковой революцией, стала первой разведкой боем устоев Союзного Центра. Эти устои оказались подгнившими. И хотя Центр находился уже в растерянности и панике, он осознавал, что перед общественным мнением Запада «надо держать марку» в том, что право должно быть сильнее силы.

Именно из этого понимания родился наспех испеченный Закон СССР «О языках народов СССР», подготовленный специалистами и экспертами из постоянно обновляемой команды М. С. Горбачева. Закон был одобрен Верховным Советом СССР, принят 24 апреля 1990 г., но в политическом плане представлял собой не более чем запоздалую контратаку Центра против взбунтовавшихся союзных республик. Однако время было упущено, занавес опущен; игра сделана, а текст этого закона представлял лишь исторический интерес, так как включенные в него положения стали историческим памятником не наступательных, а оборонительных действий Москвы. К моменту его рождения еще сохраняли силу статья Конституции 1978 г. о государственных языках трех закавказских республик, вступили в действие новые законы о языках в большинстве бывших союзных республик.

Оставались непринятыми лишь языковые законы Туркмении и РСФСР. Надводная (идеологическая) и подводная (политическая) части общесоюзного языкового закона были скроены по образцу и подобию законов, принятых в бывших союзных республиках. Закон «О языках народов СССР» воздавал хвалу перестройке, якобы преградившей путь к исчезновению национальных языков, приостановившей ассимиляцию их носителей, возводил хулу на русский язык, считая его языком, постепенно ставшим доминирующим языком в работе государственных органов, выражал надежду на то, что возрожденные языки народов станут составной частью жизнеобеспечения народов СССР. Закон признавал ведущую роль законодательной формы закрепления за национальными языками статуса государственных языков, как основы укрепления суверенитета бывших союзных республик.

Однако, как показал опыт, Центр в своих надеждах использовать языковой закон с целью стабилизировать кризисные явления в межнациональных отношениях безнадежно отстал. Расчет на то, что с помощью перехваченного оружия самих республик можно добиться гармоничного развития национальностей и сочетания их интересов, не оправдался.

Создатели законопроекта в целом не скрывали центральной задачи самого этого закона. Так, например, весьма осведомленный в концепции самого этого закона С. Г. Шувалов, бывший в то время заместителем председателя Комиссии Верховного Совета СССР по вопросам развития культуры, национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия, откровенно подчеркивал важнейшее требование закона СССР «О языках народов СССР»: «республиканские акты не должны создавать дополнительные трудности для иноязычного населения по сравнению с лицами коренной националь-

ности, приводить к фактическому вымыванию из госаппарата и производственной сферы людей, по объективным причинам не успевших достаточно овладеть государственным языком»¹.

Острые дискуссии, возникшие в ходе обсуждения этого закона и призванные определить статус русского языка и его соотношение с государственными языками союзных республик, не могли быть плодотворными и эффективными, так как стороны (Центр и периферия) не договорились различать подводную и надводную части закона, его текст и контекст. Те народные депутаты, авторы писем в газеты, ЦК КПСС и другие инстанции, которые были заинтересованы в сохранении целостности СССР, соответственно настаивали на придании русскому языку статуса общегосударственного языка, бесхитростно полагая, что не может быть единого государства без единого языка. Правда, опыт 1989 г. их уже кое-чему научил — статус общегосударственного языка им представлялся на равноправной основе с уже принятыми государственными языками. Словом, этим самым всего через год признавалась необратимость случившейся языковой реформы 1989 г. Но вряд ли кто-нибудь из них ожидал, что события 1989 г. приведут сначала к августу, а затем и к декабрю 1991 г.

Те же из депутатов, кто настроен был уже тогда — неважно, в открытой или в скрытой форме, — на развал Союза, выступали против предоставления русскому языку статуса общегосударственного в пределах всего существующего последний год Союза.

Наличие полярных позиций по вопросу о статусе русского языка, группировка депутатов по обе стороны возникающей баррикады, означало не шарханье из одной крайности в другую, не свидетельство внимания или невнимания к судьбам национальных языков, а затрагивало более глубокие внеязыковые аспекты. Речь, по сути дела, шла о том, как под крышей языкового закона созревали реальные меры для воздвижения плотин суверенитета республик на ту или иную высоту, на ту или иную степень независимости от Центра и от Кремля.

Параллельно с общесоюзным языковым законом Центр работал над Союзным договором, в котором русскому языку отводилась цементирующая роль. Реакция бывших союзных республик была в целом или выжидательной, или довольно кислой. По оперативности публикации проекта Союзного договора можно было в известной мере судить о стремлении и готовности республик оставаться в составе СССР или выходить из него.

Публикуя текст проекта Союзного договора, республиканская газета Грузии «Заря Востока» одновременно опубликовала заявление

Председателя Верховного Совета Республики Грузия Звиада Гамсахурдиа Президенту СССР М. С. Горбачеву об отказе Грузии детально рассматривать новый Союзный договор в связи с тем, что Республика Грузия находится в начале переходного периода на пути к достижению полной государственной независимости. «Языковое ружье», вывешенное на фасаде здания грузинской государственности весной 1978 г., выстрелило осенью 1990 г. Внеязыковые уши всегда торчали у многих языковых проблем. Но особенно заметными политические аспекты языковой реформы становились в пылу полемики и отчаянной борьбе за статус государственного языка.

Одна из трагических бед тоталитаризма состояла в том, что всем была внушена мысль о том, что язык является первоэлементом национальной культуры и ее главным строителем. И мало кому разрешалось думать и говорить о том, что кроме этого язык еще и может быть элементом политической власти.

Во всяком случае в борьбе с Центром идеологи национальных движений неоднократно обвиняли его в том, что именно он, Центр, виноват во всех национальных и языковых бедах. Называли при этом и главную причину вытеснения национального языка какой-либо титульной нации русским языком. По словам Нила Гилевича, «это бюрократическая централизация политической и экономической власти в стране, в результате которой так называемый суверенитет республики (Белорусской. — М. Г.) долгие годы являлся по существу фикцией... А был бы суверенитет на деле, а не на словах, решали бы вожди все вопросы народной жизни, советуясь со своим народом»², никакого вытеснения белорусского языка русским не произошло бы.

Логика связи между огосударствлением языка титульной нации и достижением ею же суверенитета, т. е. связи между языковыми лозунгами и политическими требованиями, в комментариях не нуждается.

Языковая реформация и война законов, так самоубийственно не признаваемые Центральным руководством, не остались вне внимания общественности. Подземные толчки мобилизованного лингвизма доходили даже до Российской глубинки. Более того, подчас люди, весьма далекие от политики и разработки языковых законов, интуитивно понимали взаимосвязь между языком власти и властью языка. В участившихся к концу 1990 г. письмах в редакции центральных газет появилась тревога, вызванная начавшимся в бывших союзных республиках наступлением на позиции русского языка и на права русскоязычного населения. «Ведется упорная и не очень красивая борьба за власть, должности, кресла...», — читаем в одной из писем, присланных в

редакцию «Известий» из Омска. «Я думаю, — продолжает автор этого письма, размышляя над проблемами взаимосвязи борьбы за власть и борьбы за государственный язык, — если все республики утвердят собственные государственные языки... Да только из-за этого может развалиться весь Союз»³. Как видно, нельзя этому автору, прожившему часть своей жизни в среднеазиатских республиках, перед тем как переселиться в Западную Сибирь, отказать в прозорливости. Государственные языки действительно утвердились. Мобилизованный лингвизм победил. Центр не сумел ему противостоять. Его сопротивление провалилось.

2.11. ЯЗЫКОВОЙ РЕЖИМ И РАВНОПРАВИЕ ЯЗЫКОВ. СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КРИТЕРИИ БАЛАНСА

Грузинская интеллигенция смертельно обиделась на Е. К. Лигачева, когда во время визита в Грузию, уже в годы начавшейся перестройки, он возмущался в Тбилисском университете тем, что в нем слишком много грузин и мало студентов русских, и тем, что «до сих» пор преподавание на многих факультетах ведется на грузинском языке. Грузинской интеллигенции в то время был понятен жест, когда посланник Москвы перед лицом вузовской общественности грозил пальцем по поводу несбалансированной квоты студентов различных национальностей¹. Она хотела иметь квоты для грузин в вузах Москвы, но в то же время возражала, чтобы подобные же квоты имели русские в Тбилиси.

В осуществлении языковой реформы и в установлении нового языкового режима перед ее вдохновителями и проводниками возникли сложные задачи сбалансирования языковых и внеязыковых аспектов, взаимоприемлемого учета интересов носителей государственного и негосударственных языков, возможностей реальных и мнимых задач первостепенной и второстепенной важности и ряд других...

Удерживать этот баланс, постепенно меняя соотношение украинского и русского языка за счет сокращения сфер обслуживания русским и расширения сфер украинского, было неимоверно трудным делом. Решиться на это могли только очень смелые люди.

По-разному понимали этот баланс между языками те, кто начинал реформу, и те, кто испытал начало ее реализации в своей повседневной жизни. С украинским языком и украинской национальной культурой произошла трагедия. Так распорядилась история, что сначала они были притеснены российским самодержавием, а в последнее семидесятилетие — коммунистическим режимом.

Став, наконец, государственным, украинский язык, в соответствии с замыслом закона, получил возможность для широкого функционального развития. Но для реализации этой возможности ему необходимы были очень «удобные» сопутствующие обстоятельства: надо, чтобы на украинском языке говорила, писала и думала интеллигенция, велось делопроизводство, составлялась техническая документация, работали школы, вузы и университеты, выпускались книги, газеты и журналы, работали средства массовой коммуникации. Между тем для того, чтобы все это имело место, как понимали рядовые жители Украины, «украинский язык должен (добровольно или, что более реально, насильственно) практически полностью вытеснить с Украины русский язык»².

Но даже если бы это вытеснение произошло, все равно остались бы неоднозначные проблемы по украинизации Украины Западной и Восточной, Центральной и Южной, Крыма и Прикарпатья, Одессщины и Донецкой области и т. д.

Поэтому постоянное отслеживание баланса между внедренным государственным и вытесненным русским представляет огромную политическую, лингвистическую, психологическую и этнополитическую проблему.

Принятие законов союзных республик о языках представляло собой важную ступень в новом порядке регулирования межнациональных отношений, регулирования, свободного от идеологического диктата, от установок Союзного Центра, от шаблонных стереотипов. Было совершенно очевидно, что от законодателей и исполнителей реформы потребуется глубокое понимание особенностей языковой ситуации, профессиональная подготовка мер по реализации закона и опора на добрую волю всех проживающих в республиках национальностей.

Рассчитывать на нормальное развитие межнациональных отношений в республике, огосударствляющей свою языковую политику, можно было лишь в том случае, если бы создание условий по обеспечению государственному языку (языку статусной нации) сопровождалось одновременно равнозначными, равнопорядковыми и равноценными усилиями по созданию условий равноправия и функционирования языков нестатусного населения.

Иными словами, качество законов и эффективность созданных для их реализации государственных программ во многом зависели от того, насколько глубоко и всесторонне была продумана система нового языкового режима и по каким критериям устанавливался баланс и взаимный учет потребностей и интересов разноязычного населения.

Как уже упоминалось, важнейшим объективным условием для балансирования на канате нормальной справедливости могла быть не только

законодательно установленная правовая защита языков нестатусного населения (хотя это и имело первостепенное значение на пути к правовому режиму), но и создание на высоком государственном уровне материально-технической базы их функционирования.

При установлении нового языкового режима с законодательно введенным государственным языком баланс интересов разноязычного населения, понятно, во многом зависел от особенностей этнодемографической и этноязыковой ситуации. Одно дело, скажем, действие госязыка в моноэтничной Армении и близкой к Литве, совсем другое — в Казахстане и Молдавии и, наконец, третье — в Белоруссии и на Украине — бывших союзных республиках со значительным удельным весом тяготеющего к русским русифицированного (особенно в городах) белорусского и украинского населения³.

Поддерживая в целом придание латышскому языку статуса государственного языка, жители Даугавпилса, население которого состояло по данным переписи населения 1989 г. преимущественно из нелатышей (58,3% русских, 13,1% поляков, 9,1% белорусов, 3,1% украинцев, 0,9% литовцев, 2,5% других национальностей и 13,0% латышей)⁴, просили предусмотреть в законе Латвии о языках положение о том, что «в районах республики, где нелатышское население составляет большинство, необходимо признать употребление русского языка равнозначным латышскому во всех сферах государственной, производственной деятельности, а также в делопроизводстве»⁵. Однако именно это пожелание вызывало упреки или непонимание со стороны властей. Между тем речь еще шла и о таком дополнении проекта закона: в местных органах государственной власти и государственного управления языком заседаний, всех других рабочих совещаний и делопроизводства по решению городского, районного Совета народных депутатов является язык большинства населения данной местности. В случае необходимости обеспечивается перевод на другой язык⁶.

Обеспечение прав национальных меньшинств на сохранение своего языка во многом будет зависеть не только от буквы закона, но и от подхода, проявляемого к этому вопросу государственными структурами, от соотношения спроса и предложения, т. е. от выставляемых меньшинствами требований и от готовности администрации их удовлетворить.

В ходе демократизации и плюрализации политической и общественной жизни во всех трех республиках Прибалтики возникли национально-культурные общества в среде национальных меньшинств. Их стремление к сохранению и развитию своей национальной культуры, как правило, было поддержано народными фронтами этих республик.

Еще до принятия закона «О языках» в Латвии около 200 учеников рижских школ начали факультативно изучать латышский язык. По инициативе эстонского культурного общества было начато факультативное обучение эстонскому языку в нескольких средних школах Риги и других городов. Готовность открыть школу в Риге выразило и общество еврейской культуры.

При формулировании языковых претензий, потребностей и помощи от государства, национальные группы нередко умышленно их завышали для того, чтобы попросить побольше, в надежде получить хоть что-нибудь. Попытки поставить телегу впереди лошади наблюдались чаще всего там, где лидеры национальных групп пытались языковые потребности решать не иначе как политическими способами. Так, например, активисты татарских и башкирских национальных групп Челябинской области требовали создания национально-автономных округов, усматривая в них едва ли не единственную возможность решения назревших культурно-языковых проблем. Руководители же Челябинского облисполкома, напротив, соглашались решать эти же проблемы без каких-либо политических акций, а только на уровне соответствующих национально-культурных центров.

Во всяком случае о прямо противоположном понимании очередности политических и неполитических форм решения национально-языковых проблем недвусмысленно заявил председатель Челябинского облисполкома Борис Исаев собственному корреспонденту «Известий». «Мы считаем, — говорил областной лидер, — что первоочередными задачами сейчас является развитие национальных языков, культур, школ на равноправной основе в рамках существующих административно-территориальных образований. Но кое-кто пытается доказывать обратное... в аргаяшской и кунашакской районных газетах появились отдельные публикации... мол, открытие культурных центров, курсов, телеуроков по изучению родного языка ничего не даст, если в области не будут созданы национально-автономные округа»⁷.

Короче говоря, оптимальный баланс языковых интересов разноязычного населения можно достичь двумя путями — консенсусным или административно-командным. При разработке законодательных аспектов языковой реформы манифестировался первый подход; когда же дело дошло до реализации внедрения государственного языка, акцент сместился на второй. Снова повторилась история начальных этапов языкового строительства на заре советской власти, когда в национальноязычный рай начали загонять дубиной.

Не красноречив ли ответ заместителя Председателя Совета Труда и обороты при СНК (РСФСР и СССР) А. И. Рыкова на вопрос анкеты Всероссийской

Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности от 7 июля 1920 г.? Названную комиссию интересовали соображения респондентов о путях выполнения декрета СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», подписанного В. И. Лениным 26 декабря 1919 г.⁸ Напомним, что важнейшим инструментом ликвидации неграмотности объявлялся перевод школ на национальные языки. Итак, на вопрос: «Какова роль репрессий в отношении лиц, не желающих обучаться? Какова должна быть система и характер репрессий?» высокопоставленный большевистский деятель ответил без колебаний: «На первое время лучше ограничиться различными формами общественного порицания: опубликованием черных списков⁹ по борьбе с неграмотностью и т. д., проведение репрессий в буквальном смысле этого слова проводить лишь после того, когда дело будет налажено и в сознании масс безграмотность будет порицаться как величайшее зло. Начать репрессии с привлечения упорно безграмотных к принудительному труду в его наиболее неприятных формах»¹⁰.

Разница, как видно существенная: тогда за нежелание идти в национальноязычный рай наказывали принудительным трудом, сейчас за несданный экзамен по государственному языку оставляют без труда, лишая куска хлеба. Но суть одна — большевистская, насильственный, антидемократический большевизм, составляющий, к сожалению, одну из характерных черт, но не лучшую форму лингвицизма.

Триумфальное шествие языковой реформы не осталось внутренним деломдвигающегося к распаду Советского Союза. В сентябре 1991 г. бомба языкового самоопределения неожиданно взорвалась на севере Италии, в Альто-Адидже, в пограничной зоне с Австрией, в бывшем Южном Тироле, там, где проживает немецкое меньшинство. «Единство языковое и единство национальное», «Сепаратизм пытается пробивать себе дорогу под знаменем “совершенствования знаний диалектов” — под такими заголовками римская газета «Мессаджеро» опубликовала комментарий Председателя сената итальянского парламента Джованни Спадолини. Газетная паника возникла в связи с взрывной волной национализма, вызванного сногшибательным заявлением сенатора от Южно-Тирольской народной партии Фердинанда Виллайта. «Сегодня или никогда», — заявил он, призывая немецкое население Альто-Адидже — «использовать право на самоопределение и отделиться от Италии. Или, по крайней мере, проголосовать за присоединение к Австрии»¹¹. Вместе со своими соратниками он счел подходящим моментом для суверенизации района, компактно заселенного немецким меньшинством, сложившийся «международный фактор», определяемый

военными действиями в Югославии, выходом прибалтийских республик из СССР, их срочное признание многими странами Запада. Похоже, что внешние факторы, побудившие к «самоопределению» были сильнее внутренних. По признанию ряда общественных деятелей Южно-Тирольского общества, «во всех административных органах все служащие обязаны говорить на двух языках» — итальянском и немецком. Никаких реальных оснований для разговоров о дискриминации не было. Уровень жизни в провинции Альто-Адидже был самым высоким в Италии.

Оставался тот самый «международный аспект», о котором в те дни говорил телекомментатор первого канала гостелевидения.

Программы программ разнь. Те из них, что направлены на поощрение национального (в групповом смысле) эгоизма и интересов, обречены на провал.

Вряд ли можно надеяться, что на пороге третьего тысячелетия реализация принципа «с волками жить по волчьей выть» может иметь шансы на успех. У подхода «всяк за себя» в посттоталитарном пространстве нет перспективы, так как нет источников облагораживающего влияния и гуманистического начала. Лишь программы, нацеленные на социальное и межнациональное сотрудничество, предусматривающие языковой режим, существующий благодаря оптимальному балансу взаимодействующих языков, сумеют продолжить лучшие традиции по развитию национальных меньшинств в одном цивилизованном ряду с национальным большинством.

2.12. ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В ходе обсуждения проекта закона «О языках» в бывшей Латвийской ССР на обочинах дорог союзного и республиканского подчинения кто-то тайком, под покровом ночи, старательно закрашивал русские названия на указательных знаках, выступая таким образом в защиту интересов латышского языка.

В рассказ о поездке в Ригу весной 1993 г. Отто Лацис включил и некоторые свои впечатления по языковым вопросам. Он обнаружил, в частности, что на улицах столицы независимой Латвии, как и несколько лет тому назад, русская речь слышна чаще, чем латышская, в магазине можно свободно говорить на русском, а в киосках полно газет на русском языке. Вместе с тем, внимательно наблюдая за переменами, журналист обнаружил нечто для него непонятное. «Знакомая десятки лет табличка с названием улицы у перекрестка — белым по

синему, вверху по-латышски, внизу по-русски — обрела странный вид. Нижняя половина замазана синей краской... Не вижу ничего худого и в том, что в Риге впредь будут появляться новые вывески только на латышском, — выражает далее свое недоумение Отто Лацис, — но вот так замазывать русские буквы на старых вывесках...»¹. Тут, конечно, известный певец демократии лукавил, делая вид будто не понимает, что замазывания русских названий было откровенным символом политики вытеснения русских и русскоязычного населения из Латвии.

Подобные проявления национальных чувств и выражение национального патриотизма, какими бы невероятными они ни казались, выявляют важнейшую психологическую роль языка в системе межнациональных отношений. В мире можно подыскать немало примеров, когда представители того или иного народа, особенно среди национальных меньшинств, пытаются с помощью языка добиться новой групповой отличительности или ее конституционного признания. При этом движение к установлению заново равного или более высокого статуса для языка своей национальности сопровождается сильнейшим эмоциональным зарядом.

В отличие от многих других элементов национальной культуры, национальный язык очень легко становится одним из важнейших символов этничности, выразителем «отдельности», критерием «самоопределенности». Примерам, пожалуй, несть числа из истории народов мира, в том числе из этноязыкового развития Бельгии, Квебека, легендарной страны басков, движения франкоязычного меньшинства за отделение в швейцарском кантоне с преобладанием немецкоязычного населения и т. д.

Немало написано и об этноязыковой экспансии, которая совершалась в Центральной и Восточной Европе в XIX в. со стороны Петербурга, Вены и Берлина, о попытках русификации или германизации подвластных империи нестатусных народов.

Даже в тех случаях, когда находились различные компромиссы, в том числе официально признанный билингвизм, принятый при обоюдном согласии сторон, возникали новые вопросы или курьезы. Так, например, в Фризской области Нидерландов можно было при въезде в некоторые населенные пункты видеть одновременно две идентичные надписи — на голландском и фризском языках.

В этом же регионе просвещенной Европы во время межэтнической борьбы в Бельгии за установление социально-культурного и этнопсихологического паритета фламандского языка с французским языком валлонского населения в Антверпене, обращаясь к прохожему на англий-

ском, пожалуй, легче можно было добиться ответа, чем при обращении на французском, весьма дискомфортном для фламандца. При этом чаще всего оказывалось, что французским прохожий владеет все же лучше, чем английским. При встрече на нейтральной земле, на каком-нибудь международном симпозиуме, в том возбужденном 1989 г., москвичу легче было поддерживать разговор с коллегами из Эстонии на английском, чем на русском. Неоднократно можно было наблюдать, как исчезает улыбка с лица высокопоставленной дамы из Тарту, когда россиянин переходил с английского на русский язык. Повидимому, за этими анекдотическими примерами кроется более глубокая и серьезная психологическая реальность, чем элементарное отклонение от стандартных норм поведения. Похоже, речь может идти о двух подходах в поисках новых символов, значений или реалий, для «переоценки» сложившейся системы ценностей, но не устраивающей одну из контактирующих сторон.

В одном случае социальное творчество этнического меньшинства может быть устремлено на переоценку, на перераспределение статусов, во-втором — на розыски в прошлой истории данной этнической общности некоторых из таких ее старых традиций или отдельных свойств, ревитализация которых послужила бы серьезной подпиткой для национального самосознания, жаждущего самоутверждения.

Придание статуса государственного языка — это заново оцененное свойство своей этничности, своей самобытности.

Неоднородная этноязыковая ситуация в большинстве бывших союзных республик порождала глубокие, явные и скрытые, противоречия. Задача законодателей естественно заключалась в том, чтобы, гарантируя права государственному языку, не ущемлять в правах носителей остальных языков республики, не допустить раскола населения республики по языковому или по национальному признаку. Для этого надо было найти достаточно эффективные способы установления компромисса, воздвижения здания межнационального согласия. Увы, не всегда это удавалось. Ответом на это могли быть хорошие законы, отвечающие чаяниям всех измученных тоталитаризмом народов.

МОЛДОВА

Для того, чтобы не допустить раскола республики, депутаты парламента республики должны были проявить не национальный, а гражданский подход, руководствоваться не интересами одной нации, а интересами всего населения многонациональной Молдовы. И депутаты могли бы решить серьезнейшую из задач, если бы осознавали, что путь

к установлению единства республики лежит через взаимное уважение, солидарность, бескорыстное понимание чаяний и интересов каждой национальности. Путь к единству пролегал через гражданскую зрелость депутатов. И эта зрелость могла бы проявить себя, если бы гагаузские депутаты южных районов республики глубже подумали о нелегкой истории и интересах молдавской нации и ее национального языка, а депутаты молдаване в свою очередь постарались осознать чужую боль, углубиться в тысячелетнюю традицию малочисленного народа; если бы русско-украинская фракция парламента была терпимее к взаимному двуязычию, а депутаты молдаване Центральной Молдовы, лучше представляли себе, что значит для многотысячного русскоязычного Тирасполя в предельно краткие исторические сроки перейти на другой язык. Увы! Это понимание если и пришло, то очень поздно.

Смещение акцентов, неумение преодолеть свою гордыню и услышать чужую боль вело к нарушению равновесия интересов и ложилось огромной ответственностью на тех, кто творил закон, и на тех, кто голосовал за них, и на тех, кто восстал против них. И не оставалось за лидерами и активистам различных национальностей права ссылаться на то, что они исходили из интересов своих народов, из заботы о развитии только языка своей национальности.

ПРИБАЛТИКА

Принимая на себя роль организатора практической работы по реализации языковой реформы, по распространению государственного языка, Верховный Совет Латвии гарантировал обеспечение условий для практического функционирования в республике реального двуязычия, в том числе по оказанию помощи национальным меньшинствам. «Думаю, — обещал на сессии Верховного Совета Латвии Председатель его Президиума А. В. Горбунов, — что нам необходимо более активно помогать людям других национальностей овладевать латышским языком»². К патриотическим чувствам латышей обращался и председатель Совета Министров Латвии депутат В. Г. Бресис, призывая учителей, преподавателей, ученых, творческую интеллигенцию, пенсионеров, студентов, всех, кого заботит судьба латышского языка, включиться в эту большую и важную работу³.

КАВКАЗ

Одной из мер воплощения в жизнь «Государственной программы грузинского языка» являлось учреждение «Дня грузинского языка». Было, в частности, установлено, что в этот день будут подводиться итоги

тому, что реализовано в течение года в деле изучения и функционирования грузинского языка, а будет также издаваться одноразовая газета «Деда эна» (Родной язык). Символическое значение многих мероприятий преследовало одну цель — способствовать пробуждению и росту национального самосознания.

КАЗАХСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В Казахстане было намечено регулярно проводить Дни национальных культур, конкурсы и фестивали художественной самодеятельности, Недели друзей национального театра⁴.

В «Государственной программе развития и расширения сферы функционирования туркменского языка, улучшения русского и других языков» предписывается «регулярно проводить республиканские, областные, городские и районные праздники языков»⁵.

Нарастающий вал лингвизма, вызванный огосударствлением новой языковой политики в пользу языка титульных наций, позволил национальным меньшинствам ощутить горечь своих культурно-языковых потерь, обиду за несостоявшиеся достижения. При этом осознание подобных потерь в новых условиях всеобщего роста национального самосознания переживалось более болезненно, чем обещанное, но не состоявшееся экономическое благоденствие или не утвердившийся политический статус. Этот феномен лингвопсихологического стресса не был чем-то абсолютно неизвестным и ранее неизведанным.

«Самым унижительным видом отставания или поражения, — беспристрастно отмечал Жан Франсуа Ревель, — является культурное поражение. Оно является единственным поражением, которое никогда нельзя забыть, потому что вину за него нельзя ни экстраполировать, ни переложить на врага или на неблагоприятные обстоятельства. Культурно-языковое поражение подразумевает необходимость самопризнания не только слабости своей национальности, но и унижения от мысли, что надо спасать самого себя, перенимая при этом опыт победителя, которому приходится подражать, одновременно испытывая к нему ненависть»⁶.

Если подходить к языку с точки зрения выполнения его основной функции — быть предметом общения, — то следует признать равную ценность каждого языка для своих носителей.

Языковеды давно признали бесперспективность поисков критериев определения дефективности, или примитивности и отсталости, одного языка по сравнению с другим. Почти не осталось сторонников и того взгляда, согласно которому можно было бы эволюцию языка представить

себе как последовательно сменяемые ситуации, выраженные в структурах одного или другого языка. Что же касается разницы между языками в сроках развития письменности, уровнях разработки лексики и терминологии, то эти вопросы относятся не к степени развития языка, а к технической стороне дела, которая решается за счет экспертов, денег и технологий.

Когда же в многоязычном обществе один из языков избирается языком власти и контроля, немедленно обостряется проблема родного языка и связанной с ним языковой идентификации.

Попытки национального большинства с помощью придания своему языку статуса государственного языка распространить его и предотвратить выдвижение подобных же требований со стороны национальных меньшинств, понятно, создают почву для межнационального напряжения. Чтобы снять эту угрозу, очевидно, законодатели должны продумать не только условия обеспечения меньшинству способов приобщения к языку большинства, но и учесть психологию родного языка. Государственный язык, мобилизуя лингвицизм большинства, одновременно обостряет национальное самосознание меньшинства и вызывает языковое движение последнего.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Можно ли и нужно ли было предотвратить развал советской страны? Странники двух прямо противоположных ответов на этот коренной геополитический вопрос современности еще долго будут ломать голову вместе с теоретиками и политиками, представителями законодательной и исполнительной властей, людьми разных рас, гражданств, поколений, убеждений, национальностей.

В отличие от англичан, потерявших свою империю и обративших, по словам Э. Геллнера, на это не больше внимания, чем на то, как они ее приобрели, большинство советских людей переживают развал Советского государства как личную трагедию. Важно подчеркнуть, что ключ к пониманию и того и другого развала один и тот же — победоносный национализм, с его предтечей — мобилизованным лингвицизмом. И сегодня как в России, так и в большинстве остальных независимых государств, возникших на льдинах, отколовшихся от советского айсберга, количество потенциальных лингвицизмов несколько больше, чем тех, что уже заявили о себе в форме претензий на огосударствление языка своей национальности.

В развале Британской империи, как говорили в свое время, решающую роль сыграла Лондонская школа экономики и высшее военное

училище в Сэндхерсте — два учебных заведения в Великобритании, в которых выходцев из Азии и Африки имперские профессора учили самостоятельно думать и действовать². Немало лидеров современных языковых и национальных движений получили образование, умение думать и действовать в университетах советской империи, для того чтобы затем, обретя крылья, разлететься в разные страны, распрощавшись с нею.

Так получилось, что дважды в XX в., сначала после октября 1917 г., а затем после августа 1991 г., под ударами национальных движений развалились две империи: сначала — российская, затем — советская. Распад дооктябрьской России остановила железная диктатура большевиков, мобилизовав и укрепив лингвизм и национализм. Окончательный развал бывшего Советского Союза блокируется нынче жесткой, жизненно важной потребностью экономических взаимосвязей между Россией и новейшими государствами ближнего зарубежья. Призраки голода и бунта явственно бродят в посткоммунистическом и в постсоветском пространстве. Остается лишь надежда, что эти призраки приведут в чувство трезвых политиков и снимут угрозу окончательного развала, хаоса и вселенской катастрофы.

Передним фронтом национальных движений, главной ударной силой стал как тогда, в начале 20-х, так и теперь, на стыке 80—90-х годов, мобилизованный лингвизм, т. е. борьба за государственный язык и использование государственного языка как необходимой предпосылки, как трамплина для создания национальной государственности одной (титульной) нации.

Новейшие движения в республиках Российской Федерации за утверждение государственным языком языка титульной нации грозят еще одним, третьим по счету развалом единого государства. Неумолимо и последовательно проявляет себя логика перерастания языковых требований в общенациональные, а национальные, через так называемую неокоренизацию, ведут к выдвиганию политических требований, дестабилизирующих самую Россию.

Вряд ли надо приводить хрестоматийный пример с обретением свободы Польшей, Финляндией, Литвой и другими государствами в 1917 г. Красноречива хроника событий на Украине, и в частности образование в апреле 1917 г. Украинской Центральной Рады. Первоначально, как известно, требования украинских лидеров выражались в очень умеренной форме и не шли дальше требований только права языка и школы, но аппетит рос, и к концу июня на волне языковых требований было создано свое украинское правительство³.

Временное правительство Керенского ничего не могло противопоставить этой сецессионистской тенденции, кроме хождения с протянутой рукой и уничижительными просьбами не разрушить российскую государственность.

Призраки нового распада порождаются противоречием, заключенным в новейших экономических процессах и состоящим в немыслимом симбиозе борьбы за установление демократического порядка, борьбы за утверждение прав человека с национально-освободительным движением, выступающим под флагом автономизации и национализации, а в итоге взрывающим исторически сложившуюся многонациональную государственность. В языковой сфере подобная антиномия обнаруживает себя комбинацией несочетаемых конечных целей новой языковой политики: установлением приоритетов одного государственного языка с одновременным декларированием равноправия остальных, негосударственных, языков.

Государственный язык, как оказывается, выступает скорее компонентом авторитарного (этнократического) режима, нежели частью управленческого аппарата государства, признающего приоритет прав человека.

Имплицитно государственный язык в многонациональном государстве подпитывает роковое противостояние принципов демократии с принципами государственности и становится опасной спичкой, подносимой к пороховой бочке⁴.

Анализ труднопредсказуемых зигзагообразных политических процессов позволил российским политологам сделать вывод о том, что в ходе перестройки политические процессы обгоняют политическую реформу, то отесняя, то подталкивая ее. Изучение слагаемых языковой реформы — разработки ее целей и задач, обоснования придания статуса государственного языка, обсуждения проектов языковых законов и принятия этих законов республиканскими парламентами, перераспределения сфер функционального взаимодействия языков, отношения к языковой реформе различных групп населения, политиков и ученых — дает основание для прямо противоположного вывода по сравнению с политической реформой. В отличие от последней усиленно манифестируемая языковая реформа значительно опережает реальные языковые, точнее, этноязыковые процессы. Это выражается, в частности, в том, что допущенное в языковых законах представление об этноязыковых процессах как о полностью контролируемых и управляемых оказалось несостоятельным или по крайней мере нуждающимся в серьезных коррективах. Став заметным катализатором новых тенденций в современных этноязыковых процессах, языковая реформа тем

не менее не решила немедленно и безболезненно всех тех языковых задач, которые ею же (этой реформой) были выдвинуты.

Разразившиеся на языковой почве этноконфликты, расшатывали тоталитарную систему. Законодателям пришлось лихорадочно вносить поправки, дополнения, изменения вслед уже введенным в действие положениям законов или переписывать заново сами законы, как, например, в Латвии. Предстоит еще продолжить выяснение того, какую роль в этом сыграли наука, перестройка, современные гражданские и национальные движения. Одно несомненно. Языковая реформа имела бы более значительные, собственно лингвистические, успехи, если бы ей, во-первых, предшествовала глубокая научная разработка законов, во-вторых, если бы общественное мнение было в достаточной мере подготовлено к резким изменениям в расстановке приоритетов языкам различных контингентов населения, и, наконец, в-третьих, если бы между теорией и практикой были проложены более надежные мосты и взаимопереходы.

Немаловажную роль сыграла и значительная социально-политическая перегрузка формы и содержания языковой реформы, в связи с тем, что перед ней были поставлены не только языковые, но и сложные неязыковые задачи. Создатели законов это, вероятнее всего, знали и понимали. Те же, на кого непосредственно обрушились эти законы, этого не могли знать, хотя немало лиц догадывались обо всем, в том числе и о том, что за фасадом языковой реформы стоят более глубокие политические, национально-государственные и социальные изменения, а за спиной языковых реформаторов — честолюбивые реформаторы политического и государственного строя. Лидеры новых языковых движений имели дело с идеологически послушным населением, воспитанным на принципах пролетарского интернационализма. Для разрушения идеологического послушания нужна была сильная мобилизующая платформа.

Поэтому одна из сквозных задач в законах о языке (и языках) исходила из необходимости восстановления попорченной тоталитаризмом и его имперской администрацией социальной справедливости. Логика решения этой задачи, как вытекает из преамбул и текстов большинства законов, состояла в том, чтобы насильственно подавляемым в прошлом языкам (а точнее их носителям) предоставить приоритетные условия развития и функционирования для языков статусных наций. Иными словами, официально декларировалась справедливость наоборот, справедливость, хорошо известная при советском строе еще со времен резолюции X съезда РКП(б).

Во исполнение этой резолюции, а также построенной на ней национальной политики, в соответствии со специально выделенными государством квотами, лучшие научные и учебные заведения России принимали в аспирантуру (и докторантуру) национальные кадры, которые по уровню своей подготовленности без специального государственного протектирования не могли бы ни пройти по конкурсу в аспирантуру, ни получить искомые ученые степени ⁵.

Как ни парадоксально, законы, прямой обязанностью которых было установление равноправия, на самом деле его лишали, заново разводя людей по разные стороны государственного языка. Мобилизованный лингвицизм укреплял свои позиции и создавал себе предпосылки для нового неравноправия, чтобы преодолеть старые, созданные при коммунистах. Переводя межъязыковые отношения с правовой на политическую основу, новые законы в известном смысле реанимировали отвергнутые демократически настроенными лидерами новых государств большевистские методы, и получалось так, что собственно законодательные акции в широком смысле подменялись политикой и, так же как и сам закон, исходили из одного и того же принципа — наш человек, т. е. носитель государственного языка и сторонник права своей нации на национальную государственность, или — не наш человек и вытекающая отсюда позиция: без права на этнополитическое самоопределение.

Еще один поучительный урок языковой реформы заключался в том, что языковое законодательство в бывших союзных республиках стало не столько теоретической и правовой, сколько идеологически ангажированной новой языковой политикой, преследовавшей явные и неявные политические цели. О чем речь и что имеется в виду?

Любой строй заинтересован в создании устойчивости и защищенности своих тылов с помощью объясняющей идеологии. Для советского партаппарата опорой власти надежно служила коммунистическая идеология.

Для новой этнической элиты, пришедшей к власти на волне растущего лингвицизма и национального самосознания, на гребне национальных движений важной составной частью национально-государственной идеологии стала идеология государственного языка как центральное ядро мобилизованного лингвицизма. Еще раз сошлемся на откровенные признания наиболее заметных прорабов языковой реформы, лучше и раньше других уловивших неразрывную связь государственного языка и государственной власти. Комментируя по горячим следам принятый в Казахстане закон о языках, заведующий

отделом национальных отношений ЦК Компартии Казахстана Абиш Кекилбаев выделил два важнейших аспекта: собственно языковой и управленческий. В первом случае речь шла о том, чтобы вернуть казахскому языку его общественные функции, во втором — о том, чтобы с помощью закона перераспределить руководящие кресла. Выдвижение знания государственного языка в один ряд с профессиональной компетентностью, деловыми, политическими и моральными качествами серьезно влияло на изменение курса и основ кадровой политики. Это хорошо понимали не только теоретики и лидеры национальных движений, но и представители партаппарата. «Будем откровенны, — раскрывал карты Абиш Кекилбаев, — разве знание обычаев, традиций, культуры, истории народов, к которым относятся подчиненные тебе люди, тягостно излишне?»⁶

В нехитрой формуле «свой язык — своя власть» можно выделить два уровня: макро- и микро-. Борьбу за свой государственный язык, а с его помощью и за свою власть на высоком республиканском уровне могли позволить себе главным образом те титульные нации, которым советской историей был отпущен шанс создать собственную, хоть и мнимую, но все же национальную государственность. В оппозиции к ним оказались многочисленные русские, оказавшиеся с давних пор или же за годы советской власти в бывших союзных республиках. Однако под влиянием поднимающегося лингвизма и роста национального самосознания титульных наций по законам цепной реакции началось брожение и в низах, в том числе в национальных группах. Когда в степях Азова к болгарам Приморского района Запорожской области Украины обратилась болгарская делегация из соседней республики с предложением подняться на защиту своих прав⁷ и начать борьбу за язык и самоопределение, это не вызвало особого энтузиазма и сколько-нибудь заметного стремления к немедленной мобилизации лингвизма. Вместе с тем, сами приазовские болгары прекрасно ощущали невидимую связь между повсеместным национальным возрождением, охватившим болгарское население окружающих 47 болгарских сел⁷, и укреплением своей болгарской власти. Не случайно рассказ председателя Приморского райисполкома Д. Петрика о новейшем этапе болгаризации края (восстановление передач районного радио на болгарском языке, бердянские и акимовские болгароязычные газеты, многотиражки, печатающие материалы на болгарском языке, национальные «хоро», свадьбы, возрожденные фольклорные ансамбли и т. д.) секретарь исполкома Преславского сельсовета З. Стояновская дополнила существенной этнополитической деталью: «Власть у нас в селе болгарская: из тридцати семи депутатов две трети — болгары»⁸.

И подобно тому, как для Сталина идеология, т. е. марксизм, как закрытая и предписывающая система ориентиров, была основой тоталитарной власти, так и для некоторых лидеров этноэлит идеология огосударственного языка становилась подспорьем, аргументом, дающим право на власть и привилегии. Имело смысл бороться за государственный язык! Монополия одного языка открывала зеленый свет монополии титульной нации в сфере управления.

Случайно ли тянется длинный хвост типологических совпадений двух языковых реформ рубежа 80—90-х и середины 20-х?

Любой историк знает, что какими бы разными ни были революционные переходы от одного состояния к другому, они все же не могут довести до нулевой отметки непрерывность этнического и языкового развития.

Однако найти совпадение — это еще полдела. Надо объяснить его. Что сыграло решающую роль: выход на поверхность подпочвенной, болезненно сжатой сталинизмом национальной и языковой энергии или проявила себя некая общая закономерность и национальное возрождение?

В связи с этим, что должны знать теоретики и практики языковой политики, чтобы понимать реальную этноязыковую ситуацию и иметь возможность решать трудоемкие вопросы национального и национально-языкового развития? Как соединить политику размышляющую с политикой прикладной, мысль и дело, идею и деятельность? Мобилизованный лингвизм по-новому поставил вопросы реализации законов о языке (языках), в том числе содержания, смысла и значения государственного языка в зависимости от того, в чьих руках окажутся ключевые позиции: политиков-теоретиков или политиков-практиков, какое будет взаимоотношение между законодателями и законоблюстителями, между интеллигенцией творческой и интеллигенцией управленческой. Реформа-89 выявила относительно новую и неожиданную возможность, когда теория и практика языкового строительства могли развиваться в отрыве друг от друга. При этом акцент сместился с политики-теории к политике-практике. В отличие от мыслителей, теоретиков и художников, у политиков оказалось огромное пространство, но не всегда хватало времени и возможностей увязать свою деятельность с фактором быстрого времени. Политику-практику всегда грозит банкротство, если он запоздает или окажется преждевременным.

Мобилизованный лингвизм выявил, что Москва постоянно запаздывала, в то время как бывшие союзные республики спешили опередить время и ход событий.

Политик-практик может выдержать испытание временем только в том случае, если он сосредоточит свои усилия на основном, что в свою очередь предполагает уяснение смысла и возможностей политики. Какими бы отточенными и безупречными ни были формулировки закона, они будут обречены на неудачу, если не будут согласованными с возможностями человека, среды и государственных органов управления. То, что имело место в ходе языковой реформы-89, не поддается однозначной оценке. Лишь с оговорками можно допустить, что проявившийся кризис языковой политики и практики был вызван ее генезисом и задачами. На введение государственного языка митинговый угар уличных демонстраций влиял, к сожалению, больше, чем взвешенные доводы специалистов и экспертов, а количество политических манипуляций преобладало над рациональной научной аргументацией. Уроки очевидны. Если политика-практика, начиненная жаром микрофонных страстей, не задумывается над пределами вмешательства в естественный ход развития этноязыковых процессов, она грозит оказаться погребенной стихийным языковым движением. И самая большая беда в этом случае грозит языкам национальных меньшинств. Будет ли спокойно на земле, если одному языку откроются все горизонты и широко польется правительственная поддержка, а другие, как в очереди за хлебными карточками, будут выстаивать разрешение на публикацию справочника в районной газете или на десятиминутную телепередачу с республиканской телестудии, или на открытие единственного университета?

Общие достижения мобилизованного лингвизма оказались довольно противоречивыми. С одной стороны, с помощью законов о языке (языках) статусные нации в ходе войны законов² одержали победу над Центром. Установленное этими законами право родных языков своей национальности (как статусного, так и остального населения) было связано и стало неотъемлемой составной частью глобальных перемен при переходе от тоталитаризма к демократизму. Это движение вполне соответствовало духу времени, чаяниям народов, замыслам национальных элит. Однако трагедия мобилизованного лингвизма заключалась в том, что установленное право на использование родного языка (точнее — языка своей национальности) не означало механического установления (достижения) языкового равноправия. Для этого и до этого слишком большим был долг тоталитарного режима не только перед статусными национальностями, имевшими союзные и автономные республики, но и особенно перед незащищенными национальными меньшинствами. Как известно, КПСС и советское ру-

ководство выстроило такую иерархию языков, на вершине которой по создаваемым приоритетам находился русский язык, на противоположном полюсе — глубоко внизу, в самом униженном и бедственном состоянии были языки национальных групп и национальных меньшинств. И где-то между ними находились относительно благоприятные условия для существования языков статусных наций. Мобилизованный реформой лингвицизм в корне изменил расстановку сил в бывших союзных республиках. После принятия законов о языке языки статусных наций оказались выдвинутыми на первые по приоритетности места. Забота о языках национальных меньшинств в большинстве случаев сместилась с последнего на второе место. А вот интересы русского языка, как бы в отместие за прошлые льготы, отодвинулись в самый конец. И все же, несмотря на эту противоестественно форсированную рокировку, языковая реформа меньше всего сделала для того, чтобы вдохнуть жизнь в оптимальное функционирование языков национальных меньшинств. Даже в тех случаях, где был установлен, условно говоря, национально-русский и русско-национальный паритет, интересы языков национальных групп и этнических меньшинств оказались обделенными. Долги тоталитаризма перед меньшинствами нынешние этно- и демократы не хотят и не готовы оплачивать. В посттоталитарном пространстве по-прежнему не хватает воздуха, чтобы легко дышалось не только титулованному языкам, но и их бесстатусным партнерам. В условиях политической нестабильности, экономического кризиса, падения нравственности и гуманности не осталось ничего, кроме надежды на то, что когда-либо будет установлена такая иерархия, по которой приоритеты будут созданы сначала самым слабым — языкам национальных меньшинств, затем средним по уровню функционального развития и только потом функционально сильноразвитым языкам или языку. Без понимания этой предпосылки вряд ли станет возможным глубокий консенсус между национальным большинством и меньшинством. Возможно лишь иное: разговор слепого с глухим.

Вероятно, только через такой предварительный этап, имеющий исключительно переходный характер, лежит путь к отмене всяких иерархий и привилегий и к установлению приоритета индивидуальных прав над правами групповыми.

Анализ хилой теории, небесспорных законодательных актов, наспех образованных исполнительских структур в бывших союзных республиках по реализации языковой реформы дает основание согласиться с Товой Скутнабб-Кангас и ее определением лингвицизма как

«идеологии и практики подведения правовых основ, законодательного осуществления и воспроизводства неравноправного разделения власти, а также материальных и нематериальных ресурсов между группами людей, выделяемыми на основе их различной языковой принадлежности»⁹. Общий итог исследования мобилизованного лингвицизма как исторического феномена можно резюмировать предельно просто. Как предтеча, разновидность и форма национализма, рассмотренный на свежем, непривычном для этнологии законодательном материале и законотворческой деятельности, лингвицизм проявил себя как механизм по реализации такого политического принципа, согласно которому обустройство жизни должно быть подчинено слиянию во едино языковых, национальных и политических единиц и границ.

Одновременно лингвицизм как концепция — одно из возможных объяснений сути переломных лет и развала бывшего СССР. Чтобы достроить предложенную концепцию требуется соотнесение идеологии лингвицизма с этноязыковой реальностью. Но это уже совсем другой вопрос и, возможно, тема другой книги.

Приложение

**Этностатистическая панорама языков народов
Советского Союза накануне его распада**

**Национальности, родные языки
и свободное владение вторым (русским) языком**

(По материалам переписи населения СССР 1989 г.)

Народы	Считают своим родным языком				Свободно владеют вторым (русским) языком		Не владеют вторым языком		
	Всего	Язык своей нац-ти		Русский язык		город	село	город	село
		город	село	город	село				
абазины	33,613	88,2	97,0	9,6	1,3	81,0	76,1	14,5	19,6
абхазы	105,308	89,3	97,4	8,7	1,3	82,3	75,5	12,8	22,4
аварцы	600,989	93,9	98,6	4,7	0,6	80,9	51,8	16,1	39,9
австрийцы	504	30,4	25,3	58,1	57,0	28,7	29,1	60,5	55,7
агулы	18,740	89,9	97,4	7,9	1,7	74,5	65,3	20,8	27,4
адыгейцы	124,826	89,8	98,3	9,8	1,6	82,7	81,0	14,4	18,5
азербайджанцы	6,770,403	96,7	98,7	2,9	0,5	47,4	21,2	50,5	76,4
албанцы	3,988	35,2	63,7	60,9	32,5	34,5	60,4	50,0	35,4
алеуты	702	34,5	21,8	61,0	74,5	31,5	20,2	59,9	77,2
алтайцы	70,777	62,5	89,5	37,0	10,4	58,2	66,8	36,0	31,7
американцы	277	64,4	57,7	23,6	40,4	47,1	40,4	43,6	34,6
англичане	348	57,8	57,4	34,9	29,8	46,8	59,6	45,8	34,0
арабы	7,747	73,3	33,7	13,6	1,5	66,1	15,9	29,0	36,1
армяне	4,623,232	89,3	97,2	9,8	2,5	51,5	36,9	42,2	61,2
ассирийцы	26,160	55,6	78,3	36,8	8,1	41,1	56,1	38,7	25,8
афганцы	6,695	61,6	65,5	9,0	2,3	41,2	11,9	41,2	37,9
балкарцы	85,126	91,8	96,3	7,3	2,6	81,1	75,1	16,9	23,0
башкиры	1,449,157	69,2	75,5	18,4	3,6	73,7	69,9	20,7	28,5
белорусы	10,036,251	60,9	89,7	38,7	9,5	52,0	59,6	31,8	37,0
белуджи	28,796	80,2	98,4	11,5	0,3	21,1	3,1	48,4	38,3
болгары	372,941	49,4	85,7	47,2	11,6	46,3	73,5	41,3	21,1
буряты	421,380	75,9	94,0	24,0	5,9	70,0	73,6	25,4	25,0
венгры	171,420	88,3	97,6	6,4	1,2	53,4	36,5	28,2	56,2
вепсы	12,501	32,8	68,3	66,2	31,3	31,6	65,9	49,1	19,9
вьетнамцы	3,396	96,5	87,1	3,2	9,7	52,9	74,2	46,3	25,8
гагаузы	197,768	78,1	93,9	19,6	4,4	70,3	71,6	20,3	23,2
голландцы	794	31,2	32,6	62,9	52,3	28,8	37,8	64,5	58,7
греки	358,068	42,0	49,5	54,0	46,1	37,2	44,3	46,2	39,4

Народы	Считают своим родным языком				Свободно владеют вторым (русским) языком		Не владеют вторым языком		
	Всего	Язык своей нац-ти		Русский язык		город	село	город	село
		город	село	город	село				
грузины	3,981,045	97,1	99,5	2,7	0,4	41,2	23,2	57,5	76,1
даргинцы	365,038	94,2	98,9	4,8	0,6	82,8	61,5	15,0	36,9
долганы	6,945	53,1	90,1	38,5	9,3	45,7	72,4	48,4	26,1
дунгане	69,323	88,3	97,0	7,7	0,7	72,3	70,3	23,0	27,5
евреи	1,378,344	11,0	23,5	86,9	68,0	10,0	22,8	0,8	55,1
евреи горские	18,513	76,2	65,7	19,3	23,6	54,8	53,9	28,1	37,2
евреи грузинские	16,054	91,1	79,2	8,1	18,4	46,8	26,9	48,7	66,1
евреи сред. азиат	36,152	65,3	50,5	33,5	45,1	50,8	28,5	32,2	53,9
ижорцы	820	28,0	51,8	62,1	34,3	28,2	54,1	46,4	23,8
ингуши	237,438	94,7	98,5	4,9	1,3	82,2	78,5	16,4	20,8
испанцы	3,172	46,4	39,6	51,1	58,4	42,7	38,3	49,2	51,0
итальянцы	1,337	40,1	36,7	54,3	44,2	23,9	40,8	67,1	44,2
ительмены	2,481	22,1	18,1	76,6	80,9	19,2	15,9	75,6	77,7
кабардинцы	390,814	95,0	98,9	4,7	0,9	82,7	73,8	16,3	25,8
казахи	8,135,818	95,4	98,0	3,9	1,2	71,3	53,6	26,0	43,5
калмыки	173,821	88,9	91,0	10,1	4,7	84,6	86,0	13,7	12,8
караимы	2,602	17,0	60,6	77,8	33,8	12,8	42,3	64,5	41,5
каракалпаки	423,520	96,3	91,6	1,5	0,3	29,6	10,0	60,8	76,4
карачаевцы	155,936	93,6	98,4	6,0	1,1	80,5	78,6	17,8	20,8
карелы	130,929	39,1	62,0	60,4	37,7	37,2	59,1	46,1	29,2
кеты	1,113	35,2	51,6	58,4	47,4	27,4	48,4	66,2	44,9
киргизы	2,528,946	97,1	98,0	1,9	0,2	64,1	27,0	33,5	67,8
китайцы	11,355	31,9	36,8	66,1	57,8	29,3	35,1	65,8	59,1
коми	344,519	55,3	85,1	44,5	14,8	52,6	71,6	38,2	25,2
коми-пермяки	152,060	53,0	81,6	46,6	18,3	50,2	68,8	37,2	26,4
корейцы	438,650	47,5	58,6	52,2	40,5	41,7	50,9	54,6	45,5
коряки	9,242	40,1	57,8	59,0	41,0	36,6	50,8	55,2	43,5
крымчаки	1,448	28,4	77,9	68,8	18,4	26,6	54,2	60,2	32,1
кубинцы	2,811	72,5	59,7	15,1	37,5	74,4	50,7	23,7	41,0
кумыки	281,933	95,8	98,7	3,6	0,8	84,5	66,0	14,2	33,1
курды	152,717	76,3	83,3	9,9	0,9	31,4	27,0	27,3	33,2
лакцы	118,074	91,7	97,2	7,0	1,5	82,6	64,5	14,5	32,6
латыши	1,458,986	93,2	97,2	6,6	2,6	69,3	57,0	27,6	41,5
лезгины	466,006	86,9	95,9	8,8	1,2	66,1	41,7	19,8	33,2
ливы	226	44,4	42,7	17,9	8,0	39,7	22,7	29,8	33,3
литовцы	3,067,390	97,4	98,2	2,2	1,1	42,2	29,8	56,2	68,4

Народы	Считают своим родным языком				Свободно владеют вторым (русским) языком		Не владеют вторым языком		
	Всего	Язык своей нац-ти		Русский язык		город	село	город	село
		город	село	город	село				
манси	8,474	26,2	46,5	72,7	52,7	23,2	41,3	71,3	55,1
марийцы	670,868	68,5	89,6	31,0	10,1	64,7	71,8	28,6	23,1
молдаване	3,352,352	82,5	96,7	16,4	2,4	67,2	46,3	25,6	50,8
мордва	1,153,987	54,1	82,3	45,6	17,5	51,5	75,5	36,6	19,2
нанайцы	12,023	36,2	49,3	63,1	50,2	32,1	45,3	58,4	50,6
народы Индии	1,728	72,5	43,9	16,2	24,6	43,3	54,4	51,9	31,6
нганасаны	1,278	74,2	86,7	23,3	12,4	26,1	68,4	68,1	28,3
негидальцы	622	28,8	28,0	66,8	68,3	22,0	24,7	66,8	70,2
немцы	2,038,603	40,9	57,5	58,6	42,0	38,1	52,7	60,1	46,0
ненцы	34,665	55,3	81,8	41,6	13,0	49,9	64,2	44,3	33,3
нивхи	4,673	23,5	23,1	75,7	76,3	19,8	20,1	76,2	76,2
ногайцы	75,181	84,4	91,2	12,3	1,3	78,3	79,5	17,9	19,6
ороки	190	48,4	25,8	50,3	74,2	43,4	22,6	53,5	74,2
орочи	915	20,9	16,8	76,6	82,2	12,4	15,5	85,1	80,7
осетины	597,998	84,2	92,2	9,4	2,3	72,0	63,1	17,4	21,6
персы	40,176	24,7	48,3	13,4	4,6	53,2	32,8	33,6	39,7
поляки	1,126,334	28,1	33,9	39,1	13,8	43,1	45,0	36,3	42,3
румыны	146,071	59,5	61,4	14,9	1,8	56,7	48,4	28,2	41,5
русские	145,155,489	99,8	99,7	—	—	—	—	95,6	97,1
рутульцы	20,388	89,4	97,3	7,7	1,6	75,1	57,5	20,0	32,7
саами	1,890	32,9	48,3	66,2	50,0	29,8	48,1	58,9	43,8
селькупы	3,612	31,8	53,2	66,0	45,2	30,1	46,9	64,6	49,4
сербы	2,685	42,1	36,9	39,0	17,5	47,6	62,2	43,1	31,4
словаки	9,060	34,7	55,9	10,6	8,1	54,3	37,9	21,0	29,9
табасараны	97,531	92,5	97,9	5,9	1,3	78,2	53,4	17,2	40,8
таджики	4,215,372	95,6	98,6	2,4	0,2	43,5	21,4	43,1	66,9
талыши	21,602	62,3	94,1	2,8	0,2	23,0	3,1	33,8	19,3
татары	6,648,760	79,0	92,6	20,5	6,2	71,7	68,7	21,8	28,5
татары крымские	271,715	91,9	94,0	6,3	3,2	76,2	76,0	16,0	15,7
таты	30,669	73,1	52,0	21,8	8,9	65,6	40,8	21,7	38,1
тофалары	731	37,5	43,9	51,0	56,0	31,7	40,4	60,6	56,6
түвинцы	206,629	96,3	99,6	3,6	0,4	74,2	52,1	25,1	47,7
түрки	207,512	89,5	91,5	5,3	0,8	46,7	38,4	26,1	30,0
туркмены	2,728,965	96,9	99,3	2,6	0,2	48,1	17,5	50,1	80,5
удины	7,971	68,7	93,7	25,1	2,0	54,0	50,0	22,8	20,8
удмурты	746,793	55,9	82,7	43,8	16,9	52,8	69,5	38,6	24,8

Народы	Считают своим родным языком				Свободно владеют вторым (русским) языком		Не владеют вторым языком		
	Всего	Язык своей нац-ти		Русский язык		город	село	город	село
		город	село	город	село				
удэгейцы	2,011	35,6	20,4	47,4	77,3	20,5	17,6	68,0	74,8
узбеки	16,697,825	96,7	99,1	1,9	0,2	43,7	15,0	52,0	81,6
уйгуры	262,643	84,8	87,8	8,0	1,2	69,4	51,0	21,9	36,8
украинцы	44,186,006	73,9	93,1	26,0	6,8	58,2	52,8	29,6	45,0
ульчи	3,233	28,9	31,5	62,6	67,6	20,2	25,5	70,2	67,1
финны	67,359	31,7	41,5	59,6	42,0	32,2	43,3	57,0	46,0
французы	701	47,0	42,0	41,8	40,0	45,0	32,0	40,7	50,0
хакасы	80,328	65,1	84,4	34,4	15,4	60,8	71,4	33,7	26,5
халха-монголы	2,950	89,5	53,7	8,9	30,9	76,2	47,8	23,1	44,1
ханты	22,521	42,6	68,2	56,5	31,1	38,4	55,9	57,5	41,6
хорваты	780	48,8	53,2	45,6	39,9	42,3	43,4	49,9	49,1
цахуры	19,972	85,7	97,7	5,5	0,4	37,0	19,8	15,7	24,0
цыгане	262,015	77,6	77,1	11,5	9,6	63,1	63,7	21,6	25,3
черкесы	52,363	83,3	94,6	14,0	1,7	78,5	75,0	17,9	23,6
чехи	16,102	28,8	49,0	50,2	32,5	38,5	33,3	42,4	36,0
чеченцы	956,879	95,5	99,1	4,1	0,7	81,1	71,2	17,7	28,1
чуванцы	1,511	22,4	20,2	73,9	62,5	21,8	32,8	67,9	62,5
чувашы	1,842,346	63,2	90,1	36,6	9,6	59,8	70,6	32,0	26,0
чукчи	15,184	47,3	74,2	50,7	24,5	44,6	64,0	49,0	32,5
шорцы	16,652	51,4	71,6	46,8	26,9	48,8	63,6	42,9	32,8
эвенки	30,163	29,0	30,8	46,5	23,7	47,6	57,5	44,2	38,0
эвены	17,199	31,5	48,1	45,5	21,4	46,9	54,5	43,2	36,0
энцы	209	40,0	49,6	52,2	27,7	41,1	52,9	46,7	38,7
эскимосы	1,719	34,8	56,7	62,7	40,8	32,3	53,3	60,4	43,0
эстонцы	1,026,649	94,0	97,6	5,8	2,3	40,0	24,7	57,7	74,4
юкагиры	1,142	27,0	36,5	58,8	37,4	34,1	39,6	53,1	41,4
якуты	381,922	83,3	97,9	16,6	2,0	72,7	61,9	23,5	37,5
японцы	683	46,2	45,1	49,1	48,4	38,9	39,2	57,5	59,5
др. нац-ти	15,168	57,6	81,0	20,2	6,9	59,9	13,7	32,8	20,8
нац. не ук.	17,279	—	—	—	—	5,7	21,5	92,5	75,1
Итого	285,742,511	91,0	95,9	8,4	3,0	21,8	28,4	71,8	68,3

* Приложение разработано М. Н. Губогло;

Компьютерная обработка Е. М. Губогло, Т. И. Губогло.

Источник: Союз. 1990. № 51. С. 15—16; Союз. 1991. № 2 (54). С. 15—16;

Текущий архив Института этнологии и антропологии РАН

ЧАСТЬ III

ЛОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ МОБИЛИЗОВАННОЙ ЭТНИЧНОСТИ

«Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости»

А. С. Пушкин

«Братство народов», купленное ценой духовного обезличения всех народов, — гнусный подлог. Никакое братство и неосуществимо вовсе, когда во главу угла ставятся эгоистические материальные интересы, когда техника сама собой вносит мотив международной конкуренции и милитаризма, а сама идея интернациональной цивилизации порождает замыслы империализма и мирового господства».

Н. С. Трубецкой.
Вавилонская башня
и смешение языков.
Берлин, 1923 г.

1. РАССКАЖИ, КАРАВАН, РАССКАЖИ...

Нет народа без истории, как нет истории без народа

Читателю предстоит волнующая встреча с интересной, своеобразной книгой гагаузского писателя Диониса Танасоглу — романом «Долгий караван» (на гагаузском «Узун керван»). Перед нами крупномасштабное произведение в прозе еще недавно бесписьменной гагаузской культуры — первый гагаузский роман (впрочем, в этой культуре многое создается впервые в советское время). Определение «первый» весьма характерно и для творчества гагаузского писателя и композитора, педагога и ученого-лингвиста, историка и фольклориста, драматурга и хореографа, постановщика и музыканта Диониса Николаевича Танасоглу: проект гагаузской письменности (1957), первый букварь («Буквалык», 1958), первые грамматики, первые стихи и переводы, песни и обработки, хореографические композиции и пьесы, первые театральные постановки... и наконец, первый роман. Этим, конечно, сказано много. Но не все.

Роман, как и другие его произведения, не требует каких-нибудь скидок ни на экзотику, ни на внешний орнамент, украшающий повествование, ни на обстоятельство «первый» или же на то, что автор является представителем литературы малого народа, литературы на младописьменном языке. Глубоко национальное в лучшем смысле этого слова произведение должно быть оценено именно с позиции требований к литературе зрелого социализма. Поэтому задача перед автором стояла сложная, ответственная. И он отдавал себе отчет в том, что читатель, имеющий возможность знакомиться с лучшими произведениями классической и современной литературы народов, сам подойдет к оценке национального романа с известной ему меркой лучших образцов жанра. В связи с этим проявилась еще одна черта автора — творческая смелость и зрелость. Роман «Долгий караван» — яркое художественное произведение социалистического реализма. Состоит он из трех книг и отражает этническое и историческое прошлое предков и самого народа гагаузов, имея, как сквозной, образ каравана, олицетворяющего, с одной стороны, кочевое прошлое народа, с другой — его жизненный исторический путь. В этом смысле перед нами исторический роман.

Рождение романа Д. Танасоглу — явление далеко не случайное. Без риска ошибиться можно сказать, что оно подготовлено всей нашей социальной и культурной действительностью и что такое произведение крупного эпического жанра отвечает уже возросшей объективной потребности малого народа — художественно осмыслить свой исторический опыт. И в этом — одно из проявлений неизбежного роста национального самосознания народа, вызванного экономическим и культурным прогрессом всех наций и народностей нашей страны, и это — закономерный, объективный процесс. Вместе с тем рождение такого произведения в гагаузской литературе — это выполнение социального заказа многонациональной советской литературы и культуры в целом, нашего социалистического общества; так и все народы нашей страны заинтересованы глубже знать историю и социально-культурный портрет каждого из своих народов-братьев. Коммунистическая партия уделяет большое внимание национальной политике, процессам социально-культурного и духовного развития всех групп населения страны. Особый акцент, например, был сделан в отчетном докладе ЦК XXVI съезду партии на необходимости дальнейшего изучения культурных потребностей и национальных интересов национальных групп в республиках. Это означает учет и удовлетворение специфических запросов в области языка, культуры и быта.

Партия определила конкретные задачи для непосредственного осуществления в области ленинской национальной политики на современном этапе, среди которых задача дальнейшего всестороннего развития всех наций и народностей страны, особенно малых народов. В связи с этим стоит присмотреться к роману «Долгий караван» по крайней мере с двух точек зрения: с одной стороны — взглянуть на него с позиции и с уровня социально-культурного развития современных гагаузов, с другой — соотнести его с вершиной развития советской многонациональной культуры, литературы, в частности, в условиях зрелого социализма.

Гагаузский народ — один из тюркоязычных младописьменных народов (173 тыс. чел., 1979), проживающий в основном в южных районах Молдавской ССР и Одесской области УССР, таких как Чадырлунгский, Комратский, Вулканештский, Бессарабский, Болгарский, Ренийский и др. До Советской власти мало что было известно о гагаузах вообще и об их истории в частности, кроме лаконичных сведений русского исследователя-этнографа и лингвиста В. А. Мошкова о том, что гагаузы — выходцы из Болгарии, куда их предки огузы пришли из Средней Азии через южнорусские степи.

Советские ученые исследуют эту проблему более целенаправленно и накопили уже немало аргументов, подкрепляющих правильные в основном мысли дореволюционного отечественного исследователя. За годы советской власти гагаузский народ из отсталой, бесписьменной народности преобразился в непрерывно развивающуюся национальность. Под влиянием интенсивных урбанизационных процессов сформировался национальный отряд рабочего класса (в 1979 г. доля городского населения среди гагаузов Молдавской ССР составила 37,5%, выросла интеллигенция, достигнуты высокие рубежи в социально-экономической и в культурной сферах жизни населения. Новому этапу общественного развития гагаузского народа соответствуют новые социальные потребности, в том числе потребность глубже знать свою историю и культуру. И Дионис Танасоглу поэтому, пожалуй, обращается в своем романе к прошлому народа. Но обращение к истории служит автору средством ответить на актуальные вопросы современности, в том числе о перспективах развития национальной культуры, ее сближения с культурами других народов и обогащения, о роли личности в исторических судьбах народа и его культуры. За десять лет, прошедших между двумя переписями населения (1970 и 1979 гг.), удельный вес гагаузов, свободно владеющих русским языком, вырос от 63% до 68%. В молодых поколениях, в составе которых особенно много активных читателей, процент знающих русский язык, как показывает опыт, еще выше. Вместе с тем распространение русского языка, как языка межнационального общения, не вытесняет у населения язык своей национальности. По данным переписи населения, 93,6% всех гагаузов, проживающих в СССР, указали в 1979 г. в качестве родного язык своей национальности.

Сегодняшний гагаузский читатель уже совсем не тот, что был двадцать лет назад, когда первые гагаузские фольклорные сборники, подготовленные еще не на высоком уровне, все равно читались с захватывающим интересом, только из-за того, что они впервые были изданы на гагаузском языке.

Появление первого гагаузского романа — неординарное явление в панораме культурной жизни нашей страны. Поэтому нельзя его рассматривать в отрыве от магистральных путей развития многонациональной советской литературы. Наблюдая за первыми шагами самой молодой из всех советских литератур — гагаузской, — следует прежде всего подчеркнуть тот факт, что она является неразрывной и неотъемлемой составной частью единой литературы единого советского народа. И первейшая особенность ее развития проистекает прежде

всего из этой связи. В широком смысле речь идет об относительно ускоренных темпах развития профессиональной художественной литературы на младописьменных языках. Гагаузский язык, как видно, блестяще подтверждает эту тенденцию. Действительно, меньше трех десятилетий разделяют между собой два знаменательных события в культурной жизни гагаузского народа: создание письменности в 1957 г. и выход первого романа на родном языке. Фактически же путь, потребовавшийся для зарождения молодой гагаузской литературной прозы, еще короче. Первые книги поэзии появились в начале 60-х годов, а роман «Долгий караван» по существу был завершен в конце 70-х годов.

И здесь, разумеется, трудно удержаться от некоторых очевидных исторических сравнений, параллелей. Единство младописьменных литератур народов СССР со старописьменными сегодня представляет собой сложное, динамично развивающееся явление. Как и большинство других младописьменных литератур, гагаузская литература начала свой путь с поэзии. Читателю полюбились поэтические публикации теперь уже известных гагаузских поэтов и писателей Николая Арабаджи, Николая Танасоглу, Дмитрия Карачобана, Диониса Танасоглу, Николая Бабоглу, Мины Кеся, Степана Курогло, Гаврила Гайдаржи и др. Иными словами, в первоочередном развитии поэзии проявляется сходство гагаузской литературы с творческим путем литератур многих других народов. Различие состоит в том, что исторический путь от поэзии к прозе, пройденный многими младописьменными литературами за несколько десятков лет (если иметь в виду промежутки времени между 20—70-ми годами), гагаузская литература преодолела менее чем за три десятилетия. И глубоко символично, что роман Д. Танасоглу был создан к 60-летию образования СССР, подтверждая тем самым неразрывную связь социального и культурного развития в условиях социализма. История знает немало примеров, когда само по себе создание письменности бесследно терялось в истории национальной культуры народов. Известны случаи, когда от создания письменности до выхода в свет первого художественного произведения в прозе проходили века.

В период пребывания гагаузов на Балканах в XII—XVIII вв. были переведены некоторые богослужебные книги с греческого на гагаузский язык. В XIX в. и позднее были написаны некоторые книги, например «История гагаузов» М. Чакира на гагаузском языке с использованием румынского алфавита. Неоценимым источником для изучения духовной культуры гагаузов является том «Наречия Бессарабских гагаузов», изданный в 1904 г. в Петербурге В. А. Мошковым в много-

томной серии академика В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен».

Роман «Долгий караван» представляет собой достойный пример неограниченных возможностей культуры эпохи развитого социализма. В нем органично сочетаются национальное и интернациональное. Будучи произведением глубоко самобытным и истинно национальным в лучшем смысле этого слова, роман одновременно несет в себе мощный интернациональный заряд. Это вполне закономерно, так как, работая над своим произведением, автор опирался на опыт всей советской литературы, на художественные принципы всей нашей науки и культуры, на богатейшее наследие 77 литератур советских народов-братьев.

Воссозданный на страницах романа национальный колорит не представляет самоцель, не замыкается в экзотику, а дает выход на более широкую арену, представляя интерес для общесоюзного читателя. И этот читатель должен получить возможность познакомиться с историей трудолюбивых гагаузов, их предков, с полынным ароматом Буджакских степей, с прекрасными восходами и закатами гостеприимных гагаузских селений.

Роман состоит из трех книг, объединенных общей исторической основой, сквозным литературным образом каравана, движущегося не только в пространстве от Алтая до Балкан, но и во времени (с доисторических времен в XX в.) и приобретающего новое содержание с переходом предков гагаузов к оседлому образу жизни уже на Балканах.

Действие романа охватывает длительный период времени, насыщенный глубокими социальными преобразованиями, оно многоплановое, многоэтапное и многосюжетное и разворачивается на разных землях пребывания далеких и близких предков советских гагаузов. Но общая главная линия действия — жизнь и борьба народа за лучшую долю — целостна и объединяет все сопутствующие ей события и сюжеты. Начинается книга обращением автора к памяти народной, которая сегодня подобно тающей льдине постепенно теряет сведения о «делах давно минувших дней». Затем читатель переносится в глубь веков, в те времена, когда в обширных пространствах Великой Степи волнообразно передвигались многочисленные тюркоязычные племена с предгорий Алтая в Среднюю Азию, затем в Юго-Восточную Европу, в составе которых передвигались и древние предки современных гагаузов — куманы (половцы) и огузы. Образно говоря, это был не только географический путь, по которому двигались кочевые тюрки из Азии в Европу. Попутно преодолевался еще один путь — социальный, путь из кочевого в оседлый образ жизни. Конец этого второго пути

пришелся на северо-восточные районы Балканского полуострова. Заканчивается роман началом XX в., озаренным в истории этого народа пламенем крестьянского восстания в Комратской волости Бессарабии, — пожалуй, одной из самых ярких страниц его социального движения, этнической мобилизации и революционного брожения в дооктябрьский период.

Перед нами, однако, не историческая хроника, а художественное произведение, исторический роман. В этой своеобразной книге воспроизводится эпическая по своему размаху панорама социально-экономической и культурно-бытовой жизни народа. При этом автор извлекает из бездны забытых времен яркие, волнующие страницы его героического, духовного богатства. Народ является главным героем романа. Автор впервые вызывает на сцену художественной жизни совершенно нового героя — гагаузский народ с его сложной и многотрудной этнической историей, народ гордый, свободолюбивый, сплоченный, с богатыми национальными традициями, обычаями, нравами, пронесший через века самобытную культуру.

История далеких предков гагаузов теснейшим образом переплелась с историей многих соседних народов, и особенно славянских народов на этапах консолидации гагаузской народности. В крутом водовороте событий проходят перед нами многочисленные герои романа. История гагаузов, взятая в органическом единстве с историей соседних народов, дала автору значительный запас сюжетов, персонажей, ситуаций и обстоятельств, с помощью которых исторически достоверно или напряжением художественного воображения воссоздается длинный путь каравана. Зримо предстают образы целых периодов, каждый со своей своеобразной социальной атмосферой. Осмысливается героический эпос древних огузов, сущность и соотношение кочевого и оседлого образов жизни.

Перед читателем чередой проплывают картины не только тяжелой кочевой жизни народа и завоевательных походов великотюркских каганов и ханов в Азии, но и усилий Тюркского каганата, затем и Огузской державы в Средней Азии, чтобы задержать нашествие Ирана и Арабского халифата в южнорусские степи; нелегкое передвижение кочевых племен по Балканам и ожесточенная борьба за самостоятельное развитие в союзе с болгарским народом против крестоносцев Латинской империи; принятие христианства как важный шаг на пути культурного развития и сохранения своей этнической самобытности; дворцовые интриги и бытовая жизнь богатых и бедных, беев и простых скотоводов, трагические судьбы простых людей, вовлеченных зако-

нами истории в запутанную игру государственных интриг и кровавых переворотов; беспощадность оттоманского господства на Балканах, борьба против него и уход гагаузов под защиту России; освоение многовековой Буджакской целины и борьба с гнетом помещиков и царских чиновников, крестьянские волнения и, наконец, крупное восстание и захват власти в свои руки в январе 1906 г.

В пламени человеческих страстей оживает богатый мир целого народа, с его социальными и человеческими драмами, военной жизнью и мирным бытом, классовой борьбой и стремлением к свободе.

Малоизвестная широкому читателю история гагаузов предстает со страниц романа в своеобразном укладе жизни, традиционных занятиях, в богатом опыте производства материальных и духовных благ, в орудиях труда, в национальных песнях, в сказках и легендах. Все это отражено с помощью родного языка и на родном языке, раскрывшем свое богатство и выразительную силу под опытным пером писателя. Центральная мысль автора относительно того, что у любого народа, пусть даже малочисленного, обязательно длинная дорога жизни, богатая история и оригинальная, самобытная судьба, — служит патриотическому и интернациональному воспитанию подрастающих поколений. Этот тезис убедительно раскрывается системой образов романа, наглядной панорамой событий и сюжетов. Этому служат достоверно выведенные удавшиеся художественные образы.

Роман «Долгий караван» густо населен героями. Суровые испытания ждут многих из них. Одни их выдерживают и становятся нравственно и духовно более сильными. Именно такие герои становятся активными борцами за прогрессивное развитие жизни. Другие — особенно те, кто в своих поступках руководствуется личными корыстными или чувственными мотивами, — погибают в поисках новых и новых удовольствий. Герои романа выступают под разными именами в соответствии с разной исторической эпохой и в соответствии с собственной этнической культурой. Читателю запомнятся образы рода кочевников Куруогов, Ог-огула, образы Истеми-кагана и Огуз-хана, Олдана-батыра, рода табунщиков Сундубаев, юнака-Кирчу, гайдука-Ганди, чебана-Оглана, народного мстителя Дилбера, задунайского переселенца Тодура, пионера-колониста Тикенжи, социально правдивого крестьянина-бедняка Кысметсиза, молодого революционера Андрея Атамажи. Монументальность образной системе романа придают образы киевского князя Святослава, русского богатыря Бажая, болгарского повстанца Ивайло, образы Суворова и Кутузова, Инзова, декабриста Юшневского и Пушкина, русских и молдавских революцио-

неров в Бессарабии. Веренице положительных образов противостоят представители мрачного мира — ханы, беки, беи, султаны, визири, паши, янычары, башибузуки, монахи, попы, царь, помещики, чиновники, ростовщики, жандармы, кулаки — и их лакеи. Подстрекаемые своими социальными интересами, алчностью и корыстолюбием, они разрушают семьи и налаженные мирные связи народа с соседними народами, обрекают людей на гибель, обволакивают население ядовитой пеленой страха и неуверенности. С просторов кочевой степи с ее отсталым общинно-родовым и феодально-патриархальным укладом жизни до баррикад первой русской революции — таков путь героев романа, воплощенных в перечисленных образах; от бубенчиков степных табунов до набатного зова баррикадных боев — таков путь многострадального каравана. И вместе с этим путем такова содержательная социальная канва романа. Изображение борьбы светлых и темных сил, столкновений положительных и отрицательных героев, анализ движущих сил каравана-народа — все это свидетельствует о зрелости социальной мысли автора, о его умении изображать социальные в своей основе явления художественными средствами. Этот ракурс, найденный автором, дает свои плоды. Выбирая из народной культуры наиболее яркие и выразительные особенности, эмоционально окрашивая сюжетную линию, Дионис Танасоглу как бы открывает глаза читателю, дает ему возможность самому находить в обыкновенной и будничной жизни черты необыкновенного и небудничного. Шаг за шагом следуя за символическим караваном, читатель обогащается новыми чувствами, насыщается свежими идеями и мыслями. Таким образом, нравственно-политическую суть романа «Долгий караван» составляет проблема единства и своеобразия исторического восхождения народа, признания его роли в контексте истории соседних народов, и шире, в контексте всемирной истории. Суть своего историко-социального подхода автор излагает в прологе к каждой главе романа, а затем, в последующем изложении, раскрывает ее всем ходом повествования, украшенного в ряде случаев увлекательными повторами сюжетной линии. Два типа персонажей — реальных и вымышленных — представляют собой довольно стройную систему образов. Опираясь на уже известные литературные источники, а также воспроизводя подчас впервые свежий исторический материал, автор не уклоняется от реальных событий, не допускает особой вольности в интерпретации тех или иных общеизвестных исторических фактов. Там же, где логика требует вымысла, автор своим воображением создает вполне достоверные сцены, судьбы, ситуации, не нарушающие картины исторического процесса.

Так, например, давая яркое изображение быта и нравов далеких предков гагаузов, рисуя картины мирной и военной жизни, кровопролитных сражений и увлекательных спортивных состязаний, драматические придворные торжества и убийства, автор умеет акцентировать внимание на серьезных проблемах, жизненно важных для народа в тот или иной конкретный период его развития. В ряде мест романа личное тесно переплетается с общественным, судьба героев складывается на фоне исторических событий, а ход истории складывается из совокупности человеческих судеб.

Роман вызван к жизни общественной потребностью. Народ должен знать свою историю. И чем выше культурный уровень народа, тем сильнее его познавательная потребность. Но нельзя сказать, что автор романа — беспристрастный регистратор событий. Вглядываясь в повседневную жизнь народа, размышляя над удивительным в своем многообразии образом жизни огузов-гагаузов и их соседей, писатель находит нужные краски, чтобы своим искусством утверждать хорошее и высокое, отрицать плохое и низкое. Он проводит умелой рукой грань между нравственной и безнравственной сущностью традиций, между реально существующим и идеально долженствующим. И в этом мы также видим одну из сильных сторон идейного замысла автора. Иными словами, роман нужен широкому читателю тем, что он включается в борьбу за нового человека, дает ему надежные классовые ориентиры в понимании судьбы своего народа. Прославляя и возвеличивая славные страницы истории, соединяя борьбу за национальную независимость с борьбой других народов-братьев, роман служит нравственному, патриотическому и интернациональному воспитанию. Характерен такой пример. В борьбе против оттоманского ига, а равно и в борьбе против общего классового врага объединяются герои разных национальностей: гагауз Дилбер, болгарин Пенчо, серб Драйчо, турок Мехмед. По обычаю народных мстителей они на крови клянутся бесстрашно уничтожать общих врагов и совместно бороться за освобождение угнетенных балканских народов. Интернационалистическая позиция автора романа проявляется и в том, что герои его романа влюбляются друг в друга вопреки существующим национальным и религиозным преградам: болгарин влюбляется в турчанку, турецкий юноша (мусульманин) в гагаузку (христианку), серб в болгарку, гагазка в молдаванку, огузка в славянку. Реалистическая достоверность романа является высшей формой проявления его идейности и народности. Дионис Танасоглу написал очень важную книгу о жизненном пути ныне малочисленного народа, его борьбе за лучшую долю. И хотя повество-

вание не доведено до наших дней и караван-народ не доходит еще до счастливого привала, можно интуитивно ощущать, что это стремление имеет глубокие жизненные корни. Подтверждение тому — массовое участие гагаузов вместе с другими народами в баррикадных боях первой русской революции.

Роман — многослойный и многоплановый, с множеством сюжетных линий, разделенных, с одной стороны, длительным временем и широким пространством, но связанных, с другой стороны, единым планом — становлением и формированием гагаузов как самостоятельной этнической общности. На страницах романа переплетаются судьбы племен с судьбами государств и судьбами человечества.

Автор ввел в роман обобщенный образ старого народного сказителя-певца «каушчу-пиетчи», своего рода ашуга, как прием, свойственный народнопоэтической литературе Востока, позволяющий связывать события различных эпох и развитие сюжетных линий на многовековом пути каравана. Мудрый старец вспоминает о волнующих событиях, героях и делах своего родного народа, дает им оценку. Этот весьма эффективный прием позволяет автору перелистывать как бы страницы истории, оглядываясь на пройденный путь, сопоставляя прошлое с настоящим, выявляя традиции и новации, размышляя над тем, что отживает свой век, и тем, что может служить национальному возрождению. Что касается формы включения этого персонажа в ткань романа, то выбор здесь ничем не ограничен. Может быть и повествование от его имени, и рассказы в духе народного эпоса, и воспоминания мемуарного характера, и сновидения, и взгляд в прошлое с высоты 2000 г. и т. д. Этот прием, конечно, важен не сам по себе, не как самоцель и не с точки зрения соблюдения принципа системности. Его функция, как представляется, значительно глубже и стратегически дальновиднее. Такой подход позволяет полнее воссоздать историческую связь времен, глубже раскрыть живую преемственность между эпохами и поколениями, между старым и новым, между отжившим и прогрессивным.

Размышляя над новым романом Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», Ю. Суровцев отмечал: «Современный роман стремится к увеличению своей смысловой емкости. Смысловой — еще раз подчеркну — вовсе не значит только рациональной, интеллектуальной. Нравственная проблематика, эмоциональное напряжение — это ведь тоже непререкаемые слагаемые художественного смысла. Отсюда поиски формы, способной эту емкость не просто вместить, но выразить собой» (см. *Суровцев Ю.* Многозвучный роман — контрапункт // Дружба народов. 1981. № 5).

Думается, что приведенная характеристика вполне может быть отнесена и к роману Д. Танасоглу. Опыт наших современников, таких известных романистов, как Ю. Бондарев, О. Чиладзе, О. Гончар, А. Крон, А. Иванов и некоторых других, свидетельствует о том, что роман наших дней стремится к двоякой развернутости своей композиции. С одной стороны — назовем ее синхронной — события разворачиваются в одной и той же хронологической плоскости. С другой стороны — диахронной — писатели прибегают к таким композиционным решениям, когда с помощью ретроспекции читатель мысленно следует из настоящего в различные временные пласты прошлого или даже в моменты истории будущего. Подобные временные и событийно-смысловые виражи, безусловно, позволяют увеличить как информационную, так и художественную нагрузку произведения. Воспринимая одно и то же состояние персонажей с точки зрения их современного состояния, а также с помощью ассоциативных связей, читатели получают в одном романе как бы два или более произведения. Происходит сжатие времени, сгущение мыслей, увеличение художественно-эстетического воздействия произведения на умы и чувства читателей. Указанные черты в известной мере присущи и многоплановому роману Д. Танасоглу.

Есть в романе еще одна вполне самостоятельная тема, о которой нельзя не упомянуть. Об этой теме вроде бы прямо и не сказано в тексте. Но в многозвучии этого произведения особенно выделяется голос памяти. Той самой памяти, которая чрезвычайно важна для нравственных исканий нынешних читателей. Все мы являемся свидетелями того, что в наши дни с особой глубиной осознается значение социально-культурного опыта прошлого для деяний нынешних, и для нынешней нашей духовной жизни. Вот почему три отдаленных друг от друга временных пласта воспринимаются не в отрыве, а в органическом единстве. Думается, что по этой же причине с особой рельефностью будет укореняться у читателей романа мысль о необходимости бережного отношения к своей прошлой истории. Но не для того, чтобы идеализировать прошлое. Нет. А для того, чтобы лучше видеть дорогу в будущее, увереннее ощущать себя строителем грядущего.

Вся советская культура, в том числе литература, призваны так воспитывать людей, чтобы все сферы их образа жизни, вся система их жизнедеятельности, весь их жизненный уклад были проникнуты духом интернационализма, чтобы каждый советский человек свято выполнял свой гражданский долг — уважал национальное достоинство других граждан, всеми силами укреплял дружбу наций и народностей нашей

страны, содействовал расширению их сотрудничества и взаимопомощи. Именно этой благородной цели призван служить и роман «Долгий караван».

Язык романа богат в средствах художественного изображения и лексических ресурсов. Текст изобилует живыми диалогами. Удачными представляются попытки автора использовать и отдельные драматургические приемы, например, изобразить общение героев по ролям. Красочность стиля дополняется вполне уместно вплетенными в ткань изложения пословицами, поговорками, народными песнями. Документальные источники придают роману информативную надежность и дополнительную достоверность. В отдельных эпизодах сами герои раскрывают происхождение названия гагаузов от хакогузов (истинных огузов, не принявших ислам) как их прямых потомков.

Да, ты встретишься, читатель, с караваном. Караваном истории и историей в судьбе каравана. Он расскажет многое о своем длинном пути, нелегком пути. Мы вместе полюбим его и его насыщенную событиями историю. Но мы не прощаемся с ним навсегда. Мы скажем: счастливого пути, тебе, караван, до новых встреч!

2. ЭНЕРГИЯ ПАМЯТИ (О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти)

«Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после»

(Екк. 1,4-11)

2.1. НЕПРЕРЫВНАЯ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Еще на рубеже XI—XII вв. Владимир Мономах в своем «Поучении» удивлялся поразительной родовой памяти птиц, позволяющей новым поколениям преодолевать огромные расстояния и безошибочно отыскивать традиционные места своего обитания. Феномен памяти, в том числе памяти, побуждающей птиц искать и находить постоянные зимовья и летовья всегда в одних и тех же местах, а также памяти, дающей народам ощущение исконности земли обитания, как бы ни менялся облик этой земли и облик населяющих ее народов, продолжает волновать мыслителей нашего времени. Академик Д. С. Лихачев — один из них. Ему, в частности, принадлежит фундаментальная идея о том, что раскрыть этничность (на примере русскости) можно только через понимание памяти, ее места и роли в формировании и сохранении национальной самобытности народа. Не случайно свою книгу, адресованную молодежи, он начал словами о памяти: «Очень мало у нас делается для того, чтобы рассказать широкому читателю о наших «корнях»... Мы не знаем о себе самых простых вещей»¹.

Лишение памяти о прошлом равносильно смерти. «Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек — носитель прошлого и носитель национального характера», — это

снова Д. С. Лихачев. А вот ассоциированное с этой мыслью объяснение Василия Белова, автора книги «Лад» — энциклопедии традиционного образа жизни русского крестьянства: «Беречь надо память. Для памяти и пишу... Вне памяти, вне традиций, истории и культуры, на мой взгляд, — нет и личности. Память формирует духовную крепость человека»².

Свое выступление на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (г. Горький, июль 1987) В. Г. Распутин начал с определения памяти, которая по его мнению представляет собой скрепляющую и охранительную силу, направленную на раскрытие и расцвет народных возможностей. И нет почвы более плодотворной, чем национальная память, если понимать ее как «ощутительную, непрерывную связь поколений, живущих с поколениями прошлого и будущего»³.

Лишение памяти, — манкуртизация, — самая страшная кара для отдельного человека и для целого народа. Одним из самых жестоких преступлений против человечности Чингиз Айтматов считает варварское изобретение кочевых средневековых жуаньжуаней, позволявшее им отнимать у пленников их память, тем самым лишая человека его сути и превращая его в беспамятного раба-манкурта.

«Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, — причитает Найман-Ана, мать живого сына, превращенного в беспамятного манкурта, — но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?! О господи, если ты есть, как внушил ты такое людям? Разве мало зла на земле и без того?»⁴.

Когда корпус под командованием генерала А. П. Кутепова в составе Русской армии П. Н. Врангеля высадился с кораблей в маленьком турецком городке Галлиполи, казалось, что разрозненным, измученным духовно и физически, изнуренным и выброшенным зимой на пустынный берег разбитого городка русским воинам нет никакого дела до памяти, памяти о покинутой родине, памяти о солдатах русской армии, памяти о павших за честь любимой России. Впрочем, когда французы потребовали сдать оружие, в ответ услышали, что только после боя, если бой с французами будет проигран. Более того, генералу А. П. Кутепову удалось мобилизовать обреченных людей, вселить в них надежду на победоносное возвращение, и армия возродилась.

И жарким июльским днем 1921 г., когда в торжественной обстановке в Галлиполи открывался памятник, каждый из русской армии принес на место памятника камень, который ему под силу было поднять, и из 24 тыс. камней сложился курган, на котором установили, как на шапке

Мономаха, мраморный крест. На переднем фасае — Русский государственный герб, двуглавый орел, а под ним на мраморной доске надпись на русском, французском, турецком и греческом языках: «Упокой, Господи, души усопших, — 1-й корпус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь родины нашедшим вечный покой»⁵. Память нужна была не усопшим, а тем, кто остался в живых. Память и воля к жизни оказались нерасторжимыми. Память стала продолжением жизни, ее неотъемлемой частью.

Четверть века дрались горцы во главе с легендарным Шамилем за национальную независимость. За двадцать пять лет борьбы изменился не только внешний облик Дагестана, но даже названия мест и рек. «Авар-Косу, — вспоминает Расул Гамзатов, стала называться Кара-Койсу, то есть Черной рекой. Появились Раненые скалы, Ущелье смерти, прославилась река Валерик, остались в народной памяти тропа Шамиля, дорога Шамиля, танец Шамиля»⁶.

Когда князь Барятинский пытался внушить плененному Шамилю мысль о напрасных жертвах, о бесполезности его борьбы, Шамиль ответил ему: «Нет, не напрасны. Память о ней сохранится в народе. Многих противников моя борьба делала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы Дагестана, враждовавшие между собой и твердившие «мой народ», «моя нация», она слила в единый Дагестанский народ. Чувство Родины, чувство единого Дагестана я завоевал и оставляю своим потомкам. Разве этого мало?»⁷

2.2. «ПРОСТИ ИМ, ИБО НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ДЕЛАЮТ»... ИЛИ НАСТУПЛЕНИЕ НА ПАМЯТЬ

Важным условием существования и развития любой культуры является оптимальное сочетание в ней преемственности и инноваций. И если деформируется соотношение между этими двумя составляющими, если нарушается баланс, то культуре угрожает размывание, исчезновение, бесплодие, тупиковое или застойное топтание на месте.

Именно последнее грозило иметь место для многих национальных культур, пока не грянула перестройка. Тупиковый путь был предопределен внедрением идеологии приоритета классового фактора над общечеловеческим и над национальным факторами. В итоге культура лишалась важнейшего катализатора своего развития — вечного диалога прошлого с настоящим. А между тем, спор между настоящим и прошлым представляет собой поиск будущего. Вывод очевиден: лишая себя прошлого, мы лишаем себя и своего будущего.

Метастазы этой болезни в 70—80-е годы поразили глубокие слои наших национальных культур, и в первую очередь культур народов нестатусных (не имеющих своей национально-государственной или национально-территориальной автономии) и малочисленных. Приведу только один пример из результатов опроса общественного мнения, организованного и проведенного социологами три года тому назад — в декабре 1989 г. Согласно итогам опроса, лишь 8,0% советских людей испытывают чувство связи с ушедшими поколениями⁸.

Согласитесь, что этот удручающий показатель очень трудно комментировать. Хотя думать над этим надо, и, видимо, непрестанно. Это показатель степени манкуртизации — лишения народов их исторической памяти под надуманными псевдореволюционными предложениями — разрушения старого ради построения новой коммунистической цивилизации, уничтожения культуры прошлого ради создания новой пролетарской культуры и нового советского человека. Горько сознавать, что значительная часть советских людей — это поколение полуманкуртизированных людей. Еще более удручающее впечатление производит другая цифра, полученная в ходе того же самого опроса: только один человек из сотни опрошенных осознает вину своей страны перед другими народами. Это тоже результат манкуртизации. Не исключено, что понятия манкурта и манкуртизации будут дополнены новыми терминами, показывающими упадок национальной и общечеловеческой культуры, степень деградации личности вследствие истощения запаса культуры. Ю. Карякин предложил, в частности, ввести новый термин «мауглизм», согласно которому все мы, советские люди, за редким исключением, — «маугли, почти каждый из нас по-своему — маугли», потому что «мы рождены и воспитаны в бесчеловеческой социальной стае»⁹. В гениальной книге Р. Киплинга, конечно, есть одна существенная неточность. В самом деле, человеческий детеныш, попавший в стаю волков, и воспитанный в стае, никогда уже не станет нормальным человеком. Немногим из нас, полуманкуртам, полумаугли, суждено возродиться в нормальных людей, в таких истинных немаугли, как А. Сахаров, С. Аверинцев, Вяч. Иванов, Д. Лихачев, А. Солженицын. Хотя среди интеллигенции немало тех, кто, вопреки всем идеологическим табу, сохранил любовь к Бунину и Есенину, Булгакову и Платонову, сочувствие Максимову и Солженицыну, Набокову и Некрасову.

Выше я привел примеры интраманкуртизации, т. е. той, что укоренилась в душе и в памяти советского человека или группы людей.

Но есть еще экстрманкуртизация, т. е. выбитая память из нашей культурной экониши. Хорошо известно, с какого времени запущены часы

экстреманкуртизации. С того самого, когда Петербург переименовали сначала в Петроград, а затем в Ленинград.

Не случайно ленинградцы, пришедшие 12 июня 1991 г. к избирательным урнам, проголосовали за возвращение городу его исторического названия Санкт-Петербург. И хотя, во-первых, результаты опроса населения не имели юридической силы, а во-вторых, для части населения память о Ленинграде ближе и дороже памяти о Санкт-Петербурге, общественное мнение было учтено при вынесении окончательного решения.

Ураганы Октябрьской революции, Гражданской войны, военного коммунизма, нэпа уничтожили многое в русской национальной памяти, воздвигли страшный барьер между прошлым и будущим русского народа. Громадное количество разрушенных памятников старины, русских культурных институтов, массовое уничтожение русского крестьянства, социальной базы русской национальной памяти, утраченные надежды на возрождение русской этничности, гибель или бегство значительной части цвета нации — лучшей части русской интеллигенции, — все это трагически сказалось на развитии русского национального самосознания.

С 1918 г. началось «триумфальное шествие» переименований городов, площадей и улиц. По подсчетам специалистов, в одной Москве в 1972 г., т. е. через столетия, сохранилось только 693 названия из 1344, указанных в путеводителе 1912 г.¹⁰ Так с помощью экстреманкуртизации ускорялась интраманкуртизация. Закономерно, что это вызывало протест у той части творческой интеллигенции, которая считала преступлением насильственное стирание памяти о прошлом. В этом смысле автор «Мастера и Маргариты», «Театрального романа», «Белой гвардии» принципиально пренебрегал новыми названиями улиц Москвы, именуя их в своих произведениях не иначе как подореволюционному: Патриаршие пруды вместо Пионерских, Божедомка вместо Достоевского, Тверская вместо Горького, Пречистенка вместо Кропоткинской, Кудринская площадь вместо площади Восстания.

Напомним, что «Мастер и Маргарита» наряду с «Доктором Живаго» и «Тихим Доном» составляют непревзойденные ориентиры русского романа XX в., века, на чью долю досталось как насаждение манкуртизации, так и, будем надеяться, ее преодоление.

Наступление на историческую и национальную память народов велось систематически с тех времен, когда на этнополитической авансцене появился решительный человек с холодным взглядом, в перетянутой пулеметными ремнями куртке с тяжелым маузером в деревянной кобуре.

Помним мы и трагически-вершинные точки подавления памяти — все, что было в 1929 г., в конце 30-х, накануне Великой Отечественной войны и в конце 40-х после ее завершения.

Ущемление русской памяти началось гораздо раньше, чем наступление на память нерусских народов. Достаточно вспомнить яростную кампанию, запущенную на XII съезде РКП(б) Сталиным, сразу же после смерти Ленина, против великорусского шовинизма.

Главной задачей своего участия на этом съезде Сталин выбрал борьбу против великорусского шовинизма, так как, по его словам, «национализм великорусский стал нарастать, усиливаться» в связи с нэпом¹¹. Столкнув лбами и откровенно противопоставив «бывшую державную нацию», состоящую из 75 млн. человек, остальным 65 млн. угнетенным национальностям, назвав советскую власть русской властью¹², он предложил целую программу борьбы с российским наследством и добился принятия соответствующей резолюции.

И подобно тому как общеизвестная Резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»¹³ X съезда РКП(б) в 1921 г. открыла широкую дорогу аффирмативной национальной политике («помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию...»), политике приоритетных условий возрождения памяти, самопознания, культуры и хозяйства отсталых в прошлом народов, неосмотрительно насаждая среди определенной их части комплекс иждивенческих настроений, искусственно культивируя преувеличенное значение национального фактора и национального самосознания, резолюция XII съезда РКП(б) в 1923 г. «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве»¹⁴, почти дословно повторяющая тезисы Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве»¹⁵, открыла широкое наступление против национальной памяти русского народа под революционным флагом борьбы против российского наследия «периода национального гнета», «тюрьмы народов», «жандарма народов» и т. п.

Перелистаем еще раз внимательно материалы XII съезда. В одной из ее резолюций встретим такую установку: «Партия обязана вести решительную борьбу прежде всего с остатками великорусского шовинизма. Только решительной борьбой с великорусским шовинизмом можно обеспечить прочный союз и обеспечить влияние партии среди трудящихся»¹⁶, в другой резолюции еще более резко, более однозначно, прямолинейно против российского наследия, которое, согласно установке большевиков тех лет, «состоит, во-первых, в пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого при-

вилегированного положения великоруссов... разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание (так в тексте. — М. Г.) положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности..., во-вторых, в фактическом, т. е. хозяйственном и культурном неравенстве национальностей Союза Республик... Поэтому борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей (вот где истоки и начало идеологии курса национальной политики на решительную унификацию. — М. Г.), борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов является второй очередной задачей нашей партии»¹⁷ и, наконец, в докладе И. Сталина XII съезду: «...опаснейший враг, которого мы должны свалить, ибо если мы его свалим, то на $\frac{9}{10}$ свалим и тот национализм, который сохранился в отдельных республиках»¹⁸.

В 1988 г. в стране отмечалось шестисотлетие Куликовской битвы. «Но разве мы свято храним память об этом великом народном подвиге, героях исторической битвы?» — спрашивает Д. С. Лихачев и приводит, как бы в ответ на свой вопрос, слова народного художника СССР П. Корина: «На Куликовском поле решалось будущее России и Европы. Русские грудью своей, жизнями тысяч оплатили победу. В те далекие века было завещано помнить павших на поле Куликовом “пока стоит Россия”».

А первым павшим был Александр Пересвет, что перед сдвинутыми ратями принял вызов Челубея и погиб, сразив врага... Пересвет и Ослябя упоминаются в каждой летописи. Для множества поколений были они символом доблести и ратной чести.

Но многим ли известно, что Пересвет и Ослябя похоронены в Москве, в церкви Рождества? Сейчас она находится на территории завода “Динамо”. В четверике старой церкви установлен мотор в 180 киловатт. На метр он углублен в землю. Древняя почва вся перерыта. Здание сотрясается от грохота. Близлежащие улицы, называвшиеся именами героев — Пересветинская и Ослябинская, теперь переименованы. Нет ни одного упоминания — доски мемориальной хотя бы. Ничего нет. Рев моторов над прахом героев. Вот вся тебе память и слава»¹⁹.

В этих словах выражена не только гражданская позиция художника, в них выражены скрытые чувства граждан, желающих помнить и чтить героическое прошлое своего народа.

Выйти из кризиса беспамятства, очевидно, можно таким путем, каким мы в него вошли: восстановление экомемории, исторической памяти,

возвращение полуразрушенной инфраструктуре ее прежних красок и устоев. И поскольку историческая память живет в самом народе, воспроизводится им, а также воплощается в жизнь и возрождается интеллигенцией, постольку и интеллигенции надо предъявлять счет за память о памяти, за общее состояние духа и самосознание нации, за полнокровные традиции, за бесперебойную работу механизмов межпоколенной и внутрипоколенной передачи той информации, без которой этничность не этничность, самобытность не самобытность.

И. Сталин, по-видимому, неплохо представлял себе значение исторической памяти в национальном вопросе, т. е. в межнациональных отношениях. Объявляя бой русской памяти, великорусскому шовинизму, он принимал в расчет самую же память, в том числе те традиции русского дореволюционного либерализма, согласно которым радикальное проявление русского патриотизма объявлялось, во-первых, реакционным, во-вторых, направленным против инородцев. Иными словами, обращаясь к одной части памяти, будущий диктатор мобилизовал силы для преследования другой памяти, памяти, связанной с любым проявлением русского национального самосознания.

А когда стране стало совсем худо в суровые дни Великой Отечественной войны, он, отдавший много сил борьбе с русской национальной культурой и с православием, быстро сменил хулу на похвалу и обратился к русской памяти, русскому патриотизму, к доблестным деяниям легендарных русских полководцев. В годы войны, после десятилетий принижения дореволюционной истории русского народа и истории Государства Российского, Сталин перестал бороться с православной церковью и использовал ее поддержку, в частности, в партизанском движении.

Для того, чтобы утолить ущемленное системой национальное самосознание русских, Сталин обратился к идее великого русского народа, объединившего вокруг себя нерусские народы, к идее «старшего брата», примеру которого надо следовать братьям меньшим.

На заложенном «вождем народов» концептуальном фундаменте последовательной манкуртизации русского народа в форме, провозглашенной им, — борьбы с великорусским шовинизмом выросла новейшая историографическая пристройка, состоящая из серии книг и статей, изданных внутренним самиздатом и зарубежной, отнюдь не дружественной группой исследователей. В самом общем виде основные положения этой историографии, вольно или невольно раскручивающей жернова манкуртизации, состоит признание того, что «русские — это народ рабов, всегда преклонявшихся перед сильной властью, нена-

видящих все чужое и враждебных культуре, а Россия — вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира»²⁰. Понятно, что систематическое тиражирование этой концепции, внушение народу его периферийного положения в череде цивилизованных стран, ведет к духовному оскудению, размыванию национального самосознания, к массовому манкуртизму.

2.3. КОНТРАСТУПЛЕНИЕ... ИЛИ БОРЬБА ЗА ПАМЯТЬ

Следы беспамятства и сегодня беспокоят многих деятелей национальной культуры, идеологов и лидеров современных национальных движений. «Тоталитарная система, — констатирует, в частности, Программа Белорусского Народного фронта, — физически и морально уничтожала тех, кто начинал белорусское Возрождение — выдающихся деятелей культуры, науки, политики, — и привила многим страх перед всякими проявлениями национального самосознания. Свою дань взяла с Белоруссии война. Все это привело к смертельно опасному кризису, в котором оказалась сегодня белорусская нация... Ее перестают объединять традиционные культурные и моральные приоритеты, перестают объединять язык и забота о будущем»²¹.

Эпоха беспамятства не осталась бесследной: выросли поколения людей, не восприимчивые к культурно-историческому наследию, с догматическим мышлением и ощущением, без понимания связи прошлого с настоящим. Трудно ожидать от таких людей, особенно если они оказываются руководителями учреждений, проявления заботы о памяти. Поэтому, до сих пор «памятники продолжают сносятся, закон перед отечественными варварами в руководящей тоге продолжает пасовать, да и слаб он, этот закон, — говорил В. Распутин на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, — ...право на память даруется подобно ярлыку, за которым в старой Руси ездили на поклон в ханскую Орду»²².

Возрождение национальной памяти народов закономерно занимает едва ли не ведущее место в программных документах всех нынешних национальных движений. Однако нередко передний фронт этой борьбы оказывается совсем не там, где ему следовало бы проходить, а энергия памяти направляется по ложному пути. Вместо борьбы с бюрократическим диктатом Центра, с расходами на поддержание сомнительных режимов на азиатском, африканском, латиноамериканском континентах, с расходами на содержание растущего вширь, а не вглубь, количественно, а не качественно военно-промышленного

комплекса, с борьбой против крайне отсталой экономики, острое возмущение направляется против одной из национальностей, в пределах бывшего СССР, чаще всего против русских.

Искусственное насаждение манкуртизации, попытки очернить историю и культурное наследие отдельных народов, порождало, подобно эффекту бумеранга, прямо противоположную тенденцию: возрастание явного или скрытого интереса к истории и своему прошлому. Более того, с повышением образовательного и культурного уровня народа, ростом национальных отрядов интеллигенции, исторические сочинения, в том числе историческая беллетристика, становились объектом пристального читательского внимания все более широких кругов. Как показали представительные этносоциологические исследования, проведенные в ряде союзных республик в 70—80-е годы, книги об истории своего народа являются одними из наиболее популярных среди читателей. При этом среди грузинского и узбекского населения в городах Узбекистана и Грузии книги такого рода занимали по степени популярности второе место. У русских — четвертое, у эстонцев в Эстонии — третье. «Исторические» книги называли любимыми четвертая часть среди опрошенных узбеков-горожан. При этом у более молодых групп узбекского городского населения книги о прошлом своего народа пользовались несколько большей популярностью по сравнению с аналогичными группами других обследованных национальностей. Отсюда ясна и та роль, которую играет историко-художественная литература в формировании и развитии как национального самосознания, так и идеологии современных национальных движений.

Степень интереса к различным литературным темам среди городского населения различных национальностей (по данным этносоциологических опросов, проведенных Институтом этнографии АН СССР) приведена в табл. № 1.

Вместе с тем неодинаковая степень интересов к литературе о прошлом своего народа у представителей различных национальностей — в нашем случае больше среди городских узбеков, грузин, эстонцев, русских, относительно меньше среди молдаван — заставляет задуматься и искать соответствующее объяснение. Не исключено, что глубокий интерес к прошлому своего народа выше, во-первых, там, где оно есть, во-вторых, там, где более устойчиво национальное самосознание. Если принять за меру устойчивости национального самосознания степень совпадения национальной идентичности и родного языка, то без особого труда можно обнаружить, что среди национальностей, имевших союзную республику, именно среди городских молдаван в Молда-

вии, эта устойчивость на рубеже 70—80-х годов была самая низкая: она составляла по данным переписи населения 1979 г. 88,5%. Среди русских в городах РСФСР доля лиц с родным языком своей национальности составляла 100,0%. Среди грузин, эстонцев и узбеков в городах соответствующих республик указанный показатель поднимался соответственно до 99,1%, 98,5% и 96,7%.

Таблица 1

Литературные темы	Популярность среди читателей мест, занятых каждой темой в структуре предпочтений						
	1	2	3	4	5	6	7
1 О войне	русские грузины молдав.	—	узбеки	—	эстонцы	—	—
2 О прошлом своего народа	—	узбеки грузины	эстонцы	русские	—	молдав.	—
3 О любви и дружбе	узбеки	русские молдав.	—	эстонцы	—	—	—
4 Приключенческая фантастическая	эстонцы	—	русские молдав.	узбеки	—	—	—
5 Общественно-политическая	—	—	—	молдав.	русские грузины	—	узбеки эстонцы
6 Преимущественно психолог. со-держан.	—	эстонцы	—	грузины	молдав.	узбеки русские	—
7 По специально-сти	—	—	грузины	—	узбеки	эстонцы	русские молдав.

Распределение читательских интересов по литературным темам, разумеется, не могло быть идентичным среди различных половозрастных, социально-профессиональных и национальных групп городского и сельского населения.

Сравнение этих различий на достаточных по количеству и надежных по качеству материалах этносоциологических опросов, проведенных этносоциологами Института этнографии АН СССР в 70—80-е годы в республиках, представляющих основные регионы страны — Россию, Среднюю Азию, Кавказ и Прибалтику, позволили выявить как общие, так и индивидуальные наклонности²³.

Если к разряду исторических романов отнести и литературу, посвященную прошлой войне, то есть основания констатировать, что среди русских,

грузин и молдаван предпочтения, отданные этой литературе, занимали первое место, среди узбеков — третье, среди эстонцев — пятое.

Взрыв читательских интересов к литературе о прошлом, в том числе о прошлом своего народа, отмечали в 70-е годы многие исследователи в разных республиках страны. Об этом, в частности, свидетельствуют зачитанные до дыр экземпляры исторических романов в сельских библиотеках Вологодской области. Для этого жанра библиотечным работникам приходилось выделять особые полки и особые отделы.

«...Какой — одновременно ужасный и величественный вид являют собой эти отделы! Я сказал бы, — пишет наблюдавший эти тенденции Ю. А. Андреев, — что далеко не всякий пункт макулатуры отважится принять этих индивидов — жертв читательского интереса к отечественной истории. Но что делать, если библиотеки получают исторический роман считанными единицами, а в очередь, например, за «Емельяном Пугачевым» или «Петром Первым» записываются чуть ли не за год вперед?»²⁴

Разумеется, память — далеко не единственная забота отечественной интеллигенции, издавна, еще со времен «Слова» Даниила Заточника, оказавшейся в промежуточно-маргинальном состоянии и взявшей на себя нелегкую миссию посредника между управляемым народом и управляющей, власть имущей властью. Тысячелетнее противостояние интеллигенции и власти само по себе достойно памяти, понимания и систематического уважения. Борьба за память, иногда в форме беспощадной критики существующей общественной системы, иногда разговорно-эзоповым языком, иногда молчаливым ничегонеделанием, иногда писанием бумаг, иногда вступлением в переписку с сильными мира сего, иногда как протест, выраженный в манифестациях, обращениях, меморандумах, путешествиях и т. д., — все перечисленные формы борьбы за память и укрепление национального самосознания были показателем прогрессивного участия интеллигенции в общественной жизни страны.

Всегда у нас так было. С одной стороны, интеллигенция корнями своими уходила в народ, выходила из народа и набивала себе шишки в борьбе за народ. Но эта же самая интеллигенция и обвиняема была за все беды народные. С другой стороны, на интеллигенцию в первую очередь обрушивался гнев власти за те или иные промахи. Интеллигенция первая принимала на себя репрессии тоталитарного режима. Она больше всех страдала, если отказывалась выполнять волю тех, кто оказался на вершине пирамиды власти.

Каждая из действующих сил — народ, власть и интеллигенция — по-разному относится к памяти, в разной мере и для разных целей нуждается

ся в ней. Народу память нужна для того, чтобы оставаться самим собой, чтобы, имея прошлое, быть в настоящем. Власти нередко память нужна для того, чтобы отрицать самую эту память, ради того, чтобы реализовывать ею, властью, избранные и сформулированные цели. Как, например, в партийном гимне:

Весь мир насилья мы разрушим до основанья,
А затем мы наш, мы новый мир построим —
Кто был ничем, тот станет всем.

В этом гимне красноречиво выделено кредо: разрушим старое и возьмем себе все, станем всем. Интеллигенция нуждается в памяти, чтобы оправдать свое существование перед народом, который кормит ее, и пытается иногда исправить память ради власти, так как последняя прикармливает ее — не важно как, выгодными заказами ли, или еще прямолинейнее — дачами, привилегиями, званиями, орденами и другими «наградами».

Именно эта двойная зависимость интеллигенции и от народа и от власти, лишает ее (интеллигенцию) полной свободы ее творчества. И именно поэтому ее достоинства и ее заслуги в деле возрождения памяти порой переходят в прямо противоположное свойство — в искажение памяти. Но об этом, последнем, речь ниже.

Редко кому из художников, подобно Пушкину, например, удавалось быть свободным и от народа, и от власти. Взаимоотношения же интеллигенции, и это особенно заметно в периоды политической нестабильности, напоминают постоянный маятник, раскачивающийся то в одну, то в другую сторону, примыкая то к тому, то к иному политическому полюсу. Вот почему выяснение роли творческой интеллигенции в национальном возрождении и в возрождении памяти относится к числу тех роковых задач, в которых, быть может, содержится ключ, как говорил Г. П. Федотов, к пониманию России и ее будущего²⁵. Поэтому многие пишущие об этнической истории, о национальной культуре и о культуре памяти не могут обойти ее стороной.

Если интеллигенция не воздвигает мосты между прошлым и будущим, скорее всего она обречена на хроническое бесплодие. Она в таком случае не выполняет свое предназначение быть памятью памяти.

Чем иначе можно объяснить теперь, когда мы все немножко опьянели от свежих ветров демократизации, определенную изолированность большей части творческой интеллигенции, не создавшей, за редким исключением, ни одного монументального произведения, достойного длительной жизни. Ни новых романов и свежих полотен, ни свежих идей, ни захватывающих проектов. У всех на виду еще одна полоса —

выход к широкому читателю тех произведений, которые до недавнего, таясь от соотечественников, мы лихорадочно читали в зарубежных библиотеках во время коротких командировок.

Сегодня многим кажется, что интеллигенция поддержала Власть сначала в лице М. С. Горбачева, а затем в лице Б. Н. Ельцина за то, что ей, интеллигенции, не запрещено говорить, писать, думать и вспоминать. Однако еще задолго до нынешнего президента страны, интеллигенция в художественной форме выявила и лучше, чем в научной, обнародовала несоответствие официальных деклараций реальной практике.

О манкуртизации писали многие писатели, поэты, публицисты, ученые и политики, художники и практики. Однако судьбой было предопределено Чингизу Торекуловичу Айтматову найти такие слова, такую форму и создать такой тройной роман в одном романе, чтобы малоизвестная легенда о манкуртах стала символом и первоначальным импульсом важнейшего социально-культурного движения многих народов нашей страны. Но, как часто случается у нас, сам термин получил более широкое распространение сначала на Западе, а потом вернулся и к нам²⁶.

Это произошло, разумеется, не случайно. Одно дело — появление в свет нового художественного явления. Совсем другое — то значение, которое придается официозом этому явлению перед лицом общественного мнения. Едва ли не издевкой сегодня, в условиях идеологической раскрепощенности, звучат слова краткой аннотации к роману «И дольше века длится день», целиком посвященному сохранению национальной самобытности, идентичности тюркоязычных народов Средней Азии через восстановление нарушенной исторической памяти. Не могу не привести эти слова из аннотации, дающей лжезначение роману там, где этот роман публиковался: «Если человечество не научится жить в мире, оно погибнет» и «Трудолюбие — одно из неперменных мерил достоинства человека»²⁷.

Так сказано о содержании романа в пустой напутственной аннотации, хотя сам автор, по его словам, ставил перед собой совсем иную цель, о чем сам же недвусмысленно заявил в предисловии к своему роману. «Человек без памяти прошлого, — объяснял свое понимание беспамятства Ч. Айтматов, — поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем»²⁸.

Естественно, возникает множество вопросов. Выделим наиболее важные: когда манкуртизация началась, как претворялась в жизнь, кто

и как поднял знамя борьбы с ней, забив в тревожные колокола народной памяти. Подготовка к учредительному съезду «Педагоги за национальное возрождение» предоставила случай начать ответ с третьего вопроса. Ибо лучшая часть педагогов, воспитателей в широком смысле, вместе с лучшими (вершинными) представителями творческой интеллигенции начинали, всегда вели борьбу с манкуртизацией.

Никто не сможет отрицать, что заметную роль в этом сыграла серия произведений, посвященных проблемам исторического наследия народов — «Память» Владимира Чивилихина, «Аз и Я» Олжаса Сулейменова, «Царь-рыба», «Печальный детектив» Виктора Астафьева, «Русь изначальная», «Русь Великая» В. Иванова, «Лад» Василия Белова, «Прощание с Матерой», «Пожар» Валентина Распутина, «Судьба» Петра Проскурина, «Длинный караван» — Дионисия Танасоглу, «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова. Серия этих произведений, число которых можно было бы значительно увеличить, напоминает те случаи, когда, по выражению В. Г. Белинского, художник становится историком, а историк — художником.

К другой серии лирической прозы, также посвященной памяти, или утверждению любви к своему дому, к родному очагу, относятся «Ледовая книга» Юхана Смуула, «Трава забвения» Валентина Катаева, «Тетива» Виктора Шкловского, «Ночные бабочки» Эдуардаса Межелайтиса, «Поэт» Эффенди Капиева, «Мой Дагестан» Расула Гамзатова, «Очаг» Зория Балаяна и многие другие.

Я не называю национальность общеизвестных писателей, кроме исторического романа Д. Танасоглу, произведения, опубликованного во-первых, на гагаузском языке, во-вторых, мизерным тиражом, и потому малодоступного для широкого читателя.

Борьба передовой интеллигенции против губительного беспамятства практически началась с того самого момента, когда обрушилась беда на нашу историю, когда стали насильственно разрушаться общечеловеческие ценности и национальные устои культуры народов. Может быть, в самом деле, первой жертвой пал русский поэт, который прежде, чем повеситься, кровью из перерезанной вены написал знаменитые строчки: «В этой жизни умирать не ново». А потом пошло-поехало.

Уехали или ушли сами из страны, из культуры, из жизни, или были раздавлены прессом социалистического реализма сначала В. Маяковский и М. Цветаева, потом А. Фадеев. Уже в наши дни «добровольно» или насильственно покинули страну летописец трагедии народа — Александр Солженицын, поэты Иосиф Бродский, Александр Галич, художник и скульптор Эрнст Неизвестный, виолончелист Мстислав Ростропович, певица Галина Вишневская.

Покинули страну, чтобы за ее пределами сохранить преемственность между дооктябрьской и современной культурой там, за кордоном, писатели и поэты — Иван Бунин и В. Ходасевич, художник Кандинский, композитор Рахманинов, философ Мережковский.

Высланный из страны Питирим Сорокин стал непревзойденной вершиной социологической науки первой половины и середины XX в., Н. Бердяев — отцом философии персонализма.

Русская память, историческое наследие сохранялись Там более целенаправленно, чем Здесь. Более того, имеются заслуживающие доверия свидетельства относительно того, что оставшаяся в России интеллигенция, потеряв смысл своего существования и не видя перспектив реализации своего таланта, оказалась на краю физического вымирания. По крайней мере, так об этом писал Г. Уэльс, наблюдавший жизнь русской интеллигенции в 1920 г. «Смертность среди русской творческой интеллигенции, — констатировал он, — невероятно высока. В большой степени это, несомненно, вызвано общими условиями жизни, но во многих случаях, мне кажется, решающую роль сыграло трагическое сознание бесполезности большого дарования. Они не смогли жить в России 1919 г., как не смогли бы жить среди кафров»²⁹. Известны и другие, более широкомасштабные примеры, подтверждающие взаимосвязь продолжительности жизни и сохранения памяти, в том числе среди крупных социальных и этнических групп. Комплексные исследования феномена долгожительства, проведенные этноэкологами Института этнологии и антропологии АН СССР позволили выявить положительную корреляцию между долгожительством абхазов и полнокровным сохранением памяти, что находило, в частности, свое выражение в более или менее стабильном соблюдении соционормативной культуры абхазской этнической общности. Хранимая в памяти народной система предписаний всевозможных обрядов от родильных до похоронных и система запретов на нарушение этих правил, система запретов на разрушение памяти давали людям преклонного возраста дополнительные силы и стимулы к жизни. Словом, память продлевала жизнь. И, наоборот, беспамятство, разрушение памяти, в том числе закрепленное в духовной культуре или в идеологии, порой могло стать причиной преждевременного вымирания. Можно сослаться на слова Г. Уайлда, которого доверительно цитирует И. Шафаревич: «Идеология, как бы она ни была далека от очевидных биологических потребностей, практически оказывается биологически полезной, то есть благоприятствует выживанию вида. Без этого духовного вооружения не только общества приобретают тенденцию к

распаду, но и составляющие их индивидуумы перестают держаться за жизнь. «Разрушение религии» у примитивных народов всегда рассматривается специалистами как основная причина их гибели при столкновении с цивилизацией белых»³⁰.

Таким образом, есть некоторые основания сделать вывод о том, что сохранение памяти, и в первую очередь интеллигенцией, как прорабами исторической памяти и одновременно как конструкторами этничности, умножает ее силы, удлиняет жизнь народа, и, напротив, разрушение памяти создает угрозу существованию как интеллигенции, так и народу, которому интеллигенция служит.

Пытаясь понять, где проходит линия центрального напряжения в нынешней этнополитической ситуации в СССР, директор Библиотеки Конгресса США Х. Биллингтон в лекции, прочитанной в американском посольстве в Москве, сделал очень важное признание. По его мнению, составляющие Советский Союз народы, одновременно борются и за общие гражданские права и за собственное национальное самосознание. И ключевая борьба в политике идет не на поверхности — между программами и индивидуальными лидерами, а гораздо глубже, в системе экономики. Не поддающиеся преодолению конфликты происходят как непрерывная цепь схваток за обладание власти между разными соперничающими группами, и прежде всего между теряющей силу машиной управления, сверху созданной компартией для руководства народом, и новыми силами демократизации — идущими снизу от самого народа. Все эти силы, по мысли Х. Биллингтона, «легче понять, читая длинные романы, нежели сокращенную историю России» (Независимая газета. 1991. 4 июня).

Для того, чтобы поднять знамя борьбы против манкуртизации на рубеже застойных 70—80-х годов, нужен был очень сильный, едва ли не скандальный, прецедент.

Роль шоковой терапии сыграло появление в декабре 1980 г. романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день». Критика немедленно заметила его как явление художественной жизни, но специалисты до сих пор не оценили его как некий компендиум национальных процессов и этнической мобилизации.

И хотя о трагедии беспамятства и о роковой опасности утраты исторической памяти писали задолго до Айтматова и параллельно с ним, и после него, именно ему выпал жребий подарить общественности фундаментальную дефиницию — манкуртизм, — без которой сегодня практически нельзя понять ни современные национальные движения, ни новую этнополитическую ситуацию страны, ни шквально обрушившийся рост национального самосознания народов.

Специалисты, т. е. литературные критики, «прозевали» архитектуру романа и вместе с ней и его содержание. Между тем, присущая построению романа тайна, равно как и система действующих в нем лиц, требует серьезного, систематического, заинтересованного чтения, и с учетом свойственного культуре ислама толкования и прочтения. Планка этого прочтения порой очень высока: от читателя требуются глубокие знания истории кочевых цивилизаций, а также законов развития этнополитической ситуации Европейских степей в различные времена. Стержнем культуры ислама, как впрочем и некоторых других религий, например, иудаизма, является традиция толкования. Без толкования нельзя проникнуть ни в толщу культуры, ни в многообразие образа жизни. Вряд ли стоит удивляться тому, что великий мистик и поэт Джалаладдин Румин понимал Коран как некую закрытую систему, как некий закрытый текст, доступный постепенному пониманию лишь через толкование, и сравнивал тайну Корана с тайной женщины, отвечающей тому, кто решился приподнять ее покрывало — «Я не то, что ты ищешь»³¹.

Специалисты-обществоведы не увидели значение романа по более простой причине — им все равно никто не позволил бы обнародовать «увиденное».

Центральный нерв всего романа «И дольше века длится день» — проблема исторической памяти народов, лишаясь которой, человек теряет себя, становится манкуртом, рабом, бессловесным исполнителем чужой воли, а народ, теряющий свои корни, наработанные веками механизмы преемственности культуры и образа жизни, обречен на ассимиляцию и последующее исчезновение с этнической карты.

Четыре обстоятельства побудили меня вернуться к роману Ч. Айтматова, который впервые я прочитал более десяти лет тому назад. Во-первых, это сложная система историко-культурных ассоциаций, пространственно-временных и личностно-психологических параллелей, вызываемая содержанием романа, во-вторых, идеи писателя, высказанные им десятилетие тому назад, но не потерявшие свою актуальность сегодня, включая и предсказанные им современные межнациональные конфликты, в-третьих, универсальный характер борьбы творческой интеллигенции против манкуртизации, означающей ни много ни мало предпосылку и необходимые условия национального возрождения, и, наконец, в-четвертых, плавный эволюционный переход от изобличения манкуртизма, от призывов за восстановление исторической памяти, к общественной активности, за обоснование национального возрождения как важного шага по пути к достижению национальной независимости.

Это обретение нового качества нашло отражение в выступлении той части творческой интеллигенции, которая естественно возглавила национальные движения или влилась в состав активных участников этих движений. Так, например, выступая на митинге 28 августа 1988 г., в годовщину подписания пакта Молотова-Риббентропа, объявленного в Литве «Днем национального траура», писатель В. Петкявичюс указал на наличие тесной связи между борьбой против манкуртизации и подъемом национального движения. «От начала и до конца, — говорил, в частности, В. Петкявичюс об истории становления Саудиса — литовского национального движения за перестройку, — принадлежало и будет принадлежать всему нашему народу, и никому больше... Движение — это эшелоны ссыльных и проклятых, с которых это проклятие не снято и по сей день. Движение — это дороги страданий всей нашей интеллигенции у себя дома, в Сибири, и в эмиграции. Движение — это память о тех честнейших коммунистах-ленинцах, против которых фабриковались дела и которые уничтожались как злейшие враги народа. В конце концов, Движение — это наше всеобщее желание избавиться от силой навязанной нам доли манкуртов, это желание снова видеть наш край свободным от экономического диктата союзных министерств, от колониальной сельскохозяйственной политики, это желание снова жить полнокровной жизнью не забывающих о национальном интернационалистов в своем зеленом, экологически чистом краю, где никогда не смолкал бы наш древний балтийский язык и процветала бы такая же древняя и славная наша культура»³².

2.4. ВОСКРЕШЕНИЕ ПАМЯТИ...
ИЛИ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В СИСТЕМЕ АССОЦИАЦИЙ РОМАНА
«И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ»

Существует множество способов того, как оторвать или, напротив, как в нужном направлении сцепить между собой явление и значение этого явления. Более того, как явление, уже ставшее фактом жизни, сделать как бы и не состоявшимся вовсе, например, изгнать из памяти тривиальным умолчанием. Часть книг о национальных проблемах, касающихся межэтнической конфликтности, принято было шельмовать, прорабатывать, подвергать убийственной критике. Не менее опасным был другой прием: изъятие из употребления, помещение в «спецхраны» или замалчивание. Роман «И дольше века длится день» не закрыли под замок спецхраны, не запретили приобретать массовым библиоте-

кам в глубинке. Но с его идеологически опасной начинкой — комплексом национальных проблем — поступили безжалостно. Сделали вид, что этой начинки попросту не существует.

Удивительно, как в столь коротком романе писатель сумел создать обширное полотно взаимодействия политики и практики, найти важнейшие точки пересечения исторического наследия народов, с нынешними насущными задачами, сгруппировать методом непосредственных упоминаний и имплицитных ассоциаций демографические, экологические, социально-культурные, языковые, исторические аспекты национальной проблематики и обнародовать в образах те болячки, о которых специалисты в области теории наций и национальных отношений не смели в те времена даже заикнуться.

Вся система ассоциаций построена вокруг легенды о манкуртах. Национальная проблематика отражена в зеркале этой легенды, в возгласе ночной птицы Доненбай: «Вспомни, чей ты? Как твое имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай!»

Этот вопрос имеет принципиальное значение. Ч. Айтматов сознательно адресует его не только к самому себе как писателю, к своему концептуальному кредо, но и ко всей творческой и иной интеллигенции, призванной бережно хранить память о предках и об отцовском доме, напоминать о том, как тяжело покидать родные края, края своего народа.

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому.

Иван Бунин. 25 июня 1922 г.

Легенду о манкуртах любимый герой Айтматова — Едигей — вспоминает по дороге на кладбище Ана-Бейит, куда он везет хоронить своего друга Казангапа согласно завету покойного.

По преданию сарозекские земли в прошлом были захвачены жестоким племенем жуаньжуаней, которые часть захваченных ими пленных превращали в своих послушных рабов, уничтожая при этом их память. На бритые головы обреченных надевали кусок освежеванной плотной выйной части верблюжьей шкуры (шири), которая, высыхая на солнце, причиняла страшные мучения, завершавшиеся в конечном счете полным помутнением рассудка.

Оставшийся в живых раб-манкурт не помнил, кто он, где и когда родился, не ведал своего имени, не помнил рода-племени, не помнил детства, отца-матери. В то же время, подобно преданной собаке, он признавал только своих хозяев, тех, кто его кормил; усердно выполнял

порученную ему нудную и грязную работу, был чужд неповиновению, и все его помыслы сводились только к утолению чрева. Один из таких молодых военнопленных, превращенный в манкурта, по наущению своих хозяев убивает собственную мать — Найман-Ану, которая, узнав сына, пыталась восстановить его память, неоднократно повторяя ему его собственное имя — Жоломан, и имя его отца — Доненбай. От смертельной раны Найман-Ана стала медленно сползать с верблюдицы, а ее белый платок превратился в птицу Доненбай, которая с тех пор летает по ночам над степью с криком: «Вспомни, чей ты? Как твое имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай!»

Место, где Найман-Ана пала от стрелы, пущенной в нее сыном-манкуртом, стало называться кладбищем Ана-Бейит — материнским покоем, а от ее белой верблюдицы Акмаи пошло знатное потомство, в том числе белоголовые верблюдицы, а также черные могучие самцы, подобные «герою» романа — Буранному Каранару.

2.5. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПАМЯТИ... ИЛИ О СУДЬБЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Энергия памяти имеет двоякую форму существования: пассивную, состоящую, как дремлющий вулкан, в бездействии, и активную, пробуждающую народ из сонного состояния, вовлекающую значительные массы людей в борьбу за справедливость, за независимость, за суверенитет и за иные, свободу несущие идеи. Память, кроме того, содержит как то, что народ любит, воспевает, чем гордится, в чем черпает силу, так и то, от чего сгорает от позора и стыда, предпочитает в подсознании помнить, но не вспоминать.

И от нас зависит, как распорядиться памятью о легендарном событии, о выдающемся предке, о любимом классике или о недавно отстраненном от власти первом и последнем президенте ушедшего в историю СССР.

В самом начале 1992 г., всего лишь через несколько месяцев после того, как не стало ни СССР, ни его Президента, ни КПСС и Генерального секретаря ЦК, бывший Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков в своих воспоминаниях горько сетовал: «Сегодня принято все беды, просчеты, огрехи и даже преступления, происшедшие в период перестройки, валить на убранного в отставку Горбачева. Это — какая-то воистину холопская черта: топтать поверженного кумира, изгаляться над ним, крушить памятники и чернить память. Так было всегда, и отнюдь не только в советские годы. Самая точная в мире наука — история — стала в России самой неточной, самой лживой.

Она переписывалась столько раз, что, пожалуй, уже невозможно определить, какой властитель каким был на самом деле — варваром или созидателем, гуманистом или мизантропом, ангелом или убийцей... Советская власть усугубила процесс исправления истории тем, что мы стали просто-напросто вычеркивать из нее ушедших от дел или из мира правителей, будто их и не было вовсе»³³.

В нашей истории не было недостатка в скоропалительных оценках, стремительных возвышениях и скоротечных разоблачениях. Так было со Сталиным, так случилось с Хрущевым, а затем с Брежневым. Не избежал своей участи и Горбачев. А сколько неоправданных авансов было выдано сначала Звиаду Гамсахурдиа, а затем его преемнику на посту главы независимого Грузинского государства Эдуарду Шеварднадзе? Разрубленный мечом абхазский узел быстро снизил высокий рейтинг, с которым последний вернулся в Грузию и попытался силой вывести ее в ряд цивилизованных государств.

Борьба с памятью народа не всегда напрямую вела к манкуртизации или мауглизации. Случался и другой, побочный, результат, когда одни пласты памяти пытались подменить другими или когда вместо теневой памяти пытались сочинить другую, освященную новейшими заботами дня, память.

Так, например, случилось с освещением истории взаимоотношений нерусских народов с русскими в истекшие века. В угоду «светлой дружбе народов» из памяти народов пытались вытеснить их знаменитые победы, подвиги национальных героев, выдающиеся деяния царей и ханов, вклад в цивилизацию всемирно известных ученых. Предполагалось, что подобное вытеснение или обеление темных мест в прошлой истории добавит солнца в нынешней не-светлой дороге жизни. Так рождались директивы, постановления, декреты, устные установки и прочие распоряжения «сверху», лишаящие народы радости воспоминаний, подменяющие гордость за предков разочарованием от пустоты прошедших веков.

Однако, свершая подобные насильственные операции над памятью, реставраторы истории, конечно, не подозревали о возможности эффекта бумеранга. Нельзя было ни чуть-чуть, ни тем более беспредельно, унижать народ, лишая его героического прошлого, даже если это героическое прошлое выражалось в виде побед над нынешним дружественным соседним народом. Лишая народы нормального воспроизводства, их национального самосознания, лишая радости познания своей истории, реставраторы памяти, по существу, культивировали новые запасы лицемерия, подготавливали динамит ненависти, усугубляли

боль души народной. Так, например, случилось в 40-е годы, когда активно была проведена шумная политическая кампания против героического эпоса тюркских народов, когда ни в чем не повинные произведения устного народного поэтического творчества были вдруг обвинены в подрыве дружбы народов. И даже после хрущевской оттепели трудно было ломать подобные узаконенные подходы. Именно поэтому высокой оценки заслуживает роман «И дольше века длится день», в котором «во глубине застоя», на рубеже трудных 70—80-х годов были выдвинуты задачи переоценки героических эпосов тюркских народов Средней Азии и Казахстана, поставлены задачи возвращения народам их героев, а их истории—героических страниц.

Восстановление из небытия известных исторических деятелей, оправдание их деяний, переоценка их значения и места в национальной истории — эти и другие вопросы пересмотра и переоценки ценностей истории, культуры, имен знаменитых исторических деятелей, восстановление забытых или полуразрушенных памятников — все это входило важнейшей составной частью в борьбу за сохранение исторической памяти и национальное возрождение.

Ключевая роль в этом отношении в романе «И дольше века длится день» отводится имени главного героя — Едигея. Не случайно оно совпадает с именем правителя Волжской Орды конца XIV—начала XV вв., когда многое было сделано для возрождения пошатнувшегося великодержавного могущества Золотой Орды. Историческая параллель здесь имеет место вне всякого сомнения. Напомним основную канву правления Едигея (1398—1411 гг.), ставшего национальным героем не только для поволжских татар, но героем эпических произведений других тюркоязычных народов.

Сражение 1395 г. на берегах Терека между армией Тимура, правителя Мавераннахра, и войсками Тохтамыша, правителя Золотой Орды, закончилось поражением второго. Тохтамыш лишился престола в Сарай-Берке, ушел сначала (на два—три года) в Крым, а затем бежал в Великое княжество Литовское. Так Едигей, не без помощи Тимура, занял престол Золотой Орды. В 1399 г. войска Едигея нанесли сокрушительное поражение объединенной армии Витовта и Тохтамыша на берегу реки Воркслы. Эта грандиозная победа по сути стала центральным событием этнополитической истории Восточноевропейских степей конца XIV в. и открыла возможность хану Едигею, несмотря на зависимость от Мавераннахра, внести существенные коррективы в этнополитическую структуру Восточной Европы на рубеже XIV—XV вв. Орда вновь стала играть видную роль в международной политике того времени,

блокируя, в частности, консолидацию русских земель, препятствуя созданию антиордынского союза между Великим княжеством Литовским, Русью и Орденом.

Известно послание Едигея Витовту, в котором содержится предложение стать вассалом ордынской державы: «Разумей убо, яко яз есмь стар пред тобою, а ты млад предо мною, подобает мне над тобою отцом бити, а тебе у меня сыном бити, и дань и оброки на всяко лето мне плати со всего твоего княжения и во всем твоём княжении на твоих денгах литовских моему ордынскому знамени быти»³⁴.

Укрепив свое положение победой на берегу Ворсклы, Едигей прекратил борьбу против Великого княжества Литовского и Русского, приступил к восстановлению баланса между ним и княжеством Владимирским. Дипломатия состояла в том, чтобы восстанавливать и по возможности укреплять ослабленные государства и ослаблять те княжения, что обнаруживали признаки усиления, т. е. искусственно выравнивались силы между ведущими восточно-европейскими государствами, а также они искусно натравливались друг на друга. В «Повести о нашествии Едигея»³⁵ немало свидетельств ордынской тактики столкновения Москвы и Вильно. Называя князя Московского Василия «своим сыном любимым», Едигей, с одной стороны, «силу многу на помощь обещавал ему», а, с другой стороны, ханские послы предупреждали Витовта об опасности, якобы грозившей Литве из Москвы. «Ты мне буди друг, а аз тебе буду друг»³⁶ — клялся Едигей Витовту.

Айтматовский Едигей безумно любит своего Каранара. Излюбленные подарки Золотоордынского хана — верблюды. Свое послание Витовту хан Едигей сопровождает традиционным для кочевых цивилизаций подарком — тремя верблюдами и десятком породистых коней.

Призывы Буранного Едигея к примирению и миру между народами корреспондируют с отдельными сюжетами из дипломатической переписки ордынского Едигея. «Не могу скрыть от внимания пресветлейшего князя, — обращался Едигей к Витовту, согласно польской хронике, в которой был использован текст ордынского оригинала, — что мы оба с тобой приближаемся к закату жизни. Не пристойней ли нам провести конец жизни в согласии и мире, чтобы кровь, пролитая в войнах между нами, впиталась в землю, чтобы ветер развеял взаимные упреки и проклятия, чтобы огонь уничтожил гнев и ожесточение между нами, чтобы пожары, все еще пылающие в наших странах, были погашены водой»³⁷.

Историческая память любого народа очень глубока. И чем дальше в глубь веков уходит история народа, тем выше гордость народа за свою

историю, тем больше вероятность противостояния агрессивной ассимиляции, тем шире надежды на национальное возрождение.

Чрезвычайно важную функциональную нагрузку в романе несет изображение ареста Куттыбаева и «обоснование» предпринятых против него репрессивных мер. Ему, в частности, инкриминируется преступное собирание фольклора тюркоязычных народов Средней Азии. Сотрудники ГПУ, арестовавшие Куттыбаева, предстают как жестокие жуаньжуани, преследующие цель стереть память и уничтожить традиционную культуру кочевых Евразийских степей. В романе акцентируется внимание на том, что сотрудники ГПУ конфискуют дневники Куттыбаева, в которых он тщательно фиксирует фольклор кочевых цивилизаций казахских степей. Сочетание образа собирателя фольклора и мученика, принявшего смерть, но не пожелавшего стать манкуртом, является свидетельством сопротивления автохтонного населения политике манкуртизации, проводимой Центром.

В конце 40-х — начале 50-х годов, действительно, Центром был предпринят крестовый поход против некоторых произведений устного народного поэтического творчества. Естественно, последовали «меры», в том числе репрессии против тех интеллектуалов, которые опирались на памятники устного эпоса как источники патриотического воспитания. Административный аппарат Центра объявил многие традиционные произведения тюркоязычных народов националистическими, в том числе казахский Алпамыс, узбекский Алпаныш, киргизский Манас.

Зрелая творческая интеллигенция из числа казахов и киргизов пыталась взять под защиту народные эпосы и отвести обвинения клеветников в национализме. Протестуя против губительной политики манкуртизации, пытающейся очернить эпосы тюркоязычных народов, Ч. Айтматов привлекает внимание к богатейшему культурному наследию, его красоте, мудрости, гуманизму.

«Песня в моем понимании, — объясняет Абуталип свою позицию и свое увлечение собирательством народных сказаний, — весть из прошлого... До чего красиво пели в старину! Каждая песня — целая история».

На аварском языке «самочувствие» и «песня» сливаются в одном слове. И когда просят: «Сыграй мне одну мелодию», говорят — «бакъан»³⁸. Когда спрашивают о самочувствии, также произносят — «бакъан».

Песни, как и все устное народное поэтическое творчество народа, это события, факты, дела людей, вся их жизнь, выраженная в слове и в мелодии или в надписи на кинжале:

Две песни, два лезвия, две струны:
О смерти врагов, о свободе страны

или в надписи на могильной плите:

Он песни пел, и слушали другие.
Теперь он слушает, когда поют другие.

Формирование гуманитарной интеллигенции из среды тюркоязычных народов, рост национального самосознания, в том числе вследствие осознания своей роли и участия в победе над Германией, пробудили глубокий интерес к истокам своей истории, к фольклору, к легендарным историческим деятелям. Наряду с положительной оценкой позитивной роли ряда правителей, в том числе золотоордынских, имели место и неоправданные преувеличения.

Москву встревожила волна движения в тюркоязычных регионах к своему наследию, к переосмыслению эпосов. 9 августа 1944 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором были «выявлены» серьезные ошибки «в освещении истории татарского народа, а также в татарской литературе и искусстве», и предложено Татарскому обкому ВКП(б) «организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса о Едигее»³⁹. И поскольку Едигей жил своей легендарной жизнью на страницах казахского и киргизского устного народного поэтического творчества, то, понятно, что стрелы процитированного партийного документа были направлены в адрес исторического наследия и других тюркоязычных народов, а не только поволжских татар.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» от 27 января 1945 г. также были осуждены допущенные «отдельными историками и литераторами, работающими в Башкирской АССР», серьезные идеологические ошибки в «освещении исторического прошлого башкирского народа». Постановление не прошло мимо башкирской версии тюркоязычного эпоса о Едигее. «В подготовленных к печати “Очерках по истории Башкирии”, в литературных произведениях — “Идукай и Мурадым”, “Эпос о богатырях”, — говорилось в партийном документе, — не проводятся разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на со-

седние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодальное прошлое башкир»⁴⁰.

Наряду с фольклором тюркоязычных народов Поволжья, были подвергнуты «осуждению» и варианты эпоса о Едигее казахов и других тюркоязычных народов Средней Азии.

Более того, борьба против ордынского и фольклорного Едигеев тюркоязычных эпосов («Манас» и т. д.) была частью наступательной кампании партии против роста национального самосознания. Блокировке этой тенденции послужили Постановления ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической работы среди населения» от 9 августа 1944 г.⁴¹, «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР» от 27 сентября 1944 г.⁴², «О работе ЦК КП(б) Белоруссии» от 25 января 1947 г.⁴³

Описанные в романе «И дольше века длится день» арест Куттыбаева агентами ГПУ и конфискация записанной Куттыбаевым легенды о манкуртах, в сочетании с итогами политики манкуртизации, призывают к переоценке одиозных мер и акций в проведении культурной политики в республиках Средней Азии, к переоценке истинной значимости исторического, поэтического творчества кочевых народов в нынешних процессах национального возрождения. В самом деле, в историческом очерке, помещенном в последнем издании БСЭ о Татарской АССР, даже не упоминается имя Едигей.

Перелистывая тетради арестованного Абуталипа Куттыбаева, сотрудник бериевской службы иронизирует над фольклорными записями. «Подумаешь, писатель феодальной старины», — размышляет вслух, выдавая штампы из принятых в 40-е годы документов против исторической памяти тюркоязычных народов. Понятно, куда направлены стрелы айтматовской критики.

Его аргументы зовут к пересмотру документов, на основе которых были нанесены непоправимые удары по традиционной культуре тюркоязычных народов и значительно прорежены ряды той части национальной интеллигенции, которая боролась за сохранение и возрождение исторической памяти своих народов.

Борьба центральных госпартийных аппаратов с историко-эпическими памятниками кочевых или полукочевых в прошлом народов стала особенно обидной для интеллигенции Среднеазиатских республик, когда в самом Центре стали выходить книги серии «Литературные памятники», возникшей по инициативе тогдашнего президента

АН СССР С. И. Вавилова. Именно ему, в частности, принадлежала идея открыть серию изданием «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, давшего образец глубоко уважительного отношения первого европейца, побывавшего в Индии, к местным народам, языкам, культурам. Цель книг всей серии состояла в том, чтобы помочь литературе других народов служить делу взаимопонимания народов, усвоению инационального опыта. Сам факт появления этой серии сыграл двоякую роль. С одной стороны, книги этой серии, начавшие выходить в тяжелых условиях послевоенного времени, когда многие исторические памятники были разрушены, нуждались в немедленном восстановлении, противостояли идеям национальной исключительности, национализма и шовинизма, под флагом которых нацистами и была затеяна кровавая война. С другой стороны, включение в серию классических произведений русской и других литератур при одновременной борьбе с тюркским эпосом создавало у национальной интеллигенции комплекс неполноценности, ущемленности, социальной несправедливости. В самом деле, в серию были включены такие вершинные фольклорные произведения средних веков, как «Песнь о Нибелунгах» (1972), «Песнь о Роланде» (1964), «Легенда о Тристане и Изольде» (1976), «Песнь о Сиде» (1959), «Эпос о Гильгамеше» (1961), «Старшая Эдда» (1963), «Младшая Эдда» (1970). Не остались в стороне и циклы русских фольклорных произведений — «Илья Муромец» (1958), «Добрыня Никитич и Алеша Попович» (1974).

В то же время в списки серии не попали выдающиеся эпосы тюркоязычного населения. Именно против этого был направлен протест айтматовского Абуталипа, подавленный репрессивными органами.

Поэтому сегодня, в начале 90-х годов, имеет смысл хотя бы привести хронологию публикаций выдающихся эпических произведений устной поэзии тюркоязычных народов СССР и косвенно подчеркнуть тем самым этнополитическую значимость поднятых айтматовским романом проблем по возрождению памятников культурного наследия тюркских народов. Напомним, что в серии «Эпос народов СССР», еще до выхода в свет романа «И дольше века длится день», были опубликованы туркменский (романический), узбекский, алтайский, казахский героические эпосы⁴⁴, а уже после — туркменский (героический), киргизский, якутский⁴⁵.

2.6. ПАМЯТЬ И БЕСПАМЯТСТВО РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Многообразна и многоаспектна тема взаимосвязи нынешнего беспамятства тюркоязычного населения степей Средней Азии с историей этих народов, с культурой, языком и образом жизни.

Исторический аспект беспамятства исследуется автором романа «И дольше века длится день» на разных уровнях — на уровне всего народа и на уровне отдельной личности, в глобальном геополитическом (судьба народов евроазиатских степей) и в конкретно-этническом, на примере казахского или киргизского народов. Важную роль призваны играть в романе разделительные линии, в том числе без ведома коренного населения степей окруженный колючей проволокой безымянный Почтовый ящик — сверхсекретный космодром. Эти разделительные линии, особенно железная дорога, чужды естественной жизни народов Средней Азии.

Забор из колючей проволоки, преградивший в романе путь похоронной процессии к родовому кладбищу, символизирует шапку манкурта, с помощью которой те, кто вторгся на землю предков индигенного населения и построил безымянный почтовый ящик — космодром, хотят отрезать у народа его историческую память, прервать связи настоящего с прошлым, иссушить корни у кроны этничности. Все эти ассоциации прозрачны, убедительны и оказывают сильное воздействие на психику читателя, способствуют формированию чувства протеста и росту национального самосознания и борьбы за свое национальное достоинство. Роман и заканчивается тем, что Едигей начинает борьбу за сохранение кладбища Ана-Бейит, а, следовательно, за восстановление исторической памяти и исторической справедливости. «В старые времена, — рассказывается в романе, — хоронить сюда привозили порой из таких дальних уголков, что приходилось людям ночевать в степи. Но зато потомки погребенных на Ана-Бейите законно гордились тем, что оказывали памяти предков особую почесть». Борьба, в которую вступает Едигей за сохранение Ана-Бейитского кладбища, — это борьба за сарозекский пантеон, борьба за национальное достоинство народа, создателя этого пантеона, борьба за самосохранение.

Национально-государственное размежевание, проведенное в 1924 г. под предлогом и под знаменем национальной консолидации народов, в действительности превратило регион в бомбу замедленного действия. Народы, жившие веками совместно, оказались по разные стороны колючей проволоки, принесенной в степи центральным (московским) правительством. Суть разделительной политики состояла, во-первых, в том, чтобы заблокировать наметившиеся в 20-е годы тенденции к естественной консолидации тюркоязычных народов, во-вторых, воздвигнуть барьеры интеграционным процессам, углубляющимся на почве единой конфессиональной системы, в-третьих, оградить индигенные народы Средней Азии от нарастающего влияния Турции, в-

четвертых, создать условия, при которых существовавшие в прошлом диалектные различия переросли в различия между формирующимися литературными (национальными) языками, в-пятых, создать условия для успешной русификации. Читатель сам видит как переплетено в романе требование пересмотреть нежизнеспособные границы, сохранить землю коренным народам с требованием восстановить чувство родной земли, национальных памятников, кладбища предков, родного языка и родных (народных) обычаев.

И когда лейтенант Тансыкбаев рассказывает о том, что принято решение ликвидировать родовое кладбище Ана-Бейит и воздвигнуть на его месте новый микрорайон, Едигей, еле сдерживая бешенство, в упор спрашивает его: «Слушай, а кто твой отец?»

Так неназойливо фиксируется внимание читателя на наличии неразрывной связи между утраченным языком своей национальности у сына и отцом, потерявшим себя, после того как он предал интересы своего народа и смирился с системой, отторгнувшей у народа его исконную землю. Но Едигей сам в конце концов совершает погребальный обряд, находя в себе молитву, и произносит нужные погребальные слова, обращенные к богу с просьбой определить душу Казангапа на вечный покой. Так перекликаются одни и те же слова на могиле казаха, которого хоронят за пределами отторгнутой территории кладбища, и на мраморном памятнике, воздвигнутом русским воинам в маленьком турецком городке Галлиполи.

Память у всех народов уникальна, а потому и универсальна. Манкуртизм нередко у разных народов выступает как пренебрежительное отношение к кладбищу. Одного из таких манкуртов, как «чересчур идейного товарища», жестоко высмеял Расул Гамзатов, рассказав о его выступлении на идеологическом совещании республиканского актива. «Мы ведем неустанную повседневную борьбу за укрепление дружбы между народами, — говорил этот высокоидейный человек о Махачкале, многонациональном городе, в котором есть православные, мусульманские, еврейские кладбища, — а между тем у нас столько разных кладбищ. Пора создать одно общее кладбище. Можно подумать и о названии. Скажем: «Дети одной семьи» Да и вообще... Мои родители, например, были верующими, они молились богу. Как же я, член партии с 1937 г., могу лежать в одном кладбище с ними? Нет, давно пора создать в нашем городе новое кладбище на более высоком идейном уровне»⁴⁶.

Беспамятство может быть многообразным в своих проявлениях и трагических последствиях.

Назовем хотя бы две разновидности исторической памяти: одну — корневую, что живет в народе и сама собой воспроизводится традиционными межпоколенными связями, и другую — крону, расцветающую, набирающую силу и возвышение под пером и кистью талантливой творческой интеллигенции, стоящей на страже национального духа, народного знания, цивилизованности любого народа. И вполне естественно, что в момент обширного кризиса памяти, совпадающего с метастазами всей общественной системы, приоритет воспроизводства памяти принадлежит народу. А интеллигенции, упорно ищущей выходы из тупика беспамятства, приходится снова и снова припадать к родникам памяти, к сокровищнице народного эпоса, к вечнозеленым легендам из кладезя устного народного поэтического творчества.

Ч. Айтматов интуитивно это осознал, воздвигнув краеугольным камнем в здание своего романа «И дольше века длится день» бессмертную легенду о несчастном манкурте-убийце памяти-матери.

Историографическая функция романа Ч. Айтматова состоит в том, что он обнаружил и перечислил сложнейшие узлы в жизни национальностей Средней Азии и трагические точки пересечений в межнациональных отношениях.

Железная дорога в романе не имеет прямой связи с восстановлением исторической памяти, но она несет важную смысловую нагрузку. Во-первых, железная дорога, как неоднократно повторяется в романе, разделяет естественную жизнь центрально-азиатских степей на 2 части. Нетрудно себе представить, взглянув на географическую карту Советского Союза, сравнительно узкую площадь густонаселенной степной и лесостепной полосы, окрашенной с юга желтыми песками Каракумов и Кызылкумов, а с севера — густозеленой и бурозеленой краской бескрайних болот, тайги и тундры, лесостепной полосы — по которой веками и тысячелетиями передвигались народы то с востока на запад, то с запада на восток. И если слово «поезда» в повторяющемся рефрене романа «И дольше века длится день» мы заменим словом «народы» — мы получим геополитическую картину истории этого естественного природного коридора, вся жизнь которого наполнена передвижением кочевых народов, рождением и гибелью кочевых цивилизаций, взаимовыгодными контактами кочевых и оседлых народов.

Во-вторых, в другом смысле, железная дорога превращает казахские степи в проходной двор, по которому бесконечно в одну и другую сторону передвигаются люди, товары, грузы, ломаются человеческие судьбы, перемежаются радость и печаль.

При этом автор романа не скрывает ни конкретных исторических причин великого переселения народов, ни конкретного новейшего времени,

когда оно начиналось и сколько продолжалось. В одном случае виной тому была всенародная война: «...и пошли эшелоны через Боранлы Буранный на запад с солдатами, на восток с эвакуированными, на запад с хлебом, на восток с ранеными». В другом случае — это освоение целинных степей, о чем говорится в более скрытой, в более осторожной форме: «...и ни конца, ни края — откуда только черпали эту неисчислимую людскую рать, эшелон за эшелон проносился на фронт днем и ночью, неделями, месяцами, а потом годами и годами» (выделено мной. — М. Г.). Мне кажется, что выделенные мной слова не заметили зарубежные критики, не захотели заметить наши соотечественники. В итоге всех этих передвижений, как упоминается в романе: «Даже на таком глухом полустанке, как Боранлы-Буранный, сразу стало, ощутимо как резко переиначилась жизнь на кругах своих...» (выделено мной. — М. Г.). В итоге железная дорога дает ключ к пониманию того, как ломаются традиции степной жизни, как привносятся под казахстанское небо новые стандарты поведения и взаимоотношения разнохарактерных и разноязычных людей.

В-третьих, в широком смысле, дорога, живущая неутомимой, динамичной жизнью (рефрен «А поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток» повторяется в открытой или скрытой форме более десятка раз), имеет более глубокий смысл. И конкретно-историческая увязка изменений, связанных с этой дорогой и казахской степью во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, когда Центральным правительством было принято решение об освоении целинных земель, уступает место более широкому геополитическому контексту. Этот контекст необходим автору романа для того, чтобы перекинуть мостик между прошлым и настоящим и целенаправленно вызывать у читателя необходимые эмоции и ассоциации с нынешними угрозами самобытности степных обитателей и полуразрушенной степной жизни.

Выделенный курсивом и вмонтированный в текст романа рефрен о поездах, идущих то в одну, то в другую сторону, повторяется 12 раз. Наряду с отмеченным выше геополитическим смыслом, этот двенадцатикратный рефрен вызывает не только историко-пространственные, но и фольклорно-поэтические ассоциации, например, с композицией и стиливыми особенностями киргизского героического эпоса «Манас», в котором, как известно, многократное повторение какого-либо рефрена, например, деепричастия «деп» («сказал», «сказав») в конце, середине или в начале прямой речи, обусловлено национальными языковыми особенностями и своеобразием тюркского эпического сказа⁴⁷. Наряду

с этим в указанном эпосе число 12 упоминается как годовой цикл, как 12 тысячное войско богатыря кыпчаков, прибывающего на поминки киргизского хана Кекебая, как 12-й день поминок знатного хана⁴⁸ т. д. Манкурт, манкуртизация, беспамятство в человеке и беспамятство на земле, шапка манкурта на голове несчастного и колючая проволока вокруг степного пантеона — все это незримыми нитями связано с историей земли, на которой веками создавалась кочевая цивилизация, на которую всегда были внешние претенденты и внутри которой междоусобицы чередовались временами затишья. И повторяющийся рефрен бесконечных поездов делает свое дело: прокладывает дорогу не только с востока на запад, и с запада на восток, но и дорогу к предкам, дорогу к истории евроазиатских степей. Наконец, это дорога читателя к самому себе, дорога внутри человека.

Из череды столетий, из вереницы примеров этнических передвижений по степным просторам Ч. Айтматов выбирает то, что наиболее плотно связывает прошлое с настоящим, память с беспамятством.

Кочевые жуаньжуани, «вынесшие из своей кромешной истории» самый жестокий вид варварства — разрушение в человеке его разума и памяти, хлынули на север, в казахстанские степи из южных пределов кочевой Азии «и, надолго завладев сарозеками, вели непрерывные войны с целью расширения владений и захвата рабов... Но сопротивление чужеземному нашествию возросло. Начались ожесточенные столкновения. Жуаньжуани не собирались уходить из сарозеков, а, напротив, стремились прочно утвердиться в этих обширных для степного скотоводства краях. Местные же племена не примирились с такой утратой и считали своим правом и долгом рано или поздно изгнать захватчиков».

2.7. ВУЛКАНЫ ПАМЯТИ... ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ БЕДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Многолики проявления манкуртизма. Оказывается, забывать можно не только свое имя, своих родителей, свою историю, но и свою родную землю. И если люди теряют чувство родной земли, и земле, и им грозит общая беда. Манкуртизм по отношению к земле — наказуем. Перечисленные идеологиемы Ч. Айтматов разворачивает на примере бедственного положения Арала, воды которого стали высыхать вследствие возведения необдуманных широкомасштабных ирригационных сооружений в Среднеазиатском регионе. Вслед за исчезающей во-

дой гибнет рыба, наступает засоление почвы, бегут, спасая свои жизни, жители процветающих некогда берегов Арала.

В судьбе главных героев романа — Едигея и Казангапа, живших в довоенные годы в деревнях на берегу Арала, отражена огромная экологическая и острая социальная проблемы, о которых долгое время не принято было говорить в открытой печати. Как не принято было критиковать засилье монокультуры хлопка в Узбекистане, табака в Молдове, пораженные ядохимикатами фрукты в других республиках.

Насколько раз упоминаются в романе «И дольше века длится день» трагические события в истории кочевых тюркоязычных народов, и прежде всего, казахов, связанные с коллективизацией. Судьба Казангапа, одного из приаральских казахов, сломалась с тех пор, как его отца, подобно многим тысячам хозяев — середняков, попавших под перегиб, выслали в ходе ликвидации кулачества как класса. За отказ выступить и принародно отречься от отца, Казангапу пришлось податься в дальние края, чтобы избежать позора и никогда больше не вернуться в родные приаральские степи, в родной Бешагач.

«Малый Октябрь» — так называют сегодня в Казахстане широкомасштабную насильственную коллективизацию 1931—1932 гг., в ходе которой рушились образ жизни и вековые традиции кочевников, имело место обширное разорение народных масс, значительное сокращение поголовья скота — главного источника существования кочевого народа. В самом деле, там, где оседлое население перебивалось затирухой с лебедой, кочевые казахи, лишаясь главного источника своего жизнеобеспечения, не приспособленные к растительной пище, вымирали целыми семьями. Об этом принято было молчать, за семью замками держать эту память и эту правду.

Прошло более десятилетия со времени публикации романа, но до сих пор, до середины 1992 г., не дана официальная оценка событиям тех страшных лет. Об этом, в частности, говорилось еще в начале июня 1989 г. на сессии Верховного Совета Казахской ССР. Одновременно было принято решение о создании парламентской комиссии для расследования истинной сути событий первой половины 30-х годов, когда в результате насильственной коллективизации от голода в Казахстане погибли 2,5 млн. человек.

Память жертв голода депутаты Верховного Совета Казахской ССР почтили минутой молчания. «Пора, — говорили многие из них, — дать оценку событиям тех лет, назвать имена виновников»⁴⁸.

Между тем, айтматовский герой — Казангап — говорил об этом же самом десятилетием раньше.

Когда Сабитжан, его манкуртизированный сын, посмеиваясь, попытался неловко пошутить над судьбой казахов, которые в годы коллективизации вынуждены были уйти в Синьцзянь, а позднее бежать оттуда обратно, побросав свое имущество, Казангап, задрожав от гнева, дал сыну понять, что для него, жертвы той же коллективизации, трагедия не забыта и никогда не будет забыта.

— Знаешь, Сабитжан, мое дело — по мне, то, что мне по плечу.

В другие дела я не вмешиваюсь. Но запомни, сын, я думал, ты своим умом уже дошел, так вот запомни. Только на бога не может быть обиды — если смерть пошлет, значит жизни пришел предел, на то родился, — а за все остальное на земле есть и должен быть спрос!» Именно для предъявления этого вопроса Верховный Совет Казахской ССР создал упомянутую комиссию в ответ на заявление группы старейших писателей республики.

О том, кто виноват в экологической катастрофе, читатели догадываются по биографии того же Казангапа. Во времена коллективизации, обернувшейся для многих тысяч кочевых казахов насильственным переводом на оседлый образ жизни, родители Казангапа были высланы с берегов Арала. В результате была нарушена целая экониша, что и стало причиной медленного умирания Арала.

Так сливаются по крайней мере четыре сюжетные линии: экологическая (гибель Арала), социальная (ликвидация кулачества как класса), национальная (бегство от родной земли) и семейная (разрушение семьи Казангапа). Национальная катастрофа дублируется катастрофой личности. Сын Казангапа — Сабитжан становится современным манкуртом по вине тех, кто «сломал» Аральское море, кто умертвил около одного миллиона кочевых казахов и кто сажал в тюрьму Абуталипа, за то что тот старался сохранить историческую память народа, записывая памятники его традиционной культуры. Пересечение общих и личностных проблем в связи с принудительной манкуртизацией, осуществляемой теми, кто огородил пастбища колючей проволокой для космодрома, теми, кто запрещал собирать и фиксировать фольклорные материалы, Ч. Айтматов дополняет психологически сильной сценой, когда в последние минуты перед отправкой в тюрьму Абуталип просит Едигея передать эстафету памяти — рассказать его маленьким сыновьям об Аральском море.

Уничтожение Арала выступает со страниц романа «И дольше века длится день» как необратимая экологическая и национальная катастрофа. В вынесении сурового приговора виновникам этого бедствия Ч. Айтматов не одинок. Об этом писали казахский поэт Олжас Сулейменов, многие русские писатели, поэты, ученые, общественные деятели.

Всего за десять лет до появления романа «И дольше века длится день» по всем издательствам была разослана цензурная инструкция с грифом «секретно», запрещающая в открытой печати упоминать наряду со сталинским производом 1937 г. и тюрьмами случаи «отравления природы», т. е. об экологических катастрофах. Слово в защиту Арала было сказано Ч. Айтматовым не по политическому заказу, а по велению души, по зову сердца, по гражданскому долгу.

Более того, пройдет всего шесть лет после выхода романа в свет, и откроются шлюзы острых выступлений против череды экологических катастроф в различных уголках страны. Приведем некоторые выдержки из этих выступлений. «Умирание Аральского моря, — по словам узбекского писателя Сарвара Азимова, — началось давно... Особенно резко оно ускорилося в шестидесятые годы: в республиках Средней Азии начало развиваться орошаемое земледелие. Вода, наполнявшая прежде Арал, растеклась теперь по тысячам километров каналов, по миллионам гектаров полей... С 1960 г. по сей день Арал уменьшился почти вдвое по средней глубине, на треть площади акватории и более чем вдвое по объему воды... Арал практически потерял свое транспортное и промысловое значение»⁵⁰.

Трагически звучат беспристрастные слова из текста политического документа о крупнейшей экологической катастрофе нашей планеты, катастрофе, связанной с дальнейшим ухудшением санитарно-эпидемиологической, социально-экономической и экологической обстановки в Каракалпакской АССР, Кызыл-Ординской, Хорезмской и Ташаузской областях в связи с экстремальной ситуацией, сложившейся во всех сферах жизни. Приведем эти слова, памятуя, что взяты они не из эмоциональных выступлений писателей и поэтов, а из рационально взвешенного, научно обоснованного сухого Постановления Верховного Совета СССР «О ходе выполнения Постановления Верховного Совета СССР «О неотложных мерах экологического оздоровления страны» по проблемам Аральского моря». «Экологическая ситуация в регионе — констатируется в указанном документе, — вышла из-под контроля человека. Климат Приаралья резко ухудшается. Усиливается вынос солей и пыли с осушенного дна моря. Продолжается опасное загрязнение пестицидами и засоление главных источников питьевой воды региона — рек Амударьи и Сырдарьи. Поднялся уровень агрессивных грунтовых вод, погибают сады и виноградники, разрушаются строения. Снижается плодородие почвы, деградируют пастбища. Из-за осолонения море полностью потеряло рыбопромысловое значение, происходит утрата генофонда ценных видов рыб. Усилилось разруши-

тельное воздействие опустынивания на памятники культуры, истории и архитектуры мирового значения. Экономический ущерб, наносимый народному хозяйству этой экологической катастрофой, в целом по Приаралью доходит до нескольких миллиардов рублей в год» (Известия. 1991. 8 марта). Роман Ч. Айтматова был создан на рубеже 70—80-х, процитированное Постановление Верховного Совета принято 4 марта 1991 г., катастрофическая беда началась гораздо раньше.

О потрясающих фактах отравления экологии Еревана и других городов химической промышленностью сообщалось М. С. Горбачеву 350 деятелями культуры и рабочими в марте 1986 г. «Из семи наиболее отравленных городов СССР... пять находится в Армении. Химические заводы Еревана, Алаверди, Кировокана, Кафана, Каджарана и других городов, а также цементный комбинат Раздана, уничтоживший близлежащие леса, растительный и животный мир...»

Бесконтрольное производство химической промышленностью Армении сильных ядохимикатов вызвало увеличение заболеваемости десятками болезней... За последние 15 лет число умственно отсталых детей возросло в 5 раз, число душевнобольных — в 6 раз, белокровия — в 4 раза, количество ненормальных и преждевременных родов — в 7 раз, инфарктов сердца — в 8 раз⁵¹.

Об экологической катастрофе Молдавии с горечью поведал писатель Ион Друце: «Четверть века над полями Молдавии вьются химические бури... В конце концов использование ядохимикатов в Молдавии вышло из-под контроля. Колхозам предоставлена полная свобода — сыпь и сыпь. И они сыплют. В среднем — по 22,5 килограмма на гектар, то есть в десять и более раз щедрее, чем по стране...

Ассимилируясь с питательными веществами, химикаты проникают в колос, в ягоду, в овощ... Попав в человеческий организм и превратившись в нитраты, они прежде всего атакуют иммунную систему и наследственный аппарат...

Ни для кого уже не секрет, что после увлечения этими пестицидами в Молдавии стали рождаться неполноценные дети. Сегодня в Молдавии действуют около пятидесяти школ для больных детей»⁵².

2.8. В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ИЛИ О РОЛИ ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ

«Хмуря черные брови над раскосыми глазами», начальник караула лейтенант Тансыкбаев решительно пресек попытку Едигея заговорить на казахском языке: Товарищ посторонний, обращайтесь ко мне на русском

языке. Я лицо при исполнении служебных обязанностей!» В эту емкую этноязыковую микроситуацию Ч. Айтматов вместил многогранную этнополитическую проблему.

Во-первых, убийственная самооценка лейтенанта с раскосыми глазами, а точнее, его самоотречение от этничности, выраженное им самим тем, что он не человек, а «лицо при исполнении служебных обязанностей», во-вторых, лейтенант Тансыкбаев — сын того кречетоглазого, который во времена разгрома бериевщины арестовал Абуталипа Куттыбаева, обвинив его не только в том, что в годы войны он оказался в плену, воевал и имел связи с югославскими партизанами, но и в том, что он целью своей жизни ставил сохранение исторической памяти родного народа, записывая памятники устного народного творчества, в-третьих, лейтенант Тансыкбаев, казах, находясь на казахской земле по ту сторону колючей проволоки, неоднократно называет Едигея и остальных своих соплеменников посторонними, в-четвертых, для исполнения служебных обязанностей ему не нужен казахский язык, он обходится русским языком. Неудивительно, что в данной этноязыковой ситуации даже выдавший виды Едигей теряет дар речи и забывает суть своей просьбы, ради которой он появился перед шлагбаумом контрольно-пропускного пункта на территории космодрома, расположенного среди обширных казахстанских степей и огороженного колючей проволокой. Колючая проволока и заградила путь похоронной процессии к родовому кладбищу Ана-Бейит, а вместе с тем путь к своей истории, к своим корням. И глядя на молодого манкурта Тансыкбаева, Едигей — хранитель исторической памяти народа (а потому и вызывающий симпатию Айтматова) — начинает понимать, что ему не удастся похоронить своего друга Казангапа на казахском кладбище и что его связующая нить с историей сарозеков обрывается и вмиг превращается в ничто.

Здесь содержится недвусмысленный намек на языковые реформы 20—30-х годов, которые в конечном счете привели к обрыву преемственности и создали угрозу потери исторической памяти через забвение нынешними поколениями языка, в том числе арабского шрифта, на котором были написаны многие шедевры коренного населения Средней Азии. Так, например, в результате перевода казахской письменности сначала в 1930 г. с арабского алфавита на латиницу, а затем в 1940 г. на русскую азбуку, нынешним поколениям оказались недоступными письменные памятники XIX в., написанные и арабским шрифтом.

Разработанная для киргизского языка письменность на арабской графике в 1926 г. была переведена на латиницу, а в 1940 г. — на кириллицу.

Подобные реформы имели место в истории и двух других многочисленных тюркоязычных народов Средней Азии. Письменность туркменского языка, существовавшая до 1928 г. на основе арабской графики, была переведена сначала на латиницу, а, просуществовав до 1940 г., была затем еще раз реформирована переводом на русскую азбуку. Арабская письменность узбекского языка была «отменена» в 1927 г., а в 1939 г. кратковременное функционирование латиницы было заменено введением русского алфавита.

Осуществление языковых реформ 20—30-х годов имеет свою поучительную периодизацию. Далекое не случайно возникает ассоциация с тем, что они были проведены безжалостно и бездумно в духе легенды о страшном ремесле жуаньжуаней, научившихся лишать свои несчастные жертвы памяти.

На первом этапе языковой реформы было сломлено отчаянное сопротивление интеллектуальной элиты народов Средней Азии и выкорчеваны корни мусульманской традиции, подпитывающие этничность, язык, культуру на основе арабской графики. Пример героя турецкой революции и инициатора языковой реформы Кемалю Ататюрку был поставлен на службу этой злокачественной идее. К сожалению, пример сработал. Однако в дальнейшем, по мере функционального углубления литературных языков и по мере внедрения латинизации начала подниматься новая волна страха возможной национальной консолидации и межнациональной солидарности тюркоязычных народов Средней Азии. Кремлевские идеологи не хотели ни того, ни другого.

И был срочно придуман и безоговорочно претворен в жизнь второй этап: перевод литературных языков народов Средней Азии с латинского на русский алфавит. Три далеко идущие цели преследовала эта реформа. Во-первых, необходимо было преградить путь межэтническим консолидационным тенденциям, во-вторых, оградить тюркоязычные народы Средней Азии от возрастающего этнополитического и социокультурного влияния Турции, в-третьих, сбить с толку сами народы, искусственно раздувая различия между ними и эффективно закрепляя эти различия с помощью национальной государственности и ощущения этноизоляции. Сама идея самобытности была гипертрофирована и использована для возведения дополнительных барьеров между народами. Колючая проволока вокруг космодрома на обширных степях — еще одно символическое пояснение.

Колокольный гул романа «И дольше века длится день» не исчез под бескрайним среднеазиатским небом. Он слился с песнями и гимнами

родному языку, прозвучавшими в разных концах страны. Немало поэтов поклонялись в верности языку своей национальности. Запомнилась позиция Расула Гамзатова, в образной форме выражающей кредо мобилизованного лингвизма:

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть⁵³.

Достаточно перелистать сегодня законы о государственных языках, принятые в республиках Средней Азии в 1989 г., чтобы убедиться в том, что боль от языковых реформ 20—30-х годов не утихла и по сей день. В ходе подготовки к языковой реформе 1989 г. в республиках Средней Азии было уделено значительное внимание восстановлению традиций литературных языков, основанных на арабской и латинской графике. Следы жарких дискуссий, звуки набата, услышанные общественностью, нашли отражение в новых законах о языках.

В республике Кыргызстан согласно ее языковому закону «создаются условия для изучения киргизского языка, основанного на арабской и латинской графике в общеобразовательных школах, средних специальных, высших учебных заведениях гуманитарного профиля с киргизским языком обучения»⁵³. Казахская ССР «содействует изучению традиционной казахской письменности на основе арабской графики в научных целях, для чего осуществляется подготовка соответствующих научно-педагогических кадров и создается для этого необходимая материально-техническая база»⁵⁵. В Узбекистане «в школах с узбекским языком обучения и в группах средних специальных и высших учебных заведений с узбекским языком обучения обеспечивается изучение узбекской письменности на основе арабской письменности как учебного предмета»⁵⁶. Таджикская ССР, подобно тюркоязычным республикам, также «создает необходимые условия для изучения таджикской письменности, основанной на арабской графике, и издания литературы на этой графике»⁵⁷.

Восстановление функционирования арабской и латинской график имеет не только узколингвистическое, не только широкое этнополитическое, но и более глубокое этнопсихологическое значение, так как является ответом на вызов времени, ответом на рост национального самосознания, компенсацией за долгие годы манкуртизации, желанием утвердить свою национальную самобытность.

Согласно космической линии романа, даже инопланетяне, готовясь к контактам с землянами, стали двуязычными — «изучили и систематизиро-

вали путем радиоперехвата в космосе английские и русские слова и составили земной словник». Мораль ясна: если хочешь дружбы, готовь двуязычие, овладевай языком той земли, с обитателями которой решил иметь контакты. А контакты чрезвычайно важны. Например, обитатели планеты Лесная Грудь «полны желанием вступить в контакт с землянами не только из естественной любознательности, но, как полагают они, прежде всего ради торжества самого феномена разума, ради обмена опытом цивилизаций, ради новой эры в развитии мысли и духа вселенских носителей интеллекта».

Более того, гуманистическую миссию двуязычия автор романа «И дольше века длится день» видит «в объединении общих усилий. Не навязчиво, но достаточно твердо, отчетливо и последовательно в романе утверждается мысль, призыв к уважительному отношению к языкам коренного населения обширных казахстанских и Среднеазиатских степей. Необходимость знания вызывается и со стороны общества, и стороны отдельного человека, в том числе со стороны тех, кто приехал на степные просторы из других регионов страны. Глухой, железнодорожный разъезд «при великой Сары-Озекской степи» — «это маленькое связующее звено в разветвленной, как кровеносные сосуды, системе других разъездов, станций, узлов, городов... открытый всем ветрам на свете... Потому и называется этот степной разъезд Боранлы-Буранный, и надпись висит двойная: Боранлы по-казахски, Буранный — по-русски...» Двойная надпись — это акцент на необходимость паритета в межэтнических и межъязыковых отношениях. Это важно соблюдать и на земле, и в космосе.

Текст послания, составленного паритет-космонавтами, перед тем, как покинуть орбитальную станцию «Паритет», написан на двух языках на английском и на русском и подписан паритет-космонавтом 1—2 и паритет-космонавтом 2—1.

В романе часто встречаются пословицы, диалоги, определенные слова из тюркских (казахского, киргизского) языков *.

* Приведем краткий перечень понятий и терминов, перевод и смысл которых дан в постраничных комментариях романа: Агай — учитель, Ана-Бейит — материнский покой, Арстан — лев, Атанша — молодой самец; бачара — бедолага, Бейбах — несчастливица, Боранлы — буранный, Борнбасар — волкодав; Джаназа — общая молитва в доме умершего; Жоламан — имя, образованное из двух слов — «жол» — путь, и «аман» — здоровье, что означает в целом пожелание: «Будь здоров в пути!»; Жолбарс — тигр, Жырау — степной бард; Ини — младший брат, земляк, младший родич; Кайманча — молодая верблюдица; кокетай — ласкательно-уменьшительное обращение; кумбез — гробница; «кюш атасын танымайды» — сила отца не признает; «мал неси нудайдан» — хозяин скотины от бога; сагындым — истосковался,

Конечно, Чингиз Айтматов не Лев Толстой, а роман «И дольше века длится день» — это не многотомная эпопея «Война и мир», но масштабы поднятых в романе проблем соотношения памяти и беспамятства вполне соизмеримы. Французской речи русского дворянства у Льва Толстого отведены целые страницы. Бесконечны споры между литературными критиками относительно того, как выглядел бы роман без показа в нем реального русско-французского двуязычия. Ч. Айтматов решает этот спор в пользу изображения двустороннего (паритетного) двуязычия. Его примеры двуязычия уместны и нацелены на изображение добровольности, правомерности, паритетности двуязычия. Более того, паритетность (взаимное тюркско-русское и русско-тюркское двуязычие) является частью более широкого явления паритетности в отношениях между носителями двуязычия. Язык едва ли не самый сильный элемент этнической идентификации. Соответственно знание и употребление двух языков — немаловажный фактор взаимопонимания народов, достижения консенсуса, согласия, установления общего мира и порядка. Случайно ли в фантастическом субромане, посвященном внеземным сюжетам, космическая станция названа «Паритет», а где-то «в Тихом океане, южнее Алеутских островов, в квадрате, примерно, на одинаковом расстоянии от Владивостока и Сан-Франциско», находится авианосец «Конвенция». Конечно, от реальности до идеала, как от Земли до внеземных цивилизаций, далеко. Однако, не случайно именно в казахском, а не в каких-либо других из языковых законов, принятых в 1989 г. в ходе языковой реформы, когда были предусмотрены принципы взаимоотношений между языками и их носителями, были установлены паритетные отношения.

Намек романа был понят и реализован. Законодатели, похоже, прислушались к голосу писателя и к идее паритетности. «Казахская ССР, — гласит специальная статья 5 Закона «О языке в Казахской ССР», — проявляет государственную заботу о всестороннем развитии национально-русского и русского-национального двуязычия»⁵⁸.

Отзвуки идеи паритетного двуязычия слышны не только в казахском законе. Согласно статье 3 Закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», русский язык «как язык межнационального общения в СССР используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения, что

измучился в тоске; «сыйдан сыйы бар» — уважение от уважения, сырттан — сверхсущество, сверхчеловек; тайлак — детеныш верблюда; хайван — скотина; тубат — кумыс из верблюжьего молока; шиш — деревянная заноза, продеваемая в верхние губы верблюда.

обеспечивает осуществление реального национально-русского и русского-национального двуязычия»⁵⁹.

После смерти Сталина и разоблачения преступлений бериевщины, Едигей решает обратиться к своему давнему другу — Афанасию Ивановичу Елизарову, которого за редкую принципиальность и порядочность ласково именует аргамаком — скакуном чистых кровей — по вопросу о реабилитации Абуталипа Куттыбаева. Елизаров, бывший московский комсомолец, очутившийся в Туркестане еще в двадцатые годы, встретив старого друга Едигея, не только принимает его как особого гостя, по казахскому национальному этикету, но и произносит народную заповедь по-казахски: «Сыйдын сыйы бар» (Уважение от уважения). Русский в Казахстане, знающий казахский язык, вызывает явную симпатию автора романа «И дольше века длится день». К сожалению, приходится отметить, что в конце 70-х годов, когда писался роман, очень трудно было найти реальный прототип для изображения в Казахстане казахскоговорящего русского. По переписи 1979 г. лишь 40 тыс. человек (всего 0,7%) из шестимиллионного русского населения⁶⁰ Казахской ССР могли, подобно Елизарову, разговаривать со своими друзьями-казахами на казахском языке.

Сейчас, после языковой реформы 1989 г., ситуация должна измениться. Именно на это, на паритетное национально-казахское и казахско-русское двуязычие нацелен, например, новый Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР». Республика обязуется создавать условия, чтобы не только казахи приобщались к русскому языку, но и чтобы неказахи овладевали казахским языком, возведенным в ранг государственного языка республики. В будущем для лиц некоторых профессий и специальностей знание двух языков предписывается законом. Статья 16 этого закона, в частности, гласит: «Работники органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, органов социального обеспечения, учреждений народного образования, культуры и здравоохранения, предприятий торговли, бытового обслуживания, связи, транспорта, коммунального хозяйства, средств массовой коммуникации и информации обеспечивают прием граждан и беседу с ними на языке обращения, а по мере создания соответствующих условий овладевают казахским и русским языками, а в местах компактного проживания других национальных групп — и их языками в объеме, необходимом для выполнения служебных функций»⁶¹.

Более того, закон предполагает, что в расчете на перспективу, по мере повышения уровня профессиональной подготовки и образования в области казахского и русского языков, будет реализовываться аттеста-

ция и подбор кадров со знанием двух языков, разумеется, с обязательным учетом прежде всего деловых, моральных и политических качеств работников⁶².

В Законе «О государственном языке Киргизской ССР» также предусматривается знание и применение государственного (киргизского) языка в объеме, обеспечивающем выполнение своих служебных обязанностей руководителями и всеми другими работниками органов государственной власти и управления, общественных и кооперативных организаций, правоохранительных органов, народного образования, здравоохранения, культуры, связи, транспорта, торговли, бытового обслуживания, коммунального хозяйства», т. е. всеми теми работниками, в функции которых «входит общение с гражданами»⁶³.

Лаконична статья еще одного закона: «О государственном языке Узбекской ССР». Закон обязывает руководителей и работников органов государственной власти и управления, работающих в Узбекской ССР, «знать государственный язык республики в достаточной мере для выполнения своих служебных обязанностей»⁶⁴.

В разных республиках, среди различных национальностей углубляется стремление активизировать память, оживить язык, вдохнуть новую жизнь в национальную культуру.

Поистине фундаментальное значение для каждого народа — создание письменности и через письменную культуру — удвоение механизмов, каналов передачи памяти от поколений поколениям. Знаменательным событием весны 1991 г. для русского и других славянских народов страны явилось объявление 24 мая Днем славянской письменности. Появление языка — едва ли не истоки истории народов, появление письменности и зафиксированная мысль — это уже начало вечности. «Придавая важное значение культурному и историческому возрождению народов России и учитывая международную практику празднования дня славянских просветителей Кирилла и Мефодия, — говорится в Постановлении Верховного Совета РСФСР, — объявить 24 мая Днем Славянской письменности и культуры»⁶⁵. Шестой всероссийский праздник славянской письменности и культуры, состоявшийся в конце мая 1991 г. в Смоленске, собрал известных ученых-славистов, писателей и поэтов из многих стран. Праздник дал возможность продолжить начатый ранее разговор об истории и культуре славянства, о том, как добиться подлинного возрождения славянских народов, как реализовать идею создания славянского университета, как укрепить корни и украсить крону славянской цивилизации. Праздник памяти письменности, вне всякого сомнения, имеет право стать общеславян-

ским. Праздник письменности многим незрячим открыл глаза на то, что у каждого из нас свое отношение к истории, своя доля участия в национальной культуре. Надо лишь, методически познавая свою историю, двигаясь от века к веку, вглядываясь в мозаику событий и в галерею лиц, ощутить себя включенным в этот непрерывный процесс. Такое напутствие получили, в частности, участники полуторамесячного «Славянского хода», завершившегося на древней Смоленской земле из далекого Афона, от настоятеля Свято-Пантелеймоновского монастыря отца Иеремии. «В дни светлого праздника Славянской духовности, — говорится в этом послании, — примите самые сердечные поздравления из Свято-Пантелеймоновского монастыря на горе Афон — древней обители Православной веры и культуры. Здесь, несмотря на суровые испытания и трудности, выпавшие на долю очага Славянского просвещения, не угасимо горит лампада чистого духа и любви к ближнему»⁶⁶.

Когда сливаются воедино праздник языка и праздник памяти, как не вспомнить короткий бунинский шедевр о родном языке?

Молчат гробницы, мумии и кости,
— Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письмена.
И нет у нас иного достояния!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья
Наш дар бессмертный — речь.

Москва. 7 января 1915

Роман «И дольше века длится день», наряду с другими манифестами национальной памяти, еще раз подтвердил жизненную силу пламенного призыва — беречь язык своего народа.

2.9. ОБРЕТЕНИЕ ПАМЯТИ...

ИЛИ О МЕСТЕ РЕЛИГИИ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЭТНИЧНОСТИ

В романе содержится немало прямых и косвенных указаний на позитивную благотворную связь этнического и конфессионального факторов. Большие жизненные силы, богатый духовный запас, прочность соционормативных установок и строгое следование им в жизни у Едигея и Казангапа, тридцать лет проработавших вместе на степном безлюдном разъезде («а по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства — Сары-Озеки,

Серединные земли желтых степей»), обусловлены их мусульманскими корнями. «Чтобы жить на сарозекских разъездах, — говорится уже на первых страницах романа, — надо дух иметь... Степь огромна, а человек невелик. Иные, глядя из вагонов мимоходом, за голову хватаются — господи, как тут люди могут жить?! Кругом только степь да верблюды! А вот так и живут, у кого на сколько терпения хватает. Три года, от силы четыре продержится — и делу тамам (конец): рассчитывается и уезжает куда подальше. На Боранлы-Буранном только двое укрепились тут на всю жизнь — Казангап и он, Буранный Едигей».

Однако это исламское наследие противоречиво, и Ч. Айтматов не скрывает этого. Более того, он идет навстречу этому противоречию, чтобы вскрыть проблемы, показать несовместимость современной цивилизации с отдельными догмами ислама.

Так, например, Едигей, с одной стороны, испытывает страх перед новейшей технологией (ему становится жутко, не по себе), когда он видит старт космической ракеты («неужто, — думает он, — в этом огнище сидит человек?»), а с другой стороны, он не испытывает никаких сомнений и колебаний в экстремальных ситуациях, когда ислам дает ему надежные ориентиры того, как себя вести, в частности, тогда, когда наступает смерть, когда умирает человек. Показателен в этом отношении его диалог с национальнобезликим дежурным по разъезду — Шаймерденом, утерявшим свои национальные и мусульманские корни.

«Ты подумай, — говорит Едигей ему, — среди нас человек умер, нельзя, не положено ни у кого оставлять покойника одного в пустом доме.

— А откуда ему знать... один он или не один? — Зато мы знаем!..

— Ну что ты хочешь?.. Что там будешь делать, все равно ночь кругом.

— Буду молиться. Покойника буду обрядить. Молитвы буду приносить.

(Так в тексте. — М. Г.).

— Молиться? Ты, Буранный Едигей?

— Да я. Я знаю молитвы.

— Вот те раз — шестьдесят лет ...советской власти.

— Да ты оставь, при чем тут советская власть! По умершим молятся испокон веков. Человек ведь умер, а не скотина!» В то же время самого Шаймердена, проявившего безразличие к смерти Казангапа, проявившего потрясающее непонимание и неуважение к традиционным похоронным обрядам, Едигей называет скотиной: «хайван безмозглый».

Таким образом, бесчувственность, безнравственность, бессовестность есть прямое следствие отсутствия корней, пренебрежение к национальным и мусульманским истокам.

На погребение Казангапа, от общей молитвы, джаназы, осуществляемой незадолго до выноса тела, и до последней молитвы с развернутыми перед лицом ладонями у засыпанной могилы, в романе отводится целый день. Но этот день вмещает в себя больше века, потому что на изображение всей жизни требуется очень много жизненного и романного времени.

Ислам насыщен сложной обрядностью, многочисленными предписаниями и запретами, регламентирующими все поступки верующего, весь образ жизни человека от рождения до похорон. И всех людей легко разделить на верующих, на тех, кто соблюдает все предписания, и участвует в обрядах, и тех, кто не выполняет и не соблюдает обычаи. Манкурты относятся к разряду вторых. Едигей, выполняющий просьбу своего умершего друга Казангапа — похоронить его на кладбище Ана-Бейит, — к разряду первых. По сравнению с родильными и свадебными обрядами из цикла семейной обрядности, наиболее тесно связывающими ислам и этничность, похоронный обряд дает, пожалуй, наиболее широкий простор для изображения роли традиций, роли преемственности в сохранении национальной культуры и самого народа. Не случайно погребение Казангапа завершается клятвой выполнить завет Едигея и похоронить его самого «бок о бок с Казангапом». «Если так, Едигей, сделаем, как ты хочешь. Не сомневайся», — звучит ответ Длинного Эдильбая.

В организации похорон Казангапа Едигей следует предписаниям традиционного мусульманского обряда, тем самым демонстрируя принадлежность к своему народу, к национальной культуре, к истокам и корням: «омыл покойника, как полагается, руки ноги выправил и уложил как полагается, белый саван скроил и обрядил в него Казангапа как полагается, не жалея на то полотно». Утром, перед отправкой на кладбище, «наглухо запеленатое в плотную кошму и перевязанное снаружи шерстяной тесьмой тело Казангапа с закутанной головой положили на прицепную тракторную тележку, предварительно подстлав на дно опилок, стружек и слой чистого сена». А вечером, перед тем, как произнести погребальную молитву, вырыли могилу с боковой нишей, предписанной исламом, опустили тело в могилу без гроба головой на запад, потом кинули вниз по пригоршне земли и принялись засыпать могилу с подветренной стороны».

И хотя Едигей частично нарушает канонический обряд, в частности, позволяет выкопать большую часть могилы экскаватором, тем не менее он начинает и заканчивает рытье руками, тем самым примиряя традиционный ислам с современной технологией. Получается, что этот компромисс

по мысли автора, есть способ выживания этничности народов, веками исповедующих ислам.

Исторически этот компромисс был подвергнут экспериментальной этнополитической проверке в 20-е годы частью среднеазиатской интеллигенции, которой и сегодня отводится важная моральная, социокультурная и политическая роль в восстановлении исторической памяти, в национальном возрождении.

Чем сильнее давил прессинг антирелигиозной пропаганды, т. е. манкуртизации, на исламские народы Средней Азии, тем больше было и противодействие, в том числе расширение масштабов соблюдения мусульманских обычаев как предмета самоуважения на уровне отдельного человека и на уровне всей нации.

В молитве при захоронении Казангапа Едигей обращается к молодым поколениям, сожалея, что они утратили веру, стали неверующими, сделав шаг навстречу манкуртизму: «в бога они не верят и молитв никаких не знают... что они смогут сказать себе и другим в великий час смерти? Жалко мне их, как постигнут они сокровенность свою человеческую, если нет у них пути возвыситься в мыслях так, как если бы каждый из них богом не станет, но иначе и ты перестанешь существовать. Если человек не сможет возомнить себя втайне богом, ратующим за всех, как должен был бы ратовать ты о людях, то и тебя, боже, тоже не станет...»

Исследователи творчества Ч. Айтматова уже отмечали отрицательные ассоциации, вызываемые понятиями неверие, безбожие, атеист, нерелигиозность (динсизлик), среди творческой интеллигенции народов Среднеазиатского региона. Так, например, Александр Беннигсен отмечал, что динсизлик (безверие) означает «разновидность коллективного позора, жестокость, отсутствие чести и недостаток совести»⁶⁷. Несмотря на то, что слово «дин» и производное от него «динсизлик» заимствованы из арабского языка, в лексике ряда тюркоязычных народов (киргизов, татар, казахов, крымских татар, гагаузов, турок и некоторых других) оно обозначает неверие, вероотступничество, жестокость. Но не только это. В некоторых языках понятием динсизлик обозначается озорство, хулиганство, безродность, безнравственность. Именно в обойме этих значений Ч. Айтматов наделяет отрицательными чертами тех героев своего романа, которые потеряли веру, утратили память, разменяли этничность, оборвали свои связи с родной землей и родным народом. Как тут не вспомнить пушкинский критерий интеллигентности и уровня культуры — отношение к памятникам:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.

В центре внимания — сын покойного Казангапа Сабитжан, приехавший из города на похороны своего отца без жены. Его отказ хоронить отца на родовом кладбище Ана-Бейит ставит его в один ряд с еще одним манкуртом — начальником караула. И если в манкуртизации второго повинен его отец, бывший сотрудник органов госбезопасности, участвовавший в репрессиях против национальной интеллигенции, то в манкуртизации первого виноват не его отец Казангап, достойный представитель своего народа, а виновата среда, и прежде всего школа, институт, в которых он обучался. «А что из того, — сокрушается Едигей на последних страницах романа, — что обучался он (Сабитжан. — М. Г.) на разных курсах да в разных институтах? Может быть, его и обучали для того, чтобы он сделался таким, каким оказался». Понятно, в чей адрес направлен этот вопрос-размышление Едигея. Читателя подводят к мысли о роли советской школы в манкуртизации таких как Сабитжан. «Может быть, где-то есть кто-то пронизательный, как дьявол, который много трудов вложил в Сабитжана, чтобы Сабитжан стал Сабитжаном, а не кем-то другим», — так грустно, с намеком заканчивает свои размышления Едигей, и чем больше на эту тему он размышляет, «тем обидней и безысходней становилось от этих мыслей».

«Безверный», «беспамятный», «безэтничный» человек, выходит по роману, это человек безответственный, бессовестный, неблагодарный, а следовательно, не способный быть связующим звеном между прошлым и будущим.

Роман «И дольше века длится день» стал важным этапом в переоценке роли религиозного фактора в развитии национальной культуры, в формировании нравственности, достоинства человека. Успех романа предопределен тем, что его автору удалось нащупать взаимосвязь между падением нравов и угасанием интереса к своему прошлому и своим корням, в том числе корням, связанным с религиозной культурой. Корни эти оказались более глубокими, чем можно было предполагать, когда объявляли религии безумную антирелигиозную войну. В выражении уважительного отношения к религиозным чувствам верующих, к позитивной роли религиозного фактора Ч. Айтматов не одинок. Согласно З. Балаяну, благодаря христианству и просвещению спаслось само армянство. «Создание армянского алфавита, распростране-

ние христианства на родном языке, — делает вывод М. Хачатурова, — явилось единственным условием объединения народа, его национального самосохранения»⁶⁸.

«Школу, церковь и книги» З. Балаян объявляет обозначенными на национальном флаге символами армянского народа. «...После мощного восстания армян, возглавляемого Варданом Матикопяном, — пишет З. Балаян, — именно Сюникский мир приобрел определенную самостоятельность. Мир этот, борясь за окончательную христианизацию и просвещение страны, по сути дела спас в будущем само армянство»⁶⁹.

Высокая оценка роли христианства в истории и культуре армянского народа отчетливо проявляется в последующих высказываниях З. Балаяна: 1) «Всякий раз, останавливаясь у чудом сохранившегося тысячелетнего монастыря, словно по мановению волшебной палочки возвращаешься в глубь веков... Мы знаем, что каждый монастырь — это не какое-нибудь сооружение культа, а живой организм со многими функциями, главной из которых было просвещение. Значит, монастырь излучал свет. Свет для народа»; 2) «Монастырь Арич — это комплекс строений V и XII вв. Он стоит сегодня как символ вечности народа... Свет храма распространяется далеко за пределы Ширака, ибо главная задача его — просвещение»⁷⁰.

Роль исламского фактора в образе жизни и в стиле мышления мусульманских народов далеко не однозначна. В самом деле, в жизни каждого народа, в каждой религиозной системе немаловажное значение, например, имеют принципы, социокультурные нормы и позиции межличностных отношений, в том числе половой морали. В исламе позиция последней исключительно противоречива. С одной стороны, в связи с общим запретом на изображение человека, никаких проявлений эротики в искусстве исламских народов не может быть допущено. С другой стороны, в скрытых от постороннего глаза внутрисемейных отношениях, допускается проявление беспредельной чувственности. Более того, указанное противоречие проявляется и в том, что строгая половая мораль в исламе сочетается с культом мужской сексуальности. Так, например, исследователь тюркоязычных и арабоязычных народов Д. Е. Еремеев констатирует, что в сказках «Тысячи и одной ночи» немало персонажей, наделенных выдающейся мужской потенцией. Один из них, в частности, овладел за ночь сорока женщинами по тридцать раз каждой⁷¹.

Понятно, что без изображения этого неразрешимого противоречия ислама — строгой морали и гиперболизированной мужской сексуальности — образ жизни и национальная специфика были бы в романе неполными.

Ч. Айтматов нашел остроумный выход из положения, наделив Буранного Каранара — любимого, неистового верблюда Едигея — выдающейся сексуальностью. Автор романа неоднократно возвращается к описанию сексуальных подвигов Каранара. Приведем лишь некоторые примеры. «С начала холодов снова пришел в неистовство Буранный Каранар, снова взъярился, снова взбунтовалась в нем самцовая сила, и уже ничего и никто не мог посягать на его свободу... Обуреваемый пробудившейся страстью верблюдов... требовал своего, он орал, фыркал, угрожающе скрипел зубами, ломал загон...

На другой день уже стали поступать вести, как сводки с фронта, о боевых действиях Буранного Каранара... Стоило остановиться поезду на Боранлы-Буранном, как машинист или кочегар, или кондуктор наперебой рассказывали о бесчинствах и погромах Каранара, устраиваемых им в пристанционных и приразъездных верблюжьих гуртах... на разъезде Малакүмдычач Каранар забил до издыхания двух атанов и погнал перед собой в степь четырех маток... В другом месте Каранар согнал с верблюдицы ехавшего верхом хозяина...

«Покалечил... атанов, а сам отбил трех лучших маток, к тому же прибыл сюда не один — пригнал какую-то верблюдицу оседланную... Готов загрызть, изжевать заживо кого угодно! Только не мешали бы ему заниматься его делом. Он не жрет, не пьет, кроет этих маток подряд, только земля ходуном ходит... И орет при этом на всю степь, словно конец света наступает... Каранар не находил себе места... Сколько же в нем было силы! Он и сейчас не прочь был бы заняться любовным трудом и все докучал и приставал то к одной, то к другой матке, крепко кусал их за ляжки, оттирал их одну от другой, но это было уж слишком с его стороны, верблюдицам достаточно было и дневного времени, когда они охотно исполняли его прихоти, а ночью им хотелось покоя».

В романе достаточно прозрачно сравнивается сила страсти Каранара и неразделенной любви Едигея к Зарипе. По крайней мере, нередко описание того или иного мгновения из жизни Каранара сопровождается размышлениями Едигея о самом себе и о его отношении к своей жене и к своей возлюбленной. «Каранар то и дело стряхивал с головы налипающие комья снега и будил на бегу тишину рыком и выкриками. Худо было хозяину в том пути. Едигей ничего не мог поделать с собой, никак не удавалось ему успокоить, определить себя на чем-то одном, бесспорном и безусловном. Не мог начистоту открыться перед Зарипой, не мог отречься и от Укубалы». Не видя выхода из противоречия между страстью к Зарипе и долгом перед своей же-

ной, Едигей «начинал поносить, ругать себя последними словами: «Скотина! Хайван, что ты, что твой верблюд! Сволочь! Собака! Дурья голова! — и еще в том же духе, перемежая их крепким матом, бичевал себя, устрашал и оскорблял, чтобы отрезвить, чтобы прийти в себя, одуматься, остановиться... Но ничего не помогало...»

Обдумывая, каким способом усмирить взбунтовавшегося в зоне Каранара, Едигей «ждал рассвета, чтобы... пораньше отправиться в путь, побыстрей добраться до Боранлы-Буранного, где ждут его детишки обоих домов (своего и овдовевшей Зарипы. — М. Г.), потому что он всех любит в равной степени и потому что он для того и живет на этой земле, чтобы им было хорошо».

И еще из страданий Едигея: «Как сделать, чтобы никто не пострадал и чтобы боль свою не таить, а сказать напрямик — так и так, мол, Зарипа, люблю тебя».

Вернувшись с фронта любовных битв Каранара, Едигей обнаружил, что Зарипа уехала в неизвестном направлении. По этому поводу Едигей учинил жестокую расправу над Каранаром, вымещая на нем всю свою беду и неразделенную любовь к Зарипе. «Яростно, беспощадно хлестал он Буранного Каранара, нанося удар за ударом, хрипя, изрыгая ругательства и проклятья: — На тебе! На! Подлая скотина! Это все из-за тебя! Ненасытная тварь! Тебе все мало! Тебе надо бегать по сторонам. А она уехала тем часом с детьми! И никому из вас нет дела, каково мне! Как мне теперь жить на свете? Как мне жить без нее?»

Гиперболизированная антропологизация Каранара имеет свой этноисторический смысл. Она нужна автору романа не только для того, чтобы отвести Каранару в своей душе второе место после Едигея по силе авторской симпатии, но и для того, чтобы показать связь времен, соединяя воедино силу жизни, силу страсти и силу этнической памяти. В этом отношении обращает на себя внимание, во-первых, сопричастность Каранара центральной легенде романа о манкуртах и, используя терминологию некочевой цивилизации, — «дворянское» происхождение Каранара.

Согласно сарозекскому преданию, Буранный Каранар ведет свое происхождение от знаменитой белоголовой верблюдицы Акмаи, стоящей целого стада верблюдов, принадлежащей не менее знаменитой хозяйке Найман — Ане, которая после смертельного выстрела сына-манкурта была похоронена на знаменитом кладбище Ана-Бейит. «По преданию, золотая matka Акмая принесла семерых детенышей — четырех маток, трех самцов. И вот с тех пор все матки рожают светлые, белоголовые, все самцы, наоборот, черноголовые, а сами

каштановой масти. Оттого Каранар и уродился таким. От белоголовой матки черный верблюд. Это первый признак его происхождения от Акмаи, и с тех пор, кто его знает, сколько лет прошло, двести, триста, пятьсот или больше, но в Сарозеках род Акмаи не переводился. И нет-нет да и появится такой верблюд — сырттан (сверхсущество), как Буранный Каранар».

Во-вторых, Буранный Каранар связан не только с историей, но и с природой тех степей и тех краев, в которых проживает родной народ Едигей и Казангапа. Покойный Казангап неоднократно рассказывал Едигею о легендарном происхождении Каранара. Что же касается слияния Каранара с природой, то в этом убедился и сам его хозяин. «Вот только дурной уж очень становится, когда в гон идет, — вспоминает и вспоминает о своем любимце Едигей, — в самые холода всегда это с ним случается, и тогда он лютует, страшно лютует, и зима лютует и он... Сладу нет никакого с ним».

О проявлении буйной силы верблюда в зимнюю пору имеются упоминания в киргизском героическом эпосе:

«Удалью переполнен Манас,
глаза горят огнем
ялость переполняет его ...
не уцелеть тому, на кого взгляд устремит,
Он – словно тигр в осеннюю пору,
Он – словно верблюд в зимнюю пору»⁷²

В-третьих, Каранар выступает олицетворением полноты образа жизни степного населения. Без него никуда, даже похороны не обходятся без его участия. Каранар — часть долга Едигея перед покойным другом, «часть долга памяти перед обычаями своего народа. «А он, Буранный Едигей, завтра с утра возглавит на Каранаре, убранном помпой с кистями, путь на Ана-Бейит, провожая Казангапа к его последнему и вечному местопребыванию... Восседая на Каранаре, Буранный Едигей ехал впереди, указывая направление на Ана-Бейит... следом попевали по целине трактор с прицепом, в котором рядом с покойным Казангапом одиноко и терпеливо сидел его зять, муж Айзады (дочери покойного. — М. Г.), и за ними экскаватор “Беларусь”». В-четвертых, участие и роль верблюда заранее предусмотрены в похоронном процессе, в то время как верный пес Жолбарс примыкает к каравану случайно.

Похоронная процессия на старинное родовое кладбище Ана-Бейит двигалась во главе с верховым на Каранаре, а замыкалась она колесным трактором «Беларусь» — в этой картине соединены традиции и

инновации. Современный ислам, чрезвычайно тесно переплетенный с этничностью своих носителей, воспроизводит историю, но и сам подвергается некоторым модификациям, приспособляясь к технологическому ритму жизни.

2.10. ТРАГИЧЕСКИЙ КОЛОДЕЦ ПАМЯТИ... ИЛИ О БЕСПАМЯТСТВЕ ЛИЧНОСТИ

Ч. Айтматов не пожалел черной краски для изображения современного манкурта. Для полноты картины к образу Сабитжана он возвращается несколько раз. «Поглядеть с первого раза, — вроде ничего малый. Все-то он знает, все-то он слышал, только толку мало от всего этого. Учили, учили по интернатам, по институтам, а человек получился не ахти. Похвалиться любит, выпить, тосты говорить мастак, а дела нет. Пустышка, одним словом...»

Внедрение манкуртизма (беспамятства) начинается там и тогда, где и когда начинается ревизия памяти. Так было в нашей истории: интеллигенция подверглась репрессиям только за то, что старалась сохранить память о своей истории. Жестоко преследовали М. А. Булгакова за восстановленную им память о Белой гвардии, о театральных делах Москвы, о понятии добра и зла, о совести и бессовестности Понтия Пилата и его талантливому собеседнику, за подписанный смертный приговор которому Понтий Пилат навеки потерял свой душевный покой.

Роман Ч. Айтматова разоблачает и идеологию тех, чьими руками осуществлялись репрессии, ревизывалась память, внедрялось беспаятство. «Важно вспоминать, нарисовать прошлое устно или тем более письменно так, — внушает на допросе Едигею кречетоглазый полуманкурт Тансыкбаев, пришедший арестовать учителя географии, участника войны и партизанского движения в Югославии — Абуталипа Куттыбаева, — как требуется сейчас, как нужно сейчас для нас. А все, что нам не на пользу, того и не следует вспоминать. А если не придерживаться этого, вступаешь во враждебное действие».

Много их было, Тансыкбаевых, в нашей трагической истории. Но даже о беспаятстве должна остаться память, чтобы не заслонить корневую память. А тем, кто лишал, уже воздано или еще предстоит воздать по заслугам. «Сколько их, с такой фамилией, — думает Едигей о начальнике караула космодрома, современном манкурте лейтенанте Тансыкбаеве, — сыне того, бериевского, манкурта, кречетоглазого, из-за которого погиб Абуталип Куттыбаев, — ...с тем Тансыкбаевым сквитались ведь потом сполна... Все-таки есть правда на земле! Есть! И как бы то ни было, всегда будет правда».

Для современного манкурта не имеет значения, где хоронить своего отца — на родовом кладбище, там, где ему положено, по традиции, или просто в степи. Сабитжан и пытается сказать, что он сам знает, где хоронить отца: «Это мой отец», но его перебивает на полуслове Эдильбай: «Отец-то твой, да только вот ты сам не свой». Манкуртам различных мастей, всем разновидностям манкуртизма в романе противостоит Абуталип Куттыбаев, который умирает от сердечного приступа, когда его отрывают от детей, ради которых и для которых он пишет свои воспоминания «Дни и ночи в Югославии», поет казахские, каракалпакские народные песни, записывает легенды, в том числе легенду о манкурте, легенду «Обращение Раймалы-аги к брату Абдульхану». «Я так и знал, — ставит диагноз о причине его смерти Едигей, — не выдержал он разлуки с детьми... не вынес разлуки. А тоска — это вещь страшная». Здесь речь идет не только о тоске родителя по своим детям и тоске детей по своим родителям, но и о тоске по своей растоптанной земле, исковерканной истории.

Перестройка, инициированная М. С. Горбачевым и его единомышленниками, нанесла гораздо более ощутимый удар по сталинизму, чем хрущевская оттепель на рубеже 50—60-х годов. Едва ли не самый главный итог перестройки состоит в том, что мы, кажется, начали избавляться от всеобщего тотального страха, введенного в трагические 30-е годы и неискорененного до наших дней.

Вот почему трудно переоценить роль той части творческой интеллигенции, которая в глухие годы стагнации звонко заявила о том, чтобы историческая память народов оставалась постоянно включенной и постоянно действующей.

Аварское слово «миллат» имеет два значения: нация и забота. «Кто не заботится о нации, — внушал Расулу Гамзатову его отец, тот не может заботиться и обо всем мире»⁷³.

Если мы сохраним память, мы сохраним себя, и мы не обретем будущее, если не сохраним прошлое. Мы не добьемся национального возрождения народов, если не преодолеем манкуртизм.

«Добро отберут у тебя — не пропадешь, выживешь, — резко отвечает Казангап на неуместную шутку Едигея, обронившего фразу о том, что они вновь разбогатели, в пору хоть раскулачивать заново, — а душа останется потоптанной, этого ничем не загладишь». И хотя утекло много воды со времени коллективизации, унесшей около миллиона казахских жизней, в том числе и жизнь отца Казангапа, так и не смог вернуться Казангап в родной аул Бешагач, что находился в тридцати километрах от Арала.

К 70—80 годам в союзных республиках сформировались значительные отряды национальной интеллигенции. Аффирмативная политика в области национальных процессов, курс на которую был задан соответствующими резолюциями X и XII съездов РКП(б)(74), дала свои результаты. Приоритетные условия, созданные в республиках и в союзном Центре во исполнение партийных решений, позволили взрастить в относительно короткие сроки новую национальную интеллигенцию. В ряде республик образовался избыток и соответственно возникла ситуация конкуренции за престижные места на социальной лестнице иерархии. В сферах хозяйственной деятельности, в технике, в естественных науках выросла цена деловым качествам лиц, занятых умственным трудом. Новый, более высокий чем прежде, уровень планки профессиональных занятий потребовал (соответственно) улучшения качества образования и повышения уровня подготовки. В отличие от технических и естественных сфер, в гуманитарной области недостаток профессионализма, сложившийся как побочный продукт аффирмативных действий, можно было компенсировать национальной принадлежностью или застраховаться знанием родного языка. Так появилось соревнование за преувеличенное выражение верноподданнических чувств не столько своему делу, сколько своему языку и своей нации. Чем могли выражать свое отношение писатели? Понятно, словом! И недостаток таланта, нехватку профессионализма стали восполнять суперпатриотизмом, сверхверным служением нации, чрезмерным восхвалением своей истории, своей культуры и охаиванием чужой.

11. ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЭТНОЦИДУ...

ИЛИ НЕИСЧЕРПАЕМЫЕ РЕСУРСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

18 мая 1944 г., согласно Постановлению Государственного Комитета Обороны «О крымских татарах» всему крымско-татарскому народу было предъявлено чудовищное обвинение в измене Родине, и весь народ, включая стариков и младенцев, организованно, поистине с имперско-тоталитарным размахом, был насильственно переселен в восточные районы страны (Средняя Азия, Урал, Западная Сибирь, Алтай). Это стало кульминацией этнической трагедии целого народа, народа, обреченного злой волей руководителей кремлевского режима на этноцид. Однако народ не смирился с предуготованной ему участью. Важную роль в его выживании сыграла историческая память.

Крымско-татарский народ был не единственной, не первой и не последней коллективной жертвой национальной политики тоталитарного

сталинского режима: до него, одновременно с ним и позднее насильственной депортации, унижениям, ограничению в правах, массовому или частичному геноциду подверглись многие другие «народы СССР»: корейцы Дальнего Востока, немцы Поволжья, финны Ленинградской области, поляки Западной Украины, народы Северного Кавказа — чеченцы, ингуши, аккинцы, балкарцы, карачаевцы; турки Месхетии, этнические меньшинства Крыма, включая армян, болгар и греков; гагаузы Молдовы — и это еще далеко не полный перечень. Да и та неполная, частичная депортация, тот выборочный, но крупномасштабный социальный геноцид, который пережили и русские, и украинцы, и народы Прибалтики, и практически все народы страны, были для них не меньшей трагедией.

Чрезвычайно характерная деталь, особенность преступной политики массовых депортаций в СССР заключалась в том, что при всем откровенном цинизме этой политики она сопровождалась определенным, порою весьма тщательно разработанным камуфляжем, видимостью цивилизованной благопристойности. С первых дней депортации крымско-татарский народ не смирился с грубой, насильственной акцией советского правительства, с совершенной несправедливостью.

Передним краем противостояния между немногочисленным народом, лишенным не только своей исторической родины, но и возможности компактного расселения на какой-либо иной территории, с одной стороны, и мощным партийно-карательно-государственным аппаратом, с другой, стала ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ крымско-татарского народа.

Сразу же после переселения крымских татар режим предпринял массированную атаку на национальное самосознание, на крымско-татарскую культуру и крымско-татарский язык. С разрушением исторической памяти был связан курс на манкуртизацию и последующее полное уничтожение крымскотатарскости. С потерей памяти о своем прошлом, о своей этнической цельности, о своей культуре должен был сойти с этнографической карты страны и целый народ.

Целенаправленное наступление на этом фронте велось одновременно по нескольким направлениям как в местах нового поселения, так и в районах прежнего обитания крымских татар. В местах «спецпоселения» крымских татар был введен особый режим, цель которого состояла в разрушении традиционного хозяйственного уклада, отработанной веками системы жизнеобеспечения крымских татар. До войны на своей родине, в Крыму, они были заняты преимущественно в сельском хозяйстве и особенно славились своими навыками садоводов,

виноградарей, табаководов. В районах нового проживания, расселенные в бараках, коммуналках, наспех сооруженных землянках, пристройках, принадлежащих заводам, крымские татары, независимо от рода прежних занятий, вынуждены были переключиться на тяжелую работу в различных сферах промышленности. Устои национальной самобытности рублились под корень, с перспективой — навсегда.

Ощутимый удар по традиционной культуре, в том числе по механизмам передачи межпоколенной информации, нанесла тройная изоляция крымских татар: от своей исторической родины, от внешнего окружения и даже в какой-то мере друг от друга, от собственных земляков и сородичей. Предусмотрена была (правда, к счастью, недостаточно последовательно претворенная в жизнь) изоляция между поколениями, между членами одной семьи, между родителями и детьми, между супругами. После переселения на новые места нередко родители и дети, братья и сестры оказывались в разных поселках и не всегда имели возможность повидать друг друга. «Спецпереселенческий» режим строго ограничивал передвижения рамками региона, запрещал поездки в крупные города, причем нарушение запретов могло обернуться тяжелым наказанием — еще более полной изоляцией в лагерях, отправкой на лесозаготовки на север страны.

Разрыв внутриэтнических контактов губительно сказывался на сохранении основ национальной жизни, на развитии языка, культуры, обычаев, семейных традиций и устоев. Особенно ожесточенно атака велась на профессиональную крымско-татарскую национальную культуру. В первые годы глобального этноцида не было театров, творческих коллективов, национальных библиотек, не выходила периодическая печать, не издавались книги на крымско-татарском языке, не было в помине сколько-нибудь удовлетворительной национально окрашенной инфраструктуры.

Всячески принижались функциональная роль и социокультурная нагрузка крымско-татарского литературного языка. Были ликвидированы научные центры по исследованию крымско-татарского языка и литературы, прекратилась публикация художественных, в том числе фольклорных произведений. Оттеснение языка шло по двум направлениям — функциональному и структурному. Наряду с сокращением сфер употребления языка, уничтожением периодики и книг на крымско-татарском языке, низведением его до языка семейно-бытового общения, отвергалась самостоятельность лингвистического статуса языка, ему было отказано в самобытности, и он рассматривался в качестве одного из диалектов языка татар Поволжья. По сути крымско-татарский язык был отброшен в дописьменную стадию.

Систематически подрывались объективные основы крымско-татарского национального самосознания. Крымским татарам было отказано в самостоятельном этнониме, из самоназвания народа было выброшено слово «крымские» и культивировалось представление о крымско-татарском народе как «просто» о татарах.

Долгие годы национальное самосознание было ущемлено огульным обвинением в «измене Родине». При этом носить этот ужасный ярлык должны были и семьи крымских татар, погибших на фронте, и дети, родившиеся после войны. В то же время старательно и последовательно стирались следы исторической памяти проживания крымских татар в Крыму. Уничтожались памятники материальной и духовной культуры, сжигались не только религиозные книги, не только оригинальные сочинения крымско-татарских писателей, ученых, но и переведенные на крымско-татарский язык произведения, включая даже труды «классиков марксизма-ленинизма». Мусульманские кладбища сравнивались с землей, мечети разрушались и опустошались, надгробные камни использовались как строительный материал. Одновременно уничтожалась крымско-татарская топонимика.

В числе практических мер, призванных стереть следы крымско-татарской истории и культуры в Крыму, выделяется постановление, принятое бюро Крымского обкома ВКП(б) 20 октября 1944 г. Согласно этому постановлению, необходимо было «переименовать населенные пункты, реки и горы, названия которых связаны с татарским, греческим и немецким происхождением». Менее чем через год, 21 августа 1945 г., был принят не подлежащий широкой огласке Указ Президиума Верховного Совета РСФСР (№ 69/3) о переименовании сельских советов Крыма. Согласно этому Указу, были переименованы и потеряли свои исконные исторические наименования 10 сельсоветов Алуштинского, 10 сельсоветов Ялтинского, 19 — Куйбышевского районов, а также села крымчаков, расселенных в окрестностях Мариуполя с XVIII в.⁷⁶

Наступление на историческую память народа вела также конъюнктурно-услужливая историческая наука. Целые эпохи из истории крымских татар, высочайшие достижения их древней культуры «вырезались» из народного обихода, предавались анафеме и проклятиям. На многие факты, реальные события давнего и недавнего прошлого, даже на имена известных национальных общественных деятелей накладывалось своеобразное табу — запрещалось даже их упоминание. Радикальная операция фальсификации истории Крыма и крымско-татарского народа последовательно охватывала все этапы с древнейших времен до современности.

«Чудовищному преступлению, — писал об этом позднее крымско-татарский писатель Эмиль Амит, — нужно было найти оправдание. И вот срочно издаются путеводители, учебники, нацеленные на то, чтобы разжечь в людях презрение и ненависть к крымским татарам. Товарные составы, битком набитые семьями сражающихся на фронте солдат, были еще в пути, а уже переписывалась “История СССР”... В Крыму распространялись страшнее страшного слухи о зверствах крымских татар, об этом же вещали радио и пресса...

...Мы устали ждать о себе честное слово. Молодежь, как в глотке свежего воздуха, нуждается в правде. Но события, связанные с оккупацией Крыма, до сих пор не находят объективного освещения в литературе. Зато в 1947 г. появился роман П. Павленко “Счастье” — о величайшем счастье, которое обрели те, кто остался в Крыму, очищенном от “варваров”. Роман был удостоен сталинской премии.

А как “плодотворно” потрудились И. Козлов (“В крымском подполье”), А. Первенцев (“Честь смолоду”), вместе с ними и И. Вергасов (“Крымские татары”), не пощадивший и боевого соратника Бекира Османова, с которым не раз ходил в разведку: не изменив даже имени, вывел его... турецким шпионом. Принять за чистую монету то, о чем рассказывают эти авторы, могут только те, кто дезинформирован. Упомянутые произведения служили именно этой цели»⁷⁷.

Из сокровищницы национального менталитета вытравлялось осознание длительности пребывания крымских татар в Крыму, преемственности сложившихся на местной почве культурных традиций, неразрывной связи этнопсихологического и территориального факторов, связи истории Крыма с историей крымских татар.

Пресекались любые попытки восстановить историческую память народа. Так, например, директор Крымского краеведческого музея Е. Жук направил в КГБ по Крымской области доклад, приложив к нему две записи крымских татар в книге отзывов музея. В этих записях речь шла об отсутствии среди экспонатов музея материалов о деятельности крымско-татарских подпольщиков в борьбе с фашистскими оккупантами Крыма, фотографий Героев Советского Союза крымско-татарской национальности, об участии крымских татар в партизанском движении. Эти записи были немедленно включены в материалы следствия и судебного процесса над десятью активистами крымско-татарского национального движения, стали «основанием» в ряду других документов для вынесения приговора⁷⁸.

Одновременно замалчивалась и искажалась история крымских татар в местах их нового поселения. В научных монографиях и популяр-

ных изданиях, в художественной литературе тех республик Средней Азии, где проживали крымские татары, трудно было найти даже упоминание об этом народе. «25 лет мы находимся в Узбекистане, — с горечью говорил в своей защитительной речи на заключительном этапе ташкентского судебного процесса 1969 г. один из активистов крымско-татарского движения Роллан Кадыев. — Как широко шагнула узбекская литература за это время. Но в романах, которые я читал на русском и на узбекском языках, я никогда не видел даже в эпизодических картинах крымского татарина. А ведь полмиллиона человек в течение четверти века живут, трудятся, создают материальные богатства бок о бок с другими народами. Разве в какой-либо литературе отражен труд этого народа? Его судьбы, надежды, мысли о возвращении на Родину? Именно в отсутствии этого я усматриваю тенденциозность, а иногда и лживость советской литературы, которая обязана нести правду народу. Я эту правду в отношении крымско-татарского народа не вижу»⁷⁹.

Печальный и катастрофический итог общенациональной дискриминации крымских татар в социально-экономической, политической и культурной жизни за первые два десятилетия их пребывания в спецпоселениях подвели 65 уполномоченных представителей крымско-татарского народа в «Обращении крымско-татарского народа к XXIII съезду КПСС» в марте 1966 г. «Было все сделано, — говорилось в этом обращении, — чтобы: 1) Уничтожить государственность крымских татар; 2) Уничтожить как можно больше самих крымских татар; 3) Сначала очернить народ и оправдать тем самым антиленинский акт произвола, а затем нигде не упоминать о крымских татарах, чтобы народы не только Советского Союза, но и всего мира забыли о существовании таковых; 4) Уничтожить культуру, искусство и литературу крымских татар; 5) Уничтожить историю этого народа; 6) Уничтожить его язык; 7) Уничтожить его обычаи; 8) Сделать все, чтобы каждый крымский татарин стыдился называть себя крымским татаринном; 9) Доказать каждому представителю этой нации, что ни у него самого, ни у его детей, ни у тех его потомков, которые еще не родились, — нет будущего»⁸⁰.

Надо сказать, что разработанная и претворенная в жизнь в «сталинский период», в 1944—1953 гг., система этноцида оказалась чудовищно живучей и имела свое продолжение, свои метастазы и в «хрущевский», и в «брежневский» периоды, когда в жизни ряда других репрессированных народов уже что-то изменилось к лучшему. Не оставалась вовсе неизменной и крымско-татарская ситуация. Однако все ее проблемы, связанные с наступлением на историческую па-

мять крымско-татарского народа и с сопротивлением этому наступлению, сохраняли свою актуальность многие годы.

Решительный протест против наступления на историческую память крымских татар, лишение которой открывало дорогу глубокой этнической ассимиляции, растворению народа в иноэтническом окружении, выразили правозащитники Московской Хельсинкской группы. В одном из ее заявлений, сделанных уже в 1970-е годы, говорилось: «Основная масса крымских татар, насильственно и несправедливо высланных со своей земли в 1944 г., проживает в Средней Азии. Они фактически вычеркнуты из списка советских наций. У них нет ни одной школы на родном языке, хотя до выселения из Крымской Автономной ССР их было несколько сот. Нет ни одного журнала. В 1944 г. был ликвидирован Институт, занимавшийся исследованиями в области крымско-татарского языка и литературы. Власти отказываются издавать даже словари. С 1944 по 1973 гг. были изданы два учебника на крымско-татарском языке (против 58, изданных, например, за 9 месяцев в 1939 г.). Из семи газет, издававшихся до войны, сохранилась лишь одна (не ежедневная)⁸¹.

Подводя итог преступной политике этноцида, осуществляемой по отношению к крымско-татарскому народу особенно жестоко и последовательно в первое, еще «сталинское», десятилетие, мы обязаны открыть счет поистине неисчислимым потерям в людях, человеческих жизнях, искалеченных судьбах, в утратах материальных и духовных культурных ценностей, в том нравственном ущербе, который был нанесен всему советскому обществу, его исторической памяти.

Анализируя последствия депортации и варварского этноцида, мы должны иметь в виду не только то, к чему стремились те, кто проводил эту политику, и не только то, что им удалось совершить, обрекая народ на мучительные жертвы, но и то, что всей этой политике противостояло, сопротивлялось, в конечном итоге опрокидывало все расчеты на физическое истребление и нравственное порабощение «наказанного» народа. Сила стойкости народа, жизнеспособность, противодействие гнету и геноциду оказались поистине неисчерпаемыми.

Эту сложную диалектику, несоответствие между тем, что было задумано «в верхах», что начертала сталинская рука, обрекая народ на покорное беспamięтство и вымирание, и тем, что получилось на самом деле в силу внутреннего сопротивления политике этноцида, можно проследить на любом из тех направлений, которые мы выделили выше, характеризуя планы и политику преступного этноцида.

Было задумано подавить историческую память народа — она только окрепла и углубилась.

Было задумано разрушить генетический фонд нации, лишить ее творческой интеллигенции, собственной духовной элиты — с величайшим трудом, жертвами и страданиями, но крымско-татарский народ сохранил и выдвинул из молодой генерации своих духовных лидеров, людей высокой культуры, исторической «самообразованности», широкого диапазона знаний, свободного интеллекта и незаурядного таланта.

Было задумано разрушить устои этнической культуры, семейные традиции, нравственные нормы, трудовые навыки — не получилось и это, хотя противостояние стоило невероятных усилий. Народ сумел сохранить свое нравственное лицо, свое достоинство, свой культурный потенциал, свой традиционный семейный очаг.

Было задумано поставить народ «вне закона», изолировать его от других народов страны, натравить против него общественное мнение, — но пробил час, и выяснилось, что у крымско-татарского народа очень много друзей и среди русских, и среди украинцев, и среди узбеков, и всех других народов несчастной многонациональной страны.

Крымских татар не удалось обречь на полную нищету — своим трудолюбием, вопреки разорительному прессингу всей экономической системы «развитого» и еще «недоразвитого» социализма, они сумели выстоять, обеспечить развитие своего личного хозяйства и даже относительное материальное благосостояние, насколько оно вообще было достижимо в условиях нищеты страны.

Из крымских татар не удалось сделать лишенных исторической памяти и собственного национального достоинства манкуртов, и в этом состоял главный исторический итог пережитого — итог, который сводился к поражению системы, объявившей тотальную войну одному из своих народов.

Не имея возможности детально рассмотреть все аспекты этого поражения, целесообразно остановить внимание лишь на одном из них, который представляет особый интерес и имеет актуальное значение постольку, поскольку этим вопросом практически до сих пор никто всерьез не занимался (ни в отечественной, ни в зарубежной литературе по крымско-татарской трагедии он не нашел почти никакого освещения). Речь идет о языковой ситуации, о языковой политике, входившей в общую систему организованного этноцида, и о сопротивлении крымско-татарского народа этой политике, давшем поразительные результаты.

В самом деле, вряд ли крымско-татарское национальное движение достигло бы серьезных политических успехов в борьбе с тоталитаризмом, если бы оно не опиралось на поддержку широких народных масс, на внутринациональную солидарность, на верность, сохра-

ненную народом своему национальному языку, национальной культуре, взлелеянной самосознанием мечте вернуться в Крым и вернуть Крым.

Полученные в ходе переписи населения 1989 г. данные о совпадении национальной принадлежности и родного языка среди 92,6% крымских татар бывшего Советского Союза стали красноречивым открытием народом самого себя и открытием крымского народа для народов всего мира.

Напомним для сравнения ситуацию среди немцев Поволжья, также подвергнутых насильственной депортации Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»⁸². За полвека более половины всего Российского немецкого народа (51,3%) потеряло национальный немецкий язык, если судить об этом по данным переписи населения 1989 г., согласно которой лишь 48,7% немцев страны указало родным язык своей национальности, в том числе, 40,9% среди городского населения и 57,5% среди сельского населения.

Широкомасштабное и глубокое сохранение языка своей национальности крымскими татарами на фоне многих других народов имеет исключительно важное значение. По сути своей это итог самоотверженной борьбы народа за выживание и самосохранение. Эта борьба шла и в первые, самые тяжелые, годы «спецрежимной» жизни, и на всех последующих этапах, когда уже была сформулирована цель возвращения народа в Крым.

Роль языковой памяти поистине уникальна в общей системе исторической памяти народа. Особенно заметно проявляется эта роль на фоне языковой жизни и на фоне этноязыкового самосознания других народов. Даже среди 15-ти народов, имевших во время переписи населения 1989 г. свои союзные (суверенные) республики, оказалось 4 народа, среди которых удельный вес лиц с родным языком своей национальности был даже ниже, чем среди крымских татар (это — армяне, белорусы, молдаване и украинцы).

Среди следующей группы народов, имевших на момент переписи населения свои автономные республики, приблизительно половина от общей их численности сохранила в качестве родного языка язык своей национальности хуже, в меньшей степени, чем крымские татары. Среди 13-ти народов из 29-ти (включая народы Дагестана) доля лиц с родным языком своей национальности была ниже, чем аналогичная доля лиц среди крымских татар (92,6%).

Однако больше всего впечатляет сравнение картины языкового самосознания крымских татар с теми народами и национальными группами,

которые, как и крымские татары, не имели на 1989 г. никаких национально-государственных и национально-территориальных образований. Лишь 4 народа (абазины, белуджи, венгры и дунгане) из 58 «бесстатусных» («нетитульных») народов сохранили родным языком язык своей национальности лучше, чем крымские татары.

Вряд ли эти данные нуждаются в дополнительных комментариях, они говорят сами за себя. Можно быть уверенным, что широкое и глубокое сохранение в качестве родного языка своей национальности среди крымских татар является следствием укрепившегося в ходе политической борьбы национального самосознания и возрожденной исторической памяти.

По своему потенциальному запасу национальной энергии и исторической памяти крымские татары занимают среднее место между народами, имевшими к 1989 г. «свою» союзную республику, и между народами, имевшими иные формы национально-государственного устройства и самоопределения, так называемыми «автономиями». Пребывание крымских татар по параметрам сохранности национального языка в одном типологическом ряду с народами, имевшими свои национально-государственные образования, — еще один показатель, еще одно свидетельство того, что крымские татары вполне обоснованно претендуют на восстановление своей национальной автономии.

Уделяя столь пристальное внимание языковой проблеме и ситуации, мы исходим из того, что между языковым и национальным самосознанием существует тесная и прочная логическая этнопсихологическая связь. Народ, сумевший — вопреки политике этноцида — сохранить в качестве родного язык своей национальности, оказался и во многих других отношениях способным к активному противостоянию, противодействию этой политике. Именно в этом противодействии, начавшемся стихийно, в массовом масштабе и задолго до возникновения каких бы то ни было формальных структур и организаций, заключались глубинные истоки крымско-татарского национального движения.

1944 г. пытался перечеркнуть многовековую историю крымско-татарского народа, лишить его надежды на этническое самосохранение и на создание самостоятельной государственности. Вряд ли кто-нибудь из несчастных участников той майской трагедии мог помышлять тогда, в товарных вагонах, уносивших крымских татар из европейского Крыма в азиатские степи, о том, что потребуются почти полвека, чтобы возрожденная исторической памятью мечта стала лучом света в конце мрачного периода вынужденного изгнания. Вряд ли кому-нибудь приходило в голову, что под жгучим среднеазиатским небом

и на морозной сибирской земле народятся новые поколения и, вдохновленные традициями предков, пойдут на штурм командно-административной твердыни постсталинского тоталитаризма. Однако история дала народу шанс и силы, породила лидеров, расширила круг активистов и вручила в руки знамя победы. Сегодня вполне очевидно, что не было бы ни победы, ни проекта национальной Крымско-татарской Конституции (декабрь 1991 г.), если бы против курса на этноцид, против имперской линии на уничтожение крымскотатарскости не восстал народ.

Трудной, тернистой и долгой оказалась дорога домой: сначала на первом этапе крымско-татарского национального движения народу надо было элементарно выжить, сохранить себя и свой этнофонд, уберечь от полного разрушения национальный язык, культуру, историческую память, затаенную мечту о возвращении на Родину. На это ушло целое десятилетие, глухое, беспросветное десятилетие второй половины 40-х и первой половины 50-х годов. Затем, на втором этапе, вместе с пробуждением и первыми робкими попытками накачивания мускулов, надо было одновременно работать и головой, и сердцем: вырабатывать политические цели, ставить конкретные задачи, обдумывать тактику сопротивления, осмысливать свое место под солнцем и свое предназначение. Прошло еще полдесяток лет. Но впереди был подъем движения, прорванная плотина спецпоселенческого молчания и терпения, а вслед за подъемом и отдельные горькие поражения. За право оставаться самим собой, за голос в защиту своей истории и в защиту гражданских прав своего народа предстояло еще многим патриотам отсидеть на тающих островах созданного сталинским режимом ГУЛАГа. Слияние некоторых групп сопротивления с правозащитным движением и установление связей с зарубежными сторонниками прав человека, пожалуй, сделало крымско-татарское национальное движение непобедимым.

Первая глубокая трещина, обозначившая в 1985 г. контуры новой этнополитической ситуации в стране, положившая начало перестройке, расколу и распаду советской империи, одновременно стала важной вехой, заметной точкой отсчета в новой активизации национально-освободительного движения крымско-татарского народа.

Опираясь на накопленный ранее опыт, черпая силы из боли и слез предыдущих лет, обретая новых друзей и соратников, вписываясь в широкую панораму и многоцветный контекст новейших национальных движений (от Прибалтики до Кавказа, от Молдовы до Тувы), используя просчеты дряхлеющей номенклатуры, маховик крымско-татарского сопротивления и возрождения набирал новые, ускоренные, победоносные обороты.

Через общее нетерпение и внутренний раскол среди активистов национального движения, через манифестации на площадях Москвы и городов и поселков Средней Азии и Крыма, через унижительные «хождения» по кабинетам бюрократов и чиновников разного ранга, через дискуссии и полемику о путях и средствах достижения конечной цели, через разоблачение антикрымско-татарской направленности ряда создаваемых партаппаратом структур (прежде всего государственной комиссии под руководством А. А. Громыко), через противоречия между различными группами крымско-татарских активистов, через лабиринты выбора между идеологией «реконкисты» и солидарности, — крымско-татарское национальное движение продвигалось к осмысленному, аргументированному, обоснованному пониманию того, с кем, как, в какие сроки и с какой целью обустроить Крым. В изнурительной борьбе с бывшим Центром бывшего Союза и партаппаратом Крыма, в тонкой дипломатической игре с номенклатурой и национальными движениями Украины, пролегла дорога к созданию Крымско-татарской Конституции. Ни Москва, ни Киев, ни Симферополь не хотели этого. Крымско-татарскую Конституцию готовил Бахчисарай и народ, устремленный в свой завтрашний день. Духовной опорой непоколебимой веры крымских татар в свое будущее служила историческая память, вызванная сопротивлением репрессивному режиму из грозящей народу бездны небытия.

Решительными оказались и усилия крымско-татарской элиты, ее творческая сила, противостоящая этноциду, ее самоотверженная борьба за самосохранение и выживание народа.

2.12. ПРОМАХИ В РАСКРЕПОЩЕНИИ ПАМЯТИ

Своим обращением почти ко всем аспектам традиционного образа жизни тюркоязычных народов Центральноазиатской степной полосы роман «И дольше века длится день» частично заполнил на рубеже 70—80-х годов вакуум, созданный отсутствием научных и публицистических описаний злободневных проблем жизни национальностей и картины межнациональных отношений. Критики и комментаторы заметили в романе очень многое — и человека труда и гимн трудовому подвигу, и соблюдение автором узаконенных идеологией канонов социалистического реализма, и воспевание идей интернационализма и многие другие, положительные к началу 80-х годов, достоинства романа. Не заметили главного — скрытой политизации национального фактора. Между тем, именно эта особенность романа — его неявная полити-

зация продолжает лучшие традиции российской классической литературы XIX в., когда писатели не обходились без политики даже в условиях, когда отсутствовали отработанные механизмы демократии — парламент, политическая публицистика и беллетристика.

Политизированная литература и сегодня имеет плюсы и минусы. Вскрывая накопившиеся гнойники национального бытия, она играет важную роль в подъеме национального самосознания народов, замещая частично раздавленные идеологическим прессингом общественные науки.

Но в политизированной художественной литературе, посвященной национальной истории и национальному бытию, были и свои минусы, свои промахи.

И дело не только и не столько в том, что политизация ограничивала мир, грани, качество художественных произведений или явлений искусства, сколько в создании такого климата, в котором оставалось место культивированию лжи, фальши, лицемерия. В этом ее негативный аспект. В диалоге, опубликованном «Правдой»⁸³, Виктор Астафьев и поэт из Смоленска Виктор Смирнов отметили, что сегодня немало подвижников, радеющих об Отечестве «не требуя за то «венца и повышения в чин». Но, «к сожалению, — как грустно заметил В. Астафьев, — развелось много спекулянтов на защите России, русского».

Чрезмерная политизация превращала достоинства литературы в ее недостатки, особенно в тех случаях, когда дефицит таланта некоторые деятели из корпуса творческой интеллигенции пытались компенсировать сверхверно-подданическим усердным служением своей нации, единственно достойной внимания и художественного изображения.

Талант требует ответственности. Малейшее смещение акцента в позиции писателя, поэта, ученого, и его борьба за память может обернуться новым витком беспамятства, а стремление быть выразителем интересов народа — пропагандой идей одной из враждующих партий, группировок, фракций. Уже немало примеров, когда, забросив свои лаборатории, иные деятели культуры добровольно отдают себя в плен политических интриг и доктрин. И немедленное трудоемкое восстановление исторической памяти оборачивается крикливым удревлением своей истории, в том числе за счет принижения истории соседнего народа.

Обзор научной литературы и публицистики, отдельных исторических романов и иных художественных произведений, посвященных этногенезу, этапам этнической истории, историческому наследию своего и других народов, позволяет выделить некоторые линии некритического подхода к оценке национального и конфессионального факторов в происхождении и формировании отдельных народов, установить перегибы

или смещение акцентов в освещении истории межнациональных отношений. Коротко говоря, суть отклонений от взвешенной оценки исторических явлений, фактов, процессов, личностей и их деяний, сводилась в научной и художественной литературе к перечисленным ниже моментам.

Нередко история той или иной республики сводится к истории исключительно только того народа, именем которого названа данная республика⁸⁴. В самом деле, о каком полнокровном изображении истории народов, населяющих республику Молдову, может идти речь, если, например, в капитальном сочинении «История Молдавской ССР», изданном в 1982 г. объемом в 550 страниц, проживающие в пределах этой республики гагаузы случайно упомянуты всего лишь на нескольких страницах, (169, 204, 268, 499, 505). В краткой хронологии фактов, приложенной к этому солидному тому, гагаузам не сподобилось быть обозначенными ни в одной из дат. Последовательное замалчивание проблем истории, культуры, языка гагаузов на страницах научных, научно-популярных республиканских изданий представляло собой фактически создание условий для их манкуртизации, т. е. умышленное или неумышленное лишение гагаузов своей истории и права иметь свою историю и свою этническую идентичность. Во что это замалчивание выплеснулось, в дни перестройки, хорошо известно читающей публике: официальным постановлением Верховного Совета республики Молдова гагаузам было предписано считать себя этнической группой. Иными словами, им отказано в праве быть самостоятельным народом, каковым они являются, отказано иметь свое имя, свои национальные символы, свою территорию, на которой они проживают на законных основаниях два столетия, а с учетом проживания на этой же земле их тюркоязычных кочевых предков — около тысячи лет.

В литературе союзных и автономных республик, в самом деле, очень редко освещаются социально-культурные проблемы национальных групп и народов, не относящихся к коренной национальности, т. е. к нации, давшей название той или иной республике. Со страниц обществоведческой литературы многих республик последовательно «исчезают» представители некоренной национальности. Создается впечатление, как будто в каждой союзной республике никто кроме коренной национальности не проживает.

В целом ряде работ, в том числе и в специальных трудах, посвященных современным национальным отношениям, всесторонне раскрывается помощь русского народа нерусскому населению и в то же время не упоминается о помощи титульной нации проживающим в пределах

республики представителям национальных групп или малочисленным народам.

Заключительный (четвертый) раздел монографии «История армянского народа» (Ереван, 1980) посвящен советскому периоду⁸⁵. По существу, в этом разделе раскрывается история Армянской ССР. В разделе выделено несколько специальных параграфов о зарубежных армянах, но нет ни одного раздела о неармянском населении республики, хотя и упоминается о «большом внимании Советского правительства в 1920—1930 годы» ...«Повышению культурного уровня проживающих в Армении национальных меньшинств — азербайджанцев, курдов, ассирийцев, греков». Так, например, «был создан Курдский алфавит — вначале на основе армянской, а затем латинской письменности... в 1931 г. в Ереване открылся курдский педагогический техникум»⁸⁶.

При научном или художественном воссоздании этногенеза народов, имеет место не подтвержденное достоверными фактами и убедительными документами удревление происхождения и истории коренного народа союзной республики.

Ученые неоднократно высказывали тревогу по поводу того, что в ряде популярных изданий, выходящих большими тиражами, излагаются научно несостоятельные теории о древних корнях того или иного народа. Так, например, писатель Вл. Щербаков отыскал в Восточной Атлантиде за девять тысячелетий до нашей эры корни славянских племен и установил прямую связь между современным русским и этрусскими языками⁸⁷. Путешествуя по Арктическому району Армении, З. Балаян замечает: «Здесь всегда были камни. Миллионы лет. И здесь всегда жили армяне. Тысячи и тысячи лет»; описывая населенный пункт Ошакан Аштаракского района, пишет: «Ошакан — красивый и уютный поселок... Пять тысяч двести жителей. Несколько тысяч лет назад здесь, как везде по республике, отмечалось снижение рождаемости»; думая об армянах, живущих на чужбине и лишенных «самого прекрасного человеческого чувства — чувства причастности к родине», заключает: «к родине, где жили твои предки тысячелетия подряд»⁸⁸.

Говоря об археологических раскопках в Анийском районе, на месте дна будущего водохранилища, З. Балаян дает волю воображению. «Под землей, — как представляет он себе, — целый город... Приглядишься, вырисовываются улицы и дворы, по которым несколько тысяч лет назад прохаживались армяне»⁸⁹. Писатель А. Югов попытался доказать, что герой греческой мифологии Ахилл является русским по своей этнической принадлежности. Подобных примеров немало.

В художественной литературе национально-патриотического направления в некоторых случаях предъявляются претензии на земли, входящие в пределы других союзных республик или даже в состав других государств. При этом в прямой или косвенной форме обосновывается идея своей «Великой страны», созданной средневековыми или более древними предками коренной национальности той или иной союзной республики. Так, например, обосновывается идея «Великой Армении» или «Исторической Армении», включающей все те земли, на которых когда-либо проживали армяне. «До сих пор, — пишет З. Балаян, — ежегодно десятки армян переезжают в советскую Армению из Баку, Нагорного Карабаха, Гюлистана, Дашкестана, Ханлара, Грузии, Средней Азии. Только за последние десятилетия на родину репатриировало более двухсот тысяч зарубежных армян...

Разумеется, — пишет далее автор, — все это только радует сердце. Радует потому, что соотечественники собираются под один, единый флаг, флаг Армянской социалистической республики, ставшей маяком для всех армян мира. Но беда в том, — делается тут же странный вывод, — что в некоторых случаях они оставляют родные края, оставляют исторические земли исторической Армении». В ряде других мест этой же книги говорится, что нынешняя Советская Армения — это только лишь «крохотный остаток некогда поистине Великой Армении», что «древние армяне, владеющие территорией от моря до моря, были отменными моряками», «в начале прошлого века в Карабахе, одной из исторических областей Армении». Со второго века до нашей эры Арцах (т. е. Карабах) со своим армянским населением и аборигенной княжеской династией (Араншахи) входил в состав Армении.

Упоминание отдельных районов, населенных пунктов, расположенных в других союзных республиках или зарубежных государствах, в сочетании с геополитическими высказываниями, в некоторых случаях прямо или косвенно ассоциируется с территориальными претензиями. «Тесно нам, — говорит об армянах З. Балаян, — как никому и нигде в мире. Плотность населения в стране составляет одиннадцать человек на один квадратный километр. В нашей республике — более ста одиннадцати человек»⁹⁰. Проезжая по Нахичеванской АССР, З. Балаян подчеркивает, что видит вокруг «армянские храмы, армянские церкви, армянские школы», и допускает скрытые оскорбления и выпады в адрес азербайджанцев: «Придет время, — пишет он о расположенном в Нахичеванской АССР селе, — Агулис, будет восстановлен... А пока пусть Агулис своим печальным видом напоминает современникам о вандалах недавнего прошлого»⁹¹.

Иногда авторы иных художественных произведений чрезмерно увлекаются восхвалением достоинств своей нации, что приводит к чрезмерному преувеличению ее уникальности и исключительности. В ряде работ авторы всеми средствами пытаются преувеличить или представить более древней, чем она есть на самом деле, культуру своей нации. При этом делаются попытки идентифицировать с национальной культурой такие древнейшие памятники культуры, этническая принадлежность которых научно не выявлена и не доказана. Низкая компетентность и слабая обоснованность подобных попыток лежит прямо на виду, а противоречивость авторской позиции обнаруживается буквально на соседних страницах его текста. Справедливо утверждая, что «наскальные изображения или петроглифы являются уникальным источником для изучения первобытной культуры», З. Балаян тут же добавляет, «что к великому нашему сожалению многие наскальные изображения, сотворенные рукой наших древних предков, были вывезены вместе со скалами, с осколками камней за пределы республики». Иными словами, наскальные изображения в одном случае трактуются как результаты человеческой деятельности первобытной эпохи, а в другом объявляются делом рук армян и соответственно достоянием армянской культуры⁹².

Справедливо отмечая, что казахский этнос сложился не ранее, чем в XV в. нашей эры, Е. Д. Турсуну усматривает корни творчества акына Жырау и других исполнителей казахского фольклора в первом тысячелетии до н. э. и в более ранние времена.

К. Исмалов полагает, что в становлении основы сюжета узбекских сказок и образов ведущую роль сыграли древнетюркские мифы.

Случаи, когда исследователи находят истоки этнического фольклора еще в те времена, когда не сформировались сами этносы, встречаются довольно часто. Непомерное восхваление и преувеличенная оценка отдельных элементов национальной культуры и образа жизни своего народа граничит с национализмом. Так, например, в книге З. Балаяна утверждается: «В высокогорном селе Личк, известном исстари как культурный центр, перепись населения ведется испокон веков. Однако сохранились данные лишь с 1873 года»; «Трудно найти лучшее место на земле для обмена мнениями между архитекторами, нежели Санаин и Ахпат»; «лучший в Европе сыр “Рокфор” производят в селе Таллин»; «абрикос во многих словарях отмечен, как “армянский фрукт”»; «Я глубоко убежден, земледелие, мелиорация и вообще все сельское хозяйство Советской Армении — это феномен. Думается, подобного феномена мир не знает»; «И я думаю, какое мы все-таки совершаем

преступление перед будущим, перед всем современным миром, если хотите, что не снимаем фильмов о феномене, каковым, по существу, является Советская Армения»⁹³.

Разработку армянской письменности М. Хачатурова объявляет чудом. «В годы безвременья, — пишет она, — когда в кровавых битвах с грозными врагами Армения теряла свою независимость, когда ей грозила ассимиляция, именно национальная письменность и язык были той мощной и непобедимой крепостью, за которой армянский народ сохранял и развивал свою самобытную культуру»⁹⁴.

Серьезный вред обществоведению наносят далекие от науки дискуссии между учеными различных республик. Украинские литературоведы нередко настаивают на том, что памятники древнерусской литературы XI—XIII вв., являющиеся общим духовным наследством всех трех этнически родственных народов (украинского, белорусского и русского) безраздельно принадлежат одной только древней украинской культуре.

«Кто такой, в самом деле, писатель Гоголь — украинский или русский писатель?» — с таким вопросом обратился к депутатскому корпусу академик Д. С. Лихачев 3 сентября на Внеочередном съезде народных депутатов СССР. И тут же ответил: «Он принадлежит и России и Украине. А великий музыкант Бортнянский — украинский музыкант и композитор или русский? Художник Левицкий — без него немыслима история русской живописи? Архитектор Ухтомский, без которого нет ни Москвы, ни Петербурга? Кто такой Балтрушайтис, один из основателей Литовского государства? Это русский поэт-символист. Или художник Добужинский? Или великий философ Карсавин в Литве? Это русский, петербургский профессор, ученый, задолго до знаменитого Хейзинги определивший новое отношение к истории. Что такое Тартусский университет? Это и Юрьевский университет, это и Дерптский университет, это объединение немецкой, русской и эстонской наук»⁹⁵ Размышления (вопросы-ответы) академика зал встретил одобрительными аплодисментами.

Между армянскими и грузинскими учеными до сих пор ведется не всегда «справедливый» «дележ» ромейского культурного наследия. Но чувствуется, что хотя здесь и имеются надежды как-нибудь «договориться», но до полной согласованности и здесь также далеко. Ведутся бесконечные споры относительно наследия «Волжской Булгарии» между учеными Башкирской, Татарской и Чувашской АССР. Так, например, Гали Чокрый (1846—1889), Акмулла (Мифтахетдин Камалетдин улы, 1831—1895), Меджит Гафури (1880—1934) в своих

произведениях изображали образ жизни генетически близких башкир и татар. Как известно, указанные деятели культуры родились и жили в Башкирии, но писали на татарском литературном языке. Поэтому логически нет особого смысла делить их творчество между народами, а скорее надо гордиться тем, что каждый из них внес большой вклад в развитие национальной культуры не одного, а двух народов. Более того, творчество Акмуллы, писавшего кроме башкирского и татарского, еще и на казахском, можно считать достоянием и казахской культуры.

Время от времени проявляются разногласия между представителями Армении, Грузии и Азербайджана о том, кому принадлежит творчество Саята-Новы (Арутюна Саядяна), который родился, жил и умер в Тбилиси, а свои произведения писал на 3-х языках: армянском, грузинском и азербайджанском. В справочной литературе он назван «великим армянским поэтом, крупнейшим представителем армянской средневековой поэзии»⁹⁶. Но вряд ли достаточно относить творчество двуязычного или многоязычного поэта к национальной культуре того или иного народа, исходя из антропологической принадлежности самого поэта. В конце концов, видимо, надо узнать у самого поэта, кем он сам себя считает.

Отход от объективных научных позиций особенно опасен тогда, когда деятельность одного и того же исторического лица описывается и оценивается специалистами бывших союзных республик с прямо противоположных позиций, в одном случае — как национального героя, в другом, напротив, как врага народа. Этим наносится травма национальному самолюбию народов, затрудняется межнациональное взаимопонимание, подрывается взаимодействие народов. Так, например, в книге «Очаг», опубликованной в Армении, говорится: «В июле 1918 г. выдающийся полководец, предводитель народно-освободительного движения генерал Андроник объявил в Нахичевани Советскую власть и сообщил Чрезвычайному комиссару Кавказа Шаумяну, что он со своим отрядом находится в полном распоряжении Российского Центрального правительства и подчиняется ему»⁹⁷. В другой книге, увидевшей свет в столице Азербайджана, о том же самом Андронике можно прочитать, что он одерживал победы «над беззащитными селениями, беззастенчиво грабил и устраивал массовые избиения безоружных азербайджанцев. В результате погромов Андроника были разрушены деревни Суст, Чешмебасар, Тумбул и другие»⁹⁸.

В ряде публикаций, особенно юбилейного плана, долгое время воздавались непомерно высокие похвалы отдельным деятелям национальной культуры. Так, например, в изданной на 4-х языках книге «Низами. Афоризмы», (1982), говорится, что «Великий азербайджанский поэт Низами

Гянджави принадлежит к числу крупнейших мыслителей всех времен», его идеи, «намного опередив свое время, предвосхитили возникающие впоследствии уже на европейской почве концепции эпохи Возрождения о гуманизме, возвышенной любви, самопожертвовании, необходимости активно бороться за установление справедливости... На протяжении восьми веков каждое новое поколение воспринимает творения Низами как художественное явление современности, наследие его служило и служит неисчерпаемым источником вдохновения для художественного творчества и развития социально-философской мысли...

...не убоаясь, вопреки господствовавшим в его эпоху воззрениям, смело обожествить прекрасный мир чистых и возвышенных стремлений человеческой души, вдохновенно воспел самоотверженную любовь, которой чужды корысть и расчет, которая сильнее всех условностей и традиций. Тем самым Низами предвосхитил Данте, Петрарку, Шекспира, Пушкина...»⁹⁹

В некоторых художественных произведениях допускается очернение истории, культуры или отдельных представителей инонациональных народов. Так, например, в романе М. Мураталиева «Кукушка месяца мая» приводится следующее описание убийства киргизов русскими солдатами. То, что речь идет о солдатах царской армии, существа дела не меняет.

«Убийцы, — читаем в романе, — со спокойным видом резали их живые тела и бросали по сторонам, тех, кто убежал, протыкали вилами в спину, обухом топора раздробили череп... повалили на землю и полоснули горло острием меча, при этом каждый старался, чтобы его не забрызгала теплая кровь живого тела. Растаскивали отдельные части тела, стремились волоочь по всему загому туда, в угол, куда складывали в кучу, где еще полуживые члены тела дрожали, стонали, хрипели, тряслись, обливались кровью... Во дворе стоял теплый пар от свежего мяса и хлюпала кровь убитых людей. По двору невозможно было пройти, попадая в голенища убийц, чавкала кровь, насквозь промокали портянки, низ штанин. На их рубашках, брюках, мешках укрывавшихся (на голову надетые) не было живого места, не забрызганного кровью, ведь сложно стирать человеческую кровь. Убийцам было жалко только своего обмундирования...

Когда убийцы отняли душу последнего черноголового, их силы иссякли, тяжело дышали, плевались, курили табак. Они были довольны своей работой и, получив удовлетворение, теперь ждали следующего приказания, чтобы срочно взяться за него»^{*}

* Пользуюсь случаем поблагодарить А. Асанканова за оказанную помощь в переводе приведенной цитаты с киргизского языка.

Подмена социальных факторов этническими в освещении геноцида армян приводит к враждебным недопустимым человеконенавистническим выпадам в адрес некоторых неармянских народов. Воспроизведем лишь несколько примеров из книги З. Балаяна: «Будь то среди христиан Европы или мусульман Сирии, Аравии и Африки, турок приносил везде только разрушение: никогда он не был способен развивать в мирное время то, что завоевал в войне»; «Монастырь Арич... разрушал, распиливал гигантские колонны татаро-монгольский варвар и вандал... и вновь турки в XVII, XVIII, XIX, XX веках грабили, жгли, разрушали»¹⁰⁰ Число таких примеров из книги З. Балаяна можно было бы продолжить.

Жертвы армянского народа во время геноцида действительно велики. Но разве надо виновниками этой трагедии считать всех без исключения турок? Достаточно заглянуть в компетентные исторические публикации. Очевидно, что вся ответственность за массовое избиение армян, — пишет академик М. Г. Нерсесян, — падает на правительство султана Абдул-Гамида и особенно на правительство младотурок»¹⁰¹

В книге З. Балаяна допускаются оскорбительные выпады против азербайджанцев: «варвары», «вандалы», «дикие кочевники», «воинствующие кочевники». Нет нужды доказывать, что подобные «определения» далеко не способствуют воспитанию этнической терпимости, а создают напряженность между двумя соседними народами¹⁰². Во что эта напряженность вылилась, нет смысла напоминать! Случаи восхваления истории «своего» и очернения «не своего» народа, к сожалению, встречаются не только в названной работе, но и в публикациях других авторов.

Так, например, печально известной стала попытка поставить спектакль по написанной в 1927 г. пьесе А. Софронова «Сбившийся с пути не исправится», в которой один из героев говорит: «Да, нынешний век, кажется, будет гибельным, сильно изменились нравы из-за различных русских напастей. Ныне каждый законник и знаток, каждый пьяница и картежник. Все, что ни делает русский, все оборачивается нам во вред, а мы несчастные, всему этому бездумно подражаем. Увеличение числа русских сильно пошатнуло нашу жизнь». Нетрудно догадаться, каким ветром в конце 20-х годов придуло в пьесу якутского автора антирусские выпады. Достаточно перелистать доклад Сталина «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», с которым он выступил на XII съезде РКП(б), т. е. за 4 года до появления пьесы А. Сафронова. «Основная сила, — по определению Сталина, ставшего затем и определением в резолюциях съез-

да, — тормозящая дело объединения республик в единый союз, — это та сила, которая нарастает у нас... в условиях нэпа: это великорусский шовинизм... старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское... который наступает и ползет, капля за каплей впитываясь в уши и в глаза, шаг за шагом разлагая наших работников... таков первый и самый опасный фактор, тормозящий дело объединения народов и республик в единый союз»¹⁰³.

Бесспорно, чем выше культура нации, тем больше она дает оснований для национальной гордости. Но это лишь одна сторона дела. Другая же заключается в том, что признание ее необходимости для соседей должно исходить от самих соседей, а не от создателей и носителей этой культуры. Чем ниже культура народа, тем она безразличнее к освоению инациональных достижений, тем больше она нуждается в одобрительном восхвалении и в поддержке как изнутри, так и извне.

Историческое наследие многих народов понесло колоссальный урон через разрушение храмов и иных памятников, через искажение в угоду идеологическим концепциям места и роли отдельных элементов культуры в общей истории цивилизации, через замалчивание вклада тех или иных народов в копилку общечеловеческих ценностей. Восстанавливая истину, выводя на сцену общественного внимания забытые явления истории или полуразрушенные памятники, иные авторы не могут удержаться от чрезмерного восхваления своей национальной культуры, что в конечном итоге ведет к преувеличению элементов «своей» и, механически, к занижению «достижений «чужой» национальной культуры. Не приносят успеха и славы попытки «разделить» общее культурное наследие народов, перехватить» у соседнего народа тех или иных легендарных личностей, «развести» по нынешним национальным квартирам одних и тех же предков или общее культурное наследие.

В научной и художественной литературе идут бесплодные споры при освещении этногенеза, этнической истории народов и вообще древней и средневековой истории своего региона среди исследователей Закавказья. Для примера здесь можно назвать, в частности, отношение к проблеме истории древнего аборигенного населения Восточного Закавказья — Албании — албанов. Азербайджанские ученые пытаются поставить этногенез современного азербайджанского народа в прямую связь с древним аборигенным населением Албании, хотя известно, что в историческом прошлом тюркоязычные племена сыграли в истории Кавказской Албании и албанов такую же абстрактную роль, какую тюрки-османы сыграли в истории народов Малой Азии.

С целью «доказать» албанское происхождение своего народа азербайджанские ученые стремятся «албанизировать», а затем «азербайджанизировать» таких представителей средневековой культуры армян, как Мовсес Каганкатваци, Мхитар Гош, Киракос Гандзакечи и многих других, писавших на классическом древнеармянском языке.

В ответ, оказывая «сопротивление» этой концепции, армянские ученые впадают в другую крайность. Так, Ш. В. Смбалян в предисловии своего русского перевода труда Мовсеса Калакатуаци (Ереван, 1984), отказывает древним кавказским албанам в этническом своеобразии.

Имеет место лакировка действительных процессов, искажение реальной сути отдельных событий, имеющих принципиальное значение в становлении и развитии данного народа, в формировании его национальной гордости и национального достоинства. Бывало и так, что и среди талантливых поэтов находились такие, которым выпадала судьба быть тенью времени и писать об исторических деятелях по «социальному заказу». За одно из таких выступлений горько пришлось раскаиваться Расулу Гамзатову, который вслед за официальным признанием Шамиля английским и турецким агентом, разжигателем вражды между народами, написал стихи, «разоблачающие» народного героя.

И отец мой до смерти своей незадолго
О герое поэму сложил... но, увы,
Был в ту пору Шамиль недостойно оболган,
Стал безвинною жертвою темной молвы.
Может, если б не это внезапное горе,
Жил бы дальше отец... Провинился и я:
Я поверил всему, и в порочащем хоре
Прозвучала поспешная песня моя¹⁰⁴.

Предпринимаются попытки разработать такие «этнозащитные механизмы» суть которых состоит в обосновании приоритетных условий развития национального большинства без учета реальных потребностей и интересов национальных меньшинств.

При разработке идей и способов реализации «этнозащитного механизма», не учитывается ни образовательный уровень, ни социально-профессиональная структура нации, ни социальные и политические позиции людей. Под флагом «этнозащитного механизма» пропагандируется, по существу, идея национальной ограниченности. В научной литературе были подвергнуты критике взгляды Ю. М. Бородай¹⁰⁵. Контакты людей разных национальностей, по мнению автора, ведут к идейному обезличиванию, «образуются «этнические химеры», «природный фундамент психической конституции человека размыва-

ется. Появляется масса мятущихся и усиленно рефлексирующих личностей... Это значит, что соотношение между этносом и химерой такое же, как между здоровой жизнью и раковой опухолью»¹⁰⁶. Автор абсолютизирует национальные моменты в сознании, считает, что каждый этнос имеет свою замкнутую систему сознания и мироощущения.

В ряде изданий, наряду с преувеличением роли отдельных элементов национальной культуры, возвеличиваются и идеализируются функции религии в истории народа.

Отсутствуют публикации, в которых рассматривались бы специально проблемы взаимоотношения национального и религиозного в истории народов, критерии взаимосвязи национальных обычаев, обрядов и ритуалов с религиозными. В тех случаях, когда подлинно национальные ценности объявляются религиозными, это задевает легко ранимые национальные чувства народов. И, наоборот, бывают случаи, когда религиозные обряды выдаются за национальные ценности. В этом случае национальное может быть использовано как прикрытие религиозного.

Не всегда адекватно объясняется соотношение национального и религиозного в обрядовой практике народов, и в особенности среди народов, живущих в районах традиционного распространения ислама. В одной из книг, например, утверждается, что «суннет, как ритуальное обрезание», находит у молодежи «открытую поддержку». Ссылаясь на данные анкетного опроса, автор утверждает, что «суннет с детства вербует ребенка в лагерь “муслимов”, калечит психику, развивает в нем национальный эгоизм и неприязнь к “инаковерующим”»¹⁰⁷. Такие публикации могут лишь дискредитировать исторический опыт исламских народов.

Итак, нет оснований для вынесения однозначной оценки вклада художественной, в том числе и части научной, интеллигенции в реанимации исторического наследия народов, в восстановлении полуразрушенной памяти. По-видимому, место и роль этого вклада определяется тем, какие плоды произросли из засеянного поля национального самосознания. В одном случае призывы к сохранению памяти, к бережному отношению к историческим памятникам дали ощутимые результаты в деле укрепления национального достоинства народов, обретения ими свободы от административно-бюрократического диктата Центра, избавления от чувства страха перед системой. В другом случае, там, где на почву национальной жизни попадали недоброкачественные семена, — вместо возвышения национального духа, благородного стремления вывести нацию из социально-политического и экономического тупика, произрастали ростки экстремизма, нетерпимости к иным национальностям,

идеализация всего своего и очернение чужого, стремление создать себе приоритетные условия за счет других.

Тем более возрастает ответственность творческой интеллигенции сегодня, в смутные времена, когда на очередном витке буксующего реформирования вносится дополнительная острота в конфронтацию между свободой и несвободой, между коллективизмом и индивидуализмом, между демократией и тоталитаризмом, нищетой и богатством, жестокостью и состраданием, талантом и бездарностью. И если мы не станем укреплять исконные корни, вернувшись к чистым истокам, с умом восстанавливая утраченные пласты исторической памяти, нас унесет ветрами очередной интернационализации или диктаторской национализации. Первые порывы подобных ветров уже явственно ощутимы в нынешней заблудившейся литературе. Тревожное состояние передается многим.

Одновременно в нестройном хоре отчаяния нарастают и предупреждающие голоса, призывы отказаться от дискредитации памяти и национального самосознания, сохранить энергию самобытной культуры. Вот как пишет о нынешней ситуации в культуре один из идеологов демократии ровно через год после того, как он провел три ночи среди защитников Белого Дома. «Потрясающе, с какой легкостью и внесовестливой игривостью потешаются ныне ворвавшиеся в литературу и искусство представители “анатомического реализма” над трагедией России, над обесчещенным ее народом. Им все равно, над чем иронизировать, что ненавидеть, опошлять. Мне видятся в них нового склада атеисты, в душах которых умер бог. Или никогда не рождался. Им, таким остроумным, авангардным, таким еще вчера андеграудным, а сегодня надмирным, как-то даже неловко объяснять, что существуют святые понятия, деликатные темы, что «не может сын глядеть спокойно на горе матери родной», и уж тем более — превращать это горе в цирковую чернуху. Когда же со всех экранов, страниц, эстрад на нас вываливаются бесчисленные трупы на фоне куполов, голые задницы на фоне крестов, мерзкий юмор на фоне слез и крови, тогда эта анатомическая паранойя сводит с ума, производит в сознании преступную подмену. И главное — откуда столько презрения, садистской (советской?) ненасытности в отмщении прошлому и настоящему? Чаше всего даже не собственному прошлому»¹⁰⁸.

Допускаются промахи не только в раскрепощении памяти, но и, наоборот, в ненормальной ее культивации. Это особенно нетерпимо, когда нечистоплотные люди, стремясь к политической карьере, усиленно педалируют те или иные болевые точки исторической памяти народов.

Уважаемый в Кыргызстане человек, писатель Асанбек Стамов, руководитель издательского концерна «Учкун» неоднократно возмущался приемами агитации, которую ведут в Бишкеке активисты общества «Семиречье», взявшие на себя миссию по организации эмиграции русского населения из Кыргызстана. Между тем, «...массовый отъезд русскоязычного населения, — по словам профессора В. М. Плоских, — ведет к экономической и политической дестабилизации как в нашей республике, так и в России»¹⁰⁹.

2.13. ОТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Многоплановый и сложный по архитектонике и глубокий по смыслу роман Ч. Айтматова с положительным центральным героем, приверженцем национальных, исламских и трудовых ценностей, сыграл немаловажную роль катализатора движений за восстановление исторической памяти народов, за реанимацию мусульманско-национального наследия, за обретение народами суверенитета.

От создания художественных образов до включения в активную политическую деятельность — так можно определить путь, пройденный той частью национальной творческой интеллигенции, которая в 70—80-е годы подняла знамя борьбы против манкуртизации, а на рубеже 80—90-х годов самой логикой своих действий была вовлечена в горнило политической борьбы.

Немаловажную роль при этом сыграл своеобразный тренинг — расширяющееся участие творческой интеллигенции — писателей, ученых, художников, архитекторов в центральной и местной периодической печати, в обсуждении проблем происхождения народов, их духовной и этнической истории, исконности этнической территории, легитимности этнических границ. Накались страсти, усилились притязания этнически близкородственных народов на литературное наследие классиков, творивших на двух языках. Это наследие, как и памятники национальной архитектуры, предметы традиционной утвари, элементы декоративного и прикладного искусства, изделия художественных промыслов, становились важной формой восстановления и воссоздания исторической и вместе с тем национальной памяти.

Заинтересованный читатель жадно ловил материалы о культуре своего народа, острые выступления в защиту «своей» истории, о реабилитации выдающихся личностей и выдающихся дат. За вечерней чашкой чая горячо обсуждались черты характера, внешний облик, де-

ловые качества людей своей и не своей национальности, беды и радости, успехи и поражения в стране и за ее пределами. На передний план все чаще и чаще выдвигались национальные интересы, выраженные в прямолинейной форме. От проблем восстановления исторических памятников стрелка компаса решительно поворачивалась на восстановление исторической памяти и воспитание национального самосознания. И хотя до залпа по иссушающему национальную душу интернационализму было еще далеко, первые раскаты орудия уже прогремели. Историческая память, как ядро национального фактора, уверенно выходила на этнополитическую арену. Возрождение народа и его культуры воспринималось ни много ни мало как важный элемент демократизации и продвижения к равноправию народов.

Едва ли не диссонансом газетно-журнальному буму оставалось непонимание лидерами роли и места исторической памяти, национального самосознания и национального «вопроса» в процессах реформирования. По свидетельству Н. И. Рыжкова, в самой середине 80-х годов, когда затеянная перестройка опиралась на четыре «кита»: демократизацию, гласность, политическое обновление и экономическую модернизацию, ни о какой перестройке в национальном вопросе, как тогда говорили, речь вообще не шла¹¹⁰.

Выдвинутые в романе «И дольше века длится день» идеи о необходимости восстановления исторического наследия нашли (в той или иной форме) отражение в программных документах большинства гражданских движений. И поскольку ничто не возникает само по себе, на пустом месте, нам предстоит понять, что и политизация национальных движений имела свои предпосылки как в нашей объективной действительности, так и в деятельности художественной части национальной интеллигенции. Борьба за национальное возрождение стала предтечей, подтолкнула к борьбе за политическое освобождение. 1990 г., год суверенизации союзных и автономных республик, год парада деклараций о суверенитете, стал логическим завершением, а частично и решением вопросов о национальном возрождении. Логика этой взаимосвязи национального и политического особенно наглядно и убедительно прослеживается на примере истории народных фронтов Прибалтики, Молдовы, республик Закавказья.

В самом деле, эмбриональное развитие идеологии любого Народного фронта начиналось с лозунгов и требований о восстановлении правды об историческом прошлом своего народа. Так, в частности, зарождалась история Саюдиса, начавшаяся летом 1988 г. с митингов и выступлений вернуть Литве и литовскому народу правду об историче-

ском прошлом. Естественно, на первых этапах само движение было овеяно романтикой, эйфорией освобождения национального духа, радостью подъема самосознания нации. В условиях открытой конфронтации с центральными ведомствами это была такая социально-нейтральная позиция, которая подготавливала общественное мнение к следующему шагу — формированию более жестких претензий к Центру и системе. Вот почему, в отличие от европейской новейшей историографии, создавшей на первых порах немало иллюзий о независимости идей национального возрождения от концепции и программ политического возрождения, мы не должны дать себя увести в сторону от понимания логики современных национальных движений.

Исторические, языковые, моральные, экологические, культурологические требования воспринимались чрезвычайно тесно со стратегией всего движения за независимость, за выход из состава СССР. Перечисленные общегуманистические лозунги и требования были составной частью движения за суверенитет, понимаемый, разумеется, по-разному союзными и автономными республиками, союзными республиками Европейской и Азиатской частей страны.

Были и другие формы подготовки творческой интеллигенции к борьбе сначала за память, а потом и за национальный суверенитет. Так, например, еще в конце пятидесятых — начале шестидесятых в Азербайджане сформировался круг творческой интеллигенции, которую азербайджанский писатель Юсиф Самедоглу условно назвал «внутренним диссидентством». В кругу этих людей укрепилась традиция чтения «запрещенной» литературы, переосмысления того, в каком государстве проживают советские люди. Благодаря этой «внутренней» межличностной коммуникации, многие представители творческой интеллигенции уяснили себе тот факт, что живут в тоталитарном государстве, государстве, подавляющем личность. Вместе с тем от переосмысления сути социальной действительности до попытки изменить ее было еще далеко. Да и жертв было немало на путях перехода от инакомыслия к инакодействию. О судьбе группы людей, из которых пополнялись ряды диссидентов и националистов, испытавших на себе весь набор средств подавления борьбы за национальные права и национальную самобытность, написал В. Чорновил в открытом письме М. С. Горбачеву: «Но, может, затаив обиду на советскую власть за свои искалеченные судьбы, мы сами ушли в глубокую внутреннюю оппозицию... Да нет же! Попытки официально вернуться к творческой жизни мы делали и делаем»¹¹¹.

Итак, от выхода в свет романа «И дольше века длится день» в 1980 г. до рубежа 1988—1989 гг. — времени начала реформ в сфере

национальных отношений, прошло менее одного десятилетия. Однако предварительные шаги, первая проба пера и проба сил была предпринята не на уличных манифестациях и митингах, не перед микрофонами, а на страницах романов и других художественных произведений. Пока наука безмолвствовала (или почти молчала), искусство повело борьбу с вопросами, казалось бы, далекими от политики. В ряду поднятых проблем звучали вопросы восстановления памятников, национальной истории и культуры, переименования названий площадей и улиц, вопросы реабилитации лиц, пострадавших за желание знать национальную историю, за сохранение и хранение памяти. Чуть позже встали вопросы о возрождении национально-государственной символики (герба, гимна, флага), за восстановление религиозных праздников, особенно в республиках Средней Азии, где ислам наиболее жестко «сцепил» национальный фактор с религиозным.

И, пожалуй, вполне закономерным было, согласно наблюдениям исследователей, почти дословное переливание в тексты новоиспеченных политических документов отдельных художественных образов из арсенала борьбы за историческую память народа. Сошлемся, в частности, на указанный С. М. Червонной красноречивый пример того, как акты искусства становились фактами политики.

«Около четырех тысячелетий, по словам Вергилиуса Успайтиса, жили литовцы на своей земле. Семь веков назад они создали могущественное государство, отблески славы которого согревают их и поныне»¹¹².

В приведенном пассаже легко просматриваются элементы удревления этногенеза литовского этноса, попытка обоснования исконности национальной территории, хотя в европейской традиции, как известно, давно признали идею исконной земли таким же мифом, как и идею «золотого века». Речь идет, попросту говоря, о необходимости отличать стереотипы от юридических понятий. Тем не менее, как уже указывалось в литературе, в данной, скорее художественной, нежели научной аргументации, есть свой резон: компенсация ущерба, нанесенного нации со стороны социалистического режима. Для нашего анализа важно подчеркнуть другое что приведенной мысли нашлось место в строгом документе — в преамбуле Новой Конституции, разработанной на основе идей, привнесенных лидерами Саюдиса.

Художественная интеллигенция 70—80-х годов, несмотря на идеологические шоры, очень многое успела, чтобы сделать историческую память народов активной. В отличие от пассивной, активная память завладевает умом и сердцем человека, логично вовлекая его в борьбу за сохранение памятников прошлого, за преумножение культурного достояния.

Сегодня уже есть все основания сделать вывод о том, что наиболее активная, талантливая часть творческой интеллигенции сыграла значительную роль в национальном возрождении полуманкуртизированных народов. Писатели, поэты, художники, композиторы, журналисты, искусствоведы, которые в доперестроечное время действовали на эмоции и чувства, постепенно стали политизироваться и политизировать вопросы исторической памяти, катализировать своими призывами политическую активность своих сограждан.

От яркого, талантливого образа в художественных произведениях, к темпераментным, эмоционально насыщенным речам на митингах, манифестациях и шествиях, к непосредственному участию в составлении политических деклараций и документов (включая участие в разработке основ языковой реформы 1989 г. и научных основ процесса суверенизации республик в 1990 г.) и вхождению в состав обновленных структур высшей государственной власти через полученные от народа депутатские мандаты — таковы основные вехи этнополитической эволюции творческой интеллигенции. Такова дорога от художественного творчества к политической деятельности.

Приведу один пример — отрывок из политического манифеста, опубликованного в первом номере информационного бюллетеня Саюдиса «Возрождение», подписанного литовским поэтом Марцинкявичюсом, — и характеризующего переходный этап, на котором писатели переходили от создания художественных образов к подготовке политических документов.

Вся система ассоциаций (родная земля, история, родной язык, природа, свободный труд и творчество, свои традиции и корни), возникающая у читателя романа «И дольше века длится день», находит почти зеркальное отражение в литовском политическом документе, рожденном на гребне литовского национального движения. Поэтому имеет смысл привести текст этого документа.

«Земля, которую мы унаследовали от своих предков, — это наша земля. Зовем мы ее Литвой и хотим, чтобы это слово не исчезло ни с географической карты, ни из языков разных народов...

История, которая служит нам опорой, — это наша история. Пусть луч света и правды озарит ее трагичные и героические, кровоточащие и мрачные страницы, старые и новые памятники ее культуры.

Язык, на котором мы говорим и которым гордимся, — это наш язык. В нем достаточно слов для любви и ненависти, радости и печали. Он никому не угрожает и никого не отвергает. Как и все другие языки, он хочет жить...

Природа, в которой мы существуем, — это наша природа, но и мы ее дети. Давайте омоем ее засоренные зеленые глаза, заботой и любовью окружим все ее творения...

Мы приветствуем Перестройку, освобождающую дух, мысль, труд, творчество, и под ее знаменами — знаменами гласности и демократии — выступаем за обновление, возрождение человека и нации»¹¹³.

Сегодня можно взять почти наугад любую газету, республиканскую или центральную, и немедленно обнаружить на ее страницах многие из тех запретных вопросов, о которых повествуется в романе «И дольше века длится день»! Так, например, обсуждая вопрос о том, какой договор подписывать республикам, в одной из статей, опубликованных в еженедельнике «Союз» в середине мая 1991 г., предлагалось дополнить преамбулу союзного договора непереносимым перечислением допущенных в стране перегибов и деформаций в национальной политике, осудить насильственное изменение письменности, сокращение национальных школ, лишение целых наций и народов родных земель, признание Центром своей вины в Чернобыльской и Аральской катастрофах, тбилисских, бакинских, ошских, ферганских трагических событиях¹¹⁴.

Закономерно, что многие представители художественной интеллигенции, поднявшие знамя восстановления исторической памяти и исторической правды, оказались народными избранниками, стали народными депутатами СССР, республиканских и других структур власти.

Надо не упустить из поля зрения и то, что чрезмерная эксплуатация темы памяти и исторического прошлого, как уже говорилось, начинала проявлять себя подобно сильнодействующему наркотику. И вместо восстановления реальных этапов этнической истории всплывало искусственное, научно не обоснованное, эгоистическое, эгоцентристское удревление своей истории, приукрашивание своего прошлого и очернение прошлого соседнего народа.

Влияние творческой интеллигенции на зарождение и расширение национальных движений было многообразным и проявлялось как на индивидуально-личностном, так и на групповом уровнях. Дело в том, что представители интеллигенции не только били в колокола и пробуждали национальное самосознание. Своими произведениями, остроумными лозунгами¹¹⁵, красочным оформлением многих акций творческие работники придавали мощный эмоциональный заряд программным требованиям, выдвигаемым лидерами национальных движений¹¹⁶.

Обращение идеологов современных национальных движений к героическим страницам прошлого своих народов лишней раз подтверждает старую истину о том, что на каждом сколь-нибудь значительном

этапе культурного взлета человечество обращалось к своей памяти. Так, например, неоднократно случалось с возвратом к вершинным творениям античности. Как тут не вспомнить, что для достижения победы в годы Великой Отечественной войны потребовалось мобилизовать резервы памяти, и в первую очередь обратиться к прошлым победам России, одержанным ею задолго до Октябрьской революции.

Обладая доступом к средствам массовой коммуникации, к издательским структурам и печатным органам, типографским базам, творческие союзы стали той крышей, под которой делали свои первые, порой робкие, неуверенные шаги будущие народные фронты, именуемые в литературе на первых порах безликим термином — неформальные организации.

Так, например, впервые предложение образовать Народный фронт Украины прозвучало на экологическом семинаре Союза писателей Украины, состоявшемся в октябре 1988 г. Уже через год, в сентябре 1989 г., на Учредительном съезде «Руха» принимало участие свыше 1100 делегатов, среди которых были и народные депутаты СССР. Потребовался только один год, чтобы «Рух» мобилизовал свои отделения почти во всех областях Украины.

Председателем «Руха» стал известный украинский поэт Иван Драч, удостоенный до того звания лауреата многих государственных премий Украинской ССР.

Именно через творческие союзы получали первоначальную материальную поддержку несмелые ростки национальных движений на изначальном этапе своего развития: аудитории, клубы, конференц-залы, кабинеты, возможности телефонной связи и тому подобное. Для первоначальных публичных дискуссий творческие союзы национальной интеллигенции предоставляли не только крышу, деньги, коммуникативные связи, но и активную «живую силу», делегируя из своих рядов в состав инициативных групп, в состав руководящих органов движений значительную прослойку активистов, решая тем самым вопросы кадровой политики.

Творческая интеллигенция инициировала в новых условиях гласности и перестройки новые формы взаимоотношений с органами государственной и партийной власти, новые формы взаимоотношений периферийных и центральных органов творческих союзов. Не случайно за два года до суверенизации союзных республик (1990 г.) начались процессы суверенизации творческих союзов в некоторых союзных республиках.

Так, например, Союз художников Литвы 11 марта 1989 г. сделал решительный политический шаг, приняв заявление о своем «суверенитете», —

т. е. о выходе из состава Союза художников СССР. И ровно через год Верховный Совет Литвы, сформированный под руководством Саюдиса, принял Акт «О восстановлении независимого Литовского государства» и провозгласил восстановление и реализацию суверенных прав Литовского государства и становление Литвы независимым государством¹¹⁷. В социально-политическое вызревание идеи и акции о суверенитете республики наряду с Союзом художников свою лепту внесли писатели и кинематографисты Литвы, также принявшие на своих съездах (6—7 июня и 11 июня 1989 г.) решения о «суверенизации», о своем выходе из состава творческих союзов.

Курс официальной национальной политики, осуществляемый партаппаратом на лимитированное культивирование национального самосознания, на ограничение его роста, на иерархическую дозволенность его проявления (нациям, имеющим союзные республики, — больше, народам, создавшим автономную республику, — меньше, автономную область или округ, — еще меньше, народам же, лишенным автономии или никогда ее не создавшим, — вообще ничего) породил оппозиционные демократические движения. Такой оппозицией стала та часть творческой интеллигенции, что вступила в неравный бой с официальной идеологией в борьбе против манкуртизации.

Таким образом, важнейшая функция — движения антиманкуртизации — это легализованная (хотя и частично в эзоповской форме) разнovidность политической оппозиции. Одновременно антиманкуртизация являлась нелегальной формой политического протеста против основополагающих постулатов социализма как общественно-политической системы.

Понимание истинной роли возрожденной памяти сегодня приходит к немногим. Там, например, где общественные организации содействуют возрождению этой памяти, там они сохраняют свое влияние среди народных масс. Так, например, в г. Чадыр-Лунге, что на юге Молдовы, потребовался лишь один — 1990 — год для того, чтобы построить заново две православные церкви взамен когда-то в годы манкуртизации снесенных ретивыми руководителями районного масштаба. Решительная помощь, оказанная Чадыр-Лунгским РК КПМ в деле восстановления церквей в городе и в селах района, повысила рейтинг районного комитета КПСС. Новая идеология руководства — восстанавливать все то, что было разрушено в ходе губительной кампании антирелигиозной пропаганды, находила еще накануне августовских событий отклик среди населения.

На восстановление церквей, как и на восстановление исторической памяти народа, была прежде всего направлена деятельность этнических

мобилизаторов. Так, например, на площади перед районным Домом культуры в апреле 1991 г. был открыт памятник священнику Михаилу Чакиру — автору первой книги об истории гагаузов, написанной на гагаузском языке с использованием латинского алфавита.

Уникальную статую Будды, выполненную из сандалового дерева, возвратило верующим правительство Бурятии в связи с преддверием празднования 250-летнего юбилея буддизма в России. Статуя была изъята в 1936 г. при закрытии Эгитуйского доцана-монастыря и свыше пятидесяти лет хранилась в запасниках республиканского объединения музеев.

Память проявляет себя в человеке, в его духовной культуре, в социокультурных нормах его поведения с другими людьми, а также в среде его обитания. Последняя состоит из определенных результатов человеческой деятельности — в памятниках архитектуры, в музейных ценностях, библиотечных фондах, архивах и текущей статистике, в повседневной сети массовой коммуникации.

И для того, чтобы память работала на человека, сегодня нужна действенная система мер, для того, чтобы сохранить память, уберечь ее от коррозии, от губительного воздействия беззакония, хаоса и беспорядка. Нужен, условно говоря, закон о памяти, и в качестве приложения к нему нужна долгосрочная программа по возрождению и развитию памяти. Понятно, что и закон о памяти и общегосударственная программа возрождения памяти видятся в деидеологизированном свете.

Не исключено, что первым шагом на этом пути станет закон «Об усилении уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории, культуры». При обсуждении законопроекта на сессии Верховного Совета 10 июня 1991 г. приводились примеры нависшей угрозы над многими памятниками, защита которых должна быть возведена в ранг государственной политики памяти. Назрел разговор на языке законов с руководителями Мосметростроя, по вине которого, в частности, поврежден Пашков Дом и приближается «очередь» Коломенского заповедника, на границах которого тот же Мосметрострой задумал разместить тупик метropоездов¹¹⁸.

Министерство культуры РСФСР совместно с НИИ культуры и институтами АН СССР разработало ряд целевых республиканских программ: «Наследие», «Духовное возрождение России средствами театрального искусства», «Юные дарования», «Международное культурное сотрудничество», «Наука и культурная политика» и некоторые другие. И хотя Министерству культуры постоянно не хватает

средств, все же только в 1990 г. на реставрацию памятников истории и культуры России, по словам министра культуры Ю. М. Соломина, было выделено 162,8 млн. рублей¹¹⁹.

Президиум Верховного Совета Украинской ССР принял постановление о праздновании 22 июня Днем всенародной памяти жертв войны и разработал комплекс мероприятий, посвященных 50-летию начала Великой Отечественной войны и организации партизанского движения на Украине. Обращение к памяти войны вдохновило на проведение в республике марша мира «Единство», а также на выделение средств на улучшение жилищных и материальных условий, медицинского обслуживания ветеранов войны, инвалидов и вдов¹²⁰.

Формы проявления возрожденной памяти, извлечение из манкуртизма легендарных имен, подвигов — многообразны. В июне 1991 года в Уфе состоялись дни памяти легендарного героя башкирского народа, поэта, певца Салавата Юлаева¹²¹.

«Возрождение имен — возрождение духовности» — так определили суть Всесоюзной конференции по топонимике ученые, писатели, представители общественности, состоявшейся с 2 по 5 июня 1991 г. в Центральном доме литераторов для обсуждения проблем возвращения исторических имен городам, селам, улицам¹²².

Одна всесоюзная конференция — это лишь капля в море той огромной работы, которую предстоит проделать, чтобы вызвать к жизни убитую память народов, чтобы вернуть в строй из глубинных душевных и темных музейных отстойников духовные ценности предков.

Общественная и этнополитическая ситуация, падение нравов и усиление хаоса, смятение умов и беспокойство душ повседневно наращивают тенденции дестабилизации. Есть немало признаков реанимации беспамятства. С одной стороны, мы вспоминаем трагические уроки истории и каемся за наши окаянные дни, оплакиваем порушенные памятники, разоренные могилы предков, испогащенные церкви, создаем фильмы о «Покаянии», берем на себя грех «Цареубийц», приносим запоздалые извинения репрессированным народам, с другой стороны, забыв о собственном покаянии, еще не покаявшись до конца, до доньшка, мы впадаем в новое беспамятство. Ничем иным не назовешь логику действий тех, кто сегодня «вешает» Ленина, «крушит» Сталина, поливает грязью Хрущева и Брежнева. Едва ли не хронику событий с фронта беспамятства напоминают отдельные газетные статьи о новом витке манкуртизации.

Вот одна из таких сводок из Грузии: «Демонтированы памятники революционным и советским деятелям, и один из первых в стране пал

монумент Ленину в центре Тбилиси. Убрали прах революционеров из пантеона писателей и общественных деятелей. Переименованы улицы, города, поселки. Отменены прежние «красные» дни календаря, почищены библиотеки от коммунистической литературы»¹²³.

«Мне, например, совсем не симпатичен Свердлов, — говорил кинорежиссер Карен Шахназаров, после завершения своего фильма «Цареубийца». — Но, полагаю, что памятник в Свердловске — кстати, чудовищно бездарный, надо сохранить. Но и это наша история. Я считаю ошибкой разрушение памятников Сталину. И об этой странице истории должны знать и помнить наши дети... Я убежден, что необходимо вернуть старинные названия городам. Ведь нелегко менять имя взрослому человеку. Чем же города с древнейшей богатейшей историей провинились?»¹²⁴

В одном из приказов министра культуры и культов Республики Молдова Иона Унгуряну содержится указание исключить из фондов молдавских библиотек книги, которые идут вразрез с интересами и «ориентацией молдавского государства». В соответствии с этим документом из библиотечных фондов будут исключены работы Маркса, Энгельса и Ленина, а также книги, которые их комментируют. Более того, библиотекам Республики Молдова отныне запрещено приобретать литературу по социально-экономической тематике и издания КПСС¹²⁵.

Накал межнациональных конфликтов становится все более высоким. Горько наблюдать, как демократизация оборачивается незапланированной стороной. «Война законов» сменяется войной финансовой, дополняется идеологической борьбой; газетные битвы чередуются с митингами и контрмитингами. Набирает обороты маховик всевозможных взаимных претензий. Этнополитическое противостояние оборачивается гражданской войной между народами и в душе отдельного человека. Поляризация и конфронтация соперничающих сил в борьбе за власть напоминает предреволюционные времена. И в нарастающем вихре беспокойства остается одна надежда — надежда на память. Только память, сказав всем «Стойте!», может преградить дорогу к апокалипсису. Каждый наделенный памятью прекрасно понимает, что будет потом. Потом ничего не будет, кроме беспамятства, беспорядка и хаоса. Только генетическая память народа, пережившего насилие, не должна позволить ни сверхправым, ни сверхлевым ввергнуть страну в очередной виток беспамятства. Память должна сегодня взять на себя еще две функции — миссию дипломатическую и миссию охранительную. За ней последнее слово о том, что все наши перемены должны происходить исключительно мирным, эволюционным путем. Другие пути

ведут в тупик. Сегодня память нужна для разрядки той огромной разрушительной силы, аккумулированной за несколько десятилетий беспамятства и безверия. Обращение к исторической памяти служит доказательством права народов на национальное самоопределение и государственный суверенитет.

К этому приему прибегают большинство авторов-составителей программ современных национальных движений. «Белорусский народ, — согласно преамбуле Программы Белорусского Народного фронта, — завоевал и выстрадал право на суверенную государственность всем своим историческим путем. Традиции государственности Польского и Туровского княжеств, суверенитета Белоруссии и Литвы в Великом княжестве Литовском, Русском и Желютийском, традиции борьбы за достойное существование человека и народа в ходе восстаний Костюшко, Намновского, революций 1905—1907 гг. — все это имело логическим результатом самоопределение белорусской нации в форме объявления независимости Белорусской Народной республики 25 марта 1918 г., а потом — создания Советской Социалистической Республики Белоруссии 1 января 1919 г.»¹²⁶

Едва ли не в каждой программе, а порой и в иных установочных документах современных национальных движений среди формулируемых целей движения важное место отводится восстановлению памяти.

«Духовное возрождение, духовное единство народа, — гласит программа Белорусского Народного фронта «Адраджэньне», — наивысшая цель БНФ. Пути к ним лежат через пробуждение и развитие исторической памяти и сознания народа, восстановление правдивой научной истории Белоруссии»¹²⁷.

Энергия памяти выступает движущей силой не только для целых народов, но и для отдельных социальных, этнографических групп или социально-словесных групп одного и того же народа. Заметным явлением последнего времени стала нарастающая тенденция возрождения казачества. Сами казаки понимают возрождение как комплексную проблему, составными частями которой являются возрождение традиций, культуры, семейного быта, духовного потенциала народа.

Понимая возрождение казачества как часть возрождения России и русской нации, казаки выдвигают задачу — добиться полной реабилитации (политической, экономической, культурной) казачества. Так, например, атаман Кубанской Рады, потомственный казак, доцент Кубанского госуниверситета, историк по профессии В. П. Громов считает, что «государство должно вернуть казакам их право на землю и традиционную систему землевладения — общинное землепользование»¹¹⁴.

Для того, чтобы движение казачества за возрождение стало массовым и эффективным, лидеры казачества выдвигают требования перед Верховным Советом России и перед ее Президентом принять программу возрождения казачества. Это требование вполне вписывается в общее русло этнополитических движений и процессов, связанных с демократизацией в границах постсоветского пространства.

Имеется двоякая вероятность логики развития казачьего движения. В одном случае стихийное, неуправляемое и непредсказуемое движение «снизу» может привести к возникновению мощной оппозиционной колонны, блокирующей демократические реформы нынешнего правительства. В другом, напротив — стать важной, сплоченной, активной поддержкой обновляющейся российской государственности, неотъемлемой составной частью многонационального состава народов России, а после принятия соответствующих законодательных актов — стать союзником новой российской власти.

От выбора оптимального пути и от климата общественного мнения, неоднозначно трактующего феномен казачества в истории народов России, от адекватно восстановленной исторической памяти во многом зависит как судьба самого казачества, так и в известной мере восстановление мощи Государства Российской Федерации.

Во взаимопонимании, четком и ясном определении нынешних взаимных претензий и позиций — казачества к власти, и правительства к казачеству чрезвычайно важное значение имеет систематизированная, информация о реальных процессах возрождения казачества, о понимании казаками самих себя, своего места в прошлой истории Российского государства, своей роли в нынешних этнополитических процессах, в укреплении обороноспособности России и в ее социально-экономической и культурной жизни, в стабилизации политического, межэтнического, межконфессионального и межличностного климата на обширных пространствах обновляющейся Европы и Азии.

Сложная, многокомпонентная структура казачества в досоветские времена, его полифункциональная роль в жизни общества, трагическая история в первые советские годы предопределяют и многообразие форм процессов его возрождения в нынешних условиях.

Идеология и практика современного казачьего движения, как и многих других политизированных или этнизированных движений, отражается в программных документах, конкретной деятельности по переустройству своей жизни — в центре, а также в пределах исторически сложившихся окраин Российского государства. Эти документы должны быть старательно изучены, систематизированы, вписаны в общую летопись демократических обновлений.

Наряду с процессами возрождения казачества в Европейской части России (включая центр, северо-западную, южную часть, Поволжье, Урал), а также на Украине, в Приднестровье и в Причерноморье, активно заявляют о себе казаки Азиатской части бывшего СССР — забайкальские, амурские, семиреченские и другие.

Содержание возрожденческого процесса не отличается единством понимания целей и задач казачества. В одном случае на передний план выдвигаются задачи восстановления казачества как сословия со своими привилегиями, в другом проявляется тенденция самовосстановления, самоорганизации собственного самоуправления, в третьем, обнаруживается стремление стать своеобразной социально-экономической, традиционно самовоспроизводящейся экономической категорией населения (со своеобразной формой общинного владения и частного пользования землей), в четвертом — как складывание особой историкокультурной группы (части) русского народа, в пятом — как особый пограничный заслон, воздвигнутый на рубежах Российского государства.

Генезис возрождения казачества также отнюдь неоднозначен. Наряду с ростом «казачьего» самосознания, «пробуждением вольного духа», то есть стихийным движением «инициативы снизу», легко проглядываются и «указка сверху», что вносит дополнительные нюансы в суть и в проблематику самого движения.

Накопившийся опыт самовольного участия казаков в разнообразных этнополитических и этноконфликтных ситуациях, их «однозначная» засвеченность в ряде регионов бывшего СССР, от Молдовы до Курил, и от Северо-Запада России до Северного и Южного Казахстана, от Уральских гор до Кавказских, добавил правительству России целый ряд серьезных дипломатических проблем, в том числе с государствами ближнего зарубежья.

Иными словами, в связи с широким веером социальных, оборонных, политических, этнокультурных проблем, порождаемых процессами возрождения казачества и неоднозначной трактовкой их в неустойчивом общественном сознании, возникает настоятельная потребность глубокого понимания исторической памяти казачества.

В обществе, идущем к плюрализму мнений, взглядов, позиций, движений, каждая группа должна иметь право на возрождение своей культуры и памяти, право на создание соответствующих центров, ассоциаций, клубов и иных объединений. Не могут составлять исключение и национальные группы, компактно или дисперсно расселенные в инациональной среде. И, как уже отмечалось, новая этнополитическая ситуация открыла широкие правовые возможности для возникновения таких

национально-культурных объединений и центров. Это движение пустило глубокие корни в столицах как Европейской, так и Азиатской частей страны¹²⁹. Имеют место случаи, когда республиканские органы блокируют или по крайней мере чинят препятствия в конституировании (в признании права на движение за возрождение памяти) объединений национальных меньшинств. Именно такими трудностями, в частности, было вызвано открытое письмо Президенту Узбекистана Исламу Каримову, опубликованное в центральной печати представителями различных общественных организаций и государственных учреждений, глубоко обеспокоенных известиями о препятствиях, возникших на пути создания русского культурного центра в Узбекистане.

«В Ташкенте, — как говорится в том послании, — открыто уже более десятка культурных центров. Однако, до сих пор нет русского, открытие его задерживается, что никак нельзя оправдать на наш взгляд. Двухмиллионная русская община республики, думается, заслуживает большего внимания к себе, к своим социальным и культурным проблемам»¹³⁰. Послание подписали представители Общенационального российского комитета, Московского городского добровольного общества русской культуры «Отечество», Русской Академии, «Русского центра», — ТО при СП СССР, Всероссийской ассоциации любителей отечественной словесности и культуры «Единение», Союза русских беженцев, Союза духовного возрождения, Интердвижения СССР, Комитета спасения Волги.

Обращение к Президенту Узбекистана оказать личное содействие в открытии русского культурного центра в Ташкенте продиктовано пониманием высоких целей этого центра, состоящих не только в возрождении культуры русского национального меньшинства, но и в достижении мира и согласия в межнациональных отношениях в республике.

В августе 1992 г. правление русской общины Таджикистана распространило обращение к президенту республики Рахмону Набиеву, «являющемуся в соответствии с Конституцией и клятвой — гарантом прав всех граждан республики, в том числе и прав национальных меньшинств». «Однако новые законодательно-правовые акты — от проекта закона о языке до проекта Конституции Таджикистана, мягко говоря, недостаточно учитывают интересы национальных меньшинств, а кое в чем грубо их попирают»¹³¹. В этом же обращении раскрываются мотивы, вызывающие исход русских из Таджикистана. «В последнее время, — констатируют активисты русского национального меньшинства Таджикистана, — слышны обвинения в адрес уезжающих из республики, будто они грабят республику, вывозя свое иму-

щество. Против некоторых развязана кампания травли и угроз. Складывается впечатление, что этот в сущности спровоцированный исход русского и русскоязычного населения кому-то хочется усугубить необоснованными нападками и обвинениями и переложить ответственность на людей, которые в течение трех поколений обеспечивали не только свое право на место под солнцем Таджикистана, но и саму возможность жизнедеятельности республики»¹³².

Вклад, внесенный национальной творческой интеллигенцией в борьбу за национальное возрождение народа, как подземные источники, служил концептуальной, социокультурной подпиткой народным фронтам и национальным движениям. Там, где корней исторической памяти не было, или они были маломощными, ростки движения за национальное или политическое возрождение хирели.

Возьмем для примера конфронтацию, возникшую еще до развала Союза между народными фронтами и интердвижениями. Порой указанное противостояние принимало весьма взаимосопоставимые размеры. Например, движение «Единство», сформировавшееся в качестве контрорганизации «Саюдису», сумело организовать в Вильнюсе стотысячный митинг и принять резолюцию против Указа Президиума Верховного Совета Литвы, объявившего литовский язык единственным государственным языком республики.

Однако в конечном итоге все интердвижения в каждой из 3-х прибалтийских республик, в Молдове и в некоторых других — проиграли. Немаловажную роль в их поражении сыграло отсутствие исторической памяти, отсутствие сколько-нибудь глубоких социокультурных корней. И дело не только в том, что часть социально-демографической базы интердвижений состояла из мигрантов первого или второго поколений, а в том, что русское население или население из числа национальных меньшинств не сумело сформировать свою интеллектуальную элиту, создать свою местную творческую интеллигенцию, своих певцов «прошлого», борцов за восстановление исторической памяти. И жизнь преподала жестокий урок: там, где нет прошлого, там нет движения за восстановление исторической памяти, там и само движение за национальное возрождение обречено на поражение. Без прошлого нет настоящего, под сомнением будущее.

Разумеется, в поражении интердвижений сыграли свою роль и другие причины. Лидеры национальных движений в борьбе с возрождающейся памятью национальных меньшинств, и в первую очередь русских, ловко разыграли карту «руки Москвы», карту борьбы против Центра, под которым в явной или скрытой форме подразумевалась борьба с великодержавным, великорусским шовинизмом. Первым знамя этой

борьбы на этнополитической карте страны 20-х годов водрузил Сталин. Так что было у кого заимствовать идеи и ориентиры. «Если бы не было великорусского шовинизма,— внушал Сталин делегатам XII съезда РКП(б), — который является наступательным, потому что он силен, потому что он и раньше был силен, и навыки угнетать и принижать у него остались, — если бы великорусского шовинизма не было, то, может быть, и шовинизм местный, как ответ на шовинизм великорусский, существовал бы, так сказать, в минимальном, в миниатюрном виде, потому что в последнем счете антирусский национализм есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма обороны против национализма великорусского, против шовинизма великорусского»¹³³.

Энергия памяти не является чем-то случайным. Творческая деятельность народов и интеллигенции не может быть бесцельной. Она должна иметь какой-то смысл. Так вместо ответа в завершение статьи возникает вопрос: в чем состоит стратегическая цель памяти и в чем смысл этой цели?

Сегодня, в канун великого разлома или в канун великой смуты, пожалуй, не стоит сомневаться в стратегическом значении памяти. Не случайно не осталось незамеченным мудрое предостережение академика Д. С. Лихачева, трезво прозвучавшее с трибуны сентябрьского съезда народных депутатов, сразу же вслед за пьянящими августовскими днями, нелегкими днями в судьбе нашего государства: «Сохранение Союза, — это сейчас важнейшая проблема. Развал его повлечет за собой катастрофическую гибель всех наших республик. Это должно быть ясно не только здесь, в зале, но и за пределами наших стен. Это должно быть ясно каждому рабочему и крестьянину, неискушенному в чиновничьем языке, возможно не понимающему, что такое “экономическое пространство” и так далее. Они должны ясно представлять себе, почему необходим Союз... Все может быть оборвано. Но есть одно, чего нельзя отменить никакими силами, даже всемогущим богом, и что должно быть понято. Это наше прошлое, наша история, общая культура, хотя некоторые советские историки хотят властвовать и над прошлым и менять его. Но этого сделать никто не в силах. Мы живем общей культурой, в которую входит и наука с ее школами... Прошлое живет в настоящем, и мы от него не отделаемся»¹³⁴.

В обращении поколений к памяти имеется свое глубинное противоречие. С одной стороны, память нужна для целенаправленного неограниченного накопления идей, сюжетов, настроений, или того, что можно именовать духовным и материализованным багажом человечества.

Но ценность этих накоплений в каждый исторический отрезок времени неоднозначна. Соприкосновение с действительностью, с инновация-

ми, с научно-техническим художественным прогрессом вносит существенные количественные коррективы в объемы памяти, видоизменяет ее цель, смещает границы в сферах ее влияния, вносит поправки в ее конечный смысл.

История цивилизации убеждает нас в том, что у памяти есть энергия, но нет самоцели. Будучи не способной самостоятельно, автономно ставить перед собой цели, память заимствует те или иные цели извне, из окружающей среды. Отсюда возникают прямо противоположные цели, взаимоисключающие оценки, память одна в противовес другой.

В самой памяти что-то постоянно рождается, что-то отмирает. Возникает удвоенное противоречие: с одной стороны, по вертикали, память постоянно конфронтирует с непамятью, т. е. с тем, что происходит сегодня, с другой стороны, по горизонтали, в противоречие вовлекается память различных групп населения.

Пересечение двух указанных линий в условиях многонациональной страны с ее нестабильной ситуацией создает ту гремучую смесь, которая как от неосторожно брошенной спички чревата взрывами памяти, взрывами межнациональных конфликтов. Более того, когда на нынешнюю этнополитическую арену привносятся (энергией памяти) отзвуки былых времен, взаимоотношения былых поколений, то и от этого электризуется атмосфера. Память изменяет себе и начинает играть роль катализатора в реакции межнациональных отношений.

Отношение к памяти занимает ключевое место в идеологии многих современных национальных движений, а стало быть, и в состоянии нынешней этнополитической ситуации. Борьба за раскрепощение закрепощенной и подавленной «кем-то» памяти как показывает становится вполне ясной, доступной целью широкого понимания и легкого подхватывания.

Идеологами национального движения тут же предлагается своему народу простой, ясный как день, путь решения всех своих сложных проблем. Борьба направляется за восстановление национальных тенденций в искусстве, искусственно создаются приоритетные условия для своей нации в исправлении «исправленной» истории, восстанавливаются исторические реликвии, прежняя топономика, возвращаются городам и весям, площадям и улицам названия, связанные с историей нации или с историей ее собственной культуры, раскрепощается религия, тесно связанная с национальной культурой, отодвигается далеко в сторону забота о языке-посреднике, выдвигается сверхидея — освобождение от колониальной зависимости.

Такова, вкратце, логика реализации цели и смысла памяти. Куда это ведет? Вот в чем вопрос.

2.14. МОБИЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ... ИЛИ О ПОЛОЖЕНИИ РУССКОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

На рубеже 80—90-х годов, т. е. за одно десятилетие до третьего тысячелетия, в 14 бывших союзных республиках, как показала перепись населения СССР, проживало 25,3 млн. русских, что составляло 17,4% всего русского населения страны, или 18,2% от общей (совокупной) численности проживающего в республиках населения (138,7 млн. человек). За три года реальных и мнимых этнополитических реформ и в результате суверенизации, население бывших союзных республик бывшего Советского Союза оказалось жестко «распределенным» на две категории: на титульное население, ставшее носителем государственного суверенитета, и нетитульное население, не имеющее своей национальной автономии или расселенное за пределами своей государственности.

В сериях законодательных актов (законы о языках, о гражданстве, о референдумах, о правах нацменьшинств), в декларациях о суверенитете объем прав указанных групп населения оказался далеко не одинаковым¹³⁵.

В ряде бывших союзных республик проводится политика, направленная на разрушение сложившейся инфраструктуры по функционированию русской культуры: недавно закрыт русский театр юного зрителя в Риге; в русском драматическом театре Таллина нет возможности обновления авторского коллектива из-за запрета на прописку; по требованию Министерства культуры республики даже расписание репертуара, репетиций и т. д. должно быть на эстонском языке. В ряде вузов Эстонии формально сохраняется прием молодежи на русское отделение, но преподавание на русском языке идет только на первом курсе, со второго курса практически все обучение идет на эстонском, что, конечно же, не стимулирует поступление в вузы русской молодежи.

Наступление на русский язык и на русскую память идет и в вузах Узбекистана. Там сохраняется преподавание на русском языке, но на узбекский язык переводится вся документация, коллективные собрания и т. п. В республике запрещена организация русских, а также украинских и белорусских культурных обществ, хотя существуют общества казахское, таджикское, армянское, азербайджанское, татарское и некоторые другие.

Русские в бывших союзных республиках вне России (как и большинство мигрантов в инонациональную среду), имеют более высокий образовательный уровень, чем представители титульных национальностей.

Степень же реализации этого преимущества во многом зависит от социально-культурного уровня, в том числе степени урбанизированности представителей титульных национальностей.

Там, где они относительно выше (Закавказье, Прибалтика), уровень представительства русских в сферах квалифицированного умственного труда ниже. В тех же республиках, где социально-культурный уровень и урбанизированность титульных национальностей относительно низки (некоторые республики Средней Азии, Молдавия, отчасти Белоруссия), степень представительства русского населения в названных сферах выше.

Можно сказать, что в целом русское население за пределами России обладает достаточно высоким социально-культурным, в том числе и профессиональным потенциалом, чему в известной степени способствовали и условия конкуренции с представителями титульных национальностей, социально-культурное продвижение которых в известной мере стимулировалось искусственно созданным парниковым эффектом — существованием особых условий и ряда специальных преимуществ. Последнее обстоятельство, особенно в нынешних условиях, когда в большинстве бывших союзных республик активно проводится политика огосударствления языков титульных национальностей, вытеснение, где это возможно, русских из сфер престижного, в том числе квалифицированного умственного, труда приводит нередко к тому, что у русской молодежи вырабатывается комплекс социальной неполноценности. Специальные исследования о жизненных планах школьников, проведенные недавно в Ташкенте, показали, что у русских школьников, несмотря на объективно более высокий социально-культурный уровень по сравнению с узбекскими школьниками, социальные ожидания заметно занижены, а у вторых, наоборот, завышены.

Создавшееся положение, особенно в условиях, когда Россия не проводит активной политики поддержки русского и русскоязычного населения ближайшего зарубежья, приводит к тому, что заметная часть потока потенциальных мигрантов из числа местных русских пройдет мимо России, в основном в страны Запада и в другие государства за границей бывшего СССР. О том, что такая тенденция наметилась, свидетельствуют, в частности, материалы опроса русских в Ташкенте, проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН в самом конце 1991 г. Среди русскоязычного населения, решившего уехать из Узбекистана, половина намерена мигрировать в Россию, немногим более трети за пределы СССР, остальные на Украину и в Белоруссию.

Вероятно, в этой связи Россия должна помочь уехать и устроиться на ее территории тем, кто уже хочет это сделать и рано или поздно все равно уедет. В таком случае у них и у остальных русских и ассоциированных с ними русскоязычных групп населения будет стимулировано появление чувства национальной социально-психологической защищенности, чего у них нет сейчас. Эти меры российской администрации изменят на более положительное сейчас в основном негативное отношение к российской государственности и лидерам русской диаспоры в нашем ближайшем зарубежье. Итоги упомянутого выше опроса русскоязычного населения Ташкента показали, что доля полностью доверяющих Б. Ельцину среди них довольно низка (14%) и она почти в два раза ниже, чем высказавших подобное отношение к Каримову и Назарбаеву.

В соответствии с новой ситуацией и новым статусом перед русскими возникает проблема самоопределения: или укореняться в систему ценностей (язык, культура, обычаи, средства массовой коммуникации) инационального государства и обречь себя на процессы маргинализации путем этнической адаптации — усвоения государственного (не русского) языка и приобщения к ценностям титульной нации, или же покинуть иноэтническую среду и вернуться в Россию, где не потребуются дополнительных усилий на этнизацию, но возникнут непростые вопросы социализации и социальной адаптации.

Соответственно возрастут вес, «цена» и спрос на историческую память. Не надо быть пророком, чтобы предвидеть в ближайшее время крутой подъем русского национального самосознания. И ни России, ни ее ближайшему зарубежью далеко не безразлично куда, в какую сторону движется волна русского национального движения, усиленная экономическим кризисом, политической нестабильностью, набухшая кровью межнациональных конфликтов.

Обе перспективы — и этническая адаптация в иноэтническую культуру за пределами России, и социальная реадaptация в новые демократические структуры России — потребуют от людей значительных духовных и нравственных усилий, материальных средств.

Каждая из ожидаемых тенденций будет создавать дефицит культуры, следом за которым ускорятся падение нравственности, снижение интереса к жизни, оскудение творческих замыслов и ослабление созидательной деятельности.

Установление тоталитарного режима в постоктябрьской России началось с уничтожения ее главных ценностей — с ликвидации интеллигенции, обладающей глубоким интеллектуальным и профессиональным

потенциалом, с разрушения крестьянского уклада, без корней которого общество задыхается от безродства и беспамятства, с занижения планки компетентности, без которой общество теряет контроль над собой и перестает быть управляемым и жизнеспособным.

При этом некоторый отход от русскости и включение в сеть иной культуры будет иметь неодинаковое содержание в разных государствах новейшего зарубежья. В одном случае на передний план при сокращении русскости будут всплывать вопросы сохранения православия, в другом — борьба за равностатусный русский язык, в третьем — сохранение компактного расселения в инонациональном окружении, в четвертом — стремление восстановить прежний сословный статус, например, казаческий, в пятом — надежда на достойное представительство в органах законодательной или исполнительной власти и т. д.

Начавшиеся еще накануне перестройки процессы «вымывания» нетитульного населения, в том числе русских, из большинства бывших союзных республик по всей вероятности получают продолжение в дальнейшем расширении миграционных процессов.

Языковые законы 1989 г., декларации о суверенитете республик 1990 г., законы об экономической самостоятельности, дополнения к конституциям бывших союзных республик о верховенстве на их территории законов республики над законами Советского Союза и многие другие законодательные акты новых властей, особенно там, где ее взяли в свои руки националистически настроенные представители народных фронтов, возвели не только правовую, но и идеологическую крышу этого новейшего процесса.

Наступление на права русских и русскоязычного населения в ряде случаев сопровождается дополнительными территориальными притязаниями, предъявляемыми Россией. Так, например, в принятом 22 января 1992 г. Постановлении Верховного Совета Латвии «О непризнании аннексии города Абрене и шести волостей Абренского уезда» ставится вопрос о передаче Латвии из состава Псковской области города Пыталово и прилегающего района с русскоязычным населением¹³⁶.

В ряде законодательных актов, в частности, в Законе Литвы «Об удостоверении гражданина Литовской республики» конституируется политическая нетерпимость к инакомыслию, бьющая прежде всего по правам русскоязычного населения¹³⁷.

Межэтнические конфликты, пронесшиеся по столицам союзных республик от Алма-Аты до Кишинева и от Тбилиси до Риги, показали, что в обозначенный переходный период путь русского населения в 14 союзных республиках (кроме РСФСР) к статусу национального меньшинства

будет многотрудным, болезненным и трудноразрешимым. Увеличение социальной активности титульных народов периферии, в частности, в нерусских союзных республиках сопровождаемые ростом социальной апатии русского и, шире — русскоязычного меньшинства, достигло определенного рубежа, вслед за которым развернулось ожесточенное противостояние. Комплекс «поражения», накопленный русским меньшинством в ходе развернувшихся национальных движений, начал постепенно рассасываться. И сегодня даже среди людей, например, в кругах технической интеллигенции, начинается брожение и новая волна обеспечения самообороны. И от всех, от усиливающегося в республиках огосударственного национального большинства и от разгосударствляемого национального меньшинства, требуются необычные усилия для создания новой обстановки взаимной терпимости.

Несостоявшийся путч в августе 1991 г. правящая этнократическая верхушка бывших союзных республик использовала для подавления движения русских национальных меньшинств. Были разгромлены интердвижения в Эстонии, Латвии, Литве, Молдове, запрещены в Грузии, Узбекистане, Азербайджане, Таджикистане. Годовщина провозглашения Гагаузской республики и день 19 августа, объявленный всенародным праздником, трагически совпал с событиями в Москве. Тем не менее молдавское правительство воспользовалось этим случаем для разгрома гагаузского национального движения. Были, в частности, арестованы лидеры этого движения за участие во всенародном празднике.

Раздуваемая средствами массовой информации независимых государств антирусская истерия, в том числе настойчивое обвинение русскоязычного населения в шовинизме, в насаждении тоталитарного режима, в нежелании воспринимать культуру титульных национальностей, создает невыносимые условия жизни, труда и отдыха. Установление законодательным путем приоритетного положения статусных наций в сфере экономики, управления, политики, культуры и быта обрекает русских на ощущение себя второсортным населением и на перспективу ассимиляции и исчезновения с этнополитической арены. Альтернативой этой тенденции выступает отток русского населения в Россию или организованное сопротивление и конфронтация с титульной национальностью. На трудностях адаптации русских играют националисты. Опубликованная в эстонской газете «Постимээс» статья историка Эвальда Лааси так прямолинейно и называется: «О невозможности интегрирования русских»¹³⁸. Русские, по мысли автора, во-первых, виновны в 50-летней оккупации и колонизации, едва ли не прекративших существование эстонцев, во-вторых, 700-летнее владычество

немцев над эстонцами привело к вхождению эстонцев в западноевропейскую культуру и оградило от губительного славяно-византийского влияния, в-третьих, коренные жители Эстонии — печорцы, принарвские, причудские русские — в течение сотен лет были ближайшими соседями эстонцев, но так и остались враждебной эстонцам силой, в-четвертых, накануне войны русские поголовно были готовы шпионить в пользу России и активно шли в истребительные батальоны.

Каждая из двух указанных тенденций — и приспособление русских к новым условиям межэтнических отношений в независимых государствах, и реиммиграция русских в Россию — требуют постоянного внимания и серьезных решений.

Для обеспечения гаранта сохранения своей этничности русскими и русскоязычным населением в иноэтнической среде, равно как и создания условий для любых национальных меньшинств, назрела необходимость предусмотреть такую систему двусторонних (горизонтальных) межгосударственных договоров, с помощью которых можно было бы в рамках независимых государств создавать единое правовое пространство. Одним из механизмов функционирования такого пространства могли бы стать заново «отредактированные» пакеты законов, предусматривающие гибкую систему различных моделей двойного гражданства.

Так, например, принятый на Украине закон о гражданстве разрешает двойное гражданство. Однако этот новый правовой механизм, безусловно, нуждается в предварительном заключении с каждым независимым государством соглашения, в котором должна быть разработана форма получения двойного гражданства, разграничены права и обязанности, в том числе имущественные права на долю государственного имущества при приватизации или выполнение воинской обязанности в случае призыва в армию.

Обновление и «исправление» принятых в бывших союзных республиках дискриминационных законов может пойти двумя путями: во-первых, это — услышанный голос России в процессе утверждения и принятия новых законов, которые не только устанавливают правовые нормы, исключающие дискриминацию русскоязычного населения, но и создают необходимые материальные гарантии для реализации антидискриминационных принципов, во-вторых, рекомендации по внесению поправок в сроки и в условия введения в действие законов о переходе русскоязычного населения на государственный язык бывшей союзной республики.

Жесткость принятых законов вынудила правительства некоторых независимых государств идти на уступки. Так, например, в литовский закон

«О национальных меньшинствах» были внесены изменения и поправки, закрепляющие права русскоязычного, в том числе польского населения Литвы, учиться в вузах на национальном языке, подготавливать специалистов, необходимых для удовлетворения потребностей национальных меньшинств¹³⁹. «В местных учреждениях и организациях территориально-административных единиц, — говорится в Законе «О внесении поправок в Закон Литовской Республики “О национальных меньшинствах”», — в которых компактно проживает население какого-либо национального меньшинства, наряду с государственным языком используется язык этого национального меньшинства»¹⁴⁰.

На очереди трудные переговорные процессы, результатом которых должен стать отказ от лозунгов типа: «Грузия для грузин», «Молдова для молдаван», Украина для украинцев» и т. д.

Требуют серьезного внимания проблемы воспроизводства русскоязычной интеллигенции, особенно гуманитарной. В частности, необходим специальный вуз для подготовки русской интеллигенции для ближайшего зарубежья.

Российская Федерация, и прежде всего Москва, как столица России и русскости обладающая огромным научным и экономическим потенциалом, сосредоточенным в академических институтах, в вузах, в различных ведомствах, могла бы приступить к созданию крупного международного фонда по оказанию этнокультурной и гуманитарной помощи и поддержки самобытности и этничности зарубежного русского и русскоязычного населения. Заслуживает поддержки идея о создании Международной вещательной компании, питающей русскоязычной информацией общее информационное пространство СНГ. Опрос, проведенный в 8 столицах — Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Ереване, Киеве, Кишиневе, Минске, Ташкенте, — в ходе которого около 7 тыс. человек дали вполне представительную картину, позволил выявить особую притягательность для русскоязычного населения телепередач на русском языке из Москвы. Передачи канала «Останкино» «регулярно» смотрят 57,0% русскоязычного и 41,5% титульного населения в Алма-Ате, и далее соответственно 72,5% и 50,5% в Баку, 70,0% и 40,5% в Бишкеке, 66,0% и 55,0% в Киеве, 67,0% и 26,0% в Кишиневе, 90,0% и 70,5% в Ташкенте¹⁴¹. Комментарии, как говорится, излишни. Развал Советского Союза создает реальную угрозу не только в дестабилизации межэтнических отношений, в эскалации межнациональных конфликтов, но и в разрушении этничности, в том числе русскости, в приближении этнической катастрофы русских и других национальных меньшинств в ближайшей диаспоре.

Работа указанного специализированного фонда могла бы охватывать ряд направлений, в том числе: по всестороннему изучению состояния ближайшего русского зарубежья; по систематической подготовке кадров для русского и русскоязычного населения в иноэтнической среде; по целенаправленной системе радио- и телепередач по договоренности с руководством государств ближайшего зарубежья; по обмену коллективами, группами лиц, заинтересованных в сохранении и укреплении внутриэтнических связей населения, разделенного государственными границами; по подготовке научно-информационных банков данных о состоянии этничности, экономики, культуры и самосознания русских в России и за ее пределами; по созданию специализированных двусторонних рабочих групп по разработке рекомендаций и предложений по удовлетворению интересов и потребностей русского населения в независимых государствах и интересов национальных групп в России, например, интересов русских на Украине и интересов украинцев в России; по мобилизации сил и средств для осуществления научнообоснованных санкций (системы мер морального и материального поощрения) русского населения в этносоциальных организациях независимых государств.

Международный Фонд этнокультурной гуманитарной помощи русскому зарубежью мог бы, во-первых, стать магнитным полем, притягивающим группы отверженного, бесстатусного населения, во-вторых, служить компенсирующим гарантом для групп русскоязычного населения, оказавшегося в дискриминируемом положении, в-третьих, восстановить культуртрегерскую роль, которую Россия играла до того, как к власти пришли большевики, в-четвертых, служить резервуаром идей и практических предложений в разработке внешнеполитической деятельности обновляющейся России.

Для разработки системы санкций, а также всестороннего сотрудничества с российским и русскоязычным сектором ближайшего зарубежья необходимо создание специальной научно-координационной службы неотложной этнокультурной помощи. Ее стратегические и тактические задачи будут состоять в определении места различных групп русского населения в исторической судьбе народов; раскрытии противоречивой роли этнического фактора в процессах его взаимодействия с социальным и политическим факторами; в выявлении значения взаимодействия культуры национальных групп и национальных меньшинств с культурой русской нации; в определении многообразия форм этноязыковой жизни русских, включая различные формы двуязычия в разнообразных регионах, в ситуациях, этапах истории; в сравнении

устойчивости и размываемости русскости (русской этничности) в ходе современных процессов урбанизации, интеллектуализации и технотронизации общества; в определении соотношения интеграционных и дезинтеграционных процессов, центростремительных и центробежных тенденций, а также их связи с процессами стабилизации внутри России, в недрах русского народа, и, наконец, в оценке степени солидарности, нейтралитета или конфронтации между национальными меньшинствами и народами, составляющими национальное большинство.

Российское Министерство иностранных дел развернуло кампанию по отстаиванию прав россиян, расселенных в пределах бывшего СССР, но после его распада невольно оказавшихся в дискриминационном положении. Проводимую в Латвии и Эстонии политику в отношении русского и русскоязычного населения представитель России в ООН Сергей Березный расценил как «дискриминационную, недружественную и недальновидную». Выступая на проходившей в конце августа 1992 г. в Женеве 44 сессии подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, директор норвежского Института прав человека Асбьерн Эйде сказал: «Если людям отказывают в гражданстве и создается угроза нарушения их прав в будущем, то можно говорить об элементах “этнической чистки”». С Латвией и Эстонией предпринимаются двусторонние переговоры о правах национальных меньшинств. Россия пытается привлечь внимание мировой общественности и правительств стран — участниц ООН, СБСЕ и других организаций к нарушениям прав россиян в Прибалтике»¹⁴².

Совершенно очевидно, что путь народов бывшего СССР к новому сосуществованию будет трудным, сложным, бессистемным, начиненным опасными межнациональными конфликтами. Знание, понимание, учет факторов, тенденций и закономерностей развития (социализации, политизации, этнизации) русского и ассоциированного с ним русскоязычного населения за пределами России, учет опыта, накопленного в международном сообществе, позволит снять часть межнационального напряжения, улучшить климат межнациональных отношений, углубить и расширить историческую память народов, память, исконно ориентированную не на вражду и войну, а на мир и согласие. И от творческой интеллигенции народов во многом зависит в какую сторону «сработает» энергия памяти.

3. СОПРОТИВЛЕНИЕ.
К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ
НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКИХ ТАТАР *
(От истоков движения до середины 1980-х годов)

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ:
КРАТКАЯ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Обратившись к единственному энциклопедическому изданию последних лет, содержащему некоторый комплекс информации об этногенезе, языке, культуре, расселении крымских татар, — к историко-этнографическому справочнику 1988 г. «Народы мира»¹, читатель неизбежно встретится с некоторыми уже не совсем бесспорными, уже нуждающимися в уточнениях или оговорках сведениями, к тому же крайне скудными, не способными удовлетворить возрастающий общественный интерес к истории этого народа. Напомним все же некоторые из них, сохраняющие свою стабильность.

Язык крымских татар входит в кыпчакскую подгруппу тюркской группы алтайской языковой семьи, структурно близок кумыкскому и балкарскому языкам. В разговорном языке выделяются три основных диалекта: северный (степной), средний (горный) и южный (прибрежный). В конце XIX в. крымско-татарский язык развивался преимущественно на основе южного (прибрежного) диалекта, после Октябрьской революции — на основе среднего (горного). Литературный, письменный крымско-татарский язык в течение многих веков опирался на арабскую графическую основу — высокоразвитое искусство каллиграфии. Из шести классических почерков курсива в средневековой крымско-татарской культуре наиболее широкое распространение имел «дивани», на котором созданы изысканные по своему графическому

* Публикуется в сокращенном виде.

изяществу памятники старинной письменности крымских татар. В 1929 г. крымско-татарская письменность, как и письменность многих других тюркских языков народов СССР, была переведена на латинский алфавит («яналиф» — новый алфавит), а в 1939 г., в связи с развернувшимся в стране тотальным наступлением на многие самобытные национальные культуры, — на славянскую кириллицу, наскоро модернизированную в расчете на тюркские языки. В настоящее время это положение уже нельзя считать неизменным: принятые Курултаем крымско-татарского народа решения и энергичные меры избранного на этом Курултае Меджлиса по обратному переводу крымско-татарской письменности на латинский алфавит, сближающий ее с современным турецким литературным языком, хотя и не стали еще бесспорной исторической реальностью, но безусловно должны быть приняты во внимание современными исследователями. Ниже мы подробнее остановимся в связи с важнейшими процессами крымско-татарского национального движения на вопросах функционирования, сохранения и развития крымско-татарского языка. Здесь же в плане общей информации отметим, что перепись 1989 г. выявила устойчивое сохранение крымскими татарами в качестве родного языка своей национальности: 92,5% ответивших на вопросы переписного листа, в том числе, 91,9% проживающих в городе и 94% проживающих в селе, назвали своим родным языком крымско-татарский. Вместе с тем среди крымских татар широко распространено свободное владение русским языком (76%) и другими языками народов бывшего СССР (8%). Иными словами, более чем трое из четырех крымских татар двуязычны, а почти каждый десятый — трехязычный.

Теория этногенеза крымских татар длительное время опиралась на представления о наличии трех субэтнических групп в составе этого народа: степных татар (иногда называемых «ногайские татары»), предгорных татар и южнобережных татар; реже выделялась еще одна субэтническая группа — потомков ногаев (самоназвания — «ногайлар», «ногай»), смешавшихся со степными татарами. При этом указывалось на различия в образе жизни и традиционном хозяйстве крымских татар: в предгорных и южных областях давно развитое земледелие, садоводство, виноградарство, табаководство, на побережье — рыболовство, в то время как у степных татар вплоть до XVIII в. сохранялось кочевое скотоводство, позднее уступившее место оседлому земледелию. Эта теория явно недооценивала интенсивные процессы этнической консолидации крымских татар — процессы, в ходе которых давно нивелировались культурно-бытовые и языковые различия между отдельными субэтническими группами. Ныне крымские татары пред-

ставляют собой единый народ с цельной культурой, развитым этническим самосознанием. (Отметим, что для этого самосознания очень характерно своеобразное сопротивление версиям о том, что крымско-татарский народ состоит якобы из трех или четырех разных народов, настойчивое акцентирование этнического единства народа.)

Основные выводы современной этнографической науки изложены в «Краткой характеристике этнических групп крымских татар до депортации», составленной центром независимой экспертизы Международного фонда «Культурная инициатива», где, в частности, говорится:

«Обычно выделяют три этнографические группы крымских татар. Это степные татары, татары гор и предгорий, южнобережные татары. Некоторые ученые (проф. Г. А. Бонч-Осмоловский, 1925 г.) объединяли южнобережных и горных татар в один тип. П. П. Семенов-Тяньшанский, напротив, объединяет степных и горных татар, отмечая их близость физическую и духовную к татарам Поволжья, как собственно крымских он выделяет южнобережных татар. Встречается и выделение четвертой группы, за счет разделения татар гор и предгорий.

1. Крымские татары южного берега Крыма (самоназвание «ялы-бойлю» — прибрежные) составляли более 60% населения района (южного побережья). Язык их относится к огузо-сельджукской подгруппе, очень близок к турецкому. Основные диалекты — судакский, балаклавский, ялтинский.

Своеобразны жилища южнобережных татар. Они делались из неотесанного камня, имели плоские крыши, отличались неправильным расположением комнат. Отмечается большое сходство этих жилищ с домами северокавказских горцев.

Основными занятиями южнобережных татар были: виноградарство, табакководство, садоводство, огородничество. После революции развилось татарское виноделие, сдерживавшееся религиозными запретами ...Южнобережные татары всегда были наиболее обеспеченной и культурной группой татар. Эта разница лишь усилилась с ростом курортов, привлекавших в курортное хозяйство значительные массы татар.

2. Татары гор и предгорий обычно назывались «тат» и «татлар», составляли около 50% населения своего района, местами до 75% (Бахчисарайский район). Язык генетически относится к кыпчако-половецкой группе, однако впоследствии в нем усилилось турецкое влияние, появились греческие, готские слова. Именно этот диалект лег в основу единого крымско-татарского языка.

Жилище отличалось от южнобережного. Часто встречались узкие, вытянутые приземленные постройки из дерева и глины.

Горные татары отличались как наиболее ортодоксальные мусульмане, хотя в быту отмечались христианские и языческие архаизмы. Заметно сходство в образе жизни с северокавказскими горцами.

Важным отличием этой группы татар являлось то, что именно в предгорьях располагались города — центры татарской культуры и ремесла. В городах занятиями татар были следующие ремесла: производство войлока, токарное производство, выделка медной кованой посуды, кожевенное дело, в частности, выделка сафьяна, и др. В селах основными занятиями были: а) садоводство и огородничество, имевшие товарное направление; б) табаководство (произраставшие сорта считались хуже южнобережных, однако доходы все равно были велики, и посевы табака неуклонно росли); в) зерноводство (оно постоянно сокращалось, как и традиционное для гор овцеводство); г) лесной промысел (выпалка древесного угля, заготовка дров, а также бортничество) имел большое значение в связи со значительным недостатком земли.

3. Степные татары (“ногаи” или “мынгат”) составляли до 25% населения степных районов. Язык входит в кыпчакско-ногайскую подгруппу и близок к языкам каракалпаков, казахов, ногайцев, однако постепенно сблизился с основными диалектами крымских татар. Делился на евпаторийский и керченский говоры.

Жилище очень сходно с зимними домами туркмен, казахов, ногайцев Кавказа (строились из саманного кирпича, ракушечника, глины).

В культуре заметно сходство с культурой тюркских кочевых народов СССР, татарами Поволжья. Отмечались языческие архаизмы.

Основными занятиями степных татар были земледелие и скотоводство. Их хозяйственный уклад претерпел наибольшие изменения и подвергся сильному разрушительному воздействию иноэтнической колонизации.

Отторжение земель, эксплуатация татар, выталкивание их в эмиграцию и быстрое развитие товарного зернового хозяйства разрушили традиционное скотоводческое хозяйство степи.

На протяжении последних веков имел место процесс слияния отдельных групп крымских татар в единую народность. Особенно это заметно по интенсивным языковым процессам. Появилось и общее самоназвание крымских татар — “крымлы”. Много общего появилось и в материальной культуре — это и одинаковое общее убранство домов, и медная кованая посуда, и распространившийся из Малой Азии тип двухэтажного жилища с террасой, и одежда. Существовали практически единые для всего Крыма праздники, обряды свадьбы и похорон.

Представляется, что в изгнании интеграционные процессы лишь усилились и ускорились»².

Мы приводим эту пространную справку не только для того, чтобы пополнить общеизвестными в прошлом этнографическими характеристиками общие представления о крымско-татарском народе (было бы проще отослать читателя к современной этнографической литературе, но такой литературы по крымским татарам, за исключением названных выше изданий, не существует). Дело в том, что объективная этнографическая характеристика народа чрезвычайно важна для понимания целей национального движения, их оснований, перспектив репатриации — возвращения в Крым лишенного своей родины народа. Задача современного обществоведения заключается не только в опровержении тех вымыслов и вульгарных представлений о крымских татарах («варварах», «разбойниках», «пришельцах-захватчиках», «тунеядцах» и т. п.), какими сталинская пропаганда пыталась оправдать преступную акцию массовой депортации. Необходим точный, взвешенный учет всех особенностей, всех деталей, всех моментов, дающих представление о традиционном образе жизни, культуре, трудовых навыках, творческих потенциях крымских татар, о том, что потерял с их «исходом» (эмиграцией, ссылкой) и что приобретает с их возвращением Крымский полуостров, в каких направлениях желательно, возможно и необходимо новое городское, сельское строительство, развитие культурной инфраструктуры, языковой, религиозной политики, с какими народами и этническими группами соседних регионов и сопредельных государств выявятся наиболее тесные связи (или, напротив, возможны конфликтные ситуации).

Даже демографические показатели давнего, традиционного расселения крымских татар по разным частям Крымского полуострова имеют отношение не только к историческому прошлому. Ясно, например, что поспешные рецепты расселения репатриантов на «пустующих» (или не столь плотно заселенных, как южный берег Крыма) землях северных, степных районов и создание там «малой автономии», «национальных районов» для крымских татар никак не соответствуют историческим традициям, в то время как требования компактного расселения возвращающихся крымских татар в прежних, традиционных местах их проживания, в случае их справедливого удовлетворения, вызовут существенные демографические изменения и в курортной зоне, и в городах Крыма. Этнодемография, этнография и этнополитика, таким образом, неразрывно связаны друг с другом.

Точно так же и проблема этногенеза крымских татар из чисто исторического, казалось бы, далекого от современной жизни вопроса превращается в животрепещущий политический вопрос, ибо от выяснения (и

освоения массовым сознанием) изначальных истин (откуда «мы» («они») пришли, как и когда здесь появились, кто были «наши» («их») предки), оказывается, зависит и моральное самочувствие народа, и ощущение его современного «права» на «национальную территорию», и аргументация соответствующих концепций.

Этногенетические процессы, в ходе которых формировалась единая крымско-татарская народность, складывались на основе симбиоза индигенного населения Крыма, состоявшего, во-первых, из потомков древних оседлых обитателей горных и прибрежных частей края (тавров, киммерийцев, ала-нов, готов), ранних волн греческих и армянских колонистов, во-вторых, из потока кочевого тюркоязычного населения, хлынувшего в Крым из обширных причерноморских и приазовских степей (хазары с VII в., половцы — в XI—XII вв., отдельные группы татаро-монгольского населения — в XIII в., группы кочевых тюркоязычных племен, подвластных хану Ногаю, давшему ногайский этноним части степных крымских татар). Характерно, что национальному самосознанию крымских татар присуще глубокое убеждение в собственном автохтонном происхождении от древнейших обитателей Крымского полуострова. В одном из писем-откликов на книгу «За перевалом перевал», о которой шла речь выше, учитель-пенсионер из Симферополя Рустем Военный приво-дил типичное (для распространенных в крымско-татарской среде) возраже-ние автору, утверждавшему, что в давние времена татар в Крыму не было: «...не было в Крыму татар, ибо этот народ в прошлом, в истории называли тав-ро-скифами, куманами, кыпчаками, крымцами-кырымлы по-тюркски»³. В этой связи и вопрос о самоназвании крымских татар на современном этапе неожиданно усложняется.

Между тем вопрос этот чрезвычайно важный, ибо ясно, что пока у на-рода существует собственный этноним (самоназвание) и люди идентифи-цируют себя с ним, можно быть уверенным, что существует сам народ. Эт-ноним «крымские татары» («кърым татарлар») исторически не всегда был неизменным. В разные времена он употреблялся наряду с «кърымлар» (дословно — «крымцы») или «кърымлы» («крымские»), «кърымлы тюрк-ляр» («крымские турки», «крымские тюрки»), в русских источниках XVI—XVIII вв. фигурировали «крымские татары», в XVIII—XIX вв. — просто «тата-ры», «южные татары», «крымские турки». На протяжении многих лет после насильственной депортации 1944 г. крымско-татарский народ вел мужест-венную борьбу за сохранение своего этнонима «крымские татары». лиде-ры национального движения выражали бесчисленные протесты против то-

го, что это историческое самоназвание не учитывали официальные статистические данные СССР и переписи населения, принуждавшие крымских татар записываться просто татарами, против оскорбительных для национального достоинства выражений вроде «лица татарской национальности, проживавшие в Крыму» вместо ясного и четкого — «крымские татары». Однако на современном этапе, когда о крымских татарах узнала и заговорила вся страна и весь мир, когда этноним «крымские татары» вернулся и в перепись населения СССР 1989 г., и в официальный язык правительственных постановлений, как ни странно по этому вопросу в недрах самого крымско-татарского движения возникла дискуссия, и все более настойчиво стали звучать предложения именовать себя не крымскими татарами, а «кърымлы»⁴. Среди множества аргументов, выдвигаемых в защиту этого этнонима, наиболее существенным является чисто прагматическое обоснование претензии на национальное государство. Логика при этом примерно такова: нам говорят, что в 1921—1944 гг. существовала не Крымско-татарская, а Крымская АССР; правильно, но она так называлась потому, что к этнониму нашего народа не обязательно добавлять слово «татары», достаточно сказать «кърымлы», или «крымские», этот краткий этноним и был дан тогда безусловно нашему национальному государству — Крымской АССР в том виде, какой она была до 1944 г.; слова же «татары», «татарщина», «татаро-монгольское иго» являются изобретением русских шовинистов. Полемика по этому вопросу в последнее время вышла на страницы газет и приобрела столь неожиданную остроту, что предлагается поставить этот вопрос на обсуждение очередного общенародного Курултая.

Беглый пересказ богатейшей истории средневекового Крыма с ярко выраженным влиянием сельджукизма во всей его культуре, давних, глубоких и последовательных процессов исламизации этой культуры, разносторонних связей с мусульманским, азиатским и христианским, европейским миром, увлекательной истории Крымского ханства, которое было одним из сильных и богатых государств эпохи позднего феодализма, выступавшим и как самостоятельная политическая сила на мировой арене (в 1443—1475 гг.) и в теснейшем альянсе с Турцией, немислим да и не нужен в рамках настоящего издания. Ясно, что многие вопросы этой истории, в том числе проблемы так называемого «мирного», «добровольного» присоединения Крымского ханства в 1783 г. к России и дальнейшего социально-экономического, культурного и этнодемографического развития полуострова в составе Российской империи требуют глубокого и решительного пересмотра и уточне-

ния, отказа от многих вульгарных, фальсификаторских версий, имевших широкое хождение в советской пропагандистской системе (трудно даже сказать: в науке) давнего и недавнего прошлого.

Нельзя не обратить внимания на то, что доля крымско-татарского населения в Крыму уже с конца XVIII в. начала резко падать: сотни тысяч крымских татар, стремясь сохранить свою веру и традиционную культуру, искали спасения в Турции: в различных источниках речь идет сначала о 300 тысячах, затем еще о 200 тысячах — всего о полумиллионе вынужденных эмигрировать «на белые земли Анатолии» крымских татар⁵. Принцип империалистической политики русского царизма «Крым — без крымских татар!» сформировался задолго до того, как этот принцип попыталась последовательно претворить в жизнь безжалостная машина сталинского тоталитарного государства.

Белым пятном в нашей исторической науке остается до сих пор подлинная революционная история крымско-татарского народа, чьи надежды на освобождение от тирании и колониального гнета пробудила Февральская революция. В настоящей книге отражены события (см. раздел «Хроника») и представлены документы, никогда не фигурировавшие в официальных версиях советской исторической науки по истории Крыма периода 1917—1918 гг. Все, что можно было прочитать в советской литературе о Курултае крымско-татарского народа, созданном в ноябре—декабре 1917 г., о деятельности мусульманского комитета, о яркой личности и трагической судьбе Нумана Челеби Джихана, который был расстрелян севастопольскими большевиками в 1918 г., о деятельности национальной партии «Милли Фирка» сводилось к пересказам официозного произведения А. Бочагова о «националистической контрреволюции» в Крыму⁶, а подлинный текст первой демократической конституции, принятой крымско-татарским Курултаем в 1917 г., вообще никогда не публиковался в советской печати.

Гораздо шире известна история Крымской АССР, созданной по «ленинскому декрету» от 18 октября 1921 г., который публикуется во 2 томе в числе основных документов по истории крымско-татарского национально-освободительного движения. Формирование автономии, как бы убога она ни оказалась в реальном исполнении 1920—30-х годов, безусловно, способствовало и дальнейшей этнической консолидации, и общенациональному духовному возрождению крымско-татарского народа. Составляя к тому времени этническое меньшинство на своей родине (в 1921 г. — около одной пятой всего населения Крыма, к концу 1920-х годов — 25%), крымско-татарский народ впервые за многие десятилетия политического бесправия и колониального гнета

почувствовал себя хозяином, ответственным за судьбы собственной культуры и государственности. Сколько было в этом чувстве напрасных утопий и несбывшихся иллюзий, насколько формальной (а насколько и ошибочной) была так называемая политика «татаризации», «коренизации», плохо-бедно проводившаяся в 1920-е годы, и как велика была расплата за эту политику уже с конца 1920-х — начала 1930-х гг., когда повсеместно наступила жестокая пора борьбы с так называемой «нацдемовщиной» (национально-демократическими «уклонами», как-то сразу обнаружившимися во всех республиках) — все это вопросы, еще ждущие прояснения и требующие специальных исследований. Несомненны, однако, и реальные достижения в политике «национально-го культурного строительства» в Крымской АССР в довоенный период.

Крымско-татарский язык, наряду с русским, был признан государственным языком автономной республики, расширялась сфера его функционирования, от культурной жизни до делопроизводства в учреждениях. Значительны были объемы издательской деятельности, выпуска периодических изданий: в Симферополе на крымско-татарском языке выходили газеты «Ени Дунья» (с 1939 г. — «Кызыл Крым») и «Яш Куввет», журналы «Эдэбиат ве культура» («Литература и культура»), «Яш Ленинджилер» («Юные ленинцы»), «Кадынлык социализм елында» («Женщина на пути к социализму»). В 1936 г. в Крымской АССР было 386 крымско-татарских школ.

Активизировалась работа различных научных и творческих центров по изучению истории и развитию национальной культуры крымско-татарского народа. В Симферополе был создан Крымский научно-исследовательский институт, в его структуре было 14 секций, в том числе, наряду с естественными науками, были выделены четыре основные направления гуманитарных исследований Крыма в секциях 1) экономики; 2) антропологии и этнографии; 3) истории и археологии; 4) татарского языка и литературы⁷. На базе ханского дворца в Бахчисарае по инициативе известного крымско-татарского просветителя, археолога и художника У. Баданинского был создан Центральный Татарский этнографический музей, впоследствии названный Государственный дворец-музей татарской культуры. В 1921 г. в Симферополе был открыт Дом-читальня имени Исмаила Гаспринского, превращенный впоследствии в мемориальный музей выдающегося ученого; на протяжении десяти лет (1922—1932) здесь велись исследовательские работы по истории крымско-татарской педагогики и другим гуманитарным направлениям, собирались сочинения И. Гаспринского, многолетние (1883—1918) выпуски первой татарской газеты «Тэрджиман».

Археологическое изучение памятников Старого Крыма (Солхата) уже в 1920-х годах значительно обогатило искусствоведческую науку⁸. Татарская секция была создана при ялтинском отделении Общества по изучению Крыма⁹, к реализации широкой гуманитарной программы приступил созданный в Ялте Восточный институт. С татарской труппы при Симферопольском театре начал свою историю крымско-татарский национальный театр. В республике сформировались национальные творческие коллективы писателей, художников, мастеров народного искусства. Традиционные кустарные промыслы развивались на базе бахчисарайского кожевенного завода «Сарлы-Чишме». Вся эта национальная культура была подвергнута жестокому разгрому, фактически обречена на уничтожение в 1944 г.

В задачу настоящего исследования не входит анализ всей совокупности социальных, политических причин, всего нравственно-психологического климата, создавшегося в СССР к середине 1940-х годов в экстремальных условиях кровопролитной войны, террора, ничем не ограниченного «культ личности» И. В. Сталина, нарастающей эйфории близкой Победы — всего, что сделало в принципе возможным это беспрецедентное по своей антиправности и античеловечности постановление Государственного Комитета Обороны «О крымских татарах», что обеспечило его беспрекословное, послушное претворение в жизнь — без какого-либо организованного сопротивления и заметного протеста внутри советской системы или со стороны мирового цивилизованного сообщества. Важно подчеркнуть, что этот акт органично и закономерно вошел во всю систему чудовищного террора, безостановочно вращающегося «красного колеса», в весь комплекс преступлений режима против человечности, и какая доля ответственности за эти преступления должна лечь на «злую волю» И. В. Сталина, на личную инициативу Л. П. Берии, К. Е. Ворошилова¹⁰, на чью-то вольную или невольную провокацию¹¹, на всю «правлящую и руководящую силу советского общества» — элитарную верхушку Коммунистической партии Советского Союза, действительно игравшей в системе массового террора свою «авангардную роль», поставляя из своих рядов и палачей, и идеологов, и жертв этого террора; на «безмолвствующий» народ и его гражданскую совесть; на вооруженные силы спецведомств, выполнявшие (и «перевыполнявшие» по степени жестокости) данное постановление; наконец, на наших союзников по антигитлеровской коалиции, бессильных помешать сталинскому произволу, да и на гитлеровский фашизм, втянувший человечество в кошмар второй мировой войны, — можно установить лишь в итоге комплексного изу-

чения всей совокупности фактов, всего исторического контекста той майской трагедии 1944 г., которую пережил крымско-татарский народ.

Через два года — в 1946 г. — незаконное Постановление Комитета обороны было постфактум «узаконено» Верховным Советом СССР, принявшим Закон о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область. При этом почти в то же самое время, с разницей в десять дней, появился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г., согласно которому каждый русский, проживающий за границей, вне зависимости от своей принадлежности к той или иной партии, от участия в том или ином движении, получал право приобрести советское гражданство и вернуться в Россию. Разумеется, и этот Указ был проявлением циничного лицемерия: многие наивно поверившие в его истинность русские люди после возвращения на Родину оказались в тюрьмах и лагерях и не только за свою якобы амнистированную «принадлежность к той или иной партии... к тому или иному политическому движению» (такие вещи сталинский режим, как правило, не прощал), но просто за свое прежнее, даже случайное или вынужденное, пребывание за границей. Однако это реальное положение русских репатриантов не афишировалось, и тайна их исчезновения в глубинах империи ГУЛАГ была далеко не всем — и за рубежом, и внутри страны — известна. *Демонстрировалось* же (и это надо подчеркнуть) некое «льготное», приоритетное, в чем-то даже исключительное положение русских людей, русского народа, за который сам «великий вождь и кормчий» поднимал победные тосты и во славу которого — в нарастающем пропагандистском буме середины — второй половины 1940-х годов — произносились бесконечные велеречивые здравицы. Это, естественно, способствовало психологическому разобщению народов страны, накоплению глухих обид, развращению русского (имперского) национального самосознания призраком вседозволенности, мифом о русской исключительности и нарастанию раздражения со стороны народов, за которыми в лучшем случае закреплялся униженный статус «меньших братьев», в худшем — неполноценных «народов-предателей», «народов-преступников», народов — подданных империи. Показательно, что лживым словам Указа от 14 июня 1946 г. в какой-то мере действительно поверили больше других именно депортированные, сосланные, угнетенные народы. Этот Указ задел за живое, вызвав острую обиду и боль крымских татар, чеченцев, ингушей, и даже спустя много лет в обращениях крымско-татарского народа 1960-х годов эхом отозвалась горькая память о том, «как хорошо быть русским» в стране, где во-

преки заверениям Конституции СССР далеко не все народы равноправны. Это обстоятельство отмечают многие зарубежные исследователи крымско-татарского вопроса.

С первых дней депортации крымско-татарский народ не смирился с грубой, насильственной акцией советского правительства, с совершенной несправедливостью.

Тщательный исторический и этнопсихологический анализ стереотипов поведения крымских татар в период депортации (май—июнь 1944 г.), в первые недели, месяцы, годы их жизни вдали от родины в качестве «спецпереселенцев», — анализ, к которому наша наука практически еще не приступала и который необходим, — покажет, видимо, широкую амплитуду проявлений реакции как адекватной, так и, казалось бы, неадекватной по отношению к сложившимся обстоятельствам. В жизни было все и у всех по-разному: и шок, и отчаяние, и полное непонимание того, что происходит, и стремление осмыслить народную трагедию, и наивная вера в «доброту отца» — Сталина, который во всем разберется и накажет виновников произвола, и дикий в этих условиях партийный фанатизм, и элементарный эгоизм, надежда заслужить минимальное снисхождение у режима, и слепая ярость, не находящая выхода, и мужественные обреченные попытки личного противодействия произволу. Было все, но если попытаться выявить некоторую равнодействующую разных сил, из которых складывалось, брали свои истоки будущее национально-освободительное движение, то можно сделать вывод, что эта линия уже с самого начала была ориентирована на борьбу за самосохранение, за возвращение в Крым, за восстановление разрушенных устоев национального образа жизни.

Исключительно велики были потери «наказанного» народа. По итогам неофициальных переписей крымско-татарского населения, произведенных активистами национального движения, а также путем иных социологических исследований и массовых опросов было установлено, что всего было депортировано из Крыма 238,5 тыс. человек, в том числе 205,9 тыс. (или 86,4%) детей и женщин (см. табл. 1).

Во время длинного и губительного пути на восток и за первые полтора года погибла значительная часть крымских татар, не выдержав болезней и голода, материальных лишений и моральных унижений. По сведениям самих переселенцев, только в поселениях Ташкентской области погибли 41% высланных туда крымских татар, в Самаркандской области — 54,7%, в Андижанской области — 46,1 %. В некоторых местах нового поселения потери были еще более катастрофическими: в Ангрене погибло 56,2%, в Мирзачуле — 53,5 % крымских татар, в том числе в Мирзачуле вымерло около 80 % всех мужчин.

Таблица 1

**Численность лиц крымско-татарской национальности,
высланных из Крыма в 1944 г. ***

	Всего	%	Мужчины	%	Женщины	%
Всего	238500	100	88950	37,29	149550	62,71
В том числе:						
Дети до 16 лет	99400	41,7	49700	20,85	49700	20,85
Подростки	13300	5,6	6650	2,8	6650	2,8
Женщины старше 18 лет	93200	39,1	—	—	93200	39,1
Мужчины старше 18 лет	32600	13,6	32600	13,6	—	—

* Составлено по источнику: Обращение крымско-татарского народа к XXIII съезду КПСС (март 1966 г.)

В целом в ходе насильственной депортации крымско-татарский народ потерял только за первые полтора года 109,956 человеческих жизней, что в четыре раза превышало потери народа за все годы Великой Отечественной войны.

Никаким иным понятием, как этноцид, нельзя квалифицировать последствия чудовищного акта насилия, выселения, ограбления и массового истребления беззащитного народа. И сегодня можно, пожалуй, только удивляться, как малочисленный народ, загнанный в спецрезервации, лишенный каких-либо прав, нашел в себе силы выжить, выстоять и начать борьбу за возвращение на родину и за восстановление поправленных гражданских прав, своей разрушенной государственности. Публикуемые во 2 томе материалы красноречиво свидетельствуют о том, в каких нечеловеческих условиях проходила сама акция «переселения»¹².

Официальная советская статистика никогда не сообщала о том, каких жертв стоила крымско-татарскому народу эта акция, сколько людей погибло в пути, не доехав до станций назначения, сколько вымерло на местах «спецпоселения». Единственный источник данных об этих потерях — страшной и тайной статистики истребления людей, — каким может пользоваться современная историческая наука, — это те подсчеты, какие произвели инициативные группы крымско-татарского движения.

Итак, если погибло около 110 тыс., а депортировано из Крыма было 238,5 тыс. крымских татар, значит, к 1945 г. общая численность крымских татар в СССР не превышала 130 тыс. человек (исходим из сравнительно небольшого числа крымских татар, которые проживали в 1944 г.

в других регионах СССР и не подлежали депортации). Какова же была картина через 10, 20, 30 лет после майской трагедии, наконец, какова современная этнодемографическая ситуация? Ответы на данные вопросы позволят выяснить: что же произошло с крымско-татарским народом — был ли он приговорен к уничтожению, смог ли он возродиться, и если да, то какова была внутренняя динамика этого возрождения, степень этнической устойчивости, сопротивляемости народа обрушившейся на него социальной катастрофе.

Ответить на вопросы о последующей динамике численности крымских татар в СССР непросто, поскольку, как уже отмечалось, при официальных переписях — до 1989 г. — этот народ включался в общее число всех советских татар. Перепись населения СССР 1989 г. дала цифру 271 715 человек, но ясно, что ее следует считать неполной, заниженной, ибо не везде перепись проводилась так, чтобы можно было объективно выявить истинное количество крымских татар, к тому же в условиях длительной национальной дискриминации не все граждане считали возможным заявить о своей крымско-татарской национальности. По данным Государственной комиссии, созданной в 1987 г. для рассмотрения обращений представителей крымско-татарского народа, число крымских татар в СССР к концу 1987 г. достигало 300—350 тыс. человек. Многие специалисты считают и эту цифру заниженной, предполагая, что в действительности речь может идти о 450—500 тыс. человек, считающих себя крымскими татарами. Как уже говорилось выше, существуют и версии о более высокой численности крымских татар, якобы установленной при «самопереписи» населения по регионам, — о 800 тыс., о миллионе и даже двух миллионах.

Какую бы из приведенных выше версий о численности крымских татар мы ни приняли за основу, получается, что за четыре с половиной десятилетия (1945—1990) число крымских татар (около 130 тыс. человек к началу 1945 г.) увеличилось по одним подсчетам в 2,5 раза, а по другим подсчетам — в 3, в 4, даже в 7—8 раз, причем только за счет естественного прироста (ибо ниоткуда из-за рубежа никаких крымских татар за эти годы в Советский Союз не иммигрировало, скорее наоборот — шла вынужденная эмиграция) и в условиях, социально, морально и психологически далеко не благоприятных!

Для сравнения напомним, что по данным переписей населения 1959 и 1989 гг. за тридцать лет численность народов СССР увеличилась:

русских с	114 114 тыс.	до 145 155 тыс.
узбеков с	6 015 тыс.	до 16 698 тыс.
казахов с	3 622 тыс.	до 8 136 тыс.,

то есть никак не в 4, не в 5, не в 7—8 раз и даже не трехкратно, а есть и такие народы, численность которых за 30 лет сократилась и даже резко (например, карел с 167 тыс. в 1959 г. до 130 929 чел. в 1989 г.). И это во всех случаях речь идет о народах, находившихся в несравненно более благоприятной ситуации, чем рассеянные по многим республикам, лишенные своей родины и государственности крымские татары. Итак, говоря о последствиях депортации и варварского этноцида, мы должны иметь в виду не только то, к чему стремились те, кто проводил эту политику, и не только то, что им удалось совершить, обрекая народ на мучительные жертвы, но и то, что всей этой политике противостояло, сопротивлялось, в конечном итоге опрокидывало все расчеты на физическое истребление и нравственное порабощение «наказанного» народа. Сила стойкости народа, жизнеспособность, противодействие гнету и геноциду оказались поистине неисчерпаемыми.

Таблица 2

ТАТАРЫ КРЫМСКИЕ
Расселение и язык
(по данным переписи 1989 г.)*

Территория	Численность		Родной язык		Свободно владеют вторым яз. (русским)
	Всего	Мужчины	Своей нац-ти	русский	
СССР всего	271715	130227	251537	14488	206853
город	187301	88398	172222	11811	142666
село	84414	41829	79315	2677	64187
Россия	21275	10523	19013	2049	17777
Украина	46807	23998	43334	1868	39298
Белоруссия	116	57	42	65	45
Узбекистан	188772	88688	175890	9338	138066
Казахстан	3169	1484	2818	292	2504
Грузия	615	301	438	68	455
Азербайджан	545	230	423	93	284
Литва	53	29	25	24	23
Молдавия	85	54	55	30	46
Латвия	60	30	49	11	46
Киргизия	2924	1433	2593	277	2299
Таджикистан	7214	3374	6794	358	5969
Армения	36	14	29	6	21
Туркмения	32	5	28	3	17
Эстония	12	7	6	6	3

* Здесь и далее наименование республик соответственно геополитической ситуации 1989 г.

Эту сложную диалектику, несоответствие между тем, что было задумано «в верхах», что начертала сталинская рука, обрекая народ на покорное беспамятство и вымирание, и тем, что получилось на самом деле в силу внутреннего сопротивления политике этноцида, можно проследить на любом из тех направлений, которые мы выделили выше, характеризуя планы и политику преступного этноцида.

Таблица 3

ТАТАРЫ КРЫМСКИЕ
Расселение и язык
(в % по данным переписи 1989 г.)

Территория	Численность		Родной язык		Свободно владеют вторым яз. (русским)
	Всего	Мужчины	Своей нац-ти	русский	
СССР всего	100,0	49,7	92,6	5,3	76,1
город	68,9	42,7	91,9	6,3	72,6
село	31,1	49,6	94,0	3,2	76,0
Россия	7,8	49,5	89,4	9,6	83,6
Украина	17,2	51,3	92,6	4,0	84,0
Белоруссия	—	49,1	36,2	56,0	38,8
Узбекистан	69,5	47,0	93,2	4,9	73,1
Казахстан	1,2	46,8	88,9	9,2	79,0
Грузия	0,2	48,9	71,2	11,1	74,0
Азербайджан	0,2	42,2	77,6	17,1	52,1
Литва	—	54,7	47,2	45,3	43,4
Молдавия	—	63,5	64,7	35,3	54,1
Латвия	—	50,0	81,7	18,3	76,7
Киргизия	1,1	49,0	88,7	9,5	78,6
Таджикистан	2,7	46,8	94,2	5,0	82,7
Армения	—	38,9	80,6	16,7	58,3
Туркмения	—	15,6	87,5	9,4	53,1
Эстония	—	58,3	50,0	50,0	25,0

Как уже отмечалось, в целях разрыва глубинных внутриэтнических контактов и связей, крымские татары были расселены в разных союзных и автономных республиках едва ли не на обширной территории всего Советского Союза. Всесоюзная перепись населения СССР 1989 г., впервые за все послевоенные годы вызволившая крымских татар из этнографического информационного небытия, выявила удручающую

картину. Из почти 300 тыс. населения (по данным переписи) лишь в Узбекистане сохранилось более-менее значительное и цельное демографическое ядро этноса. И хотя здесь проживало 188,8 тыс. человек, что составляло 69,5 % всего крымско-татарского населения страны, даже здесь, в Узбекистане, крымские татары не имели компактно заселенной территории, а оказались распыленными по ряду областей — в разобщенных регионах республики. 46,8 тыс. крымских татар (или 17,2 %) зафиксировала эта же перепись на Украине, 21,3 тыс. (или 7,8 %) — на бескрайних просторах Российской Федерации; 7,2 тыс. человек проживало в Таджикистане; 3,2 тыс. — в Казахстане; 2,9 тыс. — в Киргизии (см. табл. 2, 3).

Таблица 4

ТАТАРЫ КРЫМСКИЕ
Расселение и язык в столицах союзных республик
(по данным переписи населения СССР 1989 г.)

Территория	Численность		Родной язык		Свободно владеют вторым яз. (русским)
	Всего	Мужчины	Своей нац-ти	русский	
Все столицы	15112	7108	13053	1902	10604
Москва	239	122	155	78	148
Киев	85	41	29	51	32
Минск	30	13	13	15	14
Ташкент	13186	6212	11615	1488	9296
Алма-Ата	433	202	373	54	343
Тбилиси	61	32	16	17	24
Баку	233	94	148	68	106
Вильнюс	7	4	4	3	3
Кишинев	23	14	11	12	11
Рига	20	8	17	3	15
Фрунзе	170	79	134	36	124
Душанбе	606	283	527	69	482
Ереван	9	2	6	3	4
Ашхабад	5	1	4	1	2
Таллин	5	1	1	4	—

Часть крымско-татарского населения, всеми правдами и неправдами получив среднее или высшее образование, обретя специальность, старалась перебраться из спецрезерваций в города, в том числе в Москву

и в столицы других союзных республик. По данным переписи населения 1989 г. из 271,1 тыс. человек крымско-татарской национальности 187,3 тысячи (или 68,9 %) проживали в городах, в том числе 15,1 тыс. человек (или 5,6 %) — в 15 столицах союзных республик, включая 239 человек — в Москве. Городом значительной концентрации крымско-татарской интеллигенции и лиц, имеющих занятия с высоким квалификационным статусом, стал Ташкент. В нем проживало 13,1 тыс. крымских татар, что составляло 87,3% всего «столичного» населения, если иметь в виду под этим определением крымских татар, проживавших в 1989 г. в 15 столицах союзных республик (см. табл. 4, 5).

Таблица 5

ТАТАРЫ КРЫМСКИЕ
Расселение и язык в столицах союзных республик
(в % по данным переписи населения СССР 1989 г.)

Территория	Численность		Родной язык		Свободно владеют вторым яз. (русским)
	Мужчины	Женщины	Своей нац-ти	русский	
Столицы союзных республик	47,0	47,0	86,4	12,6	70,2
Москва	51,0	51,0	64,9	32,6	61,9
Киев	48,2	48,2	34,1	60,0	37,6
Минск	43,3	43,3	43,3	50,0	46,7
Ташкент	47,1	47,1	88,1	11,3	70,5
Алма-Ата	46,7	46,7	86,1	12,5	79,2
Тбилиси	52,5	52,5	26,2	27,9	39,3
Баку	40,3	40,3	63,5	29,2	45,5
Вильнюс	57,1	57,1	57,1	42,9	42,9
Кишинев	60,9	60,9	47,8	52,2	47,8
Рига	40,0	40,0	85,0	15,0	75,0
Фрунзе	46,5	46,5	78,8	21,2	72,9
Душанбе	46,7	46,7	87,0	11,4	79,5
Ереван	22,2	22,2	66,7	33,3	44,4
Ашхабад	20,0	20,0	80,0	20,0	40,0
Таллин	20,0	20,0	20,0	80,0	—

Наибольшие потери национального языка в качестве родного языка понесли крымские татары, расселенные в Белоруссии, Эстонии и Литве. Здесь доля крымско-татарского населения с родным русским языком, согласно данным переписи, составляла на рубеже 1980—90-х годов соот-

ветственно 56%, 50% и 45,3% (см. табл. 1, 2). Чаще всего крымско-татарский язык называли родным языком крымские татары Таджикистана (94,2%), Узбекистана (93,2%), Украины (92,6%), Казахстана (88,9%).

Таблица 6

ТАТАРЫ КРЫМСКИЕ
Расселение и язык по автономным республикам РСФСР
(по данным переписи населения СССР 1989 г.)

Территория	Численность	Родной язык		Свободно владеют вторым яз. (русским)
		Своей нац-ти	русский	
Россия всего	21275	19013	2049	17777
Город	11075	9618	1279	9079
Село	10200	9395	770	8698
Башкирия	28	13	11	14
Бурятия	15	10	5	9
Дагестан	106	94	8	87
Кабардино-Балкария	644	619	23	578
Калмыкия	2	2	—	2
Карелия	9	5	4	5
Коми	23	11	9	13
Мари	183	149	34	145
Мордовия	1	1	—	1
Северная Осетия	44	39	5	36
Татария	20	17	2	16
Тува	9	5	4	4
Удмуртия	4	1	3	1
Чечено-Ингушетия	71	55	16	55
Чувашия	3	2	1	—
Якутия	43	13	29	14

Особенно заметными были процессы перехода крымских татар на языки других национальностей в столицах союзных республик, в урбанизированном плотном иноэтническом окружении. И тем не менее даже в этих условиях среди всего «столичного» крымско-татарского населения 86,4% сохранили в качестве родного язык своей национальности. При этом в столицах разных республик ситуация была неоднозначна, и переход на другой язык в некоторых случаях был более широким и частым, в других — более редким. В Таллине и Тбилиси, к примеру, лишь каждый пятый, в Киеве каждый третий, в Кишиневе

каждый второй крымский татарин сохранили в качестве родного язык своей национальности. Значительным был разброс в глубине языковой ассимиляции между крымскими татарами — обитателями разных столиц (см. табл. 4, 5).

Таблица 7

ТАТАРЫ КРЫМСКИЕ
Расселение и язык по автономным республикам РСФСР
(в % по данным переписи населения СССР 1989 г.)

Территория	Численность		Родной язык		Свободно владеют вторым яз. (русским)
	Мужчины	Своей нац-ти	русский		
РСФСР	49,5	89,4	9,6		83,6
Москва	51,0	64,9	32,6		61,9
Башкирия	50,0	46,4	39,3		50,0
Бурятия	53,3	66,7	33,3		60,0
Дагестан	41,5	88,7	7,5		82,1
Кабардино-Балкария	46,1	96,1	3,6		89,8
Калмыкия	50,0	100,0	—		100,0
Карелия	44,4	55,6	44,4		55,6
Коми	78,3	47,8	39,1		56,5
Мари	50,8	81,4	18,6		79,2
Мордовия	100,0	100,0	—		100,0
Северная Осетия	40,9	88,6	11,4		81,6
Татария	60,0	85,0	10,0		80,0
Тува	66,7	55,6	44,4		44,4
Удмуртия	75,0	25,0	75,0		25,0
Чечено-Ингушетия	45,1	77,5	22,5		77,5
Чувашия	66,7	66,7	33,3		—
Якутия	53,5	30,2	67,4		32,6

В столицах союзных республик с тюркоязычным коренным населением, в том числе в Ташкенте, Алма-Ате, Ашхабаде, как видно из данных переписи населения СССР, крымско-татарский язык сохранился лучше, чем в иных столицах: доля лиц крымско-татарской национальности здесь превышала более чем в 5 раз долю крымских татар Таллина, сохранивших в качестве родного крымско-татарский язык. Очевидно, что два фактора — компактное расселение при относительно значительной численности (Ташкент) и окружающая

тюркоязычная среда — блокировали ускоренное исчезновение национально-го языка из обихода и сознания крымских татар.

Широкомасштабное и глубокое сохранение языка своей национальности крымскими татарами имеет исключительно важное значение. По сути своей это итог самоотверженной борьбы народа за выживание и самосохранение. Эта борьба шла и в первые, самые тяжелые годы «спецрежимной» жизни, и на всех последующих этапах, когда уже была сформулирована цель возвращения народа в Крым.

Роль языковой памяти поистине уникальна в общей системе исторической памяти народа. Особенно заметно проявляется эта роль на фоне языковой жизни и на фоне этноязыкового самосознания других народов. Даже среди 15 народов, имевших во время переписи населения 1989 г. свои союзные (суверенные) республики, оказалось 4 народа, среди которых удельный вес лиц с родным языком своей национальности был ниже, чем среди крымских татар (это армяне, белорусы, молдаване и украинцы — см. табл. 8).

Таблица 8

РОДНОЙ ЯЗЫК — ЯЗЫК СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
(в % по данным переписи 1989 г.)

Народы, имевшие в 1989 г. «свою» союзную республику		Народы, имевшие в 1989 г. автономную республику, включая народы Дагестана			
азербайджанцы	97,7	абхазы	93,5	башкиры	72,3
грузины	98,2	аварцы	97,2	буряты	86,3
казахи	97,0	агулы	94,9	калмыки	90,0
киргизы	97,0	балкарцы	93,6	карелы	47,0
латыши	94,8	даргинцы	97,5	коми	70,4
литовцы	97,7	ингуши	96,9	лезгины	91,6
русские	99,8	кабардинцы	97,2	марийцы	80,8
таджики	97,7	каракалпаки	94,1	мордва	67,1
туркмены	98,5	кумыки	97,4	ногайцы	89,9
узбеки	98,3	лакцы	93,6	осетины	87,0
эстонцы	95,5	рутульцы	94,8	татары	83,2
армяне	91,7	табасараны	95,9	удмурты	69,6
белорусы	70,9	тувинцы	98,5	чувашаи	76,4
молдаване	91,6	цахуры	95,2	якуты	93,8
украинцы	81,1	чеченцы	98,1		

Среди следующей группы народов, имевших на момент переписи населения свои автономные республики, приблизительно половина от общей

их численности сохранила в качестве родного языка язык своей национальности хуже, в меньшей степени, чем крымские татары. Среди 13 народов из 29 (включая народы Дагестана) доля лиц с родным языком своей национальности была ниже, чем аналогичная доля лиц среди крымских татар (92,6%) (см. табл. 8).

Таблица 9

**СЧИТАЛИ РОДНЫМ ЯЗЫК СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
Народы, не имевшие к 1989 г.
своих национально-государственных образований
(в % по данным переписи населения СССР 1989 г.)**

1. абазины	93,4	29. немцы	48,7
2. албанцы	52,1	30. нивхи	23,3
3. алеуты	26,6	31. ороки	44,7
4. арабы	61,5	32. орочи	18,8
5. ассирийцы	59,6	33. персы	33,2
6. белуджи	96,9	34. поляки	30,5
7. болгары	68,1	35. румыны	60,9
8. венгры	93,9	36. саами	42,2
9. вепсы	50,8	37. селькупы	47,6
10. гагаузы	87,5	38. сербы	40,8
11. греки	44,5	39. словаки	37,9
12. долгане	81,7	40. талыши	90,4
13. дунгане	94,8	41. татары крымские	92,6
14. евреи горские	75,8	42. таты	71,9
15. евреи грузинские	90,9	43. тофалары	43,0
16. евреи среднеазиатские	65,1	44. турки	91,0
17. ингуши	36,8	45. удины	85,7
18. ительмены	19,8	46. удэгейцы	26,3
19. караимы	19,3	47. уйгуры	86,6
20. кеты	48,3	48. ульчи	30,8
21. китайцы	32,9	49. финны	34,8
22. корейцы	49,4	50. хорваты	49,7
23. крымчаки	34,9	51. цыгане	77,4
24. курды	80,5	52. чехи	35,3
25. ливы	43,8	53. чувашаи	21,4
26. ногайцы	44,1	54. шорцы	56,7
27. нганасаны	83,2	55. эвены	43,9
28. негидальцы	28,3	56. энцы	45,5

Однако больше всего впечатляет сравнение картины языкового самознания крымских татар с теми народами и национальными группами,

которые, как и крымские татары, не имели на 1989 г. никаких национально-государственных и национально-территориальных образований. Лишь 4 народа (абазины, белуджи, венгры и дунгане) из 58 «бесстатусных» народов сохранили родным языком язык своей национальности лучше, чем крымские татары (см. табл. 9).

Вряд ли эти данные нуждаются в дополнительных комментариях, они говорят сами за себя. Можно быть уверенным, что широкое и глубокое сохранение родным языка своей национальности среди крымских татар является следствием укрепившегося в ходе политической борьбы национального самосознания.

Еще один косвенный вывод вытекает из сравнительных таблиц. Крымские татары по своему потенциальному запасу национальной энергии и исторической памяти занимают среднее место между народами, имевшими к 1989 г. «свою» союзную республику, и между народами, имевшими иные формы национально-государственного устройства и самоопределения, так называемые автономии. Пребывание крымских татар по параметрам сохранности национального языка в одном типологическом ряду с народами, имевшими свои национально-государственные образования, — еще один показатель, еще одно свидетельство того, что крымские татары вполне обоснованно претендуют на восстановление своей национальной автономии.

Уделяя столь пристальное внимание языковой проблеме и ситуации, мы исходим из того, что между языковым и национальным самосознанием существует тесная и прочная логическая этнопсихологическая связь. Народ, сумевший — вопреки политике этноцида — сохранить в качестве родного язык своей национальности, оказался и во многих других отношениях способным к активному противостоянию, противодействию этой политике. Именно в этом противодействии, начавшемся стихийно, в массовом масштабе и задолго до возникновения каких бы то ни было формальных структур и организаций, заключались глубинные истоки крымско-татарского национального движения.

Прежде чем перейти к освещению основных процессов и стадий развития этого движения, необходимо уточнить его природу и его историческую периодизацию.

В «самиздатской» и зарубежной литературе, в трудах западных специалистов-советологов принято именовать национальное движение крымских татар «крымско-татарским движением за возвращение в Крым»¹³. Нам хотелось бы поставить вопрос шире.

При определении сути и основной направленности крымско-татарского движения нельзя не принимать в расчет различные цели,

выдвигаемые его лидерами и активистами на различных этапах зарождения и развития самого движения. Одно было общим для всех этапов — протест. Сначала протест против самого факта депортации, против тех условий, в которые был поставлен народ в местах «спецрежимного поселения», против попытки убийства исторической памяти народа, затем — борьба за снятие необоснованных обвинений всего народа в предательстве, за массовое и организованное возвращение в Крым, за восстановление автономии и, наконец, переход части лидеров в ряды правозащитного движения, в ряды противников самой системы тоталитаризма с его драконовской национальной политикой. Совокупность всех этих целей, скрепленных борьбой за возвращение утраченной государственности и возрождение национальной культуры, дает основание считать данное явление национально-освободительным движением крымско-татарского народа.

В отличие от национальных движений недепортированных народов Прибалтики, Молдовы, Грузии, Украины, Белоруссии, имевших свою «национальную территорию и национальную государственность» (не будем вдаваться в относительность и научную обоснованность таких понятий — будем исходить из тех представлений, которые в общественном сознании культивировались), национальное движение крымских татар с момента своего возникновения имело ряд отличительных особенностей. Возвращение на родину, в Крым, восстановление в правах, восстановление своей национальной государственности — эти цели, взаимно дополняя и оплодотворяя друг друга, формировали и питали идеологию, стратегию и тактику крымско-татарского национально-освободительного движения.

Это движение имело элементы схожести — как в программных положениях, так и в формах, методах, хронологических параметрах развития — с движением остальных депортированных народов, прежде всего тех, по отношению к которым историческая справедливость не была восстановлена после 1956 г., например, с движением турок Месхетии, добивавшихся возвращения в Грузию в места своего прежнего расселения, с движением советских немцев, имевшим две стратегические цели: возвращение на берега Волги с одновременным восстановлением автономной Республики Немцев Поволжья и выезд (свободный выезд за пределы Советского Союза на историческую родину немецкого народа).

Однако по силе целеустремленного страстного желания восстановить свою национальную государственность, по глубокой убежденности в исторической обоснованности исконного «права на Крым», принадлежащего

крымско-татарскому народу, по радикальности, накалу патриотических чувств крымско-татарское национальное движение качественно отличалось даже от типологически схожих с ним национальных движений, прежде всего своим максимализмом, своей крутой и решительной категоричностью. Практически оно не допускало никаких альтернативных возможностей «решения» крымско-татарского вопроса, кроме единственного, безусловного, неопровержимого — возвращения народа в Крым, возвращения ему всего, что было насильственно отнято, восстановления Крымской АССР по модели 1921—1944 гг. Ни на какой иной земле, ни в каких иных государственных структурах судьба народа не мыслилась и будущая историческая перспектива не вырисовывалась. Любые попытки примирить крымских татар со сложившимся положением вещей, с их расселением в разных республиках, найти пути национального возрождения на «чужой» земле отвергались как провокационные, враждебные по отношению к коренным интересам народа.

В этой связи в идеологическом обеспечении крымско-татарского национального движения особенно укореняется идея «своей исторической родины», память о Крыме, представление о нем как о законной и единственной в мире «национальной территории» крымских татар. Пожалуй, ни в одном из национальных движений народов бывшего СССР идея своей национальной (этнической) территории, исключительного права данного народа на эту землю, концепция своей национальной государственности не выражается столь бескомпромиссно и столь категорично.

Историческая память становится при этом своеобразным катализатором крымско-татарского национально-освободительного движения. Она формируется как ядро национального самосознания и вмещает в себя отнюдь не только точно установленные, документально подтвержденные, научно обоснованные системы (факты, представления о том, что и как было в действительности, опирающиеся на бесспорные свидетельства и доказательства), но и многие устойчивые мифологемы, романтические версии, «кочующие» поэтические мотивы. Эта память питается самой разнообразной, как достоверно-исторической, так и литературной, беллетристической, фольклорной, легендарной, информацией и, отсеивая все случайное, не встречающее эмоционального отзвука в народной душе, сохраняет в качестве определенных ценностных ориентиров те страницы минувшего, те образы, слова и поступки национальных героев, те события — подлинные, приближенные к достоверности или фантастические, — которые отвечают потребности в на-

циональном самоутверждении, в защите национального достоинства народа, в спасении этноса, грубо вырванного из его естественной культурно-экологической ниши.

Надо не забывать, что непрерывное обогащение исторической памяти крымско-татарского народа вершится отнюдь не в университетских аудиториях, не в академических институтах, не в капитальных исследованиях, безупречных в плане научной методологии, фактографической базы, тщательной экспертизы. Развиваясь стихийно, на основе самодеятельного энтузиазма, устной и рукописной традиции, народная историческая память по-своему компенсирует недостаток подлинных и точных знаний, отсутствие (в первые годы) и слабость формирующейся в 1970-е годы собственной исторической науки, обеспеченной кадрами национальной научной интеллигенции.

Неожиданно по-своему возрождая социологическую доктрину школы М. Покровского, историческая народная память — еще в большей мере, чем «ангажированная» историческая наука, — становится «политикой, опрокинутой в прошлое», и вся политизация крымско-татарского национального движения идет рука об руку с актуализацией исторических версий, полудостоверных-полумифологизированных, обретающих свою плоть и кровь, свои краски, свою устойчивую иконографию, свои эмоциональные оттенки в народной памяти.

Можно выделить несколько основных сюжетно-тематических блоков, обретающих особенную популярность в коллективной народной памяти и одновременно — значение политических и этических ориентиров в идеологической системе крымско-татарского национально-освободительного движения. Это, во-первых (не в хронологической последовательности исторических сюжетов, а в последовательности их идеологической разработки в национальном движении), — образование 18 октября 1921 г. Крымской АССР, значение «ленинского декрета», весь исторический опыт Крымской АССР 1920—30-х годов как якобы «национального крымско-татарского государства»;

Во-вторых, майская трагедия 1944 г., о которой народ не вправе забыть, — и на всем протяжении развития национально-освободительного движения идет как бы непрерывное составление «книги памяти» о том, как это было: тщательно собираются все воспоминания, все свидетельства очевидцев, все обвинительные материалы против инициаторов и исполнителей преступной акции;

В-третьих, проблемы этногенеза крымских татар, основные контуры древней и средневековой истории, роль Крымского ханства в мировой цивилизации. Проблемы этногенеза — происхождения народа — вообще

занимают исключительно важное место в системе исторической памяти. История национально-освободительных движений знает немало примеров, когда подъем национального самосознания и связанные с ним процессы национального возрождения начинались с резкого обострения интереса к своей истории, к своим «истокам» и «корням». На всех этапах национально-освободительного движения крымских татар память об этногенезе подпитывала их убежденность в правоте своего дела, в справедливости своих требований вернуться на земли предков. Выделяя основные проблемы, к которым постоянно возвращалась историческая память крымско-татарского народа, мы не хотим сказать, что этим она ограничивалась. На самом деле она была шире, разветвленное, к тому же отдельные исторические сюжеты не выступали изолированно. В реальном движении, в идеологических постулатах, лозунгах и обращениях многие исторические проблемы объединялись, переплетались друг с другом. Воспоминания о дореволюционной истории с момента присоединения в 1783 г. Крыма к России, об определенных достижениях на начальных этапах существования Крымской АССР, которая в массовом сознании воспринималась формой национальной государственности, хотя и не была таковой, и наконец, о беспощадной акции сталинского режима — эти и другие пласты исторической памяти были сплетены между собой, дополняли и подпитывали друг друга.

В 1960-е годы историей становится уже само национальное движение за возвращение на родину, выдвинувшее к тому времени своих мучеников и героев, давшее примеры гражданской доблести для новых поколений и вызвавшее те акты новой несправедливости и жестокости (судебные процессы и т. д.), которые также не должны были выветриться из народной памяти. Тщательное составление «информаций» (хроник текущих событий) вдохновляет крымско-татарских энтузиастов — историков современности. Описания всех перипетий национального движения, всех подробностей, связанных с судебными процессами, арестами, преследованиями активистов, заполняют тысячи рукописных страниц «неформальных» народных архивов.

Наконец, на современном этапе происходит сильнейший информационный взрыв. Народная историческая память жадно впитывает открытия, еще недавно немыслимые, недоступные для обсуждения и осмысления. Возвращаются из забвения имена Исмаила Гаспринского и Амета Озенбашлы, Нумана Челеби, Джихана и Джафера Сеидаметета-Кырымера, Вели Ибраимова и Усеина Баданинского, рассеивается густой туман лжи вокруг явлений, подвергнутых идеологическо-

му разгрому еще в 1920-х годах (теория «пантюркизма», пресловутая «султан-галеевщина», история первого крымско-татарского Курултая и национального правительства демократической республики 1917—1918 гг., движение «Милли Фирка»), выясняются чудовищные преступления советского режима, совершенные задолго до 1944 г. и связанные уже не только с именем Сталина. Все эти моменты оказываются в теснейшей взаимосвязи с целями, лозунгами, духовными параметрами крымско-татарского национально-освободительного движения, с его содержанием, действенностью, выходом на новые рубежи.

Такова логика коллективных действий народа¹⁹. Историческая память разбудила революционную энергию, вовлекла в движение протеста массы людей; окрепшее в этом движении национальное самосознание само стало катализатором движения, способствовало качественным изменениям в нем. Как в круговороте природы: память разбудила дремлющую энергию, а та в свою очередь, вовлекая широкие массы в борьбу, объединила их сначала разрозненные выступления, превратив в четкое по своим целям, движущим силам и перспективам национально-освободительное движение.

Теоретики и практики, лидеры и идеологи крымско-татарского движения выделяют в его развитии три основных этапа: 1) 1956—1964 гг. — становление движения; 2) 1964—1969 гг. — период наибольшей активности; 3) с 1970 г. — кризис движения.

Учитывая тот факт, что крымские татары и прежде всего интеллигенция, высланная вместе со своим народом, не смирились с депортацией и с самого начала выражали свой протест, оказывали внутреннее сопротивление этноциду, а также имея в виду те новые возможности, которые открылись с началом «перестройки» и знаменовали важнейшие сдвиги в истории крымско-татарского национального движения второй половины 1980-х годов, мы можем вести речь не о трех, а о пяти основных периодах, выделив дополнительно к названным выше еще два: до 1956 г. и после 1985 г.

Первый, «внутриутробный» период зарождения крымско-татарского национально-освободительного движения начался сразу после майской трагедии 1944 г. Едва опомнившись от шока, народ приступил к мобилизации своих внутренних сил для противостояния политике этноцида. Выше мы уже говорили о результатах этого противостояния — о том, что политика этноцида по отношению к крымским татарам в конечном итоге потерпела крах. Разумеется, это выявилось не сразу, и первый период по внешним его проявлениям мог показаться самым тихим, безропотным и печальным. Сохранилось крайне

мало документальных источников о том, как развивалось сопротивление в то жестокое, задавленное комендатурами и «спецрежимными» ограничениями время, когда люди не имели свободы передвижения и подвергались унижительным ежемесячным процедурам регистрации. Поневоле тогда предпочитали говорить вполголоса, читать между строк, писать намеками, таить свои мысли.

«Тихое» сопротивление крымско-татарского народа в первые 12 лет его проживания в режиме спецпоселений все же не прошло бесследно.

28 апреля 1956 г., вскоре после XX съезда КПСС, на котором впервые была дана политическая оценка сталинизму, в ряду других документов, проясняющих историческую память народа, появился Указ Президиума Верховного Совета СССР (№ 27), непосредственно касающийся судьбы крымских татар. Первая статья этого Указа «О снятии с депортированных народов режима спецпоселения» гласила: «Снять с учета спецпоселений и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел», — далее следовал перечень «наказанных» Сталиным народов. Казалось бы, дело шло к восстановлению исторической справедливости. Но напрасны были надежды крымских татар, возлагаемые на этот указ, по сути своей не только половинчатый, непоследовательный, но и, пожалуй, не менее антиконституционный, чем прежние акты грубого произвола и волюнтаризма по отношению к «наказанным» народам. У верхушки советского руководства не хватило ни мужества, ни доброй воли довести до конца дело политической реабилитации пострадавших народов и дело восстановления справедливости. Не случайно этот указ сопровождался грифом «без опубликования в печати» (от советской общественности он скрывался) и вторая статья этого указа фактически сводила на нет дело освобождения народов, подвергшихся этноциду и дискриминации. Эта статья гласила: «Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье 1 настоящего указа (то есть с крымских татар. — М. Г.), не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и не означает, что они имеют право возвратиться на места, откуда они выселены».

Несмотря на то, что крымским татарам были выданы паспорта, с них не сняли обвинения в измене Родине и оставили в силе запрет на возвращение в Крым. Более того, без специальной расписки в том, что крымский татарин отказывается от претензий на оставленное в Крыму имущество, паспорт ему не выдавался¹⁵. Иными словами, память о доме, из которого состоялось выселение в мае 1944 г., объявлялась как бы вне закона. Авторы указа не скрывали своего намерения «решить» крымско-татарскую проблему без возвращения народа в Крым.

Указ 1956 г. подвел черту и стал итогом первого этапа борьбы крымских татар за свое выживание, за сохранение себя в качестве самостоятельного этноса. Вместе с тем стала еще более очевидной недостаточность этого указа для преодоления всех беззаконий и несправедливостей, допущенных по отношению к крымско-татарскому народу. Значение указа, как завершающего первый этап, заключалось лишь в том, что он открыл новые перспективы перед формирующимся движением, позволил продолжить борьбу, соединить интеллектуальные усилия по сохранению исторической памяти с разработкой организационных мер, придававших самому движению качественно новую структуру — уже не только стихийного, массового, но и организованного сопротивления. Важной вехой в этой организации было начало петиционных кампаний, стремительно приобретающих всенародный (объединяющий сотни тысяч крымских татар) характер. Публичное признание XX съездом КПСС порочности культа личности Сталина, незаконности выселения народов открыло дополнительные шлюзы движениям «наказанных» народов, которые смогли расширить и активизировать борьбу в защиту своих прав.

В документе, составленном через 13 лет и известном под названием «Всенародный протест», лидеры крымско-татарского национального движения сами следующим образом описывали и оценивали события той поры: «...Признание съездом незаконности выселения народов, обещание ЦК КПСС следовать курсу ленинской национальной политики и некоторая относительная демократизация советской жизни дали крымско-татарскому народу возможность, правда весьма ограниченную, поднять голос в защиту своих прав. Начиная с 1957 г. наш народ неоднократно обращается к руководству страны с ходатайством рассмотреть и решить крымско-татарский национальный вопрос. В Москву были посланы многочисленные делегации крымских татар из числа людей уважаемых в народе и имеющих большие заслуги перед страной. Но воля народа в Москве игнорировалась, а власти на местах... занялись изысканием и преследованием организаторов, устройством всевозможных провокаций... Но подобные меры не могли сломить воли нашего народа — жить на своей родной земле, восстановить свою национальную государственность... — Крымскую АССР. Участились письма, обращения и петиции народа в адрес правительства, начались массовые собрания и митинги трудящихся.

Начиная с 1964 г. народ организовал постоянное представительство крымских татар в Москве — непрерывно сменяющуюся делегацию, которая занималась систематизацией и сдачей в правительственные учрежде-

ния писем и обращений трудящихся, информированием представителей советской общественности о положении народа и регулярно выпускала и распространяла “Информацию”, где сообщалось народу о количестве сданных документов, беседах с должностными лицами...

На местах спецпоселения крымских татар были созданы народом специальные “Инициативные группы содействия партии и правительству в решении национального вопроса крымско-татарского народа”, которые состояли из активистов национального движения, наиболее уважаемых в народе людей. Ни в коей мере не выходя за рамки закона, “Инициативные группы” организовали различные мероприятия, имеющие целью довести до сведения партии и правительства подлинные цели и устремления крымско-татарского народа, занимались сбором подписей под петициями в адрес правительства, сбором за счет пожертвований народа средств для отправки делегаций в Москву, для помощи семьям осужденных участников национального движения и т. д. Все списки выбранных народом членов инициативных групп — свыше 5000 человек — были сданы в ЦК КПСС. Регулярно организовывались всеобщие собрания представителей инициативных групп всех населенных пунктов, где проживают крымские татары, на которых (собраниях. — М. Г.) вырабатывалась общенациональная точка зрения на все актуальные вопросы в жизни народа. Но вместо того, чтобы обсуждать с этими подлинными представителями народа пути решения его национального вопроса, власти обрушились на них репрессиями. Подверглись гонениям и репрессиям и делегаты народа в Москве, несмотря на то, что все они имели скрепленные тысячами подписей трудящихся мандаты с правом на представительство от имени народа. Нередко власти арестовывали, предавали суду, избивали и насильственно выдворяли их из Москвы»¹⁶. В становлении идеологии, в формировании движущих сил и в выработке организационных форм крымско-татарского национального движения во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов видную роль сыграла крымско-татарская интеллигенция, состоящая из бывших партийных и советских работников, ветеранов войны и труда, представителей творческих профессий, ученых, журналистов, выселенных вместе со своим народом, а также из представителей молодого поколения крымских татар, стремящихся получить образование и уже находящих свои пути в вузы, в студенческие аудитории.

Географические рамки движения на этом этапе ограничивались Узбекистаном — республикой, в пределах которой была расселена наиболее значительная часть переселенцев из Крыма.

Главной формой движения были письменные обращения и петиции в высшие органы государственной и партийной власти. Идеологической предпосылкой широкой петиционной кампании была наивная вера в то, что властные структуры прислушаются к голосу народа, примут во внимание «верноподданические» настроения, выраженные в бесконечных прошениях с обязательными ссылками на «ленинский курс», на решения XX съезда КПСС и т. п. Пафос большинства обращений на этом этапе состоял в уверениях преданности крымских татар советской Родине, Коммунистической партии, заветам Ленина. Относя трагедию своего народа исключительно к издержкам «культы личности», авторы петиций выражали надежду, что нынешнее руководство исправит эти ошибки и позволит крымским татарам вернуться на родную землю.

О широком, поистине всенародном размахе петиционных кампаний свидетельствует тот факт, что некоторые обращения собирали более чем 100 тыс. подписей. Эскалация петиционной кампании встревожила официальные власти. Уже в 1961 г. начались репрессии против активистов движения. Одним из первых судебных процессов против восстановления исторической памяти крымско-татарского народа стало дело Энвера Сеферова и Шевкета Абдураманова, приговоренных Ташкентским областным судом 11 октября 1961 г. к семи и пяти годам лишения свободы за распространение рукописей, освещающих трагическую историю депортации крымско-татарского народа, содержащих протест против попыток насильственной ассимиляции и укоренения крымских татар на местах принудительного поселения, против уничтожения культуры и самобытности крымско-татарского народа.

В приговоре суда говорилось: «...Сеферов Энвер, используя национальные чувства татар, составил, размножил и сам лично через посредство других распространял антисоветские документы... изготовленные им документы были направлены по известным ему адресам жителей г. Чирчика, Намангана, Ферганы, Сухуми и в письмах этим лицам предлагал распространять эти антисоветские документы и среди других татар... Абдураманов Шевкет в 1961 г. был ознакомлен Сеферовым с этими документами, а затем получил от него 7 экземпляров этих документов для распространения среди жителей города Ленинабада...»¹⁷.

В начале 1960-х годов прежние формы социального протеста против национальной дискриминации (петиции, информационные письма) еще не исчерпали себя, но уже наметилось серьезное смещение акцента освободительной борьбы. Руководители движения стали отказываться от миссии ходяков с протянутой рукой по всесоюзным партийно-государст-

венным инстанциям и подошли к более трезвой оценке реальной ситуации, в которой оказались крымские татары, именуя все случившееся со своим многострадальным народом новым и более емким определением — геноцид. Обращение к исторической памяти катализировало активность лидеров движения и влило в него свежие силы.

Противостояние беспамятству и первые ростки потрясенного национального самосознания появились тогда, на стыке 1950—1960-х годов, и толчком к этому послужило стремление к изучению истории своего народа. Надо было осмыслить всю глубину случившейся трагедии, убедиться в преступности любых попыток прервать линию этничности народа. Восстанавливая историческую память шаг за шагом, год за годом, инициаторы движения за национальное возрождение и возвращение помогли широким массам убедиться в том, что депортация целого народа явилась не случайной ошибкой каких-то конкретных злонамеренных лиц, а была неотъемлемой составной частью политики «Крым — без крымских татар».

Обращение молодых активистов крымско-татарского движения к урокам истории позволило им убедить колеблющихся в том, что с помощью одной лишь петиционной, унижительной «просительной тактики» ничего не удастся получить. Иллюзии на решение крымско-татарской проблемы «сверху» рушились. Опираясь на свою историческую память, народ стал потенциально готовиться к осадной борьбе за свою этничность и свое будущее.

Переход от первого «тихого» этапа борьбы за освобождение (до 1956 г.) ко второму, «интеллектуальному», этапу ознаменовался заметной активизацией интереса к истории среди молодежи.

Вспоминая начало своей деятельности в крымско-татарском движении — 1961—1962 гг., его нынешний лидер Мустафа Джемилев подчеркивал, что решающую роль сыграло его обращение к историческим источникам и книгам. Занимаясь в отделе редких и старинных изданий Ташкентской публичной библиотеки им. А. Навои, он находил книги, содержащие сведения по истории Крыма и крымских татар. Его эрудиция и интерес к истории своего народа были замечены товарищами, и ему предложили выступить перед своими соотечественниками с лекцией об основных этапах этнической и политической истории крымских татар. Сделанное им сообщение вызвало бурную реакцию аудитории, возмущение нынешним несправедливым положением народа, у которого столь богатая и славная история. Разгорелась горячая дискуссия о путях и способах достижения главной цели — возвращения народа на родину. Можно понять и представить себе настроение молодежной

аудитории, перед которой их соотечественник, молодой знающий свой предмет лектор, вопреки официальной доктрине, насаждаемой в школах и вузах, представляющей предков крымских татар чуть ли не дикарями и захватчиками, рассказывал о том, что крымские татары создали великую культуру на своей исторической родине, что в их политической истории было немало побед над весьма сильными противниками. Слушатели не раз прерывали лекцию аплодисментами, в частности, в тех местах, где речь шла о том, как царь российской империи Петр I потерпел в 1711 г. поражение на берегах речки Прут от турецко-татарских войск; о том, что уже полтысячи лет назад у крымских татар было высшее учебное заведение (медресе) — один из старейших в мусульманском мире и в Европе университетов; о том, что крымские татары не раз одерживали победы и даже «наводили порядок» в самой Москве. Восстановление исторической памяти становилось благоприятной питательной средой для роста национального самосознания, для раскрепощения молодой энергии, для освежительного генерирования процессов этнизации масс и одновременной политизации национального движения. Именно в ходе таких исторических «экскурсий» складывался менталитет инициаторов и участников крымско-татарского движения.

Закономерно, что в ходе одной из таких лекций и последовавшей затем дискуссии возникла идея о создании молодежной организации крымских татар для борьбы за свои права.

В уже цитированном выше обзоре крымско-татарского национального движения 1956—1969 гг. под названием «Всенародный протест», опубликованном в книге «Ташкентский процесс», дело о «Союзе крымско-татарской молодежи» занимает всего полторы страницы:

«С декабря 1961 по апрель 1962 г. в г. Ташкенте, — говорится в этом обзоре, — периодически собирались молодые люди крымско-татарской национальности, преимущественно студенты, рабочие и служащие из близлежащих районов города. На своих собраниях они читали стихи, обсуждали различные политические вопросы и в особенности проблемы своего крымско-татарского народа. С целью содействовать возвращению народа на Родину — в Крым — молодые люди намеревались организовать сбор подписей под петицией в адрес правительства с изъявлением воли народа. Таких собраний было всего четыре. Благородное начинание было прервано вмешательством КГБ. 8 апреля 1962 года четверо из числа молодых людей (Омеров Марат, Умеров Сеит-Амза, Асанов Ахмед и Годженов Рефат. — М. Г.) были арестованы»¹⁸.

Между тем история «Союза крымско-татарской молодежи» интересна не только как пример вопиющего беззакония — судебного и административного преследования за исторические лекции, стихи, собрания молодежи. Это была фактически первая «неформальная» организация, имевшая свою конституционную структуру и программу. К весне 1962 г. были составлены Программа и Устав Союза, а к его названию было добавлено «за возвращение на Родину». У нас нет возможности проанализировать программные документы этой молодежной организации, но со слов бывшего одним из членов этого Союза Мустафы Джемилева известно, что программа выдвигала в качестве задачи первостепенной важности проведение широкой пропагандистско-разъяснительной кампании с целью повышения политической сознательности и общественной активности крымско-татарского населения. Планировалась кампания по сбору подписей под петицией к правительству с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении крымских татар в Крым. В структуру организации были включены несколько отделов: финансовый, исторический, коммуникационный и даже особый отдел, задача которого состояла в том, чтобы наблюдать за безопасностью членов организации, за тем, чтобы в организацию не проник провокатор. Как видим, у Организации крымско-татарского национального движения (ОКНД), которая возникла спустя 27 лет и которую М. Джемилев возглавил в конце 1980-х годов, было на что опереться в историческом опыте крымско-татарского национального движения начала 1960-х годов. В «Союзе крымско-татарской молодежи» М. Джемилеву было поручено руководить историческим отделом, функции которого были не менее важны, чем функции иных, оперативно-организационных, отделов. Лидеры молодежной организации придавали большое значение восстановлению подлинной истории крымско-татарского народа, подготовке текстов полемических выступлений против фальсификаций этой истории, организации сбора произведений устного народного творчества крымских татар.

Первый политический процесс над участниками «Союза крымско-татарской молодежи» состоялся в августе 1962 г. Верховный суд Узбекской ССР приговорил заводского мастера Марата Омерова и студента юридического факультета Сеит-Амзу Умерова к 4 и 3 годам лагерей строгого режима. В последний день судебного процесса, когда конвой препровождал осужденных из здания суда в тюремную машину, девушки бросали им под ноги цветы, а сотрудники КГБ фотографировали тех и других. За «участие в антисоветской организации» несколько человек, связанных с «Союзом крымско-татарской

молодежи за возвращение на Родину», исключили из институтов, нескольких уволили с работы. Об этой истории подробно рассказал Мустафа Джемилев в письме к П. Г. Григоренко в ноябре 1968 г.¹⁹

Безрезультатность пассивной «просительной» кампании, репрессии против активистов привели к известному разочарованию в отработанных формах и способах крымско-татарского движения, характерных для периода 1956—1964 гг. Вместе с тем, оценивая общие результаты второго этапа крымско-татарского движения, следует отметить его главные итоги. Во-первых, обращение к исторической памяти, отраженное в многочисленных петициях, породило широкий интерес к крымско-татарской истории и к современному положению народа. Во-вторых, сами организаторы движения осознали необходимость новых форм борьбы, так как возможности верноподданических обращений себя исчерпали. В-третьих, расширение сопротивления властям одновременно придавало новые импульсы росту национального самосознания, поднимало свежие молодые силы, включало новые поколения в борьбу.

Рубежом, с которого крымско-татарское национально-освободительное движение вступает в свой новый (по нашей периодизации — третий) этап, принято считать Октябрьский пленум ЦК КПСС (1964), или «октябрьский переворот», отстранивший Н. С. Хрущева от власти. Действительно, разочарование в прежнем «верхнем эшелоне» советского и партийного руководства, которое не пожелало кардинально решить крымско-татарский вопрос, накопление обид и претензий к Хрущеву, который «подарил» Крым Украине и, восстановив Калмыцкую, Чечено-Ингушскую, Кабардино-Балкарскую АССР, отказался восстановить Крымскую АССР, и главное, прилив надежд на то, что новое советское руководство вернется к крымско-татарскому вопросу, исправит допущенные Хрущевым ошибки, сыграли определенную роль в активизации крымско-татарского национально-освободительного движения в середине 1960-х годов. Однако главные причины этой активизации, подъема, разработки новых форм и методов борьбы коренились в самой природе этого движения. Жизнь очень скоро показала призрачность надежд, возлагаемых на новое брежневское руководство, более того — обрушила на крымских татар град более жестоких репрессий, чем те, которым подвергались первые кружки, союзы, первые инициативные группы в начале 1960-х годов. Но это не остановило движение, не помешало его подъему.

Подпитанное исторической памятью, проснувшееся и укрепляющееся национальное самосознание крымских татар привело в ряды движения новые силы, обогатило само движение, способствовало увеличению многообразия его форм, расширению географии его проявления.

Несмотря на репрессии властей, движение перекидывается из Узбекистана в другие республики, в том числе в Казахстан, Таджикистан, Киргизию, Туркмению, на Северный Кавказ, наконец, выходит на территорию Крыма, куда устремились в 1967 г. первые группы возвращающихся крымских татар.

Вместо петиционных форм, где главным действующим лицом был автор прошения и узкая инициативная группа, собирающая подписи под очередной петицией, на этнополитическую арену выплеснулись коллективные акции — митинги, демонстрации, маевки, уличные шествия и собрания, выезды крупных отрядов «представителей крымско-татарского народа» в Москву. В широкой волне митингов, прокатившихся по всем местам расселения крымских татар, приняли участие десятки тысяч человек.

Как правило, многие коллективные действия привязывались к определенным историческим датам. Главной датой исторической памяти крымских татар было 18 октября 1921 г. — день подписания декрета о создании Крымской АССР. Именно к этой дате — впервые в 1966 г., к 45-летию республики, — были приурочены крупные массовые акции во всех регионах проживания крымских татар. Традиционными днями памяти были также дни рождения В. И. Ленина, уважение к которому, прежде всего как к человеку, подписавшему декрет о Крымской автономии в 1921 г., нерушимо сохранялось в народе и культивировалось в крымско-татарском движении в этот период.

Углубленное изучение истории своего народа, осознание причин трагедии, постигшей крымских татар, широкое распространение крымско-татарского «самиздата», настрой на продолжительную, трудную борьбу стали характерными чертами крымско-татарского национального движения второй половины 1960-х годов. Оно еще не имело в это время какого-либо единого организационного центра, но уже выдвигало все более значительных, запоминающихся лидеров (Мустафа Джемилев, Решат Джемилев, Айше Сейтмуратова и др.), способных защищать гражданские права народа. Пока основной трибуной этих людей оставались скамьи подсудимых на судебных процессах, прокатившихся широким валом повсюду, где имели место массовые выступления крымских татар. Но при всей ограниченности аудитории, способной слышать эти речи, они обретали сильную мобилизующую агитационную роль, в них формулировались цели движения, требования крымско-татарского народа, проявлялась наступательная активность. Вот, к примеру, как защищался, отказавшись от адвоката, Мустафа Джемилев на своем первом судебном процессе, состоявшемся в Таш-

кенте 1 мая 1966 г.: «...Сотрудники КГБ взбешены тем, что мы собираем статистические данные о погибших на местах ссылки крымских татарах, что собираем материалы против садистов-комендантов, которые издевались над народом в годы сталинщины и которые в соответствии с Уставом Нюрнбергского Трибунала должны предстать перед судом за преступления против человечества... В результате преступления 1944 г. я потерял тысячи и тысячи своих братьев и сестер. И об этом надо помнить! Помнить так же, как о крематориях Освенцима и Дахау. Помнить, чтобы это больше никогда не повторилось. Помнить и в корне изживать нацистскую и шовинистическую гадину, порождением которой явились эти преступления»²⁰.

Важнейшим признаком «конституирования», оформления крымско-татарского национального движения как организованной силы стало проведение нелегальных собраний «инициативных групп». Само понятие «инициативная группа» не было новым для лексикона участников движения, однако суть этого явления изменилась. Если первые инициативные группы (конца 1950-х—начала 1960-х годов) формировались для кратковременной, конкретной цели (сбор подписей под той или иной петицией, конкретное ходатайство) и быстро распадались по достижении этой цели, то инициативные группы второй половины 1960-х годов превратились в постоянно действующие структуры со стабильным представительством в них людей, связанных друг с другом постоянной общей работой. Фактически это были уже первичные ячейки зарождающейся организации. Первое крупное нелегальное собрание представителей инициативных групп состоялось в сентябре 1967 г. в Ленинабаде, куда съехались крымско-татарские активисты из Узбекистана и Таджикистана. В дальнейшем такие собрания проводились по отдельным республикам, «кустам», областям компактного расселения крымских татар: летом 1968 г. в г. Алмалыке состоялось нелегальное собрание представителей инициативных групп Ташкентской области, в феврале 1968 г. собрание местной инициативной группы прошло в Фергане, в сентябре 1968 г. — в Ангрене и т. д.

Вместе с тем во второй половине 1960-х годов заметно расширяется круг контактов лидеров, активистов крымско-татарского движения с «внешним» (по отношению к крымско-татарскому народу) миром. Они обращаются к представителям соседних народов, к советской интеллигенции (так, например, апрельское 1968 г. «Обращение 16-ти», адресованное «Советским писателям, работникам науки», имело большой общественный резонанс), к руководителям советского государства, и их голос слышат и в московских правительственных ка-

бинетах, и в центрах формирующегося в СССР правозащитного движения. Наряду с письменными петициями все шире распространяются нелегальные печатные издания, прежде всего регулярные выпуски «Информации», в которых освещаются — с позиций крымско-татарского национального движения — все текущие политические события.

Уходят в прошлое времена, когда с крымско-татарскими представителями ни в Москве, ни в Ташкенте, ни в областных центрах никто из лиц, наделенных властью, не хотел говорить (лишь однажды в 1957 г. группа этих представителей попала в Кремль на прием к А. И. Микояну). Теперь их принимают в Москве А. И. Микоян (август 1965 г.), М. П. Георгадзе (март 1966 г.), Ю. В. Андропов, М. П. Георгадзе, Р. А. Руденко, Н. И. Щелоков (июль 1967 г.).

Москва во второй половине 1960-х годов становится местом постоянного пребывания там все нарастающих по численности групп представителей крымско-татарского народа. И приезжают в Москву крымские татары не с пустыми руками. Показательно в этом отношении «дело» Ахмеда Керимова, который был арестован 16 июля 1967 г. у здания гостиницы ВДНХ. Слесарь-монтажник Ферганского СМУ-2, он прибыл в составе крымско-татарской народной делегации. При нем оказался сверток с лозунгами на зеленых и красных полотнищах. Лозунги раскрывали важнейшие цели и постулаты крымско-татарского национального движения: «23 года крымско-татарский народ в изгнании. Хватит позора!», «Отмените антиконституционные Указы 1946, 1956, 1966 годов!», «Прекратите дискриминацию и репрессии против трудящихся крымских татар!», «Положите конец последствиям культа личности!», «Свободу жертвам произвола!», «Восстановите наше равноправие!», «Восстановите декрет В. И. Ленина!», «Восстановите равноправие крымско-татарского народа!», «Да здравствует равноправие для всех!». Состоявшийся в Москве 22 января 1968 г. закрытый суд признал перечисленные лозунги антисоветскими, «содержащими заведомо ложные измышления против советского общественного и государственного строя»²¹, и Керимов был осужден на два года лишения свободы.

Однако репрессии против представителей крымско-татарского народа в Москве не останавливают их нарастающий приток в столицу. Так, к 18 мая 1968 г. (к 24-й годовщине майской трагедии) в столице собирается около 800 делегированных представителей из разных районов проживания крымских татар, 16 мая они направляют телеграмму в Политбюро ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР с изложением своих требований, связанных с восстановлением автономии и возвращением народа в Крым.

На «ходоков» устраиваются массовые облавы в гостиницах, в учреждениях, на вокзалах; их задерживают, принудительно высылают из Москвы, сопротивляющихся арестовывают, но это не останавливает все нарастающее, все более ошущающее свою силу движение. На каждый репрессивный акт (разгоны демонстраций, аресты, облавы, судебные процессы против крымских татар) они отвечают все более энергичным сопротивлением — новыми митингами, новыми, более смелыми и решительными, политическими акциями.

В этом нарастающем сопротивлении вообще заключалась наиболее существенная особенность крымско-татарского национального движения на данном этапе. Весь период 1965—1969 гг. может показаться сплошной черной полосой нарастающих репрессий, следующих друг за другом неудач крымско-татарского движения: ужесточаются преследования активистов, разгоняются самые невинные, мирные демонстрации, пресекаются даже попытки возложения крымскими татарами венков к памятникам В. И. Ленину. Удары, наносимые крымско-татарскому движению, следуют друг за другом: 7 августа 1967 г. силами милиции производится грубый разгон собравшихся перед горкомом партии крымских татар в городе Бекабаде, в сентябре — суд над группой участников этого собрания; 12 мая 1966 г. в Ташкенте проходит суд над арестованным ранее Мустафой Джемилевым, приговоривший его к полутора годам лишения свободы; с июля по октябрь 1966 г. — целая сеть арестов активистов движения, представителей крымско-татарского народа в Москве; 19—20 мая 1967 г. — судебный процесс над Тимуром Дагджи, Сервером Шамратовым, Айше Сейтмуратовой; жестокому разгону подвергаются все митинги и демонстрации, которые крымские татары пытаются провести в разных городах с 8 по 18 октября 1966 г. (к 45-й годовщине Крымской АССР), и далее следуют один за другим процессы над участниками этих демонстраций в Бекабаде, Ангрене, причем ни одно судебное заседание не заканчивается оправдательным приговором. Казалось бы, мрак все больше сгущается. Власти умело жонглируют законом, применяя против крымско-татарских активистов то указы об ответственности за «мелкое хулиганство», за нарушение общественного порядка (более 130 человек были арестованы на 15 суток только в связи с попытками проведения митинга в Ташкенте 27 августа и 2 сентября 1967 г.), то более серьезные статьи Уголовного кодекса Узбекской ССР и РСФСР. Так, статью 74 УК РСФСР («разжигание расовой и межнациональной розни») используют в судебном процессе против Т. Дагджи и др. в мае 1967 г. Главным инструментом судебных репрессий становится ста-

тья 191 УК УзССР об уголовной ответственности за «антисоветскую агитацию и пропаганду». В сентябре 1966 г. к ней были сделаны специальные дополнения фактически для узаконения судебного преследования крымских татар.

Продолжается массированное наступление на историческую память народа, его национальное самосознание. «Криминалом» объявляется проявление интереса к прошлому своего народа. Следственные дела и судебные приговоры опираются на конфискованные при обысках материалы, свидетельствующие о поисках информации, о жажде знаний. Так, в 16 томах документов, собранных следствием в 1967—1968 гг. против четырех крымско-татарских активистов (Энвера Маметова, Юсуфа (Юрия) Османова, Сейдамета Меметова и Сабри Османова), содержались письма, статьи и обращения крымско-татарского народа в советские инстанции, в том числе письмо в ЦК КПСС по поводу подписания СССР международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, отклик на статью «Одиссея инженера Гирея» в «Известиях», заметки о сочинениях И. Вергасова, статьи «О некоторых вопросах восточной политики», «Аннексия Крымской АССР в свете некоторых вопросов права и статистики», очерки «Петр Павленко: время, жизнь и советские писатели», «Историческая судьба крымских татар», Статья русского писателя А. Е. Костерина и другие подобные материалы. Другой аналогичный пример: при аресте и обыске инженера-физика Иззета Хаирова 13 сентября 1968 г. в Ташкенте в числе документов, изъятых у него и квалифицированных как «содержащие заведомо ложные измышления», были: машинописный текст брошюры академика А. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», тетради с выписками из произведений средневековых персидских поэтов Саади, Джамии, выписки из различных книг о деятельности просветителя мусульманского Востока И. Гаспринского, записи судебного процесса над семью жертвами Чирчикского произвола в апреле 1968 г., фотокопия книги П. А. Никольского «От Крымского ханства до наших дней», личные письма, вырезки из советских газет²².

В списке документов, признанных следственным отделом КГБ при Совете Министров Узбекской ССР 3 февраля 1969 г. вещественными доказательствами в деле обвинения крымских татар (Байрамова, Кадыева, Хаирова, Аметовой, Умерова, Языджијева и других) и квалифицированных как документы, «порочащие советский государственный и общественный строй», были письмо Кадыева на имя Генерального секретаря ЦК КПСС, Обращение крымско-татарского народа к

Сессии Верховного Совета СССР, Обращение к советским писателям и работникам науки, Обращение к советской общественности и к Президиуму Верховного Совета СССР от 40 крымских татар, вернувшихся в Крым, статья А. Е. Костерина «О малых и забытых»²³, и другие подобные документы (открытое письмо А. Костерина в «Литературную газету», письмо П. Григоренко на имя Председателя КГБ СССР Ю. Андропова), которые никакого отношения к «клевете» на советский государственный и общественный строй не имели, а свидетельствовали лишь о стремлении к глубокому познанию прошлого крымско-татарского народа и к аргументированному обоснованию его требований о возвращении на родину.

Произвол и попрание справедливости, жестокость, нетерпимость, глумление над национальным достоинством крымско-татарского народа, казалось бы, торжествуют. И в то же время, с другой стороны, чем страшнее выглядит весь этот период, чем жестче, циничнее, грубее сопротивляется система, вооруженная всеми проверенными карательными мерами, крымско-татарскому национальному движению, тем очевиднее крупные достижения этого движения на данном этапе.

Три основных момента характеризуют эти принципиальные достижения: 1) появление Указа от 5 сентября 1967 г. — этого буквально вырванного у советской власти акта политической реабилитации крымско-татарского народа; 2) переход движения в новую стадию, связанную с первыми попытками возвращения крымских татар в Крым — перемещение самой арены разворачивающихся (пока еще чаще трагически оборачивающихся) событий на территорию Крымской области; 3) установление прочной связи крымско-татарского национально-освободительного и всесоюзного правозащитного движений.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. и последовавшее за ним Постановление «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года» были важнейшим завоеванием крымско-татарского движения.

Долго готовились эти документы (более года прошло после XXIII съезда КПСС, который, как надеялись крымские татары, должен был решить их вопрос). Скупыми, вялыми, нечеткими (как бы неохотно выговоренными сквозь зубы) были основные, реабилитирующие крымско-татарский народ формулировки этого указа. Неустраненными оставались важнейшие противоречия и невыясненными перспективы возвращения людей в Крым. Глухим и нарочитым замалчиванием был окружен сам факт принятия этого указа. Центральная

печать по этому поводу не била в литавры, и миллионы советских людей, включая жителей Крыма, и после подписания указа не подозревали о том, что в отношении крымских татар что-либо принципиально изменилось. Да и самому крымско-татарскому народу этот указ был спущен с издевательским цинизмом: людям в Ташкенте не позволили собраться, выслушать вернувшихся из Москвы представителей, уже знавших — лично от Ю. В. Андропова — о подготовленном указе, не дали обсудить новую ситуацию; попытки проведения в Ташкенте митингов 27 августа и 2 сентября 1967 г. обернулись против крымско-татарского народа новыми репрессиями, новой волной арестов и судебных процессов, которыми Советская власть «поздравила» крымских татар с этим долгожданным указом.

И все же, несмотря на все перекосы, на всю неполноценность этого указа, его появление было важным событием, вехой в истории крымско-татарского национального движения, его первой большой политической победой. Активность коллективных действий народа, переход от петиций и прошений к массовым демонстрациям — сделали свое дело. Однако, делая уступку крымско-татарскому национальному движению, власти не довели дело до полной реабилитации и не удовлетворили все требования народа. Более того, в самом указе содержалась еще одна попытка наступления на историческую память крымских татар. Не случайно все крымско-татарское население было названо не его историческим этнонимом («крымские татары»), а несколько странным, допускающим разночтения и двусмысленность определением «граждане татарской национальности». Была предпринята еще одна попытка давления на общественное мнение заявлением о том, будто татары, ранее проживавшие в Крыму, «укоренились» на территории Узбекской и других союзных республик.

Создатели указа были, разумеется, хорошо осведомлены о том, что крымские татары борются за возвращение в Крым, за обретение отнятой родины. Тем не менее указ пытался укрепить в общественном мнении мысль об адаптации крымских татар в местах спецпоселений. В известном отношении указ дезориентировал общественное мнение, утверждая, будто крымские татары пользуются всеми правами советских граждан, принимают участие в общественно-политической жизни, избираются депутатами Верховного и местных Советов, работают на ответственных постах, «для них ведутся радиопередачи, издается газета на родном языке, осуществляются другие культурные мероприятия». Вся эта благостная картина была весьма далека от истинного положения дел.

В действительности, вопреки заверениям указа, продолжалась дискриминация крымских татар. Так, например, в Узбекистане прием крымских татар в ряды членов КПСС был резко ограничен и поставлен в зависимость от их отношения к национальному движению. Если выяснялось, что крымский татарин положительно отвечает на вопрос о том, желает ли он вернуться в Крым, помогает ли активистам движения деньгами, сочувствует ли требованиям о восстановлении национальной государственности, то какими бы ни были все другие качества кандидата, ему отказывали в приеме в партию²⁴.

Несостоятельность всех содержащихся в Указе заверений в полноправности «граждан татарской национальности» быстро обнаружилась, когда крымские татары попытались, опираясь на законную основу, начать возвращение в Крым. Буквально через три месяца после опубликования указа из мест бывших спецпоселений в Крым возвратилось около 1200 семей общей численностью до 6000 человек. Однако эта первая (после указа) волна стихийного переселения буквально захлебнулась, столкнувшись с хорошо подготовленным барьером яростного сопротивления со стороны местных властей.

В Крымской области были ужесточены условия прописки, в том числе введены новые правила о необходимости прописки даже в сельской местности. Руководителям местных предприятий была разослана тайная инструкция не принимать крымских татар на работу, нотариальным конторам было предписано чинить всяческие препятствия при оформлении купли домов вернувшимся на родину крымскими татарами. Без законного оформления купчей, то есть конституирования факта приобретения дома, поселение крымско-татарской семьи в Крыму рассматривалось как незаконное, и такая семья могла быть выдворена за пределы области.

«3 июня, — рассказывала одна из потерпевших О. А. Смаилова, — нас судили за «незаконное» оформление дома, тогда как мы горим желанием законно его оформить. В ночь с 28 на 29 июня 1969 г. ...нас разбудил страшный стук в дверь. На вопрос: «Кто там?» было выломано окно, и в комнату ворвались несколько человек. Это была милиция и дружинники под командованием начальника милиции Белогорского района Новикова... Все они были в нетрезвом состоянии. Завязав мне руки, они вытащили меня через окно. Я стала кричать и звать на помощь соседей, но мне тут заткнули рот. Затем вытащили сонных детей. Дети перепугались, плакали и кричали... Мы были отправлены в Краснодарский край, станицу Усть-Лабинская. Оставили нас под открытым небом, в незнакомом месте, без копейки денег, без пищи, с четырьмя детьми. Мы голодали в течение трех суток»²⁵.

Важным механизмом блокировки возвращения крымских татар в Крым было искусственное создание местными властями ситуации «проживания без прописки», которая рассматривалась официальным законодательством как «нарушение паспортного режима» и наказывалась не только насильственным выселением за пределы Крыма, но и различными сроками тюремного заключения.

Еще одной уловкой по сокращению въезда крымских татар на родину стала официально разрекламированная кампания по «оргнабору», в ходе которой, начиная с весны 1968 г., специальные уполномоченные из Крыма оформляли договора о приеме на работу желающих вернуться в Крым крымских татар. В подготовленном активистами документе крымско-татарского движения «Всенародный протест» эта акция получила следующую оценку: «...власти объявили, что крымские татары, желающие выехать в Крым, будут переселяться планомерно посредством заключения трудовых договоров с выехавшими для этой цели в Узбекистан представителями администрации Крымской области. Но быстро выяснилось, что это был всего лишь очередной нечестный трюк властей, имеющий целью предотвратить намеченный к лету 1968 г. массовый самовольный выезд крымских татар в Крым. За весь 1968 г. «оргнабором» в Крым было переселено всего 148 семей. Выдача переселенческих книжек для желающих выехать в Крым по «оргнабору» с первых же дней была сосредоточена в руках КГБ, который постарался максимально использовать это против национального движения народа. Открыто говорилось, что по «оргнабору» будут переселены только те, кто не принимает участия в движении народа, не посещает митингов и собраний, не пишет и не подписывает заявлений и обращений с требованиями решить национальный вопрос крымских татар, то есть стимулировалось равнодушие к судьбе всего народа, к общенациональным интересам»²⁶.

Оргнабор не решил проблемы репатриации. Если в 1968 г. на него все же откликнулись 148 семей, то в 1969 г. их было только 33, в 1970 г. — всего 16.

Открытое противостояние властей переселению вызвало новую форму национального движения — самовольное, без официального разрешения властей вселение в Крым. В 1968 г. из 12 тысяч крымских татар, явочным порядком вернувшихся в Крым, были прописаны лишь 18 семей и 13 холостяков. При этом за «нарушение паспортного режима» были осуждены на разные сроки 17 человек²⁷.

Драматическую картину борьбы за право жить в Крыму первой волны переселенцев, пытавшихся вернуться на родину в 1967—

1968 г., рисуют материалы, собранные активистами крымско-татарского движения и включенные в обращение «Всенародный протест»: «...вера крымско-татарского народа в то, что наконец покончено с антиконституционным режимом спецпоселения и наметились пути к решению его национального вопроса... была подвергнута серьезным испытаниям, как только первые переселенцы ступили на родную землю. Административные органы всех населенных пунктов Крыма имели твердую инструкцию ни в коем случае не прописывать крымских татар, отделы кадров предприятий и организаций Крыма отказывались принимать их на работу даже в случаях острой нехватки рабочей силы и специалистов, русские и украинцы, оказывающие временный приют крымским татарам, подвергались штрафам, угрозам и шантажу. КГБ, милиция и укомплектованные из молодых негодяев и деклассированных элементов банды так называемых «народных дружинников» стали выдворять вернувшихся на родину крымских татар... путем прямого насилия... 17 сентября 1967 г. из совхоза им. Пятилетия Узбекской ССР Ташкентской области приехали в свое родное село в Крыму — Ускуп (ныне Приветное) Алуштинского района Кайтаз Идрис с семьей... и Кара Иззет с семьей... По приезде они обратились к руководству совхоза с просьбой принять их на работу. Им было отказано, несмотря на то, что совхоз очень нуждался в плотниках и трактористах, какими являются Кайтаз Идрис и Кара Иззет. Рабочие совхоза уведомили их, что существует указание не принимать крымских татар. В общежитие совхоза, где имелось много свободных мест, не пустили на ночь даже детей... Семьи были вынуждены покинуть совхоз и на окраине деревни раскинуть палатку, где и ютились 10 дождливых дней... 29 сентября на полянку подъехала машина, и милиционеры быстро свалили палатку, скрутили руки мужчинам и, погрузив всех в машину, отправили в Джанкой, чтобы затем вывезти из Крыма... 26 мая 1968 г. группа крымских татар в количестве 98 человек установила 9 палаток за чертой г. Симферополя вблизи поселка Марьино с целью жить в них до отыскания иного жилища и трудоустройства. 27 мая в 16 часов участок расположения палаток был окружен плотным кольцом милиционеров, сотрудников КГБ и молодых людей с красными повязками «народных дружинников» в количестве около 250 человек. По команде подполковника Косякова милиционеры и «народные дружинники» начали валить палатки, хватать, избивать и вталкивать крымских татар в автобусы... были погружены в автобусы все находившиеся в это время близ палаток 58 человек татар, в том числе дети, женщины, инвалиды войны, и доставлены... в

управление Симферопольской милиции. Оттуда группу татар в количестве 38 человек, не дав им взять свои вещи и одежду, отправили в Баку. Четыре дня везли без хлеба и воды... 26 июня 1968 г. группа крымских татар — 21 человек явилась в Крымский облисполком на прием к председателю Чемодурову с жалобой на незаконные действия работников администрации Крыма... Чемодуров отказался принимать крымских татар и, запершись в своем кабинете, вызвал отряд милиционеров, которые с бранью набросились на татар и пинками выгнали из здания облисполкома. Все они были доставлены в отделения милиции. Одиннадцать из них были осуждены на 15 суток... Остальным десяти за деньги, отобранные у них при обыске, были куплены билеты на самолет, и они были отправлены в г. Душанбе, где никто из них никогда не жил... 10 июля 1968 г. группа семей крымских татар обратилась в Крымский облисполком с просьбой об обеспечении жильем в любой части Крыма. В ответ на просьбу работник облисполкома Зубенко предложил занять свободные дома в совхозах... Крымские татары поселились в пустующих домах... совхоза “Большевик” Красногвардейского района. Ночью к домам, в которых поселились татары, подъехали грузовые машины с милиционерами и дружинниками. Набросившись на спящих, они выхватывали из-под детей пальто и одеяла и бросали в машины. Потом начали вырывать детей из рук женщин и также бросать в машины. Выкручивали руки и волокли к машинам женщин, стариков и остальных с криками: “Продали Крым, опять приехали продавать! Убирайтесь вон! Здесь будут жить наши украинцы!” Собравшиеся на шум жители вступились за татар. “Нашли кого жалеть! Их надо стрелять!” — кричали каратели в ответ... На следующий день в знак протеста против этого злодеяния рабочие первого отделения совхоза “Большевик” — русские и украинцы — не вышли на работу. 17 семей русских и украинцев демонстративно покинули совхоз ...

Таковы далеко не единичные примеры обращения властей с крымскими татарами, вернувшимися на свою родину после выхода в свет Указа об их политической реабилитации и Постановления..., “дающего” право крымским татарам жить на всей территории СССР...

Повсеместный произвол и игнорирование советских законов представителями властей Крымской области... вынудили крымско-татарский народ вновь направить в Москву большую и представительную делегацию... в мае 1968 г. в Москву стало съезжаться большое количество народных представителей...»²⁸.

1968 г. был ознаменован важнейшим для вызревания идеологии крымско-татарского национального движения моментом. Именно в

этом году, на встрече-банкете в ресторане «Алтай», в связи с 72-летием русского писателя А. Е. Костерина, принявшего активное участие в облегчении участи депортированных народов, произошло сближение активистов крымско-татарского движения с представителями общедемократического правозащитного движения. Немалую роль в этом сближении сыграла Москва, представители московской интеллигенции, в том числе генерал П. Г. Григоренко, с которым лидеры крымско-татарского движения особенно сблизились после юбилейного вечера Костерина.

Состыковка правозащитного и крымско-татарского национального движения была обоюдодополнительной. Московские правозащитники получили богатый эмпирический материал по нарушению прав человека на примере судеб крымских татар, обогатили «самиздатскую» литературу живыми фактами из истории крымско-татарских спецпоселений, помогли крымско-татарским проблемам пересечь государственную границу и стать достоянием прогрессивной общественности на Западе. Наталья Горбаневская, одна из организаторов и первых редакторов «Хроники текущих событий» позднее подтвердила весомую роль десятилетнего опыта борьбы крымских татар в становлении и укреплении правозащитного движения. «Пожалуй, именно встреча с крымско-татарским движением, — признавала она, — дала новый толчок возникновению того, что позднее было названо “Хроникой текущих событий”»²⁹.

В свою очередь знакомство участников крымско-татарского движения с борцами за права человека позволяло расширить горизонты движения и придавало ему большую политическую остроту и силу. Подъем уровня политической зрелости движения привлек в его ряды часть пассивной в прошлом национальной интеллигенции. Вместе с поднимающейся волной широких митингов, демонстраций, массовой народной инициативы по возвращению в Крым это создавало мощный фронт противодействия официальной политике, упорно сохранявшей курс на дискриминацию крымско-татарского народа.

Во времена наивысшей активности крымско-татарского национального движения едва ли не прямо пропорционально возросли и репрессии со стороны официальных структур. Около 200 активистов и лиц, причастных к движению, было осуждено в этот период в ходе многочисленных (свыше 50) судебных процессов, организованных в разных городах страны против крымских татар³⁰.

Аресты видных активистов крымско-татарского движения, произведенные в 1968, 1969, 1970 гг., хотя и не разгромили движение, но существенно ослабили его. С начала 1970-х годов лишившееся многих

своих лидеров, в известном смысле обезглавленное движение вынуждено было искать новые пути и формы борьбы.

Общий подъем правозащитного движения на рубеже 1960—70-х годов вызвал тревогу у властных структур. Партаппарат начал массированную атаку на все проявления инакомыслия, на все демократические движения страны. Крымско-татарское национальное движение одним из первых попало под прицельный огонь властей. Пошла в ход традиционная политика кнута и пряника. Наряду с непрекращающимися судебными процессами и расширением всей системы репрессий активизировалась политика социального подкупа. Стратегическая цель этой политики состояла в ускоренном создании конформистской, послушной, готовой на сотрудничество с властями прослойки крымско-татарской интеллигенции, маленькой партийной элиты. Формирование такой элиты требовало определенной тонкости подхода, знания положения дел и расстановки сил внутри движения, системы сложившихся в нем авторитетов. К сотрудничеству с властными структурами на местах старались привлечь людей образованных, активных, способных оказать влияние на массы, даже имеющих в прошлом определенные заслуги перед национальным движением, пострадавших от репрессий 1960-х годов. Таких людей стали привлекать к работе в системе партийного, государственного и хозяйственного управления. Деловых молодых людей, наделенных честолюбием, склонных к социальной мобильности, «замечали» и выдвигали на престижную работу, давали им рекомендации-направления в высшие учебные заведения, стараясь сделать из них послушных исполнителей, «проводников политики партии» в крымско-татарском движении, а по возможности и непосредственно завербовать их в ряды осведомителей, в которых определенные ведомства всегда нуждались.

Иногда такая вербовка в состав «пятой колонны» заканчивалась трагически. 19 ноября 1978 г. покончил с собой Иззет Мемедуллаев, отец трех детей. Причиной самоубийства послужил отказ сотрудника местного отделения КГБ вернуть ему расписку о согласии быть тайным осведомителем. В предсмертном письме Иззет написал: «Я никогда не был подлецом. Хочу умереть с чистой совестью»³¹.

Суть активизировавшейся в 1970-х годах политики формирования «пятой колонны» коллаборационистской прослойки национальной интеллигенции ярко раскрыта в одном из документов, составленном группой активистов национального движения крымских татар уже в условиях перестройки. Речь идет о «Памятной записке», направленной на имя Председателя Государственной Комиссии по проблемам

крымских татар. «Рашидовско-брежневская модель подавления жизни крымско-татарского народа, — говорилось в этой “Памятной записке”, — включала в себя... насаждение, культивирование маленьких божков с их кланом, клевретами, челядью, которые... в оплату своего царствия держали бы в повиновении и немоте “свой народ”, доили бы его (не забывая благодарить хозяев). Это был далеко направленный политический акт: создать, выпестовать, выпустить в жизнь маленького монстра, который оседлал бы народ в момент, когда, казалось бы, наступит (и он наступает!) момент его освобождения, тогда такого божка... можно опустить на шею простодушного народа, маскируя это насаждение включением в его свиту милых, добропорядочных... “технарей” ученых, удел которых — тянуть “телегу” под поощрительные похвалы божка. Такая телега и такая упряжка и ездовые нацелены растянуть путь на десятилетия»³².

Часть крымско-татарской интеллигенции, возвращенная и взлелеянная «брежневско-рашидовской» системой, действительно становилась «пятой колонной» и использовалась для подрыва и разложения крымско-татарского национального движения. В частности, в ее задачу входило «смягчение» требований возвращения в Крым, агитация за то, чтобы остаться на местах бывших спецпоселений, укорениться и развивать в этих условиях свою культуру, которая в действительности могла выродиться лишь в жалкий суррогат национальной культуры. Огромное значение придавалось распространению клеветы на наиболее радикально настроенных и авторитетных лидеров движения. Обличения их деятельности от имени людей крымско-татарской национальности должны были звучать убедительнее, чем обвинения со стороны властей. При этом преследовалась двойная цель: 1) скомпрометировать подлинных лидеров движения в глазах крымско-татарского народа (расчет на то, что этот народ поверит словам своих соотечественников) и 2) создать в более широких всесоюзных общественных кругах впечатление непопулярности этих лидеров в их собственной национальной среде (мол, сами же крымские татары их разоблачают).

Впервые такая акция по разложению крымско-татарского движения изнутри была в широком масштабе предпринята весной 1968 г. В обращении «Всенародный протест» (1969) она освещается следующим образом: «С середины марта власти начали рассылать крымским татарам по почте различные отпечатанные на пишущих машинках обращения, якобы подписанные представителями крымско-татарской интеллигенции. В этих обращениях говорилось, что активистами национального движения крымско-татарского народа, названного ими “автономи-

стским движением”, являются различные националисты, “автономисты”, уголовники и прочие антисоветские элементы, против которых следует повести “решительную борьбу”. Делалась попытка дискредитировать некоторых наиболее активных участников движения и доказать нецелесообразность для крымских татар возвращения в Крым. Большинство этих обращений были анонимные, подписанные обычно словами “представители крымско-татарской интеллигенции” или “советские патриоты, сыновья и дочери крымско-татарского народа”. Но были среди них и обращения, скрепленные фамилиями в некоторых случаях — отдельных отщепенцев, построивших себе карьеру на предательстве народных интересов, (а также), как выяснилось проведенным народом расследованием, фамилиями людей, никогда на это не дававших своего согласия... Организаторы этой провокации рассчитывали, по-видимому, натравить группы крымских татар друг на друга, что в значительной мере помогло бы КГБ в его борьбе против всего национального движения народа. Но махинация с этими анонимными обращениями, в которой, выяснилось позже, оказались замешанными кроме работников КГБ много высокопоставленных лиц из партийных и комсомольских организаций Узбекистана, вызвала бурю возмущения среди крымских татар... В ЦК КПСС и ЦК КП Узбекистана были направлены тысячи писем и обращений-протестов трудящихся с требованием прекратить эту провокацию»³³.

Характерно, что первая реакция крымско-татарского национального движения на попытку использовать против него «своих» же людей, представителей крымско-татарской интеллигенции, заключалась в отрицании самой возможности такого использования. Это казалось невысказанным. Легче было поверить в провокацию, в фальшивку, в рассылку писем за подписью людей, вовсе не существующих на свете или не подозревающих о таких письмах. Однако проскользнувшее горькое признание реального существования «отщепенцев, построивших себе карьеру на предательстве народных интересов», было гораздо ближе к действительности. Спустя 13 лет редакция газеты «Авдет» опубликовала датированное 1968 годом печальноизвестное «Письмо семнадцати», уже не ставя под сомнение подлинность ни одной из 17 подписей авторов этого письма. Все эти люди действительно существовали, и вникая сегодня в патетику этого письма, в его своеобразную аргументацию, в ту яростную атаку, какая предпринята в нем на «отщепенцев», «подстрекателей», «самозванцев», «авантюристов», зовущих народ к возвращению в Крым, мы глубже понимаем, как сложна была судьба крымско-татарского национального

движения, встретившего организованное и тонко срежиссированное сопротивление внутри этнической среды.

Начатое в конце 1960-х годов, это сопротивление нарастало в 1970-е годах, становилось более изощренным, претендовало на расширение своего идейного плацдарма. Одной из его целей было создание барьеров и «зоны непонимания» между крымско-татарским национальным и интернациональным правозащитным движением.

Важной задачей «пятой колонны» являлось отвлечение лидеров от тесных контактов с мировой общественностью. Под флагом «не выносить сор из избы» блокировались связи авторитетного руководства движения с общепризнанными лидерами правозащитного мира: с академиком А. Д. Сахаровым, с генералом П. Г. Григоренко и другими. Всеми правдами и неправдами в феврале 1977 г. было организовано коллективное письмо А. Д. Сахарову, подписанное «крымскими татарами». И хотя позднее часть подписавших отказалась от своих подписей, объяснив, что им показывали для подписи совершенно другой текст, неблагоприятная акция состоялась и чудовищные слова прозвучали: «Не вмешивайтесь в наши дела, не вредите нашему движению, дорогу в Крым мы найдем без Вас и Ваших друзей»³⁴. Через полгода подделка властей была разоблачена и от имени 549 крымских татар академик Сахаров получил благодарность «...за поддержку стремлений, чаяний и дум крымско-татарского народа». Обращение 549-ти осуждало представителей «пятой колонны», подписавших предыдущее письмо как «недостойное, не отражающее мнений крымско-татарского народа»³⁵. Формирование «пятой колонны» усиленно шло не только среди лиц крымско-татарской национальности, далеких от национально-освободительного движения, связавших свою судьбу и карьеру с местной партократией. Предпринимались попытки выпестовать предателей и среди тех, кто прежде активно участвовал в движении, подвергался преследованиям и репрессиям. В отдельных случаях представителям властей действительно удавалось сломать не только жизнь, здоровье, но и волю, и сознание людей, оказавшихся в тюрьмах, лагерях, под моральным и психическим давлением, в западне организованных провокаций.

Печальным примером перерождения активиста крымско-татарского движения в представителя «пятой колонны» может служить судьба Роллана Кадыева, который был одним из героев политического процесса в Ташкенте 1 июля — 5 августа 1969 г., но вышел из заключения совсем иным человеком. О его нравственном падении наглядно свидетельствует его статья («Открытое письмо гражданина СССР... быв-

шей советской гражданке Айше Сейтмуратовой»), которой немедленно была дана зеленая улица в советской печати: 10 февраля 1981 г. эта статья была опубликована на крымско-татарском языке в газете «Ленин байрагы», 12 февраля — на русском в «Правде Востока»³⁶.

В этой статье типичное для советской контрпропаганды «разоблачение» западных спецслужб и «голосов» («Голос Америки», «Немецкая волна», «Би-би-си»... твоими устами клеветали на социализм») сочетается с отречением от идеалов национального освободительного движения и клеветой на его лидеров («Ты жила как тунейдка на средства народа...»).

Невзорванной бомбой замедленного действия против крымско-татарского освободительного движения стала провалившаяся двукратная попытка властей «укоренения» крымских татар в районах их компактного расселения в Узбекистане. В 1966 г. Первым секретарем Джезказганского обкома КПСС был избран крымский татарин Сеит Таиров — член ЦК КП Узбекистана и депутат Верховного Совета УзССР. По плану предпринятой кампании предполагалось, что в Джезказганском регионе крымским татарам будут выделены территории, в пределах которых часть номенклатурных должностей будут занимать лица крымско-татарской национальности. Лидеры движения не поддались на эту приманку, а крымские татары не приняли подачку, отказавшись переселиться в отведенную им область. Их помыслы были устремлены на возвращение в Крым. Однако власти не отказались от идеи «укоренения» крымско-татарского народа в Средней Азии и в следующем десятилетии вернулись к этим планам с другой стороны.

К концу 1970-х годов относится попытка властей «решить» крымско-татарский вопрос путем создания в Узбекистане новых административно-территориальных — фактических (номинально они так не назывались) «национальных районов» компактного проживания крымских татар. Эти районы создавались совершенно искусственно (никаких исторических корней и традиций крымско-татарской культуры в этих местах не было), на самых неблагоприятных пустынных или малярийных землях, вдали от крупных культурных центров, при этом попытки переселения в эти районы крымских татар лишь едва прикрывались видимостью добровольности и пропагандистской шумихой о якобы проявленной по отношению к крымско-татарскому народу заботе. Фактически на людей оказывалось усиленное давление для вытеснения их в неблагоустроенные места. Одним из первых в сентябре 1978 г. был образован Мубарекский район в Джизакской области, в апреле 1979 г. к нему добавился новый Бахористанский район в составе Кашкадарьинской области. На пустынных землях, где было все-

го 6 небольших населенных пунктов (коренное население — туркмены) и совершенно отсутствовала развитая городская инфраструктура, предполагалось создать место постоянного проживания крымских татар, собрать их там в возможно большем количестве, открыть крымско-татарские школы и газеты (одна такая газета — «Достлыкь байрагы» («Знамя дружбы») — даже стала уже в 1979 г. выходить), как будто этим можно было решить проблемы сохранения или возрождения национальной культуры. Усиленная пропаганда переезда в новые районы велась в конце 1970-х — начале 1980-х годов со страниц крымско-татарского журнала «Йылдыз» и газеты «Ленин байрагы» (главный редактор этой газеты Тимур Даджи даже отправил своего сына в Мубарекский район, чтобы показать пример соотечественникам). Весной 1983 г. власти Узбекистана попытались волевым, силовым способом направить в Мубарекский район всех выпускников отделения татарского языка и литературы Ташкентского Педагогического института им. Низами, что вызвало решительный протест студентов. Фактически попытка создания крымско-татарских резерваций в пустынных районах Узбекистана провалилась, наткнувшись на сопротивление крымско-татарского народа.

К концу 1960-х годов определилась теоретическая основа идеологического наступления на крымско-татарское национальное движение за возвращение в Крым. В число аргументов, позволяющих властям уклониться от положительного решения требований крымско-татарского народа, были включены следующие обоснования: 1) перенаселенность Крыма, 2) экономическая обременительность для государства возвращения крымских татар на родину; 3) нежелание украинцев принимать крымских татар в Крыму, а узбекского населения — отпустить из Узбекистана. Ни один из перечисленных аргументов не выдерживал серьезной критики.

С разоблачением этой официальной идеологии, направленной против общенародной воли крымских татар, выступили А. Сахаров, Т. Великанова, С. Ковалев, А. Левитин, Г. Подъяпольский, Т. Ходорович, направившие телеграмму Генеральному Секретарю ООН Курту Вальдхайму. В ней содержался призыв «всеми возможными средствами способствовать возвращению на родину крымских татар, административно удерживаемых в изгнании, вопреки недвусмысленно выраженной воле этого народа»³⁷.

Бесконечные мелкие и крупные неудачи первых потоков возвращенцев в Крым, истощение национальных ресурсов на содержание делегированных представителей в Москве, дальнейшее разочарование

в петиционных формах борьбы, нагнетание страха перед участвовавшими и ожесточившимися репрессиями, тяжелый быт вновь переселившихся в Крым — эти и другие объективные и субъективные обстоятельства привели к существенным изменениям в характере крымско-татарского национального движения в 1970-х годах. Это не был «спад» или «кризис», как иногда характеризуют положение дел зарубежные наблюдатели, — это был новый виток развития в условиях усилившейся реакции. В этих усложнившихся условиях наметился раскол в руководстве самим движением.

Одни активисты настаивали на продолжении борьбы старыми петиционными методами, полагаясь на восстановление «ленинских принципов» национальной политики, которая вернет крымским татарам родину и восстановит национальную государственность в Крыму. Другие, напротив, решительно настаивали на необходимости отказа от унизительно-просительного тона обращений к властям, остающимся глухими к национальным чаяниям крымских татар. И в этом раздвоении тактических линий была своя закономерность, отражавшая настроения широких народных масс, их идейное расслоение.

В отличие от весны 1966 г., когда под обращением в адрес XXIII съезда КПСС было собрано более 130 тыс. подписей, под обращением в адрес XXV съезда КПСС в 1979 г. удалось собрать всего лишь 20 тыс. подписей³⁸.

Падение напряжения в национальном движении отнюдь не означало, что крымские татары отказываются от идеи возвращения на родину. Выборочный опрос, проведенный среди крымских татар Ташкентской области в 1971 г., выявил, что преобладающее большинство проголосовало за возвращение в Крым. Лишь 9 человек из 18 тыс. опрошенных отвергли идею возвращения и 11 затруднились дать ответ на этот вопрос³⁹.

В этой связи не совсем точной представляется принятая в западной литературе общая оценка этнополитической ситуации 1970-х годов как спада крымско-татарского национального движения. Усиление реакции (гонения на инакомыслие, аресты, судебные процессы, социальный подкуп и т. п.) отнюдь не равносильно падению тонуса самого движения. И кризис одних форм его проявления, разочарование в организации верноподданических посланий в вышестоящие инстанции с выражением любви и преданности Ленину и ленинской национальной политике отнюдь не означает кризиса национального движения в целом.

Изменения в формах деятельности, «кадровые» перестановки, смена поколений, пополнение передовых эшелонов движения свежими силами,

переход от интеллектуальных форм к более действенным формам сопротивления позволяют сделать вывод о вызревании предпосылок качественно нового этапа крымско-татарского национального движения. Стала заметно повышаться политическая грамотность лидеров, расширялся кругозор рядовых участников, нарастало желание не только вернуться в Крым, но и восстановить там национальную государственность. Словом, кривая графика самого движения последовательно стремилась вверх, хотя и под менее острым углом, нежели в предыдущие — 1960-е годы.

Вслед за первыми горькими попытками, предпринятыми одиночками в конце 1960-х годов, начинается более широкое и массовое стихийно-планомерное возвращение в Крым. В ответ на это власти стали ужесточать «правила игры», возобновив в более широких масштабах практику выселения из Крыма за нарушение паспортного режима. Так, например, к весне 1977 г. в Крыму насчитывалось около 700 семей крымских татар, не сумевших оформить прописку в купленных ими домах⁴⁰.

В июне 1978 г. 46-летний крымский татарин столяр Муса Мамут совершил самоубийство, отчаявшись получить прописку в Крыму на законных основаниях. Вернувшись в Крым в апреле 1975 г. с женой и тремя детьми, Муса Мамут купил дом, но, не сумев оформить покупку, не получил прописку. Через год он был приговорен к двум годам заключения за нарушение паспортного режима. После досрочного освобождения в июне 1978 г. он был снова предупрежден о грозящем ему возбуждении дела о выселении из Крыма. Когда за ним приехал милиционер, Муса облил себя бензином и поджег. Спасти его не удалось. Над похоронной процессией плыли транспаранты: «Дорогому Мусе Мамуту — жертве несправедливости — от крымско-татарского народа», «Родному папочке и мужу, отдавшему свою жизнь за Родину — Крым», «Мусе от возмущенных русских братьев. Спи, справедливость восторжествует»⁴¹. В телеграмме на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и министра внутренних дел Н. И. Щелокова академик А. Д. Сахаров высоко оценил значение подвига Мусы Мамута в истории крымско-татарского национального движения: «Вне зависимости от конкретных обстоятельств, самоубийство Мусы Мамута имеет своей истинной причиной национальную трагедию крымских татар... Трагическая гибель Мусы Мамута... должна послужить восстановлению справедливости, восстановлению поправленных прав его народа»⁴².

Для борьбы с крымско-татарским национальным движением 15 августа 1978 г. было принято специальное Постановление Совета Министров СССР

«О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области».

Согласно этому постановлению, вступившему в силу с 15 октября 1978 г., «лица, прибывающие в Крымскую область в неорганизованном порядке и проживающие без паспорта, по недействительным паспортам, без прописки и регистрации, несмотря на наложенное на них административное взыскание за нарушение паспортных правил, по решению исполнительных комитетов, городских, районных, районных в городах Советов народных депутатов УДА-ЛЯЮТСЯ из области органами внутренних дел».

Постановление «О дополнительных мерах...» преследовало двойную цель. С одной стороны, оно упрощало процедуру выселения самовольно переехавших в Крым крымских татар. С другой, способствовало созданию атмосферы антитатарского психоза среди местного населения Крымской области. В самом документе заключался шантаж в адрес тех местных жителей, которые проявят либерализм в отношении прибывающих сюда лиц крымско-татарской национальности. «Граждане, — предупреждал официальных документ, — являющиеся владельцами домов, нанимателями или поднанимателями жилых помещений, либо проживающие в общежитиях, допускающие проживание других лиц без паспортов у себя, по недействительным паспортам без прописки или регистрации, если они за эти нарушения дважды в течение года подвергались административному взысканию, **выселяются** за пределы Крымской области на срок до двух лет по решению исполнительных комитетов городских, районных, районных в городах Советов народных депутатов».

Преследование крымских татар, вселяющихся в Крым, дополнялось в конце 1970-х годов блокированием их выезда из Узбекистана. Новым препятствием на пути их возвращения на родину стало указание Министра внутренних дел Узбекской ССР (№ 221), запрещавшее органам милиции выписывать из Узбекистана крымских татар, не имеющих справки с будущего места жительства о предоставлении им на новом месте жилья и работы. Наступление властей на крымско-татарское национальное движение вызвало ответный протест. Этот протест уже выходит на международную арену, ищет поддержку в мировом общественном мнении. Обращение в ООН с просьбой создать международную комиссию по расследованию положения крымских татар в Крыму подписало 890 человек. 9 ноября 1978 г. протест против выселений из Крыма, подписанный 750-ю крымскими татарами, был доставлен Первому секретарю обкома КПСС. Однако делегация

крымских татар, приехавших в Симферополь, не была принята. В конце ноября уже более 2-х тысяч крымских татар обратились в советские инстанции и в ООН с заявлением-протестом о незаконном и «законном» выселении их из Крыма⁴³. Партийные и государственные органы во что бы то ни стало стремятся прервать крепнущие связи крымско-татарского национального движения с зарубежным миром (с Западом и Востоком), с немалочисленной крымско-татарской диаспорой в Турции и других странах. За письмо, написанное королю Саудовской Аравии с описанием гибели Мусы Мамута и просьбой оказать содействие, Решат Джемилев был осужден на три года лагерей.

Виднейшие активисты (Айше Сейтмуратова и др.) высылаются из страны, и любые контакты с ними соотечественников пресекаются. Однако крымско-татарское национальное движение в 1970—80-е годы уже прорывается за «железный занавес», находит нравственную и идеологическую поддержку за рубежом, прежде всего в США, в Англии, в Голландии, в Турции.

В ответ на наступление реакции на рубеже 1970—80-х годов в недрах крымско-татарского национального движения начали вызревать новые идеи, новые формы борьбы. Зеленый свет этому контрнаступлению дал 1985 г. и начатые М. С. Горбачевым общедемократические перемены в стране. Вместе с грянувшей перестройкой, гласностью и первыми признаками надвигающегося развала страны начиналась новая фаза борьбы крымско-татарского народа за восстановление исторической памяти, за обретение потерянной родины, за возвращение на земли своих предков, за право считать себя крымско-татарским народом и быть им.

ЧАСТЬ IV

ПРИНЦИПЫ И ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

«Хотя языковые различия всегда были важнейшими символами различий в культуре, однако лишь в последнее время, с его чрезмерным развитием идеала суверенной нации и вытекающим отсюда стремлением обнаруживать языковые символы, служащие этому идеалу суверенности, языковые различия стали факторами, способствующими антагонизму»

Эдвард Сэпир
Язык, 1933 г.

1. ТИПОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СРЕД ПРИ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Для всех наук, изучающих судьбы национального, в том числе языкового, развития народов СССР, принципиальное значение имеет положение, теоретически обоснованное в документах последних съездов КПСС и отчетливо прозвучавшее в ряде выступлений П. Н. Федосеева. Речь идет о том, что «стирание классовых различий внутри новой исторической общности произойдет раньше, чем преодоление национальных различий, которые останутся еще долго, вплоть до победы коммунизма в мировом масштабе»¹.

Нет сомнений в том, что, пока будут сохраняться национальные различия, будут жить и национальные языки — следовательно, будет сохраняться необходимость в существовании единого языка межнациональных общений и иметь место двуязычие, т. е. массовое приобщение народов к национальному языку. Поэтому двуязычие, если подходить к нему с далекой перспективой, с учетом дальнейшего развития новой исторической общности советского народа, представляет собой длительный, требующий постоянного изучения исторический процесс.

Этносоциологическое изучение современных языковых процессов, в программе которого исследование двуязычия занимает едва ли не центральное место, предопределяется последовательным возрастанием интереса к многообразию и специфике форм и способов существования двуязычия, формирующемуся в многонациональном советском обществе сложным воздействием на человека и на его языковые характеристики (в том числе и на его речевое поведение) внешней среды. Последнюю можно рассматривать как комплекс внеязыковых факторов, в числе которых далеко не маловажное значение имеет совместное расселение этнически разнородных народов.

Овладение вторым языком и его практическое употребление складываются в Советском Союзе в условиях общей социальной (социалистическое общество) и общей этнической (многонациональное государство) среды. Учет роли каждого типа сред (социального и национального)

составляет основу макрофакторного подхода. Однако речевое поведение человека обуславливается не только макросредой. Немаловажное значение имеет и другая система — микросреда, представленная непосредственным окружением человека, его семьей, школой, производственным коллективом и т. д., причем и на этом уровне микросреда снова имеет двойное содержание: социальное и этническое.

Между макро- и микросредой действуют многочисленные каналы связи, через которые первая оказывает свое воздействие (прямое и опосредованное) на речевое поведение человека. Элементами выступают многочисленные конкретные ситуации, обстоятельства, моменты, случаи, которые можно изучить только путем тщательно организованных этносоциологических исследований.

В социалистическом обществе общая социальная среда основана на общественной собственности, общая этническая среда — на наличии у народов СССР собственных национально-государственных устройств в той или иной форме в соответствии с потребностями каждого народа. Это и есть не что иное, как советское общество в целом, т. е. макросреда. Микросреда, как уже отмечалось, — непосредственное, повседневное окружение человека. Между общей социальной и этнической средой, охватывающей всю страну, и микросредой существуют промежуточные звенья. По-видимому, можно выделить два типа таких звеньев: республиканское и порайонное.

В понятие макросреды на «республиканском» уровне, понимаемой как комплекс факторов макропорядка, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина и О. И. Шкаратан включают: а) социальную структуру наций в рамках данного социального района; б) производственную структуру района (республики. — М. Г.), выражающуюся в том или ином наборе различных по требуемой квалификации «рабочих мест»; в) культурную среду, характеризующую определенным уровнем образования, соотношением интернациональных и национальных элементов в культуре, специфичностью национальных форм и т. д.²

Наряду с «республиканским» уровнем можно выделить еще один дополнительный (промежуточный) уровень между глобальной макро- и локальной микросредой. Критерием выделения этого промежуточного звена в условиях Молдавской ССР, например, может служить район, как важное административное подразделение.

Влиянию «районного» звена как связующего между макро- и микросредой на ход языковых процессов следует, по-видимому, уделить более широкое внимание. В данной работе в основу выделения типов этнических сред в Молдавии были положены два признака: националь-

ный состав населения каждого района и количественное соотношение удельного веса национальностей в каждом районе³. Расчеты позволили в рамках единой методологической установки выделить семь типов этнических сред, которые, если исходить из общего удельного веса проживающего в них населения, можно в свою очередь подразделить на две основные группы: главные типы — сюда относятся первые два типа: молдавский (однородный) и молдавский (неоднородный) — и второстепенные типы, включающие молдавско-смешанный, молдавско-гагаузский, гагаузско-болгарский, гагаузско-смешанный и украинско-молдавский.

Таблица 1

Основные типы этнических сред в Молдавской ССР

Район	Основной признак типа		
	Доля молдаван	Доля украинцев	Доля русских
1	2	3	4

Тип 1. Молдавский однородный

Теленештский	94,2	4,6	—
Ниспоренский	94,0	1,6	2,5
Страшенский	93,8	1,8	3,2
Сорокский	92,3	4,5	—
Котовский	91,9	5,1	—
Резинский	91,5	5,6	—
Оргеевский	90,9	6,8	—
Каларашский	90,6	6,1	—
Олонештский	89,6	3,9	5,3
Криулянский	88,4	7,4	—
Карпиненский	87,1	9,4	—
Уегенский	86,2	11,8	—
Бульбокский	86,1	8,0	—
Каушанский	85,4	6,0	6,3
Флорештский	81,4	11,4	6,0
Средний, %	89,4	6,3	4,3

Тип 2. Молдавский неоднородный

Левовский	79,4	—	13,6 (болгары)
Дрокиевский	79,1	17,8	—
Фалештский	78,2	16,1	—
Бельцкий	78,0	16,6	—

1	2	3	4
Чимишлийский	77,4	8,0	6,1
Липканский	75,9	22,2	—
Окницкий	75,2	20,8	—
Лазовский	72,6	21,8	—
Рышканский	72,2	25,5	—
Единецкий	71,1	26,1	—
Тырновский	71,4	23,3	—
Дубоссарский	70,3	21,4	—
Атакский	70,1	26,3	—
Глодянский	69,0	31,8	—
Кагульский	68,6	12,2	11,5 (болгары)
Братаушанский	67,2	29,5	—
Бендерский	63,5	10,2	—
Средний, %	72,9	24,6	—
Тип 3. Молдавско-смешанный			
Тираспольский	50,7 (молдаване)	20,3 русские	19,2 (украинцы)
Тип 4. Молдавско-гагаузский			
Бессарабский	54,1 (молдаване)	21,4 (гагаузы)	11,6 (украинцы)
Вулканештский	52,6 (молдаване)	33,2 (гагаузы)	8,0 (украинцы)
Комратский	48,6 (молдаване)	32,9 (гагаузы)	8,2 (болгары)
Средний, %	51,6 (молдаване)	30,9 (гагаузы)	—
Тип 5. Гагаузско-болгарский			
Чадыр-Лунгский	55,8 (гагаузы)	37,4 (болгары)	3,3 (молдаване)
Тип 6. Гагаузско-смешанный			
Тараклийский	47,0 (гагаузы)	22,9 болгары	20,8 (молдаване)
7. Украинско-молдавский			
Рыбницкий	51,4 (украинцы)	42,6 (молдаване)	3,9 (русские)

* Таблица составлена по: Губогло М. Н. Опыт предварительной типологии этнических сред для экспериментального исследования этнолингвистических процессов // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971. С. 149—160; Брук С. И., Губогло М. Н. Двужычие и сближение наций в СССР: по материалам переписи населения 1970 г. // Сов. этнография. 1975. № 4. С. 28—31.

Смысл предлагаемой типологии этнических сред (см. табл. 1) сводится к тому, чтобы, расчленив районы республики по преобладающему в каждом из них удельному весу той или иной национальности, получить благоприятную возможность для изучения хода этноязыковых процессов и особенностей языковой жизни молдаван и других народов

республики в различных этнических условиях. Мы получаем три «поля» разворачивания этих процессов, а по итогам переписи населения можно проследить их результаты, в том числе овладение людьми различных национальностей языком другой национальности и переход в другую языковую общность, связанный со сменой родного языка.

С другой стороны, перед нами оказываются три различные, как бы экспериментальные, среды: 1) молдаване в своей собственной этнической среде; 2) молдаване в инонациональном окружении; 3) молдаване там, где они составляют половину всего населения района. Наряду с молдаванами в таких же благоприятных для изучения условиях находятся гагаузы, составляющие в молдавско-гагаузском этническом типе второе по удельному весу население, а в двух других типах (5-м и 6-м) — ведущее по отношению к другим.

В этническом составе населения республики за 11 лет в период между переписями населения 1959 и 1970 гг. произошли некоторые изменения. За этот же период укрупнились районы, в результате их общее число сократилось от 39 до 32. Эти изменения коснулись лишь самых общих контуров различных типов этнических сред. Неодинаковый естественный прирост населения среди отдельных национальностей, а также миграционные процессы привели, в частности, к возрастанию удельного веса молдаван в сельской местности республики от 76,1% в 1959 г. до 78,2% в 1970 г., гагаузов — от 3,2 до 3,3%. В то же время доля украинцев в сельской местности сократилась с 13,1% до 11,7%, а доля русских — с 4,4% до 3,9%.

Несмотря на динамику численности населения, вызванную демографическими процессами, внутренней и внешней миграцией, а также новым районированием Молдавской ССР, в целом типология этнических сред в 1970 г. по сравнению с 1959 г. существенно не изменилась. Общее число типов осталось прежним. Новая типология 4 включает четыре варианта этнических сред с преобладанием в каждом из них удельного веса молдаван. К этим типам соответственно относятся: 1) молдавский однородный; 2) молдавский неоднородный; 3) молдавско-смешанный; 4) молдавско-гагаузский. В остальных типах этнических сред молдаване составляют меньшинство населения, как, например, в 5-м (гагаузско-болгарском) и в 7-м (украинско-молдавском), или же почти отсутствуют.

В 6-м типе (гагаузско-смешанном) по удельному весу молдаване (5,3) занимают четвертое место. Таким образом, шесть типов этнических сред в 1970 г. остались теми же, что и в 1959 г., и только вместо гагаузско-смешанного типа, представленного в 1959 г. населением бывшего Тараклийского района, в типологии 1970 г. выделился в качестве

самостоятельного гагаузско-молдавский тип, представленный населением Комратского района⁵.

Поскольку в дальнейшем при рассмотрении влияния этнической среды на распространение второго языка и на развитие процессов двуязычия нам придется опираться на типологию этнических сред по переписи населения 1970 г., попытаемся охарактеризовать некоторые из типов более детально. Как видит читатель, молдавское население наиболее компактно расселено в первых двух группах районов, преимущественно на севере и в центре республики. Более высокая степень однородности молдавского населения наблюдается в первой группе районов, в которых средний удельный вес молдаван достигает 87,4%, а доля украинцев и русских — соответственно 6,4 и 4,4%. Во второй группе районов молдаване составляют 71,0% и еще 19,3% украинцев и 5,8% русских живут смешанно с ними.

Одинаковый размах вариации между полярно отстоящими друг от друга районами, составляющий в первом случае 15,0%, во втором — 15,4%, позволяет сделать два вывода. Во-первых, следует подчеркнуть относительную однородность этнического состава каждого из 13 районов, оказавшихся в составе как первой, так и второй группы районов. Во-вторых, нельзя не указать на однотипность расхождений между районами, занимающими в каждом типе этнической среды крайние места. Если, таким образом, исходить из того, что языковые контакты между людьми одной и той же национальности или между представителями разных национальностей во многом предопределяются характером этнической среды в районе, то исходя из представленной в табл. 2 типологии этнических сред можно гипотетически выделить несколько типов этнических контактов, детерминирующих речевое поведение городского и сельского населения республики среди молдаван. Первый и наиболее широко распространенный вид контактов складывается за счет внутринациональных общений в 26 районах первого и второго типа этнической среды.

Не менее очевидно, что в 3-м типе этнической среды, представленном населением Дубоссарского и Слободзейского (Тираспольского) районов, а также в 4-м типе (население Вулканештского района), где молдаване составляют около половины удельного веса всего населения, внутринациональные контакты молдаван расширяются за счет межнациональных контактов. Партнерами межнационального общения молдаван в указанных районах выступают украинцы, гагаузы и русские, составляющие другую половину удельного веса этнического состава населения.

Для одной части молдаван средством общения служит русский язык, в то время как другая часть иногда общается с представителями других национальностей с помощью молдавского языка, в свою очередь служащего для гагаузов и украинцев средством межнационального общения наряду с русским языком. И, наконец, в Чадыр-Луганском районе, там, где молдаване составляют этническое меньшинство, им постоянно приходится сталкиваться с людьми другой национальности. Можно, следовательно, исходя из типологии этнических сред в Молдавии, выделить соответствующие типы межнациональных контактов. Все три типа этнических сред представлены расселением молдаван. Лишь с некоторыми оговорками можно выделить аналогичные типы расселения для гагаузов.

Таблица 2

Основные типы этнических сред в Молдавской ССР

Район	Доля молдаван	Доля украинцев	Доля русских
Тип 1. Молдавский однородный			
Ниспоренский	96,0	1,1	1,4
Теленештский	93,0	4,0	1,9
Резинский	90,6	5,6	2,6
Страшенский	90,3	3,0	5,0
Каларашский	88,2	5,9	3,6
Криулянский	88,1	6,6	3,9
Котовский	87,5	7,9	3,1
Оргеевский	87,3	5,5	4,1
Суворовский	86,8	5,3	6,5
Ново-Анненский	83,8	7,4	6,5
Унгенский	81,5	11,6	5,2
Сорокский	81,0	6,1	5,2
Каушанский	81,0	7,0	9,1
Средний, %	87,4	6,0	4,4
Тип 2. Молдавский неоднородный			
Леовский	78,1	5,0	5,6
Флорештский	78,1	14,2	5,8
Лазовский	76,1	17,2	5,5
Дрокиевский	76,1	20,3	2,6
Фалештский	74,9	18,3	5,1
Рышканский	74,5	22,5	2,2
Чимишлийский	72,7	9,3	9,1
Глодянский	70,0	25,5	3,0

Район	Доля молдаван	Доля украинцев	Доля русских
Бричанский	66,8	28,8	3,0
Дондюшанский	65,8	24,7	6,8
Единецкий	65,3	24,7	7,7
Каменский	62,8	27,4	7,7
Кагульский	62,7	11,5	11,1
Средний, %	71,0	19,3	5,8
Тип 3. Молдавско-смешанный			
Дубоссарский	58,3	23,3	14,9
Тираспольский (Слободзейский)	51,2	17,2	21,9
Средний, %	54,0		
Тип 4. Молдавско-гагаузский			
Вулканештский	49,7 (молдаване)	30,8 (гагаузы)	7,5 (украинцы)
Тип 5. Гагаузско- молдавский			
Комратский	55,0 (гагаузы)	29,2 (молдаване)	5,6 (болгары)
Тип 6. Гагаузско-болгарский			
Чадыр-Лунгский	53,7 (гагаузы)	29,8 (болгары)	6,0 (русские)
7. Украинско-молдавский			
Рыбницкий	48,4 (украинцы)	32,9 (молдаване)	13,8 (русские)

* См. сноску к табл. 1.

Характером этнической среды обуславливаются три вида этнических контактов — людей одной национальности с лицами другой национальности. В плотном инонациональном окружении эти контакты осуществляются регулярно, поэтому можно определить их как постоянные. В смешанной этнической среде возможность для такого рода контактов несколько убавляется и поэтому они приобретают эпизодический характер. И, наконец, в собственной однопациональной этнической среде общение с людьми другой национальности наблюдается от случая к случаю, иными словами, они приобретают нерегулярный характер и становятся спорадическими.

Выделение типов этнических сред позволяет по-новому подойти к рассмотрению взаимодействия языков, выполняющих функции языков межнационального общения. Особенно это относится к такому типу двуязычия, в условиях которого носители двух разных языков овладевают

языками друг друга. Принципиальное сходство оказывается в самом факте взаимности, т. е. в знании языка этнического партнера, а различие — в масштабах и в формах овладения в качестве второго языка языком другой национальности в условиях этнических контактов. И если второму аспекту уделено определенное внимание в специальной литературе, то первый аспект, освещающий взаимный характер двуязычия в советском обществе, до сих пор не нашел достаточного отражения в литературе. Произошло это по причине слабой изученности конкретных ситуаций контактного и неконтактного двуязычия.

Неконтактные типы двуязычия характеризуются тем, что у всех нерусских народов СССР существуют значительные группы лиц, в той или иной мере овладевшие русским языком. Именно об этом типе двуязычия чаще всего шла речь в многочисленных сообщениях, посвященных двуязычию в СССР. Действительно, преобладание среди всех типов двуязычия такого типа, при котором у нерусских народов язык своей национальности сочетается со вторым, русским языком, ни у кого не вызывает сомнения. Однако систематическое описание и характеристика именно этого типа двуязычия создавало как односторонность при описании всех типов двуязычия, так и недооценку контактных форм двуязычия, в том числе и такого, при котором русское население в свою очередь овладевало языками других народов СССР.

Сравнение процессов распространения второго языка у молдаван и у русских, имея в виду выделенные выше типы этнических сред, проведено в двух планах: межтиповых и внутритиповых отличий (см. табл. 3 и 4).

Как видно из данных табл. 3, имеется общая тенденция для всех семи типов этнических сред, состоящая в том, что удельный вес молдавского населения, свободно владеющего вторым, русским, языком, в целом превосходит удельный вес русских, свободно владеющих вторым, молдавским, языком.

Нетрудно заметить, что «взаимный» характер приобщения молдаван и русских к языку друг друга существенно варьирует в зависимости от типа этнической среды. По этим вариациям все типы этнических сред подразделяются на три дополнительные группы. В первой подгруппе, включающей два главных типа этнической среды в Молдавии (молдавский однородный и молдавский неоднородный), разница между удельным весом русских, свободно владеющих вторым, молдавским, языком, и удельным весом молдаван, свободно владеющих вторым, русским, языком, не имеет существенного значения.

Составляя для первого типа этнической среды 5,5% и для второго типа 11,7%, указанная разница дает основание охарактеризовать двуязычие

русских и двуязычие молдаван как взаимное. Причем сама «взаимность», если судить о ней по количественным параметрам, близка к полной. Разумеется, эту тенденцию не следует абсолютизировать. Нельзя сравнивать и абсолютные показатели, согласно которым в молдавских районах первого типа этнической среды почти 298,8 тыс. молдаван свободно владеют вторым, русским, языком, в то время как численность русских, свободно владеющих молдавским языком, в этих же самых районах немногим превосходит 12 тыс. человек, а в 13 районах второго типа молдаване составляют 245,6 тыс., численность же русских немногим меньше 13 тыс. человек. Речь в каждом случае идет о соотношении относительных показателей — удельных весов двуязычных молдаван и двуязычных русских. Именно эти показатели и дают повод отмечать взаимное двуязычие в выделенных подгруппах этнических сред.

Во второй подгруппе этнических сред, в составе которой находятся молдавско-гагаузская (4) и гагаузско-молдавская (5) этническая среда, удельный вес русских, свободно владеющих молдавским языком, снижается, а удельный вес молдаван со вторым русским языком, наоборот, возрастает или остается на том же уровне, что и в первых двух типах этнических сред.

Соответственно увеличивается разница между долей двуязычных молдаван и русских: от 16,9% в четвертом типе этнической среды до 18,1% — в пятом. Еще раз следует оговорить относительный характер обсуждаемых данных, так как абсолютные показатели трудно сопоставимы. В Вулканештском районе (4 тип) 10,6 тыс. молдаванам, свободно владеющим вторым, русским, языком, отвечают «взаимностью» 0,5 тыс. русских, свободно владеющих молдавским языком, а в Комратском районе (5 тип) — соответственно 6,4 тыс. молдаван и 0,3 тыс. русских.

Таким образом, «взаимность» двуязычия во второй подгруппе этнических сред начинает размываться и, в отличие от первой подгруппы, становится частичной. Объясняется это тем, что здесь молдаване, не составляя численного большинства населения района, уже не представляют плотного инонационального окружения, в котором русские относительно столь же двуязычны, как и молдаване. Таким образом, три подгруппы этнических сред в Молдавии позволяют условно выделить три уровня «взаимности» двуязычия в условиях межэтнических контактов: 1) уровень, близкий к полному; 2) частичный уровень; 3) исчезающая взаимность (см. табл. 3).

Сравнивая масштабы распространения второго языка у молдаван и русских не только в межтипологическом, но и во внутритипологическом

плане, обнаруживаем, что в большинстве районов, входящих в молдавский однородный (1 тип) и в молдавский неоднородный (2 тип), удельный вес двуязычных молдаван выше удельного веса двуязычных русских. Указанное соотношение не обнаруживает никаких отклонений среди 13 районов второго типа. Только в двух районах — Рышканском и Чимишлийском — удельные веса молдаван и русских, свободно владеющих вторым языком, близки друг к другу. Несколько иную картину представляют молдаване и русские, проживающие в 13 районах первого типа. Здесь значительный интерес представляет не только правило, но и некоторые исключения.

Таблица 3

Данные о двуязычии у молдаван в разных типах этнических сред

Район	Русские, свободно владеющие молдавским языком (в %)	Молдаване, свободно владеющие русским языком (в %)
Тип 1. Молдавский однородный		
Ниспоренский	37,8	21,8
Теленештский	36,0	19,2
Резинский	24,9	22,2
Страшенский	17,1	30,7
Каларашский	22,4	23,5
Криулянский	17,2	30,4
Котовский	26,8	23,8
Оргеевский	24,2	28,8
Суворовский	28,6	30,5
Ново-Анненский	16,7	29,4
Унгенский	19,4	29,5
Сорокский	17,7	31,3
Каушанский	17,7	29,8
Средний, %	21,4	26,9
Тип 2. Молдавский неоднородный		
Леовский	23,6	28,9
Флорештский	16,2	28,1
Лазовский	12,0	26,1
Дрокиевский	18,6	26,5
Фалештский	20,0	32,3
Рышканский	24,7	25,8
Чимишлийский	25,3	25,9
Глодянский	22,5	30,3
Бричанский	18,1	32,8

Район	Русские, свободно владеющие молдавским языком (в %)	Молдаване, свободно владеющие русским языком (в %)
Дондюшанский	15,4	40,9
Единецкий	20,4	34,3
Каменский	9,3	37,1
Кагульский	22,9	36,1
Средний, %	19,3	31,0
Тип 3. Молдавско-смешанный		
Дубоссарский	14,1	52,4
Тираспольский (Сло- бодзейский)	16,8	59,8
Средний, %	16,0	
Тип 4. Молдавско-гагаузский		
Вулканештский	14,7	31,6
Тип 5. Гагаузско- молдавский		
Комратский	8,2	26,3
Тип 6. Гагаузско-болгарский		
Чадыр-Лунгский	5,7	61,8
7. Украинско-молдавский		
Рыбницкий	4,1	59,2

Действительно, как видно из данных табл. 3, в четырех районах (Ниспоренском, Теленештском, Резинском и Котовском) первого типа этнической среды удельный вес русских, свободно владеющих молдавским языком, превосходит соответствующие показатели у молдавского населения. Еще в двух районах — Каларашском и Суворовском — указанные показатели близки друг к другу. Следовательно, в молдавской однородной этнической среде процессы приобщения ко второму языку имеют взаимный характер. В данном случае конкретные условия носят как бы ситуативный характер и показывают, как микроусловия могут превалировать над макроусловиями. Иными словами, несмотря на то, что в целом по стране функции межнационального общения выполняет русский язык, в отдельных случаях для самих русских языком межнациональных общений выступает язык другой национальности.

Итак, чем более плотной является инонациональная среда в тех районах Молдавии, где живут русские, тем более высок удельный вес русских,

усвоивших язык окружающего большинства. Показательны данные табл. 3, свидетельствующие, что наибольшая доля русских свободно владеет молдавским языком, именно в тех молдавских районах первого типа в которых, наоборот, невелик удельный вес молдаван, свободно владеющих вторым, русским, языком. Перед нами, таким образом, еще одна линия измерения «взаимности» двуязычия, формирующегося под решающим воздействием этнической среды.

В однородной молдавской этнической среде каналы приобщения ко второму языку у русского и у молдавского населения не совпадают. Представители русской национальности овладевают вторым, молдавским, языком в ходе повседневных общений в различных общественно-производственных, культурных, спортивных и прочих сферах жизни. Там, где численность русского населения невелика по сравнению с численностью молдаван, и в тех районах, где основным языком школьного обучения выступает молдавский язык, разумеется, соотношение функциональной нагрузки молдавского и русского языка складывается в пользу молдавского.

Хорошей тенденцией распространения двуязычия среди русских становится овладение молдавским языком в процессе непосредственных контактов. А ведущим типом двуязычия для указанной группы русского населения становится контактное двуязычие. Вместе с тем этот тип двуязычия является взаимным, так как молдаване даже в своей однородной этнической среде также приобщаются к русскому языку. Только характер и пути приобщения у них несколько иные: для молдаван ведущую роль в распространении второго языка и становлении на этой основе двуязычия играет не межнациональное общение, а последовательное изучение русского языка в школе. Это приводит в конечном итоге к тому, что, приобщаясь к русскому языку не только контактным, но и неконтактным путем, молдаване, в отличие от русских, имеющих в своем распоряжении преимущественно только один (контактный) путь, формируют более высокий удельный вес двуязычных лиц.

Для некоторой части украинцев, гагаузов и болгар МССР наряду с русским языком функции языка межнационального общения выполнял раньше (а в некоторых случаях выполняет и по сей день) молдавский язык. Эту традицию, имеющую глубокие исторические корни, нельзя игнорировать при анализе современных этноязыковых процессов в республике. Естественно, что ситуации, в которых каждый из трех перечисленных народов приобщается то к одному, то к другому языку, чрезвычайно многообразны и степень владения вторым языком, а иногда и третьим, также значительно варьирует в зависимости от многих факторов.

У каждой из трех названных народностей в каждом типе этнической среды имеется доля лиц, свободно владеющих вторым, русским, языком, и еще одна доля лиц, свободно владеющих вторым, молдавским, языком. Масштабы распространения русского языка среди перечисленных народов, как правило, шире, чем масштабы приобщения к молдавскому языку. И хотя обе отмеченные особенности характерны для всех семи типов этнических сред, некоторое исключение представляют болгары в молдавско-смешанной (Дубоссарский и Слободзейский районы) и в гагаузско-болгарской этнической среде (Чадыр-Луганский район). Здесь доля болгар, свободно владеющих вторым, молдавским, языком, настолько меньше доли группы болгар, свободно владеющих вторым, русским, языком, что представленные данные могут в дальнейших рассуждениях в расчет не приниматься. Аналогичную картину выявляют гагаузы в той же гагаузско-болгарской этнической среде.

Из показаний табл. 4 видна большая разница в соотношении доли лиц украинской, гагаузской и болгарской национальностей, свободно владеющих русским или молдавским языком. Если судить по усредненным показателям, то нетрудно сделать вывод о том, что наиболее заметные группы украинцев, гагаузов и болгар, свободно владеющих молдавским языком, проживают в первом и втором типах этнических сред. Следовательно, в плотном молдавском окружении для представителей этих народов в качестве «лингва франка» выступает не только русский, но и молдавский язык. Иными словами, в пределах Молдавской республики, особенно в ее центральном и северном районах, молдавский язык служит не только средством внутринационального, но межнационального общения.

Конечно, функции русского языка, выступающего средством межнационального общения, и в этих районах достаточно широкие, шире, чем аналогичные функции молдавского языка. Но в целом это преимущество менее значительно, чем во всех остальных типах этнических сред. Это, в частности, видно из того факта, что минимальная разница между долей украинцев, свободно владеющих вторым, русским, языком, и долей украинцев, свободно владеющих молдавским языком, составляет 13,6% в молдавской неоднородной этнической среде, 19,4% — в молдавско-гагаузском окружении и 23,9% — в молдавской однородной этнической среде. В остальных типах этнических сред этот показатель возрастает и колеблется от 37,7% в украинско-молдавской этнической среде до 53,4% в гагаузско-болгарском окружении. Аналогичным закономерностям подвержено двуязычие гагаузов и болгар.

Таблица 4

**Знание молдавского и русского языков
украинцами, гагаузами и болгарами в МССР (в %)**

Район	Свободно владеющие вторым языком					
	украинцы		гагаузы		болгары	
	русским	молдавским	русским	молдавским	русским	молдавским
1	2	3	4	5	6	7

Тип 1. Молдавский однородный

Ниспоренский	13,7	30,4	38,9	33,3	55,4	20,5
Теленештский	27,4	36,1	88,0	8,0	35,7	42,9
Резинский	26,9	33,3	70,9	3,6	65,5	12,7
Страшенский	57,1	14,8	83,0	8,1	62,3	20,6
Каларашский	48,7	24,7	61,2	22,4	50,8	26,6
Криулянский	38,3	16,7	81,6	9,2	67,4	17,1
Котовский	34,9	28,5	67,4	19,1	64,3	13,9
Оргеевский	38,0	23,3	59,2	17,1	47,5	20,7
Суворовский	35,9	25,7	69,1	16,4	57,7	19,2
Ново-Анненский	34,7	21,2	66,3	12,0	75,4	6,1
Унгенский	35,8	24,7	62,3	11,5	55,3	21,2
Сорокский	54,4	12,6	75,5	7,5	60,3	4,8
Каушанский	34,4	22,9	53,0	29,0	75,1	6,6
Средний, %	47,9	24,0	66,9	16,1	70,1	10,3

Тип 2. Молдавский неоднородный

Леовский	52,8	18,2	38,8	35,1	59,7	16,2
Флорештский	35,9	24,1	82,0	6,0	62,5	15,3
Лазовский	32,9	29,3	74,5	10,6	60,6	12,1
Дрокиевский	27,4	29,7	72,8	11,1	66,7	8,0
Фалештский	40,2	25,3	84,8	—	53,7	22,0
Рышканский	22,3	25,4	75,0	12,5	75,6	13,3
Чимишлийский	28,5	26,1	42,4	27,3	63,8	12,7
Глодянский	39,5	21,3	77,8	7,4	67,4	9,3
Бричанский	31,6	21,0	77,8	3,7	53,8	7,7
Дондюшанский	51,6	12,1	58,9	14,3	60,0	11,0
Единецкий	28,6	22,0	80,7	8,8	62,3	15,1
Каменский	34,9	12,2	54,3	26,1	53,6	17,9

1	2	3	4	5	6	7
Кагульский	37,0	23,2	57,6	20,9	62,6	14,1
Средний, %	34,8	21,2	49,3	18,5	61,9	14,4
Тип 3. Молдавско-смешанный						
Дубоссарский	40,8	8,6	73,4	13,8	50,7	8,9
Слободзейский (Тираспольский)	45,3	8,9	68,4	7,9	86,6	0,8
Средний, %	43,3	8,7	70,7	10,6	85,6	1,0
Тип 4. Молдавско-гагаузский						
Вулканештский	39,2	19,8	61,3	9,9	70,2	6,8
Тип 5. Гагаузско- молдавский						
Комратский	57,3	11,8	61,3	9,8	69,2	9,0
Тип 6. Гагаузско-болгарский						
Чадыр-Лунгский	58,6	5,2	64,5	3,3	76,9	2,9
7. Украинско-молдавский						
Рыбницкий	44,7	7,0	67,6	5,9	50,6	7,4

Чем объяснить тот факт, что, даже проживая в компактно заселенных молдаванами районах, гагаузы и болгары значительно шире, чем украинцы, овладевают вторым, русским, языком, а у украинцев, наоборот, более широкими по сравнению с гагаузами и болгарами являются масштабы украинско-молдавского двуязычия? Анализ данных переписи населения в Молдавской ССР, позволяющий определить зависимость между расселением народов и распространением среди них второго языка, не дает ответа на этот вопрос. Естественно, «молчат» и типы этнических сред. Значит, в данном случае работают иные факторы, и, видимо, в первую очередь временной фактор — хронологический стаж, длительность молдавско-украинских контактов, которые гораздо более продолжительны, чем контакты гагаузов и болгар с молдаванами.

2. К ИЗУЧЕНИЮ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ БАЛКАНИСТИКИ

В современной балканистике видное место принадлежит комплексному изучению тюркоязычного населения. Следует подчеркнуть, что балканская тюркология, если понимать ее в широком смысле, отнюдь не ограничивается изучением лишь языков народов тюркского происхождения. Она охватывает демографические, исторические, государственно-правовые, социально-экономические, культурологические и социально-психологические аспекты жизнедеятельности тюркоязычного населения, живущего ныне или жившего прежде на Балканах и в сопредельных районах Юго-Восточной Европы¹.

Общая активизация этнографического изучения балканских народов, в том числе неславянского населения, начавшаяся, как известно, с середины 1940-х годов, когда в Институте этнографии АН СССР был создан Сектор народов зарубежной Европы, не охватила тюркоязычную часть населения². Более того, систематическое изучение тюркоязычных народов указанного региона не оказалось включенным и в программу исследований, развернутых в послевоенный период Отделом народов зарубежной Азии. Исключение составили лишь работы, посвященные этнографии и этнической истории турок, основной ареал расселения которых находится в Азии³.

В хронологическом аспекте, пожалуй, можно выделить три основных периода в соответствии с пребыванием тюрков на Балканах и в близлежащих территориях. К первому периоду относятся гунны и авары, частично протоболгары и хазары; ко второму — печенеги, узы, половцы, татары и турки-сельджуки; к третьему — балканские турки и татары, гагаузы, караманлийцы, гаджалы, тозлуки, кызылбаши, герловцы, юрюки. При этом всестороннее изучение гагаузов, ныне проживающих главным образом в Советском Союзе (173 тыс., по переписи 1979 г.), представляет собой самостоятельную область исследований и является одной из составных частей балканистики и балканской тюркологии. Актуальность всестороннего изучения гагаузов продиктована тем, что этногенез и этническая история этой народности тесно переплетены с историческими судьбами тех средневековых тюрков (печенегов, узов, куман), которые попали в балканский этнический ареал северным путем — через южнорусские степи, испытав на себе мощное этнокультурное влияние славянского населения, с которым вышеназванные этнические образования находились в длительных контактах.

Наряду с языковым родством тюркоязычные народы обладают общностью происхождения, определенным сходством этнокультурных и исторических судеб. При этом их этногенетическая близость уходит своими корнями не только в единый географический ареал их раннего расселения, но и проявляется в некоторых типологически близких особенностях их современной народной культуры, в том числе в ее самобытных элементах, включая реминисценции кочевого образа жизни. Выделение тюркоязычного населения по языковому признаку — не единственный случай в этнолингвистике. Аналогично, по принципу языкового родства, классифицируются и многие другие группы населения. Например, в основе традиционного выделения славян, как известно, лежит язык. Вместе с тем было бы явным упрощением считать их только лингвистической единицей. Славяне представляют собой более сложное образование. Этот методологически важный тезис, с которого академик Ю. В. Бромлей начинает анализ итогов этнографического изучения славянских народов в СССР⁴, в полной мере можно отнести и к тюркоязычному населению Юго-Восточной Европы.

Современное тюркоязычное население как в рассматриваемом регионе, так и в мире в целом по многим параметрам значительно дифференцировано. Это обусловлено многими факторами, в том числе неодинаковыми темпами социального развития, различиями в пройденном пути, уровне социально-экономического прогресса, а также природно-климатическими условиями обитания.

Интерес к тюркоязычному населению в последние годы заметно возрос. Этому содействовали по крайней мере два серьезных обстоятельства. Во-первых, широкое распространение комплексных и конкретно-социологических исследований социально-этнического развития народов; дальнейшее укрепление теоретико-методологических основ и понятийного аппарата советской этнографии, в том числе углубление концепции этноса, раскрытие содержания и сущности этнических процессов, пристальное внимание к изучению этносоциальных и социально-этнических аспектов развития этносов⁵; во-вторых, общая активизация исследований истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы в СССР⁶ и в странах социалистического содружества. В итоге появились труды, посвященные крупным проблемам, имеющим значительную хронологическую, социально-экономическую и пространственную протяженность. Иными словами, взят многообещающий курс на обобщение исторических, историко-культурных и этнических процессов на основе не одного, а нескольких народов, не одной, а многих стран. Такой сквозной взгляд на общественные

явления, в том числе на их этнокультурные аспекты, возможен только на основе широкого сравнительного анализа многочисленных фактов и явлений, установления типологического ряда тенденций и закономерностей, прослеживания этнических процессов в рамках больших исторических периодов. Характерна в этом отношении проблема этнических контактов. И если, например, славяно-романские контакты связывают Юго-Восточную Европу с западноевропейской цивилизацией, то славяно-тюркские контакты перекидывают мост между Европой и культурным миром Северной, Центральной и Передней Азии. Показательны в этом отношении контакты славянского и романского населения с народами тюркской, угро-финской и монгольской групп языков, которые, согласно концепции академика М. Х. Кастрена, составляли огромную урало-алтайскую языковую семью. Представителям этих народов (урало-алтайцам, по терминологии академика А. П. Окладникова) принадлежала с древнейших времен огромная сибирская территория — от Урала до Тихого океана.

Этнокультурные контакты славянского населения с балканскими, романскими и германскими народами получили сравнительно широкое освещение в ряде серьезных исследований, в том числе в новейшей литературе⁷. В значительной мере этому способствовала научная и научно-организационная деятельность Института славяноведения и балканистики АН СССР и Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики.

Изучение славяно-тюркских контактов в пределах нашей страны в различные исторические периоды имеет довольно богатые традиции, главным образом в отечественном востоковедении⁸. Однако на территории Балканского региона эти связи изучены нашими учеными относительно слабее. В частности, в двух новейших историографических обзорах, анализирующих опыт и достижения исторического и этнографического изучения тюркоязычного населения СССР, гагаузы, часть этнической истории которых протекала на Балканах, даже не упоминаются⁹.

Иными словами, расширение рамок балкано-логических исследований за счет комплексного исследования этнографии и истории Балкан и Юго-Восточной Европы вводит в предметную область балканистики новый широкий круг проблем, связанных с изучением культурных взаимодействий и взаимовлияний народов нашей страны с народами этого региона с давних времен. Расширение этнических рамок делает актуальными — многие другие, не менее важные социально-экономические, демографические, археологические, культурные и языковые проблемы. Более полной и глубокой предстает перед нами история наро-

дов нашей страны и связь ее с историей балканских народов. Вместе с тем более отчетливо видны назревшие вопросы гагаузоведения — комплексной дисциплины, изучающей различные аспекты истории и жизнедеятельности гагаузов.

В этнографическом и этносоциологическом изучении истории тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы можно выделить следующие важные направления. С одной стороны, изучение истории как исчезнувших, так и существующих ныне тюркоязычных народов. Цель подобных исследований состоит в восполнении недостающих страниц истории славянского, романского и другого пришлого и автохтонного населения Балкан и Юго-Восточной Европы. С другой стороны, всестороннее освещение истории тюркских народов имеет и самостоятельное значение, так как вводит в научный оборот, и в первую очередь в поле зрения этнографов, новый весьма важный и ценный фактический материал. Ценность этого материала заключается в том, что на примере истории тюркских этнических образований появляется возможность проследить этногенетические процессы и последствия этнических контактов на длительных отрезках времени, в разнообразных этносоциальных и этногеографических ситуациях и средах. Важнейший аспект при этом состоит в изучении процессов консолидации, интеграции и ассимиляции этносов, находящихся на различных уровнях социально-экономического и культурного развития. В то же время оба направления тесно взаимосвязаны, в той же мере, как сама история связала судьбу тюркоязычного населения с судьбами других народов Юго-Восточной Европы.

Изучение всей совокупности элементов, составляющих целое, предполагает сосуществование двух линий комплексного исследования: в одном случае — проблемного, когда тюркоязычное население воспринимается как единая проблема, в другом каждое отдельное этническое образование целесообразно рассматривать монографически этнографами, археологами, историками, этносоциологами, языковедами, теоретиками культуры и представителями других отраслей знания. Лишь путем интеграции каждого из выделенных путей — осознания целого и углубленной разработки отдельных частей — может быть достигнуто выявление важных исторических закономерностей.

Сошлемся на опыт изучения отдельных тюркоязычных народов — протоболгар, средневековых тюрок на Балканах в лице печенегов, узов и куман, и современных гагаузов, связанных реально или мнимо этногенетическим родством.

Этнокультурные контакты протоболгар с местным славянским населением, как известно, завершились ассимиляцией тюркоязычной прослойки.

Общесоциологические контуры этого процесса хотя и ясны в общих чертах, тем не менее требуют дальнейшего изучения. Хозяйственно-экономическая основа деэтнизации состояла в приобщении протоболгар-скотоводов к более прогрессивной — земледельческой — форме трудовой деятельности. Социальная основа заключалась в симбиозе военно-политической протоболгарской верхушки с местной славянской земледельческой знатью и складывании на этой основе раннефеодальных отношений. Культурная основа состояла в освоении протоболгарами более высокоразвитой славянской культуры. Языковая основа сводилась к постепенному — через промежуточный этап двуязычия — переходу тюркоязычных протоболгар на славянский язык. Таким образом, протоболгары, оставив местному населению свой тюркский этноним, сами слились с ним и как самостоятельное этническое образование исчезли с лица земли. Изучение тюрко-славянских этнокультурных контактов, связанных с протоболгарскими сюжетами, нельзя считать завершенным. Смена кочевого образа жизни оседлым, рост численности контактирующего населения, взаимодействие и взаимовлияние двух различных типов культур — кочевой и оседлой — и ряд других процессов, в том числе реальное участие протоболгар в этногенетических процессах Балкан и Юго-Восточной Европы, требуют дальнейшего исследования. И следует признать, что здесь до сих пор встречаются крайности. С переоценкой роли протоболгарского населения и его культурного наследия в этнических процессах Балкан, в частности, связана гипотеза протоболгарского происхождения гагаузов. Ее сторонниками были братья Шкорпилы, а также их последователи Г. Занетов и Б. Цонев¹⁰. Другая группа исследователей, не соглашаясь с указанной гипотезой, одновременно проявила склонность к преуменьшенной роли протоболгар в этнических процессах северо-восточной части Балкан¹¹.

В новейшей болгарской и советской литературе обнаруживается возобновление интереса к более углубленному изучению тюрко-славянских контактов на примере этнокультурных процессов, в которых активное участие принимали протоболгары. При этом вполне закономерно, что исследователи обращаются прежде всего к так называемой народной культуре, в которой, в отличие от профессионального слоя культуры, более устойчиво передаются из поколения в поколение и сохраняются традиционные и самобытные этнические черты. Показательны в этом отношении усилия болгарского этнографа И. Коева, поставившего перед собой цель изучить культурно-бытовое и языковое наследие протоболгар в современной традиционно-бытовой культуре болгарского населения¹².

Следует подчеркнуть, что эта задача не является новой для болгарской исторической и этнографической науки. Одним из первых, еще в 1869 г., обратил внимание на культурно-бытовое наследие протоболгар М. Дринов. Позднее эта тема привлекала И. Гылыбова, Е. Боева и других исследователей¹³. Изучение протоболгарской этнической культуры не ограничивается балканским периодом их истории и балканским ареалом их расселения. В новейших работах советских исследователей все чаще и чаще упоминаются сходства и параллели между различными элементами народной культуры чувашей, балкарцев, болгар и средневековых протоболгар и народов Северного Кавказа¹⁴. При этом отчетливее и явственнее, чем прежде, обнаруживается, что генетическая основа этого сходства восходит к протоболгарской культуре. Это находит, в частности, свое подтверждение в археологическом инвентаре раскопок Нови-Пазарского некрополя и известного клада золотых сокровищ из Наг сент Миклоша¹⁵.

Таким образом, наряду с богатым культурным традиционным наследством, усвоенным балканскими славянами, и прежде всего болгарами, от местных фракийских племен, требует дальнейшего углубленного изучения и тот культурный вклад, который привнесли с собой протоболгары в этногенетическую историю болгар и других народов Балкан. Именно поэтому дальнейшее комплексное изучение, основанное на детальном анализе этнографического материала и сопоставление его со всеми другими доступными источниками, приобретает особую актуальность для всестороннего раскрытия истории тюрко-славянских контактов и для понимания древнейших истоков складывания культурной общности населения стран Юго-Восточной Европы.

Вслед за протоболгарами на Балканы хлынули кочевые тюрки южнорусских степей: печенеги, узы, половцы. Им посвящена значительная литература, в том числе недавно опубликованный обзор взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками, принадлежащий Р. М. Мавродиной¹⁶. Значительному расширению наших знаний о кочевых тюрках в период их обитания в южнорусских степях способствовали обстоятельные исследования С. А. Плетневой, Г. А. Федорова-Давыдова¹⁷ и других советских исследователей. Однако до сих пор продолжает оставаться малоизученной, за исключением отдельных моментов политической истории, история кочевых тюрков после их поселения на Балканах. В то же время, за редким исключением, нет специальных работ, в которых была бы прослежена связь между ранними (средневековыми) и поздними (современными) тюрками на Балканах¹⁸. Прежде всего речь идет о необходимости расширения предметной

области гагаузоведения за счет комплексного изучения истории средневековых тюрок и современных гагаузов.

Типологически линии социально-культурного и этноисторического развития печенегов, узов и куман на Балканах в основных чертах совпадают с развитием протоболгар. В то же время принципиальное различие обнаруживается в том, что первые в известной мере сохранили себя в современных гагаузах¹⁹, в то время как вторые (протоболгары) подверглись полной ассимиляции.

Для средневековых тюрок южнорусских степей наиболее характерным направлением этнических процессов в период их балканской истории были ассимиляционные процессы. Важнейшей предпосылкой служили социально-экономические и демографические факторы, и в первую очередь более низкий уровень их социально-культурного развития, их сравнительно слабая приспособленность к оседлому образу жизни, малая численность и дисперсность расселения.

Контакты с местным численно преобладающим славянским населением способствовали процессам деэтнизации и последующей ассимиляции, которые шли преимущественно естественным, мирным путем. Когда же турки-османы в соответствии со своими задачами начали проводить жесткую политику насильственного обращения местного балканского населения, в том числе тюркоязычных народов, в мусульманство, они натолкнулись на отчаянное сопротивление. Нельзя отрицать, что Османская империя в отдельных случаях достигала своей цели. Но, как правило, скорее за счет исламизации, чем за счет тюркизации. Более того, именно в отчаянной борьбе против турецкого религиозного, а вслед за ним и этнического ассимиляторства происходило укрепление этнического самосознания многих балканских народов. Так, например, противостояние исламизации послужило немаловажным дополнительным стимулом в сохранении и укреплении гагаузами своего этнического самосознания. И одной из причин их массового переселения в конце XVIII и на протяжении первой половины XIX в. из северо-восточной Болгарии в Бессарабию явилось стремление спастись от посягательств на их национальную культуру и язык. Индикатором противопоставления балканских тюрок туркам служило вероисповедание. Не удивительно, что исследователи духовной культуры и этнографии гагаузов в конце XIX—начале XX в. отмечали их фанатическую приверженность христианской религии. Причем этот фанатизм, как ни странно, сосуществовал с их чрезвычайно слабым знакомством с основными догмами христианской идеологии.

Таким образом, история отдельных этнических процессов с учетом и через призму отдельных компонентов этноса показывает неодинаковую,

иногда прямо противоположную роль одного и того же фактора. Еще раз сошлемся на пример христианства.

Христианизация сначала местного фракийского населения, а затем и принятие христианства славянами и протоболгарами в IX в. сыграли исторически важную роль в социальной и культурной интеграции трех этнически разнородных элементов. При численном преобладании славянского элемента произошел этнический синтез, консолидация и становление самостоятельной болгарской народности в рамках Первого Болгарского царства²⁰.

Совсем иную роль — роль этнического размежевания с турецким населением Балкан в период османского владычества — сыграла приверженность гагаузов к христианскому вероисповеданию. Вместе с тем христианство наряду с другими факторами способствовало сохранению и укреплению этнической самостоятельности гагаузов, формированию их самобытной культуры и этнического самосознания. Иными словами, перед нами предстают как бы разнонаправленные функции христианства в этнических процессах: в одном случае — объединения генетически разнородных этнических компонентов в единое этническое образование, в другом — размежевания северной группы тюркоязычного населения с турками-османами.

Нельзя попутно не отметить, что развернувшаяся в 40—60-х годах XIX в. борьба за самостоятельную национальную церковь, закончившаяся в 1870 г. созданием болгарского экзархата, способствовала росту национального самосознания, а в конечном итоге консолидации болгарской нации. Однако социально-культурная роль христианства не ограничивалась внутриэтническими функциями. Ее значение в средние века было более широким. Цементируя этнически разнородные элементы в единую болгарскую народность в VIII—XI вв. или укрепляя внутреннюю прочность гагаузского этноса в более позднее время, главным образом в XVIII в., христианство в то же время служило фактором более широкого межэтнического сближения народов, в том числе фактором взаимодействия и взаимовлияния культуры болгарского и гагаузского этносов с культурами других коренных народов Юго-Восточной Европы. Указанные две тенденции — этнической консолидации и межэтнической интеграции — были тесно связаны между собой. Глубокое изучение их в этнографическом, этносоциологическом и этнокультурном отношении имеет важное значение для понимания целостности исторического процесса в пределах Балкан и Юго-Восточной Европы.

Важнейшим признаком этноса является его язык. Не удивительно, что у многих народов, особенно в древности, понятия «язык» и «народ»

выступали как синонимы. В староболгарском языке, например, «язык» означал и «народ». Когда гагаузы хотят узнать у кого-либо, знает ли он гагаузский язык, они не говорят «гагаузча билерсин ми», а спрашивают «тюркче билерсин ми». В этом кроется причисление себя к тюркскому населению, по отношению к которому этноним «гагауз» выступает как часть к целому. Язык, конечно, входит в систему *этнической культуры* и в систему **культуры этноса**, если понимать каждое из подчеркнутых понятий как не вполне однозначные. Поэтому анализ культурных контактов немислим без анализа взаимодействий языков. Вполне объяснимо, что лингвистический аспект балканской тюркологии, в том числе и гагаузоведения, получил более полное по сравнению с другими аспектами освещение. При этом изучение языка имеет не только самостоятельное узколингвистическое, но и более широкое значение. Показательно в этом отношении, например, определение языка как этногенетического источника²¹.

Многие принципиальные вопросы балканской тюркологии в лингвистическом аспекте были сравнительно недавно рассмотрены Н. А. Баскаковым и С. Б. Бернштейном²², поэтому здесь нет необходимости еще раз на них останавливаться. Следует лишь подчеркнуть, что в указанных обзорах, как и вообще в балканской лингвистической тюркологии в целом, речь идет преимущественно о структурной стороне языковых процессов, и в первую очередь об интерференции в тюркских и нетюркских языках, в то время как не менее важными представляются систематическое изучение функционального взаимодействия тюркских языков с языками местного населения и восстановление таким образом внешней истории языковых контактов. Сделанное замечание относится и к специальным трудам по гагаузской филологии, в области которой заметно выделяются работы Н. К. Дмитриева, Л. А. Покровской, Д. Н. Танасоглу и Г. А. Гайдаржи²³.

В традиционном этнографическом плане выполнены работы известного русского исследователя В. А. Мошкова, посвященные этнографии гагаузов и других групп тюркоязычного населения Балканского полуострова²⁴. Его с полным основанием можно считать основоположником отечественного гагаузоведения. Монография «Гагаузы Бендерского уезда» по существу осталась непревзойденным этнографическим описанием гагаузов. Существенным разделом этнографии тюркоязычного населения является изучение этнической культуры. Интересные данные по материальной культуре содержатся в работах болгарских авторов, и прежде всего в богатой фактическим материалом работе В. Маринова²⁵. Однако при характеристике им отдельных элементов культуры

порой сказывается предвзятая методологическая установка, согласно которой гагаузы не представляют собой самостоятельной народности, а являются ассимилированной частью болгарского населения.

Начало систематическому изучению материальной и духовной культуры гагаузов СССР положено сотрудниками Отдела этнографии и искусствоведения АН Молдавской ССР. Следует, в частности, упомянуть обстоятельную работу М. В. Маруневич, посвященную поселениям, жилищу и усадьбе²⁶. К сожалению, при описании некоторых элементов исследовательница не обратила должного внимания на сходные черты с культурой тех тюркоязычных народов нашей страны, которые в прошлом подобно предкам гагаузов вели кочевую жизнь. Причина этого упущения, понятно, кроется не столько в личных вкусах и методологических установках автора, сколько в том, что самобытные черты в этнической культуре гагаузов, как и в любой другой этнической культуре, более устойчиво сохраняются в сфере духовной, чем в сфере материальной культуры, и вполне естественно, что при изучении духовной жизни гагаузов другой исследователь, С. С. Курогло²⁷, уделяет серьезное внимание выявлению и описанию указанных этнокультурных параллелей. Духовная культура гагаузов изучена гораздо слабее. Монография А. Манова выполнена на низком профессиональном уровне и не ставила перед собой серьезных аналитических задач²⁸.

Этническая история гагаузов является составной частью более широкой проблемы, входящей в круг актуальных проблем балканистики по изучению истории Юго-Восточной Европы. Вместе с тем чрезвычайную актуальность имеют задачи по изучению современной истории и общественного прогресса тюркоязычного населения в условиях социализма, в том числе социально-культурное развитие гагаузов²⁹ в системе новой исторической общности, каковой является советский народ. Особого внимания и специальной методики требует изучение симбиоза элементов кочевой и оседлой культуры в образе жизни гагаузов.

Исключительно важное значение для разработки тюркологических аспектов современной балканистики имеет дальнейшее расширение источниковедческой базы. Видное место принадлежит здесь предпринятым в свое время по инициативе А. С. Тверитиновой публикациям малоизвестных данных, освещающих историю народов Юго-Восточной и Центральной Европы³⁰. В настоящее время эта работа, к сожалению, приостановилась. Между тем в архивах нашей страны, ряда балканских стран, а также в обширных архивохранилищах Турции хранятся многочисленные чрезвычайно ценные источники, еще не введенные в научный оборот.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что целостный подход к изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы органично сочетается с современными задачами балканистики в деле всестороннего анализа этнической истории и развития культуры тюркоязычных народов на стыке Востока и Запада на каждом этапе их социально-культурного развития с древнейших времен до наших дней.

3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И МЕНЬШИНСТВА В СИСТЕМЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

Состояние и перспективы развития межнациональных отношений зависят от характера общественного строя, выработанных им механизмов самоуправления, управления народами и отношениями между ними, от умения сочетать общие и частные интересы и потребности всех народов и отдельно каждой национальности, от оптимального баланса центростремительных и центробежных тенденций, выражающихся, в частности, в необходимости сочетать деятельность центрального административного аппарата, склонного к гипертрофированию общегосударственного планирования, с развитием регионов и республик. Немаловажное значение имеет и учет отношений между национальным большинством и национальными группами и меньшинствами в том или ином регионе. Эти взаимосвязи складываются и проявляются на различных уровнях. Национальная политика, предусматривающая возможность давления многочисленной нации на малочисленную, немедленно вызывает обратную реакцию — сопротивление малочисленной группы населения. Словом, межнациональные отношения пронизывают все области человеческой деятельности — науку, технику, культуру, искусство, все отрасли народного хозяйства, семейно-бытовую жизнь. Поэтому для того, чтобы представить себе основные направления перестройки в изучении и осмыслении современных национальных процессов, надо предварительно уяснить себе некоторые общие предпосылки.

Если мы проглядим нерешенные вопросы в национальной сфере, мы не сможем восстановить подлинно социалистический гуманизм, демократию и интернационализм межнациональных отношений, которые должны стать идейной осью нашей национальной программы, платформой и стимулом обновления нашей национальной политики. Не улучшив коренным образом всей системы национальных отношений, мы можем столкнуться, как показывают события последних лет, с непредсказуемы-

ми, а подчас и неуправляемыми явлениями, поэтому надо, чтобы и вклад каждой национальности СССР в дело его управления и возвышения был более весомым, качественным, значительным. Надо, чтобы каждая нация, народность и национальная группа СССР, осознавая ответственность за судьбу обновления и перестройки, опираясь на свой богатый социально-исторический опыт, сочетая национальные традиции и интересы с общесоветскими, стремилась как к повышению своего уровня материального и духовного благосостояния, так и к обогащению сокровищницы общесоветских и общечеловеческих ценностей. Изначальной основой самоактивизации каждой национальности, более широкого ее участия в решении указанных вопросов может быть не только закономерный рост ее национального самосознания, но и органическая связь ее со всей общественной и культурной жизнью страны.

Перестройка в сфере межнациональных отношений предполагает определение непосредственных участников «отношений». В официальных документах, включая Конституцию СССР, Программу КПСС и решения партийных съездов, в ведомственной статистике и в подавляющем большинстве научных и популярных публикаций речь чаще всего идет о нациях и народностях. Создается впечатление, что кроме этих категорий, кстати, четко до сих пор недостаточно терминологически «разведенных» между собой, никаких иных образований попросту не существует. Выйти за пределы этого стереотипа и показать более сложный состав участников межнациональных отношений и составляет одну из современных задач, стоящих перед нами. А ее решение — путь к устранению социальной несправедливости.

Приходится констатировать, что период культа личности Сталина и застойные годы оставили нам в наследство не только перекосы, отклонения и деформации в системе национальных отношений, но и нечто более аномальное по своим масштабам, нравственному урону и социальным последствиям. Речь идет о реальном положении национальных групп и национальных меньшинств в СССР, их прошлом, современном и будущем состоянии и статусе, их роли в политической жизни страны, участии во всех сферах жизнедеятельности социалистического общества.

Общий социальный запрет, существовавший в застойные годы в отношении национальной проблематики, с особенной очевидностью отразился на изучении национальных групп и национальных меньшинств. Их история, этнография и социология сегодня изучены крайне слабо. Три сборника статей, подготовленных в последнее время Московским

филиалом географического общества СССР¹ и монография о нерусских этнических группах Ленинграда² — едва ли не единственные специальные публикации по этой теме.

Национальные группы — это те 55 млн. чел., которые проживают за пределами своих национально-государственных образований. В 14 союзных республиках (кроме РСФСР) расселено 24 млн. русских. Еще 15 млн. чел. представителей статусных национальностей (кроме русских), имеющих собственные союзные республики, живут за их пределами. Наконец, 7 млн. чел. вообще не имеют своих национально-государственных образований. Именно на эту группу населения было, в частности, обращено особое внимание в «Тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции»: «Следует позаботиться, чтобы нации и народности, не имеющие своих государственных и территориальных образований, располагали большими возможностями для выражения и удовлетворения своих потребностей»³.

Ни одной крупной нации без своей союзной или автономной республики у нас в стране, конечно, нет. Да и для большинства народностей созданы те или иные национально-территориальные образования. Значит, на повестку дня фактически выдвинут вопрос о национальных группах и национальных меньшинствах. Этим продемонстрирована готовность партии решать назревшие национальные проблемы.

Неравное положение национальных групп и меньшинств среди других национальностей (наций и народностей) закреплено в Конституции СССР 1917 г. Ее первая статья, раскрывающая суть Советского государства, гласит, что СССР «есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны». Ни национальные меньшинства, ни национальные группы, как видим, даже не упоминаются. В соответствии со статьей 19, «государство способствует... всестороннему развитию и сближению всех наций и народностей СССР». Статья 36 разъясняет при этом, что осуществление национальных прав в СССР «обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР», а долг каждого гражданина СССР, согласно статье 64, состоит в том, чтобы «уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства»⁴.

Учитывая многонациональный состав советского общества, в обновленной программе КПСС записано: «Для национальных отношений в нашей стране характерны как дальнейший расцвет наций и народностей, так и их неуклонное сближение, которое происходит на основе

добровольности, равенства, братского сотрудничества»⁵. При осуществлении национальной политики КПСС исходит из того, что в «процессе совместного труда и жизни более ста наций и народностей закономерно возникают новые задачи по совершенствованию национальных отношений»⁶. Здесь, как видим, о национальных группах и меньшинствах — тоже ни слова.

Таким образом, ни Конституция СССР, ни Программа КПСС не берут на себя заботу об удовлетворении специфических интересов и потребностей национальных групп и меньшинств. Иными словами, каждый пятый советский человек не упоминается в Основном Законе и оказывается вне сферы партийной и государственной заботы. Объективно это и есть узаконенная социальная несправедливость.

Между тем совершенно очевидно, что даже невольное выведение за пределы действия Основного Закона значительной части населения страны противоречит общечеловеческому гуманизму, принципам советской демократии и интернационализма, означает отход от ленинских принципов, изложенных в «Декларации прав народов России» и положенных в основу первой советской Конституции 1918 г. Напомним, что в статье 22 Конституции РСФСР, принятой II Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., утверждалось следующее: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничения их равноправия»⁷.

Затем во всех последующих Конституциях СССР (1924, 1936, 1977 г.) упоминались права и обязанности наций и народностей и не содержалось упоминаний ни о национальных меньшинствах, ни о национальных группах.

Перестройка межнациональных отношений предполагает не только утверждение национальных групп и меньшинств на общесоюзной карте, но и восстановление их истории, развитие культуры, языка и быта. Как же так получилось, что после 70 лет Советской власти приходится специально напоминать об одной пятой советских граждан?

Национальные группы и национальные меньшинства не исчезли сами по себе со страниц конституций и других официальных документов. Выступая с докладом «О проекте Конституции Союза ССР» на VIII Всесоюзном съезде Советов (25 ноября 1936 г.), И. В. Сталин говорил, что в состав многонационального советского государства входит «око-

ло 60 наций, национальных групп и народностей»⁸. В соответствии с этой установкой, в итогах переписи населения 1936 г. было названо 63 национальности и тем самым сокращено их реальное число, по сравнению с данными предыдущей переписи 1926 г., не менее чем вдвое. Сокращение общего числа национальностей и «облегчило» задачу по резкому сужению арены действия национальной политики, сокращению государственных вложений в развитие культуры национальных групп и национальных меньшинств.

Включение наций и народностей в официальные документы было подкреплено концептуально. Согласно сталинской формуле, им и только им открывалась дорога к «расцвету» сегодня, к сближению и «слиянию» завтра. Что касается национальных групп, то они, потеряв конституционное закрепление своих прав, оказались обреченными не на расцвет, а скорее на ассимиляцию. Без государственной заботы, внимания и целенаправленной политики другого пути перед ними не было. Со страниц партийных изданий и художественной литературы одновременно исчез широко употребляемый во времена В. И. Ленина и им самим термин «национальные меньшинства». «Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»⁹, — этот ленинский завет об особом к ним внимании и о неукоснительном соблюдении справедливого отношения между многочисленными и малочисленными национальностями был предан забвению в годы культа личности и не восстановлен как руководство к действию во времена застоя. Да и сейчас иногда упоминают его в узком смысле, имея в виду отношения между русскими и остальными народами. Между тем в широком смысле речь идет о любых отношениях между численно преобладающей нацией и национальными меньшинствами, например, об отношениях в союзных республиках между эстонцами и белорусами, литовцами и поляками, молдаванами и болгарами, азербайджанцами и лезгинами, армянами и курдами и т. д.

В перестройке межнациональных отношений видное место должно занять методологическое переоснащение в изучении истории и практики осуществления национальной политики, информационно-методическое обеспечение исследований современных национальных процессов. Важным шагом на пути обновления наших представлений о роли национального фактора в истории народов может стать стирание «белых» пятен в национальных процессах. Справедливости ради надо отметить, что осуществление политики «расцвета» и «слияния» для конституированных наций и народностей также было непоследовательным.

Созданный в 30-е годы командно-административный централизм оказывал двойственное, подчас взаимоисключающее влияние на развитие

национальных процессов. Согласно утвержденной тогда и реализуемой на практике теоретической схеме, советским обществом и, в частности, русским народом было сделано очень много для прогрессивного развития народов СССР, в том числе для подготовки национальной интеллигенции, формирования национальных культур, выведения из состояния вековой отсталости и складывания социалистических наций и народностей. Хотя и на эту, позитивную по сути дела, тенденцию, ложится мрачная тень массовых репрессий, которым подвергались многие видные деятели национальных культур, а также искажений национальной истории народов.

Выигрывая «антикрестьянскую войну» в годы коллективизации, отнимая у крестьян хлеб, а у интеллигенции (в ходе массовых репрессий 1936—1937 и последующих годов) право на свободное творчество, Сталин наносил серьезный удар по внутринациональным и межнациональным связям и отношениям. Без хлеба — натурального и духовного — трудно было налаживать связи между селом и городом, между рабочими и крестьянами, между Севером и Югом, Востоком и Западом страны. Разрыв веками складывающихся контактов, вынужденная перемена мест размывали устои национального образа жизни и связи человека со своей национальностью. Как теперь подсчитать урон от перекосов в осуществлении коллективизации, когда из деревни была выселена едва ли не самая трудолюбивая прослойка населения, к тому же не худшая хранительница вековых устоев национального образа жизни, исконных традиций, обычаев, самобытности? Отчуждение крестьян от земли вело к ослаблению приверженности к труду, к родному очагу, к национальной истории. Так тенденция к «расцвету нации» превращалась в свою противоположность. Народ терял ощущение себя хозяином своей земли и хозяином своей судьбы.

Подрыв питательных корней национального неумолимо вел к эрозии интернационального. В самом деле, как можно быть интернационалистом в обезнационаленном состоянии? Таковы уроки истории. И сегодня мы вынуждены признать, что удары 30-х годов по крестьянству, по интеллигенции и по национальной культуре бумерангом ударили по интернационализму. Подобно тому, как в деревне надо очень серьезно заниматься окрестьяниванием раскрестьяненного крестьянства, так и в сфере национальных процессов предстоит вернуться к истокам, глубже осознать задачу восстановления гармонического сочетания национального и интернационального. Если эти две тенденции будут действовать синхронно в одном и том же направлении, у нас появится реальный, продиктованный объективной жизнью шанс восстано-

вить истинно гуманный принцип решения национальных проблем в многонациональном социалистическом государстве.

Насильственные депортации отдельных народов, разумеется, тоже не способствовали их расцвету. В годы войны в разряд бесстатусных национальных групп, как уже отмечалось, были «включены» национальности, перемещенные в восточные районы страны. Оказавшись в иноэтнической среде, эти массы населения практически были лишены возможности развития национальной культуры и тем самым обречены на безвестность. Иными словами, национальная политика превращалась в антинациональную. Часть этих ошибок была исправлена после XX съезда КПСС, другая все еще ждет своего исправления. Отсутствие у национальных групп и национальных меньшинств узаконенных национальных и языковых прав, гарантированной государственной заботы по удовлетворению их потребностей может привести к затруднениям и непрогнозируемым последствиям в практике межнациональных отношений. Демократизация и гласность уже сегодня вполне убедительно продемонстрировали, что именно национальные группы или национальные меньшинства находятся на переднем крае обострившихся межнациональных отношений. Не видеть этого нельзя, если специально не закрывать глаза. Якутские, алма-атинские, карабахские и сумгаитские события показали, что ущемление прав, недостаточный учет и удовлетворение потребностей национальных групп и меньшинств в социально-экономической сфере, в сфере языка, культуры чревато дальнейшим усилением напряженности в межнациональных отношениях. Многие другие явные или скрытые «горячие точки», хотя и носят ситуативный характер, в любое время могут выйти за рамки ситуации и приобрести более широкий социальный резонанс.

Существовавший в науке «советоцентристский» подход мешал представить наш безусловно полезный опыт как одно из специфических проявлений и составных частей истории народов мира. Более точным представляется взгляд на национальные процессы в СССР, на теорию национального вопроса, национальную политику КПСС и ее влияние на мировую историю как частный способ решения основных проблем, с которыми сталкивается человечество. Для решения многих спорных вопросов между нациями и национальными меньшинствами до сих пор не найдены достаточно эффективные средства.

При совершенствовании национальных отношений в СССР надо максимально учитывать прошлый опыт и современную ситуацию в мире. Последняя характеризуется резко активизировавшимся движением национальных меньшинств за свои права, подъемом теоретической

и практической деятельности ряда международных организаций по выработке и законодательному закреплению национальных и языковых прав меньшинств, в том числе групп иммигрантского населения. На фоне серьезных сдвигов в отношении мировой общественности к положению национальных меньшинств, в том числе и упомянутых групп иммигрантов, наша страна теряет свои передовые позиции. Нам надо непременно продвинуть решение вопроса о статусе национальных групп. По существу это лакмусовая бумажка нашей компетентности, состоятельности, готовности, решимости преодолеть застои в сфере межнациональных отношений.

В ходе подготовки к XIX партконференции и в процессе ее работы было высказано много пожеланий о совершенствовании межнациональных отношений, в том числе и связанных с механизмом управления ими. Особенно показательны в этом плане обнародованные в Эстонии «Основные положения платформы делегации республиканской партийной организации на XIX Всесоюзную партийную конференцию»¹⁰.

Закономерно, что в Казахстане, Молдавии, Эстонии, Азербайджане развернулась большая работа по созданию условий для удовлетворения специфических потребностей и интересов национальных групп из числа некоренных народов этих республик. Судя по оперативным сообщениям, здесь возводятся объекты социально-культурного и бытового назначения, здравоохранения, школы и дошкольные детские учреждения, предприятия торговли и общественного питания. Одновременно с решением социально-бытовых проблем, создаются условия для этнокультурного и языкового развития представителей малочисленных народностей, реализации их запросов в сфере образования, народного творчества, начато строительство объектов народной культуры, принимаются меры по удовлетворению религиозных потребностей. И тем не менее многие проблемы в сфере межнациональных отношений все еще не снимаются с повестки дня. Так, например, на заседании Комиссии по делам межнациональных отношений и интернациональному воспитанию при Верховном Совете Азербайджанской ССР (16.09.88 г.) шел откровенный и честный разговор о проблемах национальных групп республики, в том числе о том, что: 1) ингилойцы Кахского района ждут разрешения на открытие церкви, требуют открыть музыкальную школу с обучением игре на грузинских национальных музыкальных инструментах; 2) в школах Кусарского района, где живут лезгины, не хватает преподавателей лезгинского языка; 3) месхетинцы (месхи) Саатлинского и Сабарабадского районов обращали внимание на необходимость благоустройства сел и дорог, на нехватку строительных

материалов для сооружения индивидуального жилья; 4) в помощи по внеконкурсному зачислению в вузы республики наряду с ингилойцами нуждаются представители и других национальных групп, например, цахуры, аварцы и другие; 5) в русском (молоканском) селе Русские Борисы Шаумяновского района более пяти лет строится и никак не достроится школа; 6) не все национальные меньшинства, имеют возможность полностью удовлетворять свои потребности в центральных и республиканских телепередачах, в том числе на языках своей национальности ¹¹.

Перестройка в изучении национальных проблем нужна не сама по себе, а для того, чтобы более эффективно влиять на оптимизацию и гармонизацию межнациональных отношений. Какие меры, с точки зрения ученых, должны быть предприняты, чтобы увеличить вклад национального фактора в совершенствование социализма? Иными словами, что можно предложить для управления национальными процессами и устранения дисгармонии межнациональных отношений?

Для рассмотрения всего комплекса вопросов, связанных с межнациональными отношениями, необходимо создать в Совете Национальностей Верховного Совета СССР, в составе Верховных Советов союзных и автономных республик постоянно действующие комиссии по национальным проблемам, придав им соответствующие полномочия. Эти комиссии могли бы выявлять и анализировать путем специально организованных исследований (вплоть до постановки вопросов о проведении референдумов) потребности национальностей в разнообразных жизненных сферах, принимать широкое участие в разработке и осуществлении национальной политики, следить за соблюдением правового, в том числе национального и языкового статуса, за представительством национальностей в законодательных и исполнительных органах, за реализацией их права на развитие национальной культуры, преподаванием национального языка в школах, за использованием языка в средствах массовой коммуникации. Необходимость создания специализированных, в частности, проблемно-целевых и регионально-территориальных комиссий, в том числе Комиссии по делам национальных групп, диктуется тем, что Совет Национальностей Верховного Совета СССР десятилетиями не выполнял своих прямых функций по контролю за осуществлением национальной политики КПСС. Об этом даже не принято было говорить в открытой печати. Между тем «передача Советам всей полноты власти снизу доверху — предполагает и кардинальное повышение роли высшего органа власти страны» ¹². Перестройка в сфере национальных отношений не может не затронуть и

органы власти, особенно если последние самоотстранились (или были отстранены) от участия в осуществлении национальной политики. Нельзя не учитывать и накопленный опыт функционирования советской политической системы, включая сложившуюся при В. И. Ленине практику работы съездов Советов и ЦИК СССР. Вместе с тем имеет смысл прислушаться и к высказанным в ходе подготовки к XIX партийной конференции новым идеям и рациональным предложениям: «об увеличении продолжительности работы сессий высшего органа власти; о четком разделении полномочий и преодолении функциональной обезличенности палат; об избрании части депутатов непосредственно от общественных организаций, входящих в политическую систему нашего общества, и т. д.»¹³.

Исходя из ленинского требования «широкого самоуправления» и автономии областей, которые должны быть разграничены, между прочим, и по национальному признаку¹⁴, Комиссия по национальным группам, например, могла бы разрабатывать конкретные предложения об изменении статуса национальных групп и национальных меньшинств, о создании для некоторых из них (немцев, болгар, корейцев и др.) собственных форм национально-территориальных или национально-культурных образований. Возможность многообразия форм национально-государственных и национально-территориальных образований была предусмотрена в ленинской концепции национального вопроса в многонациональной стране с национальностями, находящимися на неодинаковом уровне общественно-политического развития. О том, насколько серьезно В. И. Ленин относился к особым образованиям, учитывающим самобытность и специфику народов, свидетельствуют, в частности, документы Международного съезда народов Востока, состоявшегося в сентябре 1920 г. в Баку. В одном из шести пунктов составленного В. И. Лениным в октябре 1920 г. «Проекта постановления политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами» говорилось: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую голову для калмыков и бурят-монголов, поручив НКНацу»¹⁵.

Ленинская идея возможности многообразных форм национальной автономии вполне укладывается в рамки действовавшей Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Рабочим и крестьянам каждой нации предоставлялась гарантия «принять самостоятельное решение на

своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в остальных советских учреждениях»¹⁶.

Путь к подлинному демократическому централизму и социализму В. И. Ленин связывал с неперменным учетом национальных особенностей. «И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план — все это, — по его мысли, — должно отразиться на своеобразии пути к социализму в той или иной трудовой коммуне государства. Чем больше будет такого разнообразия, — конечно, если оно не перейдет в оригинальничание, — тем вернее и тем быстрее будет обеспечено как достижение нами демократического централизма, так и осуществление социалистического хозяйства»¹⁷.

В наше время, в условиях перестройки и обновления, ленинский подход сохраняет свою актуальность. Нет никаких сомнений, что «покушение на самостоятельность, попрание права каждого народа на независимый выбор и оригинальный путь развития являются источником недоверия со всеми сложными в наш грозный век последствиями для всего человечества»¹⁸.

Представляется целесообразным на комиссию по национальным группам возложить обязанность координации между различными национально-культурными объединениями — ассоциациями, обществами, клубами, центрами, землячествами, фондами и т. д., основанными на принципах хозрасчета, самокупаемости, а при необходимости и на государственной дотации.

В некоторых союзных республиках уже созданы Комиссии по проблемам межнациональных отношений, например, Комиссия по вопросам межнациональных отношений и интернационального воспитания населения при Верховном Совете Грузинской ССР; по делам межнациональных отношений и интернациональному воспитанию при Верховном Совете Азербайджанской ССР; по вопросам межнациональных отношений и интернационального воспитания при Верховном Совете Армянской ССР.

Видимо, целесообразно, чтобы в рамках подобных комиссий действовали и особые структурные подразделения по проблемам национальных меньшинств республик. Заслуживает внимания идея создания постоянных представительств (типа консульств) Президиумов Верховных Советов союзных республик в столицах других братских республик, по крайней мере там, где расселены национальные группы. По существу такая работа уже ведется. Некоторые молдавские учреждения средств массовой коммуникации накопили определенный опыт по

обеспечению необходимой литературой и информацией молдаван, живущих на Украине, таджикские — таджиков в Узбекистане, армянские — армян в Азербайджане и т. д. Консульские представительства, в состав которых были бы включены люди из числа национальных меньшинств и национальных групп, могли бы этой работе придать более планомерный и организованный характер.

Ленинская идея о многообразии форм национальной автономии приводит нас к тому, что единственно надежный путь решения национальных проблем — это предоставление всем без исключения национальностям (в меру их потребностей) тех или иных форм автономии: **национально-государственной, национально-территориальной** или **национально-культурной**. Только максимальное удовлетворение национальных потребностей и интересов откроет надежный путь к прочному национальному единению народов. В противном случае национальная политика, допускающая какое-либо давление со стороны многочисленной нации в отношении малочисленной нации, народности или национальной группы, чревата неизбежным эффектом бумеранга. Малочисленная национальность (от нации до национальной группы) стихийно или организованно, инстинктивно или осознанно начнет консолидироваться и искать защиты своей национальной культуры, как только появится угроза ее существованию.

Сейчас в ряде союзных республик идет напряженный поиск новых форм решения проблем национальных групп и национальных меньшинств. Так, например, в резолюции Комиссии по делам межнациональных отношений и интернациональному воспитанию при Верховном Совете Азербайджанской ССР предусматриваются меры по расширению преподавания в школах родных языков некоторых национальных меньшинств, обеспечение совместно с ведомствами Грузии, Армении и Дагестана учащихся художественной литературой, учебниками и учебными пособиями на грузинском, армянском, лезгинском и других языках, расширенная подготовка кадров, в том числе с использованием (где это продиктовано объективными обстоятельствами) механизма внеконкурсного зачисления, а также открытие в республике высшего учебного заведения по подготовке кадров национальных меньшинств, радиофицирование районов с компактно проживающими представителями неазербайджанской национальности, установка в этих районах дополнительных ретрансляторов, последовательное решение социально-экономических и бытовых проблем.

Совершенствование экономических, государственно-правовых, социально-культурных, языковых и психологических аспектов межнациональ-

ных отношений является одной из основных задач социальной политики КПСС, важной стороной демократизации, гуманизации социалистического общества, его обновления в ходе перестройки. Но для того, чтобы перестройка развивалась, надо не только восстанавливать и «поправлять видение прошлого», но и хорошо знать настоящее, думать о будущем, предвидеть ход и направление национальных процессов завтра и послезавтра, прогнозировать их состояние, характер, последствия. Все это не под силу тем мелким структурным подразделениям, которые теперь в системе различных институтов заняты полукустарной разработкой национальной проблематики.

Активное и целенаправленное осуществление национальной политики, сбалансированное сочетание тенденций дальнейшей консолидации народов и углубления межнациональной интеграции, последовательное огосударствление и разгосударствление управленческих функций нуждается в глубоком и всестороннем научном обосновании. Решение целого комплекса теоретических и прикладных задач возможно только при достаточном организационном, материальном и кадровом обеспечении на общегосударственном уровне. По существу наша многонациональная страна нуждается в широкой информационной базе и в специализированных научных разработках. Для осуществления этих многообразных по содержанию и многоцелевых по функциям задач требуется авторитетный орган, объединяющий усилия специалистов, общественных деятелей и практиков различного профиля. Им мог бы стать Всесоюзный центр научно-прикладных исследований национальных процессов при каком-либо высшем органе власти страны, например, при Верховном Совете СССР и одновременно при Президиуме АН СССР. Эта идея в самом общем виде уже высказывалась накануне XXVII съезда КПСС в журнале «Коммунист». Соответствующие предложения неоднократно звучали с трибуны XIX партконференции, со страниц широкой печати. Такого центра пока нет, но первые шаги уже сделаны. При Президиуме АН СССР создан Межведомственный Научный совет по изучению национальных процессов (председатель — академик Ю. В. Бромлей). В его составе наряду с известными специалистами в области национальных отношений — демографами, историками, литературоведами, социологами, экономистами, этнографами и языковедами — представители ряда центральных учреждений и ведомств, практическая деятельность которых не может осуществляться без учета национального фактора.

При Секции общественных наук Президиума АН СССР, на базе Института этнографии АН СССР, формируется Центр по изучению национальных

отношений, созданный в соответствии с идеями XXVII съезда КПСС.

Опираясь на потенциал уже имеющихся квалифицированных специалистов, а также расширив подготовку кадров по национальной проблематике, надо сделать еще один шаг — создать аналогичные вышеназванным структурные подразделения в республиках.

Всесоюзный центр научно-прикладных исследований национальных процессов взял бы на себя организацию и осуществление оперативных исследований актуальных проблем, возникающих в ходе современных национальных процессов, изучение готовящихся в инстанциях решений и участие в формировании общественного мнения относительно их претворения в жизнь, выявление социальных потребностей национальных групп в разнообразных сферах и ситуациях, анализ разработки национальной проблематики в республиках, непосредственное участие в подготовке научных основ национальной политики КПСС, анализ зарубежной литературы по проблемам национальных отношений.

Свою деятельность Всесоюзный центр может разворачивать на основе **концепции национального фактора**, которую следует еще создать, опираясь на опыт истории и на анализ современных национальных процессов. Их двух существующих в начале XX в. в Европе многонациональных держав — Австро-Венгрии и Российской империи — первая распалась, потерпев поражение в первой мировой войне, так и не сумев справиться с национальными противоречиями, раздиравшими ее. Находящиеся у власти австрийцы составляли меньшинство и не сумели противостоять центробежным силам большинства — входивших в состав империи многочисленных национальностей — чехов, словаков, хорватов, словенцев, венгров.

Получив в наследство от империи Романовых пестрое в социально-экономическом отношении «национальное хозяйство», страна Советов предоставила автономию многим крупным национальностям, повысила уровень их социокультурного развития и сохранила себя как многонациональное государство.

Однако по мере приобщения отсталых в прошлом национальностей к достижениям современной цивилизации происходили существенные перемены в их национальном самосознании и в понимании своего места в экономической и духовной жизни страны. Соответственно росло понимание того, что не может быть сколько-нибудь удовлетворительного решения неизбежно возникающих на национальной почве проблем без процессов взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения национальных культур. Однако детально раз-

работанной концепции такого взаимодействия все же нет. Вероятно, она может быть создана только объединенными усилиями специалистов различных отраслей знания. Методологическим ориентиром для ее создания может служить идея о всестороннем учете динамично меняющихся национальных и общесоюзных потребностей. Эта идея принадлежит В. И. Ленину: «Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас с том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас неперенное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на различных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»¹⁹.

На основе указанного ориентира и социального заказа — учета национальных и общесоюзных интересов и потребностей — может быть построена система прикладных задач. Всякое развитие есть преодоление противоречий. В национальной сфере противоречия рождаются во взаимодействии двух тенденций — развития и сближения народов. Настала пора менять наше понимание отношений между ними.

Значительно расширив историческую перспективу проявления этих двух тенденций мы, похоже, уже сделали шаг вперед от бесплодных дискуссий застойного времени о приоритетности одной из них. Следующий шаг — признать, что тенденции не развиваются без противоречий и без борьбы. Следовательно, если рассматривать всю сумму прикладных задач крупным планом, то надо выделить, по крайней мере, три группы противоречий: 1) между развитием отдельных национальностей и многонациональным сотрудничеством; 2) между формированием и реализацией национальных и общесоюзных интересов и потребностей; 3) между коренной нацией или национальностью, имеющей свое национально-государственное образование, и проживающими в данной республике народностями и национальными группами, не имеющими какого-либо национально-автономного образования в СССР. Пока есть национальности и пока они живут в одном многонациональном государстве, всегда будут иметь место неравномерные темпы

экономического и социально-культурного развития. В них и заложен источник возникновения межнациональной напряженности. Путь к упрочению внутреннего единства только один — через преодоление этих противоречий.

Рецепты выписывать пока рано. Однако, опираясь на итоги этнографических и этносоциологических исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР по комплексным программам Ю. В. Арутюняна, В. В. Пименова, О. И. Шкаратана, можно считать серьезной гипотезу о том, что преодоление этих противоречий в национальной сфере может быть достигнуто путем полного равноправия взаимодействующих национальностей и построения отношений между ними на естественной, подлинно демократической, интернационалистской и закрепленной законами основе.

Для этого требуется единая национальная политика, осуществляемая, однако, с учетом национального своеобразия всех регионов страны и направленная на дальнейшее развитие и совершенствование сложившихся межреспубликанских хозяйственных, научно-технических и культурных связей, на более полное использование преимуществ внутрисоюзного разделения труда. Многое зависит от масштабов гласности. На эту важнейшую предпосылку серьезное внимание было обращено на XIX партконференции. «Трудящиеся должны полностью быть в курсе того, — говорил М. С. Горбачев, — как развивается их республика и какое место она занимает в народнохозяйственном комплексе. Они должны знать, как живут и развиваются не только их соседи, но и все республики страны»²¹. Еще раз напомним, что наличие или отсутствие национально-автономных образований, не вполне определенный или неодинаковый статус их, давая известные привилегии одним национальностям, служит тормозом для демократического решения проблем в национальной сфере. Между тем не должно быть никаких сомнений в том, что законность и право должны служить надежной платформой совершенствования национальных отношений. Мы не можем пройти мимо ленинских заветов о необходимости незыблемой правовой основы национальных процессов, о разработке кодекса правил межнациональных отношений.

Требуют серьезного анализа межреспубликанские экономические взаимосвязи, отчисления в Госбюджет, ценообразование, условия, сроки и механизмы перехода республик на хозрасчет, увеличение вклада всех национальностей в единый народнохозяйственный комплекс, обеспечение трудовыми ресурсами наиболее перспективных отраслей хозяйства, так как именно в сфере экономики сильны

факторы, влияющие как на возникновение, так и на преодоление конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях. Пример тому — «теневая экономика» и ее последствия в некоторых южных республиках.

Мы серьезно отстали от мировой практики в анализе политических аспектов национальных движений и национальных процессов. Назрела необходимость в проведении серии фундаментальных и прикладных исследований по национально-личностным, а также по государственно-правовым вопросам, включая разработку и уточнение правовых основ национально-государственных, национально-территориальных и национально-культурных образований, подготовку рекомендаций по созданию новых и ликвидации отживших национально-территориальных единиц.

Советское общество остро нуждается в глубоком анализе вопросов развития и взаимодействия культур и языков народов СССР, включая формирование фондов национальных культур, средств тиражирования, технической оснащенности, улучшение условий доступа к культурным ценностям своей национальности и других национальностей всем гражданам СССР.

Проблемы этничности долгое время занимали внимание сравнительно узкого круга специалистов. Как ни удивительно, меньше всего этими проблемами занимались практики, в том числе из ведомств, организующих работу средств массовой информации.

Между тем опыт современных этнических движений, выдвигание на передний план правовых, политических и идеологических аспектов этничности придает более широкое и более глубокое значение взаимосвязи этничности и циркуляции современных информационных потоков. Соответственно возрастает интерес к этническим аспектам национальных процессов. Ими активно интересуются демографы, политологи, культурологи, социальные психологи, представители других отраслей знания, а также общественные деятели и практики.

Еще одна глобальная, поистине универсальная тенденция — последовательное смещение этничности с элементов материальной на элементы духовной культуры, особенно в сферу национального самосознания — побуждает серьезно приглядеться к той роли, которую играют современные средства массовой информации в становлении, упрочении, проявлении и в ослаблении этничности. Теоретически она колеблется в очень широком диапазоне от полной поддержки (культивации) до полного отрицания этничности. К сожалению, приходится констатировать, что сегодня нет сколько-нибудь удовлетворительных концепций или хотя бы первичных объяснений того, какова сегодняшняя роль средств массовой информации в формировании и в функционировании этничности и какова она должна быть в идеале.

Особую остроту этот вопрос приобретает (или скоро приобретет) в многонациональном обществе. Поэтому проблема заключается в конституировании того, что все национальности многонационального сообщества, в том числе национальные меньшинства, имеют право сохранять, продолжать и восстанавливать самобытные и прогрессивные аспекты своей национальной культуры, особенно в тех случаях, когда она находится под угрозой губительного нивелирующего или национального влияния.

Теоретически не вполне ясны многие вопросы воздействия средств массовой информации на этничность, в том числе на ее развитие, на ее обновление, а также на ее расширенное воспроизводство.

В некоторых республиках негативно воспринимаются тенденции интернационализации и факторы, благоприятствующие этому общемировому и прогрессивному процессу. Особую активность в этом отношении проявляют некоторые республиканские молодежные журналы, выступающие подчас с материалами, дискредитирующими такие прогрессивные в условиях многонациональной страны явления, как двуязычие, выступающее в Советском Союзе фактором, механизмом и результатом процессов интернационализации, важным инструментом укрепления интернационального единства народов, стабилизации политической, идеологической и оборонной мощи нашего государства. Между тем нужны серьезные исследования социальной значимости, реальной роли двуязычия в жизни всех наций, народностей и национальных групп, во всех сферах советского образа жизни, разоблачения некомпетентных высказываний некоторых публицистов.

Специального изучения требует вопрос о факторах роста национального самосознания, обо всех формах, ситуациях проявления национализма, экстремизма, изоляционизма и местничества. Плохо разработаны теория и практика интернационального воспитания в условиях гласности, перестройки, демократизации. Движения за социальные и языковые права, развернувшиеся в современном мире — особая тема. И в ее осмыслении мы тоже серьезно отстали. Тем более уместно вспомнить ленинский принцип «безусловного равноправия наций в государстве и безусловного ограждения прав всякого национального меньшинства»²², и его требование «ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно... Тут потребуется детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике».

Создание Всесоюзного Центра научно-прикладных исследований национальных процессов, безусловно, выдвинуло бы на передний план

задачи по конкретному улучшению координационной деятельности, призванной обеспечить связь науки и практики, ориентировать исследовательские коллективы на разработку приоритетных направлений, устранить мелкотемье и дублирование, преодолеть присущие работам по национальной проблематике в застойные годы «заздравность», формализм и внутриведомственный изоляционизм. Интенсивная координационная деятельность позволила бы мобилизовать значительные силы для подготовки серии книг, посвященных всесторонней характеристике наций, народностей и национальных групп СССР, для разработки словарей, понятийно-терминологических и энциклопедических справочников, учебников и учебных пособий, сборников материалов и документов по истории и этнографии народов выявления роли и эффективности исторической литературы, в том числе школьных учебников и средств массовой коммуникации в интернациональном воспитании, в формировании национального самосознания и одновременно осознания принадлежности к многонациональному советскому народу; создания (совместно с заинтересованными учреждениями, например, с Госкомстатом) солидной информационной базы.

О последнем аспекте надо сказать особо. Оценка межнациональных отношений, обусловленных историей национальных процессов, должна основываться на прочном информационном фундаменте. Состояние последнего — решающее условие работы каждого исследователя, независимо от того, как формируется «банк данных»: из официальных публикаций государственной статистики, научной литературы или, наконец, по материалам специально организованных исследований. В связи с этим еще одна задача Всесоюзного Центра может заключаться в пополнении «банка данных» не только статистическими материалами, но и своего рода «концептуальными полуфабрикатами», т.е. новыми идеями, предложениями о революционном обновлении общества, об улучшении климата и культуры межнациональных отношений.

Включение в обсуждение национальных процессов публицистов, писателей, рядовых советских людей в последние годы значительно расширило круг обсуждаемых проблем.

Да и жизнь в национальной сфере заметно активизировалась. И пока нет симптомов того, что эта активность поубавится. Судя по Армении и Эстонии, скорее наоборот. Словом, процессы осложняются, углубляются, общественное мнение перегружается преимущественно газетно-журнальной информацией. Серьезных исследований пока нет. Понятно, движение вширь никак не заменяет движения вглубь. И задача заключается в том, чтобы сочетать и публицистичность и аргументированные доказательства.

Однако на пути от публицистической раскованности суждений к научной обоснованности возникла парадоксальная ситуация. Суть парадокса в том, что именно этносоциология, одна из немногих новых дисциплин, возникших в застойные годы и все же давшая реальную картину национальных процессов, сегодня в эпоху гласности и раскрепощения вдруг забуксовала из-за ряда объективных и субъективных моментов, в том числе из-за отсутствия притока свежих сил. Перед ней и перед специалистами, разрабатывающими национальные проблемы, сегодня стоит первостепенной важности задача: не уступая яркой публицистике всесторонне осветить суть, содержание, новые формы и основные направления развития современных национальных процессов, выявить все компоненты национального вопроса и многообразных вариантов его проявления как в историко-формационном, так и в пространственно-географическом и хронологическом аспектах.

Снятие ограничений в разработке национальной проблематики выявило острейший дефицит кадров в этой области. Вместе с тем, в большинстве союзных республик имеется немало специалистов высокой квалификации в области истории, этнографии, социологии, языкознания, часть которых, особенно молодежь, могла бы более целенаправленно изучать современные национальные процессы. Думается, что решительный вклад в изучение национальных процессов, проявляющихся на разных уровнях — на личностном, на межреспубликанском и на возросшем в условиях перестройки уровне общенационального движения — должны внести республиканские научные коллективы.

И все же сегодня едва ли не самый больной вопрос — подготовка кадров по национальной проблематике. Формирование корпуса квалифицированных экспертов-исследователей национальных процессов, способных всесторонне анализировать этнополитическую, национально-языковую ситуацию в стране и в современном мире, грамотно формулировать сущность межнациональных отношений, обсуждать и предлагать ответственные рекомендации — задача колоссальной важности. От потенциала этих кадров — представленных не только в Академии наук и вузах, но и во всех министерствах и ведомствах, непосредственно имеющих дело с межнациональными отношениями, зависит как судьба перестройки, так и судьба социалистического способа решения национальных проблем в многонациональном государстве.

Совместное проживание многих национальностей под единой крышей — будь то СССР в целом, или отдельная республика — это наше богатство. Необходимо его беречь и приумножать. И если мы хотим, чтобы в формировании национального самосознания не было

перекосов, не возникало пустот, нужно, чтобы дети с первого школьного звонка знали, что они живут в многонациональной стране и что надо уважать опыт истории и образ жизни других народов. Среднее специальное и вузовское образование в целом тоже не способствует подготовке кадров по национальной проблематике. Поэтому надо, чтобы в рамках всесоюзного Центра целенаправленно готовились специалисты высокой квалификации по национальной проблематике для различных отраслей народного хозяйства СССР. Одновременно надо, чтобы и в ведущих университетах страны была расширена специализация студентов старших курсов в области межнациональных отношений.

Характеристика как достижений, так и возникающих проблем в сфере межнациональных отношений должна быть научной, глубокой, правдивой и полной. Переоценка или недооценка трудностей, искусственное форсирование или торможение национальных процессов, лакировка или маскировка их — в равной степени недопустимы.

В усиливающемся внимании советского общества к межнациональным отношениям заложен глубокий гуманистический смысл. Людям всех национальностей, к какой бы форме общности они не принадлежали — к нации, народности, национальной группе — должна вернуться вера в демократические и интернационалистические принципы нашего образа жизни. Возвращение чувства хозяина своей судьбы — еще одна предпосылка свободного развития и единения всех национальностей Советского Союза, укрепления могущества нашего социалистического Отечества. И надо, наконец, очень хорошо понять, что все вопросы, связанные с национальными группами в инонациональной среде, это не только их вопросы, но и вопросы самой среды, в которой они проживают. По сути и содержанию национальная проблематика всегда в известной мере вненациональна. Вместе с тем она является предметом партийной и государственной заботы. И поскольку национальные группы и национальные меньшинства участвуют в тех национальных процессах, в которые вовлечены все нации и народности СССР, постольку они являются соучастниками решения жизненно важных вопросов всех народов СССР.

4. О ЗАДАЧАХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ

Центр по изучению межнациональных отношений продолжает работу над созданием антологии документов и материалов, характеризующих этнические и этнополитические процессы нынешнего переходного времени. Уже опубликованы сборники по Латвии, Таджикиста-

ну, Белоруссии, Кыргызстану, крымско-татарскому национальному движению, написаны, опубликованы и тут же устарели приложенные к документам информационно-аналитические обзоры. Время идет, ситуации меняются, оценки смещаются... документы остаются!

Совершенно очевидно, что в развитии межнациональных отношений увеличивается число таких этнополитических ситуаций, которые характеризуются ростом неопределенности, расширением многовариантности и углублением плюрализма. И отвечая на вопросы о том, что нас ждет, все чаще и чаще приходится думать, что нас ждет непредсказуемый динамизм событий. И общая логика сводится к прогнозу многообразия. Тем более возрастает цена информационной обеспеченности и потребность особой осторожности в ее оценке и интерпретации.

Богатая взаимодополняющими красками палитра национальных движений не является статичной величиной. Движения ускоренными темпами набирают силы и порождают новые сочетания и модели взаимодействия. В многонациональном Башкортостане импульсы национального пробуждения обретают новое значение по мере преодоления состояния неопределенности. Подобно людям, нерешительно действующим до тех пор, пока они не предвидят результаты своей деятельности и своего творчества, национальные движения башкир, татар, русских и представителей других национальностей освобождаются от взаимной неосведомленности и подозрительности в процессе взаимопознания. В самом деле, каждое движение должно располагать минимальными сведениями о самом себе и о своих контрагентах.

Нельзя не напомнить, что заблокированная идеологами некоторых национальных фронтов (Прибалтики, Молдовы, Узбекистана, Грузии) идея о контрдвижениях национальных меньшинств, возникших как реакция, как ответ на сформировавшееся движение национального большинства, перекрыла дорогу для проверки ряда серьезных гипотез в области генезиса острого характера межнациональных отношений. Сейчас на пробуждающемся Российском полигоне этнополитических процессов необходимо вернуться к предположению о том, что курс и деятельность одного национального движения во многом зависит от ожидаемой реакции другого движения. Неопределенность в балансе сил на этнополитической сцене Молдовы, порожденная противоречивыми векторами в деле объединения с Румынией, стала источником дискомфорта и подозрительности немолдавского населения. В сочетании с дискриминационной направленностью политики молдаванизации (и румынизации) указанная неуверенность (нечеткость политических установок, размытость социальных сил, преследующих эту цель, неуверенность

этноэлиты в себе и в сохранении контроля над ресурсами Молдовы и другие) расколола население Молдовы как минимум на 3 ареала. Хотя, разумеется, формирование движений национальных меньшинств не может быть объяснено однозначно, всего лишь как ответная реакция на движение национального большинства. Вместе с указанным выше стимулом среды, конечно, они проявляются и как выражение внутренних потребностей самоопределения, и как проявление самовыражения, и, наконец, как элемент в игре более крупных геополитических сил. Как свидетельствуют документы национальных движений в Башкортостане, все они развиваются как результат взаимных претензий и взаимных уступок лидеров и активистов этнических общностей, общностей оказавшихся в единой экономике, в единой этнотерриториальной зоне, на единой этнополитической арене. Можно сказать, что национальные движения — это новая форма для обитателей постсоветского пространства исторически длинного процесса взаимного приспособления национальностей друг другу. Выделенный здесь схематично коммуникационный аспект, как правило, ускользающий от внимания исследователей, обусловлен, во-первых, тем, что люди разных национальностей коллективно взаимодействуют между собой и с условиями жизни, а, во-вторых, оказываются в состоянии поиска новых форм взаимодействия, в том числе в нынешних экстремальных условиях, характеризующихся нестабильностью, неопределенностью и непредсказуемостью.

Напомним классический пример из истории межэтнических контактов в США, основанных на степени гражданского согласия в зависимости от общего состояния среды. Во времена рабства, когда статус афроамериканцев был зафиксирован обычаем и законом, кооперация между белыми и черными была эффективной в той мере, насколько это было возможно в условиях расовой дискриминации. Недовольство негров своим положением не порождало вопрос о пересмотре их прав и обязанностей. Однако после гражданской войны, когда существовавшие прежде нормы были расшатаны, в отношениях между белыми и черными возникло высокое напряжение не столько из-за конфликта интересов, сколько из-за неспособности людей к взаимной адаптации в новых необычных условиях, когда они перестали понимать друг друга. Затем, когда практика дискриминации негров была восстановлена, отношения стабилизировались. Разумеется речь идет не об оправдании дискриминации. Здесь важен для нас вывод совсем иного порядка. Недоброжелательство, взаимные претензии и насилие возрастают, когда система этнической стратификации оказывается в разбалансированном,

переходном состоянии и обе стороны не знают, чего следует ожидать друг от друга. Когда же система взаимодействия хорошо установлена, координированные действия проходят более спокойно¹.

Думается, что аналогичную в известной мере ситуацию мы имеем теперь на необозримых просторах бывшего Союза, когда одни силы окончательно не выпустили власть из рук, а другие, не сумели полностью овладеть ею. И от этой маргинальности, расшатанности, переходности пришла в негодность старая система межнациональных связей и отношений.

Инстинктивное осознание разбалансированности толкает национальности на поиски собственных (внутринациональных) стабилизаторов положения. Но, как свидетельствует опыт, эти попытки нередко приводят скорее к конфликтам, чем к налаженному миру и межнациональному согласию.

Вот почему при выборе документов и материалов для включения в настоящую трехтомную антологию особое внимание уделялось не только программам, уставам и иным документам этнически персонифицированных движений, и в первую очередь башкирского, татарского, русского, но и попыткам межнациональной кооперации, межэтнических объединений, а также этнически неангажированных сообществ.

Сегодня уже очевидно, что подобным объединениям, наряду с собственно национальными движениями, принадлежит будущее. Во всяком случае встреча лидеров более чем 50 национально-культурных центров Москвы, организованная руководством Ассоциации «Гражданин» и Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН и состоявшаяся 12 октября 1992 г., позволила выявить глубокий интерес активистов движений этнических меньшинств г. Москвы к обмену опытом и информацией, к координации своих действий для достижения общих целей, например, в получении от московской мэрии хотя бы по комнате для размещения штаб-квартиры каждого движения.

Вполне естественны призывы и рекомендации научной общественности настойчиво изучать состояние межнациональных отношений для предотвращения противоречий и конфликтов, грозящих обернуться гражданской войной. В периодической печати Башкортостана вместе с активизацией интереса к гражданским, в том числе национальным, движениям неоднократно высказывалась мысль о том, что неинформированность часто соседствует с ослаблением гражданственности, вызывает недоверие, повышает конфликтность, мешает как национальной консолидации, так и межнациональной интеграции. Поэтому так важно было, накануне принятия важнейших за-

конодательных документов, влияющих на этнополитическую судьбу республики, узнавать состояние общественного мнения республики, готовность (или неготовность) различных групп населения к радикальным переменам.

Крупное социологическое исследование, проведенное в Башкортостане отделом социологии социально-политических проблем ОЭН БНЦ УрО АН СССР, в ходе которого было опрошено 1500 человек, позволило выявить, что 60,9% опрошенных ответили положительно и 37,5% отрицательно на вопрос: «Считаете ли необходимым преобразование БАССР в союзную республику?»². Уже одного этого четко определившегося противостояния «да» и «нет» было вполне достаточно грамотному социологу для уверенного ответа на вопрос о том, что в грядущих изменениях этнополитической ситуации будет возникать немало проблем.

Тем более высокой оценки заслуживает благоприятная в целом атмосфера межнациональных отношений в Башкортостане, обеспеченная мудрой политической деятельностью лидеров национальных движений, отстаивающих подчас прямо противоположные идеалы.

Надо прямо признать, что постановка таких несовместимых задач, как, например, остаться в рамках Российской Федерации или выйти из нее и обрести полную государственную независимость, неизбежно толкает лидеров и активистов движений на конфронтацию.

Сотрудники и руководство ЦИМО и Института этнологии и антропологии РАН надеются, что с помощью своих коллег, ученых, а также политиков из суверенных автономных республик России издание книг о национальных движениях можно будет продолжить, в том числе за счет введения в научный оборот новейших документов и материалов, порожденных новыми вступившими на этнополитическую арену движениями и контрдвижениями. Все они, независимо от численности народов, от идейной и организационной сплоченности активистов, в той или иной мере бьют в одну и ту же точку: они подрывают устои монопольной власти (как московской, так и республиканских), расшатывают систему тоталитаризма и приоткрывают плотно перекрытую в недалеком прошлом дорогу в демократию, раскрывают закрытую кремлевскими идеологами сферу национальных интересов, обид, притязаний, потребностей в той или иной форме политической саморегуляции. И именно этим многообразием интересны для истории документы, освещающие эти движения, отражающие их суть, содержание и ориентацию. Единый в трех вариантах федеративный договор (точнее «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между феде-

ративными органами власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ»), трижды подписанный от имени: во-первых, национально-государственных суверенных автономных республик, во-вторых, административно-территориальных образований (краев и областей России) и, в-третьих, автономных образований (областей и округов), является практическим свидетельством многообразия форм политических, территориальных и национально-культурных интересов народов³.

Мы очень долго, преступно долго, ломали голову над тем, как в рамках единого принципа «самоопределения наций» (почему только наций?! — М. Г.), ловко подброшенного Лениным, таким образом извернуться, чтобы найти приемлемые для всех разные формы ее воплощения — от национальной государственности до национального сельсовета.

29 марта 1992 г., похоже, была сделана попытка вырваться из круговой блокады демагогической формулы. Вместо разных форм воплощения нерушимого «единого» принципа («самоопределение наций») было предложено строить отношения между субъектами Российской Федерации на основе разных принципов. Это хорошо видно из анализа редакционных тонкостей, вмонтированных в тексты трех неодинаковых преамбул федеративного договора. В одном случае, для «полномочных представителей федеративных органов государственной власти Российской Федерации и органов власти суверенных республик в составе Российской Федерации» было предложено «право народов на самоопределение» как форма «реализации приоритета прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности и территории проживания»⁴.

В двух других преамбулах нового федеративного договора о «праве народов на самоопределение» не упоминается. Иными словами, полномочные представители областей и краев России подписывали федеративный договор как представители административно-территориальных структурных подразделений, а представители автономных областей и округов — на основе принципа культурно-национальной автономии.

Будет ли эффективным подписанный столь неожиданным способом многоликий федеративный договор, покажет время. Сегодня пока еще трудно дать ему адекватную оценку.

Не исключено, что при таком подходе обиженными окажутся представители всех трех типов субъектов новой федерации: и суверенные республики, утратившие приоритеты перед обычными областями и краями, и обычные субъекты федерации, как не «доросшие» до уровня создания своей «национальной государственности» (например, Сибирской или Донской республики), и автономные области и округа, не

попавшие в сферу действия принципа «самоопределения наций», — но камень все же сдвинут с мертвой точки. И народы, освобожденные от бесконечно запутанной дилеммы «нация» или «ненация», могут свободнее взглянуть окрест себя.

Комментируя итоги встречи глав экс-автономных республик РСФСР с Б. Ельциным, Председатель Верховного Совета Башкортостана М. Рахимов признал, что Президент России «приходит к пониманию того, что республикам необходимо передать даже больше прав, чем предусмотрено ФД»⁵.

Резкой критике, как пояснил М. Рахимов, во время первого, после заключения федеративного договора разговора на столь высоком уровне были подвергнуты министр внешнеэкономических связей Петр Авен, вице-премьер Полторанин и некоторые советники Президента. Не избежал претензий в свой адрес и Председатель Госкомнаца. «Я не могу понять, — недоумевает глава башкирского парламента, — как можно доверить такой участок работы человеку, который, не побывав в Башкортостане, не встречавшись ни с кем, дает негативную оценку межнациональных отношений в нашей республике?»⁶.

Тем не менее нельзя не признать прогрессивного характера плюрализма, вмонтированного в преамбулы федеративного договора. Другое дело, что этот плюрализм, как и логически вытекающая из него идея отказа от национально-государственного устройства и перехода к территориальному, вызвал жесткое сопротивление как Российского парламента, так и руководителей республик, стремящихся повысить планку своего суверенитета. Во всяком случае, автор первой в истории России «Концепции национальной политики в Российской Федерации» Председатель Госкомнаца В. А. Тишков посчитал за лучшее оставить свой пост и выйти из активной политической деятельности, нежели поступиться своими концептуальными принципами⁷.

Динамично меняющиеся лики России требуют от исследователей двойного подхода — прикладного, в ходе которого в лично-событийном плане аналитически освещаются горячие этнополитические ситуации, насыщенные динамитом противодействующих сил и потому чреватые опасными взрывами межнациональной напряженности, и фундаментального, позволяющего начать научное осмысление происходящего путем предварительного накопления, систематизации и классификации документальной стороны дела и являющегося по сути теми самыми строительными лесами, без которых немислимо воздвижение храма новой научной дисциплины — этнополитологии.

И хотя уже накоплен некоторый опыт, итоги подводить пока еще рано. Можно лишь отметить, что те первые аналитические обзоры⁸, с помощью

которых как мгновенными фотовспышками, было начато освещение гражданских движений в Латвии, Таджикистане, Белоруссии и Кыргызстане, завоевали себе право на жизнь, на место под солнцем.

При этом особый интерес к подобного рода обзорам, составленным без каких-либо трудоемких исследований, но раскрывающих сиюминутное положение дел, был вызван у практических работников и у политиков, о чем свидетельствует неутолимый спрос на обзоры, посвященные Латвии, Литве, Эстонии, Украине, Белоруссии и Молдове⁹.

Никакие перечни политических спектров общественной жизни, составленные по газетным вырезкам¹⁰, и даже такие солидные и пухлые справочники, как 2-томное издание сведений о политических партиях, ассоциациях¹¹, не могут заменить авторское видение и критический анализ этнополитической ситуации и авторские размышления о происходящих в ней (в ситуации) процессах. Вместе с тем оба выделенных подхода — и прикладной (аналитико-обзорный) и научный (фундаментально-информационный) тесно связаны между собой, взаимообусловлены.

Сходство и различие между ними состоит в том, что каждый из них со своей стороны и по-своему содействуют пониманию того, что происходит в сфере межнациональных отношений. Различие же состоит в том, что аналитические обзоры состояния дел в горячих точках, подобно политическим репортажам, морально устаревают молниеносно, на завтра же. В то же время собранные документы достаются науке надолго, навсегда. Если бы позволяли силы, средства, условия и возможности, можно было бы с помощью подобных фотоснимков, зафиксировать хронику обновляющегося пространства, почти 70 лет известного под именем СССР. Идея совмещения информационно-аналитических обзоров с накоплением базы данных о программных документах современных национальных движений была высказана нами еще в октябре 1988 г. в г. Сухуми, в докладе на пленарном заседании в рамках программы Всесоюзной научной сессии по итогам этнографических и антропологических исследований. Короче говоря, тогда, на исходе 1988 г., в пору размышлений над планами создания Центра по изучению межнациональных отношений и планами исследования проблем национальных групп и национальных меньшинств в непростой и непредсказуемой системе межнациональных отношений речь шла о необходимости создания нового, особого «блока данных», в котором нашли бы отражение не только материалы обычной ведомственной статистики, не только текущая хроника событий, но и предварительные итоги специально организованных обследований типа мониторингов, состыковки этнического и политического факторов, описаний

фундаментальной источниковедческой стороны современных национальных движений. Так, кстати, родилась идея одноименной серии документов и материалов («Современные национальные движения в СССР»). Тогда же был предложен (недоверчиво и без энтузиазма первоначально встреченный слушателями) новый жанр исследований, названный предварительно жанром «концептуальных полуфабрикатов». Он включал в себя систематизированную подборку новых идей, предложений относительно удовлетворения национальных потребностей и интересов в условиях начавшегося обновления общества и остающейся актуальной необходимости последовательного улучшения климата и культуры межнациональных отношений¹².

Жанр «концептуальных полуфабрикатов» хотя и не предусматривал немедленный прорыв плотного слоя программных документов новых движений, тем не менее нашел эффективное и эффективное оперативное воплощение в новой серии полевых исследований по прикладной и неотложной этнографии, осуществляемых сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН по инициативе и под руководством его директора В. А. Тишкова. За 2 истекших года — 1990—1991 гг. в серии «Межнациональные отношения в СССР»¹³ были опубликованы 25 информационных бюллетеней, объемом 1—1,5 а. л. каждый, в том числе 2 аналитических обзора, подготовленных сотрудниками ЦИМО¹⁴.

При этом особый интерес у научной общественности, среди политиков и практических работников вызвали публикации, посвященные, во-первых, анализу этнополитических и этнокультурных аспектов новейших событий в сфере межнациональных отношений¹⁵ в тех или иных регионах, республиках, краях, областях бывшего Советского Союза¹⁶, во-вторых, выявление, анализ и характеристика национальных запросов и потребностей отдельных народов и национальных групп¹⁷, в-третьих, раздумья ученых над судьбами малочисленных народов Сибири и Крайнего Севера¹⁸ и, наконец, в-четвертых, разработки насыщенной информации, позволяющей сделать ряд обоснованных выводов по некоторым общим вопросам¹⁹.

Повышенный спрос к информационно-аналитическим обзорам ЦИМО и к докладам серии неотложной этнологии и антропологии, доносящим до читателей густой «аромат времени», наполненного неповторимыми событиями, вполне оправдан, так как авторами этих обзоров выступают этнографы, этносоциологи, этнодемографы, этногеографы, как правило, хорошо знающие и глубоко понимающие и время, и этническую ситуацию, а потому обладающие значительным потенциалом для вскрытия сложнейших тенденций в нынешних этнополитических

процессах. К сожалению, структурные подразделения Института этнологии и антропологии РАН, в том числе участок по оперативной печати (УОП), не располагают достаточными мощностями, чтобы наряду с «кроной» (докладами информбюллетеня) публиковать и «корни» — документы, собранные сотрудниками в поле. Между тем интерес к «корешкам», т. е. к документам национальных движений, особенно среди экспертов, специалистов и аналитиков, ничуть не меньше, чем интерес политиков и практиков к «вершкам».

В отличие от многих обществоведов, поставленных на колени в годы застоя и раньше многочисленными идеологическими предписаниями, инструкциями и установками партаппарата, перечисленные специалисты, сосредоточенные в Институте этнографии АН СССР, в соответствующих этнографических институтах и подразделениях союзных и автономных республик бывшего СССР, не ограничивались переливанием цитат классиков из монографии в монографию, а создавали свои произведения на основе обширных полевых материалов, собранных в продолжительных и трудоемких экспедициях, стационарных обследованиях, представительных опросах, на основе скрупулезной обработки ведомственной статистики. Именно этот опыт позволил многим из них сегодня, в новых условиях, относительно быстро увидеть и новые дали, осознать новые задачи, довериться новой эпохе и приступить к привычному для них сбору новейших «полевых» данных.

Разумеется, не одним только этнографам принадлежат лавры первооткрывательства границ новой, этнополитической предметной области. Параллельно родилась серия произведений о неформальных объединениях²⁰, общественно-политических партиях, организациях²¹, об альтернативных движениях²².

Сегодня не приходится доказывать, что бурное половодье национальных движений, затопившее сначала окраинные союзные республики бывшего СССР, а затем хлынувшее на просторы России, требует безотлагательного расширения жанра «концептуальных полуфабрикатов». Но для того, чтобы этот жанр не опустился до уровня обычного политического репортажа, надо, чтобы он опирался на надежную информационную базу, на атрибутированные программные документы и материалы. Этот информационно-аналитический голод можно утолить лишь совместными усилиями путем:

- 1) накопления и первичной систематизации информации об ориентирах теоретиков, идеологов, лидеров и активистов национальных движений;
- 2) систематической публикации программных документов движений (программ, уставов, обращений, листовок, воззваний, манифестов и т. д.);

3) проведения оперативных брифингов конкретных этнополитических ситуаций на основе строго документированных обследований;

4) организация репрезентативных этносоциологических опросов или опросов экспертов, раскрывающих движущие силы, этносоциальную базу и исторические корни национальных движений;

5) организация экспертиз сделанных описаний и выводов. В стране складывается новая обстановка. Вместо единой «направляющей» и «организующей» силы, каковой была КПСС, а точнее, ее правящая верхушка (партаппарат), теперь набирают обороты в противоречивом взаимодействии четыре силы — законодательная, исполнительная, судебная и наращивающие мощь средства массовой информации. Каждая из них испытывает колоссальный информационно-концептуальный голод, без утоления которого не могут приниматься решения и не могут нормально функционировать элементы новой системы.

Работавшие вначале на холостых оборотах механизмы этнизации политических движений, включив позднее повышенные скорости дезинтеграции, увеличили ряд бывших союзных республик дорогой государственной самостоятельности и независимости. На оставшемся пространстве, характеризуемом отдельными экспертами резким увеличением «трех Н» — нестабильности, неопределенности и нелегитимности²³, приблизился «крах всего порядка вещей»²⁴, не только вследствие того, что госструктура оказалась бессильной взять под защиту своих сограждан, но и вследствие тотального инфантилизма, населения разваливающейся сверхдержавы. И хотя история национальных движений, сыгравших роковую роль в судьбе этой сверхдержавы, дала океан информации, надо признать, что понимание сути самих этих движений не вышло из рамок простого описательного подхода. Во всяком случае уже сегодня становится болезненно очевидным, что ни теория, ни учет опыта этих движений не дали плодов, которыми могли бы воспользоваться политики и практики. И нынешние этнолидеры, скачущие на неоседланном коне национальных приоритетов, напоминают всадника без головы, которого несет неукротимый конь неизвестно в каком направлении.

Неудивительно, что на VI съезде народных депутатов чаще всего звучали обвинения в адрес руководства в концептуальной некомпетентности и информационной неосведомленности. И дело не только в том, что, во-первых, нынешние руководители не знают, что делать, куда идти, а во-вторых, мало осведомлены об истинных масштабах недовольства повышением цен, развалом империи, экономической разрухой, разрывом веками налаживаемых коммуникационных связей,

усилением диктатуры властных структур, созданных новейшей этнократией, но еще и в том, что многообразие и зыбкость этнополитических ситуаций требует принципиально новых идей, подходов, рекомендаций.

За «хождение в плюрализм» новым властям надо платить доскональным знанием составных частей и векторов этого самого плюрализма. Однако «концептуальные полуфабрикаты», дающие синхронные срезы этнополитических процессов, нужны как воздух не только политикам и практикам. Без предварительного осмысления огромного эмпирического материала не могут обойтись и теоретики. Не случайно аналитический обзор документов крымско-татарского национального движения, первоначально задуманный как краткое введение в информационный океан документов крымско-татарского национального движения, вылился в объемистую самостоятельную монографию, в которой была предпринята попытка теоретического объяснения исторических корней и социальных основ этого движения, в том числе роли языка, культуры и исторической памяти как движущей силы движения, основных этапов сопротивления социалистическому режиму и факторов, обусловивших такие внутренние противоречия, с которыми в более или менее острой форме сталкиваются многие национальные движения²⁵.

Сегодня в трудном положении находятся и практики, и теоретики. У первых в руках власть, деньги, технологии, но нет идей и информации, у вторых есть идеи, но нет денег для их реализации. Естественно, нужны новые формы сотрудничества.

В застойные времена можно было по звонку со Старой площади организовывать и проводить крупные полевые исследования, порой не имея денег. Достаточно было звонка в ЦК компартии республики, в обком или в ректорат университета, чтобы получить для опроса нужное число студентов. Сегодня, в новых суверенных государствах ближайшего зарубежья надо платить не только за информацию, но и за право собирать ее.

В качестве примера можно сослаться на информационно-аналитический бюллетень «Этнополитический вестник России» («Этнополис»), учрежденный Палатой национальностей Верховного Совета Российской Федерации (России) совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН. Интересы социального заказчика и усилия исполнителей могут быть вполне объединены под обложкой подобного издания. Поиск новых форм сотрудничества ученых и политиков может быть продолжен.

Предлагаемые читателю книги, посвященные Башкортостану, продолжают сложившиеся традиции: в них нашли место, во-первых, документы практически всех национальных движений, во-вторых, важнейшие документы, придавшие республике новый статус суверенной

республики, в-третьих, предельно сокращенная схема «концептуального полуфабриката», по сути этнополитическая карта, легенда которой объясняет расположение различных национальных сил в республике по отношению друг к другу.

Однако, когда мы оцениваем документы, рожденные определенным временем в конкретной этнополитической среде, одной только этнодемографии или конкретных документов, конечно, мало. Не менее важно знать слова и дела конкретных людей, лидеров, идеологов, теоретиков. Вряд ли, ограничившись документами или сопровождающими их обзорами-полуфабрикатами, можно надеяться на глубокое проникновение в структуру этнополитической ткани. Наряду с групповым необходим и личностный подход, наряду с массовым необходим индивидуальный контекст. В этом смысле доклады, выступления, интервью не менее важны.

В самом деле, кому как не Председателю Верховного Совета Республики Башкортостан Муртазе Рахимову виднее итоги года, прошедшего после принятия Декларации о суверенитете, кому как не М. М. Кульшарипову судить о целях БНЦ «Урал», кому как не А. Н. Аринину и К. Яушеву предоставить слово для раскрытия истоков, целей, задач и перспектив соответственно русского и татарского национальных движений. Кому как не заведующему отделом по вопросам межнациональных отношений и межгосударственных связей Р. Н. Зинурову владеть новейшей информацией о состоянии этнополитической ситуации в определенный период, даже в момент летних отпусков, когда в деятельности этнических активистов наступает затишье, о котором упоминает в одном из своих оперативных анализов.

Вынесенный в название книги образ — этнополитическая мозаика — коротко, но близко к реальности отражает сегодняшнюю обстановку в Башкортостане. Это и образ, и портрет обновленной, суверенной, раскрепощенной республики. И нельзя не сказать слова признательности и благодарности всем тем, кто бескорыстно, не жалея ни времени, ни сил, ни красок, создавал республику ту, чтобы она стала такой какова она есть, и к тем, кто помогал осознать, какое эта мозаика имеет значение. Этнополитическую мозаику Башкортостана создают люди, свободные духом, люди различных национальностей, вероисповеданий, политических взглядов и ориентаций.

Первоначально на изучение национальных движений возлагали серьезные надежды как на резервуар новых идей, пригодных для самообустройства многонационального государства. Во всяком случае именно это имелось в виду, когда название книги «Что делать?» дополнялось

расшифровкой «В поисках идей совершенствования межнациональных отношений»²⁶. Сегодня же, на исходе 1992 г., когда многие национальные движения достигли своих политических целей даже быстрее и легче, чем сами того ожидали (бывшие союзные республики преобразовались в независимые государства, автономные республики России обрели самостоятельность, став субъектами обновленной Российской Федерации, вместо 16 их стало 20, некоторым малочисленным народам удалось повысить свой политический статус и т. д.), стало очевидно, что идеологи и активисты победивших движений оказались индифферентными к поиску новых идей для урегулирования нарушенного мира межнациональных отношений и более пристрастными к созданию приоритетов для своей национальности и моделированию условий, обеспечивающих доминирование национального большинства над национальными меньшинствами. Поиск идей не состоялся. Он был заменен поиском оптимизационных моделей, и «пошел» иной, попятный, процесс. Одних он вел в неведомый храм реализации национальных приоритетов, других в безнадежные тупики ассимиляции. Вместо космоса оптимизированных межнациональных отношений наступил хаос их трагических потрясений и выяснений. Вместо супердержавы друг перед другом оказалась горстка минидержав.

Нарастающее напряжение в межнациональных отношениях Российской Федерации утомительно повторяет опыт периферии бывшего Советского государства. Примеры Башкортостана, Татарстана, Чечни едва ли не самые красноречивые тому доказательства. При этом нельзя в этих движениях народов к государственной самостоятельности не видеть образцово-показательную, изначально иницирующую роль самого Российского Центра, сыгранную им в пору его борьбы с Союзным Центром. Теперь на этот опыт по справедливости и не без оснований любят ссылаться лидеры суверенных российских республик. Обратимся, к примеру, к стенограмме внеочередной сессии Верховного Совета Республики Башкортостан, экстренный созыв которой был обусловлен чрезвычайными обстоятельствами — действиями московских политиков, приступивших во второй половине марта 1992 г. к форсированию подписания федеративного договора еще до начала работы шестого съезда народных депутатов Российской Федерации. «Обретение государственной суверенности республиками в составе России, — как говорил на этой сессии Председатель Верховного Совета Республики Башкортостан Муртаза Рахимов, — началось с легкой руки Б. Н. Ельцина. С одной стороны, заявив о верховенстве российских законов перед союзными, определив Союзу ССР крошечные “алименты”,

которые никто не собирался перечислять, затем конфисковав союзную собственность, а с другой — предложив республикам “проглотить столько суверенности, сколько они смогут”, Борис Николаевич показал нам магистральный путь к самостоятельности» (Советская Башкирия. 1992. 31 марта).

Однако, развалив унитарный Союз, Россия сама начала буксовать в той же самой колее, двинувшись к обновлению собственного национально-государственного устройства. Бумеранг, брошенный ею в Кремлевский центр, сделав круг, ударил по ней самой, и на ее этнополитическом горизонте появились грозные облака (Чечня, Татарстан, Башкортостан, Тува, Саха), свидетельствующие о несогласии республик жить в рамках предлагаемого им Российского унитарного государства. К сожалению, в этом новейшем опыте деструктивные мотивы пока преобладают над конструктивными. Но снова и снова возникает вопрос: так ли уж необходимо на Российской земле раздувать пожары, подобные азербайджано-армянским, грузино-осетинским, молдавско-гагаузским? Надо ли двигаться к бездне? Документы некоторых национальных движений и бушующие страсти, к сожалению, дают некоторые основания для подобных вопросов. Дай нам бог ошибиться в этом прогнозе!

Обвал национальных движений, подъем национального самосознания, нарастание тенденций национального возрождения выдвигают неимоверно сложные гуманитарные задачи по раскрытию подлинной сути того, что на самом деле происходит. И дело не только в том, что возникает нужда срывать маски демократов с некоторых идеологов, быстро заменивших коммунистическую идею национальной, но и в том чтобы видеть рациональное зерно в справедливом стремлении народов жить по-своему, без каких-либо инструкций сверху или извне. Информационная многогранность сегодня такая же реальность, как и сам человек.

Неистощим жгучий интерес человека к самому себе и окружающему миру, неискоренимо его стремление познать все происходящее с ним и с его современниками.

Хотелось бы надеяться, что собранные в трех томах материалы и документы как информационная база станут подспорьем для тех, кто озабочен размышлениями над страшными вопросами: кто мы, откуда идем, кем были и кем станем, что есть Россия и что в ней надо делать?

Отечественная этнография переживает переосмысление границ своей предметной области. Переименование «Советской этнографии» в «Этнографическое обозрение» вызвано отнюдь не только динамично меняющейся ситуацией политической конъюнктуры.

Действительно, перед каждым этнографом, если он ищет свою истину и прокладывает свою дорогу к ней, стоит задача по выделению, определению

и уточнению поля своих профессиональных интересов. Интересов, удовлетворение которых должно быть полезным обществу, поскольку оно оплачено из кармана налогоплательщиков.

Переименование «описательной» этнографии в «аналитическую» этнологию, мотивированное необходимостью проложить дорогу в теоретический рай и влиться в понятийно-терминологическую традицию Запада, а точнее, в американскую классификацию наук, имеет свой определенный смысл²⁷. Но надо понять и тех, кто ждет и требует веской аргументации в оправдание этой акции²⁸.

Вместе с тем настойчивые требования сохранить в неприкосновенности предметную область этнографии не идут дальше на права признания существования той ее (этнографии) части, которая сосредотачивает свое внимание на изучении традиционных институтов народов, традиционного слоя культуры.

Но почему никто не возьмется объяснить, насколько изучение шамана с его бубном и прочей оригинальной экипировкой важнее для этнографа и этнографии, чем анализ действия этнических лидеров перед участниками митинга или народных депутатов, камлающих перед телекамерой с шумными проектами полезных и бесполезных реформ? И почему экстазный фольклор шамана перед горсткой сородичей надо считать более интересным, чем судьбы национальных движений, клубов, центров, землячеств, отраженные в их программных документах?

Обращение к хронике современных этнических движений, к выражающим их людям, событиям, фактам, буквально на глазах меняющимся лицам народов, бликам межнациональных отношений, не оставляет сомнений в необходимости более широкой мобилизации этнографических знаний для регуляции бурных процессов политизации этничности и этнизации политики.

И думая о прошлом народов и даже об этногенезе как одной из самых привлекательных тем этнографии, нет резона отказывать корпусу этнографов в праве на изучение того, что происходит с нами и с нашими народами.

Информационный плюрализм, которого мы так долго ждали, похоже, грянул. Придет ли вместе с ним понимание плюрализма как способа мирного существования и продвижения вперед?

ЧАСТЬ V

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ
ОБЩНОСТИ (РГГО)

*«Народ, который с полным сознанием прав человека и гражданина
разбивает свои оковы, являет собой прекрасное, возвышающее душу
зрелище...»*

Вильгельм фон Гумбольдт
Идеи к опыту,
определяющему границы
деятельности государства.
1792 г.

1. ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ. КТО МЫ? ОТКУДА МЫ? КАКИЕ МЫ?

Слово «этногенез» порою отпугивает своей таинственностью, хотя расшифровывается довольно просто — происхождение народа. Интерес к корням, к социально-культурным истокам — естественная для каждого человека потребность, поскольку только этот интерес собственно и позволяет человечеству сохранить свое многообразие, не дает застопорить развитие духовной и материальной культуры. Вспомним негативный оттенок, заложенный в выражении «Иван, не помнящий родства», еще раз вспомним айтматовского манкурта...

Неистоцима жажда познания человеком самого себя, своего народа, общества, в котором он живет, места, занимаемого им и другими народами в прошлом и современном мире. Перестройка, связанные с ней процессы обновления вознесли планку общественного интереса к национальному фактору на новую высоту. Сегодня люди хотят знать всю правду о жизни национальностей, познакомиться с «корнями» и «кроной» каждого народа. Велик интерес к этногенезу (происхождению) и этнической истории народов России, к самобытной основе их традиционной культуры, к консолидационным, интеграционным и ассимиляционным процессам. Этот интерес вполне закономерен. Сегодня Россия — обновляющееся многонациональное федеративное государство, и от того, как складывается в ней процессы взаимосвязи, взаимодействия и взаимной адаптации народов, зависит очень многое. От того, какие новые формы союза народов будут найдены, в каком направлении пойдет переустройство общественной жизни и как будет складываться климат межнациональных отношений, зависит судьба не только России, но и будущее Европы и в известной мере ситуация в современном мире. Ведь многое в дне нынешнем предопределено днем вчерашним, а нередко и днем позавчерашним.

Предлагаемые в рубрике материалы, посвященные народам, проживающим в России, призваны утолить жажду познания этнического (национального) состава России с учетом узловых моментов этногенеза каждого народа, а также культурных и этнодемографических аспектов его истории.

Необходимость в серии «этнографических портретов» вызвана тем, что существующие научные источники и популярные или «околоэтнические» источники и словари не вполне отвечают на вопросы, порожденные ростом национального самосознания, всплеском национальных движений, развитием процессов национального возрождения. В самом деле, краткий справочник «Народы СССР» (М., 1958), подготовленный Институтом этнографии АН СССР, более чем три десятилетия назад, накануне переписи 1959 г., преследовал непосредственно прикладные цели. Он предназначался для практического использования при работе в области этностатистики, а также в качестве методического пособия при проведении переписи населения. Названия народов (этнонимы) были расположены в нем не в алфавитном порядке, а в соответствии с лингвистической классификацией. Естественно, любая квалификация, основанная на тех или иных критериях, неминуемо возбуждает вопросы о качестве или приоритетности одного критерия перед другим, например лингвистического перед конфессиональным, антропологического перед хозяйственно-экономическим, культурологического перед психологическим и т. п.

В справочнике были помещены краткие сведения о прошлом и современном названии народов, самоназвании, численности, сохраняющихся до середины 50-х годов этнографических делениях и их названиях внутри народов, о территории компактного расселения каждого народа в пределах СССР, о языке народа, о правописании названия народа и производных от этого названия. Справочник был полезным руководством в определении национального состава СССР, но сегодня не только содержащиеся в нем фактические, но и теоретические постулаты устарели. Так, например, в размещении народов произошли существенные изменения. Вместе с тем этнографическая характеристика народов, в том числе по СССР, оказалась в нем на периферии. В известной мере этот пробел восполнен в 1988 г. выходом в свет фундаментального (объемом 125 авт. листов) иллюстрированного энциклопедического историко-этнографического справочника «Народы мира».

Однако, как указывают сами авторы в предисловии (в его создании приняли участие почти 150 ученых из союзных, ряда автономных республик и областей, из различных городов СССР), тематическая схема выдерживалась в ряде случаев неадекватно ввиду того, что не все регионы и не все народы этнографически изучены с достаточной глубиной и нужным охватом. И, наконец, в третьем разделе помещены статьи об основных этнографических понятиях и терминах, а также около 150 статей, раскрывающих смысл и содержание слов, упот-

ребляемых для характеристики быта и культуры народов. Справочные сведения о народах СССР включены в общий алфавитный список народов мира.

К указанным справочным по характеру и жанру изданиям о народах СССР примыкают капитальное для своего времени учебное пособие С. А. Токарева «Этнография народов СССР» (М., 1958) об исторических основах быта и культуры народов Советского Союза, написанное на основе курса лекций, которые автор читал студентам кафедры этнографии исторического факультета МГУ с некоторыми перерывами с 1939 по 70-е годы; и обстоятельный этнодемографический обзор «Национальности СССР» (М., 1975), подготовленный В. И. Козловым.

Несмотря на обилие специальной этнографической литературы, издана она мизерным тиражом и малодоступна практическим работникам и широкому читателю. Достаточно сказать, что за все годы Советской власти у нас ни разу специально не издавался этнографический словарь народов СССР, хотя за рубежом такие словари издаются постоянно.

«Этнографические портреты» из более чем ста этнических наименований предлагаются читателю в алфавитном порядке. В каждой статье содержатся обязательные сведения о самоназвании народа, о его происхождении, узловых моментах в этнической истории, приводятся краткие сведения о традиционных занятиях и традиционной культуре. В большинстве случаев, особенно при описании малочисленных народов или отколовшихся от своих народов национальных групп, сообщается об этапах переселения, адаптации и актуальных проблемах национального возрождения, вызванных активизацией национального самосознания.

При разработке списка народов возник ряд непростых вопросов, вызванных как объективными факторами, например слабой изученностью реальной этнографической ситуации, так и субъективными факторами, в ряду которых в первую очередь следует назвать несовершенство определений своей национальности как отдельными людьми, так иногда и целыми группами при проведении переписей населения.

Нельзя, в частности, еще раз не напомнить о ряде случаев иерархического «построения» национального самосознания, что порой ставит переписчиков в тупик при национальной идентификации опрашиваемых и при регистрации ответов в бланке переписного листа. В самом деле, к какой национальности отнести человека, если в ответ на вопрос, кто он по национальности, тот отвечает, что он ясачный или юмушлы. При последующем уточнении оказывается, что он входит в состав заболотных татар, которые в свою очередь являются частью тобольских татар, входящих в этнотерриториальную общность сибирских татар, являющихся частью более чем пяти миллионов татарского населения России.

Понятно, что учесть в полной мере эту «матрешечную» структуру этнического самосознания при проведении переписи населения пока нет возможности, но все же имеющийся материал позволил указать в составе многих народов России локальные группы, образованные по этноконфессиональной, этнохозяйственной, этносоциальной или этноправовой принадлежности, например, кержаки, поморы, семейские среди русских.

С конца 20-х — начала 30-х годов так повелось, что по стране в целом и в ряде республик партийные и государственные органы не были в одинаковой мере заинтересованы в «раскрытии» всей полноты национального состава — так было проще осуществлять национальную политику: чем короче был перечень национальных меньшинств и национальных групп, тем меньше было забот и хлопот у управленческо-бюрократического аппарата.

Точному определению национального состава мешали и другие обстоятельства: например, опасаясь репрессий или заботясь о своей карьере, представители особо дискриминируемых национальностей записывали себя в составе более крупной национальности. Так было спокойнее, проще поступить в институт, получить профессию, устроиться на хорошую работу. Иногда человека «записывали» в ту или иную национальность, не спрашивая его самого. Перепись 1989 г. вывела из забвения на этническую сцену страны ряд национальностей: из общего числа татар сегодня отдельной строкой отмечены крымские татары, из общего числа азербайджанцев «выведены» талыши, среди европейского населения различаются горские, грузинские, среднеазиатские евреи, крымчаки, караимы. Ороки, включавшиеся ранее в состав орочей, чуванцы, неверно относимые в состав чукчей, энцы, попавшие в состав ненцев, ливы, записанные в составе латышей. На очереди выделение ряда других национальностей — будухцев, крызов, хиналугцев, объединявшихся с азербайджанцами, ингерманландских финнов, растворившихся в общем составе финского населения, турок-месхетинцев, не различаемых с турками, води, относимой то к эстонцам, то к русским, и т. д.

Перепись населения 1989 г. зафиксировала 128 этнических наименований. К этому списку можно было бы добавить еще несколько десятков народов. Однако вопрос о точном числе народов все же лучше оставить открытым. По мнению одних специалистов, этот список можно продолжить до 140—150 наименований, по мнению более радикальных — надо фиксировать не менее 800 вариантов этнических наименований, учитывающих все внутриэтнические подразделения. Вероятно, более строгий учет нужен и важен. Но пока специалисты

не готовы дать полное описание всех внутриэтнических структурных подразделений одного и того же народа. Есть и другие проблемы. Нельзя в краткой (вводной) информационной статье дать исчерпывающие сведения о всех сторонах жизнедеятельности народа и о всех этапах его этнической истории.

Еще совсем недавно, два—три десятилетия назад, студенты и аспиранты кафедры этнографии исторического факультета МГУ почти на каждом семинаре и в каждом спецкурсе рассматривали как под микроскопом этногенез того или иного народа. Считалось, что нельзя стать этнографом-профессионалом, не зная в деталях хотя бы одного «этногенеза». Вместе с тем, как это часто у нас бывало, интерес к этногенезу и происхождению народов удовлетворялся, можно сказать, однобоко, поскольку изучались корни, но совершенно не освещалась современная этнополитическая ситуация. Некоторые поколения студентов-этнографов выросли, не зная ничего о судьбе крымских татар, турок-месхетинцев, немцев Поволжья. Вообще о судьбах депортированных народов негде было черпать информацию. Таким образом, в развитии исторической науки образовалось «белое пятно», и сегодня мы жестоко расплачиваемся за эту потерю. Надо ли говорить, каков ныне дефицит специалистов по межнациональной проблематике, хотя это —одно из порождений «белого пятна» в науке. Оторвав «крону» от «корней» в самом историческом изучении процесса, мы понесли урон в общественном сознании, породили дефицит культуры в межнациональных отношениях, жестоким деформациям подвергли семью, когда-то выступавшую важнейшим звеном в цепочке поколений. Незнание того, что было, не дает сегодня нам возможности определить, что есть и что должно быть. Отсюда, в частности, гордые узлы национальных конфликтов, жестокие кризисные явления во взаимоотношениях некоторых народов. Так как же нам быть?

Институт этнологии и антропологии РАН приступил к созданию многотомной серии «Народы и культуры», где одно из центральных мест займет проблема этногенеза, то есть происхождение каждого из более чем 130 народов России. Предлагаемые читателям «Этнографические портреты» должны служить этой же цели: уяснению того, кем является каждый народ, кто он, каков он, откуда пришел, с каких пор живет на этой земле?

Нам всем предстоит понять чувство Родины и Отечества, чувство корней и своего народа. Потребность жить интересами своего народа должна гармонизировать с такой же потребностью человека любой другой национальности.

2. ЭТНОСТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ Народы в таблицах, или таблицы о народах?

Фундаментальным условием развития научных знаний о национальностях и осуществления национальной политики является наличие всесторонней этностатистической информации, достаточной по количеству и надежной по качеству. Между тем до сих пор на газетные полосы выплескиваются необычные для широкого читателя вопросы о том, сколько же народов проживает в России: 128 или 500? И даже самые именитые специалисты в этой области не берут на себя ответственность назвать точные данные.

Накануне переписи 1989 г. Институту этнологии и антропологии РАН совместно с Госкомстатом удалось включить в разработочные таблицы о народах СССР несколько дополнительных этнических наименований. И дело, разумеется, не только в социальном табу, спущенном «сверху» (не упоминать, например, отдельной строкой крымских татар турок из Месхетии, крымчаков, среднеазиатских, горских или грузинских евреев), и не в принципиальном желании вывести за скобки энное количество наименований, но еще и в том, что расширение списка этнических наименований затягивает обработку и безумно (тем более по нашим нынешним условиям) удорожает работу по подготовке итогов переписи к печати. Тем не менее вместо 101 этнонима, публиковавшегося по итогам нескольких послевоенных переписей населения, мы получили 128 наименований национальностей СССР.

Этнологи ждут от языковедов точного указания количества языков, чтобы на этом основании определить число самостоятельных народов, а лингвисты, в свою очередь, надеются, что именно этнологи помогут им разобраться, сколько же в стране народов, а заодно и установить разницу между языками и диалектами и благодаря этому определить, о ком идет речь: о частях одного и того же народа или о самостоятельных народах.

Процессы обновления общества и человека, возрождения национальностей (многочисленных и малочисленных) вознесли планку национального фактора на новую высоту. Сегодня все хотят знать изнутри и извне всю правду о жизни национальностей, познакомиться с корнями и кроной истории и культуры каждого народа, узнать все точки и особенности расселения своего народа.

В самом деле, рост национального самосознания придает особую значимость вопросам, во-первых, о связи численности народов с компактным или дисперсным характером их расселения в тех или иных национально-государственных образованиях, во-вторых, о направленности их

этнокультурного и этнополитического развития в связи с консолидационными и ассимиляционными процессами, в-третьих, об учете этнографического фактора при рассмотрении политических и юридических прав народов, коллективных прав национальных меньшинств и индивидуальных прав человека, в-четвертых, о возможности выработки научных рекомендаций о путях и способах ненасильственного разрешения межэтнических конфликтов, в-пятых, о взаимосвязи устойчивости и расшатанности этнического самосознания национальных меньшинств в связи с тенденциями усиления конфронтации между группами большинства и меньшинства.

При ознакомлении читателей с новейшими этностатистическими данными, полученными в ходе переписи населения 1989 г., имеет смысл особо подчеркнуть, что в нынешних условиях, когда национальный фактор выдвинулся на передний план, публикация систематических сведений о народах приобретает немаловажное значение. Проблема заключается не только в том, в каком порядке расположены народы в таблицах: в возрастающей или в убывающей по численности последовательности, в алфавитном порядке или в соответствии с многоступенчатой иерархией национально-государственного устройства, но и в том, что каждый народ, как и каждый раскрепощенный от былой чрезмерной идеологизации советский человек, имеет право быть самостоятельным субъектом этностатистической информации и занимать не строку в таблице, а являться носителем самостоятельной таблицы о самом себе. Впрочем, переход от «народов в таблицах» к «таблицам о народах», похоже, имеет и определенную инструментальную ценность, позволяя более наглядно представлять на этнической карте социально-культурные и территориально-демографические аспекты этностатистической судьбы народов.

Беда общественных дисциплин, в центре внимания которых находились народы, их судьбы и статус, прошлое и будущее, состояла в том, что эти дисциплины развивались под жестким идеологическим прессингом и в информационном вакууме. Академику Ландау принадлежит остроумная «классификация» наук на 3 разряда: естественные, неестественные и противоестественные. Можно сказать, что сегодня по уровню информированности, материально-технического обеспечения общественные науки, особенно те, в предметную область которых входят проблемы межнациональных отношений, находятся в противоестественном разряде. Материалы переписи населения СССР 1926 г. были изданы в нескольких десятках томов, данные переписи 1959 г. — в 16 томах, переписи 1979 г. — в 8 томах и, наконец, данные переписи 1979 г. — в одном-единственном томе. Нужны ли тут комментарии? По пути к чита-

телям и потребителям материалы переписей населения не только теряли «в весе» (в объеме), но и «устаревали» по дороге. Статистические данные переписей населения, нужные как воздух, и сегодня приходят к специалистам с большим опозданием. Вот и сейчас, весной 1992 г., когда пишутся эти строки, прошло уже более трех лет со времени проведения переписи 1989 г., а у нас все еще нет необходимых детальных данных о динамике населения народов СССР, о их конкретном размещении по регионам и областям, городам и селам.

И вряд ли можно смириться с безрадостной традицией по подготовке и публикации итогов предыдущих переписей послевоенного времени. Напомним этот горький опыт. Сводный том «Итогов Всесоюзной переписи населения 1959 г.», подписанный к печати 5 ноября 1962 г. (судя по издательскому паспорту) пришел к читателю никак не ранее начала 1963 г., то есть через 4 года после проведения самой переписи. В эти же сроки увидели свет тома по Эстонской ССР и Узбекской ССР. Тиражи томов по другим республикам, например по Белоруссии, Грузии, Литве, Киргизии, Таджикистану, Туркмении, «поспели» и того позднее — только к середине 1963 г., т. е. с опозданием на 4,5 года.

Первый том «Итогов Всесоюзной переписи населения 1970 г.» с данными о численности населения СССР без национального разреза был «по той же традиции» подписан к печати в конце 1972 г., а тираж опубликованных данных, естественно, увидел свет не ранее начала 1973 г. и соответственно попал в руки заинтересованных лиц через 4,5 года после того, как перепись состоялась.

И, наконец, единственный худосочный том по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. «Численность и состав населения СССР» с куцыми сведениями о распределении населения СССР по национальности и языку по стране в целом и по союзным и автономным республикам увидел свет по набирающей силу застойной «традиции» в конце 1984 г. Почти 5 лет, прошедших со времени проведения переписи 1979 г., составили наш очередной позорный рекорд. Таким образом, налицо все признаки прогрессирующего информационного застоя, голода и кризиса. Информационный тупик — еще не катастрофа, но тяжек недуг нашего обществоведения. Излечима ли эта болезнь — покажет время.

И если предпринятая Центром по изучению межнациональных отношений РАН публикация этностатистических, равно как политических и многих, других документов, позволит расширить круг заинтересованных лиц, в обсуждении национальных проблем, то это пойдет на пользу народам, вступающим в эти самые нелегкие, а порой и трагические отношения, а также позволит хотя бы частично

преодолеть отчуждение между обществоведами и работниками органов государственной статистики, ответственными за информацию о реальном положении в нашем многонациональном обществе.

Происходящая в настоящее время в СССР реформа в области национальной и языковой политики и практики в сфере межнациональных отношений испытывает острейший дефицит в полнокровной этностатистической информации. На каждом качественном этапе этой (национально-языковой) реформы, в том числе в 1989 г., когда были приняты законы о государственных языках и разработаны ассоциированные с ними государственные программы по реализации этих законов в жизнь, в 1990 г., когда были приняты декларации о суверенизации союзных республик и большинства автономных республик, и, наконец, в новейшей ситуации, когда в независимых государствах началось новое движение за обеспечение правовых гарантий национальным меньшинствам, авторы законов буквально задыхаются без подробных сведений о каждой национальности, о численности всех национальных меньшинств в городах (включая столицы) и селах республики.

Ниже читателям предлагается новая серия этностатистических материалов в виде таблиц*, посвященных отдельным народам России. В каждой такой таблице, представляющей, по сути, контурный этностатистический портрет народа, содержатся ключевые сведения из итогов переписи в 1989 г. о его численности в городах, столицах и сельской местности бывших автономных республик РСФСР и союзных республик бывшего СССР. Наряду с данными о расселении приводятся показатели о родном языке и втором языке народов СССР, которым свободно владеют представители этого народа. Переход от привычного для глаза традиционного расположения народов в колонках этностатистических таблиц к отдельным таблицам, посвященным каждому народу, позволит раскрыть взаимосвязи между этностатистическим развитием, ростом самосознания и современными этнополитическими процессами.

Этнополитическая ситуация меняется очень динамично. Важную роль в ее переходе из одного состояния в другое играют неравномерные темпы прироста численности различных народов. Отсюда и вытекает важнейшая роль дальнейшего введения в научный оборот новейших этностатистических данных, позволяющих определить место и роль каждой из более чем ста национальностей в создании этнической панорамы многонациональной России, насчитывающей 147 млн. человек.

* Часть из подготовленных таблиц о 118 народах России была опубликована в журнале «Этнополитический вестник». В данной книге нет возможности для их перепечатки, так как это потребовало бы увеличение ее объема на 236 страниц.

3. СИМБИОЗ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

21 февраля 1992 г. Верховный Совет Республики Татарстан принял Постановление «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан». 21 марта 1992 г. в бюллетень для голосования предлагалось включить следующий вопрос: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?» и варианты ответов на него: «Да» или «Нет». Однако в связи с многочисленными просьбами граждан и трудовых коллективов официально разъяснить существо вопроса референдума Республики Татарстан, Верховный Совет Республики принял еще одно постановление: «О разъяснении формулировки вопроса референдума Республики Татарстан, назначенного на 21 марта 1992 г.»¹

В ряду многоцелевых функций референдума пятым пунктом по порядку, но не по социально-политической и правовой значимости, давалась гарантия в том, что Республика Татарстан, наполняящая свой суверенитет реальным содержанием и стремящаяся формировать свои отношения с Российской Федерацией на основе Договора о делегировании полномочий, «обеспечивает на своей территории двойное гражданство, равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных, сохранение и развитие языков и культур других национальностей».

В ходе этого референдума большинство избирателей (61,4 % от числа принявших участие в голосовании и 50,3 % от общего числа избирателей)² положительно ответили на вопрос референдума, санкционировав тем самым курс на суверенизацию республики.

Сегодня, за неимением данных специального исследования, трудно сказать, какой из 5 разъяснительных пунктов в наибольшей степени убедил избирателей сказать «да». Важно, что ни один из перечисленных пунктов не спровоцировал «нет». Из этой нехитрой логики следует, что вопросы о двойном гражданстве и официальном двуязычии заняли достойное место в общественном мнении наряду с такими судьбоносными вопросами, как принятие Декларации о государственном суверенитете, о невозможности обособления Татарстана от Российской Федерации, об утверждении демократических принципов равно-

правия всех граждан Республики независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и других признаков.

Тогда, весной 1992 г., похоже, мало кто обратил внимание на тот факт, что двойное гражданство и двуязычие, являющиеся правовой гарантией гражданской и языковой идентичности, оказались рядоположенными в одной политико-правовой упряжке. Более того, рядом с ними, в контексте рассматриваемого документа, склонившего чашу весов в пользу позитивного ответа, фигурировали по крайней мере еще две формы идентичности: религиозная и культурная.

1. РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Для постсоветской этнополитической ситуации характерно укрепление тесной связи между этнической и гражданской идентичностями, происходящее, как ни парадоксально, на фоне системного кризиса российской государственности и надлома многих сторон российской цивилизации³. При этом наиболее полной характеристикой для каждой из них, особенно в республиках РФ, и прежде всего в столицах, является высокая степень политизации каждой из них. Однако имеющиеся в литературе суждения об этой связи, а также о сходстве и различиях этих двух важнейших форм идентичностей, являются крайне скромными и поверхностными. Более того, каждая из них освещена неравномерно. В отличие от этнической, которой посвящено несколько индивидуальных и коллективных работ⁴, гражданская идентичность за редким исключением остается в России за пределами исследовательского внимания.

В современной зарубежной литературе при анализе соотношения этнической и гражданской идентичности акцент часто смещается с гражданской на политическую идентичность⁵. Между тем первые признаки и тенденции подъема этнического самосознания были тесно связаны с проблемами построения гражданского общества и формирования гражданской идентичности. Взаимосвязь этих двух категорий непременно подчеркивалась в популярных документах народных фронтов республик Прибалтики, Белоруссии, Молдовы и других бывших союзных республик СССР.

Более того, национальные движения, являющиеся концентрированным выражением борьбы за этническую идентичность, на первых порах развивались преимущественно под идеологемами и лозунгами⁶ борьбы за гражданские права, а непосредственно гражданские движе-

ния в прямом смысле этого слова включали в свои программы идеи, нормы и положения, гарантирующие развитие этнической идентичности и защиту граждан от попыток дискриминации по признакам национальности, владения языками и некоторым другим признакам.

Подобным образом мыслилась и аргументировалась взаимосвязь этнической и гражданской идентичности в документах некоторых общественных объединений, как, например, в тексте «заявления участников организационного собрания общественного движения “Граждане Российской Федерации” и Положения “Об общественном движении “Граждане Российской Федерации”»⁷.

Развал Советского Союза и продолжающееся наполнение суверенитета республик РФ реальным содержанием вновь актуализировали проблему взаимосвязи этнической и гражданской идентичностей. С особой силой это, в частности, проявилось в республиках РФ осенью 1997 г. в связи с решением Москвы ввести единые для всей России паспорта без указания в паспорте существовавшей в советские времена этнической, языковой и республиканско-гражданской идентификации. Последовавшая крутая «волна выяснения отношений» по поводу нового паспорта вылилась в очередное обострение отношений между федеральным центром и республиками. Это обострение в свою очередь выявило, насколько хилой является теоретическая разработка проблем гражданской идентификации и правовой основы гражданской идентификации. Более того, среди основных целей и задач национальной политики, в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» имеется лишь глухое упоминание о важности взаимосвязи гражданственности и этнической идентичности. Так, например, среди неотложных задач, стоящих перед Российским государством и обществом в политической и государственно-правовой сфере, речь идет, в частности, о необходимости обеспечения: «правовых, организационных и материальных основ учета и удовлетворения национально-культурных интересов народов»; «правовой защиты национальной чести и достоинства граждан»; «объединения усилий всех звеньев государственной системы и гражданского общества... для... утверждения принципов равноправного развития и взаимопонимания между гражданами различных национальностей». Среди принципов государственной национальной политики в этом же документе акцентируется внимание на «праве каждого гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность без всякого принуждения извне»⁸.

Отсутствие юридически грамотной концепции гражданства в постсоветской России можно в известной мере объяснить наследством, доставшим-

ся от Советского Союза, отсутствием условий и опыта функционирования гражданского общества, которому непременно сопутствует определенный тип личности с устоявшимися демократическими убеждениями и правосознанием, в том числе с пониманием сути гражданской идентичности.

И в этом смысле вопрос «граждане ли российские граждане?», сформулированный в связи с анализом основ гражданского общества, отнюдь не является риторическим⁹. Более того, как выясняется, подобный вопрос можно не без оснований адресовать и жителям (гражданам) некоторых европейских стран с уже вполне устоявшейся демократией и гражданским (самоорганизующимся) обществом.

Обратимся, например, к далеко не совпадающим опыту Франции и опыту Германии.

Как отмечают французские ученые, сами они страдают от множественности смысловой нагрузки и интерпретации таких ключевых понятий, как гражданство, демократия, нация, гражданское общество. Так, например, «citizenship» (гражданство) в Великобритании означает не то же самое, что «citoyenneté» во Франции¹⁰. С этой точки зрения второе отнюдь не есть элементарный перевод первого. Более того, британское понимание такого понятия, как «citizenship» ориентировано в большей степени на употребление в сфере межгосударственных отношений. Во французском языке (и соответственно в менталитете) это состояние (понятие) обозначается термином «ressortissant». Смысловая нагрузка английского понятия «citizenship» находится скорее в лоне юридического статуса, связанного с государством. Во Франции подобный смысл (огосударствленный) передается с помощью понятия «nationalité».

В Германии, в отличие от Франции, концепция гражданства основана на этническом национализме, зародившемся еще в XVIII в. и пустившем глубокие корни и разветвленную крону в XIX столетии. В качестве политической доктрины этнический национализм предполагает создание государства, основанного на легитимно утверждаемой этничности. Иными словами, это означает, что государство состоит из одного этноса, а этнические и государственные (территориальные) границы совпадают. Когда государство и этнос, как в Германии, занимают одну и ту же территорию, все немцы считаются нацией, образованное государство — национальным государством, а лица, не принадлежащие к этническим немцам, считаются этническими меньшинствами. К ним формируется далеко не самое лояльное, а иногда и просто враждебное отношение со стороны этнического большинства. В соответствии с логикой этой концепции, все немцы, приезжающие в Герма-

нию из других стран, едва ли не автоматически имеют право стать гражданами Германии. В то же время перед лицами иной национальности возникает весьма трудная процедура натурализации, через которую могут пройти лишь немногие.

В целом ряде статей (норм) ныне действующей Конституции Германии понятие «немец» и «гражданин» употребляются как синонимы.

В Латвии отношение к русскоязычному населению строится по идеологеме «граждан второго сорта», подобно тому как в некоторых европейских странах, например, в Германии, относятся к многочисленным иммигрантам, перед которыми принимающие страны закрывают двери во все формы политической деятельности, лишают иммигрантов возможности участия в делах государства.

Растущее число граждан второго сорта побуждает законодателей создавать некоторое подобие правовой основы для граждан второго сорта. И если, например, в России экономические реформы приведут к улучшению жизни народа, то не исключено, что придется перейти от политики стимулирования иммиграции к политике ее ограничения.

2. ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСТВА

В современном мире общепринято, что каждый гражданин определяет свою гражданскую идентичность (принадлежность к государству) с помощью паспорта и политонима, обозначающего название государства, к числу граждан которого причисляет себя индивид. В федеративном государстве, и в первую очередь в России, согласно ее конституции, существуют республики со своими конституциями и другими атрибутами государственности. Все граждане России обретают общероссийское и гражданство республики проживания. Это реальное или подразумеваемое, закрепленное в Конституции РФ или не закрепленное гражданство создает немало коллизий, часть из которых предполагается ниже рассмотреть как в документах, определяющих правовое поле, так и в представлениях столичной молодежи республик РФ.

Гражданство представляет собой закрепленную в конституции норму правового статуса личности, определяющую взаимоотношения его как физического лица с определенным государством. Объем прав, свобод и обязанностей того или иного лица находится в прямой зависимости от гражданства. «Человек, его права и свободы», — согласно статье 2 Конституции РФ, — являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»¹¹.

В соответствии с Конституцией действует федеральный закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. «О гражданстве» (с последующими изменениями и дополнениями), являющийся основным нормативным актом, призванным регулировать вопросы гражданства.

В самой Конституции РФ не содержится специальной дефиниции, т. е. определения того, что представляет собой гражданство как юридическая норма. Эта дефиниция включена в текст закона о гражданстве.

По свидетельству авторитетных специалистов часть законов о гражданстве государств — участников СНГ содержат легальное определение понятия гражданства. Однако в наиболее полном, логически обоснованном и развернутом виде определение понятия гражданства содержится в преамбуле Закона о гражданстве Российской Федерации¹². Согласно этому Закону, принятому 28 ноября 1991 года с изменениями, внесенными Законом Российской Федерации от 17 июня 1993 г. и Федеральным Законом от 18 января 1995 г. «гражданство есть устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека»¹³.

«Гражданство Украины, — согласно ее закону, — определяет постоянную **правовую связь** лица и Украинского государства»¹⁴. В Законах Азербайджана и Казахстана¹⁵, Кыргызстана¹⁶, Таджикистана¹⁷ и Узбекистана¹⁸ гражданство представлено как постоянная или устойчивая **политико-правовая связь** (или связи) лица или физических лиц с соответствующим государством. В Законе Грузии «Гражданство означает **политико-правовой союз** лица с государством Грузии»¹⁹, в Законе Молдовы определяются «постоянные **политико-правовые отношения** между физическим лицом и государством Республика Молдова»²⁰. И, наконец, для Республики Беларусь²¹ и для Туркменистана²² гражданство представляет собой не только определение принадлежности лица к государству, но и является «неотъемлемым **атрибутом государственного суверенитета**».

Впервые серьезные претензии на самостоятельный институт гражданства в республиках России были заявлены на исходе существования Советского Союза. Так, например, в «Декларации о государственном суверенитете Советской Социалистической Республики Адыгея», принятой 28 июня 1991 г. было провозглашено, во-первых, что «гражданство Советской Социалистической Республики Адыгея является неотъемлемой частью ее суверенитета» и, во-вторых, что «Граждане ССР Адыгея одновременно являются гражданами РСФСР и СССР»²³.

Как видно, «щедрость» этой нормы, допускающей существование одновременно трех гражданств — адыгейско-республиканской, общероссийской

(РСФСР) и общесоветской (СССР) не знала границ. Если к этому добавить еще и гражданство иностранного государства, то теоретически могли иметь случаи четырехкратной гражданской идентичности. Никому в голову не приходило задаться вопросом: хорошо это или плохо, грамотно или лишено какой-либо компетенции, комфортно для человека с тройным республиканско-российско-советским гражданством или дискомфортно?

Гражданское самосознание или гражданская компетентность представляет собой знание совокупности прав, свобод и обязанностей человека, вытекающих из правового статуса личности, сделанного ею самостоятельно выбора своей принадлежности к государству и обществу и осознаваемых им. Гражданское самосознание состоит из представлений о себе самом, о своих правах и обязанностях перед государством, о своей социальной роли в деле защиты, укрепления, развития и процветания государства и общества.

Другой не менее важной дефиницией, является **гражданское сознание**, состоящее из совокупности представлений о государстве и обществе в связи с добровольной гражданской самоидентификацией и обретением гражданства, на основе которых строится устойчивая правовая связь человека с государством. Гражданское сознание включает осознание (компетентность) и исполнение взаимных прав, обязанностей и ответственности между человеком, гражданином, обществом и государством, являющимся для гражданина Родиной.

Наряду с самосознанием и сознанием, являющимися преимущественно категориями, относящимися к **когнитивности** и **ментальности**, в гражданстве можно выделять **психологический** аспект, выражающийся в чувстве принадлежности к данному государству, **деятельностный** аспект, демонстрирующий особенности поведения индивида, связанные с его гражданством. В литературе два последних аспекта нередко именуется не совсем точно как, соответственно, чувство принадлежности и чувство участия. Реальное участие не может быть ограничено только чувством.

Иными словами, в концепции гражданства можно выделять три фундаментальных аспекта: когнитивно-ментальный, психологический и поведенческий. В данном докладе внимание будет акцентировано главным образом на гражданской идентичности, понимаемой как чувство принадлежности. В какой степени жители республик Российской Федерации считают себя гражданами республики проживания и гражданами России — вот в чем вопрос! Ответы на этот и другие вопросы могут позволить нам приблизиться к пониманию того, есть ли в России гражданское общество и государственно-гражданская общность или их нет.

3. РАСКОЛ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТОЛИЧНОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Опрос молодежи весной 1997 г. в 16 столицах республик Российской Федерации показал, что особые трудности возникают у современной молодежи в связи с их гражданской идентификацией, то есть с определением и самооценкой значимости республиканского и общероссийского гражданства. Полностью и в значительной степени считают себя гражданами своей республики 91,3% молодежи, относящей себя к титульной национальности данной республики (далее — титульная молодежь. — М. Г.). Из этого следует, что выбор республиканского гражданства и конструирование на этой основе гражданской идентичности имеет для нее более важное значение по сравнению со всеми остальными формами идентичности. Ближайшая по интенсивности проявления имущественная идентичность отстает от гражданско-республиканской на 15%²⁴.

В отличие от титульной, для русской молодежи более приоритетным является быть гражданином России. Общероссийское гражданство полностью и в значительной мере значимо для 87,6% русской молодежи. И если бы дело ограничивалось этим полярным выбором, то можно было бы думать, что титульная и русская молодежь, проживая в одних и тех же городах, как бы ощущает себя гражданами разных государств: первые — республик Российской Федерации, а вторые — России в целом. В действительности указанной поляризации гражданских идентичностей не существует, так как основная часть титульной молодежи считает себя одновременно гражданами России, а значительная часть русской молодежи — гражданами своей республики. О масштабах этой совместимости и взаимной толерантности можно судить по тому, что одинаково важными были признаны обе гражданственности: и республиканскую, и общероссийскую выбрали 71,1% титульной и 64,0% русской молодежи. Это обнадеживающий уровень взаимной толерантности.

Тем не менее, остается 12,2% титульной молодежи, для которой важна исключительно республиканская гражданская идентичность и одновременно неприемлема общероссийская. Типологически полярной является группа русской молодежи, для которой, напротив, значимой является общероссийское гражданство, но в то же время неприемлемо гражданство республики. Она составляет 18,8%. Следовательно, для этих двух групп молодежи, сконцентрированных только на единой гражданственности — республиканской для титульных и

общероссийской для русских, — совместное проживание не привело к формированию оптимальной для нынешней этнополитической ситуации модели двуединой гражданской идентификации. Присутствие этих достаточно многочисленных групп молодежи ставит под сомнение наличие гражданского общества в его классическом понимании в России, стабильность государственного устройства и эффективность управления государством и его субъектами.

Какие при этом возникают коллизии в представлениях о жизни в многонациональном государстве и как это отражается в установках на межнациональные, межъязыковые и межкультурные отношения, а также как это проявляется в реальном поведении — об этом особый разговор.

Выявлению того, насколько обоснованным является это само собой напрашивающееся умозаключение о расколе, посвящены материалы, собранные в ходе этносоциологического исследования и вызванные ими размышления.

Как уже указывалось выше, здесь не ставится задача создания теории идентификации идентичностей или, несколько упрощая, приобретения тождественности. Тем не менее, «в новой области необходимо, — как полагал автор одной из теорий личности Карл Роджерс, — ...сначала погрузиться в явления, подойти к феноменам с минимумом предвзятости, принять подход натуралиста — наблюдения и описания и сформулировать те простые выводы, которые адекватны тому, что является присущим самому изучаемому материалу»²⁵.

Раскол столичной молодежи по линии гражданства (республиканское — общероссийское) является в значительной мере косвенным следствием соперничества между политическими элитами республик, результатом наполнения суверенитета республик реальным содержанием. При этом особую проблему представляет тот факт, что гражданская (республиканская), этническая и конфессиональная идентичности подпитывают друг друга. Не случайно каждая из них у титульной молодежи в столицах республик РФ проявляет себя сильнее, чем у русской молодежи. В конечном счете, трехкратный — этнический, гражданственный и конфессиональный — раскол сегодняшней 17-летней столичной молодежи представляет собой одну из серьезных опасностей для стабильности и порядка в завтрашней России. Требуется срочная система профилактических и пропагандистских мер для того, чтобы ликвидировать барьер, разделивший титульную и русскую молодежь по разным зонам этнополитической границы. Во всяком случае нужна такая атмосфера и такая идеология межнациональных отношений, в которой не оставалось бы места для взрывоопасного противопос-

тавления в рамках единого государства двух форм гражданства. При этом стратегия снятия стресса поляризованного гражданства может иметь серьезные региональные различия. Дело в том, что в 12 столицах из 16 этническое самосознание титульной молодежи является более актуализированным, так как превосходит по силе своего проявления самосознание русской молодежи, в том числе особенно заметно — в 1,5—1,7 раза — в Нальчике, Владикавказе, Казани и Якутске. Соответственно столицы этих четырех республик — Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Татарстана и Якутии — можно считать регионами повышенного риска возникновения межэтнических противоречий на почве самоопределения молодежи по линии республиканской — общероссийской гражданственности. К полярным столицам — наименьшего риска — относятся Ижевск, Йошкар-Ола, Саранск, Чебоксары, где интенсивность проявления национального самосознания титульной и русской молодежи приблизительно одинакова и типологически сходна. Сама по себе интенсивность идентичности, как бы мы ее не называли — сила, степень или уровень, — ни вызывала бы тревогу, если бы ее активные и пассивные формы не были сопряжены с политической и этнической мобилизацией и нагнетанием конкурентной ситуации между национальностями.

4. НУЖНА ЛИ ЗАПИСЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ПАСПОРТЕ?

Между гражданской, языковой и этнической идентичностями существует чрезвычайно тесная связь, о которой не подозревали в былые советские времена, хотя названные формы идентичности не раз попадали в поле зрения этносоциологов. Об этой связи красноречиво свидетельствует волна собраний, митингов и иных протестов, прокатившаяся осенью 1997 г. по республикам России в связи с отменой графы об этнической принадлежности в новых паспортах граждан России.

Судя по республиканской периодике²⁶, смысл протестов заключался в том, чтобы все три идентичности — **гражданская, этническая и языковая** — имели фиксированное оформление в соответствии с конституционным правом граждан, в виде записи в паспорте.

Отмена фиксации этнической и языковой идентичности вступила в противоречие с республиканским законодательством. Так, например, согласно Закону от 8 июля 1992 г. «О языках народов Республики Татарстан», «в Республике Татарстан официальные документы, удостоверяющие личность гражданина или сведения о нем (паспорта, свидетельства

о рождении, браке и смерти, трудовые книжки, аттестаты и дипломы об окончании учебных заведений, военные билеты и другие документы), оформляются с учетом национальных традиций именованья на татарском и русском языках»²⁷.

В октябре—ноябре 1997 г. негативное отношение к новому паспорту было выражено в столицах целого ряда республик, в т. ч. на: 1) совещании представителей партий, объединений, клубов и других национально-культурных и общественных движений, действующих в республике Башкортостан в рамках башкирского национального движения, 2) на Третьем форуме Чувашского национального конгресса (ЧНК), 3) на Втором Всеудмуртском съезде, 4) на Совете Парламента Республики Северная Осетия—Алания, 5) на расширенном заседании бюро Исполкома Всемирного конгресса татар (ВКТ), 6) в Открытом письме Председателю Совета Федерации РФ Е. Строеву от национально-патриотического движения Республики Дагестан «Славянское единство», 7) на зональном семинаре, посвященном проблемам и особенностям нормотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов РФ, состоявшемся осенью 1997 г. в г. Майкопе, 8) на собраниях общественности, прошедших в Адыгее, а также на заседании президиума общественно-политической организации «Адыге Хасэ», 9) на научной конференции, посвященной 80-летию балкарского поэта Кайсына Кулиева²⁸. Очевидно, это далеко не полный список акций, направленных против нового паспорта.

Введение нового, «космополитического», паспорта вызвало не только протесты в республиках и большой общественно-политический резонанс во многих регионах России, но и послужило катализатором вяло протекавшего до того процесса подготовки законов о гражданстве в некоторых республиках Российской Федерации (об этом ниже).

Чувашский национальный конгресс считал целесообразным рекомендовать руководству Чувашской Республики принять закон о гражданстве и призвал чувашский народ бойкотировать новые паспорта. Совещание представителей пробашкирских национальных движений, в котором принимали участие делегаты от Исполкома Всемирного курултая башкир, Общества башкирских женщин, Башкирского народного центра «Урал», народной партии Башкортостана, Всебашкирского центра народной культуры «Ак тирмэ» («Белая юрта»), Союза Башкирской молодежи и некоторых других, поддержало инициативу введения особого паспорта для граждан Башкортостана и скорейшего принятия собственного закона о гражданстве. По решению этого же собрания 3 ноября 1997 г. состоялся митинг протеста перед зданием

Башкирского Государственного университета. На пленарной сессии Государственного Совета Республики Татарстан депутаты постановили «ускорить доработку проекта республиканского закона «О гражданстве РТ» и вынести его для рассмотрения Госсоветом. В Удмуртии были рассмотрены изменения и дополнения в принятую совсем недавно Конституцию и внесены предложения о включении в текст Конституции нормы об институте республиканского гражданства.

«Очередным ляпсусом Российского государства» назвал министр по делам национальностей Республики Дагестан М. Гусев выпуск нового паспорта без «пятой графы» и без предварительного широкого обсуждения. «Мы не принимали закон о гражданстве», — добавил министр, — ...но при такой ситуации, на мой взгляд, Дагестан предпримет шаги, чтобы сохранить свою самобытность». Иными словами, закон о гражданстве, требование сохранения в паспорте графы для записи национальной (этнической) принадлежности, а также требование предусмотреть в паспорте гражданина республики запись на двух государственных языках, воспринимается идеологами национальных движений в республиках как защитная мера против русификации, ассимиляции, как правовая основа сохранения **гражданской, языковой и этнической** идентичностей.

Официальные органы власти во многих республиках оказались застигнутыми врасплох, и в силу этого в их реакции на введение нового универсального паспорта сквозила растерянность. Так, например, Совет Парламента Республики Северная Осетия — Алания сначала (27 октября 1997 г.) обсудил обращение к Президенту и Правительству РФ с призывом включить в паспорт гражданина РФ графу «национальность», а затем, 20 ноября 1997 г., Парламент Республики принял Постановление «О приостановлении выдачи российских паспортов нового образца»²⁹. В постановлении Законодательной Палаты Государственного Совета Башкортостана, принятом 20 октября 1997 г., содержится требование к федеральному центру приостановить введение новых паспортов граждан России, так как введение паспорта нового образца не отвечает интересам России с ее полиэтничным составом населения.

Отношение к фиксации в паспорте этнической принадлежности, языковому исполнению паспорта с соответствующей общероссийской и республиканской символикой снова раскололо российское общество, особенно в республиках, и развело граждан России по разные стороны полемической баррикады, снова выявило неадекватное понимание правовой основы каждой из трех рассматриваемых идентичностей.

При этом раскол произошел не только среди экспертов и политиков, но и среди населения. Так, например, репрезентативный социологиче-

ский опрос, проведенный Владикавказским центром этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН 29—30 ноября, показал, что 42% граждан Северной Осетии выразили отрицательное отношение к отсутствию «пятой графы» в паспорте. Почти такая же доля граждан (43%) отнеслись к этому позитивно или безразлично и, наконец, 15% затруднились дать ответ по данному вопросу³⁰. Однако независимо от отношения к фиксации этнической принадлежности в паспорте, несколько ранее, весной 1997 г. значительная часть титульной и русской молодежи в 16 столицах республик РФ признала значимой для себя свою этническую идентичность.

5. ЗА И ПРОТИВ

Имеет смысл еще раз напомнить, что 86,3% титульной и 79,0% русской молодежи в столицах республик РФ признали свою национальную (этническую) принадлежность «очень значимой», «значимой» и «малозначимой». И лишь только для 7,5% первых и 9,0% вторых национальная принадлежность была «совсем не значимой». Полученные данные вызывают интерес в узком и в широком аспектах. Совершенно очевидно, что значительная часть молодежи, по крайней мере 70% титульной и 55% русской, имеющая убежденную уверенность в сильной и умеренной значимости национальной принадлежности, захотела бы иметь запись в паспорте о своей национальности.

В широком смысле отношение к новому паспорту, и прежде всего к наличию или отсутствию в нем зафиксированной этнической идентичности, стало как бы еще одним критерием для определения сторонников интеграционных и дезинтеграционных тенденций в этнополитическом развитии России.

Отказ от декларирования и манифестации этнической принадлежности в паспорте, по мнению сторонников этого подхода, вызван, во-первых, тем, что новый, единый для всей России, паспорт, не учитывающий национальную символику титульных наций в республиках РФ, блокирует использование этого документа в качестве сильного средства торга республик с федеральным центром за более полную экономическую и культурную самостоятельность. Во-вторых, тем, что патерналистское навязывание гражданам России, особенно молодому поколению, устаревших и дискриминационных подходов к национальной принадлежности является большим заблуждением экспертов и политиков. В-третьих, наличие особой графы является грубым нарушением Конституции РФ, конституций республик и международных норм. В-четвертых,

указание этнической принадлежности будто бы является «формой изоциренного принуждения». В-пятых, никто из граждан России не теряет своей этнической принадлежности из-за отсутствия соответствующей графы в паспорте. В-шестых, отмена «пятой графы» не означает, что все нерусские народы превращаются в русских. В-седьмых, отсутствие записи в паспорте об этнической принадлежности дает положительный эффект, тем что выбивает почву из-под многочисленных спекуляций на тему об истинном числе народов в республике.

Нет смысла подвергать анализу каждое из приведенных положений, так как все они, за исключением первого, или не соответствуют реальности, или же являются наивными, не имеющими отношения к серьезной научной аргументации. Так, например, вряд ли можно согласиться с тем, что «именно эта паспортная запись, а не внешность или звучание фамилии служила основным признаком селекции граждан для осуществления наиболее злостных и преступных нарушений их прав прежде всего со стороны государства»³¹. Данный аргумент против фиксации этнической идентичности, как нетрудно убедиться, подменяет причину следствием. Не «пятый пункт» служил основой для дискриминации и депортаций, а национальная политика, осуществляемая правящей верхушкой Советского Союза.

Более целесообразно в этом отношении воспроизвести аргументацию тех, кто предпочел бы наличие графы в паспорте с фиксацией национальности по добровольному волеизъявлению каждого гражданина, как это, например, было утверждено в принятом Государственным Советом Республики Татарстан Постановлении. «Считать необходимым, — говорится в этом Постановлении, — предусмотреть в паспорте гражданина РФ страницы (четвертую и пятую) с указанием на **государственных языках** республик России фамилии, имени, отчества его владельца, **республиканского гражданства**, пола, даты и места его рождения, возможность указывать по желанию свою **национальную принадлежность**. В верхней части этих страниц должно помещаться изображение Государственного **герба республик**»³².

Подобно тому, как в международном праве подразделяются юридически обязывающие «твердые» источники системы норм и «мягкие» источники, имеющие рекомендательный характер, так и в развернувшейся паспортно-идентификационной полемике обнаруживаются твердая и мягкая позиция и аргументация «за» и «против».

К числу «мягких» возражений относится, в частности, справедливая «обида» некоторых республик и общественных движений на федеральный центр за то, что новый образец паспорта не был предварительно

вынесен на суд широкой общественности, за то, что он не был согласован с субъектами федерации, а также за то, что в нем нет записи, наряду с русским языком, на языке титульной национальности, особенно в том случае, если этот язык законодательно утвержден в статусе государственного языка данной республики.

Ряд «твердых» возражений оказался гораздо более длинным, чем «мягких». Анализ республиканской текущей периодики не оставляет в этом никаких сомнений. Внедрение паспорта без указания национальности воспринимается как прямая угроза самобытности (т. е. этнической идентификации народов России) и ущемление их национальных интересов; как курс на широко-масштабную ассимиляцию, в ходе которой все народы России должны в конечном счете стать русскими; как отсутствие гарантий прав нерусских этносов, как лишение механизма защиты их языка, культуры; как одностороннее, имперское по характеру, решение федеральным центром вопросов, которые в действительности находятся в совместном ведении центра и республик; как первый крупный шаг к неоунитаризму и к ликвидации национально-государственных образований в России; как очередное наступление великодержавного шовинизма, несмотря на декларируемые демократические свободы и принципы.

Между тем, главная ошибка и противников, и сторонников записи этнической идентичности в паспорте, на мой взгляд, состоит в том, что и те и другие исходят из коллективно-групповых, а не личностных интересов. Для первых важнее всего интересы **государства и государствостроительства** («если власть уступит в этом вопросе, еще 30—40 лет Россия будет заниматься своими государствостроительством, причем с неясным исходом») ³³ или так называемого **цивилизованного общества** («цивилизованное общество не нуждается в государственной регистрации национальности») ³⁴.

Как быстро улечиваются из памяти история российского народа и его взаимоотношения с Российским государством, которое, как Молох, веками поедало Россию! Как мало мы, историки, перечитываем наших классиков, например, формулу С. М. Соловьева: «Государство пухло, народ хирел», в которой откровенно и емко раскрыта суть взаимоотношений: «государство — народ» и, добавив от себя, «государство — народ — народы».

Для вторых, так же как и для первых, групповые интересы, например, **этнической общности** («введение паспорта нового образца... способствует ассимиляционным процессам среди малочисленных народов» ³⁵, «по отношению же к русскому народу это стало враждебной акцией») ³⁶ или **республики** («последовательное проведение в жизнь

идеи отдельных политиков об изменении статуса республик и низведения до положения краев и областей, и превращения России в государство с губерниями)»³⁷, выше интересов **отдельной личности**.

Масло в огонь полемики и в недопонимание друг друга подливала неудачная аргументация как «против», так и «в пользу» фиксации национальности, а также прямо или косвенно звучавшая идея о переходе от этнической идентификации к гражданской, как более приоритетной. Эффектом бумеранга не могло не обернуться, в частности, предложение о том, что «человек... может... чувствовать свою принадлежность к двум или нескольким этническим общностям или вообще благополучно существовать только с чувством гражданской принадлежности»³⁸.

В этой растиражированной популярной газетой крайне неудачной формуле, какими бы благими намерениями она ни была сконструирована, по сути игнорируются особенности этнической психологии, отрицается право на фиксацию этнической идентичности и отдается приоритет обезэтниченной гражданской идентичности. Этническая идентичность приносится в жертву гражданской идентичности, а интересы этнических общностей декларативно-манifestационно ставятся ниже интересов государства. Множественная этническая идентичность оценивается выше, чем единичная. Если человеку дорога его этническая принадлежность, подобная формула для него является неприемлемой.

Ошибки, проистекающие из ложной парадигмы, состоящей в переоценке групповых и в недооценке личностных прав, приводят в конечном счете к односторонним выводам участников полемики по обе стороны баррикады. Какое дело человеку, для которого этническая принадлежность является далеко не безразличной или даже очень значимой, до того, что сведения об отдельных национальностях (этнических общностях), о национальном и языковом составе страны фиксируются в переписных бланках и далее публикуются в «братских могилах» анонимных таблиц? Коль скоро в России есть различные народы и даже создано Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям, а также масса других государственных, полугосударственных и общественных объединений, функционирует Комитет по делам национальностей в Госдуме РФ, приняты «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», «Закон о национально-культурной автономии» и некоторые другие официальные документы, каждый гражданин заинтересован в урегулировании своей этнической идентичности с государством на надежной правовой основе. Да, действительно, гражданская идентификация удостоверяется паспортом, являющимся документом легитимных отношений (связи,

союза, взаимодействия) гражданина с государством. И поскольку государство, живущее по Конституции, провозглашенной от имени «много-национального народа Российской Федерации», и исходящее «из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов»³⁹, в соответствии с включенными в Конституцию нормами, берет на себя заботу по созданию условий для развития народов России и по обеспечению прав граждан, связанных с их национальной (этнической) принадлежностью, постольку каждый гражданин вправе иметь возможность фиксировать в договорном с государством документе, т. е. в паспорте, свою этническую принадлежность. Эта фиксация вселяет в него уверенность в том, что государство не посмеет игнорировать его этническую принадлежность, а будет относиться к ней так же бережно и ответственно, с таким же уважением и достоинством, как к его гражданской идентичности. Самоопределение личности по этнической линии не менее важно, чем по гражданской. Не случайно в «Концепции государственной национальной политики РФ» в перечне основных целей и задач национальной политики четко и недвусмысленно записано: «Обеспечение правовой защиты национальной чести и достоинства граждан»⁴⁰. Нельзя не согласиться с тем, что лишение записи об этнической принадлежности в паспорте, практически делает бессмысленной правовую защиту человека и лишает его надежды на то, что государство защитит его честь и достоинство, равно как и его этническую идентичность.

Россия вступила в фазу модернизации. Не надо быть пророком, чтобы предвидеть дальнейшее перемещение этнической специфики в культуре, жизнедеятельности и образе жизни ее народов из сферы материальной в сферу духовную и прежде всего в сферу самосознания. Теряя объективные основы межэтнических различий в опредмеченных результатах человеческой деятельности, актуализированное самосознание находит или пытается найти для себя иные точки опоры. Одной из них, утоляющей жажду этнической идентификации, является запись в паспорте, представляющем в качестве тающей льдины объективных различий, уносимых в небытие солнцем модернизации.

6. РЕСПУБЛИКАНСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРАЖДАНСТВЕ

Логика этнической мобилизации, явившейся одним из ощутимых факторов развала Советского Союза, засвидетельствовала наличие связи между различными типами идентичности, в том числе между

языковой, этнической, политической и гражданской. Не случайно, видимо, законы о гражданстве, принятые в бывших союзных республиках, стали важным дополнением в окончательном строительстве независимых государств, воздвигнутых на этнических идеологемах и превратившихся в силу этого в этнократические режимы.

В настоящее время в некоторых республиках Российской Федерации, как уже говорилось, также ставятся вопросы о необходимости принятия законов о гражданстве, несмотря на то, что эти республики являются субъектами Российской Федерации как единого государства, имеющего свой закон «О гражданстве», принятый 28 ноября 1991 г. с изменениями, внесенными Законом Российской Федерации от 17 июня 1993 г. и Федеральным Законом от 18 января 1995 г. Принятие подобных законов, если помнить логику этнополитического формирования каждой из стран ближнего зарубежья, таит в себе некоторую угрозу единству российской государственности и может привести к обострению межэтнических отношений в самих республиках. Реальность такой опасности подтверждается неадекватным восприятием соотношения республиканского и российского гражданства молодежью в столицах республик, в зависимости от национальной идентичности.

Если рассматривать республиканско-гражданскую идентичность вне зависимости от национальности, то нетрудно убедиться в наличии разнообразия между республиками. Размах вариации между Махачкалой и Сыктывкаром с наивысшим (89,4%) и наименьшим (68,1%) удельным весом молодежи, считающей себя «полностью» и «в значительной степени» гражданами своей республики, составляет значительную величину — 21,3%.

Среди молодежи титульной национальности с общим высоким удельным весом убежденного признания республиканского гражданства (между 97,4% в Майкопе и 80,0% в Сыктывкаре) размах вариации характеризуется показателем 17,4% ниже среднего. Соответственно среди русской молодежи этот же показатель составляет 46,2% (между 85,7% в Махачкале и 39,5% в Сыктывкаре), т. е. величину, почти в 3 раза меньшую, чем среди молодежи титульных национальностей. Среди молодежи из числа национальных меньшинств, отнесенной по национальности к категории «другие», размах вариации по признанию республиканско-гражданской идентичности составил 45,2% (90,5% в Элисте и 45,3% в Сыктывкаре), что было в 2,6 раза меньше размаха вариации между титульной молодежью. Более того, во всех без исключения столицах доля титульной национальности, безоговорочно принимающей республиканское гражданство, превосходит долю русской молодежи и

молодежи из числа нацменьшинств с такими же убеждениями о своем республиканском гражданстве. Из приведенных данных о различиях в масштабах республиканско-гражданской идентичности следует очевидный вывод. Молодежь разных титульных национальностей типологически более сходна между собой в представлениях о своей республиканской идентичности, чем разные группы русской молодежи, расселенные в столицах разных республик Российской Федерации. Из этого в свою очередь следует чрезвычайно важный вывод о том, что адаптация молодежи титульных национальностей к «плодам» суверенизации имеет более важную результативность и одинаковость этой результативности, чем восприятие «урожая» суверенизации молодежью русской и других (нетитульных) национальностей. И подобно тому, как в региональном отношении Российская Федерация предстает как бы бесконечно разной страной, подтверждая сомнительный тезис о целесообразности асимметричной федерации, точно так же бесконечно различаются представления русской молодежи о своей гражданской идентификации в зависимости от республики и особенно от столицы проживания. И, как будет показано ниже, приблизительно в таком же многомерном измерении различаются представления групп титульной молодежи относительно их общероссийской гражданской идентичности.

Многообразие подходов к республиканской гражданской идентичности проявляется и в несовпадении первых трех мест, занимаемых столицами в зависимости от национальности молодежи. В среднем самые высокие показатели признания республиканско-гражданской идентичности обнаружены в четырех столицах — Махачкале, Владикавказе, Нальчике и Кызыле, в которых доля молодежи, безоговорочно признающей республиканскую гражданственность, составила 85,5—89,4%.

Для титульной молодежи максимальные показатели (96,1—97,4%) республиканской гражданской идентичности были достигнуты в Майкопе, Владикавказе, Элисте и Кызыле; для русской молодежи (76,4—85,7%) — в Махачкале, Владикавказе, Саранске и Улан-Удэ, для молодежи из числа национальных меньшинств (75,8—90,5%) — в Элисте, Уфе, Махачкале и Саранске.

По индексам, фиксирующим разницу между титульной и русской молодежью, Сыктывкар, Майкоп, Чебоксары и Элиста занимали первые четыре места по доле лиц с убежденной республиканско-гражданской идентичностью; по разнице между «другой национальностью» и титульной первые четыре места занимали Сыктывкар, Майкоп, Улан-Удэ, Кызыл.

На порядок выше были различия между русской и титульной молодежью по неприятию республиканского гражданства. Так, напри-

мер, в четырех столицах — Саранске, Майкопе, Владикавказе и Элисте — один показатель превышал другой более чем в 10 раз.

Удельный вес русской молодежи, не считающей себя гражданами республики проживания, в 20 раз превосходил долю титульной молодежи в Саранске, в 19,0 раз в Майкопе, в 18,3 раза во Владикавказе и в 10,3 раза в Элисте.

Наиболее высокие показатели безоговорочного принятия и признания российского гражданства были распространены среди титульной молодежи в 7 столицах, в том числе в Ижевске, Чебоксарах, Сыктывкаре, Элисте, Саранске, Улан-Удэ и в Уфе. В перечисленных столицах каждые четверо из пятерых представителей титульной молодежи без колебаний назвали себя гражданами России. В остальных 9 столицах привлекательность российского гражданства была несколько ниже. Особенно это характерно для Казани и Нальчика, где, соответственно, только немногим более чем каждый второй татарин и кабардинец убежденно («полностью» и «в значительной степени») считали себя гражданами России.

Выборы русской молодежи гораздо чаще, чем титульной, склонялись в сторону гражданства России. В шести столицах РФ, в Ижевске, Сыктывкаре, Уфе, Петрозаводске, Якутске, Кызыле, доля русских, считающих себя гражданами России, составляла более 90%. Еще в семи столицах, включая Чебоксары, Элисту, Саранск, Улан-Удэ, Йошкар-Олу, Владикавказ, Майкоп, эта доля колебалась в интервале между 82,7% и 89,7%. И лишь только в двух столицах — в Казани и Нальчике — эта доля составляла 76,7—77,7%. Для представителей остальных национальностей предпочтительность российского гражданства напоминала скорее модель русских, чем модель титульной национальности.

Собственно лингвистический фактор, и прежде всего принадлежность титульной национальности к той или иной языковой семье, не играли решающей роли в степени взаимной адаптации русской и титульной молодежи на основе общероссийского гражданства. В самом деле, в первую группу, с наиболее широким распространением общероссийского гражданства, попали по три столицы, титульная молодежь в которых принадлежала финно-угорской (Ижевск, Петрозаводск, Сыктывкар) и тюркской (Кызыл, Уфа, Якутск) языковым семьям.

Во второй группе оказались две столицы с финно-угорской (Йошкар-Ола, Саранск) титульной молодежью, одна столица (Чебоксары) с тюркоязычной, две столицы (Элиста, Улан-Удэ) с монголоязычной и еще по одной столице — Владикавказ и Майкоп, соответственно, с ираноязычной и адыгоязычной титульной молодежью. И, наконец,

молодежь двух столиц в третьей группе (Казань и Нальчик) принадлежала к тюркской и адыгейской языковым семьям.

В отличие от близкого к единодушному признания республиканского гражданства, в восприятии себя гражданами России имелись серьезные различия между титульной молодежью разных столиц. Об этом выразительно свидетельствует значительный размах вариации (33,0%) между Ижевском и Нальчиком по доле удмуртской (85,6%) и кабардинской (52,6%) молодежи, без колебаний считающей себя гражданами России. Среди русской молодежи аналогичный показатель — размах вариации между Ижевском (92,6%) и Казанью (76,7%) составляет 15,7%, что в 2,1 раза меньше, чем разница между титульной молодежью этих республик. Среди остальной молодежи, (кроме титульной и русской), этот же размах вариации составляет 33,9% (между Саранском — 96,5% и Казанью — 62,6%).

Таким образом, отношение к российскому гражданству среди русской и титульной молодежи формируется с точностью до наоборот по сравнению с отношением к гражданству республики проживания. В одном случае налицо единодушное признание республиканского гражданства титульной молодежью и разброс мнений среди русской молодежи, в другом, напротив, единодушное восприятие российского гражданства русской и серьезные несовпадения между титульной молодежью и инонациональной.

Существенные различия между русской и титульной молодежью в тяготе к гражданству России еще более разительными выглядят в отторжении этого гражданства. Только в Нальчике положительный **индекс различия**⁴¹ в принятии Российского гражданства приближается к 1,5. Во всех остальных столицах он составляет скромную величину от 1,03 в Улан-Удэ до 1,39 в Казани. Разница, как видно, не очень велика. Гораздо глубже различия, выражаемые негативным индексом отрицания⁴² Российского гражданства. В Казани соответствующий индекс составляет 4,22, в Майкопе и Якутске — 3,68 и 3,26, в Нальчике, Петрозаводске, Владикавказе, Уфе, Йошкар-Оле, Чебоксарах, Ижевске — между 2,02 и 2,63.

7. КОЛЛИЗИИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ГРАЖДАНСТВА В РОССИИ

Рассмотренный выше раскол в восприятии двух форм гражданства — республиканского и общероссийского — существует не только в умах и в представлениях молодежи, но и в официальных республиканских документах. В самом деле, нет полной согласованности между Конституцией

Российской Федерации и конституциями ее республик. Это проявляется прежде всего в том, что в Конституции РФ нет прямой нормы, признающей институт республиканского гражданства и утверждающей право республики наделять своих граждан дополнительным (сверх российского) республиканским гражданством. Гражданин РФ может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство), но это не относится к республиканскому гражданству.

В главе об основах конституционного строя гражданство РФ, во-первых, признается единым и равным независимо от оснований приобретения, во-вторых, каждому гражданину на всей территории России, в том числе и в республиках, гарантируются все права и свободы и равные обязанности, в-третьих, гражданин не может быть лишен своего гражданства (статья 6)⁴³. В главе о правах и свободах человека и гражданина гарантируется равенство прав и свобод независимо от «места жительства» (статья 19)⁴⁴, «места пребывания и жительства» (статья 27)⁴⁵. В главе о федеративном устройстве содержится норма о том, что «гражданство в Российской Федерации» наряду с такими фундаментальными нормами по защите идентичности человека, как «регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина», «регулирование и защита прав национальных меньшинств», (статья 71) находится в ведении Российской Федерации. В перечне совместного ведения РФ и субъектов РФ (статья 72) нормы о республиканском гражданстве не имеется. О ней нет упоминания и в перечне функций и полномочий президента, правительства и судебной системы, хотя Президент РФ согласно статье 89 «решает вопросы гражданства Российской Федерации»⁴⁶.

Те или иные положения ежегодного президентского послания Федеральному Собранию не имеют юридической силы. Тем не менее, они отражают позицию Президента и его отношение к тем или иным аспектам жизнедеятельности российских граждан, в том числе к гражданству как правовому статусу, определяющему принадлежность человека к России. В Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 1995 г. обращалось внимание на тот факт, что «...права и свободы человека в таком огромном государстве, как Российская Федерация, имеют территориальный аспект. В любом регионе страны гражданин вправе чувствовать себя надежно защищенным Конституцией Российской Федерации. Никакие региональные законы и иные нормативные акты субъектов федерации не могут покушаться на конституционные основы правового положения личности»⁴⁷, т. е., добавим от себя, на правовые основы гражданской идентичности.

Имеет смысл разобраться в том, на основании каких юридических документов вводится республиканское гражданство и как это гражданство в качестве юридической нормы соотносится с Конституцией Российской Федерации.

Если республиканское гражданство полностью или хотя бы приблизительно совпадает по объему предоставляемых прав и свобод с общероссийским гражданством, то возникает вопрос о целесообразности подобного (двойного) гражданства. Если же республиканское гражданство дает жителям республики больше прав и свобод, чем по Конституции РФ, то возникает вопрос о противоречиях между законами республики и Конституцией РФ. Так складывается заколдованный круг и возникают задачи, во-первых, выявления общих положений и юридической основы республиканского гражданства, заложенной в новейших конституциях республик РФ, во-вторых, принятия норм, определяющих принадлежность к гражданству (или признание гражданства), а в-третьих, анализа правовой основы способов и условий приобретения и прекращения гражданства.

8. ИНСТИТУТ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ГРАЖДАНСТВА

В конституциях республик Российской Федерации имеются серьезные формальные и неформальные, прямые и косвенные различия в определении гражданства и в подходах к выделению норм и положений о гражданстве в самостоятельные разделы. Так, например, в конституциях четырех республик вопросы гражданства выделены в особые главы: «глава II. Гражданство», в Конституции Башкортостана⁴⁸, «глава II. Гражданство Республики Карелия. Равноправие граждан»⁴⁹, глава III с аналогичным названием в Конституции Татарстана⁵⁰, «глава 5. Гражданство. Языки» в Конституции Республики Тыва⁵¹.

9. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДВОЙНОЕ ГРАЖДАНСТВО В РЕСПУБЛИКАХ?

Конституции республик Российской Федерации, в отличие от законов о гражданстве в новейших странах ближнего зарубежья, как правило, не содержат дефиниции или специальной нормы, определяющей суть республиканского гражданства. В связи с этим представляются небезынтересными нормы, определяющие (или не определяющие) соотношения и коллизии между республиканским, общероссийским, а в некоторых случаях и иностранным гражданством, с более четким уяс-

нением того, о чем в последнем случае идет речь в республиках: о двойном или тройном гражданстве.

Все конституции республик РФ, за исключением Конституции Чеченской Республики, содержат нормы о том, что граждане данной республики являются одновременно и гражданами Российской Федерации⁵². Однако ни одна из конституций не именует это состояние «двойным гражданством».

В Конституциях Башкортостана⁵³ и Карелии⁵⁴ статусы гражданина республики и гражданина России определяются с помощью элементарного соединительного союза «и». Близкой является норма, выраженная в Конституциях Бурятии⁵⁵, Дагестана⁵⁶, Коми⁵⁷, Северной Осетии — Алании⁵⁸ и Тывы⁵⁹ с помощью слова «одновременно», в Конституциях Ингушетии⁶⁰ и Саха (Якутии)⁶¹ — «**граждане республики являются гражданами России**». Никаких дополнительных уточнений не приводится. В Татарстане граждане республики «**обладают**» гражданством Российской Федерации⁶². Согласно Степному Уложению (Основному Закону) Республики Калмыкии гражданство Российской Федерации и Республики Калмыкия является **неразрывным**⁶³. Исключением, как уже упоминалось⁶⁴, из общего правила является Конституция Чеченской Республики, в которой «**устанавливается единое гражданство**»⁶⁵, т. е. фундаментальная правовая связь гражданина Чечни только с Чеченским государством. Гражданство России на территории Чечни не допускается.

Таким образом, несмотря на разные формулировки и редакционные несовпадения, во всех (кроме Чеченской) конституциях признается двойное гражданство, хотя и не манифестируется, не декларируется и не раскрывается смысл самого этого понятия.

Если в системе республиканского гражданства не упоминается двойное — республиканско-общероссийское гражданство, то это напоминает существовавшую во времена СССР ситуацию. Напомним, что это гражданство, именуемое то «национальным», то «республиканским», не вносило каких-либо существенных различий в правовое положение граждан, живущих в республиках и в иных национально-территориальных и административных образованиях. В каждой из союзных республик запись в паспорте велась на двух языках, указывалось республиканское гражданство и национальность обладателя паспорта. Таким образом, в документе фиксировались все три идентичности — гражданская, языковая и этническая. Что же касается того, что в нынешних конституциях республик РФ нет упоминания о двойном (общероссийском и республиканском) гражданстве, то, вероятно, в этом

умолчании есть какой-то неведомый нам смысл. По крайней мере включение нормы о двойном республиканско-российском гражданстве бросило бы тень на возможность двойного республиканско-иностранного гражданства, на которое активно претендовали постсоветские республиканские авторитеты в борьбе за максимальное расширение своего суверенитета и государственной самостоятельности.

Не случайно, как уже указывалось выше, в Конституциях двух новейших государств, образованных на базе бывших союзных республик — Беларуси и Туркменистана — институт собственного гражданства признается неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета. Думается, что если бы в нынешней России республиканско-российское гражданство было бы определено и оформлено дополнительной нормой — «двойное», — то в данном случае «республиканско-иностранное гражданство» пришлось бы именовать не двойным, а тройным гражданством. Между тем многие республиканские конституции содержат нормы, настойчиво утверждающие возможность двойного гражданства, под которым, однако, имеется в виду сочетание республиканского гражданства с гражданством какого-либо другого, кроме России, государства.

Анализ круга юридических источников института республиканского и так называемого двойного гражданства позволяет сделать вывод о несоответствии правового регулирования отношений гражданства республик источникам федерального законодательства.

Итак, каким документом определяется республиканское и двойное гражданство в республиках РФ согласно конституционным нормам этих республик? В большинстве республик основным юридическим источником утверждения республиканского гражданства являются собственные законы или законодательство о гражданстве. Так гласят республиканские конституции.

«Основания, порядок приобретения и прекращения гражданства Республики Башкортостан, а также другие вопросы, связанные с гражданством, — в соответствии со статьей 22 Конституции Башкортостана, — определяются Законом о гражданстве Республики Башкортостан»⁶⁶. Примерно такие же наименования юридического источника республиканского гражданства имеются в Конституциях Бурятии⁶⁷, Дагестана⁶⁸, Карелии⁶⁹, Коми⁷⁰, Чечни⁷¹, Саха (Якутия)⁷², Северной Осетии — Алании⁷³, Татарстана⁷⁴, Тывы⁷⁵.

В Конституциях Ингушетии⁷⁶ и Калмыкии⁷⁷ юридический источник республиканского гражданства вообще не упоминается.

В процессах демократизации и модернизации новой России, в укреплении новой основы федеративных отношений немаловажную роль играет договорный процесс, в ходе которого происходит разграничение

полномочий и предметов совместного ведения между федеральными и региональными органами государственной власти. Сам по себе договорный процесс не изменяет конституционный статус субъектов федерации и основные права и свободы граждан Российской Федерации и ее субъектов. Однако анализ подготовки и заключения договоров и соглашений о разграничении предметов ведения и полномочий позволяет получить известное представление о том, в какой степени высшее руководство той или иной республики «озабочено» правами человека, правами народов и национальных меньшинств, в том числе правовым статусом гражданской и этнической идентичности. Так, например, в соответствии с Договором РФ и РТ от 15 февраля 1994 г. «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти РТ органы государственной власти Республики Татарстан осуществляют полномочия государственной власти, в том числе: «8. решают вопросы республиканского гражданства»⁷⁸, а в сферу совместного осуществления полномочий Органами Государственной власти РФ и органами государственной власти РТ включены «4) общие и коллизионные вопросы гражданства»⁷⁹. Что же касается гражданства в Российской Федерации, то соответствующие вопросы входят в ведение Российской Федерации и ее органов⁸⁰. Аналогичные нормы и распределение полномочий по вопросам гражданства имеются и в текстах других договоров, заключенных федеральным центром с республиками РФ⁸¹.

В другой группе договоров, заключенных с некоторыми республиками, в том числе с Саха (Якутией), Бурятией⁸², Удмуртией, Республикой Коми, Чувашской Республикой, Чеченской Республикой — Ичкерия, вопросы, связанные с республиканским гражданством, не упоминаются. Вместе с тем, в некоторых договорах имеются оригинальные нормы, в том числе касающиеся взаимосвязи гражданской и этнической идентичностей.

Так, например, в договоре с Кабардино-Балкарской Республикой к совместному ведению РФ и КБР отнесены: «т) вопросы репатриации на историческую родину этнических кабардинцев (адыгов) и балкарцев, проживающих за рубежом, и связанные с этим вопросы гражданства»⁸³.

В Конституциях восьми республик (Ингушетии, Калмыкии, Карелии, Коми, Саха (Якутии), Северной Осетии — Алании, Тывы, Чечни) вообще нет какого-либо упоминания об источниках двойного (республиканско-иностранного) гражданства.

Согласно Конституции Башкортостана, гражданин Республики Башкортостан может иметь гражданство «другого государства в соответствии с законом Республики Башкортостан или Международным догово-

ром Республики Башкортостан»⁸⁴. Эта норма является явным нарушением не только Конституции РФ, но и Закона «О гражданстве Российской Федерации», согласно которому «за лицом, состоящим в гражданстве Российской Федерации, не признается принадлежность к гражданству другого государства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации»⁸⁵. Граждане Республики Татарстан, — по сходной с Башкортостаном нормой, также, — могут иметь гражданство иных государств, условия осуществления которого определяются договорами и соглашениями Республики Татарстан с другими государствами⁸⁶.

Маловразумительной выглядит норма о двойном гражданстве в Конституции Дагестана. «В соответствии с законом или международным договором, — говорится в статье 11, — допускается двойное гражданство»⁸⁷. Однако не раскрывается, о каком законе, республиканском или федеральном, и каком международном договоре, республиканском или общероссийском, идет речь? И что значит: «допускается»?

На фоне большинства норм, уязвимых с точки зрения легитимности, едва ли не самой корректной и чуть ли не единственной нормой, утверждающей двойное («республиканско-иностранное») гражданство, является Конституция Бурятии. Гражданин этой республики, как гласит пункт 3. статьи 12, «может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с законодательством Российской Федерации или международными договорами Российской Федерации и Республики Бурятия»⁸⁸. Несмотря на все совершенство этой нормы, в ней есть и свой изъян. Норма не объясняет о каком, конкретно, договоре идет речь: о том, который заключен республикой, Россией или обеих вместе взятых?

10. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В СИСТЕМЕ НОРМ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Формальная фиксация гражданской и этнической принадлежности в паспортах граждан союзных республик бывшего СССР выявляла не только декларативный характер суверенитета и самостоятельности этих республик, но и являлась в известном смысле основой для игнорирования национально-этнических интересов статусных и иных национальностей. Проводимая в отдельные годы в отношении некоторых народов репрессивная политика создавала общую атмосферу подавления этнической и гражданской идентичностей. Не случайно сначала в декларациях о суверенитете, затем в документах о независимости и далее в законах о гражданстве появились нормы о приоритетах представителям от-

дельных национальностей, имеющие явно антидемократический характер. Эта же самая тенденция, хотя и в приглушенной форме, проявила себя в ходе обретения суверенитета в республиках Российской Федерации, что нашло отражение как в принятых конституциях, так и в некоторых других актах в системе республиканского законодательства.

При этом процесс законотворчества в ряде республик испытывал сильное давление со стороны этнических лидеров национальных движений. Истоки этого давления легко обнаруживаются в программных документах национальных движений в пору, когда они находились в зените своей этнополитической деятельности. Так, например, идеологи и руководители Татарского общественного центра (ТОЦ) принятие закона о гражданстве Татарской ССР рассматривали в качестве одной из своих важнейших политических целей. В Программе (платформе) Всесоюзного Татарского общественного центра (ВТОЦ), принятой на II съезде ТОЦ 16 февраля 1991 г., признавалось целесообразным «разработать концепцию прав татарского народа в СССР и зарубежных стран на гражданство Республики Татарстан», с тем чтобы внести соответствующие предложения в конституционную комиссию Верховного Совета ТССР. Вместе с тем, понимая некоторую уязвимость этой нормы с точки зрения общедемократических прав и свобод, в эту же программу в целях поддержания баланса предлагалось внести норму о том, что «жители Татарстана некоренной национальности по их желанию могли бы иметь двойное гражданство (Татарстана и той республики, с которой связаны их национальные интересы»⁸⁹.

Так, например, по Конституции (Основному Закону) Республики Тыва «этнические тувинцы, проживающие за рубежом, имеют преимущественное право перед другими иностранцами в приобретении гражданства Республики Тыва»⁸⁹. При этом единственным юридическим источником по приобретению гражданства Республики Тыва определяется только закон самой республики. Создается впечатление, как будто республика находится вне пределов России. Более того, сомнительной с правовой и общегуманитарной точки зрения целью указанной сверхсамостоятельности является создание приоритетных условий для развития титульной независимости. «Порядок приобретения гражданства, — гласит статья 31 Конституции этой республики, — определяется с учетом демографической ситуации в Республике Тыва и способствует обеспечению устойчивого преобладания коренной нации, защите этнического, культурного и духовного наследия и достояния»⁹¹.

Примером превышения полномочий в строительстве института республиканского гражданства может служить норма, заложенная в Конституцию Дагестана. Согласно этой норме, «соотечественникам, проживающим за пределами Республики Дагестан, предоставляется право приобретения гражданства Республики Дагестан, если это не противоречит законам страны проживания»⁹². Далее, следующим пунктом этой же статьи утвержда-

ется еще одна норма⁹³, согласно которой оказывается, что гражданин Дагестана не обязательно является гражданином Российской Федерации. Таким образом, гражданская идентичность, как никакая другая, устанавливает правовые взаимоотношения между человеком и государством, охватывая взаимные права, обязанности и ответственность, основанные на признании и уважении достоинства, важнейших прав и свобод человека.

Вместе с тем гражданская идентификация чрезвычайно тесно связана с такой формой самоопределения, которая является существенной частью природы человека и подразумевает, что люди в конечном счете ответственны за то, что они собой представляют.

Пониманием этой ответственности, независимо от этнической принадлежности, было, по всей вероятности, обусловлено признание приоритета гражданской идентичности над этнической. Так, например, в послании Президента Республики Татарстан Ментимира Шаймиева Государственному Совету Республики Татарстан мы встречаем чрезвычайно важное признание этого авторитетного в России политика. «Мы, страна, — говорилось в этом послании, — полиэтничное, поликультурное сообщество, в котором приоритетным является гражданство, а не этническая принадлежность»⁹⁴. Эта формула вполне корреспондирует с идеей, высказанной несколько ранее советником при Президенте Республики Татарстан Рафаилем Хакимовым, согласно которой формирование государственной общности «татарстанцев», представляет собой формирование нации, состоящей из граждан, независимо от их этнического происхождения⁹⁵. Отсюда напрашивается, во-первых, вывод о многообразии взаимоотношений между двумя формами идентичности — этнической и гражданской, во-вторых, о сосуществовании двух форм национализма — этнического и государственного⁹⁶ и, наконец, в-третьих, вопрос о соотношении указанных форм идентичности и национализма остается скорее открытым, чем закрытым. Анализ двух форм идентичности — гражданской и этнической — на примере столичной молодежи 16 республик Российской Федерации дает основание для важного вывода относительно двух тенденций этнополитического развития формирования гражданской общности. Последнюю вряд ли уместно именовать политической нацией. В то же время сохраняются и развиваются этнические общности, именуемые народами Российской Федерации. Симбиоз этих идентичностей и дает то, что выше было названо российской государственно-гражданской общностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ I.

ЯЗЫК, ДВУЯЗЫЧИЕ, ЭТНИЧНОСТЬ

1. ИНТЕГРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА

- ¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. IV. С. 9—11.
- ² Чебоксаров Н. Н. Выступления на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук // Труды VII МКАЭН. М., 1970. Т. 5. С. 747—748; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культура. М., 1971; Козлов В. И. Этнос и территория // Сов. этнография. 1971. № 6.
- ³ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Сов. этнография. 1969. № 6. С. 85—86.
- ⁴ См. например: Кушнир П. И. (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. М., 1951; Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей // Вопр. философии. 1964. № 2; Козлов В. И. О понятии этнической общности // Сов. этнография. 1967. № 2; Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос» // Расы и народы. М., 1971; Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Сов. этнография. 1972. № 3 и др.
- ⁵ Губогло М. Н. Элементы этнической идентификации в оценках экспертов // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Секция этнографии, фольклора и антропологии». Тбилиси, 1971. С. 5—9; Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (Программа, методика и перспективы исследования) // Сов. этнография. 1972. № 3.
- ⁶ Токарев С. А. Указ. соч. С. 44—45.
- ⁷ Репрезентативность выборки была обеспечена получением в ходе обследования достаточно представительных данных для удмуртского населения республики в целом и по следующим основным категориям: 1) городскому и сельскому населению; 2) полу; 3) возрастным группам; 4) социально-профессиональным группам. Подробнее см.: Васильева Э. К., Пименов В. В., Христолюбова Л. С. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии // Сов. этнография. 1970. № 2. С. 57—68. Приношу благодарность В. В. Пименову за предоставленные материалы по Удмуртии.
- ⁸ Все респонденты должны были оценить каждый из предложенных им элементов этноса баллом от 1 до 5. С помощью серии микротестов интервьюеры объясняли, что чем более значимым является признак, по которому респондент ощущает близость со своей этнической общностью, тем более высокую отметку он должен поставить этому признаку. Методика заполнения «Опросного листа», перечень элементов этнической идентификации и некоторые методологические предпосылки изложены в работе: Губогло М. Н. Опыт предварительной типологии этнических сред для экспериментального исследования этнолингвистических процессов // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971. С. 149—160.
- ⁹ Губогло М. Н. Опыт предварительной типологии... С. 159.
- ¹⁰ В ходе этносоциологического обследования карелов, проведенного Е. И. Клементьевым, было опрошено 1,231 тыс. человек. С методическими приемами сбора материала и обоснованием репрезентативности выборки, дающей основание судить обо всех сельских карелах Карельской АССР, можно ознакомиться в следующих работах: Клементьев Е. И. Метод организации выборки в этносоциологическом исследовании (на материалах сельского населения Карелии) // Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований. М., 1970. С. 5—14; Он же. Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1971.

2. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Краткая библиография

- Авронин В. А.* Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири // Вопросы языкознания. 1970. № 1. С. 33 — 44.
- Арутюнян Ю. В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
- Бромлей Ю. В.* К вопросу об объективных основаниях этнического самосознания // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых, археологических и этнографических исследований в 1970 г.: (Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний). Тбилиси, 1971. С. 12 — 15.
- Васильева Э. К. Пименов В. В., Христолюбова Л. С.* Современные этнокультурные процессы в Удмуртии: (Программа и методика исследования) // Сов. этнография. 1970. № 2.
- Губогло М. Н.* Социально-этнические последствия двуязычия // Сов. этнография. 1972. № 2. С. 26—36.
- Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
- Дробижева Л. М.* Социально-культурные особенности личности и национальные установки: (По материалам исследований в Татарской АССР) // Сов. этнография. 1971. № 3. С. 3—15.
- Клементьев Е. И.* Языковые процессы в Карелии: (По материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения) // Сов. этнография. 1971. № 6. С. 38—44.
- Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969.
- Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Труды VII Международного конгресса археологии и этнографии. М., 1970. Т. 5.
- Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Сов. этнография. 1972. № 3.

3. К ИЗУЧЕНИЮ ДВУЯЗЫЧИЯ В ИСТОРИИ НАРОДОВ МИРА

- ¹ В статье рассматриваются основные факторы распространения двуязычия и способы его существования. Функциональная сторона и, в частности, роль двуязычия в культурной истории человечества требуют специального рассмотрения.
- ² *Бромлей Ю. В.* К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Сов. этнография. 1977. № 1. С. 11, 12.
- ³ *Федосеев П. Н.* Теоретические проблемы развитого социализма и коммунистического строительства // Коммунист. 1976. № 15. С. 50.
- ⁴ *Баграмов Э. А.* Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977. С. 9.
- ⁵ Подробнее см., например: *Филин Ф. П.* Современное общественное развитие и проблема двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 13—25.
- ⁶ *Март Н. Я.* Индоевропейские языки Средиземноморья // Избранные работы. М., 1933. Т. I. Цит. по: *Тронский И. М.* Сравнительно-исторические исследования // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968. С. 7.
- ⁷ Положения, выдвинутые С. П. Толстовым (см. Сов. этнография. 1950. № 4. С. 18), в известной мере углубляли «теорию контактов», предложенную Д. В. Бубрихом (см. его статью Советское финно-угорское языкознание // Ученые записки. Ленинградский гос. ун-т. Вып. 2. 1948. С. 30). Дискуссию между Д. В. Бубрихом и Н. Н. Чебоксаровым см.: Сов. этнография. 1948. № 3. С. 197 сл.; 1949. № 2. С. 189

- сл., 197 сл.; дискуссию между С. А. Арутюновым и С. Е. Яхонтовым по поводу концепции первобытной языковой непрерывности см.: Труды VII МКАЭН. М., 1970. Т. IX. С. 265, 273 и др.
- ⁸ Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. М.; Л., Т. I. 1940. С. 243.
- ⁹ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 172, 173.
- ¹⁰ См.: Сов. этнография. 1950. № 4. С. 17, 18.
- ¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 93.
- ¹² Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 82. (Сер. Народы мира. Этнографические очерки).
- ¹³ Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1935. С. 48—49.
- ¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 89.
- ¹⁵ Александренков Э. Г. Индейцы Антильских островов. М., 1976. С. 89.
- ¹⁶ Подробнее см.: Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 491.
- ¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 89.
- ¹⁸ Там же. С. 95.
- ¹⁹ См. подробнее: Народы Америки. М., 1959. Т. 1. С. 35, 36; М., 1959. Т. 2. С. 313, 400 и др. (Сер. Народы мира. Этнографические очерки).
- ²⁰ См. Сов. этнография. 1950. № 4. С. 20.
- ²¹ Страбон. География в 17 книгах. М., 1964. С. 127.
- ²² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 146.
- ²³ Там же. С. 147.
- ²⁴ Страбон. География. С. 619.
- ²⁵ Подробнее см.: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
- ²⁶ Тихомиров М. Н. Просвещение в Киевской Руси // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 54.
- ²⁷ Бахрушин С. К вопросу о крещении Киевской Руси // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 25, 26.
- ²⁸ См. Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 61.
- ²⁹ Поршнев Б. Ф. Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 25—39.
- ³⁰ Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 50, 192, 202, 495, 496, 508 и др.
- ³¹ Брук С. И., Губогло М. Н. Двухязычие и сближение наций в СССР: (По материалам переписи населения 1970 г.) // Сов. этнография. 1975. № 4. С. 31.
- ³² Куличенко М. И. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976. С. 345—354.
- ³³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1975. Т. 4. С. 50.
- ³⁴ Вайнрайх У. Однойязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 26.

4. К ИЗУЧЕНИЮ ДВУЯЗЫЧИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

- ¹ О факторах распространения и формах существования двухязычия см.: Губогло М. Н. К изучению двухязычия в истории народов мира // Сов. этнография. 1977. № 5.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 54.
- ⁴ Бромлей Ю. В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Сов. этнография. 1977. № 1. С. 11.

- ⁵ Губер А. А. XIII Международный конгресс исторических наук в Москве (некоторые итоги и перспективы) // *Вопр. истории*. 1971. № 6. С. 6.
- ⁶ Тарн В. *Эллинистическая цивилизация*. М., 1949. С. 21.
- ⁷ Тарн В. Указ. соч. С. 160—161.
- ⁸ Тарн В. Указ. соч. С. 204—205.
- ⁹ Там же. С. 189—190.
- ¹⁰ Дьяконов И. М. От редактора // *Тайны древних письмен*. М., 1976. С. 6.
- ¹¹ Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., 1972. С. 455.
- ¹² Тарн В. Указ. соч. С. 151.
- ¹³ Тарн В. Указ. соч. С. 235, 238—239.
- ¹⁴ Лазарев В. Н. *Византийская живопись*. М., 1971. С. 173.
- ¹⁵ Тихомиров М. Н. Белое и черное духовенство // *Религия и церковь в истории России*. М., 1975. С. 79.
- ¹⁶ Бахрушин С. К вопросу о крещении Киевской Руси // *Религия и церковь в истории России*. С. 25—31.
- ¹⁷ Цит. по: Бахрушин С. Указ. соч. С. 36.
- ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 9. С. 240.
- ¹⁹ См. подробнее: Хеннинг Р. *Неведомые земли*. М., 1961. Т. 2. С. 105.
- ²⁰ Даркевич В. П. *Аргонавты средневековья*. М., 1976. С. 63.
- ²¹ Тихомиров М. Н. Просвещение в Киевской Руси // *Религия и церковь в истории России*. С. 60—61.
- ²² Там же. С. 57—58.
- ²³ См. подробнее: Даркевич В. П. Указ. соч. С. 69.
- ²⁴ Даркевич В. П. Указ. соч. С. 165.
- ²⁵ Бахрушин С. Указ. соч. С. 32.
- ²⁶ Даркевич В. П. Указ. соч. С. 155.
- ²⁷ Даркевич В. П. Указ. соч. С. 20.
- ²⁸ Там же. С. 145.
- ²⁹ Будовниц И. У. *Духовенство и татарское иго* // *Религия и церковь в истории России*. С. 101.
- ³⁰ Цит. по: Тихомиров М. Н. *Культурная жизнь в России XIV—XVI вв.* // Там же. С. 136.
- ³¹ Цит. по: Тихомиров М. Н. *Языческое мировоззрение и христианство* // Там же. С. 46.
- ³² Карпини Джованни дель Плано. *История монгалов*. М., 1957; См. также Гильом де Рубрук. *Путешествие в Восточные страны*. М., 1957. С. 132.
- ³³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* *Соч.* Т. 21. С. 83.
- ³⁴ Хауген Э. *Языковой контакт* // *Новое в лингвистике*. М., 1972. Вып. 6. С. 64.
- ³⁵ Цит. по: Листова Н. М. *Национальный состав населения Швейцарии // Этнические процессы в странах зарубежной Европы*. М., 1970. С. 46.
- ³⁶ Покровская Л. В. *Провансальцы (к вопросу о языковых отношениях в Южной Франции) // Этнические процессы в странах зарубежной Европы*. С. 88, 95.
- ³⁷ Цит. по: Маретин Ю. В. *Индонезия // Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии*. М., 1974. С. 138—139.
- ³⁸ Пауль Г. *Принципы истории языка*. М., 1960. С. 468.
- ³⁹ Айтматов Ч. *Слагаемые новаторства* // *Литературная газета*. 1977. 6 апреля.
- ⁴⁰ См., например: *Новое в лингвистике*. Вып. 6. С. 155—159.
- ⁴¹ *Поэзия народов СССР IV—XVIII вв.* М., 1972. С. 269—270.
- ⁴² *Литература Востока в Средние века*. М., 1970. Ч. 2. С. 154.
- ⁴³ Лихачев Д. С. *Развитие русской литературы X—XVII веков*. Л., 1973. С. 22.

5. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
(ОПЫТ, УРОКИ И ЗАДАЧИ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)

- ¹ См. подробнее: Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие. М.: Наука, 1975; Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975; Социализм и нации. М.: Мысль, 1975; Великий советский народ. Киев: Наука думка, 1976; Советский народ — строитель коммунизма. Фрунзе: Кыргызстан, 1977. Т. I—II.
- ² Аврорин В. А. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР // Вопр. языкознания. 1960. № 40.
- ³ Дешериев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958. С. 236 и др.; *Он же*. О развитии языков народов СССР // Вопр. строительства коммунизма в СССР. М., 1959. С. 325—329; *Он же*. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М.: Наука, 1966.
- ⁴ См., например: Аврорин В. А. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР // Вопр. языкознания, 1960. № 4. С. 10, 17.
- ⁵ Дешериев Ю. Д. Социологическая характеристика общественных функций языков народов СССР // Материалы Всесоюзного координационного совещания по проблеме: «Развитие национальных отношений в условиях перехода от социализма к коммунизму». М., 1963. Вып. I. С. 73—74.
- ⁶ Дешериев Ю. Д. Предисловие // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (иранские и кавказские языки). М.: Наука, 1969.
- ⁷ Губогло М. Н. Взаимодействие языков и межнациональные отношения в советском обществе // История СССР. 1970. № 6; Брук С. И., Губогло М. Н. Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе // История СССР. 1974. № 4; *Они же*. Двужычие и сближение наций в СССР: (По материалам переписи населения 1970 г.) // Сов. этнография. 1975. № 4.
- ⁸ Подробнее см., например: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975; Дешериев Ю. Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Наука, 1976; Развитие национально-русского двужычия. М.: Наука, 1976.
- ⁹ При этом К. Х. Ханазаров был едва ли не первым, кто обратил серьезное внимание на языковые аспекты книгоиздательской статистики послевоенного периода как на перспективный социоллингвистический источник, проанализировав соотношение книг, изданных в союзных республиках и в целом по СССР на русском и на национальных языках (*Ханазаров К. Х.* Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент: Фан, 1963).
- ¹⁰ Губогло М. Н. Развитие многонациональной советской печати в 1917—1940-х годах // История СССР. 1972. № 6.
- ¹¹ См. подробнее: Современные этнические процессы в СССР, гл. VIII.
- ¹² Аврорин В. А. Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири // Вопр. языкознания. 1970. № 1.
- ¹³ Говорущенко В., Выханду Л., Кахк Ю., Кэлам А. Опыт применения корреляционного и факторного анализа в социологическом исследовании межнациональных отношений // Информ. бюл. Научный совет АН СССР по проблемам конкретно-социальных исследований. М.: Наука, 1968. № 9; Пяльц Э. О некоторых вопросах развития наций и национальных языков Советского Союза // Изв. АН Эстонской

- СССР. 1968. Т. XVII, № 4; *Холмогоров А. И.* Интернациональные черты советских наций: (На материалах конкретно-социологических исследований в Прибалтике). М.: Мысль, 1970; *Кахк Ю.* Черты сходства. Таллин: Ээсти Раамат, 1974.
- ¹⁴ Социальное и национальное. М.: Наука, 1973; *Губогло М. Н.* Социально-этнические последствия двуязычия // Сов. этнография. 1972. № 2.
- ¹⁵ *Губогло М. Н.* Опыт предварительной типологии этнических сред для экспериментального исследования этнолингвистических процессов // Итоги полевых работ Института этнографии АН СССР в 1970 г. М.: Наука, 1971.
- ¹⁶ *Васильева Э. К., Пименов В. В., Христолюбова Л. С.* Современные этнокультурные процессы в Удмуртии: (Программа и методика обследования) // Сов. этнография. 1970. № 2.
- ¹⁷ *Клементьев Е. И.* Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения) // Сов. этнография. 1971. № 6; *Он же.* Развитие языковых процессов в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского городского населения) // Сов. этнография. 1974. № 5.
- ¹⁸ *Кумахов М. Г.* Изменение социально-этнической структуры городского населения Кабардино-Балкарии АССР (1959—1970 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1974.
- ¹⁹ Социальное и национальное. М.: Наука, 1973; *Губогло М. Н.* Социально-этнические последствия двуязычия // Сов. этнография. 1972. № 2; *Арутюнян Ю. В.* Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. (Программа, методика и перспективы исследования) // Сов. этнография. 1972. № 3.
- ²⁰ *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975; *Никольский Л. Б.* Синхронная социоллингвистика: (Теория и проблемы). М.: Наука, 1976; *Швейцер А. Д.* Современная социоллингвистика: Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976; *Дешериев Ю. Д.* Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977.
- ²¹ *Durbin M., Miklin M.* Sociolinguistics: Some Methodological Contributions from Linguistics // Foundations of Language. 1968. Vol. 4. № 3.
- ²² См., например: Советский народ — строитель коммунизма. Фрунзе, 1977. Т. II. С. 184—185, 192—194.
- ²³ Социальное и национальное. С. 261.
- ²⁴ *Рытхэу Ю.* Истоки великой общности // Коммунист. 1965. № 9.
- ²⁵ *Гусейнов Ч. Г.* Проблема двуязычного художественного творчества в советской литературе // Единство, рожденное в борьбе и труде. Новая историческая общность людей — советский народ и литература социалистического реализма. М.: Известия, 1972. С. 300—317.
- ²⁶ *Новик И. Б.* О моделировании сложных систем. М.: Наука, 1965; *Гастев Ю.* Модель // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 48; *Бирюков Б. В., Геллер Е. С.* Кибернетика в гуманитарных науках. М.: Наука, 1973.
- ²⁷ *Дешериев Ю. В.* Введение // Развитие национально-русского двуязычия. С. 11.
- ²⁸ *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.
- ²⁹ Подробнее о функциональных стилях языков см.: *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977.
- ³⁰ *Губогло М. Н.* Знание и употребление второго языка при двуязычии: (По материалам этносоциологических исследований) // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1976 гг. Душанбе, 1976. С. 62.

- ³¹ Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: Наука, 1977. С. 97.
- ³² Рейцак А. Н. Двужычие как социолингвистическая проблема: (К вопросу о методологии и методике изучения билингвизма) // Проблемы двужычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 320.
- ³³ Шубин Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М.: Просвещение, 1972. С. 33 и др.
- ³⁴ Леонтьев А. А. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 18.
- ³⁵ О разграничении языка и речи см.: Колшанский Г. В. О правомерности различения языка и речи // Иностранные языки в школе, 1964. Вып. 3; Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 85—95; Шарадзенидзе Т. С. Проблема взаимоотношения языка и речи. Тбилиси, 1971.
- ³⁶ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. С. 83 и др.
- ³⁷ Советский народ и диалектика национального развития. Баку: Элм, 1972. С. 77.
- ³⁸ Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Наука, 1977. С. 190.
- ³⁹ Jakobson R. Concluding Statement: Linguistics and Poetics // Style in Language. N. Y., 1960. P. 350—373.
- ⁴⁰ Hymes Dell H. The Ethnography of Speaking // Readings in the Sociology of Language. The Hague—P., 1968.

6. ДВУЯЗЫЧИЕ У НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ВЬЕТНАМА: ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

- ¹ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. Ханой, 14-го декабря 1976 г. М.: Политиздат, С. 121—122.
- ² См., например: Хоанг Туе, Нгуен Ван Тай, Хоанг Ван Ма, Лун Ван Пао, Буи Кхань Тхе. Языки малых народов во Вьетнаме и языковая политика. Ханой, 1984 (на вьет. языке).
- ³ Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и управления Демократической Республики Вьетнам, Корейской Народно-Демократической Республики и Монгольской Народной Республики: (Сб. документов). М.: Госюриздат, 1960. С. 41.
- ⁴ Цит. по: Шмелева Г. В. Очерки культурного строительства в Демократической Республике Вьетнам. М.: Наука, 1976. С. 15—16. См. также: Демократическая Республика Вьетнам, 1945—1960. М., 1960. С. 187.
- ⁵ Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока. М., 1971. С. 237.
- ⁶ См.: Хоанг Туе, Нгуен Ван Тай, Хоанг Ван Ма, Лун Ван Пао, Буи Кхань Тхе. Указ. соч. С. 99—104.
- ⁷ Новейшая история Вьетнама. М.: Наука, 1984. С. 321.
- ⁸ Конституция Социалистической Республики Вьетнам. Принята Национальным Собранием СРВ 18 декабря 1980 г. М.: Юрид. лит., 1982. С. 32.
- ⁹ Там же. С. 33.
- ¹⁰ Там же. С. 36.

7. ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

- ¹ См., напр.: Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966; Его же. Социальная лингвистика. К основам общей тео-

- рии. М., 1977; Национальный язык и национальная культура. М., 1978; Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур. М., 1980; Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования. М., 1982; Язык в развитом социалистическом обществе. Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР. М., 1982; Язык в развитом социалистическом обществе. Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР. М., 1983; Язык и массовая коммуникация. Социолингвистическое исследование. М., 1984 и др.
- ² См., напр.: Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973. С. 230—272; *Пименов В. В.* Удмурты: Опыт компонентного анализа. Л., 1977. С. 93—112; Опыт этносоциологического исследования образа жизни: (По материалам Молдавской ССР). М., 1980. С. 170—199; *Губогло М. Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984 и др.
- ³ См., напр.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972; Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979; *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР. М., 1979; Русский язык в национальных республиках Советского Союза. М., 1980; Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР. М., 1981; *Джафаров И. Б.* Русский язык — язык дружбы и братства. Баку, 1982; *Ханазаров К. Х.* Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1982 и др.
- ⁴ *Бромлей Ю. В.* Совершенствование национальных отношений в СССР // Коммунист. 1986. № 8. С. 84.
- ⁵ Здесь и далее в тексте и таблицах, где это не оговорено, расчеты по данным переписей населения произведены по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. IV. С. 9—11, 43—316; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 71—137.
- ⁶ См., напр.: *Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексика. Состояние и перспективы. М., 1979; *Эрдынеева Э. Д.* Диалектная речь русских старожилов Бурятии. Новосибирск, 1986 и др.
- ⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. IV. С. 20.
- ⁸ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 71.
- ⁹ Этнические процессы и образ жизни: На материалах исследования населения народов БССР. Мн., 1980. С. 206.
- ¹⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. М., 1973. С. 193.
- ¹¹ Подробнее о динамике численности русских в СССР см.: *Брук С. И., Кабузан В. М.* Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции // Сов. этнография. 1982. № 5. С. 3—20.
- ¹² Этнические процессы и образ жизни: (На материалах исследования населения городов БССР). Мн., 1980. С. 210.
- ¹³ *Касперович Г. И.* Миграция населения в города и этнические процессы. Мн., 1985. С. 114.
- ¹⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 157.
- ¹⁵ Правда. 1986. 7 октября.
- ¹⁶ См., напр.: Краткий русско-алтайский словарь-разговорник / Сост.: *Т. М. Тоцакова, О. Г. Сабашкина, Н. А. Кучигашиева.* Горно-Алтайск, 1961; *Штайтене В. П.*

Русско-литовский разговорник. Вильнюс, 1961. 326 с.; Изд. 2. Вильнюс, 1968. 325 с.; Изд. 6. 1986. 255 с.; Русско-таджикский разговорник. Душанбе, 1962. 128 с.; Изд. 2. 1968, 127 с.; Токазов Х. Русско-осетинский разговорник. Орджоникидзе, 1963, 234 с.; изд. 2. 1964, 234 с.; Русско-бурятский разговорник. Сост.: Болдонов Ю. П., Намжинов У.-Р. Н. Улад-Удэ, 1964. 174 с.; Рейцак А. Русско-эстонский разговорник. Таллин, 1966, 251 с.; изд. 2. 1972, 266 с.; Изд. 4. 1978, 263 с.; Озолия Н. А. Русско-латышский разговорник. Рига, 1967, 190 с.; Изд. 2. Рига, 1971, 183 с.; Дырлул А., Ецко И., Котельник Ф. Русско-молдавский разговорник. Кишинев, 1967, 307 с.; Изд. 2. 1971, 291 с.; Русско-тувинский разговорник / Сост. Салзынмаа Е. Б. Кызыл, 1967, 143 с.; Магрудов З. М., Михайлов Т. Н. Краткий русско-узбекский разговорник. Ташкент, 1969, 79 с.; Магомедов Х. Русско-чеченский разговорник. Грозный, 1971, 232 с.; Захохов Л. Г., Соттаев А. Х. Русско-кабардинский разговорник. Нальчик, 1972, 231 с.; Гутманис А. Русско-латышский разговорник. Изд. 2. Рига, 1979, 208 с.; Амандурдыев А., Амансарыев Б., Аннанурова М., Киятханова Х. Русско-туркменский разговорник. Ашхабад, 1986, 119 с.

¹⁷ Актуальные проблемы национального и интернационального в духовном мире советского человека. Баку, 1984. С. 199.

ЧАСТЬ II.

МОБИЛИЗОВАННЫЙ ЛИНГВИЦИЗМ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Правда. 1989. 25 декабря.

² Известия. 1989. 26 декабря.

³ В новейшей литературе появляются высказывания с крайне отрицательной оценкой роли М. С. Горбачева как генерального секретаря ЦК КПСС в решении проблем ряда национальностей, например, немцев Поволжья, и межнациональных отношений. «Но никто не смог взять высокий барьер ...этих межнациональных проблем Советского Союза», — сожалеют В. А. Ауман и В. Г. Чеботарева и дают этому следующее объяснение: «Все попытки разбивались о неприступную твердыню власти Генерального секретаря ЦК КПСС, основной политикой которого в национальном вопросе было... полное отсутствие всякой политики — хладнокровное игнорирование национальных проблем». См.: История Российских немцев в документах. (1763—1992 гг.). М., 1993. С. 15

⁴ Известия. 1989. 26 декабря.

⁵ Известия. 1989. 26 декабря.

⁶ Республиканский информационно-издательский центр Госкомнаца РСФСР, например, в октябре 1991 г. рекламировал следующие платные услуги: «...обеспечение оперативной и достоверной статистической информацией советских и зарубежных потребителей», «издание тематических и отраслевых статистических сборников», «проведение статистических работ, обследований, опросов общественных мнений». В декабре 1993 г. за получение одной только цифры из итогов переписи населения в кассу Госкомстата России надо было заплатить 500 рублей.

⁷ Решению этой задачи призвана, в частности, служить публикация документов и материалов о современных национальных движениях накануне и после развала СССР по проекту ЦИМО «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» Перечень изданных и подготовленных к публикации томов см. в конце книги.

- ⁸ Принципиальная схема, идея и задачи этого исследования были предварительно изложены в ряде публикаций автора, в том числе в «Российской газете». См.: *Губогло Михаил*. Крутые выражи суверенизации // Российская газета. 1992. 16 июля.
- ⁹ Правда. 1991. 21 декабря.
- ¹⁰ См. подробнее документальную основу истории развала в сборнике документов и материалов: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.
- ¹¹ Циня. 1989. 28 июня.
- ¹² Комсомолец Таджикистана. 1989. 16 июля.
- ¹³ Советская Молдавия. 1989. 22 августа.
- ¹⁴ Комсомолец Туркменистана. 1989. 2 ноября.
- ¹⁵ Казахстанская правда. 1990. 1 июля.
- ¹⁶ Советская Белоруссия. 1990. 25 сентября.
- ¹⁷ Полностью впервые издано отдельной брошюрой без указания времени публикации.
- ¹⁸ Комментарий к закону о языках народов Российской Федерации. М.: Известия, 1993.

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫКОВАЯ РЕФОРМА

1.1. СООТНОШЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТОРОН ЯЗЫКА В ДОКУМЕНТАХ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

- ¹ Подробнее о соотношении проблем языковой политики, языковой ситуации см.: *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка Л., 1975; *Дешириев Ю. Д.* Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., 1977; *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика. М., 1976; *Его же.* Язык в политике и в идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986; *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. М., 1977; Языковая политика в афро-азиатских странах. М., 1977; Современная идеологическая борьба и проблемы языка. М., 1984 и др.
- ² Советская Литва. 1989. 26 января.
- ³ Советская Эстония. 1989. 22 января.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Советская Латвия. 1989. 7 мая.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.
- ¹⁰ Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.
- ¹¹ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ¹⁵ Правда Востока. 1989. 24 октября.
- ¹⁶ *Radovanović M.* Sociolinguistica. Novi Sad, 1986. P. 188—189.
- ¹⁷ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.
- ¹⁸ Советская Эстония. 1989. 22 сентября.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.
- ²¹ Правда Востока. 1989. 24 октября.
- ²² Казахстанская Правда. 1989. 28 сентября.

- ²³ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ²⁴ Подробнее о манкуртизации см. *Губогло М. Н.* Энергия памяти. Москва, 1992.
- ²⁵ Правда Востока. 1989. 24 октября.
- ²⁶ Казахстанская Правда. 1989. 28 сентября.
- ²⁷ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ²⁸ Союз. 1991. № 10 (62). С. 5.
- ²⁹ *Журавлев В. К.* Экология языка и культуры // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 434—444.
- ³⁰ Разграничение родного языка от целой серии социолингвистических категорий (первый язык, язык матери, наиболее употребляемый язык и т. д.) было предложено нами еще в 1972 г. См. Сов. этнография. 1972. № 2. С. 26—36.
- ³¹ В обыденном сознании родной язык, судя по многочисленным письмам в редакции популярных газет, иногда воспринимается как язык, на котором человек думает, которым он пользуется в устной или в письменной речи. Союз. 1990. № 13. Заметим, что одной из широко распространенных ошибок в ряде социологических анкет, составленных неэтнографами или неэтносоциологами, допускаются замещенные ответы при вопросах о родном языке не самого респондента, а его родителей или детей. разумеется, доверять информации, полученной подобным образом, можно с учетом соответствующих корректив.
- ³² *Алиев И. А.* Проблемы образования и культуры в многонациональной среде // Казахстандагы тил саясаты жэне оны жузеге асыру жолдары. Алматы, 1990. С. 6.
- ³³ *Губогло М. Н.* Этнолингвистические контакты и двуязычие // Социальные и национальные. Опыт этносоциологических исследований. М., 1973. С. 271.

1.2. ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ ИЛИ ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

- ¹ Российская газета. 1991. 13 июля.
- ² Заря Востока. 1978. 24 марта.
- ³ См. подробнее: *Алексеева Людмила.* История инакомыслия в СССР. Бенсон-Вермонт, 1984. С. 96—109.
- ⁴ Российская газета. 1991. 11 декабря.
- ⁵ Московские новости. 1989. № 5. С. 13.
- ⁶ Известия. 1993. 4 мая.

1.3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК. СУЩНОСТЬ. КОМПЕТЕНЦИЯ. ВНЕДРЕНИЕ

- ¹ Бакинский рабочий. 1988. 27 января.
- ² Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 5.
- ³ *Ханазаров К. Х.* Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1982. С. 54—55.
- ⁴ Там же, С. 58.
- ⁵ *Михальченко В. Ю., Пиголкин А. С.* Юридические аспекты языкового вопроса в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 329.
- ⁶ *Саидов А. Х.* Что такое государственный язык. Ташкент, 1989.
- ⁷ Будем впредь именовать закон той или иной республики названием этой республики, например, Молдавский закон, Узбекский закон, независимо от того, о скольких законах идет речь, об одном или двух.
- ⁸ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Правда Востока. 1989. 24 октября.

- ¹¹ Советская Литва. 1989. 26 января.
- ¹² Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ¹³ Союз. 1990. № 19. С. 19
- ¹⁴ См., например, *Раннут М.* О государственном языке. Таллинн, 1989. С. 7.
- ¹⁵ Советская Эстония. 1988. 30 октября.
- ¹⁶ Союз. 1990. № 48. Ноябрь.
- ¹⁷ Сфатул Цэрий. 1991. 13 июля; Союз. 1991. № 27(79). С. 7.
- ¹⁸ Полный текст этого письма опубликован в: Союз. 1991. № 49(101). С. 16.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Ленин В. И.*, ПСС. Т. 48. С. 302.
- ²¹ *Ленин В. И.*, ПСС. Т. 25. С. 71—72. Т. 24. С. 118.
- ²² Московские новости. 1989. № 3. С. 3.
- ²³ Таксономия официальных позиций в зависимости от степени детализации может включать широкий спектр нюансов языкового бесправия. Джунан Кобаррубиас выделяет пять градаций: 1) языковое угнетение с целью убить язык меньшинства; 2) позволение языку умереть своей ненасильственной смертью; 3) разрешение сосуществования без оказания поддержки языку меньшинства; 4) частичная поддержка специфических функций языка; 5) принятие в качестве официального языка. См. *Juan Cobarrubias.* Ethical Issues in Status Planning // *Progress in Language Planning: International Perspectives.* Berlin, 1983. P. 71.

1.4. ЦЕЛИ ЯЗЫКОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- ¹ Советская Эстония. 1988. 30 октября.
- ² Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.
- ³ Там же.
- ⁴ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ⁵ Советская Литва. 1989. 26 января.
- ⁶ Советская Латвия. 1989. 7 мая.
- ⁷ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ⁸ Казахстанская Правда. 1989. 28 сентября.
- ⁹ Правда Украины. 1989. 3 ноября.
- ¹⁰ Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.
- ¹¹ Советская Эстония. 1989. 22 января.
- ¹² Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ¹³ Правда Украины. 1989. 3 ноября.
- ¹⁴ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.
- ¹⁵ Правда Украины. 1989. 3 ноября.
- ¹⁶ См. подробнее: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 37.
- ¹⁷ Полный сборник платформ всех русских политических партий. 2-е изд. СПб., 1906. С. 130—133.
- ¹⁸ Местные национальные особенности отдельных нерусских национальностей могут свободно существовать и развиваться при наличии «единой неограниченной самодержавной власти Русского монарха, свободно и достойно живущей Русской православной церкви, при едином Русском Государственном языке, едином Русском Законе и единой Русской Государственной Школе». Русская монархическая партия. М., 1905.
- ¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., М., 1983. Т. 1. С. 446—447.

²⁰ Програм Української партії Соціалістів-Революціонерів ухвалені на партієному з'їзді у Київ, 15—19 липня. Київ, 1917.

²¹ Эхо Литвы. 1992. 3 июля.

²² Ципко А. С. Реставрация или полная и окончательная советизация // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? М., 1993. С. 114.

1.5. ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА И ЯЗЫКОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

¹ Международный билль о правах человека, опубликованный ООН в 1985 г., Всеобщая Декларация языковых прав, составленная Франсиско Гомес де Матосом в 1984 г., Декларация АИ-МАФ по культурным правам и правам человека (перевод с английского).

² Советская Эстония. 1989. 22 января.

³ Правда Украины. 1989. 3 ноября.

⁴ Туркменская Правда. 1990. 27 мая.

⁵ Правда Востока. 1989. 24 октября.

⁶ Туркменская Искра. 1990. 27 мая.

⁷ Правда Востока. 1989. 24 октября.

⁸ Советская Эстония. 1988. 30 октября.

⁹ Там же.

¹⁰ Правда Украины. 1989. 3 ноября.

¹¹ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября; Правда Востока. 1989. 24 октября.

¹² Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.

¹³ Московские Новости. 1992. 14 июня.

¹⁴ См. подробнее: *Тишков В. А.* Этничность и власть в республиках СССР. Сов. этнография. 1991. № 1.

¹⁵ *Сорокин П.* Система социологии. М., 1993. Т. 2. С. 224.

¹⁶ *Плетнев Б. Д.* Национальная проблема в России и методы ее разрешения. Ярославль, 1922. С. 3—4.

1.6. ИДЕОЛОГИЯ ОГОСУДАРСТВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВ

¹ Цит. по кн.: Культурное строительство в СССР. 1917—1927. Разработка единой государственной политики в области культуры. Документы и материалы / Отв. ред. А. П. Ненароков. С. 243.

² См., например: *Диманштейн С.* Прошлое и настоящее // Жизнь народов СССР. М., 1924.

³ Советская Эстония. 1989. 22 января.

⁴ Советская Латвия. 1989. 7 мая.

⁵ Казахстанская правда. 1989. 29 октября.

⁶ Правда Украины. 1989. 3 ноября.

⁷ Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.

⁸ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.

⁹ Там же.

¹⁰ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.

¹¹ Правда Востока. 1989. 24 октября.

¹² Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.

¹³ Союз. 1991. № 30 (82). С. 10.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Комсомолец. 1990. 31 мая.

- ¹⁶ Цит. по кн.: *Абдулатипов Рамазан*. Заговор против нации. Национальное и националистическое в судьбах народов. М., 1992. С. 11.
- ¹⁷ Московские новости. 1989. № 3. 15 января.
- 1.7. РУССКИЙ ЯЗЫК. ПРОБЛЕМЫ ПОНИЖАЮЩЕГОСЯ СТАТУСА
- ¹ *Губогло М. Н.* Изменения в национальном составе автономных республик Российской Федерации в 1959—1989 гг. и изучение демографической основы современных этнополитических процессов // *Этнополитическая мозаика Башкортостана*. М., 1992. Т. 1. С. 33—74.
- ² См. подробнее: *Губогло М. Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984. С. 183—207.
- ³ *Губогло М. Н.* Факторы и тенденции развития двуязычия русского населения, проживающего в союзных республиках // *История СССР*. 1987. № 2.
- ⁴ См., например: О мерах по дальнейшему совершенствованию изучения и преподавания русского языка в общеобразовательных школах и дошкольных учреждениях республики // *Русский язык в грузинской школе*. 1979. № 2. С. 8—21.
- ⁵ Союз. 1991. № 49 (101). С. 10.
- ⁶ Текущий архив ЦИМО ИЭА РАН.
- ⁷ Союз. 1991. № 49 (101). С. 10.
- ⁸ *Simon G.* Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjet Union, Nomos Verlagsgesellschaft. Baden-Baden, 1986. S. 326.
- ⁹ Советская Литва. 1989. 26 января.
- ¹⁰ Советская Эстония. 1989. 22 января.
- ¹¹ Советская Латвия. 1989. 7 мая.
- ¹² Союз. 1991. № 26(78). С. 11.
- ¹³ Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Правда Востока. 1989. 24 октября.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.
- ²² Там же.
- ²³ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Михальченко В. Ю., Пиголкин А. С.* Юридические аспекты языкового вопроса в СССР // *Функционирование языков в многонациональном обществе*, М., 1991. С. 332.
- ²⁷ *Раннут М.* О законе о языке. Таллин, 1989. С. 7.
- ²⁸ *Михальченко В. Ю., Пиголкин А. С.* Указ. соч. С. 329.
- ²⁹ Правда Украины. 1989. 3 ноября.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Российская газета. 1991. 28 сентября.

³⁵ Ильин И. А. Россия есть живой организм // Русская идея. М., 1992. С. 443.

³⁶ Я, Абдыкадыров Орусбаев — киргиз // Союз. 1991. № 7(59). С.19.

³⁷ Независимая газета. 1993. 3 сентября.

1.8. ПРИЗРАЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

¹ Анализ и оценка важнейших достижений в этой области, а также избранная библиография приведены в: *Fishman Joshua A.* Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon, 1989.

² *Skutnab-Kangas T.* Linguistic Human Rights and Minorities. Clarifying Concepts and Constructing Counterhegemonies.

³ The XXII Seminar of AIMAV on Human Rights and Cultural Rights, held at the School of Law of the University Federal de Pernambuco, (Recite) October 7—9, 1987, chaired by Francisco Gomes de Matos.

⁴ Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.

⁵ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.

⁶ Правда Востока. 1989. 24 октября.

⁷ Советская Эстония. 1989. 22 января; Советская Литва. 1989. 26 января; Казахстанская Правда. 1989. 28 сентября; Правда Украины. 1989. 3 ноября; Советская Белоруссия. 1989. 13 февраля.

⁸ Советская Эстония. 1989. 22 января.

⁹ Советская Литва. 1989. 26 января.

¹⁰ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.

¹¹ Там же.

¹² Рудный Алтай. 1989. 13 сентября.

¹³ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.

¹⁴ Правда Украины. 1989. 3 ноября.

¹⁵ Советская Белоруссия. 1989. 13 февраля.

¹⁶ Советская Латвия. 1989. 7 мая.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.

²⁰ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ См. подробнее: *Губогло М. Н.* Социально-культурное развитие гагаузов: Программа исследования и некоторые вопросы методики // Изв. АН Молдавской ССР. Сер. общественных наук. Кишинев, 1977. № 3. С. 59—65.

²⁵ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.

²⁶ Правда Востока. 1989. 24 октября.

²⁷ Там же.

²⁸ Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.

²⁹ Правда Востока. 1989. 7 апреля.

³⁰ *Lenker Michael.* The Politics of Language Policy. A Case Study of Uzbekistan // *Perestroika and the Crossroads* / Ed. by A. J. Rieber and A. Z. Rubinstein. N. Y.; L., 1991. P. 273.

³¹ *Карасев. Х.* Фонема, буква, образ, термин. Кыргызстан Маданияты. 1990. 22 ноября.

³² Союз. 1991. № 7 (59). С. 19.

³³ Союз. 1991. № 38 (90). С. 11.

³⁴ Союз. 1991. № 8 (60). С. 12.

³⁵ *Котляревский С. А.* Власть и право. М., 1915. С. 345.

³⁶ Там же.

³⁷ *Дурденевский В. Н.* Равноправие языков в советском строе. М., 1927. С. 26—27.

³⁸ *Сорокин Питирим.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. Т. 1. С. 250—252.

1.9. О СООТНОШЕНИИ ВНУТРИРЕСПУБЛИКАНСКИХ
И МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

¹ Бакинский рабочий. 1990. 15 сентября.

² Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма. Киев, 1987.

³ Советская Эстония. 1989. 22 января.

⁴ Советская Латвия. 1989. 7 мая.

⁵ Советская Литва. 1989. 26 января.

⁶ Комсомолец Таджикистана, 1989, 2 августа.

⁷ Подробнее см.: *Рахимов Р. Р.* О чем «шумят» таджики Самарканда? // Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений. М., 1989. С. 213—216.

⁸ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.

⁹ Там же.

¹⁰ Правда Востока. 1989. 24 октября.

¹¹ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.

¹² Правда Украины. 1989. 3 ноября.

¹³ Советская Украина. 1989. 5 сентября.

¹⁴ Правда Украины. 1989. 3 ноября.

¹⁵ Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.

¹⁶ Декларации о суверенитете союзных и автономных республик. М., 1990. С. 18.

¹⁷ *Островский З.* Проблемы белорусизации и украинизации в РСФСР. М., 1931.

¹⁸ Эхо Литвы. 1992. 13 октября.

¹⁹ Декларации о суверенитете союзных и автономных республик. М., 1990. С. 45.

²⁰ Там же. С. 47.

²¹ Там же. С. 51.

²² Там же. С. 60.

²³ Там же. С. 68.

²⁴ Там же. С. 70.

²⁵ Там же. С. 74.

²⁶ Там же. С. 50.

²⁷ Там же. С. 53.

²⁸ Там же. С. 63.

²⁹ Там же. С. 70.

³⁰ Там же. С. 76.

³¹ Там же. С. 41.

³² Там же. С. 23.

³³ Эхо Литвы. 1992. 16 января.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Цит. по: Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992. Т. I. С. 168.

³⁷ Советская Башкирия. 1991. 30 апреля.

³⁸ Этнополитическая мозаика Башкортостана. С. 248.

³⁹ Известия Башкортостана. 1992. 25 июля.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Правда. 1990. 7 мая.

1.10. ПРОТИВОРЕЧИВОЕ НАСЛЕДИЕ СОЮЗА. СВЕТ И ТЕНИ ДВУЯЗЫЧИЯ

- ¹ Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Вып. 1. С. 78.
- ² Там же.
- ³ Радуга. 1987. №№ 6—7; Дружба народов. 1988. № 5.
- ⁴ Радуга. 1987. № 6. С. 75.
- ⁵ Радуга. 1987. ¹ 6. С. 75.
- ⁶ *Leopold W. F.* Speech Development of Bilingual Child: a Linguistic Record. Vol. 3. Evanston, 1949.
- ⁷ *Peal E., Lambert W. E.* The Relation of Bilingualism to Intelligence. Psychological Monographs. 1962. ¹ 76. P. 1—23.
- ⁸ *Hoffman M. N.* The Measurement of Bilingual Background. N. Y., 1934; *Hangen E.* Bilingualism in Americas. University of Alabama Press, 1956; *Christophersen P.* Bilingualism. L., 1949.
- ⁹ *Landry R. G.* A Comparison of 2-nd language Learners and Monolinguals of Divergent Thinking Tasks at the Elementary School Level, Modern Language Journal. 1974. 58. P. 10—15.
- ¹⁰ *Laughlin B. Mc.* Second Language Acquisition in Childhood. New Jersey, 1978. P. 184.
- ¹¹ *Laughlin B. Mc.* Second Language Acquisition in Childhood. New Jersey, 1978. P. 186.
- ¹² *Weinreich U.* Languages in Contact. The Hague, Mouton, 1953.
- ¹³ *Pinter R. and Arsenian.* The Relation of Bilingualism to Verbal Intelligence and School Adjustment. Journal of Education Research, 1937. P. 255—263.
- ¹⁴ *Laughlin B. Mc.* Second Language Acquisition in Childhood. New Jersey, 1978. P. 179.
- ¹⁵ *Christophersen P.* Second-language Learning: Myth and reality. Baltimor: Penguin, 1973.
- ¹⁶ Foundations of Sociolinguistics. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974. P. 22.
- ¹⁷ *Laughlin B. Mc.* Second Language Acquisition in Childhood. New Jersey, 1978. P. 186.
- ¹⁸ Союз. 1991. № 7(59). С. 19.
- ¹⁹ Выбор инационального языка господствующими классами в целях сохранения своего доминирующего положения был широко распространен в ряде европейских государств. Вплоть до 1836 г., когда венгерскому языку был придан статус государственного языка, официальным языком администрации и делопроизводства Венгрии был, как известно, латинский язык. Им не владело малограмотное венгерское население, что увеличивало шансы венгерской администрации, владеющей латынью, как языком католицизма еще времен средневековья, удержаться на плаву.

1.11. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДВУЯЗЫЧИЯ В ЗАКОНАХ О ЯЗЫКЕ (И ЯЗЫКАХ)

- ¹ Подробнее см.: *Губогло М. Н.* К изучению двуязычия в истории народов мира // Сов. этнография. 1977. № 5; *Его же:* К изучению двуязычия в культурно-историческом аспекте // Национальный язык и национальная культура. М., 1978. С. 184—208.
- ² Правда Востока. 1989. 24 октября.
- ³ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.

- ⁶ Там же.
⁷ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.
⁸ Туркменская Искра. 1990. 27 мая.
⁹ Правда Украины. 1989. 24 ноября.
¹⁰ Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.
¹¹ Там же.
¹² Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.
¹³ Коммунист. 1989. 16 августа.
¹⁴ Правда Востока. 1989. 24 октября.
¹⁵ Закон был принят 18 ноября 1988 года.
¹⁶ Советская Литва. 1989. 26 января.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., 1978. С. 486, 241. 278—279.
²⁰ Заря Востока. 1989. 25 сентября.
²¹ Коммунист. 1989. 16 августа.

1.12. ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ-89 г.

- ¹ Независимая газета. 1992. 3 апреля.
² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 751.
³ Сводку сведений по итогам этого процесса см.: Социально-культурный портрет советских наций. М., 1986.
⁴ *Ильсова Г. М.* Национальная интеллигенция и социальные конфликты // Межнациональные проблемы и конфликты: поиски путей их решения: Тезисы докладов. Бишкек, 1991. Часть 2. С. 70—71.
⁵ Независимая газета. 1992. 25 марта.
⁶ Цит. по: *Владимир Широков.* Неожиданная Эстония. Политический репортаж. М, 1991. С. 150.
⁷ Федерация. 1992. № 7. С. 2.
⁸ Союз. 1992. № 8(60). С. 10.
⁹ Московские новости. 1992. 22 ноября.
¹⁰ Там же. См. также: Московские новости. 1992. 14 июня.
¹¹ Советская Латвия. 1989. 6 мая.
¹² Известия. 1993. 14 апреля.
¹³ Эхо Москвы. 1992. 23 июля.
¹⁴ См. подробнее, например: *Heribert Adam and Hermann Giliemel.* Ethnic Power Mobilised. Can South Africa Change? New Haven; L., 1979.
¹⁵ Голос Армении. 1990. 5 сентября.
¹⁶ См. подробнее: *Губогло М. Н.* Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти. М., 1992.
¹⁷ *Белл Роджер Т.* Социолингвистика. Цели. Методы и проблемы. М., 1980. С. 219—220.
¹⁸ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.
¹⁹ Интересные сведения, в частности, собраны и систематизированы Кристиной Б. Полстон в ее фундаментальном исследовании: *International Handbook of Bilingualism and bilingual education.* Ed. by Christina Bratt Paulston., N. Y.; L., 1988.
²⁰ Цит. по: *Широков Владимир.* Указ. соч. С. 156.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 115.
- ² Советская Россия. 1990. 27 сентября.
- ³ Телепередача по первому каналу «Останкино». 1993. 11 июня.
- ⁴ Равенство в положении Джонсон определил емкой формулой «сознания того, что мы одной породы со страдающим, что и нам может грозить та же беда». Цит. по: Шлезингер Артур М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 132.

ЧАСТЬ II
МОБИЛИЗОВАННЫЙ ЛИНГВИЦИЗМРАЗДЕЛ 2. УСЛОВИЯ, МЕХАНИЗМЫ, СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ЯЗЫКОВЫХ ЗАКОНОВ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Союз. 1990. № 13. С. 19.
- ² Михальченко В. Ю., Пиголкин А. С. Юридические аспекты языкового вопроса в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 341.
- ³ Полный стенографический отчет этого совещания долгое время содержался в глубокой тайне, о чем можно судить по трем сопровождающим его партаппаратным грифам: Строго секретно. На правах рукописи, Только для парторганизаций.
- ⁴ Тайны национальной политики ЦК РКП: Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. М., 1992. С. 114.
- ⁵ Обстоятельный анализ национального состава депутатских корпусов дан в ряде статей В. А. Тишкова. См., например: Этничность и власть в республиках СССР. Сов. этнография. 1991. № 1.

2.1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПО РЕАЛИЗАЦИИ
ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

- ¹ Правда. 1993. 30 июля.
- ² Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность Генеральному директору Эстонского языкового департамента Марту Раннугу за предоставленный (на английском языке) машинописный «Устав Государственного Языкового Департамента Эстонской Республики».
- ³ Эхо Литвы. 1992. 13 октября.
- ⁴ Независимая газета. 1993. 15 июля.
- ⁵ Независимая газета. 1993. 15 июля.
- ⁶ Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.
- ⁷ Советская Белоруссия. 1990. 13 февраля.
- ⁸ Советская Белоруссия. 1990. 25 октября.
- ⁹ Правда Украины. 1989. 3 ноября.
- ¹⁰ Правда Украины. 1989. 5 сентября.
- ¹¹ Коммунист. 1989. 19 августа.
- ¹² Башкирский рабочий. 1989. 19 августа.
- ¹³ Заря Востока. 1989. 25 августа.
- ¹⁴ Заря Востока. 1989. 25 августа.

- ¹⁵ Там же. С.3.
- ¹⁶ Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.
- ¹⁷ Туркменская Искра. 1990. 27 мая.
- ¹⁸ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.
- ¹⁹ Казахстанская правда. 1990. 9 июня.
- ²⁰ Советская Киргизия. 1990. 23 сентября.
- ²¹ Приведем состав этого комитета: Вилия Алекнайте, Казимерас-Витаутас Крижявичус, Римантас Маркаускас, Габриэлис-Янас Мисцевичус, Эверистас Райшоутис, Миндаугас Стаквильвичус, Арунас Эйгирдас, Гема Юркунайте // Эхо Литвы. 1992. 22 декабря.
- ²² Состав комитета: Юозас-Гедиминас Баранаускас, Ромуалдас Игнас Блошкис, Брониславас Гензялис, Ромуалда Гофертене, Юозапас-Альгирдас Каткус, Йонас Кубилюс, Витаутас Лютикас, Юрас Пожела, Альгирдас Поцюс, Аримантас-Ювенциус Пашканис, Саулюс Шальтянис, Юозапас Тартилас, Альгимантас-Повилас Таурас, Пранцашкус Тупикас, Повилас Якутенис // Эхо Литвы. 1992. 22 декабря.
- ²³ Эхо Литвы. 1992. 22 сентября.
- ²⁴ От французского bureau — бюро, канцелярия и греческого kratos — сила, власть, господство.
- ²⁵ «Существует теория, — иронично отмечал Норкот Паркинсон в знаменитой книге «Мышеловка на меху», — что любая контора, насчитывающая тысячу служащих, может быть административно самодостаточной. Этот специальный термин обозначает управление, которому не требуются ни объекты для управления, ни другие ведомства для переписки, ни какие-либо внешние контакты. Такая контора способна существовать за счет производимых ею служебных бумаг — начальники ее отделов полностью заняты тем, что читают отношения, которые составляют друг для друга. Ее штаты имеют тенденцию разбухать вне зависимости от количества работы или даже при отсутствии таковой. До тех пор, пока статус руководителя будет измеряться количеством его подчиненных, главная контора будет продолжать расти и разветвляться...» (Цит. по: *Хасбулатов Р. И.* Бюрократия тоже наш враг... Социализм и бюрократия. М., 1989. С. 7.

2.2. КТО И КАК ГОТОВИЛ ЗАКОНЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

- ¹ Московские новости. 1992. 7 июня.
- ² Советская Эстония. 1988. 30 октября.
- ³ Советская молодежь. 1989. 1 февраля.
- ⁴ Советская Латвия. 1989. 7 мая.
- ⁵ Советская Латвия. 1989. 23 апреля.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Оба доклада опубликованы в изложении. Советская Латвия. 1989. 5 мая.
- ⁸ Цит. по *Червонная С. М.* Гражданские движения в Литве. Т. 1. Молодой Саюдис. М., 1993. С. 128.
- ⁹ Эхо Литвы. М., 1992. 6 мая.
- ¹⁰ Правда Украины. 1989. 3 ноября.
- ¹¹ Правда Украины. 1989. 5 сентября.
- ¹² Там же.
- ¹³ Правда Украины. 1989. 5 сентября. Справедливости ради надо напомнить, что эту обидную для двуязычного человека формулу придумал Б. Олейник, обнародовавший ее с высокой трибуны I Съезда Народных депутатов СССР.

- ¹⁴ Правда Украины. 1990. 4 августа.
¹⁵ Известия. 1992. 26 февраля.
¹⁶ Известия. 1992. 26 февраля.
¹⁷ Союз. 1990. № 3. С. 13.
¹⁸ Казахстанская правда. 1989. 2 августа.
¹⁹ Казахстанская правда. 1989. 22 августа.
²⁰ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.
²¹ Там же.
²² Союз. 1990. № 15. С. 19.
²³ Союз. 1991. № 10 (62). С. 5.
²⁴ Literatura si Arta. 1989. 5 iulil.
²⁵ Правда Востока. 1989. 18 июня.
²⁶ Правда Востока. 1989. 22 июля.
²⁷ Правда Востока. 1989. 11 октября.
²⁸ Правда Востока. 1989. 24 октября.
²⁹ Дурденевский В. Н. Равноправие языков в советском строе. М., 1927.
³⁰ Союз. 1990. № 8. С. 9.
³¹ «Идеологическое» и «языковое» самореформирование Президента Украины стало одним из излюбленных сюжетов ерничающих журналистов. «Конечно, Кравчук, — писал после провала попытки очередного октябрьского (1993 г.) переворота падкий на сенсации «Московский комсомолец», — секретарь по идеологии ЦК КП Украины, киевский Штирлиц с риском для жизни скрывал знания ридной мовы. По-русски изъяснялся без малейшего акцента» (Московский комсомолец. 1993. 7 октября).
³² Известия. 1993. 23 сентября.

2.3. ПОРЯДОК И ЭТАПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОВ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ (ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

- ¹ Хасбулатов Р. И. Бюрократия тоже наш враг... // Социализм и бюрократия. М., 1989. С. 5.
² Советская Эстония. 1989. 22 января.
³ Советская Литва. 1989. 26 января.
⁴ Советская Латвия. 1989. 7 мая.
⁵ Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.
⁶ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.
⁷ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
⁸ Правда Востока. 1989. 24 октября.
⁹ Туркменская Искра. 1990. 27 мая.
¹⁰ Известия. 1993. 4 сентября.
¹¹ Союз. 1990. № 50. С. 2.
¹² Эхо Литвы. 1992. 19 июня.
¹³ Эхо Литвы. 1992. 19 июня.
¹⁴ Союз. 1990. 7 февраля. С. 10.
¹⁵ Союз. 1990. № 7. С. 10.
¹⁶ Дурденевский В. Н. Равноправие языков в советском строе. М., 1927. С. 40.

2.4. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ (ПЛАНОВО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

- ¹ Правда Украины. 1990. 4 августа.
² «Сколотаю авизе» («Учительская газета»). 1989. 18 января; Советская Латвия. 1989. 23 апреля.

- ³ «Циня». 1989. 28 июня.
- ⁴ Советская Латвия. 1989. 7 мая.
- ⁵ См. подробнее и более полный перечень: «Закон Эстонской ССР о языке...». Фирма Сигналет. Таллин, 1989.
- ⁶ Коммунист. 1989. 16 августа.
- ⁷ Бакинский рабочий. 1989. 19 августа.
- ⁸ Заря Востока. 1989. 25 августа.
- ⁹ Комсомолец Таджикистана. 1989. 16 июля.
- ¹⁰ Первый проект закона о языке был опубликован 14 апреля 1989 г. См. Комсомолец Таджикистана. 1989. 14 апреля.
- ¹¹ Комсомолец Таджикистана. 1989. 16 июля.
- ¹² Мероприятия по обеспечению функционирования государственного языка на территории Киргизской ССР. Пользуясь случаем, выражаю благодарность А. Асанканову, предоставившему в мое распоряжение этот, труднодоступный в Москве, не опубликованный в широкой печати документ.
- ¹³ Советская Молдавия. 1989. 22 августа.
- ¹⁴ Комсомолец Туркменистана. 1989. 2 ноября.
- ¹⁵ Казахстанская правда. 1990. 1 июля.
- ¹⁶ Советская Белоруссия. 1990. 25 сентября.
- ¹⁷ Текст документа любезно предоставлен В. П. Нерознаком.
- ¹⁸ Российская газета. 1991. 11 декабря.
- ¹⁹ Советская Латвия. 1989. 5 мая.
- ²⁰ Голос Америки. 1990. 5 сентября.

2.5. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК И РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ)

- ¹ Советская Латвия. 1989. 7 мая.
- ² Советская Молдавия. 1989. 31 марта.
- ³ Правда Украины. 1989. 5 сентября.
- ⁴ Советская Латвия. 1989. 5 мая.
- ⁵ Гражданское движение в Латвии. 1989. М., 1990. С. 69.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Закон Эстонской ССР о языке и связанные с его применением материалы. Таллин, 1989. С. 11.
- ⁸ Мероприятия по обеспечению функционирования государственного языка на территории Киргизской ССР. Фрунзе, 1989. Июль. С. 33.
- ⁹ Казахстанская правда. 1990. 1 июля.
- ¹⁰ Советская Белоруссия. 1990. 25 сентября.
- ¹¹ Союз. 1990. № 2. С. 10.
- ¹² Союз. 1990. № 2. С. 10.

2.6. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

- ¹ Союз. 1990. № 3. С. 24.
- ² Машинописная копия «Пояснительной записки» хранится в текущем архиве ЦИМО. С. 9.
- ³ См. подробнее: Союз. 1990. № 3. С. 22—23.
- ⁴ Союз. 1990 № 38 С. 17.
- ⁵ Пользуясь случаем, выражаю свою признательность Джонатану Пуулу за интересное обсуждение рукописного варианта его доклада.

- ⁶ Союз. 1991. № 49 (101). С. 16
⁷ Советская Латвия. 1989. 7 мая
⁸ Советская Латвия. 1989. 6 мая.
⁹ Союз. 1991. № 30 (82). С. 10.

2.7. ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ (ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

- ¹ Союз. 1990. № 38. С. 17
² Союз. 1990. № 38. С. 17
³ Русская идея. М., 1992. С. 389—390
⁴ Советская Латвия. 1989. 7 мая
⁵ Союз. 1990. № 50. С. 2
⁶ Эхо Литвы. 1992. 18 августа
⁷ Независимая газета. 1993. 15 июля
⁸ Союз. 1990. № 38. С. 17
⁹ Казахстанская правда. 1990. 1 июля
¹⁰ Комсомолец Туркменистана. 1989. 2 ноября
¹¹ Союз. 1991. № 38 (82). С. 10
¹² (Постановление НКП РСФСР «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г.). Согласно этому декрету, «все национальности, населяющие Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе». Цит. по: Культурное строительство в СССР 1917—1927. Разработка единой государственной политики в области культуры. Документы и материалы / Отв. редактор А. П. Ненароков. М., 1989. С. 83.
¹³ Имеется в виду Постановление НКП РСФСР «О школах национальных меньшинств от 31 октября 1918 г.» См.: СУ РСФСР, 1918. № 80. С. 835
¹⁴ Культурное строительство в СССР. 1917—1927. С. 84
¹⁵ Там же. С. 85

2.8. ВОПРОСЫ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ

- ¹ Солоневич Иван. Народная монархия. М., 1991. С. 13, 14.
² Fishman Joshua A. Who Speak What Language to Whom and When? Linguistique. 1965. № 2. P. 67—88.
³ Казахстанская правда. 1990. 1 июля.
⁴ Советская Белоруссия. 1990. 25 сентября
⁵ Комсомолец Туркменистана. 1989. 2 ноября
⁶ Советская Молдавия. 1989. 22 августа
⁷ Советская Белоруссия. 1990. 25 сентября
⁸ Михальченко В. Ю. Законы о языках: социолингвистический аспект // Русский язык и литература в Киргизской школе. 1991. № 3. С. 30.
⁹ Баскаков А. Н. Национально-языковое развитие в республиках Средней Азии // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 306.
¹⁰ Там же. С. 307.
¹¹ Комсомолец Туркменистана. 1989. 2 ноября.
¹² Казахстанская правда. 1990. 1 июля.
¹³ Мероприятия по обеспечению функционирования государственного языка на территории Киргизской ССР. Фрунзе, 1989. Июль. С. 45—48.
¹⁴ Союз. 1991. № 7 (59). С. 19.

¹⁵ См., например: Этнополитическая мозаика Башкортостана. М., 1992—1993. Т. I—III.

¹⁶ Независимая газета. 1993. 15 сентября.

¹⁷ Ильин И. А. Россия есть живой организм // Русская идея. М., 1992. С. 433.

¹⁸ Культурное строительство в СССР 1917—1927. Разработка единой государственной политики в области литературы: Документы и материалы / Отв. ред. А. П. Ненароков. М., 1989. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 86.

2.9. ОППОЗИЦИЯ МОБИЛИЗОВАННОГО ЛИНГВИЦИЗМА

¹ Цит. по: Шлезингер Артур М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 138.

² Советская Молдавия. 1989. 22 августа.

³ Литературная газета. 1993. 31 марта.

⁴ Союз. 1990. № 2. С. 10.

⁵ Известия. 1993. 20 марта.

⁶ Московские новости. 1989. № 37. С. 8.

⁷ Московские новости. 1989. № 37. С. 8.

⁸ Союз. 1991. № 8 (60). С. 19.

⁹ См. подробнее: Губогло М. Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик в 1959—1989 гг.: (По материалам переписей населения СССР) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Сер. А. Документ 32. М., 1992.

¹⁰ Союз. 1991. № 30 (82). С. 10.

2.10. ЗАПОЗДАЛОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ЦЕНТРА

¹ Союз. 1990. № 19. С. 7.

² Союз. 1990. № 2. С. 10.

³ Союз. 1990. № 7. С. 15.

2.11. ЯЗЫКОВОЙ РЕЖИМ И РАВНОПРАВИЕ ЯЗЫКОВ. СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КРИТЕРИИ БАЛАНСА

¹ Заря Востока. 1990. 9 августа.

² Независимая газета. 1993. 3 сентября.

³ См. подробнее: Guboglo Mikhail. Demography and Language in the Capitals of the Union Republics // Journal of Soviet Nationalities. Vol 1. ¹ 4. P. 1—42.

⁴ Dreifelds Juris. Immigration and Ethnicity in Latvia // Journal of Soviet Nationalities. Vol.1. № 4. P. 56.

⁵ Советская Латвия. 1989. 6 мая.

⁶ Там же.

⁷ Союз. 1990. № 11. С. 7.

⁸ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 50—51.

⁹ Вот откуда берут начало «списки»... людей, которых впоследствии будут увозить в никуда черные воронки.

¹⁰ Культурное строительство в СССР. 1917—1927. С. 100.

¹¹ Союз. 1991. № 50 (102). С. 20.

2.12. ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

¹ Известия. 1993. 14 апреля.

² Советская Латвия. 1989. 7 мая.

³ Советская Латвия. 1989. 7 мая.

⁴ Казахстанская правда. 1990. 1 июля.

⁵ Комсомолец Туркменистана. 1989. 2 ноября.

⁶ *Revel Jean-Francois*. Without Marx or Jesus. N. Y.: Garden Sity, 1971. P. 139.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

¹ *Геллнер Эрнст*. Нации и национализм. М., 1991. С. 102.

² Цит. по: *Шлезингер Артур М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 175.

³ *Крамарж К.* Русский кризис. Прага; Париж, 1925. С. 262—263.

⁴ Указанная здесь языковая антиномия в свою очередь отражает более широкую национальную антиномию, рассмотренную М. В. Иорданом в докладе «Самоопределение народов и целостность государства», представленном к XIX Всемирному философскому конгрессу. «С максималистской точки зрения доведенная до крайности (т. е. до отделения и образования самостоятельного национального государства) реализация права народов (речь идет о нации. — М. Г.) на самоопределение, — согласно М. Иордану, разрушает целостность многонационального государства, и сохранение во что бы то ни стало этой целостности отрицает осуществление данного права. Названные требования, таким образом, исключают друг друга и потому несовместимы» (XIX World Congress of Philosophy. Moscow, 22—28 August. 1993. Vol. 2. Section 17).

⁵ *Мирская З.* Проблема справедливости в советской науке // Вестник Российской Академии. Т. 63. № 3. 1993. С. 199.

⁶ Там же.

⁷ На побережье Азовского моря эти поселения возникли в середине XIX в.

⁸ Союз. 1990. ¹4. С. 14.

⁹ *Skutnabb-Kangas T.* Multilingualism and the Education of Minority Children // *Minority Education from Shance to Struggle* / Ed. by T. Skutnabb-Kangas and I. Cummins.. Philadelphia: Clevendon, 1988. P. 13.

ЧАСТЬ III

ЛОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ МОБИЛИЗОВАННОЙ ЭТНИЧНОСТИ

2. ЭНЕРГИЯ ПАМЯТИ

(О РОЛИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ)

¹ *Лихачев Д. С.* Земля родная, М., 1983. С. 49.

² *Белов В.* Длинною в жизнь. Кишинев, 1984. С. 529.

³ *Распутин Валентин*. Против беспамьяства // Наш современник. 1988. № 1. С. 169.

⁴ Здесь и далее все ссылки на текст романа «И дольше века длится день» даются без указания страниц по изданию: *Айтматов Чингиз*. И дольше века длится день. Фрунзе, 1981.

⁵ *Кузнецов А.* Божий промысел // Наш современник. 1991. № 4. С. 19.

⁶ *Гамзатов Расул*. Мой Дагестан. Махачкала, 1974. С. 259.

⁷ Там же. С. 260.

⁸ Московские новости. 1990. 18 марта. Цит. по: *Капустин М. П.* Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М. 1990. С. 467.

⁹ Неделя. 1991. 3—9 июня.

¹⁰ См. об этом: *Булгаков М.* Собр. соч. Т. 5. М., 1990. С. 631.

¹¹ *Сталин И.* Соч. Т. 5. М., 1947. С. 238.

- ¹² Там же. С. 241.
- ¹³ «Съезд, решительно осуждая оба этих уклона (великорусский шовинизм и национализм не-великорусских народов. — М. Г.), как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать на особую опасность и особый вред первого уклона в сторону великодержавности, колониаторства». КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917—1924. М., 1970. С. 255—256.
- ¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917—1924, М., 1970. С. 433—443.
- ¹⁵ *Сталин И.* Соч. М., 1947. Т. 5. С. 181—194.
- ¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917—1924. М., 1970. С. 406—407.
- ¹⁷ Там же. С. 437, 438 — 439.
- ¹⁸ *Сталин И.* Соч. Т. 5. С. 262.
- ¹⁹ Цит. по: *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 59.
- ²⁰ Цит. по: *Шафаревич Игорь.* Есть ли у России будущее? М., 1991. С. 405.
- ²¹ Программа НФБ.
- ²² Наш современник. 1988. № 1. С. 170
- ²³ См. об этом подробнее: Социально-культурный облик советских наций. По материалам этносоциологического исследования. М., 1986. С. 435—446.
- ²⁴ *Андреев Ю. А.* По земле Вологодской. Литература и социология. М., 1977. С. 392—394.
- ²⁵ *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 403.
- ²⁶ *Mozur Joseph P.* Dufting «mancurt's cap». Chingiz Aitmatov's «The day Lasts More than a Hundred Years», and the Turkish National Heritage // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. № 605. University of Pittsburg, 1987.
- ²⁷ *Айтматов Чингиз.* И дольше века длится день. Фрунзе, 1981. С. 295.
- ²⁸ Там же. С. 6.
- ²⁹ *Уэллс Г.* Россия во мгле. М. 1959. С. 28.
- ³⁰ Цит. по: *Шафаревич И.* Указ. соч. М. 1991. С. 343—344.
- ³¹ *Шукуров Шариф.* Что такое культура ислама // Литературная жизнь. 1991. 5 июня.
- ³² Возрождение. 1988. № 1. С. 16.
- ³³ Рыжков Николай. Перестройка: История предательства. М., 1992. С. 361—362.
- ³⁴ Цит. по: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 231.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. П., 1922.
- ³⁶ Цит. по: *Греков И. Б.* Указ. соч. С. 262.
- ³⁷ Там же. С. 306.
- ³⁸ *Гамзатов Расул.* Указ. соч. С. 302.
- ³⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. VI. 1941—1954. М., 1971. С. 119.
- ⁴⁰ Там же. С. 131.
- ⁴¹ Там же. С. 106—112.
- ⁴² Там же. С. 124—129.
- ⁴³ Там же. С. 195—209.
- ⁴⁴ Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра: Туркменский романический эпос. М., 1971; Рустамхан: Узбекский героико-романический эпос. М., 1972; Маадай-Кара: Алтайский героический эпос. М., 1973; Кобланды-Батыр: Казахский героический эпос. М., 1975; Башкирский народный эпос. М., 1975.

- ⁴⁵ Гер-Оглы: Туркменский героический эпос. М., 1983; Манас: Киргизский героический эпос. М., 1984. Кн. 1.; Строптивый Кулун Куллустуур. Якутское олопох. М., 1985; Манас: Киргизский героический эпос. М., 1988. Кн. 2.; Алтын Арытг. Хакасский героический эпос. М., 1988; Манас. Киргизский героический эпос. М., 1990. Кн. 3.
- ⁴⁶ *Гамзатов Расул*. Указ. соч. С. 27.
- ⁴⁷ *Манас*. Киргизский героический эпос. М., 1990. Кн. 3. С. 488.
- ⁴⁸ Там же. С. 332.
- ⁴⁹ Известия. 1991. 11 июня.
- ⁵⁰ Литературная газета. 1986. 26 ноября.
- ⁵¹ Подробнее см.: *Айриян А. П.* О социально-экологической очаговости болезней человека. Ереван, 1985.
- ⁵² Литературная газета. 1987. 29 июля.
- ⁵³ *Гамзатов Расул*. Указ. соч. С. 59.
- ⁵⁴ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ⁵⁵ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.
- ⁵⁶ Правда Востока. 1989. 24 октября.
- ⁵⁷ Комсомолец Таджикистана. 1989. 2 августа.
- ⁵⁸ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.
- ⁵⁹ Советская Молдавия. 1989. 3 сентября.
- ⁶⁰ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 116—117.
- ⁶¹ Казахстанская правда. 1989. 28 сентября.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Советская Киргизия. 1989. 29 сентября.
- ⁶⁴ Правда Востока. 1989. 24 октября.
- ⁶⁵ Цит. по.: Российская газета. 1991. 24 мая.
- ⁶⁶ Российская газета. 1991. 5 июня.
- ⁶⁷ Alexandre Bennigsen and Marie Broxup. The Islamic Threat to the Soviet State. New York: St. Martins Press, 1983. P. 62.
- ⁶⁸ Книжное обозрение. 1986. 25 июля.
- ⁶⁹ *Балаян Зорий*. Очаг. Ереван. С. 41.
- ⁷⁰ Там же. С. 63, 315.
- ⁷¹ Цит. по: *Еремеев Д. Е.* Ислам. Образ жизни и стиль поведения. М. 1990. С. 195.
- ⁷² Манас. М., 1990. Кн. 3. С. 376.
- ⁷³ *Гамзатов Расул*. Указ. соч. С. 286.
- ⁷⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1917—1924. М., 1970. Т. 2. С. 246—256. 433—443.
- ⁷⁵ *Губогло М. Н., Червонная С. М.* Крымско-татарское национальное движение. М., 1992. Т. 2. С. 44—46.
- ⁷⁶ Там же. Т. 1. С. 77.
- ⁷⁷ Литературная Россия. 1989. 20 октября.
- ⁷⁸ Ташкентский процесс... Суд над десятью представителями крымско-татарского народа (1 июля—5 августа 1969 г.). Амстердам. 1976. С. 178—179.
- ⁷⁹ Там же. С. 60.
- ⁸⁰ Там же. С. 39—40.
- ⁸¹ Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Нью-Йорк: Хроника. Вып. 2. С. 27.

- ⁸² Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII. Депортации народов СССР (1930—1950-е годы). М., 1992. Ч. I. С. 34—35.
- ⁸³ Правда. 1991. 18 мая.
- ⁸⁴ История Молдавской ССР. Кишинев, 1982.
- ⁸⁵ История армянского народа. Ереван, 1980. С. 277—427.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Московские новости. 1985. 6 января.
- ⁸⁸ *Балаян З.* Указ. соч. С. 314, 388, 385.
- ⁸⁹ Там же. С. 328—329.
- ⁹⁰ Там же. С. 9, 174, 43, 40.
- ⁹¹ Там же. С. 109, 16, 20, 21.
- ⁹² Там же. С. 64, 65.
- ⁹³ Там же. С. 29, 220, 344, 348, 354, 393.
- ⁹⁴ Книжное обозрение. 1986. 25 июля.
- ⁹⁵ Известия. 1991. 4 сентября.
- ⁹⁶ Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл. 1980. С. 1186.
- ⁹⁷ *Балаян З.* Указ. соч. С. 15.
- ⁹⁸ *Мадатов Г.* Победа Советской власти в Нахичевани и образование Нахичеванской АССР. Баку, 1958. С. 39.
- ⁹⁹ *Низами.* Афоризмы. Баку, 1982.
- ¹⁰⁰ *Балаян З.* Указ. соч. С. 299, 315.
- ¹⁰¹ Геноцид армян в Османской империи: Сборник документов и материалов. Ереван, 1986. С. 9.
- ¹⁰² *Балаян З.* Указ. соч. С. 8, 21, 298, 42, 387.
- ¹⁰³ *Сталин И.* Соч. Т. 5. С. 244—245, 247.
- ¹⁰⁴ *Гамзатов Расул.* Указ. соч. С. 73.
- ¹⁰⁵ *Бородай Ю. М.* Этнические контакты и окружающая среда // Природа. 1981. № 9. С. 83.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ *Базарбаев Ж. Б.* Опыт социологического изучения атеизма и религии. Нукус, 1979.
- ¹⁰⁸ Литературная газета. 1992. 26 августа.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ *Рыжков Николай.* Указ. соч. М., 1992. С. 198.
- ¹¹¹ Цит. по: *Чалидзе Валерий.* Национальные проблемы и перестройка. Вермонт: Бенсон, 1988. С. 148.
- ¹¹² Возрождение. 1988. № 1. С. 16.
- ¹¹³ Возрождение. 1988. № 1. С. 1.
- ¹¹⁴ Союз. 1991. № 22 (72). Май.
- ¹¹⁵ Лозунги армянского национального движения были, в частности, систематизированы и проанализированы в докладе А. Марутяна, с которым он выступил в конце мая 1990 г. в Алма-Ате на ежегодной сессии советских этнографов.
- ¹¹⁶ Едва ли не первой вопрос о необходимости изучения актуализации художественного наследия в социально-политическом становлении национальных движений сформулировала С. М. Червонная.
- ¹¹⁷ Декларации о суверенитете союзных и автономных республик. М., 1990. С. 27.
- ¹¹⁸ Правда. 1991. 11 июня.
- ¹¹⁹ Российская газета. 1991. 24 мая.

- ¹²⁰ Известия. 1991. 15 июня.
¹²¹ Правда. 1991. 15 июня.
¹²² Правда. 1991. 3 июня.
¹²³ Известия. 1991. 13 июня.
¹²⁴ Правда. 1991. 24 мая.
¹²⁵ Известия. 1991. 31 мая.
¹²⁶ Программа БНФ.
¹²⁷ Программа БНФ.
¹²⁸ Комсомольская правда. 1991. 8 июня.
¹²⁹ См., например: Современные национальные процессы в СССР. М., 1991.
¹³⁰ Литературная Россия. 1991. 7 июня.
¹³¹ Независимая газета. 1992. 28 августа.
¹³² Там же.
¹³³ *Сталин И.* Соч. Т. 5. С. 249.
¹³⁴ Известия. 1991. 4 сентября.
¹³⁵ *Губогло Михаил.* Крутые виражи суверенизации // Российская газета. 1992. 16 июля.
¹³⁶ Известия. 1992. 20 марта.
¹³⁷ Правда. 1991. 16 января.
¹³⁸ Известия. 1992. 31 июля.
¹³⁹ Известия. 1991. 30 января.
¹⁴⁰ Правда. 1991. 31 января.
¹⁴¹ Известия. 1992. 17 марта.
¹⁴² Известия. 1992. 27 августа.

3. СОПРОТИВЛЕНИЕ.

К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКИХ ТАТАР (От истоков движения до середины 1980-х годов)

- ¹ Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 434—435.
² *Паин Э. А.* Репатриация крымских татар: оценка вариантов регулирования процесса (предварительный анализ). М., 1990. С. 52—54.
³ Архив Центра по изучению межнациональных отношений Российской Академии наук.
⁴ См.: *М. Бозкойлю.* Кърымлы — значит крымский // *Авдет.* 1991. № 19 (22 августа). С. 3.
⁵ См.: *Арслан Кричинский.* Очерки русской политики на окраинах. Ч. 1. К истории религиозных притеснений крымских татар. Баку, 1919; *Озенбашлы.* Роль царского правительства в эмиграции крымских татар. Крым. 1926. № 2. С. 143—146. По данным Озенбашлы, за 130 лет господства русского самодержавия в Крыму от четырехмиллионного, компактно проживающего татарского населения в Крыму осталось на склонах гор около 150 тысяч. Масса крымских татар покидала свою родину отнюдь не добровольно, а под нажимом царской администрации, стремившейся «очистить Крым от туземцев».
⁶ *Бочагов А. К.* Милли Фирка: национальная контрреволюция в Крыму. Симферополь, 1930.
⁷ См.: Труды Крымского научно-исследовательского института. Симферополь, 1926—1930.

⁸ См.: *Баширов А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. № 2. С. 108—125.*

⁹ См.: *Крым. 1926. № 2. С. 190—191.*

¹⁰ Роль К. Е. Ворошилова в депортации крымско-татарского народа вскрыта в статье М. Сердара («От фонда “Крым”»), включенной в книгу «Живой факел. Самосожжение Мусы Мамута» (Нью-Йорк, 1986). Автор рассказывает, что в Крым К. Е. Ворошилов приехал в конце апреля 1944 г. с уже готовым планом выселения крымских татар; в городе Старый Крым, где он остановился, была инсценирована его встреча с «народом», требовавшим расстрелять всех татар как предателей и врагов Советского государства, на что Ворошилов заверил, что крымские татары будут наказаны. Ворошилов фигурирует также в воспоминаниях Решата Джемилева, который пишет: «Именно после приезда в Крым этого “легендарного героя” почему-то к нам, к крымским татарам, стали частенько заглядывать люди в офицерских погонах, как в одиночку, так и в сопровождении солдат, которые производили тщательные обыски и скрупулезные записи численного состава семьи» (*Решат Джемилев. Крым — крымские татары и мои размышления. Ташкент, 1979. С. 162. Машинопись в архиве ОКНД в Бахчисарае.*)

¹¹ Нельзя обойти молчанием в этой связи одну версию, довольно распространенную и, кстати, охотно взятую на свое идеологическое вооружение некоторыми активистами современного крымско-татарского национального движения (с большим пафосом излагает ее, например, Зарема Ахметова в своих выступлениях перед соотечественниками), — о том, будто непосредственным виновником, или точнее провокатором, склонившим Сталина к решению о выселении крымских татар, является активно действовавший в годы Великой Отечественной войны Советский антифашистский еврейский комитет. Упорно муссируется слух, что видные активисты этого Комитета (Эренбург, Лозовский, Брегман, называются и другие имена) обратились к Сталину с письмом-доносом на «предательское поведение» крымских татар в период оккупации и с просьбой о создании еврейской автономии в Крыму. Предполагается при этом, что Сталин «послушался» представителей антифашистского еврейского комитета только в одном: выселил крымских татар как «предателей»; Крым же для образования там еврейской национальной автономии не только не отдал, но и ответил на это (по принципу «доносчику первый кнут») ликвидацией еврейского антифашистского комитета и увенчавшейся «делом врачей» антисемитской государственной кампанией, которая едва не завершилась и массовой депортацией еврейского населения из европейского региона СССР в Сибирь. Видимо, у этой версии есть свои основания, поскольку она все чаще проникает в печать. Об этом речь идет в мемуарах Н. С. Хрущева. В публикации мемуаров Э. Котляра — сына одного из руководителей еврейского комитета С. О. Котляра — можно встретить следующее примечание: «В прессе не было также и сообщений о том, что именно послужило прямым толчком к развязыванию антиеврейской кампании. Теперь это известно... До Сталина дошли сведения о планах создания еврейской автономии в Крыму» (*Котляр Э. Клеймо // Дружба народов. 1991. № 7. С. 207*). История эта представляется нам запутанной и не слишком достоверной. Непонятно, в частности, выдвинул ли еврейский комитет идею создания еврейской автономии в Крыму до выселения крымских татар (и спровоцировал это выселение) или после, когда речь могла идти о заселении полупустующего Крыма. Выяснение этих обстоятельств не входит в нашу задачу и в целом представляется неблагоприятным занятием, ибо ни к чему, кроме обострения совершенно нелепого и бессмысленного «крымско-татарско-еврейского конфликта», привести не может.

- ¹² См: Открытое письмо русских друзей крымских татар; Обращение крымско-татарского народа к XXIII съезду КПСС; выступление Тимура Пулатова в журнале «Дружба народов» и др. материалы.
- ¹³ См. напр.: *Алексеева Людмила*. История инакомыслия в СССР. Новейший период... С. 110.
- ¹⁴ Серьезное обсуждение концептуальных основ и национальных особенностей логики коллективных действий народа состоялось на майской (1990 г.) сессии Научно-исследовательского Центра Дьюкского Университета (Северная Каролина, США) «Торговые отношения и коммуникации между Востоком и Западом» (Директор Центра — профессор Джерри Хафф). С докладом «Логика коллективных действий в обществах советского типа» выступил профессор университета Мэриленд Мансур Олсон, автор одной из важнейших публикаций в области политологии (The Rise and Decline of Nations. New Haven: Yale Univ. Press, 1982), переведенной на ряд языков. См. *Olson Mansur*. The Logic of Collective Action in Soviet-type Societies // Journal of Soviet Nationalities. Vol. 1. 1. 2. 1990. P. 8—27; *Hough Jerry F*. The Logic of Collective Action and the Pattern of Revolutionary Behavior // Ibid. P. 34—65;
- ¹⁵ Упоминание о таких фактах содержится в: Хроника текущих событий. Нью-Йорк. Вып. 31. С. 135—136, 145—146, 148—149.
- ¹⁶ Цит. по кн.: Ташкентский процесс... С. 53—55.
- ¹⁷ Там же. С. 57.
- ¹⁸ Там же. С. 58.
- ¹⁹ Опубликовано в сб.: Национальный вопрос в СССР... С. 255—269.
- ²⁰ Ташкентский процесс... С. 64.
- ²¹ Там же. С. 88—89.
- ²² Там же. С. 91, 110—111.
- ²³ Там же. С. 192—195.
- ²⁴ Национальный вопрос в СССР. Сборник документов... С. 321.
- ²⁵ Цит. по кн.: *Алексеева Людмила*. История инакомыслия в СССР... С. 117—118.
- ²⁶ Там же. С. 118—119.
- ²⁷ Ташкентский процесс... С. 98.
- ²⁸ Там же. С. 101—107.
- ²⁹ Цит. по кн.: *Алексеева Людмила*. Указ. соч. С. 121.
- ³⁰ Там же. С. 124.
- ³¹ Там же. С. 127.
- ³² «Памятная записка» НДКТ председателю государственной комиссии по проблемам крымских татар В. Х. Догужиеву от 30 августа 1990 г. Архив Центра по изучению межнациональных отношений Российской Академии наук.
- ³³ Ташкентский процесс... С. 97—98.
- ³⁴ Цит. по кн.: *Алексеева Людмила*. Указ. соч. С. 123.
- ³⁵ Там же. С. 124.
- ³⁶ *Кадьев Роллан*. Падение // Правда Востока. 1981. 12 февраля. С. 4.
- ³⁷ Ташкентский процесс... С. 512—513.
- ³⁸ *Алексеева Людмила*. Указ. соч. С. 124.
- ³⁹ Там же. С. 124.
- ⁴⁰ Там же. С. 126.
- ⁴¹ История самосожжения Мусы Мамута наиболее подробно изложена в кн: Живой факел... Нью-Йорк, 1986.
- ⁴² См. полный текст этого письма во 2 томе.
- ⁴³ *Алексеева Людмила*. Указ. соч. С. 128.

ЧАСТЬ IV
ПРИНЦИПЫ И ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

1. ТИПОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СРЕД ПРИ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОМ
ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

- ¹ Федосеев П. Н. Теоретические проблемы развитого социализма и коммунистического строительства. Коммунист. 1976. № 15. С. 50. См. также: Советская Эстония. 1976. 2 декабря.
- ² См.: Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973. С. 313—314.
- ³ По данным переписи населения 1959 г. было рассчитано процентное соотношение всех национальностей, внесенных в разработочную таблицу, подготовленную ЦСУ МССР для каждого района в отдельности. В следующей далее группировке районов решающее значение придавалось двум признакам: доле той национальности, численность которой абсолютно превосходила число представителей всех других национальностей того же района, и доле второго по количеству народа.
- ⁴ Расчетами охвачено значительное число городского и сельского населения Молдавии. При определении удельного веса национальностей в каждом из 32 районов не было сделано ни одного исключения. Практически в исчислениях отсутствует население четырех городов республиканского значения: Кишинева, Тирасполя, Бельцев и Бендер. Население остальных пяти городов республиканского подчинения (Кагула, Оргеева, Рыбницы, Сорок и Унген) включено в статистические расчеты.
- ⁵ Это вызвано тем, что гагаузское и болгарское население юга республики проживает в селах с численностью до 8 тыс. человек (например, с. Конгаз Комратского района). Новое районирование значительно изменило этнический состав.

2. К ИЗУЧЕНИЮ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СВЕТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ БАЛКАНИСТИКИ

- ¹ См., например: *Guboglu Mikhail. Gunev — Dogu Avrupa, da bazi turkoloji meseleleri ve bunlarin onemleri // Quatrieme Congrès International des Études du Sud-Est Européen (Ankara—18 août, 1979), 1979. P. 73—81.*
- ² *Иванова Ю. В. Балканская этнография в СССР // Балканские исследования. Вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР. М.: Наука, 1979. С. 164—184.*
- ³ *Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М.: Наука, 1971; Курьлев В. П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. М.: Наука, 1976; Серебрякова М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М.: Наука, 1979.*
- ⁴ *Бромлей Ю. В. Этнографическое изучение славянских народов в СССР // Сов. славяноведение. 1978. № 6. С. 19.*
- ⁵ *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Он же. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977; и др.*
- ⁶ *Марков Д. Ф. Новый этап исследований истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы // Сов. славяноведение. 1976. № 3. С. 10—18.*
- ⁷ См., например: *Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья (Киевская Русь и ее славянские соседи). М.: Наука, 1972; Королюк В. Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе*

и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М.: Наука, 1975; и др. Публикации, отмеченные в примечаниях к данной статье, не имеют исчерпывающего обзорно-исторического характера и приводятся лишь в качестве иллюстрации.

- ⁸ См., в частности, библиографию кн.: *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России. Дюктябрьский период. Л.: Наука, 1972.
- ⁹ *Кляшторный С. Г., Ромодин В. А.* Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник. 1970 г. М.: Наука, 1970. С. 148—162; *Потапов Л. П.* Этнографические изучения тюркских народностей в СССР за советский период // Там же. С. 163—175.
- ¹⁰ *Шкорпил К., Шкорпил Х.* Паметници на Одессос // Годишен отчет на Ваарненската мъжка гимназия за 1897—1898 Г. Варна, 1898, С. 6 и др.; *Занетов Г.* Българското население в средните векове. Русе, 1901, С.1; *Цонев Б.* История на българския език // Университ. библиотека. 1919. Кн. 8. С. 65.
- ¹¹ *Милетич Л.* Старото българско население в Североизточна България. София, 1902; *Он же.* Найнови изследвания по етнографията на гагаузите // Периодическо списание. 1905. Кн. XVI, № 3—4. С. 256—275.
- ¹² *Коев И.* Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура // Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971. С. 57—61.
- ¹³ Подробнее см.: *Губогло М. Н.* Этническая принадлежность гагаузов: (Историография проблемы) // Сов. этнография. 1967. № 3. С. 159—167.
- ¹⁴ *Денисов П. А.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969; *Федоров А. Я., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 44—84; и др.
- ¹⁵ *Станчев Ст., Иванов Ст.* Некрополът до Нови пазар. София, 1958. С. 110; *Мавродинов Н.* Старобългарското изкуство XI—XIII в. София, 1966.
- ¹⁶ См.: *Мавродина Р. М.* Русь и кочевники // Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978. С. 210—221.
- ¹⁷ *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы по истории и археологии. 1958. № 62; *Она же.* От кочевий к городам // Там же. 1967. № 142; *Она же.* Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966; *Он же.* Общественный строй Золотой Орды. М., Изд-во МГУ, 1973.
- ¹⁸ *Губогло М. Н.* Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. М.: Изд-во МГУ, 1967.
- ¹⁹ *Губогло М. Н.* Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1968. С. 51—60; *Он же.* Гагаузская терминология по скотоводству // Тюркская лексикология и лексикография. М.: Наука, 1971. С. 217—236; *Он же.* Гагаузская антропонимия как этногенетический источник // Советская тюркология. Баку, 1972. № 2, С. 84—92.
- ²⁰ *Гандев Х.* Условия за образуване на българската народност // Етногенезис и културно наследство на българския народ. С. 67.
- ²¹ *Еремеев Д. Е.* Язык как этногенетический источник // Сов. этнография. 1967. № 4. С. 62—74; *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976. С. 30—47.

- ²² Бернштейн С. Б. Балканская тюркология в СССР // Балканские исследования. Вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР. М.: Наука, 1979. С. 222—231; *Он же*. Тюркский языковой мир и балканистика. См. данный выпуск. С. 254—264.
- ²³ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1962; Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка: фонетика и морфология. М.: Наука, 1964; Танасоглу Д. Н. Сложноподчиненное предложение в современном гагаузском языке. Баку: Элм, 1965; Гагаузско-русско-молдавский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Сов. Энцикл., 1973.
- ²⁴ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. 1900. № 1; 1901. № 1, 2, 4; 1902. № 3, 4; *Он же*. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы. СПб., 1904. Т. X; *Он же*; Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г. // Изв. Рус. геогр. о-ва. 1904. Т. X.
- ²⁵ Маринов Васил. Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагазите в североизточна България. София, 1956.
- ²⁶ Маруневич М. В. Поселения, жилище и усадьба гагаузов южной Бессарабии в XIX — начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1980.
- ²⁷ Курогло С. С. Поминальные обычаи и обряды у гагаузов // Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук. 1975. № 3; *Он же*. Гагаузские обычаи, обряды и верования, связанные со смертью и похоронами // Там же. 1977. № 1; Курогло С. С., Филимонова М. Ф. Прошлое и настоящее гагаузской женщины. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1976.
- ²⁸ Манов А. Н. Потеклото на гагазите. Техните обычаи и нравы. Варна, 1938.
- ²⁹ Губогло М. Н. Социально-культурное развитие гагаузов: (Программа исследования и некоторые вопросы методики) // Изв. АН МССР. 1977. № 3. С. 59—66.
- ³⁰ Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А. С. Тверитиновой. М.: Наука, 1964. Т. 1; 1969. Т. 2.

3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И МЕНЬШИНСТВА В СИСТЕМЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

- ¹ География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983; Малые и дисперсные группы в Европейской части СССР (География расселения и культурные традиции). М., 1982. Этнические группы в городах Европейской части СССР (Формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987.
- ² Старовойтова Г. В. Этнические группы в современном городе. Л., 1987.
- ³ Правда. 1988. 27 мая.
- ⁴ Конституция СССР. Конституции Союзных Советских Социалистических Республик. М., 1978. С. 17, 20, 22, 26.
- ⁵ Программа КПСС. Новая редакция. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 156.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Цит. По Кукушкин С. Ю. Чистяков О. И. Очерк истории советской Конституции. М., 1987. С. 245.
- ⁸ Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 513.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.
- ¹⁰ Советская Эстония. 1988. 18 июля.
- ¹¹ Бакинский рабочий. 1988. 17 сентября.

- ¹² Правда 1988. 27 мая.
¹³ Там же.
¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 209.
¹⁵ Там же. Т. 41. С. 342.
¹⁶ Кукушкин С. Ю. Чистяков О. И. Указ. раб. М., 1987. С. 242.
¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 152.
¹⁸ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988. С. 197.
¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 240
²⁰ См. Губогло М. Н. О разработке научной основы вопросов интернационального воспитания // Актуальные проблемы формирования интернациональной зрелости учащейся зрелости молодежи. Рига. 1987. С. 15.
²¹ Правда. 1988. 29 июня.
²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 209
²³ Там же. Т. 45. С. 361.

4. О ЗАДАЧАХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ

- ¹ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 41.
² Советская Башкирия. 1990. 24 июня.
³ Тексты федеративного договора, комментарии к ним, а также фамилии лиц, подписавших их, опубликованы в первом номере информационного бюллетеня «Этнополитический Вестник России». 1992. № 1. С. 1—6 и др.
⁴ Этнополитический Вестник России. М., 1992. № 1. С. 1.
⁵ Независимая газета. 1992. 23 октября.
⁶ Там же.
⁷ Московские новости. 1992. 25 октября.
⁸ Прихожаев Ю. Г. Латвия—89: Фронты. Союзы. Ассоциации: (Аналитический обзор) // Гражданские движения в Латвии. М.: ЦИМО, 1990. С. 22—58; Кульчик Ю. Г., Румянцев С. И., Чичерина Н. Г. Гражданские движения в Таджикистане: Аналитический обзор // Гражданские движения в Таджикистане. М.: ЦИМО, 1990. С. 13—114; Терешкович П. В. Общественные движения в современной Белоруссии // Гражданские движения в Белоруссии. М.: ЦИМО, 1991. С. 9—35; Элебаева А. Б., Бешимов Б. Ж. Современные гражданские движения в Кыргызстане // Гражданские движения в Кыргызстане. М.: ЦИМО, 1991. С. 51—86.
⁹ Новые общественно-политические организации, партии и движения: Информационно-аналитический обзор. М., 1990. Вып. 1. 39 с., вып. 2 39 с., вып. 3. 39 с., вып. 4. 29 с., вып. 6. 51 с., вып. 7. 52 с. См. также: Общественные объединения, политические партии и КПСС: достижимо ли согласие?: (Аналитический материал) / Сост. С. Д. Котов М.: АОН ЦК КПСС, 1991; Политика и идеология № 1. Политические партии и блоки. Отдел ЦК КПСС по связям с общественно-политическими организациями. М., 1991.
¹⁰ Трегуб Г. М. Парламентаризм советский: истоки, многопартийность, блоки. М., 1991. С. 31—78.
¹¹ Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: Справочник. Т. I. Ч. 1, 2. М., 1991.
¹² См. подробнее опубликованный текст доклада: Губогло М. Н. Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 38.
¹³ Не путать с серией коллективных монографий, опубликованных Научным Советом по национальным проблемам Президиума АН СССР, председателем которого был

академик Е. М. Жуков, а вслед за ним академик Ю. В. Бромлей, по итогам ежегодно проводимых научных или научно-практических конференций.

- ¹⁴ *Кульчик Ю. Г., Румянцев С. И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова. М., 1991; *Емельянов В. М.* Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г. М., 1991.
- ¹⁵ *Арутюнов С. А., Анчабадзе Ю. Д.* О национальной ситуации на Северном Кавказе. М., 1990 г.
- ¹⁶ *Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А.* Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области. М., 1990; *Тер-Саркисянц А. Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области. М., 1990; *Бушков В. И.* О некоторых аспектах межнациональных отношений в Таджикской ССР. М., 1990; *Брусина О. И.* О некоторых причинах межэтнического конфликта в Ошской области. М., 1990; *Сагнаева С. К.* Состояние и перспективы развития межэтнических отношений в г. Уральске Казахской ССР. М., 1991; *Кульчик Ю. Г., Румянцев С. И.* О развитии общественно-политической ситуации в ССР Молдова. М., 1991; *Гурвич И. С., Батъянова Е. П.* Современное развитие межнациональных отношений в Чукотском автономном округе. М., 1991; *Осипов А. Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев). М., 1991; *Жорницкая М. Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май-июнь 1990 г.). М., 1991; *Григорьева Р. А.* Некоторые особенности этнокультурных процессов в Восточной Латвии (Латгалии). М., 1991; *Остроух И. Г., Шервуд Е. А.* К вопросу о состоянии межэтнических отношений в Узбекской ССР. М., 1991; *Абашин С. Н., Бушков В. И.* Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана. М., 1991; *Молчанов М. А.* Этнополитические предпосылки объявления независимости Украины. М., 1991; *Бушков В. И., Микульский Д. В.* Общественно-политическая ситуация в Таджикистане: январь 1992 г. М., 1992;
- ¹⁷ *Брук С. И.* Немцы в СССР: современная ситуация. М., 1990; *Калиновская К. П., Марков Г. Е.* Национальная и межэтническая ситуация в области расселения ногайцев: (По материалам Ногайской этнографической экспедиции ИЭ АН СССР и кафедры этнографии истфака МГУ в августе 1989 г. в Ставропольском крае, Ногайском районе Дагестанской АССР). М., 1990; *Соколова З. П.* Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов на материале Сургутского и Нижневартовского районов Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области). М., 1990; *Иванова Ю. В.* Греческое население Грузии: современные межэтнические отношения. М., 1990; *Она же:* Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии. М., 1991; *Емельянов В. М.* Основные этапы этнополитической эволюции польской национальной группы в Литве в 1990 г. М., 1991; *Кузнецов А. И., Миссанова М. И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития. М., 1991;
- ¹⁸ *Васильев В. И.* Проблемы национального развития малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (по материалам Шурышкарского района). М., 1990;
- ¹⁹ *Тишков В. А.* Этничность и власть в СССР: (этнополитический анализ республиканских органов власти). М., 1991; *Брук С. И.* Народы СССР в стране и за рубежом. М., 1991;
- ²⁰ *Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы: кто есть кто? М., 1990; Криминологи о неформальных молодежных объединениях: «Круглый стол», М., 1990; Некоторые аспекты

«неформального движения» в г. Москве в преддверии выборов в республиканские и местные Советы: Информбюллетень идеологического отдела Октябрьского РК КПСС г. Москвы № 11. М., 1990; Неформалы: кто они? Куда зовут? / Под общ. ред. В. А. Печенева. М., 1990; Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / Сост. В. Н. Березовский, Н. И. Кротов. М., 1990; Неформальная волна. М., 1990; Неформальные объединения молодежи и идеологическая борьба. М., 1988; и др.

²¹ Новые общественно-политические движения и организации в СССР: Документы и материалы // Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1990. Ч. I—III; Новые общественно-политические движения и организации в СССР // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 145—161; Новейшие политические партии и течения в СССР (документы и материалы) / Под общей редакцией Б. Ф. Славина. М., 1991; Тихомиров Б. И. Политический атлас СССР (политические партии, неформальные организации, общественные движения). М., 1991; и др.

²² Худавердян В. Ц. «Альтернативное» движение: анализ мировоззренческих основ. М., 1988.

²³ Кургинян С. Постгосударственная стадия системного кризиса. М., 1992. С. 11—12.

²⁴ Климантович Николай. Средний класс и возможность действия. М., 1992. С. 11—12.

²⁵ Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение. Том I. История. Проблемы. Перспективы. М., 1992.

²⁶ Что делать?: В поисках идей совершенствования межнациональных отношений. М., 1989.

²⁷ Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5—19.

²⁸ Козлов В. И. Между этнографией, этнологией и жизнью // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 3—14; Басилов В. Н. Этнография: есть ли у нее будущее? // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 3—17.

ЧАСТЬ V.

ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩНОСТЬ

СИМБИОЗ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

¹ См.: Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника. Т. 1. Авт.-сост. Д. М. Исаков, под ред. М. Н. Губогло. М., 1998. С. 43.

² Татарстан. Основы политического устройства и краткая характеристика экономики: (Справочник). М., 1996. С. 10.

³ Подробнее см.: Аринин А. Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века // Федерализм власти и власть федерализма / Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1997. С. 6—107.

⁴ Тишков В. А. О феномене этничности // Ресурсы мобилизованной этничности. М.; Уфа, 1997. С. 71—106; Амелин В. В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997; Дробижева Л. М. и др. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996: Ресурсы мобилизованной этничности / Отв. ред. М. Н. Губогло. М.; Уфа, 1997; Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. Марты Олкотт, Валерия Тишкова и Алексея Малашенко М., 1997.

- ⁵ См., например, *Linz J. From Primordialism to Nationalism in the Developed West*. Edward A. Tirakian and Ronald Rosowski, eds. Boston: Unmint, 1983. P. 203—253; *Linz J. and Stepan A. Political Identities and Electoral Sequences: Spain, the Soviet Union and Yugoslavia*. Daedalus, 1992. P. 123—139. *Линц*. Формирование государств и нации. Панорама-форум. 1997. № 1. С. 78—102.
- ⁶ Не случайно первые публикации документов и материалов, осуществленные ЦИМО ИЭА РАН по замыслу проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», были посвящены гражданским движениям. См.: Гражданские движения в Латвии. 1989. М., 1990; Гражданские движения в Таджикистане. М., 1990; Гражданские движения в Белоруссии: Документы и материалы. М., 1991. Гражданские движения в Кыргызстане. М., 1991.
- ⁷ Цит. по: Суверенный Татарстан... Т. 1. М., 1998. С. 109—114.
- ⁸ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, Российская газета. 1996. 4 июня.
- ⁹ *Басина Елена*. Кривое зеркало Европы // Pro et Contra. Т. 2. ¹ 4. 1997. С. 99.
- ¹⁰ Nationalism, Ethnic Conflict and Conceptions of Citizenship and Democracy in Western and Eastern Europe. Volume II: National perspectives. Utrecht. 1994. P. 37—45.
- ¹¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1993. С. 4.
- ¹² Комментарий законодательства государств — участников СНГ о гражданстве. М., 1996. С. 15.
- ¹³ Там же. С. 173.
- ¹⁴ Там же. С. 244.
- ¹⁵ Там же. С. 77, 123.
- ¹⁶ Там же. С. 138.
- ¹⁷ Там же. С. 201.
- ¹⁸ Там же. С. 230.
- ¹⁹ Там же. С. 113.
- ²⁰ Там же. С. 150.
- ²¹ Там же. С. 95.
- ²² Там же. С. 215.
- ²³ Декларация о государственном суверенитете Советской Социалистической Республике Адыгее // *Джарипов А. А. Адыгее: от автономии к республике*. М., 1995. С. 206.
- ²⁴ Более подробные данные в виде серии таблиц условных и безусловных распределений будут опубликованы в подготавливаемой книге об идентификации идентичности.
- ²⁵ *Rogers C. R. On Becoming a Person*. Boston: Houghton Mifflin, 1961. P. 128.
- ²⁶ См., например: Вечерняя Казань. 1997. 11 ноября, 14 ноября; Республика Татарстан. 1997. 15 и 22 ноября; Молодежь Татарстана. 1997. 13, 20 и 27 ноября; Казанские Ведомости. 1997. 15 ноября; Молодежь Дагестана. 1997. 21 ноября; Новое дело. 1997. 21 ноября; Аргументы и факты. Дагестан. 1997. 19 ноября и другие.
- ²⁷ Суверенный Татарстан... Т. 1. С. 54.
- ²⁸ Подробнее см.: Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1997. Декабрь. № 5 (16). С. 9—23.
- ²⁹ Там же. С. 15—16.
- ³⁰ Там же. С. 16.
- ³¹ Независимая газета. 1997. 22 октября.
- ³² Бюллетень... С. 13.
- ³³ *Тишков Валерий*. Национальности и паспорт // Известия. 1997. 4 ноября.

- ³⁴ Бюллетень... С. 19.
- ³⁵ Там же. С. 10.
- ³⁶ Там же. С. 18.
- ³⁷ Там же. С. 20.
- ³⁸ Независимая газета. 1997. 22 октября.
- ³⁹ Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 3.
- ⁴⁰ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Российская газета. 1996. 10 июля.
- ⁴¹ Индекс принятия представляет собой величину, показывающую во сколько раз доля русской молодежи, считающей себя гражданами России, превосходит долю титульной молодежи с такой же степенью убежденности.
- ⁴² Индекс отрицания — величина, показывающая во сколько раз доля титульной молодежи, убежденно не считающей себя гражданами России, превосходит аналогичную долю среди русской молодежи.
- ⁴³ Конституция Российской Федерации. С. 5, 6.
- ⁴⁴ Там же. С. 10.
- ⁴⁵ Там же. С. 12.
- ⁴⁶ Там же. С. 38.
- ⁴⁷ Российская газета. 1995. 17 февраля.
- ⁴⁸ Конституции республик в составе Российской Федерации: (Сборник документов). М., 1995. С. 35.
- ⁴⁹ Там же. С. 170—171.
- ⁵⁰ Там же. С. 288.
- ⁵¹ Там же. С. 330.
- ⁵² Там же. С. 35, 73, 105, 138, 157, 170, 195, 223, 254, 288, 330.
- ⁵³ Там же. С. 35.
- ⁵⁴ Там же. С. 170.
- ⁵⁵ Там же. С. 73.
- ⁵⁶ Там же. С. 105.
- ⁵⁷ Там же. С. 195.
- ⁵⁸ Там же. С. 254.
- ⁵⁹ Там же. С. 330.
- ⁶⁰ Там же. С. 138.
- ⁶¹ Там же. С. 223.
- ⁶² Там же. С. 288.
- ⁶³ Там же. С. 157.
- ⁶⁴ Михалева Н. А. Конституционные реформы в Российских республиках. Там же. С. 19.
- ⁶⁵ Там же. С. 363.
- ⁶⁶ Там же. С. 35.
- ⁶⁷ Там же. С. 73.
- ⁶⁸ Там же. С. 105.
- ⁶⁹ Гражданство Республики Карелия приобретает и прекращается в соответствии с Законом Республики Карелия и является равным независимо от оснований приобретения // Конституции республик... С. 170.
- ⁷⁰ Там же. С. 195.
- ⁷¹ Там же. С. 363.
- ⁷² Там же. С. 223.

- ⁷³ Там же. С. 254.
- ⁷⁴ Там же. С. 288.
- ⁷⁵ Там же. С. 330.
- ⁷⁶ Там же. С. 138.
- ⁷⁷ Там же. С. 157.
- ⁷⁸ Федерализм власти... С. 248.
- ⁷⁹ Там же. С. 249
- ⁸⁰ Там же. С. 250
- ⁸¹ В том числе с Кабардино-Балкарской Республикой (С. 254, 256), с Республикой Башкортостан (С. 261—262); с Республикой Северная Осетия—Алания (С. 266, 268).
- ⁸² В договоре «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Республики Бурятия» основное внимание уделено проблемам, в той или иной мере связанным с Байкалом. (Федерализм власти... С. 277—279).
- ⁸³ Федерализм власти и власть федерализма. С. 256.
- ⁸⁴ Конституции Республик... С. 35.
- ⁸⁵ Комментарий законодательства государств-участников СНГ о гражданстве. С. 174.
- ⁸⁶ Там же. С. 288
- ⁸⁷ Там же. С. 105
- ⁸⁸ Там же. С. 73
- ⁸⁹ Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника / Авт.-сост. Д. М. Исхаков, под ред. М. Н. Губогло. М., 1998. Т. 2. С. 135—136.
- ⁹⁰ Конституции республик... С. 330.
- ⁹¹ Там же. С. 330.
- ⁹² Там же. С. 105.
- ⁹³ «Приобретение гражданства Республики Дагестан соотечественниками, — гласит норма, — не влечет приобретения ими гражданства Российской Федерации, если это не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Конституции республик... С. 105.
- ⁹⁴ Послание Президента РТ М. Ш. Шаймиева Государственному Совету. Казань, 1996. С. 3.
- ⁹⁵ *Хаким Р.* Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань, 1993. С. 49.
- ⁹⁶ *Исхаков Д. М.* Современный национализм татар // Суверенный Татарстан. М., 1998. Т. 2.

АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Часть I. Язык, двуязычие, этничность

1. *Интегрирующая функция языка*

В кн.: Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975. С. 223—238.
В основу статьи положен доклад, прочитанный на одноименной конференции, состоявшейся в г. Москве в 1971 г.

2. *Языковые контакты и элементы этнической идентификации*

Доклад, прочитанный на IX Международном Конгрессе археологических и этнографических наук (сентябрь 1973 г., г. Чикаго, США). Доклад переведен на английский язык. Linguistic Contacts and Elements of Ethnic Identification.

3. *К изучению двуязычия в истории народов мира*

Впервые опубликовано в журнале: Советская этнография. 1977. № 5. С. 46—59.

4. *К изучению двуязычия в культурно-историческом аспекте*

В кн.: Национальный язык и национальная культура. М., 1978. С. 184—208.

5. *Современные этноязыковые процессы. (Опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения)*

В кн.: Расы и народы. Ежегодник 1979. М., 1979. С. 9—31. Переведена на вьетнамский язык. Журнал института этнографии КОН СРВ, «Зан ток», Ханой, 1980. № 3.

В дальнейшем на основе данной статьи была написана монография «Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия», опубликованная в 1984 г. в издательстве «Наука». В том же году была защищена докторская диссертация: «Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР» (рукопись. М., 1984. 448 с.).

6. *Двуязычие у национальных меньшинств Вьетнама: факторы распространения*

Статья впервые опубликована в журнале: Советская этнография. 1986. № 1. С. 22—32.

Переведена на вьетнамский язык. Написана по материалам комплексных экспедиций, работавших под руководством автора. Этносоциологические экспедиции были проведены объединенным коллективом ученых Института этнографии АН СССР и Института этнографии Комитета Общественных наук СРВ в северных провинциях Вьетнама в 1980—1983 гг., среди национальных меньшинств тай, нунг, тхай и мьонг.

В дальнейшем по сходной программе исследования были продолжены в Южном Вьетнаме среди чамов и некоторых других этнических групп.

Пользуясь случаем, выражаю свою глубокую признательность бывшему директору Института этнографии КОН СРВ Бе Вьет Дангу, с которым я когда-то вместе учился на кафедре этнографии МГУ, сотрудникам этого Института — Нгуен Ван Зую, До-Тхи Бинь, зам. директора Института

общественных наук (г. Хошимин) Мак Дьонгу, и многим другим, а так же моему бывшему аспиранту Ла Конг И, с блеском защитившему кандидатскую диссертацию на Ученом Совете Института этнографии АН СССР за многолетнее сотрудничество, за тяготы и прелести экспедиционной жизни во многих провинциях СРВ.

7. Факторы и тенденции развития двуязычия русского населения, проживающего в союзных республиках

В статье была сделана одна из первых попыток смещения акцента в исследованиях двуязычия нерусских народов СССР на изучение двуязычия русских. «История СССР», 1987. № 2. Переведена на английский язык.

8. Как два крыла в полете

Правда. 1988. 25 августа.

Перепечатана в республиканских газетах союзных республик бывшего СССР, а также в книгах:

1) Перестройка и межнациональные отношения. Минск, 1989;

2) СССР — наш общий дом. М., 1989.

Часть II. Мобилизованный лингвизм

Работа впервые опубликована в качестве монографии: Переломные годы. Т. 1. Губогло М. Н. Мобилизованный лингвизм. М., 1993. 303 с.

1. Введение

2. Языковая реформа

3. Реализация. Условия, механизмы, способы реализации языковых законов

4. Заключение

В сжатом виде переведена на немецкий язык. Sprachengesetzgebung und Sprachenpolitik in der UdSSR und in den Nachfolgestaaten der UdSSR seit 1989. Keln, 1994.

Не могу не выразить глубокую благодарность профессору Герхарду Симону, по инициативе и при поддержке которого краткий вариант этой книги был опубликован на немецком языке.

Часть III. Логика и психология мобилизованной этничности

1. Расскази, караван, рассказы

Работа опубликована на русском языке в виде предисловия к роману Диониса Танасоглу «Узун Керван. Долгий караван». (на гагаузском языке), Кишинев, 1985. С. 3—12. Первоначально статья, как и сам роман «Узун керван», была написана на гагаузском языке, так как предполагалось, что роман немедленно будет переведен на русский язык. Однако перевод не состоялся. Поэтому, по-видимому, правильным было решение автора романа Дионисия Николаевича Танасоглу предпослать гагаузскому тексту вступительную статью на русском языке. Это его желание совпало и с моим настроением представить этот роман в одном ряду с типологическими сходными произведениями Расула Гамзатова «Мой Дагестан», Владимира Чивилихина «Память», Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», сыгравшими огромную роль в подъеме национального самосознания народов бывшего Советского Союза.

2. *Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти*

Впервые опубликована в виде учебного пособия в помощь учителям литературы и истории. М., 1992.

Редактирование первого широкомасштабного гагаузского романа «Узун Керван» оказалось настолько интересным и «запало в душу», что я заинтересовался его социальным значением и ролью писателя в воспитании исторического менталитета и национального самосознания.

Знакомство с новинками исторической литературы и стало поводом для размышлений, которые С. К. Бондарева сочла возможным опубликовать отдельной книгой в виде учебного пособия.

За это ей — моя искренняя благодарность и признательность.

3. *Сопrotивление. К изучению национально-освободительного движения депортированных народов на примере крымских татар. (От истоков движения до середины 1980-х годов)*

Впервые опубликовано в монографии: Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение. Т. 1. История. Проблемы. Перспективы. М., 1992. С. 64—129.

Предисловие, включенный в данную книгу очерк «Сопrotивление», (Раздел II) «Вместо заключения» — были написаны М. Н. Губогло.

Раздел III. «Крымско-татарское национально-освободительное движение на подъеме» (1985—1991) — был написан С. М. Червонной. Раздел I «Крымско-татарское национальное движение: информационная база и историография» были написаны совместно.

Сильный эмоциональный накал данного очерка был предопределен, во-первых, ассоциациями из собственной биографии, поскольку моя семья подобно крымским татарам, была депортирована в августе 1949 г. из Молдавии в Западную Сибирь, во-вторых, высоким накалом национальных движений во второй половине 1991 г., когда писалась книга о крымско-татарском национальном движении и когда под ударами национальных движений на глазах рушился Советский Союз.

Часть IV. Причины и факторы этнополитической мобилизации

1. *Типология этнических сред при этносоциологическом изучении языковых процессов*

Впервые опубликована в кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1978.

В дальнейшем, через десять лет, на XII Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся 24—31 июля 1988 г. в г. Загребе (Югославия) был представлен доклад о проблемах двуязычия в иноэтнической среде. *Guboglo M. N.* «Bilingualism in Alien Ethnic environment: Problems of Study». Moscow: Nauka, 1988.

2. *К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики*

В основу статьи положен доклад, прочитанный на IV Международном Конгрессе по истории стран Юго-Восточной Европы. (Анкара—Стамбул 1979).

Впервые опубликована в кн.: Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 211—222.

3. *Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР*

Статья впервые опубликована в журнале: Советская этнография. 1989. № 1. С. 26—35. Переведена на английский язык.

Сокращенный вариант этой статьи, вызвавшей интерес у видных зарубежных исследователей (См., например, *Lapidus Gail. Gorbachev and the «National Question». Restructuring The Soviet Federation. Soviet Economy, 1989, p. 201—250*), был опубликован в журнале «Коммунист». 1989. № 10. С. 53—58.

«30 сентября — 1 октября 1988 г. в Сухуми состоялось совместное выездное заседание Межведомственного Научного совета по изучению национальных процессов при Президиуме АН СССР и Секции этнической социологии Советской социологической ассоциации (ССА), которое проходило в рамках Всесоюзной научной сессии по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 гг. На этом заседании, вызвавшем большой интерес у участников конференции (на нем присутствовало свыше 80 этнографов, историков, социологов, философов), по тем или иным аспектам межнациональных отношений в различных регионах нашей страны и проблемам их изучения выступило 12 человек.

В содержательном отношении работа Межведомственного Научного совета и Секции этносоциологии была продолжением пленарного заседания сессии, состоявшегося накануне, где был представлен доклад Председателя этого Совета — Ю. В. Бромлея «Этнография и изучение этнических процессов» и заслушан доклад Ученого секретаря Совета — М. Н. Губогло.

Некоторые положения доклада получили развитие в последующей научной деятельности автора. Так, например, предложение о разработке правовой основы межнациональных отношений и тезис о трех формах национальной автономии национально-государственной, национально-территориальной и национально-культурной был развернут в концепции огосударствления, доогосударствления и разгосударствления этнического фактора в национальной политике (см. Губогло М. Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. 1995. № 5, 6) и учтен при подготовке закона о национально-культурной автономии.

Идея о «самоактивизации каждой национальности» была реализована в ряде докладов по деинфантилизации. Положение о необходимости создания концепции национального фактора нашло свое отражение в принятой в 1996 г. «Концепции Государственной национальной политики, в разработке которой автору довелось принять участие. И, наконец, призыв к изучению этничности, этнополитических ситуаций и национальных движений увенчался разработкой проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве, по плану которого к середине 1998 г. издано 75 сборников очерков, документов и материалов.

4. *О задачах этнополитической антологии*

Впервые опубликована в виде введения к кн.: Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1. Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах. М., 1992. С. 17—32.

Первая попытка определения границ новой предметной области — этнополитологии, была предпринята в 1990г. Статья была опубликована в еженедельном приложении «Союз» к газете «Известия».

Часть V. Формирование российской государственно-гражданской общности (РГГО)

1. Этнодемографические портреты. Кто мы? Откуда мы? Какие мы?

Статья впервые была опубликована в первом номере информационно-аналитического бюллетеня Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации и Института этнологии и антропологии РАН. [Этнополитический вестник России (Этнополис). 1992. № 1. С. 118—121] журнал был задуман как периодическое издание, призванное давать своевременную и адекватную характеристику этнополитической ситуации в регионах Российской Федерации, освещать деятельность парламента в сфере национальной политики, национально-государственного устройства, информировать о результатах научных исследований в области этнологии и этнополитологии. Наряду с проблемно-аналитическими статьями в «Этнополисе» предполагалось публиковать информационно-справочные материалы, которые в совокупности составят своего рода этнографическую энциклопедию народов России.

Предлагаемая статья открывала рубрику публикаций на этногенетические темы, раскрывающие происхождение народов, населяющих Россию и пути их исторического и этнокультурного развития.

В этом же номере журнала были, в частности, опубликованы очерки об этногенезе абазин, абхазов, аварцев, подготовленные мной совместно с выдающимся этнографом Ю. Б. Симченко. 118 подобных очерков были нами опубликованы в 118 номерах приложения к газете Известия «Союз».

К сожалению, после расстрела Верховного Совета Российской Федерации в начале октября 1993 года, журнал перестал выходить в свет. Всего в 6 его номерах было опубликовано 18 очерков о происхождении народов.

2. Этностатистические портреты. Народы в таблицах или таблицы о народах

Впервые опубликовано в журнале «Этнополис». 1992. № 1. С. 134—136.

3. Симбиоз этнической и гражданской идентичности

Очерк составлен на основе материалов из двух доработанных докладов. Один из них «Формирование гражданской идентичности. Опыт молодежи России», был подготовлен и прочитан на конференции «Переосмысление отношений между США и Россией», организованной 27—28 февраля в Вашингтоне при поддержке фонда Карнеги. Пользуясь случаем, приношу свою благодарность участникам этой конференции — А. В. Малашенко, Е. М. Кожокину, Д. В. Тренину, Натану Глейзеру, Арнольду Горелику, принявшим участие в его обсуждении и сделавшим ценные замечания.

Второй доклад «Этничность, гражданственность, идентичность» (М., 1998. 74 с.), подготовленный при поддержке РГНФ, был обсужден на выездном заседании Президиума Ассоциации этнологов и антропологов России, состоявшемся 9 апреля 1998 г. в г. Оренбурге.

Выездное заседание было инициировано и проведено при активной поддержке В. В. Амелина, которому я выражаю свою особую признательность.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР
И В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

Ответственный редактор серии: **М. Н. ГУБОГЛО**

В серии опубликованы:

1. **Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР**, М., 1989. 295 с.
2. **Гражданские движения в Латвии**, М., 1990. 248 с.
3. **Гражданские движения в Таджикистане**, М., 1990. 212 с.
4. **Гражданские движения в Белоруссии**, М., 1991. 325 с.
5. **Гражданские движения в Кыргызстане**, М., 1991. 315 с.
6. **Русское дело сегодня.**
Том I. Память, М., 1992. 263 с.
7. Михаил Губогло. **Энергия памяти.** М., 1992, 128 с.
- 8-9. М. Н. Губогло, С. М. Червонная. **Крымскотатарское национальное движение.**
Том I. История. Проблемы. Перспективы., М., 1992. 330 с.
Том II. Документы. Материалы. Хроника., М., 1992. 340 с.
10. **Крымскотатарское национальное движение.**
Том III. 1991-1993 годы. М., 1996. 329 с.
11. **Крымскотатарское национальное движение.**
Том IV. С. М. Червонная. Возвращение крымскотатарского народа: проблема этнокультурного возрождения. М., 1997. 318 с.
- 12-14. **Этнополитическая мозаика Башкортостана.** Очерки. Документы. Хроника.
Том I. Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах, М., 1992. 302 с.
Том II. Башкирское национальное движение, М., 1992. 342 с.
Том III. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М., 1993. 340 с.
15. **Гражданские движения в Литве.**
Том I. С. М. Червонная. Молодой «Саюдис». М., 1993. 286 с.
- 16-19. **Дагестан: этнополитический портрет.** Очерки. Документы. Хроника.
Том I. Этнополитическая ситуация в очерках и документах государственных органов. М., 1993, 361 с.
Том II. Этнополитическая ситуация в очерках и документах Съезда народов Дагестана, многонациональных партий, движений и религиозных организаций. М., 1994. 312 с.
Том III. Этнополитические организации и объединения. М., 1995. 299 с.
Том IV. Этнополитические организации и объединения. М., 1995. 263 с.
20. **Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990 - 1992.** Документы. Материалы. М., 1993. 293 с.
21. **Общественные движения в Мордовии.** Документы. Материалы. М., 1993. 281 с.

- 22-23. Переломные годы.**
Том I. М. Н. Губогло. Мобилизованный лингвизм. М., 1993. 302 с.
Том II. Языковая реформа - 1989. Документы и материалы. М., 1994. 320 с.
- 24. Язык и национализм в постсоветских республиках.** М., 1994. 216 с.
- 25-26. Кабардино-Балкария.** Этнополитическая ситуация.
Том I. М., 1994. 243 с.
Том II. М., 1994. 311 с.
- 27-28. Эстония. Контурь этнополитической эволюции. 1988-1993 г.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994. 245 с.
Том II. М., 1994. 268 с.
- 29-30. Узбекистан: этнополитическая панорама.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994. 318 с.
Том II. М., 1995. 319 с.
- 31. Т. В. Таболина. Возрождение казачества. 1989-1994.** Истоки. Хроника. Перспективы.
Том I. Центр. М., 1994. 720 с.
- 32. Реабилитация народов и граждан. 1954-1994 годы.** Документы. М., 1994. 304 с.
- 33-34. Штрихи этнополитического развития республики Коми.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994. 313 с.
Том II. М., 1997. 316 с.
- 35. Автор-составитель Г. А. Комарова. Хроника межнациональных конфликтов в России. 1991 год.** М., 1994. 196 с.
- 36. Автор-составитель Г. А. Комарова. Хроника жизни национальностей в СССР. 1990 год.** М., 1996. 258 с.
- 37. Автор-составитель Г. А. Комарова. Хроника жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 год.** М., 1997. 322 с.
- 38-39. Калмыкия: этнополитическая панорама.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1995. 276 с.
Том II. М., 1996. 364 с.
- 40. В. И. Бушков, Д. В. Микульский. «Таджикская революция» и гражданская война (1989 -1994 гг.).** М., 1995. 310 с.
- 41-43. Национально-культурные автономии и объединения.** Историография. Политика. Практика. Антология. *Том I.* М., 1995. 316 с.
Антология. *Том II.* М., 1995. 317 с.
Антология. *Том III.* М., 1995. 300 с.
- 44-46. Северная Осетия: этнополитические процессы 1990 - 1994 гг.** Очерки. Документы. Хроника.
Том I. М., 1995. 296 с.
Том II. М., 1995. 272 с.
Том III. М., 1995. 261 с.

47. М. Н. Губогло. **Развивающийся электорат России.** Этнополитический ракурс.
Том I. Истоки. М., 1996. 376 с.
48. **Развивающийся электорат России.** Выборы - 93.
Том II. М., 1995. 320 с.
- 49-50. **Развивающийся электорат России.** Выборы - 95.
Том III. Выпуск 1. М., 1996. 300 с.
Том III. Выпуск 2. М., 1996. 314 с.
- 51-52. **Пробуждение финно-угорского Севера.** Национальные движения Марий Эл.
Том I. М., 1995. 326 с.
Том II. М., 1996. 324 с.
53. **Абхазский узел.** Документы и материалы по этническому конфликту в Абхазии. Вып. II. М., 1995. 371 с.
54. Афранд Дашдамиров. **Национальная идея и этничность.** 1996. 55 с.
- 55-56. В. В. Амелин, В. П. Торукало. **Оренбуржье в этнополитическом измерении.**
Том I. М., 1996. 247 с.
Том II. М., 1996. 265 с.
57. Валентина Торукало. **Нация: история и современность.** М., 1996. 320 с.
- 58-59. **Межэтнический мир Прикамья.**
Том I. М., 1996. 215 с.
Том II. М., 1996. 229 с.
- 60-62. **Многонациональный Одесский край: образ и реальность.** Документы. Очерки. Материалы.
Том I. Этнополитическая модернизация. М., 1997. 313 с.
Том II. Этнополитическая стратификация. М., 1997. 280 с.
Том III. Этнополитическая мобилизация. М., 1997. 272 с.
63. **Ресурсы мобилизованной этничности.** Москва-Уфа, 1997. 380 с.
64. Веналий Амелин. **Вызовы мобилизованной этничности.** Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997. 320 с.
- 65-66. **Непризнанная республика.** Очерки. Документы. Хроника. Документы государственных органов Приднестровья.
Том I. М., 1997. 292 с.
Том II. М., 1997. 228 с.
67. **Становление государственности Адыгеи.** Очерки и документы этнополитической истории (1990-1995 гг.)
Том I. М., 1997. 412 с.
68. **Федерализм власти и власть федерализма /** Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1997. 878 с.
69. Фаиль Сафин. **Принципы этнополитической истории Башкортостана.** М., 1997, 321 с.
70. Г. П. Лежава. **Между Грузией и Россией.** Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX - XX вв.). М., 1997. 380 с.
- 71-73. **Суверенный Татарстан.** Автор-составитель Д. М. Исхаков. Документы. Материалы. Хроника.

Том I. Суверенизация и движения к национально-культурной автономии. М., 1998. 280 с.

Том II. Современный национализм татар. М., 1998. 292 с.

Том III. Модель Татарстана. М., 1998. 304 с.

- 74. Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире.** Составитель С. М. Червонная. Под редакцией М. Н. Губогло. М., 1998. 456 с.
- 75. Т. М. Полякова. Менталитет полиэтнического общества (Опыт России) /** Под редакцией М. Н. Губогло. М., 1998. 424 с.

Михаил Николаевич Губогло

ЯЗЫКИ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Н. Григорян
Компьютерная верстка М. А. Зубаревой

Подписано в печать 18.05.98. Формат 70x90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Петербург.
Усл. изд. л. 59,5. Заказ № 3781 Тираж 400.

Издательство Школа «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071804 от 03.07.96.
Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

С апреля 1998 г. каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис»
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17)
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

